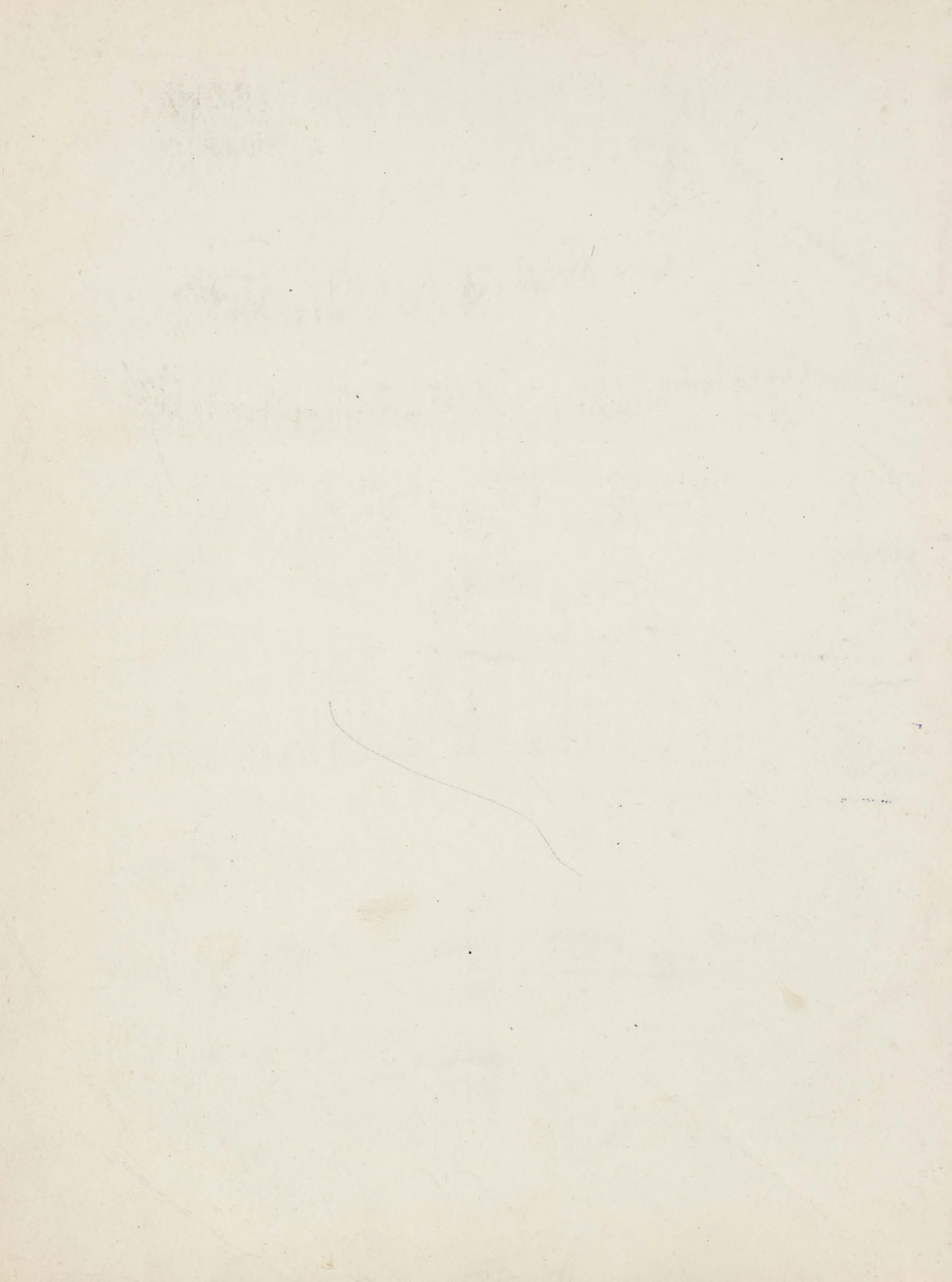
S
78
81



СТРОМАТЫ,

ТВОРЕНІЕ УЧИТЕЛЯ ЦЕРКВИ

КЛИМЕНТА АЛЕКСАНДРІЙСКАГО.

Съ

первоначальнаго текста

переводъ съ примѣчаніями

Н. КОРСУНСКАГО.

Ярославль.
Типографія Губернской Земской Управы.
1892.

Дозволено цензурою. Ярославль. 27-го іюня 1892 года.

„СТРОМАТЫ“,(*)

ТВОРЕНІЕ УЧИТЕЛЯ ЦЕРКВИ КЛИМЕНТА АЛЕКСАНДРІЙСКАГО.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

1. Тема творенія. Польза, какую писатели своими произведеніями доставляютъ читателямъ.

Начала недостаетъ . . . ., дабы подъ рукой ты прочиталъ оныя и могъ ихъ сохранить. Но слѣдуетъ ли никого не допускать до сочинительства или только нѣкоторыхъ? Если первое, то на что пригодны (уже и существующія) литературныя произведенія? Если же второе, то это значитъ позволять писать или людямъ дѣльнымъ или не состоящимъ таковыми. Но конечно смѣшно было бы, отвергая сочиненія людей дѣльныхъ, давать свободный ходъ произведеніямъ людей, таковыми не состоящихъ, (—обдѣлывателямъ). Тогда выходило бы, что Ѳеопомпу и Тимею, а кромѣ ихъ Епикуру, вчинателю безбожія, и еще Гиппонаксу и Архилоху позволительно распространять ихъ растлѣвающія мысли, проповѣднику же истины слѣдуетъ воспрепятствовать въ подачѣ помощи потомству!

Я именно такъ думаю, что прекрасно (въ пособіе) потомству оставлять послѣ себя добродѣтельныхъ дѣтей, не дѣтей плотскихъ, плодъ чрева, а сочиненія, внутреннѣйшей души плодъ, сердечныхъ убѣжденій итогъ (*). Съ самаго того часа, какъ они начали насъ обучать, по этому-то мы и называемъ ихъ отцами (**) Да кромѣ того мудрость (и сама

(*) Στρῶμα, все что разостлано, чтобы на томъ покоиться, лежать, сидѣть,—подстилка, постеля, полсть, коверъ. У Ѳеогниса, ст. 1193, такъ называются матрацы, одѣяла и вообще постельныя принадлежности, а также столовыя скатерти, но и на лошадей чепраки или попоны. Такъ какъ этого рода покровы и полсти обыкновенно отличались пестротой, то тѣмъ же словомъ per metaphoram назывались и сочиненія смѣшаннаго содержанія.

(*) Посредствующая мысль конечно такова: Мы и сами состоимъ вѣдь дѣтьми своихъ наставниковъ.

(**) потому т. е., что они порождаютъ въ насъ духовную жизнь, въ лицѣ насъ оставляя себѣ потомство, дѣтей. Св. Ириней, lib. IV, cap. 79: «Наученный называется сыномъ учившагося, а этотъ состоитъ ему отцомъ». Св. Злотоустъ въ бес. 11-й: «Дѣло отца не только сѣять, но и воспитывать». Св. Павелъ: *Хотя у васъ тысячи наставниковъ во Христѣ, но немного отцовъ, ибо благовѣствованіемъ я родилъ васъ во Христѣ Іисусѣ* (1 Кор. IV, 15). Много такихъ примѣровъ собираетъ самъ Климентъ въ III-й книгѣ Строматъ,

по себѣ, по своей природѣ) общительна и человѣколюбива (*). Соломонъ говоритъ посему: *Сынъ мой, если принявъ слова мои скроешь ты въ сердцѣ заповѣди мои, то прислушиваться будетъ къ мудрости ухо твое* (**) (Притч. II, 1, 2). Открываетъ онъ чрезъ это, что разумное ученіе душой наставляемаго должно быть воспринимаемо какъ сѣмя воспринимается землей и что она-то собственно и есть нива духовная. Посему и добавляетъ онъ: *И обратишь сердце твое въ сторону благоразумія; заявишь же оное во внушеніяхъ сыну* (своему) (Притч. III, 1). Душа соприкасается съ душой и умъ одного съ умомъ другаго; при посредствѣ слова одинъ производитъ въ другомъ посѣвъ, тѣмъ же словомъ заставляя сѣмя брошенное на эту землю (ученіе) произрастать и оное симъ словомъ оживотворяя.

А всякій наставляемый, полагаясь на ученіе своего учителя, состоитъ сыномъ ему. *Сынъ мой*, говоритъ Соломонъ, *наставленій моихъ не забывай* (Притч. III, 1).

гл. 15 и 16. Срав. также Стром. VI, въ гл. 1-й. Обычай это собственно еврейскій, гдѣ своихъ наставниковъ ученики называли отцами. Посему и Христосъ говоритъ: *И отцомъ себѣ не называйте никого на землѣ* (Мѳ. XXIII, 9). Маймонидъ (De studio legis, c. 1), объясняя мѣсто изъ Втор. VI, 7: *И внушай все это дѣтямъ твоимъ*, говоритъ: «Разумѣть нужно учениковъ, потому что ученики то тамъ то тутъ въ Писаніи весьма часто называются сынами». Приводятся въ примѣръ *сыны* пророческіе.

(*) Конечно такъ. Все внутреннее, всякая сила, —такъ требуется то природой человѣка,—стремится къ проявленію себя вовнѣ; и чѣмъ живѣе это внутреннее, тѣмъ настойчивѣе оно стремится протѣсниться наружу. Истинное значеніе науки состоитъ во вліяніи ея на жизнь; это—истинная ея природа. Этой идеей одушевляется каждый изъ ея истинныхъ адептовъ; она даетъ имъ мужество и силу изслѣдовать, утверждать изслѣдованное и защищать: они вѣдь желаютъ провесть то въ жизнь.

(**) Добавь: «И послушанье ей будетъ оказывать воля твоя». Таково именно значеніе слова ὑπακούσεται какъ у классиковъ такъ и въ Н. З.

Но такъ какъ *знаніе* составляетъ достояніе *не всѣхъ* умовъ (1 Кор. VIII, 7), то для большинства литературныя произведенія тоже, что лира для осла, какъ выражаются пользующіеся пословицами; по крайней мѣрѣ свиньи больше наслажденія себѣ въ грязи находятъ, нежели въ чистой водѣ (*). Посему Господь говоритъ: *Въ притчахъ къ нимъ Я обращаюсь, потому что они видя не видятъ и слыша не слышатъ и не разумѣютъ* (Мѳ XIII, 13). Не то это значитъ, что Господь осуждаетъ непросвѣщенность большинства,—такое пониманіе было бы преступнымъ,—но въ содержаніе души многихъ пророчески проникая и о немъ свидѣтельствуя, возвѣщаетъ Онъ, что и на будущее время не поймутъ они того, что имѣетъ быть говоримо передъ ними. Но то же самое открываетъ намъ Спаситель, когда изъ преизбыточествующаго изобилія своихъ богатствъ Онъ надѣлилъ рабовъ дарами, кои упражненіемъ должны были быть развиты. Тѣхъ изъ сихъ рабовъ, кои умножили свое сребро, надъ малымъ оказавшись вѣрными, Онъ одобряетъ; и возвѣстивши имъ, что надъ бо́льшимъ ихъ поставитъ, (тотчасъ за тѣмъ) повелѣваетъ имъ войти въ радость Господа. Обращаясь же къ рабу, ввѣренное ему серебро отъ обращенія изъ процентовъ укрывшему и возвратившему оное безъ всякой прибыли, сказалъ Онъ: *Злой рабъ и лѣнивый! Не долженъ ли ты былъ мое сребро отдать тѣмъ, кои обороты производятъ деньгами и пришедши Я получилъ бы мое* (съ прибылью) (Мѳ. XXVI, 27 и д.; Лк. XIX, 23 и д.). За это рабъ лѣнивый *выбрасывается во тьму внѣшнюю* (Мѳ. XXII, 13; XXV, 30). Итакъ *укрѣпляйся, сынъ мой*, какъ Павелъ говоритъ, *въ благодатномъ ученіи еже о Христѣ Іисусѣ и что слышалъ отъ меня при многихъ свидѣтеляхъ, то передай людямъ вѣрнымъ, которые будутъ способны и другихъ научить* (2 Тим. II, 1, 2). И опять: *Старайся явиться предъ Богомъ дѣлателемъ достойнымъ Его одобренія, не дѣлающимъ ничего такого, чего*

(*) Подобное въ «Увѣщаніи» гл. 10-й.

нужно было бы стыдиться, — преподающимъ слово (ученіе) *истины вѣрно* (2 Тим. II, 15).

Итакъ въ отношеніи возвѣщенія слова (*) есть два рода вѣрныхъ; одни это дѣлаютъ писательствомъ (**), другіе устно, живымъ голосомъ. И не оба ли эти рода вѣрныхъ достойны быть и принятыми (***), такъ какъ дѣятельную вѣру любовью доказываютъ? Винѣ же того, кто лучшаго не сдѣлалъ выбора, Богъ не причастенъ. Посему призваніе однихъ возвѣщать ученіе жизни, чтобъ принесло оно плодъ, задача же другихъ доказывать цѣнность его самой жизнью. Рѣшеніе же, на сторону ли сего ученія вѣры стать или оное отвергнуть, зависитъ отъ избирающихъ. Двумя способами себя заявляетъ разумѣніе сего спасительнаго ученія; одинъ, это—публичное возвѣщеніе о немъ, другой нѣкотораго рода благовѣстническая жизнь, благодѣтельность сего ученія собой на дѣлѣ доказывающая. Которымъ бы изъ двухъ этихъ способовъ на пользу сего ученія кто ни дѣйствовалъ, „жизнью или словомъ", (Иліады I, 77), въ обоихъ случаяхъ ученіе то онъ поддерживаетъ и успѣхамъ его содѣйствуетъ. Потому что *сѣющій въ духъ отъ духа* *пожнетъ жизнь вѣчную, добро же дѣлая, симъ да не утомляемся* (Гал. VI, 8. 9; срав Притч. XXII, 8; Рим. VIII, 13; Апок. II, 3; Евр. XII, 5, 12, 15). Тотъ, кого Божественное провидѣніе призвало заниматься дѣломъ проповѣди, становится при семъ обладателемъ величайшихъ благъ. Дѣйствуетъ онъ по принципу вѣры, въ гражданскую жизнь онъ приноситъ съ собой добрую волю, въ своей частной жизни онъ стремится къ простотѣ и естественности, къ непорочности; внутри себя онъ носитъ постоянное влеченіе къ изслѣдованію и изысканію, выслѣживая знаніе истинное; словомъ, имѣетъ тотъ въ своемъ призваніи средства и случай къ спасенію (*). Тѣ же, кто такими благовѣстниками бываютъ наставляемы въ семъ спасительномъ ученіи честно и искренне, воспринявъ въономъ вспомогательныя для достиженія вѣчной жизни средства, воспаряютъ на небо. Слово достоудивительно прекрасное изрекъ о честныхъ проповѣдникахъ истиннаго ученія Апостолъ. *Во всемъ*, говоритъ онъ, *мы оказываемся такими, какими быть подобаетъ служителямъ Божіимъ. Будучи бѣдными, многихъ обогащаемъ; ничего не имѣя, всѣмъ владѣемъ. Уста наши отверсты къ вамъ* (свободно мы высказываемъ свои требованія предъ вами) (2 Кор. VI, 4, 10, 11). *Заклинаю тебя*, говоритъ онъ въ посланіи къ Тимоѳею, (настоятельно прошу), *Бога во свидѣтели призывая и Христа Іисуса и избранныхъ* (досточтимыхъ) *Ангеловъ* и именемъ ихъ свидѣтельствуясь, что говорю истину: *сохрани это безъ предубѣжденія, ничего не дѣлая по пристрастію* (**) (1 Тим. V, 21). Необходимо та-

(*) Т. е. конечно христіанскаго ученія, называемаго такъ напр. Лк. I, 2; Мк. II, 2; Дѣян. IV, 4. Называется оно и *словомъ Божіимъ*, какъ въ Дѣян. VI, 2, 7; VIII, 14;—*словомъ Господнимъ:* Дѣян. XIII, 48, 49; —*словомъ благодати Господней:* Дѣян. XIV, 3;—*словомъ истины:* Еф. I, 13;—*словомъ истины евангельской:* Кол. 1, 5;—*словомъ жизни:* Фил. II, 16; — *словомъ о спасеніи:* Дѣян. XIII, 26.

(**) Срав. Стром. IV въ гл. 17 и VI въ гл. 11.

(***) Т. е. хорошо, съ пріязнію, съ одобреніемъ быть принятыми; такъ употреблено это слово 1 Тим. III, 3; V, 4;—похвалами и честію быть взысканы: Дѣян. XXIV, 3. Въ подобномъ смыслѣ употребляетъ это слово и Демосѳенъ напр. въ началѣ рѣчи «О союзѣ съ Александромъ»; тоже Платонъ въ Федонѣ: «Не считаю я себя стоющимъ сей похвалы» (ἀποδέχομαι). Сюнесій: «Мы хвалимъ сего оратора» (ἀποδεχόμεθα). Подобное у Лисія, у Филона, у Полибія, у Іосифа, у Евсевія.

(*) Т. е. средства и случай къ спасительному освобожденію себя изъ рабскаго служенія нечестію (Лк. I, 71; Дѣян. VII, 25; Евр. I, 14) и счастливой безгрѣшной жизни на сей землѣ (Лк. XIX, 9; Дѣян. IV, 12; XIII, 26; XVI, 17; Рим. I, 16; X, 1, 10; XIII, 11; 2 Кор. I. 6; VI, 2; VII, 10; Еф. I, 13), но блаженной и за гробомъ (Фил. II, 12; 1 Сол. V. 8, 9; 2 Сол. I, 13; 2 Тим. II, 10; III, 15; Евр. II, 10).

(**) Т. е. ничего не дѣлая по нечистому раз-

кимъ образомъ, чтобы и тѣ и другіе испытывали себя; одни,—словомъ ученію вѣры способствующіе,—въ томъ, достойны ли они того и заслуживаютъ ли ихъ сочиненія того, чтобъ быть имъ переданными въ потомство; другіе же,—ученіе вѣры выслушивающіе,—въ томъ, въ ту ли силу они его выслушиваютъ и вычитываютъ, въ какую говорится и пишется, и способны ли они къ правильному сужденію о немъ.

Конечно нѣкоторыми, по раздробленіи обычнымъ образомъ евхаристическаго хлѣба, допускается до участія въ таинствѣ весь народъ. Каждому при семъ позволяется брать его часть. Съ полнымъ ли и совершеннымъ вниманіемъ кто принимаетъ хлѣбъ сей или же онъ долженъ былъ бы отъ него отказаться, наилучшимъ свидѣтелемъ сего служитъ совѣсть. А для чистоты совѣсти благонадежною опорой состоитъ правая жизнь, согласующаяся съ таковымъ же ученіемъ. А къ уразумѣнію истинности ученія путь, это—слѣдовать другимъ, уже ранѣе насъ испытавшимъ на дѣлѣ истинность его; они же, въ совершенствѣ исполнившіе свои обязанности, могутъ быть для насъ примѣромъ и исполненія заповѣдей сего ученія. Такъ что *кто ѣстъ хлѣбъ сей или пьетъ сію чашу Господню недостойно, виновенъ противъ тѣла и крови Господней. Да испытываетъ же человѣкъ себя и такимъ образомъ отъ хлѣба да ѣстъ и пьетъ изъ чаши* (1 Кор. XI, 27, 28).

Тому, кто берется словомъ возвѣщать ученіе вѣры, посему слѣдуетъ обсуждать, изъ числа ли тѣхъ онъ, кои пользу ближняго при семъ имѣютъ въ виду. Онъ долженъ спрашивать самого себя: „Не изъ чванства ли онъ кинулся въ учительство или не изъ соперничества ли кому; а также, не изъ честолюбія ли онъ распространяетъ свое ученіе? Ставитъ ли онъ единственною себѣ наградой созиданіе слушателей; не льститъ ли кому изъ нихъ? Избѣгаетъ ли онъ всякихъ поводовъ къ обвиненію его въ корыстолюбіи? Настолько ли онъ можетъ сознавать себя свободнымъ за всю предшествующую жизнь отъ сребролюбія и подкупности, чтобы его ученіе могло претендовать на значеніе монументальнаго литературнаго произведенія? Скорѣе не тарабарщина ли оно“? *Никогда*, говоритъ Апостолъ, *мы не прибѣгали между вами, какъ сами знаете, къ слову льстивому, не дѣлали изъ своего служенія предлога къ удовлетворенію своего корыстолюбія: Богъ намъ въ томъ свидѣтель. Мы не искали славы отъ людей, ни отъ васъ, ни отъ другихъ. Мы въ качествѣ Апостоловъ Христовыхъ на васъ могли бы возложить заботу о своемъ существованіи. Но мы были кротки между вами, подобно какъ кормилица нѣжно обходится со своими дѣтьми* (1 Сол. II, 5—7).

Но по той же самой причинѣ (*) и расположенные къ принятію Божественнаго ученія должны тщательно беречься того плоскаго любопытства, которое въ города безцѣльно является и на городскія зданія безъ толку и безъ пользы для себя глазѣетъ; съ такими склонностями пусть никто къ намъ не приходитъ. А равнымъ образомъ никто сюда пусть не является по разсчету и на нѣкоторыя земныя и преходящія выгоды, услышавъ, что люди, посвятившіе себя Христу, дѣлятся съ другими всѣмъ необходимымъ въ жизни. Это ханжество и клянченье и говорить объ этого рода людяхъ здѣсь мы не будемъ. Если желаешь праведникомъ „не казаться лишь, а дѣйствительно имъ быть“, долженъ сознавать себя чистымъ и безупречнымъ и въ совѣсти (**).

Но такихъ немного. *Жатва обильна, а трудящихся мало. Молиться посему слѣдуетъ, дабы являлось большее число дѣлателей* (Мѳ. IX, 37, 38; Лк. X, 2).

счету, изъ видовъ, по склонности или большей расположенности къ одной сторонѣ; а дѣйствуй по внутреннему убѣжденію.

(*) Т. е. по обязанности преподавать слушателямъ лишь чистѣйшее ученіе и по чистѣйшимъ побужденіямъ.

(**) Намекъ на содержащееся въ трагедіи Эсхила «Семеро въ Ѳивахъ» прославленіе, имъ сказанное объ Амфіараѣ: «Не повидимому только онъ желаетъ наилучшимъ быть, но на самомъ дѣлѣ».

А воздѣлываніе поля церкви опять тоже двояко. Оно совершается двумя способами: одно при посредствѣ слова, не предаваемаго письмени, другое при посредствѣ слова записаннаго. Но которымъ бы изъ двухъ этихъ способовъ дѣлатель Господень ни разсѣевалъ благородную пшеницу, какимъ бы изъ обоихъ этихъ способовъ ни возращалъ онъ пшеничные колосья, а равнымъ образомъ которымъ бы изъ нихъ, тѣмъ или другимъ, ни доводилъ оные до зрѣлости, земледѣлатель истинно Божественный всегда объявится (*).

Заботьтесь не о пищѣ тлѣнной, говоритъ Господь, *а о пищѣ пребывающей въ жизнь вѣчную* (Іоан. VI, 27). Питаніе же совершается чрезъ принятіе пищи вещественной и чрезъ сообщеніе спасительнаго ученія. Что касается послѣдняго рода питанія, то по истинѣ *блаженны миротворцы* (Мѳ. VI, 9), здравымъ ученіемъ ставящіе на истинныя стези путниковъ, блуждающихъ по сей жизни. Черезъ сообщеніе имъ сего ученія они освобождаютъ ихъ изъ мрака невѣдѣнія, проникаютъ ихъ миромъ, какой даруется Логосомъ, а чрезъ освоеніе съ жизнью согласною съ закономъ Божіимъ, т. е. чрезъ надѣленіе ихъ симъ *хлѣбомъ небеснымъ* (Іоан. VI, 32), они и *насыщаютъ* эти души, *алчущія правды* (Мѳ. VI, 6). Но есть и еще умы, питающіеся особой пищею. Это души, развитіе коихъ совершается подъ вліяніемъ познаній и наукъ. Другія же изъ умовъ этого послѣдняго рода питаются Греческой философіей, въ которой какъ и въ орѣхахъ однакоже не все съѣдобно.

Но и *сѣющій и поливающій* одинаково подъ Богомъ возращающимъ ходятъ; и что касается служенія ихъ, то оба они *состоятъ однимъ и тѣмъ же*, т. е. слугами Божіими. *Награду же получитъ всякій смотря по труду, ибо мы Божіи соработники, а вы Божія нива, Божіе строеніе*, по Апостолу (1 Кор. III, 8, 9).

Но и это слушателямъ Божественнаго ученія не позволительно, чтобы они объ истинности его, достопочтенности и пріемлемости судили сравнивая оное съ другими ученіями. Ни передавать не слѣдуетъ сего ученія на обсужденіе людей, начиненныхъ всякаго рода человѣческими знаніями. Ни доказывать оное не подобаетъ пухлыми силлогизмами, къ чему склонны люди, душа коихъ полна еще предзанятыхъ мнѣній и отъ нихъ не опростана.

Кто началомъ для своей жизни избираетъ вѣру, въ томъ готова уже твердая почва для принятія Божественнаго слова. Въ вѣрѣ онъ имѣетъ совершенно согласный съ основаніями разума критерій вещей; и изъ этого-то преизобильнаго источника у него проистекаетъ и развивается убѣжденіе. На такую-то именно прочность начала вѣры и годность ея крѣпкихъ основъ для созиданія на нихъ и указываетъ пророческое слово: *Если не увѣруете, то и не уразумѣете* (Ис. VII, 9).

Итакъ доколѣ есть время, будемъ добро всѣмъ дѣлать, а наипаче своимъ по вѣрѣ (Гал. VI, 10). Каждый же изъ вѣрныхъ да поетъ съ благодареніемъ, повторяя слова блаженнаго Давида: *Окропишь меня иссопомъ и чистъ буду; меня омоешь и стану я бѣлѣе снѣга. Пошли мнѣ слышать радость и веселіе и возрадуются кости, Тобою пораженныя. Отврати лице Твое отъ грѣхъ моихъ и злодѣянія мои изгладь. Созижди во мнѣ, Боже, сердце чисто и внутрь*

(*) «Воздѣлываніе церковной нивы при посредствѣ писательства, говоритъ Рейнезій, Var. lect. l. I, c. 22, тѣми производится, кто собираетъ и учитъ общество церковное писаніями; устнымъ же на семъ полѣ земледѣланіемъ заняты тѣ, кои людей въ благочестіи назидаютъ и къ Господу приводятъ живымъ голосомъ, устно или, — что еще лучше,—примѣромъ христіански-честной и святой жизни, воспитанностью въ строгихъ и достопочтенныхъ правилахъ жизни, каковыя развиваются напр. въ книгахъ *Педагога*, имѣвшихъ задачей пробужденіе въ катехуменахъ добрыхъ склонностей воли, образованіе дѣйствій и утишеніе страстей. И можетъ быть въ первенствующія времена церкви многіе въ виноградникъ Господа шли благодаря именно этому безмолвному земледѣланію и назидательности благочестивыхъ примѣровъ, нежели подъ вліяніемъ ученія, какое обыкновенно развивается людьми учеными».

мнѣ даруй духъ новый твердый. Не отринь меня отъ Твоего лица и Духа Твоего Святаго отъ меня не отними. Утѣшь меня опять Твоею помощью и духъ во мнѣ поддержи свободный радостный (Пс. L, 9—14).

Кто живымъ голосомъ говоритъ къ присутствующимъ, тотъ посему и отъ времени относительно своихъ слушателей ждетъ указаній, но и самъ своимъ сужденіемъ рѣшаетъ и отъ другихъ разузнаетъ съ точностію, кто изъ нихъ его способенъ слушать. Онъ вдумывается въ ихъ рѣчи, слѣдитъ за характеромъ, наблюдаетъ привычки, жизнь, движенія, манеры, взгляды, голосъ,—или говоря языкомъ образнымъ,—распутія, каменистость почвы (Мѳ. XIII, 5), протоптанность пути, плодоносность почвы, лѣсистость мѣстности, легкородность почвы, годность ея для опредѣленныхъ растеній, ея воздѣланность и какого рода посѣвы она умножать можетъ.

Тотъ же, кто въ книгахъ себя передаетъ, претендующихъ на память въ потомствѣ, апеллируетъ къ самому Богу, своими литературными произведеніями какъ бы живымъ голосомъ взывая: „Не изъ за выгодъ, не изъ за тщеславія (Лк. XVIII, 11), не другой какою либо страстью побѣжденный, не изъ рабскаго страха и холопства, не удовольствіе свое преслѣдуя написалъ я это, а единственно благу читателей содѣйствуя, надеждою на оное живя и во всякомъ случаѣ на воздаяніе со стороны Того имѣющее воспослѣдовать, Кто обѣщалъ воздать дѣлателямъ платою достойною трудовъ ихъ“ (Лк. X, 7).

Христіанину же, въ реестръ мужей занесенному, въ списки людей зрѣлаго возраста и совершенство въ себѣ олицетворяющему, слѣдуетъ быть добродѣтельнымъ не изъ ожиданія награды, а единственно изъ любви къ Богу. Кто хвастается добромъ, какое сдѣлалъ онъ, тотъ за свое самовосхваленіе бываетъ лишаемъ награды. Исполняющій же какія бы то ни было изъ своихъ обязанностей изъ за вознагражденія или за точное исполненіе ихъ награды самъ ищущій или же свои обязанности исполняющій изъ опасенія ихъ нарушителемъ прослыть и за неисполненіе ихъ карѣ и взысканію подвергнуться, развѣ не по духу сего міра дѣйствуетъ? Слѣдуетъ, насколько то возможно, Господу подражать. Кто волѣ Божіей содѣйствуетъ, тотъ *даромъ принявши даромъ и отдаетъ* (Мѳ. X, 8). Награду достаточно великую онъ получаетъ уже въ самомъ своемъ сознаніи, что въ качествѣ свободнаго гражданина онъ благородно исполняетъ по отношенію къ государству и обществу обязанности на немъ лежащія. *Добыча блудницы да не принимается во святилище* (Втор. XXIII, 2, 8), говоритъ Господь (*). Посему же запрещено было приносить на жертвенный алтарь вымѣнянное на собаку (**).

А если у кого душевное зрѣніе дурнымъ воспитаніемъ и ученіемъ притуплено, тотъ пусть слѣдуетъ тому ученію, при свѣтѣ коего вещи представляются въ истинномъ ихъ свѣтѣ; тотъ пусть провѣряетъ себя тѣмъ здравымъ и чистымъ ученіемъ свящ. Писаній, кои чрезъ законы написанные открываютъ законы и по естеству намъ свойственные. *Жаждущіе идите на воду*, говоритъ Исаія (LV, 1). И Соломонъ убѣждаетъ: *Пей воду изъ твоихъ источниковъ* (Притч. V, 15). Посему и Платонъ, ставшій философомъ благодаря Евреямъ (***), въ сво-

(*) Филонъ тоже толковалъ, что mercedem meretricis non esse inferendum in sacra.

(**) Т. е. писатель выводитъ изъ сихъ постановленій еврейскаго законодателя и связываетъ съ ними тотъ смыслъ, что по нечистымъ побужденіямъ написанныя и нечистыми мыслями проникнутыя литературныя произведенія критики времени и суда Божія не выдержатъ.

(***) Подобное въ кн. II-й въ концѣ гл. 1-й «Педагога»: «Платонъ, ревностнѣе всѣхъ остальныхъ философовъ стремившійся къ истинѣ, блистаетъ въ своихъ твореніяхъ нѣкоторыми искрами еврейской философіи». Ниже писатель часто выражаетъ мысль и многими аргументами доказываетъ, что Платонъ и остальные греки почти всѣ свои ученія почерпнули изъ книгъ еврейскихъ. Минуцій въ «Октавіи»: «Примѣчаешь ли, что мы тоже говоримъ, что и философы? Не то это значитъ, что мы идемъ

ихъ „Законахъ“ совѣтуетъ земледѣльцамъ не орошать полей водой къ нимъ искуственно чрезъ каналы приближенной, а равнымъ образомъ и у другихъ водою не заимствоваться, не попытавшись предварительно на своей собственной землѣ докопаться до слоя такъ называемаго дѣвственнаго (*); только земледѣльцу, нашедшему тотъ слой безводнымъ, позволяетъ онъ искуственное своего поля орошеніе.

Несправедливо не оказать помощи душѣ смущенной, растерянной, пришедшей въ замѣшательство. Но не представляетъ собою дѣла достохвальнаго снабжать и лѣность вспомогательными средствами для достиженія успѣха(**). И Пиѳагоръ говорилъ, что если совершенно разумно пособлять кому нибудь въ поднятіи на себя тяжести, то изъ этого отнюдь еще не слѣдуетъ, что помогать нужно тому и снять ее съ себя(***). Писаніе, воспламеняя искру, тлѣющую въ нашей душѣ, обращаетъ взоръ ея внутрь ея существа; подобно земледѣльцу при семъ оно конечно нѣчто и влагаетъ въ душу, но и наличное въ ней оно возбуждаетъ и то на высоту поднимаетъ. *Но много между нами*, по Божественному Апостолу, *немощныхъ и больныхъ и не мало умираетъ. А если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы* (1 Кор. XI, 30, 31).

Литературное же это произведеніе не есть сочиненіе, написанное искуственно лишь для показности, нѣтъ. Оно представляетъ собою памятную книгу, есть лекарство памяти на старость. Въ ней собрано все достойное памяти. Она представляетъ собою правдивыя воспроизведеніе и очеркъ образцовыхъ мыслей, коими были проникнуты удивительныя и свѣтлыя, оживленныя и жизненныя рѣчи мужей блаженныхъ и достопамятныхъ, слушанія которыхъ я удостоился. Изъ нихъ одинъ блисталъ въ Греціи, и именно въ Іоніи (Ахаіи), другой цвѣлъ въ великой Греціи. Одинъ изъ нихъ происходилъ изъ Келе—Сиріи, другой изъ Египта. А еще другіе двое блистали на востокѣ; одинъ происхожденіемъ изъ Ассиріи, съ другимъ же познакомился я въ Палестинѣ и по рожденью онъ еврей былъ(*). Встрѣтился я съ нимъ лишь послѣ всѣхъ, но по духовнымъ способностямъ онъ первенствовалъ. На немъ-то успокоился я и съ удовольствіемъ остановился, поселясь въ Египтѣ и выслѣдивъ, что скрывается онъ здѣсь. Былъ онъ по истинѣ Сицилійскою пчелою (**). Съ пророческаго и апостольскаго луга сладость собирая, напечатлѣвалъ онъ въ душахъ слушателей мудрость нѣкоторую чистую и святую. Слушали они ученіе сіе, такъ осчастливливавшее ихъ и обогащавшее, непосредственно отъ святыхъ апостоловъ Петра, Іакова, Іо-

---

по слѣдамъ ихъ, но то, что относительно Божественныхъ постановленій ихъ разсужденія представляютъ отраженіе и заимствованіе мыслей пророческихъ». Противуположное сему говоритъ Лактанцій, lib. IV, cap. 2. Разумѣемое писателемъ мѣсто изъ De legibus Платона находится въ кн. VIII.

(*) У Платона: до глинозема. «О дѣвственной же землѣ» говоритъ Никандръ врачъ и поэтъ (ок. 150 г. до Р. Хр.) въ своихъ Alexipharmacis.

(**) Т. е. душѣ не чувствующей потребности въ спасительномъ ученіи навязываться съ нимъ. Плутархъ въ жизнеописаніи Солона: «Закономъ постановилъ: гдѣ есть общественный колодезь на разстояніе (отъ какого либо дома) гиппика (четырехъ стадій, или 500 шаговъ), позволяется пользоваться имъ; а если разстояніе до него отъ дома больше, то жителямъ рыть свой собственный колодезь; а еслибы роющіе не могли найти воды на глубинѣ 10 саженей, то имъ позволяется брать воду у сосѣда, но не болѣе какъ дважды на день, каждый разъ по 6 конгіевъ (конгій=3 кружкамъ). Законодатель думалъ, что нуждѣ слѣдуетъ помогать, лѣности же поддержки не оказывать».

(***) Плутархъ lib. VIII, cap. 7 Symp.—Кириллъ: «Не лѣности слѣдуетъ содѣйствіе оказывать, а добродѣтели».

(*) Разумѣется Пантенъ.

(**) Подобнымъ образомъ Ксенофонтъ называется «Аттическою пчелою». Лукрецій De rerum natura III, ст. 11, 12: «Какъ пчелы съ цвѣтоносныхъ мѣстностей все пробуютъ, такъ и мы всѣ золотыя изреченія усвоемъ».

анна и Павла (*). Будучи же ими принято отъ Апостоловъ, какъ сынъ принимаетъ наслѣдство отъ отца (какъ немногіе изъ сыновей на отцовъ походятъ!), по Божію изволенію оно дошло и до насъ, запавъ въ нашей душѣ сѣменами, завѣщанными намъ нашими предшественниками и Апостолами. И я увѣренъ, что мои слушатели восхитятся симъ. Не этому моему произведенію изъ за него самого, говорю, обрадуются, а тому единственно, что сохранено въ немъ преданіе.

Думаю, что именно душа, желающая неприкосновеннымъ сохранить блаженное преданіе, отражается въ слѣдующемъ изображеніи: *Мужъ любящій мудрость радуетъ Отца своего* (Притч. XXIX, 3). Колодцы, изъ коихъ воду постоянно берутъ, даютъ воду прозрачную; а вода тѣхъ, изъ коихъ никто не черпаетъ, портится (**). И желѣзо сохраняетъ блескъ благодаря лишь пользованію; оставленное же безъ употребленія оно покрывается ржавчиною. Скажу кратко: Совмѣстныя съ другими тѣлесныя и умственныя упражненія отзываются здоровьемъ и на тѣлѣ и на душѣ. *Никто не зажигаетъ свѣтильника за тьмъ, чтобы его поставить подъ постелью, а ставитъ его на свѣщникъ, дабы свѣтилъ всѣмъ* (Мѳ. V, 15; Мк. IV, 29; Лк. VIII, 16; XI, 33) приглашеннымъ на вечерю. Ибо что пользы въ мудрости, если она не умудряетъ того, кто внимаетъ ей? Но кромѣ того и Спаситель постоянно бодрствуетъ надъ сохраненіемъ преданія. Онъ *дѣлаетъ, какъ Отца видитъ дѣлающимъ* (Іоан. V, 17, 19). Уча другихъ мы большему еще сами научаемся (*); говоря съ внимающими намъ мы часто слушаемъ и сами. Господь одинъ (Мѳ. XXIII, 8) и тотъ же и для учащаго и для слушателя. Онъ—источникъ и ума слушателя и слова учителя. Да и не можетъ Господь нарушать, задерживать и подавлять непрерывность преданія. Для добра нѣтъ каникулъ, нѣтъ субботы (Мѳ. XII, 12; Лк. VI, 9).

Но позволяя допускать до участія въ Божественныхъ тайнахъ преданія и до пользованія святымъ онымъ свѣтомъ тѣхъ, кои къ воспринятію оныхъ способны, не массѣ слушателей открылъ Онъ то, что для пониманія большинства было и недоступно, а немногимъ (**), которымъ то приличествовало,—кои тѣ тайны могли принять и способны были къ отпечатлѣнію оныхъ на сердцѣ своемъ (т. е. сохранить). А тайны эти, какъ и идея о Богѣ самомъ, передаются словомъ, а не на письмѣ.

А если кто возразитъ мнѣ отъ Писанія: *Нѣтъ ничего сокровеннаго, что не открылось бы и тайнаго, что не было бы узнано* (Мѳ. X, 26), то пусть услышитъ тотъ и отъ насъ, что кто втайнѣ выслушиваетъ, тому тайное и открывается; тотъ открыто будетъ знать то, что состоя истиной сокрыто; и то что отъ многихъ утаено, будетъ немногимъ явлено. Ибо почему не всѣ люди познаютъ истину? И почему—это не всѣ любятъ праведность, если она есть общее всѣхъ достояніе? Тайны таинственнымъ образомъ и передаются, дабы передаваемое

(*) Упоминаетъ писатель лишь о сихъ Апостолахъ, ибо онъ вѣрилъ, что Спаситель только имъ сообщилъ непосредственно знаніе тайнъ, и именно такъ: тремъ первымъ до вознесенія, а Павлу послѣ онаго. Въ посл. къ Кор. и къ Гал. Павелъ свидѣтельствуетъ, что всѣмъ тайнамъ христіанской религіи онъ наученъ самимъ Христомъ и остальнымъ Апостоламъ совершенно равенъ. Евсевій въ кн. II-й своей «Исторіи», гл. 1-й пишетъ: «Онъ же (Климентъ) въ 7-й кн. своихъ «Гипотипозъ» еще и это о немъ (объ Іаковѣ) говоритъ: «Послѣ воскресенія Господь сообщилъ Іакову, Іоанну и Петру знаніе (гносисъ). Они передали его остальнымъ Апостоламъ, а эти Семидесяти».

(**) Сравненіе употребляемое и св. Василіемъ въ письмѣ къ Евстаѳію. Тоже Филонъ въ кн. De gigantibus.

(*) Блаж. Августинъ о себѣ, epist. 7, пишетъ: «Нахожу, что я изъ числа тѣхъ, кои пишутъ преуспѣвая и пиша преуспѣваютъ».

(**) Стром. VI въ гл. 15-й: «Сказано было сіе вначалѣ только разумѣющимъ, такъ какъ Спаситель научилъ Апостоловъ. Потомъ не писанное преданіе, къ писанному отношеніе имѣющее, перешло и къ намъ».

было и на устахъ передающаго, а еще болѣе въ душѣ его, чѣмъ на устахъ. *А Богъ поставилъ церкви одних Апостолами, другихъ пророками, иныхъ евангелистами, иныхъ пастырями и учителями для направленія святыхъ на дѣла служенія, на созиданіе тѣла Христова* (Еф. IV, 11, 12).

Знаю, что сей очеркъ моихъ воспоминаній слабъ по сравненію съ благодатнымъ онымъ духомъ, съ которымъ мы удостоены были соприкосновенія. Но кто тронутъ будетъ ѳирсомъ (*), въ представленіи того онъ будетъ не смотря на то вызывать и прототипъ. Ибо *мудрому говори*, свидѣтельствуетъ Писаніе, *и онъ мудрѣе будетъ* (Притч. IX, 9) *и имѣющему пріумножится* (Мѳ. XXV, 29; XIII, 12; Мк. IV, 25; Лк. VIII, 18).

Однакоже сей очеркъ моихъ воспоминаній не обѣщаетъ быть полнымъ истолкованіемъ святыхъ нашихъ тайнъ; нѣтъ у насъ не только многихъ, но и никакихъ претензій на это; онъ выдаетъ себя лишь за напоминаніе о тайнахъ на случай, еслибъ мы о нихъ забыли или-же чтобъ совсѣмъ о нихъ не забыли.

Я хорошо знаю, что мои Воспоминанія эти не полны. Въ ихъ очеркъ многое не вошло. Время текло, а мы не пробовали записывать того, что теперь въ очеркъ сей могло бы войти, и такъ то совсѣмъ забылось. Однакоже я употребилъ нѣкоторыя средства для составленія возможно подробнаго очерка. Имѣвшійся у меня письменный матеріалъ я раздѣлилъ на главы и благодаря этому средству много новаго въ памяти воспроизвелъ. Все-же осталось нѣчто, чего себѣ привесть на память мы не могли, ибо духовная одаренность этихъ блаженныхъ мужей была велика. Такъ не вошло въ этотъ очеркъ то, что изъ памяти нашей совсѣмъ улетучилось, потому что не было то вовремя малу помалу записываемо. Не вошло въ него и то, что въ самомъ умѣ потускло, ослабѣвъ въ воспоминаніи и почти угасши. Не легко сей трудъ воспроизведенія могутъ представить себѣ тѣ, кто трудности его самъ на себѣ не испыталъ. А нѣкоторыя вещи хотя и приходили мнѣ на память, но я намѣренно при передачѣ письмени ихъ опускалъ, излагая то лишь устно, боясь то записать, о чемъ и говорить остерегался; не изъ зависти,—что было бы грѣшно,—а изъ опасенія, чтобъ своихъ слушателей, могшихъ понять мои слова въ превратномъ смыслѣ, не ввести мнѣ въ заблужденіе и чтобы меня не обвинили въ томъ, что я, по пословицѣ, даю ребенку мечъ. Исчезнуть написанному безслѣдно невозможно, хотя бы оно и оставалось мною не изданнымъ въ свѣтъ. Написанное во всякое время можетъ быть воспроизведено, и притомъ въ однихъ и тѣхъ же звукахъ; т. е. что написано, то къ читателю ни о чемъ больше не говоритъ кромѣ какъ о написанномъ. По необходимости читатель здѣсь постоянно остается безпомощнымъ со стороны того, кто писалъ; не льзя бываетъ воспользоваться помощью и другаго кого либо, кто шелъ бы по слѣдамъ писателя. Нѣкоторыя вещи въ своемъ сочиненіи я буду проходить молчаніемъ и на нихъ только намекать. Но и изъ сихъ вещей на однѣхъ я буду нѣсколько останавливаться, другія же только ихъ именемъ напоминать. Повидимому скрытничая, попытаюсь я однакоже симъ нѣчто раскрывать и прикрываясь покрываломъ таинственности нѣчто обнаруживать, молча показывать.

Мы приведемъ положенія извѣстнѣйшихъ изъ ересей и противупоставимъ онымъ все, что домостроительски — благоупорядоченно и цѣлесообразно намъ было открываемо еще ранѣе созерцаній пророческихъ и что внутреннимъ знанію или созерцанію должно быть предпослано. За исходный пунктъ для себя мы возьмемъ при семъ сотвореніе міра, а въ вожди себѣ выберемъ положенія достославнаго и священнаго преданія. И прежде всего, прежде

(*) Ѳирсъ, это обвитый плющемъ и усиками виноградной лозы легкій посохъ, который посвященные въ культъ Вакха носили въ торжественныхъ процессіяхъ. Верхній конецъ увѣнчивался сосновой шишкой. Считался символомъ вакхическаго одушевленія. Нашъ писатель здѣсь называетъ симъ выраженіемъ благодать Святаго Духа, дѣйствующую въ вѣрующихъ.

всякихъ разсужденій, мы противупоставимъ симъ ересямъ простое и безхитростное созерцаніе природы съ выводами, по необходимости изъ него слѣдующими. А что сему методу противорѣчить будетъ, то чрезъ заключенія тѣ устранять будемъ, чтобы какъ земледѣлецъ предварительнымъ отъ терній и разнаго рода сорныхъ травъ почвы очищеніемъ подготовляетъ ее къ посадкѣ на ней виноградной лозы, такъ и намъ чрезъ подобное же дѣло подготовить умы къ принятію гностическаго преданія. Приготовленіе къ сраженію также есть сраженіе и ученіе, предшествующее тайнъ сообщенію, также есть тайна (*).

Въ этихъ своихъ Мемуарахъ мы не побоимся сношеній и съ философами, а также позаимствуемся прекраснѣйшимъ и изъ другихъ подготовительныхъ наукъ. Ибо разумно, какъ говоритъ Апостолъ, *изъ за Евреевъ и подзаконныхъ дѣлаться не только Іудеемъ, но и Эллиномъ изъ за Эллиновъ, дабы пріобрѣтать* (убѣждать) всѣхъ (1 Кор. IX, 19, 20, 22). И въ посланіи къ Колоссянамъ онъ пишетъ: *Вразумляя всякаго человѣка и научая всякой премудрости, дабы всякаго человѣка содѣлать совершеннымъ во Христѣ* (Кол. I, 28).

Такъ какъ мое сочиненіе есть не иное что какъ Воспоминанія, то ему приличествуетъ характеръ нѣкотораго рода созерцательный. А сошеніе зраваго ученія добрыми заимствованіями изъ другихъ полезныхъ наукъ не представляетъ ли собою нѣкотораго рода сходства съ приправами, какія бываютъ примѣшиваемы къ пищѣ атлета? Не удовольствія ищетъ онъ въ приправахъ сихъ, а возбужденія хорошаго аппетита, имѣя въ виду стремиться къ славѣ. По крайней мѣрѣ пѣніемъ мы гармонично ослабляемъ слишкомъ сильную напряженность звуковъ нашего голоса. Но точно такъ же и желающіе обратиться къ народу часто пользуются герольдомъ, дабы слышнѣе провозгласилъ онъ обращеніе къ народу. Подобнымъ образомъ и мы поступаемъ въ семъ сочиненіи. Со своимъ словомъ мы обращаемся къ многочисленному народу, предносся ему твердое преданіе; поэтому приходится намъ пользоваться мнѣніями и языкомъ, кои онъ привыкъ слышать. Этимъ способомъ наши слушатели всего вѣрнѣе могутъ быть приведены къ истинѣ. Скажемъ все коротко въ одномъ словѣ: Какъ между многими малыми жемчужинами бываетъ только одна преотличная; какъ въ уловѣ рыбы заразъ пойманной бываетъ только одна Товіева рыба (*): такъ время и трудъ открываютъ одну истину, особенно если найдешь хорошаго проводника. Именно чрезъ людей ниспосылаются намъ свыше важнѣйшія изъ благъ. Хотя и всѣ мы одарены зрѣніемъ, однакоже не всѣ смотримъ на предметы одинаково; на одинъ и тотъ же предметъ различные люди смотрятъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Иной взглядъ на овцу бросаетъ поваръ и неодинаково съ нимъ на нее смотритъ пастухъ. Одинъ освѣдомляется, жирна ли она; другой молоко овцы наблюдаетъ, жирно ли оно; одинъ доитъ ее, чтобъ сдѣлать изъ молока кушанье; другой съ нея шерсть стрижетъ, когда ему одежда нужна. Подобнымъ образомъ мнѣ предстоитъ воспользоваться плодами Греческой философіи.

Не найдется, думаю, ни одной настолько счастливой книги, которая не встрѣчала бы возраженій и противорѣчій. Но конечно слѣдуетъ считать здравомысленной ту книгу, которая не встрѣчаетъ себѣ разумнаго противорѣчія.

(*) Намекъ на Элевзинскія мистеріи Цереры. Желавшіе быть посвященными въ великія мистеріи приготовлялись къ тому чрезъ посвященіе въ меньшія, кои были какъ бы предъочищеніемъ при вступленіи въ великія. Поэтому писатели часто мистеріями намекали на другія вещи. Такъ нѣкоторыя предварительныя занятія и знанія назывались малыми мистеріями, вводящими въ Платонову философію. Климентъ въ Стром. IV, гл. 1-й: «Тогда почти естественно переходимъ къ гностическому созерцанію природы, какъ еслибы чрезъ малыя мистеріи мы приняли посвященіе въ великія». Тоже Стром. VI въ гл. 11-й и VII, въ гл. 4-й.

(*) Καλλίχθυς, callionymus, auθій, такъ называлась священная рыба, желчью которой были лечимы порѣзы и слѣпота: морской волкъ.

Не тѣ поступки и не то ученіе должны быть допущены, на которыя нападокъ не дѣлается, а тѣ, на которыя нападаютъ неразумно. Если кто нибудь первоначально не хочетъ чего либо сдѣлать изъ за самаго того дѣла, то еще не слѣдуетъ, что онъ вовсе уклоняется отъ того и что онъ какимъ нибудь случаемъ не будетъ вынужденъ къ исполненію того; если же онъ доведенъ будетъ до того, то значитъ привзошло тутъ нѣкотораго рода Божественное посредство, заставившее его всѣмъ обстоятельствамъ подчиняться и ко всякаго рода сцѣпленію жизненныхъ условій примѣняться. Кто живетъ добродѣтельно, тому не нуженъ болѣе путь къ добродѣтели; и кто чувствуетъ себя здоровымъ, тотъ не имѣетъ надобности укрѣплять свои силы. И какъ земледѣльцы сначала орошаютъ почву, а потомъ уже и засѣваютъ ее: такъ и мы тѣмъ, что есть у Эллиновъ добраго, орошаемъ земное у нихъ, дабы могла эта почва принять въ себя по ней разбрасываемое сѣмя духовное и чтобъ могла она питать его. Поэтому-то въ этихъ книгахъ, называемыхъ Строматами, истина будетъ перемѣшана съ положеніями философовъ или лучше сказать будетъ показано, что эти положенія философовъ содержатъ истину, но такъ лишь, какъ орѣховой скорлупой содержится съѣдобное ядро. Сѣмена же истины (т. е. чистыя) сохранять призваны, по моему мнѣнію, лишь воздѣлыватели нивы вѣры.

Не безызвѣстно мнѣ ученіе, нѣкоторыми по невѣжеству очень превозносимое, будто слѣдуетъ заниматься вещами лишь самыми необходимыми; таковы первоначальныя положенія вѣры; ученія же внѣшнія (*), намъ чуждыя и сей часъ ненужныя, слѣдуетъ будто бы преходить молчаніемъ, потому что они будто бы лишь утомлять насъ будутъ и притомъ совершенно понапрасну и отвлекать насъ къ трудамъ, не имѣющимъ отношенія къ дѣлу спасенія (*). Иные же утверждаютъ, что философія проникла въ жизнь людей лишь на горе и на гибель имъ и что она измышлена нѣкіимъ коварнымъ выдумщикомъ (**). Но я покажу, что всякое ехидство представляетъ собою по самой природѣ своей нѣчто злое и что такой земледѣлецъ ничего добраго произвесть не въ состояніи. Во всѣхъ этихъ книгахъ своихъ Строматъ я дамъ понять, что философія также есть дѣло нѣкоторымъ образомъ Божественнаго промышленія.

(*) Однакоже это въ противорѣчіи сказано съ Постановленіями Апостольскими кн. I, гл. 6: «Отo всѣхъ языческихъ книгъ воздерживайся». Срав. примѣч. Котелерія къ этому мѣсту Постановленій.

2. Отвѣтъ на упрекъ нѣкоторыхъ, за чѣмъ онъ внесъ въ свои сочиненія столько заимствованій изъ Греческой философіи.

А касательно внесенія въ эти Памятныя Записки, когда то необходимо было, положеній Эллинскихъ ученыхъ, людямъ, находящимъ удовольствіе все порицать, я отвѣчаю слѣдующее. Вопервыхъ еслибы даже и пустою болтовней была Греческая философія, то полезно бы ея ни на что непригодность доказать, но уже изъ за этого одного она представляла бы собой нѣчто дѣльное. Далѣе не имѣютъ права осуждать Эллиновъ тѣ, кои въ ихъ ученія не проникаютъ далѣе голыхъ фразъ, на посильномъ же раскрытіи состоятельности сихъ ученій не останавливаются. Но достойно полнаго довѣрія лишь то разслѣдованіе, которое производится апостеріорически; эта апостеріоричность представляетъ собою посылки, дающія право и на основательнѣйшій выводъ. Кромѣ того есть множество вещей, которыя непосредственно хотя и не способствуютъ достиженію

(*) Эта тирада, быть можетъ, болѣе шла бы къ настоящему положенію богословской науки въ православной Русской церкви.

(**) т. е. діаволомъ. Въ Стром. VI, гл. 17-й: «Неужели же не нелѣпо, приписывая діаволу, произведеніе безпорядковъ и несправедливостей, ему же приписывать внушеніе столь прекрасной вещи какъ философія»? Срав. еще Стром. V въ гл. 1-й и Стром. I въ гл. 17 й.

цѣлей преслѣдуемыхъ истиннымъ ученымъ, все-же относятся къ свойствамъ его.

Къ тому же многоученость писателя, цитующаго главнѣйшія изъ философскихъ положеній, заставляетъ слушателей убѣждаться, разсудительно съ писателемъ соглашаться; такой методъ, производя удивленіе въ наставляемыхъ, пробуждаетъ въ нихъ къ истинному ученію дружественную расположенность. Такое радованіе душъ прелестями и блестками изъ другихъ наукъ сообщаетъ и съ ихъ точки зрѣнія ученію твердость и достовѣрность; души же любознательныя и ученія жаждующія этимъ методомъ доводимы бываютъ до принятія той самой истины, которой ранѣе сами же упорно противились и ее хулили.

Это обстоятельство свидѣтельствуетъ, что философія сама въ себѣ вовсе не вліяетъ гибельно на человѣческую жизнь и что не она причиной возникновенія ложныхъ мнѣній и дурныхъ дѣлъ, какъ нѣкоторые клевещутъ на нее, но что она состоитъ очевиднымъ и воплощеннымъ отобразомъ ученія истиннаго,—даромъ, который Эллинамъ ниспосланъ отъ Бога. И отъ вѣры она не отвлекаетъ насъ, какъ еслибъ это какія чары были какого-то волшебнаго искуства; напротивъ, мы ограждаемся философіей какъ бы нѣкіимъ прочнымъ оплотомъ, открывая въ ней нѣкотораго союзника, совмѣстно съ которымъ и обосновываемъ потомъ нашу вѣру. Чрезъ сравнительное между собой сопоставленіе двухъ находящихся во взаимной связи ученій, выработанныхъ же на путяхъ противуположныхъ (*), истина выясняется полнѣе и глубже, а отсюда проистекаетъ и болѣе совершенное ея выслѣживаніе и обрѣтеніе. Не изъ за нея самой посему философія привлекается нами въ сіи изслѣдованія, а изъ за плодовъ, проистекающихъ для насъ изъ сего рода знанія; знаніе вещей, постигавшихся человѣческимъ умомъ, утверждаетъ насъ въ убѣжденіи, что держимся мы въ своемъ ученіи истины.

(*) «Противнымъ особенно естественно противное дознавать», говорилъ Филонъ.

Умалчиваю о томъ, что сіи книги Строматъ по содержанію потому многообразны и потому соединяютъ въ одно цѣлое различныя ученія, что имѣютъ задачей тщательную охрану сѣмянъ познанія. Какъ страстный охотникъ, напавши на слѣдъ дичи, ее отыскавъ, увидѣвъ, на нее собакъ спустивъ, наконецъ ее беретъ, подобно этому и истина, если кто долго ея искалъ и только послѣ трудовъ открылъ, того осчастливливаетъ.

Итакъ почему же намъ угодно было такъ поставить дѣло въ сихъ нашихъ Памятныхъ Запискахъ? Причина та, что весьма опасно дѣйствительное значеніе истинной философіи безразсудно профанировать, (—вмѣсто того, чтобъ назидательность ея сердцемъ усвоять, публично ее на смѣхъ поднимать) (*), какъ тѣ это дѣлаютъ, кои—черезчуръ ужъ тароватыми будучи на различныя оскорбительныя рѣзкости—всему любятъ противорѣчить, въ раздраженіи и безъ соблюденія всякой благопристойности забрасываютъ васъ всякаго рода словами и фразами, но этимъ и себя самихъ обманываютъ, но и другихъ, ими привлекаемыхъ на свою сторону, обморачиваютъ. Ибо, какъ говоритъ Апостолъ, (только) *Евреи чудесъ требуютъ, а Еллины мудрости ищутъ* (1 Кор. I, 22).

3. Противъ софистовъ и пустомель, хвастающихся совершенно безполезнымъ знаніемъ.

Многочисленна толпа людей этого рода. Одни изъ нихъ, удовольствіямъ преданные, не желая ни во что вѣрить, издѣваются надъ спасительнымъ ученіемъ, достойнымъ всякаго почтенія, давая ему прозваніе варварскаго ученія (**). Нѣкоторые же изъ нихъ превознося сь усиливаются изобрѣтать различныя клеветы

(*) Ἐξορχήσασθαι, тайны природы обнажать, надъ вещами священными глумиться. Срав. въ «Увѣщаніи» въ гл. 12-й наш. перевода въ столб. 174 примѣч. 2-е и въ «Педагогѣ» кн. III, гл. 3 столб. 260.

(**) Ссылаясь на варварство, т. е. на невѣжественность христіанскаго ученія или на его для разума неудобовѣроятность.

на наши ученія, отыскивая въ нихъ для оспариванья оныхъ различныя мѣста, охотясь за разными словечками, странными (въ нашихъ ученіяхъ) пріемы находя, изъ за нихъ брань и ссоры поднимая, или, какъ говоритъ Абдеритянинъ (Демокритъ), съ различными узелками въ нихъ ременныя веревочки вплетая (*).

Гибокъ языкъ человѣка; рѣчей у него обилье
Всякихъ; поле словъ и туда и сюда безпредѣльно;
Что человѣку измолвишь, то отъ него и услышишь
(Ил. XX, 248,—9).

Такими-то способами жалкіе эти софисты себя стараются поставить выше другихъ людей, о себѣ думая, что они достойнѣе всѣхъ. Всю жизнь свою только тѣмъ они и заняты, что болтаютъ на вѣтеръ и запорашиваютъ своею болтовней глаза другимъ. Углубляются они въ наборъ словъ, въ составленье и сочетанье меткихъ выраженій, болтливѣе горлицъ оказываясь (Zenob. 6, 8; Theocr. 15, 88), совсѣмъ не достойно мущинъ *льстя слуху* (2 Тим. IV, 3), улещая и услаждая оный у тѣхъ, у коихъ въ ушахъ зудитъ,

На нихъ не каплей, но цѣлою рѣкой искуственныхъ словъ изливаясь (**).

Слишкомъ большое сходство со старыми башмаками они собою представляютъ. Все другое въ нихъ уже издрябло и развалилось, только языкъ еще подобно старой подошвѣ болтается. Аѳинянинъ Солонъ прекрасно ихъ характеризуетъ, порицая ихъ такими словами:

Лишь языкъ для васъ важное дѣло и сладкія рѣчи
мужа льстиваго,
На дѣла же вы совсѣмъ не обращаете вниманія.
Гоняетесь всѣ вы за хитрою лисицей,
А у самихъ у васъ умъ совсѣмъ промозглый и
ничтожный.

Именно на это (***) намекаетъ и нашъ Спаситель выраженіемъ: *Лисицы норы имѣютъ, а Сынъ человѣческій не имѣетъ гдѣ главу подклонить* (Мѳ. VIII, 20; Лк. IX, 58). Ибо только на вѣрующемъ, совершенно выдѣленномъ изъ числа прочихъ людей, коихъ Писаніе называетъ лисицами, успокоивается Глава и Царь всего, т. е. милосердый и кроткій Логосъ, *уловляющій мудрецовъ ихъ же лукавствомъ, Господь, единый вѣдущій совѣты ихъ и то что эти пусты* (Іов. V, 13; 1 Кор. III, 19, 20; Пс. XCIII, 11). Мудрецами здѣсь Писаніе безъ сомнѣнія называетъ софистовъ, вращающихся среди фразъ и напускной искуственности. Откуда и сами Эллины мудрецовъ (σοφοί), особенно тщательно занимавшихся вещами мелочными, вмѣстѣ съ тѣмъ называли и производнымъ отъ того именемъ «софистовъ» (*). Оттого-то и Кратинъ въ „Архилохахъ“ (**), критикуя поэтовъ, говоритъ:

Нужно завсегда софистовъ отличать.

Подобнымъ образомъ комикъ Іофонъ (***) о рапсодахъ и нѣкоторыхъ другихъ людяхъ говоритъ въ „Авлойдахъ“, или Сатирахъ:

И тутъ вошла софистовъ толпа большая: откуда
это набралось ихъ столько?

Объ этихъ людяхъ и имъ подобныхъ, упражняющихся въ несеніи разной безсмыслицы, Божественное Писаніе говоритъ прекрасно: *Разорю мудрость мудрецовъ и разумъ разумныхъ*

(*) т. е. вплетеніемъ различныхъ лжеумствованій все запутать стараясь и потемнить.

(**) Намекъ на насмѣшку Ѳеокрита Хіосскаго надъ Анаксименомъ. Когда этотъ имѣлъ разъ рѣчь говорить, Ѳеокритъ сказалъ: «Сей часъ потечетъ неосмысленныхъ словъ рѣка, а ума капля».

(***) Посредствующая мысль: Таковы именно были современники Христа по своимъ нравственнымъ качествамъ; отношеніе же ихъ къ Его ученію было лукавое.

(*) Тоже Діогенъ Лаэрцій въ предисловіи. Онъ же передаетъ, что и поэты назывались софистами. Такъ де Кратинъ въ «Архилохахъ» называетъ Гомера и Гезіода. Геродотъ въ кн. I Солона и другихъ мудрецовъ также называлъ софистами. Тоже у Исократа. Но впослѣдствіи времени именемъ софистовъ стали называть лишь тѣхъ, кто философствовалъ для одной «показности и изъ корысти», какъ говоритъ объ этомъ Цицеронъ въ Acad. quaest. lib. II.

(**) Такъ называлась комедія Кратина, вѣроятно одна изъ язвительныхъ и запальчивыхъ.

(***) Іофонъ, сынъ Софокла, комическій поэтъ.

отвергну (выведу изъ практики) (Ис. XXIX, 14; 1 Кор. I, 19).

4. Науки свѣтскія не менѣе чѣмъ и Богословіе имѣютъ происхожденіе Божественное.

Гомеръ же и простаго ремесленника мудрецомъ называетъ (*). А о нѣкоемъ Маргитѣ пишетъ слѣдующее:

Боги въ лицѣ его не позаботились создать ни
земледѣльца ни просто землекопа;
Совсѣмъ ужъ не былъ онъ мудрецъ: ничего не
зналъ (**).

Гезіодъ, сказавши, что киѳаристъ Линъ много зналъ, въ разнаго рода искуствахъ и навыкахъ былъ опытенъ, напослѣдокъ не затрудняется нисколько и простаго матроса мудрецомъ назвать, говоря:

Въ искуствѣ мореплаванія никакой не обнаруживалъ онъ мудрости.

Равнымъ образомъ Даніилъ пророкъ Вавилонскихъ ученыхъ чествуетъ именемъ „мудрецовъ", говоря: *Тайны, о которой царь спрашиваетъ, не открыть ни мудрецамъ, ни жрецамъ, ни заклинателямъ;* не во власти Гадаринянъ (т. е. язычниковъ) это; *есть Богъ на небесахъ тайны открывающій* (Дан. II, 27, 28).

А что общимъ именемъ „мудрости" Писаніе называетъ вообще всѣ мірскія науки и искуства (***),—все, до постиженія чего умъ человѣческій могъ дойти и что онъ былъ въ состояніи измыслить и что всякое техническое и теоретическое знаніе происходитъ отъ Бога, это совершенно ясно будетъ, если мы приведемъ еще слѣдующія выраженія Писанія: *И сказалъ Господь Моисею, говоря: Вотъ я называю Веселіила, сына Уріи, сына Орова, изъ племени Іудина. И Я исполнилъ его Божественнымъ Духомъ мудрости и смышленостью и вѣдѣніемъ, чтобы разумѣлъ онъ во всякомъ дѣлѣ и способенъ былъ къ созиданію, къ работамъ изъ золота, изъ серебра, изъ мѣди, изъ голубой, пурпурной и червленой шерсти, къ исполненію всѣхъ работъ строительныхъ изъ камня и изъ дерева* и такъ далѣе даже до словъ: *и вообще всякихъ работъ* (Исх. XXXI, 2—5). Потомъ, все ранѣе сказанное объединяя, Писаніе употребляетъ такое общее выраженіе: *И въ сердце всякаго разумнаго Я это вложилъ разумѣніе* (Исх. XXXI, 6), т. е. въ сердце всякаго, кто въ состояніи то разумѣніе усвоить напряженіемъ и упражненіемъ.

И опять со всей опредѣленностью отъ имени Господня написано: *И скажи это всѣмъ, кои умомъ мудры, коихъ Я исполнилъ духомъ смышлености* (Исх. XXVIII, 3). Эти *мудрые умомъ* отличаются особенной одаренностью натуры. Выказывая особенныя способности, они обнаруживаютъ тѣмъ, что получили двойную мѣру разумѣнія; я сказалъ бы даже, что изъ первообразной премудрости излился въ сердце имъ двойной духъ мудрости.

Уже и техническое отношеніе къ искуствамъ отзывается на развитіи нѣкоторыхъ внѣшнихъ чувствъ перевѣсомъ. У такъ называемыхъ музыкантовъ оказывается особенно развитымъ чувство слуха, у скульпторовъ—осязаніе (*), у пѣвцовъ—голосъ, у парфюмеровъ—обоняніе, у рѣщиковъ печатей—зрѣніе. У посвящающихъ себя научнымъ занятіямъ чувство также становится воспріимчивѣе. У поэта особенно развивается чувство мѣры, у оратора чувство стиля,

(*) Разумѣются изъ Иліады XV, ст. 410—412.

(**) Знаетъ сего Маргита и Аристотель Ethic. ad Nicom. 7 и въ кн. «О поэтическомъ искуствѣ», равн. образомъ Платонъ въ Алкивіадѣ 2-мъ. Аристотель Ethic. VI, 7 ad Nicom. приписываетъ этотъ стихъ какъ и Климентъ Гомеру, но Діонъ его усвояетъ Гезіоду. Свида говоритъ, что Маргитъ выставляемъ былъ въ комедіяхъ какъ образецъ глупости. Считать онъ не могъ далѣе пяти. Когда былъ уже юношей, спрашивалъ свою мать, отъ одного съ нимъ отца она происходитъ или отъ другаго. Маргитами оттого стали вообще глупцовъ называть. Въ этомъ смыслѣ Эсхинъ въ рѣчи противъ Ктезифона назвалъ Маргитомъ Александра.

(***) О различныхъ значеніяхъ свойственныхъ этому слову, потому что имъ обозначаются разныя понятія, разсуждалъ и св. Василій.

(*) Срав. Татіана по Оксфордскому изд. pag. 120 not. 2, Аѳенагора p. 59 not. 1.

у діалектика способность судительная, у философовъ—то, что до нихъ касается, — умозрѣніе. Къ изобрѣтеніямъ и измышленіемъ дѣлаетъ способнымъ именно чувство; лишь чувствомъ опредѣляется направленіе занятій и умственныхъ. А благодаря постоянству упражненій способность къ извѣстнаго рода занятіямъ усугубляется и расширяется. Апостолъ значитъ совершенно справедливо говоритъ, что *многоразличная премудрость Божія* (Еф. III, 10) во благо намъ обнаруживаетъ свое богатство *многократно* (въ разныхъ случаяхъ) *и многообразно* (различными способами) (Евр. I, 1), искуствами, науками, вѣрой, даромъ пророчества. *Всякая премудрость отъ Господа и съ Нимъ пребываетъ во вѣкъ*, какъ говоритъ книга Премудрости Іисуса (Сир. I, 1). *Потому что если будешь ты голосомъ сильнымъ призывать знаніе и взывать къ разуму, если будешь ты искать его какъ ищутъ серебра и если будешь ты его отыскивать такъ же, какъ сокровища разыскиваютъ и если съ усиліемъ будешь его выслѣживать, то поймешь, въ чемъ состоитъ Богу угодное служеніе и примѣчать будешь твоими чувствами Божественное* (Притч. II, 3—5). Священный писатель говоритъ о чувствѣ Божественнаго въ отличіе отъ чувства, погруженнаго въ науки свѣтскія, которыхъ въ выраженіяхъ прекрасныхъ и величественныхъ впрочемъ также совѣтуетъ намъ заботливо искать, дабы въ уразумѣніи совершеннаго служенія Богу и благочестія двигаться впередъ. Противуполагаетъ онъ этимъ свѣтскимъ наукамъ пониманіе обязанностей, на насъ возлагаемыхъ Богопочтеніемъ, и разумѣя подъ онымъ содержаніе истинной религіи, выражаетъ это слѣдующимъ образомъ: *Ибо изъ своихъ устъ Господь источаетъ мудрость, а вмѣстѣ знаніе и разумѣніе и въ лицѣ праведныхъ помогаетъ, собирая въ нихъ на голодные годы какъ бы въ житницѣ сокровища спасенія* (Притч. II, 6, 7). Въ просвѣщенности философіей (отвлеченнаго содержанія науками) скрывается помощь намъ; такой просвѣщенностью обусловливается тонкость чувства, ведущая къ истиннымъ Богопочтенію и благочестію.

5. Философія состоитъ служанкой Богословія. Разъясняется это аллегорическимъ толкованіемъ исторіи Сарры и Агари.

Итакъ прежде пришествія Господа философія была необходима Эллинамъ для достиженія нѣкотораго рода правоты (*), а нынѣ она оказывается необходимою для приведенія къ истинному благочестію тѣхъ, коихъ духъ не иначе можетъ открыться для истинной вѣры какъ путемъ выводовъ изъ посылокъ или послѣ предварительныхъ опытныхъ доказательствъ; для нихъ философія состоитъ нѣкотораго рода предуготовительнымъ ученіемъ.

Нога твоя не споткнется, говоритъ Писаніе (Притч. III, 23), если все доброе ты будешь относить къ Божественному провидѣнію, будетъ ли добро то Эллинское или наше. Виновникомъ всякаго добра состоитъ Богъ, но одного чрезъ руководство непосредственное, какъ напр. Онъ состоитъ непосредственнымъ виновникомъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ; инаго же добра Онъ состоитъ виновникомъ второстепенно и посредственно, какъ напр. философіи. И можетъ быть философія, прежде чѣмъ Господь призвалъ Эллиновъ къ Себѣ, была дана имъ пока лишь и на первый случай (для той же цѣли, для какой и Евреямъ Писаніе). Она была для Эллиновъ такимъ же *руководителемъ*,

(*) Такъ ниже въ гл. 20-й сей I-й кн. Строматъ писатель говоритъ: «Философія нѣкогда уже и сама по себѣ оправдывала Эллиновъ». Срав. о семъ предметѣ Boccia Historiae Pelagianae lib. III, part. III, thes. 11. Что подъ именемъ сей правоты (δικαιοσύνης) у нашего писателя не нужно разумѣть оправданія предъ Богомъ, а лишь возможно совершенное исполненіе обязанностей по отношенію къ Нему, къ людямъ и къ самому себѣ, это ясно изъ Стром. VII, 3, 12; VI, 12; V, 1. Срав. Arist. Ethic. V, 1, 2; Marc. Antonin. XII. Цицеронъ же Topic. cap. 23 обязанности къ людямъ выражаетъ чрезъ justitia, а обязанности религіозныя чрезъ pietas. Явное углубленіе понятій представляетъ словоупотребленіе Н. З.: Лк. I, 75; Еф. IV, 24; 1 Тим. VI, 11.

какимъ былъ и *законъ* для *Евреевъ* и *приводила* ихъ какъ дѣтей *ко Христу* (Гал. III, 23, 24).

Если же философія есть предуготовительное ученіе, пролагающее и выравнивающее путь ко Христу; если она доводитъ путника до рѣшимости посвятить себя Христу и окончить совершенствомъ въ Немъ, то *не медли*, говоритъ Соломонъ, *твою мудрость валомъ окружить и она превознесетъ тебя и украситъ голову твою вѣнцомъ чести и веселія* (Притч. IV, 8, 9). Потому что когда воздвигнешь ты вокругъ мудрости своей (валъ или) зубчатую стѣну философіи и, обезпечивая себѣ болѣе сильное за стѣной той положеніе, добродѣтель въ свою жизнь проведешь, твоя мудрость будетъ представлять собою для софистовъ нѣчто неприступное.

Безъ сомнѣнія одинъ путь къ истинѣ, но одни съ одной стороны, другіе съ другой въ нее впадаютъ ручьи, въ ея ложѣ соединяясь въ рѣку, которая уже въ вѣчность течетъ. По этому-то Богъ и говоритъ къ намъ: *Слушай, сынъ мой, и прими мои слова, дабы умножились пути твоей жизни. Пути мудрости Я покажу тебѣ, да не изсякнутъ въ тебѣ источники* (Притч. IV, 10, 11, 21), бьющіе изъ самой почвы. Святый царь говоритъ о многочисленности спасительныхъ путей не только для одного и того же праведника, но вообще о многочисленности спасительныхъ путей; это значитъ, что какъ праведниковъ много можетъ быть, такъ и пути спасенія ихъ многочисленны (*). Именно это онъ хочетъ сказать словами: *Пути праведныхъ подобно свѣту свѣтятся* (Притч. IV, 18).

Заповѣди и предуготовительныя наставленія суть также пути и средства къ жизни, врата въ нее. *Іерусалимъ, Іерусалимъ, сколько разъ хотѣлъ Я собрать чадъ твоихъ какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ* (Мѳ. XXIII, 37; Лк. XIII, 34). Іерусалимъ значитъ: *видѣніе мира*. Вышеприведенными словами Господь пророчески открываетъ намъ слѣдовательно то (во—первыхъ), что Евреи были допущены до мирнаго созерцанія священныхъ тайнъ и что они были приготовляемы къ своему высокому призванію *какъ дѣти*. Что же вышло? А то только, что дѣло и ограничилось *хотѣніемъ*. Господь *хотѣлъ*, но не могъ. А сколько разъ (во-вторыхъ) Господь приготовлялъ Евреевъ и какимъ образомъ? Дважды. Чрезъ пророковъ и чрезъ свое пришествіе. Итакъ выраженіемъ *сколько разъ* показывается, что Божія премудрость употребляетъ для спасенія людей различные пути, что пути эти какъ по количеству многовидны, такъ и по качеству многообразны. Но и то (въ третьихъ) открывается отсюда, что Божія премудрость постоянно заботится о нашемъ спасеніи не только во времени, но и въ вѣчности. *Потому что Духъ Господень наполняетъ вселенную* (Прем. I, 7).

А еслибы кто, желая уязвить насъ, привелъ противъ насъ это мѣсто Писанія: *Не внимай рѣчамъ жены распутной, потому что съ устъ ея каплетъ медъ* (Притч. V, 3), разумѣя подъ распутной женой Эллинскую ученость, то пусть тотъ выслушаетъ что слѣдуетъ (въ Писаніи) за тѣмъ. *На время она услаждаетъ твою глотку* (ст. 4), говорится. Но философія не льститъ. О какой же распутной женщинѣ Писаніе говоритъ въ семъ мѣстѣ? Это открывается изъ

(*) Немного ниже, а именно въ гл. 7-й писатель говоритъ: «Благодаря тому, что Богъ по своей благости многообразно (насъ) спасаетъ, пути къ оправданію многочисленны и разнообразны; но всѣ они выводятъ на одинъ главный путь и къ однимъ вратамъ. Если же царскаго пути ищешь и достовѣрнаго, то слушай: «Вотъ врата Господни: «(Лишь) праведники войдутъ въ нихъ». И такъ какъ много вратъ отверзто къ праведности, то должно входить въ оныя во Христѣ, и всѣ входящіе оными блаженны». Въ тирадѣ этой послѣднее предложеніе заимствовано изъ посланія Климента Римскаго. Въ гл. 48-й посл. къ Коринѳянамъ онъ пишетъ: «Между многочисленными вратами для насъ отверзтыми ворота праведности суть тѣ, кои и ко Христу ведутъ. Блаженны всѣ, оными входящіе, ходящіе своимъ путемъ свято и праведно и въ ненарушимомъ душевномъ спокойствіи свои обязанности исполняющіе».

словъ, добавляемыхъ за тѣмъ: *Ноги безумія во адъ тѣхъ сводятъ по смерти ихъ, кто внимаетъ тѣмъ рѣчамъ; пути же ея непостоянны* (ст. 5). *Такъ устрой посему, чтобы вдали отъ безумныхъ удовольствій проходилъ путь твой. Не приближайся къ дверямъ домовъ ея, дабы не предала инымъ здоровья твоего* (ст. 7—10). Потомъ въ подтвержденіе сего Писаніе присовокупляетъ слѣдующее: *Чтобъ тебѣ не раскаяваться въ старости, когда силы твои истощатся и твое тѣло ослабѣетъ* (ст. 11). Таковъ конецъ безумнаго сладострастія; вотъ послѣдствія этого рода удовольствій.

Инаго рода изреченіе Писанія: *Не долго будь у чужестранки* (Притч. V, 20). Симъ выраженіемъ оно позволяетъ извлекать пользу изъ человѣческихъ знаній, ихъ примѣняя къ жизни, но не даетъ оно права намъ на той мірской учености успокоиваться окончательно. Интеллектуальныя богатства, свойственныя во всякое данное время каждой націи, для всѣхъ ихъ состоятъ лишь пропедевтикой, располагающей ихъ къ принятію ученія Господня. Конечно постоянно бывали люди, кои, будучи обморочены любовными напитками служанокъ (обольстительными чарами предуготовительныхъ ученій, состоящихъ не иныхъ чѣмъ какъ служанками), презрительно относились къ госпожѣ дома, т. е. философіи, и состарѣлись одни на музыкѣ, другіе на геометріи, иные на грамматикѣ, а большинство на ораторскомъ искуствѣ (*). Но такъ называемыя курсовыя науки, обязательныя для людей свободныхъ, представляютъ собой ступени, способствующія восхожденію по нимъ къ философіи, которая состоитъ ихъ повелительницей. И какъ онѣ служебны философіи, такъ и сама она есть пособница къ пріобрѣтенію истинной мудрости (*);

(*) Заимствованіе изъ Филона lib. De cong. erud. quaer. gratia: «Нѣкоторые, прельстившись приманками рабынь, вознерадѣли о госпожѣ философіи и состарѣлись, одни на поэтическомъ искуствѣ, другіе на чертежахъ, иные на составѣ красокъ, еще другіе на иныхъ безчисленныхъ вещахъ, не имѣвъ силъ обратиться къ госпожѣ».

(*) Это также взято изъ Филона, который немного ниже словъ, только что приведенныхъ, продолжаетъ: «И какъ курсовыя или для свободныхъ людей обязательныя науки способствуютъ усвоенію философіи, такъ и философія содѣйствуетъ пріобрѣтенію мудрости. Ибо философія состоитъ въ размышленіи о мудрости, мудрость же есть знаніе вещей Божескихъ и человѣческихъ и причинъ оныхъ. Слѣдовательно какъ курсъ музическихъ наукъ занимаетъ по отношенію къ философіи положеніе служебное, такъ философія вспомоществуетъ мудрости. Но философія насъ учитъ сдерживать языкъ, чрево и подчревныя части. Хотя и говорится, что науки тѣ изъ за самихъ себя желанны, но онѣ становятся величественнѣе, когда имѣютъ въ виду славу Божію и служеніе Ему».—На кругъ или курсъ наукъ, обязательныхъ для каждаго свободнаго человѣка, нашъ писатель намекаетъ и въ другихъ мѣстахъ; напр. въ гл. 19-й и 23-й сей кн. Строматъ, въ концѣ гл. 1-й Строматъ II; въ нач. гл. 2-й Стром. кн. III; Стром. VI, въ концѣ гл. 10-й и 11-й; Стром. VII въ гл. 3-й.—Подобное сказанному Климентомъ пишетъ ученикъ его Оригенъ въ III кн. противъ Цельса: «Если бы ты далъ намъ учителей, философіи учащихъ и въ оной упражняющихъ, то отъ такихъ не будемъ отпугивать юношей; напротивъ, если бы нашлись учившіеся въ такихъ школахъ и прошедшіе курсъ этихъ, какъ ихъ называютъ, предуготовительныхъ наукъ, то мы такихъ возвысили бы до болѣе тонкаго и невѣдомаго народной массѣ велерѣчія христіанъ, разсуждающаго о вещахъ особенно возвышенныхъ и необходимыхъ» и проч.—Въ Филокаліи онъ же: «Благодаря своей даровитости ты безусловное право имѣешь на званіе Римскаго юрисконсульта, а между Эллинами ты былъ бы философомъ одной изъ знаменитѣйшихъ школъ. Но мнѣ желательно, чтобъ всю свою даровитость и все напряженіе своего ума ты обратилъ на то, что къ концу ведетъ, на христіанство, именно на дѣятельное христіанство. Поэтому я желалъ бы, чтобы изъ Греческой философіи ты усвоилъ тѣ изъ знаній, кои могутъ быть введеніемъ къ христіанскому ученію или этого рода курсовыми или предугото-

мудрость же есть знаніе вещей Божескихъ и человѣческихъ съ причинами ихъ (*).

Мудрость значитъ состоитъ госпожею надъ философіей, подобно тому какъ философія состоитъ госпожею среди наукъ предварительныхъ. Потому что если задача философіи проповѣдывать воздержность въ употребленіи языка, въ пользованіи вещами, кои съ чревомъ и подчревностію имѣютъ связь, и если она собой посредствуетъ добродѣтель, то во много разъ для нея достопочтеннѣе и превосходнѣе подвизаться во славу Божію и споспѣшествовать познанію о Богѣ.

Сказанное нами въ Писаніи подтверждается такого рода свидѣтельствомъ. Сарра достигла старости, а все еще была безплодна, хотя и состояла женою Авраама. Не рождая, она позволяетъ Аврааму сблизиться со своей служанкой (*), Агарью, египтянкой, съ цѣлію имѣть отъ нея дѣтей.

Точно такъ же и мудрость, состоявшая подругой вѣрному, т. е. Аврааму, которому *вѣра вмѣнилась въ праведность* (Рим. IV, 9), была въ поколѣніи томъ безплодна и бездѣтна, не производя въ лицѣ Авраама плодовъ добродѣтели. По справедливости посему она желала, чтобы тотъ, кто до сихъ поръ стремился въ своей жизни къ преуспѣянію, но успѣховъ еще не имѣлъ, вошелъ въ связи съ мірской наукой,—Египетъ символически представляетъ собою міръ,—а послѣ чтобы и съ нею, съ мудростью, сблизился для произведенія на свѣтъ, по изволенію Божественнаго провидѣнія, законнаго наслѣдника, Исаака. По истолкованію Филона (такъ надо понимать эту исторію, ибо) слово *Агарь* означаетъ „жилище по сосѣдству", смежное поселеніе (**), почему и говорится въ Писаніи: *Не долго будь у иностранки* (Притч. V, 20); имя же *Сарры* означаетъ: авторитетъ мой (***).

вительными науками. Многимъ изъ нихъ, напр. изъ геометріи и астрономіи, можно воспользоваться для истолкованія свящ. Писаній. Ибо что философы касательно геометріи, музыки, грамматики, реторики и астрономіи говорятъ, что эти науки союзны съ ихъ профессіей и помогаютъ ей (т. е. философіи), то самое мы можемъ сказать о положеніи, занимаемомъ философіей относительно христіанской религіи».

(*) И это изъ Филона, какъ показываютъ то вышеприведенныя слова его. Подобное сему говорили о философіи и мудрости и Стоики. Плутархъ въ началѣ кн. I De placitis philosoph.: «Стоики говорили, что мудрость есть знаніе вещей Божескихъ и человѣческихъ, а философія состоитъ въ занятіяхъ, направленныхъ на пріобрѣтеніе этого рода знаній». Нашъ писатель въ послѣдней главѣ I-й кн. «Педагога» опредѣляетъ философію по разумѣнію Стоиковъ, говоря, что она есть «изученіе здравости разума». О мудрости же во II-й кн. «Педагога» въ срединѣ гл. 2-й онъ говоритъ: «Мудрость есть искуство вести правый образъ жизни». Иные же философію не отличали отъ мудрости. Алкиной Anim. in Porphyr. cap. 1 говоритъ: «Философія есть знаніе вещей Божескихъ и человѣческихъ», тогда какъ онъ долженъ былъ сказать: (только) наука о вещахъ Божескихъ и человѣческихъ.

(*) Это также изъ Филона взято. Недалеко отъ начала выше цитованной книги о Саррѣ онъ разсуждаетъ такимъ образомъ: «Итакъ войди, говоритъ (т. е. Сарра Аврааму) къ служанкѣ моей, ознакомься съ наукой, имѣющей дѣло съ знаніями (мудрость) посредствующими и общими, дабы сначала отъ нея тебѣ дѣтей (плодъ) имѣть; послѣ же того отъ общенія съ госпожей можешь ты и законныхъ дѣтей имѣть». Въ названномъ своемъ сочиненіи Филонъ многое и другое говоритъ въ этомъ родѣ, всѣ остальныя знанія и науки поставляя нѣкоторымъ образомъ въ служебное отношеніе къ мудрости.

(**) Послѣ словъ только что приведенныхъ немного ниже Филонъ прибавляетъ: «Родомъ египтянка, по имени Агарь. А по переводу значитъ это имя «сосѣднее поселеніе».

(***) Филонъ недалеко отъ начала книги «О херувимахъ» говоритъ: «Сарра же есть символъ моего достоинства, ибо означается ея именемъ мое начальственное положеніе». Тамъ же это аллегорическое толкованіе исторіи женъ Авраама, Сарры и Агари, шире развивается.

Итакъ эти предуготовительныя ученія (первоначальное на свѣтскихъ наукахъ развитіе), приводятъ къ мудрости, которой тронъ принадлежитъ и которая умножаетъ собою родъ Израильскій. Отсюда открывается, что мудрость ученіемъ можетъ быть пріобрѣтаема(*). Авраамъ именно этимъ путемъ до ней дошелъ, отъ созерцанія вещей небесныхъ перешедши къ вѣрѣ въ Бога и праведности.

Исаакъ же слово того обозначаетъ, кто не отъ другихъ научается, но самъ собою до чего нибудь доходитъ(**). Поэтому-то онъ и Христа прообразомъ оказывается. Онъ былъ уже одной жены мужемъ, а именно Ревекки, имя которой значитъ „терпѣніе". Іаковъ же такъ называется потому, что боролся со многими противниками, ибо его имя означаетъ атлета, „упражняющагося". Упражняться же можно лишь въ томъ, что представляетъ собою науку нѣкоторую многообразную и разнохарактерную (***). Почему Іаковъ и другое имя получаетъ и наименовывается Израиль, что значитъ „истинно-зрячій": многоопытность и долговременныя упражненія сдѣлали его по истинѣ провидцемъ (*). Истолкованіе именъ трехъ этихъ праотцевъ іудейскаго народа такимъ образомъ открываетъ намъ, что на (религіозное) знаніе налагаетъ печать силы и прочности отношеніе его къ природѣ (къ свѣтской наукѣ), къ учености (къ самодѣятельности) и къ практической, дѣловой жизни.

Въ Ѳамари имѣешь ты и другой образъ (**) развиваемыхъ нами началъ. Она идетъ на уличный перекрестокъ и садится здѣсь, разыгрывая роль meretricis. Видитъ ее любопытный Іуда,—Іуда значитъ сильный (***),—ничего

(*) Въ книгѣ «О собраніяхъ для выслушиванія предварит. ученій», стран. 429, Филонъ: «Добродѣтель, коей Авраамъ слѣдовалъ, изучаема, подлежитъ изученію». Тому же учили и Стоики, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Діогенъ Лаэрцій въ Зенонѣ VII, seg. 91.

(**) Этой этимологіей и аллегоріей нашъ писатель также обязанъ Филону. Въ выше цитованной книгѣ стран. 429 онъ намекаетъ: «А родъ, самъ собою выучившійся, это тотъ, къ которому принадлежалъ Исаакъ». Затѣмъ передается истолкованіе имени Ревекки: «У Эллиновъ терпѣніе, а у Евреевъ Ревекка», какую этимологію Филонъ передаетъ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Климентъ уже приводилъ это словопроизводство въ гл. 5-й I-й кн. «Педагога».

(***) Филонъ къ словамъ выше приведеннымъ прибавляетъ: «Чрезъ упражненіе до совершенства доводится; упражненія же состоятъ изъ многихъ разнообразныхъ упражненій, предварительныхъ, послѣдующихъ, поспѣшнѣе и медленнѣе производимыхъ и сопряженныхъ съ трудами то большими то меньшими». Климентъ эти слова Филона лишь сократилъ.

(*) На сей предметъ сдѣлано нами полное примѣчаніе въ Педагогѣ; см. примѣч. въ 7-й гл. кн. I-й.

(**) И эта аллегорія взята также изъ Филона, который въ кн. Περὶ μέθης pag. 442 пишетъ: «Ѳамарь садится на мѣстѣ, гдѣ сходились три дороги, выдавая себя предъ проходящими за meretricem, дабы кто нибудь изъ наиболѣе любопытныхъ покрывало съ нея сдернулъ и засвидѣтельствовалъ миловиднѣйшую красоту ея чистой и дѣвственной стыдливости. Но кто оный развѣдыватель, жаждущій знанія, ничего не оставлящій не изученнымъ и не изслѣдованнымъ какъ не высшій оный вождь и царь, охотно въ борьбу вступающій и въ союзѣ съ Богомъ ее выдерживающій, Іуда именемъ»?

(***) По Филону Іуда значитъ «Господу исповѣданіе, или признаніе». Въ кн. De plantatione Noe pag. 233, Филонъ пишетъ: «Іуда же по переводу значитъ «Господу признаніе». Тоже въ кн. I De legis allegor. pag. 55: «Іуда означаетъ признающагося». На это Филонъ намекаетъ не только въ словахъ выписанныхъ въ вышеприведенномъ примѣчаніи, но и самъ Климентъ въ послѣдующихъ словахъ: «Отъ исповѣданія Бога однакоже не отступая». И въ Стром. VII, въ концѣ гл. 16-й, онъ на тоже намекаетъ, говоря: «Іудея въ переводѣ значитъ: *Исповѣданіе*». Постановленія Апостольскія II, гл. 60: «Іуда по переводу Исповѣданіе значитъ». Котелерій дѣлаетъ такое примѣчаніе къ сему мѣсту: «То тамъ то тутъ авторы имя Іуды

изъ найденнаго не оставляющій не осмотрѣннымъ, безъ изслѣдованія, всматривается въ нее и уклоняется къ ней, отъ исповѣданія Бога однакоже не отступая.

Уклонился Іуда къ Ѳамари по тому же побужденію, по которому и Авраамъ временно сблизился съ Агарью. Онъ цѣнилъ въ человѣческой философіи лишь то, что содержитъ она полезнаго; посему когда Сарра стала завидовать, что служанкѣ ея, Агари, воздаютъ больше почтенія, нежели ей, госпожѣ (*), Авраамъ сказалъ ей: *Вотъ рабыня въ рукахъ твоихъ; дѣлай съ нею что тебѣ угодно*. Какъ еслибы такъ говорилъ онъ Саррѣ: „Мірское знаніе привѣтствую я не за иное что какъ за его юность (новость) и цѣню его не больше чѣмъ простую служанку; въ тебѣ же чту я истинную госпожу и твое знаніе цѣню какъ совершеннѣйшее. удовлетворяющее глубже и благороднѣйшее. А выраженіе: *И обижала ее Сарра* равносильно: И поправляла и выговоры дѣлала (**). *Наставленій Господнихъ, сынъ мой, не забывай и не отвергай Его обличеній. Ибо кого любитъ Господь, караетъ. Своихъ чадъ, принимаемыхъ на небо, Онъ еще здѣсь на землѣ поражаетъ* (Притч. III, 11, 12; Евр. XII, 5, 6).

Разсматриваемы будучи съ отношеніемъ къ другимъ прообразамъ, приведенныя мѣста Писанія представляютъ собою изъясненіе и другихъ тайнъ (*). Здѣсь же мы только то на основаніи сихъ мѣстъ утверждаемъ, что философія доискивается истины и изслѣдуетъ природу вещей; истиной же самъ Господь состоитъ, изрекшій: *Азъ есмь истина* (Іоан. XIV, 6). Предуготовительныя же ученія, предшествующія во Христѣ успокоенію, упражняютъ умъ и пробуждаютъ разумѣніе, порождаютъ горячность и развиваютъ проницательность въ отысканіи истины, а вмѣстѣ съ тѣмъ помогаютъ достигать истинной философіи, которую посвященные въ нее находятъ въ вещахъ священныхъ, или въ сокровищѣ ономъ, полученномъ ими отъ самой Истины (т. е. Христа) (**).

толкуютъ съ отношеніемъ къ исповѣданію Бога, прославленію, понимая подъ именемъ Іуды исповѣдника имени Божія, прославляющаго оное. Но въ Miscellaneo, оставшемся послѣ нашего писателя Іуда переводится «сильный», т. е. властный, мощный, такъ какъ еврейскій корень «jod» означаетъ «силу» и власть, и «jod» же значитъ «свергаетъ, валитъ», что свойственно сильному.

(*) Это тоже изъ книги Филона De cong quaer. erud. gratia p. 446.

(**) Филонъ въ кн. только что названной pag. 447: «И обижала (наказывала, била) ее. Это выраженіе равносильно: И бранила, порицала ее исправляя и понуждала ее исполнять обязанности». У него же немного ниже приводится и изреченіе Соломона, приводимое и Климентомъ.

(*) Немного выше Исаака писатель самъ же назвалъ прообразомъ Христа.

(**) По поводу сего аллегорическаго толкованія исторій Авраама съ Агарью и Іуды съ Ѳамарью считаемъ нужнымъ въ защиту нашего писателя замѣтить слѣдующее. Пора бы поклонникамъ такъ называемаго историко-критическаго въ толкованіи свящ. Писанія метода перестать методъ аллегорическій обзывать,—съ легкой руки протестантскихъ раціоналистовъ и полураціоналистовъ,—методомъ произвола, безпочвенныхъ фантазій и ненаучности. Накакой другой методъ въ учебномъ отношеніи не могъ быть, но и понынѣ не можетъ быть, популярнѣе и цѣлесообразнѣе этого. Въ практическомъ отношеніи, для наставленія народа въ истинахъ вѣры, для проведенія въ массу его извѣстной идеи это цѣлесообразнѣйшій методъ по истинной наглядности его, живости и убѣдительности; чрезвычайно онъ облегчаетъ собою популяризацію глубокихъ идей и пониманіе ихъ народомъ, ибо требуетъ для напечатлѣнія извѣстныхъ истинъ въ памяти, для переработки ихъ сознаніемъ и усвоенія весьма мало времени. Въ этомъ отношеніи гораздо цѣлесообразнѣе онъ нашего отвлеченнаго.

Простой благочестивый гражданинъ города или же селянинъ, частію вслѣдствіе грамотности, частію вслѣдствіе постояннаго слушанія и чтенія свящ. Писаній въ церкви и дома хорошо ознакомился съ буквой ихъ. Что же страннаго, если проповѣдникъ дѣлаетъ изъ сихъ извѣстныхъ слушателямъ фактовъ новые выводы, популяризируетъ ими ка-

6. Ученье, а не природа насъ развиваютъ до степени людей добродѣтельныхъ. Оно весьма много вліяетъ на образованіе въ насъ и самой расположенности къ добродѣтели.

Подготовленность предварительнымъ ученіемъ много способствуетъ разумѣнію того, какимъ вещамъ слѣдуетъ отдавать предпочтеніе; знанія и навыки, умомъ усвояемые, (обогащая его), въ свою очередь способствуютъ развитію его (и новой жаждѣ знанія). Вещей же, умомъ постигаемыхъ, есть три различныхъ рода: величины неопредѣленныя, величины опредѣленныя и мысли, содержимыя словомъ (*). Ученіе, сопровождаемое доказательствами, настолько въ душѣ послѣдователя упрочиваетъ вѣру, что онъ отказывается и представлять себѣ дѣло иначе.

Если содержимое нами ученіе вѣры мы доказательствами обоснуемъ, то это и отъ различныхъ обманщиковъ насъ предохранитъ, не допуская, чтобъ отъ бредней ихъ мы съ пути сбились и съ толку. Душа, развившаяся на основательномъ изученіи подготовительныхъ наукъ, вырывается изъ подъ власти внѣшнихъ чувствъ, возбуждается и проникается силою и энергіей, ее дѣлающими способною къ пониманію ученія истиннаго.

Эта умственная развитость, эти цѣлесообразныя познанія, умомъ усвояемыя, они питаютъ умъ и его мышленіе такъ же, какъ пищей пи-

(*) Или говоря иначе: предметами познанія могутъ быть: или Богъ или предметы или соотношеніе между ними.

кую нибудь новую идею? Почему же ему не пользоваться знаніями своихъ слушателей какъ покровами и носителями для нихъ новыхъ ученій? Извѣстные слушателю историческіе факты могутъ оставаться историческими фактами; но почему же они не могутъ представлять собою въ живыхъ образахъ догмъ и истинъ высшей христіанской жизни? Духовное и отвлеченное чрезъ пластическіе образы этого метода можетъ быть лишь облегчаемо для пониманія, а въ воспоминаніи напечатлѣваться быстрѣе и глубже. На что при отвлеченномъ методѣ нужны недѣли, то при посредствѣ какого нибудь пластическаго образа простолюдинъ понимаетъ и въ томъ убѣждается въ какой нибудь часъ.

Да и съ существомъ дѣла совершенно согласно и само собою понятно, что останавливаться лишь на внѣшности историческаго факта значило бы впадать въ односторонность и поверхностность; каждый фактъ въ жизни служитъ выраженіемъ смысла высшаго и духовнаго. И грѣхъ не безобразіемъ, а своею мишурой насъ увлекаетъ. Посему если уже въ заурядныя фразы обыденной жизни вникая мы открываемъ въ нихъ смыслъ болѣе глубокій, то почему же, въ Писанія вникая чувствами и умомъ очищенными, освященными и преображенными, мы не имѣемъ права открывать въ нихъ смысла высшаго?

Не чрезъ видѣнія ли и не чрезъ образы ли милосердый Богъ еще и понынѣ,—смотря по большей или меньшей пріемлемости, болѣе или менѣе совершенно,—наставляетъ и каждаго изъ насъ?

Нечего аллегорическій методъ попрекать заимствованностью его у языческихъ философовъ, пользовавшихся де имъ при объясненіи поэтовъ и миѳовъ; нечего заподозривать его и за заимствованность у Филона. Истинно человѣчное и цѣлесообразное одинаково для всѣхъ и всюду практично.

Оставлены конечно должны быть изъ аллегорическаго метода ложныя этимологіи; примѣняемъ онъ долженъ быть въ извѣстныхъ границахъ, но данныя при посредствѣ тѣхъ этимологій разъясненія извѣстныхъ идей должно признать совершенно правильными. Примѣръ, образъ, подобіе могутъ быть иными, болѣе удачными и заимствуемы изъ другихъ сферъ, но дѣло остается и понынѣ тоже. Періодъ аллегорическаго или—что тоже—символическаго, типическаго толкованія свящ. Писанія, но и иныхъ вещей и фактовъ, и понынѣ не прошелъ; онъ и никогда не пройдетъ, потому что повсюду въ земномъ отображается небесное, въ чувственномъ духовное, во временномъ вѣчное. (О таинственномъ смыслѣ нѣкоторыхъ частей свящ. Писанія, или о значеніи аллегорическаго, Александрійскаго, способа толкованія его» срав. въ Яросл. епарх. вѣд. 1888 г. части неоф. въ №№ 11-мъ, 12-мъ, 13-мъ и 14-мъ).

тается тѣло; и ими-то собственно и обусловливается дѣльность разныхъ натуръ. Но и сами эти дѣльныя натуры, воспитавшіяся на предварительныхъ ученіяхъ, благодаря имъ постоянно впередъ могутъ итти по пути улучшенія, въ различныхъ отношеніяхъ дѣлаясь лучше, а равнымъ образомъ на созданіе и другихъ дѣльныхъ натуръ вліяя даже еще болѣе лучшихъ, чѣмъ сами онѣ. Въ царствѣ животномъ и вообще вѣдь замѣчается это.

Посему *пойди, о лѣнивецъ, къ муравью и постарайся стать мудрѣй его. Во время жатвы* онъ заготовляетъ *много* разнаго рода *припасовъ*, обезопашивая себя *на зиму* (Притч. VI, 6). Или: *Пойди къ пчелѣ и познай, какъ она трудолюбива, ибо и она съ цвѣтовъ луга соки собирая производитъ сотъ* (Притч. VI, 8).

Господь намъ заповѣдалъ *молиться въ комнатѣ* (Мѳ. VI, 8), *духомъ покланяясь* (Іоан. IV, 8). Значитъ не только цѣлесообразнымъ для сего устройствомъ дома должно озабочиваться, но и своей души воспитаніемъ, т. е. чѣмъ ее питать должно и какъ и въ какомъ количествѣ; что изъ нея должно быть устранено и что въ ней сохраняемо въ качествѣ сокровища; и что въ ней на передній планъ должно быть выдвинуто и для какихъ цѣлей.

Не природа, а ученье дѣлаетъ насъ пріятными и добрыми, подобно тому какъ ученье же образуетъ врачей и моряковъ. Всѣ мы видимъ виноградную лозу и лошадь. Но только садоводъ узнаетъ, плодовита она или нѣтъ и каковъ виноградъ съ нея; и коноводъ сразу отличитъ лошадь вялую отъ бѣгающей быстро.

То обстоятельство, что добрые результаты въ нѣкоторыхъ областяхъ знанія достигаются лишь людьми, кои отъ природы одарены высшими способностями, хотя и доказываетъ собою съ несомнѣнностью, что душа однихъ къ добру способна больше, нежели душа другихъ, и все-же это обстоятельство отнюдь еще о томъ не свидѣтельствуетъ, что болѣе совершенное приближеніе къ истинѣ обусловлено одной природою этихъ особенныхъ людей. Осуществляются и притомъ важнѣйшія изъ добродѣтелей людьми съ природою и противящейся истинѣ, если бываютъ они въ томъ наставляемы и если тѣ наставленія ими принимаются.

Съ другой стороны впадаютъ въ пороки и расположенные къ добру люди, если они получили превратное воспитаніе или если и вовсе относительно ихъ онымъ пренебрегли.

Дѣло въ томъ, что уже при сотвореніи Богъ вложилъ въ насъ начала истины и создалъ насъ для жизни общественной; т. е. не заключая къ тому отсюда, что добродѣтель въ насъ развивается уже изъ самаго этого дара, съ необходимостью должны мы допустить, что вложенныя въ насъ искры добра раздуваются воспитаніемъ; ученіе насъ наставляетъ избирать добро и его предпочитать злу(*). Конечно можно быть вѣрующимъ и безъ науки; за то разумѣть излагаемое вѣрою неучъ не въ состояніи. Здравое ученіе принимать, а дурное отвергать можетъ не простая вѣра, а та лишь, которая опирается на науку.

Еслиже на томъ основаніи, что жить добродѣтельно какъ бѣдные могутъ, такъ и богатые, кто возразилъ бы мнѣ, что невѣжествомъ, невоспитанностью и ничегонезнаніемъ значитъ наравнѣ съ ученостью посредствуется знаніе вещей Божескихъ и человѣческихъ, то мы утверждаемъ вопреки сему, что прошедшій свободныя науки легче и скорѣе заявитъ себя какой нибудь добродѣтелью, хотя не такъ однакоже это понимать слѣдуетъ, будто безъ нихъ добродѣтель и не можетъ быть усвоена, а такъ лишь, что у учившихся и чувства больше изощряются (**).

Ненависть, говоритъ Соломонъ, *возбуждаетъ раздоры, ученіе же наблюдаетъ пути жизни* (Притч. X, 12, 17); тогда насъ трудно бываетъ ввесть въ обманъ и не бываемъ мы за-

(*) Повидимому здѣсь намекъ содержится на выраженіе Ѳеогниса: «Что справедливо, то и прекрасно». Тому же учитъ Аристотель, Ethic. ad Nicom. V.

(**) Намекъ на мѣсто изъ посл. къ Евр. V, 14: *Твердая же пища свойственна совершеннымъ и которыхъ чувства навыкомъ пріучены къ различенію добра и зла.*

водимы на распутія тѣми, которые на пагубу слушателей развиваютъ ученія непотребныя. *Не вразумленный же ученіемъ заблуждается*, говоритъ Писаніе (Притч. X, 17). Слѣдуетъ значитъ съ способами знакомиться ученія доказывать, а противниковъ опровергать, дабы въ состояніи быть отражать ложныя мнѣнія софистовъ.

Весьма похвально и установившагося о немъ мнѣнія какъ о человѣкѣ „счастливомъ" достойно Анаксархъ пишетъ въ книгѣ „О царствѣ": „Многоученость можетъ много помогать, но много и вредить можетъ пріобрѣтшему ее. Помогаетъ она тому, кто стоитъ ея; вредитъ же тому, кто болтаетъ что и гдѣ ему вздумается. Слѣдуетъ и въ распространеніи истины благоприличіе времени наблюдать. Этого требуетъ совершенство мудрости. Кто предъ дверьми поетъ, тотъ хотя бы и нѣчто дѣльное и искусно пѣлъ, не можетъ считаться за мудраго, но свидѣтельствуетъ лишь о своей глупости". И Гезіодъ говоритъ:

> Музы даруютъ поэту многорѣчивость, вдохновеніе
> и звонкій голосъ.

Въ сихъ словахъ многорѣчивымъ поэтъ называетъ мужа плодовитаго; голосистымъ же называетъ онъ мужа остроумнаго и пылкаго (*); а вдохновляемымъ отъ самого Божества называетъ онъ того, кто въ одно и тоже время и искусенъ и философъ и свѣдущъ въ истинѣ.

7. Философія пролагаетъ путь къ небу. Путемъ симъ однакоже не состоитъ ни одинъ изъ тѣхъ, кои указываются частными философскими школами, а тотъ который расчищается церковію.

Итакъ открывается, что предуготовительныя оныя науки, изучаемыя свободными Эллинами, наравнѣ съ философіей, происходятъ отъ Бога. Происхожденіе это нужно понимать не такъ однакоже, какъ еслибъ самъ Богъ наставлялъ людей чрезъ тѣ науки, но такъ, что подобно нѣкоему дождю онѣ усыряютъ собою безразлично и плодоносную почву и навозъ и кровли домовъ. Одинаково посему вліяетъ дождь сихъ наукъ на произрастаніе и плевелъ и пшеницы. Возрастаетъ подъ вліяніемъ его и смоковница на кладбищѣ и иныя дерева индѣ, еще болѣе неприхотливыя. Эти случайныя подъ вліяніемъ сего дождя наукъ порожденія поля душъ человѣческихъ даже еще красивѣе нарочитыхъ плодовъ его. Однимъ и тѣмъ же благотворнымъ вліяніемъ сего дождя наукъ обусловливается порожденіе и тѣхъ случайныхъ продуктовъ человѣческаго духа и продуктовъ почвы его плодородной, но первые не имѣютъ цѣнности послѣднихъ; потому обыкновенно они или сами собою засыхаютъ или же бываютъ насильно исторгаемы.

Притчей Господа о сѣятелѣ, Имъ самимъ истолкованной (Мѳ. XIII; Мк. IV), очень хорошо раскрывается нашъ предметъ. Воздѣлываемымъ полемъ состоятъ люди, а единственнымъ сего поля Земледѣлателемъ состоитъ Единый, начиная съ сотворенія міра свыше разсѣевающій по сему полю питательныя сѣмяна, постоянно орошая ихъ при посредствѣ Божественнаго Логоса. Разсѣеваемыя по сему полю зерна всѣ суть свойства питательнаго, но различіе временъ и разнообразіе осѣменяемой почвы вліяетъ на различіе и произведеній ея.

Есть конечно различіе между этими зернами и въ разсужденіи питательности. Такъ Божественный Земледѣлатель разсѣеваетъ пшеницу, но существуютъ и ея различные виды. А Онъ сѣетъ кромѣ того еще ячмень, бобы, горохъ, сѣмяна различныхъ овощей и цвѣтовъ, возращаемыхъ въ садахъ.

Одинъ и тотъ же Земледѣлатель, но Онъ работаетъ то на поляхъ, то въ садахъ, то надъ виноградниками. Онъ же и о томъ наконецъ заботится, чтобы покрыта была почва разнаго рода деревьями и чтобъ она питала ихъ.

Подобнымъ образомъ домашнія животныя всѣ требуютъ ухода за собой, но сей уходъ соотвѣтствовать долженъ роду животныхъ. Въ одномъ состоитъ искуство пасенія овецъ, и особаго рода знаніями обусловливается пасеніе воловъ; отлично отъ сихъ искуство наѣз-

---

(*) Намекъ на стихъ Гомера изъ Одиссеи X, 136:

> Тамъ жила
> Цирцея власолѣпая, богиня удивительно дѣльная
> и пѣть мастерица.

жанья лошадей и различно отъ сего искуство дрессировки собакъ; несходно опять съ этими искуство разведенія пчелъ; и однакоже всѣ эти искуства полезны въ сей земной жизни.

Подъ философіей же я не разумѣю ни философіи Стоической, ни Платоновой, ни Эпикурейской, ни философіи Аристотеля, а эклектическую, наилучшія изъ всѣхъ ихъ положенія, касающіяся правоты, вѣдѣнія и гуманности(*).

(*) Писатель одобряетъ и раздѣляетъ положеніе, занимаемое по отношенію къ различнымъ философскимъ школамъ тѣми, которые, не примыкая ни къ одной изъ нихъ, выбирали изо всѣхъ ихъ, руководясь личнымъ своимъ вкусомъ, то, что считалось ими за истину, не разбирая кѣмъ именно, какой школой она высказана. Это была эклектическая школа и ко временамъ Климента по происхожденію ближайшая. Діогенъ Лаэрцій (жилъ въ 1-й половинѣ III в. по Р. Хр.) въ концѣ предисловія къ своему знаменитому сочиненію говоритъ о сей школѣ какъ о происшедшей недавно и называетъ основателемъ ея Александрійца Потамона. Свида же сообщаетъ, что Потамонъ жилъ во времена императора Августа и послѣ него.—У Галена (131—200 гг. по Р. Хр.) также упоминается объ эклектикахъ въ медицинѣ, которыхъ Фестъ (Римскій грамматистъ, жилъ въ IV в. по Р. Хр.) называетъ «Miscelliones». Галенъ самъ о себѣ свидѣтельствуетъ, что наученъ былъ своимъ отцомъ не слѣдовать ни одной изъ школъ, а у всѣхъ ихъ учиться, впрочемъ обсуждая ихъ ученія; онъ выражаетъ и удовольствіе, что отца послушался.—Квинтилліанъ, III, 1, о себѣ передаетъ, что онъ «не принадлежитъ ни къ какой опредѣленной школѣ и не раздѣляетъ ихъ суевѣрій».—Но еще прежде временъ Потамона, какъ открывается изъ Діона Хризостома (дѣйствовалъ въ Римѣ въ 94—117 г. по Р. Хр.), и онъ самъ и еще нѣкоторые ему подобные держались того же философскаго направленія, хотя эклектиками и не назывались. Цицеронъ, De off. I, 2, о себѣ свидѣтельствуетъ: «И тѣми и другими состоять желаемъ, и Сократиками и Платониками». Въ гл. 6 онъ же: «Въ настоящее время и въ этого рода вопросахъ мы хотя и держимся болѣе мнѣній Стоиковъ, но не рабски, лишь истолковывая ихъ, а изъ сочиненій ихъ, руководясь собственнымъ сужденіемъ, то заимствуя и настолько, насколько оказывается то нужнымъ».

Въ томъ же, что въ свою мудрость съ искаженіями заимствовали изъ человѣческой философіи софисты, ничего не вижу я Божественнаго.

Приходится впрочемъ иногда (для опредѣленія въ сей мірской мудрости элементовъ Божественныхъ) и на то обращать вниманіе, хорошо ли тѣ живутъ, кто (свыше) не наученъ добродѣтели. Случается, что и они хорошо поступаютъ; нѣкоторые же и приближаются къ истинному ученію, сознавая, что все дѣло въ немъ и что оно должно быть цѣлью.

Авраама вѣра оправдала, а не добрыя дѣла (Рим. IV). Подобнымъ образомъ и послѣдователямъ различныхъ философскихъ школъ всѣ ихъ добрыя дѣла не были въ пользу, вѣра же ихъ имъ послужила ко спасенію.

Богъ устроилъ такъ, что священное Писаніе было переведено на Греческій языкъ; и такимъ образомъ у философовъ отнятъ былъ всякій предлогъ къ незнанію истины; стоило лишь пожелать, и истину они легко могли узнать.

Иное дѣло слышать разсуждающаго объ истинѣ и иное дѣло слышать, какъ истина сама о себѣ свидѣтельствуетъ. Иное дѣло гадать объ истинѣ и иное дѣло съ ней съ самой имѣть сношенія; различіе большое между представленіемъ и дѣйствительностью. Есть наука постигаемая ученіемъ и трудомъ; и есть наука, основанная на авторитетѣ и состоящая плодомъ вѣры. Ученіе, насъ наставляющее истинному Богопочтенію, есть даръ намъ свыше, подобно тому какъ вѣра есть плодъ дѣйствія въ насъ благодати. Лишь съ тѣхъ поръ мы начинаемъ познавать волю Божію, какъ начинаемъ (во благодати) исполнять ее (*). *Отворите мнѣ врата правды*, говоритъ Писаніе, *чтобъ вошедъ въ нихъ могъ я прославить Господа* (Пс. CXVII, 19).

(*) Намекъ на мѣсто изъ еванг. Іоан. VII, 17: *Кто хочетъ творить волю Его, тотъ узнаетъ о семъ ученіи, отъ Бога ли оно или Я Самъ отъ Себя говорю.*

Пути же, ведущіе къ истинѣ, многочисленны и разнообразны, ибо Богъ по благости своей различными средствами пользуется для спасенія людей, и всѣ эти пути выводятъ насъ на путь Господень и приводятъ къ вратамъ Господнимъ. Если же вы спросите о пути царскомъ и указанномъ самимъ Богомъ, то вотъ вамъ отвѣтъ: *Вотъ врата Господни: праведники войдутъ въ нихъ* (Пс. CXVII, 20) (*). Много вратъ къ истинѣ отверзто, но только врата праведности выводятъ на путь, что ко Христу; блаженны всѣ вступавшіе на путь сей и себя заявлявшіе на немъ святостію жизни и вѣдѣніемъ. Посему Климентъ въ своемъ посланіи къ Коринѳянамъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ перечисляетъ различные пути, кои признаны церковію за истинные: „Одинъ да будетъ просто вѣрующимъ; другой пусть состоитъ носителемъ священнаго знанія; сей да будетъ мудръ въ различеніи рѣчей (1Кор. XII, 8, 9, 10); этотъ да отличается энергіей дѣятельности“.

8. Софистика и иныя искуства, лишь въ словахъ состоящія, суть искуства безполезныя.

А замысловатое искуство софистическое, которымъ столь ревностно занимаются Эллины, представляетъ изъ себя силу лишь воображаемую; все оно состоитъ изъ набора словъ, коими истина лишь затемняется, а неистинное мнѣніе выдается за неложное. Искуство подбирать напыщенныя слова и препирательство безъ конца, вотъ его средства; въ первомъ изъ сихъ средствъ заключается вся его убѣдительность; вторымъ же оно поддерживаетъ споръ и одерживаетъ верхъ въ немъ. Кто бы ни дѣлалъ примѣненіе изъ такого рода хитростей, на всякомъ это отзовется гибельно, именно потому, что не соединяется съ симъ дѣльнаго знанія и любви къ нему. Вотъ почему Платонъ это софистическое искуство назвалъ положительно гибельнымъ. Аристотель былъ того же мнѣнія о немъ. Онъ объявляетъ, что софистика представляетъ изъ себя плутовать искуство; мошеннически она разыгрываетъ роль представительницы якобы заправской высшей учености и себѣ усвояетъ знаніе тѣхъ самыхъ наукъ, изученіемъ которыхъ не только никогда не занималась, но и пренебрегаетъ коими.

Для выясненія природы софистики и ея пріемовъ скажу кратко слѣдующее. Реторика имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ вѣроятное; средствомъ для достиженія цѣлей ей служитъ аргументъ; ея цѣль—убѣжденіе. Искуство діалектическое (спорить) поставляетъ для себя началомъ также возможное; средствомъ убѣжденія для него служитъ споръ; его цѣль—побѣда. Софистика поставляетъ своимъ началомъ также правдоподобное. Но способъ убѣжденія у ней двоякій; одинъ приближается къ реторическому и имѣетъ видъ послѣдовательнаго раскрытія дѣла; другимъ она заимствуется отъ діалектики, придавая ему форму вопросительную; ея цѣль — возбудить удивленіе, довесть слушателя до разинутія рта и до онѣмѣнія. Но и въ школахъ этой самой діалектики, столь превозносимой общественнымъ мнѣніемъ, постановка представляетъ собою не иное что какъ каляканье того и другаго философа объ общепринятыхъ мнѣніяхъ, упражненіе себя въ искуствѣ диспутировать и оказываться находчивымъ въ спорѣ. Истины же чрезъ нее не преподается нигдѣ.

Преславный Апостолъ, выражая презрѣніе къ этимъ пустымъ искуствамъ, вращающимся лишь въ словахъ, имѣлъ значитъ всѣ основанія сказать про софистовъ: *Здравымъ ученіямъ они не слѣдуютъ, а распалены нѣкоторою страстію къ учительности, ничего однакоже незная; умъ ихъ болѣзненно обращается на состязанія и словопренія, отъ которыхъ происходятъ распри, зависть, злорѣчіе, лукавая подозрительность, пустые споры* (не во время и о пустякахъ) *между людьми ума поврежденнаго, истины чуждыми* (1 Тим. VI, 3—5) Понимаешь, конечно, что Апостолъ съ порицаніемъ о та-

---

(*) Ниже писатель самъ цитуетъ Климента Римскаго. Но уже и съ сей мысли онъ съ незначительными измѣненіями примыкаетъ къ нему. Срав. 1-го посл. Климента Римскаго къ Коринѳянамъ гл. 48-ю, а также и въ сей кн. Строматъ выше 2-е примѣч. гл. 5-й.

кихъ людяхъ отзывается? Суесловіе ихъ онъ называетъ болѣзнью. А греческіе и иностранные софисты такъ чванятся имъ и это гибельное пустобайство столь нравится имъ.

Трагическій поэтъ Еврипидъ также считалъ его за болѣзнь. Въ своей драмѣ: „Финикіянки" онъ такое мнѣніе высказываетъ объ одномъ изъ сихъ пустоплетовъ:

А рѣчь безъ правды
Болѣзненна въ самомъ существѣ своемъ: потребно
тутъ цѣлесообразное примѣненіе средствъ
цѣлебныхъ (ст. 471, 472).

Ученіе же о спасеніи у Апостола названо *здравымъ ученіемъ*, потому что Логосъ, его преподавшій, есть сама истина. И что здраво, все то безсмертнымъ остается; а что отъ здраваго и Божественнаго удаляется, все то есть нечестіе и представляетъ собою болѣзнь смертельную. *Хищные волки* (Мѳ. VII, 15)—эти софисты, вотъ они кто, лишь прикрывающіеся *овечьей шкурой*. Это — поработители своихъ ближнихъ, изъ людей свободныхъ ихъ обращающіе въ рабовъ; это—сладкорѣчивые обольстители душъ; плуты это, но тайные и въ плутовствѣ ихъ уличить трудно; все свое лукавство и всѣ свои силы они употребляютъ на то, чтобъ насъ, простыхъ людей, съ искуствомъ ихъ суесловія незнакомыхъ, полонить.

Часто бываетъ, что человѣкъ не обладающій даромъ краснорѣчія,
Хотя бы и основательное что говорилъ, производитъ своею рѣчью меньшее впечатлѣніе, нежели человѣкъ краснорѣчивый.
Особенно въ наши дни въ рѣкѣ словъ топятъ
несомнѣннѣйшія истины,
Лишь бы воспрепятствовать появленію истины на
свѣтъ,

говорится въ трагедіи (*).

Такъ поступаютъ эти столь охочіе до споровъ философы, ученіе ли какой школы излагая или въ діалектическихъ хитростяхъ упражняясь. „Они, говоритъ свящ. Писаніе, снимаютъ ткань съ ткацкаго станка, но не они ткань ту ткали" (*); переливаньемъ изъ пустаго въ порожнее вмѣсто этого они занимаются. *Лукавствомъ* и *хитрымъ искуствомъ, уловляющимъ людей въ сѣти заблужденія*, называетъ Апостолъ это искуство (Еф. IV, 14). *Ибо есть*, говоритъ онъ, *много непокорныхъ*, *много пустослововъ и обманщиковъ* (Тит. I, 10).

Итакъ не ко всѣмъ обращено слово: *Вы соль земли* (Мѳ. V, 13). Даже между знакомыми съ Божественнымъ ученіемъ есть люди подобные морскимъ рыбамъ, которыя требуютъ приправы солью, хотя съ рожденія жили въ соленой водѣ. Вполнѣ посему согласенъ я съ словомъ трагическаго поэта:

Сынъ мой! Рѣчи искусно сложенныя зачастую
Лживы. Благодаря красотамъ стиля часто онѣ
верхъ одерживаютъ
Надъ истиной. Но не это въ нихъ всего больше
слѣдуетъ цѣнить,
А сущность и дѣльность. Человѣкъ краснорѣчивый
конечно есть человѣкъ искусный и способный.
Но что до меня,
То я постоянно отдавалъ бы предпочтеніе лучше
сущности дѣла, нежели прекраснымъ
словамъ (**).

Не слѣдуетъ добиваться расположенности толпы. Наши ученія, наши знанія не представляютъ для нея ничего пріятнаго; они далеко расходятся со вкусомъ ея. *Не будемъ*, говоритъ Апостолъ, *стремиться къ суетной славѣ, другъ друга возбуждая, другъ другу завидуя* (Гал. V 26). Поэтому и другъ истины, Платонъ, какъ бы по внушенію Божію, изрекъ сіе: „Мои правила таковы; я сдаюсь только на тѣ доказательства, кои по изслѣдованіи оказываются вѣроятнѣйшими" (***). Этими словами онъ осуж-

(*) Стихи Еврипида, приводимые у Стобея De calumnia 40.

(*) На какое изреченіе Писанія намекаетъ писатель, догадаться трудно.

(**) Стихи неизвѣстнаго поэта, разъясненные Гроціемъ въ Excerpt. e trag. et com. Graecis p. 461.

(***) Сократъ въ Платоновомъ «Критонѣ» признается: «Я не только нынѣ, но и всегда былъ таковъ, что изъ всего моего вѣрилъ единственно тому основанію, которое въ моихъ умозаключеніяхъ казалось мнѣ самымъ лучшимъ».

даетъ тѣхъ, которые, не ознакомясь съ дѣломъ и его своимъ умомъ не обслѣдовавъ, вѣрятъ первому до нихъ случайно дошедшему лживому ученiю.

Непозволительно оставлять ученiе здравое и правое для принятiя вращающагося во лжи пустословiя. Совращаться съ пути истиннаго дѣло дурное, а говорить только истину и излагать вещи дѣйствительно существующiя— дѣло доброе.

Бываетъ, что и не по своей волѣ люди лишаются разныхъ драгоцѣнныхъ благъ. Теряютъ они ихъ, то поддаваясь обманамъ другихъ людей, то сдаваясь на ихъ обольщенiя, то нахальству ихъ уступая, то по маловѣрiю своему имъ не противустоя. Легковѣрно принимая ихъ ученiя они сами виноваты, что бываютъ застигаемы въ расплохъ; они слишкомъ торопятся дарить согласiемъ лживое ученiе, потому и попадаютъ въ западню; мало они остерегаются и забываютъ, что при недостаткѣ бдительности то время изъ нашего ума, если онъ бываетъ предоставленъ самому себѣ, можетъ выкрасть убѣжденiе, то слово неразумное. Но часто оставляются убѣжденiя, разъ принятыя, и въ минуты досады, опасенiя, спора или гнѣва. Становятся жертвами заблужденiя люди, также увлекаясь сладострастiемъ или одолѣваемые чувствомъ страха. А всего болѣе значенiя во всѣхъ этихъ паденiяхъ мысли имѣетъ воля. Истинное же знанiе не подлежитъ ни одной изъ этихъ превратностей.

9. Знанiе наукъ человѣческихъ, имѣющихъ соотношенiе съ философiей, необходимо для разумѣнiя свящ. Писанiя.

Нѣкоторые же воображаютъ, что очень умно дѣлаютъ, когда не хотятъ ни съ философiей имѣть дѣла, ни съ дiалектикой, ни естественныхъ наукъ не хотятъ изучать, а одной только простой и чистой вѣрой удовлетворяются. Это все равно, какъ еслибы утверждали они, что никакого ухода за виноградной лозой не нужно, а достаточно только посадить ее, чтобъ имѣть съ нея грозды.

Если же напротивъ за виноградною лозою уходъ былъ тщателенъ и происходилъ съ соблюденiемъ всѣхъ правилъ земледѣльческаго искуства, т. е. согласно съ заповѣдями Логоса, то Господь самъ обѣщается спѣть въ томъ гроздами, плодоношенiе того себѣ усвояя и называясь въ смыслѣ иносказательномъ *виноградною лозою* (Iоан. XV, 1).

А уходъ тотъ состоитъ въ подрѣзываньи, въ окапываньи, въ подвязываньи и въ другихъ около нея работахъ.

При уходѣ же за виноградной лозой, само собою разумѣется, ножомъ, заступомъ и другими земледѣльческими орудiями приходится пользоваться.

А въ земледѣлiи, такъ же какъ и въ медицинѣ, искусенъ тотъ лишь, кто изучилъ разныя съ ними имѣющiя соотношенiе науки, наставляющiя его, какъ лучше землю обработывать и какъ удачнѣе лечить.

Точно такъ же и въ религiи. Все сводящимъ къ ученiю истинному можетъ быть человѣкъ только основательно ученый. Такой пользуется и изъ геометрiи многимъ и изъ музыки и изъ грамматики и изъ философiи для защиты вѣры отъ посягательствъ противъ нея. (Это обращаетъ вниманiе на нее). Ибо, какъ мы уже говорили ранѣе, не пользуется вниманiемъ и атлетъ, не подготовлявшiйся къ состязанiю предварительными упражненiями. Подобнымъ образомъ мы удовольствiе выражаемъ и при видѣ или имени многоопытнаго лоцмана, „видѣвшаго городовъ много и людей“ (*)—и при имени врача, имѣвшаго много практики, за что нѣкоторые и называютъ такихъ врачей опытными. А тотъ, кто всѣ частныя проявленiя добродѣтели относитъ къ идеалу одной и той же правой жизни, во свидѣтельство именно сего всѣ примѣры приводя изъ исторiи философiи какъ эллинской такъ и чужеземной, тотъ весьма толковый разслѣдователь истины и дѣйствительно состоитъ «мужемъ мудраго совѣта“ (**). Его можно сравнить съ пробирнымъ камнемъ, —иначе такiе

(*) Намекъ на стихъ изъ Одиссеи Гомера I, 3:
Многихъ людей нравы наблюдалъ и города видѣлъ.

(**) Эпитетъ Одиссея. Ил. I, 311, 440; Од. XXI, 274 и проч.

камни называются Лидійскими,—посредствомъ котораго, говорятъ, можно отличать чистое золото отъ содержащаго примѣси. Точно такъ же и изъ насъ человѣкъ много знающій и толковый (гностикъ) съумѣетъ различать софистику отъ философіи, напускную красоту отъ развитой чрезъ гимнастику, лакомыя кушанья кулинарнаго искуства отъ одобряемымъ на здоровье медициной, реторику отъ діалектики; наконецъ различитъ тотъ и въ философіи варварской заблужденія отъ истины.

(Но и съ другой стороны философія для Богослова необходима). Ужели не необходима для того она, кто хочетъ приблизить къ своему разумѣнію идею напр. всемогущества Божія? Это вѣдь одинъ изъ тѣхъ предметовъ, кои постигаемы лишь умозрѣніемъ.

Какъ полезно для Богослова умѣть проникать въ истинный смыслъ нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ свящ. Писанія, допускающихъ различныя толкованія! Чрезъ подобное освѣщеніе нѣкоторыхъ обоюдныхъ изреченій Писанія Господь мудро отразилъ искушеніе діавола (Мѳ. IV, 4). А нѣкоторые и послѣ сего все еще считаютъ діавола изобрѣтателемъ и философіи и діалектики. Послѣ этого и я не могу понять, какъ же это діаволъ допустилъ себя сбить съ толку и въ тупикъ поставить затруднительнымъ для пониманія изреченіемъ?

Но положимъ, что пророки и Апостолы не знали наукъ, служащихъ матеріаломъ для философіи. И въ этомъ случаѣ знакомство съ свѣтскими науками необходимо. Смыслъ многихъ пророческихъ и учительныхъ мѣстъ Духомъ въ нихъ дѣйствовавшимъ выраженъ прикровенно, потому что не всѣхъ слухъ одинаково развитъ для пониманія смысла тѣхъ изреченій. Истолкованіе такихъ мѣстъ Писанія безъ помощи свѣтскихъ наукъ невозможно. Сами пророки и ученики Духа (Божественнаго) смыслъ такихъ мѣстъ понимали безъ затрудненія, ибо вѣрою они уразумѣвали, что имъ Духъ внушалъ. Но если такой способъ проникновенія въ говоримое Духомъ уже для нихъ былъ не легокъ, то какъ можемъ проникнуть въ смыслъ тѣхъ мѣстъ Писанія мы, подобнымъ образомъ Духомъ не наставляемые?

„А эти заповѣди, говоритъ Писаніе, запиши въ себѣ двоякимъ образомъ: на своей волѣ и въ сознаніи твоемъ, дабы могъ ты отвѣчать словами истины вопрошающимъ тебя“ (*). Но это умѣнье отвѣчать и спрашивать какое же иное какъ не діалектика? Что же? И говореніе значитъ не представляетъ ли собою особаго вида труда? И (особенно) сія дѣятельность не отъ Логоса ли (Сына Божія) проистекаетъ? Потому если отдаемся ей безъ Логоса (безъ разума), то не отдаемся ли дѣлу неразумному? Дѣло же сіе если изъ разума будетъ проистекать, то и съ волею Божіею (словомъ Божіимъ) будетъ согласно. *И безъ Него ничто не произошло* (Іоан. I, 3), говоритъ Писаніе; безъ Него, т. е. Бога Слова (Логоса, разума), ибо и Господь не Логосомъ (**) ли все сотворилъ?

Трудится и подъяремный скотъ подъ вынуждающимъ дѣйствіемъ страха. Намъ ли, такъ называемымъ правовѣрнымъ, прилежать къ добрымъ дѣламъ безъ знанія того, что дѣлаемъ?

10. Должно заботиться больше о добродѣтели, нежели о краснорѣчіи.

Поэтому-то (***) Господь, взявши хлѣбъ, сначала сказалъ и благодарилъ; потомъ прело-

(*) Заимствованіе съ нѣкоторыми измѣненіями изъ кн. Притчей, XXII, 20, 21. Въ не измѣненномъ видѣ здѣсь это мѣсто читается такъ: *Ты же себѣ это трижды напиши: на волю, на твой разумъ и на скрижали сердца твоего. Ибо я наставляю тебя въ истинномъ ученіи и добраго разума слушаться, дабы могъ ты передавать слова истины посылающимъ тебя.*

(**) Намекъ на ст. 6 пс. XXXII: *Словомъ Господнимъ небеса сотворены.*

(***) Ближайшую связь эта мысль имѣетъ конечно съ концомъ предшествующей главы; и послѣдовательность мыслей значитъ будетъ такова: Итакъ слово наше разумомъ и мыслію о Богѣ должно быть проникнуто, но и благими дѣлами сопровождаться.

мивши предложилъ его (*), дабы и мы вкушали отъ него разумно (понимая, что дѣлаемъ) и чрезъ изученіе Писаній вели себя въ качествѣ гражданъ (новаго) государства (членовъ церкви) согласно съ заповѣдями тѣхъ Писаній.

Злоупотребляющіе же словомъ ничѣмъ не отличаются отъ злодѣевъ. Рѣчь ненавистливая есть родъ меча и злорѣчіе такія же раны наноситъ, какія и отъ него бываютъ. Дѣйствіе и того и другаго отзывается на жизни гибельно. Таковы послѣдствія рѣчи непотребной.

А пользующіеся словомъ разумно приближаются къ людямъ добродѣтельнымъ. И словомъ вѣдь душа можетъ быть въ себя приведена и обращена къ правотѣ и образу жизни благочестному.

Счастливъ тотъ, кто одинаково хорошо владѣетъ обѣими руками.

Однакоже владѣющій даромъ дѣльно говорить не имѣетъ права того порицать, кому дарована возможность добро творить; а послѣдній въ свою очередь не долженъ презирать перваго. Каждый да будетъ дѣятеленъ въ исполненіи той задачи жизни, для которой онъ рожденъ. Одинъ да заявляетъ себя дѣломъ, другой да дѣйствуетъ словомъ; одинъ да указуетъ путь добрымъ примѣромъ, другой да побуждаетъ слушателей къ добродѣтели словомъ.

Слово столь же спасительно какъ и дѣло. Безъ слова нѣтъ права. И какъ нѣтъ благодѣянія, гдѣ нѣтъ благотворителей: такъ нѣтъ ни вѣры тамъ ни послушанія, куда не допускаются учительность и учащій. Будемъ посему помогать другъ другу и словомъ и дѣломъ.

Избѣгать слѣдуетъ, и особенно тщательно, лишь духа распрей и искуства софистическаго. Своимъ пустобайствомъ лжеумствователи эти не только околдовываютъ цѣлыя массы слушателей, не только въ заблужденье вводятъ, но и всецѣло себѣ подчиняютъ, а имъ, (проникая сердца ихъ ненавистью), доставляютъ побѣды Кадмовскія (*).

Высшей истинностью дышетъ это слово Псалмопѣвца: Праведникъ *останется жить навсегда и не увидитъ могилы, хотя и узритъ смерть мудрецовъ* (Пс. XLVIII, 10, 11). Кого псаломъ называетъ мудрецами? Узнай о семъ изъ книги Премудрости Іисуса: *Не есть мудрость знаніе худаго* (Сир. XIX, 19). Разумѣется здѣсь мудрость, сколько ея есть въ искуствѣ разглагольствованія и диспутированія. *Будешь искать мудрости у непотребныхъ и не найдешь* (Притч. XIV, 6). А если станешь спрашивать: Гдѣжъ она, то вотъ отвѣтъ: *Уста праведника каплютъ премудростью* (Притч. X, 31). И ученіе истинное и софистика слѣдовательно называются мудростью, но послѣдняя въ смыслѣ обоюдномъ.

Что же до меня касается, то я единственной поставилъ себѣ цѣлью, — и думаю, что вѣрно,—это—жить согласно съ заповѣдями Логоса и проникать въ духъ Его ученія;—никогда не озабочиваться краснорѣчіемъ, а довольствоваться лишь выясненіемъ для другихъ того, до уразумѣнія чего самъ достигъ. И къ чему мнѣ о томъ заботиться, въ какихъ выраженіяхъ передать мной понимаемое? Поставить на путь спасенія души, жаждущія спа-

(*) Мѳ. XXVI, 26; Мк. XIV, 22; Лк. XXII, 19; 1 Кор. XI, 23. Но писатель передаетъ дѣло не словами Писанія, а своими.

(*) Намекъ на посѣяніе Кадмомъ по совѣту Аѳины зубовъ убитаго имъ чудовищнаго змѣя, изъ которыхъ тотчасъ возникли вооруженные воины, начавшіе за тѣмъ между собой сражаться и взаимно себя всѣ перебившіе. Кадмовской посему называется такая война, которая бывъ предпринята по чьему либо совѣту приноситъ съ собою гибель и побѣдителю и побѣжденному.

По другимъ же метафора эта взята съ войны противъ Ѳивъ семерыхъ царей, въ которой сначала Ѳивяне (древнее имя Ѳивъ — Кадмейя) одержали верхъ, а чрезъ нѣсколько лѣтъ были епигонами сихъ царей покорены, городъ ихъ былъ ими взятъ и разрушенъ. Съ сихъ поръ вошло въ обычай побѣду, за которую побѣдителей гибель постигала, называть Кадмовской побѣдой.

сенія и содѣйствовать ихъ спасенію, вотъ наипрекраснѣйшее въ моихъ глазахъ дѣло, а не мелочной подборъ словъ съ цѣлью навдѣвать на рѣчь какъ бы какіе мелкіе женскіе наряды. „Если не будешь очень озабочиваться словами, говоритъ Пиѳагореецъ въ „Политикѣ" Платона, то тѣмъ мудрѣе окажешься подъ старость" (*). И въ „Ѳеатетѣ" найдешь: „Пользоваться въ рѣчи именами и глаголами съ нѣкоторой свободой, безъ тонкаго обращенія вниманія на смыслъ ихъ, не всегда бываетъ неблагородно (не всегда можетъ служить признакомъ недостаточно развитаго вкуса); больше рабства, несовмѣстимаго съ достоинствомъ человѣка свободнаго, скорѣе можетъ быть въ противуположномъ сему пользованьи ими. Однакожъ и послѣднее иногда бываетъ необходимо" (**).

А какъ же это дѣло со стилемъ обстоять должно? Весьма кратко говоритъ о семъ Писаніе такимъ образомъ: „Не очень-то въ словахъ распускайся"(***). Слогъ, это—одежда, а излагаемый предметъ изъ себя представляетъ какъ бы мясо и нервы тѣла. Не слѣдуетъ объ одеждѣ больше заботиться, нежели о здоровьи тѣла. Не только на воздержный образъ жизни тотъ себя обрекаетъ, кто выбираетъ жизнь согласную съ истиннымъ ученіемъ, но и въ своихъ рѣчахъ тотъ должетъ отказываться отъ всякихъ чрезвычайныхъ утонченностей и затѣйливой украшенности. Отъ всякой вообще надутости и роскоши должны мы отказаться по причинѣ сѣтей, какія онѣ представляютъ собой и отъ всѣхъ излишествъ, источникомъ коихъ онѣ служатъ.

(*) Слова нѣкоего Пиѳагорейца у Платона въ «Политикѣ»: «Отлично ты отвѣчалъ, Сократъ. И если о словахъ не будешь хлопотать, то тѣмъ разумнѣе будешь въ старости». Тоже положеніе цитуетъ Ѳеодоритъ De curand. Graec. affect.

(**) Слова Сократа въ Платоновомъ «Ѳеатетѣ», cap. XXIX, pag. 184.

(***) Мѣсто изъ Писанія заимствованное лишь по смыслу, а не буквально; потому какое именно догадаться трудно.

Мы должны отказаться отъ нихъ, говорю я, подобно тому какъ древніе Лакедемоняне изгнали изъ своей среды употребленіе разныхъ пріятностей, какъ-то: ношеніе пурпурныхъ одеждъ, подкрашенныхъ и умащеніе себя искуственными благовоніями (*). Не то кушанье хорошо приготовлено, въ которомъ больше приправъ, чѣмъ питательныхъ веществъ: подобно этому и рѣчь не та должна быть считаема за пріятную и тонко сложенную, которая заботится больше о доставленіи удовольствія своимъ слушателямъ, нежели пользы. Пиѳагоръ насъ убѣждаетъ оказывать предпочтеніе лучше Музамъ чѣмъ Сиренамъ (**). Онъ совѣтуетъ не предаваться удовольствіямъ, съ мудростью не соединимымъ (***), а смотрѣть на оныя какъ на своего рода обольщеніе, которое душу омрачаетъ и губитъ.

(*) Въ «Педагогѣ», кн. II, гл. 8 (столб. 178) нашъ писатель говоритъ: «Это не въ порядкѣ вещей, чтобы по городу, гдѣ живутъ чистота образа мыслей и поведенія, и испорченность нравовъ ходила, обнаруживающаяся въ подкрашиваньи одеждъ и въ употребленіи помадъ и духовъ».—Плутархъ, Symp. III, передаетъ изреченіе и одного иностранца: «Подозрительны для насъ и различныя благовонныя мази и притиранья и пурпуръ и фальшиваго цвѣта одежды».

(**) Вильгельмъ Кантеръ, lib. II, c. 1, Var. lect., приводя подобное же мѣсто изъ Ѳеодорита, lib. VIII, De curat. Graec.. пишетъ: «Думаю, что Пиѳагоръ уподоблялъ Сиренамъ рѣчи украшенныя и пріятныя, а Музамъ такія, которыя ничего не имѣя изъ наводной красоты и убранства, предносятъ вамъ чистый образъ истины».

(***) Собственно говоря Пиѳагоръ допускалъ соединеніе удовольствій съ мудростью, не одобряя лишь тѣ изъ нихъ, которыя съ мудростью не соединимы. Подъ именемъ Музъ и разумѣлъ онъ именно удовольствія честныя и добродѣтели не противорѣчущія, а подъ образомъ Сиренъ удовольствія извращенныя и порочныя. Порфирій De vita Pythagorae: «Двоякаго рода онъ различалъ удовольствія: состоящія въ служеніи чреву и Афродитѣ и гибельныя подобно пѣснямъ Сиренъ; другія же, это—

Что же касается до разсказовъ: про нѣкоего человѣка, благополучно проплывшаго мимо Сиренъ (*) и про другаго, отгадавшаго иносказанье Сфинкса (**), то,—если хотите,—не существовало ни того ни другаго.

Нечего расширять слишкомъ филактеріито(***), добиваясь славы лишь воображаемой и дѣйствительной цѣнности не имѣющей. Истинно разумный человѣкъ удовлетворяется, если случай ему доставляетъ хотя одного слушателя

благоприличныя и правыя, въ жизни необходимыя, какъ при испытываніи ихъ пріятныя, такъ и послѣ того не пробуждающія раскаянія. Эти уподоблялъ онъ согласному пѣнію Музъ». — Горацій Sat. III, lib. II, vers. 14: «Должно избѣгать безстыдной праздности Сиренъ».

(*) Миѳическія дѣвы, жившія по Гомеру между утесами Айяіей и Скюллой и своимъ прекраснымъ пѣніемъ заманивавшія неопытныхъ изъ мимо проѣжжавшихъ корабельщиковъ и за тѣмъ ихъ умерщвлявшія (Одис. XII).

(**) Хищное чудовище, жившее на скалѣ подлѣ Ѳивъ и предлагавшее мимо проходившимъ такую загадку: «Что это за животное то на четырехъ ногахъ ходитъ то на двухъ то на трехъ»? Кто не отгадывалъ, подвергался удушенію. Тому, кто освободитъ ихъ городъ отъ страшилища, Ѳивяне обѣщали опроставшійся за смертію Лая тронъ и руку Іокасты. Пришедшій въ Ѳивы Эдипъ разрѣшилъ загадку, объяснивъ, что человѣкъ сначала на четвереренькахъ ползаетъ, потомъ на двухъ ногахъ ходитъ, а въ старости еще посохомъ подпирается. Ужасный змѣй послѣ того самъ низвергся со скалы.

(***) Метафора, взятая со словъ Спасителя о фарисеяхъ: *Вся же дѣла свои дѣлаютъ за тѣмъ, чтобы видѣли ихъ люди: расширяютъ филактеріи и увеличиваютъ воскрилия* (оторочки) *одеждъ своихъ* (Мѳ. XXIII, 5). Филактеріи, это—небольшой кусокъ кожи или пергамента со словами изъ Пятокнижія, который Евреи привязывали къ рукѣ или ко лбу; имѣлъ значеніе амулета, талисмана, но и напоминанія; на русскій языкъ переводится посему: *хранилище*.—Нашъ писатель даннымъ выраженіемъ метафорически намекаетъ на

(*). И здѣсь будетъ умѣстно внять слову и Пиндара Бэотіянина. Онъ пишетъ: „На устахъ далеко не всѣхъ (нынѣ) можетъ быть открыта древняя (краткая и содержательная) рѣчь. Вѣрнѣе иногда ее будетъ искать на устахъ молчаливыхъ. (Нынѣ) и краснорѣчивѣйшая рѣчь возбуждаетъ лишь задоръ и споры" (**).

Блаженный Апостолъ посему имѣлъ всѣ основанія совѣтовать намъ *не вдаваться въ словопренія, ничѣмъ не сопровождающіяся кромѣ какъ вредомъ для слушателей. Непотребнаго пустословія* онъ увѣщеваетъ *удаляться. Своими рѣчами* такіе люди *лишь умножаютъ беззаконія. Ихъ ученіе, какъ ракъ распространяясь незамѣтно, влечетъ за собой растлѣніе нравовъ* (2 Тим. II, 14, 16, 17).

11. Отъ какого рода мірской мудрости и философіи заповѣдуетъ уклоняться Апостолъ?

Итакъ названная (выше) *мудрость міра сего есть безуміе предъ Богомъ. Знаетъ Господь, что умствованія* сихъ *мудрецовъ суетны* (1 Кор. III, 19, 20). *Никто* посему *пусть не хвастается человѣческимъ знаніемъ* (1 Кор. III, 21), съ нимъ впередъ выставляясь. Хорошо на этотъ счетъ написано у Іереміи: *Да не хвалится мудрый мудростію своею; и да не хвалится сильный силою своею; и да не хвалится богатый богатствомъ своимъ. Но да хвалится хвалящійся сего разумѣніемъ и знаніемъ, что Я есмь Господь, творящій милость и судъ и правду на землѣ. Ибо только на это воля Моя*,

безцеремонно эгоистическую погоню софистовъ за извѣстностью.

(*) Намекъ на курьезъ съ поэтомъ Антимахомъ. Когда во время чтенія имъ своей «Ѳиваиды» всѣ слушатели кромѣ Платона изъ аудиторіи разошлись, Антимахъ сказалъ: «Тѣмъ не менѣе я продолжу чтеніе, потому что Платонъ стоитъ всѣхъ» (Cic. Brut. 51, 91). Нашъ писатель противупоставляетъ эту непритязательность Антимаха ревнивости софистовъ къ собиранію около себя массъ слушателей.

(**) Фрагментъ этотъ только и извѣстенъ изъ Климента. Срав. Hartung's Pindaris Opera въ его Die Griechischen Lyriker, IV, S. 238.

какъ говоритъ Господь (Iер. IX, 23, 24), и какъ объясняетъ оную Апостолъ, *чтобы надѣяться не на самихъ себя, но на Бога, воскрешающаго мертвыхъ, который избавилъ насъ отъ столь ужасной смерти* (2 Кор. I, 9,10), *дабы вѣра наша основывалась не на мудрости людской, но на силѣ Божіей* (1 Кор. II, 5), *ибо духовный судитъ о всемъ, а о немъ судить не можетъ никто* (ст. 15).

Внимай и этимъ словамъ Апостола: *Это говорю я для того, чтобы кто не прельстилъ васъ вкрадчивыми словами* (Кол. II, 4) *и чтобъ кто не увлекся пустымъ обольщеніемъ* (ст. 8). И опять: *Смотрите, чтобъ кто не увлекъ васъ философіею и пустымъ обольщеніемъ, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу* (Кол. II, 8).

Философію же осуждаетъ здѣсь Апостолъ не всю, а только Епикурейскую, о которой упоминаетъ Павелъ и въ кн. Дѣяній Апостольскихъ (XVII, 18), ее за то осуждая, что она отрицаетъ провидѣніе и зачисляетъ въ число боговъ чувственныя удовольствія. Но тому же порицанію подлежитъ и всякая другая философія, если она чтитъ стихіи, не признавая сотворенности за ними, но бытіе и самого Творца отвергая. И Стоики сюда же относятся, о коихъ также упоминаетъ Апостолъ (Дѣян. XIII, 18) и которые лживо учатъ о Богѣ, что Онъ есть субстанція тѣлесная и проникаетъ собою всю, даже и грубѣйшую, матерію (*).

Преданіемъ же *человѣческимъ* Апостолъ называетъ слишкомъ уже перехитренныя и дробныя утонченности словоупотребленія, почему и пишетъ о нихъ: *Юношескихъ* (*) *разслѣдованій избѣгай* (2 Тим. II, 22, 23), ибо нѣчто ребяческое представляетъ этого рода задоръ на нихъ (**).

„Добродѣтель же держится не на ребяческой (измѣнчивой и прихотливой) расположенности къ ней“ лишь одного какого нибудь періода времени, говоритъ Платонъ. И наши

(*) Въ началѣ гл. 14-й Стром. кн. V-й нашъ писатель также говоритъ, что Бога они считали тѣлесной (σῶμα) субстанціей или за ζῷον ἀθάνατον, какъ сообщаетъ о нихъ Діогенъ Лаэрцій въ біографіи Зенона. «Субстанціей же Бога, говоритъ Лаэрцій, Зенонъ считалъ весь міръ и небо». То же по Лаэрцію утверждали и остальные главы Стоической школы, какъ то: Хризиппъ, Посидоній и Антипатръ. Это значитъ, что міръ имъ казался огромнымъ животнымъ, проникнутымъ Божественною душою (πνεῦμα). Сенека, epist. 97: «Вселенная сія, въ которой мы живемъ, единствомъ проникнута и есть нѣчто Божественное». Посему Климентъ, объясняя въ выше цитован. мѣстѣ ученіе Стоиковъ, говоритъ: «Богъ, по ихъ мнѣнію, проникаетъ собою всю матерію». Въ «Увѣщаніи», гл. 5, Климентъ пишетъ: «И Стоическихъ философовъ я не желаю обойти молчаніемъ. Они утверждаютъ, что Божество проникаетъ Собою всю матерію, хотя бы это была и отвратительнѣйшаго рода. Но это значитъ уже прямо позорить философію». Секстъ Эмпирикъ, въ Hypotyposeon'ѣ, III, 24, критикуя различныя о богахъ мнѣнія, говоритъ: «А Стоики считали Божество духомъ, который Собою проникаетъ и зловоннѣйшее все». Цицеронъ, lib. II, De natura deorum, cap. 40: «А по презрѣннымъ симъ баснямъ, повѣствующимъ, что Богъ содержится природою каждой вещи и называется, если рѣчь идетъ о землѣ, Церерою, а если о морѣ, то—Нептуномъ, а если объ иномъ чемъ, то—иными именами, можно и о томъ судить, каковы боги».—Души, образующія и проникающія собою тѣла людей и животныхъ, считаемы были Стоиками за частички Божества. Сенека: «Союзники Его мы и члены». Вергилій о пчелахъ (Georg. IV, V. 220): «Свойственна пчеламъ часть Божескаго ума и способность прислушиваться къ небеснымъ вдохновеніямъ, ибо Богъ наполняетъ Собою всю землю и воды моря и глубокое небо».

(*) Т. е. модныхъ, новѣйшихъ, ставшихъ обычными въ послѣднее время, но какъ прихоть измѣнчивыхъ. По крайней мѣрѣ такой смыслъ связываетъ съ выраженіемъ Апостола нашъ писатель.

(**) Собственно говоря Апостолъ нигдѣ не заповѣдуетъ *юношескихъ разслѣдованій избѣгать*. Но онъ совѣтуетъ Тимоѳею *отъ глупыхъ и невѣжественныхъ состязаній уклоняться* (2 Тим. II, 23) и *юношескихъ вожделѣній избѣгать* (2 Тим.

стремленія и напряженныя старанія, по Горгію Леонтинцу, съ необходимостью отъ насъ требуютъ двухъ добродѣтелей (изъ отличныхъ душевныхъ свойствъ, силъ, преимуществъ двухъ): мужества (отваги) и мудрости (практической сноровки); первая мужественно идетъ на встрѣчу и противустоитъ опасностямъ, а вторая проникаетъ въ знаменія времени. Ибо Логосъ, подобно герольду на Олимпійскихъ играхъ, зоветъ хотя и всѣхъ, кто хочетъ, но увѣнчиваетъ только того, кто силу, способности и искуство обнаруживаетъ непобѣдимымъ оставаться, апеллируя лишь къ истинѣ. Логосъ и подлинно не хочетъ, чтобы вѣрующій въ Него бездѣятельнымъ оставался. *Ищите*, говоритъ Онъ, *и найдете* (Мѳ. VII, 7). Но разслѣдованіе преобразовываетъ Онъ въ обрѣтеніе, увѣровавшаго какъ бы на противуположный берегъ или уже и на нивы по ту сторону гроба еще здѣсь, въ сей жизни, переводя, безсодержательную болтливость изъ своего общества изгоняя, а одобряя изслѣдованія лишь созерцательныя и только онымъ цѣну придавая какъ такимъ, коими наша вѣра упрочивается и утверждается.

Говорю же это для того, чтобы кто нибудь не обольстилъ васъ наборомъ утонченныхъ, но лживыхъ доказательствъ, говоритъ Апостолъ (Кол. II, 4). Ясно, что Апостолъ внушаетъ вѣрующимъ точно вдумываться въ говоримое такими людьми и къ предносимому ими наставляетъ относиться съ недовѣріемъ.

Посему какъ послѣдовали вы за Господомъ Христомъ Іисусомъ и наставлены въ Его ученіи, такъ и дѣйствуйте согласно съ онымъ, въ немъ укореняясь (для началъ своей мысли въ немъ ища пищи) *и возсозидаясь и утверждаясь въ вѣрѣ* (Кол. II, 6, 7). А твердымъ основаніемъ вѣры состоитъ убѣжденіе. *Смотрите, чтобы кто не отвлекъ васъ* отъ вѣры во Христа *философіею и пустымъ обольщеніемъ*, отрицающимъ провидѣніе *по преданію человѣческому* (ст. 8).

Философія, что по Божественному преданію, та признаетъ и утверждаетъ провидѣніе; для той же, которая оное отрицаетъ, домостроительство относительно (дарованія намъ) Спасителя кажется басней, и тогда мы *носимся* (оказываемся въ нуждѣ обмогаясь, мыкаемся) *по стихіямъ сего міра, а не по Христу*. Ибо согласное съ Христовымъ ученіе какъ этотъ міръ производитъ отъ Бога, такъ и промыслъ видитъ даже въ частностяхъ; о стихіяхъ же мыслитъ какъ о происшедшихъ и признаетъ за ними природу измѣнчивую. Оно учитъ насъ управлять стихіями, дабы по духовнымъ способностямъ въ семъ отношеніи намъ походить на Божество, Его домостроительство поставляя во главу всякаго воспитанія и науки.

Стихіями же считаютъ: Діогенъ воздухъ, Ѳалесъ воду, Гиппасъ огонь; и они производятъ оныя какъ изъ началъ изъ атомовъ, (лишь) прикрываясь именемъ философіи, (на самомъ же дѣлѣ) состоя людишками любострастными и безбожниками (*).

II, 22). Нашъ писатель, мысля на основаніяхъ Писанія, съ точки зрѣнія Апостола установляетъ взглядъ на состоянія современной философской мысли, а потому и опускаетъ изъ выраженій Апостола не имѣющія связи съ его мыслью, а не потому, что смѣшиваетъ въ памяти два выраженія Апостола, цитуя ихъ по памяти, какъ объясняетъ Минь.

(*) Такъ же Климентъ отзывается о нихъ и въ «Увѣщаніи», въ гл. 5-й, и Стром. II, гл. 4, утверждая, что ни Ѳалесъ ни остальные физики до Анаксагора Бога не признавали. Но извѣстно, что не всѣ изъ этихъ философовъ были атеистами. О Ѳалесѣ Минуцій въ «Октавіи» пишетъ: «Ѳалесъ утверждалъ, что началомъ всѣхъ вещей состоитъ вода, Богъ же есть умъ, изъ воды все образовавшій». Почти буквально тоже говоритъ о семъ Цицеронъ въ кн. De nat. deor. Тоже Лактанцій lib. I, cap. 5. Изъ изреченій Ѳалеса Діогенъ Лаэрцій и такое приводитъ, lib. I, seg. 35: «Древнѣе всего Богъ, ибо Онъ не рожденъ, а прекраснѣе всего міръ, Богомъ сотворенный». Срав. Плутарха въ соч. «Пиръ семи мудрецовъ». Другой отвѣтъ Ѳалеса, свидѣтельствующій объ его благочестіи, передаетъ тотъ же Діогенъ Лаэрцій въ той же кн. seg. 36 и Валерій Максимъ, lib. VII, cap. 2.

Посему о томъ молюсь, говоритъ Апостолъ, *чтобы любовь ваша все болѣе и болѣе преизбыточествовала познаніемъ и всякимъ чувствомъ, дабы познавать вамъ лучшее* (Фил. I, 9, 10). Такъ какъ *доколѣ мы были въ дѣтствѣ*, говоритъ тотъ же Апостолъ, *были порабощены вещественнымъ началамъ міра* (Гал. IV, 3). *Находящійся же въ дѣтствѣ, хотя бы и наслѣдникомъ состоялъ, ничѣмъ не отличается отъ раба даже до срока, Отцомъ назначеннаго* (ст. 1, 2).

Духовно посему находятся (еще) въ дѣтскомъ возрастѣ и философы, если не становятся во Христѣ мужами. (Примѣнимо и къ нимъ написанное, что) *сынъ рабыни не будетъ наслѣдникомъ съ сыномъ свободной* (Быт. XXI, 10; Гал. IV, 30), хотя и сынъ рабыни состоитъ все-же истиннымъ сѣменемъ Авраама, въ различіе отъ потомка по обѣтованію получая лишь даръ особенный (*).

Совершеннымъ же свойственна твердая пища: ихъ чувства навыкомъ пріучены (уже) *къ различенію добра и зла* (Евр. V, 14). Да. Потому что *всякій, питаемый молокомъ не свѣдущъ въ словѣ правды, такъ какъ онъ младенецъ* (ст. 13) и еще не знаетъ (вполнѣ) ученія, въ которое увѣровалъ и по которому дѣйствуетъ(*), не въ состояніи будучи дать отчета въ немъ.

Испытывайте же все, говоритъ Апостолъ, *а удерживайте доброе* (1 Сол. V, 21), говоря это духовнымъ, которые все имъ предносимое подъ видомъ истиннаго ученія обсуждаютъ, дѣйствительно ли то истинно (1 Кор. II, 14). *Не вразумленный ученіемъ заблуждается* (Притч. X, 17), *ученье же мудрости* (вразумленіе же) *ранами сопровождается и обличеніями* (XIII, 25); само собою разумѣется: обличеніями, любовью проникнутыми. *Чувство правое ищетъ знанія* (Притч. XV, 14). Потому ищущій Бога обрѣтетъ знаніе съ правдою; искавшіе же его надлежащимъ образомъ миръ нашли (**).

А я испытаю, говоритъ Апостолъ, *не слова возгордившихся, а силу* (1 Кор. IV, 19). Онъ пишетъ это въ порицаніе тѣхъ, которые хотя и считаютъ себя за мудрыхъ, но таковыми на дѣлѣ не состоятъ. *Не въ словѣ царство Божіе* (1 Кор. IV, 20). Не въ томъ, хочетъ сказать Апостолъ, кто не искрененъ (на дѣлѣ) и лишь на словахъ изъ себя представляетъ нѣчто привлекательное, *а въ силѣ*, ибо только истина (согласіе словъ съ дѣломъ) могущественна. И опять: *Если кто думаетъ, что онъ знаетъ нѣчто, тотъ ничего еще не знаетъ такъ, какъ должно знать* (1 Кор. VIII, 2). Истина вовсе не есть мнѣніе (мечтательность и самомнѣніе);

«Спрошенный разъ: ««Боги не препятствуютъ ли дѣламъ людей»», Өалесъ отвѣчалъ: ««Не обдуманнымъ, да»».—Но Климентъ потому всѣхъ философовъ, жившихъ ранѣе Анаксагора, называетъ атеистами, что Анаксагоръ первый училъ о существованіи прежде начала вещей Ума. Быть можетъ Анаксагоръ первый только это слово сталъ употреблять и обновилъ въ іонійской школѣ ученіе о Богѣ, Творцѣ міра, которое уже прежде того Өалесъ защищалъ. Все-же то правда, что преемники Өалеса, Анаксимандръ, Анаксименъ и другіе, между началами своей философіи, идеѣ о Богѣ не отводили особеннаго мѣста.

(*) Т. е. христіанскаго ученія наслѣдникомъ Исаакъ становится, законный сынъ Авраама, родившійся отъ него по Божественному обѣтованію. Прочихъ же знаній наслѣдникомъ Измаилъ становится, сынъ Авраама отъ рабыни Агари и побочные сыновья его отъ Хеттуры, родившіеся не въ законномъ бракѣ и не въ силу какого либо особеннаго обѣтованія, хотя и они были истинными сынами Авраама и особенная доля отцомъ была выдѣлена имъ, какъ написано о томъ въ Быт. XXV, 6.

(*) Намекъ повидимому на 1 Сол. II, 13: *Вы приняли не слово* (не ученіе) *человѣческое, но слово Божіе, которое и дѣйствуетъ въ васъ вѣрующихъ*.—О комъ однакоже нужно понимать тираду писателя въ текстѣ о *молокомъ питаемыхъ*: объ язычникахъ ли, принадлежавшихъ во времена Климента къ разнымъ философскимъ школамъ или изъ христіанъ о простыхъ вѣрующихъ?...

(**) И эти положенія Минь считаетъ по смыслу за Библейскія, хотя буквально нихъ было бы напрасно искать по книгамъ свящ. Писанія; но вѣр-

мнѣніе о *знаніи* лишь *надмеваетъ* и кичливостью проникаетъ. *Созидаетъ же любовь*, вращающаяся не въ мнѣніяхъ, а въ истинѣ; посему и говорится. *Кто любитъ, сей познаетъ* (ст. 1, 3).

12. Не предъ каждымъ встрѣчнымъ слѣдуетъ открывать истины вѣры, потому что не всѣ слушатели одинаково расположены къ истинному ученію.

А такъ какъ сіе преданіе можетъ дойти до слуха не только тѣхъ, кто въ состояніи постигнуть его величіе, но по мѣстамъ до слуха и другихъ, то слѣдуетъ сію премудрость, открытую Сыномъ Божіимъ и *возвѣщаемую въ неприкосновенной святости* (1 Кор. II, 7), передавать подъ покровомъ. Именно посему уже и у Исаіи пророка языкъ огнемъ очищается (Ис. VI, 6, 7), дабы онъ могъ разсказать видѣніе. И не только уста, но и слухъ свой намъ слѣдуетъ очищать, если хотимъ стать участниками истины. Эти соображенія до сихъ поръ меня удерживали и отъ писательства. Но я и нынѣ опасаюсь *бросать жемчугъ предъ свиньями, чтобъ онѣ не попрали его своими ногами и обратившись не растерзали насъ* (Мѳ. VII, 6). Опасно объ истинномъ свѣтѣ говорить въ выраженіяхъ искреннихъ и какъ зеркало ясныхъ предъ слушателями невѣжественными и на свиней похожими. Для толпы нѣтъ ничего смѣшнѣе подобныхъ вещей, а для слушателей мыслящихъ нѣтъ ничего удивительнѣе ихъ и Богооткровеннѣе. *Душевный человѣкъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ сіе безуміемъ* (1 Кор. II, 14). Мудрые не разглашаютъ того, о чемъ разсуждаютъ въ совѣтѣ (*).

Что на ухо слышите, говоритъ Господь, *проповѣдуйте на кровляхъ* (Мѳ. X, 27). Но здѣсь говоритъ Онъ о тайныхъ преданіяхъ, касающихся истиннаго знанія, превосходно и возвышенно Имъ изъясненныхъ. Онъ заповѣдуетъ ихъ принять и передать кому слѣдуетъ такъ же, какъ и слышали мы, на ухо. Но вовсе этимъ не заповѣдуетъ Онъ безразсудно разглашать тамъ и здѣсь тайны, которыя и Имъ самимъ сообщены были въ притчахъ.

Поэтому-то въ семъ нашемъ очеркѣ воспоминаній истину (черты истиннаго ученія) здѣсь и тамъ мы разсѣяли подобно сѣменамъ, дабы тѣмъ легче она могла ускользнуть отъ вниманія суеслововъ, всегда готовыхъ подобно воронамъ гаркать о ней. Если же этотъ мой очеркъ встрѣтитъ добраго земледѣльца, то каждое въ немъ сѣмечко дастъ ростки, а потомъ и пшеницу.

13. Каждая изъ философскихъ школъ содержитъ нѣкоторую часть истины.

Истина одна (*), а отклоненія отъ нея лжи безчисленны. Подобно вакханкамъ философскія школы, Эллинскія и варварскія, разорвали сего Пентея (истину) на части и полученной частью каждая хвастается какъ будто бы владѣетъ въ ней всей истиной. Но съ восходомъ Солнца (**) все въ истинномъ свѣтѣ является. Всѣ какъ изъ Эллиновъ такъ и изъ варваровъ, добивавшіеся истины, въ своихъ ученіяхъ, одни болѣе, другіе менѣе, содержатъ нѣчто изъ ученія истиннаго, коего источникомъ состоитъ Логосъ. Если настоящее, прошедшее и будущее представляютъ изъ себя части времени и если вѣчность ихъ въ себѣ объединяетъ, то тѣмъ возможнѣе для Истины (***) ея собственныя сѣмена собрать во едино, хотя бы они упали и на чуждую почву. И дѣйствительно въ содержимыхъ различными философскими школами ученіяхъ,—само собою разумѣется, за исключеніемъ совершенно сумазбродныхъ, которыя подобно древнимъ женамъ,

---

нѣе, кажется, будетъ слышать здѣсь отзвукъ блаженной души Климента Римскаго. Срав. выше въ гл. 7-й и 5-й.

(*) Намекъ повидимому на Притч. XXIV, 7, 8: *Смысленные не уклонятся отъ устъ* (закона) *Господнихъ, но размышляютъ въ сонмищахъ.*

(*) Подобное Лактанцій lib. VI, c. 7.

(**) Т. е. Христа, сказавшаго: *Я свѣтъ міру* (Іоан. VIII, 12).

(***) Т. е. для Христа, изрекшаго: *Я—путь, истина и жизнь* (Іоан. XIV, 6).

разорвавшимъ мужа на части, разорвавъ порядокъ и разумъ природы (*), отъ Христа (истины) совершенно отреклись, — между собою хотя и несогласныхъ, можно открыть многія такія, кои въ главномъ и въ общихъ положеніяхъ съ истиннымъ ученіемъ согласны; каждое изъ нихъ относится къ цѣлому или какъ часть или какъ видъ или какъ родъ. Въ музыкальныхъ инструментахъ самая высокая струна составляетъ противуположность самой низкой, и однакоже обѣ онѣ образуютъ одну гармонію. Точно такъ же и въ числахъ четъ отъ нечета отличенъ, и однакоже ариѳметика говоритъ объ обоихъ. Равнымъ образомъ геометрія говоритъ о кругѣ, треугольникѣ, четыреугольникѣ, хотя фигурами между собой они не сходны. Еще большее взаимное различіе между частями вселенной, и однакоже онѣ имѣютъ между собою то общее, что состоятъ въ связи и соотношеніи съ цѣлымъ (**). Тоже самое можно сказать о философіи варварской и Эллинской. Онѣ содержатъ отрывки вѣчной истины, только получили ихъ не изъ миѳологіи Вакха, а изъ богословія вѣчнаго Логоса (***). Пойми посему, что кто всѣ эти разсѣянныя части соединитъ, тотъ, не подвергаясь опасности впасть въ заблужденіе, созерцать будетъ истину совершенную, Логоса. Посему-то въ Екклезіастѣ написано: *Пріобрѣлъ я мудрости больше всѣхъ, которые были прежде меня въ Іерусалимѣ и сердце мое* (душа) *знало многое; мудрость и познанія имѣлъ я; кромѣ того притчи зналъ и* (разныя) *науки. И постигъ я, что на все это воля Духа* (Божественнаго) *и что множествомъ мудрости обусловливается и глубина знанія* (Еккл. I, 16—18). Только тотъ, кто владѣетъ мудростью разнообразною, только онъ есть человѣкъ по истинѣ разумный (гностикъ). И еще посему написано: *Широкое знакомство съ мудростью оживотворитъ углубившагося въ нее* (Еккл. VII, 13, Слав.). Сказанное еще яснѣе подтверждается слѣдующимъ изреченіемъ Писанія: *Все ясно для разумѣющихъ* (Притч. VIII, 9). А подъ этимъ *все* разумѣется все Эллинское и варварское, хотя ни наука Эллинская ни наука варварская собой еще не объемлютъ всего. *Просто* (и истинно) все это лишь *для тѣхъ, что чувство во все то хочетъ привнесть* (все испытующимъ вниманіемъ во все то проникнуть) (Притч. VIII, 9). *Выбирайте ученіе, а не серебро и знаніе болѣе очищенное чѣмъ золото* (Притч. VIII, 10). Но предпочитайте и наблюдательность эту чистому золоту (Притч. III, 14, 15). *Мудрость лучше камней драгоцѣнныхъ. Ничто драгоцѣнное не можетъ сравниться съ нею* (Притч. VIII, 11).

(*) Связь съ мыслію Филона въ De vita Moysis: «Къ согласію въ природѣ присоединяемся».

(**) О соотношеніи другъ съ другомъ разныхъ частей вселенной пѣлъ и Немезіанъ (3 вѣкъ по Р. Хр.) въ стихотвореніи «О природѣ человѣка».

(***) Подобную идею о сѣменахъ Логоса въ человѣчествѣ развивалъ св. Іустинъ въ своихъ Апологіяхъ.

14. Рядъ Греческихъ философовъ.

Эллины утверждаютъ, что послѣ Орфея, Лина и древнѣйшихъ современныхъ имъ поэтовъ первые по своей удивительной мудрости были такъ называемые семь мудрецовъ. Четверо изъ нихъ родомъ были изъ Азіи, а именно Ѳалесъ изъ Милета, Віасъ изъ Пріэны, Питтакъ изъ Митиленъ и Клеобулъ изъ Линда. Двое по происхожденію были европейцы, это Солонъ изъ Аѳинъ и Хилонъ изъ Лакедемона. Седьмымъ же одни называютъ Періандра изъ Коринѳа, другіе Анаксарха Скиѳа, третьи Епименида съ о. Крита. Послѣдняго Апостолъ Павелъ называетъ Эллинскимъ пророкомъ, выражаясь о немъ въ посланіи къ Титу такъ: *Изъ нихъ самихъ одинъ пророкъ сказалъ о нихъ такъ: Критяне всегда лжецы, злые звѣри, утробы лѣнивыя. Свидѣтельство сіе справедливо* (Тит. 1, 12, 13).

Видишь, какъ и Эллинскимъ пророкамъ Апостолъ усвояетъ нѣкоторую часть истины. И для назиданія однихъ, а для приведенія въ чувство другихъ (1 Кор. XV, 34) не стыдится онъ разсуждая пользоваться Эллинскими стихотвореніями. Ибо приведенный примѣръ не

единственный. Разсуждая въ своемъ посланіи къ Коринѳянамъ о воскресеніи мертвыхъ, онъ вводитъ въ свою рѣчь такой трагическій ямбъ (*): *Что пользы мнѣ, если мертвые не воскреснутъ? Будемъ ѣсть и пить, потому что утромъ умремъ. Не обольщайтесь. Дурными сообществами портятся добрые нравы* (1 Кор. XV, 32, 33).

Нѣкоторые же зачисляютъ въ число семи мудрецовъ Акузилая Аргивянина, другіе же Ферекида Сирянина. Платонъ же (**), считая Періандра недостойнымъ носить имя мудреца, потому что онъ былъ тираннъ, вмѣсто него причисляетъ къ нимъ Мюзона изъ Хэнъ. Немного ниже мы покажемъ, что эти Эллинскіе мудрецы жили много спустя послѣ Моисея. Теперь же обратимся къ ихъ философіи и покажемъ, что она отличалась нѣкоторою таинственностью и была заимствована у Евреевъ.

Такъ первѣе всего они стараются быть краткими, такъ какъ форма краткая есть самая удобная для передачи чрезъ нее правилъ и наставленій. Платонъ сообщаетъ, что этой краткостью въ древности отличались всѣ вообще Эллины, а особенно Лакедемоняне и Критяне (***), у коихъ вообще выработаны были наилучшіе законы.

Итакъ изреченіе: „Познай самого себя“ нѣкоторые приписываютъ Хилону. Хамайлеонъ же въ своей книгѣ „О богахъ“ приписываетъ его Ѳалесу, а Аристотель—пиѳіи. Возможно, что этимъ изреченіемъ вообще имѣлось въ виду побудить насъ стремиться къ мудрости. Невозможно знать часть, если не знаешь сущности цѣлаго. Точно такъ же и для познанія человѣческой природы нужно сначала проникнуть въ тайну сотворенія міра.

(*) Приписываемый Менандру.

(**) Въ «Протагорѣ», откуда Климентъ заимствуетъ и послѣдующее

(***) Платонъ въ кн. I «О законахъ»: «У всѣхъ Эллиновъ нашъ городъ считается словоохотливымъ и многорѣчивымъ; Лакедемонъ же и Критъ, одинъ—отличающимся краткорѣчіемъ, другой же—занимающимся болѣе истиной чѣмъ словами».

Хилону Лакедемонянину приписываютъ это изреченіе: „Ничего слишкомъ“. Но Стратонъ въ своей книгѣ „Объ изобрѣтеніяхъ“ его приписываетъ Стратодему изъ Тэгеи, а Дидимъ думаетъ, что оно вышло отъ Солона.

Онъ же Клеобулу приписываетъ это изреченіе: „Наилучшее во всемъ, это—мѣра“.

А объ изреченіи: „Поручись за кого нибудь и жди себѣ вреда“ Клеоменъ въ своей книгѣ „О Гезіодѣ“ говоритъ, что всего первѣе оно вышло изъ устъ Гомера, ибо у него встрѣчается стихъ:

Дѣло плохое поручиться за плохаго человѣка
(Одис. VIII, 351).

Аристотеля же послѣдователи приписываютъ это изреченіе Хилону. Дидимъ же говоритъ, что это предостереженіе вышло отъ Ѳалеса.

Слѣдующее за тѣмъ изреченіе: „Всѣ люди злы“ или: „Большая часть людей злы“,—ибо двоякимъ образомъ передается это изреченіе,—Сотадъ Византіянинъ приписываетъ Віасу.

А изреченіе: „Старательностью все побѣждается“ усвояютъ Періандру.

„Пользуйся же случаемъ“, это изреченіе усвояютъ Питтаку.

Солонъ былъ законодателемъ Аѳинянъ, а Питтакъ въ Митиленахъ.

И наконецъ Пиѳагоръ, другъ Ферекида, первый себя называетъ философомъ.

Отъ поименованныхъ мужей происходятъ теперь три философскія школы; а получили онѣ названіе отъ мѣстъ, гдѣ процвѣтали. Италійская школа была основана Пиѳагоромъ, Іонійская Ѳалесомъ и Элеатская Ксенофаномъ. По Гиппоботу Пиѳагоръ былъ сыномъ Мнесарха съ о. Самоса. Но Аристоксенъ въ „Біографіи Пиѳагора“ и Аристархъ и Ѳеопомпъ утверждаютъ, что онъ родомъ изъ Етруріи. А Нэантъ показываетъ, что онъ происходилъ изъ Сиріи или Тира, такъ что если слѣдовать большинству голосовъ, то Пиѳагоръ по происхожденію былъ варваръ.

Но и Ѳалесъ, какъ свидѣтельствуютъ Леандръ и Геродотъ, былъ Финикіянинъ, а по другимъ происходилъ изъ Милета. Онъ, какъ

кажется, былъ единственный изъ философовъ, слушавшій ученіе лишь Египетскихъ мудрецовъ; исторія не сообщаетъ, чтобы онъ, а также Ферекидъ Сирянинъ, котораго ученикомъ былъ Пиѳагоръ, еще у кого учились.

Что касается Италійской сей школы, то послѣдователями ея напослѣдокъ были жители Метапонта, гдѣ она и состарѣлась вмѣстѣ съ Пиѳагоромъ.

Ѳалеса же преемникомъ былъ Анаксимандръ, сынъ Проксидама изъ Милета. За нимъ слѣдовалъ Анаксименъ, сынъ Еврюстрата изъ Милета. Далѣе слѣдовалъ Анаксагоръ, сынъ Гегезибула, родомъ изъ Клазоменъ. Этотъ Іонійскую школу пересадилъ въ Аѳины. Преемникомъ его былъ Архелай, учитель Сократа.

Но этотъ послѣдній, бывшій каменотесомъ, великимъ проповѣдникомъ справедливости,
Очаровывавшимъ Эллиновъ, покинулъ своего учителя,

говоритъ Тимонъ въ своихъ „Силлахъ“. Дѣйствительно Сократъ отсталъ отъ физиковъ для морали.

Слушатель Сократа, Антисѳенъ, основалъ Циническую школу, а Платонъ отдѣлился въ Академію.

Аристотель, слушавшій философію у Платона, перешедши въ Лицей, основываетъ школу Перипатетическую. Преемникомъ его былъ Ѳеофрастъ, а этого Стратонъ, а далѣе Люконъ, потомъ Критолай, за тѣмъ Діодоръ.

Преемникомъ Платона былъ Спевзиппъ, у этого Ксенократъ, потомъ Полемонъ. Полемона слушателями были Кратесъ и Кранторъ, съ коими древняя Академія и угасла.

Кранторъ имѣлъ ученикомъ Аркезилая, отъ котораго даже до Гегезилая процвѣтала средняя Академія.

Гегезилая преемникомъ былъ Карнеадъ и иные потомъ.

У Кратеса (Ѳивянина) былъ ученикъ, Зенонъ Киттіянинъ; онъ былъ основателемъ Стоической школы. Этому преемникомъ былъ Клеанѳъ, а Клеанѳу Хризиппъ и послѣдующіе.

Основателемъ Элеатской школы былъ Ксенофанъ Колофонянинъ. Тимей утверждаетъ, что онъ жилъ во времена Сицилійскаго тиранна Гіерона, и что онъ былъ современникомъ поэта Епихарма. Но Аполлодоръ утверждаетъ, что онъ родился въ 40-ю Олимпіаду и жилъ до времеиъ Кира и Дарія. Ксенофанъ имѣлъ слушателемъ Парменида, а этотъ Зенона. Далѣе слѣдуютъ Левкиппъ, потомъ Демокритъ. Слушателями Демокрита были Протагоръ изъ Абдеры и Митродоръ съ Хіоса. Митродора слушателемъ былъ Діогенъ Смирнянинъ, а Діогена—Анаксархъ, а Анаксарха—Пюрронъ, а Пюррона—Навсифанъ. Епикуръ, по показаніямъ нѣкоторыхъ, былъ ученикомъ этого.

Такова вкратцѣ послѣдовательность Греческихъ философовъ. Остается теперь показать, когда именно жили основатели этихъ школъ, и тогда изъ сравненія хронологическихъ данныхъ откроется, что философія Еврейская древнѣе ихъ на много поколѣній.

О Ксенофанѣ, основателѣ Элеатской школы, это уже сказано.

А Ѳалесъ, по Эвдему въ его „Исторіи астрологіи“, предсказалъ то самое солнечное затмѣніе, которое произошло въ день битвы Мидянъ съ Лидійцами. Царемъ Мидіи тогда былъ Кіаксаръ, отецъ Астіага, а надъ Лидійцами царствовалъ Алюаттъ, отецъ Креза. Во главѣ писателей, соглашающихся относительно сего съ Эвдемомъ, стоитъ Геродотъ со своимъ показаніемъ въ 1-й книгѣ его „Исторіи“. Время этого затмѣнія падаетъ приблизительно на 50-ю Олимпіаду.

Говорится, что Пиѳагоръ жилъ въ царствованіе тиранна Поликрата, около 62-й Олимпіады.

Исторія свидѣтельствуетъ, что Мнэсифилъ, учитель Ѳемистокла, былъ соперникомъ Солона. А Солонъ жилъ около 46-й Олимпіады.

Что до Гераклита, сына Бавсонова, то онъ убѣдилъ тиранна Меланкому отречься отъ своей власти. Еще дата: Гераклитъ отказался отъ приглашенія царя Дарія переѣхать въ Персію.

15. Большая часть Эллинской философии— происхожденія чужеземнаго.

Итакъ время, въ которое жили древнѣйшіе изъ Эллинскихъ мудрецовъ и философовъ, сравнительно позднее.

А что большая часть ихъ по происхожденію были чужеземцы и учились у чужеземцевъ, нужно ли о семъ и говорить? Что Пиѳагоръ происходилъ изъ Этруріи или Туріума, это уже показано, Антисѳенъ былъ Фригіянинъ, Орѳей—Одрюсянинъ или Ѳракіянинъ. О Гомерѣ большая часть показаній сводится къ тому, что онъ былъ Египтянинъ. О Ѳалесѣ говорится, что онъ родомъ былъ изъ Финикіянъ и въ близкихъ связяхъ состоялъ съ Египетскими жрецами. О Пиѳагорѣ также извѣстно, что онъ поддерживалъ сношенія съ ними и что изучая таинственнную философію Египтянъ и желая посвященнымъ быть въ глубочайшія тайны ученія жрецовъ, принялъ отъ нихъ обрѣзаніе. И знатнѣйшихъ изъ Халдеевъ и маговъ онъ посѣтилъ; и какъ мѣсто нашихъ собраній нынѣ называется церковью, такъ во времена Пиѳагора мѣсто общаго слушанія называлось у нихъ ὁμακοεῖον. Платонъ же и не отрицаетъ того, что все наиболѣе прекрасное въ свою философію онъ заимствовалъ отъ чужеземцевъ. Онъ признается, что путешествовалъ въ Египетъ; посему и въ „Федонѣ“, утверждая что философъ отовсюду можетъ собирать для себя полезное, пишетъ слѣдующее: „Эллада велика, Кевисъ, отвѣчалъ Сократъ; въ ней есть люди разнообразно даровитые; да много и варварскихъ племенъ“. Такимъ образомъ Платонъ признаетъ, что и у варваровъ есть свои философы.

Напротивъ Епикуръ полагаетъ, что только между Эллинами могла возникнуть и процвѣтать философія. Но Платонъ въ своемъ „Симпозіонѣ“ (Пиръ), хваля варваровъ за то, что усердно занимались философіей, говоритъ, что были такіе философы (не только въ Аѳинахъ, но) и въ другихъ странахъ,—у Эллиновъ и у варваровъ,—и что за дѣтей (порожденныхъ ихъ чистой и безплотной мыслью) воздвигнуто имъ много храмовъ“. Ясно такимъ образомъ, что варвары постоянно окружали своихъ законодателей и наставниковъ величайшими почестями: они называли ихъ богами. Они думали, какъ передаетъ Платонъ, что „души добродѣтельныя, оставивъ мѣстности превышенебесныя, сходятъ на землю, въ этотъ тартаръ, и здѣсь облекшись въ тѣло принимаютъ участіе вмѣстѣ съ людьми во всѣхъ бѣдствіяхъ этой земной жизни, имѣя порученіе заботиться о судьбахъ людей со времени самаго рожденія ихъ“ (*); и онѣ-то собственно законы постановляли и философіи учили, „этому величайшему изъ всѣхъ благъ, какія когда либо отъ боговъ роду человѣческому были ниспосылаемы и еще будутъ посылаться“ (**). И мнѣ кажется, что именно понявъ великое значеніе блага, какого они становились участниками чрезъ послѣдованіе мудрецамъ, Брамины, Одрюсяне и Геты ихъ почитали и публично ихъ мудрость возвѣщали. По той же причинѣ Египетская нація особенно усердно возводила ихъ на одну степень съ богами. То же было у Халдеевъ, у Арабовъ, называемыхъ счастливыми, у всѣхъ народовъ, населявшихъ Палестину, у большей части Персидскаго народа и у тысячи другихъ народовъ.

Тотъ же Платонъ постоянно весьма ясно свидѣтельствуетъ свое уваженіе къ варварамъ, помня что и онъ самъ и Пиѳагоръ большую часть и притомъ прекраснѣйшихъ и возвышеннѣйшихъ изъ своихъ ученій заимствовали въ свою философію отъ варваровъ. Посему-то и называетъ онъ эти народы „народами философовъ чужеземныхъ“. Изъ его „Федра“ открывается, что онъ зналъ нѣкоего мудрѣйшаго Египетскаго царя Тота и представлялъ его себѣ чѣмъ-то въ родѣ Гермеса. Но изъ того, что говоритъ онъ въ „Хармидѣ“, открывается, что извѣстны ему были и нѣкоторые Ѳракійцы, о коихъ говоритъ, что они вѣрили въ безсмертіе души. Разсказываютъ, что учителемъ Пиѳагора былъ Сонхисъ, глава всѣхъ жрецовъ Египетскихъ, а Платона — Геліополитянинъ

(*) Изъ «Федона»; см. въ концѣ.

(**) Изъ «Тимея».

Сенхуфисъ; Евдокса же Книдянина—Хонуфисъ, то же Египтянинъ. Въ разговорѣ „О душѣ“(*) Платонъ опять оказывается признающимъ пророчества, ибо онъ вводитъ въ разговоръ пророка, который, изъясняя рѣчь Лахеса, предсказываетъ нѣчто душамъ, предназначеннымъ судьбою къ нисшествію на землю. Въ „Тимеѣ“ онъ изображаетъ мудреца Солона принимающимъ наставленія отъ чужеземца. Подлинныя слова его свидѣтельства таковы: „О Солонъ, Солонъ и остальные Эллины! Вы все еще дѣти. Нѣтъ между вами ни одного Еллина-старца, такъ какъ нѣтъ между вами ученія, которое отъ времени сдѣлалось бы почтеннымъ“.

Демокритъ писалъ сочиненіе «О нравахъ Вавилонянъ». Говорятъ также, что между его сочиненіями было и толкованіе гіероглифовъ, начертанныхъ на колоннѣ Ацикара. Можно этому вѣрить на основаніи показаній его самого. Вотъ что онъ пишетъ о самомъ себѣ и какъ гордится своей многоученостью: «Изъ всѣхъ моихъ современниковъ я объѣздилъ наибольшее количество странъ, бывъ у самыхъ древнихъ народовъ съ цѣлью изученія преданій ихъ. Видѣлъ я весьма много сферъ воздушныхъ и земныхъ, слушалъ рѣчи весьма многихъ ученыхъ людей. Никто со мной не можетъ сравниться въ искуствѣ оплоты ставить (изыскивать доказательства) и разрѣшать разныя проблеммы, никто даже изъ Египтянъ, называемыхъ Арпедонаптами(**). Въ качествѣ гостя въ теченіе восьмидесяти лѣтъ я обращался со всѣми этими мудрецами». Дѣйствительно онъ объѣхалъ Вавилонію, Персію и Египетъ и поступалъ въ число учениковъ къ магамъ и жрецамъ.

Пиѳагоръ вдохновлялся философіей Персидскаго мага Зороастра. Раздѣляющіе лжеученіе Продика (***) хвастаются, что владѣютъ апокрифическими книгами этого мага. Александръ въ своемъ сочиненіи «О Пиѳагорейскихъ символахъ» повѣствуетъ, что Пиѳагоръ былъ ученикомъ Ассиріянина Назарата. Нѣкоторые думаютъ, что это Іезекіиль; но мы докажемъ впослѣдствіи, что это мнѣніе ошибочно. Александръ утверждаетъ также, что Пиѳагоръ слушалъ Галатъ и Браминовъ.

Клеархъ Перипатетикъ говоритъ, что зналъ нѣкоего Еврея, имѣвшаго сношенія и бесѣдовавшаго съ Аристотелемъ.

Гераклитъ утверждаетъ, что изреченія Сибиллы были порожденіемъ не человѣческаго ума, а скорѣе Божественнымъ были внушеніемъ (*). Говорятъ также, что въ залѣ засѣданій въ Дельфахъ показывали камень, служившій по преданію сѣдалищемъ первой Сибиллы, сошедшей съ Геликона, гдѣ она была воспитана Музами (**). Нѣкоторые же говорятъ, что она происходила изъ Маліи и была дочерью Ламіи Посейдоновой. Въ одной изъ своихъ поэмъ Серапіонъ говоритъ, что Сибилла не переставала предсказывать и по смерти и что именно духъ ея, покинувшій ее при смерти, составляетъ прорицательную способность авгуровъ и предсказателей; тѣло же ея превратившись въ землю произрастило (пророчественную) траву; потому-то по внутренностямъ животныхъ, щипавшихъ траву на этомъ мѣстѣ, могутъ люди открывать совершеннымъ образомъ будущее. Онъ же думаетъ наконецъ, что лице представляемое луною, есть душа этой Сибиллы. Вотъ что сообщаютъ намъ о ней древнія преданія.

Нума же, царь Римскій, былъ Пиѳагорейцемъ(***). На основаніи книгъ Моисеевыхъ онъ запретилъ Римлянамъ изображать Бога въ образѣ человѣка или другаго живаго существа. Въ ближайшіе 170 лѣтъ въ Римскихъ храмахъ и дѣйствительно не было ни статуй ни

(*) Не въ Федонѣ, а въ «De republ». въ гл. X.

(**) петель завязыватели, или что то же, буквъ слагатели, составители сочиненій.

(***) Гностическая секта; срав. Стром. III въ гл. 4-й и Стром. VII въ гл. 7-й.

(*) Плутархъ эти слова Гераклита приводитъ въ своемъ сочиненіи De Pyth. oraculis.

(**) Оттуда же. То же у Павзанія въ его Phocicis.

(***) Такъ и ниже въ Стром. V гл. 1-й

живописи. Своимъ распоряженіемъ Нума внушилъ подданнымъ, что только умомъ можно воспарять до Высшаго Существа.

Итакъ философія, эта преполезнѣйшая наука, процвѣтала нѣкогда и у варваровъ. Позднѣе проникла она и въ Элладу. Въ Египтѣ носителями ея были прорицатели, въ Ассиріи—Халдеи, въ Галліи—Друиды, въ Бактріи—Сабанеяне, между Кельтами—философы, въ Персіи—волхвы. Эти послѣдніе возвѣстили рожденіе Спасителя прежде, чѣмъ оно сдѣлалось извѣстнымъ (изъ другихъ источниковъ) и прибыли въ Іерусалимъ, слѣдуя за звѣздою.

Въ Индіи представителями ея были гимнософисты и другіе философы чужеземные. Но родъ сихъ философовъ двоякій. Одни изъ нихъ называются Сармане, другіе же Брамины. И изъ Сарманъ тѣ, кои называются Аллобіями(*), ни въ городахъ не живутъ, ни крова не имѣютъ, одѣваются въ древесную кору, питаются желудями и древесными плодами, воду же руками пьютъ. Ни брака они не знаютъ, ни дѣторожденія подобно нынѣшнимъ такъ называемымъ Энкратитамъ. Изъ Индусовъ одни слѣдуютъ заповѣдямъ Будды, которому за преотличную его добродѣтельность воздаютъ Божескія почести.

Анахарсисъ былъ тоже Скиѳъ, а между тѣмъ историки ставятъ его выше многихъ Греческихъ философовъ. О Гипербореяхъ же Гелланикъ повѣствуетъ, что они живутъ за Рипейскими горами, воспитываются въ справедливости, мяса не ѣдятъ, питаются же только растительностью и плодами. Шестидесятилѣтнихъ они выводятъ за ворота и такимъ образомъ исключаютъ изъ своей среды(**).

Есть и у Германцевъ такъ называемыя священныя жены, прорицающія смотря въ водовороты рѣкъ, наблюдая ихъ извилины, вслушиваясь въ шумъ волнъ; по тому, что видятъ и слышатъ, онѣ предсказываютъ будущее. Онѣ-то не позволили Германцамъ съ Цезаремъ вступить въ сраженіе прежде наступленія новолунія.

(*) Или: Гюлобіями, т. е. въ лѣсахъ живущими.

(**) Подобное Геродотъ въ 1-й кн, своей исторіи о Массагетахъ.

Но много старше всѣхъ сихъ народъ Еврейскій; и Пиѳагореецъ Филонъ многочисленными примѣрами доказываетъ, что философія, содержащаяся въ заповѣдяхъ, изложенныхъ въ ихъ Писаніяхъ, началась раньше Эллинской. Тоже доказываютъ Аристовулъ (*) и многіе другіе; не хочу только останавливаться на поименномъ перечисленіи ихъ. Писатель Мегасѳенъ, современникъ Селевка Никатора, въ 3-й книгѣ своего сочиненія «Объ Индусахъ» слѣдующее пишетъ о нихъ: «Все, сказанное древними о природѣ, было уже ранѣе высказано философами не Эллинскими, а именно: отчасти въ Индіи Браминами, отчасти въ Сиріи такъ называемыми Евреями».

Нѣкоторые изъ историковъ передаютъ такіе баснословные разсказы, будто изъ такъ называемыхъ Дактилей Идэяне были первыми мудрецами. Этимъ древнимъ Дактилямъ приписываютъ изобрѣтеніе буквъ, называемыхъ Ефесскими (**) и музыкальнаго ритма; отъ нихъ-то будто бы и дактилическій размѣръ въ музыкѣ получилъ свое названіе. А Дактили эти были Фригіяне и варвары. Геродоръ повѣствуетъ, что знаменитый Геркулесъ былъ гадатель, что онъ обращался среди природы и отъ Атласа, Фригіянина и варвара, усвоилъ идею о столбахъ міра. Этотъ миѳъ сказываетъ собой, что Геркулесъ учился у Атласа наукѣ о явленіяхъ небесныхъ.

Гермиппъ изъ Бейрута называетъ мудрымъ центавра Кирона, о которомъ и авторъ „Титаномахіи“ говоритъ:

«Онъ первый
Ввелъ въ родъ смертныхъ людей справедливость, научивъ ихъ
Клятвеннымъ формуламъ, церемоніямъ, умилостивительнымъ жертвамъ и образамъ Олимпа».

Онъ былъ наставникомъ Ахиллеса, сражавшагося подъ Троей. Гиппо же, дочь центавра,

(*) Слова его Климентъ цитуетъ ниже въ гл. 22-й.

(**) Срав. Стром. V въ гл. 5.

вышедши за мужъ за Эола, расположила его къ разсматриванію природы, наукѣ, узнанной ею отъ отца. Еврипидъ также свидѣтельствуетъ о Гиппо:

«Она первая предсказывала волю боговъ
По особой прорицательной способности или же
вопрошая восходъ свѣтилъ (*).

Одиссей, по взятіи Трои, пользовался гостепріимствомъ этого Эола.

Замѣтьте хорошенько хронологическія данныя, чтобы сравнить время Моисея съ эпохой самой древней философіи.

16. Кромѣ философіи варвары были изобрѣтателями почти и всѣхъ другихъ наукъ и искуствъ.

Но не только философіи, но почти и всѣхъ другихъ наукъ и искуствъ изобрѣтателями были варвары же (**). Такъ науку астрологіи на свѣтъ породили первѣе всего Египтяне. Подобнымъ образомъ одними изъ первыхъ же ея нововводителей были и Халдеи. И освѣщаться способъ при посредствѣ лампъ (Мѳ. V, 15) ввели у себя впервые тоже Египтяне (***). Они же раздѣлили годъ на 12 мѣсяцевъ. И сношенія съ женщинами въ храмахъ это у нихъ запрещены были. Но даже и для тѣхъ, кои обнимали своихъ супругъ дома, предъ отправленіемъ въ храмы обязательно было у нихъ предварительное омовеніе. Египтяне же были изобрѣтателями и геометріи.

Нѣкоторые же открытіе искуства предвѣщать будущее чрезъ наблюденіе свѣтилъ небесныхъ усвояютъ Карійцамъ.

Фригіяне первые стали присматриваться къ полету птицъ.

У Етрурянъ и другихъ народовъ Италіи въ совершенствѣ было развито искуство прорицать по внутренностямъ животныхъ.

Исаврянами и Арабами разработано было искуство прорицанія по полету птицъ.

(*) Трагедія эта не дошла до насъ.

(**) Оригенъ противъ Цельса кн. I, гл. 2: «Потомъ Цельсъ обращаетъ вниманіе на иностранное происхожденіе нашего вѣроученія. При этомъ онъ имѣетъ въ виду несомнѣнно заимствованность его отъ іудеевъ, на религіи коихъ и христіанская зиждется и съ ней стоитъ въ связи. При этомъ онъ обнаруживаетъ великодушіе и варварскаго происхожденія не ставятъ нашему вѣроученію въ упрекъ; напротивъ онъ даже еще хвалитъ варваровъ за ихъ находчивость въ измышленіи новыхъ (религіозныхъ) ученій». Татіанъ то же доказательство развиваетъ пространнѣе въ началѣ своего «Слова къ Эллинамъ». Климентъ почти шагъ за шагомъ слѣдуетъ сей апологіи, и дальнѣйшее изложеніе его есть не иное что какъ раскрытіе Татіанова положенія: «На что можете указать вы, что не было бы вами заимствовано у варваровъ»?

(***) По крайней мѣрѣ употребленіе лампъ у Египтянъ было очень распространено. Былъ у нихъ даже особый съ иллюминацією праздникъ (Герод. II, 62), въ который особенно въ городѣ Саисѣ, но и по всей странѣ, въ теченіе цѣлой ночи горѣли лампы. Предъ статуей коровы, служившей гробницей для дочери царя Мюкерина, ежедневно ароматы были воскуряемы, а ночью лампа горѣла (Герод. II, 130). Въ храмѣ Юпитера Аммона, по свидѣтельству Плутарха, De def. orac. c. 2, постоянно горѣла неугасимая лампа. Но и позднѣе, напр. Антонія при праздникахъ устроявшихся Клеопатрой, ничто столько не поражало, какъ блескъ множества лампъ (Plut. Ant. c. 26). Въ Греціи въ героическое время освѣщались просто сухой сосновой лучиной. Телемакъ идетъ въ свою спальню «при свѣтѣ горящихъ факеловъ» (Od. XIX, 48). Пенелопа распускаетъ свое тканье ночью при свѣтѣ факеловъ (ibid. 150). Даже палаты царя Алкиноя (Od. VII, 100) освѣщались такимъ образомъ: «На искусно сработанныхъ постаментахъ стояли изъ золота статуи юношей, которые держали въ рукахъ свѣтло пылавшіе факелы». Съ отношеніемъ къ этому Атеней (XV) говоритъ, что «лампа изобрѣтеніе не древнее, потому что древніе освѣщались возженіемъ сосновой лучины и изъ другихъ деревъ». Все-же Паллада Аѳина держитъ въ своихъ рукахъ уже лампу (Od. XIX, 34). Геродотъ (VII, 215) время сумерекъ называетъ временемъ возженія лампъ; распространеніе ихъ по Греціи произошло слѣдовательно уже очень рано.

Телмисяне предсказывали будущее чрезъ истолкованіе сновъ.

Этруски изобрѣли трубу, а Фригіяне флейту, потому что Олюмпъ и Марсюй были Фригіяне.

Кадмъ же, изобрѣтатель письменъ для Эллиновъ, былъ по свидѣтельству Ефора, Финикіянинъ. И вотъ почему Геродотъ (V, 58) пишетъ, что эллинская азбука составлена изъ буквъ финикійскихъ. По увѣренію же другихъ первыми изобрѣтателями литеръ были Финикіяне и Сиріяне.

Аписъ, по происхожденію Египтянинъ, открылъ медицинское искуство еще прежде прибытія въ Египетъ нимфы Іо. Впослѣдствіи это искуство усовершенствовано было Эскулапомъ.

Атласъ же Ливіянинъ построилъ первый корабль и первый на немъ плавалъ по морю.

Келмисъ же и Дамнаменей, изъ Идеянъ Дактили, первые открыли желѣзо на островѣ Кипрѣ. А другой Идеянинъ открылъ искуство его ковать и употреблять. А по мнѣнію Гезіода онъ былъ Скиѳомъ.

Ѳракіяне первые придумали оружіе, называемое гарпіей; это—изогнутый мечъ. Они же первые и на коняхъ сидя стали пользоваться такъ называемой пелтой (щитомъ на подобіе полумѣсяца). Но точно такъ же считаютъ изобрѣтателями его и Иллиріянъ.

Говорятъ еще, что пластическое искуство изобрѣтено Етрурянами и что длинный продолговатый четыреугольный щитъ сдѣланъ впервые Самнитяниномъ Итаномъ.

Кадмъ Финикіянинъ открылъ первыя каменоломни и первые золотоносные рудники около горы Панкея.

Другому народу, а именно Каппадокіянамъ, обязаны мы изобрѣтеніемъ музыкальнаго инструмента, называемаго (1 Пар. XV, 16, 29 по Семидесяти) наблой. Ассиріяне первые изобрѣли дихордонъ.

Карѳагеняне построили первую четырехвесельную галеру. Архитекторомъ ея былъ Карѳагенянинъ Босфоръ. Онъ измыслилъ ее экспромтомъ.

Медея, дочь Айэта, Колхидянка, первая придумала искуство красить волосы.

Норопы, народецъ изъ Пэоніи, нынѣ такъ называемые Норики, первые стали обработывать мѣдь и впервые очистили желѣзо.

Царь Бэбриковъ, Амикъ, первый выдумалъ обвивать руки въ бояхъ ремнями.

Въ область музыки Олюмпомъ Мизяниномъ впервые введена была искусно гармонія Лидійская.

Такъ называемые Троглодиты изобрѣли музыкальный инструментъ самбуку (родъ флейты).

О Сатирѣ Фригіянинѣ утверждаютъ, что онъ изобрѣлъ кривую полевую трубу. Гюагній, тоже Фригіянинъ, изобрѣлъ трихордонъ и діатоническую гармонію. Олюмпъ Фригіянинъ указалъ способы играть на струнныхъ инструментахъ, тогда какъ Марсюй, происхожденіемъ изъ той же Фригіи, открылъ гармоніи Фригійскую, полу-Фригійскую и полу-Лидійскую, а Ѳракіянинъ Ѳамюра открылъ гармонію Дорическую.

Мы знаемъ также, что Персами построены первыя колесницы; у нихъ впервые вошли въ употребленіе кровати и подножныя скамейки; а Сидоняне и первыя стали строить триремы.

Сицилияне, народъ сосѣдній съ Италіей, впервые изобрѣли форминксъ, мало отличающійся отъ цитры. Ими же выдумана и особая погремушка въ родѣ бубна.

Предполагаютъ, что выдѣлка одеждъ изо льна началась въ царствованіе Египетской (?) царицы Семирамиды.

Гелланикъ говоритъ, что Атосса, царица Персовъ, первая стала писать письма на особой формы табличкахъ и листкахъ.

Повѣствованіе обо всѣхъ этихъ фактахъ можно находить у Скамона Митиленянина, у Ѳеофраста Ерессянина, у Кюдиппа Мантинеянина; кромѣ того у Антифана, Аристодема, Аристотеля; еще у Филостефана и Перипатетика Стратона въ его писаніи «Объ изобрѣтеніяхъ». Мной о нѣкоторыхъ изъ нихъ добавлено здѣсь въ подтвержденіе того, что варвары изобрѣтательны на все полезное для жизни и что Эллины многимъ отъ нихъ позаимствовались въ своихъ наукахъ и искуствахъ.

Если же кто будетъ вооружаться противъ языка варваровъ, то я отвѣчу тому словомъ Анахарсиса: „Греческій языкъ для моего слуха тоже, что Скиѳскій для слуха Эллина". А Анахарсисъ этотъ вѣдь пользовался почетомъ у Эллиновъ за его изреченіе: «Одеждой для меня служитъ шерсть, пищей—молоко и сыръ» (*). Такова философія (добродѣтель) варварская: она не въ словахъ состоитъ, а и въ дѣлахъ. Апостолъ же говоритъ: *Такимъ образомъ если языкъ, на которомъ говорите вы, непонятенъ, то какъ узнать то, о чемъ говорите вы? Будете вы говорить на вѣтеръ. Столько языковъ есть на свѣтѣ и нѣтъ ни одного народа, который не имѣлъ бы языка. Если неизвѣстно мнѣ значеніе словъ въ какомъ либо языкѣ, то для собесѣдника буду я варваромъ, а для меня онъ будетъ таковымъ же.* И: *Кто хочетъ говорить на языкѣ иностранномъ, тотъ долженъ пользоваться при семъ переводчикомъ* (1 Кор. XIV, 9, 10, 11, 13).

Что еще къ этому добавить мнѣ? Ученіе о писаніи сочиненій и вообще письменность сравнительно поздно проникли къ Эллинамъ.

Такъ по естествовѣдѣнію первое сочиненіе написалъ Кротонянинъ Алкмеонъ, сынъ Периѳа. Другіе же говорятъ, что первый издалъ книгу о семъ только Клазоменянинъ Анаксагоръ, сынъ Гегезибула.

Поэмы въ формѣ стиховъ сталъ первый писать только Терпандръ изъ Антиссы; онъ переложилъ на стихи законы Лакедемонянъ.

Диѳирамбы изобрѣлъ только Лассъ Герміоней; гимнъ изобрѣтенъ Стезихоромъ Гимереемъ; пляска Лакедемонянинomъ Алкманомъ; эротическая поэма Теосцемъ Анакреономъ; пляска подъ пѣсни Ѳивяниномъ Пиндаромъ.

Милетянинъ Тимоѳей законы первый переложилъ на ноты для цитры съ акомпаниментомъ хора.

Ямбъ изобрѣлъ Архилохъ съ Пароса; Ефесянинъ Гиппонаксъ—неполный ямбъ.

Аѳинянинъ Ѳесписъ изобрѣлъ трагедію; комедію Сусаріонъ Икаріянинъ.

У грамматистовъ опредѣляется и эпоха, когда жили эти дѣльцы. Для изложенія подробностей о семъ однакоже потребовалось бы очень много времени. Да нами уже и доказано, что самъ Вакхъ, въ честь котораго установлены игры подъ именемъ Діонисій, жилъ значительно позднѣе Моисея.

По Діодору первую рѣчь по правиламъ школы составилъ Антифонъ, сынъ Софила, урожденецъ Рамнъ; онъ же первый писалъ по реторикѣ. По Діодору тотъ же Антифонъ и за адвокатуру первый потребовалъ себѣ платы; онъ первый написалъ защитительную рѣчь съ цѣлью передать ее для произнесенія кліэнту.

Аполлодоръ родомъ изъ Кумъ первый назывался критикомъ; онъ же первый назывался и грамматистомъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что первымъ грамматистомъ былъ Эротосѳенъ Киринеянинъ, потому что онъ издалъ двѣ книги подъ заглавіемъ: «Γραμματικά». Но первый, кто былъ названъ грамматистомъ въ томъ смыслѣ, который нынѣ имѣетъ это слово. былъ сынъ Діонисифана Праксифанъ, урожденецъ Митиленъ.

Сказываютъ, что первымъ законодателемъ былъ Локрянинъ Залевкъ. Другіе же называютъ такимъ законодателемъ Миноса, сына Юпитерова, согражданина Люнкею. Этотъ жилъ послѣ Даная, а именно одиннадцать поколѣній спустя послѣ Инаха и Моисея, что мы и покажемъ немного ниже. Ликургъ, жившій много спустя по взятіи Трои, далъ законы Лакедемонянамъ за 150 лѣтъ до 1-й Олимпіады. Объ эпохѣ, когда жилъ Солонъ. мы уже говорили. Оказывается равнымъ образомъ, что Драконъ, также бывшій законодателемъ, жилъ около 39-й Олимпіады. А Антилохъ, авторъ историческаго сочиненія о философахъ и ученыхъ отъ временъ Пиѳагора до смерти Эпикура, послѣдовавшей въ 10-й день мѣсяца Га-

(*) Въ письмѣ Анахарсиса къ Ганнону это изреченіе его передается такъ: «Одеждой и покровомъ мнѣ служитъ скиѳскій плащъ, обувью—кожа ногъ, ложемъ—вся земля, обѣдомъ и завтракомъ—молоко, сыръ и жареное мясо, питьемъ—вода». Cf. Цицерона Tusc. quaest. V, 32.

миліона, обнимаетъ имъ періодъ времени всего въ 312 лѣтъ.

Говорятъ еще, что героическій гекзаметръ изобрѣтенъ Ѳаноѳеей, женой Икара; другіе же его изобрѣтеніе приписываютъ Ѳеминѣ, одной изъ дочерей Титана.

Дидимъ въ своемъ сочиненіи о Пиѳагорейской философіи утверждаетъ, что Ѳеано Кротонянка была первою изъ женщинъ, занимавшейся философіей и писавшей поэмы.

Такимъ образомъ въ эллинскую философію, по мнѣнію однихъ, истина забрела какъ бы случайно, да и то въ степени незначительной; по мнѣнію же другихъ (и этого нѣтъ, а) она есть порожденіе демоновъ. Нѣкоторые думаютъ, что вся философія внушена Эллинамъ духами низшаго разряда. По нашему же мнѣнію, хотя эллинская философія и не содержитъ истины во всемъ ея величіи, хотя она и не сообщаетъ силъ для исполненія заповѣдей Господа, тѣмъ не менѣе она расчищаетъ путь, ведущій къ истинѣ, къ принятію ученія по истинѣ царственнаго, такъ какъ она до извѣстной степени исправляетъ и создаетъ нравы; того, кто вѣритъ въ Провидѣніе, она располагаетъ къ принятію истины.

17. Объ изреченіи Спасителя: «Всѣ, приходившіе ранѣе Меня, были воры и разбойники».

Но написано, говорятъ: *Всѣ, являвшіеся до пришествія Господа, суть воры и разбойники* (Іоан. X, 8). Разумѣются въ семъ изреченіи подъ именемъ *воровъ* и *разбойниковъ* вообще всѣ, до воплощенія Логоса предлагавшіе какое либо ученіе (безъ Божія къ тому призванія). Пророки же, такъ какъ они были посылаемы и вдохновляемы самимъ Господомъ, не были ворами, а слугами (Божіими). Потому-то Писаніе и говоритъ: *Послала Премудрость громогласныхъ глашатаевъ своихъ, созывая на чашу вина* (Притч. IX, 3, 5).

Но философія, говорятъ, исполняла порученіе не Господне, а вошла (въ міръ) воровски, или (иначе сказать) воромъ сообщена. Нѣкое духовное начало, или (злой) ангелъ (*), нѣсколько знакомый съ положеніями ученія истиннаго, но измѣнившій имъ, сталъ внушать людямъ эти философскія истины и знакомить ихъ съ ними, хотя демономъ-то самимъ (по паденіи) онѣ удержаны были хищнически. Господь зналъ это, ибо Онъ знаетъ уже и конецъ вещей, къ бытію еще не вызванныхъ, однакоже злому духу въ его дѣлѣ Онъ не воспрепятствовалъ. Пересказыванье сихъ чуждыхъ злому духу истинъ все-таки приносило людямъ нѣкоторую пользу. Хищникъ не эту цѣль имѣлъ въ виду, но Провидѣніе отчаянно дерзкому дѣлу дало направленіе благотворное.

Знаю, что многіе (изъ софистовъ) не перестаютъ насъ унижать за такое разсужденіе. Они говорятъ: «Кто не удерживаетъ кого либо отъ совершенія какого либо дѣла, тотъ оказывается виновникомъ его». Они утверждаютъ, что «кто не смотритъ (не блюдетъ) за извѣстной вещью и не принимаетъ мѣръ противъ похищенія ея, тотъ самъ виновенъ въ покражѣ ея у него. Такъ виновникомъ пожара бываетъ тотъ, кто не погасилъ огня въ самомъ началѣ. Подобно этому виновникомъ кораблекрушенія бываетъ кормчій, не собравшій парусовъ вовремя. Но по закону виновники подобныхъ несчастій подлежатъ за это наказанію: въ чьей власти было помѣшать злоключенію, тотъ и отвѣтственъ за него».

Отвѣчаемъ имъ. Причину извѣстнаго образа дѣйствій нужно видѣть во власти (въ способности, въ силѣ, въ свободѣ) поступать, дѣйствовать, быть дѣятельнымъ; дѣятельность долж-

(*) Писатель въ концѣ предшествующей главы и въ гл. 9-й уже упоминалъ о мнѣніи нѣкоторыхъ, считавшихъ виновникомъ философіи діавола. Это было мнѣніемъ іудейско-александрійской философіи и первоначально выражено въ кн. Эноха; потомъ часто стало выражаться оно и нѣкоторыми учителями церкви. Напр. Татіаномъ Orat. ad Graec. p. 28, 29; Ерміемъ философомъ p. 213, 214; особенно Тертулліаномъ: Apol. c. 35; De idololatr. c. 9; De cultu fem. I, 2. Нашъ писатель считаетъ діавола только передатчикомъ, а не виновникомъ философіи и противъ послѣдняго мнѣнія нѣсколько разъ полемизируетъ.

на быть обсуждаема по положительной ея причинѣ. Тоже, что не положило преградъ, препятствій извѣстному образу дѣйствій, то по этому самому и непричастно ему. Далѣе причина имѣетъ соотношеніе съ совершаемымъ (а не съ несовершаемымъ) дѣломъ. Такъ строитель корабля заявляетъ себя (положительнымъ образомъ) такимъ или инымъ устройствомъ подводной части судна (т. е. свойствами, кораблю существенно принадлежащими); и каменьщикъ—(такимъ или инымъ, положительнымъ) устройствомъ дома, (а не отрицательными его свойствами). Дѣйствіе потому и совершается, что сила (власть, способность), могшая воспрепятствовать совершенію его, не участвовала въ немъ и не препятствовала ему; потому что какое же дѣйствіе совершаетъ тотъ, кто не возбраняетъ его? Болтливость здѣсь доводитъ нашихъ противниковъ до несенія уже безсмыслицы, такъ какъ имъ приходится сказать, что причиной раны состоитъ не стрѣла, ее нанесшая, а щитъ, не помѣшавшій ей проникнуть въ тѣло; тогда и въ судѣ они пусть приносятъ жалобу не на вора, а на того, кто не удержалъ вора отъ покражи. Равнымъ образомъ и сожженье кораблей у Эллиновъ пусть они усвояютъ не Гектору, а Ахиллесу, потому что онъ могъ воспрепятствовать этому, но сего не сдѣлалъ. Но если Ахиллесъ, — такъ какъ въ его волѣ было или тѣшить свой гнѣвъ или укротить оный,—не воспрепятствовавъ возникновенію пожара, тѣмъ самъ сдѣлалъ себя отвѣтственнымъ за него, то и демонъ равнымъ образомъ былъ самъ себѣ властелинъ и могъ или раскаяться (*) или оставаться похитителемъ; онъ слѣдовательно и отвѣтственъ за удержаніе похищеннаго, а не Господь, не воспрепятствовавшій тому.

Да кромѣ того не было и побужденій для Бога удерживать демона отъ его дѣла, потому что привносимое имъ въ міръ для людей было безвредно.

Еслиже по отношенію къ противникамъ необходимо мнѣ прибѣгнуть къ разсужденіямъ еще болѣе утонченнымъ, то пусть знаютъ они, что причиной извѣстныхъ послѣдствій, коими сопровождалось удержаніе (демономъ по паденіи нѣкоторыхъ зеренъ истины) и распространеніе похищеннаго (т. е. сихъ зеренъ, или философіи) было не отстраненіе (Богомъ) всѣхъ помѣхъ, задержекъ и преградъ тому (*), а обстоятельство совершенно другое, (присоединилось къ преступному дѣйствію этой причины положительное Божіе промышленіе о благѣ человѣка). Такъ прикрывающій другаго щитомъ состоитъ для заслоняемаго причиной непораненности, такъ такъ заступаясь за него онъ препятствуетъ врагу нанесть рану защищаемому. И для Сократа демонъ (δαιμόνιον) былъ (положительной) двигательной причиной его дѣятельности, прямо одобряя извѣстныя его дѣйствія, а не то что того или другаго не воспрещая (**); прямо онъ побуждалъ его къ извѣстнаго рода дѣятельности, а не то чтобы только не отговаривалъ отъ нея (***).

Не были бы справедливы ни похвалы ни порицанія, ни награды ни наказанія, еслибы духъ нашъ не имѣлъ власти устремляться на извѣстныя дѣла или еслибъ не могъ уклоняться отъ нихъ совершенно свободно,—еслибы грѣхъ былъ дѣломъ подневольнымъ. Вотъ почему воспрепятствовавшій (злу) нѣкоторымъ образомъ можетъ состоять виновникомъ его, а не воспротивившійся злу и добра не затрудняетъ. Онъ совершенно справедливо признаетъ за душой свободу выбора, такъ что Богъ значитъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть

(*) Это мнѣніе впослѣдствіи защищалъ и Оригенъ, ученикъ Климента.

(*) Подобное въ Стром. VI, 12, и VIII, 9. Писатель очевидно хочетъ весьма резонно на томъ настоять, что иниціатива добра, вышедшаго отъ философіи, не діаволу должна быть приписана, а Богу.

(**) Сообщеніе Платона о семъ изъ его «Θеагена» Климентъ приводитъ ниже въ гл. 21 послѣ средины. Но тоже сообщеніе есть у Платона и въ его «Апологіи Сократа».

(***) т. е. значитъ, побуждалъ людей къ доброй дѣятельности Богъ.

считаемъ виновникомъ зла. Такъ какъ грѣхъ начинается со свободнаго нашего выбора, соединеннаго съ расположенностью къ тому или другому образу дѣятельности, и такъ какъ иногда мы по невѣдѣнію или неосторожности допускаемъ въ свою душу мнѣнія по своей природѣ лживыя или лживые предразсудки, коими и опредѣляемся въ своей дѣятельности, то не стараясь отъ нихъ освободиться, за невѣдѣніе или еще неопытность, по справедливости подвергаемся и наказаніямъ. (А освободиться отъ невѣдѣнія и неопытности мы можемъ). Лихорадка конечно есть болѣзнь непроизвольная. Но если кто вызываетъ ее собственной неумѣренностью, то причиной ея въ нѣкоторомъ отношеніи становится онъ самъ. Нѣкоторымъ подобнымъ образомъ и грѣхъ непроизволенъ, такъ т. е. что никто не выбираетъ его въ качествѣ зла изъ за того, что онъ зло; всѣ мы, увлекаясь удовольствіями, грѣхъ окружающими, считаемъ его достойнымъ своего выбора потому, что принимаемъ его за добро. А если это такъ, то въ нашей власти значитъ отъ невѣжества, отъ всякаго лишь мнимо--удачнаго выбора и освободиться, а прежде всего отъ насъ самихъ зависитъ обманчивымъ химерамъ не поддаваться, насъ увлекающимъ ко злу.

Демонъ называется *разбойникомъ и воромъ* потому, что замѣшалъ онъ между пророками истинными ложныхъ, подобно тому какъ къ пшеницѣ присоединяются плевелы. Такъ выходитъ, что *всѣ пришедшіе до Господа--воры и разбойники* (Іоан. X, 8). Но подъ словомъ *всѣ* здѣсь разумѣть слѣдуетъ не людей всѣхъ, а всѣхъ ложныхъ пророковъ и всѣхъ, кто не получилъ отъ Господа особаго призванія.

Ложные пророки и въ томъ отношеніи совершали особаго рода похищеніе, что заставляли называть себя пророками, тогда какъ если они и были пророками, то пророками лжеца. Господь говоритъ: *Отцомъ, отъ котораго вы рождены, состоитъ діаволъ и желаете вы исполнять волю вашего отца. Онъ былъ человѣкоубійцей съ самаго начала и въ истинѣ не устоялъ, ибо истины нѣтъ въ немъ. Когда онъ предноситъ ложь, онъ говоритъ свойственное ему, ибо онъ лжецъ и отецъ лжи* (Іоан. VIII, 44).

Къ своей лжи ложные пророки примѣшивали нѣсколько словъ истины (*); и когда предсказывали, то дѣйствительно приходили въ нѣкоторый родъ экстаза, будучи вѣстниками отступника.

Ангелъ покаянія, Пастырь, о лжепророкѣ также говорилъ Ермѣ: «Онъ изрекаетъ и нѣсколько словъ истины, ибо діаволъ проникаетъ его своимъ духомъ, желая совратить (уронить, убить, поразить) кого либо и изъ праведниковъ (кн. II, заповѣдь 10).

Но въ рукахъ Провидѣнія все обращается во благо, *дабы многоразличная премудрость Божія*, столь удивительно проявляющаяся въ разнообразіи дѣлъ Божіихъ, *по предвѣчному совѣту, исполнившемуся во Христѣ, открывалась особенно въ церкви Его* (Еф. III, 10, 11).

Ничто не можетъ противостоять Богу, ничто не можетъ противиться Ему: Онъ Господь, Онъ всемогущъ.

Мысли же и дѣла падшихъ ангеловъ, представляя собою дѣйствія лишь разрозненныя, (безсвязныя, безпорядочныя, непослѣдовательныя, связи съ цѣлымъ не имѣющія), происходятъ, какъ и тѣлесныя болѣзни, отъ дурныхъ ихъ склонностей. Но Провидѣніе направляетъ и эти ихъ дѣйствія къ цѣли спасительной, хотя самая-то причина ихъ болѣзнетворна. И вотъ почему замѣчательнѣйшая изъ особенностей Божественнаго Провидѣнія состоитъ въ томъ, что пороку, возникшему изъ самовольнаго отпаденія, Оно не дозволяетъ оставаться совершенно безъ пользы или же на всѣхъ и на всемъ отзываться лишь вредомъ.

Въ самомъ дѣлѣ премудрость, благость и всемогущество Божіи проявляются не въ томъ только, что отъ нихъ истекаетъ добро,—таково

(*) Что ложные пророки ко лжи примѣшивали и нѣчто истинное, это мнѣніе выражали: писатель Recognitionum, IV, 21, 22; VIII, 60; псевдо-Амвросій на 1 Сол. V, 21 и псевдо-Златоустъ на Мѳ. VI, 21. Срав. Маймонида De fundamentis legis гл. 10, примѣч. 3.

уже существо Божіе, подобно тому какъ природу огня составляетъ исходяшее отъ него тепло, и природу свѣта свѣтъ,—но и въ томъ,—и это даже главнымъ образомъ,—что они приводятъ къ доброму и полезному концу и гибельныя козни злыхъ духовъ; повидимому и вредное подъ воздѣйствіемъ ихъ превращается въ явленіе свѣтлое. Такъ напр. въ искушеніи и испытаніи Богъ даетъ случай къ исповѣданію.

Подобнымъ образомъ и въ философіи, какъ бы вторымъ Прометеемъ похищенной съ неба, заключенъ огонь нѣкоторой свѣтоносной истины; стоитъ только возжечь его своимъ стараніемъ. Есть въ ней нѣкоторыя черты мудрости, нѣкоторыя стремленія, вложенныя рукой какъ бы Божественной. И все-таки эллинскіе философы были *ворами и разбойниками*, потому что, заимствовавъ до пришествія Спасителя у еврейскихъ пророковъ нѣкоторыя части истины, не только не сознаются въ этомъ, но еще и усвояютъ оныя себѣ, какъ еслибъ это были ученія дѣйствительно имъ принадлежащія. Между тѣмъ одни изъ ученій они извратили, другихъ со свойственной имъ софистической ловкостью коснулись они только вскользь, а третьи самими ими измышлены, потому что и Эллинамъ не несвойственъ былъ нѣкоторый *духъ смышлености* (Исх. XXVIII, 3; срав. выше гл. 4).

Аристотель согласно со свящ. Писаніемъ также называетъ софистику искуствомъ красть мудрость; и мы уже говорили объ этомъ изреченіи его (Срав. выше въ гл. 8-й).

А мы сіи дары, говоритъ Апостолъ, *возвѣщаемъ вамъ не въ краснорѣчивыхъ словахъ мудрости человѣческой, а въ тѣхъ, кои внушаетъ намъ Духъ* (1 Кор. II, 13). Іоаннъ говоритъ о пророкахъ: *Всѣ мы получили отъ полноты Его* (Іоан. I, 16), т. е. Христа; такъ что пророки не воры. *И ученіе Мое не Мое*, говоритъ Спаситель, *но Отца, пославшаго Меня* (Іоан. VII, 16). О ворахъ же Онъ говоритъ: *Кто отъ себя говоритъ, тотъ ищетъ своей славы* (Іоан. VII, 18). Таковы Эллины. Они *самолюбивы и надменны* (2 Тим. III, 2). Но, называя ихъ мудрецами, свящ. Писаніе не мудрецовъ истинныхъ этимъ осуждаетъ, а тѣхъ, которые лишь выдаютъ себя за мудрецовъ.

18. Изъясненіе словъ Апостола: «Погублю мудрость мудрецовъ» (1 Кор. I, 19—24).

И объ этихъ-то послѣднихъ (т. е. ложныхъ мудрецахъ) свящ. Писаніе говоритъ: *Погублю мудрость мудрецовъ и ученость ученыхъ отвергну* (Ис. XXIX, 14; 1 Кор. I, 19). Посему-то Апостолъ и добавляетъ: *Что сталось съ мудрецами? Съ знатоками закона что? Что съ умами, жаждавшими обогатить себя всѣми знаніями вѣка своего?* Здѣсь онъ знатоковъ закона различаетъ отъ умовъ пытливыхъ, развѣдывателей мудрости вѣка сего, т. е. отъ языческихъ философовъ.

Не обнаружилъ ли Богъ, продолжаетъ Апостолъ, *безразсудства мудрости міра сего, показавъ, что она безуміе*, а отнюдь не истина, какъ думалъ о ней міръ?

А если спросите вы о причинѣ, заставившей эллинскихъ философовъ считать себя мудрецами, то Апостолъ называетъ ее *очерствѣніемъ сердца ихъ* (Еф. IV, 18).

Такъ какъ при свѣтѣ премудрости Божіей, возвѣщавшейся пророками, *и чрезъ мудрость, которая говорила устами мудрецовъ, міръ не позналъ Его*, т. е. Бога, *то благоволилъ Онъ безуміемъ проповѣди*, т. е. проповѣдію, казавшейся Эллинамъ безуміемъ, *спасти вѣрящихъ ей*.

Для вѣры же, говоритъ Апостолъ, *Евреи чудесъ требуютъ, и Эллины мудрости домогаются*, т. е разсужденій со строгими доказательствами и другими формальными заключеніями. *Мы же проповѣдуемъ Іисуса Христа распятаго, для Евреевъ соблазнъ*, потому что, вѣря въ пророчества, они не вѣрятъ въ исполненіе ихъ, *для Эллиновъ же безуміе*, ибо считающіе себя за мудрецовъ находятъ баснословнымъ, будто устами человѣка говорилъ Сынъ Божій, будто Богъ имѣетъ Сына и будто Сынъ этотъ пострадалъ; предзанятыя мнѣнія мѣшаютъ имъ вѣровать. Но пришествіе Спасителя оказавшихся послушными Его зову не

сдѣлало ни безразсудными, ни жестокосердыми, ни вѣроломными, а образовало изъ нихъ людей разумныхъ, покорныхъ и честныхъ. Тѣ же, кто отъ вступленія въ союзъ съ сими послушными отказался и отдѣлился отъ нихъ, тѣ по сравненію съ ними оказались людьми безразсудными, вѣроломными и недальновидными.

Для тѣхъ же, которые остались вѣрны голосу, ихъ звавшему, будутъ ли они Евреи или Эллины, Христосъ есть Божія сила и Божія премудрость (1 Кор. I, 21—24). Сими словами мысль свою Апостолъ выясняетъ точнѣе и на основаніи ихъ посему не слѣдуетъ въ выраженіи его: *Не обратилъ ли Богъ мудрость міра сего въ безуміе* видѣть по отношенію къ ней нѣчто отрицательное, думать т. е. что мудрецовъ міра сего Богъ нарочито уклонилъ, ввергъ въ безразсудство, нѣтъ; Апостолъ своимъ выраженіемъ лишь то хочетъ сказать, что Богъ обнаружилъ безразсудство (отрѣшенной отъ Него) мірской учености, дабы виновникомъ жестокосердія не повѣрившихъ не счелъ кто Бога самого. Настолько-то мудрецы сего міра были учены, чтобы имѣть возможность повѣрить евангельской проповѣди; если же они не повѣрили ей, то оказались сами только тѣмъ отвѣтственнѣе за то, потому что и склонность человѣка къ истинѣ и выборъ ея совершенно въ его волѣ.

Кромѣ того выраженіемъ: *Погублю мудрость мудрецовъ* (Ис. XXIX, 4) Господь благоволилъ выразить и ту мысль, что Онъ пролилъ де истинный свѣтъ на нее. Возжегши наряду съ философіей эллинскою философію и у варваровъ (*), даже до послѣдняго времени мало цѣнившуюся, презиравшуюся, симъ противупоставленіемъ Онъ тоже сдѣлалъ, что бываетъ съ лампой, горящей на солнцѣ: свѣтъ ея бываетъ затемняемъ имъ, потому что сила блеска ея далеко ниже солнечнаго.

(*) Т. е. у Евреевъ; философію священ. Писанія слѣдуетъ здѣсь разумѣть въ смыслѣ писателя, а не языческую.

И такъ какъ призваны всѣ, то не отказавшіеся отъ повиновенія голосу, ихъ звавшему, всѣ одинаково названы *званными* (1 Кор. I, 24), потому что несправедливость Богу несвойственна (срав. Рим. IX, 14).

И будутъ ли они изъ Евреевъ или изъ язычниковъ, но если увѣровали, то составляютъ они *народъ особенный*, избранный (Тит. II, 14).

Въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ вы найдете выраженіе: *Принявшіе слово его крестились* (Дѣян. II, 41); не принявшіе же значитъ сами отдѣлились отъ народа Божія. Къ нимъ-то и обращено пророческое слово: *Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли* (Ис. I, 19). Показывается этимъ самымъ, что въ нашей власти принять слово Божіе или отвергнуть его.

Апостолъ назвалъ ученіе Господне *премудростію Божіею*, тѣмъ показывая намъ, что Сыномъ Божіимъ передана намъ истинное любомудріе.

И для тѣхъ, кто причисляетъ себя къ мудрецамъ, въ посланіяхъ того же Апостола есть напоминанія *облекаться въ новаго человѣка, созданнаго по подобію Божію въ праведности и святости ученія истиннаго* (Еф. IV, 24). *Посему, отвергнувъ ученіе ложное*, прибавляетъ Апостолъ, *исповѣдуйте ученіе истинное. Не давайте мѣста діаволу. Кто кралъ, впредь не крадь, а лучше трудись, занимаясь полезнымъ*,— (а искать истины, это вѣдь и значитъ заниматься дѣломъ добрымъ и полезнымъ, ибо это изыскиваніе истины есть таже благотворительность, только вмѣсто вещества средствомъ для нея служитъ слово), — *чтобъ можно было изъ чего удѣлять нуждающемуся* (Еф. IV, 25, 27, 28), т. е. чтобы въ состояніи быть открыть находящимся въ нуждѣ и добивающимся улучшенія своего положенія какъ духовныя богатства сего міра, такъ равнымъ образомъ обиліе премудрости и Божественной.

Заповѣдуя же *заниматься полезнымъ* Апостолъ желаетъ, чтобы ученіе истинное было изучаемо только чрезъ сравнительное испытаніе его достоинства, подобно тому какъ серебро сначала тщательно очищается въ гор-

нилѣ, и только потомъ уже отдается для приращенія изъ процентовъ мѣнялам (Мѳ. XXV, 27; срав. Стром. I въ концѣ гл. 28). Поэтому-то онъ и присоединяетъ: *Никакое гнилое слово да не исходитъ изъ устъ вашихъ* (Еф. IV, 29); а таковы именно (т. е. гнилы, отвратительны) слова (ученія), проистекающія изъ самомнѣнія человѣка. *Наоборотъ пусть вѣмъ, что ни говорите вы, питается вѣра и доставляется благодать слушающимъ* (Еф. IV, 29). Такъ какъ Богъ благъ, то необходимо, чтобы и слово Его было доброе же, вѣрное. Да какъ же этимъ словамъ и не быть благонадежными, если они спасительны для человѣка?

19. Доказательства, что философами истинное ученіе въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ было понято.

Итакъ (въ свящ. Писаніи) есть свидѣтельства ясныя, что нѣкоторыя ученія Эллиновъ съ истиной согласны. Можно въ этомъ напр. изъ слѣдующаго убѣдиться. Въ книгу Дѣяній Апостольскихъ внесена рѣчь, говоренная Павломъ въ Ареопагѣ. Въ ней между прочимъ онъ говорилъ слѣдующее: «*Наглядно убѣждаюсь, что вы люди благочестивые, ибо исходивъ и осмотрѣвъ весь городъ вашъ съ предметами вашего богопочтенія, я нашелъ и жертвенникъ, на которомъ написано: «Невѣдомому Богу». Этого-то Бога, котораго не знаете, и однакоже набожно чтите, я и проповѣдую вамъ. Богъ, сотворившій міръ и все что въ немъ, будучи Господомъ неба и земли, не въ храмахъ, рукою человѣка созданныхъ, живетъ и никакими со стороны смертныхъ выраженіями подчиненности не можетъ быть достаточно почтенъ, потому что ни въ чемъ Онъ не нуждается, Онъ, который всему даетъ жизнь, дыханіе и все. Отъ одного человѣка произвелъ Онъ весь родъ человѣческій, разселивъ его по всему лицу земли, назначивъ опредѣленныя времена* (ихъ исторической жизни) *и границы мѣстамъ ихъ обитанія, дабы они искали Бога и старались съ Нимъ соприкоснуться или же Его и найти, хотя Онъ и отъ каждаго изъ насъ недалеко, ибо Имъ мы живемъ и движемся и существуемъ, какъ и нѣкоторые изъ вашихъ поэтовъ говорятъ:*

«*Мы Его и родъ*».

Этими словами Апостолъ открываетъ съ очевидностью, что многія положенія въ ученіи эллинскихъ философовъ онъ признаетъ основательными; таково напр. вышеприведенное положеніе, взятое имъ изъ «Небесныхъ явленій», поэтическаго творенія Арата. Апостолъ вышеприведеннымъ мѣстомъ своей рѣчи и то равнымъ образомъ далъ понять, что подъ именемъ «Невѣдомаго Бога» Эллины почитали Творца вселенной, но почитаніе Его ими не было познаніемъ, а лишь осязаніемъ Его, съ Нимъ соприкосновеніемъ, Его ощупью; вразумительное же познаніе о Немъ имѣлъ имъ сообщить Сынъ; отъ Него они имѣли получить оное. *Для этого*, говоритъ ему Господь, *Я и послалъ тебя къ язычникамъ, чтобы ты открылъ имъ глаза, изъ мрака вывелъ ихъ на свѣтъ; освободивъ изъ подъ власти сатаны, привелъ ихъ къ Богу, дабы чрезъ вѣру въ Меня получили они прощеніе грѣховъ и часть въ наслѣдіи святыхъ* (Дѣян. XXVI, 17, 18). Итакъ Эллины, это—слѣпцы, которымъ нужно было отверзть очи (Іоан. IX, 30), дабы въ лицѣ Сына они познали Отца; вотъ истинное значеніе выраженія «Невѣдомому Богу»: въ немъ сказалось ощущеніе Бога Эллинами, чуянье Его низшими чувствами ихъ, но не зрѣніемъ и чрезъ высшія силы души постиженіемъ.

Освобожденіе же изъ подъ власти сатаны и обращеніе къ Богу тождественно съ освобожденіемъ отъ грѣха, которымъ порождено рабство. Поэтому-то мы не всякую философію безъ дальнѣйшаго разбирательства дѣла признаемъ за истинную, а ту только, о которой и Сократъ говоритъ у Платона: «По пословицѣ, обращающейся между посвященными въ мистеріи: «Ѳирсоносителей не мало, Вакховъ же немного»; выраженіе, съ коимъ можетъ быть сопоставлено изреченіе Спасителя: *Много званныхъ, мало же избранныхъ* (Мѳ. XX, 16; XXII, 14). Потому-то и продолжаетъ Сократъ далѣе въ выраженіяхъ уже не обоюдныхъ: «Вакхи, по моему мнѣнію, суть не и-

ной кто какъ философы, съумѣвшіе въ своей философіи пойти истиннымъ путемъ. Чтобы оказаться въ числѣ ихъ, я, сколько могъ, ничего не оставлялъ въ жизни, но все дѣлалъ для того. Положено ли же было въ основу моихъ стремленій доброе начало и должное направленіе и сопровождались ли они какимъ нибудь успѣхомъ, объ этомъ, Богъ дастъ, узнаемъ скоро, какъ только достигнемъ пристани». Не правда ли, Сократъ здѣсь въ выраженіяхъ, согласныхъ съ духомъ еврейскихъ свящ. Писаній, выражаетъ надежду, какой вѣра проникаетъ праведника и которая должна найти себѣ осуществленіе по смерти? Далѣе въ «Дэмодокѣ», если только Платону принадлежитъ это твореніе (*), тотъ же Сократъ говоритъ: «Не думайте, что я называю философомъ человѣка, проводящаго жизнь сгорбившись надъ изученіемъ разныхъ искуствъ (въ родѣ хитроумнаго риторическаго) или кого либо изъ иныхъ многоученыхъ. Такого человѣка я называю совершенно другимъ именемъ, считая этого рода безплодныя занятія дѣломъ далеко не безукоризненнымъ» (**). Сократъ безъ сомнѣнія зналъ мнѣніе на этотъ счетъ Гераклита, который говорилъ, что «обширная ученость уму еще не учитъ» (*). Въ 5-й книгѣ его творенія «О государствѣ» мы встрѣчаемся между прочимъ еще съ слѣдующимъ мѣстомъ въ одномъ разговорѣ: «Всѣхъ этихъ и подобныхъ людей, отдающихся съ жадностію подобнаго рода ученымъ (отъ жизни отрѣшеннымъ) занятіямъ, равно и надъ изученіемъ искуствъ (особенно риторическаго) корпящихъ, неужели мы назовемъ философами?—Отнюдь нѣтъ, отвѣтилъ я; а то только скажемъ, что они лишь смахиваютъ на философовъ.—Но, возразилъ онъ, кто же такіе истинные философы?—Созерцатели истины, отвѣтилъ я».

Не объемлется философія ни геометріей, слагающейся изъ постулятовъ и гипотезъ. Тѣмъ менѣе объемлется она искуствами лишь гадательными музическими (въ собственномъ смыслѣ музыкой, поэзіей, пѣніемъ, танцовальнымъ искуствомъ, драматическимъ и другими, жизнь хотя и украшающими и облагороживающими); —ни астрономіей (наблюденіемъ свѣтилъ небесныхъ и воздушныхъ явленій природы), наукою чреватой доказательствами, но основанною на наблюденіи предметовъ и явленій физическихъ, слѣдовательно скоропреходящихъ и на вѣроятностяхъ. Философія утверждается на выразумѣніи существа добра и истины, потому что иное дѣло добро въ существѣ своемъ и иное дѣло пути, къ нему ведущіе.

(*) «Дэмодока» причислялъ къ неподлиннымъ твореніямъ Платона и Діогенъ Лаэрцій. Но въ дошедшемъ до насъ «Дэмодокѣ» нѣтъ сего мѣста, а встрѣчается оно въ діалогѣ Платона «Любовники». Быть можетъ подъ именемъ Платоновыхъ было два діалога съ именемъ «Дэмодокъ»? Въ противномъ случаѣ нужно признать lapsus memoriae со стороны нашего писателя или же погрѣшность въ изданіи Климентовыхъ твореній древнимъ книгопродавцемъ и его писцомъ.

(**) Въ разговорѣ Платона «Любовники» это мѣсто въ буквальномъ переводѣ читается такъ: «На самомъ же дѣлѣ, другъ, дѣло обстоитъ не такъ Не значитъ еще философствовать, если кто ревностно занимается различными науками и искуствами; не равносильно философствованію и обремененіе себя многими занятіями, ни многоученостью, ни инымъ чѣмъ; я думаю, что какъ ни странно это, а правильнѣе будетъ назвать ихъ механиками, прилежно занятыми своимъ ремесломъ» (По Парижскому изданію Гиршигія, 1873 г., томъ I, стран. 107).

(*) Данное изреченіе Гераклита цитуютъ Лаэрцій, Юліанъ ог. 6, Геллій. Но на основаніи бо́льшаго сходства текстовъ догадываются (Менагій), что нашъ писатель почерпнулъ оное изъ XIII кн. Атенея. Но наряду съ Гераклитовымъ тамъ цитуются подобныя же изреченія Гиппона и Тимона. Гиппонъ также говорилъ: «Ничего нѣтъ пустѣе многоучености»; а Тимонъ: «Ничего нѣтъ пустѣе широкой и разнообразной учености, если она не соединена кой съ чѣмъ съ другимъ». Интересно, что Климентъ не ссылается ни на атеиста Гиппона, ни на скептика Тимона, а выбираетъ вмѣсто нихъ благочестиваго Гераклита.

(а выше назван-

ныя знанія и искуства суть именно только пути и средства къ добру и истинѣ). Потому-то Сократъ и не удовлетворяется такъ называемымъ «кругомъ (курсомъ) наукъ», считая его для составленія познанія о добрѣ недостаточнымъ. По его мнѣнію единственное слѣдствіе, изъ занятія ими извлекаемое, это-то, что онѣ будятъ умъ и упражняютъ его, пріучая заниматься вещами, постигаемыми лишь мыслію.

Но говорятъ, что Эллины случайно напали на нѣкоторыя изъ положеній истинной философіи. Положимъ такъ; но и случай есть одно изъ дѣйствій Божественнаго промышленія. Присемъ пусть никто однакоже не издѣвается надменно надъ нами, будто съ Эпикурейцами мы считаемъ случай за Бога. Если же Эллины напали на истину подъ вліяніемъ счастливаго стеченія обстоятельствъ, то и оно,—утверждаемъ мы,—не внѣ Провидѣнія. Если же кто будетъ утверждать, что Эллинамъ въ этомъ случаѣ ихъ идеи внушаемы были самою духовной ихъ природой, что онѣ имъ были прирождены, то мы противупоставляемъ сему положеніе, что (и той и другой природы, и духовной и видимой), Творецъ одинъ; потому-то и ранѣе (сравн. въ гл. 7-й, 11-й и друг.) утверждали мы, что праведность должна бы быть явленіемъ естественнымъ. Если же Эллины надѣлены были наравнѣ со всѣми другими людьми свойственнымъ и другимъ націямъ разумомъ, то разсмотримъ, кто былъ виновникомъ его и какого рода правосудіе управляло распредѣленіемъ между людьми этой особенности. Потому что если бы кто назвалъ сей разумъ способностію предсказывать событія грядущія или же искуствомъ истолковывать значеніе настоящихъ, то этимъ самымъ онъ указалъ бы на виды пророчества.

Несомнѣнно, что нѣкоторые лучи истины достигли умственнаго глаза философовъ чрезъ поверхностное ихъ отраженіе въ немъ. Потому-то Божественный Апостолъ и говоритъ о насъ: *Видимъ теперь Бога лишь какъ бы въ тускломъ зеркалѣ* (1 Кор. XIII, 12); т. е. стараясь познать отраженіе въ насъ образа Божія мы, насколько то возможно, въ тоже время созерцаемъ и причину сего, въ насъ это производящую. Ибо, говоритъ свящ. Писаніе, «видѣвшій брата видѣлъ и Бога» (*). По моему разумѣнію настоящее изреченіе подъ именемъ Бога намъ говоритъ о Спасителѣ. Впослѣдствіи же, сбросивъ съ себя земную эту оболочку,—лишь бы сердцемъ намъ быть чистыми (Мѳ. V, 8),—*увидимъ мы лицомъ къ лицу* и Бога (1 Кор. XIII, 12) и тогда наконецъ вполнѣ и совершеннымъ образомъ объяснится намъ и приближено будетъ къ нашему уразумѣнію пониманіе и существа Божія. И изъ Эллиновъ тѣ, которые въ изученіи философіи проявили наибольшую ревность и обнаружили правильное пониманіе существа ея, проникали въ идею Божества и такъ постигали ее, какъ можно постигать что либо чрезъ отраженіе того въ нашемъ глазѣ или въ оптическомъ какомъ инструментѣ. Таково уже непремѣнное слѣдствіе нашей слабости, что образы, въ какихъ самъ Богъ открываетъ намъ истинное существо свое, мы можемъ выразумѣвать лишь настолько, насколько умственный глазъ нашъ способенъ къ уразумѣнію ихъ; но способность эта не идетъ дальше созерцанія тѣхъ предметовъ въ видѣ такомъ, въ какомъ они отражаются въ водѣ или въ какомъ они являются намъ чрезъ отдѣляющее насъ отъ нихъ прозрачное тѣло.

Говоримое Соломономъ сюда очень посему идетъ. А онъ говоритъ: *Спящій праведность упражняется въ вѣрѣ* (Притч. XI, 21). *Есть люди, разсѣевающіе свои сокровища, и однакоже*

(*) Это изреченіе писатель одобряетъ и въ Стром. II гл. 16; но кому оно принадлежитъ, умалчиваетъ. Быть можетъ это изреченіе составлено самимъ писателемъ по образцу словъ Спасителя: *Видѣвшій Меня видѣлъ Отца* (Іоан. XIV, 9) и по соображенію съ 1 Іоан. 10, 11; III, 15; IV, 7—21 и проч. Климентъ Грабій догадывается, что нашъ писатель здѣсь разумѣетъ говоримое о Моисеѣ и Ааронѣ въ кн. Исх. IV, 16; аббатъ же Минь считаетъ эти слова заимствованными изъ какого-то апокрифическаго писателя или же нѣсколько измѣненными изъ словъ Іакова къ Исаву, Быт. XXXIII, 10.

чрезъ то ихъ умножающіе (Притч. XI, 24). Онъ же говоритъ далѣе: *Заботься о полевыхъ всходахъ и будешь косить траву* (Притч. XXVII, 25). Потомъ: *Убирай сѣно вовремя, чтобъ былъ у тебя кормъ для овецъ, собой одѣвающихъ тебя* (Притч. XXVII, 25, 26). Видите, что одинаково слѣдуетъ заботиться и объ одеждахъ и о внѣшнихъ (для пріобрѣтенія ихъ) средствахъ. *Ознакомься основательно съ условіями жизни стада твоего* (Притч. XXVII, 23). Въ самомъ дѣлѣ *если язычники, не имѣющіе закона, естественнымъ образомъ совершаютъ дѣла, заповѣданныя намъ закономъ, то они значитъ олицетворяютъ въ своемъ лицѣ законъ* (Рим. II, 14), т. е. если, по Апостолу, *необрѣзанные исполняли заповѣди закона* (Рим. II, 26) до сообщенія имъ закона, то значитъ исполняли они ихъ и до пришествія Христова (*).

Логосъ, какъ будто приравнивая философовъ къ такъ называемымъ еретикамъ, говоритъ: *Лучше другъ да близко* (язычникъ, но подготовленный своей наукой къ принятію ученія истиннаго), *чѣмъ братъ да далеко* (христіанинъ, но еретикъ) (Притч. XXVII, 10). *Кто основывается на лжи, тотъ сѣетъ вѣтеръ и гоняется за крылатыми птицами* (Притч. IX, 12). По моему мнѣнію не о философіи Логосъ говоритъ здѣсь,—хотя именно философы часто стараются доказывать вещи вѣроятныя доводами также лишь вѣроятными, — а осуждаетъ ереси. Потому-то и прибавляетъ Онъ: *Оставилъ онъ пути своего виноградника и пошелъ блуждать по бороздамъ поля своего* (Притч. IX, 12). Таковы общества еретиковъ, съ самаго начала церкви начавшія отдѣляться отъ нея. Кто разъ попалъ въ сѣти ереси, тотъ все равно что *по безводной пустынѣ пошелъ* (Притч. IX, 12). Оставивъ Бога истиннаго, онъ и самъ Имъ бываетъ оставляемъ; ищетъ онъ тамъ воды, гдѣ нѣтъ ея, *идетъ по почвѣ пустынной и безплодной и руки его пожинаютъ лишь пустоту* (Притч. IX, 12). И обращаясь далѣе къ *безумцамъ*, т. е. еретикамъ (Притч. IX, 16), Премудрость говоритъ: *Утаенный хлѣбъ пріятенъ и краденыя воды сладки* (Притч. IX, 17). Ясно, что подъ хлѣбомъ и водою крадеными въ свящ. Писаніи разумѣется употребленіе еретиками при жертвоприношеніи, въ противность правиламъ церкви, хлѣба и воды. Есть и такіе еретики, у которыхъ при таинствѣ Евхаристіи употребляется одна вода (*).

(*) Извѣстно, что въ лицѣ Сократа въ направленіи Греческой философіи выразилась практическая мудрость. Онъ столь глубоко уважалъ знаніе, что лишь за нимъ признавалъ значеніе единственнаго блага, а за невѣжествомъ значеніе единственнаго зла. Но это знаніе онъ устремлялъ не въ міръ отвлеченный, какъ предшествовавшіе ему философы, а на самую жизнь. Онъ старался образовывать изъ своихъ учениковъ людей, а не софистовъ; онъ, какъ говорили о немъ, низвелъ мудрость въ города, на площади, въ семью, съ неба на землю.—Писатель нашъ очевидно симпатизируетъ этому философскому направленію и видитъ въ немъ переходную ступень къ практическому христіанству. Всѣ приводимыя въ настоящей тирадѣ мѣста Писанія онъ очевидно понимаетъ переносно о склонности древне-эллинскихъ мудрецовъ къ практически-честной жизни и почннѣ, ей положенномъ ими; видитъ въ сихъ изреченіяхъ нѣкоторымъ образомъ какъ бы предвѣстіе о будущности этого философско-практическаго направленія, отождествляя его съ современнымъ ему православно-церковнымъ. За тѣмъ въ дальнѣйшемъ онъ полемизируетъ противъ отклонявшихся отъ церковнаго направленій своего времени, искусно пользуясь для сего нѣкоторыми тирадами изъ книги Притчей и чрезъ иносказательное толкованіе дѣлая аппликацію изъ нихъ къ еретикамъ.

(*) т. е. причащавшіеся лишь водой; о нихъ говоритъ блаж. Августинъ De haer. c. 64.—Евіониты также употребляли для причащенія одну воду. Надъ ними шутитъ и св. Ириней V, 1: «Посему они не дозволяютъ примѣси небеснаго вина, и только бренною водою хотятъ быть, не допуская Бога до общенія съ собою». Тоже Епиф. haer. 30 sect. 16.—Въ то же заблужденіе впалъ Татіанъ, основатель секты Энкратитовъ (общества трезвости), по свидѣтельству Епифанія, haer. 46: «Та-

Свящ. Писаніе прибавляетъ: *Бѣгите скорѣй и не оставайтесь долго въ томъ мѣстѣ, гдѣ остановилась эта женщина* (Притч. IV. 18). Не о церкви, а о синагогѣ еретиковъ свящ. Писаніе разумѣетъ обоюдное это слово *мѣсто*. И далѣе свящ. Писаніе восклицаетъ: *Ибо поступивъ такъ, ты пройдешь мимо воды чуждой* (Притч. IV. 18); т. е. свящ. Писаніе на воду еретическаго крещенія смотритъ какъ на нечистую (святости дома Божія не соотвѣтствующую) и незаконную (ему чуждую). *И ты перейдешь*, говоритъ оно, *рѣку чуждую*, теченіемъ которой отвращающіеся отъ ученія истиннаго, единаго и неколебимаго, бываютъ увлекаемы и ввергаемы вмѣстѣ съ язычниками въ пучину измѣнчивыхъ и безпорядочныхъ человѣческихъ мнѣній, пучину, крутящую свои воды, выбивающую ихъ и вновь поглощающую на межѣ между приливомъ и отливомъ.

20. Границы, въ коихъ философія способствуетъ пониманію и принятію ученія истиннаго, Божественнаго.

Подобно тому какъ объ артели, состоящей изъ нѣсколькихъ человѣкъ и тянущей судно, не льзя сказать, что товарищество это представляетъ собою совокупность нѣсколькихъ причинъ, а только одну, но составленную изъ нѣсколькихъ, входящихъ въ нее, частей, потому что каждый изъ этихъ артельщиковъ, взятый въ отдѣльности отъ другихъ, не составляетъ еще причины движенія судна, а состоитъ таковою въ связи только съ помощниками: точно такъ же и философія, состоя стремленіемъ къ истинѣ, ея исканіемъ, разслѣдованіемъ, способствуетъ постиженію истиннаго ученія, но она еще не представляетъ собою причины сего постиженія и состоитъ таковою въ связи лишь съ остальными обстоятельствами дѣла; она остается причиною лишь вспомогательной, хотя можетъ быть причиною и содѣйствующею.

Точно такимъ же образомъ блаженство одно, но созидается оно добродѣтелями нѣсколькими. Подобнымъ образомъ если кто согрѣвается, то обусловливается это причинами различными: солнцемъ, огнемъ, баней и одеждою. Равнымъ образомъ и ученіе истинное одно, но способствуетъ отысканію, разслѣдованію и обнятію истинности его многое, хотя безъ помощи (благодати) Сына обрѣтеніе истины все-таки невозможно.

Точно такъ же, если обсудимъ тщательнѣе, то найдемъ, что добродѣтель представляетъ собою нѣкоторую духовную властность; но иногда сила эта проявляется въ дѣлахъ однимъ образомъ, иногда другимъ; смотря по формѣ своего обнаруженія, она иногда называется благоразуміемъ; въ другомъ случаѣ она выражается умѣренностію, еще иногда душевнымъ величіемъ и справедливостію. Равнымъ образомъ и истина едина; но это не мѣшаетъ существованію въ геометріи истины геометрической, въ музическихъ искуствахъ музической, а у Эллиновъ ей находить себѣ выраженіе въ здравой философіи. И все-же истиной въ собственномъ смыслѣ, единой и единственной, истиной во всей ея полнотѣ и совершенствѣ непостижимой, состоитъ та, которой мы научаемся въ лицѣ Сына Божія.

Говорятъ объ одной и той же драхмѣ, но въ качествѣ платы владѣльцу судна за перевозъ товара называютъ ее фрахтомъ; если же отдаютъ ее сборщику податей—налогомъ, податью, пошлиной; если же уплачиваютъ ей за кровъ хозяину гостинницы—наемной платой; если отдается она учителю—вознагражденіемъ; если вручаютъ ее купцу — задаткомъ. Подобнымъ образомъ и каждая въ частности добродѣтель, равно какъ и всякая въ частности истина,

---

инства по примѣру св. церкви признавалъ, но при совершеніи ихъ употреблялъ только воду», почему ученики его и назывались «идропарастатами», воды приверженцами, потому что они воду вмѣсто вина въ евхаристіи приносили, какъ говоритъ блаж. Θеодоритъ, Haeretic. fab. I, 20.—Св. Кипріанъ: «Нѣкоторые новенькое нѣкое установленіе ввели. При благословеніи чаши Господней и предложеніи ея народу не дѣлаютъ того, что Христосъ, учредитель сего таинства, установилъ и чему научилъ, состоя учителемъ». Далѣе начинаетъ обстоятельно опровергать освящающихъ одну воду.

хотя и носятъ онѣ эти родовыя имена добродѣтели и истины, все-же онѣ имѣютъ въ себѣ нѣчто особенное и въ своемъ родѣ единственное, что и служитъ основой ихъ. И все-же образъ жизни, насъ дѣлающій блаженными, слагается изъ совмѣщенія частныхъ добродѣтелей въ общемъ идеалѣ добродѣтельнаго человѣка, ибо не въ расточеніи различныхъ прекрасныхъ словъ и выраженій состоитъ жизнь блаженная, а называемъ мы блаженной жизнь правую, блаженными же тѣхъ, душа чья украшена добродѣтелями.

Хотя философія при отысканіи, разслѣдованіи и обнятіи истиннаго ученія и помогаетъ намъ лишь издалека, — а она дѣйствительно въ этомъ пособляетъ намъ, такъ какъ пути ея хотя и различны, но всѣ они приводятъ къ вѣдѣнію, нами содержимому и сближающему насъ съ истиной всего болѣе,—все-таки и эта отдаленная помощь полезна тому, кто стремится возвыситься до истиннаго вѣдѣнія, хотябы и при помощи Логоса кто стремился къ тому.

И все-же ученія Эллиновъ, пусть они истинны, пусть и именами называются тождественными съ употребительными у насъ, всетаки отъ содержимыхъ нами значительно отклоняются; и предметы нашихъ ученій важнѣе, и доказательства наши точнѣе, и дѣйственность имъ свойственна Божественная; отличаются содержимыя нами истинныя ученія и другими подобными же свойствами; ибо мы *научены* самимъ *Богомъ* (1 Сол. IV, 9), получивъ эти по истинѣ священныя Писанія (*) отъ Сына Божія.

Отсюда происходитъ, что Эллины развиваютъ души не такъ, какъ мы. У нихъ практикуются воспитательный методъ и ученье совершенно иные.

(*) Словечкомъ «по истинѣ», прибавляя его къ «священнымъ Писаніямъ» христіанъ, писатель различаетъ ихъ отъ священныхъ писаній Египтянъ, Халдеевъ, Ееіоплянъ и другихъ, которыя хотя и назывались «священными», но на самомъ дѣлѣ не были таками.

Если же изъ за недоброжелателей нашихъ, насъ ловящихъ на каждомъ словѣ, необходимо намъ точнѣе опредѣлить, что такое разумѣемъ мы подъ философіей, когда въ качествѣ исканія, разлѣдованія и обнятія истины называемъ ее причиною вспомогательной и содѣйствующей пониманію ученія истиннаго, то сознаемся, что для гностика (созерцателя и воплотителя въ своей жизни истины высшей и совершенной) оно есть ученіе предуготовительное. И все-же причину только содѣйствующую мы не считаемъ истинной и въ собственномъ смыслѣ причиной; причину лишь вспомогательную мы не считаемъ обусловливающей и содержащей въ себѣ уже и свое дѣйствіе. По этому-то занятія философіей не непремѣнно сопровождаются и отысканіемъ истины, не есть она conditio sine qua non. Въ самомъ дѣлѣ почти всѣ мы содержимое нами познаніе о Богѣ получили чрезъ вѣру, не прошедъ полнаго курса ученія, оставаясь незнакомыми съ философіей, нѣкоторые незная даже грамоты, просвѣщаемы же будучи свѣтомъ философіи только Божественной, такъ называемой варварской; мы научены *въ силѣ* (Рим. I, 4; 1 Сол. I, 5) самой Премудростію, все создавшей изъ самой себя.

То, что по своему несовершенству не можетъ дѣйствовать само собою, а нуждается во вспоможеніи со стороны другаго, то мы называемъ причиною второстепенной и содѣйствующею. Она становится причиной при соединеніи лишь съ другой причиной; самостоятельно же, лишь сама по себѣ дѣйствуя, проявить себя, свое дѣйствіе, осуществить себя на дѣлѣ (реализировать себя) она не въ состояніи.

Хотя философія и сама по себѣ иногда оправдывала Эллиновъ (срав. выше въ началѣ гл. 5-й), но она не доставляла имъ оправданія полнаго и всеобщаго; она только содѣйствовала ему, вела къ нему, подобно тому какъ первая и вторая лѣстница состоятъ путемъ для проникновенія въ верхній этажъ дома. Философія была полезна для этого настолько же, насколько грамматика полезна желающему заняться философіей. Но это еще не значитъ,

что за отъятіемъ ея, (этой лѣстницы), дѣйствующему во вселенной Логосу будетъ недоставать чего нибудь или что съ отъятіемъ философіи истинное ученіе падетъ. Способствуютъ достиженію истины и зрѣніе и слухъ и голосъ, но не менѣе и то вѣрно, что познаетъ истину, по особому преимуществу своей природы, умъ.

Всегда болѣе или менѣе дѣйствительны и причины второстепенныя. Выработанность стиля способствуетъ ясной передачѣ ученій истинныхъ; діалектика побѣдоносному опроверженію враждебныхъ нападокъ на насъ ересей. И все-же ученіе Спасителя, будучи *Божіей силою и Божіей премудростью* (1 Кор. I, 24), производитъ свое дѣйствіе всецѣло своими собственными свойствами и не нуждается ни въ какой другой помощи; и если присоединить къ нему философію, то оно не сдѣлается оттого дѣйственнѣе. Но такъ какъ философія обезсиливаетъ всѣ нападки софистовъ, такъ какъ она отстраняетъ съ пути обманчивыя сѣти, разставляемыя истинѣ, то ее назвали мы *оградой* и стѣною, окружающей *виноградникъ* (Мѳ. XXI, 33; Ис. V, 1, 2).

Ученіе истинное, усвояемое вѣрою, для душевной нашей жизни столь же необходимо, какъ необходимъ хлѣбъ для жизни тѣлесной. Что же касается до предуготовительнаго ученія, то оно похоже на закуски или же на десертъ. «Въ концѣ обѣда, говоритъ Ѳивскій поэтъ Пиндаръ, десертъ вещь пріятная» (*).

Свящ. Писаніе говоритъ: *Человѣкъ простой, слушая Меня, сдѣлается мудрымъ, а мудрый пріобрѣтетъ познаніе* (Притч. XXI, 11). *Кто самъ отъ себя говоритъ*, сказалъ Спаситель, *тотъ ищетъ собственной славы, а кто ищетъ славы Пославшаго Его, тотъ истиненъ и неправды нѣтъ въ немъ* (Іоан. VII, 18). Значитъ заимствовавшій у варваровъ философскія ученія и потомъ хвастающійся ими, какъ еслибъ это была личная его собственность, не остается правдивымъ; наряжаясь въ одежды истины онъ старается увеличивать лишь свою собственную славу и на истину лжетъ. Поступающихъ такъ свящ. Писаніе называетъ *ворами*. Оно говоритъ: «Сынъ мой, не будь лжецомъ, ибо ложь ведетъ къ воровству»; между тѣмъ украденное воромъ, будетъ ли онымъ золото или серебро, литературное какое произведеніе или ученіе, остается столь же чистымъ и истиннымъ какъ и до покражи. Потому-то ученія, эллинскими философами хищнически заимствованныя изъ свящ. Писанія, отчасти хотя и согласны съ ученіемъ истиннымъ, но истинный смыслъ ихъ философы узнаютъ только по догадкамъ или же вынуждаемые къ тому неопровержимой ихъ разумностью. Вполнѣ же вѣрно и осязательно они поймутъ ихъ только тогда, когда пожелаютъ сдѣлаться учениками Христа Іисуса.

(*) По Поллуксу обыкновеннымъ десертомъ служили орѣхи, кизильникъ, гранатовые яблоки.

21. Изъ сопоставленія съ исторіей Эллиновъ эпохъ Моисея и пророковъ открывается, что учрежденія и законы еврейскіе гораздо древнѣе любомудрія Эллиновъ.

Фактъ коварнаго (вслѣдствіе умолчанія о подлинномъ источникѣ) заимствованія эллинскими учеными своихъ ученій у Евреевъ болѣе точно мы установимъ позднѣе. Сначала же для болѣе методическаго представленія этого дѣла намъ слѣдуетъ сказать о времени, когда жилъ Моисей; отсюда откроется съ неоспоримостью, что еврейское любомудріе древнѣе всякаго другаго (*). Татіанъ въ «Рѣчи къ Эллинамъ» входитъ въ мельчайшія подробности о семъ предметѣ; говоритъ о томъ же и Кассіанъ въ 1-й

(*) На основаніи недавняго происхожденія христіанскихъ религіи и ученій Греки выводили, что они ложны. Потому-то христіанскіе апологеты доказывали, что установленія и ученія Іудеевъ, отъ которыхъ произошли и христіанскія, много древнѣе всякаго греческаго любомудрія и всѣхъ ихъ исторій. Эти положенія развивалъ въ своей 1-й Апологіи и въ «Увѣщаніи къ Эллинамъ» св. Іустинъ философъ и мученикъ, Ѳеофилъ Антіохійскій въ своемъ твореніи о вѣрѣ, писанномъ для Автолика. Вотъ почему и нашъ писатель наравнѣ съ другими апологетами трудолюбиво вошелъ въ настоящемъ своемъ твореніи въ изложеніе сего предмета. Срав. Лактанція IV, 5.

книгѣ своихъ «Толкованій»; но уже самымъ существомъ сего нашего творенія, въ которое мы вносимъ все, что хотимъ удержать какъ въ своей памяти, такъ и другимъ о томъ напоминать, требуется, чтобы мы обозрѣли все на сей предметъ тамъ сказанное.

Апіонъ грамматикъ, по прозванію Плейстониксъ, — родомъ Египтянинъ и къ Евреямъ относившійся враждебно, противъ нихъ даже особое сочиненіе написавшій, — въ 4-й книгѣ своей «Исторіи Египта» упоминаетъ объ египетскомъ царѣ Амазисѣ и во свидѣтельство его дѣлъ ссылается на Мендесіянина Птоломея. Вотъ подлинныя слова Апіона: «По распоряженію Амазиса было выкопано озеро Аварисъ. А жилъ онъ, какъ сообщаетъ въ своихъ «Хроникахъ» Мендесіянинъ Птоломей, во времена Аргивянина Инаха». Птоломей же этотъ былъ жрецомъ. Въ трехъ книгахъ онъ изложилъ исторію царей Египта. И вотъ въ одной изъ нихъ онъ говоритъ, что «подъ предводительствомъ Моисея, въ царствованіе Амазиса, Евреи вышли изъ Египта». Изъ сего (изъ соображенія 1-го изъ сихъ мѣстъ со 2-мъ) открывается, что Моисей былъ современникомъ Инаха (*).

Древнѣйшій изъ всѣхъ эллинскихъ городовъ есть Аргосъ, построенный Инахомъ, какъ свидѣтельствуетъ о семъ Діонисій Галикарнасскій въ своихъ «Хроникахъ». Аѳины же по сравненію съ Аргосомъ на четыре поколѣнія моложе. Онѣ основаны Кекропсомъ, человѣкомъ двуполымъ и автохтономъ, какъ говоритъ о немъ именно въ этихъ выраженіяхъ Татіанъ; Пелазгъ же, первый законодатель Аркадіи, жилъ девятью поколѣніями послѣ Инаха. Его называютъ также автохтономъ. А Девкаліонъ, первый царь Фтіи, жилъ пятнадцатью поколѣніями позднѣе того же Инаха. Отъ Инаха же до времени процвѣтанія Трои считается 20 поколѣній или 21; это составитъ 400 лѣтъ или даже болѣе(*). И если, по свидѣтельству Ктезія, Ассиріяне объединились въ одинъ народъ задолго до Эллиновъ, то очевидно, что Моисей вывелъ изъ Египта дѣтей Израиля 402 года спустя послѣ основанія Ассирійской монархіи, въ 32-мъ году царствованія Гелоха 8-го, во времена Амазиса и Инаха, изъ коихъ одинъ былъ царемъ Египта, другой Аргоса.

Въ царствованіе Форонея, преемника Инахова, постигъ Элладу потопъ Огюгея. Въ это же время возвысилось царство Сикіонское въ лицѣ первыхъ своихъ царей, Эгіалея, потомъ Европа и за тѣмъ Телхина; въ то же время на о. Критѣ царствовалъ Критъ. Это на томъ основаніи нужно признать, что Акузилай называетъ Форонея первымъ человѣкомъ, отчего и авторъ «Форонеиды» называетъ его «отцомъ смертныхъ». Посему-то и Платонъ, соглашаясь со сказаніемъ Акузилая, говоритъ въ Тимеѣ: «Иногда, чтобы вызвать ихъ (жрецовъ города Саиса) на разсказы о древнихъ временахъ, онъ (Солонъ) начиналъ имъ говорить о первыхъ временахъ Эллады и о Форонеѣ, о коемъ говорятъ, что онъ былъ первобытнымъ человѣкомъ, и о Ніобѣ, и о событіяхъ, сопровождавшихъ потопъ Девкаліона». Актей, отъ имени котораго и Аттика такъ называется (т. е. вмѣсто Актика), былъ современникомъ Форбанта. Прометей, Атласъ, Епиметей, двуполый Кекропсъ и Іонъ были современниками Тріопа. Пожаръ Фаэтоновъ и потопъ Девкаліоновъ произошли во времена Кекропса И царствованіе Сѳенела (Сѳенелая) было современно царствованію Амфиктіона, переселенію

(*) За время Инаха, который вскорѣ послѣ Девкаліонова потопа основалъ въ Пелопоннесѣ царство Аргивянъ, т. е. въ древность еще болѣе глубокую, историческія свѣдѣнія Грековъ не восходили. Новѣйшие хронисты считаютъ этого древне-греческаго царя современникомъ патріарха Исаака. Можетъ быть. Но можетъ статься, что онъ жилъ и позднѣе, какъ принимаетъ здѣсь Климентъ и какъ позднѣе слѣдовалъ ему Оригенъ (contra Cels. IV, 11). Древне-греческое лѣтосчисленіе вообще темно и спутанно, такъ что легко въ немъ и взадъ и впередъ просчитаться.

(*) Въ сей же главѣ ниже по Клименту на сто лѣтъ полагалось три поколѣнія; здѣсь принимается поколѣніе въ 19 или 20 лѣтъ.

Даная въ Пелопоннесъ и основанію Дарданіи Дарданомъ, котораго Гомеръ (Ил. XX, 215) называетъ

Первороднымъ тучесобирателя Зевса.

Около того же времени Европа была похищена изъ Финикіи (Зевсомъ) и увезена въ Критъ. Событіями, современными царствованію Люнкея, были: похищеніе Прозерпины (Гармоніи Кадмомъ), основаніе святилища въ Елевзисѣ, введеніе земледѣлія Триптолемомъ, приходъ Кадма въ Ѳивы и царствованіе Миноса. А во времена Прита произошла война Евмолпа противъ Аѳинянъ. Во времена Акрисія Пелопсъ перешелъ изъ Фригіи въ Элладу. Къ той же самой эпохѣ относится приходъ въ Аѳины Іона и втораго Кекропса, дѣла Персея и Діониса, Орѳея и Музея. По показанію Діонисія Аргивянина Троя была взята въ 18-й годъ царствованія Агамемнона, въ 1-й годъ царствованія надъ Аѳинянами Демоѳона, сына Тезеева, въ 12-й день мѣсяца ѳаргеліона. Эгій же и Деркюль утверждаютъ, что Троя была взята въ 8-й день 3-й декады мѣсяца панэма; Гелланикъ—въ 12-й день мѣсяца ѳаргеліона; по мнѣнію же другихъ исторіографовъ Аѳинъ это событіе произошло въ 8-й день послѣдней декады мѣсяца ѳаргеліона, въ послѣдній годъ царствованія Менесѳея и въ полнолуніе.

Была полночь

И луна свѣтила полнымъ своимъ блескомъ,

говоритъ авторъ малой Иліады (Лесхъ). Другіе утверждаютъ, что это послѣдовало въ 8-й день послѣдней декады мѣсяца скирофоріона. Тезей, соперникъ Геркулеса, жилъ на одно поколѣніе раньше осады Трои. Поэтому-то Гомеръ и упоминаетъ о Тлиполемѣ, сынѣ Геркулесовомъ, сражавшемся противъ Трои (Ил. II, 653). Доказано слѣдовательно, что Моисей на 604 года жилъ раньше зачисленія Діониса (Вакха) въ число боговъ, потому что это обоготвореніе произошло въ 32-мъ году царствованія Персея, какъ это показываютъ Хроники (Анналы) Аполлодора.

Съ апотеозы Діониса (Вакха) до временъ Геркулеса и тѣхъ знаменитыхъ воиновъ, которые вмѣстѣ съ Язономъ предприняли плаваніе на кораблѣ Арго, насчитываютъ 63 года. Эскулапъ и Діоскуры (Касторъ и Поллуксъ) также принимали участіе въ этомъ путешествіи, какъ свидѣтельствуетъ о семъ Аполлоній Родосскій въ своей поэмѣ „Аргонавты" (lib. I, V, 146). Съ года восшествія Геркулеса на престолъ Аргосскій до апотеозъ его и Эскулапа насчитываютъ по хронографіи Аполлодора 38 лѣтъ. Съ этой эпохи до апотеозъ Кастора и Поллукса считаютъ 53 года. Около того времени была завоевана Троя. Если признавать вѣрными слова поэта Гезіода, то слѣдуетъ прислушаться къ говоримому имъ:

Fuerat cum sacrum ingressa cubile Зевса
Майя, дочь Атласа, ему сына genuerat, великаго Гермеса,
Вѣстника боговъ безмертныхъ;
Семела же, дочь Кадма, coisset cum furtim съ первымъ изъ боговъ,
Діониса (Вакха) pepexit, всюду радость расточающаго (Theogoniae v. 938).

Кадмъ, отецъ Семелы, пришелъ въ Ѳивы при Люнкеѣ и изобрѣлъ эллинскія буквы. Тріопа же, говорятъ, жилъ одновременно съ Изидой, семь поколѣній спустя послѣ Инаха. Полагаютъ, что Изида тождественна съ нимфой Іо (ходящая), и такъ названа за блужданье свое по свѣту. Истръ въ своей книгѣ „Объ египетскихъ колоніяхъ" говоритъ, что эта нимфа была дочь Прометея. Слѣдовательно Прометей жилъ одновременно съ Тріопой, семь поколѣній спустя послѣ Моисея. Итакъ достовѣрнымъ становится, что Моисей жилъ гораздо раньше той эпохи, въ которую по мнѣнію Эллиновъ произошелъ первый человѣкъ.

Леонъ, авторъ творенія объ египетскихъ богахъ, говоритъ, что Изида у Эллиновъ извѣстна была подъ именемъ Деметры; слѣдовательно Деметра жила во времена Люнкея, одиннадцать поколѣній спустя послѣ Моисея. Announcementъ, царь Аргосскій, былъ основателемъ Мемфиса, какъ передаетъ о семъ Аристиппъ въ 1-й книгѣ своей „Исторіи Аркадіи". Аристей Аргивянинъ говоритъ, что прозванъ былъ этотъ царь Сераписомъ и что это тотъ самый Сераписъ, котораго Египтяне обоготворяютъ. Нимфодоръ же Амфиполитянинъ въ 3-й книгѣ своего тво-

ренія „объ Азіатскихъ законахъ“ говоритъ, что когда быкъ Аписъ издохъ и былъ набальзамированъ, то положили его въ гробъ,—по гречески гробъ σορός. — и что гробъ этотъ былъ поставленъ въ храмѣ божества, коему Египтяне (въ лицѣ этого быка) покланялись; отсюда быкъ получилъ имя Соро-Аписа; впослѣдствіи же жители той мѣстности стали его называть короче Сераписомъ (*). Аписъ былъ третьимъ потомкомъ Инаха Латона же жила во времена Титюя,

Ибо Латону онъ traxit per vim, преславную conjugem Зевса
(Одис. XI, 579);

слѣдовательно Титюй и Танталъ были современники. Поэтому-то Пиндаръ Бэотіянинъ и могъ написать: „Тогда родился Аполлонъ“. И ничего въ этомъ нѣтъ удивительнаго, такъ какъ Аполлонъ и Геркулесъ оказываются „долгій годъ“ (Ил. XXI, 443) вмѣстѣ служившими у Адмета. Зеѳъ и Амфіонъ, изобрѣтатели музыки, родились около времени жизни Кадма. И если намъ говорятъ, что первой Сивиллой была Фемоноя, съ которой совѣтовался Акрисій, то знайте, что она только на 27 лѣтъ жила раньше Орѳея, Музея и Лина, учителя Геркулесова. Гомеръ же и Гезіодъ жили гораздо позже взятія Трои и гораздо раньше эллинскихъ законодателей Ликурга и Солона, раньше семи мудрецовъ, Сирянина Ферекида и великаго Пиѳагора, которые всѣ, какъ уже доказано было нами, жили послѣ установленія системы Олимпіадъ. Такимъ образомъ нами доказано, что Моисей жилъ гораздо раньше не только эллинскихъ мудрецовъ и поэтовъ, но раньше даже и большинства боговъ эллинскихъ.

И не только Моисей, но и Сивилла жила гораздо раньше Орфея. Говорятъ, что есть много сочиненій, разсуждающихъ объ ея прозваніи и прорицаніяхъ и о томъ, что она была Фригіянка, по имени Артемида (Діана) и что отправляясь въ Дельфы она пѣла такіе стихи:

(*) О томъ же предметѣ Климентъ разсуждалъ въ «Увѣщаніи»; см. гл. 4-ю.

О Дельфяне, чтители далеко стрѣляющаго Аполлона,
Пришла я возвѣстить вамъ волю эгидоноснаго Зевса,
Будучи воспламенена прорицательнымъ духомъ моего брата Аполлона.

Есть еще другая Сивилла, родомъ изъ Эретріи; ея имя Герофила. Упоминаетъ объ обѣихъ Гераклидъ Понтійскій въ своемъ твореніи „О прорицаніяхъ“. Умолчу о Сивиллѣ египетской и италійской, жительствовавшей въ Римѣ, тамъ, гдѣ впослѣдствіи возвышались ворота Карментальскія. Евандръ, основатель храма въ честь Пана, такъ называемаго Люперсальскаго. былъ сыномъ этой Сивиллы.

Теперь слѣдуетъ опредѣлить время, когда жили и другіе пророки, бывшіе у Евреевъ послѣ Моисея.

По смерти Моисея принялъ начальство надъ народомъ Израильскимъ Іисусъ Навинъ. Въ теченіе 65 лѣтъ онъ велъ войны, а остальныя 25 лѣтъ отдыхалъ въ землѣ обѣтованной, а по книгѣ Іисуса Навина послѣ Моисея онъ управлялъ Израильтянами 27 лѣтъ.

Послѣ того, какъ повѣствуетъ книга Судей (III, 8), Евреи по грѣхамъ своимъ подпали подъ власть Хусахара, царя Месопотаміи и находились подъ оной 8 лѣтъ. Но, умоливъ Бога, они избрали себѣ въ вожди Гоѳоніила, младшаго брата Халевова, изъ колѣна Іудина. Гоѳоніилъ умертвилъ царя Месопотамскаго и затѣмъ правилъ народомъ въ теченіе 50 лѣтъ (Суд. III, 11) (*).

Евреи снова впали въ грѣхи и были преданы на 18 лѣтъ во власть Эглому. царю Моавитянъ. Послѣ того они снова покаялись и въ теченіи 80 лѣтъ (Суд. III, 11) имѣли вождемъ изъ колѣна Ефремова Аода. лѣвой рукой владѣвшаго столь же хорошо какъ и правой (Суд. III, 15). Онъ умертвилъ Эглома.

По смерти Аода Евреи снова согрѣшили и были въ теченіи 20 лѣтъ подъ властію Іавима, царя Ханаанскаго. Въ это время жила про-

(*) Евсевій въ своей «Хроникѣ» вмѣсто сего числа ставитъ 40.

рочица Деввора, жена Лабидофова, изъ колѣна Ефремова. Первосвященникомъ тогда былъ Озія, сынъ Авіи (1 Пар. VI, 4, 5). Благодаря вліянію Девворы Варакъ, сынъ Венира, изъ колѣна Нефѳалимова, поставленъ былъ во главѣ войска (Суд. IV, 6), пошелъ противъ Сисары, главнокомандующаго войсками Іавима и побѣдилъ его.

Послѣ этой победы въ теченіе 40 лѣтъ творила судъ въ народѣ Деввора.

По смерти ея народъ опять согрѣшилъ и въ теченіе 7 лѣтъ находился подъ властію Мадіанитянъ. Тогда Гедеонъ, сынъ Іоаса, изъ колѣна Манассиина, пошелъ противъ Мадіанитянъ во главѣ 300 воиновъ и избилъ до 120,000 враговъ. Управлялъ Израильтянами 40 лѣтъ, а послѣ него сынъ его Авимелехъ въ теченіе 3 лѣтъ.

Этого послѣдняго преемникомъ былъ Ѳолея, сынъ Бедана. сына Харранова, изъ колѣна Ефремова (*); онъ былъ судьею во Израилѣ 23 года.

По смерти его (**) Евреи снова согрѣшили и были подъ властью Аммонитянъ 18 лѣтъ. Снова они раскаялись и выбрали судьей Іефѳая изъ Галаада, отъ колѣна Манассиина. Іефѳай управлялъ Израильтянами 6 лѣтъ.

Преемникомъ его былъ Есевонъ изъ Виѳлеема (Суд. XII, 8), отъ колѣна Іудина. Онъ былъ судьей 7 лѣтъ.

За нимъ Евронъ, изъ колѣна Завулонова, 8 лѣтъ (***); далѣе Эгломъ, изъ колѣна Ефремова, 8 же лѣтъ. Нѣкоторые же 8 лѣтъ правленія Евронова присоединяютъ къ 7 годамъ правленія Есевона.

(*) Ѳолея собственно происходилъ изъ колѣна Иссахарова (Суд. XI, 1, 2), а жилъ въ колѣнѣ Ефремовомъ (Суд. X, 2); по мѣсту жительства его Климентъ и называетъ его Ефремляниномъ.

(**) Опущенъ Іаиръ, сынъ Галаада, состоявшій судьею въ теченіе 22 лѣтъ (Суд. X, 3).

(***) Съ такимъ именемъ судіи свящ. Писаніе не знаетъ, а говоритъ, что послѣ Есевона былъ судьею Элонъ Завулонянинъ въ теченіе 10 лѣтъ. Послѣ него былъ Авдонъ Пираѳонянинъ. Онъ судилъ 8 лѣтъ (Суд. XII, 11, 13).

Послѣ Эглома Евреи снова согрѣшили и въ теченіе 40 лѣтъ тяготѣло надъ ними иноплеменное иго Филистимлянъ. Но когда они обратились къ Богу, сталъ во главѣ ихъ Самсонъ изъ колѣна Данова и подчинилъ имъ иноплеменниковъ. Онъ управлялъ ими 20 лѣтъ.

Послѣ Самсона настала анархія (Суд. XVIII, 1; XIX. 1 и д.).

Затѣмъ въ теченіе 40 лѣтъ (*) былъ судіею первосвященникъ Илій.

Преемникомъ Илія былъ пророкъ Самуилъ. При Самуилѣ царствовалъ Саулъ, вступивъ на престолъ 27 лѣтъ. Самуилъ же помазалъ на царство и Давида и умеръ двумя годами раньше Саула, въ первосвященство Авимелеха. Такъ Самуилъ чрезъ помазаніе установилъ царство (1 Царствъ X, 1) во Израилѣ и Саулъ былъ 1 й царь, царствовавшій во Израилѣ послѣ Судей. Время Судей длилось 463 года и 7 мѣсяцевъ. Послѣ нихъ, какъ это дѣлается намъ извѣстнымъ изъ 1-й книги Царствъ, Саулъ обновивъ царство царствовалъ еще 20 лѣтъ (**).

По смерти Саула Давидъ, сынъ Іессеевъ, изъ колѣна Іудина, былъ вторымъ Израильскимъ царемъ, съ резиденціей въ Хевронѣ. Его царствованіе продолжалось 40 лѣтъ, какъ передаетъ намъ это 2-я книга Царствъ. Первосвященникомъ былъ тогда Авіаѳаръ, сынъ Авимелеха, изъ родственниковъ Илія. Пророчествовали при Давидѣ Гадъ и Наѳанъ. Отъ Іисуса Навина до времени вступленія Давида на царство, по мнѣнію нѣкоторыхъ, протекло 450 лѣтъ, а по нашему лѣтосчисленію съ этого времени до смерти Давида прошло 523 года 7 мѣсяцевъ.

Соломонъ, сынъ Давида, послѣ него царствовалъ 40 лѣтъ. Въ его царствованіе еще живъ былъ пророкъ Наѳанъ, предложившій ему построить храмъ. Въ тоже время жилъ пророкъ Ахія изъ Силома. Давидъ и Соломонъ были

(*) Такъ по еврейскому тексту (1 Царствъ IV, 18), а по Семидесяти 20 лѣтъ.

(**) По изъясненію Зонары это значитъ, что Саулъ при Самуилѣ царствовалъ 18 лѣтъ и послѣ него еще 22 года (Срав. 1 Царствъ IX, 15).

тоже пророки. Садокъ былъ первымъ изъ первосвященниковъ, приносившимъ жертвы въ храмѣ Соломоновомъ. Съ Аарона же 1-го первосвященника онъ былъ 8-мъ. Такимъ образомъ съ Моисея до времени Соломона прошло, по мнѣнію однихъ, 595 лѣтъ, а по счету другихъ 576 лѣтъ (*). Слѣдовательно если къ 450 годамъ, протекшимъ со времени Іисуса Навина до Давида, прибавить 40 лѣтъ правленія народомъ Израильскимъ Моисея и другія 80 лѣтъ жизни Моисея прежде исхода Евреевъ изъ Египта и если къ нимъ добавить еще 40 лѣтъ царствованія Давида, то получимъ цифру 610 лѣтъ. Точнѣе же и совершеннѣе составляется наша хронологія: 523 года и 7 мѣсяцевъ прошло до кончины Давида; къ нимъ прибавляемъ 120 лѣтъ жизни Моисея, да еще правленія Соломона 40 лѣтъ. Если же счесть все время, протекшее до кончины Соломона, то найдемъ что прошло 683 года 7 мѣсяцевъ. Хирамъ выдалъ свою дочь за Соломона около времени, когда Менелай послѣ взятія Трои присталъ къ берегу финикійскому, о какомъ заѣздѣ передаетъ Менандръ Пергамлянинъ и Лэтъ въ своемъ сочиненіи «Финикіяне».

Соломону наслѣдовалъ его сынъ Ровоамъ, царствовавшій 17 лѣтъ; первосвященникомъ тогда былъ Авимилехъ, сынъ Садока. Въ царствованіе Ровоама царство Израильское распалось и Іеровоамъ, рабъ Соломона, изъ племени Ефремова, воцаряется въ Самаріи. Въ это время жили пророки Ахія Силонитянинъ, Самея, сынъ Амамы и еще пророкъ, пришедшій къ Іеровоаму изъ Іудеи и возстававшій противъ сооруженія алтаря этимъ царемъ (3 Царствъ XIII. 1, 2).

Ровоаму наслѣдовалъ его сынъ Авія, царствовавшій 23 года.

Преемникомъ этого послѣдняго былъ Асаманъ, царствовавшій столько же лѣтъ. Подъ старость онъ страдалъ подагрой въ ногахъ. Въ его царствованіе жилъ пророкъ Іиуй, сынъ Ананіи.

Асаману наслѣдовалъ Іосафатъ, его сынъ, царствовавшій 25 лѣтъ. Въ его царствованіе жили пророки: Илія Ѳесвитянинъ, Михей, сынъ Іевлая и Авдій, сынъ Ананіи. Современникомъ же Михея былъ лжепророкъ Седекія, сынъ Хананаа.

За тѣмъ слѣдуетъ Іорамъ, сынъ Іосафата, царствовавшій 8 лѣтъ. Въ его царствованіе жилъ еще Илія и послѣ него Елисей, сынъ Сафата. Во времена Елисея жители Самаріи, находясь въ нуждѣ, ѣли своихъ собственныхъ дѣтей и голубиный пометъ (4 Царствъ VI, 25, 28, 29).

Царствованіемъ Іосафата занята послѣдняя часть 3-й книги Царствъ даже до книги 4-й. На царствованіе Іорама падаетъ вознесеніе Иліи на небо. Послѣ Иліи Елисей, вступивъ въ служеніе пророческое 40 лѣтъ отъ роду, пророчествовалъ въ теченіе 6 лѣтъ

За тѣмъ слѣдуетъ Охозія, царствовавшій всего одинъ годъ. Въ его время жилъ еще Елисей и Авдадоней (2 Пар. XV, 1).

Преемницей Охозіи была мать Охозіи Гоѳолія, царствовавшая 8 лѣтъ (2 Пар. XXIII, 1) Она умертвила дѣтей своего сына (срав. 4 Царствъ XI, 1; 2 Пар. XXII, 10), ибо принадлежала къ роду Ахава. Сестра же Охозіи Іосавея спасла сына Охозіи Іоаса и впослѣдствіи передала ему царство. Въ царствованіе сей Гоѳоліи пророчествовалъ еще Елисей.

Послѣ Гоѳоліи, какъ мы упомянули уже, царствовалъ Іоасъ, спасенный отъ смерти Іосавеей; а она была женой первосвященника Іодая. Всѣхъ лѣтъ жизни Іоса было 40.

Такимъ образомъ отъ временъ Соломона до смерти пророка Елисея насчитываютъ одни 105 лѣтъ, а другіе 200. Но, какъ оказывается то изъ нашего лѣтосчисленія, со вступленія на царство Соломона до смерти Елисея прошло 181 годъ.

По Филохору со взятія Трои до рожденія Гомера, послѣдовавшаго послѣ эмиграціи іонійской колоніи, прошло 180 лѣтъ. Аристархъ же въ своихъ «Комментаріяхъ на Архилоха» го-

(*) По счету Ѳеофила въ его посланіи къ Автолику въ кн. III, на основаніи Тирскихъ источниковъ.

воритъ, что Гомеръ уже жилъ во время этой эмиграціи. Слѣдовательно она произошла лѣтъ 140 послѣ паденія Трои. Аполлодоръ же утверждаетъ, что Гомеръ родился 100 лѣтъ спустя послѣ эмиграціи іонійской колоніи, въ царствованіе надъ Лакедемонянами Агезилая, сына Дорюссеева. Онъ доказываетъ, что законодатель Ликургъ во время своей юности былъ современникомъ Гомера. Евѳюменъ же въ своихъ «Хроникахъ» говоритъ, что онъ процвѣталъ вмѣстѣ съ Гезіодомъ во времена Акаста и родился на Хіосѣ приблизительно въ 200-мъ году по взятіи Трои. Того же мнѣнія держится и Архемахъ въ 3-й книгѣ своей «исторіи острова Евбеи». Отсюда открывается, что какъ Гомеръ такъ и Гезіодъ жили позже (пророковъ Иліи и) Елисея. Если слѣдовать разсказу грамматика Кратеса и если полагать, что рожденіе Гомера падаетъ на время около прихода Гераклидовъ въ Пелопоннесъ, т. е. годъ примѣрно на 80-й по паденіи Трои, то мы найдемъ, что Гомеръ жилъ позднѣе даже Соломона, въ царствованіе котораго, какъ было упомянуто выше, случился и приходъ Менелая въ Финикію. По мнѣнію же Эратосѳена Гомеръ родился 100 лѣтъ спустя по взятіи Трои. Ѳеопомпъ же въ 43-й главѣ своей «исторіи Филиппа» говоритъ, что Гомеръ родился 500 лѣтъ спустя послѣ жизни участниковъ взятія Трои. А Евфоріонъ въ «исторіи династіи Алевадовъ» относитъ жизнь Гомера ко временамъ Гюгеса, вступившаго на царство приблизительно съ началомъ 18-й Олимпіады. Этотъ Евфоріонъ сообщаетъ еще, что Гюгесъ первый началъ называться тиранномъ. Сосибій же лаконянинъ въ своемъ «Хронологическомъ очеркѣ» относитъ рожденіе Гомера къ 8-му году Харилла, сына Полюдектова. Хариллъ царствовалъ 64 года, и послѣ него его сынъ Никандръ 39 лѣтъ. По увѣренію того же Сосибія первая Олимпіада падаетъ на 34-й годъ царствованія Никандра. Такимъ образомъ Гомеръ родился 30-ю годами позже начала системы Олимпіадъ.

Послѣ Іоаса принимаетъ управленіе царствомъ его сынъ Амасія, царствовавшій 39 лѣтъ.

Амасіи наслѣдовалъ точно такъ сынъ его Озія (срав. 4 Царствъ XIV, 2; 2 Пар. XXV, 1 и Евсевія), царствовавшій 52 года и умершій отъ проказы. Въ его время жили пророки Амосъ и Исаія, его сынъ, Осія, сынъ Беера, и Іона, сынъ Амаѳа, родомъ изъ Гетъ Хаберъ; онъ проповѣдывалъ Ниневитянамъ, вышедъ изъ чрева чудовища, его поглотившаго.

Озіи наслѣдовалъ его сынъ Іоаѳамъ, царствовавшій 16 лѣтъ. Въ его царствованіе жили еще пророки Исаія, Осія, Михей Морасѳитянинъ (Мих. I, 1) и Іоиль, сынъ Ваѳуила.

Іоаѳаму наслѣдовалъ сынъ его Ахазъ, царствовавшій 16 лѣтъ. Приблизительно на 15-мъ году царствованія Ахаза Израиль отведенъ былъ въ плѣнъ Вавилонскій, а Салманасаръ, царь Ассирійскій, и жителей Самаріи переселилъ въ Мидію и Вавилонъ (4 Царствъ XVIII, 10, 11).

Ахазу наслѣдовалъ Осія, царствовавшій 8 лѣтъ, потомъ Езекія, царствовавшій 29 лѣтъ. Сей царь, лежавшій почти уже при смерти, своей святой жизнію заслужилъ то, что Богъ устами Исаіи удлиннилъ ему жизнь еще на 15 лѣтъ, каковое обѣщаніе подтверждено было Богомъ чрезъ возвращеніе тѣни солнечной назадъ (4 Царствъ XX, 6 и д.).

Исаія, Осія и Михей пророчествовали до царствованія Езекіи. Говорятъ, что они жили послѣ Ликурга, законодателя Лакедемонянъ. Дѣйствительно Діевхида въ 4-й книгѣ своей «исторіи Мегары» относитъ жизнь Ликурга примѣрно къ 290-му году по взятіи Трои. Исаія же и съ нимъ Михей, Осія и Іоиль, сынъ Ваѳуила, пророчествовали еще въ 200-мъ году послѣ Соломона, въ царствованіе котораго, какъ мы уже говорили о семъ выше, Менелай пріѣжжалъ въ Финикію.

Послѣ Езекіи царствовалъ сынъ его Манассія въ теченіе 55 лѣтъ.

Потомъ сынъ его Амосъ въ теченіе дв.хъ лѣтъ.

Послѣ Амоса царствовалъ Іосія его сынъ, считаемый за справедливѣйшаго и благосклоннѣйшаго; царствованіе его продолжалось 31 годъ. Онъ повергалъ трупы людей на изло-

манныя и опрокинутыя статуи идоловъ, какъ написано въ книгѣ Левитъ (XXVI, 30; срав. 3 Царствъ XIII, 2; 4 Царствъ XXIII, 14, 20). Въ его время, въ 18-й годъ его правленія, Пасха была празднуема съ такимъ великолѣпіемъ, съ какимъ не была еще совершаема она никогда, ни Самуиломъ ни кѣмъ либо изъ предшественниковъ Іосіи (2 Пар. XXXV, 18; срав. 4 Царствъ XXIII, 22). Въ его время Хелкія священникъ, отецъ пророка Іереміи. нашедъ въ храмѣ книгу Закона, за чтеніемъ ея и скончался. При семъ царѣ пророчествовали Олдай, Софонія и Іеремія. Этому послѣднему современникомъ былъ лжепророкъ Ананія, не послушавшійся Іереміи и въ томъ же году умершій. Что касается Іосіи, то онъ былъ убитъ на р. Евфратѣ, куда отправился на встрѣчу царя Египетскаго Нехао, шедшаго на Ассиріянъ (4 Царствъ XXIII и 2 Пар. XXXV).

Іосіи наслѣдовалъ сынъ его Іехонія и сынъ его Іоахазъ, царствовавшій 3 мѣсяца и 10 дней. Нехао, царь Египетскій, заковалъ Іоахаза въ цѣпи и увезъ въ Египетъ, а вмѣсто него царемъ поставилъ его брата Іоакима; этому поручилъ онъ собирать подати съ народа, обложивъ ими всю страну.

Іоакимъ царствовалъ 11 лѣтъ.

Наслѣдникомъ его былъ сынъ его Іоахинъ, царствовавшій всего три мѣсяца.

За тѣмъ слѣдуетъ Седекія, царствовавшій 11 лѣтъ. Въ его царствованіе пророчествовалъ еще Іеремія. Въ тоже время пророчествовалъ Іезекіиль, сынъ Буци, Урія, сынъ Самея (Іер. XXVI, 20) и Аввакумъ. Симъ кончается рядъ царей еврейскихъ.

Такимъ образомъ съ рожденія Моисея до дня, въ который Седекія былъ увезенъ въ Вавилонъ, прошло по счисленію однихъ 972 года, а по болѣе достовѣрнымъ результатамъ нашего счисленія 1085 лѣтъ, 6 мѣсяцевъ и 10 дней. А съ царствованія Давида до плѣненія отъ Халдеевъ прошло по счисленію нѣкоторыхъ 452 года и 6 мѣсяцевъ, а по нашему болѣе тщательному счисленію 482 года 6 мѣсяцевъ и 10 дней. На 12-мъ году царствованія Седекіи, слѣдовательно за 70 лѣтъ до владычества Персовъ, Навуходоносоръ воевалъ съ Финикіянами и Іудеями, какъ повѣствуетъ о семъ Берозъ въ своей «исторіи Халдеевъ». Юба въ своемъ твореніи объ Ассиріянахъ говоритъ, что заимствуетъ свои историческія свѣдѣнія у Бероза, и такимъ образомъ ручается за правдивость этого историка. Итакъ Навуходоносоръ, ослѣпивъ отводитъ Седекію въ Вавилонъ, а весь народъ, за исключеніемъ небольшаго числа людей, бѣжавшихъ въ Египетъ, разселяетъ по отдаленнымъ странамъ. И продолжался этотъ плѣнъ Іудеевъ 70 лѣтъ. Іеремія и Аввакумъ пророчествовали еще и при Седекіи. На 5-мъ году его царствованія пророчествовалъ въ Вавилонѣ Іезекіиль, а послѣ него Наумъ, за тѣмъ Даніилъ. Послѣ Даніила въ царствованіе Дарія I-го (Гистаспа) пророчествовали въ теченіе двухъ лѣтъ Аггей и Захарія. Послѣ же Даніила пророчествовалъ и Малахія, одинъ изъ двѣнадцати пророковъ, котораго имя значитъ «вѣстникъ» (ангелъ). Послѣ Аггея и Захаріи Неемія, главный виночерпій Артаксеркса, сынъ израильтянина Ахела, выстраиваетъ вновь Іерусалимъ и возобновляетъ храмъ. Съ этимъ плѣномъ связана исторія Есѳири и Мардохея, излагаемая въ книгѣ этого имени, подобно какъ о Маккавеяхъ идетъ рѣчь въ книгахъ этого же имени. Во время этого плѣна Мисаилъ, Ананія и Азарія, отказавшіеся поклониться идолу, были брошены въ натопленную печь, но спасены спустившимся къ нимъ ангеломъ. Тогда же Даніилъ изъ за дракона брошенъ былъ въ ровъ львиный, здѣсь по Божественному промышленію былъ питаемъ Аввакумомъ и на 7-й день цѣлъ и невредимъ былъ вытащенъ изо рва. На то же время падаетъ чудесная исторія съ Іоной и Товіей. Послѣдній при содѣйствіи Ангела поемлетъ себѣ въ жены Сарру, къ которой ранѣе сваталось 7 жениховъ и всѣ были умерщвлены демономъ; Товитъ же, отецъ Товіи, послѣ свадьбы сына прозрѣлъ. Во время того же плѣна Зоровавель, разрушивъ своимъ благоразуміемъ козни своихъ противниковъ, покупаетъ у Дарія право возстановить Іерусалимъ, вмѣстѣ съ

Ездрой возвращается въ свою отечественную землю, при посредствѣ Ездры освобождаетъ свой народъ, съ помощью Божественнаго вдохновенія приводитъ въ порядокъ сборникъ свящ. Писаній (*), возстановляетъ празднованіе Пасхи, запрещаетъ браки Евреевъ съ иноплеменными женщинами.

Еще прежде сего Киръ позволилъ Евреямъ возвращаться въ свое отечество и на свободу (срав. 1 Ездры I, 1; VI, 1 и д.). Когда согласно этому позволенію возвращеніе Евреевъ въ царствованіе Дарія состоялось (срав. 1 Ездры VI, 16 и VII, 15), Евреи праздновали Освященіе храма, а также и праздникъ Кущей (Наум. VIII, 16).

Вообще считаютъ, что съ рожденія Моисея до освобожденія Іудеевъ изъ плѣна прошло 1155 лѣтъ 6 мѣсяцевъ 10 дней. Съ царствованія же Давида до сего освобожденія изъ плѣна протекло, по мнѣнію однихъ, 352 года, а по болѣе достовѣрному счисленію 572 года 6 мѣсяцевъ 10 дней.

Такимъ образомъ чрезъ Вавилонское плѣненіе исполнилось во времена Іереміи слѣдующее пророчество Даніила: *Семьдесятъ седминъ для твоего народа и святаго города уменьшены, чтобы вѣроломство истощилось и грѣхъ кончился, чтобы неправды были изглажены и беззаконія очищены, чтобы явилась правда вѣчная, чтобы видѣнія и пророчества исполнились и чтобы помазанъ былъ Святый святыхъ. Знай и уразумѣй. Съ этого пророчества и возобновленія Іерусалима до царя Христа пройдетъ 7 седминъ и 62 седмины и народъ возвратится и снова обстроятся улицы и будутъ воздвигнуты стѣны, но настанутъ времена трудныя. И послѣ 62 седминъ Христосъ будетъ убитъ безъ суда; и вмѣстѣ съ этимъ, имѣющимъ притти, царемъ будетъ разрушенъ городъ и святое святыхъ и какъ бы новымъ потопомъ какимъ жители будутъ истребляемы и даже до самаго конца войны будетъ свирѣпствовать между ними гибель. И утвердитъ завѣтъ для многихъ седмина едина и въ половинѣ седмины падутъ жертвоприношенія и возліяніе, и мерзость опустошенія простретея и на святилище, и даже до конца этого времени народъ святыхъ будетъ преданъ на разореніе. И въ половинѣ седмины не будетъ больше подниматься съ алтаря благовоній, жертвоприношенія прекратятся и на крилѣ святилища будетъ мерзость запустѣнія, доколѣ полнота онаго не заставитъ удивляться самого опустошителя»* (Дан. IX, 24 — 27). Итакъ что храмъ былъ построенъ въ теченіе первыхъ седми седминъ, это ясно; событие это записано и у Ездры. Іисусъ же воцарился между Іудеями въ Іерусалимѣ съ исполненіемъ 7 седминъ; и въ продолженіе 62 седминъ вся Іудея отдыхала, наслаждаясь глубокимъ миромъ, не нарушавшимся никакой войной; и Господь нашъ Іисусъ Христосъ, *Святый изъ святыхъ*, пришедъ и исполнивъ *видѣнія и пророчества*, *былъ помазанъ* по плоти Духомъ Отца. Явленіе міру царскаго достоинства Христа произошло въ эти *62 седмины и въ теченіе единственной седмины*, какъ предвозвѣстилъ пророкъ. Половина слѣдующей седмины объемлется царствованіемъ Нерона и начинается со введенія симъ императоромъ во святой градъ Іерусалимъ омерзѣнія; а во вторую половину сей седмины былъ онъ низложенъ; въ оную же погибли Гальба, Отонъ и Вителлій; тогда же власть перешла къ Веспасіану, который разрушилъ Іерусалимъ и разорилъ святилище. Для понимающаго становится яснымъ, что событія шли именно такъ, какъ предсказалъ пророкъ.

Итакъ послѣ 11-го года и въ началѣ слѣдующаго, который былъ первымъ годомъ царствованія Іоахина (Іехоніи; срав. 4 Царствъ XXIII, 36; XXIV, 8, 10, 14), Навуходоносоръ чрезъ 7 лѣтъ царствованія своего надъ Ассиріей (4 Царствъ XXIV, 12), переселяетъ жителей Іерусалима въ Вавилонъ. Этотъ плѣнъ постигъ Іудеевъ во 2-мъ году царствованія Вафре (Іер. XLIV, 30), царя египетскаго и въ 1-мъ году 48-й Олимпіады, когда въ Аѳинахъ былъ архонтомъ Фениппъ. Плѣнъ сей продолжался

(*) Имѣется въ виду сказаніе апокрифической 4-й кн. Ездры (XIV, 39 и д.), въ которой повѣствуется, что сгорѣвшія книги закона по Божію вдохновенію Ездрой были возстановлены.

70 лѣтъ, такъ какъ окончился на 2-мъ году царствованія Дарія, сына Гистаспова, повелителя Персовъ, Ассиріянъ и Египтянъ. Въ его время пророчествовали, какъ было уже сказано, Аггей, Захарія и Малахія, одинъ изъ 12 пророковъ. Первосвященникомъ тогда былъ Іисусъ, сынъ Іоседека. Во 2-й годъ царствованія Дарія, который, по Геродоту (III, 70), ниспровергъ узурпаторскую власть маговъ, Зоровавель, сынъ Салаѳіиля, былъ посланъ въ Іерусалимъ для возстановленія сего города и украшенія храма.

А вотъ хронологія за время существованія Персидской монархіи. Киръ царствовалъ 30 лѣтъ (Герод. I, 214), Камбизъ 19 лѣтъ (Герод. III, 66), Дарій 46 лѣтъ, Ксерксъ 26 лѣтъ, Артаксерксъ 41 годъ, Дарій 8 лѣтъ, Артаксерксъ 42 года, Охосъ или Арсесъ 3 года. Въ итогѣ царствованіе всѣхъ царей Персіи составитъ 235 лѣтъ.

По прошествіи этого времени вступилъ на престолъ Персіи Александръ Македонскій, лишивъ престола Дарія (Кодомана). Вотъ хронологія царей Македонскихъ: Александръ царствовалъ 18 лѣтъ, Птоломей Лагъ 40 лѣтъ, Птоломей Филадельфъ 27 лѣтъ, Птоломей Евергетъ 25 лѣтъ, Птоломей Филопаторъ 17 лѣтъ, Птоломей Епифанъ 24 года. Этому наслѣдовалъ Птоломей Филометоръ, царствовавшій 35 лѣтъ; послѣ него былъ царемъ Птоломей Фисконъ, царемъ бывшій 29 лѣтъ; потомъ Птоломей Латуръ, царствовавшій 36 лѣтъ; за тѣмъ Птоломей Діонисъ, царствовавшій 29 лѣтъ; наконецъ Клеопатра, царствовавшая 22 года. Послѣ нея поднялось—было царство Каппадокійское, но просуществовало лишь 18 дней. Вообще царствованіе всѣхъ царей Македонскихъ продолжалось 312 лѣтъ 18 дней.

Доказано слѣдовательно, что пророки Аггей, Захарія и Малахія, одинъ изъ 12 пророковъ, жившіе на 2-мъ году царствованія Дарія Гистаспа и явившіеся на 1-мъ году 48-й Олимпіады, древнѣе Пиѳагора, время жизни котораго, какъ говорятъ, относится къ 62-й Олимпіадѣ. Гораздо древнѣе они и Ѳалеса, однакоже древнѣйшаго изъ эллинскихъ мудрецовъ, родившагося лишь около 50-й Олимпіады. Такъ называемые мудрецы равно были современны Ѳалесу, какъ говоритъ о семъ Андронъ въ своей «Триподѣ». Гераклитъ, жившій послѣ Пиѳагора, въ своихъ сочиненіяхъ упоминаетъ объ этомъ философѣ. Такимъ образомъ становится неопровержимымъ, что Олимпіада 1-я, а она, какъ уже доказано было, падаетъ на 407-й годъ послѣ взятія Трои, древнѣе времени, въ которое жили выше названные пророки, равно какъ и времени жизни философовъ, называемыхъ мудрецами. Теперь легко видѣть, что Соломонъ, царствованіе котораго соотвѣтствуетъ времени царствованія Менелая, былъ современникомъ осады Трои и жилъ на значительное количество лѣтъ раньше мудрецовъ древней Эллады.

Мы уже показали выше, насколько лѣтъ раньше Соломона жилъ Моисей. Александръ, прозванный Полигисторъ, въ своемъ сочиненіи объ Іудеяхъ передаетъ содержаніе нѣкоторыхъ писемъ Соломона къ Вафре, царю Египетскому и къ царю Финикійскому, а также и отвѣты этихъ царей Соломону. Изъ сихъ писемъ открывается, что отъ Вафре послано было къ Соломону для постройки храма 8000 египетскихъ рабочихъ, что отъ царя Тирскаго послано было къ Соломону рабочихъ столько же и при нихъ архитекторъ, по матери еврей изъ племени Гадова (2 Пар. II, 13), по имени Гирамъ (3 Царствъ VII, 13, 40).

Исторія говоритъ между прочимъ, что аѳинянинъ Ономакритъ, пресловутый авторъ поэмъ, приписываемыхъ Орфею, жилъ во времена Пизистратидовъ около 50-й Олимпіады. Орфей, вмѣстѣ съ Геркулесомъ предпринимавшій плаваніе на кораблѣ Арго, былъ учителемъ Музея. Амфіонъ жилъ двумя поколѣніями раньше осады Трои. Дэмодокъ и Фэмій, славившіеся игрой на киѳарѣ и вызывавшіе ей удивленіе, Дэмодокъ у Фэаковъ (Одис. VIII, 43), а Фэмій у жениховъ Пенелопы (Одис. I, 153), жили послѣ взятія Трои. Говорятъ между прочимъ (Павзаній in Atticis), что «Предсказанія» въ стихахъ, приписываемыя Музею, принадлежатъ Ономакриту, что «Разливальная

чапа» Орфеева (по Свидѣ) есть произведеніе Зопира гераклеянина; что «Сошествіе во адъ» есть твореніе Продика Самосскаго. Іонъ же хіосецъ въ своихъ «Тріагмахъ» передаетъ, что поэмы, изданныя подъ именемъ Орфеевыхъ, сочинены Пиѳагоромъ (по Д. Лаэрцію). Епигенъ же въ своемъ очеркѣ поэмъ, приписываемыхъ Орфею, утверждаетъ, что «Сошествіе во адъ» и «Священная рѣчь» принадлежатъ пиѳагорейцу Керкопу, а «Пеплосъ» и поэма «О природѣ» Бронтину.

Нѣкоторые и Терпандра тоже причисляютъ къ древнимъ поэтамъ. Но Гелланикъ свидѣтельствуетъ, что Терпандръ родился во времена Мидаса; Фаній же, поставивши Лесха лесбосца ранѣе Терпандра, считаетъ его моложе и Архилоха. Онъ разсказываетъ, что Лесхъ боролся съ Арктиномъ и побѣдилъ его. По свидѣтельству Ксанѳа лидійца городъ Ѳасосъ былъ основанъ около 18-й Олимпіады, а по показанію Діонисія около 15-й. Такимъ образомъ достовѣрнымъ становится, что поэтъ Архилохъ дѣлается извѣстнымъ уже послѣ 20-й Олимпіады (*), такъ какъ онъ говоритъ о разрушеніи Магнезіи какъ о бѣдствіи недавнемъ. Разсказываютъ, что Симонидъ былъ современникомъ Архилоха и что время жизни Каллина относится не къ очень древней эпохѣ, потому что Архилохъ говоритъ о разрушеніи Магнезіи, а Каллинъ помнитъ еще цвѣтущее состояніе этого города.

Евмелъ же коринѳянинъ относится къ болѣе древней эпохѣ, ибо по свидѣтельству нѣкоторыхъ историковъ онъ зналъ Архія, основателя Сиракузъ. Все это я потому нашелъ нужнымъ сказать, что киклическихъ поэтовъ обыкновенно причисляютъ къ древнѣйшимъ.

Разсказываютъ, что уже у древнихъ Эллиновъ было много прорицателей. Такими напр. были Бакиды, одинъ изъ Бэотіи, другой изъ Аркадіи, многимъ многое предсказавшіе. Пизистратъ утвердилъ за собою тираннію только потому, что аѳинянинъ Амфилютъ (*) указалъ ему для захвата власти благопріятный моментъ времени (Герод. I, 62). Умолчу о Кометѣ съ Крита, о кипрянинѣ Кинюрѣ, объ Адметѣ изъ Ѳессаліи, о киринеянинѣ Аристеѣ, объ Амфіараѣ аѳинянинѣ (**), о Тимоксенѣ съ Корциры, о Деменетѣ фокеянинѣ, объ Епигенѣ изъ Ѳеспій, о Никіи карюстіянинѣ, объ Аристонѣ ѳессаліянинѣ, о Діонисіи карѳагенянинѣ, о Клеофонѣ коринѳянинѣ, о Гиппо, дочери Хирона, о Бойо, о Манто и цѣломъ роѣ Сивиллъ (***), о Сибиллѣ Самосской, Колофон-

(*) Но какимъ же образомъ изъ того, что Ѳасосъ основанъ въ XV-ю Олимпіаду открывается, что Архилохъ жилъ послѣ XX-й Олимпіады? Въ дѣйствительности Архилохъ происходилъ не съ Ѳасоса, а съ Пароса и городъ Паросъ на островѣ этого имени основанъ былъ ранѣе города Ѳасоса тоже на островѣ сего имени. Минь считаетъ это мѣсто поврежденнымъ. Быть можетъ Климентъ потому упоминаетъ о Ѳасосѣ вмѣстѣ съ именемъ Архилоха, что городъ этотъ (тождественный съ Аэріей) былъ построенъ по повелѣнію прорицателя Телесиклу, отцу Архилохову: «Передай Паросцамъ, Телесиклъ, тебѣ говоримое: пусть построятъ на островѣ Аэріи славный городъ». Посему Ѳукидидъ (IV) и Страбонъ (X) называютъ Ѳасосъ Паросской колоніей.

(*) Амфилютъ происходилъ собственно изъ Акарнаніи, но жилъ въ Аѳинахъ; посему Климентъ и называетъ его аѳиняниномъ, подобно какъ и Сократъ въ Платоновомъ «Ѳеагенѣ» — землякомъ.

(**) Лучше: аргивинянинѣ; извѣстно, что онъ происходилъ изъ Аргоса.

(***) Авторъ «Epitomes temporum», жившій при Осіи, послѣднемъ царѣ Израильскомъ, Сивиллъ перечисляетъ такихъ: «Въ этомъ году проявилась Сивилла Ерюѳрейская въ Египтѣ. Были кромѣ нея и другія Сивиллы, числомъ одиннадцать: Еврейская, Персидская, Дельфійская, Малоазійская (изъ Адъ, небольшаго приморскаго городка въ Эолидѣ), Киммерійская, Самосская, Рафійская, Кумейская, Ливійская, Троадская, Фригійская, Тибуртинская». Лактанцій, lib. I, cap. 6, называетъ на основаніи Варрона слѣдующихъ 10 Сивиллъ: 1) Персидскую, 2) Ливійскую, 3) Дельфійскую, 4) Кумейскую, 5) 6) Самосскую, 7) Куманскую, по имени Амалѳею, Демофилу или Герофилу, 8) Геллеспонтскую, рож-

ской, Кумейской, Ерюѳрейской, о Фюто (*), Тараксандрѣ, о Макетисѣ, о Ѳессалѣ, о Ѳеспротидѣ, далѣе о Калхасѣ и Мопсѣ, двухъ современникахъ осады Трои. Но Мопсъ изъ нихъ былъ старше, потому что былъ однимъ изъ Аргонавтовъ. Все-же говорятъ, что такъ называемая «Мантика» Мопса составлена киринеяниномъ Баттомъ. И Дороѳей въ 1-й части своихъ Пандектъ (компиляцій) передаетъ, что Мопсъ слушалъ Алкіона и Корону. Великій Пиѳагоръ постоянно занимался изученіемъ гадательнаго искуства и вѣрилъ въ этого рода предсказанія. Равнымъ образомъ прилежали къ нему и Аварисъ гипербореянинъ, Аристей проконнесянинъ, критянинъ Епименидъ, переселившійся въ Спарту, точно такъ же мидянинъ Зороастръ, Емпедоклъ изъ Агригента, Форміонъ лаконянинъ, Полюаратъ съ Ѳасоса, Емпедотимъ сиракузянинъ, и наконецъ и въ особенности аѳинянинъ Сократъ. «Вѣрю я, говоритъ онъ въ «Ѳеагенѣ», что по милости Божіей съ самаго дѣтства при мнѣ находится демонъ, меня знаменіями не оставляющій. Это голосъ, поднимающійся изнутри каждый разъ, какъ я хочу что либо дѣлать, меня отклоняющій, но никогда ни къ чему не побуждающій». Екзекестъ, тираннъ Фокейскій, на пальцѣ одной изъ своихъ рукъ постоянно носилъ два магическихъ перстня, и по звуку, который они издавали при взаимномъ соприкосновеніи, онъ опредѣлялъ время, когда долженъ дѣйствовать. Однакоже онъ погибъ отъ хитрости, хотя по звуку перстней онъ и предузналъ грозящую ему смерть, какъ говоритъ Аристотель въ своей книгѣ «о Фокейской республикѣ».

Перечислимъ теперь и тѣхъ изъ Египтянъ, которые первоначально были простыми людьми, но которымъ впослѣдствіи ихъ ближніе поклонялись. Таковы Гермесъ ѳивянинъ, Эскулапъ изъ Мемфиса, Терезій и Манто изъ Ѳивъ, по свидѣтельству Еврипида («Финикіянки» стихъ 841 и д.); еще Геленъ, Лаокоонъ, Ойнона и Кренъ, всѣ четверо изъ Трои. Кренъ изъ нихъ, одинъ изъ Гераклидовъ, говорятъ, былъ замѣчательнымъ гадателемъ. Назовемъ еще Іама изъ Елиды, отъ котораго произошли Ямиды, и Полюида, славившагося въ Аргосѣ и Мегарахъ, о которомъ вспоминаютъ и трагическіе поэты. Нужно ли еще поименовывать Тэлема, гадателя Циклоповъ, предсказавшаго Полифему ударъ, впослѣдствіи дѣйствительно имъ полученный отъ Одиссея на его путешествіи? Къ чему называть мнѣ аѳинянина Ономакрита или Амфіарая, который, какъ говорятъ, жилъ на одно поколѣніе раньше взятія Трои и былъ однимъ изъ семи военачальниковъ надъ сражавшимися подъ Ѳивами? Къ чему—Ѳеоклюмена съ Кефалоніи или Телмиса изъ Каріи или Галена съ Сициліи? Но кромѣ нихъ были и другіе, какъ напр. Идмонъ, одинъ изъ Аргонавтовъ, Фемоноя волшебница Дельфійская, Мопсъ сынъ Аполлона и Манто изъ Памфиліи, Амфилохъ сынъ Амфіарая изъ Киликіи, Алкмеонъ изъ Акарнаніи, Анія съ Делоса, Аристандръ телмиссянинъ, сопутствовавшій Александру. А Филохоръ въ 1-й книгѣ своего «Очерка гадательнаго искуства» говоритъ, что и Орфей былъ гадателемъ. Ѳеопомпъ, Ефоръ и Тимей говорятъ о гадателѣ Орѳагорѣ. Пиѳоклъ самосецъ въ 4-й книгѣ своей «исторіи Италіи» упоминаетъ о другомъ гадателѣ Каѣ Юліи Непотѣ. Но изъ всѣхъ этихъ поименованныхъ нами Эллиновъ одни, какъ говоритъ Писаніе (Іоан. X, 8), были *воры и разбойники* и въ основу большей части своихъ предсказаній полагали наблюденія и предположенія свойства матеріалистическаго, подобно тому какъ врачи и предсказатели при практикованіи своего искуства основываются лишь на физіогномикѣ; другіе же были вдохновляемы демонами или же приходили въ прорицательный экстазъ отъ паровъ, поднимавшихся съ воды или же отъ различныхъ бла-

---

денную на полѣ Троадскомъ, 9) Фригійскую, 10) Тибуртинскую, по имени Альбунею. Иные приписываютъ имъ иныя имена, изъ иныхъ отечественныхъ мѣстъ ихъ производятъ и иное число ихъ передаютъ.

(*) Можетъ быть Пюѳо чрезъ перестановку придыханія; это будетъ Дельфійская Сивилла.

говонныхъ запаховъ или же отъ нѣкоторыхъ атмосферическихъ испареній.

Гадательное же искуство пророковъ еврейскихъ имѣло происхожденіе небесное. Такимъ пророкомъ былъ еще до сообщенія закона Адамъ, предсказавшій будущее въ словахъ, имъ изреченныхъ при видѣ жены и при нареченіи именъ животнымъ. Такимъ пророкомъ былъ Ной, проповѣдывавшій покаяніе (2 Петр. II, 5), Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, ясно предвозвѣстившіе множество событій, бывшихъ сокрытыми еще въ отдаленномъ будущемъ и такихъ, коихъ исполненіе было уже близко. Таковы были со времени дарованія закона Моисей и Ааронъ, а послѣ нихъ Іисусъ сынъ Навина, Самуилъ, Гадъ, Наѳанъ, Ахія, Самей, Іиуй, Илія, Михей, Авдій, Елисей, Авдадоней, Амосъ, Исаія, Осія, Іона, Іоиль, Іеремія, Софонія, сынъ Хузи (или Буци) (*), Іезекіиль, Урія, Аввакумъ, Наумъ, Даніилъ, Мисаилъ, составитель трактата о доказательствахъ (**), Аггей, Захарія, Малахія одинъ изъ двѣнадцати, въ совокупности 35 пророковъ. Изъ женщинъ,—потому что и изъ нихъ были пророчицы,—такими были Сарра, Ревекка, Маріамь, Деввора и Олда. Потомъ во времена господства еще того же закона пророчествовалъ до крещенія Спасителя Іоаннъ. Послѣ рождества Христова являются пророки Симеонъ и Анна. Евангеліе разсказываетъ, что Захарія, отецъ Іоанна, также пророчествовалъ еще до своего сына.

Теперь обратимъ вниманіе на лѣтосчисленіе принятое у Эллиновъ. Начнемъ съ Моисея. Съ рожденія его до дня, когда Израильтяне вышли изъ Египта, прошло 80 лѣтъ. Съ исхода Израильтянъ изъ Египта до смерти Моисея 40 лѣтъ. Исходъ Израильтянъ изъ Египта воспослѣдовалъ во времена Инаха, потому что Моисей вышелъ изъ Египта за 345 лѣтъ до переселенія (дочери Инаха) нимфы Іо. Отъ принятія Моисеемъ въ свои руки управленія Израилемъ и отъ Инаха до Девкаліонова потопа, втораго изъ потоповъ посѣщавшихъ Элладу, и до пожара Фаэтонова, событія современнаго Кротопу (Кекропсу), насчитываютъ 40 поколѣній (*). А на сто лѣтъ считается поколѣній три. Съ потопа Девкаліонова до пожара на горѣ Идѣ, до открытія желѣза и до Дактилей Идеевъ Ѳрасюллъ насчитываетъ 73 года, а съ пожара на Идѣ до похищенія Ганимеда 65 лѣтъ; съ этого похищенія до экспедиціи Персея и до учрежденія Главкомъ Истмійскихъ игръ въ память Меликерта прошло 15 лѣтъ; съ экспедиціи Персея до основанія Трои 34 года; съ этого времени до похода Аргонавтовъ 64 года; съ похода Аргонавтовъ до временъ Тезея и Минотавра 32 года; со временъ Тезея и Минотавра до эпохи семи военачальниковъ, командовавшихъ подъ Троей, 10 лѣтъ; отъ оныхъ до учрежденія Геркулесомъ Олимпійскихъ игръ въ память Пелопса 3 года; отъ начала Олимпійскихъ игръ до похода Амазонокъ на Аѳины и до похищенія Элены Тезеемъ 9 лѣтъ; съ сего времени до обоготворенія Геркулеса 11 лѣтъ; съ сего до похищенія Элены Александромъ Парисомъ 4 года; съ этого похищенія до взятія Трои 10 лѣтъ; со взятія Трои до прибытія Энея въ Италію и до основанія Лавиніума 10 лѣтъ; съ основанія Лавиніи до царствованія Асканія 8 лѣтъ; съ Асканія до прихода Гераклидовъ 61 годъ; съ прихода Гераклидовъ до Олимпіады Ифита 338 лѣтъ (**).

Эратосѳена же лѣтосчисленіе такое. Со взятія Трои до прихода Гераклидовъ 80 лѣтъ; съ прихода Гераклидовъ до образованія Іоніи 60 лѣтъ; съ образованія Іоніи до правленія Ликурга 159 лѣтъ; съ начала его управленія до 1-го года 1-й Олимпіады 108 лѣтъ; съ этой эпохи до нашествія Ксеркса 297 лѣтъ; съ этого нашествія до начала Пелопоннесской войны 48 лѣтъ; съ начала сей войны до ея окончанія пораженіемъ Аѳинянъ 27 лѣтъ; съ се-

(*) А ранѣе въ столб. 125 сыномъ Хузи писатель назвалъ Іезекіиля.

(**) Разумѣется апокрифическая книга, извѣстная подъ этимъ именемъ.

(*) Герветъ поправляетъ: четыре.

(**) Скалигеръ: 328.

го пораженія ихъ до битвы при Левктрахъ 34 года; съ сей битвы до смерти Филиппа 35 лѣтъ; со смерти Филиппа до смерти Александра 12 лѣтъ.

Нѣкоторые съ 1-й Олимпіады до основанія Рима считаютъ 24 года; съ основанія Рима до изгнанія царей, сопровождавшагося учрежденіемъ консульства, 243 года; съ изгнанія царей до смерти Александра 186 лѣтъ; со смерти Александра до побѣды Августа, послѣ чего Антоній въ Александріи самъ покончилъ съ собой, 294 года,—Августъ тогда въ 4-й разъ былъ выбранъ въ консулы;—съ этого времени до учрежденія въ Римѣ Домиціаномъ игръ 114 лѣтъ; съ перваго празднованія этихъ игръ до смерти Коммода 111 лѣтъ.

Нѣкоторые историки съ Кекропса до Александра Македонскаго насчитываютъ 1828 лѣтъ, а съ Демофона 1250 лѣтъ. Со взятія Трои до прихода Гераклидовъ 120 или 180 лѣтъ; съ этого послѣдняго событія до архонта Эвенета, во времена котораго, говорятъ, Александръ прошелъ въ Азію, по свидѣтельству Фанія, протекло 715 лѣтъ, по Ефору же 735, по Тимею и Клейтарху 820, по Эратосѳену же 774. Дурисъ со взятія Трои до прихода Александра въ Азію считаетъ 1000 лѣтъ; съ этого послѣдняго событія до Эвенета, бывшаго архонтомъ въ Аѳинахъ во время смерти Александра (*), 11 лѣтъ; со смерти Александра до правленія Германика Клавдія Цезаря 365 лѣтъ. Отъ временъ же Клавдія до смерти Коммода число лѣтъ извѣстно достовѣрно.

Воспользовавшись для изображенія картины съ длиннѣйшими рядами годовъ счисленіемъ принятымъ у Эллиновъ теперь слѣдуетъ намъ обратиться и къ хронологіи принятой у варваровъ.

Съ Адама до потопа насчитываютъ 2148 лѣтъ и 4 дня. Съ Сима до Авраама 1250 лѣтъ. Съ Исаака до раздѣла обѣтованной земли 616 лѣтъ. Со времени Судей до Самуила 463 года 7 мѣсяцевъ. За правленіемъ Судей слѣдуетъ правленіе царей, продолжавшееся 572 года 6 мѣсяцевъ и 10 дней.

Послѣ царей изъ племени Іуды начинается владычество Персовъ, продолжавшееся 235 лѣтъ.

Послѣ Персидскаго владычества владычество Македонское,—если считать продолжавшимся съ Александра до смерти Антонія,—будетъ обнимать собою 312 лѣтъ и 18 дней.

За тѣмъ слѣдуютъ Римскіе императоры. Съ Августа до смерти Коммода протекло 222 года. Съ окончанія 70-лѣтняго плѣна и возвращенія Іудеевъ въ отечественную землю до новаго ига, которое ихъ постигло въ царствованіе Веспасіана, считаютъ 410 лѣтъ. Наконецъ съ Веспасіана до смерти Коммода 121 годъ 6 мѣсяцевъ 24 дня. Димитрій въ своей «Исторіи іудейскихъ царей» говоритъ, что колѣна Іудино, Веніаминово и Левиино не были Сеннахиримомъ уводимы въ плѣнъ и что съ этого плѣна до послѣдняго, наложеннаго на жителей Іерусалима Навуходоносоромъ, прошло 128 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ; что съ года, въ который 10 племенъ Израильскихъ были отведены въ плѣнъ изъ Самаріи, до царствованія Птоломея IV-го прошло 573 года и 9 мѣсяцевъ, а съ эпохи, когда они отведены были плѣнниками изъ Іерусалима, 338 лѣтъ и 3 мѣсяца. Но самъ Филонъ не согласенъ съ Димитріемъ относительно хронологіи въ исторіи царей іудейскихъ. Кромѣ того и Евполемъ въ своемъ сочиненіи о томъ же предметѣ съ Адама до 50-го года царствованія Птоломея Димитрія, царя Египетскаго и 12-го между Птоломеями, насчитываетъ 5149 лѣтъ, а со времени выведенія Моисеемъ Іудеевъ изъ Египта до того же времени 2580 лѣтъ; съ этой эпохи до консульства въ Римѣ Кая Домиціана и Сабина прошло 120 лѣтъ.

Ефоръ и многіе изъ другихъ историковъ говорятъ, что существуетъ на свѣтѣ 75 націй и 75 нарѣчій. Безъ сомнѣнія имъ извѣстно было написанное Моисеемъ: *И всѣхъ душъ, вышедшихъ вмѣстѣ съ Іаковомъ изъ Египта, было числомъ 75* (Быт. XLVI, 27). Но скорѣе за правду можно принять то, что число первона-

(*) Гегезія; Эвенетъ былъ раньше.

чальныхъ нарѣчій 72, какъ говорятъ намъ наши свящ. Писанія (*). Всѣ другія нарѣчія образуются изъ смѣси первоначальныхъ нарѣчій, двухъ или трехъ или больше. Нарѣчіе есть качество языка, собой характеризующее мѣстность или духъ того или другаго частнаго народа.

Эллины говорятъ, что у нихъ существуетъ пять нарѣчій: Аттическое, Іоническое, Дорическое, Эолическое и пятое общее, а что нарѣчія варваровъ безчисленны и ихъ не называютъ нарѣчіями, а языками. Платонъ говоритъ, что и богамъ свойственно извѣстное нарѣчіе (**). Это предположеніе онъ основываетъ на вниканіи въ сны и въ прорицанія; свидѣтельствуютъ о семъ также и бѣсноватые, которые говорятъ не своимъ голосомъ и не на своемъ нарѣчіи, а голосомъ и нарѣчіемъ демоновъ, тайно вселившихся въ нихъ. Онъ думаетъ даже, что и животныя имѣютъ каждый родъ свое особенное нарѣчіе, понятное лишь индивидуумамъ одного съ ними рода(***). Такимъ образомъ, когда слонъ попадетъ въ болото и испускаетъ крики, то приходитъ какой нибудь другой слонъ и увидавъ случившееся возвращается назадъ и немного погодя приводитъ съ собой цѣлое стадо слоновъ, съ помощью котораго и освобождаетъ завязшаго въ болотѣ. Разсказываютъ, что въ Ливіи, когда скорпіонъ видитъ человѣка, до котораго не можетъ досягнуть своимъ жаломъ, то удаляется, но за тѣмъ возвращается съ другими скорпіонами; они сцѣпляются другъ съ другомъ въ видѣ цѣпи и такимъ образомъ замыселъ ихъ удается. Звѣри не прибѣгаютъ ни къ двусмысленнымъ жестамъ, ни игрой физіономіи не пользуются для того, чтобы выражаться, но языкомъ имъ свойственнымъ. Нѣкоторые изъ натуралистовъ утверждаютъ, что если леса рыбака оборвется въ минуту извлеченія имъ рыбы и если поймманная-было рыба уходитъ, то рыбаку этому во весь тотъ день не выудить на томъ мѣстѣ ни одной рыбы.

Нарѣчія первоначальныя и образующія суть нарѣчія народовъ, которые у Эллиновъ слывутъ подъ именемъ варварскихъ. Въ названіяхъ предметовъ у нихъ обозначается самое существо ихъ, природа (*), почему признано, что молитвы на языкѣ варварскомъ болѣе дѣйствительны, чѣмъ на другихъ языкахъ. Въ „Кратилѣ" Платонъ, желая объяснить этимологію слова πῦρ, говоритъ, что это слово варварское. Онъ свидѣтельствуетъ, что слово это съ нѣкоторымъ незначительнымъ измѣненіемъ употребительно у Фригіянъ.

Теперь же для наилучшаго опредѣленія эпохи, въ которую родился Спаситель, прилично, думаю, будетъ изложить хронологію Римскихъ императоровъ. Августъ царствовалъ 43 года, Тиверій 22, Кай 4, Клавдій 14, Неронъ 14, Гальба 1, Веспасіанъ 10, Титъ 3, Домиціанъ 15, Нерва 1, Траянъ 19, Адріанъ 21 и Антонинъ 21. За тѣмъ царствованіе Марка Аврелія, прозваннаго Антониномъ и Коммода составляютъ вмѣстѣ 32 года. Съ Августа до Коммода прошло 222 года, а съ Адама до смерти Коммода 5784 года 2 мѣсяца 12 дней.

Нѣкоторые историки въ хронологическомъ отношеніи излагаютъ исторію Римскихъ императоровъ такъ. Юлій Цезарь правилъ Рим-

(*) Повидимому разумѣется мѣсто изъ Ев. Лк. III, 23—38, на которомъ и св. Ириней (III, 23) основывалъ свое мнѣніе объ ограниченіи языковъ числомъ 72. Древніе отцы церкви вообще полагали, что число языковъ 70 или 72 и столько же народовъ, столько же надъ ними и ангеловъ—начальниковъ. Объ этомъ числѣ они заключали на основаніи различныхъ мѣстъ свящ. Писанія, напр. на основ. Втор. XXXII, 8. Полагали также, что строителей Вавилонской башни было 72 человѣка и проч.

(**) Это пишетъ уже Гомеръ. Объ особомъ діалектѣ боговъ онъ говоритъ въ Ил. I, 403; II, 813; XIX, 291; XX, 74.

(***) Подобное Цельсъ. См. Оригена contra Cels. IV, 87.

(*) Срав. о семъ Платона въ «Кратилѣ»; у Герод. въ началѣ кн. II, гл. 2; Оригена прот. Цельса I, 24; V, 41; Тертулліана Ad nationes I, 8.

скимъ государствомъ 3 года 4 мѣсяца и 5 дней. Послѣ него царствовалъ Августъ 46 лѣтъ 4 мѣсяца и 1 день; потомъ Тиверій 26 лѣтъ 6 мѣсяцевъ 19 дней; Кай Цезарь 3 года 10 мѣсяцевъ и 8 дней; Клавдій 13 лѣтъ 8 мѣсяцевъ и 28 дней; Неронъ тоже 13 лѣтъ 8 мѣсяцевъ и 28 дней; Гальба 7 мѣсяцевъ и 6 дней; Отонъ 5 мѣсяцевъ и 1 день; Вителлій 7 мѣсяцевъ и 1 день; Веспасіанъ 11 лѣтъ 11 мѣсяцевъ и 22 дня; Титъ 2 года и 2 мѣсяца; Домиціанъ 15 лѣтъ 8 мѣсяцевъ и 5 дней; Нерва 1 годъ 4 мѣсяца и 10 дней; Траянъ 19 лѣтъ 7 мѣсяцевъ и 15 дней; Адріанъ 20 лѣтъ 10 мѣсяцевъ и 28 дней; Антонинъ 22 года 3 мѣсяца и 7 дней; Маркъ Аврелій Антонинъ 19 лѣтъ и 11 дней; Коммодъ 12 лѣтъ 9 мѣсяцевъ и 14 дней. Такимъ образомъ съ Юлія Цезаря до смерти Коммода прошло 236 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ. А съ Ромула, основателя Рима, до смерти Коммода считается вообще 953 года и 6 мѣсяцевъ. Слѣдовательно нашъ Спаситель родился на 28-мъ году правленія Августа, во время производства 1-й переписи. Вѣрность этой цифровой даты доказывается сообщеніемъ Евангелія св. Луки: *На 15-мъ году царствованія Тиверія Цезаря было слово Господне къ Іоанну, сыну Захаріи* (Лк. III, 1). И еще въ томъ же Евангеліи написано: *Когда же Іисусъ пришелъ креститься, Ему исполнился 30-й годъ* (Лк. III, 23). И относительно Его учительства, что оно должно было продолжаться только одинъ годъ (*), и о семъ въ томъ же Евангеліи сказано такъ: *Онъ послалъ Меня въ теченіе одного года проповѣдывать о милосердіи Господа* (Ис. LXI, 2). Таковы слова пророка и Евангелія. Такимъ образомъ 15 лѣтъ жизни Спасителя, падающихъ на царствованіе Августа (*) и другія 15 лѣтъ, падающія на царствованіе Тиверія, составляютъ 30 лѣтъ, протекшихъ до дней Его страданій. Со дня Его смерти до разрушенія Іерусалима считаютъ 42 года и 3 мѣсяца; съ разрушенія Іерусалима до смерти Коммода 128 лѣтъ 10 мѣсяцевъ и 3 дня. Вообще съ рождества Господня до смерти Коммода протекло 194 года 1 мѣсяцъ и 13 дней.

Нѣкоторые изъ историковъ хронологическую точность простираютъ до того, что указываютъ не только годъ, но и день рожденія Спасителя, утверждая, что Онъ родился на 28-мъ году царствованія Августа въ 25-й день мѣсяца Пахона. Послѣдователи Василида также празднуютъ день крещенія Христа Іисуса, проводя ночь предъ этимъ днемъ за чтеніемъ. Они говорятъ, что крещеніе Господа послѣдовало на 15-мъ году царствованія Тиверія Цезаря въ 15-й день мѣсяца Туби. Иные же утверждаютъ, что это случилось въ 11-й день этого мѣсяца.

Нѣкоторые изслѣдователи, тщательно относящіеся даже къ малѣйшимъ подробностямъ страданій нашего Господа, утверждаютъ, что это случилось на 16-мъ году царствованія Тиверія Цезаря, въ 25-й день мѣсяца Фаменоѳа; другіе же въ 25-й день мѣсяца Фармуѳи; еще иные утверждаютъ, что это послѣдовало въ 19-й день мѣсяца Фармуѳи. Нѣкоторые изъ сихъ изслѣдователей говорятъ, что Христосъ Іисусъ и родился 24 или 25 дня мѣсяца Фармуѳи.

Нужно къ нашей хронологической картинѣ прибавить и число дней, по словамъ Даніила протекшихъ съ разрушенія Іерусалима до его окончательнаго паденія и еще 7 лѣтъ 7 мѣсяцевъ, составляющихъ конецъ царствованія Веспасіана. Потому что если сложить первые два года этого царствованія и 17 мѣсяцевъ 8 дней царствованій Гальбы, Отона и Вителлія, то получается 3 года и 6 мѣсяцевъ, составляющихъ *половину* той *седмины*, о которой

(*) Отъ св. Игнатія нашъ писатель въ этомъ случаѣ отдѣляется. Св. Игнатій во 2-мъ посл. пишетъ, что общественное служеніе Спасителя по Евангелію продолжалось 3 года. Но одного мнѣнія съ Климентомъ были многіе изъ древнихъ, напр. Тертулліанъ, Юлій Африканскій, Лактанцій, Августинъ, Оригенъ, авторъ Клементинъ, Валентиніане и друг.

(*) Разумѣются послѣднія 15 лѣтъ царствованія Августа, а не начальныя.

говоритъ пророкъ Даніилъ. А онъ сказалъ, что пройдетъ 2300 дней со времени введенія Нерономъ омерзѣнія во святой городъ до разрушенія этого города. Именно это означается слѣдующими словами Писанія: *На сколько времени простирается это видѣніе объ ежедневной жертвѣ и объ опустошительномъ нечестіи грѣха, достигшаго своей полноты? До коихъ поръ будутъ въ презрѣніи святое святыхъ и его вліяніе? И Онъ сказалъ мнѣ: На 2300 вечеровъ и утръ и тогда святое святыхъ будетъ разрушено* (Дан. VIII, 13). Эти 2300 дней составляютъ 6 лѣтъ и 4 мѣсяца, половина которыхъ относится къ царствованію Нерона и составляетъ *половину седмины* пророка; другая же половина сей седмины объемлется царствованіями Гальбы, Отона и Вителлія и двумя годами царствованія Веспасіана. Вотъ почему Даніилъ говоритъ: *Блаженъ, кто доживетъ до 1335-го дня* (Дан. XII, 12), потому что именно до этого дня продолжалась война и потомъ прекратилась. Это число упоминается и въ другомъ мѣстѣ той же главы, изъ которой мы привели предыдущія слова. Вотъ это мѣсто: *И со времени прекращенія ежедневной жертвы и поставленія мерзости запустѣнія пройдетъ 1290 дней. Блаженъ кто доживетъ до 1335-го дня* (Дан. XII, 11, 12).

Іосифъ Флавій Іудей и авторъ исторіи Іудеевъ представляетъ намъ лѣтосчисленіе, по которому съ Моисея до Давида считается 585 лѣтъ; съ Давида до 2-го года царствованія Веспасіана 1179 лѣтъ; съ этого года до 10-го года царствованія Антонина (Пія) 77 лѣтъ. Такимъ образомъ съ Моисея до 10-го года царствованія Антонина, Іосифъ считаетъ 1933 года. Другіе же съ Инаха и Моисея до смерти Коммода считаютъ 2942 года; еще иные 2821 годъ.

Въ Евангеліи по Матѳею генеалогія Іисуса начинается съ Авраама и кончается Маріей, матерію Господа. *И всѣхъ родовъ*, говоритъ евангелистъ, *съ Авраама до Давида число 14; съ Давида до переселенія въ Вавилонъ тоже 14; и съ переселенія въ Вавилонъ до Христа тоже 14* (Мѳ. I, 17). Въ итогѣ же тремя этими таинственными интервалами обнимается число поколѣній, жившихъ въ теченіе 6 седминъ.

22. О Греческомъ переводѣ Ветхаго Завѣта.

Вотъ различныя лѣтосчисленія, коимъ слѣдуетъ большинство историковъ.

А изъ свящ. Писаній законъ и пророки, говорятъ, были переведены (*) съ языка Еврейскаго на Греческій въ царствованіе Птоломея сына Лагова или, по мнѣнію другихъ, въ царствованіе Птоломея Филадельфа и что Димитрій Фалерейскій величайшее усердіе проявилъ въ этомъ дѣлѣ и доставленіемъ необходимыхъ для того матеріаловъ много ему способствовалъ. Дѣйствительно еще во время Македонскаго владычества надъ Азіей (**), Птоломей Лагъ, желая обогатить основанную имъ въ Александріи библіотеку всякаго рода сочиненіями, указалъ, чтобы и Іерусалимляне перевели на Эллинскій языкъ писанія своихъ пророковъ; и они, будучи тогда подвластны Македонянамъ, выбрали изъ среды себя 70 старцевъ, свѣдущихъ въ пониманіи Писанія и знающихъ Греческій языкъ и послали ихъ съ священными книгами къ Птоломею. И послѣ того, какъ каждый изъ этихъ старцевъ порознь перевелъ всѣ священныя книги, всѣ 70 стали свои переводы сравнивать и нашли ихъ между собою согласными и по мыслямъ и по выраженіямъ. Устроено же было это дѣло волею Божіею для ознакомленія Эллиновъ со свящ. Писаніями. И ничего нѣтъ удивительнаго въ ниспосланіи на это дѣло Божественнаго вдохновенія,—что пророки Еврейскіе по вдохновенію Божію сдѣлались такъ сказать Эллинскими пророками. Развѣ не было того же самаго и прежде, когда Писанія,—погибшія во время плѣна Іудеевъ Навуходоносоромъ,—Ездрою, левитомъ и священникомъ,

(*) Въ этомъ своемъ повѣствованіи о переводѣ Семидесяти нашъ писатель съ очевидностью слѣдовалъ св. Иринею (Ш, 25).

(**) Съ немногими измѣненіями заимствовано сіе повидимому изъ книги Аристовула, посвященной Птоломею Филометору.

по вдохновенію Божію, въ царствованіе Артаксеркса, царя Персидскаго, вновь были написаны?

Аристовулъ въ 1-й книгѣ своего сочиненія, посвященнаго Птоломею Филометору, пишетъ: „Усвоилъ начала нашего законодательства и Платонъ; и очевидно, что онъ тщательнѣйшимъ образомъ вникалъ во все его подробности. Прежде же Димитрія Фалерейскаго, еще до наступленія владычества Александра и Персовъ, другой переводчикъ перевелъ изъ нашихъ писаній отрывки, напр. повѣствованіе объ исходѣ Евреевъ изъ Египта, о всѣхъ замѣчательныхъ событіяхъ, которыхъ наши предки были очевидцами или виновниками, о завоеваніи земли обѣтованной, изложеніе всего нашего законодательства. Вообще достовѣрно, что Платонъ многимъ заимствовался изъ сего источника, ибо онъ былъ очень ученъ. Равнымъ образомъ и Пиѳагоръ внесъ въ свою философію многія положенія изъ нашихъ книгъ“. Итакъ вотъ почему Нуменій, пиѳагорейскій философъ, говоритъ: „Что такое Платонъ какъ не Аѳинскій Моисей“. А этотъ еврейскій Моисей (*) былъ богословомъ и пророкомъ, по мнѣнію же другихъ только истолкователемъ священныхъ законоположеній. А о родѣ его, дѣлахъ и жизни повѣствуютъ сами эти свящ. Писанія; и все то вѣры достойно и должно быть изложено и нами.

23. О времени рожденія Моисея, его происхожденіи и жизни.

Моисей родомъ былъ халдей, но родился въ Египтѣ, потому что предки его, избѣгая голода, уже долгое время тяготѣвшаго надъ Вавилономъ, покинули этотъ городъ и переселились въ Египетъ. Происходилъ онъ отъ Іакова въ 7-мъ поколѣніи, воспитанъ былъ по царски и обстоятельства его жизни были таковы. Когда число Евреевъ въ Египтѣ увеличилось и они стали представлять собою значительную часть его народонаселенія, царь страны сталъ опасаться возможности возмущенія со стороны этихъ народныхъ массъ и боясь особенно отважнаго юношества приказалъ изъ дѣтей, рождающихся у Евреевъ, воспитывать только дѣвочекъ,—потому что женщина неспособна къ войнѣ,—мальчиковъ же убивать. Но такъ какъ родители Моисея не чувствовали себя рабами, а въ сынѣ своемъ видѣли человѣка въ благородномъ и свободномъ состояніи рожденнаго, то, пренебрегая жестокостью тиранна, тайно питали его въ теченіе трехъ мѣсяцевъ (Евр. XI, 23): естественная родительская любовь была въ нихъ сильнѣе страха предъ тиранномъ. Потомъ же, поопасившись погибнуть вмѣстѣ съ сыномъ, они сплели изъ папируса, мѣстнаго кустарника, корзинку, положили туда ребенка и поставили ее въ камышъ въ болотистой прибрежной мѣстности рѣки. Сестра же ребенка, невдалекѣ стоя, наблюдала, что будетъ происходить дальше. Пришла за тѣмъ на рѣку въ этотъ день купаться дочь царя, уже давно бывшая безплодною и желавшая имѣть ребенка. Услышавъ крикъ ребенка, она велѣла принесть его къ себѣ и тронутая состраданіемъ приказала найти для него кормилицу. Тогда подбѣжала сестра ребенка и сказала, что она знаетъ одну еврейскую женщину, недавно родившую и вызвалась отыскать ее, если дочь царя того желаетъ. По согласію и просьбѣ этой послѣдней сестра дитяти привела къ царевнѣ въ кормилицы за условленную плату мать ребенка, какъ еслибъ это была женщина ему совершенно чужая. Потомъ царевна въ память спасенія ребенка изъ воды назвала его Моисеемъ, ибо μωϋ по египетски означаетъ воду (*), будучи опущенъ въ которую, предполагалось, онъ долженъ былъ погибнуть. Моисеемъ потому называютъ поегипетски того, кто изъ воды поднятъ (вышелъ, выбрался, освободился). И

(*) Послѣдующее представляетъ собою сокращеніе 1-й части 1-й книги Филона «De vita Moysis». Св. Іустинъ въ «Увѣщаніи къ Эллинамъ» излагаетъ вкороткѣ жизнь Моисея по тому же источнику.

(*) *Ма* или *мо* поегипетски вода, а *уше* спасать.

ясно, что родителями Моисея при обрѣзаніи его, еще прежде опущенія въ воду, дано было ему другое имя; онъ названъ былъ тогда Іоакимомъ. На небѣ же, послѣ своего вознесенія, какъ говорятъ посвященные въ мистеріи, онъ получилъ третье имя Мелхи́ (*). По достиженіи Моисеемъ возраста, способнаго къ занятіямъ, приставили къ нему учителей самыхъ знаменитыхъ между египетскими и онъ учился у нихъ ариѳметикѣ, геометріи, астрономіи, наукѣ ритма и гармоніи, медицинѣ и музыкѣ; кромѣ того мудрости, символически представляемой іероглифами. Курсъ остальныхъ наукъ онъ проходилъ подъ руководствомъ проживавшихъ въ Египтѣ эллинскихъ учителей, какъ утверждаетъ это Филонъ въ «Жизни Моисея». Кромѣ того онъ изучалъ подъ руководствомъ египетскихъ учителей египетскую литературу, а халдейскіе учителя наставляли его въ наукѣ о свѣтилахъ небесныхъ. Посему-то въ «Дѣяніяхъ Апостольскихъ» и говорится о немъ: *И наученъ былъ онъ всей премудрости Египетской* (VII, 22). Евполемъ же въ своемъ сочиненіи «О царяхъ іудейскихъ» говоритъ,

(*) Между тѣмъ какъ сначала сей главы, но и далѣе, нашъ писатель въ изложеніи своего предмета слѣдуетъ Филону, въ настоящемъ своемъ мнѣніи онъ присоединяется къ раввинамъ. Повѣствованіе Втор. XXXIV, 5, 6 о смерти Моисея и погребеніи его въ нѣкоторомъ сокровенномъ мѣстѣ еврейскіе толковники издревле и постоянно понимали о вознесеніи Моисея или преображеніи тѣла его непосредственно по смерти въ состояніе тѣлъ Эноха и Иліи, взятыхъ на небо безъ допущенія ихъ до смерти тѣлесной, живыми. Въ Новомъ Завѣтѣ есть прямыя основанія для принятія сего мнѣнія, напр. мѣста изъ Ев. Мѳ. XVII, 3; Мк. IX, 4; Лк. IX, 30. Споромъ же Михаила Архангела съ діаволомъ, о чемъ свидѣтельствуется въ посл. св. Іуды (ст. 9), былъ споръ конечно о преданіи тѣла Моисеева тлѣнію; діаволъ прямо называется (Евр. II, 14) *имѣющимъ державу смерти*. Обстоятельно сей предметъ именно въ данномъ смыслѣ раскрытъ профессоромъ Куртцемъ въ его «Библейской исторіи».

что Моисей былъ первымъ ученымъ своего времени и что «онъ первый познакомилъ Іудеевъ съ искуствомъ письма, что отъ Іудеевъ это искуство заимствовали Финикіяне, а отъ Финикіянъ Эллины» (*).

Но съ усвоеніемъ египетскаго любомудрія Моисей развивалъ и укрѣплялъ въ себѣ и правила, имъ унаслѣдованныя отъ предковъ и изъ отечественнаго преданія. И столь усердно онъ былъ преданъ этимъ послѣднимъ, что ударивъ убилъ разъ египтянина, не въ правѣ ожесточившагося противъ еврея. Посвященные же въ мистеріи утверждаютъ, что онъ только словомъ убилъ египтянина, подобно тому какъ Петръ убилъ словомъ оставившихъ себѣ несправедливо часть цѣны за поле и солгавшихъ(**). Артапанъ въ своемъ сочиненіи „объ Іудеяхъ" разсказываетъ, что «когда Моисей, по приказанію Нехефрея (Хенефры), царя Египетскаго, за постоянное требованіе для Еврейскаго народа свободы и права оставить страну, былъ посаженъ въ тюрьму, то ночью по волѣ Божіей двери темницы отворились сами собою. По выходѣ изъ темницы Моисей пошелъ во дворецъ, проникъ до самой постели спавшаго царя и разбудилъ его. Удивленный случившимся царь сталъ спрашивать Моисея объ имени Бога, которымъ онъ посланъ; Моисей наклонясь сказалъ царю это имя на ухо; услышавъ же оное царь палъ замертво; но Моисей поднялъ его и возвратилъ

(*) Евполемъ жилъ лѣтъ за полтораста до Р. Хр. Его мнѣніе объ изобрѣтателѣ звуковаго алфавита передаетъ Евсевій, Praep. ev. IX, 26. Изъ новѣйшихъ изслѣдователей Моисея считаетъ изобрѣтателемъ буквеннаго письма Карлъ Фаульманнъ, авторитетъ не послѣдній. См. его «Untersuchungen über die Entstehung der Buchstabenschrift und die Person des Erfinders». 1876. Вѣна. Его «Исторія буквъ» каждому образованному человѣку извѣстна. Изъ французскихъ археологовъ вообще многіе держатся мнѣнія, что Моисей былъ изобрѣтателемъ буквъ.

(**) Намекъ на исторію съ Ананіей и Сапфирой въ Дѣян. V, 1.

къ жизни». Езекіиль, авторъ іудейскихъ трагедій (*), повѣствуетъ о воспитаніи Моисея согласно съ нами. Въ драмѣ, озаглавленной „Исходъ Евреевъ изъ Египта", онъ отъ лица Моисея пишетъ объ его воспитаніи слѣдующее:

«Видя нашъ народъ со дня на день все болѣе и больше размножающимся,
Царь фараонъ сталъ предпринимать противъ насъ множество коварныхъ мѣръ.
Сначала сталъ онъ удручать насъ тяжелыми работами.
То кирпичи должны мы были дѣлать, то зданія строить,
То города окружать стѣнами и башнями,
При чемъ было позволено съ нами дурное обращеніе.
Несчастные! Но таковы были наши обязанности.
Потомъ приказалъ онъ рождающихся отъ насъ мальчиковъ
Бросать въ глубокія воды рѣки.
Мать моя, какъ она мнѣ это часто говорила,
По рожденіи въ теченіе трехъ мѣсяцевъ меня скрывала;
Не въ состояніи же будучи таить,
Она задумала тайно спасти меня.
Надѣвъ на меня красивѣйшія изъ моихъ дѣтскихъ пеленокъ,
Она положила меня на возвышенномъ берегу рѣки,
Въ мѣстѣ поросшемъ кустарникомъ и камышомъ.
Между тѣмъ Маріамь, сестра моя, скрывшись недалеко, наблюдала все.
И вотъ дочь царя(**) въ сопровожденіи своихъ почетныхъ спутницъ
Пришла на рѣку купаться.
Тотчасъ она увидѣла меня, взять приказала и принесть къ ней.
И тотчасъ узнала она, что я ребенокъ еврейскій.
Маріамь же, сестра моя,
Подбѣжала къ царевнѣ и сказала:
«Хочешь, чтобъ сейчасъ же отыскала я для сего ребенка кормилку изъ еврeекъ»?
Царевна въ знакъ согласія кивнула головою.
Моя сестра побѣжала къ матери и разсказала все случившееся.
Тотчасъ пришла сама мать моя и взяла меня на руки.
Тогда царевна сказала: «Ты, любезная,
Его выкорми, а я заплачу тебѣ».
И въ память того, что нашла меня
На берегу рѣки, она назвала меня Моисеемъ.
Когда дни моего дѣтства прошли для меня,
Моя мать повела меня во дворецъ царевны,
Предварительно все разсказавъ мнѣ по частямъ и въ цѣломъ
О родѣ отцовъ моихъ и о Божественныхъ намъ благодѣяніяхъ.
И постоянно, доколѣ былъ я въ юности,
Давали мнѣ пищу и воспитаніе царскія,
Какъ еслибъ былъ я царской крови.
Но когда въ теченіе цѣлой массы дней достигъ я возраста,
Я вышелъ изъ дворца....

Потомъ, разсказавъ о дракѣ еврея съ египтяниномъ и о погребеніи послѣдняго въ пескѣ, Езекіиль о другой подобной же ссорѣ говоритъ такъ:

«За чѣмъ того ты бьешь, кто тебя слабѣе»?
И онъ мнѣ отвѣчалъ: «Кто тебя поставилъ судіей надъ нами
Или княземъ здѣсь? Не хочешь ли и меня такъ же убить,
Какъ вчера убилъ человѣка»? И испугавшись сказалъ я:
«Какъ? Это сдѣлалось уже извѣстно»?

Вотъ почему Моисей бѣжалъ изъ Египта и сдѣлался пастухомъ стадъ, приготовляясь такимъ образомъ къ несенію верховной власти надъ народомъ. Для того, кто со временемъ долженъ пасти будетъ стадо ручныхъ людей, пасенье стадъ скота служитъ нѣкотораго рода приготовительною школой къ исполненію царскихъ обязанностей, подобно тому какъ охота учитъ воиновъ искуству военному.

И потомъ Богъ отъ пастушескихъ занятій поставляетъ Моисея во главѣ Евреевъ. Затѣмъ начинается вразумленіе Египтянъ, послѣ того какъ неоднократно свидѣтельствовали они о своемъ недальновидномъ невѣріи. Евреи же, будучи очевидцами бѣдствій, испытанныхъ дру-

(*) Езекіиль, іудей, жившій въ Александріи при дворѣ Птоломеевъ во 2-мъ вѣкѣ до Р. Хр., писалъ на греч. языкѣ драмы, сюжеты для коихъ заимствовалъ изъ исторіи Евреевъ; къ сожалѣнію онѣ погибли для потомства. Только и извѣстно изъ Климента и Евсевія приводимое здѣсь извлеченіе изъ его стихотворенія «Исходъ Евреевъ изъ Египта».

(**) Евсевій Praep. ev. IX, 4 изъ Артапана называетъ ее Пальманоѳисъ.

гими, узнали всю полноту Божія всемогущества. И такъ какъ Египтяне въ своемъ безуміи отказались повѣрить словамъ Моисея и проявленіямъ Божія всемогущества, то и были по пословицѣ «наказаны какъ неразумные» (*).

Евреи наконецъ вышли изъ Египта, унеся съ собой великую добычу. Но они взяли у Египтянъ ихъ вещи не изъ жадности, какъ говорятъ ихъ клеветники, потому что Богъ имъ заповѣдалъ не желать чужаго, но вопервыхъ въ качествѣ платы за службу Египтянамъ въ теченіе столь продолжительнаго времени и за вынужденныя рабскія работы; потомъ нѣкоторымъ образомъ въ качествѣ возмездія Египтянамъ, бывшимъ столь жадными до денегъ, за горькую жизнь, которую они заставили вести Евреевъ въ Египтѣ и которую отравили порабощеніемъ; вынесеніемъ добычи изъ Египта Евреи такъ же огорчили Египтянъ, какъ они ихъ огорчали. За тѣмъ быть можетъ Евреи поступили такъ и по праву военному; захвативъ собственность враговъ они воспользовались лишь правомъ побѣдителя; это было право сильнаго надъ болѣе слабымъ. Поводъ же къ войнѣ былъ законенъ. Евреи пришли въ Египетъ со смиренною просьбою о принятіи, спасаясь отъ голода; Египтяне же поработили своихъ гостей, заставляя ихъ исполнять работы рабскія, принуждая служить даже и безъ вознагражденія. Быть можетъ Евреи дѣйствовали такъ и по праву мирному: унося добычу изъ Египта они нѣкоторымъ образомъ сами себя тѣмъ вознаграждали, чѣмъ господа давнымъ давно должны были имъ отплатить, вмѣсто же того Египтяне лишь однѣ выгоды извлекали изъ Евреевъ.

(*) Намекъ на изреченіе Гезіода въ его поэмѣ «Дѣла и дни», A. 216: «А кой чего попробовавши и глупецъ становится поумнѣе». Но подобное и у Филона: «А глупцы, не внимающіе резонамъ, наказываемы бываютъ кучей колотушекъ»; и еще: «На манеръ какъ вразумляемы бываютъ неразумные дѣти и они испытанными бѣдствіями были наконецъ вразумлены».

24. Объ образѣ исполненія Моисеемъ обязанностей вождя Евреевъ и предшествіи его своимъ примѣромъ другимъ въ исполненіи ихъ обязанностей.

Пророкомъ, законодателемъ, руководителемъ и устроителемъ, великимъ вождемъ, искуснымъ политикомъ и въ дополненіе къ сему еще философомъ (человѣкомъ добродѣтельнымъ), вотъ чѣмъ впослѣдствіи сталъ нашъ Моисей (*).

Какимъ образомъ онъ сдѣлался пророкомъ, объ этомъ будетъ сказано впослѣдствіи, когда мы будемъ говорить о пророчествѣ; а что касается остальнаго, то искуство руководства и упорядоченія входитъ какъ часть въ науку предводительства; умѣнье же предводительствовать войскомъ есть часть науки правительственной; точно такъ же какъ и законодательство, равно какъ и судебная функція суть части науки управленія. Существуетъ четыре способа управлять людьми. Первый—Божескій, согласный съ волею Божіей и святостію Его Сына, отъ которыхъ исходятъ не только блага земныя и внѣшнія, но и всякое совершенное благополучіе: «Просите, говорится, вещей великихъ, тогда и малыя вамъ приданы будутъ» (**). Вто-

(*) Изображеніе согласное съ Филоновымъ въ его «De vita Moysis».

(**) Намекъ на изреченіе Спасителя, Мѳ. VI, 33. Буквально такого изреченія нигдѣ не приводятъ евангелисты. Но его съ добавкой цитуетъ Оригенъ въ своемъ твореніи «О молитвѣ» гл. 2: «Просите о важномъ (о великомъ), тогда будетъ вамъ дано и менѣе важное; просите о небесномъ, и земное вамъ дано будетъ тогда». На это же изреченіе Оригенъ намекаетъ и въ своемъ твореніи «противъ Цельса», VII, 44, гдѣ онъ о христіанинѣ пишетъ слѣдующее: «Молитвы же къ Богу возсылаетъ не о вещахъ ничтожныхъ и пошлыхъ, ибо онъ наученъ отъ Іисуса просить не о пустякахъ, т. е. вещахъ матеріальныхъ, а о великихъ и Бога по истинѣ достойныхъ и Имъ подаваемыхъ для достиженія блаженства у Него чрезъ посредство Бога Слова (Логоса), Его Сына». Этимъ мыслямъ соотвѣтствуетъ лишь изреченіе Спасителя Мѳ. VI, 33. Въ Стром. IV, 6 нашъ писатель приводитъ это изреченіе Спасителя съ та-

рой послѣ единственно-разумнаго и Божескаго способа управленія людьми есть тотъ, который исходнымъ началомъ своимъ и движущей силой имѣетъ только страстную и пожелательную сторону души, питаемую властію. Таковъ былъ способъ управленія Геркулеса, царя Аргивскаго и Александра царя Македонскаго Третій есть тотъ, который единственнымъ своимъ началомъ имѣетъ желаніе побѣждать и разрушать; на пользованіе же побѣдой въ дурную или въ добрую сторону не обращаетъ онъ никакого вниманія. Такъ именно вели себя цари Персидскіе въ войнѣ, ими поведенной противъ Эллады. Пожелательныя же движенія души двоякаго рода. По силѣ однихъ человѣкъ желаетъ одерживать верхъ во что бы то ни стало и хочетъ властвовать только изъ властолюбія. По силѣ другихъ человѣкъ имѣетъ склонность къ дѣламъ добрымъ и честнымъ, и ретивость такихъ людей обращена на достиженіе результатовъ достохвальныхъ. Для четвертаго способа управленія, изъ всѣхъ наихудшаго, служатъ правиломъ и руководствомъ только страсти. Таковъ былъ образъ управленія Сарданапала; но и понынѣ онъ остается въ силѣ у тѣхъ, кои единственной цѣлью при семъ поставляютъ удовлетвореніе своихъ пожеланій. Искуство властвовать какъ въ томъ случаѣ, если оно полагаетъ свой тріумфъ въ добродѣтели, такъ и въ томъ, когда оно практикуетъ насиліе, состоитъ въ руководствѣ и упорядоченіи, и искуство это разнообразно смотря по разнообразію своего предмета. Руководителями же и упорядочивателями при семъ состоятъ душа и умъ, съ помощью орудій одушевленныхъ и неодушевленныхъ приспособляющіе къ войнѣ оружіе и животныхъ. Движенія же душевныя, тревоги внутреннія, коими мы лишь при добродѣтели управлять можемъ, они разумомъ упорядочиваются, воздержанію и умѣренности указывающимъ правило въ святости и познаніи истины и возглавливающимъ все въ благочестіи и почитаніи Бога. И дѣйствительно. У людей, практикующихъ добродѣтель, всѣмъ управляетъ благоразуміе, по отношенію къ дѣламъ Божественнымъ мудрость, по отношенію къ дѣламъ человѣческимъ политика, а по отношенію къ дѣламъ Божественнымъ, поколику они связаны съ человѣческими, искуство управлять. Царемъ слѣдовательно состоитъ лишь тотъ, кто управляетъ по законамъ, а произвольныя желанія умѣетъ сдерживать. Таковъ Господь, принимающій въ свое царство всѣхъ въ Него и чрезъ Него вѣрующихъ. Потому что Богъ *(Отецъ) все передалъ* (Лк. X, 22) и *все подчинилъ* Христу (1 Кор. XV, 27), нашему Царю, *дабы предъ именемъ Іисуса всякое колѣно на небѣ, на землѣ и въ аду преклонилось и чтобы всякій языкъ признавалъ, что Господь Іисусъ Христосъ есть слава Бога Отца* (Фил. II, 10, 11).

Искуство же управленія войскомъ практикуется тремя способами: обнаруженіемъ осторожности, обнаруженіемъ храбрости и соединеніемъ храбрости съ осторожностью. И каждое изъ этихъ качествъ слагается опять тоже изъ трехъ: изъ слова, изъ дѣла и изъ слова въ соединеніи съ дѣломъ. И позволительно прибѣгать при пользованіи тремя этими различными функціями власти какъ убѣжденіемъ такъ и силой и хитростью, если приходится мстить за несправедливость или останавливать насиліе. Эти же самыя функціи власти равнымъ образомъ надѣляютъ ее правомъ и въ дѣйствіяхъ наблюдать или справедливость или притворство или открытое заявленіе правды или же совмѣстное пользованіе въ одно и тоже время нѣкоторыми изъ этихъ средствъ. Эллины, заимствовавъ отъ Моисея познаніе о всемъ этомъ, а также и примѣненіе каждаго изъ сихъ средствъ управленія, извлекли изъ того большія выгоды. Въ доказательство я разскажу два или три примѣра изъ стратегіи.

Когда Моисей вывелъ Евреевъ изъ Египта, то подозрѣвая, что Египтяне будутъ его преслѣдовать, покинулъ путь кратчайшій и лег-

---

кимъ объясненіемъ: «Просите первѣе всего царства небеснаго и правды его, ибо это дѣло великое. Менѣе же важное и къ жизни тѣлесной относящееся вамъ придано будетъ».

чайшій и направился къ пустынѣ, идя всего чаще ночью. Но поступая такъ онъ имѣлъ и другое намѣреніе, а именно: во время этого длиннаго перехода по обширной пустынѣ научить Евреевъ вѣрить въ единаго Бога, пріучить ихъ къ благоразумному терпѣнію. Военная тактика Моисея учитъ насъ подвергаться опасностямъ только тогда, когда мы уже имѣемъ въ своемъ распоряженіи средства для преодолѣнія ихъ. И что Моисей предвидѣлъ, то и случилось. Египтяне преслѣдовали Евреевъ верхомъ и на колесницахъ, но скоро всѣ были истреблены. Разверзшееся море поглотило ихъ съ колесницами и конями безъ остатковъ.

Послѣ же сего, благодаря огненному столпу, который ночью двигаясь предъ дѣтьми Израиля служилъ имъ путеводителемъ. Моисей провелъ ихъ по неудобной странѣ, и трудами и переходами пріучилъ ихъ къ мужеству и терпѣнію, чтобы послѣ выдержанныхъ испытаній, казавшихся имъ нестерпимыми, лучше могли они цѣнить богатства и преимущества страны, въ которую онъ велъ ихъ среди тысячи испытаній.

Кромѣ того онъ обращалъ въ бѣгство и истребилъ враговъ, которые занимали ту страну ранѣе, выходя на нихъ пустынными и трудными дорогами и нападая на нихъ врасплохъ. Въ этомъ именно и состоитъ искуство предводительства, и завладѣть такимъ образомъ непріятельской землей есть доказательство опытности и военныхъ талантовъ.

Мильтіадъ, полководецъ Аѳинскій и побѣдитель Персовъ при Мараѳонѣ, тактикѣ Моисея подражалъ слѣдующимъ образомъ. Онъ велъ Аѳинянъ ночью по безвѣстнымъ дорогамъ и обманулъ тѣмъ ждавшихъ его Персовъ; потому что Гиппій, бѣжавшій изъ Аѳинъ и перешедшій на сторону Персовъ, повелъ варваровъ въ Аттику, зная же страну онъ занялъ мѣстности самыя удобныя. И такъ какъ его трудно было захватить врасплохъ, то Мильтіадъ, будучи полководцемъ искуснымъ, выбралъ дороги трудныя, ночью напалъ на Персовъ, которыми командовалъ Датисъ, и одержалъ побѣду.

Но и Ѳразибулу, ведшему съ собою Аѳинянъ изъ изгнанія и желавшему скрыть свой походъ, слѣдовавшему ночью по дорогамъ непроложеннымъ, подъ небомъ безлуннымъ и покрытымъ тучами, путеводителемъ, подвигаясь впередъ, служилъ огненный столпъ; онъ довелъ Ѳрасибула и его товарищей невредимыми до Мунихіи, потомъ покинулъ ихъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ возвышается теперь алтарь Фосфора (Люцифера). Это преданіе, заимствованное изъ лѣтописей Эллиновъ, пусть научитъ ихъ уважать и наши лѣтописи и понудитъ ихъ тому вѣрить, что для всемогущаго Бога возможно было предшествіе сынамъ Израиля ночью столпомъ огненнымъ и указаніе имъ пути чрезъ оный.

Въ одномъ стихотворномъ предсказаніи подобнымъ же образомъ сказано на основаніи еврейскихъ книгъ:

> Діонисъ (Вакхъ) есть столпъ для Ѳивянъ.

Кромѣ того и Еврипидъ говоритъ въ Антіопѣ:

> Въ брачной же комнатѣ стоитъ статуя,
> Представляющая Вакха въ видѣ пастуха, увѣнчаннаго плющомъ.

Столпъ указываетъ на неизобразимость Бога, а столпъ свѣтящійся кромѣ указанія на невозможность представить Его себѣ въ какомъ либо образѣ указываетъ также на вѣчное бытіе Божіе и на неугасимый свѣтъ Божественный, ни подъ какою формою который не можетъ быть представленъ. Вотъ почему прежде изобрѣтенія скульптуры и ея усовершенствованія древніе люди воздвигали столпы и покланялись имъ какъ кумирамъ Бога. Вотъ почему и авторъ Форонеиды говоритъ:

> Каллиѳоя ключи носитъ, символъ того что она царица Олимпа.
> Она же первая украсила цвѣтами и лентами
> Высокую колонну Геры Аргивской.

Но и авторъ поэмы «Европа» (Евмелъ) разсказываетъ, что статуя Аполлона, стоящая въ Дельфахъ, есть не что иное какъ колонна. Вотъ его слова:

> ....Чтобы мы повѣсили въ даръ богу на двери его храма и на высокую колонну
> Начатки плодовъ и десятую часть ихъ.

Аполлономъ же въ смыслѣ таинственномъ названъ единый Богъ, ибо α въ этомъ имени равно отрицанію, а πόλλων значитъ множество, а истинный Богъ именно не состоитъ изъ частей (*). Наконецъ этотъ огонь, походившій на колонну и проникавшій въ мѣста неприступныя, есть символъ священнаго свѣта, поднимающаго (насъ) съ земли и возносящаго на небо; соединенъ же свѣтъ сей (вмѣсто древняго столпа) со столпомъ древа крестнаго, благодаря которому намъ дарована возможность зрѣть на все очами разума.

25. Какимъ образомъ Платонъ въ своемъ сочиненіи «О законахъ» вдохновлялся Моисеемъ?

А Платонъ философъ, заимствуя свои законодательные принципы изъ писаній Моисея, осуждаетъ Миноса и Ликурга за то, что они своими политическими учрежденіями имѣли въ виду развитіе одного только воинскаго мужества. Напротивъ онъ хвалитъ какъ достопочтеннѣйшія и полезнѣйшія тѣ изъ учрежденій, которыя исходнымъ пунктомъ имѣютъ какое нибудь одно и единственное начало и которыми имѣется въ виду достигать одной и единственной цѣли (**). Онъ говоритъ, что самое вѣрное средство для усиленія себя, для возвеличенія и для проникновенія разумностью, это обращеніе взора на созерцаніе величественнаго вида неба, настойчивость неизмѣнная и безъ колебаній на однихъ и тѣхъ же чувствахъ относительно однихъ и тѣхъ же предметовъ. Посему когда Платонъ совѣтуетъ намъ поднимать взоры къ единому Богу и наблюдать въ жизни справедливость, то оказывается онъ какъ бы истолкователемъ (Моисеева) закона. По ученію этого философа политическая наука раздѣляется на два рода, одна называется судебной, за другой онъ оставляетъ названіе политической. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, называемомъ «Политикъ», онъ ясно даетъ понять, что истиннымъ «Политикомъ» состоитъ лишь Творецъ всѣхъ вещей. Онъ распространяетъ это названіе и на тѣхъ, которые подъемлютъ свои взоры къ Богу, ведутъ жизнь дѣятельную, поступаютъ справедливо, смотрятъ на вещи съ высшей точки зрѣнія, созерцательной. Что же касается до политики законодательной, то онъ точно такъ же раздѣляетъ ее на двѣ составныхъ части: на ту, въ которой имѣются въ виду правители, обязанные заботиться о посредникахъ своего управленія и на ту, въ которой рѣчь идетъ объ ихъ подчиненныхъ, обязанныхъ повиноваться своимъ правителямъ. По мнѣнію Платона добрые нравы, равновѣсіе, гармонія могутъ существовать только тогда, когда правители сходятся съ управляемыми и когда у-

(*) Этимологія заимствованная у Плутарха.

(**) Писатель нашъ повидимому не совсѣмъ правильно передаетъ мысль Платона, будто онъ хвалитъ законодателей, исходящихъ въ своемъ законодательствѣ изъ одного какого нибудь начала и къ нему все направляющихъ. Въ кн. 1-й De legibus Платонъ говоритъ: «Думаемъ, что какъ у насъ, такъ и у Лакедемонянъ, гдѣ Ликургъ и Миносъ постоянно имѣли въ виду войну, законы слѣдуетъ соблюдать». Но онъ прибавляетъ, что кромѣ искуства военнаго законодатель заботиться долженъ о многомъ и другомъ, а именно о развитіи въ гражданахъ любомудрія, умѣренности, справедливости и тому подобнаго; и потому онъ порицаетъ законодателей одностороннихъ, многимъ пренебрегающихъ. Посему тотчасъ же при началѣ кн. 4-й De legibus онъ и говоритъ: «Охрани меня, мужъ почтеннѣйшій, именно отъ того, что вначалѣ о Критскихъ законахъ сказано. О нихъ вы говорите, что они у васъ односторонни, а именно только о войнѣ хлопочутъ. Такъ какъ они изданы съ цѣлію возбужденія добродѣтели мужества, то я назвалъ ихъ изданными съ доброю цѣлію; но поелику они не совокупность добродѣтелей имѣютъ въ виду, а только одну частную добродѣтель, то именно за это я не очень-то одобряю ихъ». — Мы ввели въ это примѣчаніе Миня въ началѣ словечко «повидимому». Климентъ исходилъ не изъ приведенныхъ мѣстъ Платона, но очевидно изъ общаго духа Платоновой философіи, идеализма; и съ нашимъ писателемъ конечно всякій согласится, что Платону въ этомъ отношеніи «единое нѣчто предносилось».

правляемые повинуются правителямъ. Но это цѣль, которая преслѣдуется и писаніями Моисея Вдохновляясь этими писаніями Платонъ прибавляетъ: «Законодательной политикой создается общество; другаго рода политика въ него вводитъ любовь и согласіе». Вотъ почему къ своему творенію „О законахъ“ онъ присоединяетъ «Епиномида», разговоръ, гдѣ онъ выводитъ на сцену философа, понимающаго теченіе всѣхъ вещей, здѣсь на землѣ происходящихъ подъ вліяніемъ планетъ. Вотъ почему и къ своей «Республикѣ» онъ прибавляетъ „Тимея“, діалогъ, гдѣ онъ выводитъ на сцену другаго философа (Пиѳагорейскаго), такъ называемаго астронома, углубленнаго въ науку о свѣтилахъ небесныхъ и ихъ обращеніе, въ пониманіе ихъ симпатическихъ между собою отношеній и законовъ другъ съ другомъ ихъ соединяющихъ (*). Платонъ продолжаетъ: «По моему мнѣнію созерцательный образъ мыслей вѣнчать собой долженъ дѣло не только политика, но онъ долженъ считаться совершенствомъ и для человѣка, живущаго согласно съ требованіями закона. Необходимо управлять государствомъ правомѣрно и честно, но самое лучшее быть человѣкомъ добродѣтельнымъ (философомъ)». Человѣкъ умный живетъ такъ, что всѣ свои силы устремляетъ на пріобрѣтеніе знаній, поставляя дѣла добрыя и отлично-прекрасныя руководительнымъ правиломъ своей жизни, съ презрѣніемъ отвергая дѣла дурныя и обогащая себя пріобрѣтеніемъ знаній, ведущихъ къ постиженію ученія истиннаго (христіанства). Повелѣваемое закономъ не есть еще законъ, точно такъ же какъ и видимое нами не есть еще зрѣніе. Равнымъ образомъ и не всякое мнѣніе есть уже и законъ; несомнѣнно, нельзя назвать именемъ закона заблужденіе; правило внутренно-содержательное и практически-полезное, вотъ законъ. Но законъ своей природѣ соотвѣтствуетъ и

(*) Въ изданіяхъ твореній Платона діалоги эти и понынѣ такъ располагаются: Тимей за De republica, а Епиномидъ за De legibus; такъ напр. они расположены въ Парижскомъ изданіи Гиршигія.

полезенъ, если онъ правдивъ; правдивый же законъ открываетъ и постигаетъ дѣйствительно существующее. «*Послалъ меня Тотъ, Который существуетъ*», сказалъ Моисей (Исх. III, 13). Согласно съ симъ опредѣленіемъ закона,—ясно что дѣльнымъ,—нѣкоторые изъ философовъ(*) характеризовали законъ такъ, что это де есть повелѣвающая, что слѣдуетъ дѣлать, справедливая сила, запрещающая же то, чего не нужно дѣлать.

26. Моисей по справедливости называется законодателемъ Божественнымъ, хотя и нисшимъ чѣмъ Христосъ, однакоже высшимъ чѣмъ греческіе законодатели Миносъ и Ликургъ.

Такимъ образомъ вполнѣ справедливо сказано, что *законъ чрезъ Моисея данъ* (Іоан. I, 17) въ образецъ правды для стремящихся къ ней и въ зеркало для неправыхъ. И вполнѣ правильно законъ сей, данный чрезъ Моисея самимъ Богомъ, мы могли бы назвать тесмами(**). Онъ именно ведетъ насъ къ Богу. Говоритъ и Павелъ о законѣ: *Онъ данъ по причинѣ преступленій, до времени пришествія Сѣмени, къ которому относится обѣтованіе* (Гал. III, 19). Потомъ какъ бы для разъясненія своей мысли Апостолъ прибавляетъ: *Прежде же пришествія вѣры мы были въ заключеніи, сторожимые закономъ* (Гал. III, 23), т. е. законъ удерживалъ насъ отъ грѣха страхомъ наказаній *до того*

(*) Стоики; но нашъ писатель имѣлъ предъ глазами вѣроятнѣе всего подобныя же слова Филона изъ начала II-й книги его «De vita Moysis» или изъ «De migratione Abrahami».

(**) Намекъ на производство слова θεσμός отъ θεῖος Божественный и νόμος законъ. Гезихій *тесмы* также отождествляетъ съ Божественными законами. Филонъ въ своемъ сочиненіи De vita Moysis говоритъ: «Итакъ цѣль законовъ, по Божественнѣйшему Моисею, есть послѣдованіе Богу». Отсюда мысль Климента: «Онъ (законъ Моисеевъ) именно ведетъ насъ къ Богу». Истинная этимологія: θεσ-μός=τε-θ-μός отъ корня θε, того же, что въ τί-θη-μι; тесмы слѣдовательно равны нашему *уложенія*.

времени какъ надлежало открыться вѣрѣ. Такимъ образомъ законъ былъ для насъ Педагогомъ ко Христу, *дабы намъ оправдаться вѣрою* (Гал. III, 24, 25).

Искуство законодателя состоитъ въ указаніи каждому изъ проявленій душевной жизни человѣка подходящей нормы и въ назначеніи за дѣла заслуженной каждымъ награды. Но Моисей былъ именно, вкратцѣ сказать, живымъ закономъ, говорившимъ и дѣйствовавшимъ подъ вліяніемъ милосердаго Логоса. Посему-то и могъ онъ учредить между Евреями государственное правленіе столь благотворное, людей воспитывавшее для совмѣстной жизни въ обществѣ столь превосходно.

Моисей несъ на себѣ между прочимъ и судейскія обязанности, а онѣ состоятъ въ исправленіи провинившихся и наученіи ихъ правдѣ. Карательная функція находится съ судебной въ тѣсной связи; она состоитъ въ наблюденіи между наказаніемъ и виною правильной соразмѣрности и въ направленіи взыскательныхъ сихъ мѣръ на цѣли воспитательныя, чтобы посредствомъ наказанія дѣйствовать на душу исправительно. Но Моисей вообще всѣми своими учрежденіями преслѣдовалъ единственную цѣль: тѣхъ, кои желали быть нравственно - прекрасными и развить въ себѣ сѣмена добра, воспитывать, а тѣхъ, душа чья уклонилась отъ добродѣтели, но еще не чуждалась добра, возвращать на путь къ ней. Въ этомъ именно вѣдь и состоитъ талантъ правителя. И что касается до искуства еврейскаго законодателя, по приведеніи людей къ союзу съ Логосомъ, оказывать незамѣнимыя услуги имъ, то свойственна была ему, и даже особенно, и эта мудрость. Будучи свойствомъ весьма славнымъ и царственнымъ, способность эта характеризуется умѣньемъ склонять людей къ добру и направлять ихъ на пути добрые. И вотъ почему философы только мудреца называютъ царемъ, законодателемъ, истиннымъ стратегомъ, мужемъ праведнымъ, личностью священной и другомъ Божіимъ. Но не находимъ ли мы именно въ Моисеѣ эти различныя черты соединенными? Не свидѣтельствуютъ ли объ этомъ Писанія положительно, такъ что не съ полной ли увѣренностью, основывающейся на доказательствахъ, мы можемъ назвать Моисея истиннымъ мудрецомъ?

Мы сказали ранѣе, что какъ пастуха обязанности и дѣло состоятъ въ заботѣ объ овцахъ,—даже до той степени, что *пастырь добрый полагаетъ свою жизнь за овецъ* (Іоан. X, 11).—такъ и законодательная наука, поставляя своей задачей учить людей добродѣтели, пробуждаетъ скрытыя въ нихъ сѣмена добра; ея дѣло состоитъ въ назираніи человѣческаго стада и заботѣ о немъ. И если подъ стадомъ въ извѣстной притчѣ Господа разумѣется не другое что какъ сонмъ или общество человѣческое, то самъ Господь значитъ состоять будетъ въ семъ единомъ стадѣ овецъ, Его слушающихся (Іоан. X, 16), въ одно и тоже время и добрымъ пастыремъ и добрымъ законодателемъ и попечителемъ о немъ, съ помощью закона и Логоса отыскивающимъ и находящимъ и одну потерянную овцу (Мѳ. XVIII, 12).

Законъ духовенъ, говоритъ Апостолъ (Рим. VII, 14). А если *духовенъ* онъ, то ведетъ значитъ и къ высшему счастію, къ блаженству. *Законъ духовенъ*, потому что данъ Духомъ Святымъ, все-же содѣланное Духомъ Святымъ (безъ сомнѣнія въ высшей степени) духовно. И сей Духъ Святый есть законодатель истиннѣйшій, потому что Онъ доброе и прекрасное не только заповѣдуетъ, но оное Ему и вполнѣ извѣстно. Отъ сего-то Духа и происходитъ законъ. Итакъ законъ, сообщенный Законодателемъ, вполнѣ знающимъ свой законъ, есть законъ спасительный; повелѣнія сего закона благотворны и осчастливливающи.

Лучше сказать, заповѣди такого закона суть заповѣди самаго знанія воплощеннаго (Логоса). Сей есть *Божія сила и Божія премудрость* 1 Кор. I, 24). При Его посредствѣ законъ былъ данъ, Онъ же состоитъ и первымъ истолкователемъ его заповѣдей. Онъ, единородный Сынъ Божій, далъ намъ возможность зрѣть въ самое лоно Отца (Іоан. I, 18).

Но и сами послушные закону не могутъ не вѣрить ученію истинному или оправдываться

незнаніемъ его, потому что они *знаютъ Его* (1 Іоан. V, 18—20 и др.). Невѣрующіе же, не желающіе повиноваться закону и не исполняющіе ни одного изъ дѣлъ имъ предписываемыхъ, этимъ самымъ свидѣтельствуютъ, что они истины не вѣдаютъ.

Ибо въ чемъ состоитъ невѣріе Эллиновъ? Не въ отверженіи ли той истины, что законъ Моисеевъ чрезъ него данъ былъ самимъ Богомъ? Но вотъ по свидѣтельству собственныхъ же ихъ философовъ Моисей достопочтененъ. Да кромѣ того развѣ не разсказываютъ Платонъ, Аристотель и Ефоръ, что Миносъ, почасту посѣщая пещеру, Зевсу посвященную, каждые 9 лѣтъ износилъ отсюда рядъ законовъ, кои и оставлены имъ на Критѣ? Не разсказываютъ ли они, что Ликургъ часто отправлялся въ Дельфы къ Аполлону и что онъ изучалъ тамъ науку законодательства? Наконецъ Хамелеонъ Гераклеянинъ въ своемъ разсужденіи «О пьянствѣ» и Аристотель въ «Республикѣ Локрянъ» не разсказываютъ ли, что Залевкъ Локрянинъ получилъ свои законы отъ Аѳины? Тѣ слѣдовательно, кои съ цѣлію окружить законы Эллиновъ особеннымъ нимбомъ, утверждаютъ о нихъ тоже, что и о провозвѣстничествѣ Моисея, что они не отъ смертныхъ людей исходятъ, а суть дѣло Божественное, но въ тоже время не принимаютъ первоисточниковъ ученія, послужившаго первообразомъ для преданій, разсказанныхъ въ ихъ книгахъ, тѣ свидѣтельствуютъ чрезъ это лишь о своей неблагодарности.

27. Законъ постоянно, даже и при наказаніяхъ, имъ налагаемыхъ, имѣетъ въ виду благо людей.

Изъ за наказаній, налагаемыхъ закономъ, пусть никто однакоже не нападаетъ на него, какъ еслибъ не былъ онъ благодѣтеленъ и нравственно-прекрасенъ. Иначе и врачъ, изгоняющій болѣзнь изъ тѣла, пусть не считается за благодѣтеля. Если же онъ долженъ быть признаваемъ за приносящаго особую пользу и за человѣка, оказывающаго особыя услуги, то не тѣмъ ли драгоцѣннѣе долженъ быть для насъ тотъ, кто старается освобождать нашу душу отъ неправдъ? Душа дороже вѣдь тѣла. Въ видахъ доставленія здоровья своему тѣлу не переносимъ ли мы отсѣченія цѣлыхъ членовъ тѣла и прижиганій? Не принимаемъ ли для того и горькія лекарства? А того, кто ихъ предписываетъ намъ, не называемъ ли мы спасителемъ и врачемъ? Не изъ зависти къ больному или ненависти, а уступая необходимости, указываемой ему его наукой, врачъ отрѣзываетъ извѣстныя части тѣла, чтобы чрезъ соприкосновеніе съ ними не заразились и здоровыя; и однакоже никто за это не обвиняетъ врачебную науку въ жестокости. Подобнымъ образомъ для сохраненія душевнаго здравія не приемемъ ли мы мужественно изгнаніе, денежные штрафы, темничное заключеніе? Лишь бы дѣло шло при семъ о свободѣ того и другаго изъ насъ отъ сѣтей порока и о хожденіи путями добродѣтели. Законъ, заботясь о послушныхъ ему, учитъ ихъ благочестію, указываетъ имъ, что они должны дѣлать, отклоняетъ ихъ отъ всякаго рода проступковъ и налагаетъ наказаніе и за незначительнѣйшее преступленіе. А когда онъ замѣчаетъ кого нибудь ведущимъ себя такъ, что оказывается тотъ уже неисцѣлимымъ, дошедшимъ до послѣдней степени нечестія, тогда изъ за заботы о прочихъ и изъ опасенія, какъ бы они не заразились отъ него, онъ осуждаетъ того благодѣтельнымъ судебнымъ приговоромъ на смерть, подобно тому какъ отнимаютъ испорченный членъ отъ тѣла. *Будучи же судимы*, говоритъ Апостолъ, *наказываемся отъ Господа, чтобъ не быть осужденными съ міромъ* (1 Кор. XI, 32). И ранѣе Апостола пророкъ сказалъ: *Строго наказалъ меня Господь, но смерти не предалъ* (Пс. CXVII, 18). *Ибо для наученія тебя храненію заповѣдей Его Онъ наказывалъ тебя*, говорится, *и испытывалъ тебя, томилъ тебя голодомъ и жаждою въ пустынѣ, дабы напечатлѣть на твоемъ сердцѣ свои оправданія и суды свои, которые нынѣ я заповѣдую вамъ; и дабы узналъ ты въ сердцѣ своемъ, что подобнымъ образомъ какъ воспитываетъ человѣкъ сына своего, такъ воспитывать тебя будетъ Господь Богъ нашъ* (Втор. VIII,

2, 3, 5, 11). А что наказаніе вразумляетъ насъ, Писаніе говоритъ о семъ такъ: *Благоразумный, видя человѣка злаго наказываемымъ, горько порицаетъ себя* (Притч. XXII, 3), такъ какъ *страхъ Господень порождаетъ мудрость* (Притч. XXII, 4).

Благодѣяніе величайшее и совершеннѣйшее отклонить кого нибудь отъ порока и поставить его на правый путь жизни доброй. Но это именно и дѣлаетъ законъ. Потому что если кто отдается злу такъ, что и отклонить его отъ онаго нѣтъ возможности; если кто сдѣлался напр. рабомъ скупости и неправдъ, то смерть того будетъ благодѣяніемъ для другихъ. Но если людей неправедныхъ законъ можетъ дѣлать праведными, лишь бы только они пожелали слушаться его, то значитъ онъ благодѣтеленъ. Законъ благодѣтеленъ, если онъ освобождаетъ отъ золъ настоящаго вѣка и если онъ всѣмъ, избравшимъ жизнь правую и воздержную, обѣщаетъ отплатить безсмертіемъ.

Знать же законъ и понимать свойственно лишь человѣку съ образомъ мыслей и дѣйствій нравственно-добрымъ. Посему и говоритъ Писаніе опять: *Люди злые не разумѣютъ закона, ищущіе же Господа искусны во всякомъ добрѣ* (Притч. XXVIII, 5).

Необходимо посему допустить, что Провидѣніе правосудно и милосердо, такъ какъ уже этихъ двухъ свойствъ довольно для устроенія нашего спасенія. Будучи правосуднымъ Провидѣніе исправляетъ насъ наказаніями; оказывая же намъ благодѣянія оно свидѣтельствуетъ о своемъ милосердіи.

Не слѣдуетъ посему оставаться чадами невѣрія, но надлежитъ изъ мрака перейти къ жизни, подставить ухо свое голосу мудрости, изъ страха предъ закономъ стать каждому вопервыхъ слугою Бога, а потомъ изъ страха оскорбить (правосуднаго) Господа Бога оказываться вѣрнымъ слугою Его.

Тотъ же, кто поднимется выше этой ступени добродѣтели, причисленъ будетъ къ числу сыновъ Божіихъ. Какъ скоро множество его грѣховъ будетъ покрыто милосердіемъ Божіимъ (1 Петр. IV, 8), обогащеннаго исполненіемъ осчастливливающей его надежды, въ любви возросшаго, укрѣпившагося, расцвѣтшаго Богъ принимаетъ его въ число избранныхъ сыновъ своихъ, называемыхъ друзьями Божіими; удостоиваетъ Онъ его принятія въ вѣчное свое царство; и воспѣвая гимны уже милосердію онъ говоритъ: «Господь да будетъ мнѣ Богомъ».

Въ своемъ посланіи къ Евреямъ Апостолъ въ такихъ выраженіяхъ изображаетъ благодѣянія закона. *Вотъ ты называешься іудеемъ и успокоиваешь себя закономъ и хвалишься Богомъ и знаешь волю Его и разумѣешь лучшее научаясь изъ закона; и увѣренъ о себѣ, что ты путеводитель слѣпыхъ, свѣтъ для находящихся во тмѣ, наставникъ невѣждъ, учитель младенцевъ, имѣющій въ законѣ образецъ вѣдѣнія и истины* (Рим. II, 17—20). Неоспоримо, что законъ можетъ научать исполненію всего этого, хотя и не устрояющіе свою жизнь по правиламъ закона хвастаются, что они живутъ по закону. *Но блаженъ человѣкъ, снискавшій мудрость и смертный, который пріобрѣлъ разумъ* (Притч. III, 13). *Изъ устъ же мудрости течетъ справедливость; на языкѣ она носитъ законъ и милосердіе* (Притч. III, 16).

И Законъ и Евангеліе суть дѣло одного и того же Господа, который *есть Божія сила и мудрость* (1 Кор. I, 24). И страхъ, порожденный закономъ, есть благодѣяніе во спасеніе (*). *Никогда пусть не покидаютъ тебя милостыни, вѣра и* истина; *надѣнь ихъ вокругъ шеи твоей* (Притч. III, 3). Подобнымъ образомъ и Павелъ Апостолъ стыдитъ Іудеевъ, что они не разумѣютъ закона (**). *Разрушеніе и гибель на путяхъ ихъ; они пути мира не познали* (Ис. LIX, 7, 8; Рим. III, 16, 17). *Нѣтъ страха Божія предъ глазами ихъ* (Пс.

(*) Прибавка, имѣющая въ виду еретиковъ, отрицавшихъ, что законъ происходитъ отъ Бога благаго, такъ какъ онъ грозитъ наказаніями.

(**) Такъ какъ писателю нужно было доказать, что Законъ благъ и подобно какъ и Евангеліе учитъ любви, что іудеи не достаточно понимали, то приводитъ онъ изъ того и другаго завѣта мѣста, въ которыхъ порицается это невѣжество іудеевъ.

XIII, 3; Рим. III, 18). *Называющіе себя мудрыми обезумѣли* (Рим. I, 22.) *А мы знаемъ, что законъ добръ, если кто правильно пользуется имъ; желающіе же быть наставниками въ законѣ не разумѣютъ*, говоритъ Апостолъ, *ни того, о чемъ говорятъ, ни того, что утверждаютъ. Цѣль же увѣщанія есть любовь отъ чистаго сердца и доброй совѣсти и нелицемѣрной вѣры* (1 Тим. I, 8, 7, 5).

28. Четырехчастность Моисеева закона.

А дѣлится Моисеевское любомудріе на четыре части: на часть историческую и на часть собственно законодательную, которыя обѣ имѣютъ связь съ моралью; часть третья касается религіозныхъ обрядовъ и созерцанія природы видимой; и наконецъ часть четвертая, богословская, устанавливаетъ взглядъ на святыя таинства.

Платонъ называетъ эту часть «созерцаніемъ» по истинѣ великихъ таинствъ (*), Аристотель же метафизикой; подлинное же ея имя у Платона «діалектика», какъ самъ онъ говоритъ о томъ въ своемъ «Политикѣ» (**), называя ее здѣсь наукой, занимающейся отыскиваніемъ и выясненіемъ смысла сущаго(***). Каждый разсудительный человѣкъ долженъ хорошо владѣть этой наукой, но не для того, чтобы говорить что нибудь или дѣлать хотя что нибудь изъ того, чѣмъ обыкновенно люди занимаются, для чего упражняются въ ней нынѣшніе діалектики, излагающіе изящнымъ стилемъ и въ элегантной формѣ предметы повидимому замысловатые, на самомъ же дѣлѣ пустые, нѣтъ; но для того долженъ всякій знать ее, чтобы каждому соотвѣтственно своимъ силамъ быть въ состояніи говорить или дѣлать Богу угодное. Истинная діалектика имѣетъ связь съ истиннымъ любомудріемъ; она разбираетъ понятія, допрашиваетъ душевныя силы и способности, поднимается до благороднѣйшей сущности вещей, осмѣливается воспарять даже къ трону Творца вселенной; не въ дѣла смертныхъ людей проницаніемъ занята она, а постиженіемъ и возвѣщеніемъ результатовъ своихъ размышленій о вещахъ Божественныхъ и вѣчныхъ, откуда и по отношенію къ дѣламъ человѣческимъ вытекаетъ дѣйствительная польза, ибо она тому насъ учитъ, о чемъ слѣдуетъ намъ говорить и что намъ нужно дѣлать. Желая образовать изъ насъ такихъ діалектиковъ, съ обычной своей мудростью Писаніе такъ насъ приглашаетъ къ этому: «Будьте зоркими (опытными, свѣдущими въ своемъ дѣлѣ) мѣновщиками, удерживая серебро хорошаго качества, а дурное отстраняя» (*). Діа-

(*) Введеніемъ словечка *по истинѣ* писатель различаетъ тайны Евангелія отъ Елевзинскихъ мистерій и другихъ свѣтскихъ, которыя де многими хотя и были называемы великими, на самомъ же дѣлѣ не были такими.

(**) Кромѣ того въ Федрѣ, въ Софистѣ и въ De republ. VII.

(***) Такимъ образомъ у Платона содержаніе діалектики еще не отдѣлено отъ содержанія метафизики. Въ собственномъ смыслѣ діалектикой называется не что иное какъ прикладная логика, словесное обсужденіе, доказываніе и опроверженіе различныхъ положеній, опредѣленій того или другаго предмета, но и защита ихъ отъ возраженій противника. Нынѣшнимъ ученикамъ эта область остается почти совсѣмъ невѣдомою.

(*) Буквально такого изреченія нѣтъ въ свящ. Писаніи, но многіе изъ отцовъ усвояютъ его одни Христу, другіе Апостоламъ. Оно не противорѣчитъ Писанію и объясняется достаточно изъ встрѣчающихся въ немъ выраженій. *Чистое серебро* (1 Пар. XXIX, 4), *чистое золото* (2 Пар. IX, 17) извѣстны Писанію. А такъ какъ безпримѣсность сихъ металловъ узнается на огнѣ, то отсюда чрезъ метафору произошли выраженія *испытанный во Христѣ* (Рим. XVI, 10), *дабы открылись между вами* искушенные, *опытные* (1 Кор. XI, 19); сюда же относятся выраженія 2 Кор. X, 18; XIII, 7; 2 Тим. II, 15; Іак. I, 12. Въ связи съ понятіемъ *мѣновщика* (Мѳ. XXV, 27) и чрезъ соображеніе съ 1 Сол. V, 25 составляется даже прямо изреченіе: «Будьте опытными мѣновщиками». Нашъ писатель снова возвращается къ сему изреченію въ Стром. II, 4; VI, 10; VII, 15.

лектика представляетъ собою мыслительную силу, обращенную на различеніе постигаемыхъ умомъ вещей; она трезво изображаетъ все сущее именно такимъ, какимъ оно есть на самомъ дѣлѣ,—каждый отдѣльный предметъ съ свойственнымъ ему характеромъ, въ ясной и строгой раздѣльности отъ другихъ предметовъ; иначе сказать, діалектика есть смѣтливость разсудка, обращенная на различеніе понятій, на возведеніе однихъ къ родовымъ, другихъ же и мельчайшихъ на низведеніе къ видамъ и на представленіе тѣхъ и другихъ въ свойственномъ имъ, истинномъ ихъ и неложномъ, свѣтѣ. Вотъ почему изъ всѣхъ наукъ одна она какъ бы за руку ведетъ насъ къ той истинной мудрости, которая постигается особенной, ниспосылаемою Богомъ, душевной крѣпостью и настойчивостью, трезво обращенной на постиженіе сущаго именно въ качествѣ сущаго, которая съ разъ достигнутымъ не разстается, отъ всякихъ же душевныхъ смятеній и страстей остается свободною. Однакоже этого не можетъ быть безъ помощи Спасителя, который, своимъ Божественнымъ свѣтомъ разгоняя мрачныя облака невѣдѣнія, надвигаемыя на душевныя наши глаза *суетной жизнію* (1 Петр. I, 18; 2 Петр. II. 7), возстановляетъ въ душѣ то наипрекраснѣйшее состояніе, въ коемъ

Можемъ мы познавать ясно, Богъ ли Онъ или человѣкъ (Ил. V, 128).

Спаситель нашъ показалъ намъ несумнительнымъ образомъ, какъ нужно намъ приближаться къ познанію Бога и самихъ себя; каждому, кому это желательно, Онъ открываетъ Отца вселенной; и именно въ той мѣрѣ, въ какой это человѣческій умъ *вмѣстить можетъ* (Мѳ. XIX, 11, 12). Ибо *никто не знаетъ Сына кромѣ Отца и Отца никто незнаетъ кромѣ Сына и кому Сынъ захочетъ открыть* (Мѳ. XI, 27). Апостолъ посему сказалъ справедливо, что онъ узналъ эту тайну *чрезъ откровеніе*, о коемъ *выше. написалъ* онъ, какъ говоритъ, *вкратцѣ, дабы читатели могли усмотрѣть разумѣніе* имъ *Христовой тайны* (Еф. III, 3, 4). Сказалъ онъ: *дабы могли*, такъ какъ зналъ, что нѣкоторые только *молоко* ученія приняли, *а не твердую пищу* (1 Кор. III, 2), или лучше сказать, не одно молоко (а частичку къ нему подмѣшали и еретическаго ученія).

Троякимъ способомъ передана намъ воля закона: или чрезъ изображеніе какимъ либо знакомъ или чрезъ преподаніе заповѣди для праваго устроенія жизни по ней или чрезъ предреченіе будущаго (*). Я очень понимаю, что различать этотъ троякій смыслъ Писанія свойственно лишь возрастнымъ въ вѣрѣ (**). Они и говорятъ: «Да; что до разумѣнія Писанія, то по пословицѣ Мюкону одному здѣсь не управиться» (***). Но именно въ разслѣдованіи Писанія быть можетъ слѣдуетъ идти тѣмъ строжайшимъ діалектическимъ методомъ: тогда послѣдовательность и согласіе Божественнаго ученія съ самимъ собою для доискивающихся онаго откроется тѣмъ яснѣе.

(*) Различеніе трояко смысла въ Писаніи: таинственнаго, правоучительнаго и пророческаго.

(**) Т. е. а не несовершеннолѣтнимъ, питающимся млекомъ ученія.

(***) Мюконъ-одинъ изъ малыхъ кикладскихъ островoвъ къ юговостоку отъ Теноса, а на востокъ и недалеко отъ Делоса, къ сѣверу отъ Наксоса. По Гезихію имя острова собой означаетъ кучу, груду сора. Можетъ быть уже въ имени острова скрыто воспоминаніе о вулканическомъ происхожденіи его. Миѳическое время дѣлаетъ островъ театромъ борьбы Геракла съ гигантами, которыхъ всѣхъ онъ убилъ; здѣсь была ихъ и могила. Въ этомъ миѳѣ скрыто очевидно новое воспоминаніе о позднѣйшихъ землетрясеніяхъ и геологическихъ переворотахъ на островѣ. Отсюда пословица «какъ Мюконянинъ все подъ себя подмялъ». Отсюда и нашъ писатель своей метафорой очевидно хотѣлъ сказать, что не льзя же въ Писаніи одно понимать такъ же какъ и другое и все подводить единственно подъ букву; слѣдуетъ и различающее начало примѣнять къ нему: далеко не безразличная оно де груда чего нибудь (сравни контекстъ писателя). Ранняя плѣшивость Мюконянъ, чѣмъ они извѣстны были по всей Элладѣ, тоже могла дать писателю поводъ къ метафорѣ: не льзя же де все Писаніе подобно какъ Мюконянъ всѣхъ стричь подъ одну гребенку, не

29. Эллиновъ одинъ египтянинъ по справедливости назвалъ дѣтьми въ разсужденіи ихъ учрежденій сравнительно съ еврейскими (*).

Прекрасно посему одинъ египетскій жрецъ говоритъ у Платона: «О Солонъ, Солонъ! Вы, Эллины, все еще дѣтьми остаетесь. Отъ предковъ унаслѣдованныя преданія не въ силахъ были отпечатлѣть на душѣ вашей ни одного древняго ученія; между Эллинами нѣтъ совѣтниковъ—старцевъ» (**). Подъ «старцами» же, полагаю, жрецъ этотъ разумѣлъ людей знакомыхъ съ древними ученіями, т. е. нами содержимыми; а подъ юношами тѣхъ, кто о вещахъ сравнительно новыхъ,— о коихъ особенно хлопочутъ Эллины и коими старательно занимаются, хотя онѣ лишь вчера и нынѣ оказываются возникшими, — повѣствуетъ, какъ еслибъ онѣ были какія-то стародавнія и даже первобытныя. Посему и прибавилъ жрецъ тотъ: «Не поддерживаете вы и не храните ученій, которыя уже за одну свою древность заслуживали бы этого почета». Мы намекаемъ этой рѣчью жреца уже слишкомъ неприкровенно на тоже положеніе вещей, продолжающееся и въ настоящемъ. Конечно непріятно многимъ будетъ въ вышеприведенномъ разговорѣ египетскаго жреца съ нашимъ Солономъ на то намекъ видѣть, что подобныя вещи не въ одномъ лишь этомъ, взятомъ изъ прошедшаго, примѣрѣ, а и нынѣ существуютъ; и не соблюдаемъ мы въ семъ случаѣ особенныхъ формальностей, установленныхъ благоприличій и порядковъ; но манеру такъ писать переняли мы у варваровъ (*). Люди, не разставшіеся съ здравымъ разсудкомъ, развѣ позволятъ себя такъ одурачивать? Не на всякую ли басню они требуютъ объясненія? А о повѣствованіяхъ между Эллинами распространенныхъ голосъ изъ собственной ихъ среды отзывается, что они «малымъ чѣмъ отличаются отъ дѣтскихъ сказокъ» (чепухи, безтолковщины (**). Но дѣтскими сказками (вздоромъ, бреднями), притомъ же такими, которыя вдобовокъ и сложены—то дѣтьми (людьми неразсудительными), заниматься, оныя усвоять, жадно имъ внимая до устремленія на нихъ кромѣ своихъ мыслей еще и воли, безъ сомнѣнія не слѣдуетъ. Потому-то Платонъ всѣ эти досужаго воображенія изобрѣтенія и назвалъ «ребячествомъ» (***), сказывая этимъ, что люди, слывущіе у Эллиновъ подъ именемъ мудрецовъ, недалеко ушли въ проницательности. «Ученіе же, которое уже за одну свою древность заслуживало бы почета поддержки и храненія», онъ конечно отождествляетъ съ наидревнѣйшимъ, у варваровъ содержимымъ истиннымъ ученіемъ, которому противупоставилъ «мальчишескія выдумки» (своихъ Эллиновъ), свидѣтельствуя этимъ, что и передача и слушаніе разныхъ, лишь наканунѣ составленныхъ, вымысловъ, представляющихъ собою нѣчто въ родѣ дѣтской болтовни, еще не равносильно поддержкѣ и храненію нѣкіихъ древнихъ ученій. Обоими же вышеприведенными выраженіями въ своемъ изреченіи Платонъ сказалъ, что и измышленія Эллиновъ и про историческую быль разсказы ихъ. все представляетъ собою нѣчто дѣтское.

Превосходно говоритъ въ откровеніи Ермѣ (****)

различая одного въ немъ отъ другаго: не безразличными каракульками наполнено оно.

(*) Связь этой главы съ предшествующей такова: Воля закона не младенцами, питающимися млекомъ ученія, можетъ быть постигнута, а лишь возрастными, кои твердой пищей питаются. Оттого-то Эллины, дѣтскими баснями пробавляющіеся, и не могутъ уразумѣть онаго.

(**) Выше, въ началѣ гл. 15-й, писатель уже ссылался на этотъ разговоръ египетскаго жреца съ древне-эллинскимъ законодателемъ. Его приводятъ и Іустинъ въ «Увѣщаніи къ Эллинамъ», Евсевій въ Praep. ev. X, 4; Кириллъ Александрійскій противъ Юліана въ кн. 1-й; Ѳеодоритъ во «Врачеваніи предразсудковъ Эллинскихъ». У Платона разговоръ этотъ излагается въ началѣ «Тимея».

(*) Посредствующая мысль могла бы быть выражена нашими: Помилуйте, пощадите.

(**) Посредствующая мысль: и однакоже находятся люди, и много ихъ, которые имъ вѣрятъ.

(***) Въ «Тимеѣ» недалеко отъ начала.

(****) Въ его «Пастырѣ» кн. I, видѣн. 4.

Божественная Добродѣтель: «Видѣнія и откровенія, говоритъ она, необходимы (въ цѣляхъ увѣренія) только для души лицемѣрной, которая саму себя спрашиваетъ: «Существуютъ ли подлинно эти вещи или на самомъ дѣлѣ нѣтъ ихъ»? Но къ утвержденности въ ученіи истинномъ и добродѣтели ведетъ и многоученость (*). Она можетъ въ изобиліи подкрѣплять истинное ученіе обстоятельнѣйшими доказательствами, оное поддерживать и утверждать; тогда какъ

Люди юные въ сферы лишь воздушныя возносятся,
съ предмета на предметъ своими мыслями
порхая здѣсь (Ил. III, 108).

А *заповѣдь благотворна*, говоритъ Писаніе, *и представляетъ собою свѣтильникъ; законъ же есть освѣщеніе пути; а назидательныя наставленія — пути жизни* (Притч. VI, 33). «Законъ—для всѣхъ царь, говоритъ Пиндаръ, и для смертныхъ и для безсмертныхъ» (**). И

(*) Только иначе, а выражена этою тирадой мысль таже, которая содержится и въ словахъ Апостола: *Евреи чудесъ требуютъ, а Эллины мудрости ищутъ* (1 Кор. I, 22). Срав. Стром. I, 2 въ концѣ.

(**) Къ этому же стиху Пиндара нашъ писатель возвращается еще въ Стром. II, 4.

Къ чему безплодно спорить съ вѣкомъ:
Обычай деспотъ межъ людей,

говоритъ нашъ Пушкинъ. Кто читалъ 38-ю гл. III-й книги Геродота, тому трудно удержаться отъ догадки, что эти два стиха навѣяны нашему поэту именно ей (переводъ исторіи Геродота Мартыновымъ вышелъ за два года до начала «Евгенія Онѣгина») и что въ нихъ предлежитъ намъ тотъ же стихъ Пиндара, приведенный и Геродотомъ въ указанной главѣ. Отецъ исторіи понималъ данный стихъ Пиндара о всемогуществѣ между людьми нравовъ, мнѣній и обычаевъ, унаслѣдованныхъ ими отъ предковъ и отцовъ; эти нравы, особенно если они древни въ народѣ, съ трудомъ искоренимы или же и не могутъ быть измѣнены; своимъ значеніемъ и важностью оттого этотъ неписанный законъ даже превосходитъ писанный. Платонъ приводитъ данный стихъ Пиндара въ своемъ «Горгіи» (нѣсколько ранѣе средины діалога) и понимаетъ его уже о законѣ природы, потому что онъ читаетъ его съ добавкою κατὰ φύσιν. Нашему знаменитому переводчику твореній Платона, Г. Карпову, очень бы хотѣлось понимать стихъ Пиндара согласно съ Геродотомъ; поэтому добавку κατὰ φύσιν онъ усвояетъ софистамъ, хотя Платонъ въ Протагорѣ и два раза въ De leg. въ кн. III и IV снова читаетъ его съ κατὰ φύσιν. Оригенъ (contra Cels. V, 40) понималъ данный стихъ Пиндара о законѣ природы или естественномъ, хотя привелъ его по Геродоту. Нашъ Климентъ предшествуетъ ему такимъ же пониманіемъ. Софистамъ принадлежитъ добавка κατὰ φύσιν или самому Пиндару, это вопросъ; съ насъ здѣсь того довольно, что нашъ писатель читалъ приведенный стихъ Пиндара съ названной добавкою и уже отсюда исходилъ въ своихъ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ: для его философскихъ идей такое чтеніе представляло весьма твердый базисъ. Всего вѣроятнѣе впрочемъ, что Пиндаръ и самъ подъ своимъ «закономъ» разумѣлъ законы естественные или природы, неизмѣнно и незыблемо распространяющіе свое царственное господство на весь видимый міръ, въ качествѣ силы нѣкоей божественной всѣмъ управляющіе и все устрояющіе. Такъ понимали данный стихъ Пиндара уже древніе, какъ то Еврипидъ, Хризиппъ и др.

мнѣ чуть не прямо слышится въ этихъ постоянныхъ поименованіяхъ закона имя самого Законодателя. А нижеслѣдующіе стихи Гезіода я понимаю сказанными именно о Богѣ вселенной, хотя поэтъ и изрекъ ихъ предположительно, не постигая полнаго значенія того, что говорилъ. Онъ пишетъ:

Сыномъ Кроноса человѣческому роду сей законъ
дарованъ.
Потому что рыбамъ, животнымъ дикимъ и летающимъ по воздуху птицамъ хищнымъ
Позволилъ Онъ пожирать другъ друга, такъ какъ
нѣтъ на нихъ управы,
Людямъ же Онъ судъ даровалъ, благо напрекраснѣйшее.
(Дѣла и Дни I, 274 и д.).

Говоритъ ли здѣсь поэтъ о томъ законѣ, который внѣдряется въ человѣка съ рожденіемъ или же о томъ, который дарованъ Богомъ впо-

слѣдствіи, одинаково выходитъ, что и законъ природы и заповѣдей и уставовъ законъ откровенный взаимно тождественны; все равно оба они собою представляютъ одинъ и тотъ же законъ. Посему-то и Платонъ въ своемъ «Политикѣ» говоритъ, что въ дѣйствительности существуетъ только одинъ и единственный Законодатель.

Въ своихъ «Законахъ» Платонъ говоритъ, что во внѣшнія проявленія жизни вложить внутреннюю гармонію могъ только одинъ и единственный Умъ Великій. Философъ сѣетъ этимъ сѣмяна ученія о существованіи единаго Логоса и единаго Бога. Моисей (говоря о Господѣ говоритъ и о завѣтѣ и) называетъ Господа завѣтомъ (*). *Вотъ Я*, говорится у него, *и завѣтъ Мой съ тобою* (Быт. XVII, 4). Говорится это послѣ того, какъ сказано предъ тѣмъ, въ чемъ будетъ самый завѣтъ состоять(**). Подъ завѣтомъ (***) посему не слѣдуетъ разумѣть одно только Писаніе; завѣтомъ состоятъ и Божественныя Творца вселенной установленія.

Слово θεὸς (Богъ) тождественно по основному составу съ θέσις (установленіе); а такъ какъ послѣднимъ обозначается изданіе законовъ, то значитъ Богъ названъ такъ за свои уставы, порядки и учрежденія. Да и Петръ въ своей «Проповѣди» именуетъ Господа Закономъ и Логосомъ (*).

Но пора намъ уже и закончить эту первую книгу нашихъ Памятныхъ Записокъ, разъясняющихъ содержимое нами ученіе по началамъ любомудрія истиннаго.

(*) Буквально. Писатель быть можетъ хочетъ выразить ту мысль, что идея Божества конкретно предносится намъ въ завѣтѣ, подъ которымъ однакоже не нужно разумѣть одно Писаніе, а и законы естественные и природы человѣческой, ибо говорится въ Писаніи о завѣтѣ прежде, чѣмъ само оно было.

(**) Разумѣется здѣсь вѣроятно 2-й стихъ той же главы: *И поставлю завѣтъ Мой между Мною и тобою и весьма размножу тебя.*

(***) Добавь посредствующую мысль: такъ какъ говорится о завѣтѣ, когда письменъ еще не было, посему и т. д.

Писатель этой тирадой, намъ кажется, хочетъ сказать слѣдующее: «Богъ открывается не только чрезъ Писаніе, но и чрезъ природу видимую и человѣка. Съ отношеніемъ къ откровенію Бога въ природѣ Платонъ посему называетъ Его Великимъ Умомъ, мы съ отношеніемъ къ исторіи человѣчества именуемъ де Его Логосомъ; Моисей говоритъ о Господѣ и о завѣтѣ, называя Бога въ имени Господа Судіей, а чрезъ соединеніе понятія о Господѣ съ завѣтомъ свѣтъ проливая и на природу завѣта, по коей онъ есть содержаніе судовъ Божіихъ, нечестивцевъ наказующихъ, благочестивыхъ же взыскующихъ. Но и по законамъ естества такъ слѣдуетъ. Подъ завѣтомъ посему не нужно разумѣть только Писаніе, а и всѣ вообще естественные и письменные законы».

(*) Смыслъ, соединяемый писателемъ съ этимъ выраженіемъ, можетъ быть извлеченъ изъ вышеприведенныхъ примѣчаній. Самое выраженіе апокрифа вновь повторяется въ Стром. II, 15 и въ Excerptis, 58.

КНИГА ВТОРАЯ.

1. Предметы, предположенные къ обсужденію въ сей книгѣ.

Такъ какъ Писаніе назвало Эллиновъ плагіторами (*) варварскаго любомудрія, то за тѣмъ намъ слѣдовало бы вкороткѣ освѣтить этотъ фактъ. Мы и покажемъ, что изъ подражанія намъ они не только не довольствовались перенесеніемъ въ свое любомудріе необыкновенныхъ событій, разсказанныхъ въ нашихъ священныхъ книгахъ, но коварно-скрытно подъ наши поддѣлали и главнѣйшія изъ своихъ ученій, исказивши наши,—а что старѣйшинство принадлежитъ нашимъ Писаніямъ, это уже ранѣе доказано;—мы докажемъ это на ученіяхъ, касающихся вѣры и мудрости, познанія и науки, надежды и милосердія, раскаянія и воздержности и наконецъ относительно страха Божія (**). Это цѣлый рядъ добродѣтелей (***), которыя безъ всякаго хитроумія нужно признать возникающими изъ ученія истиннаго. И мы соберемъ для разъясненія этого предмета все, что необходимо. Мы проникнемъ въ мракъ варварскаго ученія о добрѣ и истинѣ, заглянемъ за ихъ символы, проберемся за таинственные покровы ихъ любомудрія, за всѣ эти формы его, о коихъ особенно хлопотали ревнители древнихъ преданій. Разобрать все это полезно, лучше же сказать совершенно необходимо для познанія ученія истиннаго. Это изслѣдованіе послужитъ намъ благопріятнымъ моментомъ и для опроверженія обвиненій противъ насъ Эллиновъ. Доказательства же истинности содержимаго нами ученія мы позаимствуемъ изъ нашихъ священныхъ книгъ, чтобы и іудей, если придется ему соприкоснуться съ нашимъ словомъ, отъ того, чему уже вѣритъ, могъ обратиться къ тому, чему еще не вѣритъ. За тѣмъ совершенно естественно будетъ для насъ критически отнестись къ жизни и мнимому изобрѣтенію знаменитѣйшими изъ философовъ новыхъ ученій. Но критика наша будетъ растворена любовію. Наша цѣль не отмщеніе нашимъ обвинителямъ,—не только многихъ, но и никакихъ у насъ нѣтъ прилоговъ для этого,—а обращеніе ихъ на путь истины; даже и тогда, когда насъ проклятіями осыпаютъ, когда позорные слухи о насъ распространяютъ, мы научены лишь благословеніями отвѣчать на то. Можетъ быть и сами они, всѣ эти записные мудрецы, себя будутъ напослѣдокъ стыдиться, умудренные критикой варвара; наконецъ они вынуждены же будутъ понять, что́ это за ученія, такъ восхваляемыя, изъ за которыхъ они оставляютъ отечество и переплывая море обходятъ далекія страны. Чтобы поуменьшить ихъ самолюбіе мы покажемъ, чего именно они состоятъ плагіаторами. Съ другой стороны мы обсудимъ и мнимыя ихъ открытія, которыми они будто бы обязаны самимъ себѣ и которыми они такъ хвастаются. Послѣдовательно, чтобы мы сказали свое слово и о такъ называемомъ курсѣ (общеобразовательныхъ) наукъ, насколько и къ чему онъ полезенъ. Мелькомъ коснемся мы и астрологіи, математики, искуствъ волшебнаго и заклинательнаго, чѣмъ всѣмъ Эллины всѣ хвастаются какъ послѣдними результатами усилій ума.

Изобличитель искренній бываетъ миротворцемъ (Притч. X, 10, по Семидесяти). Но мы уже часто говорили, что мало свыклись

(*) Намекъ на изреченіе Спасителя: *Вси, сколько ихъ ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники* (Іоанн. X, 8) и на объясненіе онаго выше въ главѣ 17-й.

(**) Говорится это повидимому съ отношеніемъ къ 1 Кор. XII 8: *Одному дается Духомъ слово мудрости, другому слово знанія тѣмъ же Духомъ, иному вѣра* и проч.

(***) Точнѣе: рой добродѣтелей. Это будетъ метафора, взятая у Платона изъ его разговора „О свитомъ“.

съ изяществомъ эллинской рѣчи; мы и впредь мало будемъ придавать значенія сему. Рѣчь щегольская и пріятная годна лишь на то, чтобъ отклонять народъ отъ истины, тогда какъ любомудріе истинное больше о томъ хлопочетъ, чтобъ слуху льстить меньше, а свѣтъ въ душѣ распространять большій. По моему мнѣнію поборникъ истины не объ искуственности стиля и заботливомъ составленіи выраженій хлопотать долженъ, а о возможно-точнѣйшемъ выраженіи своей мысли. У тѣхъ, кто привязывается къ выраженіямъ и занимается лишь ихъ составленіемъ, предметъ рѣчи изъ вниманія ускользаетъ.

Земледѣлецъ можетъ срывать розу, растущую среди шиповъ, не повреждая ея. Точно такъ же опытный жемчужникъ (легко) находитъ перлъ, скрытый въ мякоти раковины. Но говорятъ, что и у курицъ не у тѣхъ бываетъ мясо вкуснѣе, которыя бываютъ нарочито откармливаемы, а у тѣхъ, которыя, разгребая землю ногами, пищу себѣ добываютъ трудомъ. Подобнымъ образомъ и человѣкъ, занятый разслѣдованіемъ правдоподобнаго, будетъ изъ многаго привлекательнаго выбирать лишь истинное и какъ у привидѣнія будетъ стараться уловить вѣрныя черты лица скрытаго подъ маской. Говоритъ Духъ Божій и Ермѣ, явясь ему въ сновидѣніи: „Все возможное тебѣ будетъ открыто“ (*).

2. Познавать Бога можно только вѣрою.

Не надмевайся своей мудростью, говорится въ книгѣ Притчей, *но на всѣхъ путяхъ твоихъ провѣряй ее* (Притч. III, 5, 6), *дабы право итти тебѣ путями твоими и не претыкаться ногою твоей* (Притч. III, 23). Соломонъ хочетъ сказать этимъ, что всѣ наши дѣйствія должны согласоваться съ разумомъ. И тѣмъ же самымъ кромѣ того желаетъ онъ и тому насъ научить, что изъ каждаго ученія должно усвоять лишь полезное. Пути мудрости слишкомъ многоразличны и запутанны, чтобъ можно было ими выйти на прямую дорогу къ истинѣ. Но есть путь къ ней болѣе прямой, это вѣра. *Дабы не претыкаться тебѣ ногою твоею*, говоритъ Соломонъ о людяхъ, оказывающихся противниками по истинѣ промыслительной и Божественной мудрости. Посему и прибавляетъ онъ: *Не будь уменъ въ твоихъ собственныхъ глазахъ* (Притч. III, 7), т. е. не уклоняйся въ умствованія нечестивыя, могущія оказаться возмущеніемъ противъ домостроительства Божественнаго.

(Вторымъ путемъ къ истинѣ состоитъ страхъ Божій). *Бойся Господа*, единственно всемогущаго. Значитъ сопротивляться Богу отнюдь не слѣдуетъ. — Но и послѣдующимъ добавленіемъ, — утверждая что страхъ Божій равнозначителенъ отверженію зла, — царственный мудрецъ особенно ясно учитъ тому же. *И удаляйся отъ всякаго зла*, говоритъ онъ. Такова заповѣдь Премудрости. *Ибо кого любитъ Господь, наказуетъ.* Вводя въ разумъ, Онъ преисполняетъ скорбію, но въ тоже время возстановляетъ въ душѣ миръ и чувство свободы отъ отвѣта за вину.

По сужденію Эллиновъ это—философія варварская, по сознанію же нашему это любомудріе истинное и достиженію цѣли способствующее дѣйствительнѣйшимъ образомъ; слѣдованія ему посему мы и добиваемся. *Самъ Онъ*, говоритъ Соломонъ въ книгѣ Премудрости, *даровалъ мнѣ неложное познаніе всего существующаго, чтобы познать устройство міра и дѣйствіе стихій* и т. д. до словъ: *и свойства самыхъ корней* (Прем. Сол. VII, 17, 20—22). Царственный мудрецъ объемлетъ этимъ всю совокупность явленій, содержимыхъ міромъ физическимъ. Но за тѣмъ онъ намекаетъ, что изображаетъ симъ и міръ нравственный. *Позналъ я все*, прибавляетъ онъ, *и вещи сокровенныя и явныя, потому что научила меня Премудрость, художница всего существующаго.*

Въ семъ имѣешь ты краткое исповѣданіе содержанія нашего любомудрія. Содержаніе сихъ задачъ его, при содѣйствіи Премудрости Божественной, художницы всего сотвореннаго, поддерживаемое правымъ образомъ жизни, возвышаетъ насъ къ Главѣ и Правителю вселен-

(*) „Пастырь“ Ермы кн. 1, вид. 3.

ной. Трудно постижимая тайна; не менѣе трудно стать и ея осуществителемъ. Постоянно она уходитъ впередъ и скрывается отъ того, кто, казалось, уже приблизился къ достиженію ея. И однакоже Богъ, находящійся хотя и далеко отъ человѣка, движется вблизи его. О, чудо неизреченное! *Я Богъ приближающійся*, говоритъ Господь, хотя существомъ своимъ отъ вашихъ чувствъ Я и ускользаю. И подлинно. Ибо подъ какимъ именемъ Несотворенный приблизиться можетъ къ сотворенному Имъ? И однакоже Онъ окружаетъ насъ своимъ всемогуществомъ, которымъ все обнимаетъ (*). *Можетъ ли человѣкъ скрыться во мракѣ и Я не видѣлъ бы его*, восклицаетъ Онъ (Іер. XXIII, 23, 24)? Своимъ всемогуществомъ Онъ постоянно назираетъ насъ, постоянно благодѣтельствуетъ намъ, насъ руководитъ, присутствуетъ при насъ, равно всѣхъ насъ объемля имъ. Посему и Моисей, убѣжденный, что своею мудростію человѣкъ не въ состояніи познать Бога, воскликнулъ: *Покажи мнѣ Тебя* (Исх. XXXIII, 13). И силился онъ проникнуть въ мракъ облаковъ (Исх. XXXIV, 5), гдѣ гремѣлъ гласъ Божій (**), т. е. старался онъ выразумѣть глубочайшія и непроницаемыя идеи бытія. Но Бога нѣтъ ни въ облакѣ, ни въ другомъ какомъ мѣстѣ. Онъ внѣ пространства, не подлежитъ ограниченіямъ времени, не объемлется Онъ свойствами вещей. Ни частичкой какой либо своего существа не содержится Онъ ни въ чемъ матеріальномъ, ни обнимаетъ онаго чрезъ ограниченіе матеріи или чрезъ дѣленіе Себя. *Какой храмъ вы можете построить для Меня*, говоритъ Господь (Ис. LXVI, 1). Но и въ образѣ вселенной Онъ не храмъ построилъ Себѣ, потому что Онъ безграниченъ. Небо хотя и называется Его трономъ, и все-же небомъ не объемлется Онъ; лишь покоится Онъ тамъ, довольный дѣломъ рукъ своихъ.

Очевидно такимъ образомъ, что истина сокрыта отъ насъ; и если до сихъ поръ это было утверждаемо нами на основаніи одного примѣра, то въ дальнѣйшемъ это будетъ доказано на бо́льшемъ ихъ количествѣ. И однакоже не льзя отказать въ похвалахъ тѣмъ, которые желаютъ узнать истину, которые по словамъ Соломона и способны *познать мудрость и наставленіе, постигнуть правила благоразумія, усвоить извитія рѣчей, уразумѣть правоту истинную* (Притч. I, 2, 3) (*). Говоритъ царственный мудрецъ такъ, что открывается существованіе какихъ-то другихъ судебныхъ опредѣленій кромѣ тѣхъ, какія произносятся на основаніи эллинскихъ законовъ, и сущесвованіе какой-то другой истины кромѣ той, которая изучается въ школахъ эллинскихъ философовъ. *И судъ исправляти*, говоритъ онъ. Но не судебныя опредѣленія онъ разумѣетъ при семъ, нѣтъ; а суды той совѣсти, которая царитъ въ глубинахъ нашего существа и которую священный текстъ заповѣдуетъ хранить цѣлою и чистою отъ заблужденій, *чтобы внушать смышленость простымъ, знаніе и разсудительность дѣтямъ и людямъ юнымъ. Мудрецъ, слушая тѣ заповѣди, умножитъ познанія, и человѣкъ разумный найдетъ мудрые совѣты. Онъ уразумѣетъ притчу и замысловатую рѣчь, слова мудрецовъ и загадки ихъ.* Потому что вдохновляемые Богомъ, при воспринятіи ученія Его, не обоюдностей различныхъ ищутъ въ немъ, а слѣдованіемъ ему заняты; и силковъ различныхъ они не строятъ изъ него, подобно софистамъ и подражателямъ ихъ, которые молодыхъ людей своими хитростями запутываютъ, ни о чемъ истинномъ не заботясь. Духа Святаго носители *изслѣдуютъ глубины Божіи* (1 Кор. II, 10), т. е. становятся истолкователями истинъ, сокрытыхъ у пророковъ подъ образами.

Собакъ же, т. е. людей, остающихся еще дикими звѣрями, допускать къ участію въ святомъ недозволительно. Это значитъ, что кто завистливъ и въ самомъ себѣ неустроенъ, и

(*) Подобное Филонъ De confusione linguarum.

(**) Тоже у Филона въ началѣ кн. De nominum mutatione.

(*) Добавь: Но здѣсь же открывается и тайна знанія, ибо и т. д.

кромѣ того еще и нравственнымъ правиламъ невѣренъ и готовъ безстыдно брехать противъ истины, тѣхъ потчивать отъ струй Божественныхъ и чистыхъ воды вѣчно текущей не слѣдуетъ (Апок. XXII, 1). *Пусть не разливаются воды твоего источника по улицѣ, потоки твоихъ водъ по площадямъ* (Притч. V, 16). И однакоже «немногіе изъ впадающихъ въ сію превратность понимаютъ непозволительность ея; но и научившись разумѣть преступность ея, все-таки позволительной ее для себя находятъ», какъ говоритъ благородный Гераклитъ. Не кажется ли тебѣ, что и онъ порицаетъ этимъ невѣрующихъ?

Праведный Мой *отъ вѣры живъ будетъ* (Авв. II, 4), говорится у пророка. Говоритъ и другой пророкъ: *Если не увѣруете, не уразумѣете* (Ис. VII, 9) Потому что какимъ же это образомъ душа вмѣститъ удивительное содержаніе (нашего) ученія, если живущее внутри ея невѣріе противится усвоенію его?

Вѣра же, Эллинами осмѣиваемая, считаемая ими за вещь пустую и варварскую, есть свободное предпоставленіе себѣ вещи достигаемой, отъ благочестія одобряемое; или по Божественному Апостолу *вѣра есть упрежденіе вещей ожидаемыхъ, дѣлъ обнаруженіе невидимыхъ. Въ ней* наипаче *свидѣтельствованы древніе и безъ вѣры угодить Богу невозможно* (Евр. XI, 1, 2, 6). Другіе же учатъ, что вѣра представляетъ собою одобреніе, соглашающее насъ на вещь еще не открывшуюся, похожее на доказательство, открывающее намъ существованіе вещи неизвѣстной, но очевидной (*). Итакъ вѣра есть предварительный выборъ со стороны свободы, поколику нѣчто желательно; предполагается только, что выборъ этотъ есть актъ разумный. Но такъ какъ исходнымъ пунктомъ и каждаго дѣйствія состоитъ свободный выборъ, то выходитъ, что вѣра есть исходный пунктъ каждаго дѣйствія, основа всякаго разумнаго выбора; ей мы опредѣляемся во всѣхъ нашихъ дѣлахъ, такъ какъ вѣра одаровываетъ насъ разумными мотивами для дѣятельности. Начало же разумности съ охотою стремиться къ полезному.

Выборъ, твердо и неколебимо установленный, имѣетъ великое значеніе въ пріобрѣтеніи познанія. Посредство вѣры (какъ она есть выборъ вещей испытанныхъ) посему тотчасъ же сопровождается знаніемъ; равняется она твердо заложенному фундаменту. Потому что знаніе, по опредѣленію философовъ, есть представленіе положенія вещей въ такомъ видѣ, съ которымъ примириться, но котораго и измѣнить и самый разумъ не можетъ (т. е. согласное съ дѣйствительностью) (*).

Но можетъ быть кромѣ благочестія есть другая какая нибудь основа для образа мыслей и дѣятельности, установителемъ которой состоитъ единственно разумъ? Что до меня, то нахожу, что нѣтъ. Ѳеофрастъ же говоритъ, что (есть, ибо) началомъ вѣры (по нему) состоитъ чувство, служащее исходнымъ пунктомъ функцій нашихъ разума и разумѣнія (**).

Итакъ кто Божественнымъ Писаніямъ вѣритъ, тотъ имѣетъ въ нихъ вѣрный критерій, ибо въ нихъ слышится ему голосъ самого Бога, доказательство непререкаемое. Отъ доказательствъ же (нашихъ) вѣра тверже быть не можетъ. *Блаженны* посему *не видѣвшіе, но увѣровавшіе* (Іоан. XX, 29). Счастливы пѣснямъ сиренъ не внимавшіе. Свойственно было тѣмъ пѣснямъ вліяніе сверхъестественное, приводившее въ восторгъ проѣжжающихъ, но ихъ и губившее, потому что, не смотря на сопротивленіе, обольстительностью своего голоса сирены все-таки привлекали ихъ къ себѣ.

(*) Ѳеодоритъ во «Врачеваніи Эллинскихъ предразсудковъ» частію изъ нашего писателя, частію изъ другихъ авторовъ выбираетъ и сводитъ всѣ эти опредѣленія вѣры.

(*) Тоже опредѣленіе знанія ниже въ главахъ 4, 10, 17 и VI, 6, согласно съ Филономъ въ его De congressu quaer. erud. grat. Стобей (Eclog. eth.) усвояетъ это опредѣленіе Стоикамъ. У Климента его заимствовалъ Ѳеодоритъ.

(**) А Ѳеофрастъ заимствовалъ это у Аристотеля, положеніемъ котораго было: Nihil est in intellectu, quod non prius fuit in sensu.

3. Противъ еретиковъ, утверждающихъ, что вѣра возникаетъ въ силу естественной необходимости.

Здѣсь послѣдователи Василида утверждаютъ, что вѣра намъ свойственна въ силу естественной необходимости; въ этомъ смыслѣ они ставятъ ее въ зависимость и отъ свободнаго выбора, такъ что она и добрые нравы усвояетъ, благоразумно открывая де въ содержаніи ихъ дѣло необходимости и принимаетъ ихъ безъ предварительнаго обсужденія умомъ. Валентиніане же уступаютъ вѣру намъ, людямъ простымъ, а себѣ, которые де (не по силѣ дѣлъ, а) въ силу (духовности) самой природы своей (по естественной необходимости) спасутся, усвояютъ возвышенное познаніе (*). ибо де они преимуществуютъ предъ другими людьми преизобильнымъ содержаніемъ въ своей природѣ отличныхъ задатковъ; и если послушать ихъ, то познаніе будто бы столь же существенно отличается отъ вѣры, какъ и духъ отъ матеріи. Послѣдователи Василида кромѣ того утверждаютъ еще, что вѣра, состоящая вмѣстѣ съ тѣмъ и свободнымъ выборомъ, имѣетъ различныя ступени и что она въ семъ нисшемъ мірѣ есть слѣдствіе выбора, сдѣланнаго существами его въ мірѣ высшемъ и что даромъ вѣры здѣсь надѣленъ каждый соотвѣтственно своей надеждѣ. Но если вѣра есть естественное преимущество нашей природы, то она уже не есть дѣло добровольнаго и непринужденнаго выбора. Кто въ семъ мірѣ не вѣрилъ, тотъ (за гробомъ) значитъ не можетъ быть и судимъ по справедливости, потому что не по своей винѣ онъ не вѣрилъ. Но и кто вѣрилъ здѣсь, тотъ за свою вѣру также не можетъ быть вознаграждаемъ (на томъ свѣтѣ), потому что вѣра, (имъ содержавшаяся здѣсь), была не его вѣра. Какъ вѣра такъ и невѣріе, (при этомъ пониманіи), по самымъ особенностямъ своимъ и различіямъ, не могутъ подлежать вѣра наградѣ, а невѣріе наказанію; уже здравый разумъ утверждаетъ это. Потому что какъ невѣріе, такъ и вѣра (по сему представленію) возникаютъ изъ естественной и внутренней необходимости, начало которой въ рукѣ Всемогущаго. Но если мы, подобно какимъ-то маріонеткамъ, всецѣло зависимы отъ силъ природы, то напрасно говорить и о какихъ-то свободѣ воли и неволѣ, о желаніяхъ и принужденности, коими все обусловливается въ нашей жизни. Напрасно послѣ этого и доискиваться мнѣ, что за странное животное собою представляю я,—я, жребій коего необходимость, который отъ судьбы надѣленъ желаніями, однакоже возбуждаемыми какою-то чуждою имъ силой. Какое значеніе тогда для человѣка, который можетъ быть не вѣрилъ, имѣть можетъ и раскаяніе, за которымъ слѣдуетъ прощеніе грѣха? Какъ далѣе будетъ согласоваться съ симъ (еретическимъ) ученіемъ и таинство крещенія? Къ чему и такъ осчастливливающее насъ запечатлѣніе, въ немъ налагаемое (*)? Для чего Сынъ и Отецъ? Не инымъ чѣмъ по сему ученію послѣдователей Василида Богъ становится, какъ слѣпымъ раздаятелемъ разныхъ физическихъ организацій, нисколько не заботящимся о свободной вѣрѣ, однакоже основѣ спасенія.

(*) Гносисъ, отсюда гностики.

4. Польза вѣры; она основа всего знанія.

Итакъ изъ священныхъ Писаній мы восприняли, что человѣкъ, будучи одаренъ отъ Бога неограниченной свободой выбора и отверженія, самъ себѣ господинъ. Остановимся посему (своимъ выборомъ) на вѣрѣ и будемъ опираться на нее какъ на посредника въ предметахъ сужденія окончательнаго, другимъ никѣмъ и ничѣмъ незамѣнимаго. Проникнемся и духомъ пламенной ревности по ней. Не *жизнь* ли (Іоан. XIV, 6) избрали мы и не Богу ли самому въ лицѣ Логоса повѣрили (срав. Іоан. V, 32)? И подлинно. Вѣрующій въ Логоса понимаетъ положеніе вещей надлежащимъ образомъ, ибо Логосъ есть сама истина (Іоан. XIV, 6); а кто Логосу не вѣритъ, тотъ значитъ и въ Бога не вѣруетъ (срав. Іоан. V, 46; XIV, 9). *Вѣрою познаемъ, что міръ былъ сотворенъ словомъ Божіимъ, такъ что изъ не-*

(*) Разумѣется не муропомазаніе, а возложеніе рукъ.

видимаго произошло видимое, говорить Апостолъ. *Вѣрою Авель принесъ Богу жертву лучшую нежели Каинъ; ею получилъ свидѣтельство, что онъ праведенъ; ею онъ и по смерти говоритъ еще* и т. д. даже до словъ *нежели наслаждаться кратковременнымъ удовольствіемъ грѣшника* (Евр. XI, 3, 4, 25). Вѣра оправдывала людей, жившихъ и ранѣе закона, содѣлывая ихъ наслѣдниками Божественныхъ обѣтованій. И для чего перебирать намъ по священнымъ исторіямъ всѣхъ подвижниковъ вѣры? *Мнѣ недостанетъ времени, чтобы повѣствовать о Гедеонѣ, о Варакѣ, о Сампсонѣ, объ Іефѳаѣ, о Давидѣ, Самуилѣ и* (другихъ) *пророкахъ* и за тѣмъ что далѣе слѣдуетъ у Апостола.

Истина утверждаться можетъ на четырехъ основахъ: на чувствѣ ея, на постиженіи умомъ, на наукѣ о ней и на догадкахъ относительно ея. Разумѣнію естественно принадлежитъ первое мѣсто; по отношенію же къ намъ и въ разсужденіи нашего ученія это мѣсто будетъ принадлежать чувству. Сущность науки или знанія состоитъ въ соединеніи чувства съ разумѣніемъ, ибо и то и другое равно добиваются ясности. И все-же подступомъ или портикомъ (папертью) къ знанію состоитъ чувство. Что же до вѣры, то она не останавливается на мнѣніяхъ и предположеніяхъ, слагающихся на основаніи чувственныхъ впечатлѣній, но, пролагая себѣ путь чрезъ оныя(*), спѣшитъ къ неложному и успокоивается во свѣтѣ истины.

Если же кто пожелалъ бы сказать, что знаніе (наука) въ соединеніи съ разумомъ все объяснить въ состояніи, тотъ пусть знаетъ, что первоначальныя причины не поддаются никакому объясненію; не могутъ быть онѣ угаданы ни смѣтливостью искуства ни проницательностью разума. Проницательность можетъ быть обращена на вещи только предполагаемыя и измѣнчивыя. Искуство же, оно выполняетъ свои идеалы на дѣлѣ, но не имъ самимъ они ему подсказываются, ибо природа его вовсе не созерцательная. Чрезъ вѣру же, какъ свидѣтельствуютъ наши книги, можно дойти до постиженія начала всѣхъ вещей.

Чрезъ изученіе можетъ быть осилена всякая наука; нужно только, чтобъ изучаемый матеріалъ ея данъ былъ ранѣе. Но напр. начало вселенной для Эллиновъ всегда составляло загадку; не было оно извѣстно ни Ѳалесу, который въ качествѣ первопричины всѣхъ вещей указывалъ воду (*), ни послѣдующимъ физикамъ. Анаксагоръ первый сталъ учить, что происхожденію всѣхъ вещей предшествовалъ Умъ. Но, будучи не въ состояніи защитить достоинство дѣятельной сей Первопричины, вскорѣ сталъ онъ рисовать круженіе какихъ-то безсмысленныхъ вихрей, гдѣ Умъ уже бездѣйствовалъ и только слѣпо повиновался. Не даромъ говоритъ Логосъ: *И учителемъ не называйте никого на землѣ* (Мѳ. XXIII, 9).

Наука вся стоитъ на доказательствахъ. Вѣра же напротивъ есть особенная милость Божія. Отъ вещей, бытіе которыхъ не можетъ быть и доказано, она возвышаетъ насъ до начала простаго, общаго и вселенскаго, которое отъ матеріи не зависитъ, подъ оной не скрыто и самой ей не состоитъ.

Невѣрующіе, кажется, все готовы были бы стащить съ неба на землю и перенесть на нее весь міръ невидимый; все, по словамъ Платона, они своими руками ощупываютъ, и камень и дерево. Ограничивая все твореніе лишь осязаемымъ, они усвояютъ бытіе только тому, до чего могутъ дотронуться и что взять въ руки; сущность и матерія для нихъ одно и тоже. И однакоже они становятся отрицателями своей собственной системы, когда по какому-то непобѣдимому состраданію защищаютъ бытіе нѣкоторыхъ безтѣлесныхъ формъ, утверждая доступность пониманія ихъ только уму и помѣщая ихъ въ сферы высшія нашей, въ міръ невидимый, но чрезъ это лишь издѣваясь надъ истинной сущностью.

(*) Ибо *вѣра отъ слуха*, какъ говоритъ Апостолъ, Рим. X, 17.

(*) Срав. «Увѣщанія къ Эллинамъ» гл. 5; Стром. I, гл. 11.

Вотъ Я сотворю новыя чудеса, говоритъ Логосъ, *какихъ глазъ не видалъ, ухо не слыхало, подобныхъ какимъ еще на сердце человѣческое не входило* (Ис. LXIV, 4, 19; 1 Кор. II, 9). И всѣ эти чудеса могутъ быть видимы и слышимы учениками Господа, способными понимать тѣ дивныя вещи своими вѣрою и разумѣніемъ, ибо вѣра даритъ ихъ новымъ глазомъ, новымъ слухомъ и новымъ сердцемъ, по силѣ чего они говорятъ и слухомъ воспріемлютъ, но и дѣйствуютъ подъ вліяніемъ Духа Божія.

Рядомъ съ настоящей монетой ходитъ и поддѣльная; эта послѣдняя способна обмануть глазъ неопытный, но не обманетъ она мѣновщика; привычка научила его различать и отдѣлять деньги хорошаго качества отъ денегъ качества дурнаго. Такимъ образомъ только мѣновщикъ въ состояніи сказать неопытному: «Вотъ монета фальшивая». Отчего и какъ? Это знаетъ только тотъ, кто былъ въ ученьи у мѣновщика и упражнялся въ его дѣлѣ.

По Аристотелю истинная наука должна сопровождаться сужденіемъ, что то или иное истинно, т. е. умѣньемъ открывать дѣйствительность; или иначе сказать. истинное знаніе должно сопровождаться вѣрой Вѣра такимъ образомъ выше науки и состоитъ ея критеріемъ.

Походитъ на вѣру догадка, родъ нерѣшеннаго мнѣнія, но походитъ такъ же, какъ льстецъ на друга, какъ волкъ на собаку.

Когда рабочій видитъ, что ученье дѣлаетъ его хорошимъ техникомъ; когда лоцманъ, обученный маневрированію, въ состояніи наконецъ бываетъ управлять кораблемъ, то и тотъ и другой заключаютъ, что для усовершенствованія въ искуствѣ недостаточно одного желанія учиться, но требуется для того при полномъ послушаніи ученье. Повиноваться же Логосу, котораго мы назвали нашимъ господиномъ, это значитъ вѣрить въ Него одного, не сопротивляясь, не противорѣча, потому что какое же право мы имѣемъ противупоставлять нашу науку наукѣ Божественной? Познаніе основывается на вѣрѣ, вѣра же соединяется съ познаніемъ связію Божественной и родомъ союза нераздѣльнаго. Самъ Епикуръ, удовольствіе ставящій выше истины, называетъ вѣру упрежденіемъ ума. Упрежденіе же по нему есть стремленіе мысли къ чему-нибудь очевидному и къ ясному уразумѣнію какого либо предмета. Безъ упрежденія, прибавляетъ онъ, невозможно ничего ни искать, ни сомнѣваться, ни рѣшать, ни доказывать. Безъ упрежденія того, что желательно, какъ признать въ найденномъ искомое? Въ томъ же, кто наученъ, упрежденіе производитъ пониманіе. Но если безъ упрежденія ученикъ не можетъ понимать ученія, значитъ онъ долженъ имѣть уши, одаренныя способностью открываться для истины. Счастливъ тотъ, кто можетъ говорить въ уши его слушающія; еще счастливѣе человѣкъ согласія и послушанія. Посему послушаніе равнозначительно пониманію. Итакъ если вѣра есть не что иное какъ только упрежденіе познанія относительно открытаго намъ; если упрежденіе есть только послушаніе; разумѣніе только убѣжденіе: тогда безъ вѣры значитъ ничего не льзя и знать, такъ какъ ничего не льзя узнать безъ упрежденія. Чрезъ это наилучшимъ образомъ доказывается неоспоримая истинность и словъ пророка: *Если не увѣруете, то не уразумѣете*. Гераклитъ Ефесскій, лишь переиначивая это изреченіе пророка, говоритъ: «Кто не надѣется, тотъ и не найдетъ нежданнаго и негаданнаго, такъ какъ неизслѣдимо то и нѣтъ (кромѣ надежды) инаго къ тому доступа».

Платонъ философъ въ своихъ «Законахъ» (кн. V-я) говоритъ: «Кто хочетъ стать вполнѣ счастливымъ и блаженнымъ, тотъ уже внутреннѣйшими основами своего существа долженъ соприкасаться съ истиной, вращаясь возможно долѣе въ области ея; вотъ вѣрный. Невѣрный же есть тотъ, избраннымъ другимъ чьимъ состоитъ ложь. А кому она другъ подневольный. тотъ по меньшей мѣрѣ сумашедшій, если не животное. Послѣдняго, оно же среднее изъ сихъ положеній, нужно избѣгать. Невѣрный и невѣжда не имѣютъ друзей».

И тотъ же самый Платонъ въ «Евтидемѣ»

прикровенно называетъ истину царственной мудростью. Разогните его «Политика» (въ началѣ) и вы прочтете тамъ слово въ слово слѣдующее: «Истиннаго мудреца мудрость есть царственная мудрость; и кто владѣетъ ей, тотъ,—князь ли онъ или простой гражданинъ,—получаетъ чрезъ это право именоваться умомъ царственнымъ».

Увѣровавшіе же во Христа Іисуса и по имени и по дѣламъ суть христіане (*), подобно тому какъ царемъ управляемые представляютъ собою народъ царственный (**). Мудрецы также получаютъ свое имя отъ мудрости, правые точно такъ же въ силу закона правы. Кто происходитъ отъ Христа Іисуса, царя людей, тотъ значитъ царь; и кто отъ Христа происходитъ, тотъ христіанинъ.

Далѣе Платонъ посему уже открыто объявляетъ, что все правое законно, и что законъ, будучи по самой природѣ своей здравымъ разумомъ, не представляется ни книгами, нѣтъ его и въ другихъ произведеніяхъ человѣческихъ. И Элеатъ, его гость, царя и главу государства называетъ живымъ закономъ. Но таковъ (христіанинъ) тотъ, кто исполняетъ законъ *и творитъ волю Отца* (Мѳ. XXI, 31). Живой этотъ законъ какъ бы на какомъ высокомъ деревянномъ столпѣ выставленъ, представляя собою образецъ Божественной добродѣтели, являемой всѣмъ, кто способенъ тотъ образецъ разсматривать (***).

Эллинамъ извѣстно, что тайныя свои письма Лакедемонскіе эфоры писали на деревянныхъ скалкахъ (****). А мой законъ, какъ и прежде сказано, есть законъ царственный и одушевленный, здравый разумъ. «Законъ надъ всѣми царь, надъ безсмертными и смертными», какъ поетъ Бэотіянинъ Пиндаръ (*). Спевзиппъ (**) въ своей 1-й рѣчи противъ Клеофана приблизился къ Платону, написавъ: «Если царство есть вещь хорошая, то конечно въ силу того лишь, что истиннымъ царемъ и начальникомъ бываетъ здѣсь только мудрецъ; но и законъ благъ потому конечно, что состоитъ не инымъ чѣмъ какъ здравымъ разумомъ». И подлинно это такъ. Согласны съ симъ положенія и стоическихъ философовъ. По ученію ихъ царство, жречество, даръ предсказыванія будущаго, наука законодательства, богатство, истинная красота, достоинство и свобода составляютъ достояніе только мудрецовъ. Согласно съ мнѣніемъ большинства они только думаютъ, что въ дѣйствительности трудно встрѣтить этотъ идеалъ.

(*) Срав. «Увѣщанія» гл. 9-ю и примѣч. тамъ.; также Стром. II, гл. 15.

(**) Срав. Стром. VI, 18; VII, 12, 14.

(***) Намекъ на способъ опубликованія законовъ чрезъ вывѣшиваніе ихъ на деревянныхъ или каменныхъ столбахъ.

(****) Или скуталахъ; о сихъ можно читать между проч. и въ латино-русскомъ словарѣ Кронеберга.

5. Примѣры, свидѣтельствующіе о томъ, что Эллинами многое заимствовано изъ священнаго Писанія.

Итакъ оказывается, что всѣ ученія, о коихъ мы только что говорили, Эллинами заимствованы у великаго Моисея. Такъ (фактически) оправдывается слово Писанія, что мудрецу принадлежитъ все (***). *И такъ какъ Богъ умилосердился надо мною*, говоритъ оно, *то есть у меня все* (Быт. XXXIII, 11). А что мудрецъ Богу угоденъ, свидѣтельствуется это другими словами Писанія. *Я Богъ Авраама, Богъ Исаака, Богъ Іакова* (Исх. III, 16), говоритъ Онъ Моисею. Перваго изъ сихъ патріарховъ Богъ открыто удостоиваетъ названія *другомъ* (Іак. II, 23); третьему изъ нихъ мѣняетъ имя на означающее «Бога видѣвшаго» (****), а втораго избираетъ въ качествѣ жертвы священной символомъ будущаго искупленія.

(*) Срав. выше Стром. I, гл. 29.

(**) Спевзиппъ, ученикъ Платона и внукъ его отъ сестры; по смерти своего учителя въ теченіи 8-ми лѣтъ былъ представителемъ Платоновой школы.

(***) Подобное въ концѣ «Увѣщанія» и ниже Стром. II, гл. 19.

(****) Срав. выше Стром. I, гл. 5 и Педагога I, гл. 5 и 7.

Если Эллины хвастаются своимъ Миносомъ, что въ теченіе своего девятилѣтняго правленія (*) онъ по домашнему обращался съ Зевсомъ, то они измыслили это уже послѣ того, какъ сдѣлалось имъ извѣстно, что Моисей разговаривалъ съ Богомъ, *какъ говоритъ человѣкъ со своимъ другомъ* (Исх. XXXIII, 11).

Итакъ Моисей былъ мудрецомъ, царемъ, законодателемъ Спаситель же нашъ возвышается надъ человѣческой природой столь удивительной красотой, что мы, душой стремящіеся къ истинной красотѣ, можемъ любить только Его. *Онъ былъ истиннымъ свѣтомъ* (Іоан. I, 9). Привѣтствуемъ Онъ былъ поцарски неопытными младенцами (Мѳ. XXI, 9, 10; Мк. XI, 9, 10; Лк. XIX, 38); называли Его царемъ и тѣ изъ Евреевъ, кои вовсе и не вѣровали въ Него и не признавали за Нимъ царскаго достоинства; предвозвѣщали Его пришествіе пророки. Былъ Онъ въ такой степени богатъ, что ничтожнымъ для Себя нашелъ всемірное владычество и недостойнымъ Себя владѣніе и распоряженіе всѣмъ золотомъ, какое разсѣяно по поверхности земли или же скрыто внутри ея. Презрительно отнесся Онъ ко всѣмъ этимъ благамъ, коими прельщалъ Его демонъ (**) и не промѣнялъ своего дѣла на всю государственную славу (Мѳ. IV, 8—10). Къ чему добавлять мнѣ, что Онъ единственный первосвященникъ и одинъ владѣетъ пониманіемъ Божественнаго культа (*)? Будучи *царемъ мира, Мелхиседекомъ* (Евр. VII 2), только Онъ одинъ достоинъ стоять во главѣ человѣческаго рода. Онъ законодатель, такъ какъ устами пророковъ далъ законъ, въ которомъ заповѣдано и возвѣщено ясно, что слѣдуетъ дѣлать и чего надлежитъ избѣгать. Кто благородствомъ можетъ съ Нимъ сравниться, съ Нимъ, который своимъ Отцомъ имѣетъ единаго Бога?

Но вотъ мы сошлемся на свидѣтельство самого Платона, подтверждающаго своимъ авторитетомъ эти ученія. Въ «Федрѣ» онъ называетъ мудреца богачомъ. «О Панъ возлюбленный, восклицаетъ онъ, и вы всѣ здѣсь присутствующіе боги, даруйте мнѣ красоту душевную, установите соотвѣтствіе между моими внутренними благами и внѣшними; о если бы мнѣ только мудреца богачомъ считать» (**)! Аѳинскій же его гость, осуждая считавшихъ себя богачами на томъ только основаніи, что скопили много золота, даетъ выраженіе своему негодованію на это въ такихъ выраженіяхъ: «Невозможно совмѣстить съ великимъ богатствомъ и великія добродѣтели. Подъ богатствомъ же я разумѣю, что обыкновенно и у большинства разумѣется подъ нимъ. Есть нѣкоторый немногочисленный кружокъ людей, въ изобиліи владѣющихъ благами, пріобрѣтаемыми па вѣсъ денегъ; но блага эти наравнѣ со всякимъ другимъ человѣкомъ могутъ состоять собственностью и нечестивца». «Честному человѣку, говоритъ Соломонъ, принадлежатъ всѣ блага сего міра; у злаго же собствен-

(*) Въ Одиссеѣ Гомера XIX, 178—180 читаемъ:

Между городами Крита есть большой городъ Кносъ;
И тамъ царемъ былъ ἐννέωρος Миносъ,
Дружескій собесѣдникъ великаго Зевса.

Какъ понимать это ἐννέωρος? По объясненію древнихъ Миносъ чрезъ каждые 9 лѣтъ входилъ въ освященный народною вѣрою гротъ и бесѣдовалъ здѣсь въ теченіе нѣкотораго времени со своимъ отцомъ Зевсомъ, получая отъ него законы для своего острова. Съ этимъ какъ будто и дальнѣйшіе стихи согласуются, которые могутъ быть понимаемы такъ, что въ теченіе послѣдующихъ 9 лѣтъ Миносъ управлялъ де отъ имени Зевса. По объясненію же другихъ ἐννέωρος значитъ, что Миносъ уже девятилѣтнимъ мальчикомъ вступилъ на царскій престолъ. Наконецъ еще объясненіе, что Миносъ царствовалъ въ теченіе только 9 лѣтъ.

(**) Буквально: «противникъ», въ чемъ очевидно вліяніе Варнавы, который въ гл. 2 своего посланія также называетъ демона этимъ именемъ.

(*) Вліяніе Стоиковъ, которые по свидѣтельству Діогена Лаэрція (VII, 119) благочестіе опредѣляли такъ, что это де есть «умѣнье почитать боговъ». Тоже опредѣленіе благочестія передаютъ Секстъ Эмпирикъ Adv. Matem., Стобей въ Ecl. eth. и Свида.

(**) Подъ конецъ разговора слова Сократа.

ной нѣтъ и полушки» (*). Но еще болѣе слѣдуетъ довѣрять Писанію, которое такъ говоритъ: *Легче канатъ продѣть въ ушко иголки, нежели богача* проникнуть мудростью (Мѳ. XIX, 24). *Блаженны нищіе*, прибавляетъ оно (Мѳ. V, 3). Того же мнѣнія и Платонъ. «Не тотъ бѣденъ, говоритъ онъ, чьи богатства уменьшаются, а чья ненасытимость увеличивается. Не въ безденежьи бѣдность, а въ ненасытимости. Искорените жадность къ деньгамъ, и человѣкъ добродѣтельный разбогатѣетъ» (**). Открываю изъ Платоновыхъ разговоровъ «Алкивіада» (***) и читаю здѣсь: «Порочность есть достояніе раба; добродѣтель же есть собственность человѣка свободнаго». *Стряхните съ себя это тяжелое иго, васъ обременяющее*, говоритъ Писаніе, *и возьмите Мое легкое* (Мѳ. XI, 28—30): выраженія знакомыя и поэтамъ, которые рабство называютъ игомъ(****). Согласуется съ этимъ и другое изреченіе Писанія: *Себя вы про али грѣхамъ* (Рим. VII, 14). *Всякій, кто грѣшитъ, есть рабъ. Но рабъ не пребываетъ въ домѣ вѣчно. Если же Сынъ васъ освободитъ, то будете свободны и истина освободитъ васъ* (Іоан. VIII, 34—36). Именно въ этомъ смыслѣ Аѳинскій гость (*****) усвояетъ мудрецу истинную красоту. «Утверждать, говоритъ онъ, что мудрецъ прекрасенъ и при отсутствіи тѣлесной красоты, значитъ говорить правду, потому что правота поведенія дѣйствительно проникаетъ человѣка красотой необыкновенной». *Видъ Его имѣетъ недостатки противъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ*, восклицаетъ пророкъ (Ис. LIII, 3)(******). И все-же Платонъ, о чемъ мы уже говорили (*), въ «Политикѣ» называетъ мудреца царемъ. Но мы кончаемъ рѣчь о семъ и возвращаемся къ разсужденію о вѣрѣ.

Прославляя миръ, Платонъ доказываетъ, что вѣра повсюду необходима. «Перенесите человѣка праваго и вѣрнаго, говоритъ онъ, въ среду возмутившагося народа: не во всеоружіи ли добродѣтели и здѣсь онъ явится? Корыстолюбцы же ищутъ смерти въ битвахъ, увлекаемы будучи въ оныя жадностію; по большей части они дерзки и нечестивы и почти всѣ они безъ исключенія безмѣрно надменны» (**).

Если всѣ эти принципы вѣрны, то «всякій законодатель въ своемъ законодательствѣ долженъ преслѣдовать единственную цѣль, споспѣшествованіе возвышеннѣйшей добродѣтели; добродѣтелью же этой состоитъ неуклонная вѣрность», (***), постоянно необходимая намъ, и въ войнѣ и въ мирѣ, во всякую минуту жизни, потому что она представляетъ собою совокупность всѣхъ добродѣтелей. «Не въ войнахъ благо и не въ мятежахъ,—нужно молить боговъ, чтобъ никогда ихъ не было,—а въ мирѣ; взаимная благорасположенность людей, вотъ благо» (****). Изъ этихъ разсужденій Платона вытекаетъ съ неоспоримостью, что миръ долженъ быть предметомъ пламеннѣйшихъ нашихъ желаній и что вѣра есть мать возвышеннѣйшихъ добродѣтелей. Справедливо посему слово Соломона: «*На устахъ вѣры мудрость* (Притч. XV, 4 и друг.). И Ксенократъ въ своемъ разсужденіи «О благоразуміи» называетъ мудрость «наукою о первоначальныхъ причинахъ и объ умозрительной сущности». Благоразуміе же, по его мнѣнію, двояко: одно практическое, другое же созерцательное; послѣднее онъ называетъ мудростью человѣческой. Слѣдовательно мудрость есть благоразуміе, но не всякое благоразуміе есть мудрость. Такъ относительно напр. начала

(*) Изреченіе, заимствованное писателемъ повидимому изъ какого-то апокрифа.

(**) Въ De leg. V.

(***) Алкивіада 1-го подъ конецъ.

(****) Такое выраженіе употребляетъ напр. Ликофронъ въ «Кассандрѣ» ст. 504.

(*****) Выводимый Платономъ въ De leg. въ качествѣ собесѣдника съ Сократомъ.

(******) Слова объясняемыя писателемъ въ приложеніи ко Христу Іисусу и въ Стром. III, 17 и въ Пед. III, 1.

(*) Выше въ гл. 4-й сей книги.

(**) Разумѣется мнѣніе Платона изложенное въ его De leg. I.

(***) Тоже изъ De leg. Платона.

(****) Тоже изъ De leg.

вселенной нами уже доказано, что оно может быть постигнуто лишь вѣрой, а не доказательствами какими либо отъ разума.

Ничего посему нѣтъ страннаго въ томъ, что ученики Самосца Пиѳагора не очень-то въ своихъ изслѣдованіяхъ хлопочутъ объ особыхъ доказательствахъ, а убѣждаются однимъ простымъ словомъ: «Самъ сказалъ». Они руководятся единственно вѣрой и находятъ ее совершенно достаточной для подтвержденія слышаннаго и для удовлетворенія своего ума. Въ наши же дни даже люди, возвышающіеся до пониманія истины, не вѣрятъ въ Учителя столь достойнаго вѣры, въ своего единственнаго Искупителя, въ Бога: не странно ли это? Они даже противорѣчатъ Ему и въ подтвержденіе Его словъ требуютъ отъ Него доказательствъ. Но Христосъ (какъ при жизни, такъ и нынѣ) говоритъ на это: *Имѣющій уши слышать да слышитъ* (Мѳ. XI, 15 и др.). А кто сей слышащій? Епихармъ намъ говоритъ на это: „Умъ видитъ, умъ слышитъ; остальное все слѣпо и глухо" (*). Гераклитъ, порицая нѣкоторыхъ невѣрующихъ, называетъ ихъ людьми «ни слушать не способными, ни говорить не умѣющими». Онъ вдохновлялся при семъ конечно словами Соломона: *Любящій слушаться приметъ; а выслушавъ умудрится* (Притч. VI, 34)

6. Превосходство вѣры и ея польза.

Господи, кто повѣрилъ слышанному отъ насъ, восклицаетъ Исаія (Ис. LIII, 1). Ибо *вѣра отъ слышанія*, какъ свидѣтельствуетъ Апостолъ, *а слышаніе чрезъ проповѣдь о Христѣ Іисусѣ. Но какъ призывать Его, если не вѣрятъ въ Него? А какъ будутъ вѣрить въ Него, если никогда и не слыхали о Немъ? И какъ слышать безъ проповѣдниковъ? А откуда возьмутся проповѣдники, если не будутъ посылаемы? Посему и написано: Какъ прекрасны ноги возвѣщающихъ благое* (Ис. LII, 7; Рим X, 17, 14, 15). Видишь, какъ вѣру, возникающую изъ слышанія и усвоенія проповѣди Апостольской, Апостолъ возводитъ къ слову Господнему и Сына Божія? Но какъ бы кажется того не понять, что слово Божіе уже само по себѣ представляетъ собою авторитетъ и не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ.

Подобно тому какъ при игрѣ въ мячъ мало одного человѣка, ловко бросающаго мячъ; необходимъ при семъ по правиламъ игры еще кто нибудь, который вó время ловилъ бы его: точно такъ же и ученіе можетъ быть усвоено умомъ ученика какъ достовѣрное лишь при покорности, когда содѣйствуетъ принятію его вѣра слушающихъ, средство (къ усвоенію предносящагося намъ) и сообразительность (тактъ) въ нѣкоторомъ родѣ уже прирожденныя, самой природой намъ дарованныя. Подобно этому и труду сѣятеля много способствуетъ естественная производительность уже и самой почвы. Безъ доброй воли и воспріимчивости ученика даже наилучшее ученіе оказывается безполезнымъ; слушателю не расположенному къ доброхотной покорности не пособятъ и не помогутъ никакія пророчества. Подъ дѣйствіемъ же огня сухая солома легче загорается, потому что она подготовлена къ принятію на себя воздѣйствія пламени. Если магнитъ, этотъ извѣстнѣйшій минералъ, притягиваетъ собой желѣзо, то онъ обязанъ этимъ существующему между ними сродству. По той же самой причинѣ смола притягиваетъ солому и янтарь мякину. Въ этомъ случаѣ и то и другое, и желѣзо и солома, бываютъ увлекаемы какимъ-то таинственнымъ дуновеніемъ, котораго съ точностію объяснить не льзя, но которое очевидно состоитъ причиною не начальной, но лишь содѣйствующею, вспомогательной.

Двоякимъ образомъ порокъ себя заявляетъ въ борьбѣ противъ насъ: то таинственностью прикрывается онъ и съ цѣлію застать насъ врасплохъ пользуется разными хитростями; то нападаетъ на насъ открыто и грабитъ насильственно. Потому-то Божественный Логосъ и возвышаетъ голосъ свой, всѣхъ призывая къ Себѣ. Заранѣе Онъ знаетъ тѣхъ, кто не послушается Его, но такъ какъ всецѣло отъ насъ зависитъ, повиноваться или сопротивляться и

(*) Посредствующая мысль: остальные же эти суть невѣрующіе.

чтобъ никто не могъ извиняться незнаніемъ, то Онъ призываетъ одинаково всѣхъ людей, требуя отъ каждаго, что по силамъ его. Потому что одни изъ призываемыхъ въ одно и тоже время имѣютъ и волю и власть надъ собой; они достигли сего и очистились чрезъ постоянную борьбу съ самими собой; другіе же хотя не имѣютъ еще власти надъ собой, но уже имѣютъ волю, ибо воля есть достояніе души, дѣйствіе же не можетъ осуществиться безъ содѣйствія тѣла. Но и не концомъ дѣла измѣряется достоинство его; должно быть принимаемо въ разсчетъ при оцѣнкѣ дѣйствія и опредѣленіе при выборѣ его: принято было рѣшеніе съ усиліемъ или безъ онаго, раскаялся ли въ своихъ грѣхахъ принявшій доброе рѣшеніе, мучитъ ли его совѣсть за паденіе, т. е. впослѣдствіи позналъ ли онъ то, въ чемъ раскаялся, ибо раскаяніе есть послѣдующее познаніе, а познаніе есть сознательное удаленіе отъ грѣха. Раскаяніе собственно говоря состоитъ значитъ дѣломъ вѣры, ибо незная, что узы, коими мы были держимы ранѣе, суть узы грѣха, не льзя и оставить ихъ. И если кто не вѣритъ, что остающагося въ своихъ грѣхахъ грѣшника ожидаетъ наказаніе, а живущаго по заповѣдямъ Божіимъ спасеніе, то не измѣнитъ тотъ и своего поведенія. Надежда также возникаетъ изъ вѣры.

Послѣдователи же Василида опредѣляютъ вѣру такъ, что это де «есть согласіе души на признаніе бытія вещей, не возбуждающихъ въ насъ ощущенія, потому что онѣ внѣ нашего сознанія». Но если надежда есть ожиданіе обладанія какимъ либо благомъ, то необходимо, чтобы ожиданіе это было проникнуто вѣрой; а вѣренъ тотъ, кто сохраняетъ неприкосновеннымъ довѣренное ему. Намъ же довѣренное состоитъ въ словѣ о Богѣ и въ словѣ Божіемъ и въ Божественныхъ заповѣдяхъ и въ завѣщаніи наблюдать ихъ. Тотъ *рабъ вѣрный* (Мѳ. XXIV, 45; XXV, 21), котораго самъ Богъ похваляетъ; а когда о Богѣ Апостолъ говоритъ *Богъ вѣренъ* (1 Кор. I, 9; X, 13), то онъ заповѣдуетъ этимъ возвѣщаемому Богомъ вѣрить. Но познаніе о семъ *вѣрномъ Богѣ* сообщаетъ намъ Логосъ Его.

Итакъ если разумѣніе равнозначительно съ вѣрою, то какимъ же это образомъ философы воображаютъ, что ученія ихъ и безъ вѣры прочны? Мысль не есть свободное согласіе съ чѣмъ либо предварительно доказаннымъ; она есть невольное согласіе съ чѣмъ либо превозмогающимъ; а что могущественнѣе Бога? Невѣріе же есть слабосиліе мысли и отрицаніе предлагаемаго, точно такъ же какъ сомнѣніе есть состояніе, съ трудомъ мирящееся съ вѣрой. Вѣра есть результатъ разсужденія совершенно свободнаго, постиженіе разумомъ того, что предстоитъ еще; ожиданіе же есть лишь простая мысль о чемъ либо предстоящемъ; и не въ сферѣ нашего только ученія, но и во всѣхъ другихъ случаяхъ оно есть мысль о вещи неизвѣстной. Довѣріе же есть преждевременное, но уже прочное, познаніе о какомъ либо предметѣ. Поэтому-то мы и довѣряемъ только Богу, относительно котораго знаемъ, что Онъ поможетъ намъ спастись и войти въ славу Божію,—что не нарушитъ Онъ своихъ обѣтованій и не лишитъ насъ благъ, созданныхъ для насъ и благоволительно предназначенныхъ въ награду намъ за нашу вѣрность. Благоволеніе же, доброжелательство состоитъ въ желаніи блага кому нибудь изъ за него самого, кому сего блага желаютъ и изъ за самаго сего блага (*). Богъ самъ ни въ чемъ не нуждается. Человѣкъ есть единственная цѣль благости Господней; Божественныя щедроты имѣютъ своимъ предметомъ не иное что какъ единственно благо творенія. Но если *Аврааму его вѣра была вмѣнена въ оправданіе* (Рим. IV, 3), а мы—потомки, сѣмя Авраама, то должны *отъ слуха* вѣрить, ибо мы *чада Израиля* (Гал. IV, 27), а эти не чудесами убѣждаются, а словами (1 Кор. I, 22). *Радуйся безплодная, не раждавшая; скачи и пой хвалебныя пѣсни ты, не имѣвшая дѣтей*, говоритъ пророкъ. *Супруга*

(*) Подобное же опредѣленіе благоволенія въ Пед. I, 11 въ концѣ.

нѣкогда покинутая сдѣлалась многочадніе чѣмъ мужа имѣющая (Ис. LIV, 1; Гал. IV, 27). *Ты стала жить среди народа; дѣти твои будутъ благословенны подъ кущами своихъ отцовъ.*

Если пророчество обѣщаетъ намъ тѣ же обители, что и патріархамъ, то это знакъ, что Богъ обоихъ завѣтовъ одинъ и тотъ же. *Ты наслѣдовалъ завѣтъ Израиля*, прибавляетъ пророкъ еще яснѣе (Ис. LIV, 3, 10, 17; LV, 3), намекая на обращеніе язычниковъ, сей неплодной супруги мужа, т. е. Логоса, нѣкогда покинутой Имъ, которому она уже была обручена. *Праведникъ вѣрою живъ будетъ* (Авв. II, 4; Рим. I, 18), той т. е. которая зиждется на завѣтѣ и заповѣдяхъ, ибо оба эти завѣта, различные по имени и времени, даны провидѣніемъ по соображенію съ обстоятельствами времени и предназначенностью; по достоинству же они представляють собою одно цѣлое; какъ завѣтъ ветхій такъ и новый равно исходятъ чрезъ Сына отъ одного и того же Бога. Посему Апостолъ въ посланіи къ Римлянамъ и говоритъ: *Въ Евангеліи правда Божія намъ открыта соотвѣтственно различнымъ ступенямъ вѣры, возвышающейся до той, о коей предрекали пророки и которая нашла себѣ совершеннѣйшій предметъ свой въ Евангеліи* (Рим. I, 17). Апостолъ учитъ насъ чрезъ это, что спасенія достигать можно при посредствѣ только единаго Господа. *Преподаю тебѣ, сынъ мой Тимоѳей, такое завѣщаніе, согласно съ пророчествами, тебѣ раньше сказанными: воинствуй добрымъ воиномъ согласно съ законами воинства святаго, сохраняя вѣру и добрую совѣсть, которую отвергнувъ нѣкоторые потерпѣли кораблекрушеніе въ вѣрѣ* (1 Тим. I, 18, 19), потому что совѣсть, дарованную отъ Бога, они осквернили невѣріемъ.

Не дерзость ли послѣ этого говорить, что вѣра (наша) есть добродѣтель легкая и обыкновенная, доступная всякому? Если бы она была человѣческимъ измышленіемъ, за что ее считаютъ Эллины, то она уже давнымъ давно погасла бы. Если-же она ежедневно все далѣе и шире распространяется, такъ что нѣтъ мѣстностей, гдѣ ея не было бы, то я утверждаю, что она,—на естественной ли любви зиждется или, какъ клевещутъ на нее, на страхѣ,—есть нѣчто Божественное, такъ какъ никакая земная дружба не можетъ надломить ея силъ, никакой страхъ предъ чѣмъ либо временнымъ не можетъ разрушить ея. То правда конечно, что связуется сей дружественный союзъ вѣрныхъ любовію, но основу сей нашей взаимной любви составляетъ вѣра, такъ какъ именно она руководитъ нашей благотворительностью.

Такъ какъ обвиняющіе насъ вѣрятъ еще въ страхъ, бывшій педагогомъ въ церкви подзаконной и будто бы состоящій источникомъ и нашей вѣры, то пусть они знаютъ, что страхъ есть только часть нашей вѣры. Потому что если бы какимъ либо дѣяніемъ кто обнаружилъ существованіе его въ себѣ, то это не значило бы еще, что это страхъ питаетъ онъ предъ настоящимъ и предъ непосредственной дѣйствительностью, а страхъ это предъ грознымъ будущимъ. Да, и мы вѣримъ въ этого рода страшное и имѣемъ предъ нимъ страхъ, и однакоже не страхомъ пораждается наша вѣра, а она дѣлаетъ страхъ только достойнымъ вѣры и одобряетъ его. Благодаря дивной перемѣнѣ, которую Богъ производитъ чрезъ вѣру, невѣрующаго измѣняя въ вѣрнаго, вѣра въ одно и тоже время проникаетъ его и надеждою и страхомъ.

Намъ кажется теперь съ очевидностью разъясненнымъ, что первый шагъ къ спасенію есть вѣра. Послѣ нея споспѣшествуютъ оному страхъ, надежда и покаяніе, соединенныя съ воздержностію и терпѣніемъ; они лишь усиливаютъ любовь и споспѣшествуютъ нашему познанію. Совершенно справедливо потому говоритъ апостолъ Варнава: «Изъ того, что самъ получилъ, я счелъ себя обязаннымъ немного и вамъ послать, дабы вмѣстѣ съ вѣрою имѣли вы и совершенное познаніе. Страхъ и ожиданіе будущихъ благъ суть какъ бы хранители нашей вѣры; долготерпѣніе въ злоключеніяхъ и воздержность насъ поддерживаютъ въ борьбѣ. Тѣ, въ коихъ эти добродѣтели живутъ въ чистотѣ, вступаютъ въ радостный союзъ съ Бо-

гомъ и находятъ свое удовольствіе въ мудрости, въ разумѣніи, въ наукѣ и знаніи». Итакъ если только что поименованныя добродѣтели суть элементы познанія, то открывается, что вѣра значитъ тѣмъ болѣе состоитъ онымъ; она составляетъ жизненный воздухъ какъ человѣка—гностика такъ и въ мірѣ живущаго. Какъ безъ четырехъ стихій мы жить не можемъ, такъ и безъ вѣры не можемъ достигнуть познанія. Итакъ вѣра есть основа истины (положенія вещей, согласнаго съ природою и разумомъ).

7. Польза страха; опроверженіе возраженій противъ него

Хулители страха состоятъ въ то же время порицателями и закона. Но явно, что нападеніе на законъ равнозначительно съ осужденіемъ самого Бога, виновника закона. Невозможно правителя отдѣлять отъ управленія и завѣдываніе отъ вещи, подлежащей оному. Вы ставите принципомъ отмѣну закона? Но послѣдуетъ тогда, что каждый, предающійся удовольствіямъ, къ какимъ влекутъ его чувственныя пожеланія, станетъ пренебрегать несомнѣнно-честнымъ и гнушаться Богомъ, безстрашно обнаруживая свои неправедность и нечестіе, вовсе оставивъ пути истины.

«Страхъ, говорите вы, есть разслабленное, смущенное состояніе души, при коемъ разумъ бездѣйствуетъ; это болѣзнь души» (*). Но что хотите вы сказать этимъ? И что это за охота вамъ продолжать настаивать на этомъ опредѣленіи страха, когда заповѣдь о немъ дана намъ самимъ Логосомъ? Онъ запрещаетъ дѣла постыдныя, въ видахъ отклоненія грѣшника отъ оныхъ и чрезъ это исправленія, грозя ему страхомъ (наказанія). Страхъ слѣдовательно не противорѣчитъ разуму; вожатымъ его состоитъ разумъ.

И почему же несогласно съ разумомъ сопровождать угрозой неисполненіе такихъ заповѣдей какъ: *Не убій, преступной склонности у чужихъ женщинъ не ищи, не крадь, не лжесвидѣтельствуй* (Исх. XX, 13—16). Изобрѣтая различныя замысловатыя слова, философы (Стоики) острастку закона замѣняютъ предостереженіемъ. И пусть ихъ усвояютъ они своему мудрецу (не страхъ, а) предувѣдомленіе со стороны разума, совѣтующаго ему нѣкоторыхъ вещей избѣгать. Фазилитянинъ Критолай не даромъ же называетъ такихъ философовъ оспаривателями словъ.

Превосходно, даже весьма возвышеннымъ образомъ эта самая заповѣдь о страхѣ раскрываетъ нашимъ хулителямъ именно то, о чемъ они философствуютъ, имена мѣняя. По ихъ мнѣнію (не страхъ, а) осторожность согласна съ разумомъ, такъ какъ она заставляетъ насъ избѣгать вещей вредныхъ и такъ какъ она сопровождается раскаяніемъ въ допущенныхъ разъ ошибкахъ. Но именно *страхъ Божій есть начало премудрости; и кто исполняетъ заповѣди Его, тѣмъ свойственно разумѣніе истинное* (Притч. I, 7; Пс. CX, 10). Давидъ именуетъ мудрость такимъ дѣломъ, котораго началомъ (принципомъ) состоитъ страхъ Божій; слѣдовательно страхъ открываетъ намъ путь къ мудрости. И если законъ собою пораждаетъ страхъ, то познаніе закона значитъ также есть начало премудрости и безъ закона значитъ нѣтъ мудреца.

Безумцами состоятъ тѣ, кои отстраняютъ законъ; по справедливости равнымъ образомъ слѣдуетъ назвать ихъ и нечестивцами (безбожниками). Исправленіе страхомъ есть начало премудрости. *Нечестивые же*, говоритъ Писаніе, *пренебрегаютъ мудростью и послушаніемъ* (Притч. I, 7).

Но посмотримъ, какихъ злыхъ дѣлъ законъ заповѣдуетъ страшиться. Тѣхъ ли, которыя составляютъ средину между порокомъ и добродѣтелью, напр. бѣдности, болѣзней, дурнаго общественнаго мнѣнія, безславнаго рожденія и тому подобнаго? Нѣтъ, поставляютъ въ этомъ важность законодательства лишь многихъ городовъ, ставящія остереженіе гражданъ отъ всего этого своею цѣлью. Такъ думаютъ и Перипатетики, толкующіе о троякости благъ и видящіе въ ихъ противуположностяхъ бѣдственность. Намъ же данный законъ ве-

(*) Срав. Пед. I, 13 въ началѣ.

литъ намъ избѣгать слѣдующихъ вещей, подлинно бѣдственныхъ: преступной склонности у женщинъ преступнаго заискиванія, распутства, педерастіи, разныхъ безразсудствъ, несправедливостей, болѣзненной страстности души, смерти, но не той, которая отдѣляетъ душу отъ тѣла, а которая отклоняетъ душу отъ нормы. Вотъ главныя бѣдствія, дѣйствительно тяжкія и ужасныя, коихъ нужно страшиться, равно какъ и послѣдствій отсюда проистекающихъ. *Не безъ основаній сѣти крылатымъ* (людямъ вѣтренымъ, пустымъ, распущеннымъ) *разставляются*, говорятъ наши Божественныя Притчи, *ибо соучастники убійствъ на свои собственныя головы массу бѣдствій собираютъ* (Притч. I, 17, 18).

Что за основанія послѣ этого у нѣкоторыхъ изъ еретиковъ законъ хулить, отрицать благость его и порицать Апостола за его слово: *Закономъ сообщается познаніе грѣха* (Рим. III. 20)? Вовсе не то это значитъ, скажемъ мы, что отъ закона грѣхъ; не законъ его творитъ, онъ только указываетъ на грѣхъ. Указывая, что надлежитъ дѣлать, онъ въ тоже время предаетъ того проклятію, кто запрещенное творитъ. Но учить тому, что спасительно, указывать гибельное, одно совѣтовать, другое запрещать, не составляетъ ли это собою одного изъ признаковъ благости закона? Еретики не поняли Апостола. По его словамъ чрезъ законъ обнаружилось познаніе грѣха; но Апостолъ не сказалъ, что источникъ грѣха въ законѣ.

Можетъ ли быть нехорошъ тотъ законъ, который состоитъ нашимъ руководителемъ и данъ намъ въ Педагога ко Христу, дабы по исправленіи страхомъ и избравъ другой путь шли мы прямо къ усовершенствованію, достигаемому чрезъ Христа Іисуса. *Я не желаю смерти нечестивца, а раскаянія его* (Іезек. XXXIII, 11; XVIII, 23, 32), говоритъ Господь. Раскаяніе же возникаетъ изъ заповѣди, запрещающей нѣчто дѣлать, съ другой стороны возвѣщающей благодѣянія (*). *Смертью* же. какъ я думаю, Господь въ этомъ случаѣ называетъ невѣдѣніе. Но и словами: *Для вразумленія Господь наказываетъ приближающихся къ Нему* (Юд. VIII, 27) Писаніе хочетъ сказать то навѣрное, что приближающійся къ Богу познаніемъ мужественно борется изъ любви къ истинѣ съ опасностями, страхами, заботами, страстями. *Сынъ наказанный отходитъ мудрымъ и сынъ разумный отъ безпорядочныхъ страстей уклоняется, слушаясь заповѣдей* (Притч. X, 4; V, 5, 8). «*Горе тѣмъ, которые мудры въ своихъ собственныхъ глазахъ и лишь предъ самими собой разумны*» (Ис. V, 21), говоритъ Апостолъ Варнава. Потомъ онъ прибавляетъ: «Содѣлаемся духовными; будемъ храмомъ Богу достойнымъ Его величія; сколько зависитъ отъ насъ, озаботимся страхомъ Божіимъ, подвизаясь въ соблюденіи заповѣдей Божіихъ, обрѣтая радость въ исполненіи Божественныхъ оправданій» (гл. 4). Отсюда и это Божественное слово: *Страхъ Божій есть начало премудрости* (Притч. I, 7).

(*) Срав. Стром. I, въ гл. 25.

8. Опроверженіе бредней послѣдователей Василида и Валентина, утверждающихъ, что страхъ есть универсальная причина возникновенія всѣхъ вообще явленій даже и въ мірѣ высшемъ.

Послѣдователи же Василида иначе понимаютъ все нами выше сказанное: «Самъ Архонтъ, услышавъ сообщеніе служащаго Духа, изумился слышимому и видимому, и только послѣ того сообщилъ міру Евангеліе. Это-то изумленіе Его и дало начало страху и возникновенію премудрости раздѣляющей, различающей, совершенствующей и возстановляющей. Ибо не только міръ, но и выдѣленіе избранныхъ есть ступень лишь предварительная» (*).

(*) Яснѣе эти мудрованія Василида, кажется, могутъ быть изложены такъ: «Верховный Архонтъ чрезъ Христа сообщилъ міру Евангеліе только послѣ того, какъ Духъ Святый, состоя посредникомъ въ возведеніи матеріи изъ состоянія безобразнаго къ проникновенію сознаніемъ сыновства, эту мысль о поступаніи къ сему всей вообще природы сообщилъ сыну Великаго Архонта. Этотъ, отъ своего Сына услышавъ мысль о своемъ соб-

Валентинъ въ одномъ изъ своихъ посланій развиваетъ очевидно тѣже самыя мысли, говоря: «Ангелы были объяты полнѣйшимъ ужасомъ, когда эта глина, человѣкъ, обработанная ими, стала испускать звуки, способности къ чему они никакъ не ожидали отъ своего произведенія. Но въ самую глину оказалось невидимо свыше опущеннымъ сѣмя высшей сущности, вслѣдствіе чего она и оказалась способною къ дару слова. Подобно сему ужасу, внушенному Ангеламъ сотвореннымъ ими человѣкомъ, и для людей сего міра, язычниковъ, созданія рукъ человѣческихъ, статуи и изображенія, были предметомъ ужаса. И такъ какъ руки и всѣхъ работаютъ во славу Божію, то и Адамъ, созданный Ангелами во славу человѣка первообразнаго, внушилъ имъ благоговѣйный страхъ собой, а именно: они стали опасаться, какъ бы не воскресъ въ подражаніи типъ первоначальный; посему они пожелали тотчасъ же свое дѣло разрушить». Таково ученіе Валентина.

Позднѣе мы докажемъ, что начало бытія вещей существуетъ только одно (Богъ). Оттуда откроется, что всѣ эти праздныя измышленія еретиковъ представляютъ собой нѣчто въ родѣ пронзительнаго чирликанья сверчковъ или же верезга свиней.

(Теперь же отвѣтимъ мы на нихъ просто). Такъ какъ Богомъ за цѣлесообразное было найдено прежде ниспосланія (Христа) Господа воспитывать народъ свой чрезъ законъ и пророковъ, то *страхъ Божій* и названъ былъ *началомъ премудрости* (Пс. CX, 10), страхъ, провозвѣщенный Господомъ чрезъ Моисея сердцамъ непослушнымъ и жестокимъ: кто не покорится де закону, тѣхъ смягчитъ страхъ; ибо Логосъ, наставляющій и наказующій, заранѣе предвидѣлъ неповиновеніе нѣкоторыхъ и жестокосердіе; но такъ или иначе, тѣмъ или инымъ образомъ, Онъ хотѣлъ очистить ихъ, а орудіе домостроительски-цѣлесообразно поднялъ до благочестія.

Что же до изумленія, то оно порождается въ насъ вещью, представляющейся намъ необычной или неожиданной, какъ напр. изумляетъ насъ внезапное какое либо извѣстіе; страхъ же напротивъ есть преувеличенное удивленіе предъ чѣмъ либо возникающимъ или существующимъ. Василидіане такимъ образомъ не замѣчаютъ, что, усвояя изумленіе прославляемому ими великому Богу, они обрекаютъ Его чрезъ это на душевныя волненія, и кромѣ того дѣлаютъ рабомъ невѣдѣнія. На очень невѣрное дѣло рѣшились они съ этимъ своимъ утвержденіемъ, будто было какое то изумленіе и будто бы ему предшествовало невѣдѣніе, будто изумленіе и страхъ, начало премудрости, были страхомъ самого Божества. Какъ бы не замѣтить того, кажется, что невѣдѣніе поднимается чрезъ это до первопричины самой премудрости Божіей, творенія міра, но и возведенія вещей въ наилучшее состояніе и даже выдѣленія изъ общей массы людей самихъ ихъ, избранниковъ Божіихъ. Потомъ спросимъ мы: «Невѣдѣніе это было

ственномъ сыновствѣ, чрезвычайно этому изумился, ибо Онъ считалъ Себя за Бога вселенной, а тутъ оказался продуктомъ развитія матеріи. Онъ не зналъ, что матеріи присущи зачатки дальнѣйшаго развитія и думалъ, что возвышенію (обожествленію) ея съ Нимъ насталъ конецъ. Это изумленіе Архонта при видѣ продолжающагося развитія матеріи до проникновенія сознаніемъ сыновства, до воспламененія онымъ и просвѣщенія, было равнозначительно со страхомъ и содѣлалось началомъ премудрости, раздѣляющей роды, различающей ихъ, совершенствующей и возстановляющей въ наилучшее состояніе. Ибо не только образованіе вселенной, но и изъ общей массы людей выдѣленіе пневматиковъ, или чадъ Божіихъ, въ прогрессивномъ поступаніи матеріи къ проникновенію себя сознаніемъ сыновства и къ обожествленію есть ступень лишь предварительная,—3-й моментъ сего развитія, а именно стремленіе къ тому окружающей насъ видимой природы (Рим. VIII, 19), находящейся еще въ состояніи смѣшанномъ всемірнаго сѣмени, проходящей процессъ очистительный, расточающей благодѣянія, но и принимающей оныя; съ Іисуса онъ только еще начался».

невѣдѣніемъ добра или зла»? Если невѣдѣніемъ добра, то почему же оно прекращается послѣ изумленія? И тогда къ чему еще небесный Посланникъ? Къ чему проповѣдь? Къ чему крещеніе? Если же это было невѣдѣніе зла, то какимъ образомъ зло было причиной возникновенія вещей добрыхъ? А они именно это утверждаютъ, что «еслибы не предшествовало всему невѣдѣніе, то не сошелъ бы и Посланникъ съ небесъ; изумленіе тогда не поразило бы (великаго) Архонта, страхъ не сдѣлался бы началомъ премудрости, руководившей Имъ въ отдѣленіи пневматиковъ отъ людей мірскихъ».

Что же касается до утвержденія Валентина, что страхъ предъ допрежъ сего существовавшимъ (первообразнымъ) человѣкомъ заставилъ Ангеловъ лукавить противъ собственнаго ихъ созданія потому лишь, что въ основѣ этого произведенія ихъ оказалось, полученное имъ свыше, незримое сѣмя высшей Божественной субстанціи, тогда одно изъ трехъ: 1) или начала ихъ ревность мучить изъ за совершенно неосновательныхъ предположеній относительно человѣка; но это невѣроятно. Невѣроятно, чтобы, будучи создателями человѣка, потомъ сами же они на свое собственное дѣтище руки наложили. Да и то не допустимо, чтобъ они осуждены были на полнѣйшее относительно человѣка невѣдѣніе. 2) Или же они приступили было къ своему злоумышленію, обладая полнымъ относительно человѣка предвѣдѣніемъ. Но съ предварительнымъ того знаніемъ, чѣмъ имѣло стать ихъ твореніе, они не стали бы столь дѣятельно ему сѣти разставлять. Съ другой стороны, если свойственно было имъ предвѣдѣніе, то не были бы они поражены и изумленіемъ при видѣ своего созданія: именно по силѣ своего предвѣдѣнія они знали бы тайну полученія свыше ихъ твореніемъ Божественнаго сѣмени. 3) Или же наконецъ они не побоялись строить козни человѣку потому, что самое предвѣдѣніе касательно его волновало ихъ, что также невозможно, потому что они должны же были знать объ ожидающемъ человѣка блаженномъ положеніи въ Плеромѣ. Къ тому же они и тѣмъ знаніемъ безъ сомнѣнія обладали, что человѣкъ представляетъ собою подобіе своего первообраза, что въ отпечаткѣ воспроизведенъ первоначальный сей образъ и что душа человѣческая погибнуть не можетъ.

Именно къ такимъ-то непослушнымъ и еще къ нѣкоторымъ другимъ еретикамъ, особенно же Маркіонитамъ, свящ. Писаніе взываетъ: *Слушающій Меня пребудетъ въ радости; свободный отъ страха онъ будетъ жить въ мирѣ* (Притч. I. 33).

Что же за тѣмъ предполагаютъ они сдѣлать съ закономъ? Объявить его дурнымъ они не могутъ. Различая доброе отъ справедливаго, они вынуждены согласиться, что законъ справедливъ.

(Выходъ изъ затрудненія мы предлагаемъ имъ слѣдующій). Когда Господь заповѣдуетъ бояться зла, то не то это значитъ, что при посредствѣ зла Онъ выпускаетъ зло на волю, а такъ сіе понимать слѣдуетъ, что указаніемъ на одну изъ двухъ противуположностей поясняетъ онъ другую. Зло представляетъ собой противуположность добру, подобно тому какъ справедливость противуположна несправедливости. Итакъ если въ выше приведенныхъ словахъ Господнихъ подъ свободой отъ страха разумѣется та свобода, которая обусловливается удаленіемъ отъ грѣховъ, проистекающимъ изъ страха отвѣтственности за нихъ предъ Богомъ, то страхъ значитъ представляетъ собою нѣчто доброе, и слѣдовательно страхъ предъ закономъ не только справедливъ, но и благодѣтеленъ, такъ какъ онъ отклоняетъ насъ отъ пороковъ.

Такъ Господь воспитываетъ насъ до свободы вліяніемъ страха. Не питаніемъ страстей Онъ устанавливаетъ въ нашей душѣ безстрастіе и миръ поселяетъ, а водвореніемъ въ ней господства надъ страстями чрезъ укрощеніе ихъ. Вотъ почему Соломонъ говоритъ: *Чти Господа и будешь силенъ; бойся же только Меня одного* (Притч. VII, 2).

Итакъ *страхъ Божій* состоитъ въ боязни грѣха и въ послушномъ исполненіи заповѣдей

Божіихъ, за что получимъ отъ Бога награду; онъ равнозначителенъ съ благочестіемъ.

Но страхъ, говорятъ наши противники, есть смущенное, взволнованное состояніе души. Такъ. Но не всякое душевное смятеніе есть страхъ. Страхъ предъ демонами отличается смятенностью души, потому что демоны и сами находятся въ постоянномъ, и внѣшнемъ и внутреннемъ, волненіи. Богъ же напротивъ того безстрастенъ; посему и внушаемый Имъ страхъ не вноситъ въ душу никакой растерянности и разстройства, никакихъ безпорядковъ, смутъ и замѣшательствъ. Не самого Бога боюсь я, а боюсь низверженія съ лона Его. Но кто сего боится, тотъ и къ грѣху относится боязливо и въ пороки впадать не отваживается, ихъ опасается, отъ нихъ остерегаясь. Положительное же стремленіе человѣка, опасающагося паденій, на то обращено, какъ бы не потерять своего спокойствія и блаженства и какъ бы отъ страстей свободнымъ быть. *Мудрецъ*, говоритъ свящ. Писаніе, *боится и уклоняется отъ зла; безумецъ же, въ слѣпой надеждѣ лишь на самого себя, порицаетъ Бога»* (Притч. XIV, 16). И далѣе: *Въ страхѣ предъ Господомъ надежда твердая* (Притч. XIV, 26).

9. Взаимная связь между собою христіанскихъ добродѣтелей.

Сей страхъ Божій возвышаетъ насъ до перемѣны чувствъ и рѣшеній (до покаянія) и до надежды. Надежда же есть ожиданіе благъ, или несумнительное упованіе на полученіе блага, еще не состоящаго нашимъ достояніемъ. Само собой понятно, что укрѣпляется такой благонадежностью и несчастіе. Мы научены вѣдь, что надежда какъ бы за руку ведетъ насъ къ любви. Любовь же состоитъ въ наблюденіи требованій разсудка, въ устроеніи жизни и общественныхъ нравовъ; короче сказать, она есть взаимное общеніе людей въ сей жизни; или иначе сказать, она есть постоянная, разумная и честная, дружественная и предупредительная готовность оказывать услуги своимъ семейнымъ и ближнимъ, содѣйствовать пользамъ ихъ и благу. Другъ, это второй я. Посему-то тѣхъ, которые одинаково съ нами возрождены тѣмъ же самымъ Логосомъ, мы и братьями называемъ (*).

Къ любви относится гостепріимство. Съ пріятной простотой и изящной легкостью оно наблюдаетъ пользы и благо чужестранцевъ; чужестранцы же или иноземцы суть тѣ, кои чуждаются вещей мірскихъ; тѣхъ же, надежды коихъ землею ограничиваются, кои цѣль своей жизни поставляютъ въ наслажденіяхъ земныхъ и лишь чувственнымъ удовольствіямъ преданы, такъ и считаемъ мы къ міру и суетамъ его прилѣпившимися. *И съ вѣкомъ симъ не сообразуйтесь*, говоритъ Апостолъ, *но преобразуйтесь обновленіемъ* (освѣженіемъ, оздоровленіемъ) *ума, дабы познавать вамъ, что есть воля Божія, что хорошо, на что воззрѣніе очамъ Божіимъ пріятно и что совершенно* (Рим. XII, 2). Гостепріимство сіе упражняется въ томъ, что благу сихъ чужеземцевъ способствуетъ; мы принимаемъ ихъ гостепріимно, потому что они гости (въ семъ мірѣ); мы рады имъ бываемъ какъ любезнымъ намъ друзьямъ; друзья же сіи суть и братья намъ. «О братъ мой милый», восклицаетъ Гомеръ (Ил. V, 359).

И человѣколюбіе, мать утонченно-нѣжныхъ отношеній къ людямъ, оно состоитъ въ дружественномъ оказываніи добра имъ, въ споспѣшествованіи ихъ пользамъ. Но эта утонченность нашихъ отношеній къ нимъ, эта нѣжность нашего обращенія съ ними, состоя изящнымъ и предупредительнымъ исполненіемъ того, что нашимъ друзьямъ и ближнимъ любезно и пріятно, въ свою очередь опять собой усиливаетъ любовь, содѣйствуя и способствуя развитію ея. Если внутренній нашъ человѣкъ дѣйствительно проникнутъ Духомъ (Святымъ), то человѣколюбіе это для сопричастниковъ того же Духа равнозначительно братолюбію.

Благорасположенность же есть постоянное наблюденіе доброжелательности и любви. Послѣдняя представляетъ собою доказательство благорасположенности полное и безусловное,

(*) Подобное ниже въ гл. 18-й.

(свидѣтельствуемое одобреніемъ чувствъ и мыслей одного со стороны другаго и взаимнымъ согласіемъ); и любимымъ быть, это значитъ нравиться кому нибудь за свой нравъ, за свои правила и привычки; это значитъ влiять ими на другихъ; это равнозначительно съ наложеніемъ на другихъ своего характера и съ отвлеченіемъ ихъ отъ образа мыслей и дѣйствій съ нашимъ несходнаго. Любовь обусловливается слѣдовательно взаимной склонностью, сочувствіемъ другъ другу. Но до взаимнаго сего сочувствія доводитъ насъ единомысліе, признаніе блага въ одномъ и томъ же и взаимное устремленіе нашихъ умовъ на созиданіе сего общаго блага. *Любовь же ваша*, говоритъ Апостолъ, *да будетъ искренняя и непритворна. Зла отвращайтесь, къ добру же и братолюбію старайтесь прилежать неуклонно.* И такъ далѣе въ томъ же духѣ продолжаетъ Апостолъ даже до словъ: *Если возможно и насколько это отъ васъ зависитъ, живите въ мирѣ со всѣми* (Рим. XII, 9, 10, 18). Онъ присовокупляетъ еще: *Не будьте побѣждаемы зломъ, но побѣждайте зло добромъ* (Рим. XII, 21).

Тотъ же Апостолъ свидѣтельствуетъ объ Іудеяхъ, что они *имѣютъ ревность по Богѣ*, но что эта ревность ихъ *не по разуму, ибо не разумѣя правды Божіей и силясь установить вмѣсто нея свою собственную они предъ правдой Божіей не захотѣли смириться.* Ибо воли закона они не знали и не исполняли, считая волей закона то, что сами дѣлали. И въ законѣ видѣли они не пророческое слово (*), а пустое; и если оставались вѣрными ему, то изъ страха, а не по любви къ нему или вѣрѣ въ него. *Ибо конецъ закона есть Христосъ*, пришествіе котораго *во оправданіе* всѣхъ въ Него вѣрующихъ было предречено закономъ (Рим. X, 2, 3, 4). Вотъ почему у Моисея сказано объ Іудеяхъ: *И Я вызову ихъ ревность народомъ, который не Мой народъ и приведу ихъ въ раздраженіе народомъ несмысленнымъ*, но готовымъ повиноваться (Втор. XXXII, 21; Рим. X, 19). И чрезъ пророка Исаію сказано о нихъ: *Я былъ найденъ не искавшими Меня и открылся не старавшимся познать Меня.* Это было сказано еще до пришествія Спасителя объ язычникахъ; послѣ же и нынѣ эти упреки пророка справедливо должны быть считаемы обращенными къ Израильтянамъ. *День и ночь простиралъ Я руки къ н роду невѣрующему и Моихъ словъ неслушающемуся* (Ис. LXV, 1, 2; Рим. X, 20, 21). Отсюда открывается до очевидности ясно, что причину призванія язычниковъ пророкъ видитъ въ невѣріи и непокорности народа Божія. Но тутъ же обнаруживается и благость Божія, ибо Апостолъ говоритъ: *Но паденіе Іудеевъ сдѣлалось спасеніемъ язычниковъ, дабы примѣръ ихъ возбуждалъ въ нихъ благородное соревнованіе* и побуждалъ ихъ къ раскаянію (Рим. XI, 11).

Пастырь (Ермы) находитъ, что какъ между Іудеями, такъ и между язычниками многіе изъ почившихъ праведниковъ нашли милость у Господа; и они были изъ жившихъ не только до пришествія Спасителя, но ранѣе сообщенія даже и закона; таковы Авель, Ной и другіе. Посему говоритъ онъ, что «Апостолы и учители (церкви), проповѣдывавшіе (во время земной своей жизни) имя Сына Божія, и по смерти продолжали служеніе свое; по силѣ своей вѣры во Христа Господа и благодати Его они герольдами были Его пришествія между праведниками, ранѣе ихъ почившими». Далѣе говоритъ онъ: «И сихъ послѣднихъ они запечатлѣли печатью (своего) проповѣданія. Вмѣстѣ съ ними сошли они въ воду и вышли изъ нея. Но сойдя въ оную живыми (тѣлесно), Апостолы и христіане живыми же (возрожденными для добродѣтели) и вышли изъ нея. Что же касается ранѣе умершихъ (тѣлесно), то сіи сошли въ нее мертвыми (не облагодатствованными для жизни духовной), а вышли живыми. Такъ Апостолы посредствовали имъ жизнь и познаніе (дѣла) Сына Божія. Какъ еслибъ это были камни какіе, они изъ глубокой преисподней были вознесены ими на высоту и вошли въ созиданіе башни (церкви) не въ качествѣ какихъ-то обломковъ, а цѣльными личностями. Ибо скончались они въ великой праведности и чис-

(*) Т. е. таинственное о Христѣ Іисусѣ.

тотѣ. Только печати сей имъ недоставало(*)». *Ибо, когда язычники, не имѣющіе закона, по природѣ законное дѣлаютъ*, говоритъ Апостолъ, *то не имѣя закона они сами себѣ служатъ закономъ* (Рим. II, 14).

Итакъ добродѣтели находятся одна къ другой въ отношеніяхъ взаимной copринадлежности (**). Нужно ли послѣ сего то снова повторять, что нами уже и доказано. что вѣра надѣется въ силу раскаянія, а благоговѣйная осторожность (страхъ Божій) въ силу вѣры и что неуклонное пребываніе въ сихъ добродѣтеляхъ, соединенное съ углубленіемъ въ оныя, себѣ конецъ находитъ въ любви, которая въ свою очередь совершенствуется чрезъ познаніе?

Но необходимо при семъ замѣтить, что по существу премудръ только Богъ; премудрость есть содержаніе Божія существа и отпечатлѣлась она въ сообщеніи истиннаго ученія; и премудрость эта истиннаго ученія представляетъ собою вѣдѣніе (гносисъ) совершеннѣйшее (***).

Философъ любитъ истину и привѣтствуетъ ее; любовь же (христіанская) преобразовываетъ вѣрнаго слугу въ вѣрнаго друга (****).

«Начало истины или знанія (гносиса) есть удивленіе», говоритъ Платонъ въ «Θеатетѣ». И Матѳій говоритъ въ своихъ «Преданіяхъ»: «Дивитесь тому, что предъ вами»; онъ утверждаетъ чрезъ это, что удивленіе есть первая ступень къ достиженію со временемъ познанія. Вотъ почему и въ «Евангеліи къ Евреямъ» согласно съ симъ написано: «Кто удивленіемъ проникся, тотъ воцарится, а воцарившись тотъ и въ покой войдетъ» (*****).

(*) «Пастырь» Ермы кн. III, гл. 16. Тоже мѣсто писатель приводитъ въ Стром. VI, гл. 6-й.

(**) Подобное въ Стром. VIII, гл. 9.

(***) *Сказалъ* (ἐγνώρισα) *вамъ все, что слышалъ отъ Отца Моего*, говоритъ Спаситель (Іоан. XV, 15).

(****) Повидимому подражаніе словамъ Спасителя: *Я уже не называю васъ рабами, ибо рабъ не знаетъ, что дѣлаетъ господинъ его; но Я назвалъ васъ друзьями, потому что сказалъ вамъ все, что слышалъ отъ Отца Моего* (Іоан. XV, 15).

(*****) Объ «Евангеліи отъ Евреевъ» на рус. языкѣ есть обстоятельнѣйшее изслѣдованіе покойнаго Преосвященнаго Михаила Курскаго въ его «Объ Евангеліяхъ и евангельской исторіи». 1870. Москва.

Невозможно дѣлать примѣненій изъ философскихъ ученій, не зная ни ихъ, ни идеи мудрости себѣ не составивъ: предварительно нужно разстаться со своимъ касательно сего невѣжествомъ. Ибо что такое философія? Она представляетъ собою стремленіе постигнуть дѣйствительно сущее; она обусловливается прилежаніемъ къ изслѣдованіямъ, ведущимъ къ сему. И прилежаніе это должно быть такого рода, что хотя бы ежедневными упражненіями и былъ пріобрѣтенъ кѣмъ либо навыкъ къ добру, все-же онъ долженъ озабочиваться обстоятельнѣйшимъ того знаніемъ, какъ примѣнить добро то на дѣлѣ, долженъ онъ упражняться въ практическомъ осуществленіи его и продолжать работу надъ симъ. Тотъ уподобляется Богу, нашему Спасителю, кто при посредничествѣ Его, великаго Первосвященника, Логоса, Богу вселенной служитъ (*). О посредничествѣ же Христа Господа говорю потому, что нравственно прекрасное и справедливое познается въ совершенствѣ, согласно съ истиннымъ о семъ ученіемъ, только при Его (благодати) посредствѣ. Онъ намъ показуетъ, что благочестіе есть дѣятельное осуществленіе обязанностей, согласное съ волею Божіею.

10. Характеръ христіанскаго философа

Тремя отличительными чертами характеризуется нашъ философъ. Вопервыхъ онъ — созерцатель; потомъ онъ — исполнитель заповѣдей, и въ третьихъ — воспитатель другихъ людей до добродѣтели (**). Совмѣщеніе трехъ этихъ качествъ въ одномъ лицѣ создаетъ истиннаго гностика; если же ему недостаетъ хотя одного изъ трехъ этихъ качествъ, то и гносисомъ своимъ онъ значитъ еще прихрамываетъ. Превосходно говоритъ на сей счетъ Писаніе: *И сказалъ Господь къ Моисею, говоря: Объяви сы-*

(*) Повидимому намекъ на изреченіе Спасителя: *Дѣлайте, доколѣ день есть* (Іоан. IX, 4).

(**) Подобное въ Стром. VII, гл. 1-й.

намъ Израилевымъ и скажи имъ: Я Господь Богъ вашъ. Согласно съ обычаями земли Египетской, въ которой вы жили, не поступайте; и по нравамъ земли Ханаанской, куда Я веду васъ, также не поступайте и установленій ихъ не держитесь. Мои законы исполняйте и Мои постановленія соблюдайте; поступайте по нимъ. Я Господь Богъ вашъ. И соблюдайте всѣ постановленія Мои и исполняйте оныя. А исполняющимъ оныя долженъ считаться тотъ человѣкъ, который жить будетъ по нимъ. Я Господь Богъ вашъ (Лев. XVIII, 1—5). Не будемъ разслѣдовать здѣсь, Египетъ и Ханаанская земля служатъ въ семъ изреченіи образами міра и его заблужденій, или же душевныхъ страстей и пороковъ (*); то же Божественнымъ словомъ симъ открывается намъ ясно, что лучше держаться Божественныхъ заповѣдей, нежели мірскихъ. А когда въ словѣ семъ сказано: *Исполняющимъ же оныя постановленія будетъ считаться тотъ, который будетъ жить по нимъ*, то выраженіе это нужно относить до вразумленія какъ Евреевъ, такъ равнымъ образомъ до созиданія и усовершенія жизни и насъ христіанъ, *близкими ставшихъ* (Еф. II, 13); имѣетъ оно отношеніе какъ къ жизни ихъ (остающихся далеко), такъ и къ нашей. *И насъ мертвыхъ по преступленіямъ* (себя погубившихъ своими грѣхами) *Богъ оживотворилъ со Христомъ* (намъ возвратилъ жизнь въ лицѣ Христа Іисуса) чрезъ завѣтъ съ нами (Еф. II, 5). Писаніемъ неоднократно повторяется въ данномъ мѣстѣ выраженіе: *Я Господь Богъ вашъ*. Чрезъ это оно внушаетъ намъ священные стыдъ и страхъ, отклоняетъ насъ отъ зла и учитъ исполненію заповѣдей, намъ данныхъ Богомъ. Тихое напоминаніе предлежитъ намъ въ семъ выраженіи искать Бога и, насколько то для насъ возможно, стараться познавать Его. Вотъ величественнѣйшій предметъ созерцаній. Созерцаніе Бога вводитъ насъ въ постиженіе священнѣйшихъ тайнъ, обогащаетъ насъ достовѣрнѣйшими познаніями(*), вѣчно цѣнными. И предметъ сей (Богъ) представляетъ собою единственное содержаніе мудрости, правая дѣятельность въ кругъ которой входитъ съ непремѣнностью.

(*) Все это почти съ начала главы написано подъ вліяніемъ Филоновыхъ разсужденій въ его De congressu quaer. er. gr.

11. Познаніе, посредствуемое вѣрой, наидостовѣрнѣйшее.

Знаніе же мнящихся быти мудрыми, будетъ ли оно состоять въ странностяхъ ученій варварскихъ или въ философіи Эллиновъ, по Апостолу, *надмеваетъ* (1 Кор. VIII, 1). Иное дѣло—знаніе, опирающееся на научное доказательство согласія нѣкоторыхъ преданій съ истинною философіей: такое знаніе достовѣрно. То знаніе должны мы признать разумнымъ, которое въ несомнѣнномъ и неоспоримомъ ищетъ доказательствъ и тому, что собой возбуждаетъ сомнѣніе. Вѣра же двояка: одна съ научнымъ знаніемъ соединена и на него опирается; другой же состоитъ та, которая опирается на знаніе мечтательное и мнимое. Ничто не препятствуетъ посему и доказательства въ пользу вѣры раздѣлять на два вида: на доказательства научныя и на доказательства дутыя, опирающіяся на фиктивность и иллюзіи воображенія. Потому что и познанія вообще, равнымъ образомъ и знанія, которыя предварительно нужно имѣть, чтобъ доказывать что либо, также двояки: одни тщательно выработанныя и опытныя, другія же недостаточныя и несовершенныя. Что же послѣ этого? Лишь только наши доказательства неистинны что ли? Только тѣ доказательства, коими мы пользуемся, ложны что ли? Но они заимствуются нами изъ свящ. Писаній и почерпаются изъ той *мудрости, которой*, по Апостолу, *мы Богомъ самимъ научены* (1 Сол. IV, 9). Разумѣніе же нами этой мудрости состоитъ въ послушаніи заповѣдямъ Божіимъ; это и есть вѣра въ Бога. И вѣра сія есть даръ нѣкій Божественный; это такъ сказать превозмогающая, преодолѣвающая сила самой ис-

(*) Сравни выше опредѣленіе знанія въ концѣ гл. 2-й сей книги и въ друг. мѣстахъ.

тины. И что это такъ, сему тотчасъ же находимъ подтвержденіе въ свящ. Писаніи. Тамъ сказано напр.: *Еслибы вы имѣли вѣру какъ зерно горчичное, то горы переставляли бы* (Мѳ. XVII, 20). И еще: *По вѣрѣ твоей да будетъ тебѣ* (Мѳ. IX, 29), и одинъ по силѣ своей вѣры оказался исцѣленнымъ (Мѳ. IX, 22 или Лк. XVIII, 42); другой же, уже умершій, оказался воскрешеннымъ по силѣ вѣры того, кто повѣрилъ въ его воскрешеніе (Мѳ. IX, 23—25; или Іоан. XI, 40). Доказательство же въ пользу вѣры, на иллюзіяхъ воображенія утверждающееся, есть человѣческое доказательство и представляетъ собою нѣчто жалкое, слабое, плохое и ничтожное; оно состоитъ въ доводахъ риторическихъ или же въ умствованіяхъ и заключеніяхъ діалектическихъ. Доказательство же, на которое мы выше намекнули, и которое мы назвали доказательствомъ научнымъ, вѣру прививаетъ или вдыхаетъ чрезъ ссылки на свящ. Писаніе и чрезъ раскрытіе и разъясненіе его людямъ, жаждущимъ знанія; это и есть знаніе истинное, гносисъ. Чѣмъ доказывается что либо, то само должно быть признаваемо за истинное. Но преданія, записанныя въ свящ. Писаніи, суть истинныя, Божественныя и пророчественныя; ясно слѣдовательно, что и приводимыя изъ оныхъ доказательства должны отличаться тѣмъ же характеромъ истинности; доказательство такимъ образомъ становится для насъ вполнѣ обоснованнымъ знаніемъ, гносисомъ.

Когда Моисею повелѣвается на память о Божественной и небесной пищѣ (*) сохранять ее въ золотой урнѣ и считать сей памятникъ за священный, то говорится: *Гоморъ составляетъ десятую часть трехъ мѣръ* (эфы) (Исх. XVI, 33). Чрезъ это обозначается, что въ насъ самихъ есть три масштаба, три судительныхъ способности: чувство для сужденія о вещахъ матеріальныхъ; разумъ для обсужденія высказываемыхъ идей и мыслей; для сужденія же о вещахъ, постигаемыхъ лишь созерцаніемъ, въ насъ есть умъ. Истинный гностикъ посему долженъ воздерживаться отъ грѣховъ языка или слова, равнымъ образомъ отъ грѣховъ мысли и чувства, а также отъ грѣховъ дѣла. Онъ не слышалъ только, но и мысль свою и волю устремилъ на это слово: *Посмотрѣвшій съ пожеланіемъ уже преступной склонности ищетъ* (Мѳ. V, 28). Всею душею своею воспринялъ онъ и проникся симъ словомъ: *Блаженны чистые сердцемъ: они Бога узрятъ* (Мѳ. V. 8). Выразумѣлъ онъ и это слово: *Не то оскверняетъ человѣка, что входитъ въ уста, а то оскверняетъ человѣка, что выходитъ изъ устъ, ибо изъ сердца исходятъ злые помыслы* (Мѳ. XV, 11, 19). Вотъ, полагаю я, подлинно Божественный масштабъ, истинный и вѣрный, коимъ можетъ быть мѣряемо (оцѣниваемо) все подлежащее измѣренію (оцѣнкѣ); вотъ мѣра (масштабъ) для пониманія и оцѣнки всего человѣка, во всѣхъ направленіяхъ, мѣра объемлющая всю десятерицу составныхъ частей человѣка, которыя выше тремя мѣрами обозначены лишь вообще. Десять же этихъ частей, входящихъ въ составъ человѣческаго существа, суть слѣдующія: тѣло, душа, пять чувствъ, даръ слова, образовательная сила свойственная входящимъ въ составъ человѣка матеріальнымъ элементамъ, мыслительная или духовная способность, или какимъ хотите инымъ именемъ назовите ее. Но слѣдуетъ, на остальныя всѣ части вниманія не обращая, лишь въ умѣ искать себѣ устойчивости. О девяти составныхъ частяхъ міра всякую заботу мы оставили. И первѣе всего перестали мы заниматься четырьмя стихіями, находящимися въ смѣшанномъ видѣ въ каждомъ данномъ мѣстѣ. Потомъ семью блуждающими планетами мы болѣе не занимаемся и въ нихъ не вѣримъ. А далѣе и землею сей пренебрегаемъ. Оставивши все это обратились мы къ почитанію числа болѣе совершеннаго чѣмъ девять, т. е. къ почитанію части 10-й (*),

(*) Дальнѣйшее писателемъ написано подъ вліяніемъ Филоновыхъ разсужденій въ его De congr. quaerendae erudit.

(*) О совершенствѣ десятеричнаго числа, которое погречески обозначается чрезъ іоту I, писатель

короче сказать къ познанію Бога; отъ твари страстно мы устремились къ Творцу. Поэтому-то и посвящалась Богу ежедневнэ (у Евреевъ) 10-я часть эфы и 10-я часть всѣхъ жертвъ. Поэтому же для души и истинное праздество Пасхи, собою означающей (милованіе) отреченіе отъ страстей и отложеніе всего чувственнаго, состоитъ въ устремленіи къ сему десятеричному числу, Богу, единому вѣчному и лишь созерцаніемъ постигаемому (*).

Такъ истинный гностикъ сростается съ вѣрою. Мнящійся же быть мудрымъ ученіями истинными не затрогивается, будучи увлекаемъ пожеланіями необдуманными и неустойчивыми. Отсюда по праву и всей справедливости (**) написано: *И вышелъ Каинъ отъ лица Божія и поселился въ землѣ Наидъ, насупротивъ Эдема.* (Быт. IV, 16). Наидъ же значитъ «безпокойство», а Эдемъ «пріятности». Вѣра и познаніе (гносисъ) и (душевный) миръ именно суть пріятности, изъ страны и отечества которыхъ непослушный изгоняется. А мнящійся быть мудрымъ именно таковъ; онъ совсѣмъ не хочетъ слушать Божественныхъ заповѣдей; какъ и всякій самоучка онъ надмененъ, охотно отдается онъ волненію морскому, спускаясь съ высотъ знанія вѣковѣчнаго до занятія вещами преходящими и пошлыми. Не даромъ говоритъ премудрый: *Имъ же нѣсть управленія, тѣ падаютъ аки листвіе* (Притч. XI, 14). Разсудительность, сила души правительственная, представляя собой начало устойчивое, всегда самому себѣ равное и руководительное, посему и называется кормчимъ души. Къ неизмѣнному можно быть приводимымъ тоже чрезъ нѣчто неколебимое. Вотъ поэтому-то *Авраамъ предъ лицемъ Господа «стоялъ»* (въ одномъ и томъ же положеніи, безъ всякихъ перемѣнъ) *и приблизившись сказалъ* (Быт. XVIII, 22, 23). И Моисею заповѣдуется: *Ты же «стань» тутъ предо Мною* (Исх. XXXIV, 2). Отсюда послѣдователи Симона воображаютъ, что именно эту устойчивость принциповъ собой и своими нравами олицетворяютъ, когда покланяются статуѣ (Стоящему) (*).

Итакъ вѣра и познаніе истины въ мѣру проникновенія оными души, имъ отдавшейся, сообщаютъ ей согласіе съ самой собою и себѣ равенство. Съ познаніемъ же ложнымъ необходимо соединены торопливое перебѣганье отъ предмета къ предмету, уклончивость и удаленіе (отреченіе), тогда какъ истинно-гностическое знаніе разливаетъ по душѣ тишину и по-

---

распространяется въ Стром. VI, гл. 11-й. Нѣсколько онъ уже говорилъ о семъ въ Педагогѣ кн. I, гл. 9-й. И въ этомъ онъ слѣдуетъ Филону.

(*) Такъ истолковываетъ Пасху Филонъ въ своей книгѣ De Abrahamo.

(**) Дальнѣйшее изъ сочиненія Филонова De Cherubim.

(*) Въ Стром. I, гл. 24 нашъ писатель уже имѣлъ случай намекнуть на непреложность Божію и неколебимое постоянное пребываніе при одномъ и томъ же, а также на неизмѣнность Его свѣта. Въ Стром. VII гл. 10-й онъ снова возвращается къ сему. Отсюда Бога нѣкоторые изъ древнихъ авторовъ называли «Стоящимъ». Подобное говоритъ напр. Филонъ въ своемъ De nominum mutatione. Кириллъ Александрійскій въ кн. III противъ Юліана пишетъ, будто Платонъ училъ о существованіи двухъ боговъ, одного «Стоящаго», другаго постоянно «Движущагося». Почему Симонъ волхвъ приказывалъ себя называть «Стоящимъ», открывается изъ «Клементинъ» бес. 2-й гл. 22-й: онъ называетъ себя здѣсь вѣчнымъ и тѣлесной смерти не подлежащимъ. Посему авторъ «Клементинъ» въ гл. 24-й бесѣды 2-й снова говоритъ о «Стоящемъ». Подобное въ бес. 18-й гл. 6-й, 7-й, 12-й и 14-й. Помнитъ Симона «стоящаго» и авторъ Recognitionum Климента Римскаго, кн. I гл. 72; кн. II, гл. 7 и 11; кн. III, гл. 47 и авторъ Clementinae Epitomes гл. 25.—Св. Іустинъ философъ говоритъ въ Апологіи 1-й, что Симону волхву воздавали почтеніе божеское; тоже въ «Разговорѣ съ Трифономъ». Св. Ириней въ кн. I-й подъ конецъ гл. 20-й говоритъ, что послѣдователи Симона кланялись изображенію Симона, представленному въ видѣ Зевса и изображенію Элены въ видѣ Минервы. Подоб. блаж. Ѳеодоритъ Haer. fab. кн. I подъ конецъ гл. 1-й.

кой и миръ. Посему какъ на философію навлекаетъ подозрѣніе надменность и хвастливое о себѣ мнѣніе, такъ и къ познанію истинному (гносису) возбуждаетъ недовѣріе познаніе (гносисъ) ложное, совершенно напрасно прикрывающееся этимъ именемъ. О семъ-то лживомъ гносисѣ и пишетъ Апостолъ: *О Тимоѳей, преданное тебѣ храни, отвращаясь негоднаго пустословія и прекословій лжеименнаго знанія, которому предавшись нѣкоторые уклонились отъ вѣры* (1 Тим. VI, 20, 21). А такъ какъ этими словами еретики изобличаются, то они посланій къ Тимоѳею и не принимаютъ (*).

Итакъ если Господь есть *истина* (Іоан. XIV, 6) *и мудрость и сила* (1 Кор. I, 24), чѣмъ въ дѣйствительности Онъ и состоитъ, то открывается, что познавшій Его дѣйствительно есть истинный гностикъ. Но чрезъ Него онъ познаетъ и Отца Его. Примѣчается и чувствуется, что именно на немъ осуществляется это слово Писанія: *Уста праведныхъ вѣдаютъ высокое* (Притч. X, 21; XII, 1).

12. О двоякости вѣры.

Вѣра подобно времени обращена своимъ лицомъ въ двѣ стороны; потому и образомъ своихъ мыслей и расположеній обращена она по двумъ направленіямъ: однимъ, а именно воспоминаніемъ, она обращена къ прошедшему; а другимъ, надеждою, она устремлена въ будущее. Мы вѣримъ въ прошедшее и въ предстоящее будущее. Препобѣждаемы будучи вѣрой, мы неколебимо убѣждены, что прошедшее именно такъ слагалось и обстояло, какъ передается намъ; по силѣ же надежды мы ожидаемъ извѣстнаго рода событій, еще не совершившихся.

Любовь же у гностика вращается во всѣхъ частяхъ зданія его личности. Онъ знаетъ, что Богъ единъ и что *все, сотворенное Имъ, хорошо весьма* (Быт. I, 31); онъ знаетъ это и удивляется. Благочестіе собою ему надбавляетъ къ жизни число лѣтъ, а страхъ Божій ему дни удлинняетъ (Притч. III, 2, 16). Дни наши на этой землѣ хотя и оканчиваются смертью, однакоже они составляютъ часть жизни, текущей въ вѣчность: подобно этому и страхъ становится началомъ любви; усиливаясь онъ обращается сначала въ вѣру, а потомъ преобразуется въ любовь. Но этотъ страхъ Божій не походитъ на страхъ и ненависть, внушаемыя намъ какимъ либо звѣремъ; припомните, что есть двоякаго рода страхъ. Отца боюсь я; но боясь вмѣстѣ съ тѣмъ и люблю его. Бояться быть наказаннымъ значитъ любить себя (любовію эгоистическою); бояться же недовольство отца чѣмъ либо возбудить значитъ (уважая себя) любить себя любовію, соотвѣтствующей благородству внутреннѣйшаго нашего существа (любовію, проистекающей изъ сознанія своей личности). Счастливъ тотъ, кто вѣрнымъ становится подъ вліяніемъ любви и страха. Вѣра собою представляетъ укрѣпленіе насъ во спасеніе и есть даръ намъ во имя жизни вѣчной.

Но возвратимся къ пророчеству. Оно есть предвѣдѣніе будущаго; познаніе же (гносисъ) есть разумѣніе пророчества и такъ сказать проникновеніе въ то, познаніе чего отъ Господа, напередъ знающаго все, уже воспринято было пророкомъ ранѣе. А знаніе вещей намъ предвозвѣщенныхъ можетъ быть знаніемъ троякаго рода событій: или случившихся уже, или событій настоящаго времени, или еще предстоящихъ. Оба края настоящаго,—и прошедшее, собой объемлющее событія уже совершившіяся, и будущее, въ нѣдрахъ своихъ хранящее событія еще имѣющія воспослѣдовать,—подлежатъ вѣрѣ. Происходящее же въ настоящее время состоитъ для насъ предметомъ убѣжденія и служитъ подтвержденіемъ достовѣрности свидѣтельствъ о прошедшемъ и предсказаній о будущемъ. Потому что если изъ одного и того же пророчества одна часть уже исполнилась, а другая исполняется, то значитъ достовѣрно и ожидаемое, вѣрно и совершившееся. Ибо прошедшее было когда-то настоящимъ, а потомъ оно осталось позади насъ;

(*) Разумѣются Маркіониты. Срав. Ирин. I, 29; III. 12; Тертул. противъ Маркіона IV и V; Епифанія ересь 42.

такимъ образомъ то, что было нѣкогда вѣрой въ событія (предстоящія и потомъ уже) минувшія, становится познаніемъ прошедшаго; а слѣдовательно вѣра и въ ожидаемыя событія нѣкогда обратится въ познаніе, когда то будущее сдѣлается настоящимъ.

Спросите послѣдователей не только Платона, но и Стоиковъ: и тѣ и другіе вамъ скажутъ, что есть вещи, которыя совершенно свободно и всѣми признаются безъ изслѣдованій за истинныя (*). Всѣ мнѣнія, всѣ сужденія, всякая мысль и порядки, изъ какихъ слагается наша жизнь и общеніе съ человѣческимъ родомъ, приняты нами, собственно говоря, безъ изслѣдованія и въ существѣ своемъ не что иное суть какъ вѣра. Безвѣріе и вѣроломство, будучи отверженіемъ вѣры или же состоя руинами ея, показываютъ собой возможность какъ покорности, повиновенія, принятія извѣстныхъ истинъ безъ изслѣдованія, такъ и вѣры, ибо не льзя же лишаться того, чего нѣтъ. Хорошенько вникая въ дѣло мы найдемъ, что человѣкъ хотя и склоненъ подчиняться лжи, все-же въ немъ живутъ инстинкты, его располагающіе къ вѣрѣ и истинѣ.

«Добродѣтель, которой стоитъ и держится церковь, говоритъ «Пастырь» (**), есть вѣра; ею-то спасаются избранные Божіи. Укрѣпляется же она другою изъ добродѣтелей, умѣренностью и воздержностью. За тѣмъ слѣдуютъ простота, осмотрительность, невинность, достопочтенность нравовъ, любовь къ ближнимъ; все это дщери вѣры». «Пастырь» потомъ говоритъ: «Вѣра предшествуетъ, страхъ созидаетъ, любовь же къ совершенству возводитъ». И въ другомъ мѣстѣ: „Чтобы созидать и назидать нужно бояться Бога; ниспроверженіе же и разрушеніе суть плодъ страха предъ сатаной“ (***). И опять: „Установленія Господни, т. е. заповѣди, слѣдуетъ воспринимать, обнимать и содержать любовію; дѣла же демона слѣдуетъ ненавидѣть и по нимъ не поступать. Ибо страхъ Божій насъ наставляетъ и исправляетъ и въ насъ любовь возстановляетъ; страхъ же предъ дѣлами демона съ собой привноситъ въ насъ ненависть».

«Пастырь» продолжаетъ: «Покаяніе есть великое самовразумленіе, ибо по раскаяніи въ своихъ грѣхахъ мы болѣе уже не позволяемъ ихъ себѣ ни на дѣлѣ ни въ мысли. Опечаливаться же и мучиться въ душѣ изъ за своихъ грѣховъ значитъ добрымъ дѣломъ быть занятымъ» (*). Итакъ отпущеніе грѣховъ (при крещеніи) есть не то же самое, что покаяніе (послѣ крещенія). Все-же Пастырь учитъ, что и то и другое (и испросить себѣ прощеніе грѣховъ чрезъ принятіе крещенія, и чрезъ последующее въ случаѣ паденій покаяніе) зависитъ отъ насъ (**).

13. О первомъ и второмъ покаяніи.

«Итакъ получившій разъ отпущеніе грѣховъ грѣшить болѣе не долженъ, ибо за первымъ и единственнымъ покаяніемъ во грѣхахъ,—а этимъ было покаяніе во грѣхахъ, совершенныхъ въ продолженіе жизни языческой и первой, т. е. раскаяніе во грѣхахъ невѣдѣнія,— для званныхъ остается немедленное раскаяніе, очищающее въ душѣ мѣсто отъ грѣховъ для обоснованія здѣсь вѣры. Господь же, будучи сердцевѣдцемъ и все напередъ зная, изначала предвидѣлъ съ высоты своей будущее, а именно какъ легкомысліе человѣка, такъ равнымъ образомъ лукавство и злобу діавола, т. е. что діаволъ, завидуя оставленію грѣховъ человѣкомъ, будетъ рабамъ Божіимъ устроять нѣкоторые мнимо-извинительные предлоги ко грѣхамъ, лукаво сіе дѣлая, дабы вмѣстѣ съ собой и ихъ доводить до паденія. Посему тѣмъ изъ увѣровавшихъ, которые впадаютъ въ какой либо грѣхъ, по великому своему милосердію, Онъ даруетъ вторичное покаяніе, дабы впадшій послѣ призванія снова въ грѣхъ и

(*) Это такъ называемыя deliberatae assensiones или συγκαταθέσεις.

(**) «Пастырь» Ермы кн. I, вид. 3, вначалѣ гл. 8-й.

(***) «Пастырь» Ермы кн. II, повел. 7.

(*) «Пастырь» Ермы кн. II, пов. 4.

(**) Тамъ же немного позднѣе.

подавляемый смущеніемъ, пожелавъ возвратиться на добрый путь, могъ принесть еще разъ покаяніе неизмѣнное» (2 Кор. VII, 10). *Ибо если мы, принявъ познаніе истины, произвольно грѣшимъ, то не остается болѣе жертвы за грѣхъ, но нѣкое страшное ожиданіе суда и ярости огня, готоваго пожрать противниковъ* (Евр. X, 26, 27). Безпрестанныя же и одно за другимъ слѣдующія во грѣхахъ раскаянія ничѣмъ не отличаются отъ полнаго невѣрія кромѣ какъ развѣ только признаніемъ своихъ грѣховъ; и я незнаю, что хуже, сознательно ли грѣшить или раскаявшись во грѣхахъ снова приниматься за нихъ; вина и того и другаго очевидна: одинъ ее свидѣтельствуетъ тѣмъ, что осуждаетъ свое нечестіе во время самаго совершенія его; другой тѣмъ, что не смотря на признаніе грѣховности своего дѣйствія еще ранѣе совершенія его, все-таки совершаетъ его съ полнымъ сознаніемъ, что это дурно. И одинъ въ душѣ несомнѣнно увеселяется своимъ грѣхомъ и довольнымъ себя чувствуетъ, хотя и не невѣдаетъ онъ, чѣмъ увеселяется; другой же, раскаявшись въ томъ, чѣмъ прежде услаждался, потомъ опять отдается удовлетворенію тѣхъ же самыхъ пожеланій и сближается съ тѣмъ, кто съ самаго начала грѣшитъ по выбору своей воли. Ибо въ чемъ либо раскаяваться и потомъ тотчасъ же опять за тоже приниматься, что только что осуждено было, не значитъ ли грѣшить сознательно? Итакъ тѣ изъ язычниковъ, кои свою прежнюю и нечестивую жизнь оставили и перешли къ вѣрѣ, тотчасъ же получаютъ отпущеніе грѣховъ; но кто и послѣ сего снова обращается ко грѣху, тотъ, не смотря на свое раскаяніе и полученное прощеніе, все-таки самаго себя долженъ стыдиться, потому что уже не можетъ получить другаго омовенія водами крещенія во оставленіе грѣховъ. Кто *не отъ крови, ни отъ плотскаго пожеланія родился* (Іоан. I, 13), а духомъ возрожденъ, тотъ не идоловъ только долженъ оставлять, коимъ божеское почтеніе прежде воздавалъ, а и дѣла предшествующей жизни; а это будетъ только тогда, когда доказывать онъ будетъ свою вѣру храненіемъ себя отъ прежнихъ грѣховъ, что и будетъ истиннымъ покаяніемъ. Ибо частымъ раскаяніемъ выдается лишь снисходительное отношеніе къ прежнимъ грѣхамъ; и склонность къ новымъ паденіямъ доказываетъ собой недостатокъ упражненія въ истинномъ покаяніи. Итакъ открывается, что частое прошеніе прощенья во грѣхахъ не есть раскаяніе, а только вывѣска раскаянія (*). *Правота выравниваетъ пути праведника*, насъ оглашаетъ Писаніе (Притч. XI, 5). И опять: *Правота устраняетъ затрудненія со стезей невинности* (Притч. XIII, 6). Но и Давидъ пишетъ: *Какъ отецъ милуетъ чадъ своихъ, такъ Господь милосердъ къ боящимся Его* (Пс. CII, 13). *Сѣявшие со слезами будутъ пожинать съ радостью* (Пс. CXXV, 5), говоритъ Писаніе о тѣхъ, которые въ раскаяніи исповѣдуютъ Господа, ибо *блаженны всѣ боящіеся Господа* (Пс. CXXVII, 1). Видите ли уже и ветхозавѣтнымъ Писаніемъ ублаженіе людей сего рода подобное Евангельскому (Мѳ. V, 4)? *Не бойся*, говоритъ, *когда богатѣетъ человѣкъ* (**), *когда слава дома его умножается, ибо умирая не возьметъ ничего, не пойдетъ за нимъ слава его* (Пс. XLVIII, 17, 18). *Я же по милости Твоей войду въ домъ Твой, поклонюсь святому храму Твоему въ страхѣ Твоемъ; Господи, путеводи меня въ правдѣ Твоей* (Пс. V, 8).

(*) Писатель повидимому допускаетъ только два покаянія въ теченіе всей жизни: одно до крещенія, другое послѣ онаго, больше же не принимаетъ. Оригенъ въ толкованіи на Мѳ. также находитъ невозможнымъ принятіе покаянія и дарованіе прощенія грѣховъ тѣмъ, которые послѣ принятія благодати Евангельской проповѣди и вѣры, отъ Христа отреклись. Изъ умѣренныхъ выраженій какъ Климента такъ и Оригена открывается, что они хотѣли симъ христіанъ своего времени отъ паденій лишь остановить, а не то чтобы совсѣмъ отъ нихъ и покаянія не принимали. Въ лицѣ Новаціана церковію послѣдняго рода строгость отвергнута и осуждена.

(**) Судя по контексту разумѣется богатѣніе человѣка пожеланіями и страстями.

Пожеланіе слѣдовательно есть пристрастливое и безпорядочное устремленіе души къ какому либо предмету или удаленіе отъ него; страсть же есть всякую мѣру превосходящее устремленіе души къ чему нибудь или желаніе, выходящее изъ границъ разсудка, не сдерживаемое болѣе уздой его и требованіями. Итакъ страсти суть возмущеніе противъ природы; онѣ безпорядокъ вносятъ въ душу и возстановляютъ ее противъ разума. Вѣроломство же, заблужденіе и непокорность зависятъ отъ свободы нашей, подобно какъ во власти нашей и повиновеніе. Посему-то эти свободныя дѣйствія и суду подлежатъ. Всякій, кто прилежно присмотрится къ той или другой страсти и займется изученіемъ ихъ, тотчасъ же найдетъ, что онѣ суть пожеланія съ разумомъ несогласимыя.

14. О грѣхахъ невольныхъ.

Что касается дѣйствій, безъ участія свободной воли совершаемыхъ, то они суду не подлежатъ. Двухъ видовъ бываютъ этого рода дѣйствія: одни совершаются по невѣдѣнію, другія же по необходимости. И тѣ и другія суть дѣйствія такъ называемыя невольныя. И какому же дѣйствительно суду могутъ и подлежать впадающіе въ эти грѣхи? По истинѣ развѣ въ полномъ сознаніи дѣйствовали напр. Клеоменъ и Аѳама, будучи объяты ужасомъ? Эсхилъ произнесъ на сценѣ нѣсколько таинственныхъ словъ, не сознавая, что открываетъ пароль и лозунгъ мистерій. За это поэтъ былъ призванъ въ Ареопагъ, но такъ какъ онъ съумѣлъ доказать здѣсь, что не принадлежитъ къ числу посвященныхъ въ мистеріи, то былъ оправданъ. Какому же суду можетъ подлежать напр. и тотъ, кто по непредусмотрительности врагу даетъ возможность ускользнуть, а вмѣсто него по невѣдѣнію убиваетъ кого либо изъ своихъ домашнихъ? Онъ совершаетъ убійство вѣдь по невѣдѣнію. Какому же суду можетъ подлежать атлетъ, который упражняясь въ фехтовальномъ искуствѣ не замѣчаетъ, какъ у него съ копья сваливается предохранительный мячикъ и затѣмъ голымъ остріемъ его убиваетъ противника? Онъ незнаетъ вѣдь, что уже острое оружіе находится у него въ рукѣ. Какому же суду можетъ подлежать убивающій своего соперника на ристалищѣ, гдѣ трудно разобраться, какимъ образомъ что происходитъ и гдѣ не съ замысломъ на смертоубійство между собой состязаются, а съ мыслью лишь о побѣдѣ? Какому же суду можетъ подлежать врачъ, дающій больному спасительное лекарство, его между тѣмъ умерщвляющее? Цѣлью врача при семъ бываетъ вѣдь излеченіе, а не смерть. Правда, что законъ полагаетъ наказанія и за ненамѣренное убійство, подобно какъ и за невольную гонорею, и все-же наказываетъ слабѣе, чѣмъ за преступленіе преднамѣренное.

Выводъ же изо всего этого такой. А кто для оправданія своей страсти злоупотребляетъ истиной, тотъ подлежитъ за это наказанію такому же, какое налагается за проступокъ, совершаемый по свободному самоопредѣленію. И въ самомъ дѣлѣ не заслуживаетъ ли строжайшаго наказанія тотъ, кто чрезъ безпутство оставляетъ безъ раскрытія насѣянныя въ душѣ его идеи творческаго Логоса? Это также страдательное состояніе души, съ разумомъ не мирящееся, близко подходящее къ нелѣпой и гадкой болтовнѣ. Человѣкъ *вѣрный предпочитаетъ нѣкоторыя вещи скрывать въ своей душѣ* (Притч. XI, 13).

Итакъ всякое дѣйствіе, совершаемое по свободному выбору, влечетъ за собою отвѣтственность за него, ибо *Господь испытуетъ сердца и утробы* (Пс. VII, 10; Іер. XVII, 10). Подлежитъ осужденію уже и *посмотрѣвшій съ пожеланіемъ* (Мѳ. V, 28), почему и сказано: *Не пожелай* (Исх. XX, 17). Говорится еще: *Народъ этотъ своими устами чтитъ Меня, сердце же его далеко отстоитъ отъ Меня* (Ис. XXIX, 13; Мѳ. XV, 8; Мк. VII, 6). Богъ призираетъ въ сокровеннѣйшія глубины нашей души. Припомните жену Лотову. Только за то одно, что по совершенно свободному самоопредѣленію своимъ полнымъ чувственныхъ наклонностей взоромъ обратилась она по направленію къ порочному Содому, Богъ обращаетъ ее въ безчувственный соляной столбъ, въ родѣ неподвижной статуи. Не съ грубымъ и без-

смысленнымъ идоломъ мы имѣемъ дѣло въ семъ образѣ, а съ краснорѣчивымъ символомъ, назначеніе котораго назидать насъ и укрѣплять въ вѣрѣ тѣхъ, кто еще въ состояніи что либо понимать духовно.

15. Виды свободныхъ дѣйствій и грѣхи, изъ нихъ возникающіе.

Свобода воли или самоопредѣляемости заявляетъ себя или стремленіями къ чему нибудь или рѣшеніями привесть то или другое въ исполненіе или же извѣстнымъ образомъ мыслей и расположеній. И тотчасъ посему открывается, что грѣхъ, несчастный случай и преступленіе (*) нѣкоторыми своими сторонами взаимно соприкасаются. Такъ грѣшно напр. вести жизнь сладострастную и невоздержную. Убить непредусмотрительно друга вмѣсто врага —несчастіе. Гробокопательство же и святотатство—преступленія.

Уклоненіе же въ грѣхъ происходитъ отъ невѣдѣнія тѣмъ или другимъ изъ насъ, что должно дѣлать или отъ неспособности что либо сдѣлать. Нѣчто подобное сему происходитъ, когда кто либо падаетъ въ ровъ или по неосторожности и невнимательности илиже по слабости силъ тѣлесныхъ и неумѣнью перепрыгнуть его. Но не подлежитъ конечно никакому сомнѣнію, что напр. усердіе къ научнымъ занятіямъ вполнѣ отъ насъ зависитъ; несомнѣнно въ нашей же власти и послушаніе заповѣдямъ; оставаться же къ сему безучастными, быть рабами гнѣва или сладострастія значило бы съ нашей стороны брать грѣхъ на душу; или лучше сказать, это было бы со стороны нашей несправедливостью по отношенію къ душѣ. Прислушайтесь, что говоритъ Лай въ трагедіи:

Въ твоемъ совѣтѣ для меня ничего нѣтъ новаго;
Не глупецъ я, чтобъ незнать всего этого.
И все-же что-то влечетъ меня къ задуманному (**):

до такой степени можно поработить себя страстямъ.—Медея подобное же восклицаетъ на сценѣ:

Довольно знаю я, что затѣваемое мною будетъ дурно;
Но гнѣвомъ пересиливается во мнѣ разсудокъ (*).

Не молчитъ и Аяксъ, готовясь наложить на себя руки. Онъ взываетъ:

Нѣтъ, ничто не можетъ такъ терзать душу свободнаго человѣка
Какъ незаслуженное безчестіе.
Отъ него страдаю я; и глубокое оскорбленіе, мнѣ нанесенное,
Меня взрываетъ до глубины души,
А въ тѣло мнѣ оно вонзаетъ ядовитое жало бѣшенства (**).

Таковъ гнѣвъ. Чувственныя страсти привели на трагическую сцену множество и другихъ лицъ, напр. Федру, Анѳію, Эрюфилу,

За золото продавшую прежде столь любезнаго ей мужа (***).

Подобная же страсть комика Ѳразонида заставила сказать уже на другой (комической) сценѣ:

Ничтожная дѣвчонка меня совсѣмъ поработила.

Несчастный же случай состоитъ въ несогласованіи разсчетовъ нашего ума съ требованіями разсудка; ошибочность же этихъ разсчетовъ ума представляется несправедливостью, неправдою и неправильностью добровольными, и онѣ въ свою очередь суть добровольное зло. Итакъ ошибки, погрѣшности или, что тоже, грѣхи совершаются мной хотя и по неразумію или вынужденности, но не вопреки моей волѣ. Потому-то и написано: *Грѣхъ не долженъ господствовать надъ вами, потому что вы болѣе не подъ властію закона, но подъ благодатію* (Рим. VI, 14), такъ говоритъ Апостолъ вѣрующимъ, *потому что ранами Его*

(*) Разъясняетъ три эти понятія и Аристотель, lib. V, c. 8.

(**) Стихи встрѣчаемые между фрагментами Еврипида V, 278.

(*) Стихи, встрѣчаемые кромѣ «*Медеи*» Еврипида и въ «Метаморфозахъ» Овидія, VII, 19.

(**) Срав. Гроція въ Excerptis изъ трагедій.

(***) Стихъ изъ Одиссеи XI, 326. Онъ уже приводимъ былъ писателемъ во II-й кн. Педагога гл. 10-й. О поступкѣ Ерюфилы говоритъ и Цицеронъ въ IV-й рѣчи противъ Верреса.

мы исцѣлились (Ис. LIII, 5; 1 Петр. II, 24). Несчастное же дѣяніе есть дѣйствіе, совершаемое кѣмъ либо другимъ надо мной противъ его воли. Слѣдовательно только неправда и несправедливость вполнѣ зависятъ отъ свободной воли, будетъ ли это свободная воля моя или же воля кого либо другаго.

Псалмопѣвецъ даетъ намъ понять эту разницу между грѣхами, когда онъ называетъ блаженными тѣхъ, чьи неправды Господь загладилъ и чьи грѣхи покрылъ, — кому однѣ изъ его ошибокъ не зачтены въ вину, а отъ остальныхъ кто оправданъ. Ибо говорится: *Блаженны тѣ, кому неправды ихъ прощены и чьи грѣхи покрыты. Блаженъ человѣкъ, кому Богомъ не вмѣнена его вина и который не скрываетъ обмана въ своей душѣ* (Пс. XXXI, 1, 2; Рим. IV, 7, 8). Это ничѣмъ ненарушимое, непреходящее и полное счастіе нисходитъ (Рим. IV, 9) на избраниковъ Божіихъ посредничествомъ Христа Іисуса, Господа нашего, ибо *любовь покрываетъ множество грѣховъ* (1 Петр. IV, 8). Изглаживающимъ же грѣхи состоитъ Богъ, *предпочитающій смерти грѣшника покаяніе его* (Іезек. XXXIII, 11) (*). Дѣйствія же, не зависящія отъ свободной нашей воли, намъ не вмѣняются въ вину. (Иное дѣло дѣйствія свободныя). Ибо говорится, что уже и *посмотрѣвшій на женщину съ пожеланіемъ у ней преступной склонности ищетъ* (Мѳ V, 28) (**). Прощаетъ же грѣхи Логосъ, просвѣщающій насъ. *И въ это время*, говоритъ Господь, *будутъ искать неправды Израиля и ея не будетъ,—грѣха Іуды и онъ не будетъ найденъ* (Іер. L, 20). *Поелику кто какъ Я и кто устоитъ предъ лицемъ Моимъ* (Іер. XLIX, 19)? Видите, что возвѣщается только объ одномъ Богѣ, и именно благомъ, Богѣ воздающемъ по заслугамъ и отпущающемъ грѣхи.

Св. Іоаннъ въ обширнѣйшемъ изъ своихъ посланій учитъ кажется тому же, что существуетъ разница между грѣхами. Онъ говоритъ: *Если кто видитъ брата своего, совершающаго грѣхъ, не ведущій къ смерти, пусть молится за него и Богъ даруетъ жизнь этому человѣку, грѣхъ котораго*, говоритъ Іоаннъ, *не ведетъ къ смерти. Но есть грѣхъ, ведущій къ смерти, и я не говорю, чтобы о прощеніи этого грѣха кто либо молился. Всякая неправда есть грѣхъ, и есть грѣхъ, не ведущій къ смерти* (1 Іоан. V, 16, 17).

(*) Срав. также выше въ гл. 7-й сей же книги.

(**) Срав. выше въ гл. 11-й сей кн.

«Но и Давидъ (*), а еще ранѣе Давида Моисей, слѣдующимъ образомъ раскрываютъ смыслъ (**) нѣкоторыхъ трехъ постановленій. *Блаженъ мужъ, не пошедшій на совѣтъ нечестивыхъ* и не подобящійся рыбамъ, живущимъ во мракѣ безднъ; а это рыбы чешуи не имѣющія, къ которымъ Моисей и прикасаться запрещаетъ. *Блаженъ тотъ, кто не остановился на пути грѣшниковъ*. Онъ не похожъ на тѣхъ, которые лишь повидимому боятся Господа, на дѣлѣ же на поросенка походятъ: и этотъ отъ голода вережжитъ, а когда сытъ, то своего хозяина не узнаетъ. *Блаженъ тотъ, кто не садился на сѣдалищѣ людей испорченныхъ* (Пс. I, 1), какъ еслибъ это была птица какая всегда готовая броситься на добычу. Моисей же запрещаетъ употребленіе въ пищу мяса свиней, орла, ястреба, ворона и всѣхъ рыбъ, не имѣющихъ чешуи» (Лев. XI; Втор. XIV). Вотъ что читаемъ мы у Варнавы.

Что же до меня касается, то я слышалъ отъ человѣка свѣдущаго въ подобныхъ вещахъ, что *совѣтъ нечестивыхъ* обозначаетъ собой общество языческое, *путь грѣшниковъ* пререканія евреевъ, а *сѣдалище людей испорченныхъ*, это ереси.

Другой же мнѣ говорилъ еще вѣрнѣе; онъ первое изъ трехъ этихъ ублаженій примѣнялъ къ тѣмъ, кои не раздѣляютъ преступныхъ мыслей, удаляющихъ отъ Бога; второе же къ

(*) Дальнѣйшее съ нѣкоторыми опущеніями прибавленіями заимствовано изъ посл. Варнавы гл. X-й.—Подобныя же мысли Климентъ развиваетъ въ «Педагогѣ» кн. III, гл. 11 и Стром. V, 8.

(**) Дальнѣйшее представляетъ собою гносисъ, смыслъ таинственный или «Мидрашъ».

тѣмъ, кто не остался на *широкой и пространной дорогѣ* (Мѳ. VII, 13) (жизни мірской), все равно были ли это воспитанные подъ древнимъ закономъ или же отвергавшіе заблужденія язычниковъ. Что же до *сѣдалища людей испорченныхъ*, то подъ онымъ онъ разумѣлъ театры (*) и судилища, гдѣ люди всего болѣе и научаются хожденію подъ знаменами силъ злыхъ и смертоносныхъ и участію въ дѣлахъ ихъ. *Блаженъ тотъ, чья воля согласуется съ закономъ Господнимъ* (Пс. I, 2). Св. Петръ въ своей «Проповѣди» (**) называетъ Господа именно Закономъ и Логосомъ.

(Мы соглашаемся со вторымъ изъ вышеприведенныхъ толкованій). Намъ кажется, что Законодатель и инымъ образомъ учитъ насъ, что грѣха должно различать три вида. Нѣмыми рыбами Онъ указываетъ намъ на грѣхи, относящіеся до употребленія дара слова. Дѣйствительно есть случаи, когда «молчаніе предпочитать слѣдуетъ слову» (***) и этотъ «почетъ молчанія не подверженъ никакой опасности» (****). Грѣхи дѣла онъ обозначаетъ чрезъ рѣчь о птицахъ, живущихъ мясомъ и хищничествомъ. Наконецъ свинья чувствуетъ себя хорошо въ грязи и нечистотахъ, чѣмъ обозначается: *Берегитесь оскверненія совѣсти* (1 Кор. VIII, 7) (*****). Пророкъ правъ слѣдовательно говоря: *Съ нечестивыми же не такъ* (******). *Они похожи на солому, поднимаемую съ земной поверхности вѣтромъ. Потому-то нечестивые и не востанутъ въ день суда* (Пс. I, 4, 5). Они осуждены уже, ибо тотъ, *кто не вѣритъ, осужденъ уже и грѣшники не востанутъ въ собраніи праведныхъ* (Іоан. III, 18). Грѣшники уже осуждены, такъ что не будутъ причислены къ тѣмъ, кто жилъ не погрѣшая, ибо *Богъ знаетъ путь праведника, а путь нечестивца къ смерти* (Пс. I, 5, 6).

Указывая же намъ средства къ исцѣленію нашихъ душевныхъ болѣзней и грѣховъ и устами пророка Іезекиля объявляя, что намъ слѣдовало бы цѣлиться у своихъ пастырей, Господь симъ самымъ снова съ очевидностью показываетъ, что паденія и грѣхи суть дѣйствія нашей воли. Изъ пастырей же, по моему мнѣнію, Онъ обвиняетъ тѣхъ, которые не исполняли заповѣданнаго имъ. *Вы не укрѣпляете слабыхъ*, восклицаетъ Онъ, и въ этомъ же духѣ продолжаетъ до словъ: *И никто не разспрашиваетъ о нихъ; нѣтъ никого, кто бы приводилъ ихъ назадъ* (Іезек. XXXIV, 4, 6). *Ибо велика бываетъ радость у Отца*, говоритъ Господь, *и изъ за одного покаявшагося грѣшника* (Лк. XV, 7, 10, 22—32). Вотъ почему Авраамъ тѣмъ достойнѣе похвалъ: онъ жилъ и дѣйствовалъ такъ, какъ говорилъ ему Господь. Отсюда-то одинъ изъ Эллинскихъ мудрецовъ заимствовалъ апофѳегму: «Слушайся Бога» (*). *Благочестивые же*, говоритъ Исаія, *совѣщаша смысленное* (Ис. XXXII, 8). Совѣтъ же есть разслѣдованіе, предпринимаемое съ цѣлью отысканія прямаго пути среди налицо существующихъ обстоятельствъ; добрый же совѣтникъ есть осторожность въ разсужденіяхъ.

Что же? Вскорѣ послѣ прощенія Каина и вслѣдствіе этого прощенія Богъ не явилъ ли на землѣ Эноха, сына покаянія и не показалъ ли Онъ тѣмъ самымъ, что раскаяніе порождаетъ прощеніе (**)? Благодать же проще-

---

(*) Мнѣніе свое о посѣщеніи зрѣлищъ писатель высказываетъ и въ Педагогѣ кн. III, во второй половинѣ гл. 11-й.

(**) Цитованъ былъ писателемъ сей апокрифъ уже и выше въ концѣ 1-й кн. Строматъ.

(***) Изъ Еврипидова «Ореста» съ нѣкоторымъ измѣненіемъ.

(****) Стобей приписываетъ этотъ стихъ Аѳенодору.

(*****) Это 3-й родъ грѣховъ, допускаемыхъ въ совѣсти.

(******) Срав. «Педагога» I, 10.

(*) Она обыкновенно ставится между изреченіями семи мудрецовъ. И Цицеронъ. de fin. III, относитъ ее къ древнимъ изреченіямъ. Плутархъ, de auditione, усвояетъ его Зенону; тоже Діогенъ Лаэрцій.

(**) Намекъ на изъясненіе исторіи Эноха Филономъ въ его De vita sapientis или De Abrahamo. По пониманію Филона Энохъ по особенному промышленію о немъ Божію оставивъ жизнь худшую обратился къ лучшей.

нія состоитъ не въ отпущеніи, а въ исцѣленіи. Это же произошло и съ Аарономъ по слитіи золотаго тельца для народа. Отсюда это изреченіе Эллинскаго мудреца: «Прощеніе сильнѣе наказанія» (*). Равнымъ образомъ и поговорка: «Поручись за кого нибудь и будешь въ убыткѣ» (**) внушена словами Соломона: *Сынъ мой, если ты поручился за ближняго твоего, то далъ руку врагу. Ты опуталъ себя словами устъ твоихъ, пойманъ ими* (Притч. VI, 1, 2). Наконецъ изреченіе «Познай самого себя» еще болѣе таинственнымъ образомъ было почерпнуто изъ слѣдующихъ словъ: «Видѣвшій своего брата видѣлъ Бога» (***). Потому-то *возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, а ближняго твоего какъ самого себя. На двухъ сихъ заповѣдяхъ утверждаются весь законъ и пророки* (Лк. X, 27; Мѳ. XXII, 37, 39, 40; Мк. XII, 30). Слѣдующія за сими слова содержатъ тотъ же смыслъ, что и предыдущія: *Сіе сказалъ Я вамъ, да радость Моя въ васъ пребудетъ. Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ* (Іоан. XV, 11, 12). ибо *щедръ и милостивъ Господь* (Пс. CII, 8; CX. 4); и Онъ Господь есть Христосъ (****) для всѣхъ. Моисей, чтобы яснѣе внушить намъ изреченіе: «Познай самого себя», часто повторяетъ: *слѣди за собой* (Быт. XXIV, 6; Исх. X, 28; XXXIV, 12; Втор. IV, 9; XV, 9)(*****). Итакъ грѣхи бываютъ заглаживаемы милостынями (*) и вѣрою; а страхъ Божій отклоняетъ человѣка отъ зла. Итакъ *страхъ Божій есть премудрость и знаніе* (Сир. I, 27).

(*) Изреченіе, принадлежащее Питтаку или же Алкею. См. Юліана рѣчь 2, Стобея рѣчь 16, Діог. Лаэрція въ Питтакѣ.

(**) О семъ изреченіи и, что далѣе слѣдуетъ, о самопознаніи писатель уже говорилъ ранѣе въ Стром. I, гл. 14.

(***) О семъ изреченіи срав. примѣч. въ гл. 19-й I-й кн. «Строматъ».

(****) Срав. о семъ имени примѣчаніе въ 6-й гл. I-й кн. «Педагога».

(*****) Кто же незнаетъ на этотъ текстъ (*Внемли себѣ*) прекрасную бесѣду св. Василія Великаго? Нами она переведена въ Яр. еп. вѣд. 1882 г. №№ 25 и 26.

16. Какъ слѣдуетъ понимать мѣста свящ. Писанія, въ которыхъ приписываются Богу человѣческія страсти?

Здѣсь наши обвинители снова поднимаютъ крикъ, утверждая, что горе и радость суть душевныя страсти. По ихъ пониманію радость есть порывъ души согласный съ разсудкомъ; ликованіе же есть де радость, испытываемая нами при видѣ прекраснаго и честнаго; а милосердіе есть печаль, внушаемая намъ зрѣлищемъ незаслуженнаго несчастія; «всѣми впечатлѣніями, приближающимися къ названнымъ, прибавляютъ они, уже вносятся въ душу измѣненія и потрясенія». Но не лучше ли сказать, что вдаваясь въ такого рода мудрованія, мы лишь то, какъ кажется, доказываемъ симъ, что все еще не перестаемъ свящ. Писаніе понимать очень чувственно и плотски, и поблажая своимъ страстямъ думаемъ, что и безстрастнаго Бога воля подобно нашей подвержена безпорядочнымъ движеніямъ. Но допускать, что во Всемогущемъ есть процессы подобные совершающимся въ каждомъ изъ насъ; предполагать, что Богъ напр слушаетъ подобно какъ мы слышимъ, было бы однимъ изъ нечестивѣйшихъ заблужденій, такъ какъ существо Божіе опредѣлить невозможно. И если пророки и постигали Бога и говорили о Немъ, то постигали и говорили о предметѣ семъ только въ той мѣрѣ, въ какой это для насъ, рабовъ плоти, было возможно; они учили, что если Господь въ нѣкоторыхъ случаяхъ и примѣняется къ нашей слабости, то лишь изъ спасительнаго къ намъ людямъ снисхожденія. И такъ какъ воля Божія на то обращена, чтобы спасать всѣхъ людей, какъ хранящихъ заповѣди, такъ и раскаявающихся въ своихъ грѣхахъ, то мы и радуемся своему спасенію.

(*) Намекъ на Притч. III, 3, 4, 7 и Сир. III, 30; I, 29.

Эту радость, собственно намъ свойственную, Господь, когда говоритъ устами пророковъ, усвояетъ Себѣ, какъ еслибъ это была Его собственная радость. Такъ напр. Онъ, источникъ милосердія, говоритъ въ Евангеліи: *Алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ Я, и вы дали Мнѣ пить: ибо что сдѣлали вы для одного изъ малыхъ сихъ, то для Меня сдѣлали* (Мѳ. XXV, 35, 40). Подобно тому какъ Богъ потому только, что бѣдный согласно съ Его волею накормленъ, пребываетъ довольнымъ, хотя и не питается, подобно этому и радуется Онъ, не испытывая никакихъ измѣненій въ своемъ безстрастіи, хотя собственно говоря радуется человѣкъ раскаявшійся, какъ требовала того воля Божія. Богъ богатый милосердіемъ уже по силѣ своей благости то чрезъ законъ и пророки, то еще непосредственнѣе чрезъ ниспосланіе своего Сына на землю, даетъ намъ заповѣди, въ лицѣ вѣстниковъ своей воли намъ посылаетъ спасеніе и милосердуетъ о насъ, какъ самъ о томъ Онъ говоритъ къ тѣмъ, надъ коими умилосердился.

Если дѣло касается сострадания, то (и по естественному разсужденію слѣдуетъ, что) собственно говоря оное чувствовать можетъ только высшій къ нисшему; но нѣтъ ни одного человѣка, который въ качествѣ человѣка былъ бы выше другаго, и только Богъ одинъ во всемъ выше человѣка; а если такъ, то только Богу значитъ свойственно являть и милосердіе къ человѣку.

Отверзать всѣмъ руку учитъ человѣка правосудіе; и если онъ дарами, имъ полученными отъ Бога, дѣлится съ другими, то дѣлаетъ онъ это уже и по естественной расположенности къ благожелательности и по вѣрности заповѣдямъ. «Богъ же по своей природѣ не имѣетъ ничего сходнаго съ нами, какъ утверждаютъ то ересіархи; и это какъ въ томъ случаѣ, если Онъ творилъ изъ ничего, такъ и въ томъ, если Онъ работалъ изъ матеріи готовой, уже ранѣе существовавшей (*). Въ первомъ случаѣ ничто равнозначительно отсутствію всякаго бытія, а во второмъ матерія должна быть признана совершенно отличною отъ Божества, развѣ кто сдѣлаетъ изъ человѣка часть Божества (*) и существо Ему единосущное». Но человѣкъ подобный Богу и Ему единосущный, это двѣ вещи различныя. По правдѣ сказать, я и не понимаю, какимъ это образомъ въ Богословіи можно высказывать хладнокровно такія воззрѣнія, особенно если бросить взглядъ на нашу жизнь и на бѣдствія, которыми она полна. Итакъ это кощунство утверждать, что Богъ нѣкоторыми частями своего существа грѣшить можетъ, будто Онъ на части разнимаемъ и будто цѣлое существо Его изъ частей слагается. Цѣлое Божественнаго существа не можетъ быть представляемо составнымъ, и никакихъ частей въ Богѣ нѣтъ.

(Не лучше ли вмѣсто всѣхъ этихъ еретическихъ мудрованій мыслить такъ)? Такъ какъ Богъ по своему существу богатъ милосердіемъ,

---

(*) Валентиніане и другіе еретики, слѣдуя языческимъ философамъ, думали, что міръ сотворенъ Богомъ изъ готовой матеріи. Ирин. II, 19. Срав. Стром. VII, 3.

(*) Оригенъ противъ Цельса, V, 7 пишетъ: «Извѣстно, что многіе изъ греческихъ ученыхъ весь этотъ міръ считаютъ за Бога. Для Стоиковъ этотъ міръ состоитъ первымъ Богомъ, для нѣкоторыхъ изъ учениковъ Платона вторымъ, и еще для нѣкоторыхъ третьимъ». Дидимъ у Евсевія, De praep. Evang. XV: «Стоики же весь этотъ міръ съ частями его называютъ Богомъ». Сенека, epist. 97: «Totum hoc quo continetur, et unum est et Deus est; et socii ejus et membra sumus.—Первымъ и высшимъ Богомъ Стоиковъ собственно говоря былъ чистѣйшій и все проникающій огонь, окружающій съ внѣшнихъ сторонъ небо и оттуда весь міръ собою оживляющій и сохраняющій. Но, называя огонь Богомъ, Стоики не хотѣли этимъ сказать, что огонь есть Богъ, а только то, что онъ важнѣйшая составная часть міра, его жизнь, духъ, душа, причина происхожденія его. Послѣдователи Платона, называвшіе этотъ міръ то вторымъ Богомъ то третьимъ, говорили при семъ собственно о духѣ или душѣ міра, по ихъ мнѣнію, управляющей міромъ и все въ немъ производящей.

то по силѣ своей благости Онъ бодрствуетъ надъ нами, которые со стороны естественной не состоимъ ни частями Его, ни сыновьями. Величайшимъ доказательствомъ благости Божіей конечно то именно и состоитъ, что не смотря на подчиненное положеніе, нами занимаемое по отношенію къ Нему и не смотря на полнѣйшую чуждость Ему нашей природы (*), все-таки Онъ заботится о насъ. Привязанность животныхъ къ своимъ дѣтямъ, равно какъ дружба, возникающая изъ ежедневныхъ сношеній между двумя умами, которые проникнуты одинаковыми чувствами, основаны на взаимной (**) связи естественной; Божественное же милосердіе изливается на насъ въ изобиліи, хотя съ Богомъ мы и не имѣемъ никакого сходства ни по существу нашему, ни по происхожденію и ни по какимъ либо особеннымъ свойствамъ нашимъ, развѣ только по тому одному, что мы дѣло творческой воли Его. И теперь кто свободно при содѣйствіи ученія и наставленій доходитъ до познанія истины, того Богъ призываетъ воспользоваться правомъ усыновленія Ему, важнѣйшимъ изъ всѣхъ прогрессовъ. *Нечестивый отовсюду окруженъ собственными беззаконіями своими; онъ живетъ закованнымъ въ узы грѣховъ своихъ* (Притч. V, 22) и не можетъ ихъ Богу вмѣнить въ вину (***). И въ самомъ дѣлѣ *блаженъ человѣкъ, всегда проникнутый духомъ благоговѣйнаго страха* (Притч. XVIII, 14).

17. Различные виды познанія.

Подобно тому какъ знаніе собою предполагаетъ извѣстное состояніе человѣка познающаго, коимъ обусловливается возможность познавать подлежащее познанію; и состояніе это такого рода, что познаніе въ этомъ состояніи добытое получаетъ для разума характеръ неразрушимости (*): подобно этому и невѣжество предполагаетъ собою состояніе духа неустойчивое, откуда происходитъ, что и мнѣнія людей невѣжественныхъ разсѣеваются какъ дымъ подъ вліяніемъ свѣта разума. Но пріобрѣтеніе какъ тѣхъ познаній, кои разумомъ могутъ быть разрушаемы, такъ и тѣхъ, кои могутъ быть имъ установляемы и утверждаемы, зависитъ отъ насъ.

Съ знаніемъ находится въ связи еще опытъ, потомъ здравомысліе, далѣе честное сопоставленіе, еще далѣе постиженіе или умозрѣніе и за тѣмъ познаніе, гносисъ. И здравомысліе или разсудительность есть собственно познаніе всего, доходящее до различенія видовъ. Опытъ до мельчайшихъ подробностей занимается изученіемъ свойствъ познаваемыхъ предметовъ. Постиженіе или умозрѣніе обращено можетъ быть на предметы лишь умомъ постижимые. Сопоставленіе состоитъ въ точномъ опознаніи вещей, имѣющихъ между собой соотношеніе, или указаніе на такое ихъ между собою совпаденіе, которое неоспоримо, непреложно и неопровержимо; иначе сказать, это способность группировать предметы, составляющіе содержаніе мудрости и знанія, все равно, будетъ ли дѣло касаться одного какого либо предмета или нѣсколькихъ или всѣхъ подводимыхъ подъ одну категорію. Гносисъ же, познаніе, есть разумѣніе, проникновеніе въ самую сущность предмета, или свѣдѣніе о немъ согласное съ законами бытія его. Истина же (истинное ученіе) есть основательное познаніе и понимаміе истиннаго. Составъ же истиннаго ученія объемлетъ собою свѣдѣнія о всѣхъ вещахъ истинныхъ. Знаніе сильно лишь разумностью, и разумное знаніе одного человѣка разумомъ никакого другаго человѣка ниспровергнуто быть не можетъ; достигши сего пункта оно переходитъ уже въ гносисъ, въ постепенно все полнѣе и глубже развивающееся познаніе.

(*) *И насъ, бывшихъ нѣкогда отчужденными и врагами по расположенію къ злымъ дѣламъ, Отецъ нынѣ примирилъ въ тѣлѣ плоти Сына своего смертію Его*, пишетъ Апостолъ (Кол. I, 21, 22).

(**) Катилина у Саллюстія: Idem velle ac nolle, ea demum firma amicitia est.

(***) Срав. «Педаг.» I, 8; «Стром.» I, 1.

(*) О семъ опредѣленіи познанія срав. сказанное выше въ гл. 2-й сей книги.

Когда мы воздерживаемся отъ какого либо дѣйствія, то происходитъ это или вслѣдствіе невозможности или по нежеланію или вслѣдствіе того и другаго вмѣстѣ. Напр. мы не летаемъ; это потому, что мы не можемъ и не хотимъ летать. Не плаваемъ же мы,—по крайней мѣрѣ въ эту минуту,—потому, что хотя и имѣемъ возможность къ этому, но не хотимъ. Мы не походимъ на Господа: часто мы хотимъ того и другаго, но не въ состояніи того выполнить. Ибо *никакой ученикъ не можетъ быть выше своего учителя; достаточно съ насъ и того, если походить будемъ на Господа нашего* (Мѳ. X, 24, 25; Лк. VI, 40), и все-же не по существу, — это и невозможно, чтобы усыновленіемъ намъ сообщено было существо такое же, какимъ надѣляетъ насъ природа,— но потому, что мы облечены безсмертіемъ, потому что мы допущены къ созерцанію существующаго, потому что мы наименованы сынами и познаемъ Отца явственно и въ раздѣльности отъ того, что имѣетъ (лишь) отношеніе къ Нему.

Итакъ воля всему предшествуетъ, умственныя же способности представляютъ изъ себя лишь служебныя силы ея. *Если хочешь*, говоритъ Господь, *то и можешь* (Мк. I, 40; Іоан. V, 6). У гностика именно такъ, и воля и сужденіе и дѣятельность составляютъ одно цѣлое. Потому что если намѣренія тождественны самимъ себѣ, (согласны съ природой воли), то согласны будутъ съ самими собой и ученіе и сужденія; и вотъ почему и слова и жизнь и все поведеніе гностика согласны съ заповѣдями. *Сердце правое заботливо собираетъ знанія и усвояетъ оныя. Богъ научилъ меня премудрости и я имѣю познанія святыхъ* (Притч. XXX, 3).

18. Законъ Моисеевъ состоитъ источникомъ всѣхъ нравственныхъ ученій; изъ него и Эллинами почерпнута ихъ ѳика.

Очень ясно, что и всѣ иныя добродѣтели, заповѣданныя въ книгахъ Моисеевыхъ, послужили для Эллиновъ исходнымъ пунктомъ нравственной стороны ихъ ученія. Именно Моисеевскими законоположеніями руководились они во всемъ томъ, что писалось у нихъ о мужествѣ, объ умѣренности, объ осмотрительности, о справедливости, о покорности судьбѣ и терпѣніи, о честности, о воздержности и о благочестіи, собою превосходящемъ всѣ эти добродѣтели. Но конечно никто въ томъ не сомнѣвается, что только благочестіе насъ проникаетъ благоговѣніемъ предъ верховной и первоначальнѣйшей изъ всѣхъ причинъ и заставляетъ покланяться ей. Тотъ же Моисеевъ законъ внушаетъ намъ справедливость и насъ учитъ осторожности, заповѣдуя намъ избѣгать служенія безчувственнымъ и безсмысленнымъ идоламъ, а вмѣсто этого, чрезъ изображеніе предъ нами судебъ народа Божія, призваннаго быть *частію Господней, наслѣдственнымъ удѣломъ* Божіимъ (Втор. XXXII, 8, 9), склоняя насъ къ познанію Творца и Отца всѣхъ вещей. О сокровище разума! Изъ сего догмата, какъ бы изъ источника, проистекаютъ и всякое другое вѣдѣніе, совѣсть и разумѣніе. Ибо что находимъ мы тамъ? А то, что *жертвы нечестивыхъ суть мерзость предъ Господомъ, молитвы же праведныхъ пріемлются Имъ* (Притч. XV, 8), ибо праведность Господу любезнѣе чѣмъ жертва (Ос. VI, 6; Мѳ. IX, 13; XII, 7). Подобное читаемъ мы и у Исаіи: *Къ чему Мнѣ множество жертвъ вашихъ, говоритъ Господь* (Ис. I, 11) и за тѣмъ все слѣдующее въ томъ же отдѣленіи книги. *Порвите всѣ связи съ неправдой* (Ис. LVIII, 6). *Жертва Богу пріятная—духъ сокрушенный* (печалью о грѣхѣ) *и сердце ищущее Творца* (Пс. L, 19; XXXIII 19). *Мерзость предъ Господомъ вѣсы невѣрные, а вѣсъ правильный пріятенъ Ему* (Притч. XI, 1). Отсюда и символическое это изреченіе Пиѳагора: «Мѣры вѣсовъ (или безмѣна) не нарушай» (*). Праведность же ложную состав-

(*) Подобнымъ образомъ писатель изъясняетъ это изреченіе Пиѳагора и въ Стром. V, гл. 5-й. Діогенъ Лаэрцій въ «Пиѳагорѣ» въ объясненіе сего изреченія Пиѳагора говоритъ: «Вѣсовъ не нарушать, т. е. должнаго и справедливаго не преступать». Плутархъ «О воспитаніи дѣтей» изъясняетъ это изреченіе Пиѳагора такъ, что должна быть наблю-

ляетъ содержаніе ученій еретическихъ. *Языкъ злыхъ*, говоритъ Писаніе, *изсохнетъ, праведныхъ же уста будутъ источать премудрость* (Притч. X, 31), хотя злые и называютъ разсудительныхъ и предусмотрительныхъ людьми жалкими. Потребовалось бы слишкомъ много времени на болѣе обстоятельное изображеніе величія сихъ добродѣтелей. Все свящ. Писаніе есть не что иное какъ непрерывный имъ гимнъ.

Опредѣляютъ мужество такъ, что это де есть знакомство съ вещами опасными и неопасными и занимающими между ними средину. Благоразуміе же есть де такого рода поведеніе, при коемъ человѣкъ наблюдаетъ правила предусмотрительности и уклоняется отъ положеній сомнительныхъ. Къ мужеству относится далѣе терпѣніе или постоянное сдерживаніе себя, состоящее въ знаніи, какія вещи слѣдуетъ переносить и какихъ не слѣдуетъ. Сюда же относится великодушіе, по силѣ котораго человѣкъ держитъ себя выше событій. Но и съ благоразуміемъ союзна осмотрительность, осторожность, слѣдующая совѣтамъ разсудка уклончивость отъ нѣкоторыхъ вещей изъ страха и робости передъ ними. Средствомъ же для обезопашенія своей жизни и къ снисканію себѣ спокойствія есть соблюденіе заповѣдей, всегда безвредное. Безъ мужества не льзя быть сдержаннымъ или терпѣливымъ, безъ благоразумія и умѣренности не мыслимъ человѣкъ воздержный. Добродѣтели между собою имѣютъ взаимную связь и одна изъ другой раждаются; а кто осуществляетъ своей жизнію цѣлый рядъ добродѣтелей, тотъ состоитъ и на пути спасительномъ, представляющемъ собою непрерывное удерживаніе за собою извѣстнаго блага. Отсюда съ естественностью слѣдуетъ, что если мы зрѣло обсудили названный рядъ добродѣтелей, то здраво опознали свое положеніе въ средѣ и всѣхъ прочихъ добродѣтелей. Ибо кто подобно гностику чрезъ обстоятельное знакомство и практическое осуществленіе содержитъ одну изъ сихъ добродѣтелей, тотъ располагаетъ и всѣми ими по силѣ взаимнаго ихъ сродства между собою.

Воздержность есть расположеніе души, никогда не преступающее границъ здраваго разсудка. Воздержнымъ же бываетъ тотъ, кто сдерживаетъ стремленія, несогласныя съ здравымъ разумомъ и кто владѣетъ собою настолько, что желаетъ только праведнаго и честнаго. И самое это сдерживаніе пожеланій и страстей не мыслимо безъ мужества, потому что изъ вѣрности заповѣдямъ проистекаетъ благоразуміе, повинующееся все устрояющему верховному законодателю Богу, и праведность, слѣдующая Божественнымъ повелѣніямъ (*). Какъ скоро эта праведность укрѣпила насъ въ воздержаніи, очищенные тогда мы склоняемся къ благочестію и дѣятельности, согласной съ волею Божіею, содѣлываясь, насколько къ этому способна наша немощная и смертная природа, Богу подобными. Достигнуть сей цѣли, это значитъ быть праведнымъ и святымъ съ мудростію. Богъ не имѣетъ ни нуждъ никакихъ ни страстей; слѣдовательно Онъ не можетъ быть воздержнымъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, ибо Онъ не впадаетъ ни въ какое искушеніе, которое долженъ былъ бы преодолѣвать. Наша же природа, волнуемая страстями, нуждается въ воздержности. Именно чрезъ сію-то воздержность, научившись довольствоваться малымъ, она старается своими

даема въ воспитаніи дѣтей высшая степень справедливости и ни малѣйшая доля ея не должна быть преступаема». Ямвлихъ подъ конецъ своего «Протрептика» пишетъ: «Изреченіе же это «вѣсовъ не нарушать» значитъ, что во всемъ должна быть наблюдаема справедливость и законное предпочитаемо должно быть всему; въ благоразумной срединѣ и въ честности должна быть признаваема высшая изъ добродѣтелей». Порфирій то же изреченіе Пиѳагора объясняетъ, что «не слѣдуетъ желать болѣе того, что мнѣ слѣдуетъ». Изреченія сего изъ христіанскихъ писателей еще касались Лактанцій и Минуцій въ «Октавіи».

(*) Уже прежде нашего писателя поставлялъ эти добродѣтели во взаимную связь Филонъ въ De vita Moysis, III.

расположеніями возвыситься до природы Божественной. Ибо человѣкъ добродѣтельный довольствуется малымъ по силѣ мысли, что онъ живетъ на границѣ, раздѣляющей природу безсмертную отъ смертной (*). Нужды человѣка происходятъ отъ тѣла и отъ матеріальности его начала, воздержность же учитъ человѣка съ помощью разсудка ограничивать эти требованія. Ибо какой смыслъ закона, запрещающаго *мущинѣ надѣвать женское платье* (Втор. XXII, 5)? Чего чрезъ сіе желаетъ онъ инаго, какъ не того, чтобы мы были мужчинами (**), никогда не изнѣживаясь ни по своему тѣлу ни по дѣйствіямъ, ни по образу мыслей и расположеній, ни на словахъ? Онъ хочетъ, чтобы ревнитель истины вооружалъ свой характеръ мужествомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется терпѣніе и покорность; и это какъ въ поведеніи своемъ такъ и въ нравахъ, въ рѣчахъ и въ дѣйствіяхъ, ночью какъ и днемъ; и это даже и въ томъ случаѣ, еслибы пришлось засвидѣтельствовать преданность истинѣ цѣною даже своей крови. Вотъ чего требуетъ законъ. Онъ добавляетъ: *Если кто построилъ новый домъ, но не жилъ еще въ немъ; если кто насадилъ виноградникъ, но еще не собралъ плодовъ съ него; если кто, бывъ обрученъ съ дѣвицею, еще не женился на ней* (Втор. XX, 5—7) (***), *тѣ свободны отъ войны*. По своей человѣчности законъ заповѣдуетъ такихъ освобождать отъ воинской повинности. Благоразумно и полководчески—предусмотрительно здѣсь законъ боится, чтобы увлеченные посторонними заботами не отнеслись мы къ дѣлу войны безъ усердія, ибо солдатъ, не занятый никакой посторонней мыслью, идетъ неустрашимо на встрѣчу всѣмъ опасностямъ. Съ другой стороны человѣколюбивость закона приняла во вниманіе невѣрность шансовъ на войнѣ и онъ рѣшилъ, что было бы несправедливо одному не дать возможности насладиться плодами трудовъ своихъ, а предоставить добро, трудомъ пріобрѣтенное, собрать другому безъ труда. Но въ тоже время законъ внушаетъ душѣ какъ будто и мужество, заповѣдуя, чтобы посѣявшему была дана возможность пожать, построившему жить въ постройкѣ, сосватавшемуся вступить въ бракъ (*); законъ не обманываетъ надеждъ тѣхъ, кто шелъ путями истиннаго гностика. *Надежда праведника не погибаетъ, все равно живъ онъ или умеръ* (Притч. XI, 7). *Любящихъ Меня люблю Я*, говоритъ Премудрость, *и ищущіе Меня найдутъ миръ* (Притч. VIII, 17; XVI, 5).

И что же? Жены Мадіанитянъ своей красотой развѣ не воспользовались на то, чтобы воевавшихъ съ ихъ націей Евреевъ заставить перейти отъ умѣренности къ невоздержности и отъ невоздержности къ нечестію (Числ XXV; Втор. IV; Пс. CV)? Пріобрѣтши же въ лицѣ Евреевъ себѣ друзей, Мадіанитскія казотки отъ жизни строгой и честной увлекли ихъ своею красотой къ удовольствіямъ эротическимъ, съ особенною нѣкою яростію стали побуждать ихъ къ жертвамъ идольскимъ и вызывать любовь къ чужестранкамъ. Побѣжденные двойнымъ этимъ противникомъ, женами и удовольствіями, Евреи оставили Бога, законъ и благодаря этой военной хитрости женщинъ чуть было не предали въ руки враговъ весь народъ, пока наконецъ спасительныя предостереженія страха не остановили ихъ на краю бездны. Тогда оставшіеся Евреи тотчасъ же за благочестіе и вѣру мужественно вступили съ врагомъ въ битву и остались ихъ побѣдителями. *Служеніе Богу значитъ состоитъ началомъ премудрости, знаніе же состоитъ въ почтеніи предъ вещами священными и охраненіи ихъ, ибо* такое *знаніе закона есть достояніе ума благороднаго* (Притч. IX, 10). Представляющіе себѣ законъ чѣмъ-то внушающимъ къ себѣ страхъ, связанный со смущеніемъ,

---

(*) Тоже Филонъ въ De fortitudine.

(**) Подобное Филонъ въ только что названномъ своемъ сочиненіи.

(***) Ближе впрочемъ греч. текстъ подходитъ къ тексту Филона нежели къ Библіи.

(*) И остальное о другихъ установленіяхъ древнееврейскихъ съ немногими измѣненіями заимствовано тоже изъ Филона.

ни пониманія его чрезъ это не обнаруживаютъ, ни въ духъ его въ дѣйствительности не проникаютъ. *Страхъ Господень животворитъ. А кто заблуждается, тотъ надсадится въ трудахъ, кои познаніемъ не одобряются* (Притч. XIX, 23). Несомнѣнно, что въ этомъ таинственномъ смыслѣ надлежитъ понимать слова Варнавы: «Да дастъ вамъ Богъ, Владыка всего міра, говоритъ онъ, премудрость и разумѣніе, познаніе, вѣдѣніе оправданій Его и устойчивость въ добрѣ. Будьте вѣрными учениками Господними, изслѣдуя, чего требуетъ отъ васъ Господь, дабы въ день судный противустать вамъ ненавистникамъ сихъ добродѣтелей» (*). Приблизившихся къ сей цѣли Варнава гностически называетъ «чадами любви и милосердія».

Что касается до щедрости и общенія имуществъ, то такъ какъ пришлось бы говорить о семъ очень много, достаточно будетъ только то замѣтить здѣсь, что отдача денегъ въ ростъ закономъ Моисеевымъ между братьями запрещается. А кого разумѣетъ онъ подъ братомъ (**)? Не только того, кто родился отъ однихъ и тѣхъ же родителей, но и того, кто относится къ одному и тому же племени, держится одной съ нами вѣры, говоритъ однимъ съ нами языкомъ. Законъ полагалъ, что несправедливо изъ своихъ богатствъ извлекать доходъ растовщичествомъ; напротивъ онъ хочетъ, чтобы мы расточали милостыню полными горстями и съ сердцемъ открытымъ для всѣхъ, кто находится въ нуждѣ. Ибо Богъ есть Установитель и сей благосклонности. Человѣкъ охотно дающій получаетъ достаточно богатый процентъ уже въ видѣ благъ, болѣе всего цѣнныхъ, въ образѣ кротости, добродушія, великодушія, добраго имени и себѣ похвалъ. Не правда ли: какъ человѣчна эта заповѣдь? Точно такъ же и изъ другаго наставленія: *Плата бѣдняку должна быть ему вручаема въ тотъ же день* (Лев. XIX, 13; Втор. XXIV, 14, 15) мы научаемся, что не слѣдуетъ ни минуты задерживать платы слугамъ нашимъ; иначе,—если недостанетъ хлѣба бѣдняку,—на работѣ слѣдующаго дня ослабнетъ усердіе его. Законъ прибавляетъ далѣе: *Заимодавецъ да не входитъ въ домъ должника, чтобъ насильно взять у него залогъ за долгъ; пусть онъ постоитъ на улицѣ, въ ожиданіи покуда получившій взаймы самъ вынесетъ изъ дома залогъ свой* (Втор. XXIV, 10, 11). Получающій же взаймы не долженъ отказываться отъ выдачи залога, если имѣетъ его. Законъ запрещаетъ еще владѣльцу поля поднимать во время жатвы колосья, выпавшіе изъ сноповъ; точно такъ же и жнецамъ онъ совѣтуетъ оставлять за собою нѣсколько колосьевъ не сжатыми (Лев. XIX, 9; XXIII, 22; Втор. XXIV, 19): двойное благодѣяніе со стороны закона; съ одной стороны онъ побуждаетъ къ щедрости и къ удѣленію отъ своего имущества владѣльца, понуждая его оставлять нѣчто и нуждающимся; съ другой стороны бѣдности онъ доставляетъ средства къ существованію. Видите, какъ законъ въ одно и тоже время провозглашаетъ и правосудіе и благость Божію, которыя всѣмъ доставляютъ въ изобиліи пропитаніе. Таже внимательность къ бѣднымъ обнаруживается и въ заповѣди касательно сбора винограда. Владѣлецъ не долженъ ни возвращаться за забытыми гроздами ни поднимать упавшіе (Лев. XIX, 10; Втор. XXIV, 20, 21) Въ равной мѣрѣ эта заповѣдь прилагается къ собирателямъ и оливъ. Наконецъ десятина съ плодовъ и со стадъ (Лев. XXII, 30, 32; Числ XVIII, 21, 22) учила Евреевъ благодарности къ Богу и не одну страсть лишь къ прибыли питать всѣмъ, а и ближняго чрезъ человѣчность допускать до участія въ благодѣяніяхъ неба. Этими десятинами и начатками (отъ скота и плодовъ), нужно думать, содержались священники.

(*) Посл. св. Варнавы подъ конецъ. Тексты посланія, какъ оно дошло до насъ и въ передачѣ его Климентомъ нѣсколько разнятся.

(**) Разумѣются мѣста изъ Лев. XXV, 35, 36 и Втор. XXIII, 19, 20. Дальнѣйшее, что говорится о древне-еврейскихъ законахъ и нравахъ, почти все заимствовано нашимъ писателемъ изъ кн. Филона De charitate.

Итакъ можно кажется понять теперь, что законъ учитъ благочестію, удѣленію отъ нашихъ благъ, справедливости, милосердію. Не онъ ли повелѣваетъ на 7-й годъ поле оставлять запущеннымъ (Исх. XXIII, 10, 11; Лев. XXV, 2—7), дабы бѣднякъ безъ возбраненія могъ пользоваться произведеніями, какими Богъ ее на тотъ годъ покроетъ, потому что сама природа брала на себя въ этотъ годъ обработку поля для тѣхъ, кому угодно было воспользоваться ея щедротами (*). Какъ же послѣ этого возможно отказывать закону въ благости и утверждать, будто онъ не учитъ справедливости? Относительно 50-го года онъ предписываетъ то же, что и касательно 7-го (Лев. XXV, 8, 9). Кромѣ того каждому въ этотъ годъ законъ возвращаетъ его землю, если въ этотъ промежутокъ времени она была отчуждена у него по какой либо грустной необходимости; такимъ образомъ чрезъ назначеніе срока для пользованія землею законъ ограничиваетъ алчность тѣхъ, кто жаждетъ пріобрѣтеній; онъ оказываетъ состраданіе къ тѣмъ, кто былъ наказанъ долгою нуждою и не желаетъ, чтобы наказаніе это длилось чрезъ всю ихъ жизнь. *Милость и истина охраняютъ царя* (Притч. XX, 28; III, 3). *Благословеніе покоится на головѣ дающаго* (Притч. XI, 26); *тотъ, кто сжалится надъ бѣднымъ, будетъ счастливъ* (Притч. XIV, 21), ибо онъ оказываетъ любовь ближнему во имя той любви, которая связываетъ Творца съ человѣческимъ родомъ.

Заповѣди нами только что затронутыя имѣютъ въ виду еще и другія поучительныя стороны, не менѣе согласныя съ природой, а именно мѣтятъ на внѣдреніе въ народѣ покоя и полученіе родоваго наслѣдства; но безполезно о семъ было бы говорить здѣсь.

Любовь понимается различно. То кротостью она обнаруживается, то добродушіемъ, то терпѣніемъ, то отсутствіемъ всякаго чувства зависти, ревности или ненависти и забвеніемъ обидъ. Она въ одно и тоже время находится во всѣхъ и всякомъ,—такъ однакоже, что нельзя сказать, что скорѣе здѣсь ея больше нежели въ другомъ мѣстѣ; она любитъ распространяться и сообщаться. Законъ говоритъ еще: «Если ты встрѣтишь (*) въ пустынѣ заблудившееся вьючное животное, принадлежащее кому либо изъ близкихъ тебѣ или одному изъ твоихъ друзей или вообще человѣку тебѣ знакомому, то приведши оное назадъ возврати по принадлежности. Если же случится, что хозяинъ животнаго отлучился изъ страны, то содержи его животное вмѣстѣ со своими до возвращенія хозяина его и потомъ возврати ему». Законъ учитъ здѣсь столь естественной общности интересовъ; на найденное мы должны смотрѣть какъ на отданное намъ временно на сохраненіе; и обидъ, намъ нанесенныхъ даже врагомъ нашимъ, мы не должны помнить. *Заповѣдь Господня, состоя истиннымъ источникомъ жизни, удаляетъ* (насъ) *отъ сѣтей смерти* (Притч. XIV, 27). Но что же? Развѣ законъ не повелѣваетъ и иностранцевъ любить такъ же, какъ любимъ мы самихъ себя, а не просто какъ друзей и людей намъ близкихъ и по душѣ и по тѣлу (Срав. Исх. XXII 21; XXIII, 9; Лев. XIX, 10, 33, 34; Числъ XV, 12, 13 и у Филона). И что я говорю! Законъ чтитъ и язычниковъ, воспрещая относиться съ ненавистію даже къ тѣмъ, кои преслѣдовали Израиля. Посему онъ ясно говоритъ: *Не гнушайся Египтяниномъ, ибо ты былъ пришельцомъ въ землѣ его* (Втор. XXIII, 7), разумѣя подъ Египтяниномъ или самихъ Египтянъ или вообще и всякаго другаго иностранца (**). Наконецъ вотъ враги (Втор. XX, 10). Они уже подступили къ городскимъ стѣнамъ и намѣреваются взять городъ. Законъ же и въ нихъ еще не видитъ враговъ. Онъ совѣтуетъ послать къ нимъ переговорщиковъ

(*) Все предшествующее но и послѣдующее написано подъ сильнымъ вліяніемъ Филона и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже его фразами.

(*) Смыслъ заповѣдей, содержащихся въ кн. Исх. XXIII, 4; Втор. XXII, 1—3; но онѣ заимствованы писателемъ не оттуда, а съ нѣкоторыми измѣненіями изъ Филона.

(**) Срав. въ началѣ гл. 10-й сей книги.

съ предложеніемъ мира. И оскорбительное обращеніе съ плѣнницей онъ запрещаетъ (Втор. XXI, 10 и дал.). «Давши ей тридцать дней плакать сколько хочется, говоритъ законъ, за тѣмъ сними съ нея траурныя одежды и живи съ нею какъ съ законною женой». Ибо законъ требуетъ, чтобы мущина сходился съ женщиною не для удовлетворенія животной страсти и не за цѣну постыдной платы какъ съ гетэрами, а только для рожденія дѣтей (*). Смотрите, какое соединеніе сдерживанія съ человѣчностью! Господину, увлеченному страстью къ своей плѣнницѣ, онъ не сразу отдаетъ ее для удовлетворенія страсти; онъ даетъ установиться желанію въ теченіе опредѣленнаго промежутка времени. Кромѣ того онъ предписываетъ обстригать волосы плѣнницѣ, дабы господинъ стыдился своей постыдной страсти; если же бракъ ему и здравымъ смысломъ совѣтуется, то онъ удержитъ при себѣ плѣнную женщину не смотря и на униженность ея. Потомъ, когда желаніе исполнилось и если господинъ не счелъ бы для себя болѣе за нужное жить со своей плѣнницей, то не только ему не дозволяется продавать ее, но онъ не можетъ ее оставить даже служанкой у себя: законъ требуетъ ея освобожденія и избавленія отъ всякаго рабства изъ опасенія, чтобы въ случаѣ введенія въ домъ еще новой женщины ревность первой не причинила ей жестокаго горя.

Но что еще я слышу? Господь заповѣдуетъ намъ даже еще облегчать вьючныхъ животныхъ нашего врага, когда они обременены непосильной тяжестью и помогать имъ встать, когда они подъ давленіемъ ея падаютъ (срав. Исх. XXIII, 4, 5; Втор. XXII, 4). Издалека не тому ли Онъ учитъ насъ чрезъ это, что не слѣдуетъ радоваться бѣдствіямъ другихъ, ни несчастіями нашихъ враговъ тѣшиться? И это для того конечно, чтобы чрезъ упражненіе въ сихъ добродѣтеляхъ подготовить народъ къ воспринятію впослѣдствіи заповѣди даже еще молиться за враговъ. Не слѣдуетъ ни завидовать счастію нашихъ ближнихъ, ни огорчаться онымъ, ни удовольствіе чувствовать при видѣ ихъ несчастія. «И если бы, говоритъ Господь, принадлежащее врагу твоему вьючное животное заблудилось и ты нашелъ бы его, то забудь всѣ поводы ко враждѣ и приведши домой отдай его». Истинная честность забываетъ обиды, и прекращеніе вражды слѣдуетъ за ней какъ тѣнь за тѣломъ. Именно изъ такого-то образа дѣйствій и развивается общественное согласіе, а потомъ оно вводитъ насъ въ блаженство. И еслибы напр. въ посѣщенномъ тобою человѣкѣ замѣтилъ ты ненависть къ себѣ или еслибъ ты открылъ, что жаденъ онъ или не можетъ сдерживать своего гнѣва, то предшествуй ему своимъ примѣромъ въ образѣ жизни лучшемъ.

Послѣ всего сказаннаго не находите ли вы ветхозавѣтный законъ человѣчнымъ и благотворнымъ, этотъ законъ, который какъ дѣтей насъ приводитъ ко Христу Іисусу (Гал. III, 24)? А вмѣстѣ съ симъ не открываются ли изъ него и Божественныя благость и правосудіе? Не съ самаго ли начала міра и даже до послѣднихъ временъ сихъ Богъ цѣлесообразно промышлялъ о каждомъ поколѣніи, устрояя спасеніе его? *Будьте милосерды*, говоритъ Господь, *чтобы и къ вамъ были милосерды; прощайте грѣхи, чтобы и вамъ ваши были прощены. Какъ вы съ другими поступаете, такъ и съ вами будетъ поступлено. Какъ вы даете, такъ и вамъ воздастся. Какъ судите вы, такъ будутъ судить и васъ. Съ какимъ добросердечіемъ будете относиться къ другимъ вы, съ такимъ же будутъ относиться и къ вамъ. Мѣрой, какой даете вы, будетъ и вамъ возвращено* (Мѳ, V, VI, VII; Лк. VI).

Законъ далѣе запрещаетъ презрительное обращеніе съ такими людьми, которые хотя и были рождены свободными, но коихъ нужда заставила себя продать въ неволю: онъ все еще охраняетъ за ними права свободныхъ людей (Лев. XXV, 39, 40 и д.; Исх. XXI, 2, 3 и д.; Втор. XV, 12, 13 и д.). И тѣмъ, кто

(*) И сіе написано подъ вліяніемъ разъясненій Филона. Срав. Стром. III, гл. 9 въ концѣ и 11 въ началѣ, равно въ Педагогѣ кн. II, гл. 10.

доведенъ былъ долгами до рабства, на 7-й годъ онъ даруетъ полную свободу. И что я говорю? Законъ заповѣдуетъ освобождать отъ наказанія молящаго о пощадѣ. Глубокой истинностью слѣдовательно дышутъ эти изреченія: *Какъ золото и серебро испытываются въ горнилѣ, такъ Господь очищаетъ сердца избранныхъ* (Притч. XVII, 3). *Человѣкъ милосердый великодушенъ* (Притч. XIX, 11). *Всякому заботливому свойственна извѣстная доля мудрости* (Притч. XIV, 23). Ибо *заботливость свойственна лишь мужу разумному* (Притч. XVII, 12). *И* кто заботливъ и печенъ, тотъ жизнь найдетъ. И кто Бога ищетъ, тотъ обрѣтетъ познаніе съ праведностью. Искавшіе же Его честно миръ обрѣли.

Но мнѣ кажется, что и Пиѳагоръ при постановленіи о кроткомъ обращеніи съ животными имѣлъ одинаковую съ Моисеевымъ закономъ цѣль. Изъ состраданія къ отцу и матери онъ даже и подъ предлогомъ жертвы не позволялъ трогать для употребленія въ пищу новорожденныхъ у овецъ, у козъ и телицъ; законодатель желалъ, чтобы чрезъ снисходительность къ неразумнымъ животнымъ человѣкъ возвышался до кротости по отношенію и къ ближнимъ. «Оставляйте, говоритъ онъ, при матери ея дитя по крайней мѣрѣ въ теченіе первыхъ семи дней, ибо если ничто не совершается безъ причины и если въ вымя животнаго, имѣющаго дѣтей, притекаетъ въ изобиліи молоко для питанія ихъ, то отнимать дѣтей у матери въ періодъ кормленія было бы оскорбленіемъ природы» (*).

Стыдитесь же, Эллины и вы всѣ къ нимъ присоединяющіеся въ нападкахъ на законъ: онъ оказывается сострадательнымъ даже къ животнымъ, лишеннымъ разсудка, тогда какъ хулители закона подкидываютъ дѣтей даже человѣческихъ. И однакоже законъ за много лѣтъ предъ симъ осудилъ сіе варварство пророческой заповѣдью. О, если онъ запрещаетъ разлучать мать и дѣтенышей въ періодъ кормленія, то тѣмъ больше причинъ онъ имѣетъ вооружаться благовременными предписаніями противъ жестокаго и безжалостнаго звѣрства людей, дабы почитали они по крайней мѣрѣ законъ, если не хотятъ отречься отъ оскорбленія природы. И еще имѣетъ нѣкоторое извинительное основаніе разлучать съ матерью козлятъ и ягнятъ, такъ какъ мясомъ ихъ дозволено питаться. Но что за основаніе подкидывать дѣтей? Слѣдовало бы вовсе не допускать и до брака того человѣка, который съ самаго начала отступаетъ предъ отцовскими обязанностями; это смысленнѣе чѣмъ допускать его до удовлетворенія необузданныхъ своихъ желаній лишь за тѣмъ, чтобы послѣ дать ему возможность сдѣлаться дѣтоубійцей.

Въ доброжелательности своихъ расположеній законъ запрещаетъ еще въ одинъ и тотъ же день приносить въ жертву дѣтеныша и мать. Потому-то у древнихъ Римлянъ, въ случаѣ осужденія на смерть беременной женщины, предписывалось казнь приводить въ исполненіе только послѣ рожденія ею дитяти. Итакъ если плодомъ животнаго законъ не прежде позволяетъ пользоваться, какъ по рожденіи, то тѣмъ болѣе, хотя и косвеннымъ образомъ, онъ сдерживаетъ симъ жестокость людей въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу. Законъ простираетъ кротость даже къ животнымъ, чтобы чрезъ наученіе насъ кротости по отношенію къ существамъ не состоящимъ нашими ближними внушить намъ еще большее состраданіе къ братьямъ. Тѣ же, кои предъ закланіемъ нѣкоторыхъ животныхъ пинаютъ ихъ въ непраздное чрево, чтобы мясо, орошено бу-

(*) Ямвлихъ въ «Жизни Пиѳагора» передаетъ, что онъ запрещалъ употребленіе животныхъ какъ въ пищу, такъ и для жервоприношеній, требуя чтобы поклоненіемъ боги были чествуемы при алтаряхъ только безкровныхъ. Срав. въ Стром. VII и въ «Пиѳагорѣ» у Лаэрція. Другіе же утверждаютъ, что Пиѳагоръ запрещалъ употребленіе въ пищу мяса только земледѣльческихъ воловъ и бараньяго. Древне-еврейскія постановленія касательно животныхъ см. Лев. XVII, 27, 28; Исх. XXII, 30; XXIII, 19; XXXIV, 26; Втор. XIV, 27, 28; XXII, 6, 7.

дучи молокомъ, представляло изъ себя впослѣдствіи пищу болѣе вкусную, (Плутархъ De esu carn. II), изъ чрева (matricis), созданнаго для размноженія, дѣлаютъ для содержимаго имъ плода могилу. Но законъ даже такое запрещеніе содержитъ: *Не варите ягненка въ молокѣ его матери* (Втор. XIV, 21): противуестественное дѣло изъ молока, служащаго живому животному пищею, дѣлать приправу къ животному убитому; не нормально источнику жизни служить къ разрушенію тѣла. (Тѣмъ паче закономъ воспрещается значитъ вышеназванное варварство).

Тотъ же законъ запрещаетъ *завязывать морду у вола мнущаго колосья*, потому что *трудящійся достоинъ пропитанія* (Мѳ. X, 10; Лк. X, 7; 1 Тим. V, 18; Втор. XXV, 4).

Въ той же книгѣ (Втор. XXII, 10) запрещается запрягать вмѣстѣ для воздѣлыванія земли вола и осла. Можетъ быть законъ здѣсь принимаетъ во вниманіе несходство между этими двумя животными. Но безъ сомнѣнія въ тоже время онъ осуждаетъ и несправедливость къ иностранцамъ и воспрещаетъ порабощать кого либо изъ нихъ, если нѣтъ противъ него никакихъ другихъ уликъ кромѣ различія племени: происхожденіе никому нельзя поставлять въ вину; это не порокъ вѣдь, но и не слѣдствіе порока. Что до меня касается, то я склоненъ видѣть здѣсь кромѣ того еще аллегорію, смыслъ которой состоитъ въ томъ, что не слѣдуетъ допускать до пользованія вразумленіями Логоса безразлично человѣка чистаго и нечистаго, вѣрнаго и невѣрнаго. Въ самомъ дѣлѣ: одно изъ этихъ животныхъ чистое, это волъ; а оселъ признанъ за животное нечистое.

По чрезмѣрной благожелательности и благости Логосъ (законъ) учитъ насъ, что не только не слѣдуетъ срубать деревьевъ со съѣдобными плодами (Втор. XX, 19, 20) или снимать хлѣбъ до времени жатвы съ цѣлью просто только разрушенія, но ниже вообще портить плоды поля какъ неодушевленнаго, такъ и одушевленнаго (Втор. XX, 14). Онъ не дозволяетъ намъ опустошенія страны даже и вражеской.

Земледѣльцы могутъ даже прямо воспользоваться предписаніями закона. Онъ требуетъ въ теченіе трехъ послѣдовательныхъ лѣтъ весьма заботливаго ухода за вновь посаженными деревьями: должны ненужные ростки быть обрѣзываемы изъ опасенія, какъ бы деревья не упали подъ лишней тяжестью и чтобы вслѣдствіе раздѣленія древесныхъ соковъ на множество мелкихъ струекъ, не удовлетворяющихъ потребностямъ каждой изъ вѣтокъ, не произошло ихъ ослабленія. «Возвращайтесь и окапывайте землю вокругъ этихъ молодыхъ растеній, говоритъ далѣе законъ, чтобы ничто не возвышалось около нихъ и не останавливало роста ихъ».

Законъ не позволяетъ также снимать съ деревъ не вполнѣ развившихся плоды недоразвившіеся, но только три года спустя, когда дерево будетъ въ полномъ ростѣ и когда начатки плодовъ будутъ принесены въ жертву Богу. Это правило садоводства имѣетъ цѣлью научить насъ, что отростки грѣховъ и сорныя травы мысли, растущія вмѣстѣ съ первоначальнымъ плодомъ, должны быть вырываемы и искореняемы до тѣхъ поръ, пока зерно нашей вѣры не достигнетъ развитія и полной своей силы. Ибо на четвертый годъ,—такъ такъ и оглашенному нужно время для утвержденія въ ученіи,—новообращенный посвящается Богу четверицею добродѣтелей, такъ какъ Троица присоединяется тогда къ четвертой ипостаси Господа (*). Но жертва хвалебная выше умилостивительной (**), ибо *самъ Богъ*,

(*) Разумѣется человѣческая природа Христа, составляющая съ тремя лицами Божества нѣкоторымъ образомъ четверицу.

(**) Связь съ предшествующимъ дѣлается понятной изъ Филона, по слѣдамъ котораго Климентъ идетъ, обращая вниманіе на различныя древнееврейскія законоположенія. Филонъ, отклоняя своихъ соплеменниковъ отъ высокомѣрія и гордости, вмѣсто сего обращаетъ ихъ вниманіе на заповѣдь законодателя помнить Божественныя благодѣянія и

говоритъ законъ, *даетъ тебѣ силу упражнять твои власть и способности* (Втор. VIII, 18). Но если вещи тебѣ освѣщены (новымъ) свѣтомъ, то теперь, когда мы укрѣплены и обновлены, явимъ силу свою чрезъ обнаруженіе познанія. Цѣль закона именно въ наученіи насъ тому и состоитъ, что блага и дары (въ семъ мірѣ) раздѣлены между нами рукою Божіей и что мы въ качествѣ слугъ Божественной благодати должны озабочиваться распространеніемъ ея благодѣяній, обращая къ добру и честности всѣхъ, съ нами сближающихся, такъ чтобы умѣренный расширялъ около себя кругъ воздержныхъ, мужественный—великодушныхъ, мудрый—разумныхъ и правдивый—праведныхъ.

19. Истинный мудрецъ (гностикъ) главнымъ образомъ чрезъ благотворительность оказывается подражателемъ Богу.

Вотъ портретъ истиннаго гностика, воплощающаго въ себѣ образъ и подобіе Божіи (*). При подражаніи Богу, насколько это для нашей слабости возможно, онъ ничего не оставляетъ, что можетъ напечатлѣвать на немъ подобіе Божіе. Онъ воздерженъ, постояненъ, заботится объ осуществленіи въ своей жизни праведности, господствуетъ надъ своими страстями; тѣмъ, что имѣетъ, дѣлится съ другими, около себя и словомъ и дѣломъ распространяя въ мѣру средствъ своихъ добро. *Кто сотворитъ и научитъ*, говоритъ Господь, Богу подражая чрезъ разлитіе около себя благотворительности, *тотъ велій наречется въ царствіи* (Мѳ. V, 19). (Говорится о царствѣ), ибо божественныя благодѣянія общеполезны (*). А *кто предпринимаетъ что либо по* (личной) *гордости*, говоритъ законъ, *тотъ прогнѣвляетъ Бога* (Числъ XV, 30). Самомнѣніе есть непотребство души(**) и отъ него, равно какъ и отъ питанія въ себѣ другихъ недостойныхъ человѣка низкихъ свойствъ, законъ заповѣдуетъ исправляться раскаяніемъ (***), вносить же стройность и порядокъ въ свой образъ жизни и сообщать ей лучшее направленіе чрезъ обузданіе особенно трехъ изъ нашихъ членовъ: устъ, сердца и рукъ. Именно эти органы состоятъ вѣдь знаками и символами, рука—дѣйствія, сердце—расположеній, уста—слова. Справедливо посему сказано о кающихся (****) это изреченіе: *Нынѣ*

благодарить за оныя (Втор. VIII, 18). Климентъ еще оставляетъ этотъ текстъ, а за тѣмъ, опустивши изъ Филона вещи промежуточныя и по обыкновенію заполнивши ихъ нѣсколькими иными мыслями, продолжаетъ въ послѣдующей связи мыслей, на основаніи постановленій и заповѣдей Моисеева закона, рекомендовать добродѣтели великодушія, умѣренности и симъ подобныя, въ качествѣ посредницъ и ступеней къ возвышеннѣйшимъ христіанскимъ добродѣтелямъ.

(*) Срав. о томъ же въ концѣ «Увѣщанія къ Эллинамъ». Подобное Филонъ. См. у Миня.

(*) Филонъ: «Дабы чрезъ разлитіе около себя благодѣяній Богу оказываться подражателемъ, ибо высшаго Владыки щедроты на всѣхъ отзываются благомъ».

(**) Филонъ: «Кто предпринимаетъ какое либо дѣйствіе по высокомѣрію, тотъ Бога гнѣвитъ. Почему? Потому во первыхъ, что гордость есть порокъ, ни къ чему непригодное свойство души» и проч.

(***) Филонъ: «Прекрасное предписаніе, чтобы мы учились жизнь упорядочивать и безпорядочность ея замѣнять состояніемъ наилучшимъ. Не слишкомъ трудно это, ни долгаго времени не требуетъ, но всякому удобно, т. е. состоитъ въ устахъ каждаго, въ груди и въ рукахъ; это значитъ состоять такая жизнь должна въ словахъ, въ дѣлахъ и въ расположеніяхъ. Потому что символомъ словъ состоятъ уста, расположеній—грудь, а дѣйствій—руки». Намекъ со стороны Филона очевидно на Втор. XXX, 14: *Весьма близко къ тебѣ слово сіе: оно въ устахъ твоихъ и въ сердцѣ твоемъ и въ рукахъ твоихъ, чтобъ исполнять оное.* Подобное Климентъ говорилъ уже въ «Увѣщаніи» въ концѣ гл. 10-й.—Св. Василій Великій въ извѣстной своей бесѣдѣ на текстъ *Внемли себѣ* также съ удовольствіемъ останавливается на этомъ многозначительномъ мѣстѣ Писанія.

(****) Связь съ предшествующимъ объясняется точно такъ же, какъ и немного выше. Нѣкоторыя вы-

избралъ ты Бога, чтобы Онъ былъ твоимъ Богомъ; и Господь нынѣ избралъ тебя, чтобы ты былъ Его народомъ (Втор. XXVI, 17, 18). Ибо человѣка, обратившаго всѣ свои заботы на почитаніе Бога, Онъ изъ состоянія рабскаго возвышаетъ до званія друга. И хотя бы такой почитатель Бога и одинъ былъ, все равно Богъ чествуетъ его симъ именемъ, какъ еслибъ это былъ цѣлый народъ. Ибо въ качествѣ части народа онъ состоитъ представителемъ всей совокупности его и возвращаясь въ среду его собою пополняетъ въ немъ недостатокъ людей лучшихъ. Иногда и цѣлымъ вѣдь заимствуется имя отъ своей части. Истинное благородство (*) образа мыслей и расположеній обнаруживается лишь въ выборѣ и осуществленіи прекраснѣйшаго. Къ чему послужило Адаму безъ этого благородства дѣйствій все его инаго рода благородство, благородство происхожденія, то именно, что отцомъ его не былъ кто либо смертный (**)? Какая польза ему отъ того была, что онъ не имѣлъ другаго отца кромѣ Бога, самъ же былъ отцомъ всѣхъ человѣческихъ поколѣній? Послушавшись совѣта жены, онъ алчно, пренебрегши истиннымъ и честнымъ, избралъ постыдное (***), промѣнявъ хотя и не навсегда (****) безсмертіе на смерть. Ной же, явившійся на землѣ по естественнымъ законамъ рожденія, а не сверхъестественно какъ Адамъ, за то что онъ добровольно предался волѣ Божіей и себя посвятилъ Богу (*), Божественнымъ провидѣніемъ былъ спасенъ. Воззрите на Авраама! Отъ трехъ своихъ женъ онъ имѣлъ дѣтей, но дѣти сіи не были плодомъ сладострастія, а—какъ я полагаю—желанія поскорѣе умножить родъ человѣческій въ началѣ міра (**). Одинъ изъ этихъ сыновей наслѣдовалъ отцу, остальные же были отдѣлены отъ фамильнаго колѣна (***). Но и изъ близнецовъ, родившихся у него (****), который изъ сыновей наслѣдуетъ? Младшій, пріобрѣтшій угодливостью расположеніе отца и получившій его благословеніе. Старшій же становится рабомъ младшаго, ибо величайшее благодѣяніе злодѣю,

---

раженія Филона, которыми излагаемое у него тѣснѣе было связано, Климентъ опустилъ. Это опущенное мѣсто у Филона таково: «Если кто гармоніи этой еще не достигъ, чтобы любить Бога и Ему быть угоднымъ... Потому прекрасно къ намъ примѣняется это изреченіе: *Завѣтъ нынѣ ты заключилъ съ Господомъ, чтобы Онъ былъ тебѣ Богомъ; и Господь завѣтъ заключилъ нынѣ съ тобою, чтобы ты былъ Его народомъ*».

(*) Въ послѣдующемъ многое заимствовано изъ книги Филона «De nobilitate».

(**) Филонъ: «Отцомъ же его и виновникомъ его жизни не было никого изъ смертныхъ кромѣ Бога».

(***) Филонъ: «Ложное, постыдное и злое предпочелъ доброму, прекрасному и истинному, промѣнявъ чрезъ то безсмертное на смертное».

(****) *Хотя и не навсегда.* Выраженіе прибавленное писателемъ кажется для того, чтобъ не показаться благопріятствующимъ еретикамъ, которые учили, что Адамъ вовсе не считалъ за необходимое каяться въ своемъ грѣхѣ, и потому вѣчнаго спасенія былъ лишенъ. «Татіаномъ первымъ было измышлено это богохульство», говоритъ св. Ириней, I, 31.

(*) Филонъ эту фразу употребляетъ о всѣхъ патріархахъ. О Ноѣ распространяется онъ болѣе.

(**) т. е. по возрожденіи его послѣ потопа. И это прибавка, сдѣланная Климентомъ какъ кажется на тотъ конецъ, чтобы кто нибудь на основаніи этого и подобныхъ примѣровъ также не позволилъ себѣ какой нибудь вольности.

(***) Филонъ: «Родоначальникъ іудейскаго народа имѣлъ многочисленное отъ трехъ своихъ женъ потомство; но на это нужно смотрѣть не какъ на послабленіе чувственности, а какъ на желаніе умножить свой родъ. Впрочемъ изъ многихъ только одинъ отцу наслѣдовалъ, остальные всѣ, такъ какъ отъ благочестія отреклись, отдѣлены были отъ сродства съ фамиліей; такъ какъ никакихъ добродѣтелей ея въ себѣ они не воплощали, то отсѣчены были и отъ ея благородства».

(****) т. е. Исаака. Филонъ: «Опять отъ этого самаго, заслужившаго одобреніе, наслѣдника рождаются близнецы». И немного послѣ сего онъ прибавляетъ: «Ибо младшій своимъ послушаніемъ заслужилъ благоволеніе того и другаго изъ родите-

это лишить его свободы. Такая диспозиція событій имѣетъ значеніе пророчественное, но вмѣстѣ и символическое, потому что мудрому принадлежитъ все (*). Сіе ясно открывается намъ и свящ. Писаніемъ, которое говоритъ: *Такъ какъ Богъ умилосердился надо мною, то есть у меня все* (Быт. XXXIII, 11). Чрезъ это оно учитъ насъ только къ Богу стремиться, которымъ существуетъ все и который даетъ свои обѣтованія лишь достойнымъ ихъ. Со свойственной ему Божественной мудростью человѣка добродѣтельнаго Писаніе изображаетъ предъ нами наслѣдникомъ царства и согражданиномъ древнихъ праведниковъ, являвшихся и прежде дарованія закона и послѣ, но все равно жившихъ согласно съ закономъ; дѣйствія ихъ посему и до сихъ поръ для насъ служатъ закономъ.

Свящ. Писаніе далѣе учитъ насъ, что мудрецъ есть царь (**). Такъ оно выводитъ людей племени чуждаго говорящими ему: *Среди насъ ты данный намъ Богомъ царь* (Быт. XXIII, 6) (***), потому что добровольное въ образѣ мыслей и расположеній соревнованіе другихъ людей праведнику ихъ подчиняетъ ему. Философъ Платонъ говоритъ, что послѣдній предѣлъ блаженства есть, — насколько это возможно для человѣка,—уподобленіе Богу (*) или чрезъ согласованіе своей жизни съ предписаніями закона,—ибо души великія и отъ страстей свободныя (**), по выраженію Пиѳагорейца Филона (***) въ изложеніи имъ жизни Моисея, достигаютъ цѣли ученія истиннаго, идя къ ней почти по прямой линіи,—или вслѣдствіе послушанія нѣкимъ тайнымъ внушеніямъ, которыя и тогда были, чрезъ постоянное слѣдованіе ученію общепринятому. Законъ говоритъ: *Господу Богу вашему послѣдуйте, заповѣди Его соблюдайте* (Втор. XIII, 4), ибо послушаніе ему законъ называетъ уподобленіемъ Богу. Чрезъ исполненіе заповѣдей закона, мы достигаемъ, насколько это для насъ возможно, уподобленія Богу.

Будьте, говоритъ Господь, *милосерды* и сострадательны, *какъ и Отецъ вашъ небесный милосердъ* (Лк. VI, 36). Отсюда и Стоики цѣль

лей; и такъ происходитъ, что за одного возносятъ они горѣ благопріятнѣйшія молитвы, Богу оныя утверждающу и ничего въ нихъ безъ исполненія не оставляющу; другаго же, старшаго, тронутые сожалѣніемъ къ нему, родители радуютъ такимъ благодѣяніемъ: подчиняютъ его брату, разсчитывая что для него будетъ полезно, если по непотребству своему человѣкъ этотъ не останется на своей волѣ; если же въ положеніи раба оказывать будетъ послушаніе, то въ состояніи будетъ заслужить, какъ это бываетъ на состязаніяхъ, второй степени награду за добродѣтель».

(*) Подобное выше въ гл. 4-й и въ концѣ «Увѣщанія».

(**) По Филону.

(***) Такъ сыны Хета называли Авраама. Быт. XXIII, 6.

(*) Платонъ въ Ѳеэтетѣ: «Погибнуть злу невозможно, (ибо всякое зло, по Платону, имѣетъ свой источникъ въ слабости человѣческой природы), потому что всегда необходимо что нибудь противное добру. И не въ богахъ утвердилось оно (т. е. никакое зло не происходитъ отъ боговъ), а обходитъ по необходимости смертную природу и это мѣсто. Потому и надобно стараться какъ можно скорѣе уходить отсюда туда. Бѣгство это есть посильное уподобленіе Богу, а уподобляться Богу значитъ дѣлаться справедливымъ и мудро благочестивымъ». И немного далѣе: «Въ природѣ вещей есть образцы; одинъ божественный, образецъ счастья; другой безбожный, образецъ страданія. Люди не видящіе, что это такъ, по глупости и крайнему безумію не замѣчаютъ, что одному они уподобляются своими несправедливыми дѣйствіями, а отъ другаго отступаютъ». Платонъ въ переводѣ Карпова томъ V, стран. 379.

(**) Филонъ De vita Moysis: «Ибо умы великіе вводятъ въ знанія много новаго».

(***) Климентъ при случаѣ, здѣсь и тамъ, называетъ Филона Пиѳагорейцемъ, потому что онъ слѣдовалъ тому же символическому образу рѣчи, которымъ славились и Пиѳагорейцы. Срав. Стром. кн. I, гл. 15 въ концѣ.

человѣческой жизни видятъ въ соотвѣтствіи природѣ (*), благоприлично измѣнивъ здѣсь имя Божіе въ имя природы, ибо именемъ природы объемлется и царство травъ и того что сѣется и царство деревъ и камней. Вотъ почему и сказано столь ясно: *Люди нечестивые закона не разумѣютъ, а любящіе оный ставятъ его предъ собою какъ ограду и оплотъ* (Притч. XXVIII, 4, 5). *Мудрому свойственно искуство различать дорогу, глупость же безразсудныхъ сказывается въ заблужденіи* (Притч. XIV, 8). *Ибо на кого призрю Я какъ не на кроткаго и сокрушеннаго духомъ и трепещущаго словъ Моихъ* (Ис. LXV, 2).

Извѣстно, что есть три рода дружбы. Первая и наилучшая есть та, въ коей связующимъ звѣномъ состоитъ добродѣтель, ибо прочна лишь та любовь, которая опирается на разумъ. Вторая, занимающая средину между двумя другими видами дружбы, есть та, которая возникаетъ изъ взаимнаго интереса; это—дружба, имѣющая отношеніе къ обществу и въ высокой степени собой обусловливающая людскія связи; на жизни свойственно ей отзываться пользою, ибо дружба, возникающая изъ благосклонности, собою дѣйствительно можетъ поддерживать общественныя связи. Третій и послѣдній видъ дружбы по нашему мнѣнію возникаетъ изъ постоянства общенія; по мнѣнію же другихъ это та дружба, которая поддерживается или мѣняется смотря по прихоти удовольствія (**). Мнѣ кажется, что слѣдующимъ изреченіемъ Пиѳагорейца Гипподама хорошо опредѣляются всѣ эти три вида дружбы. «Первый родъ дружбы, говоритъ онъ, возникаетъ изъ памятованія о богахъ; источникомъ второй состоятъ человѣческія вспоможенія; основой третьяго вида дружбы состоятъ удовольствія существъ одушевленныхъ». Выходитъ, что одинъ родъ дружбы свойственъ философу, другой человѣку, третій вообще существу одушевленному или животнымъ.

Итакъ только человѣкъ благотворящій воплощаетъ въ себѣ по истинѣ образъ Божій. Его благотворительность и самому ему полезна. Подобно кормчему онъ содѣваетъ спасеніе другихъ, но и свое собственное. Потому-то получая просимое просящій не говоритъ своему благодѣтелю: «Достохвальное даяніе», но: «Достохвальное полученіе». Выходитъ, что дающій получаетъ, а принимающій даетъ. *Праведники бываютъ милосерды и сострадательны* (Притч. XXI, 26). *Благотворительные содѣлаются насельниками земли, непорочные на ней утвердятся, нечестивые же будутъ изглажены съ нея* (Притч. II, 21, 22). И мнѣ кажется, что Гомеръ сказалъ: «Давай другу твоему» предугадавъ характеръ вѣрнаго.

Равнымъ образомъ слѣдуетъ и врагу помогать, чтобы онъ не оставался врагомъ, ибо помощью доброжелательность укрѣпляется, а вражда разсѣевается. *Пріемлется Богомъ и усердіе, смотря по тому, кто что имѣетъ, а не по тому, чего не имѣетъ, ибо не требуется, чтобы другимъ было облегченіе, а вамъ тяжесть, но чтобъ была равномѣрность* (2 Кор. VIII, 12, 13) и т. д. *Онъ расточилъ, роздалъ бѣднымъ*, говоритъ свящ. Писаніе; *праведность*

(*) Параллель сему представляетъ мѣсто изъ сей же книги гл. 15-й, гдѣ сіе изреченіе передается чрезъ «Слушайся Бога», потому что по Зенону «слушаться Бога» и «жить согласно съ природой» одно и тоже. Равносильно сему и «жить въ согласіи со своимъ геніемъ». По Плутарху (De auditione) и «слушаться разума» съ симъ тождественно.

(**) Подобное Аристотель Ethicorum къ Никомаху VIII, 3. Онъ учитъ, что существуетъ три вида дружбы. Первою изъ нихъ онъ называетъ дружбу любящихъ другъ друга изъ за взаимной пользы. Вторую онъ называетъ дружбу изъ за взаимнаго удовольствія; свойственна она особенно молодости. Третій видъ дружбы существуетъ между людьми добрыми и стремящимися къ добродѣтели; это дружба совершенная, ибо такого рода люди благорасположены другъ къ другу въ мѣру добродѣтели. Короче первый изъ трехъ этихъ видовъ дружбы можно было бы обусловливать полезностью, второй удовольствіемъ и третій честностью.

его будетъ превозносима во вѣкъ вѣка (Пс. CXI, 9).

Итакъ что касается образа и подобія Божіихъ, то—какъ мы уже и ранѣе говорили о семъ—они состоятъ не въ подобіи тѣлесномъ,—это и невозможно, чтобы существо смертное походило на безсмертное,—но дѣло идетъ здѣсь объ уподобленіи Богу духомъ и разумомъ. Именно въ такого рода подобіи состоитъ уподобленіе Богу какъ благотворительностью, такъ и начальствованіемъ. Ибо верховенство и въ тѣлахъ (коими облечены мы), принадлежитъ вѣдь не ихъ специфическимъ свойствамъ, а рѣшеніямъ духа. Въ самомъ дѣлѣ городами, семьями мудро кто управляетъ? Мужи праведные благоразуміемъ своихъ совѣтовъ.

20. **Отличительныя свойства мудреца (гностика) суть также терпѣніе и воздержность.**

Но потомъ гностикъ стремится къ уподобленію Богу и по душевной крѣпости, чрезъ терпѣніе доводя ее до нѣкоего безстрастія (*). Это ясно для всякаго, кто помнитъ разсказы свящ. Писанія объ Ананіи и его сотоварищахъ, однимъ изъ которыхъ былъ Даніилъ, пророкъ (**) исполненный Божественной вѣры. Даніилъ жилъ въ Вавилонѣ, какъ Лотъ въ Содомѣ, какъ Авраамъ въ землѣ Халдеевъ; но это не помѣшало послѣднему впослѣдствіи сдѣлаться другомъ Божіимъ. Итакъ по приказанію царя Вавилонскаго Даніилъ былъ спущенъ въ ровъ, наполненный дикими звѣрями. Но Царь вселенной, вѣрный (своимъ обѣтованіямъ) Господь, вывелъ его отсюда невредимымъ. Столь великимъ терпѣніемъ отличается гностикъ, и это именно потому что онъ гностикъ. Обдержимый скорбію онъ, подобно великодушному Іову, произноситъ лишь слова благословенія. Будучи поглощенъ чудовищемъ, онъ молится какъ Іона, и вѣра возвращаетъ его на свѣтъ для пророчествованія предъ Ниневитянами. Заключенъ будучи вмѣстѣ со львами, свирѣпыхъ этихъ звѣрей онъ укрощаетъ. Еслибъ вверженъ былъ онъ и въ огонь: покрытымъ окажется росою и выйдетъ изъ пламени невредимымъ. Онъ будетъ свидѣтельствовать ночью, свидѣтельствовать словомъ, своею жизнію, своимъ нравомъ. Живетъ онъ въ Господѣ, бесѣдуетъ съ Господомъ (*), съ Нимъ обращается, постоянно въ духѣ пребываетъ съ Нимъ. Чистый тѣлесно, чистый сердцемъ, онъ состоитъ священнымъ носителемъ Логоса. *Міръ распятъ для него*, говоритъ Апостолъ, *и онъ для міра* (Гал. VI, 14). Гдѣ бы онъ ни оказался, крестоношеніемъ подражающій Спасителю своему, онъ слѣдуетъ за Господомъ по слѣдамъ Его, такъ что Богомъ становится (**), представляя изъ себя святое святыхъ.

Божественный законъ, не забывая напоминать намъ о каждой изъ добродѣтелей, побуждаетъ человѣка особенно къ воздержности, закладывая сею фундаментъ и для остальныхъ. Именно съ воздержностью сдружая насъ и къ ней подготовляя, посему онъ воспрещаетъ намъ и употребленіе въ пищу мяса нѣкоторыхъ животныхъ, особенно жирныхъ, какъ напр. свиней, отягченныхъ жиромъ. Этого рода пища прилична только лицамъ, находящимъ отраду лишь въ пріятностяхъ стола и утопающимъ въ сладострастіи, порождаемомъ ими. Потому-то и принято словопроизводство одного философа (***), утверждавшаго, что слово свинья (ὗς sus) равнозначительно съ θῦς и происходитъ отъ θύν, приносить жертву, такъ какъ это животное только и годно для жертвоприношеній и на закланіе. И дѣйствительно жизнь этому животному какъ будто за тѣмъ только и дана, чтобы оно расширяло объемъ своего тѣла.

(*) Образъ мыслей и выраженій, собою напоминающій Стоиковъ, которые мудреца также называли безстрастнымъ. Срав. «Педагога» кн. I, гл. 2-ю.

(**) Подобное сему выше въ гл. 21-й кн. II, столб. 126.

(*) Подобная фраза употреблена Гомеромъ о Миносѣ Критскомъ, Одис. XIX, 179.

(**) Срав. на сей предметъ примѣч. въ «Педагогѣ» кн. I, гл. 12-й.

(***) Клеанѳа. Въ «Стром.» VII гл. 6-й приведены на сей счетъ кромѣ его мнѣнія еще Фили-

Ту же цѣль сдерживать наши пожеланія законъ имѣетъ, когда запрещаетъ употребленіе въ пищу рыбъ, не имѣющихъ ни перьевъ ни чешуи, потому что мясо именно этого рода рыбъ отличается отъ другихъ особеннымъ вкусомъ и жирно. Здѣсь же, думаю, скрывается причина и того, почему посвященнымъ въ мистеріи не дозволяется не только касаться нѣкоторыхъ животныхъ, но по извѣстнымъ имъ причинамъ изъемлются изъ числа предназначенныхъ въ пищу и нѣкоторыя части жертвенныхъ животныхъ (*). Итакъ если слѣдуетъ сдерживать желанія чрева и подчревія, то ясно, что чрезъ сіе постановленіе закона Господь значитъ уже давно заповѣдалъ искорененіе въ себѣ пожеланій. И это вполнѣ можетъ посчастливиться тому, кто нелицемѣрно будетъ воздерживаться отъ того, чѣмъ воспламеняются пожеланія, или сладострастіе.

Утверждаютъ, что сладострастіе есть нѣжная и пріятная ласка, обращенная на которое либо изъ нашихъ чувствъ и оное тихо волнующая(**). Состоя рабомъ такого сладострастія Менелай, по взятіи Трои, говорятъ, бросился въ оную съ намѣреніемъ убить Элену, бывшую причиной столь долгихъ и ужасныхъ бѣдствій, но побѣжденный ея прелестями, напомнившими ему прежнія съ ней удовольствія, не въ силахъ былъ привесть свое намѣреніе въ исполненіе. Трагическіе поэты за это жестоко надъ нимъ издѣваются, обращаясь къ нему съ слѣдующими, его безчестящими воззваніями:

Ты же при видѣ груди ея бросилъ мечъ,
Отъ измѣнницы принялъ поцѣлуй и сталъ улещать
повѣсу комплиментами (*).

И еще:

О красоту развѣ тупится твой мечъ (**)?

Раздѣляю мнѣніе Антисѳена (***), который говоритъ: «Еслибъ мнѣ удалось поймать Венеру, то пронзилъ бы я ее своими стрѣлами. Это отъ нея гибнетъ столько прекрасныхъ и честныхъ женщинъ». Тотъ же Антисѳенъ сладострастіе назвалъ «недостаткомъ и ошибкою природы». «А несчастныя, продолжаетъ онъ, себѣ позволяющія впадать въ ту же погрѣшность, называютъ болѣзнь, ихъ мучащую, богомъ» (****). Чрезъ это показывается намъ, что побѣждаемы бываютъ сладострастіемъ лишь неопытные и по невѣдѣнію. Поддаваться ему не слѣдуетъ, хотя оно и называется богиней, т. е. хотя оно и допущено Богомъ для размноженія и продолженія человѣческаго рода. И Ксенофонтъ сладострастіе открыто клеймитъ именемъ порочности, говоря: «Несчастная, что жъ извѣстно тебѣ добраго, или что жъ это за прекрасное, котораго желаешь ты? Ты не выжидаешь даже, чтобъ въ тебѣ родилось и желаніе пріятнаго. Ты ѣшь прежде, чѣмъ голодъ почувствовавъ; и пьешь раньше, чѣмъ жажда явится. Чтобы ѣсть съ аппетитомъ, хлопочешь ты о поварахъ; а чтобы пить съ пріятностію, ты приготовляешь дорогія вина и лѣтомъ по окрестностямъ туда сюда бѣгаешь за льдомъ. А для того, чтобъ спать съ пріятностью, приготовляешь ты не только мягкія постели, но и пружины подъ постели,

---

моново и Эзопово. Мнѣнія о семъ другихъ древнихъ писателей см. у Миня въ примѣч. къ настоящей главѣ. Истинное словопроизводство у Курціуса въ его Gründzüge».

(*) Т. е. жиромъ обилующія и нѣкоторыя другія, употребленіе которыхъ въ пищу считалось неприличнымъ.

(**) Аристиппъ опредѣляетъ удовольствіе такъ: «Это есть волненіе чувствъ легкое и пріятное, печаль же—волненіе чувствъ грубое и непріятное». Цицеронъ De finib. c. 65: «У всѣхъ пріятное волненіе, коимъ чувства бываютъ увеселяемы, называется по гречески ἡδονήν, а по латинѣ voluptatem».

(*) Еврипидъ въ «Андромахѣ» стихъ 627 влагаетъ эти слова въ уста Пелею.

(**) Стихъ 1287 въ «Орестѣ» Еврипида.

(***) Друга Сократова и учителя Діогенова. Ѳеодоритъ Киррскій, заимствовавъ изъ Климента, сообщаетъ это изреченіе Антисѳена въ своемъ «Врачеваніи», кн. III.

(****) Стобей, tit. 29, приводитъ еще изреченіе того же Антисѳена: «Удовольствій лишь тѣхъ должно домогаться, кои слѣдуютъ за трудами, а не тѣхъ, кои предшествуютъ имъ».

чтобъ онѣ качались» (*). Посему-то, какъ говоритъ Аристонъ (**), «для отраженія соединенныхъ нападеній со стороны четырехъ этихъ союзниковъ, сладострастія, печалей, страха и пожеланій, требуется много стараній и борьба предстоитъ долговременная,

Ибо глубоко они проникаютъ вовнутръ насъ
И поднимаютъ бури въ душѣ смертныхъ».

По Платону «сладострастіемъ ослабляется характеръ даже и серьезный и сильный; подъ вліяніемъ его онъ растопляется какъ воскъ, потому что всякаго рода сладострастіе и всякая скорбь сковываютъ съ тѣломъ душу того, кто отдается страстямъ и не распинаетъ ихъ въ себѣ самомъ» (***). *Погубившій жизнь свою*, говоритъ Господь, *спасетъ ее* (Мк. VIII, 35; Мѳ. X, 39), т. е. спасетъ ее, или опасностямъ ее охотно за Спасителя подвергая, какъ самъ Онъ это сдѣлалъ ради насъ, или разрушая ее, бѣдственной дѣлая чрезъ отрѣшеніе себя отъ обычныхъ удовольствій ежедневной жизни. Ибо и дѣйствительно если захочешь отрѣшить, отвратить и очистить свою жизнь отъ пошлыхъ наслажденій и удовольствій этой жизни, — таково значеніе слова «крестъ», — то найдешь ее чрезъ это въ той жизни, которой еще ожидаемъ, которая обрѣтается надеждою и на коей мы почіемъ оною. Размышленіе о смерти можетъ вести къ умѣнью довольствоваться лишь тѣми желаніями, мѣрой которыхъ состоитъ природа и которыя, будучи попускаемы въ строго опредѣленныхъ границахъ, не дозволяютъ себѣ ничего, что противно природѣ или выходитъ за предѣлы ея: отсюда рождается легко наклонность уже ко грѣху. *Должно значитъ намъ облечься во всеоружіе Божіе, чтобы быть намъ въ состояніи противустать кознямъ діавольскимъ* (Еф. VI, 11), *ибо оружіе, которымъ мы воинствуемъ, не плотское, но такое, коему силу сообщаетъ самъ Богъ на разрушеніе вражескихъ твердынь; имъ ниспровергаемъ мы человѣческія разсужденія, всякое превозношеніе, поднимающееся противъ Божественнаго знанія и плѣнняемъ всѣ умы въ послушаніе и служеніе Христу*, говоритъ Божественный Апостолъ (2 Кор. X, 4, 5). Но если воинствованіе наше такого рода, значитъ и носителемъ его долженъ быть человѣкъ достоудивительно находчивый, который безъ замѣшательства всегда умѣлъ бы найтись среди условій, состоящихъ обыкновенными источниками страстей, какъ напр. въ богатствѣ и бѣдности, среди славы и въ безвѣстности, при здоровьи и въ болѣзни, въ жизни и смерти, въ трудѣ и наслажденіи. Чтобы дойти до равнодушія въ положеніяхъ столь противуположныхъ, должно быть сосредоточено въ насъ самихъ много превосходныхъ качествъ, такъ какъ предшествующимъ слабоуміемъ мы были доведены до состоянія весьма несчастнаго, дурнымъ воспитаніемъ и учрежденіями увлечены на край погибели, по невѣдѣнію сбились съ пути праваго.

Простъ смыслъ содержимой нами философіи. Онъ таковъ. Всѣ страсти суть отпечатки, оттиснутые на нашей нѣжной и податливой душѣ и суть какъ бы печати или клейма, изнутри выдавленныя на ней духовными силами, въ изглаженіи чего и состоитъ наше дѣло. Ибо злыхъ силъ дѣло, думаю, не въ иномъ чемъ и состоитъ, какъ въ попыткахъ отпечатлѣть на каждомъ человѣкѣ что либо изъ своего собственнаго состоянія, дабы можно имъ было насъ, отъ нихъ отрекшихся (*), побѣдить въ борьбѣ и заключить въ оковы. Естественнымъ образомъ и бываетъ, что нѣкоторые изъ насъ бываютъ ими побѣждаемы. Тѣхъ же, которые вступаютъ въ борьбу съ напряженіемъ всѣхъ силъ и ведутъ ее соотвѣтственно правиламъ искуства, злые духи, почтивъ

(*) Слова Добродѣтели къ Пороку въ извѣстной аллегоріи Продика, передаваемой Ксенофонтомъ въ его «Достопамятностяхъ» кн. II, 1, 21.

(**) Діогенъ Лаэрцій въ жизнеописаніи Зенона перечисляетъ многихъ съ этимъ именемъ и на 4-мъ мѣстѣ называетъ трагическаго поэта, ничѣмъ неизвѣстнаго. На этомъ основаніи Гроцій приписываетъ данные стихи Агаѳону. Вопросъ спорный.

(***) Платонъ въ «Федонѣ».

(*) Т. е. при произнесеніи обѣтовъ крещенія.

всякаго рода противоборствомъ и допустивъ къ полученію вѣнка не иначе какъ по пролитіи ими достаточнаго количества пота и крови, наконецъ оставляютъ въ покоѣ, отъ вліянія своихъ адскихъ силъ освобождаютъ, удивляясь своимъ побѣдителямъ.

Изъ тѣлъ движущихся одни движутся по силѣ своихъ желаній и представленій; таковы животныя. Другія же изъ тѣлъ движутся по силѣ передвиженія ихъ посторонними силами; таковы тѣла неодушевленныя. Нѣкоторые изъ натуралистовъ утверждаютъ, что и изъ неодушевленныхъ предметовъ нѣкоторые, какъ напр. растенія, для продолженія своего роста имѣютъ способность движенія, если только можно съ этими натуралистами въ томъ согласиться, что растенія относятся къ предметамъ неодушевленнымъ. Камнямъ свойственно особое, только для нихъ обычное состояніе. Растенія же суть продуктъ уже производящихъ силъ органической природы. Безсловеснымъ животнымъ свойственны побужденія, представленія, а кромѣ того (въ образѣ костей) нѣчто близкое къ состоянію камней и зависимость отъ производительныхъ силъ природы. Способность же разсуждать есть привиллегія только человѣка (*).

(*) Филонъ Legis allegoriarum lib. III пишетъ: «Состояніе это существъ неодушевленныхъ свойственно камнямъ и деревьямъ; и въ насъ нѣкоторымъ частямъ свойственно тоже бытіе камней, это костямъ. Но гораздо высшей жизненностью природа съ ея производительными силами заявляетъ себя въ созданіи растеній: и въ насъ ногти и волосы суть нѣчто похожее на растенія. И все-же въ собственнѣйшемъ смыслѣ природу, животворную природу представляетъ состояніе движенія. Душа же представляетъ собою природу, которой свойственно воображеніе и стремленіе; свойственна сія душа и неразумнымъ животнымъ. Но и умъ нашъ имѣетъ въ себѣ нѣчто аналогичное душѣ неразумныхъ животныхъ». О томъ же пространнѣе толкуетъ онъ въ кн. «Quod Deus sit immut. Срав. еще о томъ же въ кн. «Quod mundus sit incorruptibilis».

Вслѣдствіе сего душа человѣческая не должна слѣпо повиноваться побужденіямъ, какимъ слѣдуютъ неразумныя животныя; а должна выборъ дѣлать между предметами, не увлекаясь ими. Адскія силы, о которыхъ мы выше говорили, красоту, славу, заискиваніе преступной склонности у женщинъ, чувственныя удовольствія и вообще подобнаго рода вещи рисуютъ предъ душами легко поддающимися обольщенію въ краскахъ заманчивыхъ. Подобное же въ этомъ случаѣ ими дѣлается, что и ворами ягнятъ крадущими, которые бросаютъ листья имъ лишь для того, чтобы заставить ихъ слѣдовать за собой. За тѣмъ, обольстивъ тѣхъ, кои не способны были отличить истинное удовольствіе отъ ложныхъ, красоты преходящей и пошлой отъ красоты священной, онѣ доводятъ неосмотрительныхъ до рабства плоти. А такъ какъ всякое заблужденіе, немедленно отражаясь на душѣ, начертываетъ на ней свой образъ, то вотъ душа, сама того не вѣдая, повсюду носитъ съ собою образъ своей страсти, развившейся вслѣдствіе приманки ей предложенной и вслѣдствіе согласія, на нее ею даннаго.

Послѣдователи Василида обыкновенно называютъ страсти «приложеніями» къ душѣ. По мнѣнію ихъ въ существѣ своемъ это нѣкотораго рода духи, присоединившіеся къ разумной душѣ позднѣе вслѣдствіе нѣкотораго первобытнаго переворота и замѣшательства. Кромѣ нихъ затѣмъ народились еще духи побочные и инородные, какъ напр. души волка, обезьяны, льва и козла. Души этихъ существъ, своими особенностями живо подѣйствовавъ на душу человѣка, всецѣло уподобили ея желанія желаніямъ животныхъ. Такъ говорятъ послѣдователи Василида. Ибо какихъ существъ пожеланія, прибавляютъ Василидіане, люди носятъ въ себѣ, такихъ же натуръ дѣйствія они и воспроизводятъ. И не только склонностямъ и ощущеніемъ неразумныхъ животныхъ могутъ подражать люди, но воспроизводить въ себѣ нѣкоторыя измѣненія свойственныя даже растеніямъ, воспринимать красоту цвѣтовъ, получая нѣкоторыя особенности свойственныя природѣ растеній. Они могутъ приходить въ состояніе свойственное

даже лишь неодушевленнымъ тѣламъ, какъ напр. принимать твердость алмаза».

Ученіе это мы опровергнемъ впослѣдствіи, при изложеніи ученія о душѣ. Здѣсь же пока удовлетворимся замѣчаніемъ, что это ученіе о многочисленномъ полчищѣ различныхъ духовъ, содержащихся въ одномъ тѣлѣ человѣка, предлагаемое Василидіанами, начинаетъ походить уже на сказку поэта о деревянномъ конѣ. Посему сынъ Василида, Исидоръ, будучи послѣдователемъ того же ученія (*), самъ себя опровергаетъ, во второй книгѣ своего сочиненія «О приросшей душѣ» выражаясь такъ: «Если тебѣ удалось бы убѣдить кого либо, что душа человѣческая не есть существо простое и единичное, а что самыя наихудшія изъ страстей происходятъ въ насъ по силѣ осложненности нашей души съ душами чуждыми ей, то это еще не значитъ, что злодѣи будутъ имѣть въ семъ очень вѣское основаніе для такого рода рѣчей: ««Я былъ изнасилованъ, увлеченъ, вынужденъ; я дѣйствовалъ вопреки своей волѣ»», потому что въ дѣйствительности злодѣй самъ бываетъ виновникомъ своихъ порочныхъ желаній, такъ какъ не боролся противъ нападенія на него со стороны осложненій; слѣдуетъ намъ,— такъ какъ понимаемъ своимъ разумомъ, что это осложненія,—доказывать самымъ дѣломъ, что можемъ побѣждать живущую въ насъ низшую природу». Этотъ Исидоръ, подобно Пиѳагорейцамъ, также предполагаетъ существованіе въ насъ двухъ душъ, но о семъ поговоримъ послѣ.

И Валентинъ въ одномъ изъ своихъ посланій слѣдующимъ образомъ выражается объ осложненности нашей души чуждыми ей элементами: «Есть только одинъ Праведникъ, удостовѣреніемъ явленія котораго состоитъ откровеніе чрезъ Сына. Только Онъ одинъ можетъ очистить наше сердце по изгнаніи изъ него злаго духа. Ибо множество духовъ, живущихъ въ нашемъ сердцѣ, дѣлаютъ изъ него

(*) Ѳеодоритъ Киррскій въ своемъ «Компендіумѣ еретическихъ басенъ», I, 4: «Исидоръ, сынъ Василида, ученія своего отца утверждалъ съ нѣкоторыми прибавленіями къ нимъ».

клоаку нечистотъ. Каждый изъ нихъ творитъ дѣла свойственныя ему, издѣваясь надъ желаніями не согласующимися съ его. И мнѣ кажется, что сердце имѣетъ нѣкоторое сходство съ гостинницею. Часто оказывается, что эта бываетъ просверлена сквозными дырами и изрѣзана, наполнена разными нечистотами, ибо посѣтители себя ведутъ тамъ разнузданно, нисколько не заботясь о кровѣ имъ непринадлежащемъ. Точно такимъ же образомъ и сердце, доколѣ не управляетъ имъ вѣчно бдительное Провидѣніе, оказывается вмѣстилищемъ нечистотъ и жилищемъ множества демоновъ (*). А какъ скоро было бы оно посѣщено единымъ благимъ Отцомъ, то оно освящается и начинаетъ блистать свѣтомъ. Блаженъ, чье сердце находится въ такомъ состояніи: *Онъ узритъ Бога* (Мѳ. V, 8)» (**).

Итакъ что же за причина, что съ самаго начала премудрое Провидѣніе не слѣдило за спасеніемъ этой души? Пусть Валентиніане отвѣтятъ намъ. Быть можетъ душа была недостойна сего? Но въ такомъ случаѣ какимъ же образомъ Провидѣніе взыскиваетъ ее въ покаяніи? Или быть можетъ по самой природѣ своей душа наслѣдуетъ спасеніе? Валентинъ

(*) Срав. Климента Римскаго въ его Recogn. въ концѣ кн. II, IV, 15 и слѣд.

(**) Въ послѣдующемъ Климентъ объясняетъ, что когда человѣческое сердце называется «домомъ демоновъ, жилищемъ ихъ», то это нужно понимать не такъ, какъ если бы они природою своею или субстанціей въ немъ жили, а лишь о силѣ и дѣйствіяхъ на оное демоновъ.—Курьезно, что подобныя еретическія вещи о пребываніи демоновъ въ человѣческомъ сердцѣ съ иллюстраціями къ сему до сихъ поръ еще печатаются у насъ и расходятся въ народѣ десятками и болѣе тысячъ. Срав. книжицу «Сердце человѣческое есть или храмъ Божій или жилище сатаны», изд. 1849 г. Москва. Съ нея перепечатано «Внутреннее состояніе человѣческаго сердца», въ 30,000 экз. въ 1890 г., Ярославль.—Картинки измышлены первоначально въ 1732 г. въ Вюрцбургѣ университетскимъ граверомъ; первоначальный источникъ текста на франц. языкѣ.

такъ и думаетъ. Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы природѣ съ самаго же начала озабочиваться надзоромъ за душой, которой она мать и отнюдь бы не дозволять нечистымъ духамъ проникать въ человѣческое сердце. Если же природа вынуждена была къ этому сторонней силой, въ такомъ случаѣ она свидѣтельствуетъ тѣмъ о своей слабости. Если же Валентинъ согласился бы съ нами, что освящена будучи раскаяніемъ, природа способна бываетъ избирать лучшее, то чрезъ сіе самъ противъ своей воли онъ выдастъ, что у насъ содержится слѣдовательно истина. Спасеніе достигается значитъ измѣненіемъ чувствъ, расположеній и всего поведенія, возникающимъ изъ послушанія, а не по праву природы. Въ самомъ дѣлѣ, какъ испаренія, поднимающіяся съ земли и съ болотъ, собираются въ туманы и сгущаются въ облака: точно такъ же и одуряющее дѣйствіе плотскихъ пожеланій производитъ въ душѣ дурное настроеніе, предносясь ей образы чувственныхъ удовольствій. Ими помрачается свѣтъ разума: отъ вдыханія душою паровъ плотскихъ пожеланій они сгущаются въ облака страстей, и постоянная жизнь среди чувственныхъ наслажденій затмѣваетъ ея разумѣніе. Золото тотчасъ по извлеченіи его изъ земли не есть еще золото, а руда; только чрезъ сплавленіе очищается оно и только по очищеніи плавленіемъ получаетъ имя золота, представляя собою землю очищенную. *Итакъ просите и дастся вамъ* (Мѳ. VII, 7), говорится къ тѣмъ, кто самъ собою способенъ выбирать наипрекраснѣйшее (*).

А какимъ образомъ по нашему мнѣнію демонъ и духи нечистые своими дѣйствіями сѣютъ въ душѣ грѣшника то, что оскверняетъ его, для сего намъ нѣтъ нужды прибѣгать къ разъясненіямъ пространнымъ; достаточно сослаться на свидѣтельство Апостола Варнавы, одного изъ 70 Апостоловъ и сотрудника Павлова. Вотъ его слова: «Прежде принятія нами вѣры въ Бога жилище сердца нашего было бѣдно, похоже на эти храмы, построенные рукою человѣческой; оно было домомъ, исполненнымъ идолослуженія, истиннымъ капищемъ демоновъ, гдѣ творимы были всѣ Богопротивныя дѣянія» (*). Итакъ Варнава говоритъ, что грѣшники совершаютъ дѣла угодныя демонамъ, но онъ не говоритъ, что эти самые злые духи живутъ въ душѣ невѣрующаго. Потому-то онъ и добавляетъ: «Принимайте всѣ старанія, чтобы сооруженъ былъ славный храмъ Господень». Какимъ же образомъ онъ создается? Внимайте. «Получивъ отпущеніе грѣховъ и возложивъ всю надежду на имя Господне, мы возраждаемся для новой жизни и содѣлываемся какъ бы вновь созданными». Не демоны изгоняются изъ нашего сердца, слѣдовательно говоритъ этимъ Апостолъ, а грѣхи наши отпускаются намъ, которые прежде чѣмъ увѣровать намъ были совершаемы нами подобно демонамъ. Онъ по справедливости потому предшествующимъ положеніямъ противупоставилъ слѣдующія: «Поэтому-то въ жилищѣ сердца нашего по истинѣ Богъ живетъ. Какимъ образомъ? Онъ живетъ въ насъ Логосомъ, составляющимъ центральный пунктъ нашей вѣры въ Бога. Онъ живетъ въ насъ зовомъ своихъ обѣтованій, мудростію своихъ повелѣній, заповѣдями своего ученія».

Знаю, что на семъ пути своемъ встрѣчаюсь я съ ересью, глава которой хотѣлъ бороться съ чувственностію погруженіемъ въ нее. Притворная битва, въ которой знаменитый этотъ гностикъ на самомъ дѣлѣ служилъ подъ знаменами врага, хотя и называлъ себя гностикомъ. Онъ говорилъ: «Не представляетъ собою ничего великаго воздержаніе отъ чувственныхъ удовольствій безъ предварительнаго погруженія въ оныя. Величіе состоитъ въ погруженіи въ оныя, безъ дозволенія однакоже имъ побѣждать насъ». Отсюда его обыкновенное изреченіе: «Противъ чувственности я борюсь чувственностію». Несчастный! Онъ самъ себя обольщалъ хитрымъ коварствомъ страсти. Въ одинаковое заблужденіе съ этими софистами, хвалящимся, что онъ содержитъ истину, впалъ

(*) Срав. Стром. I, 24 и примѣч. тамъ.

(*) Посл. св. Варнавы гл. 16.

и Аристиппъ Киринеянинъ. Когда разъ нѣкто сталъ обличать его за постоянныя связи съ одной Коринѳской гетэрой, онъ отвѣчалъ: «Я состою въ связяхъ съ Лаисой, но не связанъ ею». Таковы же взгляды выдающихъ себя за послѣдователей Николая(*). И передаютъ слѣдующій его афоризмъ, однакоже извращая истинный его смыслъ: «Иждивать плоть слѣдуетъ». Но этотъ правовѣрный мужъ хотѣлъ своимъ изреченіемъ лишь то сказать, что старательно сдерживая чувственность и пожеланія, мы должны чрезъ это умерщвлять плоть, т. е. укрощать ея пожеланія и порывы. Сектаторы эти, утопая въ чувственности подобно козламъ и такъ сказать издѣваясь надъ тѣломъ, сокращаютъ жизнь свою въ чувственныхъ удовольствіяхъ, не думая о томъ, что будучи слабымъ уже по самой природѣ своей, тѣло кромсается при этомъ и отъ него напослѣдокъ остаются однѣ лохмотья, душа же ихъ, привязываясь къ сему ученію о чувственныхъ удовольствіяхъ болѣе нежели къ ученію мужа апостольскаго, погрязаетъ въ тинѣ порока. Итакъ чѣмъ отличаются они отъ Сарданапала, котораго жизнь характеризуется слѣдующей надписью (**):

> Что съѣлъ, чѣмъ пресытился, любовныя удовольствія,
> Въ коихъ провелъ время, все это мнѣ извѣстно.
> Но, увы, множество и притомъ прекраснѣйшихъ удовольствій лежитъ уже за мною.
> И отъ того, кто царствовалъ надъ великой Ниневіей, скоро что останется? Не горсть ли пепла?

Удовлетворять позыву на чувственныя удовольствія вовсе нѣтъ необходимости. Позывъ этотъ есть слѣдствіе лишь нѣкоторыхъ необходимыхъ естественныхъ состояній, какъ напр. голода, жажды, холода и брака. Будучи взято само по себѣ, въ отрѣшенности отъ питья, ѣды, рожденія дѣтей, чувственное удовольствіе тотчасъ же возбуждаетъ сомнѣніе въ самой своей состоятельности, такъ какъ оказывается ни на что непригоднымъ. Не представляетъ оно собою ни дѣятельности какой нибудь, ни склонности, и вообще не составляетъ какой либо необходимой части нашего существа. Добавлено будучи къ жизни въ качествѣ части служебной и ее восполняющей, состоя вспоможеніемъ, но лишь второстепеннымъ, — подобно тому, говорятъ, какъ соль подмѣшивается въ пищу для облегченія пищеваренія,— оно слишкомъ часто разнуздывается, овладѣваетъ кормиломъ жизни и въ душѣ, покоряющейся его власти, порождаетъ сначала пожеланіе, движеніе чисто животное, противуразумное, именно въ отрѣшенности отъ разума находящее и пищу для себя. Оно-то и убѣдило Эпикура поставить цѣлью жизни философа удовольствіе. Онъ обоготворилъ (*) также крѣпкое тѣлосложеніе и несумнительную надежду въ неизмѣнныя услуги его. Ибо что иное есть чувственность какъ не сластолюбивое чревоугодіе и совершенно излишняя и безплодная преданность чувственнымъ наслажденіямъ?

Въ одной изъ своихъ трагедій Діогенъ (**) весьма наглядно изображаетъ,

> Какъ изнѣжены чувства тѣхъ, кои погружены въ тину сладострастія,
> Какъ не гармонируетъ оно съ достоинствомъ мужчины и какъ ни на одну минуту
> Не хотятъ они приняться за работу, хотя бы то и самую легкую.

Но и тѣмъ, что за симъ у него слѣдуетъ, безпутныхъ обличаетъ онъ въ гнусностяхъ не менѣе крупныхъ; и конечно упреки его ими вполнѣ заслуженны.

Потому мнѣ кажется, что Божественный законъ былъ правъ, какъ бы въ силу нѣкоей необходимости повѣсивъ надъ нашими головами страхъ, дабы осмотрительностію и вни-

(*) О нихъ будетъ рѣчь ниже въ Стром. III, 4.

(**) На чемъ? На гробѣ его. Но почти таже надпись была и на статуѣ Сарданапала, стоявшей въ Анхіалѣ, городѣ сосѣднемъ съ Тарсомъ. Намекъ на неё у св. Павла апостола въ 1 Кор. XV, 32. Срав. Яр. еп. вѣд. 1876 г. въ № 33.

(*) Въ слѣд. главѣ приписывается это ученику Эпикура Метродору.

(**) Т. е. циникъ. Древніе приписываютъ ему до семи. Онѣ отличались грязнымъ содержаніемъ.

мательностію философъ могъ пріобрѣсть и сохранить беззаботность духа, при всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни оставаясь свободнымъ отъ паденій и отъ грѣха чистымъ. Ибо мира и свободы можно достичь не иначе какъ только подъ условіемъ непрестанной и неустанной борьбы съ душевными страстями. Наши страсти, эти массивныхъ размѣровъ враги наши, стоившіе бы фигурированія и на играхъ Олимпійскихъ, имѣютъ жало гораздо страшнѣе жала пчелинаго. а особенно чувственное удовольствіе, злоумышляющее противъ насъ не только днемъ, но и ночью, даже и во снѣ соблазняющее насъ лживыми приманками, намъ разставляющее западни и терзающее насъ.

Итакъ какимъ же послѣ сего образомъ Эллины, оставаясь вѣрными чувству справедливости, могутъ злословить законъ, когда сами же учатъ, что страхъ собою укрощаетъ сладострастіе? Посему Сократъ совѣтуетъ держать себя наготовѣ противъ искушеній, склоняющихъ насъ къ ѣдѣ, когда мы вовсе и не голодны,—къ питью, когда вовсе и жажды не чувствуемъ (*). «Устраняйтесь, говоритъ онъ, отъ взоровъ и поцѣлуевъ красоты, потому что ими опускается въ насъ ядъ болѣе опасный, чѣмъ ядъ скорпіоновъ и тарантулъ». Антисѳенъ (**) предпочитаетъ «лучше сойти съ ума, чѣмъ подпасть подъ власть сладострастія». И Кратесъ Ѳивянинъ говоритъ:

Съ чувственностію боритесь, увеселяя душу чистыми нравами.
Не дозволяйте порабощать себя ни золоту ни любви,
Насъ истомляющимъ, спутниками же нашими по заносчивости не состоящимъ никогда.

И наконецъ онъ заключаетъ такъ:

Не состоявшіе ни рабами чувственныхъ удовольствій, ни надломленные ими,
Что было бы и недостойно мужчины, пріятными для себя находятъ и объемлютъ своей любовію свободу и царство безсмертное.

Въ другомъ мѣстѣ онъ со всей откровенностью даетъ слѣдующій рецептъ: «Діэта есть лучшее успокоительное средство противъ необузданныхъ чувственныхъ пожеланій; если же это не удается, то повѣсьтесь».

Комическіе писатели, сами того не подозрѣвая, свидѣтельствуютъ въ пользу ученія Зенонова, когда осмѣиваютъ его напр. такимъ образомъ:

Мудрости пустой Зенонъ этотъ учитъ.
Онъ преподаетъ, что нужно переносить голодъ и набираетъ учениковъ,
Которымъ вмѣсто всякой другой пищи даетъ только хлѣбецъ да сухія смоквы, а для питья воду.

Но, замѣтьте, всѣ эти философы не стыдятся открыто провозглашать пользу, возникающую изъ разсудительности. Истинная и проникнутая разумомъ мудрость послушна не словамъ только и узаконеніямъ; она опирается и на прикрытіе, за коимъ можетъ остаться неуязвимою; она разсчитываетъ и на воспособляющія тайны. Занятая мыслію о божественныхъ заповѣдяхъ и исполненіемъ ихъ, она чрезъ содержащійся въ ней самой элементъ вдохновенный и божественный получаетъ отъ Логоса силу Божественную.

Поэты такъ описываютъ эгиду Зевса:

Страшная. Кругомъ опоясана и окружена Ужасомъ.
На ней изображены Раздоръ, Грозная Сила, Трепетъ Холодный бѣгущихъ, Погоня;
Въ срединѣ голова Горгоны, этого отвратительнаго чудовища,
Ужасная, грозная, дивное знамя эгидоноснаго Зевса
(Ил. V, 739).

Тѣмъ же, которые могутъ и умѣютъ отличать дѣйствительно спасительное, незнаю покажется ли что либо другое любезнѣе кроткаго величія закона и дочери онаго, разсудительности.

Въ самомъ дѣлѣ эти слова «Онъ поетъ на тонъ выше», эти слова, иногда говоримыя о Спасителѣ (Мѳ. XX, 32 и др.), когда Онъ возвышалъ голосъ противъ нѣкоторыхъ, дабы тѣхъ, кои стремились подражать Ему, удержать отъ

(*) Одну часть этого наставленія Сократова писатель уже приводилъ въ «Педагогѣ» кн. I, гл. 1, вторую же въ Пед. III, 11.

(**) Циникъ, ученикъ Сократа.

разладицы съ голосомъ и гармоническимъ аккордомъ вѣры, слова эти, — сколько понимаю я, — вовсе не то означаютъ, что голосъ Его дѣйствительно слишкомъ напрягался, но только то, что отказывавшимся отъ несенія Божественнаго ига онъ казался такимъ. Находятъ голосъ этотъ слишкомъ громкимъ и напряженнымъ лишь тѣ, немощныя чувства чьи находятся въ состояніи разслабленія и изнеможенія. Такъ людямъ живущимъ неправедно дѣло правосудное кажется справедливостью суровой. Такъ души, по причинѣ узъ ихъ связывающихъ со грѣхомъ, всегда распущенныя и склонныя къ снисходительности, считаютъ истину грубой неотесанностью, строгость — рѣзкостью; а если кто вмѣстѣ съ ними не участвуетъ въ грѣхѣ и не увлекается имъ, того они называютъ безжалостнымъ и жестокосердымъ. Трагическій поэтъ оттого правъ былъ, говоря о Плутонѣ:

Ты спрашиваешь меня: Къ какому богу я сойду?
Къ богу, никогда не знавшему ни снисхожденія, ни милости,
Но постоянно облеченному въ строгую справедливость (*).

Но можемъ ли мы слабые исполнять заповѣди закона? Если обратимъ мы на то вниманіе, что законъ намъ представляетъ множество славныхъ образцовъ для подражанія, то найдемъ, что питаніе въ душѣ любви къ (евангельской) свободѣ и укрѣпленіе въ себѣ оной намъ облегчено. Эти образцы насъ воспламеняютъ тѣмъ съ большимъ усердіемъ слѣдовать имъ. Однимъ изъ нихъ посему мы и идемъ на встрѣчу, другимъ подражаемъ, предъ третьими смиряемся. Ибо и эти древніе праведники, жившіе согласно съ заповѣдями закона, «не изъ стараго дуба или не изъ твердой какой либо скалы были созданы». Обрекши себя на усвоеніе истинной мудрости, они безусловно предались и посвятили себя всецѣло Богу (*), всего ожидая лишь отъ вѣры.

Зенонъ вѣрно сказалъ объ Индусахъ, что видъ одного Индуса, пожираемаго на кострѣ пламенемъ, вразумительнѣе учитъ терпѣнію, чѣмъ всѣ убѣжденія къ тому (**). А мы ежедневно видимъ множество мучениковъ, на нашихъ глазахъ сжигаемыхъ, распинаемыхъ, обезглавливаемыхъ (***)! Страхъ, состоящій исходнымъ пунктомъ закона, всѣхъ сихъ *какъ дѣтей приведшій ко Христу* (Гал. III, 24), онъ же внушалъ имъ и рѣшимость запечатлѣвать вѣру цѣною даже крови.

Занялъ Богъ мѣсто въ сонмѣ боговъ и сѣдя среди нихъ надъ ними судъ произноситъ (Пс. LXXXI, 1). Что это за боги? Это побѣдители торжествующіе свою побѣду надъ страстями и наслажденіями; это люди умѣющіе отдавать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Вотъ подлинно гностики, носители и олицетворители истинной мудрости, представляющіе собой драгоцѣнность большую, нежели весь міръ (Евр. XI, 38).

Я сказалъ: вы боги, и сыны Всевышняго всѣ вы

(*) Софоклъ сими стихами выражаетъ ту мысль, что Плутонъ ко всѣмъ прочимъ людямъ жестокъ, по отношенію же къ покровительствуемымъ богинею любви кротокъ. Плутархъ въ «Amatorium'ѣ» пишетъ: «Исторіи объ Алкестѣ, Протизилаѣ и Евридикѣ, женѣ Орфея, свидѣтельствуютъ, что только по отношенію къ богинѣ любви Плутонъ сговорчивъ. Между тѣмъ какъ по отношенію къ инымъ всѣмъ, какъ говорится о семъ и у Софокла, онъ не заботится ни о справедливости ни о милости, а только одной неумолимой строгостью руководится, къ влюбленнымъ онъ почтителенъ и по отношенію къ нимъ свою непреклонность и неукротимость оставляетъ». Таково уже отъ древности дошедшее до насъ олицетвореніе равнодушія къ распущенности общественныхъ нравовъ и язвительное осмѣяніе сего.

(*) Выше въ началѣ гл. 19-й подобная фраза употреблена писателемъ о Ноѣ.

(**) Срав. Стром. IV, гл. 7.

(***) Ниже въ Стром. IV, гл. 11: «За имя Господне терпимъ преслѣдованія, убійства, повѣшеніе». Тоже въ Стром. V, гл. 14. Тамъ писатель цитуетъ изъ Платона такое мѣсто: «Такъ ведущій себя праведникъ подвергается бичеваніямъ, мученіямъ, и все претерпѣвши наконецъ бываетъ вѣшаемъ».

(Пс. LXXXI, 6) (*). О комъ такъ говоритъ Господь? О тѣхъ, кто, поскольку это для него возможно, сбрасываетъ съ себя *ветхаго человѣка* (Кол. III, 9), отвергая все преходящее. *На будущее время вы не живите больше по плоти, но по духу* (Рим. VIII, 9). И опять тотъ же Апостолъ говоритъ: *Мы хотя еще и во плоти, но сражаемся не по плоти* (2 Кор, X, 3), *ибо плоть и кровь царствія Божія наслѣдовать не могутъ и тлѣніе не будетъ владѣть наслѣдіемъ нетлѣннымъ* (1 Кор. XV, 50). *Вотъ вы умрете какъ человѣки* (Пс. LXXXI, 7), говоритъ намъ Духъ Святый, держа насъ въ страхѣ.

Будемъ посему воздерживаться ото всего того, что развиваетъ силу страстей. Будемъ, какъ дѣлали это истинные философы (мудрецы), избѣгать кушаній, возбуждающихъ чувственность. Разстанемся съ постелями, насъ изнѣживающими своей мягкостью. Вдали будемъ держать себя ото всѣхъ гибельныхъ удовольствій. Будемъ вести себя такъ, чтобы то, чѣмъ сладострастныя чувства, такъ жадно столькими ловимыя, питаются, это для насъ вовсе какъ бы и не существовало. Величайшій изъ даровъ намъ Божіихъ, это даръ умѣренности. Самъ Богъ говоритъ: *Не оставлю тебя и не покину тебя* (Іис. Нав. I, 5; Евр. XIII, 5). Какъ бы такъ симъ говоритъ Онъ: «Позаботься, чтобы оказаться тебѣ достойнымъ того избранія, которое тебя соединяетъ со Мною и Моего о тебѣ промышленія». Въ мѣру благочестивыхъ усилій, направленныхъ на приближеніе къ Богу, и благое иго Господне (Мѳ. XI, 30) ляжетъ на главы наши бременемъ, соотвѣтствующимъ различнымъ ступенямъ нашей вѣры (Рим. I, 17). Поведетъ же насъ всѣхъ ко спасенію одна и таже рука, дабы вкусили мы и отъ плода своихъ трудовъ, содѣлались участниками заслуженнаго нами блаженства. (Уже и мірской мудростью воздержность рекомендуется). Такъ по словамъ Гиппократа Кѳосскаго двумя вещами поддерживается здоровье нашихъ тѣла и духа, это трудомъ и умѣренностью.

(*) Срав. въ концѣ «Увѣщанія».

21. Различныя положенія философовъ о высшемъ благѣ.

Эпикуръ напротивъ поставлялъ счастіе въ безчувственности къ жаждѣ, къ голоду и холоду. И для доказательства, что блаженство въ этомъ, на нечестивомъ своемъ языкѣ онъ восклицалъ: «Въ семъ готовъ поспорить я хотя бы то съ самимъ отцомъ боговъ, Зевсомъ». Оказывается такимъ образомъ, что онъ склоненъ присуждать пальму счастія скорѣе свиньѣ, питающейся всякаго рода нечистотами, нежели существу разумному и другу мудрости. Киренаики и Эпикуръ посему и были рабами удовольствій плотскихъ. Развѣ не открыто объявляютъ первые, что цѣль человѣческой жизни пріятности и что единственно совершенное благо въ чувственномъ наслажденіи? А Эпикуръ говоритъ, что для наслажденія нужно и горе прогонять (*) и что слѣдуетъ выбирать первѣе всего то, что уже само по себѣ привлекательно, такъ какъ удовольствіе обусловливается всецѣло волненіемъ чувствъ.

Дейномахъ же и Каллифонъ утверждали, что «цѣль человѣка всѣми отъ него зависящими мѣрами стремиться къ наслажденію и отдаваться ему».

По мнѣнію перипатетика Іеронима цѣль человѣческой жизни безмятежность, а высшее благо единственно въ благоденствіи.

Равнымъ образомъ и Діодоръ, состоя послѣдователемъ той же школы, заявляетъ, что цѣль человѣка есть жизнь спокойная и честная.

Эпикуръ и Киренаики посему опредѣляютъ наслажденіе сообразностью и согласіемъ съ природой. «Такъ какъ удовольствіе, говорятъ они, состоитъ побужденіемъ къ добродѣтели, то добродѣтель собою порождаетъ наслажденіе».

По мнѣнію Каллифона удовольствіе есть стимулъ къ добродѣтели; но эта послѣдняя, во-время замѣтивъ прелести наслажденія, дошла до того, что присвоила себѣ честь одинаковую съ исходнымъ, или начальнымъ пунктомъ ея.

Послѣдователи Аристотеля утверждаютъ, что цѣль человѣческой жизни есть согласо-

(*) Срав. Стром. VI въ гл. 2-й.

ваніе ея съ законами добродѣтели; но счастіе, добавляютъ они, абсолютный покой для человѣка добродѣтельнаго здѣсь на землѣ невозможны. Преслѣдуемый превратностями судьбы, играющими его волею, брасаемый изъ стороны въ сторону, не питая другаго желанія кромѣ какъ по оставленіи этой жизни освободиться отъ нихъ, мудрецъ не бываетъ ни спокойнымъ ни счастливымъ. Кромѣ того для достиженія добродѣтели необходимо нѣкоторое время; послѣднихъ ступеней совершенства не достигнешь въ одинъ день; въ младенчествѣ, говорятъ, ребенокъ ничѣмъ не бываетъ доволенъ и нѣтъ между дѣтьми счастливыхъ. Временемъ же для достиженія сего совершенства состоитъ вся человѣческая жизнь. А полнота счастія обусловливается троякаго рода благами (*). Человѣкъ бѣдный, безвѣстный, слабаго здоровья или осужденный на жизнь въ рабствѣ, по мнѣнію этой философской школы, не можетъ имѣть притязаній на счастье.

Зенонъ стоикъ думаетъ, что цѣль человѣческой жизни проникновеніе ея добродѣтелью.

Клеаноъ же думаетъ, что цѣль эта состоитъ въ согласованіи жизни съ природою и въ подчиненіи ея совѣтамъ разума. Онъ объясняетъ свои положенія такъ: «Все зависитъ отъ преданности дѣламъ, согласующимся съ природой».

Антипатръ, другъ Клеаноа, держится того мнѣнія, что всѣ человѣческія усилія должны быть направлены на постоянный и безошибочный выборъ вещей, согласныхъ съ природой; но съ тою же твердостью должно отрекаться и отъ вещей, съ ней не согласующихся.

Архедемъ опредѣляетъ цѣль человѣческой жизни такъ: «Между предметами согласными съ природой нужно выбирать наивозвышеннѣйшіе и важнѣйшіе; на остальное не обращать и вниманія».

(*) Во первыхъ душевными дарами; во вторыхъ тѣлесными: здоровьемъ, силой, красотой и под.; въ третьихъ внѣшними: богатствомъ, знатностью рода, славой и под. Таково, по изъясненію Діогена Лаэрція, было ученіе Аристотеля о высшемъ благѣ.—Срав. Стром. IV гл. 5.

Далѣе слѣдуетъ Панэцій со своимъ положеніемъ: «*Жить согласно съ желаніями, въ насъ вложенными природой*».

Наконецъ Посидоній совѣтуетъ намъ проводить жизнь въ созерцаніи всемірныхъ порядка и истины и вести себя такъ, чтобы никогда не подчиняться неразумной части своей души.

Изъ новѣйшихъ же стоиковъ нѣкоторые требуютъ, чтобы цѣлью человѣка была жизнь, согласная съ человѣческой организаціей.

Что мнѣ объ Аристонѣ вамъ сказать? Цѣлью нашей жизни онъ ставилъ хладнокровіе, а очевидно, что равнодушный оставляетъ безъ вниманія маловажное.

Обращать ли ваше вниманіе еще на ученіе Герилла? Онъ требуетъ отъ человѣческой жизни устроенія ея по выводамъ науки, которая составлять должна и цѣль жизни.

Многія изъ новѣйшихъ отраслей Академіи указываютъ человѣку цѣль въ охраненіи себя отъ иллюзій и показности.

Люкъ перипатетикъ наравнѣ съ Левкиппомъ признавалъ, что цѣлью человѣческихъ усилій должна быть истинная душевная радость, возникающая изъ честности.

Критолай, также принадлежавшій къ перипатетикамъ, требуетъ, чтобы человѣкъ спокойно слѣдовалъ природнымъ инстинктамъ; совершенство же жизни, по его мнѣнію, слагается изъ благъ троякаго рода и выяснено исторіей нашихъ предковъ.

Мы не будемъ останавливаться на разборѣ всѣхъ этихъ положеній и удовольствуемся простымъ обозрѣніемъ ихъ. Вмѣсто же сего, насколько это для насъ возможно, постараемся касательно вопроса, насъ занимающаго, припомнить мнѣнія физиковъ.

Кажется, это Анаксагоръ изъ Клазоменъ требовалъ, чтобы цѣль человѣческой жизни, состояла въ созерцаніи (*) и въ свободѣ, онымъ обусловливаемой.

(*) Діогенъ Лаэрцій объ Анаксагорѣ: «Спрошенный разъ: За чѣмъ рожденъ онъ, Анаксагоръ отвѣчалъ: Для созерцанія солнца, луны и неба».

Гераклит Ефесскій поставлялъ ее въ довольствѣ духа.

По свидѣтельству Гераклида Понтійскаго Пиѳагоръ училъ, что высшее блаженство состоитъ въ полномъ и ясномъ сознаніи оригинальности своихъ душевныхъ даровъ.

Имѣли свой особый взглядъ на этотъ предметъ и Абдеритяне.

Демокритъ въ своей книгѣ «О цѣли человѣческой жизни» выражаетъ желаніе, чтобы цѣль эта состояла въ душевномъ спокойствіи, или душевномъ благосостояніи. Часто онъ повторяетъ, что наслажденіе въ перемежку съ оставленіемъ его составляетъ цѣль человѣка, достигшаго лѣтъ зрѣлыхъ.

Гекатей поставляетъ цѣль человѣческой жизни въ довольствѣ.

Аполлодотъ Кизическій видитъ ее въ душевныхъ удовольствіяхъ.

Навсифанъ полагаетъ ее въ удивленіи.

Демокритъ видитъ ее въ безстрашіи.

Кромѣ этихъ философовъ о томъ же намъ говоритъ еще Діотимъ. По нему цѣль человѣческой жизни состоитъ во владѣніи всякаго рода благами: въ семъ видитъ онъ совершенство ея и называетъ жизнь съ полнотою благъ благосостояніемъ.

Антисѳенъ настаиваетъ на отложеніи всякой гордости.

Такъ называемые Анникерейяне, преемники преданій Киренейской школы, для совокупности жизни, для состава ея во всей ея цѣлости, не назначили никакой особой цѣли. По ихъ мнѣнію цѣль всякаго дѣйствія — наслажденіе, порождаемое самымъ этимъ дѣйствіемъ. Эти Киренаики отвергаютъ Эпикурово опредѣленіе наслажденія. Его химерическая безпечальность, говорятъ они, есть не иное что какъ неподвижность трупа; радости же и пріятности намъ доставляются не только удовольствіями, но и дружбой и почестями. Эпикуръ же напротивъ утверждаетъ, что всякая душевная радость происходитъ отъ ощущенія, испытываемаго лишь тѣломъ.

Метродоръ въ книгѣ, имъ написанной для доказательства того, что дѣйствительнѣйшій источникъ блаженства заключается въ насъ самихъ, а не въ вещахъ постороннихъ, говоритъ: «Благо души не въ иномъ чемъ, какъ въ сильномъ тѣлосложеніи и въ твердой надеждѣ, что оно не измѣнитъ».

22. Высшее благо человѣка, по Платону, состоитъ въ уподобленіи Богу. Согласіе съ Платономъ касательно сего пункта священныхъ писателей.

Уже Платонъ философъ утверждалъ, что цѣль человѣческой жизни двоякая: одна сообщаемая и состоящая первѣе всего въ самыхъ идеяхъ; онъ называетъ ее благомъ; другая же имѣетъ лишь сходство съ первой и представляетъ собою подобіе ей; Платонъ видитъ ее въ жизни людей, стремящихся къ добродѣтели и истинной философіи (мудрости). Потому-то и Клеанѳъ въ своемъ второмъ разсужденіи «О наслажденіи» говоритъ объ ученіи Сократа, столь часто имъ повторявшемся, что человѣкъ праведный и человѣкъ счастливый одно и тоже. Онъ проклиналъ того, кто впервые раздѣлилъ одно отъ другаго справедливое и полезное и находилъ, что это было дѣломъ нечестивымъ. Эти люди, раздѣляющіе полезное отъ справедливаго, закономъ предписываемаго, и подлинно нечестивцы. Но и самъ Платонъ говоритъ, что счастіе состоитъ въ имѣніи добраго генія (εὖ благо и δαίμων) (*), что геніемъ называется высшая и начальственная часть нашей души и что счастіе имѣть такого генія есть благо наисовершеннѣйшее и

(*) Подобному учили и Стоики. Лаэрцій въ Зенонѣ, кн. VII, пишетъ: «Добродѣтель же человѣка счастливаго и счастіе жизни состоятъ въ согласованіи всѣхъ дѣйствій съ указаніями своего генія». Антонинъ въ концѣ кн. III говоритъ, что геній сей живетъ въ груди каждаго. — Апулей въ «Апологіи Сократа» пишетъ: «Доброе желаніе и есть добрый геній». И далѣе онъ прибавляетъ: «Счастливы тѣ, которыми руководитъ геній добрый, т. е. духъ, въ добрѣ опытный». — Тоже ученикъ Платона Ксенократъ въ Topic. II, 6: «Счастливъ тотъ, у кого геній добрый, какъ и Ксенофонтъ называетъ счастливымъ человѣка, у кого душа добрая; духъ добрый и есть добрый геній человѣка».

полное. Иногда онъ это счастіе отождествляетъ съ жизнью во всемъ упорядоченной и съ самой собою согласной; другой же разъ—съ тѣмъ, что есть въ добродѣтели наисовершеннѣйшаго. А совершенство это, по его мнѣнію, состоитъ въ познаніи сего блага и въ уподобленіи Богу. И уподобленіе (*) это онъ поставляетъ въ святости и праведности, соединенныхъ съ разсудительностью.

И изъ нашихъ христіанскихъ мудрецовъ нѣкоторые развѣ не говорятъ вмѣстѣ съ нимъ, что человѣкъ съ самаго рожденія своего получаетъ преимущество быть отобразомъ Божіимъ (**), подобія же Богу онъ долженъ достигать впослѣдствіи чрезъ совершенствованіе?

Кромѣ того, когда Платонъ учитъ, что это подобіе въ соединеніи со смиреніемъ можетъ встрѣчаться въ человѣкѣ добродѣтельномъ(***), то не оказывается ли онъ какъ бы истолкователемъ слѣдующихъ словъ Писанія: *Всякій самъ себя унижающій возвышенъ будетъ* (Лк. XIV, 11)? И въ своихъ «Законахъ» онъ говоритъ: «По нѣкоему древнему преданію (****) Богъ есть начало, средина и конецъ всего. Постоянно Онъ ходитъ путемъ прямымъ, сообразно съ природою, въ тоже самое время собою и весь свѣтъ обнимая. А за Нимъ постоянно слѣдуетъ справедливость, мстительница за всѣ нарушенія Божественнаго закона». Видите, какъ и по Платону угроза или страхъ имѣетъ соотношеніе съ Божественнымъ закономъ. Посему онъ прибавляетъ: «Кто хочетъ быть счастливымъ, долженъ тѣсный союзъ заключить со справедливостью. смиренно и прилично слѣдуя по стопамъ ея». Потомъ, сдѣлавши изъ этого положенія нѣсколько выводовъ и страхъ смягчивъ въ предупрежденіе, Платонъ продолжаетъ: «Какое же поведеніе угодно Богу и состоитъ слѣдованіемъ Ему»? И отвѣчаетъ: «Основанное лишь на слѣдующемъ древнемъ началѣ: ««Подобному, наблюдающему надлежащую мѣру, нравится подобное же»». Все же, за предѣлы сей мѣры вышедшее, ни съ самимъ собою не можетъ гармонировать, ни тѣмъ нравиться, кто отъ мѣры еще не удалился. А такъ какъ Богъ для насъ состоитъ вѣрнымъ мѣриломъ всего, то нѣтъ инаго средства пріобрѣсть Его любовь кромѣ какъ изо всѣхъ силъ надъ уподобленіемъ Ему трудиться. Въ этомъ смыслѣ о человѣкѣ умѣренномъ можно сказать, что на Бога походя онъ есть другъ Божій. Невоздержный же не только на Него не походитъ, но и прямо противуположенъ Ему». Говоря, что это ученіе древнее, Платонъ прикровенно хочетъ то сказать симъ, что оно дошло до него изъ закона Моисеева. А въ «Θеэтетѣ», сказавъ сначала, что зло по необходимости вращается около смертной нашей природы и этой земной области, онъ добавляетъ: «Потому нужно стараться, какъ можно скорѣе бѣжать изъ этого мѣста изгнанія, чтобы перейти въ иное мѣсто. Бѣгство же это не въ иномъ чемъ состоять должно. какъ, насколько это для насъ возможно, въ уподобленіи Богу; сходство же это состоитъ въ праведности и чистотѣ, соединенныхъ съ разсудительностію» (*).

По мнѣнію Спевзиппа, племянника Платонова (**), счастіе есть всецѣлое пребываніе въ томъ, что согласно съ природою; или иначе: это есть медленіе на вещахъ добрыхъ; для всѣхъ людей это погруженіе въ добро состоять должно предметомъ стремленій; но только добрые достигаютъ душевнаго спокойствія и лишь преданные добродѣтели счастливы.

Ксенократъ Халкидонскій полагаетъ счастіе въ обладаніи подходящей къ нашей натурѣ

(*) Срав. выше въ гл. 19-й сей же книги.

(**) Срав. Педаг. кн. I, гл. 12 въ началѣ.

(***) Изъ Платона мѣсто это уже было приводимо писателемъ въ «Увѣщаніи» гл. 2-й. У самаго Платона оно имѣется въ De leg кн. IV; встрѣчается и у Аристотеля De mundo, гл. 7; равнымъ образомъ у Плутарха, у Іустина мученика, у Оригенъ contra Cels. въ первыхъ главахъ VI-й кн.

(****) Орфическому.

(*) Мѣсто это изъ Платона уже приведено выше въ гл. 19-й.

(**) Отъ сестры его Потоны, какъ свидѣтельствуютъ Свида и Лаэрцій въ началѣ кн. IV.

добродѣтелью и въ проникновеніи себя свойственною ей силою. Потомъ онъ разслѣдуетъ, гдѣ сѣдалище этого счастія? Въ душѣ, отвѣчаетъ онъ. Какія основы его? Добродѣтели. Изъ какихъ частей слагается оно? Изъ прекрасныхъ дѣяній, честныхъ отношеній, прямаго образа мыслей и расположеній, стремленій и привычекъ, безъ чего ни изъ тѣлесныхъ благъ ни изъ внѣшнихъ ровно ничто счастья намъ доставить не можетъ.

Полемонъ, одинъ изъ учениковъ Ксенократа, повидимому и требуетъ, чтобы счастіе состояло въ потребномъ количествѣ всѣхъ благъ или по крайней мѣрѣ въ наличности большей части изъ нихъ и притомъ важнѣйшихъ. Онъ учитъ также, что безъ добродѣтели никакое счастіе невозможно, тогда какъ наоборотъ добродѣтели одной, и безъ благъ тѣлесныхъ и внѣшнихъ, для доставленія человѣку счастія совершенно достаточно.

Вотъ все, что мы нашли нужнымъ собрать по вопросу о сущности высшаго блага. Что же касается до опроверженія изложенныхъ мнѣній, то и это въ свое время нами будетъ сдѣлано. Здѣсь замѣтимъ только, что наши стремленія обращены въ безконечность и состоятъ въ послушаніи заповѣдямъ Божіимъ. Послушаніе же это выражается согласованіемъ жизни съ постановленіями закона, въ безупречности нравовъ и солидарности оныхъ съ выводами науки и разума, постоянно и нарочито освѣщаемыхъ познаніемъ нами воли Божественной. Насколько то возможно, жизнію согласной съ здравымъ разумомъ или Логосомъ уподобляться Богу, вотъ наша цѣль. И это уподобленіе, при посредствѣ Сына доставляющее намъ конечное и совершенное усыновленіе Богу, всегда сопровождаться должно прославленіемъ Отца во имя великаго Первосвященника, не погнушавшагося наименовать насъ братьями и сонаслѣдниками (Евр. II, 11; Рим. VIII, 17). Апостолъ вкороткѣ эту цѣль человѣческой жизни излагаетъ въ посланіи къ Римлянамъ такъ: *Нынѣ, по освобожденіи отъ грѣха, когда вы сдѣлались слугами Богу, плодомъ вами извлекаемымъ изъ сего должно быть освященіе ваше, а цѣлью жизнь вѣчная* (Рим. VI 22). Потомъ, зная что надежда наша двоякая, одна которой мы ожидаемъ, а другая исполненіемъ которой уже владѣемъ (освященіе), онъ учитъ еще, что цѣлью человѣческой жизни состоитъ возстановленіе человѣка въ сей надеждѣ. *Отъ терпѣнія*, говоритъ Апостолъ, *происходитъ опытность, а отъ опытности надежда. И эта надежда не суетная, потому что Духомъ Святымъ намъ даннымъ излита въ наши сердца благодать Божія* (Рим. V, 4, 5). Любовь утверждаетъ насъ въ этой надеждѣ, предносящейся намъ какъ *покой*, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Апостолъ (*). Подобное же встрѣчаемъ мы у Іезекіиля: *Душа согрѣшающая*, говорится у пророка, *та умретъ. А вотъ мужъ праведный. Кто дѣйствуетъ по чести и правдѣ, кто жертвеннаго на горахъ не ѣстъ, кто не поднимаетъ взоровъ къ идоламъ дома Израилева, жены ближняго своего кто не оскверняетъ и къ своей женѣ въ день ея страданій не приближается* (ибо Богъ не хочетъ, чтобъ мужское σπορὰ было обезчещиваемо), *кто никого не опечаливаетъ, кто возвращаетъ залогъ своему должнику, кто ничего не отнимаетъ силою, кто отъ своего хлѣба удѣляетъ голодному, кто своей одеждой прикрываетъ нагихъ, кто въ ростъ денегъ не даетъ и не получаетъ больше, чѣмъ сколько самъ далъ, кто удерживаетъ руку свою отъ неправды, судъ человѣку съ ближнимъ производитъ правильный, кто поступаетъ по заповѣдямъ Моимъ и соблюдаетъ Мои постановленія искренно, тотъ человѣкъ праведный и будетъ онъ жить жизнію, говоритъ Господь Богъ* (Іезек. XVIII, 4—9) (**). И Исаія, призывая увѣро-

(*) Намекъ кажется на Евр. IV, 8, 9, 11: *Ибо еслибы Іисусъ (Навинъ) имъ доставилъ покой, то не было бы послѣ того сказано о другомъ днѣ. Посему для народа Божія еще остается субботство. Итакъ постараемся войти въ покой оный.*

(**) Это мѣсто изъ пророка уже было приводимо писателемъ въ концѣ 10-й гл. I-й кн. «Педагога». Изъ сравненія открывается, что оно и тамъ и здѣсь приводимо было писателемъ по памяти.

вавших къ жизни честной. а гностика (мудреца) къ пользованію разумомъ, свидѣтельствуя впрочемъ, что добродѣтель человѣческая не тождественна съ Божественной (*), выражается такъ: *Ищите Господа, а нашедши призывайте Его, когда Онъ будетъ близъ васъ; нечестивый пусть оставитъ свои пути, человѣкъ неправедный — свои беззаконія; и пусть возвратятся они къ Господу и Онъ умилосердится надъ ними* и т. д. даже до словъ: *и мысли Мои выше вашихъ мыслей* (Ис. LV, 6, 7, 9). Итакъ, по словамъ преславнаго Апостола, по силѣ своей вѣры мы надѣемся получить оправданіе, ибо *во Христѣ Іисусѣ ни обрѣзаніе ни къ чему не служитъ, ни необрѣзаніе, но вѣра дѣйствующая любовію* (Гал. V, 5, 6). *Мы же желаемъ, чтобы каждый изъ васъ до конца выказывалъ тоже усердіе,—чтобы увѣренность въ надеждѣ была совершенная* и т. д. до словъ: *Онъ Первосвященникъ вѣчный по чину Мелхиседекову* (Евр. VI, 11, 20). Мудрость, въ себѣ объемлющая и заключающая всѣ добродѣтели (**), говоритъ такъ же, какъ и Павелъ: *Мнѣ внимающій, будучи увѣренъ въ себѣ самомъ, будетъ жить надеждою* (Притч. I, 33). Ибо возведеніе къ надеждѣ также называется надеждою. Премудрость посему права была, къ словамъ *онъ будетъ жить* прибавивъ еще слѣдующія: *будучи увѣренъ въ самомъ себѣ.* Она показываетъ этимъ, что вѣрный, будучи одушевленъ этимъ расположеніемъ, все поставляетъ въ зависимость отъ осуществленія этой надежды. Премудрость посему и прибавляетъ далѣе: *Свободный отъ страха, онъ покойно будетъ жить вдали отъ всякаго грѣха.* А въ 1-мъ посл. къ Коринѳянамъ Апостолъ уже неприкровенно говоритъ слѣдующее: *Будьте подражателями мнѣ какъ я Христу* (1 Кор. XI, 1), т. е. чтобъ выходило такъ: Вы мои, а самъ я Христовъ; будьте же подражателями Христовыми, какъ Христосъ есть подражатель Божій (1 Кор. III, 22. 23). Итакъ уподобленіе Богу (*),— дабы, насколько то возможно, содѣлаться праведнымъ и святымъ съ разсудительностію,—вотъ по ученію Апостола цѣль вѣры. Совершенство же ея состоитъ въ постиженіи обѣтованія вѣрою. Эти слова Апостола могутъ состоять критеріемъ большей или меньшей вѣрности различныхъ опредѣленій счастія, какія для разсуждающихъ о конечной цѣли человѣческой жизни мы привели выше. Но относительно сего предмета уже достаточно сказано.

(*) Добавка имѣющая въ виду Стоиковъ, которые въ добродѣтели Божественной и человѣческой видѣли одну и туже добродѣтель. Противъ сего мнѣнія ихъ писатель борется въ Стром. VII, 14.

(**) Выраженіе въ 1-й разъ употребленное св. Климентомъ Римскимъ въ концѣ 1-го посл. Послѣ чего кн. Притчей называли такъ не только нашъ писатель, но и Егезиппъ, Ириней «и весь хоръ древнихъ» какъ у Евсев. въ Ист. IV, 18.

(*) Дальнѣйшее собою представляетъ нѣкоторое сдруженіе съ ученіемъ Апостольскимъ ранѣе приведеннаго изъ Платона.

23. Преимущества брака; заповѣди, какія слѣдуетъ наблюдать въ ономъ; предметы, пространнѣе обсуждаемые въ III-й книгѣ.

Такъ какъ удовольствіе и пожеланіе кажутся входящими въ жизнь брачную, то въ дальнѣйшемъ мы обсудимъ и этотъ предметъ.

Бракъ есть первый (*) законный союзъ мужа съ женою для рожденія дѣтей согласно съ общественными законами. Потому-то комикъ Менандръ одно изъ лицъ, дѣйствующихъ въ нѣкоторой его комедіи, заставляетъ говорить такъ:

Вручаю тебѣ дочь мою
Для произведенія законныхъ дѣтей.

Итакъ нужно ли вступать въ бракъ? Но это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, рѣшительный отвѣтъ на которые зависитъ отъ обстоятельствъ. Сказать, что извѣстный мущина находитъ для себя нужнымъ вступить въ бракъ, а извѣстная женщина выйти за мужъ, это равносильно тому какъ еслибы было сказано: они находятся

(*) Словечкомъ «первый» писатель различаетъ законный брачный союзъ отъ конкубината. Дозволительность втораго брака по смерти одного изъ супруговъ открывается изъ 1-й гл. слѣдующей книги «Строматъ».

въ извѣстныхъ благопріятствующихъ тому условіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ бракъ не составляетъ для всѣхъ и всегда безусловной необходимости, но онъ приличенъ извѣстному лицу лишь въ извѣстную эпоху и до извѣстнаго возраста. Не всякій мущина и не во всякое время и не для достиженія всякаго рода цѣлей и безъ соблюденія извѣстнаго рода сдержанности имѣетъ право на извѣстной женщинѣ жениться; но только тотъ, кто находится въ извѣстныхъ условіяхъ, имѣетъ нѣкоторыя на личность извѣстныхъ лѣтъ права. Имѣетъ право жениться и притомъ въ подходящее время лишь тотъ, кто хочетъ имѣть законныхъ дѣтей. И только та женщина имѣетъ право выходить за мужъ, которая во всемъ подходитъ къ человѣку ее любящему, но которая и сама его любитъ не по принужденію и не по необходимости. Потому-то Авраамъ, защищаясь въ томъ, что женатъ былъ на сестрѣ, говоритъ: *Она приходится мнѣ сестрой по отцу, но не по матери; потому-то я и женился на ней* (Быт. XX, 12). Этимъ онъ и намъ сказываетъ, что жениться на дочеряхъ нашихъ матерей недозволительно.

Но продолжимъ вкратцѣ наши разслѣдованія. Платономъ (*) бракъ причисляется къ благамъ внѣшнимъ. Бракомъ поддерживается безсмертіе человѣческаго рода; чрезъ непрестанность браковъ продолжается цѣпь поколѣній, изъ рукъ въ руки передающихъ другъ другу жизнь, подобно тому какъ при бѣганьи взапуски однимъ другому передается взаимно факелъ.

Демокритъ же бракъ и рожденіе дѣтей отвергаетъ изъ за множества препятствій къ сему въ состояніи отцовъ и по причинѣ отклоненія ихъ брачной жизнью отъ занятій гораздо болѣе необходимыхъ.

Эпикуръ держится того же мнѣнія. Къ нему примыкаютъ и всѣ тѣ, которые полагаютъ благо въ наслажденіи и спокойствіи, не нарушаемомъ ни заботами ни горемъ.

(*) Въ кн. VI De legibus.

По мнѣнію Стоиковъ бракъ и дѣти — дѣло безразличное.

По мнѣнію Перипатетиковъ въ нихъ—благо.

А коротко сказать, всѣ эти философы, коихъ ученіе о бракѣ не шло далѣе пустыхъ словъ, были рабами плотскихъ удовольствій. Одни изъ нихъ жили съ наложницами, другіе состояли въ связяхъ съ гетэрами, большая же часть ихъ себя оскверняла педерастіей.

Послѣдователи всѣхъ этихъ четырехъ философскихъ школъ, безъ всякаго стыда in hortis cum meretricibus voluptatibus servierunt (*), чтили тѣмъ сладострастіе. Проклятіе, изреченное свящ. Писаніемъ на совмѣстное запряганіе быка съ осломъ, неизбѣжно постигнетъ и этихъ людей, которые сами воздерживаясь отъ нѣкоторыхъ вещей, считаемыхъ ими за вредныя, тѣмъ не менѣе рекомендуютъ оныя другимъ. Или же наоборотъ другихъ отговариваютъ отъ того самаго, что себѣ самимъ однакоже позволяютъ. Писаніе такой образъ дѣйствій запрещаетъ намъ въ такихъ словахъ: *Что ненавистно тебѣ самому, того не дѣлай никому* (Тов. IV, 15).

Но и одобряющіе бракъ говорятъ: «Природа создала насъ способными къ браку, что доказывается различіемъ половъ». И этаго рода невоздержные почитатели брака то и дѣло повторяютъ: *Плодитесь и размножайтесь* (Быт. I, 28). Но хотя это и такъ, все-же какъ бы имъ кажись не находить позорнымъ, что человѣкъ, твореніе Божіе, оказывается болѣе невоздержнымъ, чѣмъ неразумныя животныя, которыя не при всякомъ случаѣ и не съ нѣсколькими самками сходятся, а только съ одной и то извѣстнаго вида и изъ того же самаго рода. Таковы сизые голуби, дикіе голуби, горлицы и другія подобныя птицы.

Тѣ же безусловные хвалители брака говорятъ далѣе: «Не имѣющіе дѣтей отклоняются отъ совершенства природы, оставаясь безъ кровныхъ потомковъ, которые могли бы быть замѣстителями ихъ на землѣ. Совершенъ только

(*) Намекъ на похожденія съ Эпикуромъ и Эпикурейцами эпикуреянки Леонтіонъ.

тотъ, кто произвелъ изъ самого себя существо себѣ подобное. Или лучше сказать: становится каждый совершеннымъ только тогда, когда онъ видитъ сына поступающимъ точно такъ же, т. е. когда онъ увидитъ сына достигшимъ того же совершенства, до какого достигъ и отецъ». Бракъ, по мнѣнію этихъ необузданныхъ людей, положительно необходимъ. Необходимъ онъ въ интересахъ отечества, а потомъ въ интересахъ каждаго личныхъ, чтобъ имѣть наслѣдниковъ собственной крови и чтобъ содѣйствовать, сколько это въ нашей власти, поступанію міра къ совершенству. Посему-то де поэты и оплакиваютъ бракъ несовершенный и бездѣтный (Ил. II, 700), объявляя совершеннымъ лишь тотъ бракъ, плоды котораго со всѣхъ сторонъ въ изобилии цвѣтутъ вокругъ насъ (Ил. X, 496).

Тѣлесными болѣзнями еще болѣе подтверждается необходимость брака. Заботами жены о своемъ мужѣ, ея неустаннымъ прилежаніемъ, мнѣ кажется, постоянство дружбы и родственныхъ связей превышаемы ровно настолько, насколько вслѣдствіе сочувственной привязанности жены свободный ея уходъ за больнымъ бываетъ выше попеченій о больномъ людей стороннихъ. Своему мужу она *помошница* по истинѣ необходимая (Быт. II, 18), говоритъ свящ. Писаніе. Равнымъ образомъ и комическій поэтъ Менандръ, обративъ къ браку нѣсколько упрековъ, выставляетъ на видъ находимыя имъ преимущества въ немъ и на жалобы нѣкоего лица:

> Я несчастливъ въ супружествѣ

такъ отвѣчаетъ:

> Это потому, что не умѣешь ты себя вести въ немъ.

Потомъ онъ добавляетъ:

> Ты смотришь лишь на заботы и на горести супружескаго союза,
> На блага же, имъ доставляемыя, не бросаешь ты и единаго взгляда.

Супружество является на помощь также и достигающимъ лѣтъ преклонныхъ, ставя подлѣ нихъ женщину, ухаживающую за ними. Она же воспитываетъ и дѣтей, отъ нея происшедшихъ, чтобы они въ свою очередь питали своихъ родителей подъ старость ихъ. Ибо, по словамъ трагика Софокла (*),

> Подъ землею, насъ покрывающей, дѣти суть имя, насъ переживающее.
> Такъ куски пробковаго дерева, прикрѣпляемые къ сѣтямъ, поддерживаютъ ихъ на поверхности моря
> и льняныя петли ими охраняемы бываютъ отъ погруженія въ воду.

Люди безбрачные нѣкоторыми законодателями не были даже и допускаемы до высшихъ государственныхъ должностей. Въ Лакедемонѣ подлежали пенѣ не только холостые, но и только разъ женившіеся или слишкомъ поздно женящіеся и одиночки. Знаменитый Платонъ требуетъ, чтобы всякій холостякъ былъ обязываемъ вносить въ государственную казну сумму равную пропитанію женщины, а издержки, требующіяся на содержаніе женщины, платить въ судъ. Потому что, уклоняясь отъ брака и рожденія дѣтей, такіе люди, насколько это отъ нихъ зависитъ, порождаютъ безлюдицу и опустошаютъ цѣлые города, изъ коихъ слагается міръ (**).

Да и нечестиво посягать на произрожденіе, учрежденіе Божественное.

Но и о нѣкоторой слабосердечности и трусости, недостойныхъ мущины, не свидѣтельствуетъ ли это, если кто уклоняется отъ союза съ женщиной и дѣтьми? Потеря чего составляетъ зло, обладаніе тѣмъ значитъ неминуемо собою представляетъ благо. Это приложимо и ко всему вообще. Лишиться дѣтей, говорятъ люди брачные, есть одно изъ величайшихъ золъ; значитъ имѣть дѣтей есть благо Сказанное о дѣтяхъ можетъ имѣть приложеніе и къ браку,

> Безъ отца, говоритъ поэтъ, нѣтъ дѣтей;
> Безъ матери нѣтъ сына.
> Отцомъ же мужа бракъ дѣлаетъ. равно какъ матерью замужество.

(*) Не Софокла, а Эсхила въ его «Хоефорахъ» ст. 503.

(**) Платонъ «О законахъ» въ кн. VI и IV.

Высшее изъ желаній женщины, по словамъ Гомера, состоитъ въ выходѣ замужъ и въ имѣніи семьи; и не только въ замужествѣ и въ семьѣ, но и въ согласіи съ мужемъ и семьей, въ единомысліи съ ними (Одис. VI, 181; XV, 198).

Пусть для другихъ гармонія брачнаго союза состоитъ лишь въ сладострастіи (*). Не то бываетъ у почитателей мудрости; бракъ приводитъ ихъ къ согласію, основанному на разумѣ и Логосѣ. Онъ указываетъ женѣ на украшеніе не лица только (1 Тим. II, 9; 2 Петр. II, 3), а на красоту и домашнихъ нравовъ; мужчинамъ же онъ говоритъ: «Женами своими не какъ любовницами пользуйтесь; не ставьте цѣлью брака лишь чувственныя удовольствія; женитесь за тѣмъ, чтобъ имѣть въ теченіе всей вашей жизни помощницу и чтобъ строже вамъ наблюдать воздержность». Человѣкъ, плодъ брака, для котораго и въ природѣ все родится, бо́льшую собою представляетъ цѣну чѣмъ пшеница и ячмень, посѣвъ которыхъ въ землю происходитъ въ подходящее для того время. Посмотрите на землепашцевъ. Они хлѣбныя сѣмена бросаютъ въ землю въ умѣренномъ количествѣ. Значитъ и бракъ слѣдуетъ хранить чистымъ отъ всѣхъ оскверненій и неблагопристойностей, которыя онъ можетъ влечь за собою; иначе пристыждать насъ будутъ и животныя, такъ какъ in congressus они сдержаннѣе насъ и наблюдаютъ большее согласіе съ природой, нежели люди, злоупотребляющіе своими брачными союзами. И дѣйствитетно многія изъ животныхъ въ опредѣленное время отстаютъ отъ самокъ, предоставляя остальное дѣйствію Провидѣнія. У трагическихъ поэтовъ (**) мы читаемъ, что Поликсена, смертельно раненая и умирая, все еще обнаруживала величайшую заботливость о томъ, чтобъ упасть прилично,

Скрывая то, что слѣдуетъ скрывать отъ глазъ
мужчинъ.

Былъ для нея бракъ несчастіемъ.

(*) Въ дальнѣйшемъ писатель излагаетъ уже свои взгляды на бракъ.

(**) У Еврипида въ «Гекубѣ» ст. 569—70.

Послѣдняя степень рабства подчиненіе силѣ страстей, тогда какъ надъ ними верхъ есть единственно вѣрная свобода. Потому-то нарушеніе заповѣди, по свидѣтельству Божественнаго Писанія, равносильно съ запродажей себя чужестранцамъ, т. е. грѣхамъ противорѣчущимъ природѣ. И рабство это длится до минутъ обращенія и раскаянія.

Бракъ значитъ хранить слѣдуетъ какъ берегутъ священную статую. Должно наблюдать чистоту его и оный не безчестить. Просыпайтесь съ Господомъ, засыпайте съ благодареніемъ. Молитесь

И при смыканьи глазъ и при наступленьи священнаго времени дневнаго.

Вся жизнь ваша пусть будетъ исповѣданіемъ Господа. Благочестіемъ пусть проникаются самыя глубины вашей души. Подъ властію законовъ умѣренности надерживайтесь уже и тѣломъ. Воздержность и мѣра въ словахъ и дѣйствіяхъ представляютъ собой нѣчто Богоугодное. Непристойность же въ словахъ, за собой влекущая непристойность и дѣйствій, есть достояніе лишь безстыдства.

А что свящ. Писаніе узаконяетъ бракъ на условіи нерасторжимости его, это открывается изъ яснаго постановленія Господомъ слѣдующаго закона: *Не разводись съ женой твоей кромѣ вины преступной связи* (Мѳ. V, 32; XIX, 9; Мк. X, 11, 12; Лк. XVI, 18). Всякій бракъ, заключенный при жизни одного изъ (бывшихъ) супруговъ, есть въ очахъ Спасителя связь преступная. Женщина, добавляетъ Писаніе, ставитъ себя выше всякихъ подозрѣній и клеветъ, если не украшаетъ ни волосъ своихъ ни своей особы больше чѣмъ слѣдуетъ (1 Тим. II, 9, 10), если напротивъ того усердно предается моленіямъ и молитвамъ (1 Тим. V, 5), если свой домъ оставляетъ лишь изрѣдка,— если себя держитъ, насколько это возможно, вдали отъ лицъ, къ семейству не принадлежащихъ; если жизнь домашнюю предпочитаетъ празднымъ вракамъ (на сторонѣ).

И на разведенной кто женится и тотъ вступаетъ въ связь преступную. И кто разводится со своей женой, отпускаетъ ее на связь пре-

ступную, т. е. и тотъ принуждаетъ ее искать связи также преступной. И не только тотъ, кто разводится съ нею, но и кто принимаетъ ее и тотъ состоитъ виновникомъ ея связи преступной, потому что онъ даетъ ей поводъ ко грѣху; если бы онъ не принялъ ее, она возвратилась бы къ своему мужу. Чего же требуетъ законъ? Оставленія преступной склонности къ пороку. Онъ требуетъ, чтобы женщина, нарушившая супружескую вѣрность и уличенная въ связи преступной, была казнена смертію; если же она принадлежала къ семьѣ жреческой, то должна быть сожжена на кострѣ. Мужчина, помимо своей жены снискавшій хотя бы то и разъ преступно склонность иной женщины, также долженъ быть побитъ камнями, но не на томъ же мѣстѣ, гдѣ и соучастница его, чтобы и въ смерти своей они не имѣли ничего общаго. Такимъ образомъ древній законъ не только не противорѣчитъ Евангелію, но и согласенъ съ нимъ. Да и какъ не быть сему? Не отъ одного ли и того же Бога происходятъ оба они? Женщина, повинная въ связи преступной, живетъ уже только для грѣха; для исполненія же заповѣдей закона она уже умерла. Оплакивающая же свой грѣхъ, чрезъ свое обращеніе какъ бы вновь зачинаемая, чрезъ умерщвленіе въ себѣ прежняго непотребства и воскрешеніе въ себѣ женщины обновленной, порождаемой раскаяніемъ, возрождается къ духовной жизни. Подтверждаются эти слова и Духомъ Святымъ, который говоритъ устами пророка: *Не хочу я смерти нечестивца, но чтобъ обратился онъ* (Іез. XXXIII, 11).

Наконецъ изъ мущинъ нарушители супружеской вѣрности были побиваемы камнями за то, что (по жестокости своего сердца) они оказывались мертвецами въ своихъ отношеніяхъ къ закону, противъ котораго возмущались.

А по отношенію къ дочери священника почему наказаніе положено было болѣе строгое? Это потому, что *кому много дано, съ того и требуется много* (Лк. XII, 48).

Въ виду обширности и числа главъ здѣсь вторая книга «Строматъ» кончается.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

1. Мнѣніе Василида о воздержности и бракѣ.

Послѣдователи Валентина благоволительно относятся къ браку, возводя супружескіе союзы (*) къ истеченіямъ Эоновъ въ области высшей и космической и поставляя людскіе браки въ связь съ первоначальнымъ божескимъ соитіемъ (**). Что же касается послѣдователей Василида, то они говорятъ: «Апостолы разъ спрашивали Господа: *Не лучше ли не жениться? И Онъ*, говорятъ, *отвѣчалъ имъ: Не всѣ вмѣщаютъ слово это, ибо есть скопцы, одни отъ рожденія, другіе невольные* (Мѳ. XIX, 10—12) (***). Василидіане изъясняютъ этотъ отвѣтъ Господа такъ: «Есть люди, имѣющіе отъ рожденія отвращеніе къ женщинѣ. Эти-то люди хорошо дѣлаютъ, если, повинуясь естественной своей расположенности къ воздержанію, въ бракъ не вступаютъ. Вотъ, говорятъ, эвнухи отъ рожденія. Невольными же эвнухами состоятъ всѣ актеры: они наблюдаютъ воздержность изъ за заботы о своей славѣ (****). Кастрированные же по какой либо случайности суть эвнухи невольные. Эти эвнухи невольные еще не состоятъ олицетворителями мудрости Божественной, или велѣній разума. Эвнухами этого послѣдняго рода состоятъ лишь тѣ, которые (тановятся таковыми для царства вѣчнаго. Таковые уклоняются отъ брака, говорятъ Василидіане, изъ робости предъ трудами, связанными съ союзомъ брачнымъ и изъ страха предъ бременемъ заботъ и безпокойствъ по содержанію и воспитанію семьи».

Но и Апостолъ словами: *Лучше вступить въ бракъ, нежели разжигаться* (1 Кор. VII, 9), говорятъ Василидіане, хотѣлъ сказать слѣдующее: «Борясь день и ночь и страшась не устоять въ своемъ воздержаніи, какъ бы не ввергнуть вамъ свою душу въ огонь, ибо душа занятая борьбой далека бываетъ отъ надежды». «Посему женитесь, говоритъ Исидоръ въ своихъ Moralia именно этими самыми словами, женитесь на женщинѣ крѣпкаго тѣлосложенія, дабы не отдѣляться вамъ отъ сей благодати Божіей: по угашеніи въ себѣ пыла страсти молиться съ духомъ болѣе свободнымъ».

«Но когда и ваша (*) благодарственная молитва, продолжаетъ Исидоръ, превратилась бы

(*) Отъ такихъ супружескихъ союзовъ въ Плеромѣ родились, по ученію Валентиніанъ, Эоны. Ирин. I, 12: «Посему они утверждали, что всячески должно заботиться объ устроеніи тайны брачнаго сопряженія и внушали простакамъ, что «кто въ вѣкѣ семъ женщины не любилъ и не состоялъ въ связяхъ съ нѣй, тотъ нѣсть отъ истины и во истину не отыдетъ».

(**) Срав въ «Стром.» V, 14. Блаж. Епифаній въ I, 31 передаетъ между прочимъ такое положеніе изъ ихъ ученія: «Монада и Единое произвели остальныя истеченія Эоновъ».

(***) Но въ данномъ мѣстѣ Евангелія различается еще третій родъ скопцовъ *ради царства небеснаго*. Далѣе писатель упоминаетъ и объ этомъ третьемъ родѣ эвнуховъ.

(****) Разумѣются атлеты и пѣвцы. Срав. ниже въ гл. 6, также у Ювенала въ сатирѣ XI ст. 156. Такой воздержностью былъ извѣстенъ напр. Амэбей, пѣвецъ и игрокъ на цитрѣ. Изъ Стобея извѣстно, что Діогенъ упрекалъ всѣхъ этого рода людей за корыстность воздержанія, а не ради его самого.

(*) Повидимому Исидоръ различалъ два рода христіанъ, совершенныхъ и немощныхъ; одни возносятъ къ Богу молитвы лишь благодарственныя за свою вѣру въ добро и въономъ твердость; другіе же, менѣе стойкіе, страшась паденій, нуждались въ молитвахъ просительныхъ, которыми призывалась бы помощь Божественной благодати. Дальнѣйшее собою и представляетъ обращеніе именно къ этому второму разряду христіанъ.

въ просительную и вы стали бы озабочиваться, какъ бы вамъ не поколебаться на правомъ пути и не пасть, и вы женитесь (*). Но вотъ молодой человѣкъ. Онъ бѣденъ, склоненъ къ плотскимъ удовольствіямъ, а жениться, какъ требуетъ того Писаніе, онъ не хочетъ: таковой пусть не уклоняется все-же изъ собраній съ братьями. Напротивъ пусть кому либо изъ нихъ онъ скажетъ: «Я вступилъ на путь святой и ничего дурнаго со мной случиться не можетъ» (**). Если же при семъ все еще онъ обдержимъ былъ бы сомнѣніемъ, не впадетъ ли онъ (чрезъ fornicationis remedium) въ грѣхъ, то пусть скажетъ: «Братъ, возложи на меня руку, чтобъ не согрѣшить мнѣ» (***), и онъ получитъ чрезъ это помощь и душою и тѣломъ. Лишь бы только пожелать ему совершить нѣчто доброе, и онъ преуспѣетъ. Иногда же мы говоримъ устами: «Не хочу грѣшить», и все-же сердце склонно ко грѣху: такой человѣкъ изъ страха предъ наказаніемъ пусть не дѣлаетъ того, къ чему его склоняетъ воля, дабы не потерпѣть наказанія. Человѣческой природѣ свойственны нѣкоторыя необходимыя потребности, и это потребности естественныя. Одежда въ одно и тоже время и необходима и естественна; любовныя же удовольствія естественны, но не необходимы».

Я привелъ эти положенія Василидіанъ для изобличенія ихъ въ невоздержномъ образѣ жизни, какъ еслибъ совершенство ихъ давало имъ право оставлять борьбу съ грѣхомъ или обольщать себя, будто они уже въ силу самой своей природы спасутся, хотя бы и грѣшили здѣсь на землѣ; отъ самой де утробы матерней они состоятъ избранными (*). Пусть увѣдаютъ они, что не такова была мысль первыхъ основоположниковъ нашего ученія. Выдавая себя за христіанъ, а ведя жизнь болѣе безпутную, чѣмъ невоздержнѣйшие изъ язычниковъ, ради Бога пусть они не навлекаютъ тѣмъ порицанія на имя Христово. Именно про такихъ людей написано: *Лжеапостолы, дѣлатели лукавые* и т. д. даже до словъ: *конецъ ихъ будетъ по дѣламъ ихъ* (2 Кор. XI, 13—15).

Воздержаніе состоитъ именно въ томъ, въ чемъ состоитъ, въ маломъ обращеніи вниманія на тѣло по силѣ исповѣданія вѣры въ Бога. Воздержаніе состоитъ въ удаленіи не только отъ удовольствій любви, но и ото всего того, чего душѣ, не умѣющей удовлетворяться необходимымъ, желать непозволительно. Такъ можно сдерживать свой языкъ, свою страсть къ пріобрѣтеніямъ, къ удовольствіямъ; можно сдерживать свои пожеланія. Воздержаніе не только учитъ насъ умѣренности: оно насъ защищаетъ умѣренностью отъ многаго дурнаго, ибо воздержность есть сила и даръ Божій.

Итакъ что сказать намъ въ отвѣтъ нашимъ противникамъ? Мы ублажаемъ цѣломудріе и тѣхъ, коимъ оно даровано. Мы чтимъ единобрачіе и благопристойность въ немъ. Но при этомъ мы утверждаемъ, что слѣдуетъ быть сострадательными къ другимъ и *носить тяготы другъ друга* (Гал. VI, 2), *дабы думающій, что онъ стоитъ, берегся, какъ бы ему не пасть* (1 Кор. X, 12). Что же касается до втораго брака, то Апостолъ говоритъ: *Если разжигаешься, женись* (1 Кор. VII, 9).

2. Опровержение мнѣнія Карпократа и Епифана объ общности женъ.

Послѣдователи Карпократа и Епифана проповѣдуютъ общность женъ; отъ нихъ исходитъ богохульство ужаснѣйшее изъ всѣхъ, какія когда либо терпѣло имя Христово (**).

(*) Все доселѣ сказанное согласуется съ словомъ Апостольскимъ, 1 Кор. VII, 9. Не изъ за сего писатель и полемизируетъ противъ Исидора, а изъ за дальнѣйшаго.

(**) Т. е. если я и буду посѣщать церковныя собранія.

(***) Обращеніе за благословеніемъ къ брату изъ вѣрныхъ или къ священнику нечестивое, потому что испрашивается оно на дѣло нечестивое.

(*) Срав. что пишетъ противъ Валентиніанъ въ гл. 29 и др. Тертулліанъ и св. Ириней I, 10.

(**) Подобное повѣствуютъ о нихъ Евсевій въ Истор. IV, 7; св. Ириней I, 34; св. Іустинъ въ

Этотъ Эпифанъ, писанія котораго обращаются еще въ рукахъ многихъ, былъ сыномъ Карпократа и женщины, именемъ Александры. По отцѣ родомъ изъ Александріи, а по матери Кефалонянинъ, онъ жилъ только 17 лѣтъ. Въ одномъ изъ городовъ Кефалоніи, а именно Самахъ, онъ былъ почитаемъ за бога. Тамъ изъ гигантскихъ камней ему воздвигли храмъ; ему посвящены были алтари, капища; былъ во имя его музей; а при каждомъ новолуніи Кефалоняне отправлялись въ храмъ, приносили жертвы Епифану, чествуя день его рожденія какъ день его апоѳеозы, возливали въ честь его вино, устрояли пиршества и распѣвали въ честь его гимны. При воспитаніи онъ прошелъ подъ руководствомъ отца полный курсъ знаній и посвященъ былъ въ философію Платона. Это онъ измыслилъ ученіе о Монадѣ (*) и съ завербованія его отцомъ въ свою секту пошла ересь Карпократіанъ. Въ своей книгѣ «О справедливости» онъ говоритъ: «Божественная справедливость есть общеніе, въ основаніи имѣющее равенство. Не одинаково ли со всѣхъ сторонъ небо распростирается и не всю ли землю оно обнимаетъ своимъ кругомъ? Не одинаково ли для всѣхъ блестятъ ночью всѣ звѣзды? Не одинаково ли на всѣхъ, которые могутъ видѣть, Господь изливаетъ свыше лучи солнца, которое состоитъ источникомъ дня и отцомъ свѣта? И не всѣ ли равно могутъ наслаждаться созерцаніемъ сего свѣтила (Пс. CIII, 22 и др.)? Ибо Богъ не различаетъ бѣдняка отъ богача и отъ сильнаго сего міра, глупца отъ умнаго, женщину отъ мущины, хозяина отъ раба. Даже и въ отношеніи къ животнымъ Онъ дѣйствуетъ не иначе. Изливая съ высоты неба на всю совокупность животнаго царства, безъ различія въ немъ животныхъ добрыхъ отъ дурныхъ, одинаковую долю свѣта, Онъ утверждаетъ царство справедливости, чтобъ ни одно изъ нихъ не имѣло предъ другимъ ничего преимущественнаго и у сосѣда не отнимало доли свѣта для удвоенія чрезъ это свѣта, падающаго на его собственную долю. Солнцемъ порождается и пища общая для всѣхъ животныхъ. Всеобщей справедливостью наблюдаются одинаково интересы каждаго; и въ этомъ отношеніи волы равны телкамъ, боровъ свиньѣ, овца барану; тоже самое и другія животныя. Въ этомъ общеніи имуществъ обнаруживается распредѣленіе ихъ справедливое. Далѣе одной общей силой подобнымъ же образомъ и хлѣбъ осѣменяется, каждый видъ его. Одинаковая и общая для всѣхъ животныхъ пища покрываетъ поверхность земли; здѣсь они и пасутся безъ всякаго различія. По устроенію Щедродателя она поровну распредѣлена между всѣми ими: такова была воля Его. Но и касательно произрожденія нѣтъ между ними никакого писаннаго закона. Еслибъ онъ и существовалъ, то животныя его уничтожили бы. Одинаково они сходятся съ первой встрѣчной и рождаютъ по причинѣ общенія, какое дочь справедливости, природа, установила между ними; всѣ равно имѣютъ участіе въ семъ общеніи. Создатель и отецъ всѣхъ вещей одинаково, по закону справедливости, всѣмъ имъ далъ глазъ, чтобъ они видѣли не различая самца отъ самки, человѣка отъ животнаго; словомъ не установилъ Онъ никакой между ними разницы. Равно всѣхъ ихъ надѣливъ общимъ даромъ зрѣнія, Онъ чрезъ то разомъ всѣхъ ихъ наградилъ чрезъ подчиненіе ихъ одному и тому же закону. Законы, говоритъ Епифанъ, не въ силахъ исправить людское невѣжество; они научили людей лишь поступать противузаконно. Законами особенными, частными священное общеніе, установленное закономъ Божественнымъ, было лишь разрушаемо, прибавляетъ Епифанъ, и обгладываемо». Не выразумѣлъ онъ сего слова Апостольскаго *чрезъ законъ я узналъ грѣхъ* (Рим. III, 20; VII, 7). «Мое и твое, продолжаетъ Епифанъ, проникали къ людямъ украдкою путемъ закона. Съ тѣхъ поръ люди не стали наслаждаться сообща ни

«Разговорѣ съ Трифономъ»; Аѳенагоръ въ «Посольствѣ»; Минуцій въ «Октавіи»; Тертулліанъ въ «Апологіи» и «Къ женѣ»; Оригенъ въ соч. противъ Цельса; Епифаній въ кн. 1 противъ ересей.

(*) Срав. св. Иринея 1, 2. Ранѣе Платона о Монадѣ училъ Пиѳагоръ. Срав. въ Стром. IV, 23.

землею ни пріобрѣтеннымъ имуществомъ, ни бракомъ, какъ прежде наслаждались, хотя все это общее. Ибо Богъ творилъ виноградъ одинаково на потребность всѣхъ; Онъ не отказывалъ въ своихъ плодахъ ни воробью ни вору. Тоже самое съ хлѣбомъ и другими плодами. Нарушеніе общенія и равенства стало порождать воровъ, кои красть стали животныхъ и плоды. Богъ же, все создавая на пользу общую, сближая оба пола брачнымъ союзомъ, и такимъ образомъ соединяя живыя существа, провозглашалъ какъ высшее правосудіе общину и равенство. Но такъ родившіеся не признаютъ общенія, въ силу котораго они произошли, общенія мущинъ и женщин». И говоритъ этотъ самый Эпифанъ: «Если кто женится, то пусть не удерживаетъ жену только у себя, но пусть предоставитъ ее въ общее пользованіе, потому что всѣ могутъ совокупляться со всѣми, какъ это доказывается другими животными».

Буквально такъ и говоритъ Епифанъ. Затѣмъ онъ прибавляетъ, и буквально въ этихъ самыхъ словахъ: «Дабы обезпечить безпрерывное продолженіе рода, Богъ возбудилъ въ мужѣ пожеланіе болѣе неистовое и сильное, чѣмъ въ женщинѣ. И пожеланія этого не могутъ заглушить никакой законъ, никакой обычай, ничто; это законъ Божественный».

И какъ намъ останавливаться дольше на обсужденіи сего ученія, явно ниспровергающаго законъ Моисеевъ и Евангеліе? Законъ говоритъ: *Преступной склонности у женщинъ не ищи* (Исх. XX, 13). И Евангеліе: *Кто смотритъ на женщину съ пожеланіемъ, тотъ уже грѣшитъ* (Мѳ. V, 28). Это слово закона: *Не пожелай* (Исх. XX, 17) показываетъ, что это говоритъ тотъ же самый единый Богъ, который далъ законъ, пророки и Евангеліе, ибо написано: *Не пожелай жены ближняго своего.* Но еврей еврею не ближній; онъ его братъ, и полученъ ими одинъ и тотъ же Духъ (*). Подъ ближнимъ нужно разумѣть всякаго человѣка изъ другаго народа. И въ самомъ дѣлѣ какъ же онъ не ближній нашъ, когда онъ имѣетъ причастіе того же самаго Духа? Авраамъ есть отецъ вѣрующихъ не только изъ евреевъ, но и изъ язычниковъ (Гал. III, 7). Если же законъ наказываетъ смертью жену, снискавшую склонность другаго мужчины и самого этого мужчину, то очевидно, что заповѣдь такъ изложенная: *Не пожелай себѣ жены твоего ближняго*, имѣетъ отношеніе и къ язычникамъ. Законъ хочетъ, чтобы тотъ, который во имя его воздерживается отъ сестры и жены своего ближняго, признавалъ публично и эти слова Спасителя: *И Я вамъ говорю: Не пожелай.* Прибавленіемъ этого мѣстоименія *Я* сія заповѣдь еще болѣе усиливается.

А что Карпократъ и Эпифанъ возстаютъ противъ Бога, это доказывается еще слѣдующимъ мѣстомъ, которое находится въ столь распространенномъ между невѣжественнымъ народомъ его сочиненіи, озаглавливающемся «О справедливости»: «Поэтому смѣшнымъ нужно считать это слово Законодателя: *Не пожелай* и такъ д. даже до этого еще смѣшнѣйшаго: *имущества твоего ближняго* Развѣ не Онъ же вложилъ въ насъ это пожеланіе, собой обусловливающее произрожденіе? А тутъ Онъ же самъ намъ повелѣваетъ это желаніе укрощать, тогда какъ ни у одного изъ животныхъ его Онъ не отнялъ. И эти слова *жена твоего ближняго*, чрезъ которыя Онъ общее достояніе переводитъ въ частную собственность, еще не смѣшнѣе ли»? Таковы удивительныя ученія Карпократіанъ. О нихъ и еще нѣкоторыхъ другихъ несчастныхъ приверженцахъ того же самаго разврата говорятъ, что мущины ихъ и женщины, собравшись на пиршество, — потому что не могу же я назвать эти ихъ сходки агапами, т. е вечерями любви (какія были у первыхъ христіанъ) — и наѣвшись досыта, такъ чтобы кушаньями было возбуждено расположеніе къ плотскому удовольствію, они опрокидываютъ свѣтильники, — ибо ихъ справедливость, ахъ, ошибся, распутство ихъ не можетъ выносить свѣта, — совокупляются какъ попало, какъ хо-

(*) Срав. Стром. II, гл. 18.

тятъ и съ кѣмъ хотятъ (*). Говорятъ также, что послѣ такой оргіи съ женщинами на вечерѣ они уже и днемъ и отъ другихъ, отъ какихъ бы имъ вздумалось, женщинъ требуютъ подчиненія, я не говорю святому,—Боже меня сохрани,—а сему Карпократовскому закону. Подобные же законы безпутства, полагаю, Карпократъ долженъ былъ бы преподать еще собакамъ, свиньямъ и козламъ.

Мнѣ кажется, плохо онъ понялъ слова Платона въ его твореніи «О государствѣ»: «Всѣ женщины должны разсматриваться какъ общее достояніе». Общимъ достояніемъ Платонъ назвалъ женщинъ въ томъ смыслѣ, что раньше замужества за каждую изъ нихъ можно свататься кому угодно. Подобнымъ образомъ театръ есть мѣсто собранія общее для всѣхъ зрителей. И не смотря на то Платонъ хотѣлъ, чтобы по выходѣ замужъ женщина принадлежала уже одному супругу, а не была бы достояніемъ общимъ (**).

Ксанѳъ въ своемъ сочиненіи «Маги» передаетъ, что волхвы раздѣляли ложе съ матерями и дочерьми, что у нихъ считалось позволительнымъ сближаться съ сестрами и что женщины считались у нихъ достояніемъ общимъ (***). И это было не вслѣдствіе какого либо насилія, ни вслѣдствіе хитрости, но происходило это по взаимному соглашенію; какъ скоро кто желалъ, могъ онъ сходиться съ женой другаго.

Мнѣ кажется, что Іуда въ своемъ посланіи сказалъ пророчески именно объ этихъ еретикахъ и о всѣхъ, впадающихъ въ подобное заблужденіе: *Такъ точно будетъ и съ сими мечтателями* (ибо они отвергаютъ истину, бредя какъ бы во снѣ и находясь въ состояніи мечтательства) и т. д. даже до словъ: *И уста ихъ произносятъ слова надутыя* (Іуд. 8—16).

3. Въ какой степени Платонъ и другіе древніе философы предшествовали Маркіонитамъ и другимъ еретикамъ въ ученіи, что воздерживаться отъ брака слѣдуетъ по причинѣ зла, проникающаго твореніе и для избавленія людей отъ страданій, горя и печалей, на которыя они родятся.

Платонъ, по правдѣ сказать, потомъ еще Пиѳагорейцы (*) держались именно этого мнѣнія, т. е. что рожденіе дѣтей есть зло. Маркіонитами же лишь подновлено было это мнѣніе. Итакъ Платонъ, говорю я, полагалъ, что произрожденіе вещь дурная. Все-же онъ далекъ былъ отъ ученія объ общности женъ. Маркіониты же пошли дальше. Они говорятъ, что человѣческая природа нехороша, что и матеріалъ, изъ коего она создана, тоже скверный, хотя и вышелъ онъ изъ рукъ Создателя правосуднаго (**). Потому-то де они и отказы-

(*) Тоже повѣствуетъ о нихъ Филастрій Бречьскій въ кн. «О ересяхъ», Ѳеодоритъ Киррскій въ кн. I соч. «Объ еретич. басняхъ», Тертулліанъ въ «Апологіи» гл. 7 и 9; Минуцій въ «Октавіи». Срав. Тертулліана въ гл. 35 «О душѣ» и у блаж. Августина «Объ ересяхъ» въ гл. 7.

(**) Ученіе Платона о семъ предметѣ содержится въ кн. Ѵ «О государствѣ». Объяснено оно согласно съ Климентомъ и переводчикомъ на русскій языкъ твореній Платона, проф. Карповымъ. Изъ древнихъ такъ же понимали это ученіе Аріанъ въ толкованіи Епиктета II, 4, Лукіанъ въ «Бѣглецахъ», Евсевій въ «Доказ. Еванг.», XIII, 19, Ѳеодоритъ Киррскій въ соч. «О законахъ», Никита Хоніатъ въ кн. IѴ своего «Thesavri».

(***) Срав. въ «Педагогѣ» I, 7. Къ цитованнымъ тамъ мѣстамъ можно присоединить еще Филона замѣчаніе противъ сего въ его «De specialibus legibus»; Тертул. въ «Апол.».

(*) Пиѳагоръ, по свидѣтельству Діогена Лаэрція, спрошенный разъ: «Quando esset concubendum, Tunc, inquit, cum teipso fieri infirmior vis». И никогда онъ ни пищею себя не обременялъ ни питьемъ, ни Veneri operam dans. По Стобею Онъ admonebat: Ne saepe hominem ab homine, т. е. frequenti venereorum usu interdicens.

(**) Маркіонъ благаго и снисходительнаго Бога противуполагалъ правосудному, неумолимому и безчеловѣчному, котораго считалъ за Творца міра. Богъ благій и невѣдомый, это Отецъ Господа. Другой Богъ-Творецъ міра, правосудный, котораго еретикъ и злымъ называлъ. Матерія, по существу

ваются населять міръ, созданіе Творца и утверждають, что нужно воздерживаться отъ брака (*), хвалясь открыто, что они сопротивляются своему Творцу и стремятся къ Существу благому, которое ихъ призвало, которое состоитъ ихъ Богомъ, а не къ тому, говорятъ они, которое держится иного чѣмъ они образа мыслей и дѣйствій. И по силѣ этого-то своего сопротивленія, дабы ничего не оставить въ семъ мірѣ, что напоминало бы ихъ, они наблюдаютъ воздержаніе,—не изъ почтенія передъ нимъ, а изъ мести Создателю и дабы ничѣмъ изъ того не пользоваться, что сотворено Имъ. Однако эти самые люди, которые изъ за нечестивой войны противъ Бога потеряли всякое естественное чувство и здравомысліе, эти же самые люди, презирающіе Бога за Его *долготерпѣніе и благость* (Рим. II, 4), они же, отказываясь жениться, однакоже пользуются созданными Богомъ родами пищи (**) и дышутъ воздухомъ Создателя; да и сами они состоятъ твореніемъ рукъ Его и живутъ среди Его творческихъ дѣлъ.

Они, по ихъ словамъ, въ этомъ случаѣ предъявляютъ ученіе новое. Пусть такъ. Но по крайней мѣрѣ пусть благодарятъ они Господа за то, что Онъ создалъ міръ, потому что это вѣдь не внѣ сего міра произошло, что они получили новый завѣтъ. Но когда дойдемъ до вопроса о принципахъ, мы опровергнемъ это ихъ лжеученіе обстоятельнѣе.

Что же касается до философовъ, о которыхъ мы упомянули и изъ ученія которыхъ Маркіониты заимствовали свое нечестивое ученіе, будто продолженіе рода преступно, но которымъ ученіемъ тѣмъ не менѣе они хвастаются, какъ еслибъ это было ими самими измышленное ученіе, то они не то хотятъ имъ выразить, какъ еслибы продолженіе рода было преступно по природѣ, нѣтъ, а что оно сдѣлалось таковымъ изъ за души, измѣнившей правдѣ. Ибо нашу душу, по субстанціи своей божественную, они представляютъ низведенною на землю какъ бы въ мѣсто казни (*). И по ихъ мнѣнію душа присоединена къ тѣлу для очищенія. Слѣдовательно это ученіе исходитъ не отъ Маркіонитовъ, а отъ тѣхъ, которые думаютъ, что душа втолкнута въ тѣло (**) и что она живетъ въ ономъ связанною и что

своему зло и причина зла, сотворена еще какимъ-то Богомъ. Творецъ міра получилъ ее уже въ готовомъ видѣ и сотворилъ изъ нея все.

(*) Св. Ириней I, 34 о Татіанѣ: «Браки corruptelas и fornicationes, подобно Маркіону и Сатурнину, называлъ».

(**) Объ одномъ 90-лѣтнемъ Маркіонитѣ Өеодоритъ пишетъ: «Зналъ я нѣкоего старца 90-лѣтняго изъ этой секты Маркіонитовъ, который утромъ вставая, лице свое обмывалъ слюной, поплевавъ ее на руки. А когда его спросили о причинѣ сего, онъ отвѣчалъ, что не хочетъ дѣла имѣть съ Творцомъ,—ни водой, Имъ созданной, пользоваться. Когда же ему сказали: За чѣмъ же ѣшь, пьешь, одѣваешься, спишь и въ таинствахъ принимаешь участіе, онъ отвѣчалъ: «По необходимости все это дѣлаю, потому что безъ этого жить бы не могъ и въ таинствахъ участвовать».

(*) О томъ, что міръ сей есть для душъ мѣсто казни, разсуждалъ еще Атеней, кн. IV. О Маркіонитахъ и ихъ ереси и о другихъ подробно разсуждаетъ Епифаній въ «Панаріи». О перелитіи душъ изъ тѣла въ тѣло, какъ бы изъ вазы въ вазу, ученіи Пиѳагорейскомъ, упоминаетъ Сенека, epist. 108.—Епифаній усвояетъ ученіе о семъ перелитіи еще Симону волхву и отождествляетъ его съ метемпсихозисомъ, душепреселеніемъ Пиѳагорейцевъ, Блаж. Августинъ, кн. LVIII, упоминаетъ и объ еретикахъ Метангисмонитахъ, которые предвѣчное рожденіе Сына отъ Отца себѣ представляли подъ формой переливанія. Срав. Тертулліана ученіе о семъ въ De anima гл. 33. Памелій возводитъ это его ученіе къ Платонову въ «Федонѣ» и другихъ мѣстахъ, гдѣ говорится, что души людскія, смотря по жизни и заслугамъ, переселяются въ различные роды животныхъ. Бл. Іеронимъ въ посл. къ Авиту говоритъ, что этимъ мнѣніемъ Платона позаимствовался и Оригенъ. Св. Кириллъ Александрійскій опровергъ его въ толкованіи словъ евангелиста Іоанна *Онъ просвѣщаетъ всѣхъ людей*.

(**) Срав. «Строматъ IV въ гл. 12; VI въ гл. 4.

она такъ сказать перелита изъ одного тѣла въ другое. Мы опровергнемъ ихъ позже, когда будемъ говорить о душѣ.

Итакъ оказывается, что еще Гераклитъ проклиналъ продолженіе рода. Онъ говорилъ: «Родившіеся хотятъ жить и рождать, но лишь за тѣмъ, чтобъ потомки ихъ несчастія терпѣли, и потомъ умерли. Или лучше: они хотятъ успокоиться отъ золъ, оставляя послѣ себя дѣтей, которые также должны умереть». Но и Эмпедоклъ былъ того же мнѣнія:

Я плакалъ, восклицаетъ онъ, и горевалъ, въ первый разъ увидя неприглядный этотъ міръ,
къ коему и впослѣдствіи никакъ не могъ привыкнуть.

Онъ говоритъ еще:

Бытіе наше природа измѣняетъ, изъ живыхъ чрезъ смерть насъ мертвыми дѣлая.

И въ другомъ мѣстѣ:

Великій Боже! Какъ несчастенъ этотъ родъ смертныхъ! Какъ жалокъ онъ!

Бѣдные смертные! На какіе раздоры и печали вы обречены!

Сивилла также говоритъ:

Смертные люди, люди тѣломъ облеченные, собою представляющіе ничто.

Подобное пишетъ и Гомеръ:

Врядъ ли несчастная земля питаетъ существо
болѣе несчастное чѣмъ человѣка
(Одис. XVIII, 130).

Ѳеогнисъ тоже доказываетъ, что продолженіе рода есть зло. Онъ говоритъ:

Изъ всѣхъ благъ для земнородныхъ высшее есть не родиться
И не видѣть блестящаго солнца;
Для того же, кто родился, высшее счастіе какъ можно скорѣе преступить порогъ смерти и успокоиться подъ кучкою земли въ могилѣ.
(Gnom. v. 425).

Трагическій поэтъ Еврипидъ говоритъ въ томъ же смыслѣ:

Нужно намъ собираться
И плакать, когда ребенокъ родится, видя его вступающимъ въ циклъ страданій.
А когда онъ умретъ и отъ тяжелыхъ трудовъ успокоится, слѣдуетъ радоваться и несть на костеръ изъ дома среди радостныхъ поздравленій.

Въ другомъ мѣстѣ онъ туже мысль выражаетъ такъ:

Кто знаетъ? Быть можетъ жить значитъ умирать
и умирать значитъ жить?

Геродотъ оказывается вложившимъ въ уста Солона подобныя же слова: «О Крезъ! Каждый человѣкъ не больше какъ ничтожество».

И о Клеобисѣ и Битонѣ басня написана съ очевидной цѣлью проклясть день рожденія и восхвалить смерть.

Каковъ родъ листьевъ, таковъ же родъ и людей,
(Ил. VI, 146 и д.),

говоритъ Гомеръ (*).

Въ «Кратилѣ» Платонъ влагаетъ въ уста Орфею слово, что «въ облеченіи ея тѣломъ душа несетъ наказаніе». Вотъ слова Платона: «Нѣкоторые утверждаютъ, что тѣло (σῶμα) есть могила (σῆμα) души, потому что въ настоящей жизни она какъ бы погребается. А такъ какъ душа чрезъ тѣло выражаетъ свои состоянія, то тѣло можетъ быть считаемо и знакомъ (σῆμα) души».

Кажется, это Орфей назвалъ такъ тѣло, потому что душа въ немъ терпитъ наказанія за прежніе проступки.

Кстати здѣсь припомнить слова и Филолая. Этотъ Пиѳагореецъ говоритъ намъ: «Богословы и древніе гадатели свидѣтельствуютъ, что душа была присоединена къ тѣлу для омытія прежнихъ преступленій и чтобы она оставалась погребенною въ тѣлѣ какъ въ могилѣ».

Но и Пиндаръ, говоря объ Элевзинскихъ мистеріяхъ, дѣлаетъ такое заключеніе: «Кто только ихъ видѣлъ, сойдетъ въ нѣдра земли счастливымъ. Онъ знаетъ конецъ жизни. Онъ знаетъ власть данную Зевсу».

Платонъ въ «Федонѣ» также не побоялся написать слѣдующія слова: «Установители мистерій не иное что симъ сдѣлали для насъ

(*) Ему въ семъ сравненіи подражалъ и Сирахъ: *Какъ зеленѣющіе листья на густомъ деревѣ, одни спадаютъ, а другіе выростаютъ: такъ и родъ отъ плоти и крови, одинъ умираетъ, а другой рождается* (XIV, 19).

какъ» и проч. даже до словъ: «Онъ будетъ жить съ богами».

А вотъ и другія слова того же самаго Платона: «Доколѣ пребываемъ мы въ этомъ тѣлѣ и доколѣ наша душа оказывается примѣшанною къ этому злу, никогда мы не въ состояніи будемъ вполнѣ достигнуть предмета нашихъ желаній».

Не на то ли всѣ эти писатели вышеприведенными своими выраженіями намекаютъ, что продолженіе рода состоитъ причиною наибольшаго зла и бѣдственности?

Платонъ еще разъ и тоже самое свидѣтельствуетъ въ своемъ «Федонѣ»: «Можетъ статься, что касательно занятыхъ философіей чернь незнаетъ, что всѣ ихъ усилія на то обращены, какъ бы выйти изъ сей жизни и ежедневно умирать для нея». Платонъ прибавляетъ: «Вотъ почему душа философа имѣетъ величайшее презрѣніе къ тѣлу и изо всѣхъ силъ старается убѣжать изъ него, стремясь къ существованію самостоятельному на свободѣ отъ узъ его».

Не сходится ли здѣсь Платонъ со св. Апостоломъ, который также говоритъ: *Несчастный я человѣкъ! Кто меня освободитъ отъ этого тѣла смерти* (Рим. VII, 24), если только Апостолъ не говорилъ образно и подъ этимъ *тѣломъ смерти* не разумѣлъ производленія тѣхъ, кои позволяютъ себѣ увлекаться порокомъ.

Платонъ, какъ оказывается, и къ плотскому соитію, началу продолженія рода, питалъ отвращеніе еще раньше Маркіона. Въ І-й кн. своего творенія «О государствѣ» восхваливъ старость, онъ прибавляетъ: «Знай же, что чѣмъ больше во мнѣ позывъ на сладострастіе притупляется и утихаетъ, тѣмъ больше въ глубинахъ души моей пробуждается вкусъ къ наукѣ и тѣмъ глубочайшее и полнѣйшее удовольствіе она мнѣ доставляетъ». А когда затронутъ былъ вопросъ о плотскихъ удовольствіяхъ, онъ воскликнулъ: «Поздравьте меня! Сбросивъ съ себя цѣпи удовольствій, я чувствую себя какъ бы отъ жестокаго тиранна и грубаго учителя освободившимся». И осуждая въ «Федонѣ» опять-таки продолженіе рода онъ прибавляетъ: «Мысль, какая мистеріями тайно внушается намъ, это та, что мы и другіе люди, находясь въ этомъ тѣлѣ, находимся какъ бы въ тюрьмѣ». И еще: «Тѣ-то, кажется, превосходятъ другихъ святостію своей жизни, которые себя увольняютъ и освобождаются отъ узъ, кои насъ удерживаютъ на землѣ какъ бы въ темницѣ и отходятъ изъ оной горѣ, въ жилище чистое и безпорочное».

Таково было, несомнѣнно, мнѣніе Платона. Онъ понималъ однако, что вселенная управляется мудро, и потому сказалъ: «Не слѣдуетъ самому себя отрѣшать отъ сей жизни, ни убѣгать изъ нея, какъ бѣгутъ невольники отъ своихъ господъ».

И какъ бы это сказать Маркіону однимъ словомъ? Нѣтъ у Маркіона поводовъ смотрѣть на матерію какъ на зло, когда Платонъ писалъ о мірѣ эти благочестивыя слова: «Все доброе, содержимое міромъ, имъ получено отъ Бога, оный создавшаго. А все, что есть подъ солнцемъ дурнаго и несправедливаго, въ міръ вошло изъ состоянія предшествовавшаго его сотворенію, что и передается теперь существамъ одушевленнымъ» (*). Потомъ прибавляетъ онъ эти еще болѣе положительныя слова: «Причиной всѣхъ этихъ золъ для міра состоитъ элементъ матеріальный, вошедшій въ составъ тѣлъ, элементъ составлявшій собою часть и первобытной природы. Ибо прежде чѣмъ быть ему такъ организованнымъ, какъ онъ организованъ теперь, былъ онъ, подобно самой природѣ всей, безъобразнымъ и безпорядочнымъ».

И въ «Законахъ» (кн. II), Платонъ не менѣе горюетъ о человѣческомъ родѣ. «Боги, говоритъ онъ, сожалѣя объ осужденномъ на труды человѣческомъ родѣ, назначили ему для отдыха періодическій возвратъ праздниковъ».

И въ «Эпиномидѣ», выставляя, что́ именно въ людяхъ достойно сожалѣнія, Платонъ выражается такъ: «Начало жизни для каждаго одушевленнаго существа трудно. Сперва оно должно проходить чрезъ состояніе зародыша. Потомъ оно родится. Потомъ кормятъ его молокомъ. Потомъ воспитываютъ. Каждая вещь,

(*) Платонъ въ «Политикѣ».

какъ всѣ мы это знаемъ, достигается цѣною лишь сложныхъ трудовъ».

Но что же? Развѣ и Гераклитъ не говоритъ также, что «родиться значитъ умереть»? Въ этомъ онъ сходится съ Пиѳагоромъ и Сократомъ. Въ «Горгіасѣ» послѣдній вотъ что говоритъ: «Смерть есть все то, что мы видимъ пробуждаясь. Сонъ же есть все то, что мы видимъ во снѣ».

Но довольно о семъ предметѣ. Когда мы будемъ обсуждать принципы жизни, то войдемъ въ разборъ и этихъ несуразицъ, высказываемыхъ философами, а Маркіониты изъ коихъ составили особое ученіе. Впрочемъ нами кажется уже и довольно ясно показано, что Маркіонъ только по невѣжеству и по непониманію Платона свое странное ученіе могъ возводить къ нему.

Намъ предстоитъ теперь сказать словечко еще о воздержаніи. Мы утверждали, что Эллины, обращая вниманіе на трудности, соединенныя съ рожденіемъ и воспитаніемъ дѣтей, много говорили противъ сего и что Маркіониты составили изо всего этого цѣлое нечестивое ученіе, оказавшись неблагодарными по отношенію къ Создателю. Вотъ что говоритъ трагическій поэтъ:

Лучше было бы для смертныхъ вовсе не родиться,
чѣмъ родиться.
Съ страшными болями рождаю я. По рожденьи же
оказывается, что произвела я на свѣтъ дѣтей
малоумныхъ.
Я огорчаюсь, но напрасно. Имѣю на лицо дурныхъ,
Добрыхъ же теряю. Если мнѣ удается уберечь
послѣднихъ,
Сохнетъ мое несчастное сердце отъ страха за нихъ.
Это ли счастье? Не лучше ли
Разстаться мнѣ одной съ жизнью, чтобъ не смотрѣть на тысячу страданій, испытываемыхъ
другими?

И потомъ поэтъ прибавляетъ:

Мнѣ всегда казалось, но и понынѣ еще кажется,
Что люди никогда бы не должны рождать дѣтей,
Видя, для сколькихъ золъ мы ихъ рождаемъ.

И въ слѣдующихъ стихахъ поэтъ ясно указываетъ на причину нашихъ бѣдъ, возводя сіе къ исходнымъ началамъ. Онъ восклицаетъ:

О человѣкъ! Ты родился для страданій и на
несчастья.
Ты человѣкомъ сталъ, и сей жребій жизни,
Его ты въ ту минуту получилъ, какъ началъ тебя
Воздухъ питать, который собою и всѣхъ смертныхъ
оживляетъ.
Не забудь же, смертный, что ты смертенъ.

И еще въ томъ же смыслѣ говоритъ онъ:

Нѣтъ ни одного смертнаго, который зналъ бы
счастье лишь и благоденствіе.
Нѣтъ никого, кто прожилъ бы безъ напастей.
(Ифигенія въ Авлидѣ ст. 161).

И потомъ опять:

Увы и ахъ! Какъ грубы и многочисленны злыя
судьбы смертныхъ!
И какъ онѣ разнообразны! И нѣтъ никого, кто
положилъ бы имъ предѣлъ!
(Антіоп. фрагм. ст. 98).

И въ другомъ мѣстѣ:

Между смертными нѣтъ ни одного, который былъ бы
счастливъ до конца.
(«Умоляющія» ст. 269).

И вотъ, какъ говорятъ, причина, по которой Пиѳагорейцы воздерживаются отъ плотскихъ вожделѣній. А мнѣ такъ кажется, что они именно для того и женятся, чтобъ имѣть дѣтей. Дѣло въ томъ только, что по рожденіи дѣтей они уже обуздываютъ свои чувственныя склонности. По той же таинственной причинѣ они запрещаютъ употребленіе въ пищу бобовъ;—не изъ за вѣтровъ, какіе производитъ эта зелень и не изъ за неудобоваримости ея и не изъ за порожденія ею туманныхъ сновъ и не изъ за сходства бобовъ по внѣшнему ихъ виду съ головой человѣка, хотя и навязывается имъ это сими стихами

Голову отца ѣсть и бобы ѣсть одно и тоже.

Скорѣе запрещеніе это употреблять въ пищу бобы изъ того возникло, что бобы вліяютъ на безплодіе женщинъ, ими питающихся (*). И дѣйствительно Ѳеофрастъ въ V-й книгѣ своего сочиненія подъ заглавіемъ «Естественныя причины» передаетъ, что шелуха бобовъ, набро-

(*) Григорій Гюральдъ въ книжкѣ «О Пиѳагорейскихъ символахъ» на основаніи Ямвлиха и Олимпіодора передаетъ о Тимюхѣ, женѣ Пиѳагорейца Мюллія, лакедемонянкѣ, что когда Діонисій вынуждалъ ее открыть тайну, почему Пиѳагоромъ было запрещено употребленіе въ пищу бобовъ, то она съ остервененіемъ себѣ прикусивши языкъ, потомъ выплюнула его въ лицо тиранну.

санная на корни молодыхъ деревъ, ихъ сушитъ; равнымъ образомъ и изъ домашнихъ птицъ тѣ, которыхъ постоянно кормятъ бобами, дѣлаются безплодными.

4. Предлоги, измышляемые еретиками для прикрытія всякаго рода своевольствъ и распутства.

Изъ впадшихъ въ ересь мы назвали Понтійскаго жителя Маркіона, который, объявивъ борьбу своему Творцу, отказывается пользоваться вещами этого міра. Но мотивомъ его воздержанія, если только оное можно назвать такъ, состоитъ ненависть, возмущеніе противъ самого Творца. Въ борьбѣ, которую сей нечестивый великанъ объявляетъ самому Богу, онъ самъ себя осуждаетъ на невольное воздержаніе, издѣваясь надъ твореніемъ и дѣломъ Божескимъ. Думаетъ онъ опираться на слова Господа, Имъ обращенныя къ Филиппу (*) :*Предоставь мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ, ты же слѣдуй за Мною* (**) (Мѳ. VIII, 22; Лк. IX, 60). Но пусть онъ узнаетъ, что Филиппъ имѣлъ конструкцію тѣла подобную нашей и не походилъ на разложившійся трупъ. Итакъ какимъ же это образомъ, будучи облеченъ тѣломъ, онъ не трупъ имѣлъ въ немъ? А такимъ, что онъ возсталъ изъ могилы чрезъ попраніе его страстей смертію Господа и чрезъ жизнь свою во Христѣ Іисусѣ (***).

Мы уже упоминали и о нечестивомъ ученіи Карпократа касательно общности женъ, но по поводу нѣкотораго изреченія Николая мы оставили безъ изложенія слѣдующій относящійся къ оному фактъ (*). Говорятъ, онъ имѣлъ жену во цвѣтѣ лѣтъ и красоты. По вознесеніи Господа, когда Апостолы стали стыдить его за ревность, онъ привелъ свою жену въ среду Апостоловъ и предложилъ жениться на ней кому угодно. Поступокъ этотъ, говорятъ Карпократіане, совершенно согласуется съ этимъ изреченіемъ Николая: «Нужно иждивать плоть». Ученики Карпократа, принимая эти поступокъ и изреченіе Николая буквально и безъ обсужденія, отдаются публично безстыднѣйшему любодѣянію. Но, насколько я знаю, Николай не зналъ другой женщины кромѣ той, на которой разъ женился. Извѣстно также, что его дочери состарѣлись въ дѣвицахъ, а сынъ его остался безбрачнымъ. Дѣло же происходило такъ. Приведя въ среду Апостоловъ жену свою, въ ревности къ которой его упрекали, Николай чрезъ самое оставленіе преувеличенныхъ заботъ о ней, хотѣлъ оправдаться во взводимой на него страсти и въ послѣдующее время, воздерживаясь отъ сношеній съ ней, самымъ дѣломъ училъ, что должно иждивать свою плоть, т. е. свою чувственность умерщвлять. Ибо и онъ и его жена не хотѣли, согласно съ заповѣдію Спасителя, служить двумъ господамъ (Мѳ. VI, 24; Лк. XVI, 13), т. е. Богу и любострастію. Вотъ почему, какъ увѣряютъ, Матѳей тоже училъ, что «нужно бороться съ чувственностью и не послаблять влеченіямъ своей плоти, отказывая ей во всемъ томъ, чѣмъ сладострастіе можетъ поддерживаться, вмѣсто же того возвышать душевныя силы чрезъ усиленіе въ себѣ вѣры и познанія».

Есть еще другіе еретики (**), которые обращеніе и связи съ Афродитой шатуньей назы-

---

(*) Объ имени ученика, къ которому обращены были Господомъ эти слова, евангелисты однакоже умалчиваютъ.

(**) Этой фразы нѣтъ у Мѳ.; у Лк. же вмѣсто нея стоитъ: *Ты же иди, благовѣствуй царствіе Божіе*. Быть можетъ сіе *слѣдуй за Мною* писатель, приводя мѣста изъ Писанія по памяти, перенесъ сюда изъ предшествующаго пункта.

(***) Намекъ кажется на мѣсто изъ Рим. VI, 11: *Почитайте себя мертвыми для грѣха, живыми же для Бога во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ*. Или Кол. III, 5: *Итакъ умертвите земные члены ваши* и т. д. Или же быть можетъ имѣется въ виду здѣсь и другое подобное мѣсто изъ Писанія.

(*) Въ Стром. II, гл. 20.—Сію исторію Николая и Николаитовъ Евсевій отсюда буквально переноситъ въ свою церков. исторію III, 29. Отсюда же вноситъ ее въ свои «Еретич. басни» и Ѳеодоритъ III, 1.

(**) Это Адамитяне, считавшіе основателемъ своей секты нѣкоего Продика.

ваютъ «общенiемъ» таинственнымъ, оскверняя чрезъ это святое сiе слово. Подобно тому какъ слово «дѣлать» мы употребляемъ безразлично для обозначенiя какъ добраго дѣйствiя, такъ и дурнаго, все равно называя этимъ именемъ и «дѣло» доброе и злое: точно тоже произошло и съ этимъ словомъ «общенiе». Но общенiе спасительное состоитъ напр. во вспоможенiи деньгами, пищею и одеждою; еретики-же тѣ этимъ словомъ нечестиво стали называть различныя плотскiя связи съ Афродитой. Разсказываютъ про одного изъ такихъ безпутниковъ, что разъ приблизившись къ одной изъ нашихъ дѣвицъ, только что вступившей въ возрастъ юной привлекательности и красоты, онъ сказалъ: *Всякому просящему у тебя дай* (Мѳ. V, 42; Лк. VI, 30). Эта же, ни мало не понимая плотской разнузданности этого человѣка, ему отвѣтила языкомъ невинности: «Но относительно брака вамъ слѣдуетъ говорить съ моей матерью». О нечестiе! Беззаконники эти доходятъ до извращенiя словъ даже Господа. Они между собою дѣйствительно поддерживаютъ общенiе, но только по распутству; они братья, но только по сладострастiю, позорящiе собою не только любовь къ мудрости, но и всю человѣческую жизнь чрезъ искаженiе истины, или лучше сказать,—насколько это отъ нихъ зависитъ, — изъ за разоренiя ея это люди трократно жалкiе, на плотское любодѣянiе смотрящiе какъ на какое-то священнодѣйствiе, и при этомъ еще осмѣливающiеся воображать, что переходятъ чрезъ оное въ царство Божiе. Нѣтъ, не сюда, а въ притоны разврата приводитъ ихъ это взаимное сообращенiе; достойными имъ компаньонами могли бы быть козлы и свиньи; публичныя женщины, безстыдно въ глубины своихъ притоновъ всегда готовыя принять всякаго искателя распутства, въ глазахъ этихъ еретиковъ особенно обнадежены спасенiемъ. *Но тому ли вы научены Христомъ, если подлинно Его слушали и въ Немъ пребываете? Онъ, въ которомъ есть истина, училъ, что слѣдуетъ совлекаться ветхаго человѣка, по которому жили ранѣе, и который изъ за слѣдованiя иллюзiямъ своихъ страстей лишь разлагается, а обновляться въ глубинахъ души своей и облекаться въ новаго человѣка, созданнаго по образу Божiю въ праведности и святости истинныхъ* (Еф. IV, 20). *Будьте же подражателями Богу какъ Его возлюбленные чада и любите другъ друга, какъ и Христосъ насъ возлюбилъ и предалъ самого себя за насъ, собой представивъ приношенiе Богу и жертву благоуханную. Пусть не будетъ слышно между вами о любодѣянiи, ни о какихъ бы то ни было непристойностяхъ, ни о скупости, какъ это подобаетъ святымъ. Пусть не будетъ слышно между вами ни непристойныхъ словъ, ни безумной веселости* (Еф. V, 1—4). Уча насъ наблюдать чистоту даже въ словахъ, Апостолъ пишетъ: *Ибо знайте, что никто изъ сбившихся съ праваго пути* и т. д. даже до словъ: *но и обличайте ихъ* (Еф. V, 5—11).

Разбираемое нами еретическое ученiе проистекаетъ изъ одной апокрифической книги. Я выпишу изъ нея даже и мѣсто, въ нихъ породившее и развившее ихъ распущенность. Если они сами сочинили эту книгу, то какое сумазбродство уже и самому Богу лукаво и облыжно приписывать невоздержность! Еслиже они усвоили эту книгу отъ кого нибудь другого, то чрезъ извращенiе смысла они подмѣшали яду въ прекрасное это сообщенiе Евангелiя. Вотъ мѣсто, о которомъ идетъ рѣчь: «Все было Однимъ. Но послѣ того какъ универсальному Единству надумалось, что не хорошо быть Однимъ, стало выходить изъ Него Дыханiе и Оно соединялось съ Нимъ; отъ союза Ихъ между Собою произошелъ Возлюбленный. Потомъ изъ Него вышло еще Дыханiе, съ которымъ Единство также соединилось и отъ сего союза произошли Власти (одинъ изъ чиновъ ангельскихъ), которыя не могутъ быть ни видимы ни слышимы и т. д. до словъ «каждаго отличилъ его собственнымъ именемъ». Если бы эти еретики, подобно послѣдователямъ Валентина, положили въ основу своего ученiя общенiе духовное, то можетъ быть они еще и нашли бы себѣ нѣсколькихъ приверженцевъ Но возвысить до степени святаго ученiя общенiе въ плотскихъ удоволь-

ствіяхъ, это свойственно лишь человѣку, не признающему спасенія.

Таково же ученіе послѣдователей Продика, усвояющихъ себѣ, но безъ всякаго на то права, тоже имя гностиковъ. Именуя себя по самой природѣ своей сынами перваго Бога, они злоупотребляютъ благородствомъ происхожденія и ложно понимаютъ свободу, живя по своимъ прихотямъ. Прихотливыя же мечтанія эти увлекаютъ ихъ къ чувственнымъ удовольствіямъ. Они объявляютъ себя «свободными отъ всякихъ узъ воздержности», «господами субботы» (Мѳ. XII, 8) «и высшими всего по причинѣ превосходства своего рода, такъ какъ они сыны де царскіе; для царей же, говорятъ они, законъ не писанъ». Ложь! Вопервыхъ цари не все дѣлаютъ, что хотятъ. Не смотря на всѣ ихъ желанія и всѣ ихъ усилія, воля ихъ себѣ встрѣчаетъ помѣху во множествѣ препятствій. А что они и дѣлаютъ, то совершаютъ не въ качествѣ царей, а въ качествѣ негодныхъ рабовъ, страшащихся за дурное поведеніе наказанія плетьми. Втайнѣ хотя они и позволяютъ себѣ искать у женщинъ преступно преступной склонности, но постоянно боятся, какъ бы не быть на семъ предосудительномъ дѣлѣ пойманными, уклоняются отъ суда общественнаго мнѣнія, избѣгаютъ наказанія.

Да и что это за свобода въ невоздержности и въ сквернословіи? *Всякій согрѣшающій*, говоритъ Апостолъ, *есть рабъ* (Рим. VI, 16). И какъ можетъ жить по заповѣдямъ Божіимъ тотъ, который слѣдуетъ всякому пожеланію? Какъ онъ повиноваться будетъ Господу, который сказалъ: *Я же говорю вамъ*: *Не пожелай* (Мѳ. V, 28)? Сожалѣемъ мы уже и о тѣхъ, кто грѣшитъ невольно. Что же сказать о тѣхъ, кто грѣшитъ съ умысломъ? Не жалкіе ли это люди, кои заискиваніе преступной склонности у женщинъ въ ученіе возводятъ, предаются сладострастію и оргіямъ, позволяютъ себѣ осквернять и безчестить брачное ложе другихъ? Но еслибъ они перенесены были и въ другой міръ, и тамъ не будутъ они на своемъ мѣстѣ, такъ какъ *не были вѣрны въ чужомъ* (Лк. XVI, 11, 12). Ругаетъ ли и оскорбляетъ ли гость жителей города, въ которомъ принятъ? Старается ли онъ вредить имъ? Пришедъ на короткое время въ оный, не будетъ ли онъ напротивъ жить въ немъ какъ человѣкъ честный, пользуясь тѣмъ что ему необходимо, а изъ тѣхъ, кто ему оказалъ гостепріимство, никого своей неблагопристойностью не обижая и никому собой не причиняя соблазна (1 Петр. II, 11, 12)?

Какъ? Даже и законамъ не повинующіеся и себя ведущіе столь же позорно, какъ и тѣ, кои мерзки въ глазахъ даже язычниковъ, какъ и злочестивцы и разнузданные безпутники и нахалы и женщинъ соблазнители и тѣ смѣютъ говорить, что Бога знаютъ? Живя въ мірѣ имъ чуждомъ, они должны были бы доброй своей жизнью доказать, что свойственны имъ склонности по истинѣ царственныя. Теперь же, и сами ведя и другихъ уча вести образъ жизни противный законамъ и Божію и человѣческимъ, они оказываются ненавистниками и врагами и того и другаго.

Несомнѣнно, что израильтянинъ, по книгѣ Числъ «пронзившій» безпутника, сдѣлалъ дѣло достохвальное, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ самъ Богъ (Числъ XXV, 8). *И если мы говоримъ*, пишетъ Іоаннъ въ своемъ посланіи, *что мы имѣемъ общеніе съ Нимъ*, т. е. съ Богомъ, *а ходимъ въ темнотѣ, то мы лжемъ и не поступаемъ по истинѣ. Если же мы ходимъ во свѣтѣ, подобно какъ самъ Онъ свѣтъ есть, то мы имѣемъ общеніе съ Нимъ и кровь Христа Іисуса, Сына Его, очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха* (1 Іоан. I, 6, 7). Итакъ откуда же они взяли, что лучше людей вѣка сего, такъ же дѣйствующихъ? Не лучше, а дрянь они людскаго общества. Я думаю, что и по природѣ они суть изгои человѣческаго общества, если дѣлами таковы. Тѣ, которые мнятъ о себѣ, что они происхожденія высшаго, превосходить должны другихъ и своимъ поведеніемъ, дабы избѣжать заключенія въ туже (одну съ злодѣями) темницу (1 Петр. III, 19). Ибо по истинѣ, какъ сказалъ Спаситель, *если праведность ваша не превзойдетъ праведности книж-*

никовъ и фарисеевъ, то вы не войдете въ царство Божіе (Мѳ. V, 20).

Касательно же воздержанія отъ пищи примѣры въ кн. пророка Даніила (Дан. I). Коротко же сказать о послушаніи Давидъ въ своихъ псалмахъ такъ поетъ: *Какъ юношъ содержать въ чистотъ путь свой?* И юноша слышитъ тотчасъ же такой отвѣтъ: *Исполненіемъ слова Твоего ото всего сердца* (Пс. CXVIII, 9). Открываю книгу Іереміи и *вотъ что говоритъ Господь: Не ходите по путямъ язычниковъ* (Іер. X, 2).

Но здѣсь нѣкоторые другіе еретики, люди разума очень ограниченнаго и ничего не стоющіе, говорятъ, что человѣкъ есть твореніе разныхъ силъ. Часть, говорятъ они, надчревная есть произведеніе наиболѣе Божественнаго искуства, нижнія же части произведеніе существа нисшаго; отсюда наклонность этихъ частей къ половому совокупленію. Но еретики эти не обращаютъ на то вниманія, что и верхнія части тянутся къ пищѣ, у нѣкоторыхъ же и сладострастны. Между прочимъ они противорѣчатъ въ семъ Христу, который сказалъ фарисеямъ, что одинъ и тотъ же Богъ сотворилъ и внутренняго въ насъ человѣка и внѣшняго (Лк. XI, 40). И то еще скажу противъ сего, что вожделѣніе не происходитъ отъ тѣла, хотя и удовлетворяется тѣломъ.

По ученію нѣкоторыхъ другихъ еретиковъ, называемыхъ Антитактами (противоборствующими), Богъ вселенной есть истинный нашъ Отецъ по природѣ и все сотворенное Имъ хорошо. Но нѣкое изъ созданныхъ Имъ существъ посѣяло плевелы, породило зло и всѣхъ насъ опутало его сѣтями, возстановляя противъ Отца. И вотъ почему, говорятъ они, мы противимся сему создавшему зло существу, чтобы чрезъ сопротивленіе волѣ сего втораго Творца отомстить за Отца. И такъ какъ *Преступной склонности у женщинъ не ищи* слово это изречено симъ второстепеннымъ Творцомъ, то мы и вступаемъ въ связи съ женщинами, запрещенныя этимъ творцомъ зла, а не Отцомъ и ниспровергаемъ заповѣдь не истиннаго Творца, а злотворца. Нашъ же отвѣтъ имъ таковъ: Лживыми пророками состоятъ и тѣ, кои подлинный свой образъ мыслей выдаютъ своими дѣлами, ибо мы научены (Христомъ) по дѣламъ судить о людяхъ (Мѳ. VII, 16). Если дѣла ваши имѣютъ худую славу, то какъ вы можете утверждать, что держитесь истины? Потому что зло или вовсе не существуетъ, и тогда не заслуживаетъ порицанія и то существо, которое вами обвиняется за сопротивленіе Богу; да и зла оно вовсе значитъ и не сотворило, потому что съ уничтоженіенъ плода истребляется и дерево (*). Или же если существованіе зла субстанціальное (**), то пусть сіи Антитакты отвѣтятъ намъ: какъ назовутъ они данныя намъ заповѣди относительно праведности, воздержности, терпѣнія, постоянства и т. п. предметовъ? Хороши онѣ или худы? Если заповѣдь, запрещающая всѣ постыдныя вещи, дурна, то вотъ зло издаетъ законы противъ самого себя и работаетъ надъ уничтоженіемъ самого себя: вещь невозможная. Если же заповѣдь хороша, то эти еретики значитъ сами признаютъ, что противясь заповѣдямъ они отвергаютъ добро и творятъ зло. Но уже и Спаситель самъ, котораго одного, если повѣрить имъ, только и слѣдуетъ слушаться, запрещаетъ и ненависть и обиды (Мѳ. V, 43, 44; Лк. VI, 27, 28). *Идя съ противникомъ*, говоритъ Онъ, *старайся примириться съ нимъ* (Мѳ. V, 25; Лк. XII, 58). Или же наконецъ они отказываются слушаться увѣщаній и Христа, сопротивляясь такимъ образомъ уже и Тому, Кто самъ злотворцу противился. Если же они любятъ Его, то не должны и возставать противъ Него.

Что далѣе? О вы (мнимо) благородно рожденные и по образу мыслей и расположеній (мнимо) благородные,—говорю, какъ если бы

(*) Потому что дерево выростаетъ изъ сѣмени, скрытаго въ древесномъ плодѣ. Въ приложеніи къ предмету рѣчи: если нѣтъ зла, то нѣтъ и начала, которое благому Богу противиться можетъ. Разумѣется мѣсто какъ будто изъ Мѳ. VII, 17, 18.

(**) Еретики именно думали, что начало это, Богу противящееся, и составляетъ сущность зла.

они предо мною были,—ужели не замѣчаете вы, что отвергая столь цѣлесообразныя заповѣди, вы собственному своему спасенію противитесь? Нѣтъ, не надъ оспореніемъ изданныхъ на пользу общую заповѣдей вы работаете чрезъ доказываніе невѣрности ихъ, а свое собственное спасеніе ниспровергаете. И Господь сказалъ: *Дѣла ваши добрыя да свѣтятся* (Мѳ. V, 16). Вы же открываете предъ всѣми лишь ваши любострастіе и разнузданность.

И иначе мы спросимъ васъ. Если вы хлопочете объ изглаженіи заповѣдей Законодателя, то почему однакоже стараетесь изгладить лишь тѣ изъ нихъ, которыми вводятся въ границы чувственныя наслажденія? Таковыми состоятъ заповѣди: *Преступной склонности у женщинъ не ищи* (Исх. XX, 14), *Не содомствуй* (Лев. XVIII, 22) и вообще всѣ тѣ заповѣди коими предписывается воздержность. Между тѣмъ вотъ вы не хлопочете объ уничтоженіи зимы, хотя она дѣло того же самаго Законодателя. Отчего бы вамъ не устроить лѣто средь зимы? Отчего вы о томъ не заботитесь,

Чтобы море сдѣлать пѣшеходнымъ, а сушу мореходной (*),

какъ желалъ этого, по свидѣтельству историковъ, варваръ Ксерксъ? Почему же не возстаете вы вообще противъ всѣхъ заповѣдей? Творцомъ же міра вѣдь изречено и это опредѣленіе: *Плодитесь и размножайтесь* (Быт. I, 28; IX, 1), и вы, противоборствующіе Творцу, должны бы воздержаться отъ плотскихъ дѣлъ. И такъ какъ Онъ же говоритъ: *Вотъ Я все далъ вамъ въ пищу* (Быт. I, 29; IX, 2, 3) и въ ваше удовольствіе, то вы ничѣмъ изъ этого не должны были бы пользоваться, ото всего отказаться. А и когда Онъ говоритъ: *Око за око* (Исх. XXI, 24), то вы не должны были бы отвѣчать на нападеніе и на ударъ сопротивленіемъ и отпоромъ. И когда Онъ укравшему какое либо изъ четвероногихъ животныхъ повелѣваетъ возвратить оное хозяину, вамъ не слѣдовало бы отдавать его (Исх. XXII, 1), напротивъ придать вору еще что нибудь. Подобнымъ образомъ если вы отказываетесь повиноваться этой заповѣди: *Возлюбиши Господа* (Втор. VI, 5), то вы не должны были бы любить и Бога вселенной. И когда Онъ говоритъ вамъ: *Не дѣлай ни ваяныхъ кумировъ ни литыхъ* (Втор. XXVII, 15), то вамъ нужно было бы быть послѣдовательными и покланяться и рѣзнымъ. И ужели вы не нечестивцы, когда Творцу, какъ сами говорите, противитесь, а распутнымъ женщинамъ и любодѣямъ соревнуете? Неразумные! Ужели вы не понимаете, что чрезъ это вы лишь возвышаете могущество того самаго Бога, котораго слабымъ считаете? Потому что это Его вѣдь воля исполняется, а не воля того благаго Бога, котораго вы признаете своимъ Богомъ. Напротивъ не обнаруживаются ли вами чрезъ это безсиліе и ничтожество вашего Отца, какъ вы своего Бога называете?

Эти еретики еще оттуда и отсюда набираютъ пеструю смѣсь разныхъ пророческихъ изреченій, неудачно сливаютъ ихъ и склеиваютъ между собою и принимаютъ въ буквальномъ значеніи то, что было сказано аллегорически. Писано, говорятъ они: *Они противились Богу и были спасены* (Мал. III, 15). Иные же прибавляютъ къ слову *Богу* еще эпитетъ «безстыдному,» (ἀναιδῆς, impudens, безсовѣстный) и затѣмъ изреченіе это со лживой въ него вставкой они выдаютъ за совѣтъ будто бы имъ данный и за заповѣдь чрезъ противоборство Творцу достигать спасенія. Но прежде всего нигдѣ не написано: *Богу* «безстыдному». Но если только нѣтъ въ текстѣ искаженія, то подъ «безстыднымъ», о безразсудные, вы разумѣете такъ называемаго діавола или потому, что онъ клеветникъ (*) на человѣка или потому, что онъ обольститель грѣшниковъ или потому, что онъ вѣроотступникъ.

Возстановимъ истинное значеніе сего изреченія. Народъ, къ которому оно относится, съ прискорбіемъ и слезами перенося наказаніе

(*) Изъ «Кассандры» Ликофрона ст. 1414.— Герод. VII, 35; Ѳук. IV; Арріанъ въ кн. V и др.

(*) Срав. сіе же словопроизводство у св. Іустина въ «Увѣщ. къ Элл.»

за свои грѣхи, ропталь, какъ передается намъ въ семъ изреченіи свящ. Писанія, на то что другіе народы не бываютъ наказываемы за свои беззаконія, между тѣмъ какъ съ нихъ за всякое прегрѣшеніе взыскивается строго. Оттуда это слово Іереміи: *Почему нечестивые благоденствуютъ на путяхъ своихъ* (Іер. XII, 1)? Подобно сему и выше приведенное изреченіе Малахіи: *Они сопротивлялись Богу и были спасены*. Пророки, будучи вдохновляемы Богомъ, не довольствовались простымъ провозглашеніемъ истины, получавшейся свыше, но, передавая ропотъ и жалобы народа, вносили въ свои писанія еще и возраженія, съ какими люди обращались къ Господу. Именно къ такого рода изреченіямъ принадлежитъ и вышеприведенное. Апостолъ, имѣя въ виду этого рода еретиковъ, въ своемъ посланіи къ Римлянамъ пишетъ: *Нѣкоторые злословятъ насъ и говорятъ будто мы такъ учимъ: Сдѣлаемъ зло, чтобъ вышло добро. На таковыхъ судъ праведный* (Рим. III, 8). Они, при чтеніи Писанія измѣняя голосъ, измѣняютъ въ угоду своему любострастію и смыслъ даннаго мѣста. Они же чрезъ перестановку акцентовъ и нѣкоторыхъ знаковъ препинанія толкуютъ въ пользу своего сладострастія заповѣди, исполненныя мудрости и пользы. *Вы прогнѣвляете Бога рѣчами вашими*, говоритъ Малахія; *и говорите: «Чѣмъ мы прогнѣвляемъ Его? Всякій дѣлающій зло хорошъ предъ очами Господа. Вотъ къ кому Онъ благоволитъ. И гдѣ правосудіе Божіе»* (Мал. II, 17)?

5. Различеніе двоякаго рода еретиковъ и опроверженіе тѣхъ изъ нихъ, кои провозглашаютъ, что все всѣмъ позволительно.

Чтобъ не скрестись больше въ этой гнилой почвѣ, мы пройдемъ молчаніемъ большую часть еретическихъ нелѣпостей. Не считаемъ за необходимое входить въ разборъ всѣхъ частностей этого рода сумозбродства. Да и наблюденіе благопристойности насъ не допускаетъ до сего. Кромѣ того и сіи «Памятныя Записки» наши отъ обсужденія всѣхъ мелочей слишкомъ уже растянулись бы. Уклоняясь отъ всѣхъ этихъ неудобствъ, мы раздѣлимъ всѣ ереси на два класса и такъ освѣтимъ ихъ. И дѣйствительно онѣ или своевольство проповѣдуютъ и независимость отъ всякаго рода порядковъ и уставовъ; или же, выступая изъ правой мѣры, проповѣдуютъ воздержность по мотивамъ нечестія и сварливости. Скажемъ сначала о первомъ классѣ еретиковъ.

Если позволительно избирать родъ жизни какой кому угодно, то ясно, что можно выбирать и родъ жизни воздержный; и если всякій родъ жизни вѣренъ, лишь бы только дѣйствительно онъ былъ выбранъ человѣкомъ. то очевидно, что жизнь воздержная и добродѣтельная тѣмъ надежнѣе. Потому что если «господину субботы» дано право никому не давать отчета въ жизни распущенной, то ведущій себя прилично значитъ тѣмъ паче можетъ не давать никому отчета въ своемъ поведеніи. Ибо *хотя и все позволено, но не все полезно*, говоритъ Апостолъ (1 Кор VI, 13; V, 23). Если же все позволено, то ясно, что и быть умѣреннымъ и воздержнымъ позволено. Итакъ достоинъ похвалы и воспользовавшійся своей свободой для жизни добродѣтельной; тѣмъ большаго почтенія и поклоненія достоинъ Тотъ, который далъ намъ полныя свободу и власть надъ самими собой и позволилъ жить какъ хотимъ, не пожелавши, чтобы при выборѣ одного образа жизни и уклоненіи отъ другаго мы были подневольными рабами. Но хотя и одинаковое право на выборъ имѣетъ и тотъ и другой, и тотъ кто воздержность предпочитаетъ и тотъ кто невоздержность находитъ себѣ болѣе по нраву, то все-же достоинство и пристойность и того и другаго образа жизни еще отнюдь не одинаковы. Плотоугодникъ путается въ доставленіи пріятностей своему тѣлу, между тѣмъ какъ человѣкъ воздержный освобождаетъ отъ страстей свою душу, властительницу тѣла.

Мы призваны къ свободѣ, говоритъ Апостолъ. Но кто же и отрицаетъ это? *Будемъ наблюдать* только, говоритъ тотъ же Апостолъ, *чтобы эта свобода не была поводомъ къ угожденію плоти* (Гал. V, 13). Но если нашему пожеланію ни въ чемъ отказывать не слѣдуетъ и

жизнь безславную если считать должно дѣломъ безразличнымъ, какъ утверждаютъ это еретики, то что изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ значитъ безразсудно отдаваться всѣмъ нашимъ пожеланіямъ. А если это такъ, то можно значитъ доходить и до послѣднихъ крайностей преступности и растлѣнія, слѣдуя стопамъ нашихъ совѣтниковъ. Или отъ исполненія нѣкоторыхъ изъ нашихъ пожеланій мы можемъ значитъ и уклоняться: и тогда та или иная жизнь дѣло значитъ вовсе не безразличное, и слѣдовательно не льзя намъ быть робкими ласкателями нашего трупа (*), состоя безстыдными рабами нисшихъ и презрѣннѣйшихъ частей тѣла и тѣхъ, при названіи коихъ мы краснѣемъ. Ибо чрезъ удовлетвореніе пожеланій сладострастіе питается и оживляется, точно такъ же какъ отъ недостатка этого рода пищи оно чахнетъ и гаснетъ. Статочное ли слѣдовательно дѣло, чтобы побѣждаемый тѣлеснымъ сладострастіемъ уподоблялся Господу или о Богѣ имѣлъ понятіе? Началомъ всякаго сладострастія состоитъ пожеланіе, а пожеланіе есть мука и безпокойство, происходящія отъ нѣкотораго недостатка. Вотъ почему тѣ, кои признаютъ его началомъ своего поведенія, какъ говорится,

Вдобавокъ къ безчестью испытываютъ еще тысячи бѣдъ,

такъ какъ и въ настоящемъ и въ будущемъ накликаютъ на себя зло (Одис. XVIII, 72). Итакъ если *все позволительно* и еслибъ не нужно было бояться за наши дурныя дѣла быть отлученными отъ надежды, тогда еретики быть можетъ еще имѣли бы нѣкоторый предлогъ погружаться въ безстыдство и безчинство. А такъ какъ жизнь блаженная указана намъ во внимательности къ Божественнымъ заповѣдямъ, при общемъ послѣдованіи которымъ ничто не должно быть толкуемо превратно, ниже порицаемо что, хотя бы то была и малость какая, то значитъ слѣдуетъ идти туда, куда Логосъ поведетъ; потому что отпаденіе отъ Него равносильно было бы безотмѣнному погруженію въ вѣчное зло (Одис. XII, 18); тогда какъ слѣдованіе Божественному Писанію, руководясь которымъ всѣ вѣрующіе приходятъ къ Господу, собой означаетъ, насколько то возможно, уподобленіе Богу. Изъ этого слѣдуетъ, что (никакая тварь не можетъ жить безъ закона и устава и что) дѣло далеко не безразличное жить такъ или иначе, что напротивъ всемѣрно должно стараться объ очищеніи себя отъ плотскихъ увлеченій и пожеланій и хранить свою душу, пребывая оною въ единомъ Богѣ. Ибо духъ чистый, порочностью не загрязненный, по истинѣ святилище есть, освященное возрастаніемъ въ немъ образа Божія; человѣкъ проникается при семъ свойствомъ нѣкіимъ Божественнымъ. *И всякій, кто имѣетъ сію надежду на Него, себя очищаетъ, такъ какъ Богъ чистъ* (1 Іоан. III, 3). Для одержимыхъ же страстями знаніе и познаваніе Бога дѣло невозможное, а не знающимъ Бога невозможно приближаться и къ полному совершенству. Незнаніе Бога есть причина, что невѣдущій не движется къ сей цѣли; и именно за это незнаніе онъ и несетъ въ семъ застоѣ своемъ осужденіе. Ибо откуда происходитъ незнаніе Бога? Отъ образа жизни, какой мы ведемъ. Не можетъ быть, невозможно, чтобы человѣкъ разсудительный, знающій и помнящій Бога не стыдился и не краснѣлъ предъ дѣлами плотскими. А у васъ выходитъ иначе; по вашему «сладострастіе есть дѣло хорошее». Но какъ же это положеніе согласить съ другимъ, что «добромъ можетъ быть только то, что прекрасно и честно»? Какъ же у васъ все это такъ? Или какимъ же это образомъ ваше опредѣленіе сладострастія можетъ быть согласовано съ этимъ: «Только одинъ Богъ прекрасенъ; одинъ Онъ благъ и достолюбезенъ»?

Это *во Христѣ вы обрѣзаны обрѣзаніемъ нерукотворнымъ, совлеченіемъ грѣховнаго тѣла плоти, обрѣзаніемъ Христовымъ* (Кол. II, 11). *Итакъ если вы воскресли со Христомъ, то ищите горняго, помышляйте о горнемъ, а не о земномъ, ибо вы умерли и ваша жизнь сокрыта со Христомъ въ Богѣ* (Кол. III, 1—3). И эта жизнь не есть жизнь сладострастія, которую ведутъ еретики.

(*) Или «мертвеца». Такъ писатель выше, въ гл. 4-й, называетъ человѣческое тѣло.

Умерщвляйте члены земнаго вашего человѣка: сладострастіе, распутство, неблагопристойныя страсти и злыя пожеланія; это преступленія, навлекающія на себя гнѣвъ Божій. Отложите гнѣвъ, неистовство, мстительность, злословіе; изгоните сквернословіе изъ устъ своихъ. Совлекайтесь ветхаго человѣка съ его пожеланіями, а облекайтесь въ новаго, который по познаніи истины обновляется по образу Создавшаго его (Кол. III, 5—10).

Поведеніе извѣстнаго человѣка обнаруживаетъ собой содержаніе имъ извѣстныхъ заповѣдей. Каковы рѣчи, такова и жизнь (*). По плодамъ познается дерево (Мѳ. XII, 33), а не по листьямъ и не по сучьямъ. Итакъ знаніе и памятованіе о Богѣ обнаруживается въ плодахъ и въ поведеніи, а не въ рѣчахъ и блесткахъ ихъ. И изъ познанія мы не дѣлаемъ слова безплоднаго и пустаго, а науку Божественную, обращенную на дѣятельность. И свѣтъ познанія, нисходящій въ душу вслѣдствіе послушанія Божественнымъ заповѣдямъ, изнутри такого человѣка проникаетъ и наружу: онъ дѣлаетъ для человѣка возможнымъ самопознаніе и показываетъ ему путь, коимъ онъ долженъ итти для обладанія Богомъ (для устроенія въ себѣ царства Божія чрезъ подчиненіе всего своего образа мыслей и дѣйствій волѣ Божіей). Чѣмъ служитъ глазъ для тѣла, тѣмъ же состоитъ познаніе (гносисъ, мудрость, дѣятельное знакомство съ высшими принципами жизни) для души; и пусть не говорятъ еретики, что свобода состоитъ въ рабскомъ служеніи сладострастію; это значило бы хвалить сладость желчи. Мы научены, что единственно истинная свобода есть та, которою Богъ насъ даритъ, освобождая насъ отъ сладострастія, злыхъ пожеланій и иныхъ смятенныхъ состояній души. *Кто говоритъ: «я познал Его», а заповѣдей Его не соблюдаетъ, тотъ лжецъ и истины въ немъ нѣтъ*, говоритъ Іоаннъ (1 Іоан. II, 4).

6. Опровержение втораго рода еретиковъ, практикующихъ воздержаніе по злобѣ на Творца.

Перехожу къ другому роду еретиковъ, своимъ пресловутымъ воздержаніемъ оскорбляющихъ и тварь и достохвальнаго Творца, единаго Вседержителя Бога. Они ни въ бракъ не вступаютъ, ни рожденія дѣтей не одобряютъ, уча что не слѣдуетъ поставлять въ мірѣ на своемъ мѣстѣ другія существа, имѣющія быть столь же несчастными и послужить лишь пищей смерти. Имъ противупоставимъ мы слѣдующее. И во-первыхъ слово Апостола Іоанна: *И теперь появилось много антихристовъ. Отсюда познаемъ мы, что настаетъ послѣднее время. Они вышли изъ нашей среды, но не были наши; потому что еслибы они были наши, то остались бы съ нами* (1 Іоан. II, 18, 19).

Потомъ положенія ихъ лживаго ученія могутъ быть ниспровергнуты и разрушены еще слѣдующими соображеніями. Саломіи, спрашивавшей: «До коихъ поръ будетъ длиться власть смерти», Господь отвѣчалъ: «Доколѣ вы женщины будете рождать» (*). Жизнь и тварь слѣдовательно не суть что либо злое и дурное. Спаситель въ семъ даетъ намъ какъ бы пальцами осязать естественную послѣдовательность вещей: за рожденіемъ де слѣдуетъ и смерть всеконечно. Поэтому-то законъ и поставляетъ себѣ цѣлью отклонять насъ отъ всякаго рода чувственныхъ пріятностей и безпорядочности. Его намѣреніе чрезъ упроченіе между нами благопристойныхъ браковъ, рожденія законныхъ дѣтей и трезвеннаго, умѣреннаго образа жизни приводить насъ отъ лживости предъ совѣстью и правдой къ правотѣ и истинѣ. Господь *пришелъ не нарушить законъ, а исполнить* (Мѳ. V, 17). *Исполнить*. Но не то это значитъ, какъ еслибы законъ въ чемъ либо ошибоченъ былъ, а то, что съ пришествіемъ Христа пророчества о Немъ закона исполнились. И дѣйствительно Онъ, Логосъ, хвалилъ правыя и святыя установленія жизни предъ тѣми самыми людьми, кои и до закона жили законосообразно. Большинство людей, не вѣдущихъ, что такое воздержаніе, слѣдовательно живутъ

(*) Срав. подъ конецъ «Увѣщанія».

(*) Это слово Христа Господа снова приводится въ Excerp. e Theod. и ниже въ гл. 9. Въ послѣднемъ мѣстѣ писатель свидѣтельствуетъ, что оно заимствуется имъ изъ Евангелія Египтянъ.

жизнью плотской, а не духовной и разумной; а безъ духа что такое представляетъ тѣло? Не иное что какъ землю и пыль. И такой духовности Господь требуетъ отъ нашей жизни, что уже мысль нечистую объявляетъ заискиваніемъ склонности преступной (Мѳ. V, 18). Ибо что? Ужели не льзя въ брачныхъ отношеніяхъ наблюдать воздержность и не посягать на *разлученіе того, что Богъ сочеталъ* (Мѳ. XIX, 6; Мк. X, 9)? А разорители брака именно этому и учатъ, давая симъ поводъ язычникамъ безчестить и хулить имя христіанское (Іак. II, 7; Рим. II, 24). И такъ какъ брачное общеніе, по сужденію этихъ еретиковъ, есть дѣло преступное и нечестивое, то и сами они, плодъ брачнаго общенія, слѣдовательно суть гнусные злодѣи, отвратительные плуты и мерзкіе нечестивцы (*). Какъ же иначе? Мнѣ же напротивъ думается, что свято и сѣмя освященныхъ, зародышъ, изъ котораго они произошли. У насъ, христіанъ, дѣйствительно не только духъ, но и нравы и жизнь и тѣло должны быть освящаемы. Иначе въ какомъ же смыслѣ и для какой иной цѣли Апостолъ сказалъ, что *жена мужемъ освящается, а мужъ женой* (1 Кор. VII, 14)? Иначе, т. е. безъ сего взаимнаго освященія супругами другъ друга, что значилъ бы и отвѣтъ Господа спрашивавшимъ Его касательно развода: *Слѣдуетъ ли разводиться съ женою, какъ позволилъ то Моисей? По жестокосердію вашему*, сказалъ Господь, *написалъ Моисей это. Не читали ли вы, что первосотворенному человѣку Богъ сказалъ: И вы двое будете плотью одной, такъ что кто разведется съ женою своею не за преступное сисканіе преступной склонности другаго мущины, тотъ самъ отпускаетъ ее искать такой склонности* (Мѳ. XIX, 3 и д.; Мк. X, 2 и д.) *Но послѣ воскресенія*, прибавляетъ Господь, *ни мущины не будутъ жениться, ни женщины замужъ выходить* (Мѳ. XXII, 30; Мк. XII, 23; Лк. XX, 35). Ибо и о чревѣ и о пищѣ сказано: *Пища для чрева, а чрево для пищи, но Богъ упразднитъ и то и другое* (1 Кор. VI, 13). Апостолъ порицаетъ здѣсь тѣхъ, кои жизнь на манеръ свиней и козловъ находятъ достойной себя и осуждаетъ спокойное съ заглушеніемъ голоса совѣсти погруженіе въ объяденіе и утопаніе въ животныхъ вожделѣніяхъ.

Но «воскресеніе въ нихъ, говорятъ еретики, уже совершилось (*); поэтому де они и отвергаютъ бракъ». Если такъ, то пусть перестанутъ они вмѣстѣ съ тѣмъ и ѣсть и пить. ибо Апостолъ сказалъ, что *въ воскресеніи отмѣнены будутъ и чрево и пища*. Не имѣютъ они послѣ сего права ни ѣсть ни пить, ни прочимъ плотскимъ вожделѣніямъ послаблять, коихъ отнюдь и не позволитъ себѣ вѣрующій, достигшій во Христѣ полнаго воскресенія, цѣли нашихъ надеждъ. И что я говорю? Самые идолопоклонники, даже и тѣ наблюдаютъ воздержность въ пищѣ и въ чувственныхъ усладахъ. Тѣмъ болѣе *царство Божіе не есть пища и питье*, говоритъ Апостолъ (Рим. XIV, 17). Извѣстно, что и маги, покланяющіеся ангеламъ и демонамъ, придаютъ большое значеніе своему воздержанію отъ вина, мяса и дѣлъ нисшей жизни животной. А подобно тому какъ *смиренномудріе состоитъ въ кротости, а не въ небрежномъ отношеніи къ тѣлу* (Кол. II, 23), точно

(*) Тѣмъ же аргументомъ поражаетъ Маркіонитовъ, отрицавшихъ бракъ, и Тертулліанъ «Противъ Маркіона» подъ конецъ кн. I.

(*) Такимъ образомъ нѣкоторые еретики временъ Климента утверждали тоже, что и жившіе во времена Апостола Павла, что воскресеніе уже было, 2 Тим. II. 18. Такъ еще Менандръ училъ, что воскресаютъ его ученики въ крещеніи; и вслѣдствіе сего по ту сторону гроба не могутъ умереть, но пребываютъ не старѣющимися и безсмертными. Такъ передаютъ его ученіе св. Ириней I, 21 и Тертулліанъ «О душѣ», 50. Въ другомъ своемъ твореніи «О воскресеніи», 19, Тертулліанъ опять упоминаетъ, что подъ воскресеніемъ должно быть разумѣемо оживотвореніе и возрожденіе въ Богѣ, по принятіи истиннаго ученія, а по разсѣяніи въ себѣ тьмы невѣдѣнія, или иначе, по востаніи изъ гробницы ветхаго человѣка. Потомъ подъ воскресеніемъ послѣдователей Господа нужно де разумѣть облеченіе въ Него въ крещеніи».

такъ же и воздержность есть добродѣтель душевная, заявляющая себя не столько вовнѣ, сколько въ совѣсти и сокровенномъ состояніи духа.

Есть еретики, бракъ прямо называющіе дѣломъ незаконнымъ и учащіе, что это учрежденіе діавольское. Будучи надутыми бахвалами, они утверждаютъ о себѣ, что подражаютъ Господу, который оставался де безбрачнымъ и не владѣлъ на землѣ никакой собственностью; и они похваляются, что лучше всѣхъ остальныхъ христіанъ выразумѣли Евангеліе. Но Писаніе отвѣчаетъ имъ: *Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать* (Притч. III, 34; Іак. IV, 6; 1 Петр. V, 5). За тѣмъ они не вникаютъ въ причину, почему Господь оставался безбрачнымъ. Во первыхъ Его невѣстой была церковь. Потомъ Онъ не былъ обыкновеннымъ человѣкомъ, чтобы по плоти нуждаться въ какой либо помощницѣ. И дѣтей Ему не было необходимости имѣть, Ему, который живетъ вѣчно и есть единородный Сынъ Божій. Но сей самый Господь говоритъ: *Что Богъ сочеталъ, человѣкъ да не разлучаетъ* (Мѳ. XIX, 6; Мк. X, 9). И еще: *А какъ было во дни Ноя, когда женились и замужъ выходили и домы строили, садили; и какъ было во дни Лота: такъ будетъ и пришествіе Сына человѣческаго* (Мѳ. XXIV, 37; Лк. XVII, 28). И показывая, что это относится не къ язычникамъ, Онъ добавляетъ: *Но Сынъ человѣческій пришедши найдетъ ли вѣру на землѣ* (Лк. XVIII, 8)? И опять: *Горе беременнымъ и питающимъ сосцами въ тѣ дни* (Мѳ. XXIV, 19; Мк. XIII, 17; Лк. XXI, 23). Но и сіе сказано аллегорически. Посему Онъ и *времени* не опредѣляетъ, *которое Отецъ положилъ въ своей власти* (Дѣян. I, 7), симъ сказывая, что міръ имѣетъ существовать изъ рода въ родъ.

Что же касается сего отвѣта Господа: *Не всѣ вмѣщаютъ слово это, ибо есть скопцы, которые изъ чрева матерняго родились такъ; и есть скопцы, которые оскоплены отъ людей; и есть скопцы, которые сами себя сдѣлали скопцами для царства небеснаго: кто можетъ вмѣстить да вмѣститъ*, то еретики не обращаютъ вниманія на то, что это изреченіе: *Не всѣ вмѣщаютъ слово это, но кому дано*, Имъ произнесено только послѣ запрещенія развода, ибо нѣкоторые Ему говорили: *Если такова обязанность мужа къ женѣ, то лучше не жениться* (Мѳ. XIX, 10, 11). Спрашивавшіе Господа о разводѣ хотѣли отъ Него узнать, позволяетъ ли Онъ жениться на другой, если первая жена была изобличена въ снисканіи преступной склонности другаго мужчины и нарушеніи вѣрности къ супругу и за сіе была бы изгнана изъ дома.

Говорятъ, что многіе изъ атлетовъ воздерживались отъ поблажки плотскимъ сношеніямъ (*) изъ желанія чрезъ гимнастическія упражненія достигнуть самообладанія. Къ числу такихъ атлетовъ относится Астюлъ Кротонянинъ и Крисонъ Гимереянинъ. Амэйбей, игрокъ на киѳарѣ (**), и послѣ брака на молодой женщинѣ, воздерживался отъ сношеній съ ней (***). Киренаикъ Аристотель былъ единственный въ свое время человѣкъ, отвергшій ласки Лаисы (****). Онъ поклялся этой гетэрѣ, что увезетъ ее въ отечество, если только она его поддержитъ нѣсколько въ одномъ его

(*) Евстаѳій въ схоліяхъ на XXIV пѣснь Иліады замѣчаетъ, что «атлеты во все время состязаній non admittebantur ad coeundum cum feminis.— Горацій «О поэтическ. искуствѣ» ст. 412: «Молодой человѣкъ, стремящійся достигнуть на ристалищѣ намѣченной цѣли, предварительно многое переноситъ и исполняетъ, много поту съ него сходитъ и много онъ мерзнетъ, а также abstinuit venere et vino».

(**) О Крисонѣ Платонъ упоминаетъ въ «Протагорѣ»; въ твореніи же своемъ «О законахъ», кн. VIII, между атлетами abstinentibus se a rebus venereis онъ перечисляетъ Криссона, Астюла и Діопомпа. Астюлъ, воспитанникъ Пиѳагора, пробѣгалъ заразъ три олимпійскихъ стадіи и еще двойную стадію. Амэйбей киѳароидъ за пѣніе выручалъ въ нѣкоторые дни по таланту.

(***) Эліанъ «Различ. исторіи» III, 30.

(****) Эліанъ тоже повѣствуетъ объ Евбатѣ киринеянинѣ (Различ. истор. X, 2).

дѣлѣ съ противниками; и послѣ того какъ она оказала ему въ семъ свое содѣйствіе, онъ придумалъ такую замысловатую хитрость, чтобъ сдержать свое слово. Онъ заказалъ точнѣйшій портретъ съ этой куртизанки и съ симъ портретомъ уѣхалъ въ Кюрену. Это передаетъ Истръ въ своемъ сочиненіи «Объ особенностяхъ гимнастическихъ состязаній». Цѣломудріе слѣдовательно не составляетъ еще добродѣтели, если оно не было внушено любовью къ Богу (*). Уже блаженный Павелъ говоритъ о ненавистникахъ брака: *Впослѣдствіи времени отступятъ нѣкоторые отъ вѣры, слѣдуя духамъ обольстительнымъ и ученіямъ бѣсовскимъ, запрещающимъ вступать въ бракъ и воздерживаться отъ разныхъ родовъ пищи* (1 Тим. IV, 1, 3). Онъ же говоритъ еще: *Никто да не обольщаетъ васъ самовольнымъ смиренномудріемъ и безпощадностью къ тѣлу* (Кол. II, 18, 23). И опять говоритъ тотъ же Апостолъ: *Соединенъ ли ты съ женою? Не ищи развода. Остался ли безъ жены? Не ищи жены* (1 Кор. VII, 27). И снова: *Каждый имѣй свою жену, чтобъ не искушалъ васъ сатана* (1 Кор. VII, 2, 5).

Но что? Древніе праведники развѣ не пользовались съ благодарностью своею частью изъ вещей сотворенныхъ? Одни изъ нихъ въ бракѣ благопристойномъ и отъ неумѣренныхъ любострастныхъ вожделѣній свободномъ рождали дѣтей. Или носили пищу, хлѣбъ и мясо, вороны (3 Царствъ XVII, 6). Пророкъ Самуилъ угощалъ Саула лопаткой, отложенной изъ того, что самъ онъ съѣлъ (1 Царствъ IX, 24). А эти высокомѣры, образомъ своей жизни и поведенія, мнятся превзойти и сихъ праведниковъ. Но они не могутъ и идти въ сравненіе съ ними. Итакъ *кто ѣстъ, не унижай того кто не ѣстъ; и кто не ѣстъ, не осуждай того, кто ѣстъ, потому что Богъ принялъ его* (Рим. XIV, 3). Но и Господь самъ о себѣ говоритъ: *Пришелъ Іоаннъ, ни ѣстъ, ни пьетъ; и говорятъ: въ немъ бѣсъ. Пришелъ Сынъ человѣческій, ѣстъ и пьетъ; и говорятъ: вотъ человѣкъ, который любитъ ѣсть и пить вино, другъ мытарямъ и грѣшникамъ* (Мѳ. XI, 18, 19).

Осудятъ ли сіи люди и Апостоловъ? Петръ и Филиппъ имѣли дѣтей. Филиппъ своихъ дочерей даже и замужъ выдалъ (*). Павелъ въ одномъ изъ своихъ посланій (Филип. IV, 3) не боится обращаться къ своей супругѣ (**), которой онъ не водилъ вездѣ съ собою по причинѣ поспѣшности и чтобъ имѣть больше свободы, которыхъ требовало его служеніе (***). И въ другомъ посланіи не говоритъ ли онъ: *Или мы не имѣемъ власти имѣть спутницею сестру жену. Какъ и прочіе Апостолы* (1 Кор. IX, 5)? Эти послѣдніе,— что было и естественно,— чтобъ не разсѣеваться и чрезъ необходимость возвращаться не отрываться отъ своего служенія, т. е. прилежа къ дѣлу благовѣствованія *безъ развлеченія* (1 Кор. VII, 25), всюду водили съ собой своихъ женъ, но не въ каче-

(*) Срав. Стром. IV въ концѣ гл. 22.

(*) Дѣян. XXI, 8, 9. Но здѣсь говорится не объ Апостолѣ Филиппѣ, одномъ изъ двѣнадцати, а о Филиппѣ, одномъ изъ семи діаконовъ. Климентъ Апостоломъ называетъ *благовѣстника*.

(**) Въ цитованномъ мѣстѣ стоитъ: *Ей, прошу тебя, «искренній сотрудникъ», помогай имъ*, что относится къ Синтихіи. У древнихъ Эллиновъ, особенно у Аѳинянъ, принято было иногда и къ женщинамъ обращаться въ мужес. родѣ, чему примѣровъ много и у Гомера. Подобно сему и у насъ «членомъ» того или другаго общества называютъ и женщинъ. Соотвѣтственно сему напр. въ Constit. apostol. III, 15 пастыри древней церкви обращаются и къ женщинамъ, т. е. прилагательное ставя въ мужеск. родѣ. Вотъ основаніе, почему нашъ писатель считаетъ св. Павла женатымъ на Синтихіи. Писавшіе объ Апостолѣ Павлѣ и до сихъ поръ на сей счетъ разномыслятъ. Срав. напр. и у Фаррара въ «Жизнь и труды св. Апостола Павла». Древнецерковное же преданіе почти единогласно высказывается за постоянное безбрачіе Апостола. Мѣсто въ посл. св. Игнатія къ Филадельфійцамъ, гл. 4, повидимомому тоже говорящее о брачной жизни Апостола, несомнѣнно въ этой части интерполировано.

(***) Срав. въ Стром. IV, 15.

ствѣ супругъ, а въ званіи сестеръ (*), которыя имѣли обязанность благовѣствовать Евангеліе женщинамъ, державшимся въ домахъ; и при ихъ-то посредствѣ ученіе Господа проникало и на женскія половины домовъ; а Апостоловъ самихъ недоброжелательство не могло послѣ этого порочить или же противъ нихъ возбуждать несправедливыя подозрѣнія (**). Ибо и изо 2-го посланія къ Тимоѳею мы знаемъ, какія наставленія славный Павелъ преподалъ самимъ діакониссамъ. Впрочемъ онъ и прямо восклицаетъ: *Царство Божіе не состоитъ ни въ пищѣ ни въ питьѣ*, ниже въ воздержаніи отъ вина и мяса, *но въ праведности и мирѣ и радости, даруемыхъ Святымъ Духомъ* (Рим. XIV, 17). Кто изъ этихъ еретиковъ ходитъ всюду, прикрытый бараньей шкурой и подпоясавшись кожанымъ поясомъ, какъ Илія (3 Царствъ XIX, 13, 19; 4 Царствъ I, 8; XIII, 14)? Кто же изъ нихъ оказывается одѣтымъ по голому тѣлу во власяницу, а на ногахъ не имѣющимъ никакой обуви, какъ Исаія? Кто лишь льняное опоясаніе носитъ какъ Іеремія? Кто изъ нихъ въ образѣ жизни, достойномъ подлинно лишь высшаго мудреца (гностика), подражаетъ Іоанну? Но и такъ скудно живя, блаженные сіи пророки возсылали лишь благодаренія Создателю. Карпократа же мнимая праведность и тѣхъ, кои подобно ему проповѣдуютъ похабную коммуну, въ прахъ распадается отъ слѣдующихъ словъ Господа. Говоря: *Просящему у тебя дай* (Лк. VI, 30), Онъ тотчасъ же прибавляетъ: *и отъ хотящаго занять у тебя не отвращайся* (Мѳ. V. 42). Симъ внушаетъ Онъ обязанность милостыни, а не коммуну гнусную и распутную учреждаетъ. Да и какимъ это образомъ будутъ еще встрѣчаться въ обществѣ просящіе, получающіе, взаймы дающіе, когда не будетъ въ немъ ни собственниковъ, ни заимодавцевъ, ни кредиторовъ? Что? Говоря: *Алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли Меня; былъ нагъ, и вы одѣли Меня*, Господь не добавляетъ ли: *Поелику вы сдѣлали сіе одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то Мнѣ сдѣлали* (Мѳ. XXV 35, 36. 40)?

Но не тѣли же самые законы существовали и въ ветхомъ завѣтѣ? *Благотворящій бѣдному даетъ взаймы Господу* (Притч. XIX, 17). Тотъ же Соломонъ говоритъ: *Не отказывай въ благодѣяніи нуждающемуся* (Притч. III, 27). И еще: *Милость и вѣра пусть не оставляютъ тебя* (Притч. III, 3). *Бѣдность* же напротивъ *мужа принижаетъ, а только руки прилежныхъ богатѣютъ* (Притч. X, 4). Все-же относительно способовъ пріобрѣтенія богатствъ Писаніе добавляетъ: *Сребра своего кто не даетъ въ лихву, бываетъ тотъ пріятенъ* (Пс. XV, 5; Іез. XVIII, 8). *Здравіе душевное, вотъ истинное богатство человѣка* (Притч. XIII, 8).

Не открывается ли отсюда со всей очевидностью, что по подобію физическаго міра, слагающагося изъ противуположностей, тепла и холода, влаги и суши, и міръ нравственный тоже составляется изъ людей, одни изъ которыхъ даютъ, а другіе получаютъ? И говоря: *Если хочетъ совершеннымъ быть, то продай имѣніе твое и роздай бѣднымъ*, Господь не пристыждаетъ ли хваставшагося исполненіемъ всѣхъ заповѣдей отъ юности, а этой заповѣди *Возлюбиши ближняго своего какъ самого себя* (Мѳ. XIX, 16; Мк. X, 17; Лк. XVIII, 18), оказавшагося еще не исполнившимъ? Будучи же Господомъ наставленъ, какъ достигнуть совершенства, онъ учится давать бѣднымъ въ духѣ милосердія и любви. Богатство собою представляетъ нѣчто прекрасное и добиваться богатства Господь не запретилъ; только пріобрѣтеніе богатствъ путями несправедливыми Онъ запретилъ и ненасытимость въ богатствѣ. *Богатство, собираемое съ беззаконіемъ, умаляется и исчезаетъ* (Притч. XIII, 11) (*) *Есть люди разсѣвающіе свои богатства и чрезъ то ихъ лишь увеличивающіе; и опять есть другіе сберегающіе ихъ и чрезъ то ихъ лишь умень-*

(*) Срав. Стром. VI въ гл. 12.

(**) На этотъ счетъ см. постановленіе въ Constit. apost. III, 15.

(*) Срав. въ «Педагогѣ» III, 12.

шающіе (Притч. XI, 24). О первыхъ написано: *Разсыпалъ, роздалъ бѣднымъ; праведность его передается изъ вѣка въ вѣкъ* (Пс. CXI, 9). Богатства разсѣевающимъ и чрезъ это оныя лишь умножающимъ состоитъ тотъ, кто чрезъ милосердіе блага земли и временныя вымѣниваетъ на блага небесныя и вѣчныя. Но есть инаго рода люди, рука коихъ никогда не открывается для бѣдняка; попусту они свои *сокровища въ землю закапываютъ, гдѣ моль и ржа ихъ истребляютъ* (Мѳ. VI, 19). О нихъ написано: *Собираютъ они плату, но для дыряваго кошелька* (Агг. I, 6). *Сего поле*, говоритъ Господь въ Евангеліи, *дало обильный урожай*. Потомъ Господь представляетъ богача пожелавшимъ собрать плоды и мечтающимъ, какъ онъ выстроитъ болѣе обширныя житницы и потомъ скажетъ самому себѣ: *Много добри лежитъ у тебя на многіе годы; пьшь, пей, веселись.—Безумный*, говоритъ Господь, *въ сію ночь душу твою возьмутъ у тебя; то же, что ты заготовилъ, кому достанется* (Лк. XII, 16—20)?

7. Превосходство христіанскаго воздержанія предъ усвояемымъ себѣ философами (мірскими мудрецами).

Итакъ человѣческое воздержаніе, какъ оно изображается у философовъ,—я разумѣю философовъ эллинскихъ,—состоитъ въ противустояніи чувственнымъ пожеланіямъ до борьбы съ ними и въ отверженіи служенія имъ дѣлами. У насъ же христіанъ воздержаніе состоитъ не только въ отрѣшеніи себя отъ пожеланій, не только въ вытѣсненіи изъ души въ оную уже вторгшагося пожеланія, но и въ недопущеніи его сюда; пожеланіямъ не противиться только слѣдуетъ, но и удерживаться отъ нихъ, господство въ душѣ предоставляя другому началу. Благодать Божія есть единственное средство къ снисканію такой воздержности. Вотъ почему Господь сказалъ: *Просите и дастся вамъ* (Мѳ. VII, 7). Излита была эта благодать и на Моисея: онъ облеченъ былъ тѣломъ, потребности коего доведены были до minimum'а, такъ что въ теченіе 40 дней могъ онъ не испытывать ни голода ни жажды. Подобно тому какъ лучше быть здоровымъ, чѣмъ толковать о здоровьи заболѣвши: точно такъ же лучше свѣтомъ быть, чѣмъ болтать о свѣтѣ; равнымъ образомъ и воздержаніе, если оно истекаетъ изъ добродѣтели, лучше того, о коемъ говорятъ философы. Дѣйствительно гдѣ нѣтъ свѣта, тамъ тьма: точно такъ же и тамъ, гдѣ пожеланіе гнѣздится,—пусть оно будетъ бездѣятельнымъ и еще не переходящимъ ни въ какое плотское дѣяніе,—воображеніемъ оно уже витаетъ въ средѣ порочной, хотя еще и отдаленной.

Что же касается до нашего мнѣнія о бракѣ, о пищѣ и вещахъ симъ подобныхъ, то уже здѣсь, при началѣ нашихъ разсужденій о сихъ предметахъ мы выразимъ вообще наше мнѣніе о нихъ. Не нужно подпадать подъ власть страстей и не слѣдуетъ ихъ голосомъ опредѣляться въ своихъ дѣйствіяхъ, а ограничивать свои желанія лишь самымъ необходимымъ. Мы не пожеланій чада (Іоан. I, 13), а воли. Кто женился, чтобъ имѣть дѣтей, тотъ долженъ быть воздержнымъ, и даже по отношенію и къ своей собственной женѣ не питать пожеланій; конечно онъ обязанъ ее любить, но въ прижитіи дѣтей долженъ руководиться желаніемъ честнымъ и благопристойнымъ. Ибо мы научены *попеченія о плоти не превращать въ похоти, а вести себя благопристойно какъ днемъ*, ходя во Христѣ, который есть нашъ солнечный день; устроять свою жизнь должны мы разумно, такъ чтобы она была отраженіемъ свѣта Христова, познанія о Немъ, *не предаваясь пиршествамъ и пьянству, ни сладострастію и распутству, ни ссорамъ и распрямъ* (Рим. XIII, 12—14).

Не слѣдуетъ понимать воздержаніе односторонне, т. е. въ отношеніи rerum lишь venerearum; оно должно простираться и на всѣ остальныя вожделѣнія, какимъ отдается чувственная душа наша, жаждущая наслажденій и не довольствующаяся необходимымъ. Воздержаніе состоитъ въ маломъ обращеніи вниманія на деньги, въ заглушеніи сладострастія, въ установленіи на богатства и на те-

атральныя зрѣлища точки зрѣнія возвышенной. Оно заключается далѣе въ обузданіи языка, въ укрощеніи безпутныхъ пожеланій, въ предоставленіи господства надъ ними разуму. Уже и ангелы нѣкоторые, не сдержавъ своихъ страстей и побѣждены будучи пожеланіями, не пали ли съ неба на землю (*)?

А Валентинъ въ своемъ письмѣ къ Агаѳоподу (**) говоритъ: «Іисусъ, устоявъ противъ всѣхъ искушеній, воздерженъ былъ и снискалъ себѣ божественность. Онъ ѣлъ и пилъ такимъ образомъ, какимъ Ему было это свойственно, обратно пищи не извергая; свойственна была Ему такая сила воздержности, что пища въ Его тѣлѣ не портилась, такъ какъ Ему не предстояло проходить тлѣніемъ могилы».

Итакъ мы возлагаемъ на себя воздержность радостно, изъ любви къ Господу, а также и изъ почтенія предъ ней, какъ дѣломъ достолюбезнымъ, освящая ею свое тѣло, сей *храмъ Духа Святаго* (1 Кор. III, 16. 17). И подлинно прекрасно сдѣлаться эвнухомъ ради царства небеснаго (Мѳ XIX, 12); себя освобождаешь чрезъ это отъ всѣхъ пожеланій, *очищаешь свою совѣсть отъ мертвыхъ дѣлъ для служенія Богу живому и истинному* (Евр. IX, 14).

(*) Климентъ раздѣлялъ заблужденіе нѣкоторыхъ древнихъ церковныхъ писателей,—Іосифа Флавія, Тертулліана, Іустина, Иринея, Аѳенагора, Кипріана, Лактанція, Евсевія и апокрифовъ, о паденіи ангеловъ чрезъ сближеніе съ дочерьми человѣческими (Быт. VI, 1), тогда какъ все дѣло въ невѣрномъ переводѣ на греческій гебраизма *сыны Божіи* чрезъ *Ангелы Божіи*. Оригенъ (противъ Цельса, V) и Кириллъ Александрійскій (противъ Антропоморфитовъ гл. 17) не раздѣляли сей ошибки. У Климента она встрѣчается еще въ «Педаг.» III, гл. 2; Стром. V, гл. 1 и въ др. мѣст.

(**) Думаютъ, что сей Агаѳоподъ или Агаѳопъ одно лице съ тѣмъ Агаѳоподомъ, который сопровождалъ св. Игнатія на пути его въ Римъ къ мученичеству. Въ посланіи къ Смирнянамъ, гл. 10, св. Игнатій пишетъ: «Очень хорошо вы сдѣлали, что приняли какъ діаконовъ Христовыхъ Филона, Гаія и Агаѳопода, которые послѣдовали за мною».

Что касается тѣхъ, которые по злобѣ на плоть насильственно разрываютъ супружескіе союзы и отказываются отъ обычной пищи, то это люди невѣжественные и нечестивые, по примѣру нѣкоторыхъ языческихъ народовъ практикующіе воздержаніе неразумное. Такъ Брамины (*) не употребляютъ въ пищу мяса и не пьютъ вина. Одни изъ нихъ принимаютъ пищу каждодневно какъ и мы; другіе только каждые три дня, если вѣрить Александру Полигистору, повѣствующему о семъ въ своей книгѣ «объ Индусахъ». Они презрительно относятся къ смерти и не дорожатъ жизнью, вѣря въ возрожденіе. Иные же изъ нихъ почитаютъ Геркулеса и Пана. Такъ называемые у Индусовъ «святые» во всю жизнь свою не носятъ никакой одежды, занятые изслѣдованіемъ истины, предрекая будущее и покланяясь какой-то пирамидѣ, подъ которой, какъ они воображаютъ, лежатъ кости какого-то бога. И Гимнософисты и такъ называемые у Индусовъ «святые» остаются неженатыми; они думаютъ, что брачныя отношенія къ женамъ противорѣчатъ природѣ и противузаконны; по этой причинѣ они хранятъ дѣвственность. Есть между ними и женщины, также хранящія цѣломудріе и слывущія подъ именемъ «святыхъ». И мужчины и женщины изъ этого разряда наблюдаютъ звѣздное небо и предсказываютъ будущее по знаменіямъ, которыя они открываютъ на небѣ.

8. Истолкованіе мѣстъ свящ. Писанія, приводившихся еретиками въ поношеніе брака; и первѣе всего защита словъ Апостола Павла въ Рим. VI, 14 отъ превратнаго пониманія ихъ еретиками.

Сторонники ученія о безразличіи дѣлъ добрыхъ и дурныхъ находятъ, что и само свящ. Писаніе будто бы благопріятствуетъ ихъ чувственности. Но для сего они искажаютъ истинный смыслъ нѣкоторыхъ мѣстъ его. Особенно много они носятся съ этимъ изреченіемъ: *Грѣхъ да не господствуетъ надъ вами, ибо вы не подъ закономъ, но подъ благодатію* (Рим. VI, 14). Ссылаются они въ подтвержденіе своего

(*) Писатель о нихъ уже имѣлъ случай сказать нѣсколько словъ въ «Стром». I, 15.

нечестиваго ученія и еще на нѣсколько подобныхъ мѣстъ; но я не считаю за нужное ихъ приводить здѣсь: я не пиратъ вѣдь, чтобъ наполнять подобными предметами сіи «Записки» свои, подобно какъ нагружаютъ разнымъ хламомъ свои корабли разбойники на морѣ. Покажемъ въ нѣсколькихъ короткихъ лишь словахъ суетность сихъ попытокъ еретическихъ.

Преславный Апостолъ взводимую на него хулу самъ опровергаетъ словами, какія онъ присоединяетъ къ только что приведеннымъ. Онъ говоритъ: *Что же? Станемъ ли грѣшить мы, потому что мы не подъ закономъ, но подъ благодатію? Да не будетъ* (Рим. VI, 15). Столь богопросвѣщенно и пророчески—толково, какъ бы однимъ ударомъ ноги, разсыпаетъ онъ софизмы ихъ въ защиту любострастія. Еретики не постигаютъ кажется, что *всѣмъ намъ должно явиться предъ судище Христово, чтобы каждому получить соотвѣтственно тому, что онъ дѣлалъ, живя въ тѣлѣ, доброе или худое* (2 Кор. V, 10), дабы что чрезъ тѣло содѣлалъ кто, то и получилъ. Посему *кто во Христѣ, тотъ есть новое твореніе;* грѣхами тотъ болѣе уже не занимается. *Древнее прошло*, жизнь прежняя покинута; *вотъ все новое* (2 Кор. V, 16, 17), непорочность вмѣсто любострастія, умѣренность вмѣсто невоздержности, правда вмѣсто неправдъ. *Ибо какое общеніе праведности съ беззаконіемъ? Или что общаго у свѣта со тьмою? Какое согласіе между Христомъ и Веліаромъ? Или какое соучастіе вѣрнаго съ невѣрнымъ? Какая совмѣстность храма Божія съ идолами* (2 Кор. VI, 14—16)? *Имѣя такія обѣтованія, очистимъ себя отъ всего, что оскверняетъ тѣло и духъ, совершая дѣло освященія своего въ страхѣ Божіемъ* (2 Кор. VII, 1).

9. Изложеніе отвѣта Христа Спасителя Саломіи, приводившагося еретиками въ порицаніе брака.

Изъ за пресловутаго, но мнимаго своего воздержанія отказывающіеся пользоваться тварію Божіею въ подтвержденіе своего ученія приводятъ и отвѣтъ Господа Саломіи, о которомъ мы упомянули ранѣе (*). Имѣется же онъ, какъ я думаю, въ Евангеліи Египтянъ. Говорятъ, что это изреченіе принадлежитъ самому Спасителю. Оно таково: «Я пришелъ для ниспроверженія дѣлъ жены», т. е. пожеланія, дѣлъ значитъ рожденія и смерти. И такъ что же? Скажутъ ли они, что этотъ порядокъ ниспровергнутъ? Но они не могутъ утверждать сего. Міръ все еще существуетъ по тѣмъ же самымъ законамъ. И все-же Господь не лживое что либо сказалъ. Дѣйствительно Онъ ниспровергъ дѣла вожделѣнія, сребролюбія, корыстолюбія, славолюбія, безумной страсти къ женщинамъ, къ педерастіи, къ чревоугодію и бражничанью, къ роскоши и расточительности и къ другимъ подобнымъ безчинствамъ. Существованіе сихъ пороковъ есть смерть для души, потому что *чрезъ преступленія* (грѣхи) *мы мертвыми становимся* (Еф. II, 5). И подъ женщиной слѣдовательно нужно разумѣть невоздержность. Рожденіе же и умираніе твари по установленнымъ разъ законамъ должно происходить съ необходимостью даже до дня окончательнаго выдѣленія и возрожденія избранныхъ, чрезъ что субстанціи, теперь существующія въ смѣшеніи съ міромъ, будутъ приведены къ естественному ихъ состоянію. Посему ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что Логосу, упомянувшему о концѣ времени, Саломія предлагаетъ вопросъ: «До коихъ поръ люди будутъ умирать»? Двоякую субстанцію различаетъ Писаніе въ человѣкѣ; человѣка внѣшняго и душу, и опять спасаемаго и не спасаемаго (*). Что же до грѣха, то Писаніе называетъ оный и смертью души. Посему Господь наблюдаетъ въ отвѣтѣ нѣкоторыя мудрость и осторожность. Онъ говоритъ: «Доколѣ женщины будутъ рождать», т. е. доколѣ сохранять будетъ свою интенсивность пожеланіе. Послушаемъ также и Апостола, что онъ говоритъ касательно сего предмета. Онъ пишетъ: *Какъ однимъ человѣкомъ грѣхъ вошелъ въ міръ и грѣхомъ смерть: такъ и смерть перешла во всѣхъ человѣковъ*

(*) Выше въ гл. 6-й.

(*) Во 2 Кор. IV, 16. О смерти же внѣшняго человѣка нужно понимать и это изреченіе: *А сластолюбивая заживо умерла* (1 Тим. V, 6).

чрез этого одного человѣка, такъ какъ въ немъ всѣ согрѣшили: и смерть царствовала отъ Адама до Моисея (Рим. V, 12—14). По естественному, Богомъ установленному, порядку вещей если есть рожденіе, то необходимо должно оно сопровождаться и смертью; и разлученіе души отъ тѣла есть слѣдствіе ихъ соединенія. Но если рожденіе происходитъ для воспитанія и познанія, то и разлученіе значитъ происходитъ съ цѣлью возрожденія. И какъ женщина изъ за рожденія считается причиной смерти, такъ же и по той же самой причинѣ она должна быть названа проводникомъ и жизни. Потому, подавшая первый примѣръ непослушанія (1 Тим. II, 14), она была названа «жизнью» (Быт. III, 20) изъ за непрерывнаго ряда существъ, имѣвшихъ произойти отъ нея. Женщина одинаково есть мать какъ родящихся, такъ и умирающихъ, праведныхъ и неправедныхъ, смотря по тому, надъ чѣмъ каждый изъ насъ работаетъ, надъ своимъ ли оправданіемъ или же напротивъ заявляетъ себя непослушаніемъ закону. Отсюда я заключаю, что Апостолъ вовсе не питалъ отвращенія къ жизни, оживляющей тѣло, ибо онъ говоритъ: *Но, говоря съ полной свободой, Христосъ еще прославленъ будетъ въ тѣлѣ моемъ, будетъ ли то чрезъ жизнь или же чрезъ смерть, ибо для меня жизнь—Христосъ, а и смерть пріобрѣтеніе. Если же жизнь во плоти доставляетъ плодъ моему дѣлу, то незнаю, что избрать; влечетъ меня и то и другое: имѣю желаніе разрѣшиться и со Христомъ быть, потому что это несравненно лучше, а оставаться во плоти нужнѣе для васъ* (Фил. I, 20—24). Апостолъ чрезъ эти слова, думаю, показалъ ясно, что совершенство въ сей жизни состоитъ въ любви къ Богу и что смерть, сокрушая наше тѣло, утверждаетъ насъ въ сей любви; до тѣхъ же поръ, какъ мы пребываемъ въ этомъ тѣлѣ изъ за нуждающихся во спасеніи, совершенство должно состоять въ ожиданіи и терпѣніи, проникнутыхъ полнѣйшей благодарностью.

Что же? Почему же безразсудные тѣ наглецы, выбирая себѣ въ путеводители лучше произволъ, нежели ученіе истинное, основы котораго правда, почему они къ своимъ предыдущимъ ссылкамъ не прибавляютъ послѣдующихъ словъ Господа, содержащихся въ томъ же Его отвѣтѣ Саломіи? Жена эта говорила: «Хорошо, что я не имѣю дѣтей»; чрезъ это она выражала довольство тѣмъ, что не была матерью. Господь же ей отвѣтилъ: «Питайся всѣми травами за исключеніемъ горькихъ». Этимъ Онъ сказываетъ намъ, что воздержаніе и бракъ оставлены на нашъ выборъ, а не составляетъ ни то ни другое необходимости вслѣдствіе запрещенія того или другаго заповѣдію; кромѣ того Спаситель симъ словомъ свидѣтельствуетъ, что чрезъ бракъ продолжается дѣло творенія. Пусть еретики не смотрятъ слѣдовательно на союзъ брачный, заключаемый съ одобренія Логоса, какъ на какое-то преступленіе и пусть не считаютъ они слишкомъ трудной для себя заботу воспитанія дѣтей, неимѣніе которыхъ для другихъ составляетъ столь болѣзненное лишеніе. А равнымъ образомъ и бытіе отцомъ да не кажется кому либо на томъ основаніи труднымъ, что заботы, приносимыя съ собой отцовствомъ, будто бы отклонять могутъ отъ дѣлъ Богоугодныхъ. Есть люди неспособные къ благодушному перенесенію жизни одинокой; посему они вступаютъ въ бракъ, и это дѣло доброе; а порицать кого либо тутъ не за что. И дѣтей себѣ желать каждый изъ насъ имѣетъ право и власть.

Но и то однакоже замѣчу здѣсь, что многіе изъ воздерживавшихся отъ брака, подъ предлогомъ затрудненій и заботъ жизни семейной(*), впадали въ суровое нелюдимство, несогласное съ святостью познаннаго ими истиннаго ученія; огонь любви при этомъ совсѣмъ погасалъ въ ихъ сердцахъ. Съ другой же стороны нѣкоторые и изъ соединенныхъ брачными узами ведутъ въ бракѣ жизнь чувственную и закону подчиняются лишь повидимому, на дѣлѣ же подобятся, по выраженію пророка, *скотамъ несмысленнымъ* (Пс. XLVIII, 21).

(*) Срав. «Педагога» II, въ гл. 10.

10. Таинственный смыслъ словъ Христа Спасителя, переданныхъ св. Матѳеемъ (Мѳ. XVIII, 20).

Но кто эти *двое или трое, собранные во имя* Христа, въ средѣ которыхъ пребываетъ Онъ (Мѳ. XVIII, 20)? Не представляются ли эти трое: мужемъ, женою и ребенкомъ, рожденнымъ отъ этого союза, потому что мужу жена самимъ Богомъ сопрягается?

Что же касается до того, кто ради христіанской дѣятельности пожелалъ бы остаться свободнымъ отъ всякихъ узъ и кто не рѣшается стать отцомъ по причинѣ своихъ обязанностей и затрудненій, тотъ пусть остается *безбрачнымъ* (*) *какъ и я*, говоритъ Апостолъ (1 Кор. VII, 7).

Раскроемъ значеніе этихъ словъ. Если повѣрить толкованію нѣкоторыхъ еретиковъ, то Богъ, Творецъ человѣческаго рода, пребываетъ со всѣми, между тѣмъ какъ Спаситель, Сынъ другаго т. е. благаго Бога, пребываетъ съ однимъ только избраннымъ. Но это не такъ. Богъ, изъ за посредничества своего Сына, пребываетъ съ тѣми, кто привноситъ въ бракъ благоразумную воздержность и плодъ брака произрожденіе; равно какъ тотъ же самый Богъ обитаетъ точно такъ же и съ тѣмъ, кто наблюдаетъ воздержность, проникнутую духомъ Логоса.

Могутъ быть разумѣемы подъ этими тремя, о которыхъ говоритъ Христосъ: и гнѣвъ, пожеланіе и разсудительность (**), или же по другому пониманію тѣло, душа и духъ (*). Но можетъ быть этой выше названной тройственностью означается: и призваніе, потомъ избраніе второе, и наконецъ третій родъ спасенія, славнѣйшій изъ всѣхъ, потому что это есть въ первоначальную славу возстановленіе; и съ этими спасенными пребываетъ всеназирающее всемогущество Божіе, остающееся единымъ и безраздѣльнымъ и все-же нисходящее до раздѣленія. Посему человѣкъ, пользующійся естественными склонностями души съ разумной умѣренностью, желаетъ приличнаго и отвергаетъ вредное, какъ повелѣвается ему то и заповѣдями. Ибо говорится: «*Благословишь ты того, кто тебя благословляетъ и проклянешь того, кто тебя проклинаетъ*» (Быт. XII, 3 или же Быт. XXVII, 29) (**). А когда бы кто и надъ сими, т. е. гнѣвомъ и пожеланіями, возвысился и самымъ дѣломъ сталъ бы доказывать свою любовь къ творенію изъ за Бога, Творца всего, и началъ бы жить жизнію гностика, по подражанію Спасителю наблюдая воздержность, не представляющую для него ничего особенно труднаго, такъ какъ онъ соединилъ въ своемъ лицѣ познаніе, вѣру и любовь, отсюда достигши единства въ своихъ сужденіяхъ и ставъ *человѣкомъ* по истинѣ *духовнымъ*, не допускающимъ никогда, чтобы и въ малѣйшихъ движеніяхъ мысли опредѣляться гнѣвомъ и пожеланіями, то могъ бы онъ наконецъ считаться человѣкомъ совершеннымъ, похожимъ на Господа Спасителя, заслуживающимъ названія ***брата*** Господу (Евр. II, 11)

(*) Выраженіе означающее не только того, кто никогда не былъ женатъ, но и того, кто по смерти одной жены не женился на другой. Латинское coelebs въ этомъ случаѣ совершенно равно по значенію греческому ἄγαμος. Посему Апостолъ говоритъ: *А вступившимъ въ бракъ не я повелѣваю, а Господь: женѣ не разводиться съ мужемъ. Если же разведется, то должна оставаться «безбрачною»* (I Кор. VII, 10, 11).

(**) Имѣется въ виду Платоническое раздѣленіе души на три части: пожелательную, гнѣвливую и разумную, о чемъ писатель уже говорилъ въ началѣ III-й кн. «Педагога».

(*) Другое раздѣленіе души. Такъ ученикъ Климента Оригенъ въ «Филокаліи»: «Человѣкъ состоитъ изъ тѣла, души и духа». Ириней V, 9: «Совершенный человѣкъ состоитъ изъ тѣла, души и духа». Но еще прежде ихъ св. Павелъ Апостолъ въ 1 Сол. *Самъ же Богъ мира да освятитъ васъ во всей полнотѣ, и вашъ духъ и душа и тѣло во всей цѣлости да сохранится безъ порока въ пришествіе Господа нашего Іисуса Христа*.

(**) А можетъ быть и изъ какого нибудь апокрифа.

и такого обращенія къ нему: «Вотъ другъ Его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сынъ».

Вотъ какъ *двое или трое* оказываются въ истинномъ гностикѣ сопребывающими. А можетъ быть это единомысліе многихъ, почтенное чрезъ обозначеніе его числомъ троичнымъ, единомысліе многихъ, въ средѣ коихъ находится Господь, обозначаетъ и единую церковь, единаго человѣка и родъ людей единый и единственный. Когда Господь явилъ первоначально свой законъ, то не былъ ли Онъ, съ исключеніемъ всѣхъ другихъ народовъ, лишь съ Евреями? А когда раздались пророчества, когда Онъ послалъ Іеремію въ Вавилонъ, когда Онъ сталъ звать чрезъ его проповѣдь и язычниковъ, то не два ли уже народа Онъ объединялъ чрезъ то? И третьимъ лицомъ въ числѣ упоминаемыхъ въ вышеприведенномъ изреченіи Господа не состоитъ ли тотъ *новый* народъ, который образованъ изъ *этихъ двухъ* народовъ въ одного *новаго человѣка*, въ коемъ Богъ живетъ и дѣйствуетъ въ нѣдрахъ самой этой церкви (Еф. II, 10; 2 Кор. VI, 16)? Древній законъ, за тѣмъ пророки и наконецъ Евангеліе не въ имени-ли Христовомъ объединяются они въ единое познаніе (гносисъ)?

Итакъ избѣгающіе брака изъ презрѣнія къ нему или изъ рабскаго служенія пожеланію, безсовѣстно злоупотребляющіе тѣломъ какъ дѣломъ безразличнымъ, не состоятъ въ числѣ оныхъ, кои спасутся и въ средѣ коихъ Господь.

11. Заповѣдь ветхозавѣтнаго закона и Христа Господа, запрещающая пожеланія.

Таковы истинныя начала здраваго ученія. Приведемъ теперь мѣста Писанія, опровергающія софизмы еретиковъ и очертимъ вкороткѣ формы, въ коихъ проявляется воздержность, согласующаяся съ духомъ Логоса, или разума. Въ свящ. Писаніи есть мѣста, опровергающія всякую въ частности ересь. Вѣрующій, который понимаетъ свящ. книги, при случаѣ можетъ ими пользоваться какъ оружіемъ для ниспроверженія тѣхъ новшествъ, кои сравнительно съ Божественными заповѣдями представляютъ собой не иное что какъ лжеумствованія.

Возвращаясь къ вещамъ древнимъ, мы слышимъ слѣдующее постановленіе закона: *Не пожелай жены ближняго твоего* (Исх. XX, 17). Это въ законѣ провозглашено было еще прежде чѣмъ Христосъ въ новомъ завѣтѣ отъ Себя лично безъ посредства другого лица провозгласилъ заповѣдь, имѣющую связь съ сей: *Слышали, что законъ гласитъ: Непрелюбодѣйствуй. А Я говорю вамъ Не пожелай* (Мѳ. V, 27, 28). Что законъ предписываетъ мужу вести себя въ бракѣ умѣренно и единственно съ цѣлію рожденія дѣтей (*), о семъ съ очевидностію слѣдуетъ заключить изъ его запрещенія плѣнившему извѣстную женщину вступать съ ней тотчасъ же во внѣбрачныя связи(**) (Втор. XXI, 11—13). Какъ скоро она внушила ему пожеланіе, онъ долженъ позволить ей сѣтованіе въ теченіе 30 дней, послѣ того какъ ея коса падетъ подъ ножницами. Если пожеланіе не погаснетъ и послѣ сего траура, тогда онъ можетъ имѣть отъ нея дѣтей; побужденія, овладѣвшія имъ, испытывавшіяся въ теченіи опредѣленнаго времени, зачитаются за пожеланія разумныя. Вы не въ состояніи мнѣ назвать ни одного ветхозавѣтнаго человѣка, вотъ вамъ и Писаніе въ руки, который сближался бы съ женщиной беременной, но вы вездѣ находить будете, что супружескія отношенія возстановлялись только послѣ разрѣшенія супруги и съ прекращеніемъ кормленія ребенка. И что я говорю? Отецъ Моисея, вѣрный этому постановленію, рождаетъ Моисея послѣ Аарона только по истеченіи трехлѣтняго промежутка времени. Обращая вниманіе на колѣно Левіино, я нахожу, что оно вошло въ обѣтованную землю малочисленнѣе другихъ колѣнъ, потому что оно строго хранило этотъ законъ природы, заповѣданный намъ и Богомъ. Дѣйствительно народонаселеніе увеличивается медленно у тѣхъ племенъ, гдѣ мущины сносятся съ женщинами въ бра-

(*) Срав. „Педаг." II, 10.

(**) Срав. Стром. II, 18.

къ лишь законномъ и гдѣ новое плотское сближеніе происходитъ не только по окончаніи беременности, но по окончаніи и кормленія ребенка. И вотъ почему Моисей. возвышая Евреевъ съ одной ступени воздержанія на другую, предъявляетъ къ нимъ требованіе весьма разумное, чтобы они позволяли себѣ слушаніе слова Божія не иначе какъ послѣ предварительнаго трехдневнаго воздержанія отъ супружескихъ отношеній (Исх. XIX, 20).

Итакъ мы храмъ Бога живаго, какъ и пророкъ сказалъ, что «Вселюсь въ нихъ и буду ходить и буду имъ Богъ и они будутъ Мнѣ народъ» (Лев. XXVI, 12). Мой народъ... лишь бы какъ лично, такъ и наряду со всей церковью согласовали мы нашу жизнь съ заповѣдями. *И потому выйдите изъ среды ихъ и отдѣлитесь, говоритъ Господь, и не прикасайтесь къ нечистому и Я пріиму васъ* (Ис. LII, 11) *и буду вамъ Отцомъ и вы будете Моими сынами и дщерями, говоритъ Господь Вседержитель* (Іер. III, 19; Ос. I, 11; 2 Кор. VI, 16—18). Что даетъ понять Апостолъ чрезъ приведеніе этихъ пророческихъ изреченій? То ли, чтобъ отдѣляться отъ людей, состоящихъ въ бракѣ? Отнюдь нѣтъ. Онъ чрезъ это предписываетъ намъ порвать связи съ язычниками, проводящими жизнь въ амурныхъ шашняхъ, порвать отношенія съ еретиками, нами названными выше, потому что они пятнаютъ себя дѣлами постыдными и нечестіемъ. Оттуда происходитъ, что тотъ же Павелъ, косвенно возставая противъ подобныхъ лжеученій, провозглашаетъ слѣдующее: *Итакъ, возлюбленые, имѣя такія обѣтованія, очистимъ свои сердца ото всего, чѣмъ оскверняется и тѣло и духъ, совершая дѣло нашего освященія въ страхѣ Божіемъ* (2 Кор. VII, 1). *Ибо я люблю васъ изъ за Бога любовью ревностной съ тѣхъ поръ, какъ я обручилъ васъ мужу единственному, который есть Христосъ, чтобы въ лицѣ васъ представить Ему дѣву чистую* (2 Кор. XI, 2). Церковь и дѣйствительно не можетъ состоять въ союзѣ съ другимъ супругомъ, потому что у нея есть уже Женихъ. Но каждый изъ насъ воленъ вступить въ законный бракъ съ избранной имъ женщиной, по крайней мѣрѣ въ первый бракъ (*). *Но я боюсь, чтобъ какъ змѣй своимъ лукавствомъ обольстилъ Еву, такъ и ваши умы чтобъ не повредились такимъ же образомъ и не уклонился бы кто отъ христіанской простоты* (2 Кор. XI, 3), говоритъ Апостолъ съ глубокимъ благочестіемъ и въ видѣ ученія.

Послушаемъ еще достоудивительнаго Петра: *Прошу васъ, мои возлюбленные, которые состоите въ этомъ мірѣ пришельцами и странниками, воздерживаться отъ плотскихъ пожеланій, возстающихъ на душу. Живите среди язычниковъ свято, ибо воля Божія такова, чтобъ добродѣтельной жизнью вы закрывали ротъ безумнымъ и не позволяли злословить васъ. Вы свободны не для того, чтобъ свободой пользоваться какъ занавѣсомъ для прикрытія дурныхъ дѣлъ, но чтобы дѣйствовать въ качествѣ слугъ Божіихъ* (1 Петр. II, 11, 12, 15, 16). Подобное пишетъ и Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ: *Какъ скоро мы умерли для грѣха, то какъ же намъ еще жить во грѣхахъ? Ветхій нашъ человѣкъ распятъ во Христѣ, чтобы тѣло грѣха было упразднено въ насъ* и т. д. даже до словъ: тѣмъ болѣе *не предавайте членовъ вашихъ грѣху, изъ нихъ дѣлая орудія неправды* (Рим. VI, 2, 6, 13).

Дошедъ до сего я не могу говорить далѣе, не обративъ вниманія на то, что Апостолъ проповѣдуетъ объ единомъ Богѣ, открывшемся и въ законѣ и въ пророкахъ и въ Евангеліи. Потому что эти слова: *Не пожелай*, находящіяся въ Евангеліи, Павелъ въ своемъ посланіи къ Римлянамъ усвояетъ закону; стало быть онъ хорошо знаетъ, что Богъ, говорившій чрезъ законъ и пророки, это тотъ же самый Богъ, который провозглашенъ и въ Евангеліи, и есть одинъ и тотъ же самый Отецъ. Павелъ и дѣйствительно говоритъ: *Что же скажемъ мы? Неужели отъ закона грѣхъ? Никакъ. Напротивъ я не иначе узналъ грѣхъ какъ чрезъ законъ. Я не понималъ бы и пожеланія, еслибъ законъ не говорилъ: Не пожелай* (Исх. XX, 16, 17; Рим.

(*) Срав. сей же книги конецъ гл. 1-й и въ гл. 12-й.

VII, 7). Если же наши иномыслящіе противники воображаютъ, что Павелъ эти слова: *знаю, что во мнѣ, т. е. въ моей плоти, нѣтъ ничего добраго* (Рим. VII, 18) направляетъ противъ Создателя, то пусть они читаютъ у него слова предшествующія симъ и послѣдующія. Ранѣе Апостолъ сказалъ: *Это дѣлаетъ грѣхъ во мнѣ живущій*; послѣ сего значитъ совершенно естественно было сказать: *въ моей плоти не живетъ ничего добраго* (Рим. VII, 17). Въ послѣдующемъ онъ прибавляетъ: *Если же дѣлаю я то, чего не хочу, то это уже не я дѣлаю, но живущій во мнѣ грѣхъ*, о которомъ говоритъ Апостолъ, что онъ *противоборствуетъ закону Божію и закону ума моего и дѣлаетъ меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ моихъ членахъ. Несчастный я человѣкъ! Кто освободитъ меня отъ этого тѣла смерти* (Рим. VII, 20, 23, 24)? И далѣе,— ибо Апостолъ не утомляется всячески помогать намъ,--онъ не колеблется прибавкой въ видѣ заключенія: *Законъ духа освобождаетъ меня отъ закона грѣха и смерти, потому что Богъ чрезъ своего Сына осудилъ грѣхъ во плоти, чтобы правда закона исполнилась на насъ, живущихъ не по по плоти, но согласно съ духомъ* (Рим. VIII, 2—4). Объясняя сказанное между прочимъ онъ еще восклицаетъ: *Тѣло умерло грѣху*, чѣмъ сказываетъ слѣдовательно, что тѣло есть не храмъ, а могила для души (*). Ибо съ тѣхъ поръ какъ оно было посвящено Богу, *Духъ Того, кто воскресилъ Христа*, прибавляетъ Павелъ, *живетъ въ насъ и оживотворяетъ наши мертвыя тѣла Духомъ своимъ, живущимъ въ насъ* (Рим. VIII, 10, 11). Потомъ еще разъ порицая плотоугодниковъ, Апостолъ говоритъ: *Любовь къ вещамъ плотскимъ есть смерть. Потому что проводящіе жизнь въ удовольствіяхъ плотскихъ любятъ и творятъ дѣла плотскія, а любовь къ дѣламъ плотскимъ есть вражда противъ Бога, потому что такіе люди закону Божію не покоряются*. А это выраженіе *иже во плоти* нужно понимать не такъ, какъ нѣкоторые еретики то понимаютъ, будто сіи Богу нравиться не могутъ, но согласно съ нашимъ объясненіемъ.—Различая этихъ чувственныхъ людей отъ другихъ, Апостолъ говоритъ, обращаясь къ церкви: *Вы же не живите по плоти, но по духу, если только Духъ Божій живетъ въ васъ. Если же кто Духа Христова не имѣетъ, тотъ и не Его. А если Христосъ въ васъ, то тѣло мертво для грѣха, а духъ живъ для праведности. Итакъ, братія, мы не должники плоти, чтобы жить плотски. Ибо если живете по плоти, то умрете; а если вы духомъ умерщвляете плотскія страсти, то живы будете; ибо всѣ, водимые Духомъ Божіимъ, суть чада Божіи*. Потомъ, косвенно осуждая мнимое благородство и эту якобы царственную независимость, такъ безсовѣстно провозглашаемую людьми, чванящимися своимъ развратомъ, Апостолъ прибавляетъ: *Вы приняли не духъ рабства, чтобъ жить въ страхѣ, но духъ усыновленія, которымъ взываемъ: Отче, Отче* (Рим. VIII, 5—15). Т. е. мы получили Его на тотъ конецъ, дабы познали Того, къ Кому возсылаемъ наши молитвы, истиннаго Отца, единственнаго Отца твари, Того, который воспитываетъ насъ для спасенія и наказываетъ по истинѣ какъ Отецъ, и страхомъ намъ грозя.

12. Истолкованіе словъ Апостола Павла изъ 1 Кор. VII, 5, 39, 40 и другихъ параллельныхъ симъ мѣстъ свящ. Писанія.

А что *по взаимному согласію на опредѣленное время супруги упражняются въ молитвѣ* (1 Кор. VII, 5), то это есть ученіе о воздержности, ибо Апостолъ прибавляетъ такія слова: *по взаимному согласію*, дабы никто не дѣлалъ попытокъ разорвать узы брака; *на время*, дабы мужъ, связанный вынужденнымъ воздержаніемъ, не впалъ въ грѣхъ и чтобы, воздерживаясь отъ сношеній со своей супругой, не увлекся склонностью къ другой женщинѣ. Вотъ почему Павелъ пишетъ въ другомъ мѣстѣ: *Если кто почитаетъ неприличнымъ для своей дѣвицы, чтобы она, будучи въ зрѣломъ возрастѣ, оставалась такъ, тотъ пусть выдаетъ ее замужъ* (1 Кор. VII, 36). Но какъ скоро кто рѣшился или оставаться

(*) Подобное Платонъ въ «Кратилѣ».

дѣвственнымъ или соединиться брачными узами, нужно тому уже непоколебимымъ оставаться въ своемъ разъ принятомъ рѣшеніи и никогда не уклоняться къ худшему. Потому что кто,—чрезъ согласующіяся съ духомъ Логоса чистоту и полноту воздержности,—непорочность своей жизни, въ кругу разъ имъ избранномъ, въ состояніи усугубить и возвысить, то такая жизнь предъ Господомъ получаетъ тѣмъ большее достоинство. Если же кто, изъ за стремленія къ высшей славѣ, избранный имъ разъ родъ жизни оставилъ бы, то какимъ образомъ послѣ сего онъ и могъ бы еще питать надежду на достиженіе совершенства? Нѣтъ, и безбрачіе и бракъ предъявляютъ человѣку свои особыя требованія и спеціальныя обязанности, равно цѣнныя въ очахъ Господнихъ. Такъ въ бракѣ почтенны забота о женѣ и дѣтяхъ и объ ихъ содержаніи. Уже и обыденныя обязанности брачнаго союза изъ супруга вполнѣ доблестнаго дѣлаютъ родъ Провидѣнія, такъ какъ ему приходится постоянно озабоченнымъ быть благомъ семьи и стараться объ удовлетвореніи всѣхъ нуждъ ея. Вотъ почему и требуетъ Апостолъ, чтобы въ епископы были поставляемы люди, чрезъ управленіе семьей подготовленные къ попеченію о цѣлой церкви (1 Тим. III, 4, 5 *). Итакъ каждый пусть занятъ будетъ дѣломъ исполненія лежащихъ на немъ обязанностей *въ томъ званіи*, которое проходилъ, когда былъ призванъ (т. е. когда переходилъ въ христіанство), дабы ему быть свободнымъ во Христѣ и получить награду, соотвѣтствующую его служенію (1 Кор. VII, 24, 22). И въ другомъ мѣстѣ. о законѣ разсуждая, Апостолъ аллегорически говоритъ слѣдующее: *Замужняя женщина, пока живъ мужъ ея, къ нему привязана закономъ* и т. д. (Рим. VII, 2). Онъ говоритъ еще: *Жена связана съ мужемъ, доколь живъ онъ; а если умретъ мужъ, жена свободна выйти замужъ за кого хочетъ, лишь бы это не было противъ Господа. Но она блаженнѣе, если останется вдовой, какъ я совѣтую* (1 Кор. VII, 39, 40).

(*) Подобное ниже въ гл. 18-й.

Мы привели два изреченія Апостола, съ коими долженъ быть соединяемъ смыслъ аллегорическій. Вникнемъ въ оный.

Въ первомъ изъ приведенныхъ мѣстъ Апостолъ говоритъ: *Вы умерли закону*; закону, а не браку, какъ понимаютъ наши противники; *чтобы быть невѣстой и церковью Другаго, который воскресъ изъ мертвыхъ* (Рим. VII, 4). Невѣста сія, т. е. церковь, должна быть чистой. Это значитъ, она должна закрыть свое сердце для всѣхъ идей, не согласующихся съ содержимымъ ею истиннымъ ученіемъ;—заградить свой слухъ ото всего, что къ ней приражается отвнѣ, т. е. ото всѣхъ предзанятыхъ и исключительныхъ мнѣній и ученій, рознь въ общество вносящихъ и насъ поострекающихъ оставить нашего единственнаго Супруга, Вседержителя Бога, для нечестивой связи съ кѣмъ-то другимъ. *Будемъ бдительны, чтобы какъ змѣй прельстилъ Еву*, хотя имя ея и «жизнь» означало (*), такъ и намъ, обманно заманиваемымъ въ западни ереси, не подвергнуться опасности преступить заповѣди.

Во второмъ же изъ вышеприведенныхъ мѣстъ Апостолъ предписываетъ единобрачіе. Не слѣдуетъ однакоже думать, какъ нѣкоторые настаивали, что союзъ жены съ мужемъ равнозначителенъ союзу плоти со смертію: вовсе нѣтъ. Апостолъ здѣсь возстаетъ противъ ученія нѣкоторыхъ нечестивыхъ людей, осмѣлившихся установленіе брака относить къ демону, отчего имя настоящаго его Учредителя подвергалось опасности быть злословимымъ. Я разумѣю сирянина Татіана, дерзко взявшаго на себя смѣлость провозглашать такое ученіе. Въ своей книгѣ «О совершенствѣ по Спасителю» онъ пишетъ: «Въ 1 Кор. VII, 5 воздержаніе Апостолъ поставляетъ въ связь съ молитвой. Но чрезъ общеніе съ обольстительницей порываются всѣ связи съ Богомъ. Мудрое дозволеніе Апостола посему равно строгому приглашенію къ воздержности. Ибо чрезъ позволеніе въ теченіи нѣкотораго времени служить сатанѣ и невоздержности Апостолъ ска-

(*) 2 Кор. XI, 3; срав. выше въ гл. 9-й.

зываетъ, что пользоваться симъ позволеніемъ значило бы служить двумъ господамъ» (Мѳ. VI, 24): Богу чрезъ согласіе (т. е на воздержаніе для упражненія въ молитвѣ), а невоздержности, fornicationi и діаволу чрезъ отдѣленіе отъ Бога (при возвращеніи къ сожитію). Таковъ, по изъясненію Татіана, смыслъ словъ Апостола (*). Но то что есть доказывая тѣмъ чего нѣтъ, онъ вмѣсто истины насъ награждаетъ лишь софизмами. И мы согласны съ тѣмъ, что невоздержаніе и волокитство суть навожденіе сатаны; и все-же и то несомнѣнно, что взаимное согласіе на воздержность, время отъ времени возникающее между супругами въ бракѣ вполнѣ благопристойномъ, можетъ приводить ихъ къ молитвѣ; и опять дѣло столь же естественное, чтобы въ силу того же взаимнаго согласія они снова сближались связями благопристойными для произрожденія дѣтей. Время зачатія и рожденія дѣтей Писаніе называетъ *познаніемъ*. Такъ мы читаемъ: *Позналь же Адамъ Еву, жену свою; и зачении родила сына и дала ему имя: Сиѳъ, говоря: Воздвигъ мнѣ Богъ сына другаго вмѣсто Авеля* (Быт. IV, 25). Понятнымъ теперь становится, противъ кого возстаютъ нечестивцы, считая мерзостью благопристойныя плотскія связи и приписывая дѣло произрожденія демону. Говоря о Богѣ не просто, но присоединяя къ сему имени членъ, Моисей чрезъ то даетъ понять, что называетъ симъ именемъ Вседержителя.

Чрезъ прибавленіе же этихъ словъ: *а потомъ опять будьте вмѣстѣ, чтобъ не искушалъ васъ сатана невоздержаніемъ вашимъ* (1 Кор. VII, 5) Апостолъ имѣетъ единственную цѣль: исторгнуть изъ сердца вѣрныхъ всякое желаніе связи посторонней. Потому что это временное по взаимному согласію воздержаніе другъ отъ друга отнюдь не ниспровергаетъ брачныхъ отношеній и не налагаетъ на нихъ пятна нѣкоего, какъ еслибъ до тѣхъ поръ существовавшее взаимное влеченіе супруговъ другъ къ другу было явленіемъ какимъ либо постыднымъ, нѣтъ; понятіемъ *согласія* Апостолъ снова сближаетъ супруговъ, хотя и не для той цѣли, чтобъ они предавались невоздержности, любодѣйному колобродничеству и дѣламъ демонскимъ, ибо онъ все-же остерегаетъ супруговъ предъ невоздержностью дѣлами любодѣйными и искушеніемъ діавольскимъ.

Татіанъ еще отличаетъ ветхаго человѣка отъ новаго (2 Кор. V, 17), но въ смыслѣ иномъ нежели мы. Соглашаемся мы съ нимъ, когда слышимъ, что подъ ветхимъ человѣкомъ нужно разумѣть законъ Моисея, подъ новымъ же Евангеліе. Но мы расходимся съ нимъ, когда онъ вполнѣ уничтожаетъ значеніе ветхаго завѣта, такъ какъ де онъ происходитъ отъ другаго Бога. По нашему пониманію Богочеловѣкъ хотя и обновляетъ древлее, все-же многобрачія не позволяетъ, ибо Богъ только тогда позволилъ оное, когда необходимо было распространеніе и размноженіе людей: тогда оно необходимо требовалось намѣреніями Божіими. Вмѣсто него Господь вводитъ единоженство, тѣмъ сохраняя бракъ для продолженія рода и для попеченій о домѣ, въ который женщина входитъ помощницею мужу, хотя Апостолъ по снисходительности, въ предупрежденіе разженій и впаденія въ невоздержность и допускаетъ для нѣкоторыхъ второй бракъ.

Однако сей мужъ, вступающій во второй бракъ и противъ Писанія не погрѣшающій, такъ какъ законъ ему не запрещаетъ этого, уже не можетъ въ жизни достигнуть высшаго совершенства, предлагаемаго Евангеліемъ. Славу на небѣ онъ пріобрѣсть можетъ только тогда, когда оставаться будетъ самъ съ собою и сохранять чистыми тѣ узы, какія разорвала смерть, и принимая съ рѣшительностію и благодарностью вдовство, всѣ способности человѣка посвящающее на служеніе Господу (1 Кор. VII, 35).

Божественное провидѣніе устами Господа не повелѣваетъ на будущее время, чтобы супругъ, вставая съ брачнаго ложа, исполнялъ обычное древнее постановленіе объ омовеніи (Лев. XV, 18). Господь не удерживаетъ вѣрующихъ отъ дѣторожденія. Чрезъ единое крещеніе Онъ

(*) Срав. о Татіанѣ у блаж. Епифанія ересь 46.

очищаетъ плотскія отношенія слугъ своихъ на все время жизни, сведши всю многочисленность древнихъ омовеній, заповѣданныхъ Моисеемъ, къ одному и единственному погруженію въ воды крещенія. Законъ ветхозавѣтный, плотскимъ рожденіемъ символически обозначая будущее наше возрожденіе, усвоялъ силу крещенія производительной способности человѣческаго сѣмени, какъ бы для засвидѣтельствованія, что онъ не питаетъ отвращенія къ процессу рожденія человѣка. Человѣкъ и дѣйствительно весь содержится въ первоначальномъ зародышѣ. Причиной зарожденія человѣка состоитъ изверженіе сѣмени. Итакъ этой причиной состоитъ не количество плотскихъ сообщеній, а воспринятіе оплодотворяющаго сѣмени лабораторіей природы (matrice), гдѣ сѣмя сгущается въ зародышъ. Татіана посему я спрашиваю: Какъ же бракъ можетъ быть считаемъ за установленіе только древнее и ветхозавѣтное, ибо по установленію Господа долженъ быть де инаго рода бракъ? Какъ же это бракъ Моисея и бракъ Христа могутъ быть отличными одинъ отъ другаго, когда и въ законѣ ветхозавѣтномъ и въ новомъ Богъ одинъ и тотъ же? *Человѣкъ не имѣетъ права разлучать то, что Богъ сочеталъ* (Мѳ. XIX, 6). Тѣмъ болѣе Сыну было естественно поддерживать установленіе Отца. Если же и законъ и Евангеліе происходятъ отъ одного и того же Законодателя, слѣдовательно они не противорѣчатъ одинъ другому. Законъ сохраняетъ жизненность, *будучи духовнымъ* (Рим. VII, 14) и постигаемъ будучи истиннымъ мудрецомъ. Мы же *умерли закону въ тѣлѣ Христовомъ, чтобы принадлежать Другому, который воскресъ изъ мертвыхъ* и пришествіе котораго предсказано закономъ, *да приносимъ плодъ Богу* (Рим. VII, 4). *Посему законъ святъ и заповѣди святы и справедливы и добры* (Рим. VII, 12). Мы *умерли для закона*, т. е. для грѣха, который изобличается закономъ, который не закономъ порождается, а только освѣщается (Рим. VII. 7, 13) закономъ чрезъ заповѣданіе того, что должно творить (*) и чрезъ воспрещеніе того, чего не должно дѣлать,—чрезъ изобличеніе какого либо даннаго грѣха, *дабы онъ явился возмущеніемъ противъ закона*.

Бракъ, установленный закономъ, вы называете грѣхомъ. Я послѣ этого незнаю, какъ это вы можете еще хвастаться знаніемъ Бога, когда называете такъ Божественное установленіе. Если *законъ святъ*, то и бракъ святъ. Апостолъ тайну сію истолковываетъ даже о таинственномъ союзѣ Христа съ церковію (Еф. V, 32). Какъ *рожденное отъ плоти плоть есть, такъ и рожденное отъ Духа духъ есть* (Іоан. III, 6) по двоякости рожденія: то плотскаго, то чрезъ наученіе. Слѣдовательно супруги, держащіеся Господня ученія и чрезъ исповѣданіе слова Божія душою Богу обрученные, суть *чада святыя* (1 Кор. VII, 14), Богу угодныя и бракъ ихъ честенъ. Нѣтъ ничего общаго между бракомъ и любодѣяніемъ: до Бога отъ сатаны далеко. Вотъ почему и *вы* сами *умерли закону чрезъ тѣло Христово, чтобы принадлежать Другому, который воскресъ изъ мертвыхъ* (Рим. VII, 4). Но при семъ нужно наблюдать одно условіе, а именно послушаніе, потому что при слѣдованіи истинѣ и закона (Гал. II, 14) мы повинуемся одному и тому же Господу, говорящему намъ изъ обоихъ завѣтовъ.

Духъ Святый прямо въ лице обличаетъ во лжи сихъ хулителей брака: *Впослѣдствіи времени нѣкоторые отступятъ отъ вѣры, внимая духамъ обольстительнымъ и ученіямъ бѣсовскимъ чрезъ лицемѣріе лжесловесниковъ, закоснѣлыхъ въ совѣсти своей, запрещающихъ вступать въ бракъ и употребленіе мяса, которое Богъ создалъ чтобы быть вкушаемымъ съ благодареніемъ отъ вѣрующаго и отъ тѣхъ, которые знаютъ истину. Все созданное Богомъ хорошо и не нужно отрицаться ни отъ чего, что можетъ быть употребляемо съ благодареніемъ, потому что все освящается словомъ Божіимъ и молитвою* (1 Тим. IV, 1—5).

Итакъ вовсе нѣтъ нужды запрещать браки и употребленіе въ пищу мяса и вина, ибо написано: *Хорошо мяса не ѣсть, ни вина не пить, если кто этимъ соблазняется* (Рим. XIV, 21). И: *хорошо оставаться какъ я* (1 Кор. VII, 8).

(*) Срав. «Строматъ» I въ гл. 15.

Но чтобъ оставался благодарнымъ Богу (Рим. XIV, 19) какъ тотъ, кто хранитъ воздержность, такъ и тотъ, кто не хранитъ ея, пользуйтесь брачнымъ правомъ умѣренно; да живутъ и тѣ и другіе въ духѣ Логоса.

Словомъ всѣ посланія Апостола, въ коихъ во всѣхъ онъ учитъ насъ умѣренности и воздержности, содержатъ множество заповѣдей насчетъ брака, рожденія дѣтей и управленія семействомъ. Но нигдѣ я не нахожу, чтобы брачный союзъ, честный и благопристойный, былъ запрещаемъ Апостоломъ. Признающіе гармонію, господствующую между ветхозавѣтнымъ закономъ и Евангеліемъ, одинаково одобряютъ и того кто, воздавая благодареніе Богу, наблюдаетъ въ бракѣ умѣренность, и того кто по волѣ Божіей налагаетъ на себя воздержаніе и живетъ въ чистотѣ; *званными* состоятъ и тотъ и другой, если они остаются вѣрны разъ избранному жребію и хранятъ себя въ ономъ чистыми и безупречными.

И была земля Іакова славна выше всѣхъ земель (Соф. III, 19), говоритъ пророкъ, самъ представляя собою славное святилище Духа, внушившаго ему это слово (*).

Если же кто злословитъ рожденіе, говоря что дѣти родятся лишь для постепенной гибели и окончательной смерти, то и въ семъ случаѣ только чрезъ вынужденность толкованія можно доходить до представленія, будто Спаситель разумѣлъ рожденіе, когда говорилъ: *Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ* (Мѳ. VI, 19). Татіанъ не стыдится соединять тотъ же самый смыслъ со словами и пророка: *Всѣ вы какъ одежда обветшаете и источитъ васъ моль* (Ис. L, 9). Само собой разумѣется, что и мы не будемъ противорѣчить Писанію въ томъ, что тѣла наши тлѣнны и постепенно дряхлѣютъ. Но очень можетъ быть, что пророкъ обращаетъ угрозу эту къ грѣшникамъ, съ которыми бесѣдовалъ. Что же касается до Господа, то Онъ изрекъ свое слово не въ осужденіе рожденія дѣтей, а имѣя въ виду расположить къ милосердію и благотворительности тѣхъ, которые заняты лишь скапливаніемъ богатствъ, а помогать бѣднымъ не желаютъ. *Старайтесь*, сказалъ Онъ, *не о пищѣ тлѣнной, но о пищѣ, пребывающей въ жизнь вѣчную* (Іоан. VI, 27).

(*) А вѣроятнѣе, что это слово заимствовано писателемъ изъ посл. Варнавы, гл. 11-й. Приведеніемъ его онъ хочетъ сказать, что тѣлесное и матеріальное само по себѣ не грѣховно, а слѣдов. и бракъ и вкушеніе вина и мяса.

Приводятъ хулители брака въ свое оправданіе еще это слово Христа о воскресеніи мертвыхъ: *Сыны вѣка онаго ни женятся ни замужъ не выходятъ* (Лк. XX, 35). Но слѣдуетъ припомнить свойство вопроса и характеръ спрашивавшихъ, и тогда откроется, что Господь далекъ былъ отъ отверженія брака, напротивъ своимъ отвѣтомъ вразумлялъ спрашивавшихъ Его о состояніи по воскресеніи, относительно котораго они питали столь грубыя надежды. Эти слова: *сыны вѣка сего* (Лк. XX, 34) Христомъ сказаны не о сынахъ другаго какого либо вѣка, (т. е. которые жить будутъ внѣ брака), а ихъ изрекъ Онъ, какъ бы такъ говоря: «Родившіеся въ настоящемъ вѣкѣ,— такъ какъ по самому своему рожденію состоятъ сынами его, то и сами рождаютъ и рождаются; потому что никто не можетъ стать на порогѣ этой жизни, не вошедъ въ нее путемъ рожденія. Но въ способности снова возродиться такимъ людямъ, какъ скоро нить бытія ихъ порывается, какъ тлѣннымъ отказано.» Одинъ только у насъ есть и единственный Отецъ на небѣ, который чрезъ твореніе состоитъ Отцомъ и всѣхъ вообще вещей. *Не называйте никого вашимъ отцомъ на землѣ*, говоритъ Господь (Мѳ. XXIII, 9). Этимъ Онъ сказалъ: «Не воображайте, что плотской вашъ отецъ есть дѣйствительный виновникъ вашего бытія; онъ есть только пособіе или лучше орудіе вашего рожденія». Итакъ Господь хотѣлъ сказать вышеприведеннымъ своимъ словомъ, что по обращеніи къ Нему мы должны себя поставлять къ Богу въ отношенія чадъ (Мѳ. XVIII, 3), при возрожденіи въ водахъ крещенія, въ новомъ семъ твореніи въ твореніи, познавая истиннаго своего Отца.

Но Апостолъ говоритъ: *Не женатый заботится о Господнемъ, какъ угодить Господу, а женатый заботится о мірскомъ, какъ угодить женѣ* (1 Кор. VII, 32, 33). Что же? Тотъ, который заботится о своей женѣ, согласно съ установленіемъ Божіимъ развѣ не можетъ благодареніе за сіе возсылать Богу? Не льзя развѣ женатому вмѣстѣ съ женой заниматься въ одно и тоже время и дѣлами семейства и Господа? Вполнѣ возможно. Какъ *незамужняя можетъ озабочиваться дѣлами Господними, чтобы святою быть и по тѣлу и по духу* (1 Кор. VII. 34), такъ и замужняя можетъ въ Господѣ заниматься дѣлами мужа и Господними, чтобы святою быть и тѣломъ и духомъ. Обѣ онѣ святы въ Господѣ, одна въ качествѣ супруги, другая въ качествѣ дѣвы.

Апостолъ ради пристыжденія и укрощенія тѣхъ, кои (разошедшись съ одной женщиной) имѣютъ склонность ко второму браку, особенно громко восклицаетъ: *Всякій грѣхъ вчиняется внѣ тѣла, а блудникъ грѣшитъ противъ собственнаго своего тѣла* (1 Кор. VI. 18).

Продолжать со стороны еретиковъ послѣ сего все еще доказывать, что бракъ есть любодѣяніе, это,—повторяю я,—значитъ клеветать на законъ и Господа. Бракъ не любодѣяніе, а вотъ любодѣяніе. Подобно тому какъ любодѣяніемъ можно назвать жажду къ богатству, потому что она врагъ разумной умѣренности; и какъ идолослуженіе состоитъ въ раздѣленіи Божественнаго единства на множество боговъ: такъ и переходъ отъ одного брака къ нѣсколькимъ есть любодѣяніе. Мы уже видѣли, что Апостолъ различаетъ три рода любодѣянія и прелюбодѣянія. На нихъ намекаетъ и пророкъ въ слѣдующихъ словахъ: *Вы проданы вашимъ грѣхамъ* (Ис. L, 1). И еще: *Вы осквернялись на землѣ чужой*, т. е. пророкъ объявляетъ преступной плотскую связь со всякой другой женщиной кромѣ той, которая дана человѣку въ бракѣ для имѣнія отъ нея дѣтей. Отсюда слово Апостола: *Я желаю, чтобы молодыя вдовы вступали въ бракъ, рождали дѣтей, управляли домомъ и не давали бы врагамъ никакого повода къ злорѣчію, ибо есть нѣкоторыя, которыя совратились во слѣдъ сатаны* (1 Тим. V, 14, 15). И еще лучше опредѣляется любодѣяніе чрезъ слово Апостола, относящагося особенно благосклонно къ тому, кто только единыя жены мужъ (1 Тим. II, 2, 12), будетъ ли этимъ пресвитеръ, діаконъ или мірянинъ, лишь бы онъ пользовался брачными отношеніями благоприлично (*): онъ *освящается дѣтьми, имъ пораждаемыми на свѣтъ* (1 Тим. II, 15).

Когда Господь называетъ Іудеевъ *родомъ лукавымъ и прелюбодѣйнымъ* (Мѳ. XII, 39), то чрезъ это Онъ учитъ насъ, что Іудеи вмѣсто того, чтобы понимать законъ такъ, какъ самъ онъ хочетъ быть понимаемымъ, слѣдовали *преданіямъ старцевъ и заповѣдямъ людскимъ* (Мѳ. XV, 2, 9; Мк. VII 5, 7). прелюбодѣйствуя чрезъ то съ инымъ закономъ; и такимъ образомъ Онъ Богъ не былъ по отношенію къ нимъ мужемъ и хранителемъ ихъ дѣвственности. А можетъ быть Господь говоря это имѣлъ въ виду и порабощеніе ихъ нечистымъ и противорѣчущимъ разуму пожеланіямъ, изъ за служенія которымъ отъ рабства грѣху они попадали въ плѣнъ къ чуждымъ народамъ. Еврейскимъ законодательствомъ, далекимъ отъ коммунизма женщинъ, прелюбодѣяніе и дѣйствительно запрещено.

А когда Спаситель сказалъ: *Жену поялъ, и потому не могу пріити* (Лк. XIV, 20) на Божественный пиръ, то это слово Его служитъ хорошимъ примѣромъ для осужденія тѣхъ, кто удовольствіями бываетъ отклоняемъ отъ соблюденія заповѣдей.

Итакъ если правда на сторонѣ нашихъ противниковъ, то не спасутся ни тѣ праведники, которые жили прежде пришествія Господа, ни жившіе въ брачной жизни послѣ онаго, ни сами Апостолы.

А если бы они привели въ свое оправданіе еще это слово пророка: *Истомился Я среди враговъ Моихъ* (Пс. VI, 8), то отвѣчаемъ имъ, что врагами этими состоятъ грѣхи.

Да, одинъ есть грѣхъ въ бракѣ, и этимъ со-

(*) Срав. говоримое писателемъ о семъ же недалеко отъ конца сей книги.

стоитъ не онъ самъ, а любодѣяніе. Въ противномъ случаѣ, т. е. если этотъ самый бракъ любодѣяніе, то и рожденіе пусть называютъ грѣхомъ и Виновника рожденія.

13. Отвѣтъ Юлію Кассіану и сужденіе объ одномъ мѣстѣ, которое еретикъ этотъ приводилъ изъ апокрифическаго евангелія.

Эти же самые доводы въ пользу своей ереси приводитъ и Юлій Кассіанъ, основатель секты Докетовъ. Въ своей книгѣ, озаглавленной «О воздержаніи или о цѣломудріи» буквально онъ пишетъ слѣдующее: «Что вы мнѣ ни говорите о причинахъ различія половыхъ частей, будто мужъ сложенъ такъ, а женщина иначе съ той цѣлью, одинъ чтобы оплодотворять, а другая чтобы рождать и что плотскія ихъ отношенія будто бы отъ Бога происходятъ, это будетъ невѣрно. Если бы учрежденіе брака дѣйствительно происходило отъ Бога, къ которому мы стремимся, то не ублажалъ бы Господь эвнуховъ; да и пророкъ не сказалъ бы, что они *древо не безплодное* (Ис. LVI, 3), метафорически называя древомъ человѣка, котораго воля сдѣлала эвнухомъ (отрѣшеннымъ) отъ всякой плотской мысли». Защитникъ этого нечестиваго ученія, Кассіанъ, еще прибавляетъ: «Кто бы не имѣлъ тогда права осуждать Спасителя за то, что Онъ преобразовалъ наше существо и освободилъ насъ отъ заблужденій и обмана и имѣнія частей, которыя соединяютъ и сближаютъ оба пола? Въ этомъ сходится съ Кассіаномъ и Татіанъ, вышедшій изъ школы Валентина. Еретикъ продолжаетъ: «Саломія спрашивала Господа: ««Когда настанетъ время, въ которое можно будетъ уразумѣть тайны, о которыхъ она Его теперь спрашиваетъ»»? ««Когда вы презрите одежды стыдливости»», отвѣчаетъ Христосъ, когда оба пола, т. е. и мужескій и женскій, будутъ одно и когда не будетъ ни мужчины ни женщины (*). Прежде всего переданныя намъ четыре Евангелія не содержатъ этого мѣста; нѣтъ его также и въ Евангеліи Египтянъ. Потомъ для меня ясно невѣжество Кассіана незнающаго что θυμός обозначаетъ собой именно мужское вожделѣніе, ἐπιθυμία же женское пожеланіе, которыя, будучи претворены въ дѣйствія, влекутъ за собой раскаянье и стыдъ. Итакъ не должно льстить ни гнѣву ни пожеланію, которыя, будучи укрѣпляемы привычками дурнаго воспитанія, покрываютъ и потемняютъ свѣтъ разума густымъ мракомъ. И вотъ когда мы освобождаемся отъ тьмы сей и подъ вліяніемъ раскаянія стыдимся своихъ грѣховъ, когда сосредоточиваемся своими душой и духомъ и собираемся въ одной точкѣ, слушаясь Логоса: тогда, по слову Апостола, не бываетъ въ насъ *ни мужескаго пола ни женскаго* (Гал III, 28). А Кассіанъ говоритъ: «Душа, освобождаясь отъ плотскаго вида, по коему различаются полы, собирается въ состояніе единства (*) и не бываетъ ни мужескаго пола ни женскаго». Сей (мнимо) благородный Кассіанъ слишкомъ приближается здѣсь къ мнѣнію Платона, утверждая что душа, божественная въ своемъ началѣ, но изнѣжившаяся на пожеланіяхъ, спускается внизъ на землю для рожденія и смерти (**).

14. Изъясненіе словъ Апостола изъ 2 Кор. XI, 3 и Еф. IV, 24.

Ересіархъ этотъ вынужденнымъ толкованіемъ словъ Апостола навязываетъ ему мысль о произрожденіи какъ слѣдствіи первобытнаго паденія. Мѣсто изъ Апостола, еретикомъ толкуемое въ этомъ превратномъ смыслѣ, таково: *Но я боюсь, чтобы какъ змій хитростію прельстилъ Еву, такъ и ваши умы чтобъ не повредились, уклонясь отъ простоты во Христѣ* (2 Кор. XI, 3). Но когда и о Господѣ свидѣтельствуется, что Онъ *пришелъ къ заблудшимъ*

(*) Срав. въ концѣ послѣдн. посланія къ Коринѳянамъ Климента Римскаго. Аналогичное сему изреченіе представляется въ Лк. XX, 35.

(*) Срав. Стром. IV, въ гл. 12.

(**) Пиѳагоръ и Платонъ учили, что существуютъ души безтѣлесныя, опускаемыя въ тѣла лишь по впаденіи въ какой либо грѣхъ въ наказаніе за то.

(Мѳ. XVIII, 11, 12), то конечно вѣрнѣе де будетъ это состояніе совращенности съ пути прямаго и должнаго понимать не объ изверженіи душъ изъ небеснаго жилища и изгнаніи ихъ въ эту юдоль рожденія. И человѣка образованіе было вѣдь такимъ же и того же Вседержителя дѣломъ, какимъ было и всего вообще сотвореніе. Да и неестественно было Богу когда нибудь захотѣть извергнуть человѣческую душу изъ состоянія блаженства въ состояніе низшее. Итакъ понимать слѣдуетъ то сошествіе Спасителя къ заблудшимъ о сошествіи Его къ намъ, сбившимся съ праваго пути своими чувствами и мыслями; къ намъ это сошелъ Господь. А развращенъ былъ образъ нашихъ чувствъ и мыслей чрезъ наше непослушаніе заповѣдямъ, ибо мы жадно отдавались удовлетворенію своихъ пожеланій. Первосотворенный же человѣкъ можетъ быть какимъ нибудь образомъ и потому палъ, что, не дождавшись должнаго времени, вѣроломно пожелалъ прежде времени насладиться удовольствіями брака. И поелику *всякій кто смотритъ на женщину съ пожеланіемъ, уже прелюбодѣйствуетъ съ нею* (Мѳ. V, 28); онъ грѣшитъ, потому что не дожидается назначеннаго Божественною волею времени: то Господь, это изрекшій, Онъ же самый и при началѣ міра осудилъ преждевременное пожеланіе первобытнаго человѣка. Но и Апостолъ, къ намъ обращаясь съ приглашеніемъ *облекаться въ новаго человѣка, созданнаго по образу Божію* (Еф. IV, 24), признаетъ насъ такими, какими волею Вседержителя мы были сотворены. Словомъ же *ветхій человѣкъ* онъ не обозначаетъ ни рожденія ни возрожденія, а разумѣетъ подъ нимъ жизнь и ту и другую, и проводившуюся нами въ непослушаніи Богу и какая отличалась уже покорностью Ему. Подъ кожаными же препоясаніями (Быт. III, 21) Кассіанъ разумѣетъ облеченіе насъ тѣлами.

Но съ этимъ его заблужденіемъ равно какъ съ держащимися одинаковыхъ съ нимъ мнѣній мы будемъ имѣть дѣло позднѣе, когда въ согласіи съ намеченнымъ планомъ пристѵпимъ къ изложенію ученія о происхожденіи человѣка: по нашему замыслу это ученіе должно предшествовать опроверженію сихъ еретиковъ.

«Земными вещами занятые, говоритъ Кассіанъ, рождаютъ и сами рождены, *мы же живемъ уже на небѣ* (Фил. III, 20); отсюда-то мы и внимаемъ словамъ Спасителя». Вотъ съ этимъ такъ согласны мы; съ чувствомъ сказано это; въ словахъ этихъ содержится напоминаніе намъ и о нашихъ обязанностяхъ; прекрасно это. Будучи чуждыми сему міру и странниками въ немъ, мы и жить здѣсь долу должны *какъ странники и пришельцы* (Евр. XI, 13; 1 Петр. II, 11); въ бракѣ состоя какъ еслибъ были безбрачными (1 Кор. VII, 29—31); имѣньемъ владѣя, какъ еслибъ были неимущими; дѣтей рождая въ качествѣ существъ, предназначенныхъ стать достояніемъ смерти; готовиться должны мы все намъ принадлежащее оставить; расположенные, еслибъ это нужнымъ оказалось, и безъ женъ жить; всѣмъ сотвореннымъ пользуясь *со всякимъ благодареніемъ* (1 Тим. IV, 3, 4) (*), а не для удовлетворенія пожеланій безмѣрныхъ; душой будучи обращены къ высокому нашему назначенію.

15. Объясненіе мѣстъ: 1 Кор. VII, 1; Лк. XIV 26; Ис. LVI, 2, 3.

И за тѣмъ, говоря: *Хорошо человѣку не касаться женщины; но во избѣжаніе блуда каждый имѣй свою жену*, Апостолъ какъ бы въ объясненіе прибавляетъ такія слова: *чтобъ не искушалъ васъ сатана* (1 Кор. VII, 1, 2, 5). Потому что развѣ къ тѣмъ, которые пользуются брачными правами умѣренно и съ единственною цѣлію имѣть дѣтей, обращаетъ Апостолъ эти слова: *невоздержаніемъ вашимъ?* Нѣтъ, а говоритъ онъ это тѣмъ, которые отъ прижитія дѣтей въ бракѣ желаютъ остаться свободными. Апостолъ боится, чтобы демонъ блуда своей чрезмѣрной угодливостью не возбудилъ въ вѣрующихъ волнъ пожеланія и чрезъ это

(*) Подобное выше въ гл. 6-й: «И древніе праведники развѣ не съ благодарностью пользовались своею долею изъ вещей сотворенныхъ»?

не ввергъ въ сладострастіе несообразное. Потому что демонъ сей, будучи завистливымъ и упорнымъ противникомъ живущихъ праведно, можетъ дѣлать попытки къ обманному вовлеченію ихъ въ ряды своихъ послѣдователей и посредствомъ разныхъ уловокъ устроять имъ среди воздержанія, сопровождающагося столькими трудами, случаи къ паденію. Апостолъ посему имѣлъ всѣ основанія сказать: *Лучше вступить въ бракъ нежели разжигаться* (1 Кор. VII, 9); *мужъ да оказываетъ женѣ должное благорасположеніе, а жена мужу и да не уклоняются другъ отъ друга* (1 Кор. VII, 3, 5); произрожденіемъ человѣка они оказываютъ Божественному творчеству содѣйствіе.

Но *кто не возненавидитъ*, говорятъ, *отца или матерь или жену или дѣтей не можетъ быть Моимъ ученикомъ* (Лк. XIV, 26). И все-же Господь этимъ вовсе не повелѣваетъ проникнуться ненавистью къ своему собственному семейству. Не Онъ ли же и это говоритъ: *Чти отца твоего и матерь, да благо тебѣ будетъ* (Исх. XX, 12)? Господь хочетъ сказать намъ своими словами только это: «Не увлекайтесь неразумными пожеланіями и избѣгайте слѣдованія обычаямъ общественнымъ, ибо семейство состоитъ изъ родныхъ, а города изъ семействъ» (*). Точно также и Павелъ о живущихъ въ бракѣ говоритъ: *Женатый заботится о мірскомъ* (1 Кор. VII, 33). И въ другомъ мѣстѣ Господь говоритъ: «Женившійся не бросай жены своей, а не женившійся не женись» (Срав. Мѳ. XIX, 12; 1 Кор. VII, 8, 10, 11). Это значитъ: вы, въ цѣляхъ цѣломудрія давшіе обѣтъ не жениться, оставайтесь безбрачными. И тѣмъ и другимъ и самъ Господь устами пророка Исаіи даетъ подобныя же обѣтованія: *Да не говоритъ эвнухъ, что вотъ я сухое дерево. Вотъ что Господь говоритъ эвнухамъ: Еслибы вы хранить будете Мои субботы и творить все заповѣдуемое Мною, то дамъ вамъ мѣсто лучшее, нежели сыновьямъ и дочерямъ* (Ис. LVI, 3 — 5). Ибо одна чистота еще не оправдываетъ эвнуха; и наблюденія субботъ мало; требуется для оправданія его еще исполненіе имъ заповѣдей. Женатымъ же добавляя говоритъ: *Избранные Мои не будутъ трудиться напрасно и рождать дѣтей на горе* (*), *ибо будутъ сѣменемъ благословеннымъ отъ Господа* (Ис. LXV, 23). Ибо человѣку, родившему и наставившему дѣтей въ духѣ Логоса и воспитавшему ихъ въ Господѣ, равно какъ и духовно дѣтей родившему словомъ и сообщеніемъ имъ истиннаго ученія, обѣщана нѣкоторая награда, какъ сѣмени избранному.

По мнѣнію же нѣкоторыхъ подъ проклятіемъ разумѣть должно самое рожденіе дѣтей. Безумные, они не понимаютъ, что эта анаѳема къ нимъ-то именно и обращена Писаніемъ. Дѣйствительно истинные избранники Божіи ни ложныхъ ученій не измышляютъ, ни дѣтей проклятія не рождаютъ, какъ это бываетъ у еретиковъ

Итакъ слово *эвнухъ* въ устахъ Господа не означаетъ ни того, кто насильственно изуродованъ желѣзомъ, ни того кто остается безбрачнымъ, но обозначается имъ духъ безплодный, который не въ состояніи породить ученія истиннаго. Прежде былъ онъ сухимъ деревомъ; сдѣлавшись же послушнымъ Логосу и по отложеніи грѣховъ начавъ наблюдать субботы и исполнять заповѣди, онъ становится почетнѣе тѣхъ, кои ограничились лишь слушаніемъ ученія Логоса, не присоединивъ къ сему праведности жизни.

Дѣти, уже недолго Мнѣ быть съ вами, го-

(*) Писатель хочетъ сказать этимъ, что подъ *отцомъ* и остальными близкими Спаситель разумѣетъ общество, а когда за тѣмъ Онъ же заповѣдуетъ ненавидѣть ихъ, то слѣдуетъ разумѣть подъ симъ заповѣдь не увлекаться гражданскими порядками.

(*) На языкъ современный это мѣсто изъ пророка можно бы передать такъ: «Курсъ дѣлъ ихъ будетъ стоять высоко, твердо и неизмѣнно; и дѣтей будутъ они рождать не на отвращеніе къ нимъ и проклятіе, т. е. на бытіе равное небытію, а на бытіе субстанціальное», достигающее извѣстныхъ благихъ цѣлей.

воритъ Учитель (Іоан. XIII, 33). Вотъ почему и Павелъ въ посланіи къ Галатамъ говоритъ въ свою очередь: *Дѣти мои, изъ за которыхъ я снова въ мукахъ рожденія, доколѣ не изобразится въ васъ Христосъ* (Гал. IV, 19). Потомъ въ посланіи къ Коринѳянамъ онъ же пишетъ: *Хотя бы вы и десять тысячъ имѣли наставниковъ во Христѣ, но немного отцовъ, ибо благовѣствованіемъ во Христѣ Іисусѣ я родилъ васъ* (1 Кор. IV, 15). Посему *эвнухъ не войдетъ въ церковь Божію* (Втор. XXIII, 1.), т. е. тотъ, кто лишенъ способности плодородія и не приноситъ плодовъ ни на словахъ ни на дѣлѣ. Тѣ же, которые сдѣлались эвнухами, т. е. отрѣшившимися отъ всякаго грѣха *ради царства небеснаго*, тѣ блаженны, воздерживаясь отъ всѣхъ вещей мірскихъ.

16. Объясненіе мѣстъ свящ. Писанія: Іер. XX, 14; Іов. XIV, 3; Пс. L, 5; 1 Кор. IX, 27.

Проклятъ день, въ который я родился и да не будетъ онъ благословленъ, восклицалъ Іеремія (Іер. XX, 14). Пророкъ не рожденіе здѣсь безусловно проклинаетъ, а выражаетъ негодованіе на грѣхи и непослушаніе народа, позора которыхъ онъ не можетъ переносить. Посему онъ прибавляетъ: *Для чего родился я, чтобы видѣть труды и скорби и чтобы мои дни исчезали въ безславіи* (Іер. XX, 18)? Во времена Іереміи всѣ проповѣдывавшіе истину, изъ за возбужденія ими слушателей къ непослушанію, были тотчасъ же арестовываемы, привлекаемы къ суду и наказанію. *Почему родился я*, восклицаетъ пророкъ Ездра, *и утроба матерняя не сдѣлалась гробомъ для меня, чтобъ свидѣтелемъ не быть мнѣ угнетенія Іаковля и изнуренія рода Израильскаго* (3 Ездры V, 35)? *Никто не рождался чистымъ изъ источника нечистаго*, говоритъ Іовъ, *хотя бы и одинъ день длилась жизнь его* (Іов. XIV, 4, 5) (*). Пусть скажутъ намъ: гдѣ дитя, которое тотчасъ по рожденіи уже въ состояніи было бы грѣшить? И какъ ничего не сдѣлавъ можетъ оно подлежать проклятію Адама? Нашимъ противникамъ остается слѣдовательно, какъ оказывается, объявить зломъ уже не только рожденіе тѣлесное, но бытіе и самой души, изъ за которой тѣло существуетъ. И когда Давидъ восклицаетъ: *Во грѣхахъ зачатъ я и въ беззаконіяхъ родила меня мать моя* (Пс. L, 7), то подъ матерью разумѣетъ онъ Еву. Она дѣйствительно была *матерью живыхъ*; и если пророкъ былъ *зачатъ во грѣхахъ*, а въ минуту рожденія не былъ грѣшникомъ, то онъ слѣдовательно и не есть грѣхъ. Въ доказательство же той истины, что всякій переходящій отъ грѣха къ вѣрѣ освобождается отъ узъ грѣховныхъ, подобно тому какъ ребенокъ выходитъ на свѣтъ разрывая чрево матери, можно привесть такія слова одного изъ двѣнадцати пророковъ: *Отдамъ ли первенца моего за преступленіе мое и плодъ чрева моего за грѣхъ души моей* (Мих. VI, 7)? Не Творца симъ пророкъ обвиняетъ, сказавшаго: *Плодитесь и размножайтесь* (Быт. I, 28), а клеймитъ именемъ нечестія первыя пожеланія, являющіяся въ насъ впервые послѣ плотскаго нашего рожденія, изъ за коихъ мы и Бога оказываемся незнающими. Если же рожденіе, разсматриваемое съ сей точки зрѣнія, есть зло, то вмѣстѣ съ тѣмъ оно столько же собою представляетъ и благо, потому что чрезъ оное мы познаемъ истину о Богѣ. *Будьте бдительны какъ должно и остерегайтесь грѣховъ, ибо нѣкоторые изъ васъ незнаютъ Бога* (1 Кор. XV, 34). Ясно, что это грѣшники. *Потому что наша брань не съ плотію и кровью только, но и съ духами* (Еф. VI, 12). *Міроправители тьмы вѣка сего* очень могущественны въ устроеніи искушеній намъ; вотъ почему намъ обѣщано прощеніе (1 Кор. VII, 6). Посему Павелъ говоритъ: *И сіе тѣло мое я смиряю и порабощаю* (1 Кор. IX, 27), *потому что всякій состязающійся ото всего воздерживается* (1 Кор. IX, 25), т. е. во всемъ наблюдаетъ строгія воздержность и умѣренность; не безусловное это ото всего воздержаніе, а означаетъ,

(*) Св. Климентъ Римскій приводитъ эти же слова Іова въ своемъ 1-мъ посланіи къ Кор. въ гл. 17-й; это мѣсто изъ него нашимъ писателемъ приводится ниже въ Стром. IV, гл. 17-й же.

что умѣренно тотъ пользуется только тѣмъ, что по его разсужденію полезно. И однако же чего добиваются они? Они *борются изъ за полученія вѣнка тлѣннаго, мы же нетлѣннаго* (1 Кор. IX. 25), въ борьбѣ побѣждая, но вѣнокъ получая покрытые потомъ и пылью. Въ этомъ благородномъ состязаніи нѣкоторые пальму первенства за воздержность отдаютъ не дѣвицѣ, а предпочитаютъ ей вдову, такъ какъ она великодушно отвергаетъ сладострастіе. ранѣе ей бывшее извѣстнымъ (*).

17. Доказываніе, что бракъ и рожденіе дѣтей суть зло, равнозначительно съ поношеніемъ всего творенія Божія и домостроительства евангельскаго.

Вы утверждаете, что рожденіе есть зло. Будьте же послѣдовательны. Утверждайте за тѣмъ, что и Господь родившись прошелъ чрезъ непотребство зла; что и Дѣва, Его родивши, прошла чрезъ туже юдоль зла. Увы, какой потопъ зла! Но посягая на рожденіе эти порицатели его возмущаются противъ воли Божіей и забрасываютъ злословіемъ всю тайну творенія. Отсюда увѣреніе Кассіана (**), что тѣло Христово есть нѣкотораго рода пустота; оттуда ученіе Маркіона и Валентина, что наши тѣла суть организмы свойства исключительно животнаго. Посему, говорятъ они, какъ скоро человѣкъ отдается дѣламъ плоти, *уподобляется скотамъ несмысленнымъ* (Пс. XLVIII, 13, 21). И мы согласны съ тѣмъ. Кто слѣпо отдается своей безумной страсти, посягаетъ на чужое ложе, тотъ дѣйствительно нисходитъ на степень животнаго. *Они сдѣлались откормленными конями*, говоритъ Писаніе *которые разгорячившись бѣгаютъ и ржутъ на кобылъ: каждый изъ нихъ ржетъ на жену ближняго своего* (Iер. V. 8).

Утверждать, что змѣю, знакомому съ нравами и обычаями животныхъ, удалось воспользоваться ими противъ человѣка, ибо онъ успѣлъ ими убѣдить Адама совокупиться съ Евой, и что безъ участія змія наши прародители никогда и не знали бы этого рода естественныхъ отправленій, какъ это утверждаютъ нѣкоторые, это значитъ опять-таки хулить твореніе (и Творца) за то, что Онъ создалъ человѣка немощнѣе животныхъ, грубымъ примѣрамъ которыхъ послѣдовали первосотворенные люди. Впрочемъ я могу съ вами согласиться, что природа влекла нашихъ прародителей къ дѣлу произрожденія; обольщенные чарами врага, увлеченные пыломъ молодости, они болѣе чѣмъ слѣдовало бы, послѣдовали плотскимъ инстинктамъ. Что же вышло? Проклятіе, на нихъ произнесенное Богомъ, было правосудно, потому что они не дождались повелѣнія Божія. И все-же рожденіе свято, потому что рожденіемъ поддерживается существованіе міра; имъ обусловливается сущность вещей съ ихъ природными свойствами; чрезъ оное—народы и царства природы съ родами въ нихъ и видами; чрезъ него Ангелы; чрезъ него Власти; чрезъ него души; чрезъ него заповѣди; чрезъ оное законъ; чрезъ него Евангеліе; чрезъ него наконецъ Бога познаніе. *И всякая плоть — трава и вся слава человѣка какъ цвѣты полевые. Трава сохнетъ, цвѣтъ отпадаетъ, а слава Бога нашего пребываетъ вѣчно* (Ис. XL, 6 -8). Слово сіе озаряетъ душу подобно свѣту масла и ее дружитъ съ разумомъ. Безъ тѣла какъ могло бы быть доведено до своего конца Божественное домостроительство церкви? Не подъ оболочкой ли плоти жилъ на землѣ самъ Глава церкви, Господь, *не имѣя вида и лишенный красоты* (Ис. LIII, 3) (*), уча насъ озабочиваться лишь существованіемъ нашимъ безтѣлеснымъ и невидимымъ, первопричиной котораго состоитъ Богъ. Ибо *древо жизни*, говоритъ пророкъ(**), *заключено въ добромъ желаніи* (Притч. XIII, 12); онъ учитъ насъ чрезъ это, что всѣ же-

(*) Шире о семъ въ «Стром.» VII, гл. 12-й.

(**) Выше въ началѣ гл. 13-й онъ названъ основателемъ секты Докетовъ, учившихъ что Христосъ имѣлъ тѣло не дѣйствительное, а призрачное.

(*) Эти слова о Христѣ изъясняетъ вмѣстѣ съ другими отцами и нашъ писатель въ «Педагогѣ» III подъ конецъ гл. 1-й и въ «Стром.» II въ гл. 5-й.

(**) Соломона писатель называетъ пророкомъ и въ слѣдующей главѣ и въ «Стром.» VI, 15.

ланія честныя и чистыя содержатся въ Богѣ живомъ.

Но не хотятъ ли эти еретики уже и законныя отношенія между мужемъ и женой выдавать за грѣхъ? По ихъ мнѣнію отношенія эти выражены чрезъ ядѣніе отъ плодовъ *древа познанія добра и зла* (Быт. III, 5); выраженіемъ же *позналъ* (Быт. IV, 1) будто бы обозначено въ Писаніи нарушеніе Божественной заповѣди. Но если это объясненіе признать правдоподобнымъ, то вѣроятнымъ же нужно признать, что и на обязанность принятія истины также указано слѣдствіемъ ядѣнія отъ плодовъ древа жизни. Бракъ благопристойный и проникнутый воздержностью можетъ имѣть сходство съ этимъ древомъ. Уже и ветхозавѣтный законъ не говоритъ ли намъ, что человѣкъ можетъ пользоваться брачнымъ правомъ или прилично или неумѣренно; вотъ древо *познанія* для него: не нарушать законовъ брачнаго союза.

Еще что? Спаситель нашъ не исцѣлялъ ли какъ тѣлесныя болѣзни, такъ и душевныя? Но если бы тѣло было первымъ врагомъ души, то сталъ ли бы Онъ увеличивать крѣпость его и возстановлять здоровье? Не значило ли бы это его лишь возстановлять симъ противъ души? *Скажу вамъ, братія, что плоть и кровь царствія Божія наслѣдовать не могутъ и тлѣніе имѣть мѣста въ немъ не будетъ*; это—нетлѣнныхъ и нетлѣннаго нетлѣнное наслѣдство (1 Кор. XV, 50). И дѣйствительно что общаго можетъ быть между грѣхомъ, исчадіемъ тлѣнія и праведностью, чадомъ безсмертія? *Такъ ли вы несмысленны*, говоритъ Апостолъ, *что начавъ разумомъ, теперь права предъявляете достичь совершенства поблажкой вожделѣніямъ плотскимъ* (Гал. III, 3)?

18. Противъ двухъ крайнихъ мнѣній предостереженіе: вопервыхъ противъ того, что будто бы слѣдуетъ воздерживаться отъ брака изъ ненависти къ Творцу; во вторыхъ противъ выводимой отсюда будто бы позволительности различныхъ непотребствъ и въ бракѣ.

Итакъ мы имѣли дѣло съ двоякаго рода еретиками. Одни изъ нихъ осчастливленіе себя спасительными дѣлами праведности и благоупорядоченности жизни совершенно излишне поставляли въ чрезвычайной напряженности всего строя ея, тогда какъ онъ долженъ былъ бы отличаться лишь спокойнымъ и достопочтеннымъ величіемъ. Такъ до высшей степени иногда натягиваютъ струны на нѣкоторыхъ инструментахъ и онѣ издаютъ звуки необычные и неправильные, а потомъ лопаютъ. Подобно сему и еретики эти, выходя изъ принципа злочестиваго, среди проклятій и хулы на Бога, вдавались во всякаго рода нечестіе и практиковали воздержность безусловную, тогда какъ слѣдовало ограничиваться лишь непорочностью жизни благочестивой, избираемой и проводимой не въ противорѣчіи съ началами здраваго разума, проникаемой благодареніемъ Богу за даруемыя милости, не гнушающейся ничѣмъ изъ сотвореннаго, ни къ живущимъ въ бракѣ не питающей ненависти и презрѣнія. Что міръ сотворенъ, это правда; несомнѣнно и то, что дѣвственная чистота жизни есть нѣчто достолюбезное; но непререкаемо и то, что и тотъ и другая въ живущихъ въ нихъ должны порождать собою благодареніе къ Богу, если только они сознаютъ права и обязанности положенія, въ которомъ находятся. Другіе изъ еретиковъ напротивъ, давая волю своимъ страстямъ, позволяли себѣ всѣ излишества и доходили до полной распущенности, становясь по истинѣ какъ бы лошадьми изступленными и неистовыми, подпавъ одной лишь скотской своей и животной волѣ. Какъ эти, вышедъ изъ себя, безъ смысла бѣгаютъ и ржутъ на кобылъ, такъ и изъ нихъ каждый напускается на жену своего ближняго (Іер. V, 8). Неспособными дѣлаясь къ самообладанію, они и другихъподстрекаютъ лишь къ дѣламъ сладострастія.

Вотъ мѣста Писанія, съ которыми они подъ вліяніемъ своихъ низкихъ страстей и смыслъ соединяли низкій и жалкій.

Приноси твое наслѣдство къ намъ; будемъ всѣ имѣть мы одинъ общій кошелекъ; подпоясываться будемъ всѣ мы общимъ кушакомъ (Притч. I, 14). Предостерегая противъ нихъ, тотъ же самый пророкъ посему насъ надѣляетъ такимъ

мудрымъ совѣтомъ: *Не ходи въ путь съ ними; удержи свою ногу отъ стезей ихъ; не напрасно пернатымъ* (т. е. невинности) *сѣти разставляются. Участники убійствъ на свои собственныя головы то зло собираютъ; оно-то и составляетъ сокровище злыхъ* (Притч. I, 15—17). Преданные своимъ грязнымъ порокамъ и учащіе тому же своихъ ближнихъ, они состоятъ *воителями*, но *сражаются* они лишь *хвостами своими* (Апок. IX, 10). На кого намекаютъ здѣсь вдохновенныя уста пророка? На людей сладострастныхъ и распутныхъ, кои походятъ на похотливыхъ животныхъ, махающихъ по воздуху своими хвостами. Это дѣти тьмы *и чада гнѣва* (Еф. II, 3), пятнающіе себя скверной убійствъ, насилователи самихъ себя и самоубійцы, но душегубцы и своихъ ближнихъ. *Очистите старую закваску, чтобы быть вамъ новымъ тѣстомъ*, взываетъ Апостолъ (1 Кор. V, 7). И опять, гнѣваясь на подобныхъ грѣшниковъ, онъ заповѣдуетъ намъ *не входить ни въ какія отношенія съ братомъ* (по вѣрѣ), *если онъ распутный или скряга или идолопоклонникъ или клеветникъ или вину преданъ или хищникомъ чужаго имѣнья состоитъ; и даже пищи не д. принимать съ такимъ человѣкомъ* (1 Кор. V, 11). *Ибо*, говоритъ Апостолъ, *закону я умеръ въ законѣ, чтобы жить только для Бога. Я сораспялся Христу и уже я не живу болѣе*, какъ жилъ я, когда былъ рабомъ сладострастія, *но живетъ во мнѣ Христосъ* жизнью непорочной и блаженной чрезъ послушаніе мое заповѣдямъ. Посему тогда я жилъ во плоти плотски, *а нынѣ хотя и живу въ томъ же смертномъ тѣлѣ, но живу вѣрою въ Сына Божія* (Гал. II, 19, 20). *Не вступайте на путь язычниковъ и въ городъ Самарянскій не входите*, говоритъ намъ Господь (Мѳ. X, 5), отвлекая насъ отъ заблужденій, въ коихъ они живутъ. *Потому что конецъ нечестивыхъ ужасенъ; но таковы же и пути всѣхъ, творящихъ злое* (Притч. I, 18, 19). *Горе человѣку оному*, говоритъ Господь; *лучше было бы не родиться ему* (Мѳ. XXVI, 24), *чѣмъ хотя одного изъ избранныхъ Моихъ соблазнить ему; лучше было бы, если бы ему повѣсили на шею жерновъ и потопили его въ глубинѣ морской*, чѣмъ совратить ему съ пути истиннаго и одного изъ Моихъ избранныхъ (Мѳ. XVIII, 6); это *изъ за нихъ имя Божіе хулится* (Ис. LII, 5; Іез. XXXVI, 20; Рим. II, 24) между язычниками. Посему прекрасно говоритъ Апостолъ: *Я писалъ вамъ въ одномъ изъ моихъ посланій не сообщаться съ распутными* (1 Кор. V, 11) и т. д. даже до словъ: *тѣло же вовсе не для блуда; оно для Господа и Господь для тѣла* (1 Кор. VI, 13). Потомъ, чтобы еще лучше убѣдить насъ въ томъ, что онъ не считаетъ бракъ на одной линіи съ какой-то любовной шашней, Павелъ прибавляетъ: *Или вы незнаете, что вступающій въ связи съ женщиной продажной становится одно тѣло съ нею* (1 Кор. VI, 15)? Я васъ спрашиваю: Кто же назоветъ дѣвицу блудницей до замужества? *И не уклоняйтесь другъ отъ друга*, говоритъ Апостолъ, *развѣ по согласію на время* (1 Кор. VII, 5). Словомъ *не уклоняйтесь* Апостолъ показываетъ, что долгъ брака рожденіе дѣтей; и онъ выражаетъ это именно съ этой буквальной точностью въ стихѣ предшествующемъ: *Мужъ оказывай женѣ должное благорасположеніе, подобно и жена мужу* (1 Кор. VII 3). Разъ цѣль брачнаго союза достигнута, жена становится помощницею мужу въ надзорѣ за домашней жизнью и поддержаніи въ мужѣ вѣры въ Господа.

И еще яснѣе говоритъ тотъ же Апостолъ: *А состоящимъ въ бракѣ не я повелѣваю, но Господь: женѣ не разводиться съ мужемъ. Если же разведется, пусть болѣе не выходитъ замужъ или пусть примирится съ мужемъ; и мужъ точно такъ же не долженъ оставлять жены своей. Что же до остальныхъ, то это я имъ скажу, а не Господь. Если какой братъ* и т. д. даже до словъ: *нынѣ же святы* (1 Кор. VII, 14).

Что отвѣтятъ на эти слова тѣ, которые поносятъ и законъ и бракъ, какъ еслибъ только ветхозавѣтный законъ уполномочивалъ на брачный союзъ и какъ если бы завѣтъ новый въ семъ противорѣчилъ закону?

Нечестивцы, избѣгающіе брачныхъ связей и хулящіе произрожденіе дѣтей, что скажутъ

далѣе еще противъ сихъ законоположеній? Даже епископа, состоящаго главою церкви, Апостолъ не заповѣдуетъ ли выбирать изъ такихъ, которые хорошо управляютъ своими семействами (1 Тим. III, 2, 4; Тит. I, 6)? А домъ единыя жены мужа не становится ли по мнѣнію Апостола домомъ Божіимъ? И онъ говоритъ: *Для чистыхъ все чисто; а для оскверненныхъ и невѣрныхъ нѣтъ ничего чистаго, но осквернены и умъ ихъ и совѣсть* (Тит. I, 15).

Слушайте теперь, какъ Апостолъ проклинаетъ распутство и сладострастіе: *Не обманывайтесь: ни распутники съ распутницами и кинэды, ни идолослужители, ни у иныхъ женщинъ преступной склонности и связи преступные заискиватели, ни съ кинэдами въ связь вступающіе, ни противъ своего собственнаго тѣла распутно посягающіе, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злорѣчивые, ни хищники царства Божія не наслѣдуютъ. Такими были и мы, но омылись* (1 Кор. VI, 9—11).

Что же касается до оправдывающихъ свой развратъ тѣмъ, что они де погружаются въ него изъ стремленія къ воздержанію отъ чувственности и служенія страстямъ въ послѣдующее время, то они оказываются чрезъ это нечестивцами. Они утверждаютъ, что позволительны всѣ пожеланія и всякое сладострастіе. Они учатъ мѣнять воздержаніе на невоздержность и безстыдно сосредоточиваютъ всѣ свои мысли и всѣ свои надежды на частяхъ тѣла постыдныхъ. Но чрезъ это они подготовляютъ своимъ послѣдователямъ не иной конецъ, какъ лишенными быть царства Божія, тогда какъ имя ихъ могло бы быть *написано на небесахъ*. Напрасно они усвояютъ своему ученію имя *познанія*. Они ходятъ по широкимъ путямъ, приводящимъ во тьму кромѣшнюю.

Прочее, мои братія, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродѣтель и похвально, о томъ помышляйте; чему вы и научены; что приняли и слышали и видѣли во мнѣ, то исполняйте; и Богъ мира будетъ съ вами (Фил. IV, 8, 9). И Петръ подобное же пишетъ въ своемъ посланіи: *Чтобы вамъ имѣть вѣру и надежду на Бога, очищайте ваши души послушаніемъ истинѣ* (1 Петр. I, 21, 22), *остерегаясь какъ послушные дѣти сообразоваться съ пожеланіями, коимъ предавались прежде въ невѣжествѣ вашемъ. Будьте святы во всѣхъ путяхъ вашей жизни по примѣру призвавшаго васъ Святаго, какъ написано: Будьте святы, потому что Я святъ* (1 Петр. I, 14—16; Срав. Лев. XIX, 2).

Однако необходимость оказать сопротивленіе представителямъ знанія лжеименнаго завела насъ гораздо далѣе чѣмъ слѣдовало и слишкомъ уже растянула наше противъ нихъ слово. Здѣсь посему сихъ въ духѣ истинной философіи гностическихъ Записокъ нашихъ, или Строматъ ихъ, третья книга кончается.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

1. Планъ, котораго въ дальнѣйшемъ писатель намѣренъ держаться при обсужденіи разныхъ предметовъ.

Нахожу теперь послѣдовательнымъ приступить къ рѣчи о мученичествѣ, а также о совершенствѣ и совершенныхъ. По поводу двухъ этихъ темъ будетъ изложено и все то, что имѣетъ связь съ ними. Тутъ намъ, безотносительно къ полу человѣка, мужескому ли то будетъ или женскому, первѣе всего придется рѣшить философскій вопросъ, кто рабъ и кто свободенъ. За тѣмъ, пополнивши прежнія наши разсужденія о вѣрѣ (*) и обсудивши о томъ вопросъ, какъ притти къ ней, мы тутъ же войдемъ въ разсужденіе о символахъ; а послѣ слова о нравахъ, мимоходомъ бросивъ о нихъ нѣсколько заключеній, покажемъ вкратцѣ, какую помощь оказала Эллинамъ варварская философія. По преднесеніи вниманію читателя очерка сего предмета, мы на нѣкоторое время остановимся на мѣстахъ Писанія въ опроверженіе разомъ какъ Эллиновъ такъ и Іудеевъ. Далѣе войдемъ мы въ нѣкоторыя подробности, кои въ предисловіи обѣщали изложить въ одномъ изъ очерковъ, но какого обѣщанія своего не могли исполнить, будучи подавлены обиліемъ матеріала и оныя оставивъ для сего. По изложеніи, насколько это возможно будетъ, всѣхъ сихъ предметовъ, мы войдемъ въ разборъ и натуралистическихъ принциповъ, насколько память о нихъ сохранилась у Эллиновъ и варваровъ, чтобы потомъ перейти къ обсужденію и главнѣйшихъ ученій философскихъ. За симъ, послѣ бѣглаго взгляда на богословіе, намъ естественно будетъ изложить преданія и пророческія. По утвержденіи послѣ сего достовѣрности Писанія, въ которое мы увѣровали, и показаніи Божественнаго его авторитета, мы шагъ за шагомъ въ состояніи будемъ слѣдить еретическія ученія, противупоставляя имъ ученіе объ единомъ Богѣ и Господѣ Вседержителѣ, столь искренно возвѣщаемыхъ въ законѣ, писаніяхъ пророческихъ и въ благодатномъ Евангеліи. Тутъ писателя естественно ожидаютъ частыя столкновенія съ приверженцами мнѣній противуположныхъ; но намѣреніе его всѣ гнусности сектантовъ чрезъ занесеніе ихъ въ этотъ литературный памятникъ побороть и чрезъ изобличеніе ссылками на Писаніе изобрѣтателей оныхъ вопреки собственной ихъ волѣ убѣждать въ иномъ. Наша задача такимъ образомъ будетъ исполнена во всей ея цѣлости, какъ скоро своими разъясненіями, въ мѣру внушенія оныхъ намъ Духомъ Святымъ,—о чемъ считаемъ за необходимое предувѣдомить читателя ранѣе изложенія самой истины,—удовлетворимъ настоятельнѣйшей потребности времени. Послѣ сего мы перейдемъ къ изложенію истинно-гностическаго воззрѣнія на природу и посвятимъ читателя въ тайны сначала меньшей важности, чтобы за тѣмъ привесть его къ воспринятію тайнъ и важнѣйшихъ (*). Такъ, по разъясненіи и формулированіи предварительныхъ принциповъ, согласное съ Божественнымъ разумомъ истолкованіе вещей святыхъ уже ничѣмъ не будетъ затрудняемо. Но это установленіе взгляда на природу видимую, или лучше сказать посвященіе себя въ тайну бытія вселенной, чрезъ ознакомленіе съ преданіемъ истинно-гностическимъ и чрезъ теорію космогоническую, возведетъ насъ къ познанію и Бога. Вотъ почему исходнымъ пунктомъ нашего взгляда на природу есть взглядъ на нее, какъ на сотворенную, что установлено и пророками. Мимоходомъ мы припомнимъ при семъ теоріи и иномыслящихъ для изобличенія, насколько это окажется возможнымъ, ихъ несостоятельности. И все-же весь этотъ планъ можетъ быть выполненъ при содѣйствіи лишь милости Божіей

(*) Срав. ниже въ гл. 8, 18, 20, 21.

(*) Срав. Стром. I, 1 и Стром. VI, 11.

и въ мѣру наитія на насъ Божественнаго.

Теперь обратимся посему къ нашему предмету и первѣе всего окончимъ то, что намъ осталось сказать о морали.

2. Почему книгамъ симъ дано названіе «Строматъ»?

Этимъ «Воспоминаніямъ» нашимъ, какъ о семъ уже не разъ мы говорили, изъ за читателей не очень-то разсудительныхъ и многознающихъ, данъ видъ узорчатыхъ ковровъ, или съ пестрыми видами шпалеръ. Въ нихъ постоянно мы переходимъ съ одного предмета на другой, говоря о томъ, а давая говоримымъ другое. «Рудокопъ, говоритъ Гераклитъ, ища золота въ землѣ, перерываетъ массу ея, а находитъ малость». Читатель же сихъ нашихъ «Записокъ», если онъ представляетъ собою такъ сказать истинное злато земли, и если онъ извлекать будетъ изъ сего творенія нашего лишь то, что на него самого походитъ, и не особенно роясь въ семъ твореніи нашемъ, найдетъ здѣсь и въ маломъ немало: встрѣтитъ же вѣдь эта книга хоть одного читателя, который пойметъ ее. Сіи наши «Строматы» въ рукахъ человѣка разумнаго суть лекарство для памяти его и средство, способствующее открытію истины. Но онѣ не дѣлаютъ для читателя излишней обязанности и самостоятельнаго отношенія къ дѣлу и не будутъ въ обидѣ на него, если онъ присоединитъ къ нимъ и свои личныя разсужденія. Путешественнику разумному, если онъ зайдетъ на дорогу незнакомую, достаточно лишь указать путь истинный, чтобъ онъ достигъ цѣли путешествія; дѣломъ уже его самого бываетъ итти безъ провожатаго и на основаніи своихъ собственныхъ соображеній догадываться, гдѣ онъ и гдѣ цѣль его пути. Спрашивалъ разъ у Дельфійской жрицы одинъ рабъ совѣта: «Какъ бы это ему понравиться своему господину»? Пиѳія отвѣчала: «Думай и откроешь». И все-же мнѣ кажется, что открытіе сокрытаго прекраснаго не можетъ даваться безъ затраты силъ и труда. «Добродѣтель только потомъ берется» (*).

(*) Гезіода «Дѣла и Дни», V, 288—90.

.....Длинна и крута стезя къ ней
И очень трудна сначала. Но когда восходятъ на вершину,
Она представляется столь же легкою, какъ неудобной казалась сначала.

Да, дѣйствительно *тѣсенъ и узокъ путь* Господень (Мѳ. VII, 14) и лишь *употребляющими усиліе* (*) *восхищается царство небесное* (Мѳ. XI, 12). Вотъ почему Господь и говоритъ намъ: ***Ищите и найдете*** (Мѳ. VII, 7), найдете, если будете держаться пути царскаго и никогда съ него если не будете уклоняться на пути сторонніе.

Пусть никому однакоже не кажется страннымъ, что это сочиненіе наше похоже на поле съ растущими на немъ разныхъ сортовъ цвѣтами и травами. Растеніе, по словамъ Писанія, хотя и мало пространства занимаетъ собой, а содержитъ въ себѣ *множество* плодотворныхъ *сѣмянъ* (Іов. V, 25) Слѣдовательно если наши сіи «Записки» называются «Строматами» (т. е. пестрыми лугами), то наименованіе сіе ихъ содержанію вполнѣ приличествуетъ, потому что дѣйствительно въ нихъ рѣчь идетъ о разныхъ предметахъ. По свидѣтельству Софокла, въ древнія жертвы

Входило и руно овцы, и вино,
И хорошо сохранившіяся виноградныя кисти,
И разнаго рода плоды,
И оливковое масло въ сосудахъ,
И самолучшій медъ,
И восковые медовые соты, искусное дѣло пчелы.

Подобно сему и въ нашихъ сихъ «Строматахъ», —воспользуемся сравненіемъ, которое комикъ Тимоклей вложилъ въ уста своему садовнику,— «какъ бы на плодородномъ нѣкоемъ полѣ произрастаютъ и винныя ягоды и масличныя деревья и дикія смоквы и медъ несутъ пчелы». Эта-то плодовитость поля заставляетъ хозяина сказать:

Конечно не о полѣ обработанномъ ты это говоришь,
а про вѣтвь оливковаго дерева, стоящую предъ храмомъ.

У Аѳинскихъ дѣтей и дѣйствительно былъ обычай пѣть предъ храмомъ такого содержанія стихи:

(*) Срав. Стром. V, 2; VI, 17.

Одна и таже вѣтвь оливы приноситъ и маслины,
и винныя ягоды, и питательный хлѣбъ,
И медъ въ наши блюда, и масло, чтобы смягчать
кожу на нашихъ членахъ (*).

Подобно вѣяльщику, отдѣляющему зерно отъ мякины, посему и въ сихъ нашихъ «Записках» слѣдуетъ чаще пропускать пшеницу сквозъ рѣшето и очищать ее отъ сора.

3. Въ чемъ состоитъ истинное превосходство человѣка?

Большинство людей по непостоянству и безосновательности дѣйствій походитъ на измѣнчивость погоды. Слушайте. «Невѣріе есть мать всѣхъ благъ, а вѣра—мать всѣхъ золъ». Такъ говоритъ Епихармъ. «Помни, что вѣрить не слѣдуетъ», говоритъ онъ; «это—нервъ (проводникъ, посредникъ) разумности». Такъ. Но невѣріе въ истину смертью сопровождается, равно какъ вѣра въ истину жизни равна. И наоборотъ вѣрить въ ложь, а истину отвергать, это значитъ копать подъ своими ногами яму, чтобы въ ней сгинуть. Тоже самое слѣдуетъ сказать о воздержаніи и невоздержности: одно есть дѣло жизни; другая ведетъ къ смерти. Воздерживаться отъ дѣлъ добрыхъ равносильно бездѣльничеству; воздерживаться же отъ всякаго рода неправдъ, это—начало спасенія И мнѣ кажется. что *субботою* косвенно заповѣдуется воздержность. такъ какъ ею рекомендуется укрощеніе въ себѣ склонностей ко всему злому. Иначе чѣмъ человѣкъ и отличался бы отъ животныхъ? Съ другой стороны въ чемъ Ангелы Божіи были бы мудрѣе человѣка? *Немногимъ Ты умалилъ его предъ Ангелами*, восклицаетъ царственный пророкъ (Пс. VIII, 6). Дѣйствительно, никто не относитъ сего изреченія Писанія къ Господу, хотя Онъ также облеченъ былъ плотію. Лучше сказать имѣетъ отношеніе это выраженіе Писанія къ совершенному мудрецу (гностику), лишь малымъ чѣмъ умаленному предъ Ангелами, т. е лишь временностью этой земной жизни и облеченіемъ въ плотяную сію одежду (2 Кор. V, 2, 3). Посему подъ мудростью я не иное что могу разумѣть какъ знаніе же. Потому что жизнь (безплотныхъ) отъ жизни (нашей) въ сущности конечно не можетъ быть отличной. Для природы смертной, т. е. человѣка, равно какъ и для всѣхъ другихъ существъ, вмѣстѣ съ нимъ одинаково возвышенныхъ до безсмертія, жить это значитъ созерцать и во всемъ наблюдать умѣренность и воздержность, (т. е. духовность) жизни, хотя степенью совершенства и тѣ и другія существа и могутъ превосходить другъ друга (*). Именно въ этомъ высокомъ смыслѣ Пиѳагоръ посему говоритъ: «Только одинъ Богъ премудръ». И Апостолъ въ посланіи къ Римлянамъ пишетъ: *Открыта тайна сія всѣмъ народамъ, чтобы они повиновались вѣрѣ и чрезъ Христа Іисуса познали единаго премудраго Бога* (Рим. XVI, 19). Изъ за любви, которая соединяла Пиѳагора съ мудростью (Богомъ), онъ назвалъ себя не мудрецомъ, а лишь любителемъ мудрости (Бога). И *съ Моисеемъ*, по свидѣтельству Писанія, *Богъ говорилъ какъ другъ говоритъ со своимъ другомъ* (Исх. XXXIII, 11; срав. Числ XII, 8; Втор. XXXIV, 10). Истина свойственна существу Божію съ такой непосредственностью, что оно собою порождаетъ истину; поэтому-то гностикъ и любитъ ее; (любовь къ ней равнозначительна у него любви къ Богу).

(*) Въ Аѳинахъ былъ обычай, чтобы дѣти въ праздникъ «Пюаненсій» приносили къ храму Аполлона вѣтвь оливковаго дерева, обвитую шерстью и увѣшанную разнаго рода плодами. При семъ хоръ мальчиковъ пѣлъ въ честь Аполлона гимнъ, въ коемъ были и два съ вышеприведеннымъ содержаніемъ стиха. Это было даромъ Аполлону за плодородіе.

(*) Писатель симъ хочетъ сказать слѣдующее: Ангеламъ и инымъ духамъ небеснымъ свойственна наравнѣ съ человѣкомъ жизнь, слѣдовательно нѣчто общее. Но общимъ симъ въ жизни и людей и небожителей можетъ быть только познаніе; мудрость слѣдовательно, т. е. умѣренность и воздержность, входитъ въ понятіе познанія и въ сущности отъ него не отлична.

Пойди, лѣнивецъ, къ муравью и поучись у пчелы (Притч. VI, 6, 8), говоритъ Соломонъ. Чему *поучись?* Тому, что каждому изъ живыхъ существъ свойственно свое особое назначеніе. Иное назначеніе жизни вола, иное жизни лошади, иное—пса. Значитъ свое особенное призваніе имѣетъ и человѣкъ. И какое же это? Человѣкъ, по моему пониманію, представляетъ собою нѣчто въ родѣ миѳическаго Центавра, почитавшагося въ Ѳессаліи. Онъ составленъ съ одной стороны изъ тѣхъ же элементовъ какъ и животныя; съ другой стороны есть въ немъ начало еще духовное; я хочу сказать: человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла. Тѣло занято землею и гнется къ землѣ; душа же стремится къ Богу. Просвѣщена будучи мудростію (философіей) истинною, она устремляется горѣ къ родственнымъ съ нею небожителямъ; она всѣми своими силами работаетъ надъ освобожденіемъ себя отъ пожеланій тѣла, между прочимъ и отъ трудовъ и страховъ, хотя,—какъ мы показали выше,—терпѣніе и страхъ и необходимы для утвержденія въ добродѣтели.

То правда конечно, что *закономъ познается грѣхъ* (Рим. III, 20), какъ это утверждаютъ и хулители закона, хотя и *до закона грѣхъ былъ въ мірѣ* (Рим. V, 13); но *безъ закона*, отвѣтимъ имъ, *грѣхъ былъ мертвъ* (Рим. VII, 6). Потому что если, исторгая изъ себя грѣхъ, причину страха, мы состоя въ законѣ не освобождались отъ страха, то тѣмъ паче наказаніе значитъ мы отъ себя удаляемъ, какъ скоро изсякаетъ источникъ бурнаго пожеланія. *Законъ не для праведника положенъ*, говоритъ Писаніе (1 Тим. I, 9). Полны глубокой правды посему и слова Гераклита: «Люди никогда не имѣли бы и понятія о справедливости, еслибы не знали преступленій». И по мнѣнію Сократа «Законы не для добродѣтельныхъ постановляются».

Хулители закона далѣе не постигли смысла и сихъ словъ Апостола: *Любящій ближняго* (Рим. V, 8) *зла не дѣлаетъ ему* (Рим. V, 10). И дѣйствительно сіи Божественныя заповѣди: *Не убій, не прелюбодѣйствуй, не кради* (Лев. XIX, 18) и другія содержатся всѣ уже въ одной этой: *Люби ближняго твоего какъ самого себя* (Рим. XIII, 9). Вотъ почему и Господь нашъ говоритъ: *Возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и ближняго твоего какъ самого себя* (Лк. X, 27; Мѳ. XII, 37, 39). Но такъ какъ человѣкъ *любящій своего ближняго ничего дурнаго ему причинить не можетъ*, и такъ какъ *сущность всѣхъ заповѣдей содержится въ одномъ этомъ сокращенномъ словѣ: Любите вашихъ ближнихъ*, то изъ этого слѣдуетъ, что заповѣди, коими имѣется въ виду пробудить страхъ, порождать собой должны любовь, а не ненависть. Законъ, мать страха, слѣдовательно не можетъ въ душѣ порождать ни смущенія ни печали. *Законъ святъ* и въ высшей степени *духовенъ*, по Апостолу (Рим. VII, 12, 14).

Итакъ какъ скоро мы знаемъ природу тѣла и души сущность, то можно бы, какъ мнѣ кажется, и то понять, что за участь ожидаетъ тѣло и что за участь предстоитъ душѣ; слѣдовало бы кажется послѣ сего на смерть смотрѣть уже не какъ на зло. *Ибо когда вы были рабами грѣха*, говоритъ Апостолъ, *тогда вы пользовались ложной свободой въ отношеніи праведности. Какая же польза была вамъ отъ этой безпорядочной жизни, которой теперь сами стыдитесь? Конецъ ея смерть. Теперь же, когда вы освободились отъ грѣха и стали рабами Богу, плодъ вашъ есть святость, а конецъ жизнь вѣчная. Ибо возмездіе за грѣхъ — смерть, а даръ Божій жизнь вѣчная во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ* (Рим. VI, 20—23). Послѣ сего можно бы кажется понять, что жизнь души грѣшной, когда она еще соединена съ тѣломъ, есть смерть для нея; дѣйствительной же для нея жизнью былъ бы лишь разрывъ связей со грѣхомъ. Но при этомъ постепенномъ отрѣшеніи отъ грѣха то и дѣло мы натыкаемся на пожеланія какъ бы на тыны какіе и канавы; затрудняется это очищеніе себя отъ грѣха еще вихрями гнѣва и другихъ страстей; необходимо намъ бываетъ при семъ обходить пропасти плотскихъ удовольствій. Приходится преодолѣвать ихъ рѣшительностію духа, избѣгать разставленныхъ противъ насъ сѣтей; и только при соблюденіи сихъ условій возможно достигать

созерцанія Бога лицемъ къ лицу, а не *въ зеркалѣ* только (1 Кор. XIII, 12)

Половину силы отнимаетъ всеназирающій Зевсъ у человѣка,
Которому приходится быть въ рабствѣ у другихъ
(Одис. XVII, 322).

Въ состояніи же рабскомъ находятся всѣ работающіе грѣху (Рим. VI, 17, 20; III, 9), ему *проданные* (Рим. VII, 14). Рабами грѣха Писаніе называетъ всѣхъ, кто занятъ доставленіемъ себѣ лишь чувственныхъ удовольствій,— всѣхъ занятыхъ лишь своимъ тѣломъ. Съ точки зрѣнія Писанія эти несчастные походятъ болѣе на животныхъ (Пс. XLVIII, 12, 20), на разгоряченныхъ лошадей, ржущихъ на жену ближняго (Іер. V, 8 и д.); они скорѣе скоты, чѣмъ люди. На символическомъ языкѣ Писанія плотоугодникъ есть похотливый оселъ (Іов. XI, 12; XXIV, 5); хищникъ чужаго добра (*) есть хищный волкъ (Быт. XLIX, 27; Іез. XXII, 27); клеветникъ—змѣя (Быт. XLIX, 17 и др. мѣста, гдѣ діаволъ называется змѣемъ).

Поэтому-то постепенное духовное отрѣшеніе души отъ тѣла, которымъ философъ занятъ въ теченіе всей своей жизни(**), пробуждаетъ на днѣ его сердца искреннее стремленіе къ познанію, дабы тѣмъ бодрѣе и спокойнѣе перенесть ему и естественную смерть, которая есть разрывъ узъ, соединяющихъ душу съ тѣломъ. *Для меня міръ распятъ и я для міра*, говоритъ Апостолъ (Гал. VI, 14). Хотя еще и плотію я облеченъ, но такъ уже живу, какъ еслибы *на небѣ* былъ (Фил. III, 20), говоритъ онъ же.

4. Похвала мученичеству.

Вотъ почему такъ называемый гностикъ (мудрецъ) весьма послушенъ; вотъ почему онъ даже и тѣло свое, сіи бренные останки своей личности, охотно отдаетъ тому, кто отъ него сей жертвы требуетъ. Очистивши плоть свою отъ всѣхъ грѣховныхъ склонностей, онъ не съ ругательствами обращается къ совратителю, а скорѣе, какъ намъ кажется, со словами вразумленія и обличенія за безчинство.

Сколь бы ни былъ онъ богатъ, на какой бы высотѣ благоденствія онъ ни стоялъ,

нисходя съ нея, какъ говоритъ Эмпедоклъ, онъ разстается со своимъ счастіемъ безъ сожалѣнія и возвращаясь въ среду остальныхъ людей занимаетъ здѣсь указываемое ему мѣсто безъ ропота. Первѣе всего онъ свидѣтельствуется предъ самимъ собою, что Богу искренно вѣренъ; во вторыхъ онъ свидѣтельствуетъ противъ совратителя, доказывая ему, что совершенно напрасно онъ возмущается твердостью и неизмѣнностью его любви къ Богу; въ третьихъ и наконецъ онъ свидѣтельствуется предъ Господомъ, что присуща Его ученію особая Божественная сила убѣдительности, такъ что даже страхъ смерти не можетъ понудить его къ вѣроотступничеству. Но и ученія истинность онъ подтверждаетъ самымъ дѣломъ, открывая предъ всѣми всемогущество Бога, къ которому стремится. Кто не удивится краснорѣчивости сей проповѣди о любви со стороны столь благороднаго атлета? Кто чуднымъ не найдетъ это чувство благодарности, съ какимъ онъ стремится къ соединенію съ душами ему родственными? Какимъ стыдомъ чрезъ пролитіе своей драгоцѣнной крови покрываетъ онъ невѣрующихъ! Будучи удерживаемъ отъ отступничества благотворнымъ страхомъ заповѣди, онъ отказывается отречься отъ Христа и чрезъ то свидѣтельствуетъ о присущемъ ему страхѣ Божіемъ. И обратите на это вниманіе ваше особенное! Своей вѣры онъ не продаетъ. Онъ поступаетъ такъ, какъ поступаетъ, не ожиданіемъ водясь получить приготовленный ему вѣнокъ; онъ оставляетъ эту жизнь единственно изъ любви къ Богу, съ радостью въ сердцѣ, съ благодареніемъ на устахъ какъ къ Тому, который пробудилъ въ немъ этотъ голосъ, зовущій его изъ сего міра, такъ и по отношенію къ тому, кто злоумышленно посягнулъ на дни сей его жизни. Онъ благодаритъ ихъ за доставленіе ему того, чего самъ онъ никогда не добивался. Онъ благодаритъ ихъ за доставленіе ему столь удобнаго случая явить себя міру и предъ Богомъ

(*) Подобное въ »Увѣщ.« недалеко отъ начала.
(**) Мысль изъ Платонова «Федона».

такимъ, какимъ онъ есть: предъ своимъ мучителемъ заявить энергію своего терпѣнія; предъ Богомъ искренность своей къ Нему любви. О полнота милосердія Божественнаго! Оно еще ранѣе возрожденія мученика (въ водахъ крещенія), чрезъ любовь возженную въ его сердцѣ, уже предопредѣлило его въ достояніе Себѣ, съ любовію призирало на его преданность и на принесеніе имъ себя на закланіе. Вникните также и въ полнѣйшее его довѣріе къ Господу. Съ какими мужествомъ и радостностью онъ стремится на соединеніе съ Нимъ, съ Нимъ котораго онъ любитъ, за Кого онъ добровольно жертвуетъ своимъ тѣломъ, а кромѣ того и своей жизнью, какъ думаютъ его земные судьи! Но этой онъ не теряетъ, напротивъ пріобрѣтаетъ ее, слыша отъ Христа, за сходство взаимныхъ ихъ страданій, привѣтствіе такими лестными словами «О братъ мой возлюбленный», какъ выразился бы поэтъ.

Да, мы считаемъ мученичество «совершенствомъ». Не безсодержательное понятіе черни связываемъ мы съ этимъ словомъ, видящей въ мученичествѣ лишь извѣстнаго рода конецъ жизни, нѣтъ; мы видимъ въ мученичествѣ заявленіе совершеннѣйшей любви къ Богу.

Древніе Эллины въ торжественныхъ пѣсняхъ прославляли смерть павшихъ на полѣ битвы (*). Но это они вовсе не для того дѣлали, чтобы рекомендовать кому либо смерть насильственную, нѣтъ. Почтеніемъ, какое было воздаваемо павшимъ на войнѣ, они свидѣтельствовали то лишь, что храбрый, умирая на войнѣ, отходитъ изъ сей жизни не испытывая страха предъ смертью. Онъ отрѣшается отъ тѣла раньше, чѣмъ душа могла быть объята смущеніемъ и впасть въ состояніе безчувственности и безсознательности, какъ это бываетъ съ людьми, умирающими отъ болѣзней, ибо они отходятъ изъ сей жизни трусливо и снѣдаемые желаніемъ еще пожить.

(*) Довольно извѣстны надгробныя надъ ними рѣчи напр. Перикла во II-й кн. исторіи Ѳукидида, Лисіева и Демосѳена. И Платоновъ «Менексенъ» часто вослѣдствіи служилъ вмѣсто надгробной рѣчи.

Такъ происходитъ, что душа людей, умирающихъ отъ болѣзней, если только они не были людьми отмѣнно добродѣтельными, вмѣсто того, чтобы освобождаться изъ смертной сей темницы чистою, отходитъ изъ тѣла окруженная цѣлымъ роемъ пожеланій, виснущихъ на ней подобно свинцовымъ гирямъ (*).

Есть впрочемъ и изъ падающихъ на поляхъ бранныхъ умирающіе съ пожеланіями и со всѣми тѣми пристрастіями, которыя они обнаружили бы, еслибъ чахли и гасли и отъ какой либо болѣзни.

Итакъ мученичество состоитъ въ исповѣданіи Бога. А если такъ, то и каждая душа, устрояющая свою жизнь согласно съ познаніемъ о Богѣ и исполняющая Его заповѣди, есть уже исповѣдница, исповѣдница дѣломъ и словомъ. Не все ли равно такъ или иначе освободиться изъ темницы сего тѣла? Вмѣсто пролитія крови она свидѣтельствуетъ о своей вѣрѣ всей своей жизнью и исповѣдуетъ Бога въ минуты даже смерти. Не говоритъ ли Господь въ Евангеліи: *Кто оставитъ отца или мать или братьевъ* и проч. *ради Евангелія и имени Моего, тотъ блаженъ* (Мѳ. XIX, 29, 30). Не о какомъ либо простомъ мученичествѣ и въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова Господь говоритъ здѣсь, а о мученичествѣ и исповѣдничествѣ, истекающихъ изъ познанія, объ исповѣданіи Господа жизнью чрезъ устроеніе ея изъ любви къ Нему по принципамъ Евангелія. Ибо двумя этими словами: «знаніе Моего имени» и «разумѣніе Моего евангелія» обозначается болѣе чѣмъ суетное и безплодное выкликанье имени и дѣла Христова, а указывается на необходимость истиннаго познанія, проведеннаго въ жизнь; и такое познаніе будетъ дѣйствительно исповѣдничествомъ, сопровождающимся не только оставленіемъ земнаго семейства, но и всѣхъ благъ внѣшнихъ, оставленіемъ всѣхъ страстей и всѣхъ пожеланій. Словомъ *мать*, которую приходится оставлять ради Христа и Его евангелія, обозначено аллегорически оте-

(*) Подражаніе Платону. Срав. недалеко отъ начала VII кн. его творенія «О государствѣ».

чество и родная страна. Подъ словомъ же — *отецъ* Писаніе разумѣетъ порядки частной жизни, надъ которыми праведникъ съ благодареніемъ и великодушно долженъ возвышаться, чтобы стать угоднымъ Богу и занять мѣсто въ святилищѣ (царства Божія) на десной сторонѣ, (достигнуть высшей степени славы), чего добивались и Апостолы (*).

Уже и Гераклитъ говорилъ: «Себя принесшихъ въ жертву Марсу и боги чествуютъ и люди». Платонъ въ 5-й книгѣ своего творенія «О государствѣ» пишетъ: «Тѣмъ между сражающимися и умирающими на войнѣ, которые падаютъ со славой, не первое ли мѣсто мы предоставимъ среди золотыхъ людей поколѣнія? Безъ сомнѣнія это отличнѣйшіе изъ всѣхъ людей» (**). Золотыми людьми извѣстнаго поколѣнія состоятъ потомки боговъ, потомъ населяющіе небо, неподвижущую сферу и принимающіе наибольшее участіе въ управленіи судьбами людей.

Изъ еретиковъ же нѣкоторые, недостаточно ясно понимая Господа, питаютъ нечестивую и трусливую привязанность къ сей жизни и утверждаютъ, что истиннымъ исповѣдничествомъ состоитъ уже и познаніе Бога (***). Дѣло это конечно хорошее, но когда они называютъ посягателемъ на свою личность и самоубійцей всякаго христіанина, который своей смертью прославилъ бы Бога, то въ этомъ мы видимъ уже нечестіе. Подтверждаютъ они свое мнѣніе софизмами, внушаемыми имъ трусостью. Они несогласны съ нами въ самыхъ принципахъ касательно сего и мы опровергнемъ ихъ, когда настанетъ минута для того.

Есть и другаго рода люди, не имѣющіе ничего общаго съ нами кромѣ имени, на дѣлѣ же христіанами не состоящіе. Они уже преднамѣренно ищутъ смерти, бѣгутъ на встрѣчу палачу и отдаютъ себя на смерть, дѣлая это изъ ненависти къ Творцу. Несчастные! Что это у нихъ за дикое желаніе поскорѣе разстаться съ жизнью! Относительно этихъ самоубійцъ мы провозглашаемъ: Смерть ихъ не есть мученичество, хотя они и бываютъ казнимы по приговорамъ власти государственной. На нихъ нѣтъ ореола мученичества за вѣру. Они не вѣдаютъ истиннаго Бога и смерть ихъ напрасна. Подобнымъ образомъ индійскіе гимнософисты совершенно безъ смысла бросаются въ пламя. Этимъ лже-гностикамъ, нечестіе свое изливающимъ на свое собственное тѣло, мы объявляемъ прямо, что гармонія и цѣлость тѣлесныхъ органовъ напротивъ весьма много способствуютъ развитію счастливыхъ способностей нашей души. Вотъ почему Платонъ, котораго еретики не боятся призывать во свидѣтели якобы враждебности его произрожденію, въ 3-й книгѣ своего творенія «О государствѣ», пишетъ: «Для установленія гармоніи между тѣломъ и душой слѣдуетъ особенно заботиться о тѣлѣ», подъ условіемъ облеченія которымъ только и можетъ жить и честно дѣйствовать славный провозвѣститель истины. Только при сохраненіи жизни и здоровья мы можемъ восходить на высшія ступени познанія. Тотъ же. кому, при отсутствіи этихъ первыхъ условій успѣха, не дано подниматься до этой высоты, ни всего того кто не въ состояніи дѣлать, что направляетъ его на путь къ познанію, тотъ не тѣмъ ли паче дорожить долженъ благосостояніемъ тѣла? Только живя мы можемъ утверждать благосостояніе жизни; и лишь подъ сей тѣлесной оболочкой привыкши къ благоприличію жизни мы перейдемъ въ состояніе безсмертія.

5. О пренебрежительномъ отношеніи къ болѣзнямъ, бѣдности и другимъ внѣшнимъ несчастіямъ.

Удивленія достойны Стоики со своимъ ученіемъ, что тѣлесные недуги нисколько не вліяютъ на душу; ни болѣзни де не располагаютъ

(*) Намекъ на Мѳ. XX, 21, гдѣ мать сыновъ Заведеевыхъ проситъ Христа Спасителя, чтобы предоставлены были мѣста имъ, одному по праву сторону трона Его, другому по лѣвую. Срав. ниже въ гл. 8-й.

(**) Подобное въ «Менексенѣ», въ діалогѣ «О законахъ“. То же Вергилій въ IV Георг. ст. 216, 217 и въ Энеидѣ II, 417.

(***) Срав. Ирин. IV, 64 и III, 20.

ее къ порокамъ, ни здоровье къ добродѣтели; состояніе тѣла и настроеніе душевное не имѣютъ де между собой никакой связи.

Повидимому и такъ. Въ лицѣ напр. Іова, изъ богатства низведеннаго въ нищету, изъ извѣстности въ безвѣстность, изъ красоты въ уродство. изъ здоровья въ болѣзнь, не представленъ ли намъ блистательный и превосходный примѣръ вѣры и душевной крѣпости, такъ какъ онъ низлагаетъ искусителя, Создателя благословляетъ и переноситъ униженіе такъ же, какъ переносилъ и славу? Удивительный примѣръ того, какъ истинный мудрецъ (гностикъ) и среди всѣхъ превратностей жизни остается добродѣтели вѣренъ! А что добрые примѣры древнихъ праведниковъ поставлены предъ нами въ качествѣ какъ бы картинъ, которыми мы должны возбуждаться къ преобразованію нашей жизни, это объясняетъ намъ и Апостолъ. Такъ онъ пишетъ, что *цѣпи его сдѣлались извѣстны въ преторіи и остальнымъ всѣмъ во славу Христа Іисуса; и что большая часть братьевъ, ободренные его цѣпями, начали съ большею смѣлостію безбоязненно возвѣщать слово Божіе* (Фил. I, 13, 14). Апостолъ имѣлъ всѣ причины сказать это, такъ какъ и мученики представляютъ собою примѣры святаго переворота. въ нихъ произведеннаго Христовымъ ученіемъ, который они и засвидѣтельствовали славно. Да и *все, что было писано*, говоритъ Писаніе, *все то написано намъ въ наставленіе, чтобы мы чрезъ терпѣніе и утѣшенія, примѣры которыхъ предноситъ намъ Писаніе, сохраняли надежду* (Рим. XV, 4).

На дѣлѣ оказывается однакоже иначе. Душа, при пораженіи ея какой либо скорбью, какъ будто никнетъ, низится предъ ней и полагаетъ великую важность въ томъ, чтобы освободиться отъ налегшей на нее тяжести. Несомнѣнно, что во все продолженіе этого кризиса о предметахъ познанія она не заботится, но нерадитъ и о другихъ добродѣтеляхъ. Мы не то хотимъ сказать симъ, что самая добродѣтель въ ней терпитъ что либо; добродѣтель не можетъ хворать. Но человѣкъ, которому свойственно и добродѣтельнымъ быть и болѣзни испытывать, острыми болями недуга бываетъ обезпокоиваемъ и подавляемъ. Если онъ еще не выработалъ въ себѣ душевной твердости, которая могла бы его поддерживать; если онъ еще не воспиталъ въ себѣ того великодушія, которое себя ставитъ выше несчастія, то онъ бываетъ выводимъ изъ состоянія спокойнаго. Не въ силахъ будучи сопротивляться приражению несчастія, онъ дезертируетъ изъ подъ знаменъ.

Что о болѣзняхъ, тоже самое должно сказать и о бѣдности. И она лишаетъ душу *единаго на потребу*; я хочу сказать: отклоняетъ ее отъ созерцанія и затрудняетъ сохраненіе безупречной нравственной чистоты и безгрѣшности Человѣка, который изъ любви къ Богу еще не посвятилъ Ему всей своей личности, она вынуждаетъ къ трудамъ, чтобы было чѣмъ питать ему свое тѣло. Доброе здоровье напротивъ и имѣніе вещей, необходимыхъ для поддержки тѣлесной жизни, развиваютъ въ душѣ свободу и независимость, если только она умно умѣетъ пользоваться земными благами. Незнающіе же сего искуства, говоритъ Апостолъ, *будутъ имѣть скорби по плоти; а мнѣ васъ жаль и я хочу, чтобы вы были безъ заботъ,....—чтобы вы благочинно и непрестанно служили Господу безъ развлеченія* (1 Кор. VII, 28, 32, 35). И все-же матеріальными потребностями заниматься нужно; не изъ за нихъ самихъ это нужно дѣлать, а въ интересахъ тѣла. О тѣлѣ же заботиться слѣдуетъ изъ за души, къ которой и все имѣетъ отношеніе. Эти побужденія и ревнителя жизни гностической (свойственной истинному мудрецу) заставляютъ учиться полезному.

Есть множество удовольствій непозволительныхъ; отсюда слѣдуетъ, что удовольствіе еще не есть благо; иначе благо могло бы оказываться зломъ, а зло благомъ. Но изъ сего обстоятельства, что есть удовольствія, которыхъ мы ищемъ и есть другія, которыхъ мы избѣгаемъ, не тѣмъ ли съ большей необходимостью слѣдуетъ, что не всякое удовольствіе есть благо?

Тоже самое, что сказано нами объ удовольствіяхъ, должно сказать и о скорбяхъ. Однѣ

изъ нихъ мы еще переносимъ, другихъ избѣгаемъ. Чѣмъ же руководимся мы въ различеніи ихъ и предпочтеніи однѣхъ другимъ? Наукой, знаніемъ. Но отсюда опять слѣдуетъ, что истинное благо значитъ не въ удовольствіи, а въ наукѣ. въ познаніи; имъ-то руководясь мы и выбираемъ одни изъ удовольствій, а другія отвергаемъ.

Здѣсь равнымъ образомъ и того причина, почему мученикъ, изъ за ожидаемыхъ имъ радостей и благоволенія къ нему Божія, переноситъ страданія и скорби настоящей жизни.

Если подъ жаждой разумѣется чувство мучительное, а подъ утоленіемъ ея удовольствіе, то основой этого удовольствія состоитъ значитъ внутреннее мученіе. Но зло никогда не можетъ быть причиной добра; слѣдовательно ни мучительное чувство жажды, ни удовольствіе, происходящее отъ утоленія ея, не есть зло. Такъ думали Симонидъ и Аристотель (*). И тотъ и другой писали, что «первое благо человѣка въ здоровьи; вторымъ состоитъ симметрія и красота тѣла; третьимъ—богатства, пріобрѣтенныя законными путями». И мегарянинъ Ѳеогнисъ говоритъ:

Чтобъ избѣгнуть бѣдности, бросься, Кирнъ, въ рыбообильное море;
Или же—низвергнись съ вершины высокихъ скалъ.

Напротивъ по Антисѳену комику «Богатство ослѣпляетъ именно тѣхъ, которые кажутся ему прозорливѣе другихъ». Уже и поэты посему поютъ о слѣпомъ отъ рожденія.

И она ему родила мальчика. который никогда не видалъ свѣта солнечнаго,

говоритъ халкидянинъ Евѳоріонъ.

Богатство и жизнь чувственная, стоящая въ связи съ нимъ,—дурная школа;
Трудно воспитать въ ней твердость душевную,

говоритъ Еврипидъ въ «Александрѣ». Извѣстна пословица: «Бѣдность избрала себѣ въ подруги мудрость только вслѣдствіе своего несчастія». «Любовь же къ деньгамъ можетъ подчинить себѣ не только суровую Спарту, но и всякій другой городъ».—«Истинное богатство смертныхъ, говоритъ Софоклъ, не въ золотѣ и не въ серебрѣ; цѣннѣе ихъ добродѣтель».

(*) Аристотель приводитъ сіе изреченіе въ 1-й кн. своей «Ѳѳики» къ Ником. Тоже Платонъ повторяетъ въ I и II кн. «О законахъ». Срав. Стром. II, 16.

6. Нѣкоторые изъ источниковъ блаженства.

Божественный Спаситель нашъ какъ бѣдность такъ и богатство, а равнымъ образомъ и все то, что подходитъ подъ одну категорію съ ними, причислилъ къ вещамъ одинаково какъ духовнымъ такъ и тѣлеснымъ. Онъ сказалъ: *Блаженны преслѣдуемые изъ за правды* (Мѳ. V, 10), чѣмъ ясно показалъ намъ, что ни въ какомъ жизненномъ положеніи отъ мученичества (исповѣдничества) отказываться не слѣдуетъ. Низведенъ ли былъ бы кто въ бѣдность *за правду:* онъ свидѣтельствуетъ (исповѣдуетъ), что правда, которой онъ преданъ, есть благо. *Алчетъ* ли *и жаждетъ* ли кто *правды:* онъ доказываетъ тѣмъ, что правда есть высшее изъ благъ. Подобнымъ образомъ плачетъ ли кто изъ за правды и скорбитъ: онъ даетъ тѣмъ свидѣтельство превосходства закона, красоты его и достопочтенности. Посему какъ *преслѣдуемыхъ за правду*, такъ и *алчущихъ и жаждущихъ правды* Господь одинаково называетъ блаженными, одобряя чистоту и искренность желанія, котораго даже голодъ подавить не можетъ. Да, если *жаждутъ* они *правды* изъ за ней самой, то они *блаженны* (Мѳ. V. 6).

Блаженны также и *нищіе*, будетъ ли то *духомъ* (Мѳ. V. 3) или естественными богатствами, лишь бы это было изъ за любви къ правдѣ. Не бѣдность вообще изъ за ней самой Господь благословляетъ, а ту бѣдность, которая пренебрегаетъ мірскими сокровищами изъ за любви къ правдѣ, а также бѣдность, которая пренебрегаетъ мірскими почестями, лишь бы пріобрѣсть сокровище истинное. Посему Онъ называютъ блаженными также и тѣхъ, которые чрезъ наблюденіе чистоты тѣлесной и душевной сохраняютъ чистоту нравовъ. Блаженны эти души благородныя и славныя, которыя изъ за постояннаго наблюденія правды

получили привиллегію быть усыновленными и въ соотвѣтствіе сему получили *власть быть чадами Божіими* (Іоан. I, 12), *наступать на змѣй и скорпіоновъ, покорять демоновъ и господствовать надъ всею силою вражіею* (Лк. X, 19). И вообще стояніе за Господа отвлекаетъ душу отъ тѣла, проникаетъ ее благодарностью къ Богу, добрыми расположеніями и, сосредоточивая ее въ самой себѣ, возноситъ ее въ мѣста иныя. *Любящій жизнь свою погубитъ ее, а ненавидящій свою жизнь найдетъ ее* (Іоан. XII, 25; Мѳ. X, 39), лишь бы только опирались мы своею бренностью на вѣчность Божію. Воля же Божія такова, чтобы мы Его знали; чрезъ это мы становимся причастниками Его вѣчности. Кто во свѣтѣ покаянія усматриваетъ пятна на своей душѣ, тотъ ее губитъ (убиваетъ) для грѣха, ибо онъ вырываетъ ее изъ его объятій для жизни. Но, погубивъ ее такимъ образомъ, чрезъ приведеніе ея къ послушанію Богу, онъ снова обрѣтаетъ ее, ибо чрезъ вѣру въ ней возгарается новая жизнь (Рим. VI, 4, 5), а для грѣха она умираетъ. Итакъ это обрѣтеніе своей души равнозначительно съ самопознаніемъ.

Стоики говорятъ, что это обращеніе души къ вещамъ божественнымъ происходитъ вслѣдствіе нѣкотораго въ ней нравственнаго переворота, потому что душа при семъ отъ грѣха обращается къ мудрости. По Платону же «душа въ семъ случаѣ послѣ блужданія по сферѣ, гдѣ господствуетъ лишь слабое мерцаніе дня, возносится въ область высшаго свѣта» (*). И другіе философы признаютъ за человѣкомъ честнымъ право лучше покинуть эту жизнь, чѣмъ отказаться отъ своего образа мыслей и дѣйствій, если всѣ способы къ нему оказываются настолько затрудненными, что не остается уже никакой надежды на болѣе славный исходъ. Что же касается до судебной власти, прибѣгающей къ насилію, чтобы вынудить Христова послѣдователя къ отреченію отъ Избраннаго, то мнѣ кажется, лучше было бы ей обращать свои старанія на открытіе, кто по истинѣ состоитъ другомъ Божіимъ и кто нѣтъ. При даваемой же теперь подобнымъ дѣламъ постановкѣ и не мыслимо колебаться въ выборѣ, кому повиноваться, угрозѣ ли людской или же любви къ Богу.

(*) Платонъ въ кн. VII «О государствѣ».

И отъ злыхъ дѣлъ воздержаніе въ нѣкоторомъ родѣ равносильно ослабленію и потушенію растлѣнныхъ наклонностей, потому что вліяніе ихъ чрезъ отреченіе отъ образа дѣйствій, согласующагося съ указаніемъ ихъ,—что само собой понятно,—уничтожается. Таковъ именно смыслъ словъ: *Продай имѣніе твое и роздай нищимъ и приходи и слѣдуй за Мною* (Мѳ. XIX, 21), т. е. исполняй заповѣдуемое Господомъ. Нѣкоторые съ этимъ словомъ *имѣніе* соединяютъ понятіе о всемъ инородномъ содержаніи души. Но какъ оно можетъ быть роздано бѣднымъ, сего такіе толкователи не могутъ объяснить. Не лучше ли посему въ основу истолкованія сего изреченія Спасителя положить убѣжденіе, что Богъ все роздаетъ всѣмъ соотвѣтственно достоинству каждаго, потому что Его домостроительство правосудно. «Итакъ, пренебрегая богатствами, говоритъ Господь, раздѣляй ихъ отъ имени Божія щедро и слѣдуй говоримому Мною, устремляясь въ области духа. Не ограничивайся лишь воздержаніемъ отъ зла, но поступай въ совершенствованіи себя впередъ, подражая благодѣяніямъ Божественнымъ» (Дѣян. X, 38). Такъ, пристыждая хваставшагося исполненіемъ всѣхъ заповѣдей закона, а по отношенію къ ближнему своей любви не проявившаго, Господь на мѣсто сего рабскаго исполненія закона заповѣдуетъ ту любовь, которая въ строѣ гностическаго совершенства, возвышаясь и господствуя надъ субботой (Мѳ. XII, 12; Мк. VII, 1; Лк. VI, 6), обнаруживается благотворительностію.

Нужно же, думаю, приходить къ Логосу Спасителю, водясь не страхомъ наказанія и не ожиданіемъ даянія какого либо, а изъ за превосходства добра самого въ себѣ (*). Такіе станутъ во святилищѣ одесную; воображающіе же чрезъ раздачу тлѣнныхъ имуществъ

(*) Подобное ниже въ гл. 22.

пріобрѣсть нетлѣнныя въ притчѣ о *двухъ братьяхъ* названы *наемниками* (Лк. XV, 11).

И теперь «въ подобіи и образѣ» Божіихъ (Быт. I, 26) не открывается ли и объясненіе всего этого? Не значитъ ли все сіе, что сообразующіе свою жизнь съ жизнью Господа дѣлаются подобными Ему, а которые находятся ошуюю во святилищѣ (*), тѣ только образъ Божій носятъ въ себѣ, а дѣлами на Господа не похожи? Отъ древа истины произрастаютъ двѣ вѣтви, (привитая и непривитая); корень одинъ, но далеко не безразличное дѣло выбрать ту или другую; или лучше сказать отъ различія способовъ выбора между ними (т. е. съ знаніемъ дѣла или безъ знанія) и разность тѣхъ вѣтвей ощутительнѣе. Иное дѣло попробовать яблоко и иное посмотрѣть на него. Различіе большое, думаю, слѣдуя ли чьему либо примѣру нѣчто выбрать; или—опираясь на голосъ только своего разсудка: иное дѣло—огонь горящій и иное дѣло отраженный. Такъ Израиль, по Писанію, есть свѣтъ «по подобію»; другіе же народы только «образъ» Божій въ себѣ носятъ (**).

Что хочетъ Господь сказать притчею о Лазарѣ, гдѣ преднесены очамъ нашимъ образы богача и бѣдняка (Лк. XVI, 19)? Что означается также этими словами: *Никто не можетъ служить двумъ господамъ, Богу и маммонѣ* (Мѳ. VI, 24; Лк. XVI, 13)? Господь говоритъ и тамъ и здѣсь о безпорядочной любви къ собиранію богатствъ. Не видите ли также, что люди пристрастные къ нимъ не являются и на пиръ, къ которому были приглашены (Мѳ. XXII, 2; Лк. XIV, 16)? Не потому не приходятъ, что были людьми имущими и богатыми, но потому что слишкомъ заняты были своимъ имуществомъ и привязаны были къ своимъ богатствамъ.

И въ изреченіи: *Лисицы имѣютъ логовища* (Мѳ. VIII, 20; Лк. IX, 58) Господь называетъ лисицами людей, все занятіе которыхъ состоитъ только въ выкапываньи и зарываньи золота; вотъ родъ людей прелюбодѣйный, истинные сыны земли. Въ этомъ же смыслѣ Онъ сказалъ объ Иродѣ: *Пойдите и скажите этой лисицѣ: вотъ Я изгоняю демоновъ и совершаю исцѣленія сегодня и завтра, и въ третій день кончу* (Лк. XIII, 32). Тѣхъ напротивъ, которые *небомъ* отличены отъ другихъ птицъ, которые по истинѣ чисты и всегда готовы направить свой полетъ къ познанію небеснаго Логоса, Онъ называетъ *птицами небесными* (Мѳ. VIII, 20; Лк IX, 58).

Безчисленныя заботы пораждаетъ собою не только богатство, не только слава и бракъ, но и бѣдность, если кто переносить ее не умѣетъ. Въ притчѣ о сѣмени, павшемъ на почву четырехъ различныхъ свойствъ, подъ терніемъ и мѣстами каменистыми разумѣются именно эти безпокойства и заботы, заглушающія собой сѣмя и не дающія ему прорости, развиться и принесть плодъ (Мѳ. XIII, 4; Лк. VIII, 5). Итакъ необходимо учиться тому, какъ намъ слѣдуетъ держать себя въ различныхъ жизненныхъ несчастіяхъ, чтобы жизнь, проникнутая мудрой благопристойностью и опредѣляемая познаніемъ, дѣлалась для насъ средствомъ къ достиженію жизни вѣчной. *Видѣлъ я* (*), говоритъ Писаніе, *нечестивца превозносившагося и высившагося какъ кедры Ливанскіе; я прошелъ мимо, и его больше не было; я его искалъ, и не нашелъ мѣста его. Охраняйте невинность; не теряйте изъ виду правды: и послѣдній день вашъ окончится въ мирѣ* (Пс. XXXVII, 35—7). Таковымъ бываетъ человѣкъ, котораго вѣра искренняя и душа котораго всегда покойна. Другой же *народъ хвалитъ Бога концами губъ своихъ, а сердце его далеко отъ Гос-*

(*) Срав. выше въ гл. 4.

(**) Писатель хочетъ сказать, что тѣ совершеннѣе, кои устрояютъ свою жизнь чрезъ уподобленіе ея жизни Спасителя; живущіе же послѣдованіемъ лишь образу Божію, въ нихъ напечатлѣнному, менѣе совершенны. Въ другихъ мѣстахъ писатель Христа называетъ «образомъ» Божіимъ, а человѣка «образомъ образа» Божія. Срав. «Увѣщ.» въ гл. 10 и Стром. V, 14, также въ «Педагогѣ» I, 12.

(*) Дальнѣйшіе тексты писателемъ приводятся такъ, какъ они приведены въ первомъ посл. св. Климента Римскаго къ Коринѳянамъ.

пода (Ис. XXIX. 13); *устами благословляетъ, а сердцемъ своимъ клянетъ* (Пс. LXI, 5). *Они Ему льстили языкомъ своимъ и лгали Ему своими устами, но ихъ сердце въ дѣйствительности не было съ Нимъ и они не остались вѣрны завѣту съ Нимъ* (Пс. LVIII, 8, 9). *Да онѣмѣютъ же всѣ лживыя уста* (Пс. XXX. 19) *и да погубитъ Господь языкъ, себя прославляющій. Да погубитъ Онъ тѣхъ, которые говорятъ: Прославимъ наше слово; наши уста независимы и кто намъ господинъ? Горе угнетенныхъ и стоны бѣдныхъ Меня возставятъ, говоритъ Господь; освобожу я презрѣнныхъ и буду говорить ихъ устами* (Пс. XII, 3—5). Христосъ есть Господь ведущихъ себя скромно, а не тѣхъ, которые возстаютъ на Его стадо. *Не собирайте себѣ сокровищъ здѣсь на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ и гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ* (Мѳ. VI, 19), говоритъ Господь, желая пристыдить частію тѣхъ, кои пристрастны къ богатствамъ, а частію и тѣхъ, кои предаются суетамъ и заботамъ; наконецъ быть можетъ и тѣхъ, кои чрезмѣрно любятъ свое тѣло. И дѣйствительно, плотскія и любострастныя пожеланія, болѣзни, дурныя мысли, проникая въ послѣдніе изгибы нашего сердца, подкапываютъ и разрушаютъ всего человѣка. Истинное наше сокровище находится тамъ, гдѣ познаніемъ находимъ мы божественныхъ сродниковъ нашей души (Бога и духовъ безплотныхъ), ибо свойственна праведности и къ общенію склонность; по силѣ ея-то она отказывается отъ древняго образа жизни (Еф. IV, 22) и возвращаетъ жизни то, что отъ нея пріобрѣтено; сама же она къ Богу воспаряетъ, моля Его о милосердіи. Вотъ *влагалища* (кошелекъ), по истинѣ *не ветшающія* (Лк. XII, 33); вотъ расхожія деньги на пути къ жизни вѣчной; вотъ *сокровище не оскудѣвающее на небесахъ* (Лк. XII, 33), потому что *милосердуя Я милосердъ къ тому, кому оказываю милосердіе*, говоритъ Господь (Исх. XXXIII, 19; Рим. IV, 15). Эти послѣднія слова относятся также и къ тѣмъ, кто желаетъ (лучше) *нищенствовать правды ради*; они знаютъ слово это, что *широкій и пространный путь ведетъ въ погибель и что многіе идутъ имъ* (Мѳ. VII, 13). Не о другомъ чемъ, а о распущенномъ образѣ жизни, о безумной страсти къ женщинамъ, о страстномъ стремленіи къ славѣ, къ власти и другихъ подобныхъ страстяхъ говоритъ здѣсь Господь. *Безумный*, говоритъ Онъ, *въ сію ночь душу твою возьмутъ у тебя; кому же достанется то, что ты заготовилъ* (Лк. XII, 20)? Итакъ *берегитесь отъ всякаго рода любостяжанія, потому что жизнь не въ изобиліи имѣнія состоитъ* (Лк. XII, 15). *Какая польза человѣку, если и весь міръ пріобрѣтетъ, а душѣ своей повредитъ? Или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою* (Мѳ XVI, 26)? *Посему Я говорю: Не заботьтесь для жизни вашей: что вамъ ѣсть, ни для тѣла: во что одѣнетесь. Жизнь большее нѣчто чѣмъ пища, и тѣло большее нѣчто чѣмъ* (только) *одежда* (Мѳ. VI, 31; Лк. XII, 22, 23). И опять: *Знаетъ Отецъ вашъ, что имѣете нужду во всемъ этомъ. Ищите же прежде царства небеснаго и правды*; ибо это *велико*, *малое* же и что къ способамъ жизни относится (*) *приложится вамъ* (Мѳ. VI, 32, 33; Лк. XII, 30, 31). Не къ жизни ли гностической (соотвѣтствующей познанному нами ученію) здѣсь ясно приглашаетъ насъ Господь? Не убѣждаетъ ли Онъ насъ симъ оставаться и на словахъ и на дѣлѣ вѣрными истинѣ? Онъ Христосъ, Божественный Воспитатель нашей души, богача цѣнитъ не за великость дара, а за доброе произволеніе. Посему Закхей, а по другимъ Матѳей, начальникъ мытарей, услыхавъ, что Господь намѣренъ войти въ его домъ, сказалъ: *Вотъ половину моего имѣнья отдамъ бѣднымъ, Господи; и если кого чѣмъ обидѣлъ, возвращу вчетверо*. Посему и Спаситель о немъ сказалъ: *Сынъ человѣческій пришедши нынѣ погибшее взыскалъ* (Лк. XIX, 8—10). Въ другой разъ увидѣвши богача, опустившаго *въ сокровищницу* даръ, соотвѣтствовавшій его богатству и вдову, которая положила туда двѣ лепты, Онъ сказалъ, что *вдова положила больше всѣхъ*, потому что одинъ далъ отъ излишества, а другая *отъ скудости* (Лк. XXI, 1; Мк. XII, 41).

А такъ какъ все Господомъ направлено къ

(*) Срав. въ Стром. I, гл. 24.

воспитанію нашей души, то Онъ говоритъ: *Блаженны кроткіе, потому что они наслѣдуютъ землю* (Мѳ. V, 5). Кто эти кроткіе? Тѣ, которые укрощаютъ поднимающіяся въ душѣ опасныя бури, какъ то: гнѣвъ, пожеланія и другія зависящія отъ нихъ страсти. Не ту кротость хвалитъ Онъ, которая есть дочь необходимости, а ту которой основанія полагаетъ собственная наша воля и доброе произволеніе. Дѣйствительно *въ дому* Господнемъ *есть* и наградъ много и *обителей много* (Іоан. XIV, 2) по различію образа нашей жизни на землѣ. *Кто приметъ пророка*, говоритъ Господь, *во имя пророка, получитъ награду пророка; и кто приметъ праведника во имя праведника, получитъ награду праведника; а кто приметъ одного изъ учениковъ сихъ малыхъ, не потеряетъ награды* (Мѳ. X. 41, 42). Другой разъ чрезъ неодинаковое количество часовъ Господь обозначаетъ различныя степени добродѣтели, съ заслугами каждаго соразмѣряя и величіе ожидающихъ его наградъ.

Далѣе одинаковостью награды, обѣщанной каждому работающему въ виноградникѣ, т. е. спасеніемъ, здѣсь обозначаемымъ чрезъ *динарій*, Спаситель указываетъ на одинаковость права всѣхъ на полученіе награды; а различіе званныхъ—чрезъ неодинаковость числа рабочихъ часовъ и размѣровъ труда (Мѳ. XX, 7 и д.). Являясь пособниками домостроительства неизреченнаго и дара Божественнаго, избранные трудами своими слѣдовательно должны соотвѣтствовать наградамъ, кои имъ обѣщаны, дѣлаясь достойными небесныхъ обителей. «Призванные же, говоритъ Платонъ, превосходить другихъ людей святостію своей жизни, по освобожденіи изъ дольнихъ сихъ мѣстъ какъ бы изъ какихъ темничныхъ узъ, возносятся въ жилища небесныя» (*). То же самое, но яснѣе онъ выражаетъ и въ слѣдующихъ словахъ. «Между этими людьми, говоритъ онъ, тѣ которые философіей (добродѣтельной жизнью) достаточно очищены, во все послѣдующее время живутъ совершенно безтѣлесными» (въ нашемъ смыслѣ сего слова), будучи облечены одни въ тѣла воздухообразныя, другіе же въ огненныя. Къ этому Платонъ еще прибавляетъ: «И они приходятъ въ жилища еще славнѣйшія, красоту которыхъ не легко изобразить, да и времени для сего не достало бы». И вотъ почему Господь цѣня ихъ говоритъ: *Блаженны плачущіе, ибо они призваны будутъ*. Потому что печалящіеся о своей прошлой дурной жизни и раскаявающіеся во грѣхахъ ея тотчасъ откликаются на призывный сей голосъ. Именно таковъ смыслъ греческаго слова παρακληθῆναι, т. е. что ихъ утѣшеніе состоять будетъ въ призваніи, въ призывѣ ихъ. Есть два рода кающихся: одни изъ нихъ,—и это классъ самый многочисленный,—раскаиваются изъ страха предъ наказаніями, которыхъ они и заслужили; другіе же,—и число ихъ очень ограниченно,—повинуясь внутреннему стыду, который пробуждаемъ бываетъ въ ихъ душѣ голосомъ совѣсти. Можно приходить къ раскаянію какъ тѣмъ, такъ и другимъ изъ двухъ этихъ путей, это все равно, потому что нѣтъ мѣста, которое укрылось бы отъ Божественнаго милосердія.

Господь говоритъ еще: *Блаженны милостивые, потому что они помилованы будутъ* (Мѳ. V, 7). Милосердіе же это не есть, какъ думали нѣкоторые изъ философовъ (*), огорченіе, причиняемое какимъ либо несчастіемъ, а скорѣе на языкѣ пророковъ нѣчто прекрасное и пріят-

---

(*) Подъ конецъ «Федона».

(*) Это Стоики, учившіе, что «печаль есть противуразумная тоска, стѣсненіе души», а «милосердіе, сострадательность,—одинъ изъ главныхъ видовъ сей тоски». Такъ свидѣтельствуетъ о семъ Лаэрцій въ «Зенонѣ», VII, 3.—Цицеронъ въ «Тускуланскихъ бесѣдахъ», кн. IV: «Сострадательность есть скорбь о другомъ, несправедливо угнетаемомъ». Посему какъ оное, такъ и всѣ другія состоянія, нарушающія спокойствіе души, Стоики считали недостойнымъ мужа мудраго, какъ свидѣтельствуетъ о семъ Діогенъ въ той же кн. отдѣл. 123. Отсюда и мнѣніе Зенона, приводимое между другими Цицерономъ въ рѣчи «за Л. Мурену»: «Только глупецъ сострадателенъ».

ное. *Милости хочу*, говоритъ Господь, *а не жертвы* (Ос. VI, 6; Мѳ. IX, 13; XII, 7). Онъ называетъ милосердыми не только тѣхъ изъ людей, которые заняты дѣлами милосердія, но и тѣхъ которые желали бы милостивыми быть, но не имѣютъ средствъ для этого, т. е. стало быть—расположенныхъ къ милосердію. Намъ и дѣйствительно часто бываетъ желательно оказать кому либо нѣкоторую милость или денежнымъ пособіемъ или чрезъ тѣлесный трудъ; желательно было бы напр. помогать бѣднымъ, ухаживать за больными, навѣщать несчастныхъ; но мы своихъ благочестивыхъ намѣреній не можемъ привесть въ исполненіе, потому что препятствуетъ тому либо бѣдность, либо болѣзнь, либо старость, которая таже болѣзнь. Желаніе насъ побуждаетъ, но какимъ нибудь препятствіемъ исполненіе его затрудняется. Волѣ нашей въ этомъ случаѣ воздается такая же почесть какъ и власти; она здѣсь равна самой себѣ, отличаясь отъ той лишь тѣмъ, что та имѣетъ способы дѣйствовать.

Такъ какъ къ спасительному и осчастливливающему насъ совершенству есть два пути, дѣла и познаніе, то Господь сказалъ: *Блаженны чистые сердцемъ, потому что они Бога узрятъ* (Мѳ. V, 8). Если внимательнѣе вдуматься въ дѣло, то познаніе есть очищеніе правительственной части души; и очищеніе сіе конечно представляетъ собою нѣчто доброе. Между дѣлами добрыми одни добры сами по себѣ, другія же чрезъ соотношеніе съ дѣлами добрыми; такъ мы говоримъ о добрыхъ отношеніяхъ. Безъ вещей посредствующихъ, относящихся къ классу матеріальныхъ, какъ напр. безъ здоровья, безъ жизни и другихъ вспомогательныхъ средствъ, существенно необходимыхъ или же только споспѣшествующихъ, дѣйствительно не можетъ состояться никакое ни доброе дѣло ни злое. Господь желаетъ посему, чтобы мы къ познанію Бога приступали съ сердцемъ, отъ плотскихъ пожеланій чистымъ, съ умомъ всецѣло занятымъ думами святыми, чтобы въ господственной части нашей души не было ничего ей чуждаго, что препятствовало бы здѣсь дѣйствію Его благодати. Итакъ когда ученикъ истины, погруженъ будучи въ созерцаніе, входитъ въ общеніе и нравственно-чистое обращеніе только съ Богомъ, то онъ соприкасается съ Божескимъ безстрастіемъ (*), чрезъ что отождествляется съ Богомъ; онъ не занятъ больше наукой, онъ не выбираетъ болѣе въ средствахъ познанія; самъ онъ становится наукой и познаніемъ.

Блаженны миротворцы, т. е. тѣ, которые смягчали и умиротворяли *законъ, борющійся противъ закона нашего ума* (Рим. VII, 23), —угрозы гнѣва, обольстительныя приманки сластолюбія и иныхъ страстей, выводящихъ душу изъ спокойнаго и разсудительнаго состоянія. Занятые въ жизни наукой добрыхъ дѣлъ, погруженные въ нее и отличавшись истинной разсудительностью, они тѣмъ тѣснѣе сдружены будутъ съ благодатнымъ правомъ усыновленія. Умиротвореніемъ же полнымъ состоитъ то, которое среди всѣхъ земныхъ превратностей сохраняетъ неизмѣнную твердость духа, исповѣдуетъ Провидѣніе вѣчно святымъ, всегда дивнымъ, являющимъ вещи божескія и человѣческія какъ онѣ суть; но даже и въ катастрофахъ, повидимому нарушающихъ порядокъ природы, открываетъ оно прекрасную гармонію творенія. *Миротворцы* успокоиваютъ и тѣхъ, которые обуреваемы грѣхомъ и осаждаемы его приpаженіями; они ихъ возвращаютъ къ вѣрѣ и возстановляютъ въ душѣ ихъ миръ.

И все-же совокупностью всѣхъ добродѣтелей состоитъ нашъ Господь, который насъ учитъ еще болѣе совершенному презрѣнію смерти изъ любви къ Богу. *Блаженны*, говоритъ Онъ, *преслѣдуемые правды ради, потому что они сынами Божіими нарекутся* (Мѳ. V, 10) или какъ нѣкоторые изъ изъясняющихъ Евангелія: «Блаженны преслѣдуемые за правду, потому что они будутъ совершенны». А также: «Блаженны терпящіе преслѣдованіе за Меня, потому что они получатъ мѣсто, куда преслѣ-

(*) Человѣкъ совершенный по ученію Стоиковъ непремѣнно безстрастенъ. Срав. «Педаг.» I, 2.

дованіе до нихъ не достигнетъ»(*). И еще: *Блаженны вы, когда возненавидятъ васъ люди, когда они васъ отринутъ и когда будутъ поносить ваше имя какъ безчестное за Сына человѣческаго* (Лк. VI, 22). Впрочемъ нужно наблюдать для сего слѣдующія условія: не гнушаться нашихъ преслѣдователей, оставаться твердыми среди страданій, ни ненависти не питать къ тѣмъ, кто намъ причиняетъ оныя. Утѣшать себя такою мыслью должны мы при семъ, что испытаніе насъ посѣтило все-же позднѣе, чѣмъ мы ожидали того; должны мы быть убѣждены напротивъ въ томъ, что въ основѣ всякаго искушенія, какое бы насъ ни постигало, лежитъ мученичество и представляется намъ случай къ исповѣдничеству.

7. О блаженствѣ проливающихъ свою кровь за Бога.

И теперь какое громадное преступленіе собою представляетъ вѣроотступничество! Оставляя Бога вѣроотступникъ куда отходитъ? Подъ знамена сатаны. Итакъ чрезъ отступничество свидѣтельствующій объ оставленіи своей вѣры въ Бога обманываетъ Господа или лучше сказать отказывается отъ своей надежды и ее объявляетъ суетной. Безъ сомнѣнія оказывается невѣрующимъ въ Бога и тотъ, кто не исполняетъ Его заповѣдей. Но какое огромное различіе между неисполненіемъ Божественныхъ заповѣдей и отреченіемъ отъ Господа! Кто отрекается отъ Господа, тотъ отрекается отъ самаго себя. Кто не исполняетъ воли Божіей, тотъ еще не отказывается отъ власти надъ самимъ собою; оставаясь хозяиномъ надъ самимъ собою, онъ порываетъ еще не всѣ связи, его соединяющія съ самообладаніемъ. Отъ Спасителя же кто отрекается, тотъ отъ жизни отрекается, потому что будучи *свѣтомъ, былъ Онъ жизнью* (Іоан. I, 4) (*). Этихъ малодушныхъ вѣроотступниковъ Онъ не *маловѣрами* (Мѳ. VI, 30) называетъ, а невѣрными и лицемѣрами; на своемъ знамени они пишутъ Его имя, а вѣрными быть своей присягѣ отказываются. За то вѣрующему въ Него Онъ даетъ имя друга и раба. Итакъ кто себя самого любитъ по истинѣ, тотъ любитъ и Господа и *исповѣдуетъ* Его *во спасеніе* (Рим. X, 10), чтобы сохранить цѣлостность своей жизни. И если бы вы рѣшились пожертвовать вашей жизнью за ближняго изъ любви къ нему (Рим. V, 7), то помните, что ближнимъ нашимъ состоитъ Спаситель, потому что спасающій насъ Богъ съ отношеніемъ къ спасаемому названъ Богомъ, который близъ есть, *Богомъ приближающимся* (Втор. IV, 7; Іез. XXIII, 23). Не добровольно ли Онъ смерть избралъ, чтобы даровать намъ жизнь? Не изъ любви ли къ намъ болѣе, чѣмъ для удовлетворенія правдѣ Божіей, страдалъ Онъ? Оттуда Онъ и братомъ нашимъ Себя именуетъ. Тотъ, кто страдаетъ изъ любви къ Богу, страдаетъ ради своего собственнаго спасенія; а умирающій во имя сохраненія цѣлости своей собственной личности страдаетъ и за себя и изъ любви къ Богу. Дѣйствительно, будучи Самъ жизнью, Онъ восхотѣлъ пострадать ради насъ, чтобы Его страданіе для насъ сдѣлалось жизнью. *Къ чему вы обращаетесь ко Мнѣ: Господи, Господи, и не творите заповѣдуемаго Мною*, говоритъ Писаніе (Лк. VI, 46)? Народъ, который

(*) Объясняются эти повидимому разночтенія такъ: Между древними кодексами священныхъ книгъ, принадлежавшими церквамъ и частнымъ лицамъ, были такіе, кои выходили изъ подъ рукъ книгопродавцевъ чистыми и отъ всякихъ примѣчаній на поляхъ почти свободными; такими поступали они и въ церковныя книгохранилища; но здѣсь на пользу читателей они почти тотчасъ же снабжались глоссами и схоліями, которыя вносились или между строками или на поляхъ писались; погружавшіеся въ изученіе свящ. Писанія этими примѣчаніями дорожили, себѣ проясняя ими смыслъ Писанія и его поучительнѣе чрезъ то дѣлая. Однимъ изъ такихъ кодексовъ повидимому пользовался и нашъ писатель. Срав. впрочемъ Оригена «противъ Цельса» II, 27.

(*) О разночтеніи сего мѣста Климентомъ сравнительно съ принятымъ у насъ срав. примѣч въ кн. I-й «Педагога», въ гл. 6-й.

любитъ Господа лишь губами своими, сердцемъ же своимъ далеко отстоитъ отъ Него (Ис. XXIX, 13), есть чуждый Ему народъ. Повинуется онъ учителю иному, добровольно себя *продавши* ему (Рим. VII, 14).

Народъ же наблюдающихъ заповѣди Спасителя святъ. Они свидѣтельствуютъ о Немъ каждымъ изъ своихъ дѣйствій; они слушаются Его воли; соотвѣтственно сему они и называютъ Его Господомъ и своими дѣлами свидѣтельствуютъ торжественно, что Тотъ, въ Кого они вѣруютъ, есть Богъ, для котораго они *распяли свою плоть съ ея пожеланіями и страстями. Если мы живемъ духомъ, то по духу и поступать должны*, говоритъ Апостолъ (Гал. V, 24, 25). *Тотъ, кто сѣетъ въ плоть свою, отъ плоти пожнетъ тлѣніе; сѣющій же въ духъ, отъ духа пожнетъ жизнь вѣчную* (Гал. VI, 8).

Исповѣдывать имя Христово цѣною своей собственной крови нѣкоторымъ жалкимъ людямъ кажется безчеловѣчнымъ насиліемъ надъ самими собой. Но объ оміріщеніи ихъ образа мыслей надобно сожалѣть; они не вѣдаютъ, что въ этихъ вратахъ смерти открывается путь въ истинную жизнь, жизнь вѣчную. Ни о томъ они не хотятъ подумать, какъ по смерти будутъ награждены жившіе свято,—ни о томъ, какія муки будутъ испытывать жившіе нечестиво и безпутно. Они отказываются вѣрить не только тому, что на сей предметъ написано въ нашихъ священныхъ книгахъ, гдѣ всѣ заповѣди имѣютъ соотношеніе съ этими наказаніями и сими наградами, но они не хотятъ слушать наставленій на сей счетъ даже и своихъ собственныхъ философовъ. Что пишетъ напр. Ѳеано пиѳагореянка? «Жизнь сія для злыхъ дѣйствительно была бы веселымъ пиромъ. Позволяя себѣ въ теченіи жизни всякаго рода злодѣянія, потомъ они умирали бы, преступленіями обремененные, но за нихъ не отвѣчая. Но душа безсмертна.....» — И Платонъ пишетъ въ «Федонѣ»: «Смерть для злыхъ была бы находкой, если бы она была разрушеніемъ всецѣлымъ. Съ гибелью тѣла они и душой отъ отвѣтственности за свои злодѣянія освобождались бы». Но не слѣдуетъ воображать съ Телефомъ Эсхила, что «одна только дорога вѣрная, это сойти во адъ» (*); туда ведетъ насъ дорогъ много, потому что множество преступленій насъ увлекаетъ туда. Вѣроятно этихъ-то людей вѣроломныхъ и витающихъ во всякаго рода заблужденіяхъ комикъ Аристофанъ и отдаетъ на публичное посмѣяніе, когда говоритъ (въ «Птицахъ»): «Идите-ка вы, блѣднолицые, которыхъ и вся земная жизнь была лишь блѣднымъ мерцаніемъ, — которые исчезли съ лица земли, какъ листъ съ деревъ осенью, на ней дѣлъ не оставивъ,—люди тщедушные,—фигуры восковыя,—народъ тѣней пустыхъ,— какъ дыханіе скоропреходящіе, парить кверху неспособные, какъ еслибъ птицами вы были, крыльевъ лишенными,—существа какъ бы одного лишь дня жизнь имѣвшія». И у Эпихарма мы читаемъ: «Что такое жизнь человѣка? Это козій мѣхъ, воздухомъ наполненный» (**).

Спаситель же намъ сказалъ: *Духъ бодръ, плоть же немощна* (Мѳ. XXVI, 41). Потому что *плотскія помышленія суть вражда противъ Бога*, говоритъ Апостолъ, *ибо закону Божію они не покоряются, да и не могутъ. Но живущіе по плоти Богу угодными быть не могутъ*. И раскрывая свою мысль шире, чтобъ не позволилъ себѣ кто вмѣстѣ съ Маркіономъ неблагодарно хулить твореніе, какъ еслибъ оно было дурно, Апостолъ прибавляетъ: *Но если Христосъ въ васъ, то тѣло мертво для грѣха, а духъ живъ для праведности*. И опять: *Ибо если вы живете по плоти, то умрете. Думаю же, что страданія настоящей жизни ничего не стоятъ въ сравненіи съ тою славою, которая откроется въ насъ, лишь бы только мы страдали со Христомъ, чтобы съ Нимъ и прославленными быть, какъ Его сонаслѣдники. Ибо мы знаемъ, что любящимъ Бога, призваннымъ по Его изволенію, все способствуетъ ко благу. Ибо кого Онъ предузналъ, тѣмъ и предопредѣлилъ быть подобными образу Сына своего,*

(*) Изъ Платонова «Федона».

(**) Ѳеодоритъ Киррскій во «Врачествѣ» это изреченіе Эпихарма объясняетъ о людяхъ, ничему кромѣ предносимаго чувствами не вѣрящихъ.

дабы Онъ былъ перворoднымъ между многими братiями. И кого Онъ предопредѣлилъ, тѣхъ и призвалъ; а кого призвалъ, тѣхъ и оправдалъ; а кого оправдалъ тѣхъ и прославилъ (Рим. VIII, 7, 8, 10, 17, 18, 28 — 30). Видите изъ сего наставленія, что любовь есть принципъ мученичества. И если вы рѣшаетесь быть свидѣтелями Христа Іисуса изъ за воздаянія, положеннаго за добрыя дѣла, то слушайте опять: *Мы спасены надеждою. Надежда же когда видитъ, не есть надежда, ибо если кто видитъ, чего уже и надѣяться? Если же мы надѣемся на то, чего еще не видимъ, то ожидаемъ того съ терпѣніемъ* (Рим. VIII, 24, 25). *Но если мы и страдаемъ за правду*, говоритъ Петръ, *то блаженны. Не страшитесь бѣдствій, которыми они стращаютъ*, (которыхъ они хотятъ васъ заставить бояться), *ниже смущайтесь ими. Святите въ своихъ сердцахъ Христа Господа и будьте всегда готовы всякому, требующему у васъ отчета въ вашемъ упованіи, дать отвѣтъ съ кротостію и благоговѣніемъ и сохраняя чистую совѣсть, чтобы хулящіе святую вашу жизнь во Христѣ, стыдились злорѣчія, распространяемаго о васъ. Если волѣ Божіей угодно, чтобы вы страдали, то лучше пострадать за добрыя дѣла, нежели за злыя* (1 Петр. III, 14—17).

Если же какой нибудь насмѣшникъ васъ остановитъ здѣсь такимъ возраженіемъ: «Какъ же это можетъ происходить, что *плоть немощна*, а со властями (Еф. VI, 12) и съ духами (направленіями мысли), господствующими въ жизни, борется», то пусть онъ узнаетъ, что мы боремся съ началами (принципами) тьмы и со смертью, сильные помощью и щедрымъ обнадеженіемъ Вседержителя (Отца) и Господа. *Возвысьте голосъ вашъ*, говоритъ пророкъ, *и на первый же вашъ призывъ Господь отвѣтитъ: вотъ Я* (Ис. LVIII, 9). Таковъ непреоборимый Помощникъ, прикрывающій насъ своимъ щитомъ. *Когда Господь испытываетъ васъ огнемъ печали*, говоритъ Петръ, *то не дивитесь какъ еслибъ особенное что въ этомъ случаѣ съ вами происходило, но радуйтесь, что участвуете въ Христовыхъ страданіяхъ, дабы исполниться вамъ радостію и при обнаруженіи славы Его. Блаженны вы, если васъ злословятъ за имя Христово, потому что Духъ славы, Духъ Божій покоится на васъ* (1 Петр. IV, 12 — 14), какъ написано: *Ради Тебя насъ ежедневно смерти предаютъ, считаютъ насъ за овецъ, назначенныхъ на закланіе. Но среди всѣхъ этихъ бѣдствій мы остаемся побѣдителями силою Того, Кто возлюбилъ насъ* (Рим. VIII, 36, 37).

> Секретъ, который ты желаешь вырвать изъ моей груди,
> Его ты не узнаешь, ни даже еслибъ жегъ ты меня;
> Ни даже еслибъ съ головы до ногъ меня распиливалъ острою пилою;
> Ни даже еслибъ ты обременилъ меня тысячью цѣпей (*).

Такъ заявляла на трагической сценѣ свое непоколебимое мужество жена. Антигона, презирая приговоръ Креона, также отвѣчаетъ ему смѣло:

> Но вѣдь не царь боговъ мнѣ это приказаніе продиктовалъ (**).

Мы же говоримъ: Это Богъ намъ повелѣваетъ; должно повиноваться Ему. Нужно *вѣровать сердцемъ, чтобъ достигнуть праведности, и исповѣдывать устами, чтобы получить спасеніе* (Рим. X, 10, 11). Вотъ почему и говоритъ Писаніе: *Вѣрующій въ Него не будетъ постыжденъ* (1 Тим. I, 7, 8). Съ правомъ потому и Симонидъ пишетъ:

> Сага говоритъ, что
> Добродѣтель живетъ высоко, на трудно доступныхъ скалахъ,
> Одна безраздѣльно здѣсь господствуя надъ душами.
> Не отъ всякаго глаза смертнаго она можетъ быть видима,
> Потому что только тотъ, кто проливалъ въ жизни потъ,

(*) Подобное сему пишетъ Сенека въ письмѣ своемъ 88-мъ: «Вѣра есть священнѣйшее груди человѣческой благо. Никакой необходимостью нельзя вынудить къ отпаденію отъ нея; никакой цѣной соблазнить къ тому. «Жги, рѣжь, убивай, говоритъ поэтъ; я не измѣню ей. Чѣмъ большихъ секретовъ добивается меня опечаливающій, тѣмъ больше я ихъ скрываю».

(**) Софоклова «Антигона» ст. 460.

Въ стремленіи объемлющемъ всю душу,
Только тотъ, развивая полноту духовнаго мужества,
достигаетъ высоты.

Открываю Пиндара и вотъ у него читаю:

Путемъ лишь трудовъ и работъ, осиливаемыхъ
потомъ,
Юность обрѣтать можетъ прочную славу;
Высокія дѣла ея тогда начинаютъ накопецъ свѣтомъ блистать
И озарять небеса.

Эсхилъ туже мысль выразилъ такъ:

Себя обрекшій на труды
Наконецъ увидитъ свою виноградную лозу отъ
боговъ взрощенною, а свой трудъ увѣнчаннымъ славой.

По мнѣнію Гераклита «чѣмъ выше предпріятіе, тѣмъ славнѣе награда».

Покажите мнѣ напротивъ раба, который не дрожалъ бы предъ смертью?

И дѣйствительно *Богъ далъ намъ не духа рабства, чтобы опять жить въ страхъ* (*), пишетъ Апостолъ къ Тимоѳею, *но духъ силы, любви и мудрости. Итакъ мужайся въ исповѣданіи Господа нашего и не стыдись меня, который нахожусь въ цѣпяхъ за Него* (2 Тим. I, 7, 8). Но такимъ свидѣтелемъ за имя Христово будетъ, по сужденію Апостола, *постоянно привязанный къ добру, отвращающійся зла и любовь имѣющій непритворную* (Рим. XII, 9), *ибо любящій другаго законъ исполнилъ* (Рим. XIII, 8). Но если Богъ, котораго мы исповѣдуемъ, есть Богъ упованія нашего, чѣмъ дѣйствительно Онъ и есть, то мы открыто должны признаваться въ этомъ, осуществляя и оправдывая надежду сію всѣми силами. Сіе-то и есть дѣло важнѣйшее, по сужденію Апостола, чтобы вы *полны были благости, исполнены всякаго* (необходимаго) *познанія* (мудрости) (Рим. XV, 13, 14).

Индійскіе мудрецы говорили Александру Македонскому: «Наши тѣла ты можешь переносить съ одного мѣста на другое; души же наши, ихъ ты не можешь вынудить дѣлать то, чего мы не хотимъ. Огонь, который наводитъ на другихъ такой ужасъ и кажется столь мучительнымъ, мы презираемъ» (*). Отсюда Гераклитъ «славу предпочитаетъ всѣмъ благамъ міра; толпѣ же», — какъ самъ въ этомъ признается, — «онъ предоставляетъ лишь это глупое удовольствіе наѣдаться до отвалу на манеръ животныхъ».

Почти всѣ свои труды мы предпринимаемъ для
тѣла.
Чтобъ защитить его отъ вредныхъ вліяній временъ
года, мы строимъ домы.
Для тѣла мы выкапываемъ серебро изъ нѣдръ
земныхъ.
Для него мы засѣваемъ поля. Изъ за него наконецъ тысячи заботъ, которымъ мы даемъ
разныя названія.

Безразсудная толпа тратитъ свои силы, надсажается въ излишнихъ этихъ трудахъ. Намъ же Апостолъ говоритъ: *Сіе да знаемъ, что ветхій нашъ человѣкъ распятъ, чтобы упразднено было тѣло грѣховное и чтобы впредь намъ уже не быть рабами грѣха* (Рим. VI, 6). Показывая же намъ, въ какой степени презрительно относится простой народъ къ вѣрѣ и какія жестокія оскорбленія онъ причиняетъ ей вслѣдствіе своего презрительнаго отношенія къ ней, Апостолъ прибавляетъ съ полной откровенностью: *Мнѣ кажется, что Богъ съ нами и другими Апостолами обходится какъ съ послѣдними изъ людей, какъ бы съ жертвами, приговоренными къ смерти; потому что мы посмѣшищемъ стали для міра, для Ангеловъ и для людей. Даже донынѣ мы терпимъ*

(*) Соединеніе 2 Тим. I, 7 съ Рим. VIII, 15.

(*) Подобное сему писалъ Александру Индусъ Галанъ по показанію Филона въ его книгѣ «Quod omnis probus sit liber»: «Галанъ Александру. Друзья тебѣ совѣтуютъ съ философами Индусовъ поступить насильственно. Но твоимъ друзьямъ и во снѣ не снилось, къ чему тѣ мудрецы способны. Тѣла ихъ ты можешь переносить съ мѣста на мѣсто, надъ душами же ихъ ты невластенъ и вынудить ихъ вопреки ихъ желанію на какое либо дѣло столь же мало имѣешь возможности, какъ заставить камни говорить или дерево. Огонь тѣламъ причиняетъ величайшія страданія и гибель, но и его мы презираемъ и живые въ него бросаемся». Срав. выше «Стром.» II въ гл. 20.

голодъ и жажду, мы наги и терпимъ побои, не имѣемъ постояннаго жилища. Мы работаемъ до изнеможенія своими руками; насъ проклинаютъ, а мы благословляемъ; насъ преслѣдуютъ, а мы терпимъ; насъ злословятъ, а мы отвѣчаемъ молитвою; мы сдѣлались какъ бы соромъ міра (1 Кор. IV, 9, 11—13). Нѣчто подобное Платонъ пишетъ въ своемъ твореніи «О государствѣ»: «Терзайте праведника, мучьте, выкалывайте ему глаза: онъ всегда останется блаженнымъ» (*). Конецъ предносится истинному мудрецу (гностику) не въ этой земной жизни; онъ переноситъ свое дѣло въ высшую область; всѣмъ своимъ существомъ онъ обращенъ къ вѣчному блаженству и взываетъ къ царственной дружбѣ Божіей. Какому бы безчестію ни подвергли его, какой бы полнотой позора ни покрыли его; ссылкѣ ли его самого подвергнутъ; имѣнье ли его конфискуютъ; на смерть ли его осудятъ: никогда никто его не въ состояніи лишить свободы, ни главнѣйшаго его блага, любви, которою онъ соединенъ съ Богомъ. *Любовь, она все переноситъ, все терпитъ* (1 Кор. XIII, 7), ибо она убѣждена, что Божественное провидѣніе управляетъ всѣми вещами премудро. *Будьте подражателями мнѣ: умоляю васъ*, пишетъ Апостолъ (1 Кор. IV, 16).

На первую ступень, насъ возвышающую надъ плотскимъ человѣкомъ, возводитъ насъ заповѣдь, соединенная съ устрашеніемъ; страхъ удерживаетъ насъ отъ всякаго рода неправдъ. Второй ступенью состоитъ надежда, насъ устремляющая къ верховному благу. Къ совершенству же, какъ и естественно, приводитъ любовь, оканчивающая дѣло нашего воспитанія на путяхъ познанія. Эллины, приписывая все происходящее слѣпому предопредѣленію,—я не понимаю уже, какъ это у нихъ выходило,—утверждали, что они слѣдуютъ ему вопреки собственной своей волѣ. По крайней мѣрѣ такъ говоритъ Еврипидъ. Слушайте.

Женщина! Вслушайся хорошенько въ то, что я говорю.
Нѣтъ ни одного существа здѣсь на землѣ, которое бы не страдало.
Хоронить дѣтей, рождать другихъ, а послѣ того вскорѣ самой умереть
Такова печальная участь человѣчества (*).

И за тѣмъ поэтъ прибавляетъ:

Бѣды, на насъ налагаемыя природой, нужно переносить съ покорностью судьбѣ и мужественно.
Что необходимо, то смертнымъ, значитъ, и перенесено быть можетъ.

Стремящіеся же къ совершенству стремятся къ цѣли разумной, указываемой имъ познаніемъ. Сущность этой цѣли опредѣляется такой святой тріадой: *вѣрой, надеждой и любовью; но любовь изъ нихъ больше* (1 Кор. XIII, 13).

По истинѣ хотя *все мнѣ позволено*, говоритъ Апостолъ, *но не все полезно; все мнѣ позволено, но не все назидательно.* И еще: *Никто да не ищетъ своего только, но пользы и другаго* (1 Кор. X, 23, 24), чтобы можно было въ одно и тоже время и творить и учить,—созидать, но и устроять созидаемое. Потому что хотя *Господня земля и все, что наполняетъ ее*,—и пунктъ этотъ не подлежитъ никакому сомнѣнію и оспоренію;—и все-же не слѣдуетъ соблазнять совѣсть слабую. *Совѣсть же разумѣю не свою, а другую, ибо для чего же моей свободѣ быть судимой чужой совѣстью?* (Свобода же сія мнѣ позволяетъ употреблять въ пищу все). *Итакъ если я съ благодареніемъ принимаю пищу, то для чего порицать меня за то, за что я благодарю? Итакъ ѣдите ли, пьете ли, или иное что дѣлаете, все дѣлайте во славу Божію* (1 Кор. X, 26, 29—31). *Не-*

(*) Платонъ говоритъ буквально слѣдующее (кн. II): «Если слова мои довольно жестки, то не думай, Сократъ, что это говорю я; говорятъ тѣ, которые предпочитаютъ несправедливость справедливости; они полагаютъ, что такого праведника будутъ сѣчь, пытать и держать въ оковахъ, что ему выжгутъ и выколютъ глаза и что наконецъ, испытавъ всѣ роды мученій, онъ пригвожденъ будетъ ко кресту и узнаетъ, что человѣку надобно не быть, а казаться праведникомъ». 361E

(*) Слова Амфіарая, коими въ «Гюпсифилѣ» Еврипида онъ утѣшаетъ мать Архемора, чрезвычайно горевавшую о смерти сына.

смотря на то, что мы находимся во плоти, не по плоти воинствуемъ, ибо оружія воинствованія нашего не плотскія, но Богомъ сильныя, способныя разрушать вражескія твердыни и ниспровергать человпческія измышленія и всякое превозношеніе, возстающее противъ познанія Господа (2 Кор. X, 3—5). Снабженный этими оружіями, истинный мудрецъ (гностикъ) восклицаетъ: «О Господи, даруй мнѣ случай къ борьбѣ и прими мое исповѣданіе. Пусть приходитъ этотъ врагъ опасный и страшный: силенъ я любовію къ Тебѣ и презираю его нападенія».

Изо всѣхъ человѣческихъ дѣлъ только одна добродѣтель
Не можетъ удовлетвориться наградой внѣшней:
Она себѣ самой благороднѣйшая награда.

Итакъ облекитесь, какъ избранные Божіи, святые и возлюбленные, въ благоутробіе милосердія, въ благость, смиренномудріе, кротость, долготерпѣніе; болпе же всего импйте любовь, которая есть совокупность совершенствъ. И да владычествуетъ въ сердцахъ вашихъ миръ Христа, къ которому вы и призваны, чтобы составлять одно тпло и будьте благодарны (Кол. III, 12, 14, 15), состоя хотя и во плоти еще, но наблюдая, подобно древнимъ праведникамъ, душевный миръ и безстрастіе.

8. Церковь какъ мущинамъ такъ и женщинамъ, а также рабамъ и дѣтямъ, одинаково даетъ права мученичества, а равнымъ образомъ и обязанности его на нихъ возлагаетъ.

Не только Эзопляне (*), Македоняне и Спартанцы умѣли держать себя мужественно подъ пытками,—о какомъ ихъ отношеніи къ онымъ свидѣтельствуетъ Эратосѳенъ въ своей книгѣ «Добро и Зло», — но и Зенонъ элеатянинъ. Вынуждаемый подъ пытками объявить нѣкую тайну онъ выдерживалъ истязанія мужественно и тайны не открылъ. При семъ онъ даже бо́льшее нѣчто сдѣлалъ. Почувствовавъ приближеніе смерти онъ откусилъ себѣ языкъ и выплюнулъ его въ лице тиранну, по однимъ Нэарху, по другимъ же Дэмюлу. Подобнымъ же образомъ поступилъ Ѳеодотъ пиѳагореянинъ и Павелъ, ученикъ Лакюда, какъ свидѣтельствуютъ о семъ Тимоѳей пергамлянинъ въ своей книгѣ «О храбрости философовъ» и Ахаикъ въ своей «Иѳикѣ». Къ симъ можетъ быть присоединенъ еще римлянинъ Постумій (*). Взятый въ плѣнъ Певкетіянами онъ подвергнутъ былъ пыткамъ. И среди ихъ онъ хранилъ довѣренную ему тайну. Онъ къ самому огню оставался даже какъ будто нечувствительнымъ: нисколько не измѣнившись въ лицѣ, онъ опустилъ въ огонь свою руку, какъ бы надъ чашей какой мѣдной ее протянувъ. Умалчивать ли мнѣ о геройскомъ восклицаніи Анаксарха подъ желѣзными толчейными пестами тиранна (**)? «Толки, толки, возглашалъ онъ, мѣшокъ Анаксарховъ; самого же Анаксарха тебѣ не истолочь». Такъ надежда на блаженство и любовь къ Богу не только не издаютъ жалобъ и ропота на превратности жизни, но среди ихъ онѣ поддерживаютъ въ себѣ и полную свободу духа. Онѣ могутъ попадать въ среду свирѣпѣйшихъ звѣрей, могутъ быть пожираемы огнемъ, быть истязаемы смертоносными орудіями палачей: будучи соединены съ Богомъ узами неразрывной любви, онѣ воспаряютъ въ небесныя обители, поработить себя не позволивъ и оставивъ людямъ лишь бренные сіи тѣлесные останки, эту единственную вещь, надъ которой какъ будто они еще имѣютъ нѣкоторую власть.

Варварскій народъ (***), не чуждый мудрости (****), говорятъ, ежегодно выбиралъ легата къ полубогу Замолксу, нѣкогда бывшему уче-

(*) Разумѣются подражатели терпѣнію древняго Эзопа.

(*) Ливій, Сенека, Плутархъ и др. повѣствуютъ это не о Постуміи, а о Муціи Сцеволѣ.

(**) Плутархъ называетъ сего тиранна Никокреономъ, а Оригенъ («противъ Цельса» VII, 54) Аристокреономъ.

(***) По свидѣтельству Геродота (IV, 95) Замолксъ былъ почитаемъ особенно Гетами, однимъ изъ ѳракійскихъ племенъ.

(****) Геродотъ называетъ ихъ храбрѣйшими и честнѣйшими изъ всѣхъ ѳракіянъ.

никомъ и другомъ Пиѳагора (*). Сей легатъ выбирался изъ мужей достойнѣйшихъ и былъ приносимъ Замолксу въ жертву; другіе же изъ домогавшихся этой чести, но не удостоенныхъ ея, сокрушались, что лишаемы возможности достичь такимъ путемъ блаженства.

Итакъ тѣло церкви составляется изъ смѣлыхъ мужей и честныхъ женщинъ (**), чрезъ всю жизнь свою, на всѣхъ путяхъ ея, думавшихъ лишь о смерти, имѣющей оживить ихъ для новой жизни во Христѣ. Потому что кто упорядочиваетъ свою жизнь согласно съ нашими нравами, тотъ уже чрезъ это самое, безъ помощи ученья и наукъ, погружается въ истинную мудрость, будетъ ли онъ варваръ, или Эллинъ, рабъ, старецъ, мальчикъ или жена (Гал. III, 28; Рим. X, 12; 1 Кор. XII, 13). Мудрость (добродѣтель) есть достояніе общее всѣхъ людей; для сего стоитъ лишь усвоить ее. У насъ признается за несомнѣнное, что въ каждомъ человѣкѣ природа одна и таже и что къ добродѣтели всѣ одинаково способны. Что касается свойствъ человѣческихъ, то не иную природу имѣетъ женщина сравнительно съ мущиной; слѣдовательно и къ добродѣтели одинаково способны какъ мущина, такъ и женщина. Если же наоборотъ къ умѣренности, справедливости и другимъ, вытекающимъ отсюда добродѣтелямъ, способенъ только мущина, то женщина по необходимости способна значитъ только на несправедливости и склонна лишь къ разнузданности. Но это уже что-то и нелѣпое представляетъ собою. Къ наблюденію умѣренности, справедливости и вообще всѣмъ добродѣтелямъ способны одинаково какъ мущины такъ и женщины, какъ человѣкъ свободный такъ и рабъ; если одинаково обща имъ человѣческая природа, то очевидно обща имъ значитъ и способность быть людьми добродѣтельными. Мы не то хотимъ этимъ сказать, что женщинѣ, хотя она и женщина, свойственна природа мужская: свойственны обоимъ поламъ и нѣкоторыя различія, по силѣ которыхъ одна есть женщина, а другой мущина. Такъ напр. беременной быть и рождать свойственно женщинѣ; и это — ея принадлежность именно какъ женщины, а не какъ человѣка. Еслибы между мущиной и женщиной не существовало никакого различія, то и поступали бы они совершенно одинаково и состоянія они испытывали бы совершенно одни и тѣже. Тождественна будучи съ мущиной по душѣ, женщина можетъ и возвышаться до одинаковой съ мущиною добродѣтели, по органическому же ея устройству ея назначеніе зачинать, раждать и смотрѣть за внутреннимъ состояніемъ дома. *Ибо я хочу*, говоритъ Апостолъ, *чтобы вы знали, что всякому мужу глава Христосъ, женѣ же глава мужъ. Не мужъ отъ жены былъ созданъ, а жена отъ мужа. Однакоже ни мужъ безъ жены, ни жена безъ мужа въ Господѣ* (1 Кор. XI, 3, 8, 11). Какъ къ мущинѣ обращаясь говоримъ мы: «Будь воздерженъ, господствуй надъ своими пожеланіями»: подобно этому и женщинѣ мы объявляемъ: «Будь умѣренна, побѣждай склонность къ удовольствіямъ». Что совѣтуется намъ Апостольской заповѣдью? *Поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделѣній плоти, ибо плоть желаетъ противнаго духу, а духъ противнаго плоти; они другъ другу противятся.* Апостолъ все-же не такъ противуполагаетъ ихъ, какъ зло противоположно добру, нѣтъ; онъ противупоставляетъ ихъ другъ другу, какъ противустоятъ одинъ другому два соперника, не безъ пользы борющіеся другъ съ другомъ. Посему онъ прибавляетъ: *Не дѣлайте того, чего желаете. Дѣла плоти извѣстны: любодѣяніе, другіе грязные пороки, распущенность, идолослуженіе, чародѣйство, вражда, ссоры, зависть, гнѣвъ, распри, разногласія, ереси, ненависть, пьянство, безчинство и тому подобное. Предваряю васъ, какъ и прежде предварялъ, что поступающіе такъ царствія Божія не наслѣдуютъ. Плоды же духа суть: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, милосердіе, воздержаніе, благость, вѣра, кротость* (Гал. V, 16, 17, 19—22). *Плотью* Апостолъ безъ сомнѣнія грѣш-

(*) Оригенъ «противъ Цельса» II, 55 и III, 54, называетъ его рабомъ Пиѳагора.

(**) Срав. «Педаг.» I, 4.

никовъ назвалъ, точно такъ же какъ словомъ *духъ* онъ означилъ праведниковъ.

Въ дополненіе къ сему намъ слѣдуетъ вооружиться мужествомъ, чтобы упрочить въ себѣ покорность и терпѣніе, такъ чтобы намъ въ состояніи быть обуздывать свой гнѣвъ душевной твердостью: *ударившему по щекѣ подставляя другую и отнимающему иматіонъ не препятствуя взять и хитонъ* (Лк. VI, 29).

Мы не упражняемъ женщинъ въ воинскомъ искуствѣ и не поставляемъ себѣ цѣлью сдѣлать изъ нихъ какихъ-то Амазонокъ; мы желаемъ, чтобы и мущины были помиролюбивѣе; и вотъ намъ говорятъ на это, что у Сарматовъ женщины ходятъ на войну наравнѣ съ мущинами, что Сакидянки являются на боевыхъ поляхъ и въ притворномъ бѣгствѣ взадъ себя наравнѣ съ мужьями пускаютъ стрѣлы (Герод. IV, 117). И то мнѣ извѣстно, что женщины изъ Иберіи (Испаніи) раздѣляютъ съ мужьями всѣ работы и труды, не оставаясь праздными даже во время беременности и тотчасъ по рожденіи. Бываетъ часто, что въ рабочую пору женщина у нихъ и родитъ на полѣ, подниметъ ребенка и несетъ домой.—Наравнѣ съ мужьями онѣ смотрятъ за домомъ, вмѣстѣ съ ними охотятся, вмѣстѣ пасутъ стада. Не смотря на то, что была беременна,

Критянка быстро погналась за оленемъ.

Да. Истинная мудрость составляетъ задачу не менѣе женщинъ чѣмъ и мущинъ, хотя мущина и можетъ превосходить во всемъ женщинъ и первенствовать надъ ними, если только не разслабѣваетъ онъ отъ изнѣженности. Добропорядочность и добродѣтель необходимы и всему человѣческому роду, если только правда, что онъ стремится къ совершенству. Посему не льзя сказать, что Еврипидъ очень разсудительно пишетъ. когда говоритъ, будто бы «всѣ вообще женщины злѣе мущинъ; если бы и наихудшій изъ мущинъ женился даже на самой Добродѣтели, то и тогда жена его все-же была бы злѣе мужа». И въ другомъ мѣстѣ: «Всякая женщина, если хочетъ она слыть разумной, должна быть рабой мужа; таже, которая беретъ верхъ надъ мужемъ, непремѣнно унижаетъ его и своимъ безуміемъ».

Ничего нѣтъ лучше и желаннѣе
Согласія между собой супруговъ, соединенныхъ подъ общей кровлей одними и тѣми же чувствами (Одис. VI. 182—4).

И однакоже главой состоитъ тотъ, кому принадлежитъ первенство начальства и власти. Если же *Господь глава мужа, а глава жены мужъ*, то мужъ есть господинъ надъ женой, потому что онъ состоитъ *образомъ и славой Божіей* (1 Кор. XI, 3, 7). Вотъ почему Апостолъ и пишетъ въ посл. къ Ефесеямъ: *Повинуйтесь другъ другу въ страхѣ Божіемъ. Жены, повинуйтесь своимъ мужьямъ какъ Господу, потому что мужъ есть глава жены, какъ и Христосъ глава церкви и Онъ же Спаситель тѣла. Но какъ церковь повинуется Христу, такъ и жены должны повиноваться своимъ мужьямъ во всемъ. Мужья, любите своихъ женъ. Какъ Христосъ возлюбилъ церковь, такъ и мужья должны любить своихъ женъ какъ свои тѣла; любящій свою жену себя самого любитъ, ибо никто никогда не имѣлъ ненависти къ своей плоти* (Еф. V, 21—25, 28, 29). И въ посл. къ Колоссянамъ Апостолъ пишетъ тоже. *Жены*, говоритъ онъ, *повинуйтесь своимъ мужьямъ, какъ прилично въ Господѣ. Мужья, любите своихъ женъ и не будьте къ нимъ суровы. Дѣти, будьте послушны своимъ родителямъ во всемъ, ибо сіе благоугодно Господу. Отцы, не раздражайте своихъ дѣтей, опасаясь чтобъ они не впали въ уныніе. Рабы, во всемъ повинуйтесь господамъ вашимъ по плоти, не въ глазахъ только служа имъ, какъ человѣкоугодники, но въ простотѣ сердца, Бога боясь. Все, что дѣлаете, отъ души дѣлайте какъ для Господа, а не для людей, зная что вы въ воздаяніе отъ Господа получите наслѣдіе, ибо вы служите Господу. А кто неправо поступитъ, тотъ получитъ по своей неправдѣ: у Него нѣтъ лицепріятія. Господа, оказывайте своимъ рабамъ должное и справедливое, зная что и вы имѣете Господа на небесахъ* (Кол. III, 18—25; IV, 1), *гдѣ нѣтъ ни эллина, ни іудея, ни обрѣзанія, ни необрѣзанія, ни варвара,*

ни скиөа, ни раба, ни свободнаго, но все и во всемъ Христосъ (Кол. III, 11). Церковь земная есть образъ церкви небесной (Евр. IX, 23). Вотъ почему мы и молимся, *чтобы воля Божія исполнялась на землѣ такъ же, какъ она исполняется и на небѣ* (Мѳ. VI, 10; Лк. XI, 2): чтобы исполнялась сія воля чрезъ *облеченіе* наше *въ благоутробіе милосердія Божественнаго, въ благость, смиренномудріе, кротость, долготерпѣніе, снисхожденіе другъ другу и прощеніе взаимное, если кто имѣетъ на кого жалобу: какъ Христосъ простилъ васъ, такъ и вы прощайте. Болѣе же всего облекайтесь въ любовь, которая есть совокупность совершенства. И да владычествуетъ въ сердцахъ вашихъ миръ Божій, къ которому вы и призваны въ одномъ тѣлѣ и будьте дружелюбны* (Кол. III, 12—15).

Не излишне почаще повторять этотъ священный текстъ въ опроверженіе Маркіона, лишь бы только привесть его къ раскаянію и къ убѣжденію, что всякій правовѣрный долженъ быть благодаренъ Богу Создателю за то, что Онъ призвалъ насъ и чрезъ посредство воплощеннаго Слова (Логоса) далъ намъ Евангеліе.

Изъ сего же яснымъ становится для насъ, что вѣрой обусловливается и единеніе; а еще яснѣйшимъ то отсюда становится, ктó совершенъ. Какъ бы ни было это кому непріятно; какъ бы ни упорно кто сему противился: все-таки и женщина и рабъ,—какими бы муками ни грозили одной мужъ, другому господинъ,—будутъ слѣдовать на дѣлѣ нами проповѣдуемой истинной мудрости. Да и человѣка свободнаго,—отъ имени тиранна пусть угрожаютъ ему смертью, пусть зовутъ его къ суду, влекутъ на крайнія муки, пусть страшаютъ его конфискаціей имущества, лишеніемъ всѣхъ правъ, какія бы средства ни примѣняли для того,—никогда никому не удастся отвлечь его отъ поклоненія Богу истинному. Никогда никому не удастся жену заставить жить съ нравственно-презрѣннымъ мужемъ; никогда ни сынъ, если онъ имѣетъ такого отца, ни рабъ, если онъ имѣетъ жестокаго господина, не могутъ быть отклонены отъ мужественнаго и благороднаго слѣдованія добродѣтели. Прекрасно и славно для человѣка умереть за добродѣтель, за свободу, за цѣлость своей личности: почему же тоже самое дѣйствіе не можетъ быть прекраснымъ и славнымъ и для женщины? Это не однихъ мущинъ вѣдь нѣкая правиллегія; это право всѣхъ людей добропорядочныхъ. Всякій старецъ, всякій молодой человѣкъ, всякая женщина, всякій рабъ, всякій желающій слушаться заповѣдей имѣетъ право жить согласно со своей вѣрой, а если нужно будетъ, то и умереть за вѣру,—ахъ, ошибся,—и оживотворить себя смертью. Сколько сыновей намъ извѣстно, сколько женщинъ, сколько рабовъ, лучшими и совершеннѣйшими ставшихъ вопреки волѣ отцовъ и матерей, вопреки волѣ супруговъ, въ противность волѣ господъ! Итакъ вы всѣ, рѣшившіеся жить благочестиво! Ваше усердіе къ тому пусть не погасаетъ и не ослабѣваетъ при видѣ препятствій. Напротивъ среди ихъ еще усугубьте оное и боритесь за свое усовершенствованіе мужественно, страшась, какъ бы подъ какими нибудь предлогами не отказаться вамъ отъ своихъ намѣреній, наилучшихъ однакоже и (рано или поздно) неизбѣжныхъ. Можно ли хотя одну минуту въ томъ сомнѣваться, чтó лучше: почитателемъ ли всемогущаго Бога быть или въ мракѣ съ демонами вращаться?

При дѣлахъ, нами творимыхъ въ угоду другимъ, всегда обращается вниманіе на благо тѣхъ, въ угоду которыхъ мы творимъ ихъ. И какому же другому принципу мы слѣдуемъ при семъ, какъ не тому, чтобы сдѣлаться имъ пріятными? При дѣлахъ же, кои скорѣе мы для себя дѣлаемъ, нежели въ интересѣ чужомъ, мы къ тому прилагаемъ стараніе, себѣ остающееся всегда вѣрнымъ, одобрены будутъ наши дѣйствія другими или нѣтъ. Если нѣкоторыя изъ благъ, обладаніе которыми само по себѣ маловажно, оказываются однакоже стоющими того, чтобы—не смотря на всѣ препятствія и затрудненія со стороны другихъ людей—добиваться пріобрѣтенія ихъ, то не тѣмъ ли необходимѣе,—не смущаясь тѣмъ, нравится это другимъ или нѣтъ и чтó они говорятъ о насъ,—бороться за добродѣтель и не другимъ чѣмъ

либо руководиться при семъ, какъ исключительно красотой ея и праведностью? Прекрасны посему эти слова Эпикура, имъ обращенныя къ Менойкію, въ письмѣ къ нему: «Юноша пусть безъ замедленія прилежитъ къ добродѣтели. Но и старецъ пусть не уклоняется отъ нея. Оздоравливать душу никогда ни слишкомъ рано, ни слишкомъ поздно. Говорить, что пора быть добродѣтельнымъ для меня еще не пришла или же что она прошла, это значило бы сказать почти тоже, что время для моего счастія еще не наступило или что оно уже прошло Добродѣтель столь же необходима для юности какъ и для старости: для этой чтобы состарѣвшись могла она юнѣть чрезъ обновленіе себя добродѣтелями или иначе чрезъ благодарное воспоминаніе о раннихъ дѣлахъ; юности же, чтобъ она въ одно и тоже время и юна была и стара спокойствіемъ и обезпеченіемъ себѣ будущности» (*).

9. Изреченія Христа Спасителя о благахъ мученичества и объясненіе тѣхъ изреченій.

Соберемъ во едино, тамъ и здѣсь по Писанію разсѣянныя, ясныя изреченія Христа Спасителя о благотворности мученичества. Онъ сказалъ: *Говорю же вамъ: Всякаго, кто исповѣдаетъ Меня предъ человѣками, и Сынъ человѣческій исповѣдаетъ предъ Ангелами Божіими. А кто отвергнется Меня предъ человѣками, тотъ отверженъ будетъ предъ Ангелами* (Лк. XII, 8). *Ибо кто постыдится Меня или Моихъ словъ въ родѣ семъ прелюбодѣйномъ и грѣшномъ, того постыдится и Сынъ человѣческій, когда пріидетъ во славѣ Отца Своего со ангелами своими* (Мк. VIII, 38). *Итакъ всякаго, кто исповѣдаетъ Меня предъ людьми, исповѣдаю и Я предъ Отцемъ Моимъ небеснымъ* (Мѳ. X, 32). *Когда же приведутъ васъ въ синагоги, къ начальствамъ и властямъ, не заботьтесь, какъ отвѣчать или что сказать: ибо Святый Духъ научитъ васъ въ тотъ часъ, что должно сказать* (Лк. XII, 11, 12).

(*) Письмо это приводится Діогеномъ Лаэрціемъ въ жизни Эпикура X, 122.—Срав. Горація, который былъ ученикомъ Эпикура, посл. 4, ст. 32 и д.

Гераклеонъ, значительнѣйшій изъ учениковъ Валентина, объясняя это мѣсто, говоритъ буквально слѣдующее: «Исповѣдывать Господа можно двоякимъ образомъ: вѣрою вмѣстѣ съ образомъ жизни, а потомъ еще словами. Свидѣтельство о Господѣ словомъ есть то самое, которое дается предъ сильными земли». «Многіе, продолжаетъ онъ, думаютъ, что это исповѣданіе Господа предъ властьми и есть единственное свидѣтельство о Немъ. Они грубо ошибаются въ этомъ. И лицемѣры могутъ исповѣдывать Господа такимъ образомъ. Но не льзя доказать, что съ сими изреченіями долженъ быть соединяемъ именно этотъ строгій смыслъ. Не всѣ избранные исповѣдали Господа словомъ и не всѣ умерли за Его имя. Таковы Матѳей, Филиппъ, Ѳома, Левій (Мк. II, 14; Лк. V, 27) и многіе другіе. Свидѣтельство о Господѣ публичное и торжественное далеко не составляетъ обязанности всѣхъ; оно есть особенная милость Божія и зависитъ отъ обстоятельствъ. Свидѣтельство же о Христѣ дѣлами и образомъ дѣйствій, соотвѣтствующимъ вѣрѣ, оно,—говоритъ Гераклеонъ,—составляетъ общую обязанность всѣхъ. Къ этому исповѣданію, обязательному для всѣхъ, присоединяется частное, даваемое предъ лицемъ властей, если это бываетъ нужно и если этого требуетъ разумъ. Стоитъ ли правовѣрному много заботиться объ исповѣданіи Господа словомъ, когда онъ уже соединенъ съ Нимъ искренностью любви? Обратите на то вниманіе, съ какой высокой мудростью Господь говорилъ объ обязанности исповѣдывать Его. Объ исповѣдающихъ Его Онъ сказалъ *Кто исповѣдуетъ Меня* (ἐν ἐμοί), а о вѣроотступникахъ: *Кто отречется отъ Меня* (ἐμέ). Эти послѣдніе, хотя бы они и свидѣтельствовали о Немъ устно, уже потому отступаютъ отъ Него, что не соединяется съ симъ свидѣтельства дѣлами. Исповѣдуютъ имя Христово лишь тѣ, которые жизнію о Немъ свидѣтельствуютъ и дѣлами. Онъ хвалитъ ихъ, такъ какъ въ лицѣ ихъ самъ Онъ о Себѣ свидѣтельствуетъ, потому что Онъ живетъ въ нихъ, а они въ Немъ. Вотъ почему Онъ *отъ Себя самого отречься никогда не можетъ* (2 Тим. II, 13). Отре-

каются же отъ Него не живущіе въ Немъ. Обращайте тщательное вниманіе на Его слова. Онъ не сказалъ: «Кто отрекается Меня» (ἐν ἐμοὶ), а *кто отрекается отъ Меня* (ἐμὲ), потому что всякій, кто въ Немъ, не отречется отъ Него. Что же касается этихъ словъ *передъ людьми*, то подъ *людьми* нужно разумѣть и тѣхъ, кои ищутъ спасенія, а равнымъ образомъ и язычниковъ, насъ преслѣдующихъ. Свидѣтельствовать образомъ жизни слѣдуетъ предъ тѣми; свидѣтельствовать поведеніемъ и словомъ предъ этими. Вотъ почему они никогда не могутъ отречься отъ Господа. Отрекаются же отъ Господа не живущіе въ Немъ».

Таковы разсужденія Гераклеона. И кое въ чемъ онъ какъ будто и согласенъ съ нами. Но онъ позабылъ одну сторону вопроса. Онъ не думаетъ объ очень возможномъ случаѣ, что никогда не *исповѣдывавшій Христа передъ людьми* дѣлами и жизнію вдругъ можетъ дать о Немъ словесное исповѣданіе передъ судьями, не измѣняя себѣ среди пытокъ даже до послѣдняго часа и свидѣтельствуя тѣмъ, что вѣритъ во Христа отъ глубины сердца. Это великодушное настроеніе, котораго не могла измѣнить даже и смерть, въ состояніи изгладить въ мученикѣ всѣ пороки, какіе порождаются въ насъ пожеланіями, т. е. стало быть и съ началами ихъ. Это мученичество есть такъ сказать покаяніе, свидѣтельствуемое въ концѣ всей жизни дѣйствіемъ; оно вмѣстѣ съ тѣмъ есть и блестящее о Христѣ свидѣтельство, исходящее изъ устъ исповѣдника.

Если же *Духъ Отца* въ насъ свидѣтельствуетъ, то какимъ же это образомъ мы можемъ быть при семъ лицемѣрами, которые, по мнѣнію Гераклеона, только на словахъ исповѣдуютъ Господа? Но нѣкоторымъ, если это нужно, Духъ сей данъ будетъ; это обѣщано имъ; данъ будетъ Онъ для оправданія вѣры ихъ словами, чтобы ихъ мученичество и ихъ свидѣтельство могли быть полезными для общества. Члены церкви всѣ мужественны. И тѣ изъ язычниковъ, которые съ пламеннымъ усердіемъ ищутъ пути спасительнаго, (смотря на нихъ) удивляются и увлекаемы бываютъ ихъ вѣрою; другіе же всѣ поражаемы бываютъ удивленіемъ и изумленіемъ.

Исповѣданіе Господа слѣдовательно есть безусловная обязанность всѣхъ, такъ какъ оно зависитъ безусловно отъ насъ самихъ. Являться же апологетами религіи и защищать ее словами, это не составляетъ безусловной обязанности всѣхъ, потому что это не зависитъ отъ нашей власти.

Претерпѣвшій же до конца спасется (Мѳ. XXIV, 13). Найдется ли хотя одинъ здравомысленный человѣкъ, который рабствованію демону не предпочиталъ бы царственное достоинство въ Богѣ? Безъ сомнѣнія есть люди, которые, по Апостолу, *говорятъ что знаютъ Бога, а дѣлами отрекаются, будучи гнусны и непокорны и неспособны ни къ какому доброму дѣлу* (Тит. I, 16). Они, ограничивающіеся лишь такимъ исповѣданіемъ Бога (т. е. только знаніемъ Его), по крайней мѣрѣ при концѣ своей жизни могутъ свидѣтельствовать о Господѣ хотя однимъ добрымъ дѣломъ, это мученичествомъ за Него. Оно есть тоже крещеніе, омывающее всѣ грѣхи. Въ «Пастырѣ» мы читаемъ: «Вы ускользнете отъ нападеній этого дикаго звѣря, если ваше сердце останется чистымъ и свободнымъ отъ всякихъ пятенъ» (*). Но и самъ Господь говоритъ: *Сатана просилъ, чтобы сѣять васъ какъ пшеницу, но Я молился* (Лк. XXII, 31, 32). Господь одинъ *пилъ чашу* (Мѳ. XX, 22) въ очищеніе какъ тѣхъ, которые злоумышляли противъ Него, такъ и тѣхъ, которые еще не знали Его. А Апостолы, уже только по Его примѣру, въ качествѣ истинныхъ гностиковъ и людей совершенныхъ, страдали за основанныя ими церкви. Отсюда слѣдуетъ, что гностики, если хотятъ быть вѣрными подражателями Апостоламъ, должны хранить себя чистыми отъ всякаго грѣха и любить ближняго изъ любви къ Богу, чтобы при наступленіи опасности со славою перенесть испытанія, ихъ удручающія и чтобы *выпить* за свою церковь *чашу* Господню.

(*) «Пастырь» Ермы кн. I, вид. 4.

Итакъ открывается, что всѣ исповѣдающіе имя Христово дѣлами своей жизни, равно какъ исповѣдующіе оное предъ судьями, будетъ ли то по побужденіямъ надежды на воздаяніе, или же уступая страху наказаній, достойнѣе тѣхъ, кои исповѣдуютъ спасеніе только устами. Если же какой христіанинъ возвысится и до любви, то сей подлинно блаженъ и мученикъ по истинѣ и совершенный: онъ даетъ и предъ Богомъ Отцомъ чрезъ посредство Господа доказательство совершеннаго исполненія заповѣдей. Онъ доказываетъ, что состоитъ братомъ нашего Господа, страстно Его любящимъ, себя предавшимъ исключительно Богу. Съ любовію и благодарностью онъ возвращаетъ сокровища, къ храненію которыхъ былъ приставленъ; возвращаетъ Онъ Богу человѣка, отъ него назадъ требуемаго.

10. Напрашиваться самимъ на судебное насъ за вѣру преслѣдованіе не слѣдуетъ.

Когда же васъ будутъ преслѣдовать въ одномъ городѣ, сказалъ Господь, *бѣгите въ другой* (Мѳ. X, 23). Не то это значитъ, что Господь совѣтуетъ спасаться бѣгствомъ отъ преслѣдованія за вѣру, какъ еслибы быть преслѣдуемыми за сіе собою представляло несчастіе. Ни смерти избѣгать не было у Него въ намѣреніи посовѣтовать здѣсь, какъ если бы страхъ смерти одобрялъ Онъ. Что же хотѣлъ Онъ сказать данными словами? А то, чтобы мы не дѣлались ни для кого ни причиной зла, ни соучастниками въ немъ; ни себѣ самимъ не причиняли бы зла, ни преслѣдователямъ нашимъ, ни убійцамъ. И способъ Онъ показываетъ намъ, какъ должны мы избѣгать преслѣдованія насъ. Безразсуднымъ дѣломъ было бы ослушаніе, но и напрашиваться на опасность тоже безразсудно. Если грѣшитъ противъ Бога тотъ, кто предаетъ смерти *человѣка Божія* (1 Тим. VI, 11; 2 Тим. III, 17), то становится соучастникомъ въ убійствѣ и тотъ, кто добровольно предаетъ себя судьямъ (*).

(*) Примѣры сего въ посл. къ Смирнянамъ св. Поликарпа гл. 6.—Тоже разсказываетъ Евсевій въ своей церк. исторіи IV, 15.

А именно такимъ содѣйствователемъ преслѣдованію (*) и становится тотъ, кто вмѣсто того, чтобы уклоняться отъ преслѣдователей дерзко выставляется предъ ними и бѣжитъ навстрѣчу имъ. Это значитъ, что онъ, сколько отъ него зависитъ, способствуетъ озлобленію преслѣдователя. Если же къ этому да еще и нарочно возбуждаетъ его гнѣвъ противъ себя, то онъ уже всецѣло виновенъ; это равнозначительно съ натравливаніемъ на себя свирѣпаго животнаго. А равнымъ образомъ еслибъ давалъ кто поводъ кому либо къ задору противъ себя или къ оштрафованію себя или къ судебному процессу противъ себя или вообще къ непріязненнымъ и враждебнымъ отношеніямъ противъ себя: тотъ самъ становится причиной всего этого. Именно съ этой цѣлью (утишенія вражды противъ насъ) намъ и заповѣдано никакихъ вещей сего міра не удерживать у себя силою, если кто ихъ будетъ отнимать у насъ, но *отнимающему верхнюю одежду не препятствовать взять и рубашку* (Лк. VI, 29). Господь хочетъ, чтобы мы оставались свободны отъ всякой чрезмѣрной къ чему либо привязанности; Онъ опасается, какъ бы усиліями удержать за собой какое либо изъ земныхъ благъ не возстановить намъ противъ себя тѣхъ, кои у насъ оспариваютъ его и чтобы своимъ сопротивленіемъ не навлечь намъ хулы на имя Бога христіанскаго.

11. Отвѣтъ на возраженіе: «При промыслѣ о васъ почему же Богъ попускаетъ вамъ страдать»?

Говорятъ: «Если Богъ печется о васъ (**), то почему же преслѣдованія противъ васъ ведутся; почему васъ смерти предаютъ»? «Ужели это Онъ на васъ попускаетъ такія бѣдствія», восклицаютъ наши противники.

Мы не думаемъ, чтобы по волѣ Божіей насъ постигали такія бѣдствія. Но намъ при семъ на память Его предреченіе приходитъ, что во

(*) Срав. Стром. VII, въ гл. 16

(**) Срав. съ симъ мѣстомъ книжку Сенеки De Providentia, или Cur bonis occidant mala, cum sit Providentia.

времена послѣдующія съ нами все это случится, т. е. что всѣ эти напасти насъ постигнутъ, что за имя Его будемъ мы на смерть осуждаемы и ко кресту пригвождаемы (*). На преслѣдованіе насъ слѣдовательно воли Его не было; но бѣдствія, имѣющія насъ постигнуть. Онъ для того заранѣе предвозвѣстилъ намъ, чтобы заблаговременнымъ насъ предъизвѣщеніемъ предстоящихъ намъ испытаній пріучить насъ къ терпѣнію и безропотной покорности, за что Онъ обѣщалъ намъ наслѣдіе. Не мы одни умираемъ; подвергаются вмѣстѣ съ нами казни и многіе другіе.

«Но эти другіе, продолжаютъ наши противники, суть злодѣи; ихъ казнятъ во имя закона и справедливости».

Но чрезъ это наши противники невольно сами противъ себя свидѣтельствуютъ; значитъ, мы невинны и насъ лишь изъ за соблюденія формальной вѣрности закону приносятъ ему въ жертву. Но несправедливостями судебной власти не ниспровергается провидѣніе Божественное. Судебной власти слѣдуетъ господствовать надъ своими приговорами, а не рабски оные произносить. Не на бездушныя же струны музыкальныхъ инструментовъ судьи должны походить, которыя при нажимѣ на нихъ повинуются причинѣ инородной и получаютъ ими производимыя впечатлѣнія отъ силы чуждой. Вотъ почему отъ нашихъ судей въ свою очередь и отъ самихъ будетъ потребованъ отчетъ въ ихъ судебныхъ приговорахъ. Они дадутъ отчетъ въ примѣненіи, какое сдѣлали изъ своей свободы, мы же въ стойкости, котор.ю противопоставили ихъ угрозамъ. Мы невинны, а судебная власть насъ преслѣдуетъ, какъ еслибъ мы были нарушителями законовъ и какими-то тяжкими преступниками, хотя она дѣлъ нашихъ незнаетъ, да и освѣдомляться о нихъ не желаетъ (**). Даже ужаснѣйшее нѣчто она себѣ позволяетъ противъ насъ. Она руководится по отношенію къ намъ лишь пустымъ предубѣжденіемъ противъ насъ, за что сама будетъ суду Божію подлежать. Насъ преслѣдуютъ не за преступленія, а лишь по неосновательному о насъ мнѣнію, будто мы люди вредные въ мірѣ,—единственно за то что мы христіане и притомъ не свою только жизнь устрояющіе по христіанскимъ началамъ, но увлекающіе и другихъ къ слѣдованію тѣмъ же принципамъ.

«Но почему же къ вамъ помощь не приходитъ въ жару гоненій на васъ», восклицаютъ наши противники. Отвѣчаемъ имъ. Мы ничего не теряемъ отъ того; по крайней мѣрѣ мы сказать это можемъ о себѣ лично. Отъ всѣхъ сихъ бѣдствій чрезъ смерть освободиться имѣя, мы воспарить имѣемъ къ нашему Господу и этотъ переходъ въ міръ иной для насъ не болѣе значитъ, чѣмъ переходъ изъ одного возраста жизни въ другой. Не мудруя много, мы еще благодаримъ тѣхъ, кои намъ случай доставляютъ отойти изъ сего міра быстро, и лишь объ одномъ при семъ хлопочемъ, чтобы наше мученичество поддерживалось любовію къ Богу. Безъ этихъ душевныхъ расположеній нашихъ большинство смотрѣло бы на насъ какъ на изверговъ. И это большинство, если узнаетъ истину, и само, купно люди всѣ, обратится на тотъ же путь (Дѣян. IX, 2; XIX, 9, 23; XXIV, 22; XVIII, 25, 26; XXII, 4), и избранныхъ съ поры той не будетъ болѣе. Да, вѣра наша по истинѣ имѣетъ стать *свѣтомъ для міра* (Мѳ. V, 14) и ею изобличено будетъ невѣріе его. «Ни Анитъ не причинитъ мнѣ зла, ни Мелитъ; они не въ состояніи этого сдѣлать, ибо я не вѣрю, чтобы во власти было человѣка злаго повредить человѣку доброму» (*). Поэтому каждый изъ насъ можетъ смѣло восклицать: *Господь за меня, не устрашусь; что можетъ сдѣлать человѣкъ мнѣ* (Пс. CXVI, 6). *Души праведныхъ въ рукѣ Божіей и мученіе не коснется ихъ* (Прем. III, 1).

(*) Изо 2-й кн. Платонова творенія «О государствѣ». Срав. выше сей же кн. въ гл. 7-й.

(**) Тертулліанъ въ началѣ своей Апологіи развиваетъ этотъ аргументъ шире.

(*) Изъ Платоновой «Апологіи Сократа».

12. Опровержение мнѣнія Василида, будто мученичество есть родъ наказанія за предшествовавшие оному случаи нарушенія вѣрности.

Василидъ въ 23-й гл. своихъ «Толкованій» касательно тѣхъ, кои за вѣру приговоромъ судебной власти бываютъ осуждаемы на мученическую смерть, утверждаетъ слѣдующее: «Относительно тѣхъ, кои подвергаются такъ называемымъ преслѣдованіямъ, мое мнѣніе такое: Всѣ они несомнѣнно виновны въ грѣхахъ невѣдѣнія и даруется имъ сіе счастіе (мученичества) благостію Провидѣнія, приводящаго ихъ къ тому. Оно это попускаетъ приводить ихъ на судъ по причинамъ весьма разнообразнымъ. Оно это устрояетъ, что они подвергаемы бываютъ пыткамъ не какъ простые преступники, осуждаемые на смерть по уликамъ неоспоримымъ и за пороки не какіе либо безславные въ родѣ прелюбодѣянія или убійства, а обвиняютъ ихъ за то лишь, что они христіане; и этимъ бываютъ муки ихъ смягчаемы, такъ что представляется, какъ будто они и не страдаютъ. А еслибы подвергнутъ былъ пыткамъ и кто нибудь изъ такихъ правовѣрныхъ, за коимъ не имѣется никакого грѣха невѣдѣнія, что однакоже рѣдкость, то и испытываемыя имъ страданія никто не имѣетъ права приписывать злобѣ и заблужденію властей, а долженъ думать объ его страданіяхъ, что это страданія безгрѣшнаго ребенка». Потомъ немного ниже Василидъ прибавляетъ: «Подобно тому какъ ребенокъ, еще не успѣвшій совершить никакого грѣха или по крайней мѣрѣ самопроизвольно его не учинившій, можетъ быть постигнутъ страданіями уже за то одно, что носитъ въ себѣ зародышъ грѣха (душу, еще до ниспосланія въ сіе тѣло согрѣшившую) и въ ниспосланіи ихъ на него долженъ видѣть благодѣяніе себѣ, его знакомящее со многими трудностями жизни: подобно этому и приpаженіе страданій къ человѣку, ни въ чемъ не погрѣшившему или же ни въ чемъ, — по крайней мѣрѣ самопроизвольно,—не нарушившему своего долга, будетъ истекать изъ того же принципа, и тѣ страданія его будутъ имѣть характеръ страданій ребенка. Онъ уже носитъ въ себѣ склонность ко грѣху; и если еще не погрѣшилъ, то единственно потому, что случая къ тому еще не представилось, такъ что онъ значитъ не имѣетъ права себя считать совершенно невиннымъ. Всякій, расположенный къ нарушенію вѣрности своему долгу или слову, есть уже преступникъ, хотя бы онъ и держался еще слова или исполнялъ свой долгъ (Мѳ. V, 33); всякій, намѣревающійся совершить убійство, есть уже убійца, хотя бы убійства онъ и не совершилъ еще. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о праведникѣ, еще не согрѣшившемъ: праведность его мнимая. Съ той самой минуты, какъ увидѣлъ я его страдающимъ, я уже объявляю его преступникомъ, хотя бы онъ и не совершилъ еще никакого проступка: онъ уже носилъ въ себѣ желаніе согрѣшить. И по истинѣ скорѣе все, что вамъ угодно, я скажу, только не это, что Провидѣніе жестокосердо».—Далѣе и еще ниже Василидъ и о Господѣ выражается такъ, что очевидно его мнѣніе о Немъ, какъ о простомъ человѣкѣ. «Еслибы, говоритъ онъ, оставляя всѣ предшествующія разсужденія, кто либо попытался мнѣ доказать противное, ссылаясь на нѣкоторыя личности: такой-то де страдалъ, слѣдовательно онъ согрѣшилъ? Я отвѣчу тому съ его же позволенія: онъ не грѣшилъ, а страдалъ подобно тому, какъ ребенокъ страждетъ. А еслибы противникъ мой все еще продолжалъ на своемъ настаивать, то я прибавилъ бы: Назовите мнѣ какого вамъ угодно человѣка, все таки онъ будетъ человѣкъ, а Богъ провосуденъ. *Кто родится чистымъ отъ нечистаго? Никто*» (Іов. XIV, 4).

Василидъ держится того исходнаго пункта, что души, привлекаемыя за свои грѣхи къ наказанію здѣсь на землѣ, грѣшили еще во время жизни предшествующей; душа избраннаго наказывается мученичествомъ, которое покрываетъ ее ореоломъ славы; всякая же другая душа заслуженной ею казнью очищается.

Но весь наборъ сихъ доказательствъ Василидовыхъ падаетъ, какъ скоро мы на то обратимъ вниманіе, что вполнѣ отъ насъ вѣдь зависитъ, исповѣдать Христа или нѣтъ; и это

въ нашей власти, подвергнуться за Него мученической смерти или нѣтъ. Для того же, кто отрекается отъ Господа, существуетъ ли уже и Провидѣніе, если его понимать въ Василидовомъ смыслѣ? Спрошу теперь и я его. Отвѣть мнѣ, Василидъ: Вотъ подстражный христіанинъ. По волѣ или противъ воли Провидѣнія произошло то, что узникъ сей будетъ свидѣтельствовать о Христѣ и подвергнется казни? Если онъ отречется отъ Христа, то казни избѣжитъ, но что станется тогда съ очищеніемъ его отъ грѣха? Еслиже Василидъ скажетъ, что исповѣдникъ сей не долженъ и на арену выходить для свидѣтельства, а слѣдовательно и казни не подвергнется, то онъ самъ себѣ будетъ противорѣчить, ибо долженъ будетъ сказать, что и отрекающимся отъ Христа вѣчная гибель устрояется Промысломъ. Далѣе какъ же это слава и воздаяніе блаженной вѣчностью можетъ становиться удѣломъ мученика, если при исповѣданіи Господа воля его въ томъ не участвовала? Еслиже Василидъ скажетъ, что имѣвшаго пострадать Провидѣніе и не допустило до грѣха, то чрезъ это разомъ приписывается Провидѣнію двойная несправедливость: вопервыхъ та, что во имя справедливости Оно не освобождаетъ несчастнаго, влекомаго на смерть; а за тѣмъ та, что Оно содѣйствуетъ судьѣ, чрезъ привлеченіе къ суду невиннаго, поступающему вопреки долгу. Выходитъ, что перваго Оно наказало за дѣло исповѣданія, согласовавшееся съ его убѣжденіями; второму же, порабощенному своей безпутной волѣ, несправедливо благопріятствовало и не отклонило его отъ дѣла, имъ неправо предпринятаго.

Скажемъ не колеблясь: Василидъ въ этомъ случаѣ оказывается безразсуднымъ нечестивцемъ, потому что онъ обоготворяетъ сатану и дерзко осмѣливается превращать Господа въ человѣка грѣшнаго. Когда демонъ насъ искушаетъ, хорошо зная кто мы, но незная, окажемъ мы ему сопротивленіе или нѣтъ, то чрезъ это онъ желаетъ поколебать вѣру нашу, пытаясь подчинить насъ своему вліянію; и далѣе сего власть его надъ нами не простирается. Провидѣніе же, попуская сіе, имѣетъ въ виду тройную цѣль: вопервыхъ Оно хочетъ, чтобы мы спасались своими собственными усиліями, въ наблюденіи заповѣдей закона имѣя средство къ тому; вовторыхъ Оно хочетъ, чтобы искуситель изъ за встрѣченной имъ неудачи былъ покрытъ стыдомъ; наконецъ Оно хочетъ, чтобы примѣрами вѣроисповѣдной твердости была укрѣпляема вѣра членовъ церкви и чтобы свѣтъ вѣры проникъ въ совѣсть и невѣрующихъ, уже удивляющихся геройству мучениковъ.

Но если мученичество есть воздаяніе за добродѣтель, и если смертная казнь играетъ роль лишь средства для сего; то это же самое должно сказать и о вѣрѣ и объ ученіи, коими вызывается мученичество; вѣрою и ученіемъ мученичество обусловливается. Извѣстно ли вамъ ученіе нелѣпѣе этого?

Что же касается до вопроса: Переходитъ ли душа изъ одного тѣла въ другое и въ чемъ состоитъ участіе демона при семъ, то мы разсудимъ о сихъ предметахъ въ другое время. Въ данную же минуту къ тому, что уже сказано нами, прибавляемъ слѣдующее размышленіе. Что на будущее время вышло бы изъ вѣры, еслибы мученичество считалось не болѣе какъ наказаніемъ за содѣланные въ предшествующей жизни грѣхи? Чѣмъ оказалась бы любовь къ Богу, которая переноситъ преслѣдованія и стоитъ твердо за истину? Чѣмъ были бы заслуги исповѣдника? Чѣмъ оказалась бы безчестность вѣроотступника? Къ чему тогда служилъ бы правый образъ жизни, умерщвленіе своихъ пожеланій и непитаніе ненависти ни къ какому созданію?

Далѣе если, по свидѣтельству самого Василида, одной изъ чертъ характера, согласующагося съ Божественною волею, есть та, о которой мы и говорили, чтобы «ко всему относиться любвеобильно», потому что части должны имѣть отношеніе къ цѣлому и состоять въ гармоніи съ нимъ; если другой чертой такого характера должна быть та, чтобы «ничего не желать»; и наконецъ третьей «ни къ кому не питать злобы и вражды и ко всему относиться безъ ненависти», то что изъ этого слѣ-

дуетъ? То ли, что казни происходятъ по волѣ Божіей? Безбожное ученіе! Вовсе не по волѣ своего Отца нашъ Господь страдалъ; нѣтъ воли Божіей и на то, чтобы христіане были преслѣдуемы. Одно изъ двухъ: или преслѣдованіе насъ есть благо, если оно происходитъ по волѣ Божіей; или же палачи и преслѣдователи наши невинны. Но въ природѣ ничего не происходитъ безъ воли Властителя вселенной. Заключая все въ одномъ словѣ, остается намъ сказать, что все это потому происходитъ, что Богъ не противится тому (*). Этимъ единственно возможнымъ разъясненіемъ провидѣніе примиряется съ милосердіемъ Всевышняго. Не нужно воображать, что самъ Богъ поднимаетъ на насъ руки и на насъ наводитъ напасти; мы далеки отъ этой мысли. Но слѣдуетъ вѣрить, что Богъ не останавливаетъ руку тѣхъ, которые намъ устрояютъ несчастія, и гнѣвъ нашихъ враговъ обращаетъ намъ во благо.

Отниму у него ограду, говоритъ Господь, *и онъ будетъ опустошаемъ* (Ис. V, 4). Таковы вразумленія, намъ даваемыя Провидѣніемъ въ лицѣ другихъ, наказываемыхъ за ихъ личные грѣхи; а наставленія, намъ даваемыя Христомъ и Апостолами изъ за нашихъ грѣховъ, таковы. *Воля Божія*, говоритъ Апостолъ, *есть та, чтобы вы были святы, чтобы вы избѣгали любодѣянія, чтобы каждый изъ васъ умѣлъ соблюдать сосудъ своего тѣла въ святости и чести, не предаваясь чувственнымъ вожделѣніямъ какъ язычники, незнающіе Господа и чтобы никто не поступалъ со своимъ братомъ противузаконно и корыстолюбиво, потому что Господь мститель за все сіе, какъ и прежде мы говорили вамъ и свидѣтельствовали. Ибо Богъ призвалъ насъ не къ порочности, но чтобы быть святыми. Презирающій сказанное мною не человѣка презираетъ, а самого Бога, который намъ далъ Духа своего Святаго* (1 Сол. IV, 3—8).

Для нашего же освященія Богъ не воспрепятствовалъ страдать и нашему Господу. Если же кто нибудь изъ учениковъ Василида въ свое оправданіе сошлется на то, что мученикъ терпитъ кару за грѣхи, совершенные душой его раньше ея перехода въ тѣло, плоды же своей добродѣтели получитъ послѣ сей жизни и что въ этомъ и состоитъ домостроительство Божіе, то мы спросимъ у сего отдѣляющагося отъ церкви: будетъ ли и тогда возмездіе распредѣляться согласно съ видами Провидѣнія? Если оно не будетъ истекать изъ закона Божественнаго правосудія, то и міръ значитъ не представляетъ собою чего-то въ родѣ очистительной каменоломни и всѣ подмостки Василидовы тогда рушатся подъ тяжестію его собственныхъ ногъ. Еслиже они утверждать захотятъ, что очищеніе исходитъ отъ Провидѣнія, то слѣдовательно отъ Него же проистекаютъ и наказанія. Но провидѣніе, какъ его понимаетъ Василидъ, хотя оно первое свое движеніе и получаетъ отъ верховнаго Архонта, все-же присоединилось лишь въ минуты творенія Богомъ тварей. При этой системѣ Василидіане и сами должны признать, что пытки или не несправедливы и тогда судьи, на оныя насъ осуждающіе, палачи мучениковъ пытающіе, также поступаютъ по праву; или же что преслѣдованія проистекаютъ прямо изъ Божественной воли. Мученія и страхи посему, какъ сами они говорятъ, не суть необходимыя акциденціи вещей, а пристали къ нимъ тому подобно, какъ ржавчина пристаетъ къ желѣзу и приражаются къ душѣ только вслѣдствіе свойственной ей воли.

Намъ оставалось бы теперь обстоятельнѣе разъяснить эти предметы, но это мы оставляемъ до болѣе благопріятнаго времени.

13. Опроверженіе мнѣнія Валентина объ упраздненіи смерти.

Валентинъ въ одной изъ своихъ бесѣдъ пишетъ слѣдующее: «Вы безсмертны по самому происхожденію своему и состоите чадами жизни вѣчной; вы пожелали въ смерти участіе принять, дабы ее истощить и изгладить и чтобы въ васъ и чрезъ васъ смерть умерла. Ибо когда міръ вы укротите, то себя самихъ силъ не лишите и будете господствовать надъ

(*) Срав. Стром. I, 17.

творенiемъ, одержавъ верхъ надъ владычествомъ смерти».

Валентинъ вмѣстѣ съ Василидомъ предполагаютъ, что есть родъ людей по самой природѣ своей спасаемыхъ, получающихъ привилегiю на это по праву самаго рожденiя своего. Этотъ отличный отъ прочихъ смертныхъ родъ людей ниспосылается на эту землю свыше для ниспроверженiя здѣсь владычества смерти, сего мрачнаго дѣла, созданнаго злымъ началомъ, сотворившимъ мiръ. Въ подтвержденiе своего ученiя еретики сiи ссылаются на слѣдующее слово Писанiя: *Никакой человѣкъ не можетъ увидѣть лица Божьяго и остаться въ живыхъ* (Исх. XXXIII, 20). На основанiи сего изреченiя они утверждаютъ, что Богъ есть виновникъ и причина смерти. На сего-то самого Бога Валентинъ намекаетъ и въ слѣдующихъ словахъ: «Насколько изображенiе ниже живаго лица, настолько же мiръ ниже живаго Эона. Итакъ что же за предметъ образа? Типъ былъ сообщенъ художнику величiемъ лица, дабы чрезъ имя его быть созданiю его славнымъ. Дѣйствительно не по собственной волѣ его и почину форма была измышлена, но именемъ въ созданiи семъ было восполнено то, что было въ немъ несовершеннаго (*). Незримое въ Богѣ намъ объясняется симъ вещественнымъ мiромъ». И такъ какъ Творецъ мiра названъ въ Писанiи «Богомъ» и «Отцомъ», то Валентинъ называетъ сего Творца мiра «образомъ истиннаго Бога» и «пророкомъ»; мудрость же, во славу невидимаго, воспроизведшую образъ (Его), онъ превращаетъ въ художника. Ибо существа, происходящiя ex conjugatione, представляются плеромою; существа же, происходящiя отъ начала единичнаго, суть только образы. Такъ какъ мiръ явленiй не имѣетъ отношенiя къ незримому Богу, то душа представляетъ собою начало посредствующее, т. е. тѣмъ, что есть въ ней отличнаго отъ сего вещественнаго мiра, наполовину принадлежащая мiру высшему, а тѣмъ, что есть въ ней чуждаго тому высшему мiру, принадлежащая къ сему мiру феноменальному; и она представляетъ собою эманацiю различающаго Духа; такъ какъ была она вдохнута Духомъ, то вслѣдствiе сего самаго и стала душой и образомъ Духа». Вообще Валентiане утверждаютъ, что ихъ ученiе о Димiургѣ, созданномъ по образу Божiю, выражено ясно въ томъ мѣстѣ кн. Бытiя, гдѣ подъ образомъ чувственнымъ она разсказываетъ о сотворенiи человѣка. А подобiе Божiе они усвояютъ самимъ себѣ, утверждая, что вдунутiе въ нихъ духа иной природы Димiургу осталось неизвѣстнымъ. Когда мы будемъ доказывать, что существуетъ только единый и единственный Богъ, провозвѣщенный закономъ, пророками и Евангелiемъ, мы опровергнемъ и это ученiе, ибо вопросъ о немъ очень важный. Здѣсь же обратимся къ тому, на чемъ въ данную минуту настоять считаемъ за необходимѣйшее. Если правда, что родъ людей привиллегированныхъ ниспосланъ для упраздненiя чрезъ нихъ смерти, то значитъ не Христосъ ее упразднилъ, если только и Его природѣ Валентинiане не усвоятъ субстанцiальности подобной же, какой носителями состоять сами. «Но Онъ ее упразднилъ, скажутъ Валентинiане, чтобы она ихъ не коснулась, рода людей избранныхъ, привиллегированныхъ». А слѣдовательно, мы отвѣтимъ имъ, они, состязающiеся съ Димiуромъ, смерти не упраздняютъ, они,—по ученiю ими содержимому,—въ образѣ Божiемъ своей души, по субстанцiи наполовину сему, наполовину иному мiру принадлежащей, высшую жизнь носящiе. И въ томъ случаѣ еслибъ они сказали, что сiе упраздненiе смерти происходитъ чрезъ мать (мудрость?); а также и въ томъ, еслибы они вздумали утверждать, что это съ согласiя Христа они воинствуютъ противъ смерти, въ обоихъ этихъ

(*) Намекъ на обычай древнихъ художниковъ давать лицамъ, изображаемымъ въ художественныхъ ихъ произведенiяхъ, имена, чтобы легче тѣ образы распознавать. Валентинъ пользуется въ своемъ ученiи симъ обычаемъ какъ образомъ. Невидимый высшiй Богъ, по нему, чтобы внушить вѣру къ своему образу, т. е. къ образу Его въ лицѣ Творца мiра, сформированному матерiю Мудростiю, сообщилъ ему имя «Бога».

случаяхъ они окажутся пріемлющими и содержащими тайное ученіе, будто должно и можно бороться противъ Божественной власти Творца міра (Диміурга), а его созданіе можно и должно улучшать и преобразовывать, какъ еслибъ они были существами какими-то высшими и будто слѣдуетъ стараться о спасеніи сего душевнаго (плотскаго) образа, коего и самъ Онъ отъ тлѣнія освободить не могъ. Но если и такъ судить, то Господь не долженъ ли быть признаваемъ за существо высшей природы, чѣмъ Богъ Диміургъ (Творецъ міра)? Потому что какой же это сынъ когда состязается со своимъ отцомъ? И что между людьми дико, то ужели бываетъ въ мірѣ божескомъ? А что Богъ Вседержитель и Творецъ вселенной есть Отецъ Сына, изложеніе сего мы отложимъ до того мѣста, гдѣ будемъ опровергать эту ересь, согласно съ нашимъ обѣщаніемъ имѣя доказать, что существуетъ только единый Богъ, и именно тотъ самый, который провозвѣщенъ Сыномъ.

Апостолъ, убѣждая насъ къ терпѣнію въ скорбяхъ, намъ говоритъ: *И сіе отъ Бога, который вамъ даровалъ милость не только вѣровать во Христа, но даже и страдать за Него, призвавъ васъ къ той же самой борьбѣ, какую вы видѣли во мнѣ и о какомъ моемъ подвигѣ и нынѣ слышите еще. Если вы находите нѣкоторое утѣшеніе во Христѣ, если есть какая отрада и нѣкоторое облегченіе въ любви, если есть какое общеніе духовное, если есть какое милосердіе и сострадательность между нами: то сдѣлайте мою радость совершенною, оставаясь единомысленными, проникаясь одною и тою же любовію, одинъ и тотъ же духъ имѣя и одни и тѣже чувства. Если же послѣ того какъ принесена Богу въ жертву ваша вѣра, требуется еще, чтобы и моя кровь была пролита въ качествѣ той же жертвы, то я утѣшенъ и радуюсь вмѣстѣ со всѣми вами* (Фил. I, 29, 30; II, 1, 2, 17). Я спрашиваю Валентина: Какъ же Апостолъ тѣхъ самыхъ Филиппіянъ, которыхъ назвалъ *своими соучастниками во благодати* (Фил. I, 7), какъ же онъ называетъ ихъ соучастниками въ томъ и по душѣ и по плотской организаціи? Подобнымъ же образомъ онъ и о Тимоѳеѣ, но и о самомъ себѣ пишетъ: *Я не имѣю никого равно усерднаго* (ἰσόψυχον), *кто сталъ бы искренно заботиться о васъ, потому что всѣ ищутъ своего, а не того, что угодно Христу Іисусу* (Фил. II, 20, 21). Итакъ не только выше названные еретики оскорбляютъ насъ, усвояя намъ организацію лишь плотскую, но и Фригіяне, которые называютъ такъ людей не вѣрящихъ новому пророчеству. Мы опровергнемъ ихъ, когда будемъ разсуждать о пророчествѣ.

Нужно слѣдовательно, чтобы тотъ, кто предъявляетъ права на званіе человѣка совершеннаго, упражнялся въ любви: только тогда онъ въ состояніи будетъ возвыситься и до содружества съ Богомъ, исполняя Его заповѣди изъ любви къ Нему. Если Господь намъ заповѣдуетъ любить нашихъ враговъ, то не то это значитъ, чтобы Онъ повелѣвалъ любить зло, нечестіе, прелюбодѣяніе, воровство, нѣтъ; а заповѣдуетъ Онъ самаго вора любить, нечестивца, прелюбодѣя, но не настолько, насколько они грѣшатъ и безчестятъ собой достоинство человѣка, а насколько они люди суть и твореніе Божіе. Грѣхъ несомнѣнно есть нѣчто актуальное, а не субстанціальное. Вотъ почему онъ и не можетъ быть дѣломъ Божіимъ. Мы говорили, что грѣшники суть враги Божіи. Почему? Потому что они состоятъ врагами заповѣдей Божіихъ, возставая противъ нихъ. Наоборотъ тѣхъ, кои подчиняются Божественнымъ заповѣдямъ, мы называемъ друзьями Божіими. Одни—друзья, по причинѣ добровольныхъ узъ, ихъ соединяющихъ съ Богомъ; другіе—враги по причинѣ добровольнаго отчужденія ихъ отъ Бога. Не существовало бы ни непріязни ни ненависти, если бы не существовало враговъ и грѣшниковъ.

Не пожелай. Этой заповѣдью не пожеланіе нѣкоторыхъ вещей изъ области другаго Бога запрещается, какъ понимаютъ сію заповѣдь еретики, отъ перваго Бога различающіе Диміурга или Творца и считающіе нѣкоторыя вещи сего міра со своей превышеестественной природой не гармонирующими, ей чуждыми. Но произрожденіе сей заповѣдью не безчестится,

какъ если бы оно было актомъ нѣкимъ гнуснымъ: это было бы ученіемъ по истинѣ нечестивымъ. Мы не потому мірскія вещи называемъ намъ чуждыми, какъ если бы онѣ были непристойными и гадкими самими по себѣ, и не потому, какъ если бы онѣ не имѣли никакого отношенія къ Богу, Владыкѣ вселенной, но потому, что мы не вѣчно живемъ среди ихъ. Съ точки зрѣнія собственности онѣ намъ чужды, ибо онѣ уплываютъ изъ нашихъ рукъ, переходя въ руки нашихъ потомковъ; въ отношеніи же пользованія ими онѣ для каждаго изъ насъ имѣютъ значеніе существенное, потому что для насъ онѣ и сотворены. И все-же во время сей земной жизни нашей къ нимъ отношенія намъ слѣдуетъ опредѣлять извѣстными естественными границами, отъ перехода за кои заповѣдь насъ мудро предостерегаетъ; остерегаться мы должны всякаго излишества и всякой къ матеріальнымъ благамъ привязанности.

14. О любви ко всѣмъ, даже ко врагамъ.

Но до какихъ предѣловъ должна простираться благосклонность? Господь намъ отвѣчаетъ на это: *Благословляйте проклинающихъ васъ; молитесь за тѣхъ, кто преслѣдуетъ васъ и клевещутъ на васъ* (Мѳ. V, 44). И такъ далѣе Онъ продолжаетъ въ томъ же духѣ, и потомъ прибавляетъ: *Да будете сынами Отца вашего небеснаго* (Мѳ. V, 45), указывая такимъ образомъ, какъ можно подобіемъ приближаться къ Богу. *Спѣши помириться съ твоимъ соперникомъ*, говоритъ Онъ въ другомъ мѣстѣ, *пока находишься еще въ дорогѣ съ нимъ* (Мѳ. V, 25). Подъ соперникомъ, о которомъ говорится здѣсь, не тѣло это нужно разумѣть, какъ утверждаютъ нѣкоторые, а демона и подобящихся ему; въ образѣ людей, творящихъ на сей дольней землѣ безпутство демонское, онъ самъ, демонъ, находится въ дорогѣ съ нами Вещь весьма возможная, что чрезъ устное исповѣданіе дѣла Христова можно способствовать величайшему злу, если дѣлами въ то же самое время мы будемъ на сторонѣ демона. Ибо написано: «...изъ страха, чтобы вашъ противникъ не привелъ васъ къ судьѣ, а судья чтобы не выдалъ васъ нечестивому заправителю царствомъ демонскимъ». *Ибо я убѣжденъ, что ни смерть*, которой предаютъ насъ наши преслѣдователи, *ни жизнь* сія временная, *ни ангелы* отступники, *ни начала*, т. е. влаственное достоинство сатаны, утвержденное имъ на возмущеніи противъ Бога; а также и всѣ власти мрака, *ни настоящее*, среди котораго въ теченіе сей жизни мы находимся, каковы надежда солдата и барышъ торговца, *ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь* не въ состояніи остановить дѣлъ вѣры у человѣка, слѣдующаго въ частныхъ своихъ дѣйствіяхъ свободной своей волѣ. Именемъ же *твари* называются здѣсь дѣйствія чисто человѣческія, представляющія собою людское твореніе Такія дѣйствія *не могутъ насъ отлучить отъ любви Божіей во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ* (Рим. VIII, 38, 39). Вотъ краткій очеркъ исповѣдничества и мученичества, какихъ носителемъ состоитъ истинный мудрецъ (гностикъ).

15. Не слѣдуетъ собой другихъ соблазнять.

Знаемъ, говоритъ Апостолъ, *что всѣ мы имѣемъ знаніе*, науку, которая занимается вещами, касающимися до общества и составляетъ общее всѣхъ достояніе; извѣстно намъ и ученіе о бытіи только единаго Бога. Апостолъ обращался съ этимъ словомъ къ вѣрующимъ; потому онъ прибавляетъ: *Но не у всѣхъ* (такое) *знаніе;* не всѣ содержатъ его, и составляетъ оно достояніе лишь немногихъ (*). По пониманію нѣкоторыхъ здѣсь Апостолъ заповѣдуетъ не всѣмъ сообщать о томъ свѣдѣніе, что можно употреблять въ пищу мясо, приносившееся въ жертву идоламъ. Онъ опасается, чтобы *свобода наша не послужила соблазномъ для немощныхъ и чтобы симъ свѣдѣніемъ не погубить брата* (1 Кор, VIII, 1, 7, 9, 11). А если бы нѣкоторые обратили въ вопросъ Апостоль-

(*) Что тайное *знаніе* передано было лишь немногимъ, о семъ писатель говорилъ уже Стром. I, 21.

ское слово и стали бы спрашивать: *Можно ли покупать все продаваемое на* рынкѣ и послѣдующимъ его выраженіемъ: *ничего не разслѣдуя* воспользовались для отвѣта, говоря такъ: «Дѣлайте то, *ничего не разслѣдуя*», то все мѣсто получило бы смѣшной смыслъ. Апостолъ сказалъ: *Все* остальное *покупайте съ рынка безъ всякаго изслѣдованія* (1 Кор. X, 25), за исключеніемъ впрочемъ того, что перечислено въ соборномъ посланіи всѣхъ апостоловъ, гдѣ написано, что *такъ угодно Духу Святому*. Посланіе сіе внесено въ книгу «Дѣяній Апостольскихъ» и принесено было къ вѣрующимъ заботливостію самого Павла. Итакъ Апостолы въ семъ посланіи извѣщаютъ, что слѣдуетъ *воздерживаться отъ идоложертвеннаго и крови и удавленины и блуда; соблюдая сіе хорошо сдѣлаете* (Дѣян. XV, 29). Апостоломъ же сказано иное нѣчто (*). *Или мы не имѣемъ власти ѣсть и пить? Или не имѣемъ власти имѣть спутницею сестру жену, какъ и прочіе Апостолы и братья Господни и Кифа? Но мы не пользовались сею властію*, говоритъ Апостолъ, *но все переносимъ, дабы не поставить преграды благовѣствованію Христову* (1 Кор. IX, 4, 5, 12), т. е. мы переносимъ эти очень важныя неудобства, потому что спѣшимъ отвѣтствовать явленіемъ на всякій призывъ (**); или же потому, что собою желали представить примѣръ воздержности тѣмъ, кои также желали жить въ воздержности. «Имѣя въ виду это, хочетъ сказать Апостолъ, мы не расположены были ѣсть все, намъ предлагаемое, ни тѣмъ паче cum muliere habere consuetudinem». Особенно тѣмъ, которымъ ввѣрено было столь важное домостроительство, надлежало собою представлять для учениковъ примѣръ чистоты и безупречности. Вотъ почему Апостолъ продолжаетъ: *Будучи свободенъ отъ всего, я всѣмъ поработилъ себя, дабы больше пріобрѣсть. И всякій состязающійся воздерживается отъ всего* (1 Кор. IX, 19, 25). *Но Господня земля и все что наполняетъ ее*. Итакъ ради совѣсти должно воздерживаться отъ того, отъ чего воздерживаться запрещено; *совѣсть же разумѣю не свою*: моя просвѣщена познаніемъ, а совѣсть *другаго*. Воздерживайтесь же изъ желанія, чтобы назиданіе вашего брата шло тѣмъ успѣшнѣе, чтобы по невѣдѣнію не вздумалъ онъ подражать тому, чего незнаетъ или чтобы вмѣсто возвышенныхъ чувствъ у него не явилось высокомѣрія. Ибо *для чего моей свободѣ быть судимой чужою совѣстію? Если я съ благодареніемъ принимаю пищу, то для чего порицать меня за то, что я благодарю? Итакъ что ни дѣлаете, все дѣлайте во славу Божію*. Подъ *всѣмъ* же нужно разумѣть дѣла, позволенныя правилами вѣры.

(*) Писатель хочетъ сказать, что воздерживаться отъ идоложертвеннаго и прочаго, что запрещено въ «Дѣяніяхъ Ап стольскихъ», безусловно необходимо. Воздерживаться же отъ того, что у Апостола перечислено, слѣдуетъ для избѣжанія лишь соблазна.

(**) Намекъ на сказанное ранѣе въ Стром. III, гл. 6-й о св. Павлѣ Апостолѣ.

16. Изъясненіе нѣкоторыхъ мѣстъ Писанія о твердости, терпѣніи и любви мучениковъ.

Для достиженія праведности требуется вѣра сердечная, блаженство же достигается устнымъ исповѣданіемъ. Отсюда такое обѣтованіе Писанія: *Всякій вѣрующій въ Него не будетъ постыжденъ. Проповѣдуемое же нами слово вѣры таково: Если будешь исповѣдывать устами твоими, что Іисусъ есть Господь и сердцемъ своимъ вѣровать, что Богъ воскресилъ Его изъ мертвыхъ, то спасешься* (Рим X, 10, 11, 8, 9). Очевидно, что Апостолъ набрасываетъ здѣсь образъ совершенной праведности, полнота коей слагается изъ дѣлъ и созерцанія. Итакъ слѣдуетъ *благословлять* намъ нашихъ *преслѣдователей*. *Благословляйте ихъ*, говоритъ Апостолъ, *а не проклинайте* (Рим. XII, 14). *Ибо наша слава сія есть, свидѣтельство нашей совѣсти, что мы знаемъ Бога и сіе знаніе доказываемъ святостію и богоугодной искренностью*, даже и маловажными случаями открывая дѣла любви и обнаруживая, что *не по плотской мудрости живемъ въ этомъ мірѣ, то по благодати Божіей* (2 Кор. I, 12). Таково свидѣ-

тельство Апостола о познании. Общее же ученіе вѣры (*) въ томъ же самомъ посланіи къ Коринѳянамъ онъ называетъ *благоуханіемъ познанія* (2 Кор. II, 14). Ибо для большинства *даже до сего дня при чтеніи ими Ветхаго Завѣта остается неснятымъ тоже самое покрывало* (2 Кор. III, 14). которое кажется должно бы уже открыться по обращеніи ихъ къ Господу. Вотъ почему тѣмъ, которые могутъ созерцать это, Господь явилъ, что принципомъ жизни сей, змѣемъ ползающей на чревѣ, можетъ быть и болѣе возвышенный, хотя мы и остаемся прикрытыми плотію. Людей же печально ползающихъ по землѣ, преданныхъ плотскимъ удовольствіямъ, рабски служащихъ чреву и подчревію и всѣхъ тѣхъ, кои будучи преданы мірскимъ пожеланіямъ, отсѣкаютъ другъ у друга головы(**), Господь назвалъ *порожденіями ехидниными* (Мѳ. III, 7). *Дѣти, не любимъ словомъ, ниже языкомъ*, говоритъ Іоаннъ, уча насъ быть совершенными, *но дѣломъ и истиною; чрезъ это познаны будемъ, что состоимъ чадами истины* (1 Іоан. III, 18), 19. Но если *Богъ есть любовь*, а любовь если есть вмѣстѣ съ тѣмъ и благочестіе, то *страха нѣтъ въ любви, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ* (1 Іоан. IV, 16, 18). *Это есть любовь къ Богу, чтобы мы соблюдали Его заповѣди* (1 Іоан. V, 3) Въ другомъ мѣстѣ для тѣхъ, кои страшатся быть истинными мудрецами (гностиками), написано: *Будь образцомъ для вѣрныхъ въ словѣ, въ своемъ обращеніи съ ближними, въ любви, въ вѣрѣ, въ чистотѣ* (1 Тим. IV, 12) По моему мнѣнію совершенство вѣры (милосердіе) отличается отъ всеобщей вѣры. Божественный Апостолъ въ такихъ словахъ передаетъ правила истиннаго мудреца: *Я научился быть довольнымъ положеніемъ, въ которомъ нахожусь. Я умѣю жить и въ бѣдности и въ богатствѣ. Испытавъ все, я способенъ ко всему, быть въ сытости и голодать, изобиловать и недостатки терпѣть; могу все о Укрѣпляющемъ меня* (Фил. IV, 11, 12, 13). Съ другими же разсуждая, чтобы побудить ихъ къ скромности, Апостолъ не колеблется стыдить ихъ (1 Кор. VI, 5; XV, 34) въ такихъ выраженіяхъ: *Вспомните первые дни ваши, когда вы, бывъ просвѣщены, выдержали великій подвигъ страданій, то сами среди обезчещенія и скорбей служа зрѣлищемъ для другихъ, то принимая участіе въ скорбяхъ тѣхъ, которые находились въ подобномъ же состояніи. Ибо вы и моимъ цѣпямъ сострадали, и расхищеніе имѣнія вашего приняли съ радостію, зная что есть у васъ имущество лучшее и непреходящее. Итакъ не оставляйте упованія, которому предстоитъ великое воздаяніе. Терпѣніе нужно вамъ, чтобы, исполнивъ волю Божію, получить обѣщанное. Ибо еще немною и Грядущій пріидетъ и не замедлитъ. Праведный Мой вѣрою живъ будетъ, а если кто поколеблется, не благоволитъ къ тому душа Моя* (Авв. II, 3, 4). Мы же *не изъ колеблющихся на погибель, но остаемся тверды въ вѣрѣ ко обрѣтенію души* (Евр. X, 32—9). За тѣмъ Апостолъ приводитъ намъ въ примѣръ людей, вдохновленныхъ и укрѣпленныхъ Богомъ. По истинѣ не достославно ли они *засвидѣтельствовали свою вѣру терпѣніемъ, перенесеніемъ оскорбленій и бичеваній, цѣпей и темничнаго заключенія? Они были побиваемы камнями, подвергаемы жесточайшимъ мученіямъ, умирали отъ лезвія меча, вели скитальческую жизнь покрытые овечьей и козьей шкурой, оставаясь безпомощными, сокрушаемые изнуреніемъ, преслѣдуемые; они, которыхъ весь міръ не былъ достоинъ, блуждали по пустынямъ и горамъ, скрываясь въ вертепахъ, земныхъ пещерахъ и ущельяхъ. И всѣ сіи, которыхъ вѣра содѣлала столь достойными одобренія, не видѣли исполненія Божественныхъ обѣтованій.* Чтобы вполнѣ постигнуть смыслъ этой фразы, нужно подразумѣвать при ней слово «одни только», въ нее вставляя оное безмолвно. Вотъ почему Апостолъ при-

(*) Противуположеніе общаго вѣроученія тайному знанію, преподанному только немногимъ.

(**) Намекъ на манеру древнихъ рисовать женщину, злоумышляющую противъ мущины, въ видѣ змѣи, откусывающей у змѣя голову, потому что, какъ говоритъ Плиній въ своей естественной исторіи X, 62: Viperae mas caput inserit in os, quod illa abrodit voluptatis dulcedine.

бавляетъ: *Потому что Богъ*, ибо Онъ благъ (*), *нѣчто лучшее о насъ предусмотрѣлъ, дабы они только съ нами получили совершенное блаженство. Посему и мы, окружены будучи такимъ* множествомъ *свидѣтелей*, этимъ священнымъ и блестящимъ *облакомъ, свергнемъ съ себя все, что насъ обременяетъ и запинающія насъ цѣпи грѣха и устремимся мужественно на открытое предъ нами ристалище, взирая на начальника и совершителя вѣры Іисуса* (Евр. XI, 36—40; XII, 1, 2). Но хотя и ясно Апостолъ сказалъ, что какъ для праведныхъ, предшествовавшихъ Христу, такъ и для насъ, одно и единственное спасеніе во Христѣ (**), однакоже, говоря о Моисеѣ, онъ прибавляетъ: *Поношеніе Христово онъ считалъ для себя сокровищемъ наибольшимъ изъ всѣхъ богатствъ Египта, ибо онъ взиралъ на воздаяніе. Вѣрою онъ оставилъ Египетъ, не убоявшись гнѣва царскаго; онъ былъ твердъ какъ бы видя Невидимаго* (Евр. XI, 26, 27). Божественная мудрость говоритъ о мученикахъ: *Въ глазахъ неразумныхъ они казались умершими, кончина ихъ считалась гибелью и отшествіе отъ насъ уничтоженіемъ. Но они пребываютъ въ мирѣ; и если предъ людьми и терпѣли пытки, то надежда ихъ полна безсмертія* (Прем. III, 2 — 4). Потомъ, показывая, что мученичество есть очищеніе, Премудрость добавляетъ: *Ихъ страданія были легки, а имъ воздаяніе велико. Богъ ихъ испыталъ*, т. е. допустилъ, чтобъ они подверглись испытанію для большей же ихъ славы и для пристыжденія соблазнителя *и нашелъ ихъ достойными Себя*, того т. е. чтобы называться имъ чадами. *Онъ ихъ испыталъ какъ золото въ горнилѣ и принялъ ихъ какъ жертву всесовершенную; и въ день Его посѣщенія къ нимъ, они возблистаютъ искрами, пробѣгающими по сухой соломѣ. Они судить будутъ націи и господствовать надъ народами, а Господь надъ ними будетъ царствовать во вѣки* (Прем. III, 5—8).

17. Мѣста изъ посланія св. Климента Римскаго къ Коринѳянамъ, подтверждающія предшествующее.

И Апостолъ Климентъ (*) въ своемъ посланіи къ Коринѳянамъ начертываетъ намъ нѣкоторый образъ истиннаго мудреца (гностика). Онъ пишетъ: «Столько иностранцевъ перебывало за стѣнами вашего города. И кто же изъ нихъ не поражался этой твердой вѣрой вашей и украшенностью ея всякими добродѣтелями? Кто изъ нихъ не восхищался этимъ благочестіемъ вашимъ во Христѣ, полнымъ кротости и мудрости? Кто изъ нихъ не хвалилъ этой щедрости вашей и прекраснаго обычая гостепріимства? Кто изъ нихъ наконецъ не распространялъ вездѣ молвы о томъ, какъ вы счастливы, содержа съ увѣренностью столь обширное и непоколебимое знаніе? Дѣйствительно вы всякое дѣло дѣлаете, не обращая вниманія на лица и слѣдуете вѣрно заповѣдямъ Господнимъ» и проч. И за тѣмъ въ выраженіяхъ еще болѣе точныхъ Апостолъ прибавляетъ: Будемъ постоянно взирать на этихъ людей (*), воздававшихъ Его славѣ и Его величію почитаніе достойное Его. Обратимъ вниманіе на Эноха, который чрезъ послушаніе Богу праведнымъ содѣлался и преложенъ былъ на небо; —на Ноя, который спасся отъ потопа, потому что вѣрилъ;—на Авраама, который въ награду за свои вѣру и гостепріимство былъ названъ *другомъ Божіимъ* (Iак. II, 23) и содѣланъ отцомъ Исаака. Но это еще не все. Лотъ въ воздаяніе за свою вѣру и оказанное Ангеламъ гостепріимство выходитъ изъ Содома, не потерпѣвъ никакого вреда. Раавъ блудница среди всеобщаго истребленія спасается единственно благодаря своей вѣрѣ и своему гостепріимству. Будемъ подражать тѣмъ, которые, прикрываясь то козьими и овечьими шкурами, то плетеньемъ

(*) Фраза вставленная писателемъ очевидно изъ за еретиковъ, отрицавшихъ благость Божію.

(**) «Онъ есть дверь Отчая, чрезъ которую вошли Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, пророки, Апостолы и прочая церковь», какъ говоритъ св. Игнатій въ посланіи къ Филадельфійцамъ (гл. 9).

(*) Нѣкоторые изъ древнихъ отцовъ и учителей церкви называли «Апостолами» и мужей Апостольскихъ. Срав. Стром. III, въ гл. 6.

изъ верблюжьяго волоса, ходили вездѣ, предрекая царство Христово. Таковы были св. пророки Илія, Елисей, Іезекииль и Іоаннъ. Авраамъ, давшій блестящія доказательства свободной своей вѣры и названный за величіе своей вѣры *другомъ Божіимъ*, далекій отъ того чтобы гордиться своей славой, въ чувствѣ глубокаго смиренія воскликнулъ: *Я только пыль и пепелъ* (Быт. XVIII, 27). Вотъ что Писаніе говоритъ объ Іовѣ: *Іовъ былъ человѣкъ праведный, безупречный, прямодушный и благочестивый, избѣгавшій всякаго зла* (Іов. I, 1). Онъ доблестностью своего терпѣнія побѣдившій искусителя, онъ свидѣтельствовавшій о Богѣ, но о которомъ и Богъ свидѣтельствовалъ, смиренно говоритъ о самомъ себѣ: *Никтоже чистъ отъ скверны, хотя бы и одинъ день былъ жизни его* (Іов. XIV, 4, 5). *Моисей*, который *найденъ былъ вѣрнымъ во всемъ дому Божіемъ* (Евр. III, 5), на голосъ къ нему говорившій изъ объятаго пламенемъ куста, отвѣчалъ: *Кто я, что посылаешь меня? Я имѣю медленный языкъ и слабый голосъ* (Исх. III, 11; IV, 10), чтобы своими человѣческими устами служить Богу въ истолкованіи словъ Его. Онъ прибавляетъ: *Я паръ воды кипящей. Богъ гордымъ противится, смиреннымъ же даруетъ милость* (Іак. IV, 6; 1 Петр. IV, 5). Но что сказать намъ о Давидѣ, о которомъ Богъ столь блистательно свидѣтельствуетъ: *Я нашелъ человѣка по Моему сердцу, Давида, сына Іессеева. И Я помазалъ его елеемъ святымъ на царство во вѣки вѣковъ* (Пс. LXXXVIII, 21). Но и самъ Давидъ говоритъ къ Богу: *Помилуй мя, Боже, по великости милости Твоей и по множеству милосердія Твоего изгладь беззаконіе мое. Омой меня отъ беззаконія моего и отъ грѣха моего очисти меня. Беззаконіе мое я признаю и грѣхъ мой всегда предо мною* (Пс. L, 1—4). Потомъ намекая на грѣхъ, не подлежащій законной карѣ, онъ со смиреніемъ мудреца (гностика) прибавляетъ: *Я согрѣшилъ единственно противъ Тебя, я зло содѣлалъ предъ лицемъ Твоимъ* (Пс. L, 6). Не говоритъ ли Писаніе въ одномъ мѣстѣ: *Духъ Божій есть факелъ, изслѣдующій и глубины сердечныя* (Притч. XX, 27). И чѣмъ выше восходимъ мы въ знаніи, идя путями праведности, тѣмъ ближе къ намъ Духъ свѣта. Такъ Господь приближается къ праведнымъ. Никакой грѣхъ посему, даже и самый тайный и потаеннѣйшая мысль, не остаются сокрытыми отъ Него. И что же это за Духъ свѣта? Это Христосъ Іисусъ, нашъ Господь, испытывающій своею всемогущею волею наши сердца, кровь котораго содѣлалась нашимъ освященіемъ (Іоан. XVII, 19). Итакъ будемъ подражать образцамъ намъ въ примѣръ предложеннымъ: будемъ чтить старцевъ, воспитывать будемъ юношество въ страхѣ Божіемъ. По истинѣ блаженъ тотъ, который чему учитъ, то и исполняетъ, исполняетъ какъ слѣдуетъ заповѣди Господни: это признакъ духа возвышеннаго и расположеннаго къ созерцанію истины. Будемъ обращать волю нашихъ женъ на добротвореніе. «Сколь достолюбезна чистота нравовъ, говоритъ нашъ Апостолъ. И пусть жены наши выражаютъ ее всѣмъ своимъ поведеніемъ, скромностью всѣхъ своихъ пріемовъ, сдержанностью своего языка, ограниченіемъ чрезъ молчаніе излишества своихъ словъ; любовію своею да не уклоняются онѣ въ стороны, но свидѣтельствуютъ ее по отношенію ко всѣмъ, боящимся истиннаго Бога, и въ ней всегда пусть остаются равными самимъ себѣ. Дѣтей своихъ будемъ воспитывать въ заповѣдяхъ ученія Христова, дабы они знали, насколько смиреніе сильно у Бога,—какъ цѣнна въ очахъ Божіихъ чистая и незапятнанная любовь,—въ какой степени прекрасенъ и величественъ страхъ Божій, спасающій всѣхъ ходящихъ предъ Нимъ въ святости и соблюденіи чистоты сердца. Повторяю: Богъ проникаетъ въ помышленія и мысли сердечныя. Духъ Его въ насъ и Онъ отнимаетъ Его отъ насъ, когда Ему угодно. Всѣ же эти истины утверждаются вѣрою во Христа Іисуса. *Пріидите, чада*, говоритъ Господь, *по-*

(*) Дальнѣйшее заимствовано съ нѣкоторыми сокращеніями, вставками и измѣненіями приспособительно къ своей цѣли изъ главъ 9—12, 17, 18, 21, 22, 38, 40, 41, 48 — 50 и слѣд. того же посланія Климента Римскаго къ Коринѳянамъ.

слушайте Меня, страху Господню научу васъ. Хочетъ ли кто жить, любитъ ли долгоденствіе и счастіе? Потомъ Господь, изъясняя тайну чиселъ седмеричнаго и восьмеричнаго (*), прибавляетъ: *Удерживай языкъ свой отъ клеветы и свои уста отъ рѣчей льстивыхъ. Уклоняйся отъ зла и дѣлай добро; ищи мира и постоянно соблюдай его.* Уча же отвергать зло и прилежать къ добру, Господь симъ означаетъ иносказательно «знаніе», совершенство котораго слагается изъ дѣлъ и словъ. *Очи Господни отверзты на праведныхъ; Его уши внемлютъ ихъ молитвамъ; лица же Его гнѣвъ обращенъ на творящихъ злое и Онъ стираетъ съ земли и память о нихъ. Взываетъ праведникъ и Господь слышитъ его и отъ всѣхъ бѣдъ избавляетъ его* (Пс. XXXIII, 12—19). *Много скорбей у грѣшниковъ, надѣющихся же на Него Господь окружаетъ милостью* (Пс. XXXI, 10). Что еще сказать? Полнотою милости будетъ окруженъ тотъ, чья вѣра чиста и правильна. Посему написано въ посланіи къ Коринѳянамъ: «Разумный нашъ духъ, до Христа вращавшійся въ густомъ мракѣ, былъ выведенъ Имъ на свѣтъ (Ил. I, ст. 236). Во свѣтѣ семъ Всевышнимъ еще здѣсь на землѣ даровано намъ предощущеніе безсмертія. Климентъ, еще обстоятельнѣе намъ разъясняя природу сего вѣдѣнія, прибавляетъ: «Пріемля съ полной вѣрою сіи истины, мы должны погружаться своими взорами въ глубины сей Божественной мудрости. съ надлежащей точностью и своевременно исполняя заповѣди Господни. Мудрецъ посему пусть заявляетъ свою мудрость не пустословіемъ, а добрыми дѣлами. Смиренный пусть не самолично о семъ свидѣтельствуетъ, а предоставляетъ другому воздаяніе ему должнымъ. Наблюдающій чистоту тѣлесную и цѣломудріе пусть не дѣлается отъ того суетнѣе, относя свое воздержаніе къ дарамъ ему Божіимъ. Усмотрите, братія, что чѣмъ полнѣе и глубже полученное нами вѣдѣніе, тѣмъ больше и очевиднѣе и опасность, которой мы подвергаемся».

(*) День седьмый у Евреевъ былъ посвященъ покою, а осьмой возвращенію къ трудамъ. Первымъ изъ своихъ выраженій писатель посему хочетъ сказать, что «должно оставлять зло», а вторымъ и «приниматься за добро».

18. О любви и обуздываніи пожеланій.

По Клименту (*), «благоприличныя и чистыя расположенія нашей любви ищутъ пользы общей». Она или исповѣдничествомъ и мученичествомъ заявляетъ себя; или назидаетъ ближняго своими словами и дѣлами, двоякой сей рѣчью, письменной и неписанной. Любить Бога и ближняго, вотъ въ чемъ она поставляетъ свой долгъ (**). И она возноситъ насъ на высоту, изображеніе которой не поддается никакому описанію человѣческимъ словомъ. *Любовь покрываетъ множество грѣховъ* (Іак. V, 20; 1 Петр. IV, 8). *Любовь все терпитъ* (1 Кор. XIII, 4, 7), ожидаетъ съ терпѣніемъ исполненія обѣтованій; она соединяетъ насъ тѣснѣйшимъ союзомъ съ Богомъ; въ дѣлахъ она наблюдаетъ духъ единодушія и общаго согласія; это любовь дѣлаетъ избранныхъ Божіихъ совершенными въ добрѣ. Никакое дѣло не можетъ быть угоднымъ Богу, если не будетъ оно проникнуто любовію. Коротко, ея превосходство таково, что слабымъ человѣческимъ словомъ оно и передано быть не можетъ. Быть собственникомъ сего драгоцѣннаго дара способенъ только тотъ, кого самъ Богъ удостоилъ его.

Весьма опредѣлительно посему пишетъ о любви св. Павелъ. *Если я отдамъ тѣло мое (на сожженіе), а любви не имѣю,* говоритъ онъ, *то я не болѣе какъ мѣдь звѣнящая или кимвалъ звучащій* (1 Кор. XIII, 1, 3). Какъ если бы такъ говорилъ Апостолъ: Развѣ это не свободной моей воли и не разумомъ руководимой любви избраніе, что я страждую за Христа и свидѣтельствую вѣру въ Него исповѣдничествомъ? Если же я поступалъ бы такъ, что во исповѣданіе Господа двигалъ лишь устами,

(*) Съ нѣкоторыми измѣненіями и опущеніями заимствовано изъ того же посл. св. Климента Римскаго къ Коринѳяномъ, гл. 48—50 и дальнѣйшихъ.

(**) Срав. Стром. I, 20.

чувством страха проникаясь, то жалким же я был бы человѣком. Не бездушным ли инструментом я был бы, лишь механически издающим имя Бога, самому мнѣ остающееся неизвѣстным? Дѣйствительно есть народ, свидѣтельствующій свою любовь к Господу лишь устами своими (Іс. XXIX, 13); и есть другой народ, за вѣру предающій тѣло свое на сожженіе (2 Кор. XIII, 3). *И если я раздам все имѣніе мое*, говорит Апостол. чтобы им содержать бѣдных, но если в этой благотворительности я буду руководиться не началом любви, а разсчетом на благодарность от человѣка, коему оказана услуга, или же — ожиданіем воздаянія, обѣщаннаго Господом; то хотя бы я имѣл и такую полноту вѣры, что горы мог бы переставлять и страсти ею утишать, помрачающія разум; если любовь не дѣлает меня вѣрным Господу, *я ничто*, т. е. сравнительно с праведником, свидѣтельствующим о своей вѣрѣ пред народом согласно с правилами своей мудрости, я человѣк темный и ничѣм не отличающійся от толпы. «Много поколѣній со времен Адама и даже до настоящаго времени жило на поверхности земли, и всѣ они исчезли; в любви же совершенные, по благодати Господней, наслѣдуют землю благочестивых и святых, как откроется то при наступленіи дня, в который Христос Іисус пріидет судить мір и откроет свое царство. Любовь не позволяет себѣ грѣхов. Если же кто либо из владѣющих сим сокровищем по навожденію искусителя и впадет в какой либо невольный грѣх, то он, подражая Давиду, тотчас поет: *Превознесу Господа в славословіи; и сія жертва да будет Ему благоугоднѣе, нежели телец с рогами и с копытами. Да увидят это бѣдные и да возрадуются* (Пс. LXVIII, 32, 33). Ибо говорит Он: *Принеси в жертву Богу хвалу и воздай Всевышнему обѣты твои. И призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня* (Пс. XLIX, 14, 15). *Жертва Богу—дух сокрушенный* (Пс. L, 19).

Бог также именуется *любовію* (1 Іоан. V, 8, 16), потому что Он благ. С полнотой Его любви несогласимо, чтобы кто либо вредил своему ближнему (Рим. XIII, 10) или чрез причиненіе ему несправедливости или чрез отмщеніе за зло новым злом. Сокращаем все в одном словѣ: подражая Богу, мудрец изливает благодѣянія на всѣх безразлично (Мѳ. V, 44 и д. Лк. XII, 36). Итак *исполненіе закона есть любовь* (Рим. XIII, 10), т. е. по примѣру Христа (Мѳ. V, 17) исполненіе закона должно быть столь дѣятельным осуществленіем любви, чтобы живо чувствовалось присутствіе между нами Господа, нас любящаго; иначе сказать, исполненіе закона состоит в исполненіи Господня ученія о любви; это — жизнь любовію проникнутая и устроеніе ея по заповѣдям Спасителя. Нѣкогда дана была устрашающая заповѣдь: *Не прелюбодѣйствуй, не пожелай жены ближняго твоего* (Рим. XIII, 9); нынѣ этой заповѣди указано совершеннѣйшее исполненіе чрез любовь. Дѣло вовсе не безразличное, исполняется что либо по побужденіям страха или любви, вытекает что либо из вѣры или из знанія. По справедливости существуют слѣдовательно и различныя ступени воздаянія. Для мудреца (гностика) уготовано то, *чего глаз не видѣл и ухо не слыхало и чего на сердце человѣку не входило* (1 Кор. II, 9; Ис. LXIV, 4); того же, кто ограничивается лишь вѣрою, Господь обѣщает вознаградить сторицею за то, что он оставил (Мѳ. XIX, 29; Мк. X, 29, 30). Обѣтованіе сіе без сомнѣнія всяким может быть понято (*).

Припоминаю по сему поводу странное объясненіе сего мѣста одним из мнимых мудрецов (гностиков). Спаситель говорит: *А Я вам говорю, что всякій, кто смотрит на женщину с пожеланіем, уже ищет преступной связи с нею* (Мѳ. V, 28). Истолкователь сей говорит, будто бы Господь нас не за простое пожеланіе здѣсь осуждает, а

(*) Обѣщанію чего глаз не видѣл и на сердце человѣку не входило, противупологается обѣтованіе вещей, не превышающих человѣческаго разумѣнія.

за то, если дѣло, обыкновенно состоящее слѣдствіемъ пожеланія, выходя изъ предѣловъ его, въ немъ самомъ и завершеніе находитъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что во снѣ пожеланіе не пользуется заразъ видѣніемъ и тѣломъ. Писатели, собиравшіе анекдоты, усвояютъ такую сентенцію справедливому Бакхору (*). Молодой человѣкъ, увлеченный любовью къ куртизанкѣ, склонилъ ее за условленную плату притти къ нему на другой день. Случилось же, что молодому сему человѣку приснилось, будто эта молодая дѣвушка отдалась ему и удовлетворила его пожеланію. Вопреки ожиданіямъ страсть молодаго человѣка оказалась насыщенной, такъ что онъ затворилъ дверь предъ своей любовницей, когда согласно съ условіемъ она пришла къ нему. При извѣстіи о томъ, что случилось, выпровоженная молодая дѣвушка потребовала обѣщанной платы на томъ основаніи, что она хотя и во снѣ, но удовлетворила желанію молодого человѣка. Такъ дошло дѣло до суда. Судья, приказавши молодому человѣку положить на солнышкѣ кошелекъ, содержавшій плату за стыдъ, куртизанкѣ повелѣлъ взять тѣнь его, хитро осуждая отвѣтчика на уплату тѣни вознагражденія за тѣнь владѣнія, pro imagine coitu (**). Если душа, потрясенная видѣніемъ, вступаетъ въ связи съ нимъ во время сна, то это сонъ. Если же наяву человѣкъ грезитъ, если онъ смотритъ на какой либо предметъ глазами пожеланія, то онъ гоняется за видѣніемъ, которое не имѣетъ уже ничего фантастическаго. Преступленіе, по мнѣнію нашего мнимаго гностика, начинается не тотчасъ, какъ извѣщается кто либо глазомъ; зачинается блудодѣяніе или прелюбодѣяніе въ

(*) Египетскій фараонъ, основатель XXIV династіи; подлинное имя: «Тафнахтутъ».

(**) Плутархъ въ біографіи Димитрія называетъ эту гетеру Ѳонидой и приводитъ сужденіе объ этомъ процессѣ гетеры Ламіи, находившей, что отказъ въ платѣ ей былъ несправедливъ, потому что ея пожеланіе къ деньгамъ тѣнью ихъ не было удовлетворено, какъ удовлетворена была во снѣ страсть молодаго человѣка.

мысли; оно дѣло пожеланія, насколько преступленіе начинается въ пожеланіи. Но еслибы кто посмотрѣлъ на красоту тѣла, говоритъ Логосъ, то плоть окажется красивой съ точки зрѣнія пожеланія. Вы разсматривали его глазомъ плотскимъ и грѣховнымъ, и ваше созерцаніе преступно. Смотрите напротивъ на красоту съ точки зрѣнія цѣломудренной страсти, тогда вы забудете красоту плоти для красоты душевной (*); вы будете тогда смотрѣть на тѣло какъ на статую, возвышаясь чрезъ эту земную красоту до самаго Творца и до того, что дѣйствительно прекрасно, собою являя ангеламъ, охраняющимъ всходы на небо, печать святости, свѣтлый характеръ праведности (**). Я хочу сказать симъ, что отпечатокъ благой совѣсти пріятенъ Богу; пріятно Ему бываетъ радостное обнаруженіе добродѣтельныхъ чувствъ, которыми бываетъ волнуема душа, счастливая тѣмъ, что состоитъ вмѣстилищемъ Святаго Духа. Это и есть свѣтъ, которымъ сіяло лице Моисея и блеска котораго народъ не могъ переносить. Вотъ почему онъ и долженъ былъ прикрыть оное отъ плотскихъ глазъ толпы покрываломъ (Исх. XXXIV, 19 и д.). Люди, съ собой вносящіе что либо изъ земныхъ вещей, бываютъ останавливаемы надзи-

(*) Сужденіе о любви сократическое и платоническое.

(**) Ерма въ «Пастырѣ» говоритъ объ Ангелѣ покаянія и объ Ангелѣ наказанія. «И иные, говоритъ онъ, ангелы есть: ангелы смерти, мира, брака, дѣвственности» и иныхъ, почти всѣхъ вещей. Отсюда вѣра, что при восходѣ души на небо присутствуютъ и всѣ эти Ангелы. И Спаситель говоритъ, что душа Лазаря несена была на лоно Авраамле Ангелами (Лк. XVI, 22). Варнава въ гл. 18-й своего посланія пишетъ: «Два пути ученія и власти, одинъ свѣта, другой тьмы. Но велико различіе между двумя этими путями. На одномъ поставлены свѣтоносные Ангелы Божіи, на другомъ ангелы сатаны. Отсюда въ «Постановл. Апост.» VIII, 41: «Ангеловъ безмятежныхъ поставь при немъ и сопрями его въ лоно патріарховъ» и проч.

рателями небесныхъ обителей и бываютъ освобождаемы отъ человѣческихъ скорбей, обремененные которыми они приходятъ. Не то бываетъ съ тѣми, кои оставили въ мірѣ семъ товаръ непріемлемый въ мірѣ небесномъ: богатыхъ сокровищами познаній и праведности, состоящей въ дѣлахъ, ангелы пропускаютъ ихъ среди единогласныхъ благословеній и провозглашаютъ счастливыми ихъ личность и ихъ дѣла.

И листъ его не отпадетъ, т. е. листъ древа жизни, *посаженнаго при потокахъ водъ* (Пс. I, 3). Праведный сравнивается съ деревьями, которые обременены плодами, не только съ жертвами, которыхъ запахъ поднимается до небесъ. По установленію закона левиты обязаны были осматривать жертвы и открывать ихъ недостатки. Подобно этому умы изощренные (*) легко отличаютъ законное желаніе отъ преступнаго. Они относятъ это послѣднее къ сластолюбію и невоздержности, такъ какъ оно противорѣчитъ разуму. Первое же они относятъ къ разряду вещей, которыя въ силу закона природы стали необходимыми, потому что оно имѣетъ въ основаніи своемъ и своимъ регуляторомъ разсудокъ.

19. Женщины такъ же способны къ совершенству какъ и мущины. Примѣры сего.

Какъ мущина такъ и женщина одинаково способны къ совершенству (**). Покажемъ это на примѣрахъ. Вотъ Моисей. Онъ слышитъ отъ Господа слѣдующія слова (***): *Я говорилъ уже тебѣ и повторяю еще разъ: Смотрю Я на народъ сей, и вотъ онъ народъ жестоковыйный. Не удерживай Меня, и Я истреблю ихъ и изглажу имя ихъ изъ поднебесной, а отъ тебя произведу народъ, который будетъ многочисленнѣе и дивнѣе сего* (Втор. IX, 13, 14). Что же Моисей? Онъ не на личные свои интересы обращаетъ вниманіе, а на общее спасеніе и отвѣчаетъ неотступной молитвой: ***Не сотвори сего, Господи. Прости народу сему грѣхъ его илиже изгладь и меня изъ книги живыхъ*** (Исх. XXXII, 32). Дивное совершенство! Человѣкъ сей желаетъ лучше умереть вмѣстѣ со своимъ народомъ, чѣмъ только одному спастись. Но самоотверженіемъ Моисея не исключается способность къ оному и женщины. Вотъ Юдиѳь. Видя городъ Ветулію осажденнымъ, она, поручивъ себя молитвамъ старцевъ, проникаетъ въ лагерь иностранцевъ. Для освобожденія своего отечества она презираетъ всѣ опасности; въ твердомъ уповании на Бога предается въ руки непріятелей. И вскорѣ ея вѣра вознаграждается. Пылая мщеніемъ къ врагу своей вѣры, она отрубаетъ Олоферну голову. Вотъ и другая женщина, Эсѳирь, также заявившая себя совершенствомъ вѣры. Не она ли это освободила Израиля изъ подъ власти деспота и отъ жестокостей сатрапа? Слабая, одинокая, вооружившись лишь постомъ и слезными моленіями, она оказываетъ сопротивленіе тысячамъ рукъ, готовыхъ наложить на ея единоплеменниковъ цѣпи, хлопочетъ объ отмѣнѣ тиранническаго декрета, и благодаря энергіи своей вѣры достигаетъ своей цѣли. Но этимъ дѣло не кончается. Она умилостивляетъ Ассиріянина, наказываетъ Амана и усердными своими, обращенными къ Господу, молитвами спасаетъ Израиля.—Говорить ли о Сусаннѣ и сестрѣ Моисея? Одна вмѣстѣ съ пророкомъ принимала участіе въ командованіи войскомъ и первая между еврейскими женщинами прославилась мудростью; другая, чтобъ остаться вѣрною своей дѣвственной чистотѣ, презрѣла мученія и, будучи распутными стариками осуждена на оныя, неустрашимо пошла на смерть геройской мученицей цѣломудрія.

По свидѣтельству Діона философа (*), жена по имени Люсидика, была столь цѣломудренна,

(*) Стоики. Они учили о страстяхъ разумныхъ и разуму непослушныхъ. Пожеланіе относили къ послѣднимъ.

(**) Срав. «Педагогъ» I, 4.

(***) Дальнѣйшее съ нѣкоторыми измѣненіями заимствовано изъ посл. св. Климента Римскаго къ Коринѳянамъ гл. 53.

(*) Діона Хрисостома, жившаго во времена императора Траяна.

что и купалась всегда въ хитонѣ (туникѣ). Другая, по имени Филотера, входя въ воду, поднимала свой хитонъ постепенно, по мѣрѣ обнятія водой обнаженныхъ частей тѣла; а выходя изъ воды послѣ купанья она точно такимъ же образомъ постепенно покрывала свое тѣло. Знаменитая Леэна Аѳинянка не съ непоколебимымъ ли мужествомъ перенесла всѣ муки? Посвященная въ тайну заговора Гармодія и Аристогитона противъ Гиппарха, она не открыла ни малѣйшей его подробности, не смотря на примѣненныя къ ней жесточайшія пытки (*). А вотъ Телесилла, предводительствовавшая Аргивскими женщинами, въ одно и тоже время и предводителемъ бывшая и поэтессой, однимъ видомъ своимъ обратившая въ бѣгство столь опытныхъ въ войнѣ Спартанцевъ (**): такое презрѣніе къ смерти она съумѣла внушить своимъ подругамъ. — Авторъ стихотворенія «Данаиды» подобное же разсказываетъ о дочеряхъ Даная:

И тогда дочери Даная поспѣшно взялись за оружіе
На берегахъ величественной рѣки Нила

и проч.—Другіе изъ поэтовъ прославляютъ Аталанту за ея быстроту на охотѣ, — нѣжную любовь Антиклейи (***), супружескую любовь Алкесты, мужество Макаріи (****) и Гюакинтидъ.—А Ѳеано пиѳагореянка развѣ не возвышенное свидѣтельство дала любви своей къ мудрости, когда одному изъ своихъ обожателей такъ отвѣчала: «Какая прекрасная р ка», воскликнулъ этотъ поклонникъ ея, посмотрѣвъ на нее любопытнымъ взглядомъ; «Да», отвѣчала Ѳеано; «но она не всѣмъ принадлежитъ» (*). Объ этой же самой Ѳеано разсказываютъ слѣдующее. Спрошенная: «чрезъ сколько дней послѣ сосnанія съ мужчиной женщина можетъ присутствовать на праздникѣ Ѳесмоѳорій», она дала такой себя достойный отвѣтъ: «Если это мужъ ея, то сей часъ же; а если не мужъ, то никогда». Ѳемисто лампсакіянка, дочь Зоила, жена Леонтея лампсакіянина, была послѣдовательницей философіи Эпикура, подобно тому какъ Мюйя(**), дочь Ѳеано, принадлежала къ пиѳагореянкамъ. Аригнота (***) писала о жизни Діониса. Дочери Діодора, прозваннаго Кроносомъ, всѣ были сильны въ діалектикѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Филонъ діалектикъ (****) въ своемъ «Менексенѣ». Вотъ имъ передаваемыя имена ихъ: Менексена, Аргейя, Ѳеогнисъ, Артемизія, Пантаклейя. А я напомню здѣсь о нѣкоей Гиппархіи маронитянкѣ, женѣ Кратеса, принадлежавшаго къ школѣ Циниковъ, въ честь которой въ Пойкиліи и «кюногаміи» были справляемы. Арета, дочь Аристиппа, киренеянка, была слушательницей философіи своего отца и сама въ свою очередь имѣла слушателемъ нѣкоего Аристиппа же, прозваннаго «митродидактомъ» за то, что первоначальное образованіе получилъ онъ отъ своей матери. Между учениками Платона была и аркадянка Ласѳенейя и фліасіянка Аксіоѳея. Аспазія милетская (*****), изъ за которой комики

(*) Въ память ея Аѳиняне поставили, при входѣ въ Акрополисъ, статую въ видѣ мѣдной львицы, лишенной языка. Гнѣвливостью сего животнаго была обозначена непобѣдимая твердость Леэны, отсутствіемъ же языка ея молчаніе и храненіе тайны.

(**) Когда мущины Аргивскіе всѣ перебиты были въ войнѣ противъ Клеомена, царя Спартанскаго, то защищали Аргосъ Аргивскія женщины подъ предводительствомъ Телесиллы. Въ память ея подлѣ храма Венеры и статуя была поставлена: при ногахъ свитки стиховъ, въ рукѣ шлемъ, на который она смотритъ, готовясь его надѣть на голову.

(***) Няньки Телемака, сына Одиссеева.

(****) Дочери Геркулеса и Дейяниры; она сама себя по совѣту оракула предала на смерть, чтобы доставить Аѳинянамъ побѣду.

(*) Срав. «Педагогъ» II, 10.

(**) Жена Милона Кротонянина.

(***) Тоже дочь Пиѳагора и Ѳеано. Писала Вакхическія стихотворенія и другія философскія, по свидѣтельству Свиды.

(****) Учитель Карнеада, соученикъ Зенона Киттіянина, ученикъ Филона Діодора Кроноса.

(*****) Объ Аспазіи сей, дочери Аксіоха, Платонъ самъ говоритъ въ своемъ «Менексенѣ», а Аристофанъ въ «Ахарнянахъ», Плутархъ въ «Периклѣ».

такой шумъ поднимали, имѣла полезное вліяніе на Сократа и его философію, а также и на Перикла и его ораторство. Изъ опасенія затянуть рѣчь, умолчу о другихъ. Не буду распространяться и о поэтессахъ: Кориннѣ и Телесиллѣ, Мюйѣ(*) и Сафо;—ни о женщинахъ—художницахъ какъ Ейренѣ, дочери Кратина, и Анаксандрѣ, дочери Нэалка, какъ это открывается изъ «Сюмпозіакъ» Дидима. Евметисъ, дочь мудраго Клеобула, царя Индусовъ, не нашла для себя постыднымъ вымыть ноги гостей, которыхъ принималъ ея отецъ. Подобно сему жена Аврама, блаженная Сарра, сама приготовила для Ангеловъ хлѣбъ и сама испекла его въ золѣ. У Евреевъ дѣвочки даже и царской крови занимались пасеніемъ овецъ (**). Навсикая у Гомера сама идетъ мыть бѣлье въ ключевой водѣ (***). Женщина цѣломудренная первѣе всего собою должна подавать мужу, если это возможно, примѣръ совмѣстнаго слѣдованія по пути къ блаженству. Если же ей не удается это, пусть шествуетъ къ добродѣтели одна, повинуясь во всемъ своему мужу, не прекословя его волѣ, за исключеніемъ того что касается добродѣтели и спасенія. Мущина, который выгналъ бы изъ дома жену или служанку за то одно, что онѣ съ нелицемѣрной искренностью исполняютъ Божественныя заповѣди, достигъ бы не иного чего, какъ выпроводилъ бы изъ дому праведность и воздержность. Быть не можетъ, чтобы мущина или женщина что либо понимали въ своей наукѣ, если они практически ея не изучали, не размышляли о ней, не были заняты ею. Добродѣтель же не отъ

(*) Это не дочь Пиѳагора, выше упомянутая а другая. Свида говоритъ о трехъ знаменитыхъ женщинахъ съ этимъ именемъ: о Мюйѣ ѳеспійской, писавшей лирическіе стихи; о Мюйѣ, спартанской поэтессѣ, написавшей гимны Аполлону и Артемидѣ; о Мюйѣ, дочери Пиѳагора и Ѳеано, самосянкѣ.

(**) Таковы Ревекка, Быт XXIV, 15; Рахиль, Быт. XXIX, 6; Сепфора и ея сестры Исх. II, 6.

(***) Прелестный характеръ этой дѣвицы, дочери царя Феаковъ Алкиноя, изображенъ Гомеромъ въ VI рапсодіи его Одиссеи.

инаго чего зависитъ, какъ отъ насъ всецѣло. Насиліемъ и притѣсненіями можно у насъ отнять всѣ другія богатства; добродѣтель же, которая составляетъ содержаніе нас самихъ (*), никогда не можетъ быть отнята у насъ, хотя бы кто и неусыпно сталъ упорствовать въ семъ. Добродѣтель есть даръ небесный и только Богъ одинъ властенъ надъ ней. Вотъ почему невоздержность составляетъ достояніе лишь невоздержныхъ, а воздержность есть благо лишь человѣка, умѣющаго владѣть своими пожеланіями.

20. Обязанности благонравной жены.

Еврипидъ, начертывая портретъ супруги, любящей своего мужа любовью благонравной и честной, преподаетъ ей такіе совѣты:

Что бы ни сказалъ мужъ, супругѣ слѣдуетъ
Находить это прекраснымъ, хотя бы сказанное
Вовсе и не было такимъ:
Жены задача своему супругу нравиться.

Тотъ же самый писатель въ другомъ мѣстѣ пишетъ слѣдующее:

Прекрасно убѣждаться, что во дни несчастій жена
Печалится со своимъ мужемъ,
Что она беретъ на себя половину его скорбей, но
и радостей.

Потомъ, рисуя жены кротость и нѣжность, когда постигнутъ мужъ напастьми, онъ прибавляетъ:

Болѣю я твоею скорбью, вхожу въ твои печали,
Вполовину раздѣляю всѣ твои бѣдствія.

И въ другомъ мѣстѣ:

Ничто изъ того, что терплю я для тебя,
Не тяготитъ меня. Любимыхъ жребій, и добрый и
дурной,
Переносить возможно; въ чемъ же иначе и дружба?

Вотъ почему *священъ* бракъ и по заповѣдямъ Логоса и совершенъ, если послушна брачная

(*) Эпиктетъ въ началѣ своего «Енхиридіона»: Изъ вещей нѣкоторыя совершенно отъ насъ зависятъ, другія нѣтъ. Что въ нашей власти, то по самой своей природѣ свободно; не можетъ быть то ни воспрещено ни затруднено какимъ либо образомъ. А что не зависитъ отъ насъ, то нетвердо, рабolѣпно, зависимо отъ препятствій, намъ чуждо»

чета волѣ Божіей (1 Тим. IV, 5), если во взаимныхъ ея отношеніяхъ господствуетъ *искренность и полное довѣріе*, если *душа чиста отъ скверны злой совѣсти*, если *тѣло омыто водою чистою*, если *остается она твердою въ исповѣданіи вѣры*, разъ принятой ею и благъ ея, разъ ставшихъ предметомъ надежды. *Потому что вѣренъ Обѣщавшій* (Евр. X, 22, 23). Не слѣдуетъ полагать счастіе брака ни въ богатствѣ ни въ красотѣ. Гдѣ же она пребываетъ? Въ добродѣтели.

Красота, говоритъ трагическій поэтъ, никогда еще не давала силъ женѣ удержать при себѣ
Сердце мужа. Добродѣтель же напротивъ полезна была большинству ихъ.
Дѣйствительно, всякая добродѣтельная женщина,
Разъ она связана союзомъ брака съ мужемъ,
Остается строгою исполнительницей обязанностей стыдливости.

Потомъ писатель въ видѣ предостереженія прибавляетъ:

Пунктъ первый такой: Всякій мущина, хотя бы онъ уродомъ былъ,
Долженъ о томъ стараться, чтобъ казаться женѣ красивымъ, хотя-бъ она и не была очень умна.
Потому что о семъ не глазъ вѣдь, а умъ ея судитъ и проч.

Писаніе съ великой мудростью сказало, что жена Богомъ дана мужу въ *помощницы* (Быт. II, 20). Отсюда вытекаютъ для нея обязанности и цѣль. Непріятностямъ, какія могутъ быть ей при общеніи съ мужемъ, она противупоставляетъ разсудокъ, средство сильное, но вмѣстѣ и убѣдительное. Если же мужъ не склоняется на ея убѣжденія, пусть она, насколько это дано человѣческой природѣ, старается себя держать чистою отъ грѣха; жить ли нужно было бы или умереть, пусть она остается вѣрною Логосу. Пусть она остается убѣжденною, что въ теченіе какъ жизни всей, такъ и въ часъ смерти она можетъ разсчитывать на помощь и поддержку Божественныя: близость къ Богу дѣйствительно никогда и никого не обманывала. Спасаетъ Онъ какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ. Пусть она имѣетъ Его руководителемъ своихъ дѣйствій; пусть она считаетъ своими обязанностями цѣломудріе и праведность, своей послѣдней обязанностью по смерти стать угодною Богу. Открываю посланіе Апостола къ Титу и тамъ читаю такіе мудрые совѣты: *Старицы и въ одеждѣ должны обнаруживать святую скромность, не злословить, не предаваться вину, учить добру молодыхъ женщинъ, внушая имъ любить мужей и дѣтей, быть благоприличными, воздержными, о своемъ домѣ попечительными, добрыми, своимъ мужьямъ покорными, дабы на слово Божіе не было хулы* (Тит. II, 3—5). Еще больше говоритъ Апостолъ въ другомъ мѣстѣ: *Старайтесь имѣть миръ со всѣми и святость, безъ которой никто не увидитъ Бога*. Наблюдайте, чтобы не нашелся какой либо чужой склонности преступный заискиватель или какой нибудь нечестивецъ, какъ Исавъ, который, чтобы разъ насытиться, продалъ право первенства; смотрите, *чтобы какой нибудь горькій корень, пустивъ отпрыски, не заглушилъ собою добраго сѣмени и чтобы не осквернилъ собою души многихъ* (Евр. XII, 13—17). Потомъ какъ будто для того, чтобы прибавить послѣднюю черту къ вопросу о бракѣ, Апостолъ присоединяетъ: *Во всѣхъ вещахъ да будетъ бракъ уважаемъ и брачное ложе безупречно, ибо преступныхъ заискивателей преступной склонности у женщинъ судитъ Богъ.* Одна и та же и единственная цѣль и одинъ и тотъ же самый конецъ существуетъ какъ для мущины такъ и для женщины. О христіанинѣ совершенномъ Петръ слѣдующее сказалъ въ своемъ 1-мъ посланіи: *Это должно вамъ доставлять радость даже и теперь, что для столь короткаго времени вы огорчены многими соблазнами, дабы ваша вѣра, укрѣпленная и испытана будучи какъ золото въ горнилѣ, оказалась драгоцѣннѣе гибнущаго сего металла и найдена была достойною похвалъ, чести и славы въ день явленія Христа Іисуса, котораго вы любите, хотя и не видѣли и въ котораго вы вѣрите, хотя доселѣ не видѣли еще. Ибо надѣетесь, что будете взысканы радостью невыразимой и славной, достигнувъ и наградъ за свою вѣру, которая есть спасеніе вашихъ душъ* (1

Петр. I, 6—9) Вотъ почему Павелъ гордится, что изъ за Христа былъ *въ трудахъ большихъ чѣмъ кто либо, что получилъ за Него больше ударовъ чѣмъ другой кто, и что весьма часто изъ за Него близокъ былъ къ смерти* (2 Кор. XI, 23).

21. О совершенномъ христіанинѣ, или истинномъ гностикѣ (мудрецѣ).

Здѣсь я умѣстнымъ нахожу заявить, что совершенства христіанинъ, по крайней мѣрѣ по моему пониманію, можетъ достигать различнымъ образомъ, смотря по природѣ избранной имъ добродѣтели. Можно себя совершеннымъ заявлять въ набожности, въ терпѣніи, чистотѣ, дѣлахъ благотворительности, въ исповѣдничествѣ и познаніи. Одновременно же достигать совершенства въ каждой изъ этихъ добродѣтелей, я незнаю, дано ли какому человѣку, доколѣ онъ человѣкомъ остается. Развѣ только Тому это было свойственно, Кто ради насъ на Себя принялъ человѣческую природу, чтобы воплотить въ Себѣ это великое преимущество. Ибо кто изъ людей въ глазахъ закона долженъ считаться совершеннымъ? Тотъ, кто могъ бы похвалиться непричастностью ко всякаго рода злу. Но это путь, ведущій къ Евангелію и ко всякаго рода добродѣтелямъ. Гностическимъ совершенствомъ для каждаго человѣка, живущаго подъ закономъ, посему состоитъ вѣра въ Евангеліе. Только ею человѣкъ подзаконный бываетъ возвышаемъ до совершенства. Поэтому-то Моисей, жившій подъ властію древняго закона, и предвозвѣстилъ, что должно повиноваться этимъ древнимъ постановленіямъ для того, чтобы стяжать Христа (Втор. XVIII, 15; Дѣян. III, 22; VII, 37), который, по Апостолу, есть полнота закона (Мѳ. V, 17; Рим. X, 4). И мудрецъ истинный (гностикъ) быстро переходитъ къ сей вѣрѣ въ Евангеліе. Это не потому только, что законъ служитъ ему ступенью къ принятію сего новаго закона, но и потому, что истинный гностикъ пользуется закономъ и смыслъ онаго такъ понимаетъ, какъ онъ изъясняемъ былъ Апостоламъ самимъ Господомъ, Виновникомъ обоихъ завѣтовъ.

Невозможно, чтобы истинный мудрецъ подвигался въ добрѣ впередъ лишь вяло; потому что онъ устрояетъ свою жизнь мудро. Сверхъ того, своимъ безупречнымъ поведеніемъ свидѣтельствуя о Богѣ, онъ и мученикомъ состоитъ, и мученикомъ притомъ по любви. Симъ исповѣдничествомъ онъ пріобрѣтаетъ и высшую славу, какой только можно достигать между людьми. Но, не смотря на всѣ эти заслуги, онъ всетаки не можетъ считаться совершеннымъ, доколѣ остается заключеннымъ въ это тѣло. Этого священнаго титула сей гностическій свидѣтель о Христѣ достигаетъ лишь при концѣ жизни, потому что только тогда ему случай представляется заявить о своей вѣрѣ совершеннѣйшимъ дѣломъ и въ великій сей день суда увидѣть совершенство своихъ дѣлъ, а также и послѣдствія ихъ. Поддержанный милосердіемъ Божіимъ, просвѣщенный мудростью Его, онъ запечатлѣваетъ свое самоотверженіе кровью и испускаетъ духъ, полученный отъ Бога, истекая ею. Начиная съ той минуты онъ блаженъ и по праву считается за совершеннаго, *чтобы величественнѣйшее между нами было усвояемо* по Апостолу, *всемогуществу Божію, а не намъ*. Спасаемы мы съ одной стороны только добрымъ своимъ произволеніемъ при выборѣ, съ другой милосердіемъ Божественнымъ. *Мы терпимъ всякаго рода притѣсненія, но ими не стѣснены; мы находимся въ отчаянныхъ обстоятельствахъ, но не отчаяваемся; насъ преслѣдуютъ, но мы не остаемся безпомощными; мы низлагаемы, но не погибаемъ* (2 Кор. IV, 7—9). Нужно, продолжаетъ Апостолъ, чтобы стремящіеся къ совершенству *никому ни въ чемъ не служили соблазномъ, но чтобы они во всѣхъ отношеніяхъ* оказывались достойными одобренія не только отъ людей, но и отъ Бога. Добавить слѣдуетъ: и чтобы они были послушны людямъ; этого требуетъ разсудокъ по причинѣ насилій и проклятій, которыя на себя навлекаютъ непослушные. Слава наша (не въ непослушаніи, а) *въ великомъ терпѣніи, въ бѣдствіяхъ, въ нуждахъ, въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, подъ ударами, въ темницахъ, въ изгнаніяхъ, въ трудахъ, въ бдительности, въ*

постахъ, въ чистотѣ, въ познаніи, въ великодушіи, въ благости, въ дѣлахъ Духа Святаго, въ нелицемѣрномъ милосердіи, въ словѣ истины, въ силѣ Божіей (2 Кор. VI, 4—6), *дабы намъ быть храмомъ Божіимъ* (2 Кор. VI, 16), *очищеннымъ отъ всего, чѣмъ оскверняются тѣло и духъ* (2 Кор. VII, 1). *И Я*, продолжаетъ Апостолъ именемъ Божіимъ, *пріиму васъ и буду вамъ Отцомъ и вы будете Мнѣ сынами и дщерями* (2 Кор. VI, 17, 18). Итакъ *будемъ совершать дѣло освященія нашего*, говоритъ Апостолъ, *въ страхѣ Божіемъ* (2 Кор. VII, 1). Потому что хотя страхомъ и пораждается печаль, но *я радуюсь*, говоритъ онъ же, *не потому что вы опечалились, но что сія печаль васъ довела до покаянія. Печаль, вами испытанная, васъ постигла по волѣ Божіей, и такимъ образомъ вы не понесли отъ нея изъ за насъ никакого вреда. Ибо печалью ради Бога производится неизмѣнное покаяніе во спасеніе, тогда какъ печалью сего міра пораждается смерть. И дѣйствительно. Смотрите, что произвела въ васъ эта печаль по Богѣ, вами пережитая: какую заботливость, какія извиненія, какое негодованіе, какой страхъ, какое желаніе, какую ревность, какую взыскательность за преступленіе! Всѣмъ своимъ поведеніемъ вы показали, что въ семъ дѣлѣ вы были чисты и безупречны* (2 Кор. VII, 1, 9—11). Таковы упражненія, предшествующія вступленію христіанина на гностическое поприще. Но такъ какъ Вседержитель Богъ самъ *поставилъ однихъ Апостолами, другихъ пророками, этихъ евангелистами, тѣхъ пастырями и учителями, чтобы они трудились надъ усовершеніемъ святыхъ чрезъ исполненіе обязанностей своего служенія, чрезъ созиданіе тѣла Христова, доколѣ всѣ мы пріидемъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мѣру полнаго возраста Христова* (Еф. IV, 11—13), то должны стремиться къ сему мужескому возрасту чрезъ познаніе; должны мы подходить къ совершенству какъ можно ближе, хотя мы и облечены еще плотію. И мы сего достигнемъ, если еще здѣсь на землѣ сердцемъ и духомъ состоять будемъ въ союзѣ съ Богомъ, если будемъ согласовать свои дѣйствія съ Его волей, чтобы чрезъ *полноту Христа*, въ которомъ всѣ совершенства совмѣщены въ степени неограниченной и окончательной, возстановить намъ привиллегіи своего благородства и своего высокаго происхожденія.

Мы понимаемъ теперь, почему, какъ и когда человѣкъ бываетъ *совершенъ*, по воззрѣнію преславнаго Апостола и какія существуютъ различія, по пониманію его, между людьми, достигшими совершенства. *Дары Святаго Духа*, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, *обнаруживающіеся вовнѣ, распредѣлены между членами церкви для пользы ея. Одинъ получилъ отъ Святаго Духа даръ говорить разумно, другой отъ того же Духа говорить съ знаніемъ дѣла, третій опять отъ того же Святаго Духа даръ вѣры; иной пріемлетъ отъ Святаго Духа даръ исцѣлять болѣзни; еще иной творить чудеса; другой—даръ пророчества; сей распознаваніе духовъ; этотъ—даръ говорить на разныхъ языкахъ; тотъ истолковывать сказанное на нихъ. Все же сіе творится однимъ и тѣмъ же Духомъ, раздѣляющимъ свои дары, какъ Ему угодно* (1 Кор. XII, 7—11). При такомъ Управителѣ пророкъ совершенъ въ своемъ пророчествѣ, праведникъ въ своей праведности, мученикъ въ кровавомъ своемъ свидѣтельствѣ о Христѣ, другіе же въ проповѣди о Немъ. Мы не хотимъ того сказать этимъ, что они не заняты дѣлами добрыми, простыми, но только то, что они заявляютъ себя съ отличной стороны лишь въ той добродѣтели, къ выполненію которой Богомъ призваны. Кто же изъ здравомыслящихъ можетъ сказать напримѣръ, что пророкъ дѣйствуетъ не по правдѣ? Но и праведнымъ равнымъ образомъ не свойственъ ли подобно какъ Аврааму даръ пророчества?

Одному, говоритъ Гомеръ, Богъ даровалъ
умѣнье себя вести на войнѣ,
Другаго одарилъ способностью къ пляскѣ; этого
способностью играть на киѳарѣ, того—сладостью
пѣснопѣнія
(Ил. XIII, 731, 732).

Но каждый имѣетъ свой даръ отъ Бога, одинъ такъ, другой иначе (1 Кор. VII, 7). Апостолы же исполнены были всѣми дарами. Про-

слѣдите, если вамъ угодно, ихъ «Дѣянія», прочтите ихъ писанія, и вы найдете, что свойственны имъ были и знаніе и добродѣтель и даръ проповѣданія и непорочность и даръ пророчества. Нужно однакоже замѣтить, что Павелъ хотя и относится по жизни къ эпохѣ сравнительно болѣе близкой къ нашему времени, потому что онъ явился только послѣ Вознесенія Спасителя, но его посланія имѣютъ тѣсную связь съ ветхозавѣтными. Въ нихъ онъ почерпаетъ свое вдохновеніе, ихъ выраженіями говоритъ. Ибо вѣрой во Христа и знаніемъ Евангелія законъ истолковывается и пополняется. Потому и сказано Евреямъ: *Если не будете имѣть вѣры въ сказанное Мною, то и не постигнете того* (Ис. VII, 9). Что симъ выражено? А то, что если не будете вѣровать въ Того, чье пришествіе предсказано и предъизображено въ законѣ, то Ветхаго Завѣта не уразумѣете, потому что воплотившись Спаситель уже этимъ однимъ объяснилъ его.

22. **Принципомъ образа мыслей и дѣйствій истиннаго мудреца (гностика) не должны быть ни боязнь наказанія, ни надежда на награду. Управлять имъ должны только любовь къ доброму и прекрасному, усматриваемому въ насъ самихъ.**

Итакъ чертами, характеризующими истиннаго мудреца (гностика), состоятъ разсудительность и дальновидность. Но дѣятельность его не ограничивается только воздержаніемъ отъ зла; это лишь ступень къ высшему совершенству; но и въ преданности добру не страху онъ послушенъ. Написано: *Куда убѣгу и куда скроюсь отъ лица Твоего? Взойду ли на небо, Ты тамъ. Отойду ли на край моря, и тамъ десница Твоя. Сойду ли въ бездны, и тамъ Духъ Твой* (Пс. CXXXVIII, 7—10). И не вслѣдствіе обѣщанной награды гностикъ добродѣтеленъ, ибо сказано (Апок. XXII, 12): *Вотъ Господь и награда Его предъ лицемъ Его* (Ис. XL, 10; LXII, 11), *чтобы воздать каждому по дѣламъ его* (Пс. LXI, 13; Рим II, 6). *Глазъ не видалъ, ухо не слыхало и на сердце человѣку не вошло, что уготовалъ Богъ любящимъ Его* (1 Кор. II, 9). Что же состоитъ двигателемъ гностика? Не дѣятельность ли добрая, своими корнями утверждающаяся въ любви? Не добро ли, ради красоты его и ради его самого достопочтенное? Не самимъ ли Богомъ (Отцомъ) сказано Сыну: *Проси и дамъ Тебѣ народы въ наслѣдіе* (Пс II, 8). Вотъ просьба Царя по истинѣ достойная. Она и насъ научаетъ просить Царя вселенной о дарованіи человѣчеству туне, безъ всякихъ съ его стороны заслугъ, спасенія, дабы содѣлаться всѣмъ намъ наслѣдіемъ Господа и достояніемъ Его. Напротивъ стремиться къ познанію Бога съ цѣлію пріобрѣтенія отъ того какой либо выгоды,—чтобы то-то произошло, а этого чтобъ не случилось,—это не въ правилахъ гностика. Ему не нужно иной цѣли для созерцанія кромѣ самаго созерцанія. Смѣю утверждать, что не изъ за желанія спастись человѣкъ долженъ стремиться къ познанію Бога, а долженъ принимать и усвоять оное изъ за Божественныхъ красоты и величія, святости, превосходства и превышеестественности самаго этого знанія. И подлинно. Разумѣніе вслѣдствіе постояннаго упражненія становится началомъ опредѣляющимъ. Постиженіе безсрочное, постоянное,—вотъ сущность гностика; дѣятельность — связная, неослабная, непрерывная. И эта никогда не пріостонавливающаяся созерцательная дѣятельность становится въ гностикѣ оживляющимъ его субстанціанальнымъ началомъ. Предположимъ, допустимъ слѣдующее. Вотъ гностику предложенъ выборъ между Богопознаніемъ и вѣчнымъ спасеніемъ. Положимъ, что два эти дѣла, ни въ какомъ случаѣ нераздѣлимыя, могутъ одно отъ другаго быть отдѣлены. Ни одного мгновенія не колеблясь, гностикъ выбралъ бы Богопознаніе. Онъ разсуждалъ бы въ этомъ случаѣ такъ, что всегда и во всемъ слѣдуетъ дескать отдавать предпочтеніе силѣ самой въ себѣ, въ настоящемъ случаѣ этой способности, которая присуща вѣрѣ и отъ нея неотдѣлима, этому свойству ея: чрезъ проникновеніе нашего существа любовію насъ доводить до познанія. Первымъ началомъ доброй дѣятельности человѣка вполнѣ совершеннаго состоитъ такое: дѣйствовать не въ видахъ блага лична-

го. Разъ онъ разсудилъ, что добродѣтель собою представляетъ нѣчто прекрасное и достославное: пламенный импульсъ его души уже постоянно и съ энергіей побуждаетъ его къ добру изъ за самаго добра. Его не увидишь нынѣ добродѣтельнымъ, а завтра преступнымъ или къ добру безучастнымъ: путь его точенъ и утвержденъ на добрѣ непреложно.

Съ другой стороны гностикъ держитъ курсъ своей жизни по образу и подобію Божію не для стяжанія себѣ славы или извѣстности; и не ожиданіемъ награды отъ Бога или отъ людей руководится при семъ, какъ утверждаютъ философы. Еслиже происходитъ, что за добро, творимое гностикомъ, ему отплатилъ бы кто противнымъ, то забывая обиду онъ мысль о возмездіи за зло зломъ отъ себя отбрасываетъ какъ и всякую другую злую, помня что и Господь оказывается благимъ и правосуднымъ какъ къ злымъ такъ и къ добрымъ, какъ по отношенію къ праведнымъ, такъ и къ неправеднымъ (Мѳ. V, 45). Къ тѣмъ, кои одушевлены симъ чувствомъ, Господь обращается съ такимъ словомъ: *Будьте совершенны какъ и Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Мѳ. V, 48). Для гностика плоть уже умерла; только онъ одинъ еще живъ въ ней (Гал. II, 20). Это погребеніе себя въ самомъ себѣ служитъ ему фундаментомъ для созиданія на ономъ святаго храма, посвященнаго Богу (1 Кор. III, 16), въ коемъ душа его, доселѣ порабощенная грѣху, возносится къ Богу (*). О немъ тогда не льзя бываетъ сказать: «вотъ онъ воздерженъ»; онъ достигаетъ такой безстрастности, столь затрудненъ для обыкновенныхъ человѣческихъ страстей доступъ въ его душу, что онъ ожидаетъ уже только облеченія себя въ Божественный образъ (Фил. II, 6) (**).

Когда творишь милостыню, говоритъ Господь, *пусть никто незнаетъ объ этомъ* (Мѳ. VI, 1). *И когда поститесь, умастите голову свою, чтобы о вашемъ постѣ одинъ Богъ зналъ* (Мѳ VI. 16, 17), изъ людей же никто Но милосердый и самъ не долженъ знать о своемъ милосердіи (Мѳ. VI, 3); иначе порой онъ будетъ милостивъ, порой нѣтъ. Когда же милостыня имъ будетъ раздаваться по навыку въ ней и потому, что уже свойствомъ этимъ онъ проникся, то съ добромъ уже самою своей природой онъ сблизится. Не дадимъ въ душѣ мѣста напыщенной надеждѣ, что намѣченная цѣль можетъ быть достигнута разовымъ возвышеннымъ усиліемъ; ея достигнуть возможно лишь смиреннымъ хожденіемъ по землѣ; шагъ за шагомъ должны мы пройти весь узкій путь здѣсь (Мѳ. VII, 13. 14). Слова *быть привлечену Отцомъ* (Іоан. VI, 44) указываютъ на обязанность заботиться о томъ, чтобы заслужить сообщеніе намъ силы и дѣйствія благодати, исходящей отъ Бога, дабы благодаря ей безпрепятственно идти впередъ и восходить по трудному пути добродѣтели.

Если случается, что избранный терпитъ ненависть отъ людей, то онъ, зная ихъ невѣдѣніе, сожалѣетъ объ ослѣпленіи ихъ образа мыслей. Не безъ причины происходитъ это, что познаніе, оживлено будучи любовію, учитъ невѣждъ и наставляетъ въ каждой твари уважать твореніе Вседержителя. Если гностикъ научился любить Бога, то добродѣтель его съ тѣхъ поръ никакимъ образомъ неутрачиваема ни во снѣ ни наяву, ни отъ какой либо вещи чувственной. Ибо что сдѣлалось субстанціальной принадлежностью его духа, то не можетъ отпадать отъ условій своего существованія, будетъ ли эта принадлежность познаніемъ или вамъ угодно было бы назвать ее внутреннимъ расположеніемъ; потому что господственная часть души чрезъ то самое, что она никогда не живетъ чужими мыслями, въ своемъ дѣйствіи неизмѣнна и ничего не принимаетъ изъ измѣнчивыхъ формъ, проходящихъ предъ нею; она даже и во снѣ не преслѣдуетъ никакого изъ этихъ образовъ, которые проходятъ предъ нею ночью, между тѣмъ какъ они безпокоятъ умы тѣхъ, кои были волнуемы ими днемъ. Вотъ

(*) Но можетъ быть здѣсь содержится намекъ и на языческій обычай обращать гробницы и мѣста погребенія умершихъ въ храмы богамъ. Срав. «Увѣщ. къ Эллин.» гл. 4.

(**) Срав. Увѣщ. гл. XI; Пед. I, 2 и примѣч. наше въ Пед. I, гл. 12.

почему Господь намъ также заповѣдуетъ *бодрствовать* (Мѳ. XXIV, 42), чтобы наша душа никогда, даже и во снѣ, не была тревожима страстями. Его воля, чтобы образъ нашего бытія и во время ночи такъ же былъ упорядоченъ (1 Сол. V, 8), какъ и во время дня и чтобы мы и свой сонъ хранили чистымъ и непорочнымъ. Способомъ достигать подобія Божія настолько, насколько это зависитъ отъ насъ, состоитъ поддержаніе въ нашемъ духѣ постояннаго расположенія къ тѣмъ самымъ вещамъ. Таково уже свойство духа, поколику онъ духъ, что причиной его измѣнчивости и его уклоненій состоитъ слишкомъ сильное воспламененіе вещами матеріальными. Вотъ причина, почему Эллины назвали ночь «доброй совѣтницей»(*), потому что душа, высвободившись тогда изъ подъ власти чувствъ, входитъ въ саму себя, чтобы отдаваться здѣсь вполнѣ внушеніямъ мудрости. Вотъ почему и мистеріи также справляются особенно ночью какъ будто для того, чтобы изображать собранность, которую производитъ на душу ея отрѣшеніе отъ тѣла во время мрака. *Итакъ не будемъ такъ предаваться сну какъ прочіе, но будемъ бодрствовать и трезвенность въ себѣ поддерживать, ибо спящіе спятъ ночью и упивающіеся упиваются ночью. Мы же, будучи чадами дня, да трезвимся, облекшись въ броню вѣры и любви и вмѣсто шлема въ надежду спасенія* (1 Сол. V, 6—8).

Говоримое о снѣ можетъ быть сказано и о смерти. И тѣмъ и другимъ состояніемъ изображается самоуглубленіе души; смерть есть образъ сего уклоненія ея въ саму себя полный, сонъ—ослабленный. Гераклитъ, еслибъ спросить его, далъ бы намъ такой же урокъ. «Смерть, говоритъ онъ, приближается къ сну, потому что человѣкъ умершій объемлется ночью, погасая для радостей свѣта; человѣкъ же живой приближается къ состоянію мертвыхъ, когда закрываетъ глаза свои для сна; въ состояніи же бодрственномъ человѣкъ приближается къ состоянію спящаго, когда закрываетъ глаза». Блаженны дѣйствительно, по выраженію Апостола, тѣ которые видѣли Господа (*), *потому что наступилъ уже часъ проснуться отъ нашей безпечности. Ибо нынѣ мы много ближе къ нашему спасенію, чѣмъ когда принимали вѣру. Глубокая ночь прошла, насталъ день. Итакъ оставимъ дѣла тьмы и облечемся въ оружія свѣта* (Рим. XIII, 11, 12). Апостолъ метафорически называетъ Сына именемъ дня и свѣта, а заповѣди по другой метафорѣ *оружіями свѣта*. Вотъ почему намъ заповѣдано къ престолу для жертвоприношенія и молитвы приступать очищенными омовеніемъ и блестящими по внѣшнему виду, одѣтыми въ богатую одежду. Нужно символъ видѣть въ этихъ повелѣніяхъ, предписывающихъ очищать и украшать внѣшность. Истинное очищеніе состоитъ въ поддержкѣ въ себѣ святыхъ чувствъ и мыслей. Этими омовеніями, положенными закономъ, преданіе о которыхъ отъ Моисея дошло и до свѣтскихъ писателей, изображается христіанское крещеніе. У этихъ писателей читаемъ: Пенелопа идетъ въ храмъ молиться, предварительно

Омывшись въ чистой водѣ и надѣвши чистыя одежды (Одис. IV, 751, 752; XVII, 48, 58).

. . . . Телемакъ же
Обращается съ молитвой къ Аѳинѣ, омывъ свои руки въ пѣнистыхъ волнахъ моря (Одис. II, 261).

У Евреевъ также былъ обычай очищаться каждый разъ post concubitum. Полно мудрости слово это

Менѣе водой, а больше духомъ очищайся.

Это чистота совершеннѣйшая, я полагаю, если кто душой чистъ, если дѣла чьи безупречны, если мысли чьи непорочны, если слова чьи какъ солнце ясны; наконецъ, если душа чья остается дѣвственною и во снѣ. Для человѣка, полагаю, достаточно и одного этого очищенія, которое представляетъ собою искреннее и непреклонное покаяніе, когда, осуждая себя за прежнія грѣховныя дѣянія, мы начинаемъ на будущее время жить лучше, просвѣщены будучи въ своемъ разумѣніи и освобождая свою душу

(*) Плутархъ въ книжкѣ De curiositate и авторъ Etymologici magni.

(*) Климентъ вмѣсто καιρός въ Рим. XIII, 11 читалъ Κύριος.

изъ подъ глыбъ чувственныхъ удовольствій и предшествовавшихъ грѣховъ. Еслибы мнѣ нужно было дать словопроизводство слова наука (ἐπιστήμη), то я обратилъ бы вниманіе на составную часть его στάσις, слово которымъ обозначается покой, потому что наука останавливаетъ наше вниманіе, до той поры измѣнчивое и нерѣшительное, на сущности вещей. Тоже самое слово входитъ въ составъ и вѣры πίστις; вѣра дѣйствительно есть остановка духа, успокоеніе на томъ, что подлинно существуетъ. Мы христіане всегда стремимся узнать относительно всякаго дѣла правду; если какое дѣло хочетъ оставаться вѣчно праведнымъ, то не должно оно бояться ни наказаній, коими грозитъ законъ, ни ненависти современниковъ опасаться или мщенія за добродѣтель; ни предъ опасностію наконецъ оно не должно трепетать, въ которую ввергаютъ его преступность и низость. Воздерживаться отъ неправды по побужденіямъ подобнымъ, это значитъ быть добродѣтельнымъ изъ за страха, а не по личному добра всему предпочтенію.

Эпикуръ говоритъ, что «мудрецъ, или по крайней мѣрѣ тотъ, кого онъ считаетъ таковымъ, никогда не рѣшится совершить какую нибудь несправедливость, несмотря на всѣ выгоды, какія онъ могъ бы извлечь отсюда, потому что онъ никогда не можетъ быть увѣреннымъ, что несправедливость его останется тайной». Итакъ, Эпикуръ, мудрецъ твой могъ бы совершить зло, еслибъ ему можно было быть увѣреннымъ, что оно никогда не будетъ открыто! Таково-то твое ученіе. Оно—тьма. Нѣтъ, если будешь удаляться отъ неправды въ надеждѣ даже и на награды, назначенныя Богомъ за добрыя дѣла, то даже и въ этомъ случаѣ не засвидѣтельствуешь еще своей добровольной расположенности къ добру. Въ первомъ случаѣ праведность пораждается страхомъ, а во второмъ наградой, но и не праведность,- ошибся я, -а только тѣнь праведности. Надежда же на воздаяніе добромъ по смерти для благонамѣренныхъ и зломъ для злыхъ свойственна не только тѣмъ, кои слѣдуютъ варварской (еврейской) философіи, но и Пиѳагорейцамъ. Они раздѣляютъ то же самое ученіе, потому что надежду на сіе они ставятъ цѣлью для тѣхъ, кто преданъ ихъ философіи. Сократъ говоритъ въ «Федонѣ», что «души людей добродѣтельныхъ оставляютъ міръ сей съ надеждою на блаженство». Потомъ, осуждая злыхъ, онъ говоритъ противуположное: «Они живутъ, себѣ ожидая злаго воздаянія». Гераклитъ въ своемъ разсужденіи о человѣкѣ говоритъ то же что и Сократъ: «Ожидаетъ его по смерти такое состояніе, которое не можетъ быть предметомъ ни надежды ни разсчета». Апостолъ значитъ Богомъ былъ вдохновляемъ, когда писалъ къ Римлянамъ: *Отъ скорби происходитъ терпѣніе, отъ терпѣнія опытность, отъ опытности надежда, а надежда не постыждаетъ* (Рим. V, 3—5). Терпѣніе и дѣйствительно страдаетъ, надѣясь на будущее. Надеждою же одновременно означается не только содѣлываніе себя достойнымъ ожидаемаго, но и полученіе ожидаемаго. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи *надежда не будетъ посрамлена*, потому что обладать она будетъ благами не какими либо измѣнчивыми или призрачными. Человѣкъ, преслѣдующій свое призваніе изъ за него самого, единственно изъ за того, что онъ призванъ, онъ стремится къ познанію не страхомъ побуждаемый и ему угрозами; и не изъ за привлекательности удовольствій онъ преданъ своему дѣлу. Онъ не разслѣдуетъ, будетъ ли его дѣятельность сопровождаться какими благотворными послѣдствіями или доставитъ ли ему какое либо удовольствіе она; онъ воздаетъ Богу слѣдующее ему почитаніе, увлекаемый любовію къ тому, что дѣйствительно любезно, и слѣдуя лишь своему долгу. Предположите, если хотите, что Богъ уполномочилъ его безнаказанно слѣдовать запрещенному; предположите, что ему обѣщано блаженство за нарушеніе закона; предположите даже, хотя это и невозможно, что дѣла его остались бы Богу невѣдомыми: все таки онъ никогда не согласится допустить въ своихъ дѣйствіяхъ чего либо противуразумнаго. Какъ скоро истинно-прекрасное и само по себѣ желательное имъ

въ качествѣ именно такихъ дознаны, къ нимъ онъ и стремится какъ къ предмету достолюбезному и стоющему того, чтобъ къ нему стремиться. Истинное благо и дѣйствительно состоитъ не только въ поддержаніи и питаніи тѣла. Гностикъ нашъ знаетъ, что содѣлываетъ насъ Богу угодными не пища (1 Кор. VIII. 8), не бракъ и не безбрачіе, наблюдаемое вслѣдствіе заблужденія разсудка, а добродѣтель, исходнымъ своимъ началомъ имѣющая свѣтъ и мудрость. Если же это не такъ то и собакѣ, животному разума лишенному, должна быть усвоена добродѣтель умѣренности, потому что и она не дотрогивается до пищи, какъ скоро занесена надъ ней палка хозяина. Отмѣните обѣтованія людямъ добродѣтельнымъ; устраните страхъ имъ грозящій и опасность, висящую надъ ихъ головами, и вы увидите, что творится въ глубинѣ душъ ихъ.

23. Мудрецъ истинный (гностикъ), насколько отъ него зависитъ, воздерживается ото всего, что льститъ чувственности и жертвуетъ благами этого рода для высшихъ.

Люди, отклоняющіеся отъ истиннаго (православнаго) образа мыслей, не довольно глубоко проникаютъ въ природу вещей, когда въ согласіи съ реальной дѣйствительностью и голосомъ разума не хотятъ того признать, что все созданное для нашей пользы хорошо; что прекрасны и бракъ и имѣніе дѣтей, если все это сопровождается разсудительностью и воздержаніемъ отъ страстей. Но еще лучше изъ за уподобленія Богу полная свобода отъ страстей (*); прекрасно пристроиться къ добродѣтели и сжиться съ нею. Люди превратнаго образа мыслей изъ вещей внѣшнихъ. будутъ ли это полезныя или же вредныя, отъ однихъ воздерживаются, отъ другихъ же нисколько. Но даже и худшее нѣчто съ ними происходитъ отсюда. Ихъ воздержаніе отъ нѣкоторыхъ вещей и питаемое ими къ нимъ отвращеніе заставляетъ ихъ клеветать и на тварь и на Творца; повидимому это образъ мыслей правовѣрный, на самомъ же дѣлѣ и въ своихъ основахъ онъ нечестивъ. Эта заповѣдь: ***Не пожелай***, она не нуждается ни въ подкрѣпленіи ея устрашеніемъ, которое насъ вынуждало бы воздерживаться отъ нѣкоторыхъ любезныхъ нашей чувственности дѣяній, ни въ завлеченіи къ тому наградой, которое указаніемъ на оную побуждало бы насъ обуздывать въ себѣ преступныя пожеланія. Не увлекающіеся приманками плотскихъ удовольствій воздерживаются отъ нихъ вовсе не въ силу слѣдованія заповѣди самой въ себѣ, а ради обѣтованія, ради благъ, обѣщанныхъ тѣмъ, кои выберутъ послушаніе и будутъ повиноваться Богу. Ибо по истинѣ даже и за отвращеніемъ отъ вещей чувственныхъ еще не необходимо слѣдуетъ обращеніе къ вещамъ умозрительнымъ. Лучше сказать отвращеніе сіе отъ чувственнаго происходитъ вслѣдствіе обращенія къ умозрительному. Обращеніе съ вещами, постигаемыми единственно разумомъ, естественнымъ образомъ отвлекаетъ гностика отъ вещей чувственныхъ; чрезъ выборъ того что прекрасно онъ съ полнымъ сознаніемъ избираетъ добро; онъ удивляется тайнѣ произрожденія и чтитъ ее, храня нерушимо законъ Создателя; но онъ чтитъ и блюдетъ свято также и уподобленіе Богу. насъ приближающее къ Нему. Онъ говоритъ: «Однакоже, Господи, я хочу свободнымъ быть (*), отъ пожеланій, чтобы быть тѣмъ въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ Тобой. Устройство сего міра прекрасно и законы, управляющіе твореніемъ, полны мудрости. Ничего здѣсь не происходитъ безъ причины. Требовалось, о Вседержитель, чтобы я жилъ среди дѣлъ рукъ Твоихъ. Но находясь среди ихъ я пребываю въ Тебѣ. Да будетъ отъ меня далекъ страхъ, чтобы мнѣ въ состояніи быть приближаться къ Твоему величію. Доколѣ остаюсь я здѣсь на землѣ, желаю я довольствоваться малымъ, стараясь подражать правосудію Твоего избранія, которое добро истинное различаетъ отъ мнимаго».

(*) Срав. «Педаг.» I, 2.

(*) Намекъ на Гомерическій стихъ Αὐτὰρ ἐγὼν αὐτὸς ἐμὲ λύσομαι.

Изъ святѣйшихъ и таинственнѣйшихъ ученій Апостола мы научаемся, избраніе чего нами Богу по истинѣ угодно. Этотъ выборъ по его ученію, состоит менѣе въ томъ, чтобы отрекаться отъ извѣстныхъ вещей, какъ еслибъ онѣ были дурныя, а болѣе въ томъ, чтобы чтить другія, болѣе цѣнить блага высшія, несравнимыя съ вещами обыкновенными. Вотъ напр. подлинныя его слова: *Посему выдающій замужъ свою дѣвицу поступаетъ хорошо, а не выдающій поступаетъ лучше* (I Кор. VII, 38), озабочивая ее благочестіемъ и безпрепятственнымъ служеніемъ Господу (I Кор. VII, 35). Мы научены, что вещи трудно пріобрѣтаемыя вовсе значитъ и не необходимы; между тѣмъ какъ вещи необходимо нужныя милосердіемъ Создателя даны намъ какъ бы въ руки. Демокритъ посему правъ былъ сказавъ, что природа и ученіе суть вещи почти тождественныя. Въ немногихъ словахъ мы выяснимъ здѣсь и причину сего. Ученію по истинѣ свойственно слагать и устроять человѣка; оно его устраиваетъ такъ же, какъ инструментъ бываетъ настраиваемъ. Вводя же въ человѣка строй и согласіе, ученіе создаетъ въ немъ новую природу. И въ этомъ отношеніи дѣло безразличное, какъ происходитъ въ немъ это преобразованіе въ новаго человѣка, бываетъ ли оно дѣломъ естественнымъ или же онъ измѣняется въ новый видъ отъ времени, или же отъ усвоенія извѣстнаго ученія. Благо и то и другое равно происходитъ отъ Господа; одно исходитъ отъ Него какъ отъ Творца міра, другое истекаетъ отъ Него какъ отъ Возстановителя міра и Обновителя въ новомъ съ нимъ завѣтѣ. Выбирать же должно особенно то, что всего болѣе одобряется главнѣйшей и благороднѣйшей частью человѣческаго существа; а таковой состоитъ разумъ. Итакъ если выборъ будетъ происходить подъ руководствомъ разума, то истинно доброе окажется вмѣстѣ съ тѣмъ и пріятнѣйшимъ, и дѣла и вещи такъ выбранныя уже сами по себѣ дадутъ ожидаемые добрые плоды; я хочу сказать: занятіе ими внесетъ въ душу тишину, ясность и спокойствіе. *Слушающій меня*, говоритъ Писаніе, *будетъ жить въ мирѣ и почіетъ съ надеждою; ни отъ какого зла душа его не смутится* (Притч. I, 33). Уповай всею полнотою сердца твоего и всего разумѣнія твоего на Бога (Мѳ. XXII, 37; Лк. X, 27). Уже такое поведеніе можетъ уподоблять истиннаго мудреца Богу. *Я вамъ сказалъ: Боги вы и сыны Вышняго* (Пс. LXXXI, 6). И Эмпедоклъ души мудрецовъ также причисляетъ къ богамъ, говоря:

> Наконецъ первенствуютъ между мертвыми прорицатели, слагатели гимновъ и врачи.
> По оставленіи земли, они бываютъ возрождаемы богами
> И окружаемы наивысшими почестями.

Человѣкъ, разсматриваемый съ точки зрѣнія отвлеченной и обсолютно, носитъ въ своей конструкціи идею духа, который къ его организаціи дѣйствительно и присоединяется. Не безъ образца онъ зарождается въ лабораторіи природы, гдѣ вообще происходитъ таинственное произрожденіе человѣчества, потому что субстанція его и форма ея общи человѣку со всѣми другими тварями. Но, будучи взятъ въ отдѣльности, человѣкъ въ своемъ существѣ воспроизводитъ типъ, предносящій ему предметы достойные особенной его любви. Вотъ то, что даетъ намъ основаніе утверждать, что Адамъ по своей организаціи былъ совершенъ, ибо ему ничего недоставало, чѣмъ характеризуется идея человѣка и его внѣшній образъ. Совершенство онъ получилъ одновременно съ жизнью и оно было оправдываемо его послушаніемъ. Вотъ то, что имѣло въ немъ постепенно возвышаться до зрѣлости; этимъ была его способность совершенствоваться; я хочу сказать: этимъ была его свободная воля. Что его воля могла выбирать и что она выбрала плодъ запрещенный, грѣхъ сей не долженъ быть усвояемъ Богу. А произрожденія два вида: есть существа раждающіяся и есть вещи происходящія.

Мужество, такъ какъ человѣкъ по природѣ своей подверженъ страстямъ и душевнымъ волненіямъ, говоря языкомъ общеупотребительнымъ, дѣлаетъ его безстрашнымъ и всякому, кто слѣдуетъ его внушеніямъ, сообщаетъ непобѣдимость. Крѣпость сердца служитъ такъ ска-

зать оруженосцемъ для духа, его поддерживая въ терпѣніи, въ безропотной покорности и другихъ подобныхъ добродѣтеляхъ. Воздержность же и разсудительность съ ихъ благотворными вліяніями собою остепеняютъ пожеланіе. Богъ же безстрастенъ; не свойственна Ему гнѣвливость въ нашемъ смыслѣ этого слова; не имѣетъ Онъ пожеланій; не объемлется страхомъ, такъ какъ Ему не нужно бываетъ избѣгать опасностей; Онъ вѣчно воздерженъ, такъ какъ Ему не приходится обуздывать своихъ вожделѣній. По своей природѣ Богъ дѣйствительно и не можетъ попадать въ какую либо опасность, не можетъ Онъ подлежать страху; равнымъ образомъ не имѣетъ Онъ и никакихъ пожеланій; потому Ему не приходится и обуздывать ихъ. «Нужно, говорилъ Пиѳагоръ, чтобы человѣкъ выработывалъ въ себѣ единство». Это слово Пиѳагора повторяется и у насъ въ смыслѣ таинственномъ. Одинъ у насъ Первосвященникъ, одинъ и Богъ, неизмѣнный по существу своему; отъ Него истекаютъ и всѣ блага. Спаситель, запрещая даже пожеланіе, тѣмъ самымъ въ корнѣ подсѣкаетъ и гнѣвъ, ибо гнѣвъ есть не иное что какъ пожеланіе мести. Вообще пожеланіе, какого бы свойства оно ни было, содержитъ въ себѣ смятенность духа и навязываетъ ему состояніе страстное. Всякій человѣкъ, научившійся обуздывать безпорядочныя движенія своей души, по своей невинности становится уже и участникомъ природы Божественной и возвышается въ своемъ существѣ до сего величественнаго состоянія, которое именуется единствомъ Божіимъ. Подобно тому какъ мореплаватели, желая снова къ себѣ вытянуть ими же опущенный охранительный якорь, тащаоный, сами къ нему двигаются: подобно сему и истинный гностикъ, желая совершенствомъ своей жизни привлечь къ себѣ Бога, безъ собственнаго своего вѣдома самъ тяготѣетъ къ Нему. Кто служитъ Богу, тотъ значитъ служитъ и себѣ самому. Въ жизни созерцательной заботиться о своихъ дражайшихъ интересахъ тождественно значитъ съ почитаніемъ Бога; и совершенство очищенія по взаимному тождеству сущности доводитъ святость человѣка до созерцанія святости Божіей. Такъ человѣкъ воздержный, остающійся всегда разсудительнымъ, постоянно наблюдающимъ за собою и себя созерцающимъ, никогда себѣ не измѣняющимъ, уподобляется Богу, по крайней мѣрѣ настолько, насколько это уподобленіе возможно.

24. Значеніе и цѣль скорбей, Богомъ возлагаемыхъ на человѣка.

Съ того самаго мгновенія, какъ какая либо вещь и ея противуположность въ нашихъ рукахъ, какъ напр. жить или не жить добродѣтельно, вѣрить или не вѣрить, съ того самого мгновенія можно утверждать, что она въ нашей власти. И изъ того самаго обстоятельства, что мы господами оказываемся двухъ вещей противуположныхъ, слѣдуетъ, что состоящее въ нашей власти возможно. Въ нашей слѣдовательно власти, исполнять заповѣди или нѣтъ. Этому соотвѣтствуетъ посему и то, что похвала или порицаніе суть слѣдствіе собственныхъ нашихъ дѣйствій; и если грѣшникъ бываетъ наказываемъ за совершенныя имъ преступленія, то несетъ онъ наказанія единственно по своей волѣ и за свои грѣхи; отъ него зависѣло, что послано на него наказаніе. Предъ тѣмъ закононарушенія были; того же, что совершено было, нельзя сдѣлать, какъ еслибъ того не бывало. Грѣхи, совершенные ранѣе принятія вѣры, Господомъ прощаются. Но Онъ оставляетъ ихъ не такъ, какъ еслибъ ихъ никогда не было совершено, а такъ изглаживаетъ (слѣдствія ихъ), какъ еслибъ грѣховъ тѣхъ не произошло.

«Прощеніе не относится ко всѣмъ грѣхамъ, восклицаетъ здѣсь Василидъ; оно относится только къ невольнымъ преступленіямъ, происшедшимъ отъ нечаянности и невѣдѣнія». Отвѣчаемъ ему: Богъ открываетъ намъ сокровище своихъ даровъ не такъ, какъ сдѣлалъ бы это человѣкъ. И священное Писаніе отвѣчаетъ сему еретику: *Подумалъ въ беззаконіи своемъ нечестивецъ: Буду я Ему подобенъ* (Пс. XLIX, 21) (*).

(*) Послѣдующее объ исправленіи и наказаніи срав. съ тѣмъ, что Сенекой передано изъ Платона въ кн. I, гл. послѣдней «De ira».

Но и въ томъ случаѣ, когда мы бываемъ наказываемы за невольные грѣхи, то не потому это происходитъ, чтобъ сдѣлать грѣхи тѣ не бывшими, но именно потому-то мы и несемъ наказаніе, что они были нами совершены. Наказаніе еще не сообщаетъ виновному силъ и способовъ не грѣшить; оно только помогаетъ ему впредь не грѣшить. Между прочимъ и всѣмъ другимъ оно какъ бы такъ говоритъ: «Берегитесь и вы впадать въ тѣ же самые грѣхи». По тремъ причинамъ здѣсь на землѣ всеблагій Богъ наказываетъ насъ: вопервыхъ для того, чтобы самъ наказуемый сдѣлался лучше; во вторыхъ, чтобы тѣ, которые еще могутъ быть спасены, примѣрами наказанныхъ ближнихъ заблаговременно могли быть подготовлены къ спасенію; въ третьихъ и наконецъ, чтобы охранить отъ презрѣнія того, кто сдѣлался жертвой несправедливости и чтобы воспрепятствовать нанесенію ему новой обиды. Способовъ же вразумленія и исправленія мы различаемъ два: одинъ при посредствѣ ученія, другой при посредствѣ наказанія, которое называется поэтому и способомъ понудительнымъ. Нужно еще и то знать, что наказываемы мы бываемъ только за грѣхи, нами совершенные послѣ крещенія (*); грѣхи же ранніе намъ прощаются; что же до грѣховъ позднѣйшихъ, то мы нуждаемся въ очищеніи отъ нихъ. О невѣрующихъ же сказано: *Они считаются за пыль, вѣтромъ поднимаемую съ поверхности почвы, за каплю воды, падающую изъ таза* (Пс. I, 4; Ис. XL, 15; Прем. XI. 23).

25. Истинное совершенство состоитъ въ познаніи Бога и любви къ Нему.

«Счастливъ человѣкъ, набравшійся ума-разума отъ науки. Блаженъ тотъ, кто не ставилъ цѣлью своихъ дѣйствій ущербъ и несчастіе согражданъ, ни другихъ къ дѣламъ несправедливости кто не поощрялъ. Блаженъ онъ, созерцая нескончаемую красоту вѣчной природы, старости непричастной, блаженъ онъ, зная въ чемъ та красота состоитъ и какимъ образомъ и почему она остается неизмѣнною.

(*) Срав. въ «Стром.» VI, гл. 14.

Въ людяхъ этого рода никогда не возникаетъ и намѣренія себѣ дозволить дѣйствіе безчестное» (*). И Платонъ посему имѣлъ всѣ основанія сказать, что человѣкъ, «отдающійся созерцанію идей, будетъ жить между смертными какъ бы богомъ. Умъ есть тронъ идей, а Богъ есть престолъ ума». О человѣкѣ, умъ коего обращенъ къ созерцанію невидимаго Бога, Платонъ сказалъ, что богъ онъ, живущій между смертными людьми. Въ «Софистѣ» Сократъ элейца, своего гостя, отличавшагося въ діалектикѣ, также называетъ «богомъ» и приравниваетъ его къ тѣмъ изъ нихъ, которые подъ видомъ иностранцевъ посѣщаютъ города (Одис. XVII, 485). Мудрецъ и въ самомъ дѣлѣ можетъ представлять собою нѣчто богоподобное. Потому что когда душа его, возвышаяясь надъ всѣмъ матеріальнымъ, обращается лишь сама съ собою и, ограничиваясь лишь личной своей жизнью, поддерживаетъ отношенія, какъ кориѳей въ «Ѳеэтетѣ», единственно къ міру идей, то возвышается она до состоянія ангельскаго (Мѳ. XXII, 30), погружена своею жизнью во Христа; и обращена будучи къ созерцанію Бога, чтитъ лишь Его волю. И по истинѣ

Только вотъ такой человѣкъ и есть истинный мудрецъ;
Остальные же всѣ не иное что какъ балансеры, вѣсоплясы на точкѣ безъ опоры и подобны тѣнямъ скоротечнымъ
(Одис. X, 495),

Мертвые (духомъ), они дѣйствительно и *заняты* не инымъ чѣмъ, какъ *похоронами своихъ мертвецовъ* (Мѳ. VIII, 22). Посему-то и Іеремія сказалъ: *Наполню Я городъ сей трупами сыновъ страны, пораженныхъ Моимъ негодованіемъ* (Іер. XXXIII, 5).

Богъ (Отецъ, непосредственно) непостижимый (**), не можетъ быть (непосредственно) и предметомъ науки. Сынъ же въ одно и то-же

(*) Повидимому, это стихъ изъ какого то неизвѣстнаго намъ стихотворенія.

(**) И по другимъ отцамъ церкви Богъ Отецъ лично не открывался никогда, а только чрезъ Сына (Іоан. I, 18).

время есть и мудрость и истина и наука, и наконецъ всѣмъ Онъ состоитъ, что можетъ имѣть ближайшее отношеніе къ Богу. Онъ даже большее нѣчто. Онъ состоитъ разъясненіемъ, но и исходнымъ пунктомъ всего. Но когда и всѣми силами Духа было создаваемо вмѣстѣ все (Быт. I, 2), то было оно твореніемъ возводимо, собственно говоря, къ одной центральной точкѣ, къ Сыну. Познать же всѣ силы Его нѣтъ никакой возможности, потому что въ дѣйствительности Сына представляетъ не единое что либо; не въ видѣ математической какой-то единицы Онъ существуетъ (*); ниже множество, изъ частей слагающееся, Собою Онъ представляетъ; но это не есть существо и какое-то многосложное, допускающее присутствіе въ себѣ нѣсколькихъ частей, нѣтъ; существованіе Сына нужно себѣ представлять такъ, что своимъ единствомъ Онъ обнимаетъ все, почему отъ Него и проистекаетъ все. Онъ есть ободъ всѣхъ силъ: онѣ въ Немъ движутся и Имъ же объединяемы. И это причина, почему Логосъ именуется *Альфой и Омегой* (Апок. I, 8). Потому что Онъ есть единственное въ своемъ родѣ существо, котораго конецъ есть и начало, а начало котораго есть и конецъ; и нѣтъ въ бытіи сего Существа перемежекъ, перерыва или мѣры (**). И вотъ почему вѣрить въ Логоса при посредствѣ Его же самого, это значитъ достигать единства съ самимъ собою (***), что равносильно союзу съ Логосомъ нераздѣльному, нерасторжимому. Не вѣрить же въ Логоса, это значитъ впадать въ сомнѣнія, блуждать по странамъ невѣдомымъ, разлучаться и раздѣляться на партіи. Это-то и побудило Господа сказать: *Никакой сынъ иноплеменницы, необрѣзанный сердцемъ и необрѣзанный плотію*, т. е. нечистый и по душѣ и по тѣлу, *не войдетъ въ Мое святилище, ни даже и тотъ иноплеменникъ, который живетъ среди сыновъ Израиля; войдутъ только Левиты* (Iер. XLIV, 9, 10). Что же это за сыновья иноплеменницы? Это тѣ, которые вмѣсто того, чтобы вѣрить, лучше желаютъ оставаться не вѣрующими. Истинными священниками Божіими состоятъ слѣдовательно лишь тѣ, кои ведутъ жизнь непорочную. Посему изъ всѣхъ племенъ и обрѣзывавшихся слыли подъ именемъ святѣйшихъ тѣ лишь, въ средѣ коихъ сыны народа (именно въ этомъ смыслѣ) облекаемы были, послѣ помазанія ихъ священнымъ елеемъ, обязанностями первосвященническими, царскими и пророческими. Посему запрещено было имъ даже дотрогиваться до труповъ; не позволено было имъ входить даже въ комнату, гдѣ лежалъ покойникъ (Лев. XXI, 1 и д.; Числъ VI, 9, 10 и д.; Iез. XLIV, 25 и д.). Не потому это, какъ еслибы самый трупъ становился чѣмъ-то оскверняющимъ, а потому, что грѣхъ и непослушаніе суть дѣла плоти, живутъ они въ тѣлѣ, съ нимъ и умираютъ (т. е по себѣ добрыхъ плодовъ не оставляя); а вслѣдствіе этого самаго и гнусны (*). Посему священнику позволялось входить въ комнату покойника только въ томъ случаѣ, если это былъ отецъ его, мать, сынъ или дочь. Отношенія плотскія и кровныя у священника ограничивались слѣдовательно лишь сыновними и родительскими. Въ этой же ближайшей и непрерывной степени родства наслѣдовалось путемъ рожденія и званіе священника. Посему священники и очищаться должны были въ теченіе семи дней, періода по продолжительности равнаго творенію міра. Въ день седьмой они

(*) Писатель хочетъ сказать, что Сынъ представляетъ Собою существо единое не въ томъ смыслѣ, въ какомъ суть нѣчто единое вещи, собранныя въ одномъ мѣстѣ; и не многое Онъ, изъ множества частей состоящее; а въ томъ, что въ своемъ единствѣ, истинномъ и личномъ, Онъ все объемлетъ. Потому далѣе Онъ сравнивается съ кругомъ, фигура котораго не имѣетъ ни начала ни конца, но отъ какого бы пункта вы ни начали путь, онъ оканчивается при началѣ его.

(**) Образъ заимствуется отъ круга

(***) Срав. ту-же мысль въ гл. предшествующей и Стром. V, 11; VII, 7.

(*) Говорится это быть можетъ съ отношеніемъ къ Быт. III, 1—6, 11—13, 17.

праздновали покой Божій. Въ восьмой же день приносима была ими *умилостивительная жертва* за свой *грѣхъ*, какъ написано о семъ у Іезекіиля (Іез. XLIV, 27). Ее нужно понимать въ качествѣ завѣренія и утвердительнаго обнадеженія. Очищеніемъ же совершеннымъ, по моему мнѣнію, состоитъ воистину очистительная и примиряющая (съ Богомъ) вѣра, чрезъ законъ и пророки приводящая къ принятію Евангелія. Эта Евангельская чистота и миръ съ Богомъ состоятъ въ полномъ послушаніи Богу при отложеніи заботы о всѣхъ вещахъ земныхъ и отрѣшеніи отъ нихъ, продолжающемся и сохраняемомъ до дня, въ который радостно и съ благодарностью пользовавшаяся ими душа отдастъ землѣ свою плотскую хижину (2 Кор. V, 2). Затѣмъ сіе очищеніе должно было происходить чрезъ семь годовъ субботнихъ въ томъ году, который приносилъ съ собой субботу или покой высшіе (Лев. XXV, 4—8 и д.). Этимъ означаются тѣ семь небесъ, кои по нѣкоторымъ представляютъ собою посредствующія ступени при восхожденіи нашемъ къ Богу. Или же обозначается этимъ и прямо область звѣздъ неподвижныхъ, сосѣдняя съ міромъ силъ умныхъ, на которую пророкъ намекаетъ *осминами* (*). Въ эти семь седминъ истинный гностикъ, по моему мнѣнію, долженъ совсѣмъ отрѣшиться отъ міра явленій чувственныхъ, а всего первѣе отъ грѣха. Вотъ почему и жертвы во очищеніе грѣховъ приносимы были въ теченіе семи дней. Нужно тщательно наблюдать впрочемъ при семъ круговоротѣ временъ, чтобы не осталось никакихъ слѣдовъ отъ нечистоты грѣховной уже и къ седьмой седминѣ; (да кто-то еще и доживетъ до нея)!

Іовъ былъ человѣкъ праведный, и вотъ онъ говорилъ: *Нагъ я вышелъ изъ утробы матери моей, нагъ и отыду* (Іов. I, 21). Не то хотѣлъ онъ сказать симъ, что оставляетъ міръ сей, не скопивши богатствъ: мысль была бы жалкая и пошлая, а то, что, какъ и слѣдовало праведному, оставляетъ онъ землю эту непричастнымъ злу и пороку, свободнымъ и чистымъ отъ почитанія не имѣющихъ никакого опредѣленнаго вида кумировъ и призраковъ, кои и за гробъ сопровождаютъ людей, здѣсь жившихъ безчинно, нечестиво и неправедно (*). Тоже самое обозначается и слѣдующимъ изреченіемъ: *Обратившись, вы должны быть какъ дѣти* (Мѳ. XVIII, 3), чисты тѣломъ, святы душою, воздерживаться отъ дѣлъ злыхъ. Господь этимъ показываетъ намъ, что Онъ желаетъ насъ видѣть такими, какими мы вышли изъ лона воднаго (**). За рожденіемъ плотскимъ должно слѣдовать возрожденіе духовное, которымъ Господь хочетъ постепенно подготовить насъ къ безсмертію. *Свѣтильникъ же нечестивыхъ погаснетъ* (Іов. XXI, 10).

Эту чистоту души и тѣла, составляющую цѣль всѣхъ усилій и стремленій истиннаго гностика, премудрый Моисей очерчиваетъ намъ

(*) Древніе раздѣляли небо на 8 сферъ, изъ коихъ въ семи нисшихъ блуждали планеты, а въ восьмой они полагали звѣзды неподвижныя; отсюда эта 8-я сфера приходилась ближайшею къ міру духовъ разумныхъ или умовъ высшихъ.

(*) Платонъ въ «Федонѣ»: «Если душа отрѣшается отъ тѣла грязною и неочищенною, поколику находилась во всегдашнемъ общеніи съ нимъ, служила ему, любила его, была очаровываема пожеланіями и страстями, такъ что ничего не почитала истиннымъ кромѣ тѣлообразнаго, что можно осязать, видѣть, пить, ѣсть и прилагать къ дѣламъ любовнымъ, а темнаго для глазъ и безвиднаго, мысленнаго и одобряемаго философіею, обыкновенно не терпѣла, боялась и убѣгала: такая душа, переложенная тѣлообразными свойствами, внѣдренными въ нее жизнію плотскою и общеніемъ съ тѣломъ, которое пользовалось всегдашнимъ ея вниманіемъ и заботливостью, должна быть земнородна и видима и съ такими свойствами тяготѣетъ и влечется опять къ видимому и блуждаетъ около склеповъ и гробницъ, гдѣ въ самомъ дѣлѣ видали тѣлообразныя явленія душъ, какими дѣйствительно представляются образы ихъ, когда онѣ не чисто отрѣшились, но удержали въ себѣ видимое, вслѣдствіе чего и бываютъ видимы.»

(**) Разумѣется возрожденіе въ водахъ крещенія.

въ изображеніи внутренней и внѣшней чистоты Ревекки, благоприлично обращая наше вниманіе на свое изображеніе чрезъ повтореніе своей мысли. Онъ описываетъ Ревекку въ такихъ выраженіяхъ: *Дѣвица же была прекрасна; мужъ не позналъ ея* (Быт. XXIV, 16). Ревекка значитъ: «слава Божія», а слава Божія состоитъ въ нетлѣнности, невредимости. Истинная праведность состоитъ въ томъ, чтобы никогда не желать чужаго и не вредить ближнимъ, вообще же всею своей личностью представлять храмъ, посвященный Богу. Праведность! Она—миръ и безмятежность жизни, ея крѣпость и неколебимость. Когда Господь сказалъ женщинѣ, Имъ исцѣленной: *Иди съ миромъ* (Мк. V, 34), то симъ выраженіемъ Онъ не иное что заповѣдалъ ей, какъ обратилъ къ той же праведности. А *Салимъ* значитъ *миръ*, и нашъ Господь дѣйствительно носитъ титулъ «Царя мира» (Мѳ. XXI, 5; Лк. XII, 15). Моисей именно на Него намекаетъ, когда говоритъ о Мелхиседекѣ, царѣ Салимскомъ, священникѣ Бога всевышняго, въ знакъ благодарности поднесшемъ Аврааму освященные хлѣбъ и вино (Быт. XIV, 18; Евр. VII, 1, 2). Онъ изображается тутъ лицомъ даже еще высшимъ. Слово *Мелхиседекъ* значитъ *Царь праведности*, а праведность и миръ — синонимы, одно и тоже (Евр. XII, 2).

Василидъ же думаетъ, что праведность и дочь ея миръ помѣщены въ огдоѣ (весьмерицѣ), упоминаемой пророкомъ и тамъ пребываютъ. Но это толкованіе слишкомъ аллегорично. Обратимся отъ него къ изъясненіямъ для всѣхъ болѣе доступнымъ, нравственнымъ; Василидова же ученія разборъ послѣдуетъ за настоящимъ разсужденіемъ. Итакъ по истинѣ самъ Спаситель насъ посвящаетъ въ свои таинства соотвѣтственно тому, что говоритъ и трагическій поэтъ:

Вѣдая знающихъ Его, самъ Онъ даруетъ намъ эти праздники (*).

А еслибы спросили вы:

(*) Это изъ трагедіи Еврипида «Вакхъ» ст. 465 и д.

Что это за праздники, о которыхъ говорю я,

то іерофантъ отвѣтитъ вамъ:

Не посвященнымъ въ тайны не слѣдуетъ и открывать ихъ.

Если же по любопытству кто сталъ бы снова допытываться, что это за празднества, то снова услышалъ бы:

Не слѣдуетъ васъ допускать до слушанія тайнъ сихъ,
Не смотря на то, что стоятъ онѣ разслѣдованія:
Нечестивецъ не допускается на праздники сего Бога.

Богъ, не имѣвшій начала, есть начало совершенное всѣхъ вещей. Все существующее имѣетъ отношеніе къ сему началу. И такъ какъ Онъ есть существо, то и начало всего творчества; и такъ какъ Онъ благъ, то состоитъ источникомъ и силъ нравственныхъ; а такъ какъ Онъ умъ, то Онъ источникъ и способности разумной и судительной. Отсюда слѣдуетъ, что единородный Сынъ всевышняго Отца, святости безконечной, есть и воспитатель человѣчества.

26. О томъ, какъ истинный гностикъ пользуется тѣломъ и вещами земными.

Итакъ хулящіе твореніе и недовольные тѣломъ безразсудны. Они не обращаютъ вниманія на то, что человѣкъ уже тѣлесной своей организаціей обращенъ въ высоту, дабы ему возможность имѣть созерцать небо (*); весь механизмъ его чувствъ сведенъ къ пріобрѣтенію познаній; члены его тѣла и всѣ этого части приспособлены болѣе къ совершенію добра, нежели къ чувственнымъ удовольствіямъ. Оттого происходитъ, что тѣлесная наша хижина можетъ въ себѣ вмѣщать душу, существо въ очахъ Божіихъ наидрагоцѣннѣйшее; а все существо человѣческое, по освященіи и души и тѣла, чрезъ обновленіе онаго во Христѣ Іисусѣ, удостоивается того, что становится жили-

(*) Овидій въ кн. 1 своихъ «Метаморфозъ»: «Между тѣмъ какъ всѣ прочія животныя смотрятъ на землю, наклонясь впередъ, человѣку Богъ далъ лицо, обращенное къ небу, поднятое вверхъ, повелѣвъ ему глядѣть на небо и обращаться взорами къ звѣздамъ».

щемъ Святаго Духа. Гностикъ же тріаду добродѣтелей совмѣщаетъ въ себѣ болѣе тѣснымъ образомъ, потому что онъ отдается исканію Бога и нравственно и физически и разумомъ. Ибо мудрость есть знаніе вещей божескихъ и человѣческихъ (*). Праведность же собой водворяетъ гармоническое согласіе между частями души (**); а святость состоитъ въ должномъ Богопочтеніи. Если же кто скажетъ, что плоть саму себя безславитъ и что именно въ ней-то и коренится актъ произрожденія, а въ подтвержденіе своей ненависти къ плоти сошлется на слово Исаіи: *Всякая плоть — трава и вся красота человѣческая похожа на полевой цвѣтокъ; трава высыхаетъ, цвѣтъ опадаетъ; слово же Господне пребываетъ вовѣки* (Ис. XL, 6, 8): то пусть онъ выслушаетъ разъясненіе вопроса насъ занимающаго отъ самого Духа Святаго чрезъ уста Іереміи: *Разсѣю ихъ какъ мякину, вѣтромъ уносимую въ пустыню. Вотъ жребій и участь вашего непослушанія, говоритъ Господь. И такъ какъ вы забыли Меня и надѣетесь на ложь, то и Я выставлю предъ всѣми наготу вашу, и ваше безчестіе будетъ видимо всѣми и ваши прелюбодѣйства и неистовость вашихъ пожеланій* и проч. (Іер. XIII, 24—27). Кто же изображается въ Писаніи подъ видомъ *цвѣтка полеваго* (Іак. I, 10; 1 Петр. I, 24)? Что это за люди, *ходящіе по плоти* (1 Кор. X, 3)? Что это за *плотскіе* люди, о коихъ говоритъ Апостолъ (1 Кор. III, 3)? Это люди, живущіе во грѣхахъ. И дѣйствительно это такъ. Истина общепризнанная, что душа есть благороднѣйшая часть человѣческаго существа, а тѣло нисшая. Но ни душа не есть благо по самой природѣ своей, ни тѣло не есть зло по той же самой природѣ своей. Но и изъ того, что извѣстная вещь не есть благо, еще не слѣдуетъ съ непосредственностью, что она—зло. Есть разрядъ вещей, занимающихъ средину между добромъ и зломъ. И вещи «не принимаемыя» и «признаваемыя» (*) входятъ въ ту же самую категорію. Нужно было, чтобы человѣкъ, по организаціи принадлежащій къ существамъ, руководящимся чувствами, былъ составленъ изъ началъ разнообразныхъ, но не противуположныхъ; а таковы тѣло и душа. Теперь выходитъ, что дѣла добрыя, принадлежа природѣ высшей, всегда и отношеніе имѣютъ къ этому высшему началу, коему свойственно господствовать; дѣла же сластолюбія и грѣха истекаютъ изъ начала нисшаго, духа грѣховнаго. Но душа мудреца и гностика, заключенная въ тѣло лишь на короткое время,

(*) То же опредѣленіе мудрости въ «Пед.» II, 2; «Стром.» VI, 15. 17; VII, 12.

(**) Платоники иногда различали двѣ части души, разумную и неразумную, иногда три, способную къ разумѣнію, къ гнѣвливости и къ пожеланіямъ. Такъ передаютъ Аристотель «О душѣ», III, 9, Плутархъ и другіе. Отсюда по Платону частныя добродѣтели суть совершенство опредѣленныхъ частей души; праведность же есть совершенство всей души; оттуда происходитъ, что всѣ остальныя части души при ней находятся во взаимномъ согласіи, и съ душой во всей ея цѣлости онѣ состоятъ тогда въ гармоніи; и каждая въ частности обнаруживаетъ совершенство ей свойственное, чуждой же ей способности не касается; разумъ при семъ повелѣваетъ, остальныя всѣ части души его слушаются. Итакъ по Платону праведность есть нѣкая сила, соглашающая и объединяющая другъ съ другомъ три части души, при чемъ каждая при своемъ остается и дѣйствуетъ какъ слѣдуетъ. Стоики же различали въ душѣ восемь частей, какъ передаетъ о семъ Лаэрцій VII, 157: пять чувствъ, производительную, даръ слова и разумъ.—Подобное же Варронъ въ кн. VIII, De lingua Latina и Плутархъ De placitis philoph. IV, 4.

(*) Говорится это въ смыслѣ ученія Стоиковъ. Діогенъ Лаэрцій въ «Зенонѣ» VII, 105, говоритъ о нихъ: «Изъ вещей же безразличныхъ однѣ называютъ они «предпочитаемыми», другія же «отвергаемыми». Къ числу первыхъ они относили напр. умъ, здоровье, славу и т. п.; къ другому же разряду: тупость, дряхлость, незнатность и т. п.; и тѣ и другія у нихъ не назывались ни добрыми, ни злыми; эти эпитеты они усвояли только добродѣтели и пороку. Тоже Цицеронъ въ кн. III De fin.

подобно путешественнику, пришедшему въ чужую землю, пользуется тѣломъ съ строгой умѣренностью и остерегается быть слишкомъ снисходительной къ нему и благосклонной, будучи расположена оставить эту бренную хижину тотчасъ, какъ только ей призывъ будетъ объявленъ. *Странникъ*, говоритъ она вмѣстѣ съ Авраамомъ, *въ землѣ этой я и пришлецъ между вами* (Быт. XXIII, 4; Пс. XXXVIII, 13).

Василидъ на этихъ словахъ основываетъ свое ученіе о преимуществахъ избранныхъ и о томъ, что по природѣ своей они происхожденія вышемірнаго. Ученіе нечестивое и ложное. Всѣ твари суть дѣло одного и того же Бога; никого нѣтъ, кто по своей природѣ былъ бы чуждъ сего міра, потому что природа одна, подобно тому какъ существуетъ только одинъ Богъ. И все-же избранный живетъ здѣсь какъ чужой, зная что онъ хотя и всѣмъ здѣсь владѣть можетъ, но послѣ все долженъ оставить. Онъ не пренебрегаетъ благами, раздѣляемыми Перипатетиками на три вида (*) и пользуется ими; онъ пользуется и тѣломъ, но скорѣе какъ путешественникъ, который заѣхалъ въ дальнюю сторону; онъ входитъ въ гостинницы и въ домы, имъ встрѣчаемые на пути, но заботится о вещахъ сего міра и о кровлѣ, его защищающей, такъ же мало, какъ заботится путешественникъ. Оставивши же все, жилище, имущество, равно какъ и пользованіе ими, не питая къ нимъ ни малѣйшей страсти, онъ охотно и радостно слѣдуетъ за проводникомъ, его выводящимъ изъ сей жизни, никогда не оборачиваясь назадъ съ цѣлію посмотрѣть на оставленное (**), благодаря Бога за земное странствованіе и призваніе, съ любовію и благословеніями привѣтствуя жилище, приготовленное ему на небѣ. *Знаемъ*, говоритъ Апостолъ, *что когда земная эта хижина наша разрушится, Богъ даруетъ намъ на небѣ другое жилище, созданное не человѣческими руками и имѣющее существовать вѣчно. Вотъ почему, будучи во плоти сей, мы и воздыхаемъ, желая облеченія въ славу сего небеснаго жилища, только бы засталъ насъ часъ смертный одѣтыми, а не голыми, ибо мы идемъ къ тому жилищу еще вѣрою, и еще не видимъ его открыто. А мы желаемъ лучше выйти изъ тѣла и водвориться у Господа* (2 Кор. V, 1—3, 7, 8). *Мы желаемъ лучше*.... Это послѣднее слово есть выраженіе сравненія. Но сравниваютъ между собою вещи, имѣющія взаимное сходство. Такъ храбрѣйшій храбрѣе храбрыхъ и тѣхъ, кто мужества вовсе не имѣетъ. Вотъ почему Павелъ прибавляетъ: *Все наше любочестіе въ томъ состоитъ, чтобы, вдали ли отъ Него живя или находясь уже въ Его присутствіи, быть Богу угодными* (2 Кор. V, 9). *Угодными Богу*, т. е. единому Богу, Виновнику и Творцу всѣхъ вещей, какъ въ семъ мірѣ находящихся, такъ и внѣмірныхъ. Я согласенъ съ этимъ яснымъ словомъ Эпихарма: «Если ты былъ благочестивъ отъ всей глубины сердца, то по смерти не потерпишь никакого зла; твой духъ будетъ жить въ небесахъ вѣчно». Не менѣе я одобряю и лирическаго поэта (Пиндара), такіе стихи изрекшаго: «Души людей нечестивыхъ носимы подъ небомъ вихремъ туда и сюда и терпятъ кровью сочащіяся муки; вѣчно онѣ носятъ это ярмо бѣдственности и мученій и отъ него отвязаться не могутъ. Души же людей благочестивыхъ напротивъ живутъ на небѣ и въ радостныхъ гимнахъ возносятъ хвалы къ Царю блаженныхъ». Итакъ пусть намъ никто не говоритъ теперь, что душа посылается съ неба на землю, чтобы терпѣть здѣсь недостойную ея судьбу. Богъ все устрояетъ къ лучшему. Дѣло въ томъ только, что душа, добровольно избравшая праведнѣйшую жизнь по Бозѣ и по праведности, мѣняетъ землю на небо. Іовъ стремившійся къ познанію и его достигшій, имѣлъ же право сказать: *Знаю, что Ты все можешь и что нѣтъ для Тебя ничего невозможнаго. И подлинно. Кто же Тотъ, который научилъ меня вѣдать вещи, коихъ дотолѣ я не*

(*) Аристотель въ Иѳикѣ къ Никомаху, I, 8: «Блага же суть троякаго вида: душевныя, тѣлесныя и внѣшнія».

(**) Т. е. въ душѣ сохраняя заповѣдь Христову Мк. XVII, 32: *Помните жену Лотову* (Быт. XIX, 26).

вѣдалъ,—великое и удивительное, чего я не зналъ? Себя же самого ни во что я ставлю и называю пепломъ и землею (Іов. XLII, 2, 3, 6). Почему это? Потому что невѣжда привязанъ къ грѣху и состоитъ *землею и пепломъ*; между тѣмъ какъ человѣкъ, въ познаніи поступающій впередъ, и чрезъ оное, насколько дано это человѣческой слабости, уподобляющійся Богу, ходитъ съ того времени по духу и такъ доходитъ до того, что становится избраннымъ. Или желаете вы имѣть новое доказательство того, что Писаніе именемъ *пепла* называетъ безразсудныхъ и непокорныхъ? Слушайте. Пророкъ Іеремія даетъ намъ оное въ томъ, что говоритъ онъ объ Іоакимѣ и его братьяхъ. *Земля, земля, слушай слово Господне: Запишите человѣка этого злополучнымъ* (Іер. XXII, 29, 30). А вотъ и другой пророкъ возвышаетъ тотъ же самый голосъ: *Слушайте небеса и внимай земля* (Ис. I, 2). Разумъ пророкъ называетъ *слушаніемъ*, а душу гностика *небомъ*, потому что единственной заботой его состоитъ созерцаніе вещей небесныхъ и божественныхъ, почему онъ и дѣлается Израелитомъ. Напротивъ того кто избираетъ невѣжество и предпочитаетъ жестокосердіе, того онъ клеймитъ именемъ *земли*.—*Внимай*... Пророкъ обращается здѣсь къ органу слуха, ушамъ, приписывая чувственное тѣмъ, кои заняты вещами плотскими. Это о нихъ пророкъ Михей сказалъ: *Народы живущіе съ горемъ пополамъ, слушайте слово Господне* (Мих. I, 2). И Авраамъ (Быт. XVIII, 25) говорилъ: *Никогда, Господи, судія земли* (*), такъ какъ *не вѣрующій* спасительному слову *уже осужденъ* (Іоан III, 18).

Есть также и другой судъ и приговоръ Господа и онъ изложенъ въ кн. Царствъ (**): *Богъ слышитъ молитвы праведныхъ, нечестивыхъ же не хочетъ спасать, потому что они отказываются отъ признанія Его. Вседержитель и дѣйствительно ничего не можетъ дѣлать такого, что противорѣчитъ разуму* (Іов. XXXVI, 6; XXXIV, 12). На эти слова что отвѣтятъ ереси? Вотъ Писаніе объявляетъ, что Вседержитель Богъ благъ и что Онъ никогда не можетъ быть виновникомъ порока и беззаконія. Если они не познали Бога, то началомъ ихъ заблужденія невѣдѣніе. Богъ же *ничего не можетъ творить такого, что противуразумно. Вотъ Богъ нашъ*, говоритъ пророкъ. *Нѣтъ другого Спасителя кромѣ Его* (Исх. XLV, 21). Ибо *въ Богѣ нѣтъ неправды*, какъ свидѣтельствуетъ Апостолъ (Рим. IX, 14; Евр. VI, 10).

У пророка ясно мы научаемся и тому также, что такое воля Божія и въ чемъ состоитъ гностическій прогрессъ: *Итакъ, Израиль, чего требуетъ отъ тебя Господь Богъ твой? Того только, чтобы ты боялся Господа, Бога твоего и чтобы ходилъ во всѣхъ путяхъ Его* (Втор. X, 12). Отъ васъ, которые имѣете власть выбирать, Онъ ничего другого не требуетъ, какъ того, чтобы выбрали вы вещь спасительную, *любили Его и служили Ему одному* (Мѳ. IV, 10; Лк. IV, 8). А что иное заповѣдуютъ и Пиѳагорейцы, совѣтуя «молиться громогласно»? Не представляется же имъ, что Богъ не услышитъ тѣхъ, которые молятся тихо: было бы это невѣроятно. Они думаютъ, что молитвы, произнесенныя безъ краски на лицѣ предъ многочисленнымъ стеченіемъ народа, не могутъ не быть справедливыми (*).

Что же касается насъ, то мы о молитвѣ разсудимъ послѣ, когда настанетъ время для того (**).

Мы должны быть заняты дѣлами вопіющими къ Богу (***), *ведя себя какъ среди бѣла дня*,

(*) Полный текстъ: *Не можетъ быть, чтобы Ты поступилъ такъ, чтобы Ты погубилъ праведнаго съ нечестивымъ, не можетъ быть отъ Тебя! Судія всей земли поступитъ ли неправедно?*

(**) Въ кн. Царствъ послѣдующаго нѣтъ, а писатель просто соединяетъ разныя мѣста изъ кн. Іова.

(*) Срав. 2-ю сатиру Персія.

(**) О молитвѣ разсуждаетъ писатель въ «Строматахъ» VII.

(***) О томъ, что добрыя дѣла вопіютъ къ Богу нѣтъ прямаго выраженія въ Писаніи; но дѣло это понятно и само по себѣ. Если дѣла злыя вопіютъ объ отмщеніи (Іак. V, 4; Быт. IV, 10), то тѣмъ паче дѣла добрыя о защитѣ ихъ.

(Рим. XIII, 13). *Да свѣтятся дѣла твои* (Мѳ. V, 16). *Вотъ человѣкъ и дѣла Его предшествуютъ Ему. Ибо вотъ Богъ и дѣла Его* (Ис. LXII, 11). Требуется, чтобы гностикъ, насколько это возможно для него, подражалъ Богу. А мнѣ помнится, что избранныхъ поэты за красоту также называютъ существами «боговидными». Они именуютъ ихъ то существами «божественнаго рода», то «равными Богу», то мудрость имъ усвояютъ равную по степени мудрости Зевса. Свойственна имъ божеская осторожность; это существа богамъ подобныя (*). Что вамъ сказать на это, какъ не то, что въ этихъ разнообразныхъ наименованіяхъ нужно признать плагіатъ у Моисея словъ *по образу и подобію Божію* (Быт. I, 26). Слушайте Еврипида. «Золотыя крылья прикрѣплены къ моимъ плечамъ. Я обутъ въ крылатыя сандаліи Сиренъ. Одѣтый такъ, я воспаряю въ неизмѣримый эѳиръ, прохожу равнинами неба и являюсь на бесѣду къ Зевсу» (**). Я же молился бы, чтобы духъ Христовъ вознесъ меня въ возлюбленный мой Іерусалимъ (***).

Стоики также говорятъ, что нѣтъ другаго города, который болѣе соотвѣтствовалъ бы своему имени какъ небо; города же, какіе существуютъ здѣсь на землѣ, не суть города въ собственномъ смыслѣ; они только названіе городовъ носятъ; недостаетъ имъ дѣйствительности. И въ правду! Вотъ городъ, такъ подлинно прекрасный. Весь народъ въ немъ представляетъ собою сонмъ людей добродѣтельныхъ; въ немъ цѣлыя массы народа и всѣ послушны закону; это церковь Логосова. Не можетъ городъ этотъ осадѣ подлежать, не можетъ быть угнетаемъ какимъ нибудь земнымъ тиранномъ: *воля Божія* царитъ въ немъ, *совершающаяся и на землѣ такъ же, какъ на небѣ* (Мѳ. VI, 10). Поэты даютъ намъ нѣкоторыя черты сего города. Потому что эти гиперборейскіе города (*), эти равнины Аримасповъ, эти поля Элисейскія (**) суть общества праведныхъ. И Платонова республика, какъ извѣстно, въ качествѣ идеальнаго образа, представлена существующей на небѣ (***).

(*) Эти эпитеты всѣ встрѣчаются у Гомера въ Ил. II, 632, 714; I, 264; VII, 47; Одис. XIII, 89; Ил. I, 131 и въ др. мѣстахъ.

(**) Подобное у Горація кн. II, ода 20; у Еврипида же между фрагментами.

(***) Т. е. въ Іерусалимъ небесный (Гал. IV, 26). Срав. Діогена Лаэрція въ «Анаксагорѣ».

(*) Эліанъ (var. hist. III, 18) называетъ Гипербореевъ «счастливѣйшими». Живутъ они, по баснословію иныхъ, по тысячѣ лѣтъ. Страбонъ въ кн. XV своей географіи соглашается съ тѣмъ, что говорятъ о нихъ Симонидъ, Пиндаръ и другіе миѳологи. О нихъ нѣчто сообщаетъ и Діодоръ Сицилійскій въ кн. II-й своей «Исторической библіотеки». Геродотъ о нихъ повѣствуетъ въ «Мельпоменѣ».

(**) Элисейскія поля описываетъ Гомеръ въ Одиссеѣ IV, ст. 563 и д., а Вергилій въ Энеидѣ VI, 637 и д.

(***) Разумѣется IX-я кн. его творенія «О государствѣ»; см. подъ конецъ.

КНИГА ПЯТАЯ.

1. О вѣрѣ.

Что говорили мы объ истинномъ мудрецѣ (гностикѣ), то нами говорено было наскоро и мелькомъ; теперь переходимъ къ разсмотрѣнію предметовъ послѣдующихъ и вникнемъ въ вопросъ о вѣрѣ.

По различенію нѣкоторыхъ, вѣра намъ открываетъ Сына, познаніе же приводитъ къ Духу Святому. Но они опускаютъ изъ виду то обстоятельство, что если чистосердечно слѣдуетъ вѣрить въ Сына, въ Его сыновнее достоинство, въ Его пришествіе, въ Его воплощеніе, въ цѣль онаго и въ Его страданія, то не менѣе необходимо и то знать, кто такой Сынъ Божій. Отсюда слѣдуетъ, что нѣтъ познанія, которое не имѣло бы связи съ вѣрой; равно какъ нѣтъ и вѣры, которая не зависѣла бы отъ познанія. Но и Отецъ, если Онъ Отецъ есть, то значитъ не безъ Сына же существуетъ; отчество Отца предполагаетъ собою имѣніе имъ Сына. Это есть единственно истинный Учитель, намъ открывающій Отца. Чтобы вѣрить въ Сына, нужно знать Отца, съ которымъ въ родствѣ Сынъ. И обратно, чтобы познать Отца, нужно первѣе всего вѣрить въ Сына, потому что только Сынъ сообщаетъ намъ вѣдѣніе о Богѣ. И по истинѣ такъ. Ибо это Отецъ чрезъ Сына отъ вѣры ведетъ насъ къ познанію. Познаніемъ же Сына и Отца, по масштабу мудреца истиннаго (гностика), будетъ то, которое состоитъ истиннымъ масштабомъ всякаго познанія; это—постиженіе и обнятіе одной истины при посредствѣ другой (Іоан. XIV, 6, 7). Мы христіане слѣдовательно вѣримъ тому, чему большинство не вѣритъ; намъ открыто знаніе вещей, которыя для другихъ остаются невѣдомыми; т.е. мы знаемъ то, чего большинство не знаетъ и вѣримъ въ то, во что оно не вѣруетъ, а во что вѣрятъ и что знаютъ изъ мудрецовъ (гностиковъ) лишь немногіе. Однакоже истинные мудрецы (гностики) вносятъ память о себѣ и своихъ дѣлахъ (въ книгу живота) не словами только, но и жизнью созерцательной.

Блаженъ, кто говоритъ въ уши его слушающія. Вѣра же есть слухъ, ухо души. И на сію-то вѣру Господь тайно намекаетъ изреченіемъ: *Кто имѣетъ уши слышать, да слышитъ* (Мѳ. XI, 15). Онъ хотѣлъ сказать симъ, что вѣрящій въ Него пусть и понимаетъ говоримое Имъ и пусть придаетъ говоримому именно тотъ смыслъ, который и Онъ самъ, Господь, соединяетъ съ тѣмъ. Гомеръ, древнѣйшій изъ поэтовъ, со словомъ «слышать,» кажется, также соединяетъ мысль о пониманіи, употребляя въ этомъ случаѣ видъ вмѣсто рода. Онъ говоритъ:

. . . . А когда они выслушали
(Одис. VI, 186; Ил. I, 218),

т. е. конечно «поняли». Коротко сказать, и стройное ученіе Учителя и согласіе съ тѣмъ ученіемъ ученика въ своемъ гармоническомъ между собою единствѣ стремятся къ одной и той же цѣли, спасенію. Ссылаюсь въ этомъ на свидѣтеля неложнаго, на Апостола, говорящаго: *Весьма желаю видѣть васъ, чтобы раздѣлить съ вами нѣкое дарованіе духовное къ укрѣпленію вашему, т. е. чтобы чрезъ сопребываніе съ вами получить взаимное утѣшеніе въ вѣрѣ, которая обща и мнѣ и вамъ* (Рим. I, 11, 12). Апостолъ прибавляетъ ниже: *Въ Евангеліи намъ открыто правосудіе Божественное въ мѣру нашей вѣры* (ст. 17). Павелъ признаетъ какъ будто двоякость вѣры; или лучше: вѣра, по его пониманію, одна, но она можетъ возрастать и зрѣть. Вѣра обыкновенная и простая (*) представляетъ собою основу для вѣры болѣе совершенной. Добивавшимся отъ Него востановленія своего здоровья Господь говорилъ: *Вѣра твоя спасла тебя* (Мѳ. IX, 22); потому что они приходили къ Нему, движимые вѣрою. Другая вѣра, вѣра лишь нѣко-

(*) Т. е. вѣра, свойственная народу христіанскому, массѣ христіанъ. Сей вѣрѣ писатель противуполагаетъ вѣру Апостоловъ.

торыхъ избранныхъ, утверждающаяся на знаніи и въ ономъ впередъ поступающая, своей основой имѣетъ вѣру простую и обыкновенную большинства; въ сердцѣ правовѣрнаго она достигаетъ полноты и совершенства, равенства себѣ самой и съ собою согласія отъ проникновенія въ глубочайшіе смыслъ и значеніе заповѣдей и отъ исполненія оныхъ. Таковою была вѣра Апостоловъ; она, по словамъ Евангелія, способна была *горы передвигать и деревья пересаживать* (Мѳ. XVII, 20; Лк. XVII, 6; 1 Кор. XIII, 2). Потому, постигая величіе Господней личности, Апостолы молили Его *умножить въ нихъ* эту *вѣру* (Лк. XVII, 5), которая, *походя на горчичное зерно*, раскидываетъ по душѣ глубокіе и цѣлительные корни и получаетъ въ ней столь широкое развитіе, что подъ ея тѣнью начинаетъ покоиться постиженіе и величественнѣйшихъ тайнъ (Лк. XIII, 18, 19; Мѳ. XIII, 31; Мк. IV, 31), пониманіе христіанскаго народа уже превосходящихъ.

Утверждать же, какъ это Василидъ утверждаетъ, что Бога знать можно вслѣдствіе превосходства своей природы, это значитъ украшать именемъ вѣры и царства небеснаго и усвоять чудесность собственной своей способности разумѣнія; это значитъ превозносить тварь недостойными похвалами и считать ее саму по себѣ способною къ жизни субстанціальной; это значитъ возвышать ее если не до Божественнаго могущества, то по крайней мѣрѣ до субстанціальности бытія, (а не до потенціальности только); это значитъ приближать тварь по сей субстанціальности къ Тому, который даровалъ ей эту самую субстанціальность; это значитъ восхвалять природу неизвѣстно какую, субстанціальность неизвѣстно какую; это значитъ высочайшую красоту признавать за твореніемъ, (а не за Сотворившимъ): это значитъ не хотѣть сказать съ нами, что вѣра есть разумное согласіе души на нормальное пользованіе своей свободой (*).

И Валентинъ утверждаетъ, что онъ спасенъ по праву уже своей личной природы. Но если я независимо отъ своего произволенія проникнутъ вѣрою, если я по природѣ состою избраннымъ, вслѣдствіе превосходствъ ея, какъ этого Василидъ желаетъ, то къ чему тогда и заповѣди завѣтовъ ветхаго и новаго? Поврежденная, павшая наша природа, не могла ли она съ теченіемъ времени сама собою возвыситься до первоначальнаго состоянія и снова и безъ пришествія Христа Іисуса опамятоваться и прежнею красотою возблистать? Еслиже сектанты скажутъ, что необходимо было для сего сошествіе на землю Господа, то чему же послѣ признанія сего будутъ равны всѣ преимущества ихъ природы? Нѣтъ, правильная постановка о семъ ученія такая, что причтеніе къ избраннымъ пріобрѣтается углубленіемъ въ ученіе, очищеніемъ, добродѣтельной жизнью, а не преимуществомъ природы самой по себѣ. Отвѣчайте. Авраамъ, покорная вѣра котораго вѣрила въ голосъ, ему и его потомству подъ дубомъ въ Мамвре (Быт. XVIII, 1) обѣщавшій землю, на которой онъ странствовалъ (Быт. XVII, 8), сей Авраамъ былъ избранъ или нѣтъ? Если онъ не былъ избранъ, то по какой же иной причинѣ, какъ не вслѣдствіе нѣкотораго естественнаго вдохновенія, онъ сей часъ же повѣрилъ? Еслиже онъ былъ избранъ, то ваша система падаетъ въ основахъ, ибо получается доказательство, что избраніе и спасеніе были и до пришествія Господа, такъ какъ послушаніе сего патріарха было вмѣнено ему въ праведность (Быт. XV, 6; Рим. IV, 3).

(*) Василидъ утверждалъ, что нерядовыя разумѣніе и вѣра, а также и царство небесное, свойственны нѣкоторымъ людямъ по самой природѣ ихъ и что они по самой своей природѣ, а не вслѣдствіе праваго пользованія своей волей, достигаютъ подобія Божія и близости къ Нему; вѣра, по его пониманію, была, такъ сказать, привита имъ при первоначальномъ творческомъ актѣ, а не вслѣдствіе доброй жизни она имъ свойственна или вслѣдствіе усвоенія ученія; оттуда Климентъ говоритъ объ усвоеніи Василидомъ творенію красоты неизслѣдимой, безмѣрной, высочайшей.

Еслиже кто, слѣдуя Маркіону, осмѣлился бы сказать, что Творецъ тѣхъ, кто увѣровалъ въ Него, спасалъ и прежде пришествія Господа и избранные значитъ были спасаемы дѣйствіемъ благодати Творца, имъ даровывавшейся, то получается по истинѣ странный пріемъ для превознесенія похвалами могущества Бога благаго! Что? Благій Богъ не прежде прилагаетъ руки къ спасенію людей, какъ видя Творца міра (Диміурга) о нихъ заботящимся? Такъ сектанты сами вынуждены хвалить благодѣянія Творца (Диміурга). Но если Творецъ міра (Диміургъ) спасалъ и прежде пришествія Христова, то этимъ могущество и слава благаго Бога, который былъ Отцомъ Христа, лишь потемняется, такъ какъ сей благій Богъ не самъ по себѣ, а лишь отъ Творца міра (Диміурга) научившись и чрезъ подражаніе Ему (Диміургу), содѣлываетъ людей блаженными. Таковъ нашъ урокъ этому ученику или лучше низкому плагіатору своего предшественника.

Но пусть будетъ по ихнему; я допускаю еретиковъ ученіе, что спасеніе намъ благимъ Богомъ даровано. Но тогда выходитъ, что Его избранники тѣ, которыхъ Онъ спасаетъ; ибо это противорѣчитъ волѣ Творца, что благій Богъ ихъ спасаетъ. Насиліе и хитрость, вотъ орудія Бога, ихъ спасающаго (хотя и благаго). Я спрашиваю Маркіона: По какому же праву они считаютъ сего Бога благимъ, если Онъ заявляетъ себя хитрымъ и дѣйствующимъ насильственно и если Онъ приходитъ на помощь послѣднимъ? Еслиже мѣстопребываніе Вседержителя отлично отъ мѣстопребыванія Бога благаго и лежитъ очень далеко отъ онаго, то смотрите: Воля Бога, дарующаго спасеніе и воля Того, который далъ сему первый примѣръ, между собою сближаются; и значитъ существуетъ только одинъ Богъ, и это есть Богъ благій.

Изъ предшествующаго открывается, что невѣрующіе и еретики безумны. *Пути ихъ искривлены*, говоритъ пророкъ, *и они незнаютъ мира* (Ис. LIX, 8). *Преній же глупыхъ и безполезныхъ избѣгайте*, совѣтуетъ намъ Божественный Павелъ, *ибо ими пораждаются* (лишь) *распри* (2 Тим. II, 23). И Эсхилъ намъ совѣтуетъ

Въ трудахъ суетныхъ не изнурять себя напрасно (*).

Изслѣдованія, согласующіяся съ вѣрою и строимыя на ея фундаментахъ, представляютъ собою зданіе великолѣпное и величественное, въ которомъ, какъ намъ извѣстно, предпочтительнѣйше обитаетъ истина. Мы знаемъ также, что вещи сами по себѣ очевидныя не могутъ быть предметомъ изслѣдованія и обсужденія; днемъ напр. не спрашиваютъ, скоро ли настанетъ день. Равнымъ образомъ не обсуждаютъ вещей неизвѣстныхъ, которыя никогда не могутъ быть выяснены, какъ напр. то, звѣзды существуютъ съ числомъ четнымъ или нечетнымъ. Тоже самое приложимо къ преніямъ о нѣкоторыхъ предмстахъ, допускающихъ рѣшеніе и за и противъ. Это—вопросы, гдѣ каждый изъ противниковъ по произволу можетъ поддерживать и отрицательный отвѣтъ и утвердительный. Таковъ напр. вопросъ: Зародышъ, содержащійся въ маткѣ, есть существо одушевленное или нѣтъ. Остается еще четвертая категорія вопросовъ, когда всякія пренія прекращаются, если одна изъ спорящихъ сторонъ представитъ доводъ непререкаемый и неопровержимый. Послѣ него, когда всѣ основанія для сомнѣнія ниспровергнуты, востаетъ во всей своей силѣ вѣра, тріумфирующая надъ руинами сомнѣнія. Ну! А мы предъявляемъ всѣмъ доказательство рѣшительнѣйшее и окончательное, слово Божіе, само себя въ Писаніяхъ изъясняющее и отвѣчающее на всѣ вопросы, кои составляютъ предметъ нашихъ изслѣдованій. Найдется ли хотя одинъ человѣкъ настолько нечестивый, настолько чуждающійся Бога, что не захочетъ вѣрить слову Его? Потребуетъ ли онъ въ дополненіе къ сему отъ Бога еще такихъ же доказательствъ, какихъ требуютъ отъ людей?

И потомъ изъ разныхъ вопросовъ, подлежащихъ изслѣдованію, одни не имѣютъ никакого смысла, какъ напр. горячъ ли огонь, бѣлъ ли

(*) Стихъ этотъ встрѣчается въ «Скованномъ Прометеѣ».

снѣгъ; предложеніе же другихъ, по замѣчанію Аристотеля, заслуживаетъ порицанія и осужденія. Таковъ напр. вопросъ: Нужно ли почитать родителей (*). За другіе предлагающій ихъ стоилъ бы наказанія; таковъ напр. вопросъ: Чѣмъ можно доказать существованіе Провидѣнія.

(Итакъ существованіе Провидѣнія несомнѣнно). При несомнѣнномъ же существованіи Провидѣнія думать, что пророчества и величественнѣйшее домостроительство воплощенія не были дѣломъ Провидѣнія, есть уже нечестіе. Можетъ быть, лучше даже и воздержаться отъ доказыванія этихъ высокихъ истинъ, потому что Божественное провидѣніе само о себѣ свидѣтельствуетъ всѣми своими твореніями, обнаруживающими въ одно и тоже время и мудрость и красоту; и объ однихъ изъ сихъ дѣлъ творческихъ мы знаемъ потому, что они предъ нами, другія же открываемъ, въ нихъ вникая. Тотъ, кто даровалъ намъ бытіе и жизнь, Онъ же насъ одарилъ и разумомъ, желая чтобы мы сообразовали свою жизнь съ предписаніями разума и своего блага. Потому что Слово (Логосъ) Отца всѣхъ вещей не есть что либо внѣшнее въ родѣ нашего слова. Логосъ есть мудрость и благость Божія, явленныя во всѣхъ дѣлахъ Его; Онъ представляетъ собою безконечное и истинно божественное всемогущество, понятное всѣмъ, даже и тѣмъ, которые не хотѣли бы его признавать; это—воля, въ своемъ всемогуществѣ обнимающая все.

Но такъ какъ нѣкоторые остаются невѣрующими, а другіе охочи до споровъ, то здѣсь причина, почему не всѣ добираются до пониманія совершенства добра. Достиженіе сего невозможно безъ плана, энергично предначертаннаго заранѣе. Впрочемъ не все зависитъ и отъ нашей воли, какъ напр. наша будущность. Спасаетъ насъ единственно благодать (Еф. II, 5), однакоже не одна благодать, но соотвѣтствіе себѣ встрѣчающая въ нашихъ добрыхъ дѣлахъ. Мы самымъ своимъ происхожденіемъ предназначены къ добродѣтели; но чтобы обладать ею, для сего мы должны развивать нѣкоторыя усилія. Для этого стремленія къ добродѣтели требуется и здравый и простой разсудокъ, который не позволялъ бы себѣ останавливаться въ своихъ домогательствахъ никакими печалями и горемъ. Особенно же мы нуждаемся для сего въ божественной благодати, въ ученіи проникнутомъ мудростью, въ цѣломудренныхъ и добрыхъ склонностяхъ; а главное и наконецъ нужно просить Отца насъ влечь къ Себѣ (Іоан. VI, 44). Соединены будучи съ симъ земнымъ тѣломъ, вещи чувственныя мы постигаемъ чрезъ чувства тѣлесныя, вещи же созерцанію подлежащія мы постигаемъ лишь разумомъ. Ожидать, что все можно будетъ понять, если все будетъ постигнуто что подлежитъ чувствамъ, это значитъ уклоняться отъ истины весьма далеко. Вотъ почему говоритъ Апостолъ, что Богъ познается духовно. *Видимъ Его теперь*, говоритъ онъ, *какъ бы въ зеркалѣ, тогда же познаемъ лицомъ къ лицу* (1 Кор. XIII, 12). И дѣйствительно, зрѣть истину дано лишь немногимъ изъ смертныхъ. Это-то обстоятельство и заставило Платона сказать въ «Эпиномидѣ»: «Не смѣю утверждать, что блаженства и благоденствія могутъ достигать всѣ; это—доля лишь немногихъ. Во время этой жизни на бо́льшее я надѣяться и не могу. По смерти же надѣюсь владѣть всѣми благами». Не ту же ли самую мысль выражаютъ и эти слова Моисея: *Никто не увидитъ лица Моего, оставаясь въ живыхъ* (Исх. XXXIII, 20). Ясно слѣдовательно, что въ теченіе этой временной жизни познать Бога въ совершенствѣ не можетъ никто. *Чистые же сердцемъ*, по достиженіи ими высшаго совершенства, *узрятъ Бога* (Мѳ. V, 8). И такъ какъ наша душа была слишкомъ слаба для уразумѣнія того, что слѣдовало бы ей понимать, то и нуждалась она въ Божественномъ Наставникѣ. Посему съ высоты небесъ былъ посланъ на землю Господь для наученія человѣчества добру, для привитія къ нему добродѣтели; величественнымъ и таинственнѣйшимъ образомъ Онъ посвятилъ человѣчество въ великія

(*) Относящееся сюда мѣсто находится въ Аристотел. Topic. I, 11.

тайны Провидѣнія. Итакъ *что же сдѣлалось съ учеными законовѣдами*, говоритъ Апостолъ; *что съ умами любознательными, неравнодушными къ успѣхамъ вѣка своего? Не обнаружилъ ли Богъ безуміе мудрости міра сего* (1 Кор. I, 20)? И въ другомъ мѣстѣ: *Ниспровергну мудрость мудрецовъ и отрину знанія ученыхъ* (1 Кор. I, 19; Ис. XXIX, 14), тѣхъ т.-е., кои лишь воображаютъ себя мудрецами, на дѣлѣ же пристрастны только къ спорамъ. Какою глубиною проникнуты совѣты Іереміи! *Вотъ что говоритъ Господь: Станьте на путяхъ и распросите о путяхъ древнихъ, чтобы узнать вамъ путь добрый и ходите по нему и найдете средства очистить свои души* (Іер. V, 1, 4, 5). Расспрашивайте, говоритъ пророкъ, знающихъ, обращайте вниманіе на говоримое ими, но за тѣмъ чтобы слушаться, а не за тѣмъ чтобы состязаться и затѣвать распри. Разузнавши путь истины, мы должны идти по нему, назадъ никогда не оглядываясь, доколѣ не достигнемъ цѣли нашихъ желаній. Были посему значитъ разумные поводы для царя Римлянъ Нумы, послѣдователя ученій Пиѳагора, первый построенный имъ храмъ посвятить Вѣрѣ и Миру (*). *Аврааму*, вѣрившему въ слово Божіе, его *вѣра была вмѣнена въ праведность* (Рим IV, 3, 5, 9, 22). Этотъ праведникъ древнихъ временъ (**) первоначально отдавался созерцанію явленій, происходящихъ въ воздухѣ; онъ любопытнымъ и размышляющимъ взоромъ слѣдилъ за движеніемъ звѣздъ, катящихся по небу. Вотъ почему онъ и назывался Аврамъ, т.-е. «величественный отецъ». Но вотъ, однажды поднявъ глаза къ небу или же въ духѣ зря Сына, какъ полагаютъ нѣкоторые (***), или же Ангела облеченнаго славою

(*) Срав. Плутарха въ біографіи Нумы; Ливія въ кн. I; Діонисія Галикарнасскаго во II-й кн. «Римскихъ древностей.»

(**) Въ дальнѣйшемъ писатель слѣдуетъ Филону. Такъ этотъ разсуждаетъ о семъ праведникѣ въ трактите «De Abrahamo» и «De nominum mutatione».

(***) Онъ по нѣкоторымъ явился Аврааму (Быт. XVII, 1). Нѣкоторые же называютъ Его Ангеломъ Божіимъ. Большая же часть древнихъ отцовъ церкви разумѣютъ подъ Явившимся единороднаго Сына Божія. Срав. Іустина въ «Разговорѣ съ Трифономъ».

или же инымъ какимъ либо образомъ дошедъ до познанія Бога (*) и признавъ, что Онъ тысячекратно дивнѣе всего сотвореннаго и всей оное проникающей гармоніи, умножаетъ свое имя альфою, символомъ, что онъ позналъ единаго Бога и вмѣсто Аврамъ начинаетъ именоваться Авраамомъ. До сей поры онъ былъ изслѣдователемъ тайнъ природы; съ сей же поры содѣлался онъ мудрецомъ и другомъ Божіимъ. «Авраамъ» это слово и дѣйствительно собою означаетъ «избранный отецъ», «отецъ громкій», потому что слово это, если хотятъ его произнесть внятно, произносятъ громко (**). «Отецъ», сіе понятіе состоитъ духомъ сего слова; а понятіе «избраннаго» состоитъ духомъ человѣка добродѣтельнаго (***).

Не нахожу словъ, чтобы по достоинству восхвалить поэта Акрагантинскаго (Эмпедокла), прославляющаго вѣру въ такихъ стихахъ:

Возлюбленные! То я знаю, что въ основѣ моихъ рѣчей
Лежитъ истина. Но послушаніе истинѣ
Вещь трудная и тяжелая:
Порывы вѣры съ трудомъ проникаютъ въ человѣческое сердце.

Вотъ почему и Апостолъ насъ приглашаетъ *не основывать нашей вѣры на мудрости человѣческой*, которая хвастается, что владѣетъ тайною убѣждать другихъ, *но на силѣ Божіей* (1 Кор. II, 5), могущей приводить къ спасенію путемъ единственно чистой и простой вѣры, безъ всякаго содѣйствія какихъ либо доказательствъ. «Кто всѣхъ лучше умѣетъ другихъ спасать, говоритъ Гераклитъ Ефесскій, какъ не тотъ, добродѣтель коего всего болѣе была испытываема». Онъ прибавляетъ, что «настанетъ день, въ который (Божественное) правосудіе явится съ отмщеніемъ здателямъ и проповѣдникамъ лжи». Зналъ уже значитъ

(*) По Филону.

(**) Тоже Филонъ въ «De mutatione».

(***) Тоже по Филону.

и этотъ философъ, заимствовавъ свѣдѣніе о семъ изъ варварской (еврейской) мудрости, что настанетъ очищеніе огнемъ для тѣхъ, кои жили здѣсь дурно (*). У учениковъ портика это очищеніе позднѣе было извѣстно подъ именемъ всеобщаго пожара (**). Ибо послѣ того же самого философа Стоики учатъ, что отличающіеся такими-то и такими качествами вновь оживутъ. У нихъ всегда было значитъ ученіе о воскресеніи(***). Платонъ (въ «Тимеѣ») говоритъ, что земля въ разныя времена была очищаема водой и огнемъ. Вотъ его слова о семъ: «Изъ всѣхъ бичей, коими уже множество поколѣній было сгоняемо съ лица земли, вода и огонь были тѣми, которыми было унесено наибольшее ихъ количество, не смотря на то, что дѣйствіе ихъ сравнительно съ тысячею другихъ земныхъ бѣдствій менѣе продолжительно». Немного послѣ онъ прибавляетъ: «Это истина, что по истеченіи долгаго періода времени и послѣ того какъ всѣ свѣтила, катящіяся кругомъ земли и по небу, совершатъ свое обращеніе, разразится громадный всеобщій пожаръ, имѣющій произвесть въ нѣкоторой части небесной сферы разореніе». Потомъ онъ говоритъ о потопѣ: «Когда боги, для очищенія земли водою, посылаютъ на нее наводненія, люди, живущіе на горахъ, смерти избѣгаютъ. Это номады и пастыри воловъ; жители же нашихъ городовъ уносятся волнами въ море».

Въ первой книгѣ сихъ нашихъ «Строматъ» мы доказывали, что эллинскіе мудрецы заслуживаютъ названія плагіаторовъ за похищеніе у Моисея и пророковъ главныхъ изъ ихъ началъ; источникъ же, изъ коего они ихъ заимствовали, былъ ими неблагодарно скрываемъ. Мы прибавимъ къ сему слѣдующее. Тѣ изъ ангеловъ, которымъ по раздѣлу было отведено для мѣстопребыванія небо, нѣкоторые унизились до удовольствій постыдныхъ (сластолюбія), часть Божественныхъ тайнъ и все, что сами знали, открыли женщинамъ, красотою коихъ были увлечены, тогда какъ другіе сокровище сихъ тайнъ скрывали или лучше со-

(*) По Гераклиту огонь — начало всѣхъ вещей, имъ же все снова и разложено будетъ.

(**) Стоики учили о двоякой гибели міра, при посредствѣ воды и огня. Все, по ихъ ученію, произошло изъ взаимодѣйствія между тепломъ и влажностью. И міръ произошелъ изъ огня, послѣ того какъ огненная субстанція его подъ вліяніемъ воздуха превратилась во влажную. Отсюда и ученіе ихъ о новомъ обращеніи міра въ субстанцію огненную.

(***) Какъ Гераклитъ такъ и Стоики учили, что міръ имѣетъ быть обновленъ огнемъ. Оригенъ противъ Цельса (V, 20): «Стоики учатъ, что по истеченіи нѣкотораго очень длиннаго періода времени сей міръ сгоритъ, затѣмъ снова обновится и опять получитъ видъ, по коему вполнѣ будетъ походить на міръ прежде существовавшій». Потомъ онъ прибавляетъ: «Итакъ слова «воскресенія» они хотя и не употребляютъ, понятіе же, выражаемое етимъ словомъ, они принимаютъ». Противъ сего нужно замѣтить, что и Климентъ и Оригенъ въ семъ слишкомъ много чести уступаютъ Стоикамъ. Ни одинъ Стоикъ не могъ въ то вѣрить, что христіане понимаютъ подъ словомъ «воскресеніе». Они вѣрили, что тѣже самые люди, которые жили въ мірѣ, сгорѣть имѣющемъ, они же самые возникнутъ для жизни и въ мірѣ обновиться имѣющемъ; и именно произойдетъ это такимъ же образомъ, какъ теперь происходитъ: они снова рождены будутъ прежними своими родителями и поведутъ прежній свой образъ жизни, проживутъ столько же времени и такъ же, какъ жили прежде. Но это совсѣмъ не то, что христіанское «воскресеніе». По христіанскому пониманію тѣла истлѣвшія силою Божественнаго всемогущества будутъ снова возстановлены и со своими безсмертными душами вновь соединятся для безсмертной жизни. Но это совсѣмъ не то, о чемъ учили Стоики, будто человѣкъ въ силу обыкновеннаго теченія вещей въ иномъ мірѣ возродится для той же самой жизни. Подобныя неумѣстныя сравненія языческихъ и христіанскихъ ученій лишь путь пролагали къ разнаго рода искаженіямъ откровенной истины; такія сопоставленія еще и до сихъ поръ иногда дѣлаются; нужно же видѣть въ христіанскихъ ученіяхъ, по высшей духовности ихъ, и высшую ступень, на которую возведено человѣчество.

хранили до времени пришествія Господа (*). Отсюда проистекло ученіе о Провидѣніи и обнаруженіе вещей Божескихъ. Кромѣ того идеи пророковъ уже дошли до Эллиновъ чрезъ переводы. Когда эллинскіе мудрецы вникли въ ученія пророковъ, они разомъ постигли всю суть дѣла, уловивъ тотчасъ истинный смыслъ пророческихъ наставленій; по мѣстамъ же они и заблуждались, по неумѣнью проникнуть за аллегорическую завѣсу пророчествъ. Мы намѣрены касательно сего пункта сдѣлать нѣсколько замѣчаній, какъ скоро приступимъ къ разсмотрѣнію другихъ вопросовъ тоже крайне важныхъ.

Мы утверждаемъ, что вѣра не должна быть изолируема отъ знанія, быть дѣломъ какимъ-то празднымъ, а должна стоять въ связи съ духомъ пытливости. Далека отъ насъ мысль чуждаться изслѣдованій. *Ищите*, говоритъ Господь, *и найдете* (Мѳ. VII, 7; Лк. XI, 9). По Софоклу,

Истина, если ее искать дѣятельно, можетъ быть открыта;
Она ускользаетъ лишь тогда, если ея добиваются вяло.
(Изъ Эдиподъ).

Подобное же говоритъ комикъ Менандръ (въ «Эвнухѣ»):

Всѣ мудрецы того мнѣнія, что искомаго должно искать внимательно и заботливо.

Но изслѣдованіемъ должна управлять прозорливость; нужно устранять при семъ всѣ обстоятельства, которыя могли бы препятствовать открытію истины. Не слѣдуетъ служить при семъ демону недоброжелательства и раздоровъ; разстаться нужно съ этой охотой къ спорамъ; это одинъ изъ самыхъ гибельныхъ бичей человѣчества. Умно и благородно Фліасіянинъ Тимонъ пишетъ о семъ слѣдующее:

Тогда споръ сводится къ пустопорожнимъ, хотя и звонкимъ, словамъ.
Нѣтъ чудовища болѣе лютаго. Это подруга и достойная сестра распри.
Она нападаетъ на все, проникаетъ всюду.

(*) Срав. «Педагога» III, 2; «Стром.» I. 17; III, 7.; VI, 17 и проч.

Потомъ, прочно утверждаясь въ зломъ духѣ человѣка,
Она устремляетъ его къ безумнымъ надеждамъ.

Поэтъ прибавляетъ:

Кто горячностью проникъ ихъ, чтобъ сражаться столь яростно?
Кто оружіемъ вооружилъ ихъ руки для борьбы столь жестокосердой?
Это толпа, соперница нимфы Эхо.
Раздраженная Молчаніемъ и Осторожностью,
Она распространила разъ эпидемію словъ между людьми,
И массами сталъ мереть народъ (*).

Поэтъ пользуется здѣсь силлогизмами: псевдоменомъ, дилеммой, діалелетой, соритомъ, доказательствомъ сокрытымъ, амфиболіей и софизмомъ (**).

Углубляться же въ исканіе Бога съ цѣлію приблизиться къ Нему, а не изъ пустой любви къ спорамъ, представляетъ собою трудъ благотворный, ибо написано у Давида: *Бѣдные поѣдятъ и сыты. Вы, ищущіе Господа, превозносите Его хвалами, и сердца ваши будутъ жить во вѣки* (Пс. XXI, 27). Что это значитъ? А то, что ищущимъ Господа, истинно Его ищущимъ, съ хвалами Ему на устахъ Его ищущимъ, сіе будетъ даровано; они будутъ преисполнены знаніемъ, исходящимъ отъ Бога; и душою своей они будутъ жить. Св. царь называетъ здѣсь душу сердцемъ, потому что сердце есть исходный пунктъ нашей жизни. И *душой своей они будутъ жить*, потому что чрезъ Сына они доходятъ до постиженія Отца. Однакоже не слѣдуетъ дарить довѣріемъ всѣхъ тѣхъ, которые и говорятъ и пишутъ безъ малѣйшей осторожности. Сосуды, которые часто бываютъ хватаемы за уши, т. е. за ручки,

(*) Фліасіянинъ Тимонъ первоначально былъ сценическимъ танцоромъ; потомъ сдѣлался ученикомъ Пиррона и писалъ ѣдкіе стихи на философовъ. Въ стихахъ, приводимыхъ Климентомъ, предлежитъ очевидно пародія на первые стихи Иліады.

(**) Все это различныя формы силлогизмовъ, употреблявшихся въ древнихъ школахъ и новѣйшихъ схоластическихъ, и болѣе истощавшія человѣческій духъ, нежели ему служившія.

портясь и изнашиваясь отъ тренія, скоро лишаются своихъ ушей и кончаютъ тѣмъ, что падая на землю разбиваются. Тоже самое бываетъ и съ тѣми, кто цѣломудренныя уши своей вѣры унижаетъ и безславитъ выслушиваніемъ разнаго многочисленнаго мірскаго вздора: они наконецъ дѣлаются глухими къ голосу истины и пресмыкаются по землѣ, къ добру дѣлаясь безсильными. Иносказательное изъ сего приложеніе, съ коимъ мы обращаемся къ дѣтямъ, таково: «Привѣтствуйте вашихъ друзей и вашихъ ближнихъ, касаясь ихъ ушей» (*), исполненныхъ мудрости, символически и молчаливо чрезъ сіе то изображая, что чувствомъ слуха посредствуется въ душѣ чувство любви. *Богъ есть любовь* (1 Іоан. IV, 16) и Онъ открывается всѣмъ, кто Его любитъ. *Богъ и вѣренъ* (1 Кор I. 9; X, 13) и Онъ свидѣтельствуетъ о Себѣ вѣрнымъ чрезъ заповѣди. Нужно, чтобы мы соединялись съ Нимъ узами Божественной любви, дабы при содѣйствіи святости, насъ уподобляющей Ему, созерцать намъ Его безконечную святость, внимая ухомъ послушнымъ и искреннимъ слову истины, походя по послушанію на чистыхъ и простыхъ дѣтей. Таковъ таинственный смыслъ надписи, чья бы ни была это рука, ее вырѣзавшая у входа въ храмъ въ Епидаврѣ:

Слѣдуетъ чистымъ входить за священную ограду сего храма.

Чистота же сія состоитъ въ святыхъ мысляхъ.

Если вы не будете какъ эти дѣти, говоритъ Господь, *то не войдете въ царство небесное* (Мѳ. XVIII, 3). И въ самомъ дѣлѣ, храмъ Божій (мужъ по истинѣ благочестивый) здѣсь на землѣ оказывается утверждающимся на такихъ трехъ основныхъ началахъ: на вѣрѣ, надеждѣ и любви.

(*) Объ этомъ обычаѣ упоминаетъ и Плутархъ въ De auditu. Было обычно, цѣлуя малыхъ дѣтей, касаться ихъ уха и приглашать ихъ къ тому же; этимъ внушалось имъ, что тѣхъ, кто говоритъ имъ что либо и тѣмъ желаетъ имъ оказать полезное, они особенно должны слушаться.

2. О надеждѣ.

Отъ эллинскихъ писателей осталось намъ довольно свидѣтельствъ въ подкрѣпленіе вѣры. Подбирать же мѣста, гдѣ они говорили о надеждѣ и любви, это значило бы пускаться въ разсужденія безъ конца. Достаточно сказать, что въ «Критонѣ» Сократъ, предпочитая жизни (лишь растительной и животной) жизнь и смерть славныя, утверждаетъ, что и по смерти онъ надѣется на другую жизнь Раскрываю его «Федра» и читаю: «Душа, освободившись изъ подъ власти чувствъ и начавъ жить лишь своей собственной жизнью, можетъ касаться мудрости истинной и высшей, какая только возможна для человѣческихъ силъ. Это происходитъ, когда любовь на своихъ крыльяхъ возвышаетъ ее отъ земли на небо и чрезъ любовь мудрецу свойственную приводитъ ее къ цѣли его надеждъ». «Тогда, говоритъ онъ, настаетъ для нея начало другой жизни, вѣчной». Въ «Симпозіонѣ» читаемъ: «Каждому изъ существъ врождено желаніе породить существо себѣ подобное. Человѣкъ рождаетъ человѣка; человѣкъ добродѣтельный—человѣка ему подобнаго. Но добродѣтельнымъ стать нельзя безъ совершенныхъ добродѣтелей, въ коихъ онъ могъ бы служить примѣромъ для приходящихъ къ нему молодыхъ людей». «Тогда, по словамъ Ѳеэтета, онъ въ состояніи становится порождать и производить людей. Потому что одни оказываются одаренными плодовитостью душевной, другіе же плодородіемъ тѣлеснымъ». Нѣтъ ничего правѣе какъ образовывать душу, наставляя ее въ вѣрѣ и открывая ей глаза на свѣтъ истинный (Еф. I, 8; Іоан. I, 4, 5. 7, 9 и проч.; Евр. VI, 4); это и въ философіи варварской (*) извѣстно подъ именемъ «возрожденія». *Это я благовѣствованіемъ во Христѣ Іисусѣ родилъ васъ*, говоритъ въ одномъ мѣстѣ своихъ посланій Божественный Павелъ (1 Кор. IV, 15). Эмпедоклъ къ числу принциповъ отнесъ любовь, изъ которой онъ дѣлаетъ симпатическую силу, все

(*) Т.-е. христіанской.

объединяющую и во всемъ поддерживающую всеобщую гармонію. «Имѣйте ее, говоритъ онъ, предъ своимъ душевнымъ взоромъ; глазами же тѣлесными вы никогда ее не увидите, потому что ея нѣтъ въ матеріи». Парменидъ въ своей поэмѣ также намекаетъ на надежду:

Считай въ мысли вещи отсутствующія существующими
Съ той же увѣренностью, какъ еслибъ онѣ были на лицо.
Потому что твой умъ никогда не въ состояніи отдѣлить то, что есть, отъ того, что будетъ,
Ни вещей, повсюду разсѣянныхъ, отъ тѣхъ, кои сосредоточены на одномъ мѣстѣ.

3. Предметы какъ вѣры такъ и надежды постижимы лишь разумомъ.

Какъ вѣрующій такъ и надѣющійся предметы своей вѣры и надежды постигаютъ единственно разумомъ; только онымъ они ощутимы, они сокрытые въ нѣдрахъ будущаго. Когда мы говоримъ, что такое-то дѣло правое и законное, а это достославное и честное, а равнымъ образомъ, когда утверждаемъ о чемъ либо, что то истинно: то все это мы наблюдаемъ не тѣлесными чувствами, а примѣчаемъ то глазомъ исключительно духовнымъ, а именно разумомъ. *Я есмь истина* (Іоан. XIV, 6), говоритъ Логосъ Божій; слѣдовательно только разумомъ Онъ можетъ быть созерцаемъ. «Кто, по вашему мнѣнію, состоитъ истиннымъ мудрецомъ (философомъ)»? Для меня это вопросъ уже рѣшенный. «Истинными мудрецами (философами) состоятъ охотно отдающіеся созерцанію истины»(*). Платонъ отождествляетъ въ «Федрѣ» истину (**) съ идеей. А идея, т. е. мысль безконечная, вѣчная, есть разумъ Божій,—то, что варвары (христіане) именуютъ Логосомъ Божіимъ. Но мы будемъ говорить лучше подлинными словами великаго философа: «Смѣло слѣдуетъ высказывать истину, особенно когда и рѣчь идетъ объ истинѣ. Субстанція истинная безцвѣтна, безформенна, неосязаема, не можетъ быть созерцаема инымъ кѣмъ кромѣ какъ Кормчимъ (души) Богомъ» (*) Происходя изъ Отца, Логосъ себя проявляетъ вовнѣ, ставъ виновникомъ и причиной творенія. Потомъ Онъ самъ рождается во времени, *плоть на себя принявъ* (Іоан. I, 14), чтобы могъ быть зримымъ нашими плотскими очами. Праведникъ посему стремится къ изслѣдованіямъ, имѣющимъ свой источникъ въ любви; въ сферѣ ихъ обрѣтается имъ и блаженство. *Стучите, и вамъ отворятъ; просите, и вамъ дано будетъ* (Мѳ. VII, 7). *Берущими царство небесное* состоятъ *употребляющіе усиліе* на то (Мѳ. XI, 12); а средствами къ сему для нихъ служатъ не софизмы и споры, гордостью напыщенные, а неутомимое постоянство благочестія; энергіей, которая обращена ими на достиженіе царства небеснаго, состоятъ *непрестанныя молитвы* (1 Сол. V, 17), освобождающія ихъ отъ упрековъ за прежніе грѣхи.

Ты можешь, говоритъ поэтъ, торжествовать надъ зломъ и всѣмъ его могуществомъ (**):
Борющемуся мужественно и Богъ помогаетъ (***).
Благосклонность Музъ не всякому встрѣчному даруется (****).

Для достиженія ея требуются усилія и овладѣвать ею можно только приступомъ. Сознаваться, что ничего не знаешь, для того, кто ходитъ въ духѣ Логоса, есть первая ступень знанія. Этотъ человѣкъ былъ невѣдущимъ, потомъ онъ сталъ искать и ища обрѣлъ учителя, а нашедши онъ сталъ вѣрить ему; вѣруя онъ сталъ надѣяться на него; проникаясь надеждою, онъ сталъ воспламеняться и любовію, стремясь овладѣть предметомъ своей любви,

(*) Платонъ въ кн. V-й «О государствѣ».

(**) Платонъ это говоритъ о душѣ, но Климентъ считалъ за болѣе приличное примѣнить къ истинѣ или истинному, т. е. христіанскому, ученію.

(*) «Богомъ», это добавка уже Климента, у Платона ея нѣтъ; о Богѣ у Платона говорится въ данномъ мѣстѣ особо.

(**) Гезіода «Дѣла и Дни» I, 285.

(***) Въ кн. VI сихъ «Строматъ» стихъ этотъ приписывается Еврипиду, филологи же приписываютъ сей стихъ то ему, то Алексису, то Гипполиту.

(****) И это стихъ изъ какого-то лирическаго поэта.

но въ свою очередь и самъ стараясь содѣлаться тѣмъ, чѣмъ состоитъ предметъ его любви. Таковъ приблизительно методъ, который Сократомъ рекомендуемъ былъ Алкивіаду. «Думаешь ли ты, спрашивалъ Сократа этотъ молодой Аѳинянинъ, что инымъ образомъ я не могъ бы узнать, что такое праведный»?—Ты могъ его знать, если разъ видѣлъ его. «И ты думаешь. что я не видалъ его»? Видѣлъ, если искалъ. «Думаешь ли, что я не искалъ его»? Искалъ, когда думалъ, что его незнаешь (*).

Таково же символическое значеніе и свѣтильниковъ, кои мудрыми дѣвами были возжены среди густаго мрака невѣжества, называемаго въ Писаніи ночью (Мѳ. XXV, 1 и д.). Подобны этимъ дѣвамъ разумнымъ и непорочнымъ души, которыя постигая, что онѣ живутъ въ этомъ мірѣ среди мрака, возжигаютъ свои лампы, будятъ свое разумѣніе, озаряютъ тьму ихъ окружающую, разсѣваютъ мракъ невѣжества, ищутъ истины и ожидаютъ появленія Учителя. «Толпа, говорилъ я себѣ, не можетъ быть мудрой» (**).

Много находится носителей тирса (жезла Вакхова),
но немногіе бываютъ вдохновляемы симъ богомъ (***).

Таково мнѣніе Платона. Дѣйствительно, *много званныхъ, но немного избранныхъ* (Мѳ. XX, 16). *Не во всѣхъ*, говоритъ Апостолъ, *знаніе* (1 Кор. VIII, 7). Итакъ *молитесь за насъ, чтобы намъ избавиться отъ людей глупыхъ и лукавыхъ, ибо вѣра не во всѣхъ* (2 Сол. III, 1, 2). Философъ портика Клеанѳъ ту-же самую мысль выражаетъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Хочешь скорѣе достигнуть мудрости? Не добивайся извѣстности.
Не страшись и мнѣнія людей безтолковыхъ и мѣднолобыхъ болвановъ (нахальныхъ).
Судительной способности и разумѣнія нѣтъ у сей ватаги людей, водящихся побужденіями спутанными и произвольными.

(*) Изъ Платонова діалога «Алкивіадъ первый».

(**) Слова Платона изъ VI кн. его творенія «О государствѣ».

(***) Вакхъ не былъ сначала богомъ пьянства, а поэтическаго одушевленія. Приведенная пословица встрѣчается въ Платоновомъ «Федонѣ».

На силу встрѣтишь ты это сокровище разума лишь
въ нѣкоторыхъ избранныхъ изъ смертныхъ.

Комическій поэтъ (*) выражается съ большей краткостью и въ болѣе положительной формѣ:

Не слѣдуетъ людямъ невѣжественнымъ, не стѣсняющимся принципами и приличіями, ввѣрять того, что прекрасно.

Эти поэты и философы, какъ я полагаю, слышали нѣкоторые отголоски вѣчной мудрости, намъ говорящей: *Среди неразумныхъ не трать словъ и береги ихъ до другаго времени, а среди благоразумныхъ надерживайся постоянно* (Сир. XXVII, 12). И въ другомъ мѣстѣ: *Мудрые въ себѣ скрываютъ знаніе* (Притч. X, 14). Почему такъ? Потому что толпѣ (людямъ неотесаннымъ, свое несущимъ, т. е. произвольно дѣйствующимъ и вопреки истинѣ свое говорящимъ) нужны болѣе ощутительные залоги и доказательства въ подтвержденіе истины; спасительныхъ же счастія и блаженства, проистекающихъ единственно изъ вѣры (въ начала), для нея недостаточно.

Опасно вѣрить словамъ людей пустыхъ и плутовъ (**),
Хотя они часто занимаютъ высокое положеніе въ обществѣ.

Слушайте преподаваемое нашей музой:
Не съ словесными обертками имѣй дѣло; ищи знанія въ глубинѣ твоей души.

«Это постоянная замашка калекъ умственныхъ и нравственныхъ, говоритъ Эмпедоклъ, желать торжества надъ истиной посредствомъ подрыва вѣры и распространенія невѣрія». А что наши ученія основываются на доказательствахъ твердыхъ и достовѣрныхъ, Эллины сіе лучше уразумѣютъ, если они обратятъ болѣе серьезное вниманіе на разъясненія послѣдующія. Подобному у подобныхъ учатся. Та же мысль содержится и въ слѣдующемъ приточномъ изреченіи Соломона объ *отвѣчаньи* (*и не отвѣчаньи*) *глупому по глупости его* (Притч. XXVI 5). Тѣмъ же, кто спрашиваетъ объ (истинной)

(*) Неизвѣстный.

(**) Намекъ на софистовъ и софистику, отравившую все древнее общество до самаго верху. Срав. Яр. еп. вѣд. 1884 г. № 8.

человѣческой мудрости и элементахъ ея, нужно отвѣчать преднесеніемъ ученій аналогичныхъ же, съ коими они уже коротко знакомы, чтобы на путяхъ, коими они уже идутъ, легче довесть ихъ до вѣры въ слово истины. *Для всѣхъ*, говоритъ Апостолъ, *я сдѣлался всѣмъ, дабы всѣхъ ихъ пріобрѣсть* (1 Кор. IX, 22). Дождь Божественной благодати не падаетъ ли онъ одинаково какъ на добрыхъ такъ и на злыхъ (Мѳ. V, 45)? *Ужели Богъ есть Богъ Евреевъ только*, восклицаетъ преславный Апостолъ. *Не есть ли Онъ Богъ и язычниковъ? Да, конечно, Онъ есть Богъ также и язычниковъ, потому что существуетъ только одинъ Богъ* (Рим. III, 29, 30).

4. Писатели, какъ языческіе такъ и священные, преданія, относящіяся къ Божеству, обыкновенно раскрываютъ подъ покровомъ аллегорій.

Вы отказываетесь вѣрить въ добро и въ спасительную мудрость, (собой представляющую сліяніе любви и истины, истины и блага,—высшаго, умственнаго и нравственнаго, совершенства), подъ предлогомъ, что съ вашей стороны это было бы неблагоразумно. Пусть будетъ по вашему. Но вотъ мы принимаемъ же ваши ученія, ибо все исходитъ отъ Бога; а особенно прекраснѣйшія и возвышеннѣйшія изъ вашихъ ученій суть заимствованія у насъ; ихъ мы и изложимъ предъ вами языкомъ, который вы способны будете понимать. Толпа (большинство людей грубыхъ и пошлыхъ), мѣркою мудрости, или высшей правды, принимаетъ не самую истину, а то что льститъ чувственности; и для нея нѣтъ ничего любезнѣе вещей, кои съ ней самой схожи. Но внѣ Божественнаго общества только и могутъ держаться люди лишь недальновидные и тупоумные, пустые и несмысленные, т. е. и неспособные къ постиженію и уразумѣнію (Божественной истины), къ неустрашимости и зоркости (въ ея воспринятіи и исповѣданіи). Этими свойствами отличается лишь душа, (уже отъ природы) расположенная къ дѣятельности созерцательной; (или лучше) эти качества даруются ей лишь Спасителемъ. Безъ нихъ же она остается нравственно-нечистою, неспособною и недостойною принятія и содержанія чистой, святой и достопочтенной истины, остается и живетъ внѣ законовъ порядка и гармоніи, будучи погружена въ матерію. Поэтому-то нечестивцы и не бываютъ допускаемы на мистеріи. Равнымъ образомъ и изъ хора устраняется человѣкъ, незнающій ни танцевъ, ни музыки и пѣнія. *Вещи духовныя мы и сообщаемъ духовнымъ* (1 Кор. II, 13). По сей-то конечно причинѣ Египтяне это по истинѣ божественное, священное и для насъ столь необходимое слово истины, символически представляли покоящимся во святая святыхъ своихъ храмовъ, а Евреи еще отдѣляли оное отъ храма завѣсою (Евр. IX, 3 и д.). Входить во святая святыхъ, поднимая для сего таинственную завѣсу, было позволено только лицамъ, особо для того назначеннымъ, т. е себя посвятившимъ Богу, обрѣзавшимъ въ своемъ сердцѣ пожеланія нечистыя, дабы освободить здѣсь мѣсто для любви къ одному Богу. Платонъ также считалъ непотребствомъ нечистому касаться чистаго (*). И вотъ почему пророчества и прорицанія высказывались въ выраженіяхъ темныхъ и загадочныхъ. Вотъ почему и на мистеріи допускался не всякій встрѣчный безъ разбору и дальнѣйшихъ околичностей, а только послѣ предварительныхъ очищенія, замоленія и заглаженія грѣховъ, и послѣ наставленій.

Тогда Муза еще не была жадна до барышей
И нениспускалась до степени наемницы;
Терпсихора тогда еще не торговала своимъ нѣжнымъ пѣніемъ,
Своимъ медовымъ голосомъ;
У ней лобъ тогда еще не былъ серебрянымъ (**).

Получающіе воспитаніе египетское начинаютъ ученье съ системы египетскихъ буквъ, такъ называемыхъ епистолографическихъ. Затѣмъ переходятъ къ изученію буквъ іератическихъ, или іерограмматическихъ, кои въ ходу у жрецовъ, пишущихъ о вещахъ священныхъ. Оканчиваютъ ученье изученіемъ системы буквъ іероглифическихъ. Эти послѣд-

(*) Въ «Федонѣ».

(**) Изо 2-й Истмійской оды Пиндара, ст. 9 и д.

нія распадаются на два класса: одинъ, это классъ буквъ элементарныхъ, и назначеніе ихъ выражать собственный смыслъ словъ; этого разряда буквы называются кирiологическими. Другаго же разряда буквы въ семъ іероглифическомъ письмѣ называются символическими. Способъ письма символическаго подраздѣляется на три рода; по одному предметы изображаются въ собственномъ ихъ видѣ чрезъ подражаніе имъ; по другому съ изображеніями нужно связывать смыслъ уже переносный; способъ третій всецѣло движется въ сферѣ аллегорій, выражающихъ извѣстныя понятія загадочно. Итакъ если Египтянинъ желаетъ по кирiологическому способу дать понятіе напр. о солнцѣ, то онъ рисуетъ кругъ; еслиже о лунѣ, то онъ чертитъ фигуру полумѣсяца. По методу же писанія образному называютъ предметы и даютъ понятіе о нихъ аналогіями, то нѣсколько измѣняя образъ предметовъ, то подвергая его различнымъ родамъ превращенія. Посему когда они хотятъ выразить напр. похвалы своимъ царямъ, то примѣшиваютъ къ похваламъ симъ о богахъ сказанія, а для письма употребляютъ анаглифы или барельевы, знаки выпуклые. А вотъ примѣръ третьяго рода письма, который можетъ ввесть въ пониманіе употребленія загадочныхъ намековъ. Египтяне изображаютъ нѣкоторыя изъ звѣздъ въ видѣ змѣиныхъ тѣлъ по причинѣ кривизны ихъ пути. Но они же и солнце пишутъ въ видѣ жука, потому что это насѣкомое, смѣсивъ въ кругообразную кучу пометъ вола, при возвратномъ своемъ движеніи, катитъ его на себѣ. Они думаютъ, что жукъ шесть мѣсяцевъ проводитъ подъ землей, а остальное время года живетъ на поверхности земли. Они прибавляютъ, будто образованный жукомъ сѣменоносный зародышъ впрыскивается имъ въ сфероидъ, и такимъ путемъ появляется на свѣтъ новый жукъ; жуковъ же женскаго пола будто бы нѣтъ.

Однимъ словомъ, всѣ писавшіе о тайнахъ Божественныхъ,—будутъ ли это Эллины или варвары,—истинныя начала вещей отъ глазъ невѣждъ старались скрывать; толпѣ же передавали истину облеченною лишь въ загадки, въ символы, въ аллегоріи, въ метафоры, и тысячу иныхъ аналогичныхъ симъ видовъ. Таковы были оракулы и у Эллиновъ. Оттуда происходитъ, что Аполлонъ Пиѳійскій переименованъ въ Локсіаса, т. е. уклончиваго (*). Тотъ же самый характеръ имѣютъ апофтегмы, изреченныя эллинскими мудрецами. При немногословности онѣ отличаются многозначимостью. Возьмемъ для примѣра хотя бы эту поговорку: «Береги время». Она содержитъ 1.
въ себѣ намекъ или на то, что наша жизнь коротка и что не слѣдуетъ расточать времени напрасно и на сумазбродства; или же съ другой стороны быть можетъ въ ней содержится намекъ на необходимость ограничивать наши частные расходы, чтобы никогда у насъ не было недостатка въ необходимомъ, хотя бы намъ пришлось жить даже сотню лѣтъ.

Какъ содержательна далѣе эта апофтегма: «Познай самого себя!» Она говоритъ намъ: 2.
Познай, что ты смертенъ,—что ты человѣкъ и что сравнительно съ благами первостепенными, какія могутъ быть пріобрѣтаемы тобою здѣсь на землѣ, ты, хвастающійся своими славой и богатствами, хвастаешься не инымъ чѣмъ какъ ничтожествомъ. Или же можетъ считаться сія апофтегма равносильною слѣдующему наставленію: Знай, что утопая въ довольствѣ и богатствѣ или же взысканъ будучи почестями, ты не долженъ хвастаться доставшимися на твою долю исключительными выгодами, коими ты превосходишь своихъ ближнихъ. Будь далекъ отъ сего. Вспомни, для какой цѣли ты родился, чей образъ на себѣ ты носишь, что у тебя за природа, кто такой твой Создатель, что за отношенія у тебя къ Богу. Но и о другомъ подобномъ говоритъ та же самая апофтегма. Духъ Святый устами пророка Исаіи намъ также говоритъ: *Я дамъ тебѣ со-*

(*) По Плутарху оракулъ сей такъ прозванъ былъ за то, что предпочиталъ болтливости лучше неясность и обоюдность въ отвѣтахъ. — Авторъ Etymologici magni: «Локсіасомъ прозванъ Аполлонъ за то, что собою означаетъ онъ солнце, которое чрезъ зодіокъ идетъ кривымъ путемъ».

кровища, хранимыя во тьмѣ и богатства сокрытыя (Ис. XLV, 3). Сокровища же Божественныя суть *богатства неизсякающія* (Лк. XII, 33) и гораздо цѣннѣе той (мнимой) мудрости, пріобрѣтеніе которой сопряжено со столькими трудами.

Или вотъ это будетъ лучше. Поэты, заимствовавъ передаваемое ими о тайнахъ божественныхъ отъ пророковъ еврейскихъ, скрываютъ свои мысли подъ образомъ аллегорій. Это наблюденіе приложимо къ Орфею. Лину, Музею, Гомеру, Гезіоду и вообще ко всѣмъ, кто, говоря объ этихъ матеріяхъ, проявлялъ въ томъ нѣкоторую мудрость. Входя въ энтузіазмъ, поэты какъ бы покрываломъ нѣкіимъ прикрывали предъ толпой свои идеи символами. Подъ покровомъ словъ, аллегорій у нихъ сокрыто нѣчто, что однакоже волнуется и движется. Не то это значитъ, какъ если бы Богъ намъ нарочно преграждалъ доступъ къ знанію: кто не совершая злодѣянія можетъ считать Его доступнымъ человѣческимъ страстямъ? Онъ хочетъ въ семъ случаѣ того только, чтобы разумъ нашъ, будучи вынужденъ проникать за таинственную оболочку, для открытія за ней истины собрался съ мыслями. Вотъ почему трагическій поэтъ (Софоклъ) и пишетъ въ одномъ мѣстѣ:

Никогда я не разстанусь съ убѣжденіемъ, что людямъ мудрымъ
Богъ открываетъ тайный смыслъ прорицаній;
Душамъ же простымъ зло Онъ указываетъ только.
Въ немногихъ словахъ Онъ наставляетъ многому.

Поэтъ говоритъ о злѣ, означая тѣмъ и всякія вещи пошлыя и безсмысленныя. Сіе-то и царя—пророка вдохновило открыто и ясно объявить въ псалмахъ, что все Писаніе есть не что иное какъ притча. *Внимай, народъ, закону Моему*, восклицаетъ онъ именемъ Божіимъ; *приклони ухо къ словамъ устъ Моихъ. Открою уста Мои въ притчѣ; въ загадочныхъ символахъ изъясню тебѣ вещи, вокрытыя отъ начала* (Пс. LXXVII, 1, 2). Преславный Апостолъ говоритъ чуть не тѣмъ же самымъ языкомъ: *Мы проповѣдуемъ мудрость совершеннымъ, не мудрость міра сего и не князей міра сего мудрость, которые умрутъ, а проповѣдуемъ мы премудрость Божію въ ея таинственности остающуюся сокровенною, которую Богъ прежде всѣхъ вѣковъ предназначилъ и предуготовилъ къ славѣ нашей, которой никто изъ князей сего міра не позналъ, потому что если-бы познали, то никогда не распяли бы Господа славы* (1 Кор. II, 6—8). Эллинскіе философы не принимали участія въ обезчещеніи, какое нанесли нашему Господу постигавшіе Его сошествіе. Апостолъ могъ здѣсь порицать значитъ лишь суетное знаніе тѣхъ между Евреями, которые воображали себя мудрецами; посему онъ прибавляетъ: *Мы проповѣдуемъ мудрость, о которой написано: Глазъ того не видалъ, не слышало ухо и не приходило то на сердце человѣку, что приготовилъ Богъ любящимъ Его* (Ис. LXIV, 4). *А намъ Богъ открылъ сіе Духомъ своимъ, ибо Духъ все проницаетъ, и глубины Божіи* (1 Кор. II, 9, 10). Апостолъ народовъ зналъ, что ученикъ Святаго Духа, вспомоществуемый Богомъ, и нося въ себѣ разумъ Христовъ, состоитъ человѣкомъ духовнымъ и гностикомъ, между тѣмъ какъ *человѣкъ плотской не можетъ постигать вещей, исходящихъ отъ Духа Божественнаго; онѣ кажутся для него безумными* (1 Кор. II, 14).

Различая гностическое совершенство отъ простой вѣры, Павелъ иногда называетъ эту послѣднюю молокомъ слабыхъ, иногда же фундаментомъ зданія. Такъ онъ пишетъ: *И я, братія мои, не могу съ вами говорить какъ съ людьми духовными, но какъ съ плотскими еще и какъ съ дѣтьми во Христѣ. Я питалъ васъ только молокомъ, а не твердою пищею, потому что вы не были еще способны къ тому, да и теперь еще не въ силахъ, такъ какъ вы еще плотскіе. И дѣйствительно. Потому что если есть между вами зависть и споры, то не явно ли, что вы плотскіе и что вы ведете себя по обычаямъ человѣческимъ* (1 Кор. III, 1—3)? Таковъ дѣйствительно и есть путь, на который охотно уклоняются грѣшники. Тѣ же напротивъ, которые сторонятся отъ сего пути, постигаютъ вещи божественныя, вкушаютъ и услаждаются пищей познанія и находятъ выс-

шее удовольствіе въ томъ. *По данной мнѣ отъ Бога благодати*, продолжаетъ Апостолъ, *я какъ мудрый строитель положилъ основаніе, а другіе строятъ на немъ зданіе золотое, серебряное и изъ драгоцѣнныхъ камней*. Вотъ зданія, познаніемъ сооружаемыя на фундаментахъ вѣры во Христа Іисуса. *Солома* же, *дерево* и *сѣно* суть дряблыя развалины, воздвигаемыя на семъ основаніи ересью; *но каково дѣло каждаго, это испытано будетъ огнемъ* (1 Кор. III, 10. 12, 13). Въ посланіи къ Римлянамъ Апостолъ косвенно еще разъ намекаетъ на зданіе познаній: *Желаю васъ видѣть, чтобы содѣлать васъ участниками нѣкоего дара духовнаго, предназначеннаго къ укрѣпленію вашему* (Рим. I, 11). Апостолъ желаетъ бесѣдовать съ вѣрными лично, потому что подобные дары не могли быть сообщаемы открыто чрезъ письма.

5. О Пиѳагорейскихъ символическихъ изреченіяхъ.

Пиѳагоръ заимствовалъ свои символич. наставленія изъ мудрости варварской, изъ предосторожности однакоже скрывъ это. Самосскій сей философъ напр. заповѣдуетъ: «Не держите ласточки въ вашемъ дому». Это значитъ: Не принимайте подъ кровлю вашего дома человѣка многорѣчиваго, болтуна и наушника, вѣчно разнузданный языкъ котораго не можетъ держать тайны ему довѣренной (*). *Ласточка, горлица*, полевой воробей, по Писанію, *знаютъ время своего перелета* (Іер. VIII, 7); значитъ не слѣдуетъ жить съ пустословами. По дѣлу гонятъ съ кровли и горлицу, вѣчнымъ воркованьемъ которой напоминаются неблагодарныя сѣтованія недовольныхъ.

Не воркуйте безъ конца мнѣ, одинъ съ одного—
уха, другой—съ другаго,
(Ил. IX, 311),

говоритъ поэтъ. Что же до ласточки, то кто-же и сталъ бы ее удерживать у себя? Она тѣмъ осквернена была нашъ сонъ; имъ же напоминаетъ намъ собой басню, гдѣ роль главную играетъ дочь Пандіона, совершая гнусныя преступленія (дѣтоубійства), а если вѣрить молвѣ, то испытывая и трагическія приключенія, одни изъ которыхъ терпѣлъ ея мужъ Терей, въ другихъ же и самъ принималъ участіе. Другая причина, по которой ласточка внушала Пиѳагорейцамъ отвращеніе къ себѣ, это та, что ласточка питается кузнечиками, этими полевыми ораторами; справедливо слѣдовательно гнать изъ дома всякаго, кто преслѣдуетъ честное слово.

«Хранителемъ вѣрнымъ, говоритъ поэтъ, защищается языка моего сокровище.
Это скиптроносной Герой, подножіемъ для которой служатъ вершины Олимпа.»
«И у меня языкъ также подъ замкомъ»,

восклицаетъ Есхилъ (*).

Но перейдемъ снова къ Пиѳагорейскимъ иносказательнымъ наставленіямъ. «Снявъ котелъ съ огня, изгладьте его отпечатокъ на золѣ». «Вставъ съ постели, переверните одѣяло». Этими наставленіями Пиѳагоръ даетъ намъ понять, что нужно оставлять не только всякія чванство и надменность, но изглаживать и послѣдніе слѣды гнѣва. Утихъ ли огонь страсти? Укрощайте самый гнѣвъ и изглаживайте на днѣ вашего сердца даже воспоминаніе о нанесенной вамъ обидѣ. *Солнце да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ*, говоритъ Писаніе (Еф. IV, 26). Изрекшій эту заповѣдь: *Не пожелай* (Исх. XX, 17) запрещаетъ этимъ и чувство мести питать за полученную нами обиду. Ибо гнѣвъ внушается пожеланіемъ, нарушая собой душевное спокойствіе и побуждая насъ къ необычной и противуразумной мести (**). Равнымъ образомъ, когда Пиѳагоръ совѣтуетъ намъ перевертывать одѣяло послѣ проведенной подъ нимъ ночи, то завѣщаетъ этимъ изгладить и воспоминаніе о непристойномъ сновидѣніи, если

(*) Мѣсто наравнѣ съ другими важное для уразумѣнія источниковъ, коими пользовался нашъ писатель. Плутархъ, Symposiac. VIII, 7, приводя тотъ же аргументъ, кажется, имѣлъ подъ рукой одного съ Климентомъ автора.

(*) Ему Юній приписываетъ и предшествующіе два стиха.

(**) Вліяніе стоическое, потому что стоики гнѣвъ также причисляли къ видамъ пожеланія. Срав. у Стобея, Лаэрція, Цицерона.

такимъ оскверненъ былъ нашъ сонъ; имъ же предупреждалъ онъ и долговременный сонъ (*). Тѣмъ же фигуральнымъ изреченіемъ Пиѳагоръ быть можетъ воспрещалъ намъ и мрачные призраки воображенія и наказывалъ разсѣевать ихъ свѣтомъ истины. *Предаваясь гнѣву*, говоритъ Давидъ, *остерегайтесь грѣха* (Пс. IV, 4; Еф. IV, 26). Что хочетъ онъ сказать симъ? Побѣждайте порывы и страстныя увлеченія вашего воображенія и не предавайтесь гнѣву до запечатлѣнія порывовъ его фактомъ.—Между символическими запрещеніями Пиѳагора далѣе есть еще такое: «Не плавай по землѣ». Онымъ говоритъ онъ какъ бы слѣдующее: Не принимайте на себя должности мытаря и ей подобныхъ, потому что онѣ связаны съ неизвѣстностью и соблазнами. Вотъ почему и Логосъ насъ завѣряетъ, что мытарямъ трудно спастись (Мѳ. XIX, 23; Мк. X, 23; Лк. XVIII, 24).—Самосскій философъ еще запрещаетъ намъ носить кольца на пальцахъ, ни изображеній боговъ на печатяхъ не вырѣзывать. Въ этомъ случаѣ онъ лишь подражаетъ Моисею, который еще за нѣсколько вѣковъ до него запретилъ закономъ дѣлать какія либо изображенія Божества, рѣзныя, литыя, рисованныя или лѣпныя. Запрещеніе весьма мудрое! Законодатель хотѣлъ возвысить наши умы въ области созерцательныя, а не на матеріи ихъ останавливать (**). Это неправда, будто величіе Божіе потеряетъ въ своемъ блескѣ, если Божество не будетъ представляемо обыденнымъ искуствомъ; напротивъ покланяться Существу безтѣлесному, примѣчаемому глазомъ лишь духовнымъ, изображая Его въ формѣ чувственной, это значитъ только унижать Его. Такъ думали и умнѣйшіе изъ египетскихъ жрецовъ, постановивъ, чтобы храмъ Аѳины оставался безъ кровли (***). Такъ думали и Евреи, воздвигнувъ храмъ безъ кумировъ въ немъ (****).

(*) Срав. говоримое Плутархомъ о Суллѣ.

(**) Подобное Ямвлихъ въ «Протрептикѣ.»

(***) Т.-е. Изиды. Храмы Зевса пыльнаго и Бранхидъ у Милетянъ тоже были безъ кровель.

(****) Были по Лукіану храмы безъ идоловъ и у Египтянъ. По свидѣтельству Геродота и Страбона, были такіе и у Персовъ. А Евсевій говоритъ, что были такіе и въ Греціи во времена еще Кекропса. Въ I-й кн. сихъ Строматъ нашъ авторъ свидѣтельствуетъ, что до 170-го года ab urbe condita у Римлянъ не было еще никакихъ изображеній боговъ.

Но есть люди при воздаяніи Богу слѣдующаго Ему почитанія повергающіеся предъ изображеніемъ неба и звѣздъ (*). Они введены въ заблужденіе безъ сомнѣнія этимъ мѣстомъ Писанія: *Сотворимъ человѣка по образу Нашему и подобію* (Быт. I, 26).

Умѣстно будетъ привесть здѣсь изреченіе и Пиѳагорейца Еврюта. Въ своемъ сочиненіи «О счастіи» онъ утверждаетъ, что Творецъ при созданіи человѣка Самого себя имѣлъ первообразомъ, ибо къ прочему о семъ сказанному онъ присовокупляетъ: «Тѣло же человѣка сотворено похожимъ на тѣла другихъ тварей, такъ какъ оно образовано изъ той же матеріи; но оно вышло изъ рукъ преславнѣйшаго Художника, который Самого себя при семъ имѣлъ первообразомъ». Однимъ словомъ, Пиѳагоръ со своими учениками, по имени его и называющимися, и Платонъ изъ всѣхъ философовъ имѣютъ тѣснѣйшее отношеніе къ еврейскому законодателю (Моисею), въ чемъ легко убѣдиться и изъ ихъ ученій. И когда вслѣдствіе особаго рода естественной гадательной прозорливости, но не безъ участія внушенія и божественнаго, они натыкались на извѣстныя пророчества и собирая нѣкоторыя элементарныя частицы истины выражали ее двусмысленно или прибѣгали къ объясненіямъ истины чисто внѣшнимъ, то получалось изъясненіе ея, хотя и имѣвшее къ ней отношеніе, но такое, которое авторовъ своихъ лишь приводило къ истинѣ, но не посвящало въ самую истину. Вотъ почему греческая философія походитъ на пламя факела, изъ травы сдѣланнаго и зажигаемаго лучами, искуственно украденными у солнца. Но какъ скоро провозвѣщенъ былъ Логосъ, священный

(*) Небо—престолъ Божій, говоритъ Писаніе. У Египтянъ божество и изображалось то въ видѣ міра, то судьбы или 5 звѣздъ.

свѣтъ возблисталъ во всемъ своемъ великолѣпіи. Свѣтомъ заимствованнымъ безъ сомнѣнія полезно освѣщаться ночью по домамъ. свѣтъ же нескончаемый Солнца разумнаго порождаетъ собою вѣчный день, и ночь въ него преображая.

Продолжаемъ. Все, что Моисеемъ сказано о справедливости, Пиѳагоромъ изложено вкратцѣ въ такомъ символическомъ наставленіи: «Держи свой безмѣнъ въ равновѣсіи», т. е. старайся не нарушать законовъ справедливости; ею должны опредѣляться твои дѣйствія безраздѣльно; оставайся вѣренъ ей при всякаго рода условіяхъ.

Что соединяетъ друзей съ друзьями,
Города съ городами, руки борющихся въ сраженіи?
Правота. Равенство есть законъ, данный людямъ
самой природою.
Наибольшее и наименьшее постоянную и открытую между собой ведутъ вражду.
Здѣсь возникли первыя побужденія къ ненависти (*).

Потому-то Господь говоритъ: *Возьмите иго Мое благотворное и легкое* (Мѳ. XI, 29, 30). Увидѣлъ Онъ разъ учениковъ своихъ спорящими между собой о первенствѣ, и заповѣдалъ простосердечіе и равенство, объявивъ, что они *должны быть какъ дѣти* (Мѳ. XVIII, 3). Апостолъ тоже говоритъ, что и Господь. Онъ пишетъ: *Во Христѣ Іисусѣ нѣтъ ни раба ни свободнаго, ни Эллина ни Еврея* (Гал. III, 28). *ибо новый человѣкъ*, въ насъ созданный *Христомъ*, (Гал. VI, 15), врагъ распрей, далекъ отъ корыстолюбія; онъ наблюдаетъ справедливое равенство, потому что зависть, соперничества и безпокойства устранены изъ гармоническаго общества избранныхъ (Гал. V, 19—21). Жрецы, принимающіе въ мистеріи, равнымъ образомъ говорятъ намъ символически: «Не пожирайте своего собственнаго сердца». Они намъ даютъ понять чрезъ это, что не слѣдуетъ душу уязвлять и истощать заботами и опечаливаться происшествіями, застигающими врасплохъ наше благоразуміе и нашу волю. И подлинно, весьма несчастенъ тотъ (Беллерофонтъ), котораго Гомеръ представляетъ блуждающимъ и гложущимъ свое собственное сердце (Ил. VI, 200).

(*) «Финикіянки» Еврипида ст. 540.

И опять, когда Евангеліе, Апостолы и всѣ пророки намъ указываютъ на два пути, одинъ ими называемый *узкимъ и труднымъ*, потому что онъ ограниченъ запрещеніями и заповѣдями, другой противуположный этому и къ гибели ведущій, называемый ими *широкимъ и просторнымъ* (Мѳ. VII, 13. 14; Лк. XIII, 24), потому что на немъ къ страстямъ и удовлетворенію пожеланій доступъ свободенъ; и когда они еще яснѣйшее прибавляютъ: *Блаженъ человѣкъ, не вступившій въ сообщество съ нечестивымъ и не останавливавшійся на пути грѣшниковъ* (Пс. I, 1); то не очевиднымъ ли становится, что именно эти мѣста Писанія дали поводъ къ знаменитой аллегоріи Продика Кеосскаго, гдѣ Порочность и Добродѣтель препираются между собою изъ за души Геркулеса? Не поэтому-ли и Пиѳагоръ, запрещая ходить дорогами большими, столбовыми, путями всѣмъ извѣстными, считаетъ нужнымъ предостеречь насъ противъ мнѣній толпы, почти всегда вздорныхъ и произвольныхъ. Аристокритъ въ 1-й книгѣ своихъ «Возраженій» Гераклеодору приводитъ письмо буквально слѣдующаго содержанія: «Антей, царь Скиѳовъ, народу Византіи. Не противодѣйствуйте мнѣ въ сборѣ дани; иначе мои кобылицы пойдутъ пить воду вашихъ рѣкъ». Симъ образнымъ языкомъ объявилъ онъ Византіянамъ, что идетъ на нихъ войной. Поэтъ Евфоріонъ влагаетъ подобныя же слова въ уста Нестора:

Мы еще не напоили въ волнахъ Симоиса своихъ
лошадей, родившихся въ долинахъ Греціи.

Обычай Египтянъ ставить сфинксы предъ храмами имѣетъ также значеніе символическое. Сфинксы говорятъ намъ, что ученіе о Божествѣ и должно отзываться нѣкоторыми иносказательностью и сокровенностью. Можетъ быть сфинксы и то хотятъ сказать намъ, что Бога нужно и любить и бояться, любить потому, что Онъ благъ и милостивъ къ тѣмъ, кто Его почитаетъ,—бояться потому, что по своему правосудію Онъ безъ милосердія наказываетъ нечестивцевъ. И дѣйствительно, сфинксъ двойнымъ своимъ образомъ, человѣка и животнаго, способенъ напоминать о семъ.

6. Таинственное значеніе скиніи и ея утвари (*).

Слишкомъ долго было бы изъяснять всѣ символы, содержащіеся то въ книгахъ пророческихъ, то въ книгахъ закона, такъ какъ Писаніе свои сообщенія почти всегда прикрываетъ покровомъ аллегорій. Для того, кто одаренъ умомъ свѣтлымъ и здравымъ, я полагаю, достаточно будетъ въ удостовѣреніе сего факта привесть лишь нѣсколько примѣровъ. Свойственность Писанію аллегорическаго образа изложенія мыслей и притомъ такъ, что эта форма составляетъ главное отличіе его, подтверждается напр. особымъ значеніемъ семи завѣсъ древняго храма, о коихъ упоминаютъ еврейскія книги. Не менѣе свидѣтельствуютъ объ этомъ и разныя украшенія первосвященническаго облаченія. Будучи эмблемами явленій небесныхъ, украшенія тѣ представляли собой (какъ глазамъ такъ и уму) полный составъ вселенной съ небомъ и землею. Верхній покровъ скиніи и внѣшняя завѣса своими цвѣтами гіацинтовымъ, пурпурнымъ, червленымъ и льнянымъ обозначала, что природа стихій собою открываетъ Бога. И подлинно. Пурпуръ добывается изъ воды, ленъ доставляется землей, гіацинтъ своимъ пасмурнымъ цвѣтомъ напоминаетъ воздухъ, по своей природѣ черноватый, а червленость—огонь. Въ пространствѣ между передней и задней завѣсами, куда имѣли право вступать одни только священники, стоялъ алтарь куреній. Символически онъ представлялъ собою землю, занимающую центръ міра, съ котораго поднимаются пары и куренія. Пространство же за завѣсами, въ которое въ опредѣленные дни имѣлъ право вступать только первосвященникъ и вся средина внѣшняго двора, на который имѣли доступъ всѣ Евреи, изображали собой, какъ говорятъ они, центральнѣйшее мѣсто неба и земли. По мнѣнію же другихъ оно было символомъ міра чувственно-разумнаго. Завѣса, коей святилище отдѣлялось отъ невѣрнаго народа, была растянута на пяти колоннахъ и образовывала собой преграду для находящихся въ преддверіи. Колонны тѣ предъизображали таинственно пять хлѣбовъ, преломленныхъ Спасителемъ. Завѣсой же на нихъ было предзнаменовано, что хлѣбы тѣ, умножившись подъ руками слушателей Господа, не привели ихъ къ желанію инаго хлѣба (Іоан. VI, 24--65). Ибо есть весьма много людей, отдающихся вещамъ чувственнымъ, какъ если бы другихъ не существовало. «Наблюдайте внимательно, говоритъ Платонъ, чтобы этихъ вещей не услышалъ кто либо изъ непосвященныхъ. Непосвященными же состоятъ тѣ, кои воображаютъ, что кромѣ того, что они крѣпко могутъ охватить рукой, ничего не существуетъ и которые не считаютъ вещами реальными дѣйствія, произрожденіе и все что ускользаетъ отъ глазъ» (*). Въ самомъ дѣлѣ таковыми именно и состоятъ тѣ, которые руководятся лишь пятью чувствами. Слухомъ, зрѣніемъ и органами имъ подобными не можетъ быть постигнута идея Бога. Вотъ почему Сынъ названъ лицемъ Отца, ибо Онъ восхотѣлъ открыться пятерицѣ нашихъ чувствъ (**). Воплотившійся Логосъ есть великій провозвѣстникъ Отчаго существа. *Но если мы живемъ духомъ, то и вести себя должны духовно* (Гал. V, 25), ибо *насъ движетъ впередъ вѣра, а не чувство зрѣнія* (2 Кор. V, 7), взываетъ къ намъ преславный Апостолъ.

Итакъ свои обязанности священники исполняли подъ тѣнію и за завѣсами, которыми всѣ принадлежавшіе къ сословію священному были отдѣляемы отъ народа, стоявшаго снаружи. Второй завѣсой закрывалась внутренность святаго святыхъ. Четыре колонны, коими она поддерживалась, напоминали собой о четырехъ завѣтахъ съ древними (***). То же самое я долженъ сказать и о таинственномъ реченіи, которое носилъ на челѣ первосвященникъ, имѣвшій право входить во святая святыхъ: оно тоже состояло изъ 4 буквъ. Это еврейское

(*) Все это иносказательное, таинственное значеніе скиніи и ея утвари писателемъ изложено въ настоящей главѣ по разнымъ сочиненіямъ Филона.

(*) Въ «Θэететѣ».

(**) Срав. «Педаг.» I, 7.

(***) Съ Адамомъ, Ноемъ, Авраамомъ и Моисеемъ.

слово, Ιαου (*), означаетъ Того, Кто есть и Кто будетъ. Но и греческое слово Θεός состоитъ также изъ 4 буквъ. Подобно первосвященнику и Господь въ міръ умомъ лишь постигаемый вошелъ только одинъ чрезъ свои страданія, проникши чрезъ то (по человѣчеству) въ знаніе неизглаголанныхъ тайнъ (Евр. II, 10; IX, 26) и возвышенъ будучи изъ того міра съ именемъ, которое превосходитъ все, что можетъ войти на языкъ человѣческій (Филип. II, 9).

Свѣтильникъ, стоявшій на южной сторонѣ кадильнаго алтаря, представлялъ собою семь свѣтилъ, описывающихъ южныя обращенія. Поэтому-то справа и слѣва въ семъ свѣтильникѣ выходило по шести вѣтвей, каждой изъ которыхъ поддерживалась лампада, между тѣмъ какъ солнце представлялось среднею на свѣтильникѣ лампадою, такъ какъ по Божественному устроенію оно проливаетъ свѣтъ на свѣтила, находящіяся какъ выше его, такъ и на расположенныя ниже. Золотой этотъ свѣтильникъ, по пониманію иному, имѣлъ и другое символическое значеніе. Не только внѣшнимъ своимъ устройствомъ, но и своимъ свѣтомъ онъ предображалъ свѣтъ, принесенный на землю Христомъ. Сей свѣтъ Христова ученія *многократно и многообразно* (Евр. I, 1) распространяемъ былъ среди людей, духовный глазъ коихъ былъ обращенъ къ сему разумному свѣту, Апостолами и иными учениками, первоначально самимъ Христомъ возрожденными. Они разливали въ мірѣ вѣру во Христа и надежду на Него. По мнѣнію же нѣкоторыхъ, сей свѣтильникъ обозначалъ собою семь очей Господнихъ (Апок. V, 6), семь даровъ Духа Святаго, почіющихъ на Господѣ, этимъ цвѣтущемъ Побѣгѣ, произросшемъ изъ ствола Іессеева (Ис. XI, 1, 2). — Столъ же съ хлѣбами предложенія стоялъ на сѣверъ отъ кадильнаго алтаря, потому что питательнѣйшіе изъ вѣтровъ дуютъ изъ странъ сѣверныхъ. Можетъ быть столъ сей съ положеніемъ его подъ вѣтрами сѣверными былъ эмблемой и пре-

(*) Въ Еврейскомъ языкѣ въ это слово входятъ буквы Іодъ, Ге, Вау, Ге.

столовъ разныхъ церквей, которыя не смотря на свою повидимому раздѣльность суть все-же единое тѣло, потому что сходятся въ единой Главѣ, между собой согласуются въ ученіяхъ и соединяются въ единую церковь. — Все въ Писаніи сказанное о ковчегѣ означаетъ собою міръ лишь умомъ созерцаемый, толпой не постигаемый, остающійся для нея сокрытымъ и заключеннымъ.—Двѣ золотыхъ статуи, съ 6-ю крылами каждая, были, по мнѣнію нѣкоторыхъ, символомъ Большой и Малой Медвѣдицъ; или же, по другому болѣе удачному изъясненію, двухъ полушарій.—Словомъ «херувимъ» означается обширное вѣдѣніе. Двѣнадцатью же своими крылами оба эти херувима представляли видимый сей міръ съ 12-ю знаками зодіака съ круговоротомъ въономъ временъ года. Значеніе сихъ херувимовъ можетъ быть изложено, какъ я полагаю, даже и сими словами трагическаго поэта. Обращая вниманіе на область видимой природы, онъ восклицаетъ: «Неутомимое время течетъ вѣчно въ полныхъ берегахъ вселенной. Оно не другой какой либо источникъ имѣетъ для своего происхожденія какъ само себя. И обѣ Медвѣдицы, быстро двигая своими крылами, стерегутъ атлантическую (неподвижную) полярную звѣзду». Атласъ же есть не подлежащая обращенію полярная звѣзда; и она дѣйствительно можетъ изображать собою сферу неподвижную или еще лучше неподвижную, неколебимую вѣчность.—Ковчегъ же завѣта, по моему пониманію, имѣлъ еще и другое болѣе высокое значеніе. Эллины называютъ его кивотомъ отъ еврейскаго слова thebotha, въ переводѣ значащимъ: «Повсюду единое ради своей простоты». Не восьмерицу ли (ogdoadem), т. е. міръ идей, представлялъ онъ собой? Не Бога ли собою символически знаменовалъ онъ, ибо безконечный Богъ объемлетъ Собою всю вселенную, хотя самъ Онъ ни вида какого либо опредѣленнаго не имѣетъ ни образа и внѣшнимъ нашимъ чувствамъ не подлежитъ. Обстоятельнѣйшее изъясненіе сего мы здѣсь оставляемъ. Скажемъ только, что кромѣ сего ковчегъ завѣта означалъ собою миръ, покой, коимъ наслаждаются

души, славящія Господа, иносказательно представленныя здѣсь херувимами. Ибо несомнѣнно, что заповѣдавши не дѣлать никакихъ ни ваяныхъ ни рѣзныхъ изображеній Себя, Богъ не могъ дозволить видимаго изображенія сихъ херувимовъ, еслибы они не имѣли значенія символическаго. Потому что не льзя же представлять, что есть гдѣ-то на небѣ живыя существа, внѣшнимъ чувствамъ подлежащія, которыя походятъ на эти изображенія. Нѣтъ, изображенія эти имѣли значеніе символическое. Лице въ нихъ изображало собой разумную душу; тремя парами крыльевъ изображена была ихъ дѣятельность и служеніе съ возвышеннымъ этихъ характеромъ, ибо дѣла подобно крыльямъ также насъ облегаютъ справа и слѣва. Уста въ этихъ изображеніяхъ собою означали гимнъ славы, который воспѣваетъ благодарная душа, занятая непрестаннымъ созерцаніемъ, отдавшаяся нескончаемой дѣятельности умозрительной (Ис. VI, 3). Этихъ намековъ на таинственное значеніе херувимовъ, я полагаю, будетъ и достаточно, чтобъ не простирать здѣсь рѣчи о семъ далѣе.—Длиннота первосвященническаго талара была символомъ чувственнаго міра. Пятью драгоцѣнными камнями вмѣстѣ съ двумя карбункулами (рубинами) обозначено было седмеричное число планетъ; раздѣльно же двумя карбункулами: однимъ планета Сатурнъ, другимъ—Луна. Потому что Сатурнъ плаваетъ на южной сторонѣ неба; кромѣ того качествомъ его состоитъ влажность; онъ похожъ на землю и тяжелъ. Что же касается Луны, то сфера ея воздухъ. отчего иные и называютъ ее Артемидой, (т. е. ἀεροτόμος), разсѣкающей воздухъ, по своей природѣ темноватый. Моисей намъ сообщаетъ между прочимъ, что пятью драгоцѣнными камнями и двумя карбункулами образно представлены были Ангелы, содѣйствующіе произрожденію вещей на нашей землѣ и что Божественнымъ провидѣніемъ они назначены быть стражами семи планетъ; на грудь же и плечи первосвященника надѣвался наперсникъ съ сими семью камнями въ знаменіе первыхъ седми дней творенія, когда творческимъ дѣйствіемъ ничтожество было оплодотворяемо. И конечно не безъ причины сія эмблема была носима на груди, такъ какъ грудь есть сѣдалище сердца и жизни.—Можетъ быть также, что разсѣянными тамъ и здѣсь по первосвященническому облаченію драгоцѣнными камнями, то по верхнимъ его частямъ то по нижнимъ, обозначены были и различные роды спасенія. тѣмъ или другимъ изъ коихъ каждый изъ насъ, все наше тѣло и все тѣло церкви бываетъ спасаемо.—Тремя стами шестидесятью звонцовъ. пришитыхъ къ низу одежды первосвященнической, означенъ былъ годичный оборотъ, *годъ Господень спасительный*, годъ громкихъ благовѣствованій, коими было предвѣщаемо славное пришествіе Христа Іисуса (Ис. LXI, 2; Лк VI. 19).—Золотой діадемой, надѣвавшейся на голову первосвященника, означалась царственная власть Господа, потому что *Онъ есть Глава церкви* (Еф. V, 23). Знакомъ же наивысшаго чьего либо авторитета служитъ украшенность главы того кидаромъ (тіарою); поэтому-то и другое слово къ намъ обращено и намъ извѣстно: *Христу Глава Богъ* (1 Кор. XI, 3; 2 Кор. XI, 31); Онъ же есть и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа.—Кромѣ того наперсникъ состоялъ еще изъ наплечника, бывшаго символомъ дѣятельности и еще изъ «слова суднаго», состоявшаго символомъ разума и Логоса, сего всеобщаго Уравнителя. Сіе «слово судное» было образомъ неба, созданнаго Логосомъ, которое со всѣми своими твореніями подчинено однимъ и тѣмъ же порядкамъ и управляется одними и тѣми же законами и подчинено общему Главѣ Христу.—Двумя свѣтлыми смарагдами, украшавшими первосвященническій наплечникъ, обозначены были солнце и луна, эти двѣ природѣ пособляющія свѣтила.—Начинается рука, нужно полагать, съ плеча. Дюжиной драгоцѣнныхъ камней, расположенныхъ на наперсникѣ по три четырьмя рядами, напоминался кругъ зодіака съ четырьмя временами года. Главѣ церкви Христу, имѣющему въ ней высшія власть и достоинство, не прилично ли было основывать ихъ на законѣ и пророкахъ, свѣтъ которыхъ свѣтомъ тѣхъ драгоцѣнныхъ камней

«слова суднаго» былъ напоминаемъ? Не во свѣтѣ ли семъ только, свѣтѣ Духа Святаго, Господь и тѣхъ открыть могъ, кои праведниками имѣли состоять съ точки зрѣнія какъ того такъ и другаго завѣтовъ? Называя Апостоловъ праведниками и пророками мы не погрѣшаемъ противъ точности выраженій, потому что какъ чрезъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ и пророковъ, такъ и чрезъ новозавѣтныхъ Апостоловъ дѣйствовалъ одинъ и тотъ же Духъ Святый (1 Кор XII, 11).

Господь превыше всего міра, не только сего чувственнаго, но и того, который лишь умозрѣніемъ постигаемъ. Подобно сему и имя Божіе, вырѣзанное на золотой дощечкѣ, поставлялось на челѣ, т. е. выше всякаго начальства, всякой власти и могущества (Фил. II, 9). Величественной эмблемой сей напоминались и письменныя заповѣди Божіи и чувствамъ подлежащее во плоти Христово пришествіе. Именемъ этимъ было имя Божіе, потому что, постоянно созерцая благость Отца, Сынъ дѣйствуетъ въ качествѣ Бога—Спасителя (Іоан. V, 9), Онъ. Сынъ, состоящій началомъ всего, первымъ и прежде всѣхъ вѣковъ воспроизведшій въ своемъ лицѣ образъ невидимаго Бога (Кол. I, 45), а потомъ создавшій и всѣ другія твари.—«Словомъ суднымъ» символически обозначались и всѣ пророчества, вопіявшія и возвѣщенныя устами Логоса; имъ предвозвѣщался и будущій судъ, такъ какъ тотъ же самый Логосъ, который предвозвѣщаетъ, Онъ же самый и судитъ и распознавая раздѣляетъ. Утверждаютъ также, что таларъ первосвященника длиной своей пророчески предъизображалъ и домостроительство воплощенія Бога Слова (Логоса), вслѣдствіе чего міръ могъ ближе съ Нимъ ознакомиться. Вотъ почему первосвященникъ въ день очищенія, снимая сей священный хитонъ, моется и облекается въ другой хитонъ, такъ сказать священнѣйшій по сравненію съ тѣмъ священнымъ и уже въ ономъ входитъ во святое святыхъ (*). Означалось симъ то, что хотя міръ и все въ немъ *сотворенное* и освящены были Богомъ, когда *Онъ увидпъ, что* все сотворенное Имъ *хорошо весьма* (Быт. I, 31), но для приближенія къ Богу все-таки потребно еще совершеннѣйшее и полнѣйшее освященіе; т.-е. символически симъ обозначено, что христіанинъ въ одно и тоже время долженъ быть и священникомъ и гностикомъ, такъ сказать высшимъ изъ тѣхъ священниковъ, которые освящены лишь водою крещенія, облеклись въ одежду лишь вѣры и ожидаютъ только ея пребыванія. Онъ долженъ различать и раздѣлять міръ явленій чувственныхъ отъ міра духовнаго, умомъ лишь созерцаемаго, долженъ возвышаться симъ надъ всѣмъ сонмомъ священниковъ; его стремленія должны быть обращены на проникновеніе въ самое существо вещей, доступное лишь разуму; долженъ онъ отрекаться ото всего земнаго и не нуждаться впредь въ какихъ либо омовеніяхъ водныхъ, которыя долженъ былъ выполнять, когда принадлежалъ къ сословію обыкновенныхъ священниковъ. Когда Логосъ, высшій принципъ всякаго познанія, очищаетъ его до глубинъ сердечныхъ, когда все его поведеніе становится безукоризненнымъ и онъ поднимается на высшую ступень священнической жизни, тогда дѣйствительно освящаются всѣ свойства его существа, дѣла и слова; онъ облекается въ духъ славы (1 Петр. IV, 14), владѣя неизреченнымъ сокровищемъ. составляющимъ достояніе человѣка духовнаго и совершеннаго. Это есть то самое сокровище и тѣ блага, коихъ *глазъ никогда не видалъ, о коихъ ухо не слыхало, мысли о которыхъ на сердце человѣка не входило*, коихъ и своимъ чувствомъ и ощущеніемъ онъ еще не постигалъ (1 Кор. II, 9). Онъ становится сыномъ и другомъ Божіимъ; онъ созерцаетъ Бога *лицомъ къ лицу* (1 Кор. XIII, 12) и лицезрѣніемъ симъ не можетъ насытиться. Но лучше будетъ предоставить здѣсь слово самому Логосу, изреченіями котораго въ Писаніи разумъ просвѣщается гораздо полнѣе и глубже. Итакъ внемлемъ Ему: *И пусть сниметъ онъ одежду льняную, имъ надѣтую въ минуты входа во святилище и пусть оста-*

(*) Такъ понимали Евреи послѣд. слова стиха 23-го въ XVI й гл. кн. Левитъ.

витъ ее тамъ; пусть омоетъ тѣло свое въ мѣстѣ священномъ и надѣнетъ одежду свою (Лев. XVI, 23, 24). Христосъ же самъ въ тайнѣ своего воплощенія снялъ и надѣлъ одежду, въ высшей степени священную, иначе чѣмъ какъ дѣлалъ это первосвященникъ еврейскій, вѣровавшій въ Него. Апостолъ объясняетъ это въ одномъ изъ своихъ посланій (2 Кор. V, 2—4) (*). Оттого то во образъ Господа и въ первосвященники избирались изъ священническаго рода лица лишь славнѣйшія, отличавшіяся величіемъ своихъ духовныхъ даровъ и добродѣтелей; и кромѣ того сіи лица, избиравшіяся на служенія царское и пророческое, освящаемы были еще чрезъ помазаніе священнымъ елеемъ.

7. Египетскими жрецами понятія, относящіяся къ Божеству, народу также представляемы были подъ формою символовъ и загадокъ.

Ту же самую предосторожность мы находимъ и у Египтянъ. Вмѣсто того, чтобы всѣмъ безъ различія открывать смыслъ содержавшихся ими Божественныхъ тайнъ и довѣрять знаніе вещей божественныхъ и невѣждамъ и могущимъ оказаться людьми нечестивыми, они допускали къ посвященію въ эти тайны только тѣхъ, кто предназначенъ былъ къ ношенію царскаго достоинства и тѣхъ изъ сословія жреческаго, на годность и способность которыхъ для этого дѣла указывало вопервыхъ уже самое воспитаніе, вовторыхъ ученость, а въ третьихъ и рожденіе. Символы же египетскіе по своей загадочности, указывавшей на нѣчто иное и возбуждавшей любопытство, имѣютъ большое сходство съ символами, бывшими въ ходу у Евреевъ. По египетской иносказательной системѣ солнце было представляемо то подъ видомъ корабля, то подъ видомъ крокодила. Иносказаніе хотѣло симъ означить, что солнцемъ, проходящимъ чрезъ мягкій и влажный воздухъ, порождается время, эмблематическимъ знакомъ котораго, по другому священному преданію, былъ крокодилъ. Въ египетскомъ городѣ Діосполисѣ, на такъ называемомъ храмовомъ пилонѣ, можно видѣть изображеніе маленькаго ребенка, коимъ иносказательно обозначалось рожденіе, и старца, какой фигурой символически означаема была смерть. Рядомъ съ ними изображенъ ястребъ, символъ Божества и рыба, переносное значеніе которой: ненависть. На краю аллегорической сей картины фигурируетъ крокодилъ, выражающій собой наглость. Цѣлымъ сей символической картины очевидно выражается слѣдующее: «О вы, которые родитесь и умираете, не забудьте, что Божеству наглость ненавистна» (*).—Еще символъ. Египетскими жрецами выдѣлываются изъ драгоцѣннаго матеріала фигурки глазъ и ушей; ихъ они освящаютъ и вѣшаютъ на боговъ въ храмахъ безъ сомнѣнія для сообщенія присутствующимъ, что Божество все видитъ и слышитъ. Этому же соотвѣтственно левъ у Египтянъ считался символомъ силы и храбрости; воломъ у нихъ несомнѣнно изображались земля, земледѣліе, пища; лошадь собою символически представляла мужество и независимость; а сфинксомъ означалось уже соединеніе въ одномъ лицѣ силы и разума, потому что тѣло у него дѣлалось львиное, а лице человѣчье. Подобнымъ образомъ, если хотѣли они дать понятіе о проницательности, о памяти, о могуществѣ, объ искуствѣ, о промышленности, то изображали въ своихъ храмахъ выпуклымъ письмомъ ликъ человѣка. Или вотъ

(*) Дѣло въ томъ, что здѣсь у Апостола стоитъ въ подлинникѣ στολή, *одежда*, какъ называетъ онъ преображенное тѣло, а не жилище σκυνή, какъ въ русскомъ переводѣ. Кажется именно кроющуюся здѣсь мысль Климента развилъ впослѣдствіи Оригенъ въ соч. противъ Цельса кн. II, § 64-й (Яр. еп. вѣд. 1879 г. № 32 й).

(*) І. Піерій Валеріанъ въ XXXI кн. Hieroglyphicorum, сходясь съ Климентомъ въ объясненіи частностей сей картины, утверждаетъ только, что не крокодилъ былъ на краю ея изображенъ, а гиппопотамъ и что это было въ другомъ городѣ; значеніе же изображенія онъ передаетъ такъ: «Родимся, старѣемъ, живемъ, умираемъ: враждуетъ противъ насъ природа».

бенце символъ. При изображеніи пиршествъ боговъ, которыя у нихъ назывались κωμασίαις, у нихъ принято было вокругъ столующихъ носить четыре золотыхъ статуи; первой и второй изъ нихъ было изображеніе собаки, третьей—ястреба, а четвертой—ибиса. И четырьмя этими изображеніями у нихъ обозначались нашихъ четыре буквы. Двѣ собаки были символомъ двухъ полушарій, обращающихся вокругъ самихъ себя въ орбитѣ, остающейся неизмѣнною; ястребомъ обозначалось солнце съ его палящими лучами и ихъ разрушительной силой, потому что Египтяне приписывали солнцу распространеніе заразительныхъ болѣзней (*); ибисъ собою представлялъ луну; черныя перья на немъ означали мракъ, а бѣлыя свѣтъ этой планеты (**). По другому толкованію двумя собаками обозначались оба тропика, два этихъ бдительныхъ стража, изъ которыхъ одинъ поставленъ на порогѣ южныхъ странъ, а другой на порогѣ сѣверныхъ; они назираютъ за теченіемъ солнца, когда оно приближается къ одной изъ этихъ точекъ. Ястребомъ въ такомъ случаѣ означался бы экваторъ по причинѣ возвышенности этой линіи и жаровъ ее опаляющихъ; ибисомъ же значитъ обозначаемъ былъ косой кругъ, иначе зодіакъ, потому что именно ибисъ между другими животными тоже, что косой кругъ среди другихъ круговъ; и кажется именно этотъ-то косой кругъ привелъ Египтянъ къ открытію счисленія и межеванія.

8. Понятія священныя не только у нашихъ священныхъ писателей, но и у поэтовъ и мудрецовъ изъ среды другихъ народовъ, принято было выражать символически.

Иносказательный же этотъ способъ выраженія мыслей принятъ былъ не только у образованнѣйшаго сословія народа Египетскаго, но и у всѣхъ другихъ народовъ, какъ скоро расцвѣтали у нихъ науки и искуства. Объ Иданѳурѣ, царѣ Скиѳовъ (*), Ферекидъ Сиріянинъ повѣствуетъ, что онъ, при извѣстіи о переходѣ Даріемъ Истра, послалъ ему вмѣсто письма, грозя войною, символы ея: мышь, лягушку, птицу, стрѣлу и сошникъ изъ плуга. При видѣ этого страннаго подарка, въ лагерѣ Даріевомъ всѣ стали спрашивать, что бы это значило и что нужно думать о присланномъ. Тогда поднялся тысяченачальникъ Оронтопагъ и сказалъ: «Великій царь! Это значитъ, что Скиѳы тебѣ покоряются. Мышь значитъ, что они предаютъ во власть твою свои дома; лягушка, что они предоставляютъ тебѣ пользоваться своими водами; птица—воздухомъ; стрѣла—соединяютъ съ твоимъ свое оружіе; сошникъ плуга, что они уступаютъ тебѣ земли своей страны». Но Ксифодръ понималъ препровожденный даръ иначе. Онъ говорилъ: «Если мы не уйдемъ изъ этой страны быстро подобно птицамъ или не спрячемся въ землю подобно мыши или же въ воду подобно сей лягушкѣ, то не укрыться намъ отъ стрѣлъ Скиѳовъ, потому что мы не господа этой страны».—Тотъ же самый историкъ разсказываетъ, что Скиѳъ Анахарсисъ всегда спалъ прикрывая лѣвой рукой органы подчревія, а правой — ротъ, давая тѣмъ понять, что слѣдуетъ обуздывать языкъ и сладострастіе, и первый еще болѣе, чѣмъ другое.

Но къ чему мнѣ останавливаться на народахъ варварскихъ, когда легко доказать, что сами Эллины часто пользовались аллегорическимъ способомъ выраженія мыслей? Ученикъ Пиѳагора Андрокидъ говоритъ, что письмена извѣстныя подъ именемъ Ефесскихъ и слава коихъ была очень распространена, были чисто символическими (**). Напр. «ἄσκιον» означаетъ темноту, потому что она дѣйствительно безтѣнна; κατάσκιον же значитъ свѣтъ, потому что

(*) Тоже Гомеръ въ 1-й рапсодіи Иліады.

(**) Ибисъ въ Египтѣ былъ двухъ видовъ: черный, водившійся, по Аристотелю, только въ Пелузіумѣ Нильской дельты, и бѣлый — во всемъ Египтѣ, кромѣ Пелузіума.

(*) Геродотъ (IV, гл. 127) называетъ этого царя Индаѳюрсомъ.

(**) Этими были нѣсколько загадочныхъ словъ, написанныхъ на вѣнкѣ, поясѣ и ногахъ Артемиды Ефесской; списанныя они служили заклинатель-

имъ разгоняются темнота и тѣни; λίξ значитъ косой. древнее имя земли. Словомъ τέτρας, что значитъ четверичное число, аллегорически обозначается годъ, по причинѣ четырехъ временъ года, на которыя онъ раздѣляется. Словомъ Δαμναμενεύς называется солнце. Будучи сложено изъ δαμάω укрощаю, обуздываю и αἴσια, что значитъ слово истинное (αἴσα судьба), все то слово слѣдовательно означаетъ собой непреодолимое могущество(*). Символъ есть не иное что какъ украшеніе, коимъ прикрывается понятіе о вещахъ Божественныхъ, такъ напр. темнота приравнена къ свѣту, солнце къ году, земля къ разнымъ произведеніямъ природы. Или вотъ это лучше. Грамматикъ Діонисій Ѳракіянинъ въ своемъ сочиненіи «Объясненіе символа колесецъ» говоритъ буквально слѣдующее: «Нѣкоторые же учили морали не только словомъ, но и при посредствѣ символовъ: чрезъ слова, потому что ими были выражаемы наставленія подобныя тѣмъ, какія намъ извѣстны подъ названіемъ Дельфійскихъ и которыя были изложены въ такихъ изреченіяхъ, какъ: «Ничего слишкомъ», «Познай самаго себя»; чрезъ символы же такимъ образомъ: въ храмахъ были поставляемы то колесца, заимствованныя отъ Египтянъ, то вручались поклонникамъ пальмовыя вѣтки». Орфей Ѳракіянинъ намекаетъ на эти символы, говоря:

> Есть разныя работы, коимъ человѣкъ какъ вѣтка
> отдается здѣсь на землѣ.
> Ничѣмъ однимъ умъ его не занятъ исключительно;
> Жребіи безпрестанно вертятся вокругъ него, никогда не въ состояніи будучи остановиться на одной точкѣ;
> Но какъ вначалѣ дано было вещамъ вращательное движеніе, такъ и въ послѣдующее время
> Постоянно онъ удерживаютъ его.

Вѣткой символически обозначаются первые начатки пищи. Быть можетъ назначеніемъ этого символа было напоминать народу, что плоды на вѣтвяхъ произрастаютъ, усиливаются въ ростѣ и существуютъ въ теченіе долгаго времени; вѣткамъ же самимъ назначено въ удѣлъ существованіе лишь кратковременное. Это значитъ, что Эллины находили этотъ символическій знакъ подходящимъ для обращенія вниманія всякаго на краткость его дней. Быть можетъ поклоннику передачей вѣтки въ храмѣ говорилось и какъ бы слѣдующее: «Подобно тому какъ эта вѣтка, будучи брошена въ огонь, сгоритъ: точно также и носители ея, по прошествіи этой жизни, послужатъ пищей пламени». Знаніе языка символическаго во всѣхъ отношеніяхъ очень полезно. Полезно оно для здраваго богословія, для благочестія, для изощренія остроты ума, для сбереженія времени, для обнаруженія своихъ мудрости и разума. «Свойство мудреца, говоритъ грамматикъ Дидимъ, это ловко пользоваться символомъ и постигать тайну, сокрытую подъ формой его».

Первоначальное обученіе, получаемое дѣтьми, также содержитъ въ себѣ объясненіе четырехъ первоначальныхъ стихій слѣдующими таинственными словами(*). Извѣстно, что Фригіяне обозначали воду словомъ Bedy. Орфей употребляетъ сіе слово именно въ этомъ смыслѣ:

> И разливаютъ Наяды изъ своихъ фонтановъ чистую воду (Bedy).

ным талисманомъ; и ходила молва, что пользованіе ими спасало отъ всякихъ опасностей, помогало въ состязаніяхъ и проч. Объ этихъ таинственныхъ словахъ Климентъ уже имѣлъ случай упоминать въ Стром. I, гл. 15.

(*) Вотъ эти-то слова и носили названіе и составляли содержаніе такъ называемыхъ «Ефесскихъ грамматокъ». Плутархъ, Sympos. VII, 5, объ этихъ волшебныхъ грамоткахъ пишетъ: «колдуны людямъ бѣсноватымъ надѣвали ихъ на шею и приказывали написанное на нихъ прочитывать или же наизусть выучивать».

(*) Далѣе приводятся писателемъ выраженія техническія, которыя содержатъ въ себѣ всѣ буквы греческаго алфавита и предлагаемы были дѣтямъ вѣроятно для утвержденія ихъ произношенія. Но такъ какъ это была, по замѣчанію самого Климента, система воспитанія Египетскаго, то открывается, что и самое это воспитаніе пропитано было суевѣріями. Внушали суетную вѣру въ

Діонъ утробогадатель также говоритъ: «Бери воду, лей ее на свои руки, потомъ гадай по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ». Комическій поэтъ Филюдей напротивъ подъ словомъ Bedy разумѣетъ жизненный воздухъ:

О еслибы устроили боги такъ, чтобъ я могъ
вдыхать въ себя Bedy, источникъ здоровья.
Да, я прошу ихъ даровать мнѣ для дыханья воздухъ чистый, безпримѣсный.

Раздѣляетъ такое пониманіе слова Bedy и Неанѳъ Кизическій. «Македонскіе жрецы», говоритъ онъ, «обращаются въ своихъ молитвахъ къ Βέδυ, испрашивая у него счастливаго бытія для себя и своихъ дѣтей. Они понимаютъ подъ этимъ словомъ воздухъ, коимъ мы дышемъ».

А слово Zaps неученые толкователи производятъ отъ ζέσις кипѣніе и утверждаютъ, будто бы оно значитъ огонь. Но это не такъ. Zaps значитъ море, какъ можно въ этомъ убѣдиться изъ отвѣта Евфоріона Ѳеоридѣ:

И Ζάψ, великая губительница кораблей, разбила
ихъ о скалы.

Діонисій, по прозванію Ямбъ, употрэбляетъ это слово въ томъ же смыслѣ:

И Zaps въ своей соленой равнинѣ страшно безпокоилъ ихъ своими шумными волнами.

Комическій поэтъ Кратинъ младшій также говоритъ:

Zaps рождаетъ раковъ и маленькихъ рыбокъ.

Наконецъ у Симміаса Родосца мы читаемъ:

И волнообразный Zaps кормитъ среди своихъ соленыхъ нѣдръ Телхинцевъ и Игнетянъ.

Словопроизводство Χθὼν земля: отъ χέω, распространять, разливать, по величественному ея протяженію въ пространствѣ

Πλῆκτρον, маленькая бряцательная палочка. По мнѣнію нѣкоторыхъ, словомъ этимъ означается πόλος, ось, кругъ на небѣ съ обращающейся въ немъ звѣздою, полярная звѣзда; по мнѣнію же другихъ, это — воздухъ. Такъ названъ онъ или потому, что все трогаетъ, толкаетъ и двигаетъ, благопріятствуя произрожденію и развитію; или же потому, что онъ наполняетъ собою пространство. Но допускающіе это объясненіе навѣрное не читали философа Клеанѳа, который солнце прямо называетъ этимъ именемъ. Посмотрите дѣйствительно, какъ солнце восходитъ. Своимъ дискомъ какъ бы опираясь о землю, оно касается ея своими лучами; и въ своемъ равномѣрномъ движеніи какъ ритмически и вполнѣ величественно разливаетъ оно свѣтъ свой! По солнцу же Клеанѳъ называетъ этимъ именемъ и прочія звѣзды.

Что же касается слова «сфинксъ», происходящаго отъ σφίγγω давить, нажимать, то оно ни сцѣпленія вещей не означаетъ, ни кругообразнаго движенія нашего міра, какъ хочетъ этого поэтъ Аратъ. Желалъ бы я понимать подъ этимъ словомъ лучше родъ нѣкоего духовнаго порядка или гармоніи, проницающей міръ и его сдерживающей; или—говоря иначе и лучше—не эѳиръ ли этимъ означенъ, который окружаетъ землю и сжимаетъ все твореніе? За это свидѣтельствуетъ и Эмпедоклъ:

Вслушайтесь въ мою пѣсню.
Сначала я разскажу о происхожденіи солнца
И о началѣ, изъ котораго развилось все видимое нами:
Земля, море съ его безчисленными волнами,
Влажный этотъ воздухъ—гигантъ, и эѳиръ,
Который, объемля всю природу, связываетъ ее въ одно цѣлое.

Аполлодоръ Корциpянинъ разсказываетъ, что эти стихи были пѣты прорицателемъ Бранхомъ во время очистительныхъ церемоній, установленныхъ въ Милетѣ для освобожденія этого города отъ голода. Ходя среди народа и его кропя съ лавровой вѣтки очистительной водой, онъ пѣлъ начальные стихи молитвеннаго гимна:

Пойте, чада, Аполлону и Артемидѣ, насъ издали поражающимъ,

какія-то магическія слова, заучивали ихъ; писатель приводитъ даже три такихъ заговорки, что все нами, какъ само собой понятно, должно быть предано вѣчному забвенію и осужденію.—Что же касается до словопроизводствъ нашего писателя, то они, при настоящемъ состояніи филологической науки, и малой критики не выдерживаютъ.

а народъ отвѣчалъ ему такимъ припѣвомъ: Βέδυ, Ζάψ, Χθών, Πλῆκτρον, Σφίγξ, Κναξζβί, Χθύπτης, Φλεγμός, Δρώψ. — Упоминаетъ объ этомъ фактѣ и Каллимахъ въ своихъ «Ямбахъ». По его толкованію словомъ Κναξζβί обозначается болѣзнь, по производству его отъ κναίειν, разрушать, истреблять и διαφθείρειν, разсыпать. Χθύπτης, по производству отъ τύφω воспламенять, означаетъ воспламеняющаго молніей.

Трагическій же поэтъ Θесписъ объ этомъ кажется другаго мнѣнія. Его онъ выражаетъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Вотъ я подношу тебѣ возліяніе изъ бѣлаго Κναξζβί,
Моими руками надоенное изъ вымени бѣлой коровы.
Вотъ тебѣ смѣсь сыра съ краснымъ медомъ.
О Пане двурогій! Я поставляю эту священную смѣсь на твой престолъ;
Вотъ я возливаю предъ тобою пламенный напитокъ Вакха.

Θесписъ первымъ изъ этихъ словъ безъ сомнѣнія обозначаетъ ту млековидную пищу, коей питается наша душа и которая состоитъ изъ 24 знаковъ нашихъ идей. Сіе-то начальное млеко сгустившись образуетъ уже болѣе твердую пищу. Поэтъ оканчиваетъ свою рѣчь словомъ о крови виноградной Лозы, т. е. Логоса, — о томъ пламенномъ и таинственномъ винѣ, о той полной и совершенной радости, которая происходитъ отъ посвященія въ христіанскія таинства. Δρώψ, это дѣятельный Логосъ, который, возвышая новообращеннаго съ первыхъ ступеней катихизаціи до состоянія развитого человѣка *въ мѣру возраста* зрѣлаго (Еф. IV, 13), возбуждаетъ и просвѣщаетъ разумъ.

Называютъ еще третій символъ, назначенный для дѣтскаго воспитанія, это: Μάρπτες, σφίγξ, κλώψ, ζυγχθηδόν. Если я не ошибаюсь, онъ значитъ, что до разумѣнія вещей совершеннѣйшихъ должно доходить познаніемъ законовъ, кои управляютъ этимъ міромъ и стихіями, дабы пріобрѣтать намъ вѣчное спасеніе добродѣтельной жизнію и трудами. И дѣйствительно въ словѣ μάρπτες есть идея схватывать, постигать; сфинксъ представляетъ гармонію міра; ζυγχθηδόν обозначаетъ трудность, препятствія; а κλώψ въ одно и то же время означаетъ и день и сокровенное познаніе тайнъ нашего Господа.

Но какъ? Эпигенъ въ своемъ сочиненіи «О поэзіи Орфея», объясняя особенныя выраженія этого поэта, развѣ не говоритъ, что челнокъ у ткачей своими загнутыми кончиками напоминаетъ плугъ, а основа или навой — загоны, нити утка—сѣмя, сѣемое земледѣльцемъ? И слезами Зевса не дождь ли обозначается? А въ богиняхъ, завѣдующихъ судьбами человѣка (латин. Парки), рѣзвѣ не луны разныя фазы олицетворены, первая четверть, послѣдняя и новолуніе? Вотъ почему Орфей, какъ добавляетъ Эпигенъ, называетъ ихъ λευκοστόλους, т. е. одѣтыми въ бѣлое, потому что онѣ участницы свѣта. И опять: Ἄνθιον (цвѣтистый) у того же Орфея не означаетъ ли весну, сезонъ цвѣтовъ? Ночь онъ называетъ бездѣятельной, лѣнивой, ἀργιδα, потому что она приноситъ съ собой часы спокойствія, сна, отдыха. Лунѣ онъ даетъ эпитетъ γοργόνιον, потому что ея дискъ повидимому схожъ съ лицомъ Горгоны. Подъ Афродитой этотъ поэтъ, истолкователь вещей божественныхъ, разумѣетъ время, когда нужно засѣвать землю.

Школа Пиѳагорейцевъ не менѣе пользовалась символами. Планеты,—по ихъ аллегорическому представленію,—это собаки Ферсефоны; море—слезы Кроноса. Обозрѣвая творенія философовъ и поэтовъ, мы встрѣчаемъ у нихъ безчисленное множество аллегорическихъ выраженій и формъ. Есть даже цѣлыя книги, въ коихъ мысли авторовъ сплошь изложены прикровенно. Такова книга Гераклита «О природѣ», составившая своему автору репутацію писателя невразумительнаго и закрѣпившая за нимъ прозваніе «темнаго». Богословіе Θерекида сирянина схоже по формѣ изложенія съ этимъ сочиненіемъ Гераклита. Выразумѣніе поэта Евфоріона, «Причинъ» Каллимаха, «Александры» Люкофрона и другихъ сочиненій, писанныхъ въ томъ же родѣ, для всѣхъ истолкователей составляетъ искусъ и равно работамъ богатырскимъ (атлета).

Удивляться ли послѣ этого, что и Моисей пользовался той же символической формой из-

ложенія своихъ мыслей? Свою мудрость, о которой мы здѣсь разсуждаемъ, подобно другимъ древнимъ, онъ также изложилъ прикровенно и символически, какъ это и будетъ здѣсь показано. Этотъ характеръ носитъ напр. его *запрещеніе ѣсть мясо свиньи, ястреба, орла, ворона* (Лев. XI; Втор. XIV) (*). Свинья и дѣйствительно есть животное нечистое и возбуждающее сладострастіе. Она представляетъ собой воплощеніе плотскихъ вожделѣній чревоугодія, похотливыхъ порывовъ несдержаннаго сладострастія: она безпрестанно валяется въ грязи матеріи и тучнѣетъ только для того, чтобы быть заколотой и погибнуть. Съ другой стороны законодатель позволилъ своему народу употреблять въ пищу мясо животныхъ, отрыгающихъ жвачку и имѣющихъ разсѣченное копыто. Что бы значило это? Варнава отвѣчаетъ намъ, что пророкъ симъ какъ бы слѣдующее сказалъ: «Прилѣпляйтесь къ людямъ боящимся Господа, сохраняющимъ на днѣ своего сердца слово ими слышанное, бесѣдующимъ о заповѣдяхъ Господнихъ, оныя наблюдающимъ и понимающимъ, сколь великое утѣшеніе можетъ находить душа въ постоянномъ размышленіи о законѣ Господнемъ. Что же обозначено животнымъ, имѣющимъ раздвоенное копыто? А то, что праведникъ хотя и движется въ этомъ мірѣ, живетъ же онъ надеждою быть нѣкогда переселеннымъ въ міръ святыхъ. Смотрите же, прибавляетъ Варнава, какъ былъ мудръ и духовенъ законъ, данный Моисеемъ; но Евреи не могли постигнуть истиннаго смысла его (**). Что же касается насъ, которые получили это познаніе единственно по волѣ Господа, то мы можемъ хвастаться въ немъ познаніями. Для того Онъ и обрѣзалъ наши умы и наши сердца, чтобы

(*) Подобное въ «Пед.» III, 11 и «Стром.» II, 15.

(**) Порфирій изъ Херемона, писавшаго объ Египтянахъ, передаетъ, что жрецы Египетскіе также рыбы вовсе не употребляли въ пищу, а изъ четвероногихъ воздерживались отъ однокопытныхъ, многокопытныхъ и безрогихъ, изъ птицъ же отъ плотоядныхъ. Срав. у Геродота и Діодора Сицилійскаго.

насъ содѣлать способными вникать въ таинственный смыслъ закона. Итакъ когда Моисей сказалъ: *Не ѣшь ни орла ни ястреба ни коршуна ни ворона*, то онъ заповѣдалъ этимъ какъ бы слѣдующее: Не имѣйте никакихъ сношеній съ этими людьми, не умѣющими поддерживать своей жизни трудомъ и потомъ, а вмѣсто того живущими гребежомъ и несправедливостями, отнимая у другихъ то, чѣмъ они владѣютъ (*). Орелъ и дѣйствительно живетъ грабежомъ и хищничествомъ, ястребъ несправедливостями, а воронъ корыстолюбіемъ. Но написано: *Съ невиннымъ ты будешь невиненъ, съ избраннымъ — избранъ, съ нечестивымъ нечестивъ* (Пс. XVII, 25, 26). Слѣдуетъ же прилѣпляться къ людямъ священнымъ, потому что тѣ, кои надерживаются среди нихъ, и сами освятятся. Симъ-то внушены были Ѳеогнису слѣдующія слова:

Въ общеніи съ людьми добрыми ты научишься
дѣламъ добрымъ;
Если же ты знаешься съ людьми дурными, то исказишь всѣ свои понятія. (**)

Когда Моисей восклицалъ въ гимнѣ избавленія: *Онъ заставилъ о Себѣ гремѣть славу: коня и всадника Онъ ввергнулъ въ море* (Исх. XV, 1), то онъ какъ бы такъ вопіялъ: Онъ низвергъ въ море этого міра съ его бурями и шумными волнами тысячи грубыхъ и скотскихъ инстинктовъ пожеланія вмѣстѣ съ проводникомъ, который ѣздилъ на горячемъ этомъ животномъ и опустилъ поводья сладострастія (***). Платонъ въ своемъ разговорѣ «О душѣ» (****) изображаетъ предъ нами валящихся на земь сразу и вожатаго и непокорнаго коня, т. е. неразумную часть души, питающую страсти и пожеланія. Въ баснѣ о Фаэтонѣ скрывается тотъ же самый смыслъ. Безразсудный возничій опрокинутъ вмѣстѣ и со своей колесницей,

(*) Посл. Варнавы гл. 10.

(**) Платонъ въ «Менонѣ» также очень хвалитъ эти стихи и совѣтуетъ ихъ знать на память.

(***) Изъ Филона «De somniis» и др.

(****) Не въ «Федонѣ», а въ «Федрѣ», гдѣ и духовная жизнь мудреца изображается въ чертахъ схожихъ съ жизнію Климентова гностика.

потому что онъ не умѣлъ сдерживать своей невоздержности.

Исторія объ Іосифѣ кромѣ дѣйствительности представляетъ собой и иносказаніе. Въ юные годы Іосифа его братья, завидуя тому что своимъ предвидѣніемъ онъ прозиралъ яснѣе чѣмъ они въ знаніе будущаго, сняли съ него разноцвѣтную его тунику, взяли его и спустили въ сухую цистерну. Это было знакомъ ихъ оскорбительнаго пренебреженія къ пріобрѣтеннымъ столь трудолюбиво разнообразнымъ познаніямъ, коими отличался этотъ добродѣтельный сынъ Іакова. Или же поступокъ этихъ грубыхъ людей, вѣрившихъ лишь въ простую букву закона и бросившихъ своего брата въ безводную цистерну, имѣлъ символическое значеніе: цистерна та представляла собой Египетъ, не знавшій тогда слова Божія, въ который братья и продали Іосифа. Какъ бы то ни было, цистерна изображаетъ собою тупое невѣжество этихъ предателей. Имъ казалось, что мудрецъ тайно ввергнутый во мракъ долженъ лишиться здѣсь своего свѣта и сдѣлаться похожимъ на нихъ, т. е. лишиться всѣхъ познаній. По другому истолкованію снятіемъ сыновьями Іакова со своего брата разноцвѣтной одежды и потомъ низверженіемъ его въ пустой водоемъ знаменуется пожеланіе, вовлекающее въ разнообразныя чувственныя удовольствія и копающее подъ ногами человѣка пропасть бездонную.

(Цистерна Іосифова даетъ намъ поводъ разъяснить и другой законъ Моисея). *Если кто нибудь раскроетъ яму или выкопаетъ цистерну*, говоритъ законъ, *и не покроетъ ея и туда упадетъ волъ или оселъ, то хозяинъ ямы долженъ заплатить цѣну этихъ животныхъ, а трупъ переходитъ въ его собственность* (Исх. XXI, 33, 34). Присоедините къ сему слова пророчества: *Волъ знаетъ своего владѣтеля и оселъ свой хлѣвъ, Израиль же незнаетъ, кто Я* (Ис. I, 3). Что значитъ это? Авотъ что: Можетъ случиться, что въ школу вами открытую для сообщенія въ ней знаній, наберутся слушатели грубые, неспособные быть носителями истины, такъ какъ они понимать могутъ плохо и спотыкаться будутъ на каждомъ шагу: то будьте благоразумны и сдержанны въ пользованіи словомъ. Предъ этими непросвѣщенными людьми, не могущими быть и посвященными въ мудрость, которые идутъ къ вамъ ведомые не разумомъ, заприте доступъ къ роднику, берущему свое начало въ глубинахъ и отпускайте, выдавайте цѣлебную, спасительную воду лишь тѣмъ, кто жаждетъ истины. Закрывайте цистерну сію отъ умовъ, которые не могутъ вмѣщать глубинъ познанія. Самъ хозяинъ цистерны, гностикъ, по слову Господа, понесетъ кару и наказаніе стыдомъ; онъ будетъ виноватъ, если его братъ будетъ сожженъ величіемъ ученій, ему сообщенныхъ, потому что этотъ новообращенный былъ плохо подготовленъ къ уразумѣнію величія Логоса, а неразсудительный посвятитель допустилъ его до созерцанія, когда онъ былъ только еще дѣлателемъ (*); и такимъ образомъ неблагоразумно его отвлекъ отъ вѣры, которая дѣйственна и само по себѣ, безъ знанія. Наказаніе, которое онъ долженъ будетъ понести, это отчетъ, который онъ долженъ будетъ отдать волѣ Творца.

Такъ законъ и пророки постоянно движутся въ образахъ; и это продолжалось до временъ даже Іоанна крестителя. И хотя уже Предтеча начинаетъ выражаться яснѣе, потому что онъ, вмѣсто предсказыванія по образцу пророковъ, пальцемъ указываетъ на Того, Кто уже воплотился, Который столькими символами былъ предвозвѣщаемъ отъ начала міра; однакоже онъ не преминулъ сказать: *Я недостоинъ развязать ремней обуви Его* (Мк. I, 7; Лк. III, 16; Іоан. 1, 27). Смиренно онъ признаетъ, что ему не подобаетъ крестить столь всемогущаго Властителя, потому что дѣломъ очистителя по истинѣ спасительнымъ должно было освобожденіе души быть изъ подъ власти тѣла и отъ узъ грѣховныхъ, подобно тому какъ освобождаютъ ногу отъ оковъ, на нее надѣтыхъ. И не невозможно, что именно это по-

(*) Сопоставляется христіанинъ—исполнитель, работникъ, еще не подготовленный къ созерцанію, съ осломъ и воломъ.

слѣднее намъ благодѣяніе Спасителя, т. е. непосредственнѣйшее и насъ взыскавшее ближайшимъ образомъ, остававшееся до тѣхъ поръ сокрытымъ подъ покровомъ пророческихъ иносказаній, не невозможно, что тѣмъ изреченіемъ крестителя оно дѣйствительно было возвѣщено народу. Развязывая трудный узелъ пророчествъ, относившихся къ воплощенію и оное предвозвѣщавшихъ символически, раскрывая смыслъ ихъ, Предтеча, когда Логосъ уже самъ былъ на лицѣ, какъ бы такъ говорилъ людямъ: «Смотрите, вотъ та Добродѣтель, о которой чрезъ рядъ вѣковъ пророки столько разъ благовѣствовали. Наконецъ Она явилась и предъ вашими глазами».

Формальности, наблюдающіяся при подписываньи завѣщаній по Римскимъ законамъ, собственно говоря, также суть символы. Приносятъ вѣсы и нѣсколько ассовъ ходячей Римской монеты: составляется актъ отчужденія имущества и уступки его другому. За тѣмъ присутствующіе касаются ушей другъ у друга. Вѣсы и монета служатъ внѣшнимъ знакомъ справедливости, наблюденіе которой и рекомендуется въ настоящемъ дѣлѣ; актомъ передачи имущества опредѣляется стоимость его; троганье ушей предупреждаетъ свидѣтеля, что онъ обязанъ помнить о дѣлѣ, коего былъ посредникомъ.

9. Побужденія, по коимъ истина была скрываема подъ покровомъ иносказаній.

Безпокоюсь, чтобы желаніе показать повсемѣстную распространенность языка иносказаній нечаянно не вывело меня за границы должнаго. Времени цѣлой жизни моей не достало бы на поименованіе всего того множества мудрецовъ, которые пользовались этой формой при изложеніи своихъ мыслей. Пособлять памяти, способствовать краткости и сжатости языка, напрягать и изощрять умъ въ открытіи истины, вотъ троякая цѣль иносказательнаго способа выраженія мысли и языка символическаго въ сочиненіяхъ писателей у народовъ иностранныхъ и варварскихъ. Символизмъ признаетъ истинными своими учениками, находящими вкусъ и толкъ въ немъ, только тѣхъ изъ слушателей или читателей, кои усердны въ его допрашиваньи, въ требованьи отвѣтовъ отъ него, которые уже прежде на немъ развили свою личность, которые при живости своей вѣры и чистотѣ жизни добиваются мудрости и богословія истинныхъ. Онъ напоминаетъ намъ о необходимости руководителя и истолкователя. Чрезъ это мы относимся съ большей старательностью къ этому занятію и не рискуемъ сбиться съ дороги, потому что знаніе намъ сообщается людьми свѣдущими, нашедшими насъ достойными участвовать въ этихъ сокровищахъ. Прибавьте къ этому, что истина, усматриваемая за завѣсой, принимаетъ видъ болѣе величественный и внушаетъ къ себѣ бо́льшее благоговѣніе. Она походитъ на плоды, красота которыхъ возвышается, если на нихъ смотрѣть сквозь воду; или же—на формы, если о нихъ можно бываетъ только догадываться по одеждѣ: плодамъ таинственный блескъ воды придаетъ большее благолѣпіе, а формамъ нѣкоторая сокровенность служитъ въ пользу; между тѣмъ какъ свѣтъ бьющій на предметъ со всѣхъ сторонъ лишь открываетъ всѣ его недостатки. Да притомъ истина открытая, истина въ ея чистомъ видѣ и безъ покрововъ и понимаема можетъ быть только въ одномъ смыслѣ; между тѣмъ какъ если она выражена прикровенно, и такъ сказать скрыта между словами, то значеніе сей прикровенности можетъ быть истолковываемо различно, такъ что отъ человѣка темнаго и неученаго, неспособнаго разоблачать таинственную завѣсу покрововъ, истина при этомъ остается сокрытой, тогда какъ гностикъ безъ затрудненія читаетъ ее и за покровами. Ученія священныя не могутъ же быть опрометчиво открываемы первому встрѣчному; и сокровища мудрости не могутъ же быть отдаваемы на обезчещеніе и униженіе тѣмъ, въ которыхъ все нечисто, которымъ и сны и тѣ снятся только грязные. Итакъ тайна должна быть хранима и чтима. Справедливо ли дѣйствительно безъ разбора всѣмъ и каждому сообщать сокровища, пріобрѣтенныя съ такимъ трудомъ и открывать непосвященнымъ тайны Логоса?

Говорятъ, что Пиѳагореецъ Гиппархъ, обвиненный своими близкими въ томъ, что онъ огласилъ въ своихъ сочиненіяхъ ученія Пиѳагора (*), былъ исключенъ изъ школы и будто бы ему воздвигли погребальную колонну, какъ еслибъ онъ былъ мертвъ (**). Вотъ почему въ мудрости варварской, т. е. еврейской и христіанской, измѣна ученію и порабощенность чьей либо души господству страстей извѣстна подъ именемъ смерти (1 Кор. V, 2). И дѣйствительно, *что общаго между праведностью и беззаконіемъ*, восклицаетъ Божественный Апостолъ. *Что за связь между свѣтомъ и муракомъ? Можетъ ли согласіе быть между Христомъ и Веліаломъ? Что за общеніе у вѣрнаго съ невѣрнымъ* (2 Кор. VI, 14, 15)? Почитаніе, воздаваемое богамъ Олимпа, не отличается ли оно отъ почестей, оказываемыхъ простымъ смертнымъ (***)? Поэтому *выйдите изъ среды ихъ*, говоритъ Господь, *и отдѣлитесь и не прикасайтесь къ нечистому и Я приму васъ и буду вамъ Отцомъ и вы будете Моими сынами и дщерями* (2 Кор. VI, 17, 18).

(*) О правилѣ Пиѳагора «Не всѣмъ все д. б. открываемо» упоминаетъ и Цицеронъ въ предисл. къ 4 «Туск.».—Лаэрцій свидѣтельствуетъ, что ученіе Пиѳагора было неизвѣстно даже до времени Филолая и только онъ опубликовалъ его въ трехъ книгахъ, которыя Платонъ письмомъ просилъ купить за 100 минъ.

(**) Принятію въ Пиѳагорейскую школу предшествовали 5 лѣтъ искуса. Кто за это время дурно велъ себя или малопонятнымъ оказывался, тотъ деньги, какія онъ принесъ съ собой, получалъ вдвойнѣ, а школу долженъ былъ оставить. На память о немъ здѣсь ставили гробничный памятникъ или колонну. Точно такъ же поступали и съ тѣми, кто велъ себя не согласно съ правилами школы или ея тайны оглашалъ. Оригенъ въ сочиненіи противъ Цельса дважды (II, 12; III, 51) упоминаетъ объ этомъ пиѳагорейскомъ обычаѣ.—Св. Григорій Назіанзинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ также дѣлаетъ шутливое примѣненіе изъ сего обычая.

(***) Мѣсто, заимствованное какъ будто изъ какого-то поэта.

Между философами Греціи не Платонъ только и Пиѳагорейцы часто пользовались языкомъ символическимъ. Епикурейцы также похвалялись, что и у нихъ есть нѣкоторыя таинственныя ученія и не допускали всѣхъ до чтенія сочиненій, гдѣ они были изложены. Стоики основателю своей школы Зенону приписываютъ изложеніе нѣкоторыхъ тайныхъ ученій, которыя они тщательно скрываютъ отъ своихъ учениковъ, пока не увѣрятся въ искренности ихъ любви къ мудрости. Школа Аристотеля имѣетъ сочиненія двухъ родовъ: одни изъ нихъ называются эсотерическими или тайными, другія же экзотерическими, т. е. всѣмъ открытыми (*). Но этого не довольно. Учредители мистерій, люди мудрые, скрыли свои ученія подъ миѳами, прикрывая ихъ этимъ отъ вниманія толпы. Итакъ если уже люди свои собственныя измышленія скрываютъ подъ покровами, чтобы укрыть ихъ отъ взора невѣждъ, то что же удивительнаго, если мудрость Божественная святое и осчастливливающее насъ созерцаніе истины вѣчной сокрыла подъ формами символическими? И все-же ни ученія мудрости варварской, ни басни Пиѳагора, ни басня объ Эрѣ, сынѣ Арменія, Платономъ разсказываемая въ его твореніи «О государствѣ» (кн. X) и объ Эакѣ и Радамантѣ въ «Горгіи», о преисподней въ «Федонѣ», о Прометеѣ и Эпиметеѣ въ «Протагорѣ», и кромѣ того о войнѣ между Атлантянами и Аѳинянами, веденной въ Атлантикѣ (**), ничто изо всего этого во всѣхъ своихъ частяхъ не можетъ быть понимаемо иносказательно (***), а только тамъ, гдѣ выраженіемъ каждый разъ передается мысль лишь общая. Постоянно этотъ родъ мыслей мы нахо-

(*) Упоминаетъ о семъ и Оригенъ противъ Цельса I.

(**) Намекъ на разсказъ о семъ египетскаго жреца Солону въ Платоновомъ «Тимеѣ».

(***) Полагали многіе уже и изъ древнихъ, что въ миѳахъ Гомера, Орфея и другихъ древнихъ поэтовъ сокрыты нѣкоторыя тайныя ученія. Такъ уже Гераклитъ писалъ De allegoriis Homericis; подобнымъ образомъ думали и другіе.

димъ лишь намекаемымъ и скрываемымъ подъ покровомъ иносказаній.

У Пиѳагора ученики были раздѣлены по степенямъ его отношенія къ нимъ и болѣе или менѣе тѣсныхъ съ ними связей. Разрядомъ, заключавшимъ въ себѣ наибольшее количество ихъ, были такъ называемые «акусматики», слушатели. Въ другой разрядъ ученики зачислялись уже по выбору: они назывались «математиками» и съ большимъ усердіемъ занимались философіей. Что означалось этимъ разграниченіемъ какъ не то, что одно было говоримо всѣмъ, а другое отъ большинства скрываемо? Дѣйствительно есть вещи доступныя пониманію и простаго народа, и есть другія, кои нужно содержать втайнѣ. Мнѣ кажется, что Перипатетическая школа со своими категоріями вещей вѣроятныхъ и вещей научныхъ (*) не далека уже и отъ различенія мнѣній и славы человѣческихъ отъ дѣйствительной славы и истины неизмѣнной.

Не впадай въ рабство изъ желанія почестей и наградъ;
Это цвѣты одноднѣвные, раздаваемые рукою людской.
Заботься болѣе о благочестивомъ и о пріятномъ богамъ.

Музы іоническія говорятъ, что «простой народъ и мудрецы мнимые слѣдуютъ слѣпо за поэтами и пользуются законами, хорошо зная, что и законовъ и поэтовъ дурныхъ не мало, а хорошихъ очень мало. Люди избранные напротивъ ищутъ славы истинной.» «Да будетъ далеко отъ насъ, продолжаетъ тотъ же самый поэтъ, подражаніе толпѣ, привязывающейся къ вещамъ, лишь на одинъ день удовлетворяющимъ; люди наилучшіе пусть стремятся къ славѣ смертныхъ безсмертной; думать же объ удовлетвореніи пожеланій лишь самыхъ грубыхъ, схожихъ съ пожеланіями животныхъ, пусть они предоставятъ толпѣ. Невоздержность, развратъ, вотъ у ней единственая мѣрка счастія».

(*) По Аристотелю началами познанія могутъ быть или научныя, сами по себѣ въ себя внушающія вѣру; или вѣроятныя, правдоподобныя, которыя хотя и кажутся истинными, на самомъ же дѣлѣ должны еще оправдывать свою истинность.

Достославный Парменидъ Елеатянинъ также различаетъ два различныхъ пути. Онъ говоритъ:

Одинъ есть путь богини; на оный вводитъ богиня
съ сердцемъ мирнымъ и покойнымъ словами убѣжденія;
Другой путь, это—путь слѣдованія измѣнчивымъ мнѣніямъ человѣческимъ; это призраки и тѣни и довѣряться имъ опасно (*).

10. И по разсужденію Апостолов тайны вѣры должны быть облекаемы покровомъ.

Преславный и Божественный Апостолъ имѣлъ всѣ основанія сказать: *Чрезъ откровеніе возвѣщена мнѣ эта тайна, о которой выше я писалъ вамъ кратко, такъ что читая вы можете усмотрѣть мое разумѣніе тайны Христовой, которая не была возвѣщена людямъ предшествующихъ поколѣній, какъ теперь она открыта святымъ Его Апостоламъ и пророкамъ* (Еф. III, 3—5). Потому что есть для христіанъ совершенныхъ нѣкоторое особое ученіе, о которомъ въ посланіи къ Колоссянамъ Апостолъ пишетъ такъ: *Мы не перестаемъ молиться о васъ и просить Бога, чтобы Онъ исполнялъ васъ познаніемъ воли Его во всякой премудрости и всякомъ разумѣніи духовномъ, чтобы вы вели себя достойно Бога, во всемъ стараясь угождать Ему, принося плоды всякаго рода добрыми дѣлами, возрастая въ познаніи о Богѣ; словомъ, чтобы вы укрѣплялись всякаго рода добрыми качествами по могуществу славы Его* (Кол. I, 9—11). И затѣмъ Апостолъ присовокупляетъ: *По домостроительству Божію, мнѣ ввѣренному, чтобъ осуществить оное относительно васъ, чтобы исполнять относительно васъ слово Божіе, я проповѣдую вамъ тайну, остававшуюся сокрытою ото всѣхъ вѣковъ и предшествующихъ поколѣній, нынѣ же открытую всѣмъ святымъ, которымъ Богъ благоволилъ показать между язычниками, какое богатство славы въ тайнѣ сей* (Кол. I, 25—27). Слѣдовательно иное дѣло тайны, оставшіяся со-

(*) Проклъ о Платонѣ также замѣчаетъ, что онъ строго различалъ λόγους, традиціонныя мнѣнія и γνώσεις, научно обоснованныя.

крытыми даже до времен Апостольских и знаніе которых нам передано Апостолами, в свою очередь получившими оное от Господа; это — тайны сокрытыя в ветхом завѣтѣ, а нынѣ открытыя святым; и иное дѣло *богатство славы в тайнѣ сей для язычников* (Кол. I, 29) состоящее в вѣрѣ и надеждѣ на Христа, котораго в другом мѣстѣ Апостол называет *основаніем зданія* (1 Кор. III. 10). Далѣе, как бы из желанія вполнѣ очертить это *познаніе*, он присоединяет: *Вразумляя всякаго человѣка и научая его всякой премудрости, дабы сдѣлать всякаго человѣка совершенным во Христѣ Іисусѣ* (Кол. I, 28). Замѣтьте хорошенько: под *всяким человѣком* здѣсь не нужно разумѣть безусловно всѣх вообще, потому что в таком случаѣ не было бы и невѣрующих; далѣе, Апостол и не то хочет сказать, что для достиженія совершенства достаточно вѣры во Христа Іисуса, нѣт; *всякій человѣк*, выраженіе это означает цѣльнаго, полнаго человѣка, очищеннаго и по душѣ и по тѣлу. И чтоб убѣдиться вам, что совершенство, т. е. *познаніе*, не есть удѣл всѣх и каждаго (1 Кор. VIII, 7), слушайте опять Апостола: *Дабы соединенные в любви они богатѣли всяким богатством совершеннаго разумѣнія, открывающаго им познаніе тайны Бога и Отца и Христа, в котором сокровенны всѣ сокровища премудрости и вѣдѣнія* (Кол. II, 2, 3). *Будьте постоянны в молитвѣ, бодрствуя в ней и ее сопровождая благодареніем* (Кол. IV, 2). Благодарный благодарит Бога не только за то, что к душѣ имѣет отношеніе и за блага духовныя, но также и за то, что имѣет отношеніе к тѣлу и за блага тѣлесныя. Но Апостол дает нам и еще яснѣйшее доказательство того, что *познаніе не есть достояніе всякаго* (1 Кор. VIII, 7). Он пишет: *Молитесь также и о нас. чтобы Бог отверз нам дверь слова, дабы возвѣщать тайну Христову, за которую я нахожусь в цѣпях и дабы мнѣ так открыть ее людям, как она должна быть открыта* (Кол. IV, 3, 4). у Евреев были даже особыя заповѣди, передававшіяся устно и без посредства письменнаго. *Судя по времени, в теченіе коего вас учат*, говорит Апостол, *вам надлежало бы быть учителями*, так как вы состарѣлись на ветхом завѣтѣ; *и тѣм не менѣе вас нужно снова учить первым началам слова Божія; вы оказываетесь такими, что вам слѣдует молоко давать, а не твердую пищу. Всякій, молоком питаемый, неспособен понимать ученіе правды, потому что он еще младенец; твердая же пища свойственна совершенным и дух которых долгим упражненіем пріучен различать добро от зла: посему оставив рѣчь о первых начатках и основаніях ученія Христова, воспарим к совершеннѣйшему* (Евр. V, 12 — 14; VI, 1). Но и Варнава (*), содѣйствовавшій Павлу своим словом в апостольском его служеніи язычникам, говорит: «Пишу вам для того с такой простотой, чтобы вы меня поняли». И за тѣм он, точнѣе указывая путь и ступени гностическаго преданія, пишет: «Что говорит им Моисей пророк святой: *Вот что говорит Господь Бог: Вступайте во владѣніе этой плодоносной землей, которою Господь Бог клялся Аврааму, Исааку и Іакову, и владѣйте этою землею, гдѣ текут молоко и мед; Я вам дал ее в наслѣдство* (Исх. XXXIII, 1; Лев. XX, 24). Смотрите, что открывается нам в этих словах вѣдѣніем (**): ««Надѣйтесь на Христа, который имѣет явиться среди вас во плоти как человѣк»». Земля страждущая здѣсь означает человѣка, потому что Адам создан был из глины, взятой с поверхности земли. И какой способ выраженій! Бог называет землю плодоносную текущею медом и молоком (***). Благословен Господь наш. братіе, давшій нам премудрость и вѣдѣніе своих сокровенных тайн. И пророк говорит: «Кто уразумѣет притчу Господа, как не премудрый и вѣрую-

(*) Посл. его гл. 6.

(**) т. е. смыслом сего духовным и таинственным.

(***) т. е. христіанами, возрожденными и воссозданными Спасителем.

щій и любящій своего Господа?» (*). Познаніе этихъ вещей и дѣйствительно даровано лишь немногимъ.

И однакоже, какъ еще Варнава говоритъ, Господь не по зависти или ревности восклицаетъ въ Евангеліи: «Тайны Мои суть достояніе Мое и чадъ дома Моего» (Ис. II, 16). Нѣтъ, Онъ сказываетъ симъ только то, что своимъ избраннымъ Онъ даруетъ пристанище вѣрное, свободное отъ всякихъ заботъ и суетъ, дабы, оцѣнивъ важность выбора ими сдѣланнаго и его послѣдствій, они стали выше зависти. Кто не знаетъ о добрѣ, тотъ и дѣйствительно состоитъ человѣкомъ дурнымъ и злымъ, потому что *благъ одинъ только Отецъ* (Мѳ. XIX, 17). Незнать Отца, это равносильно смерти; тогда какъ знать Отца, это жизнь вѣчная (Іоан. XVII, 3), потому что это значитъ часть имѣть въ нескончаемомъ Божіемъ всемогуществѣ. Не подлежать смерти, это уже божественное свойство; тотъ слѣдовательно, кто уклоняется отъ познанія Бога, идетъ на смерть. Посему еще пророкъ говорилъ: *И дамъ Я тебѣ сокровища во тьмѣ хранимыя и богатства невидимыя, таинственныя, чтобы ты зналъ, что Я Господь Богъ* (Ис. XLV, 3). Давидъ также вопіетъ въ своихъ псалмахъ: *Но Ты, Господи, Ты возлюбилъ истину; Ты открылъ мнѣ тайны твоей мудрости* (Пс. L, 8). *День дню рѣчь передаетъ*, т. е. то, что писано безъ всякой прикровенности и ясно; *и ночь ночи открываетъ знаніе*, т. е. познаніе сокрытое подъ покровомъ таинственныхъ эмблемъ и иносказаній; *и нѣтъ языка и нарѣчія, на которомъ не былъ бы услышанъ голосъ ихъ* (Пс. XVIII, 2, 3), т. е. Богомъ услышанъ, изрекшимъ эти слова: *Сотворитъ ли что во мракѣ кто и не увижу Я его?* Вотъ почему ученіе и названо просвѣщеніемъ, потому что имъ открываются сокровенныя тайны, потому что только Глава скиніи открылъ крышку кивота завѣта, совершенно въ противность тому, что поэты о Зевсѣ говорятъ, изображая его закрывающимъ бочку съ благами, а открывающимъ ту, въ которой содержится зло (*). *Я не сомнѣваюсь, что придя къ вамъ, я сопровождаемъ былъ бы полнымъ благословеніемъ благовѣствованія Христова*, говоритъ Апостолъ. *Даръ духовный* (Рим. I, 11) и преданіе гностическое, которое онъ горитъ желаніемъ передать Римлянамъ устно и лицомъ къ лицу, потому что для него невозможно было сообщать то письменно, обое онъ называетъ *полнотой Христовой* (Рим. XV, 29), потому что въ обоихъ содержится *откровеніе тайны, которая оставалась сокровенною въ теченіе вѣковъ, явлена же нынѣ чрезъ писанія пророческія, и по опредѣленію вѣчнаго Бога содѣлалась извѣстною всѣмъ народамъ для приведенія ихъ въ покорность вѣры* (Рим. XIV, 24, 25). Апостолъ говоритъ *всѣмъ*, разумѣя подъ ними тѣхъ, кои вѣровали въ бытіе Божіе. Но и изъ сихъ немногимъ открытъ смыслъ тѣхъ тайнъ. На это уже и Платонъ указываетъ, говоря въ письмахъ о Богѣ: «Писать же должно въ выраженіяхъ загадочныхъ, чтобы въ случаѣ потери тобой записной твоей книжки на сушѣ или на морѣ, кто найдетъ ее и будетъ читать, не могъ понять ея» (**). Понятіе о Богѣ вселенной, который превыше всякаго слова, превосходитъ собой всякое воображеніе и всякое разумѣніе, дѣйствительно какъ и можетъ быть передано на письмѣ? Слово безсильно выразить всю безконечность Его всемогущества. Свое мнѣніе о семъ Платонъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Остерегайся, чтобы твоя записная книжка когда нибудь не попала въ руки недостойныя, и чтобы тебѣ не раскаяться въ этой оплошности. Наилучшимъ предохранительнымъ средствомъ отъ этого служитъ, это—ничего не писать, но повѣрять все лишь своей памяти, потому что невозможно, да, невозможно, чтобы вещи писанныя когда

(*) Буквально нѣтъ такихъ словъ въ Писаніи, а по смыслу схожи съ симъ мѣста: Ис. XL, 13; Притч. 1, 6; Сир. 1, 6.

(*) Разумѣется бочка Пандоры, изъ которой она, по рѣшенію Зевса, все зло на родъ человѣческій высыпала (Гезіода «Дѣла и Дни» I, 94 и д. Срав. Иліады XXIV, 527 и д.).

(**) Разумѣется 2-е письмо Платона къ Діонисію.

нибудь не попали въ чужія руки» (*). Св. Павелъ Апостолъ, остающійся вѣрнымъ символическому языку пророковъ и временъ древнихъ, изъ которыхъ Греціей и почерпнуты прекраснѣйшія изъ ея ученій, говоритъ почти этимъ языкомъ Платона. *Мы проповѣдуемъ*, говоритъ онъ, *мудрость эту между совершенными,—не мудрость этого міра и не князей сего міра мудрость, которая преходяща, но проповѣдуемъ мы премудрость Божію, въ своей таинственности остающуюся сокровенной* (1 Кор. II, 6. 7). Далѣе онъ внушаетъ намъ осторожность пускать эти ученія въ народъ. *И я*, пишетъ онъ, *мои братія, не могъ говорить съ вами какъ съ людьми духовными, но только какъ съ плотскими. Какъ младенцевъ во Христѣ я васъ питалъ только молокомъ, а не твердою пищею, потому что вы были не воспріимчивы для этого, да и теперь еще плотскіе* (1 Кор. III, 1—3). Такъ какъ молоко, по выраженію Апостола, есть пища дѣтей, а твердой пищей могутъ питаться только взрослые (Евр. V, 13, 14), то подъ первымъ слѣдуетъ разумѣть первоначальную пищу душевную, сообщаемую оглашеннымъ, а подъ второй полное и окончательное допущеніе къ созерцанію тайнъ. Плоть и кровь Логоса что собой означаютъ? Уразумѣніе Божественныхъ всемогущества и существа. *Вкусите и видите, что Христосъ есть Господь* (Пс. XXXIII, 9), говоритъ пророкъ (**). И дѣйствительно. Господь при этомъ вкушеніи самъ себя сообщаетъ тѣмъ, которые касаются этой пищи духовнѣйшимъ образомъ. Говорю: духовнѣйшимъ образомъ, потому что, по Платону, сему усерднѣйшему почитателю истины, душа сама себя питаетъ (***). Говорю о сообщеніи Господомъ себя самого въ таинствѣ тѣла и крови Его, потому что вкушеніе отъ плоти Божественнаго Логоса

(*) Въ томъ же 2-мъ письмѣ къ Діонисію.

(**) Срав. о семъ наше примѣч. къ «Пед.» I, въ гл. 6-й.

(***) Гиппократъ въ Платоновомъ «Протагорѣ» спрашиваетъ Сократа: «Душа же, Сократъ, чѣмъ питается»?—Сократъ: «Познаніями».—

(Іоан. I, 14) и питіе отъ Его крови (Іоан. VI, 53 и д.) равносильно познанію Божественнаго существа. Вотъ почему Платонъ во 2-й кн. своего творенія «О государствѣ» пишетъ: «Обращаясь же къ Богу не поросенка должно приносить въ жертву, но нѣчто по истинѣ великое и драгоцѣннѣйшее, сравнительно малодоступное» (*). Прислушаемся въ свою очередь и къ говоримому Апостоломъ: *Нашъ пасхальный Агнецъ—Христосъ, за насъ закланный* (1 Кор. V, 7). Жертва по истинѣ великая и драгоцѣннѣйшая: Сынъ Божій Себя принесшій въ жертву за насъ.

11. Пріобрѣтенію и содержанію истиннаго понятія о Богѣ много способствуетъ отреченіе отъ вещей и дѣлъ плотскихъ и мірскихъ; это рекомендовано даже и языческими мудрецами.

Жертвой Богу по истинѣ благовонной состоитъ безповоротное отверженіе нами и оставленіе исключительныхъ заботъ о тѣлѣ и подавленіе плотскихъ страстей. Нѣтъ другаго Богопочтенія болѣе истаго и болѣе благонадежнаго. Не это ли и внушило Сократу сказать сіи мудрыя слова: «Размышленіе о смерти есть уже мудрость» (**). И дѣйствительно. Не допускать въ мыслительную работу ни участія зрѣнія, ни вмѣшательства какого либо другаго изъ чувствъ, а вмѣсто того руководиться въ изслѣдованіи вещей зрѣніемъ единственно разума, высвобождаясь отъ всякаго сторонняго вліянія, не значитъ ли это стать на путь истинной мудрости? И вотъ цѣль пятилѣтняго молчанія, которое отъ его учениковъ требовалось

(*) Но Платонъ пишетъ объ этомъ въ смыслѣ нѣсколько иномъ, чѣмъ какъ хочется нашему писателю: «Сказанія о богахъ я не легко позволилъ бы разсказывать предъ людьми неразумными и молодыми, а лучше велѣлъ бы молчать о нихъ; когда же и настала бы необходимость говорить, то ради таинственности предмета у меня слушали бы о томъ весьма немногіе, приносящіе въ жертву не свинью, а что нибудь великое и рѣдкое, такъ чтобы слышать о семъ досталось весьма немногимъ».

(**) Многое въ этомъ родѣ говорящимъ выставляется Сократъ въ Платоновомъ «Федонѣ».

Пиѳагоромъ. Отвлекаемые отъ міра матеріальнаго, они должны были за это время созерцать Божество единственно глазомъ духа. Чудныя преданія! Но насколько дивны они, настолько же оказываются они заимствованіями, сдѣланными просвѣщеннѣйшими изъ философовъ у Моисея. *И какъ скоро кожа съ жертвеннаго животнаго снята*, говоритъ еврейскій законодатель, *отрѣжь у нея члены* (Лев. I, 6). Это значитъ: По освобожденіи души отъ матеріальныхъ покрововъ, она, обладая познаніемъ, освободившись отъ грубыхъ призраковъ воображенія и страстей, собою порождающихъ мнѣнія неосновательныя и лживыя, очищается наконецъ отъ всѣхъ плотскихъ пожеланій и освящается для свѣта. Большая же часть людей (*), скрывшись въ матерію, какъ бы улитка въ свою раковину, и подобно ежамъ валяясь въ кругу своихъ плотскихъ страстей, питаютъ относительно Божества, существа по преимуществу блаженнаго и нетлѣннаго, мысли не болѣе возвышенныя, чѣмъ какія они питаютъ и относительно людей. Люди эти хотя и братья намъ, но незнаютъ, что Богъ одаровалъ насъ множествомъ вещей, въ коихъ самъ Онъ не имѣетъ части съ нами. Такъ напр. Онъ даровалъ намъ произрожденіе, хотя самъ Онъ не рожденъ. Онъ снабжаетъ насъ пищею, хотя самъ Онъ не имѣетъ надобности ни въ какой пищѣ. Онъ далъ намъ возможность расти, хотя самъ остается неизмѣннымъ. Онъ даруетъ намъ счастливую старость и тихую кончину, хотя самъ не подверженъ ни старости, ни смерти. Не думаемъ, что Евреи, говоря о рукахъ Всемогущаго, о ногахъ, объ устахъ, объ очахъ, о Его пришествіи и отшествіи, объ Его гнѣвѣ, угрозахъ, хотѣли означить симъ, что Богъ подверженъ нашимъ страстямъ. Вовсе нѣтъ. Благочестіе видитъ въ этихъ выраженіяхъ только аллегоріи, значеніе коихъ мы объяснимъ, когда случай представится къ тому.

«Изо всѣхъ лекарствъ, говоритъ Каллимахъ въ своихъ «Эпиграммахъ», самое спасительное—мудрость». Но нѣтъ мудреца, который бы не научился своей мудрости отъ другаго. «Это законъ какъ прошедшаго, такъ и настоящаго», говоритъ Бакхилидъ въ своихъ «Пэанахъ» (*). Ибо не легко найти одному ключъ къ словамъ сокровеннымъ и таинственнымъ. Слѣдовательно можно только хвалить за то Исократа, что въ своемъ «Панатенаикѣ» поставивъ вопросъ: «Кому дать имя хорошо воспитанныхъ», онъ отвѣчалъ: «Тѣмъ, которые обращаютъ себѣ во благо происшествія каждаго дня; проницательность которыхъ судитъ здраво объ обстоятельствахъ и часто достигаетъ цѣли, преслѣдованіе которой должно бы быть брошено;—тѣмъ, которые привносятъ въ дружескія отношенія простодушіе и строжайшую честность; постоянно терпѣливымъ и безропотнымъ въ непріятностяхъ или обидахъ, коими другіе причиняютъ имъ страданіе, между тѣмъ какъ сами они стараются предъ тѣми, съ коими они знаются, не выказывать иначе какъ ровнаго расположенія духа и возможно большую умѣренность; тѣмъ, которые уже побѣдили въ себѣ сладострастіе; которые вмѣсто того, чтобы дать себя убить несчастію, смотрятъ своей злой судьбѣ прямо въ глаза съ геройствомъ достойнымъ благородства нашей природы; тѣмъ наконецъ,—и этотъ послѣдній разрядъ людей самый замѣчательный,—благоденствіе чье не можетъ ни ухудшаться, ни измѣняться, ни дѣлать ихъ надменными, но которые неизмѣнно удерживаются въ границахъ мудрости». Ораторъ наконецъ приходитъ въ своей рѣчи къ такому заключенію: «Что касается до тѣхъ, кто своими привычками и своимъ образомъ жизни исполняетъ безъ противорѣчія и измѣны самому себѣ не одну только какую нибудь изъ этихъ обязанностей, но разомъ цѣлый кругъ ихъ, тѣхъ я называю людьми просвѣщенными и совершенными, людьми, кои надѣлены всѣми добродѣтелями». Обращайте на то вниманіе, какъ уже Эллины, не имѣющіе о томъ понятія, что такое познаніе, про-

(*) Ближайшее къ сему по Филону.

(*) Приведитъ это и св. Кириллъ Александрійскій въ рѣчи 1-й противъ Юліана.

славляютъ похвалами лишь Божества достойную жизнь гностическую, проводимую по правиламъ познанія. Итакъ что же такое представляетъ собою познаніе? Идеи сего имъ не снилось даже и во снѣ. Если же у насъ единогласно признается, что познавать, это значитъ питаться Логосомъ, то—какъ и въ Писаніи—по истинѣ *блаженны алчущіе и жаждущіе истины, ибо они удовольствованы будутъ пищей нетлѣнной* (Мѳ. V, 6). Дивная вещь! Если прислушаться къ Еврипиду, то этотъ поэтъ, популяризировавшій мудрость на трагической сценѣ, чуть не соглашается съ тѣмъ, что мы сейчасъ сказали, ибо онъ, повинуясь, я незнаю какимъ тайнымъ внушеніямъ, изображаетъ разомъ и Отца и Сына. Онъ восклицаетъ:

Тебѣ, Царь всевышній, это возліяніе вина и этотъ жертвенный хлѣбъ.
Тебѣ, Зевсъ или Аидъ, если это послѣднее имя тебѣ больше нравится!
Прими благоволительно это изысканное приношеніе,
Состоящее изъ разнообразныхъ плодовъ, равно какъ и этотъ кубокъ, полный до краевъ.

Христосъ и дѣйствительно есть жертва чудная и священная, въ которой совмѣщены всѣ совершенства, такъ что она могла быть за насъ принесена Отцу. Стихи послѣдующіе показываютъ еще яснѣе, что поэтъ, помимо своего собственнаго вѣдома, говоритъ здѣсь о Спасителѣ.

Ибо въ одной и той же рукѣ ты держишь между небесными богами и скипетръ Зевса
И бразды царствъ земнаго и подземнаго.

Потомъ Эврипидъ прибавляетъ уже явно:

Просвѣщай души смертныхъ, желающихъ знать,
Откуда возникли споры и битвы,
Что за причина зла
И кого изъ блаженныхъ слѣдуетъ жертвами умилостивлять,
Чтобъ отдохнуть отъ своихъ трудовъ.

Это не безъ причины, что умилостивительныя очищенія суть первыя церемоніи въ мистеріяхъ Эллинскихъ, подобно тому какъ крещеніемъ отверзается дверь къ жизни у варваровъ (Тит. III, 5). Затѣмъ по степени важности занимаютъ второе мѣсто малыя мистеріи, подготовляющія къ мистеріямъ великимъ ученіемъ основнымъ. Тому. кто прошелъ послѣднія испытанія, нечего болѣе заниматься постиженіемъ цѣлаго вещей или всей ихъ совокупности: предъ духомъ востаетъ теперь не другая задача, какъ только отдаваться возвышеннымъ размышленіямъ и обнимать въ своихъ созерцаніяхъ и природу и вещи.

Что касается до насъ, то при очистительныхъ нашихъ церемоніяхъ нами обычно наблюдается исповѣдь и мы возвышаемся до созерцанія Первопричины путемъ анализа. Чрезъ анализъ мы возвышаемся постепенно до понятія о первоначальной Причинѣ, начиная съ тварей, которыя Первопричинѣ подчинены и кончая освобожденіемъ тѣла отъ естественныхъ свойствъ ему присущихъ. Уменьшимъ напр. три измѣренія: глубину, ширину и длину. Останется послѣ этого лишь сокращенная единица, такъ сказать, точка не подлежащая измѣренію ея объема и протяженія въ пространствѣ. Упраздните, уничтожьте эту самую точку, и вы попадете въ абстракцію единицы. Если же, освобождая тѣло отъ свойствъ ему присущихъ и отъ тѣхъ, кои носятъ имя безтѣлесныхъ, мы погружаться будемъ въ созерцаніе величія Христова и посредствомъ святости воспаримъ въ безконечность, то мы возвысимся нѣкоторымъ образомъ до Всемогущаго, хотя въ этомъ случаѣ мы и не будемъ еще постигать того, что въ Немъ есть, а только то, чего въ Немъ нѣтъ. Но чтобы эти выраженія, какъ: образъ, движеніе, состояніе, престолъ. мѣсто, десница, шуйца, въ священныхъ книгахъ прилагались къ Творцу вселенной буквально, о семъ непозволительно даже и думать, хотя и написано такъ. Что же за смыслъ этихъ словъ? Согласно съ обѣщаніемъ мы это разъяснимъ въ свое время.

Первопричина не ограничиваема какимъ либо однимъ опредѣленнымъ мѣстомъ Она выше пространства, выше времени, превыше всякаго человѣческаго слова и разумѣнія. Вотъ почему самъ Моисей восклицалъ: *Покажи мнѣ Тебя* (Исх. XXXIII, 18), свидѣтельствуя симъ ясно, что Бога не льзя познать обычными у

людей способами или изобразить человѣческимъ словомъ; можетъ же Онъ познанъ быть только добродѣтелью, истекающей изъ Него самого. Посему напрасно вы Его ищете; нѣтъ формы для Его постиженія; ничего въ Немъ нѣтъ подлежащаго нашимъ чувствамъ(*). Исходитъ же благодать познанія о Богѣ отъ Его Сына. Съ очевидностію насъ убѣждаетъ въ этомъ своимъ свидѣтельствомъ и Соломонъ: *Разума человѣческаго*, говоритъ онъ, *нѣтъ во мнѣ; мудрость же мнѣ даруетъ Богъ и я познаю святое* (Притч. XXX, 2). Образомъ. какой Моисеемъ избирается для изображенія Божественнаго провидѣнія, у него служитъ еще росшее въ раю древо жизни, а рай въ свою очередь можетъ изображать собою міръ, въ коемъ размѣщены всѣ дѣла творенія. Въ этомъ же мірѣ блисталъ и принесъ плоды и воплотившійся Логосъ (Іоан. I, 14; 1 Петр. II, 3). Живя на этой землѣ Онъ оживотворялъ тѣхъ, кто вкушалъ отъ сладости Его плодовъ. И въ самомъ дѣлѣ не древо ли спасительное представляетъ собою, что Онъ открылся намъ? Виновникъ жизни, не былъ ли Онъ на древѣ повѣшенъ для возбужденія въ насъ вѣры въ Себя? Далѣе Соломонъ намъ говоритъ еще: *Для тѣхъ, кто избираетъ ее и привязывается къ ней, мудрость состоитъ древомъ жизни* (Прит. III, 18). Посему и Всемогущій говоритъ къ Израилю: *Вотъ Я нынѣ поставилъ предъ твоими очами жизнь и смерть: ты свободенъ любить Господа Бога твоего и ходить по путямъ Его и повиноваться заповѣдямъ Его и вѣрить въ жизнь, Имъ обѣщаемую тебѣ. Еслиже станешь нарушать заповѣди и законы, которые Я далъ тебѣ, то погибелью погибнешь. Ибо любить Господа Бога твоего, вотъ въ чемъ твоя жизнь и долголѣтіе дней твоихъ* (Втор. XXX 15, 16 и д.). Сказано еще: *Авраамъ пошедши на мѣсто, о которомъ сказалъ ему Богъ, на третій день. возведши очи свои, издалека увидѣлъ мѣсто то* (Быт. XXII, 3, 4). И дѣйствительно такъ. Первый день наполненъ былъ удивленіемъ предъ тѣмъ, что прекрасно; второй—благородными стремленіями души; на третій же день разумъ наконецъ проникаетъ въ вещи духовныя, послѣ того какъ Учителемъ, воскресшимъ въ третій день, очи ума были отверзты (Еф. I, 18). Этими тремя днями можетъ означаться и тайна священнаго запечатлѣнія, въ которой новообращенный свидѣтельствуетъ свою вѣру въ истиннаго Бога(*). Соотвѣтственно сему и говорится, что *Авраамъ видѣлъ то мѣсто издали*. Въ область Бога (невидимаго) проникать трудно; это тотъ край, та страна, которую Платонъ называетъ областью идей. потому что, какъ мы читаемъ у Моисея, Богъ совмѣщаетъ и содержитъ въ Себѣ всю полноту и всеобщность идей. Авраамъ ту область видитъ издали. Выраженіе вполнѣ точное, ибо патріархъ еще держимъ былъ въ узахъ тѣлесныхъ и для введенія его въ познаніе сей тайны нуженъ былъ Ангелъ. Вотъ почему Апостолъ сказалъ: *Нынѣ мы зримъ Бога какъ бы въ зеркалѣ, тогда же Его увидимъ лицомъ къ лицу* (1 Кор. XIII, 12), т. е. единственно силою своихъ разумныхъ способностей, не затрудняемыхъ посредничествомъ тѣла и матеріи.

Однакоже мы можемъ открывать и зрѣть Бога созерцаніемъ Его въ своей мысли, если, освобождая свою душу изъ подъ власти чувствъ, мы будемъ стремиться усиліями единственно разума проникать въ существо каждой вещи, не отставая и никогда не разставаясь съ вещью прежде чѣмъ не воспаримъ въ области, вещамъ повелѣвающія, прежде чѣмъ не постигнемъ своимъ разумомъ истинное добро, составляющее высшую и послѣднюю цѣль всякаго познанія, если только это исходитъ изъ разумнаго принципа, съ чѣмъ согласенъ и Платонъ. Или вотъ это будетъ лучше. Моисей, не позволивъ воздвигать храмовъ и жертвенниковъ въ разныхъ мѣстахъ, но соорудивъ

(*) Нѣчто подобное у Филона въ его De nominum mutatione.

(*) Разумѣется запечатлѣніе крещеніемъ, въ которомъ вѣрующій свидѣтельствовалъ свою вѣру въ три лица пресвятыя Троицы и соотвѣтственно этому былъ трижды погружаемъ въ воду.

самъ единственный храмъ во славу Божію, не открылъ ли этимъ самымъ, что міръ есть твореніе единаго Бога, что признается и Василидомъ, и что существуетъ только одинъ Богъ, чего Василидъ уже не признаетъ? Моисей, какъ истинный гностикъ, понималъ очень хорошо, что Существо безпредѣльное не можетъ быть ограничиваемо какимъ либо однимъ мѣстомъ. Потому же онъ не предложилъ народу для почитанія никакого рѣзнаго или литаго изображенія, открывая этимъ, что Богъ невидимъ и безконеченъ Онъ хотѣлъ чрезъ это возвысить образъ мыслей своего народа и такъ сказать возвесть оный къ Богу, передавъ народу для почитанія лишь священное имя Божіе, собою и наполнявшее внутренность храма.

Потомъ и Логосъ, воспрещая возведеніе храмовъ и принесеніе жертвъ, не даетъ ли этимъ понять, что величіе Вседержителя не ограничено однимъ мѣстомъ? *Какой домъ*, говоритъ Господь, *вы можете построить для Меня? Небо престолъ Мой* (Ис. LXVI, 1), и т. д. И по поводу жертвоприношеній: *Не хочу Я ни крови воловъ, ни тука овновъ* (Пс. XLIX, 13), ни того, что далѣе Духъ Святый отвергаетъ устами пророка. Дивныя слова! Съ ними соглашается и Еврипидъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Какимъ храмомъ, выстроеннымъ рукою человѣка,
Могло бы Божество быть вмѣщено въ стѣнахъ его каменныхъ

А о жертвоприношеніяхъ тотъ же поэтъ говоритъ:

Богъ не нуждается въ нихъ, потому что Онъ—Царь вселенной;
Все это—химеры и измышленія поэтовъ.

Богъ, по сужденію Платона, міръ создалъ вовсе не для того, чтобы извлекать изъ него какую либо пользу; ни для того, чтобы собирать и принимать почтеніе отъ людей, боговъ и геніевъ,—родъ дани, которую Онъ взималъ бы со всего того, что призываетъ Онъ къ жизни; брать дань со смертныхъ, принимать почести и служеніе отъ боговъ и геніевъ, это значило бы брать суетную дань и ничтожную».

Слѣдовательно имѣютъ высокое значеніе слова Павла въ Дѣяніяхъ: *Богъ. сотворившій міръ и все, что въ немъ, будучи Господомъ неба и земли, не въ храмахъ, созданныхъ рукою человѣческой, живетъ; Онъ не можетъ быть чествуемъ произведеніями смертныхъ рукъ человѣческихъ, какъ еслибъ Онъ нуждался въ чемъ нибудь, Онъ который самъ даетъ всѣмъ и жизнь и дыханіе и все* (Дѣян. XVII, 24, 25). Зенонъ, основатель стоической школы, въ своемъ сочиненіи «О государствѣ» также говоритъ, что не слѣдуетъ ни храмовъ строить, ни статуй не нужно воздвигать, потому что никакое созданіе людское не можетъ быть боговъ достойно. Но заставимъ лучше говорить его самого: Онъ не страшится выражаться такимъ образомъ: «И храмовъ созидать вовсе не нужно, ибо не слѣдуетъ считать храмъ вещью какой-то святой и цѣнной. Ничто, выходящее изъ подъ рукъ каменотеса и грубаго ремесленника не можетъ быть святымъ и драгоцѣннымъ». Платонъ обнаруживаетъ слѣдовательно много мудрости. когда убѣжденный, что вся вселенная служитъ для Бога храмомъ, отводитъ гражданамъ своего «Государства» лишь небольшое мѣстечко въ городѣ, гдѣ они могутъ выставлять свои кумиры. Имѣть же свои домашнія молельни онъ запрещаетъ, кто бы это ни былъ, и мужчинамъ и женщинамъ (*). «И пусть никто другой говоритъ онъ, не посвящаетъ храмовъ богамъ! Въ другихъ государствахъ золото и серебро, коими блистаютъ и частные дома и храмы возбуждаютъ зависть. Не то въ государствѣ моемъ. И слоновая кость, ободранная отъ мяса, души лишенная, что это за жертва и можетъ ли она быть пріятна? Желѣзо и мѣдь должны идти на военное оружіе Жертвой, которую всякій можетъ приносить въ одинъ общій для всѣхъ храмъ, можетъ быть издѣліе, произведеніе его собственное, деревянное или каменное, это все равно, лишь бы оно ему самому нравилось и было сдѣлано изъ одного цѣльнаго куска». Тотъ же самый философъ и въ длиннѣйшемъ

(*) Срав. Платона «О законахъ» въ концѣ кн. X и въ XII.

изъ своихъ писемъ слѣдовательно имѣлъ всѣ основанія сказать: «Тайна существа Божественнаго не можетъ, какъ это происходитъ съ предметами другихъ наукъ, быть выражена человѣческимъ языкомъ. Долгое время сосредоточивая нашъ разумъ на ней и занимаясь ею, и послѣ того какъ съ предметомъ симъ мы заключили родъ сердечнаго союза, проникъ въ нашу душу свѣтъ, осіявъ насъ какъ бы искрометнымъ факеломъ, начиная съ какого времени душа и стала питаться сама собою». Эти слова не напоминаютъ ли они словъ пророка: «И былъ я объятъ духомъ и онъ поднялъ меня на пятое небо и любовался я Ангелами, такъ называемыми, Господствами; и на нихъ была діадема, возложенная отъ Святаго Духа; и тронъ каждаго изъ нихъ былъ всемеро блестящѣе, чѣмъ свѣтъ солнца при его восходѣ; и они живутъ во храмахъ спасенія и поютъ о неизреченномъ и всевышнемъ Богѣ» (*).

12. Богъ ни разумомъ не можетъ быть постигнутъ, ни словами понятіе о Немъ не можетъ быть выражено.

«Познать Отца и Создателя этой вселенной дѣло не легкое; а нашедши вы все-же не въ состояніи будете о Немъ возвѣстить всѣмъ» (**). «Потому что тайна Его существа, не такъ, какъ другія ученія, не можетъ быть выражена словами», говоритъ искренній другъ истины Платонъ (***). Онъ слышалъ безъ сомнѣнія говоримое о Моисеѣ, въ которомъ жила таже мудрость,—какъ онъ, готовясь взойти на гору, чтобы созерцать лицомъ къ лицу эту наиболѣе величественную изъ тайнъ, ощутимыхъ разумомъ, принужденъ былъ воспретить народу слѣдить за этими неисповѣдимыми откровеніями. И когда Писаніе говоритъ: *И вошелъ Моисей въ облако, гдѣ былъ Богъ* (Исх. XX, 21), то эти слова для человѣка способнаго понимать обозначали, что Богъ не можетъ быть видимъ глазомъ, ни изображенъ словомъ человѣческимъ (*). *Облако* же что значитъ? А то, что невѣріе и невѣжество большинству смертныхъ мѣшаетъ видѣть блескъ истины. Орфей, въ изложеніи ученія о Богѣ также вдохновлявшійся Моисеемъ, говоритъ:

Есть Существо, причину своего бытія заключающее
въ себѣ самомъ.
Все было сотворено рукою этого Существа.

Въ послѣднемъ стихѣ предикатъ можетъ быть понимаемъ и такъ: «рождено отъ сего одного», потому что есть тексты, гдѣ онъ переданъ такъ. За тѣмъ Орфей прибавляетъ:

Нѣтъ смертнаго, который бы видѣлъ Бога,
А Онъ, ихъ всѣхъ Онъ видитъ.

Но поэтъ выражается и еще яснѣе:

Я Его не вижу потому, что Его престолъ неизмѣнный
Находится среди облаковъ, и слабыя вѣжди людей,
Состоящихъ не инымъ чѣмъ какъ костью и плотью,
Не могутъ проникнуть въ эти глубины.

Подтверждаетъ предшествующее и Апостолъ своимъ авторитетомъ. *Знаю человѣка во Христѣ*, пишетъ онъ, *который былъ восхищенъ даже до третьяго неба и оттуда въ рай; и тамъ слышалъ онъ таинственныя слова, которыхъ человѣку не льзя пересказать* (2 Кор. XII, 2, 4). Апостолъ этимъ даетъ понять, что человѣческій языкъ безсиленъ изъяснить понятіе о Богѣ. *Не льзя*, говоритъ Апостолъ. Не то это значитъ, какъ еслибы онъ безмолвно повиновался какому либо закону или какому либо запрещенію, нѣтъ; онъ хочетъ намъ только то симъ сказать, что идея Божества не можетъ быть изъяснена людямъ, живущимъ подъ третьимъ небомъ, потому что если только выше третьяго неба начинаютъ Бога именовать,

(*) Заимствованіе изъ какого-то апокрифа. Первыя слова указываютъ на пророка Софонію, потому что въ его книгѣ есть подобная фраза.

(**) Слова эти изъ Платонова «Тимея» отцами церкви цитуются часто. Такъ приводитъ ихъ св. Кириллъ въ рѣчи «противъ Юліана», Ѳеодоритъ Киррскій во «Врачествѣ», Григорій Назіанзинъ въ рѣчи 2-й «О богословіи», Іустинъ въ Апол. 2, Аѳенагоръ въ «Посольствѣ», Тертулліанъ въ Апол. 2-й, авторъ Recogn. Климента, Минуцій въ «Октавіи».—Самъ писатель нашъ уже цитовалъ данное мѣсто въ «Увѣщ.» гл. 6.

(***) Въ 7-мъ письмѣ.

(*) Подобное Филонъ въ «De nominum mutatione».

то и приникать въ священныя тайны душъ избранныхъ могутъ только Ангелы, тамъ живущіе. Относительно сего третьяго неба Писаніемъ напоминается мнѣ множество свидѣтельствъ варварской мудрости. Но ихъ я подожду минуту излагать, потому что мной уже обѣщано было изъясненіе другаго. Удовольствуемся на время однимъ мѣстомъ изъ Платона. Возбудивъ въ «Тимеѣ» вопросъ, существуетъ ли нѣсколько міровъ или только одинъ, обитаемый нами, философъ слова *небо* и *міръ* начинаетъ употреблять безразлично. Но будемъ говорить лучше его собственными словами: «Итакъ что справедливѣе, то ли, что существуетъ только одинъ міръ или нѣсколько или число ихъ безконечно? Лучше утверждать, что одинъ, если всѣ міры сотворены по одному образцу». Въ посланіи Римской церкви (Климента Римскаго) къ церкви Коринѳской между прочимъ написано: «Безграничный океанъ и міры внѣ его находящіеся». Соотвѣтственно сему Божественный Апостолъ восклицаетъ: *О, глубина богатства и премудрости и разума Божія* (Рим. XI, 33). Не символическій ли слѣдовательно смыслъ содержится въ пророческомъ повелѣніи дѣлать опрѣсноки и печь ихъ въ золѣ (Быт. XVIII, 6; Исх. XII, 6; XII, 39)? Этимъ указывается намъ на то, что слово по истинѣ священное и таинственное о Существѣ несотворенномъ и Его свойствахъ должно быть сокрыто подъ покровомъ. Тоже подтверждаетъ и Апостолъ, въ посланіи къ Коринѳянамъ ясно свидѣтельствуя: *Мы проповѣдуемъ премудрость совершеннымъ, не мудрость міра сего и не князей сего міра мудрость преходящую, а премудрость Божію, которая въ своей таинственности остается сокровенною* (1 Кор. I, 6, 7). И въ другомъ мѣстѣ: *Для того, чтобы достигнуть разумѣнія тайны Божіей о Христѣ Іисусѣ, въ которомъ сокрыты всѣ сокровища премудрости и знанія* (Кол. II, 2, 3). Спаситель нашъ и самъ освящаетъ слова Апостола, говоря: *Вамъ дано вѣдать тайну царствія небеснаго* (Мѳ. XIII, 11; Мк. IV, 11; Лк VIII, 10). Евангеліе повѣствуетъ намъ о нашемъ Господѣ, что Онъ говорилъ своимъ ученикамъ въ выраженіяхъ таинственныхъ (Мѳ. XIII, 34. 35). Тоже означено и сими словами пророка: *Откроетъ въ притчахъ уста свои и огласитъ вещи сокрытыя отъ начала міра* (Пс. LXVIII, 2). Но и чрезъ притчу *о закваскѣ* Спаситель указываетъ на сокровенность. *Подобно*, говоритъ Онъ, *царство небесное закваскѣ, которую женщина взявъ замѣсила съ тремя мѣрами пшеничной муки, пока не вскисло тѣсто то* (Мѳ. XIII, 33). Душа и дѣйствительно съ тремя ея частями (*), въ вознагражденіе за свое послушаніе, удостоиваема бываетъ спасенія двоякимъ образомъ. Она спасается или благодаря духовной силѣ, которою проникаетъ ее вѣра; или же крѣпость, намъ сообщаемая Логосомъ, сконцентрированная и державная, каковой она и есть, вліяя на того, кто ее получилъ и содержитъ въ себѣ, таинственно и невидимо все притягиваетъ на саму себя, сливаетъ всѣ нравственныя свойства его существа въ одно крѣпкое цѣлое. Солонъ обнаруживаетъ слѣдовательно много мудрости, въ стихахъ послѣдующихъ такъ выражаясь о Богѣ:

Изведать всю глубину знанія весьма трудно,
Ибо начало и конецъ всего заключается въ Богѣ.

Посему и поэтъ Агригентинскій (Эмпедоклъ) сказалъ:

Сколько ни возводите очей къ небу;
Какъ ни распростирайте рукъ:
Божества вамъ не постигнуть; путь торный,
По коему Оно нисходитъ въ умъ человѣка,
Есть вѣра.

Бога не видалъ никто никогда, говоритъ и Апостолъ Іоаннъ; только *единородный Сынъ, сущій въ нѣдрѣ Отчемъ, только Онъ могъ дать свѣдѣніе о Немъ* (Іоан. I, 18). *Въ нѣдрѣ, въ лонѣ Отчемъ*.... Нѣкоторые на основаніи сего выраженія, означающаго незримость Божію и невыразимость понятія о Немъ, позволяютъ себѣ называть Бога «глубиною» (**), потому что Онъ

(*) Разумѣется Платоническое раздѣленіе души на части: разумную, желательную и страстную. Срав. Пед. III, 1.

(**) Гомерическіи эпитетъ. Ил. II, 560; XVIII, 339.

все совмѣщаетъ и все объемлетъ въ нѣдрахъ своей необъятности (*); потому что Онъ безконеченъ и безпредѣленъ и границъ Его существа постигнуть никто не можетъ.

То несомнѣнно, что вопросъ о Богѣ соединенъ съ затрудненіями. Если то засвидѣтельствовано, что и вообще открыть какое бы то ни было начало—дѣло трудное, то тѣмъ мудренѣе открыть первое и древнѣйшее изъ всѣхъ началъ,—то начало, въ силу котораго существуютъ и удерживаютъ свое существованіе всѣ другія начала (**). И въ самомъ дѣлѣ какимъ именемъ назвать Того, который не рожденъ, не имѣетъ ни различій въ себѣ, ни вида опредѣленнаго, ни индивидуальности, ни числа, но Существо такое есть, которое ни акциденцій никакихъ въ себѣ не имѣетъ, а равнымъ образомъ и акциденціальному ничему не подлежитъ? Скажете ли вы, что Богъ есть цѣлое? Опредѣленіе несовершенное, потому что цѣлое собою представляетъ количество все-таки соизмѣримое, а Богъ есть Отецъ вообще всего существующаго. Захотите ли вы надѣлить Его разными частями? Но этого вы не въ состояніи сдѣлать, ибо въ существѣ своемъ сіе Единое недѣлимо. Вотъ почему Богъ безпредѣленъ, безконеченъ вовсе не въ томъ смыслѣ, какъ намъ представляется это,—какъ еслибы мы не могли Его обнять своей мыслью, а въ томъ, что Богъ и не подлежитъ измѣренію и нѣтъ предѣловъ, границъ въ Его существѣ. Нѣтъ также въ Немъ и формъ, а также не можетъ быть Онъ и поименованъ (***). А если иногда

(*) Подобное Филонъ въ «De confus. linguar.». Срав. въ «Стром.» II, 2,

(**) Выраженіе составленное по образцу встрѣчающагося въ «Федонѣ»: «Философы (мудрецы) ни о чемъ столько не заботятся какъ умереть и мертвыми быть».

(***) Имена даются вещамъ для различенія ихъ одной отъ другой, а Богъ, такъ какъ Онъ единъ и существа себѣ подобнаго или равнаго никакого не имѣетъ, то и ни въ какомъ имени не нуждается. Отсюда же происходитъ, что Его природа, намъ мало понятная и неизъяснимая, никакимъ особеннымъ именемъ описана быть не можетъ. Что Богъ не имѣетъ имени, это было постояннымъ ученіемъ какъ отцовъ такъ и философовъ. Срав. Пед. I, 7; Іустина въ Апол. 2, у Лактанція, у Минуція въ «Октавіи», у Оригена «противъ Цельса» въ Recognit. Климента кн. V и у иныхъ.

мы и указываемъ на Него такими выраженіями какъ: Единый, Благій, Духъ, Сущій, Отецъ, Богъ, Творецъ, Господь, то все это выраженія не точныя, изобразить Бога безсильныя. Мы прибѣгаемъ къ помощи этихъ прекрасныхъ словъ, сказывающихъ о нашемъ благоговѣніи къ Богу, лишь по неимѣнію настоящаго имени и слова которое могло бы основательно и опредѣлительно выразить нашу мысль о Немъ и остерегло бы насъ отъ другихъ поименованій, коими могъ бы униженъ быть Вѣчный (*). Ни одно изъ этихъ реченій, взятое въ отдѣльности, не даетъ понятія о Богѣ; всѣ же вмѣстѣ сказываютъ о Немъ какъ о Вседержителѣ Вещи познаются или по ихъ собственной природѣ или по взаимнымъ ихъ отношеніямъ между собою; къ Богу же ничто изъ этого не примѣнимо (**). Не можетъ быть Онъ также открыть и доказательствами, потому что они основываются на началахъ предшествующихъ и понятіяхъ прежнихъ; но чтобы существовало что либо ранѣе Существа несотвореннаго, это не представимо (***). Для постиженія Существа

(*) Подобное сему Филонъ въ «De confus. linguar».

(**) Понятіе о вещи можетъ быть составляемо или на основаніи свойствъ ей присущихъ или на основаніи ея отношенія къ чему либо близкому. Понятіе о Богѣ не можетъ быть ни тѣмъ ни другимъ образомъ составлено, потому что нѣтъ въ Немъ ни свойствъ никакихъ (акциденцій), ни частей, ни иного чего либо, что въ Него, въ Его существо было бы привзошедшимъ, ни такого, что Его къ какой либо иной вещи поставляло бы въ какое либо отношеніе.

(***) Повидимому имѣется въ виду Аристотелево опредѣленіе доказательства въ Analyt. Poster. I, 2, гдѣ говорится, что оно составляется изъ истиннаго и первоначальнаго и непосредственнаго и извѣст-

неизслѣдимаго ничего не остается слѣдовательно кромѣ собственной Его благодати и откровенія Его чрезъ посредство пребывающаго въ Его нѣдрахъ Логоса, что и Лука являетъ намъ, въ «Дѣяніяхъ Апостольскихъ» передавая въ такихъ выраженіяхъ рѣчь Павла: *По всему вижу, Аѳиняне, что вы очень богобоязливы. Ибо, проходя и видя статуи вашихъ боговъ, я встрѣтилъ даже и такой жертвенникъ, на коемъ было написано: «Невѣдомому Богу». Сего-то, котораго вы незная чтите, я и проповѣдую вамъ* (Дѣян. XVII, 23).

13. И по ученію мудрецовъ мірскихъ познаніе о Богѣ есть даръ, нисходящій отъ Него самого; и лишь удостоенные вдохновенія Божественнаго могутъ содѣлать насъ причастниками сего познанія.

Итакъ все, что можетъ быть именуемо, хочетъ оно того или не хочетъ, произошло и родилось (и должно умереть. Если же призывается къ безсмертію, то) или самъ *Отецъ привлекаетъ къ Себѣ* (Іоан. VI, 44; XII, 32) всякаго, кто жилъ непорочно и возвысился до понятія о Существѣ блаженномъ и безсмертномъ; или же свободная воля, свойственная намъ, возвысившись до познанія верховнаго блага, возбуждается и—какъ говорятъ въ гимнастическихъ заведеніяхъ — перепрыгиваетъ чрезъ преграды (рвы и изгороди), однако не безъ помощи особенной благодати. Ибо она «получаетъ крылья» (*), ободряется и отлагая обременяющую ее оболочку тѣла возвращаетъ ее родственной съ нею землѣ, а сама устремляетъ свой полетъ въ области наивысшія. Платонъ также разъясняетъ въ «Менонѣ» (**), что добродѣтель есть даръ Божій. Вотъ его слова: «Итакъ, Менонъ, изъ этихъ нашихъ разсужденій съ тобой вытекаетъ кажется довольно ясно, что тому, кому она дается, добродѣтель дается Божественнымъ жребіемъ?» Я же спрошу васъ: Этимъ Божественнымъ жребіемъ или Божественнымъ воздѣйствіемъ, какъ вамъ кажется, сими выраженіями не обозначилъ ли Платонъ гностическое познаніе, составляющее далеко не общее всѣхъ наслѣдіе? Философъ сей посему дополняетъ свою мысль яснѣе: «Если же въ теченіе всего этого разговора мы допытывались и разсуждали, добродѣтель не свойственна ли человѣку по природѣ или не можетъ ли она быть пріобрѣтаема ученьемъ, и если нашли, что въ душу своихъ чтителей она входитъ въ силу Божественнаго наитія, хотя и не безъ личнаго ихъ участія, то и хорошо это». Итакъ мудрость есть даръ Божій; добродѣтель, это—благодать Отца. Съ одной стороны она обусловливается нашей свободой, съ другой принятіемъ вѣры; раченіе же и дѣло награждаются высшимъ благоволеніемъ въ избраніи для наслѣдія. И здѣсь я сошлюсь предъ вами на свидѣтельство самого Платона, который открыто и ясно объявляетъ, что чадамъ Божіимъ слѣдуетъ давать вѣру. Въ «Тимеѣ», разсуждая о богахъ, кои и видимы и рождены (*), онъ прибавляетъ: «Говорить о богахъ, называемыхъ геніями, и разъяснять ихъ происхожденіе, это — дѣло, превышающее нашъ умъ. Нужно по этому вопросу обращаться за отвѣтомъ къ первымъ людямъ, которые, родившись богами, какъ они сами говорятъ, должны были вполнѣ знать своихъ отцовъ. И по истинѣ нельзя не вѣрить чадамъ Божіимъ, хотя бы въ подтвержденіе своихъ словъ они и никакихъ убѣдительныхъ или даже и просто правдоподобныхъ доказательствъ и не представляли».

Сомнительно, чтобы Эллины въ состояніи были представить намъ болѣе основательное свидѣтельство (о Богѣ), чѣмъ какое принесъ въ лицѣ своемъ нашъ Спаситель и всѣ получавшіе пророческое помазаніе; и Господь нашъ и пророки суть свидѣтели о Божествѣ неложные: Господь въ качествѣ истиннаго Сына Бо-

нѣйшаго и прежняго и основаній заключенія. Такъ является истина родственная тому, что доказывается. Отсюда писатель нашъ заключаетъ, что касательно Бога что либо доказываемо быть не можетъ, потому что по отношенію къ Нему какихъ либо началъ, принциповъ не существуетъ.

(*) Выраженіе Платона въ «Федрѣ».

(**) Подъ конецъ разговора.

(*) Послѣ Платонъ говоритъ о небѣ и его свѣтилахъ.

жія, пророки въ качествѣ чадъ, усыновленныхъ Богомъ. «Дадимъ же вѣру имъ, прибавляетъ Платонъ, потому что они усыновлены Богомъ». А если бы кто нибудь придя къ намъ сталъ взывать, накинувъ на себя роль въ нѣкоторомъ родѣ трагическую: «Не могу вѣрить,

Потому что не отъ самого Зевса я слышалъ оповѣщеніе объ этомъ,

то пусть онъ знаетъ, что священное Писаніе возвѣщено намъ самимъ Богомъ устами Сына. Не достоинъ ли вѣры этотъ самый Сынъ, возвѣщающій о вещахъ, надъ коими Онъ состоитъ Властелиномъ и которыя составляютъ личную Его собственность? Онъ говоритъ: *Никто не знаетъ Отца кромѣ Сына и того, кому Сынъ откроетъ* (Мѳ. XI, 27; Лк. III, 22). По сужденію Платона належитъ необходимость вѣрить даже и въ томъ случаѣ, еслибы въ предметѣ вѣры и не было тѣхъ или другихъ составныхъ началъ убѣдительности и правдоподобія; завѣтамъ ветхому и новому слѣдуетъ уже по тому одному вѣрить, что проповѣдуется ими истина; если же *не увѣруете*, говоритъ Господь, *то умрете во грѣхахъ своихъ* (Іоан. VIII, 24). *Вѣрующій* же напротивъ *имѣетъ жизнь вѣчную* (Іоан. III, 15, 16, 36; V, 24). *Блаженны всѣ тѣ, кои возложили свое упованіе на Господа* (Пс. II, 12). Упованіе, довѣріе къ кому либо, убѣжденность въ комъ либо есть одно изъ проявленій высокой вѣры въ кого либо. И въ правду. Если меня вѣра убѣдила, что Учитель, слово котораго я слышу, есть Сынъ Божій, тогда не имѣю ли я и твердаго довѣрія къ истинности Его ученія? Но какъ наставленность и углубленность мыслію въ самого себя, по сужденію Эмпедокла, прибавляетъ мудрости, точно такъ же упованіемъ на Господа въ свою очередь умножается вѣра, возвышается ея интенсивность. Мы объявляемъ это формально, съ соблюденіемъ всѣхъ порядковъ и околичностей, что порицаніе и обезцѣненіе мудрости кѣмъ либо и нападки чьи либо на вѣру непремѣнно сопровождаются восхваленіями беззаконія и поставленіемъ счастія въ удовлетвореніи всякаго рода пожеланій; но это развратъ, умственная и нравственная искаженность, обусловливаемая именно пренебреженіемъ, питаемымъ тѣми людьми къ вѣрѣ. Вѣра же, если она состоитъ добровольнымъ согласіемъ души съ чѣмъ либо, не разстается съ преданностью добродѣтели и состоитъ основой для образа мыслей и дѣйствій, блистающаго правотой.

Но слово «дѣлать», здѣсь возразилъ бы намъ тонкій Аристотель (*), употребляется о животныхъ и вещахъ неодушевленныхъ, между тѣмъ какъ слово «дѣйствовать» примѣняется только къ людямъ и къ тому что ихъ касается. Прекрасно! Такъ вотъ Аристотель пусть и вразумитъ своихъ національныхъ поэтовъ, говорящихъ о Богѣ, что Онъ «сотворилъ» всѣ вещи. «Всякое дѣйствіе, говоритъ онъ далѣе, есть или доброе или необходимое. Учинять беззаконіе или что либо неправое не представляетъ собою вещи хорошей и доброй, ибо никто не совершаетъ беззаконія для него самого, а по нѣкоторымъ побужденіямъ, имѣющимъ лишь внѣшнее отношеніе къ этому произвольному дѣлу. Въ дѣйствіяхъ же необходимыхъ нѣтъ участія свободы. Но совершать беззаконіе есть дѣло добровольное, слѣдовательно не настоитъ къ сему никакой необходимости. А человѣкъ добрый и отличается отъ злаго особенно цѣлью своихъ дѣйствій и чистотою своихъ пожеланій. Потому что всякій душевный порокъ есть порожденіе неумѣренности; и дѣйствовать по страсти, это значитъ дѣйствовать исходя изъ невоздержности, изъ злаго умысла и непотребства. Какъ дивно посему во всѣхъ своихъ подробностяхъ и частностяхъ это возвѣщеніе Спасителя: *Истинно, истинно говорю вамъ: кто не дверью входитъ во дворъ овчій, но перелазитъ индѣ, тотъ воръ и разбойникъ. А входящій дверью есть пастырь овцамъ. Ему привратникъ отворяетъ* (Іоан. X, 1—3). Затѣмъ Господь, продолжая то-же самое сравненіе, говоритъ: *Я — дверь овцамъ* (Іоан. X, 7).

(*) Въ Иѳикѣ къ Никомаху VI, 3.

Отсюда открывается, что для спасенія необходимо услышать истину изъ устъ Христа, хотя бы мы и возвысились до познанія и уразумѣнія положеній греческой философіи. Ибо наконецъ снято покрывало *съ тайны, которая не была открыта поколѣніямъ людей въ вѣкахъ предыдущихъ, какъ она возвѣщена сынамъ человѣческимъ нынѣ* (Еф. III, 5). И въ самомъ дѣлѣ, идея о единомъ Богѣ Вседержителѣ настолько въ своемъ родѣ единственна и несравненна, въ такой степени всесильна, что въ душахъ правдивыхъ и открытыхъ постоянно живетъ она въ формѣ откровенія нѣкоторымъ образомъ естественнаго; и большинство тѣхъ, кои не подавляютъ въ себѣ всякаго уваженія предъ истиной, часть имѣютъ въ этомъ вѣчномъ благодѣяніи намъ Божественнаго провидѣнія. И ограничиваясь здѣсь въ доказательство сего краткимъ приведеніемъ лишь нѣкоторыхъ примѣровъ, мы утверждаемъ, что Ксенократъ Халкидянинъ не очень страннымъ и озадачливымъ долженъ казаться намъ со своей вѣрой, что идея о Богѣ свойственна даже неразумнымъ животнымъ. Демокритъ же былъ противуположнаго мнѣнія; но сила принциповъ, имъ постановленныхъ, противъ воли увлекаетъ его къ признанію того же самого. Потому что, по его системѣ, тѣ же самые образы, кои проистекаютъ изъ Божественнаго существа, они же встрѣчаются и въ людяхъ и въ животныхъ разума лишенныхъ (*).

И какимъ образомъ человѣкъ можетъ не имѣть идеи о Богѣ, когда кн. Бытія намъ представляетъ его получающимъ дыханіе жизни и созданнымъ изъ субстанцій наиболѣе чистой и благородной, чѣмъ всѣ другія животныя (Быт. II, 7)? И вотъ почему Пиѳагоръ объявляетъ, что разумомъ проникается человѣкъ въ силу нѣкоего воздѣйствія Божественнаго. Платонъ и Аристотель согласны въ этомъ съ Пиѳагоромъ. Что касается насъ христіанъ, то мы говоримъ, что на вѣрующихъ нисходитъ наитіе Святаго Духа (*). По Платоникамъ разумѣніе есть истеченіе въ душу нѣкоторой части Божественнаго существа; умъ же есть ея мѣсто-

(*) Срав. въ «Увѣщ.» гл. 5.—По свидѣтельству св. Иринея (II, 19) Демокритъ училъ первый, что «множество различныхъ точно оттиснутыхъ образовъ, спустившись изъ всеобщности въ пустоту, образовали этотъ міръ».—Минуцій: «Что Демокритъ? Хотя онъ и былъ первымъ изобрѣтателемъ атомовъ, но по большей части не природу ли, которая создаетъ образы и не разумъ ли богомъ называетъ»? Этими образами онъ объясняетъ происхожденіе рѣшительно всего.—По Діогену Лаэрцію (IX, 44) Демокритъ говорилъ, что «видимъ мы и другими чувствами пользуемся потому, что врываются въ насъ образы вещей». По Плутарху (De plac. phil. V, 1), онъ же происхожденіе сновъ объяснялъ присутствіемъ въ насъ тѣхъ образовъ.—Отсюда открывается, что онъ какъ будто не признавалъ бытія Божія.—Цицеронъ «De natura deor.» lib. II пишетъ: «Бытіе же боговъ мудрецами или отрицалось, что нѣкоторымъ образомъ слѣдуетъ напр. изъ ученій Демокрита и Эпикура объ образахъ, или же было допускаемо; и за сужденіями сихъ должна быть признана состоятельность и нѣчто прекрасное».—Нашъ же писатель изъ ученія Демокрита выводитъ, что Демокритъ волей-неволей, для того чтобы оставаться вѣрнымъ своему собственному ученію и выводамъ изъ него, долженъ признавать бытіе Божіе, потому что образы тѣ какъ въ людей такъ и въ неразумныхъ животныхъ попадаютъ, вторгаются и входятъ «изъ субстанціи божественной», хотя Демокритъ подъ сею послѣдней разумѣлъ не иное что какъ природу.—Цицеронъ въ кн. I «О природѣ боговъ» гл. 12 пишетъ: «Демокритъ же, относя къ числу боговъ какъ образы свои и ихъ круговращеніе, такъ и природу эту, которая создаетъ эти образы и разноситъ, а равнымъ образомъ и наше знаніе и разумѣніе,—не въ величайшемъ ли заблужденіи находился»?

(*) Нашъ писатель называетъ Духомъ (Πνεῦμα) то, что многіе изъ философовъ называли «Умомъ» (νοῦς). Нѣкоторый свѣтъ на это можетъ пролить Татіанъ.—Св. Іустинъ философъ въ «Разговорѣ съ Трифономъ» въ духѣ Платона говоритъ: «Душа божественна и безсмертна; и она часть есть влаственнаго Ума». И далѣе: «Намъ предоставлено нашимъ умомъ Бога постигать».

пребываніе, точно такъ же какъ тѣло есть жилище души. Іоилъ, одинъ изъ двѣнадцати пророковъ, посему гласно и предъ всѣми сказалъ: *И будетъ послѣ сего: изолью Духъ Мой на всяку плоть, и ваши сыновья и дочери будутъ пророчествовать* (Іоил. II, 28). Не слѣдуетъ однакоже думать, что Духъ Божій въ каждомъ изъ насъ пребываетъ какъ нѣкая частица Божества. А какъ совершается это раздѣленіе Духа Святаго и что такое Самъ Онъ, мы объяснимъ это, когда будемъ разсуждать «о пророчествѣ» и «о душѣ». Настоящее же наше разсужденіе закончимъ словомъ Гераклита: «Невѣріе способно лишь закрывать глаза предъ глубинами познанія; невѣжество за нимъ засѣло какъ бы за окопомъ какимъ».

14. Свои постановленія Греки заимствовали изъ книгъ еврейскихъ.

Время перейти къ предметамъ послѣдующимъ и выставить на показъ заимствованія, вошедшія въ Эллинскую мудрость изъ варварской.

Такъ Стоики опредѣляютъ Бога какъ существо, изъ тѣла и духа состоящее, и будто бы душа наравнѣ съ Нимъ существуетъ въ силу своей собственной природы. Раскрываемъ свящ. Писаніе и находимъ тоже самое опредѣленіе почти слово въ слово (*). Но мы не доискиваемся здѣсь, — съ факеломъ истолкованія настоящаго и ученаго, — аллегорическаго смысла священныхъ книгъ и не слѣдуемъ примѣру борцовъ, умѣющихъ обдѣлывать свои дѣлишки; не напрашиваемся на отыскиваніе сего таинственнаго смысла тамъ, гдѣ его дѣйствительно не содержится подъ внѣшними покровами. Дѣло въ томъ только, что по увѣренію Стоиковъ душа Божественная разлита по всей природѣ, тогда какъ мы называемъ Бога единственнымъ Создателемъ вселенной, сотворившимъ ее при посредствѣ Логоса (*). Они введены были въ заблужденіе этимъ изреченіемъ книги Премудрости: *Премудрость изъ за чистоты своей всюду проходитъ и все проникаетъ* (Прем. VII, 24), не выразумѣвъ, что здѣсь рѣчь идетъ

(*) Писатель безмолвно какъ бы такъ добавляетъ: «только въ иномъ смыслѣ» (срав. ниже текстъ изъ кн. Премудрости). Стоики думали, что Богъ есть ζῶον безсмертное, animal immortale, какъ свидѣтельствуетъ Лаэрцій. «Субстанціей же Божественной, говоритъ онъ, считаютъ они весь міръ и небо». Тоже утверждали остальные изъ главъ Стоической школы, Хризиппъ, Посидоній и Антипатръ; т. е. имъ казалось, что міръ есть огромное животное, образованное Божественной душой. — Сенека въ письмѣ 97-мъ: «Цѣлое сіе и единое, которое заключаетъ насъ въ себѣ, и есть богъ». Поэтому-то, какъ говоритъ и нашъ писатель, они и учили, что «Богъ разлитъ по всей природѣ и проникаетъ Собой всю матерію». Срав. «Увѣщ.» въ гл. 5-й и «Стром.» I, гл. 11-й. — Секстъ Эмпирикъ въ своемъ «Гипотипозеонѣ», III, 24, пишетъ: «Стоики же думали, что духъ проницаетъ (διῆκον) всю матерію διὰ καὶ τῶν εἰδεχθῶν. Тоже Лаэрцій въ «Зенонѣ». Цицеронъ въ кн. II. гл. 40 своего сочиненія «О природѣ боговъ» пишетъ: «Изъ этихъ презрѣнныхъ басней, сказующихъ что Богъ содержится природою каждой вещи, землею подъ именемъ Цереры, моремъ подъ именемъ Нептуна, инаго рода стихіями и вещами подъ иными именами, можешь понимать, кто такіе боги и каковы они». Они же, Стоики, говорили, что души людей и остальныхъ животныхъ, образовавшія себѣ соотвѣтственныя тѣла, суть частички Бога. Сенека въ мѣстѣ уже цитованномъ: Et socii ejus et membra sumus. Вергилій о пчелахъ, Georg. IV, 220:

Esse apibus partem divinae mentis et haustus
Aetherios dixere: Deum namque ire per omnes
Terrasque, tractusque maris coelumque profundum.

(*) *Вся Тѣмъ быша* (Іоан. I. 3). Стоики также признавали Бога Творцомъ міра, но въ какомъ смыслѣ? Природу они раздѣляли на двѣ части: одну, которая производитъ, другую которая предоставляетъ себя въ распоряженіе первой и способна къ воспринятію на себя разныхъ формъ. Въ первой есть сила творящая; во второй матерія; ни та ни другая одна безъ другой быть не могутъ. Такъ передается ученіе о семъ Стоиковъ у Лактанція (Divin. instit. VII, 3).

о Премудрости, существовавшей еще ранѣе сотворенія Богомъ міра.

«Вѣрно», говорите вы. «Но развѣ не всѣ философы считаютъ матерію въ числѣ началъ и элементовъ первобытныхъ? Нѣтъ ни одного между ними, который допускалъ бы начало единое. Школа Портика, Платона, Пиѳагора и Перипатетическая Аристотеля единодушны въ этомъ».

А я вамъ въ свою очередь отвѣчу, что то, что вы называете матеріей и за чѣмъ вы не признаете никакихъ свойствъ и никакого опредѣленнаго вида (*), Платонъ болѣе смѣло, чѣмъ вы, называетъ «я незнаю что» или «тѣмъ чего нѣтъ, что не существуетъ». То, что мы читаемъ у него въ «Тимеѣ», эти глубоко-таинственныя слова его тамъ, не исходятъ ли они отъ человѣка съ убѣжденіями, утвердившаго ихъ на одномъ принципѣ? «Наша мысль, говоритъ онъ, такова: Что касается начала вселенной или началъ, то какого бы мнѣнія относительно сего предмета мы ни держались, нужно рѣчь о немъ оставить до другаго времени; и это не по какому либо иному побужденію, какъ по тому, что по состоянію и качеству настоящаго спора намъ трудно было бы договориться до чего нибудь въ этомъ направленіи».

Впрочемъ вотъ что: Поводъ къ измышленію и матеріи—то подало слѣдующее изреченіе Писанія: *И была земля невидима и неустроена* (Быт. I, 2). А Эпикуру кто могъ внушить его систему міра случайнаго, предоставленнаго всѣмъ прихотямъ случая (**)? Безъ сомнѣнія слова Екклезіаста: *Суета суетъ и все суета* (Еккл. I, 2): онъ читалъ ихъ, но не выразумѣлъ. Какъ случилось, что Божественное промышленіе Аристотель ограничиваетъ лишь сферой луны (***)? Онъ плохо выяснилъ себѣ восклицаніе Псалмопѣвца: *Господи! Твое милосердіе до небесъ; истина Твоя до облаковъ* (Пс. XXXV, 6). Вотъ чѣмъ сопровождалось, то обстоятельство, что смыслъ тайнъ, сокрытыхъ въ пророческихъ изреченіяхъ, до пришествія Господа не былъ открытъ! Ученіе о загробныхъ наказаніяхъ, объ очищеніи чрезъ огонь есть также достояніе чуждое, музою поэтовъ повсемѣстно, не исключая и философіи Эллинской, заимствованное изъ мудрости варварской. Въ послѣдней книгѣ Платонова «Государства» мы читаемъ слѣдующія многозначительныя и краснорѣчивыя слова: «Тутъ явились мужи дикіе, на видъ огненные и повинуясь реву устья (адской разсѣлины) брали поодиночкѣ новопришедшихъ и отводили въ сторону. Потомъ они схватили Аридея (*) и нѣкоторыхъ другихъ, бросили наземь, связали ихъ по рукамъ, ногамъ и головѣ и содравши съ нихъ кожу, волокли ихъ у окраины дороги по колючему кустарнику» (**). Спрашиваю теперь: Эти съ огненнымъ лицомъ люди не представляютъ ли они собою злыхъ Ангеловъ, которые схватываютъ преступныхъ и предаютъ мукамъ? Это—иллюстрація къ слову Писанія: *Онъ творитъ духовъ своими Ангелами и служителями своими огонь пылающій* (Пс. СШ, 4)(***). Отсюда слѣдуетъ, что душа безсмертна. Ибо кто наказываемъ бываетъ или вразумляемъ, тотъ значитъ одаренъ чувствомъ, и слѣдовательно живъ, хотя бы эта жизнь его и среди страданій текла.

А что иное какъ не тоже самое слѣдуетъ изъ упоминанія Платонова о рѣкахъ огненныхъ и объ этой пропасти, слывущей у вар-

(*) Такъ училъ о матеріи Аристотель и другіе, признавая что прежде чѣмъ принять опредѣленную форму, она существовала де въ видѣ безъ—образномъ.

(**) Срав. въ «Увѣщ.» гл. 5.

(***) Писатель нашъ уже упоминалъ о семъ въ «Увѣщ.» въ концѣ гл. 5-й. Кромѣ него противъ сего писали Татіанъ въ «Рѣчи къ Элл.», Ѳеодоритъ во «Врачествѣ» и Аѳенагоръ.

(*) Тираннъ одного памфилійскаго города, жившій за тысячу лѣтъ до того времени, убившій своего отца—старца и старшаго брата, совершившій также много и другихъ преступленій.

(**) Приводитъ это мѣсто и св. Іустинъ въ «Увѣщ. къ Элл.».

(***) Срав. примѣч. въ концѣ твор. Оригена «О молитвѣ».

варовъ подъ именемъ геенны, а Платонъ которой далъ поэтическое названіе тартара? Не имъ ли далѣе введены въ мораль рѣки Коцитъ, Ахеронъ, Перифлегетонъ, наконецъ всѣ роды темницъ и мученій, карательныхъ и исправительныхъ за преступленія людскія? Идетъ ли дѣло объ *Ангелахъ, видящихъ* по Писанію *Бога и приставленныхъ къ маленькимъ дѣтямъ* и наислабѣйшимъ изъ людей (Мѳ. VIII, 10) для помощи имъ и охраненія ихъ отъ опасностей или если онъ хочетъ изобразить неусыпную и нѣжную любовь ихъ къ намъ, онъ не заминаясь говоритъ такъ: «Какъ скоро души изберутъ по жребію родъ жизни, онѣ предстаютъ предъ Лахесою. Она—то посылаетъ ихъ на землю съ особеннымъ геніемъ, котораго какая выбрала. Онъ дѣлается стражемъ ея жизни и исполнителемъ ея намѣреній» (*). Геній—хранитель Сократа безъ сомнѣнія такъ же долженъ быть понимаемъ.

Но продолжимъ. Свое ученіе о сотвореніи міра философы почерпнули не изъ инаго источника, какъ тоже изъ книгъ Моисеевыхъ. Платонъ съ соблюденіемъ всѣхъ внѣшнихъ порядковъ, но и сущности дѣла говоритъ о семъ (въ «Тимеѣ») такъ: «Существовалъ ли міръ всегда или же онъ произошелъ въ нѣкоторое опредѣленное время»? И отвѣчаетъ: «Міръ произошелъ. Такъ какъ мы его видимъ и можемъ осязать, то значитъ онъ нѣкоторымъ образомъ тѣлесенъ». Въ другомъ мѣстѣ у него же мы читаемъ: «Познать Творца и Отца сей вселенной дѣло нелегкое» (**). Платонъ не только сотворенность міра утверждаетъ, но и то, что онъ именно Богомъ созданъ и что онъ произошелъ отъ Бога какъ сынъ отъ отца. «Отцомъ вселенной, говоритъ онъ, Богъ называется потому, что міръ произведенъ Имъ однимъ и именно изъ ничего». Стоиками также раздѣляется это ученіе о мірѣ, т. е. что онъ произошелъ во времени, а не отъ вѣчности существуетъ. Но нужно сказать нѣчто даже большее сего. Діавола, о которомъ подъ именемъ князя демоновъ говорится чуть не на каждой страницѣ варварской мудрости, Платонъ въ 10-й книгѣ своихъ «Законовъ» называетъ духомъ злотворнымъ. Вотъ его подлинныя слова: «Не слѣдуетъ ли принять также, что духъ, обитающій во всемъ движущемся и завѣдующій движеніемъ, правитъ и небомъ? Да, совершенно такъ. Духъ этотъ одинъ или нѣсколько? Отвѣчаю за васъ, что ихъ больше чѣмъ одинъ. Но нельзя допустить, чтобы существовало ихъ больше двухъ. Одинъ духъ благодѣтельный, другой же злотворный».—И въ «Федрѣ» своемъ онъ тоже пишетъ: «Есть еще и другія бѣдствія; но къ большей части ихъ демонъ подмѣшиваетъ нѣкоторыя радости и минутныя удовольствія». А въ 10-й книгѣ своихъ «Законовъ» Платонъ заходитъ еще дальше и уже какъ бы дополняетъ слова Апостола. Этотъ говоритъ: *Наша брань не съ людьми, изъ плоти и крови состоящими, а противъ началъ, силъ и духовъ, носящихся въ воздухѣ* (Еф. VI, 12). А Платонъ буквально пишетъ слѣдующее: «И по истинѣ, если приняли мы, что во вселенной много и добра и зла, такъ что совокупность зла превышаетъ собой массу добра, то между тѣмъ и другимъ по необходимости должна значитъ существовать вѣчная война, требующая отъ насъ необыкновенной бдительности» (*).

Въ мудрости варварской также различаются два міра: одинъ лишь умомъ созерцаемый и вѣчный, другой же преходящій и телесными очами зримый; первый для второго служитъ первообразомъ; второй же былъ созданъ по этому дивному образцу. И первый, лишь умомъ постигаемый, она ставитъ въ соотношеніе съ Монадой, а второй, познаваемый уже и нашими внѣшними чувствами, съ числомъ шесть. У Пиѳагорейцевъ бракъ дѣйствительно фигурировалъ подъ числомъ шесть, потому что имъ означалось произрожденіе.

(*) Въ концѣ своего творенія «О государствѣ».

(**) Тоже изреченіе приведено въ «Увѣщ.» гл. 6.

(*) Повидимому имѣется въ виду одно мѣсто изъ IX-й кн. Платонова «Государства» или другое подобное.—Подобное Іустинъ въ «Увѣщаніи къ Элл.»

Итакъ мудростью откровенной этотъ міръ невидимый, нашимъ чувствамъ не подлежащій, эта земля святая, свѣтъ сей, зримый очами лишь духовными, помѣщается въ Монадѣ. Она и подлинно говоритъ такъ, свидѣтельствуя, что *вначалѣ Богъ сотворилъ небо и землю; земля же была невидима*. Затѣмъ она присоединяетъ: *И сказалъ Богъ: «Да будетъ свѣтъ», и былъ свѣтъ* (Быт. I, 1—3). Итакъ при сотвореніи міра чувствамъ подлежащаго Богъ создалъ твердь небесную, это небо чувствамъ подлещащее (Быт. I, 6) и эту землю видимую и свѣтъ, ощущаемый нашими глазами. И Платонъ (въ «Тимеѣ») идеи живыхъ существъ, отнесши къ міру умозрительному, а здѣсь на землѣ помѣстивъ лишь чувственныя ихъ формы, образованныя такъ сказать по различнымъ духовнымъ прототипамъ, не идетъ ли въ этомъ случаѣ по стопамъ Моисея? Еврейскій законодатель значитъ имѣлъ всѣ основанія сказать, что тѣло, называемое Платономъ земною хижиной, сотворено изъ глины земной (Быт. II, 7), тогда какъ душа, разлитая по лицу человѣческому, происходитъ отъ дуновенія въ него Божественнаго. Лицу дѣйствительно совершенно естественно быть сѣдалищемъ этой влаственной силы (*). ибо думаютъ, что душа введена въ первозданнаго человѣка дѣйствительно путемъ (оживленія) чувствъ. И вотъ почему прибавлено, что человѣкъ созданъ *по образу Божію и подобію* (Быт. I, 26). Въ самомъ дѣлѣ человѣкъ безстрастный, съ разумомъ Божественнымъ и царственнымъ, дѣйствительно представляетъ собою образъ Божій (**), умъ же человѣческій есть только образъ Образа (***).

(*) По Платону голова есть сѣдалище руководительной, или разумной части души; сердце гнѣвливой, а печень сластолюбивой части души. Подобное Гераклитъ Понтійскій въ своемъ сочиненіи «О Гомерическихъ аллегоріяхъ».

(**) Подобное въ «Увѣщ.» гл. 9-й.

(***) Писатель нашъ часто говоритъ, что умъ въ человѣкѣ есть образъ Сына Божія, подобно тому какъ Сынъ Божій есть образъ Отца. Срав. въ «Увѣщ.» въ срединѣ гл. 10-й. Подобное Оригенъ противъ Цельса VI, 63. Подражая сему Образу Отчему люди становятся образами Отца менѣе совершенными, тогда какъ Сынъ Божій есть образъ Отца совершенный.

Желательно ли вамъ съ этимъ обликомъ Божественнымъ въ человѣкѣ имѣть дѣло подъ другимъ того наименованіемъ? Моисей, набрасывая главныя черты сего, говоритъ, что онъ состоитъ въ слѣдованіи Богу, послушаніи Его заповѣдямъ. *Господу, Богу вашему, послѣдуйте*, говоритъ онъ, *и соблюдайте Его заповѣди* (Втор. XIII, 4). Добродѣтель наглядная, жизнію и дѣломъ осуществляемая и дѣйствительно представляетъ собою хожденіе во слѣдъ Богу, стезею Божественной; это есть поклоненіе Богу, Его почитаніе истинное. И вотъ почему по ученію Стоиковъ предѣльной цѣлью и высшимъ совершенствомъ мудрости состоитъ жизнь согласная съ законами природы. Платонъ приравниваетъ ее даже къ жизни Божественной, какъ мы уже и показали это во 2-й книгѣ сихъ нашихъ «Строматъ» (гл. 19-й). Зенонъ стоикъ, слѣдуя Платону, а самъ Платонъ усвоивъ это изъ мудрости варварской, говоритъ, что всѣ добрые люди любятъ другъ друга. «Не естественно, говоритъ Сократъ въ «Федрѣ» (*), чтобы у злодѣя былъ пріятелемъ злодѣй же или чтобы съ человѣкомъ добродѣтельнымъ другой добродѣтельный не состоялъ въ дружбѣ.

Тоже самое положеніе довольно убѣдительно доказывается и Платономъ въ его «Люсидѣ», гдѣ онъ утверждаетъ, что между беззаконіемъ и нечестіемъ не можетъ быть прочной дружбы. Подобное сему утверждаетъ у него и Аѳинскій гость (**), говоря, что согласно съ волею Божіею и угодно Богу только основанное на этомъ древнемъ принципѣ: «Подобному нравится подобное же, и то только въ томъ случаѣ, если они одинаково держатся правильной мѣры, ибо все, за предѣлы ея выходящее, не можетъ

(*) Въ срединѣ діалога.

(**) Выводимый Платономъ въ его твореніи «О законахъ» книгѣ IV-й.

согласоваться ни между собою, ни тѣмъ нравиться, кто отъ этой мѣры не отклоняется. Масштабомъ же всѣхъ дѣйствій и дѣйствительности для насъ долженъ состоять Богъ». Платонъ прибавляетъ: «Слѣдуя сему принципу люди добродѣтельные уподобляются другъ другу; это же человѣка добродѣтельнаго и съ Богомъ сближаетъ, такъ что онъ становится другомъ не только всякаго другаго добродѣтельнаго человѣка, но и самого Бога». Этимъ послѣднимъ мѣстомъ напоминаются мнѣ заключительныя слова «Тимея»: «Слѣдуетъ, чтобы разумное существо, соотвѣтствуя законамъ первоначальнаго своего назначенія, старалось постигнутую имъ идею претворить въ себя. Возвысившись до сего претворенія въ себя мыслимой идеи, человѣкъ достигаетъ той наилучшей жизни, которая предуставлена для людей богами не только на время настоящей жизни, но и на жизнь будущую». Слова эти, по моему мнѣнію, имѣютъ тотъ же смыслъ, что и послѣдующія: «Ищущій чего либо не остановится прежде чѣмъ не найдетъ; а разъ нашедши, онъ объятъ будетъ восхищеніемъ; восхищаясь же онъ будетъ царствовать; царствуя же успокоится».

А отвѣты Ѳалеса не представляютъ ли собой ясныхъ заимствованій изъ священ. Писанія и изъясненій къ такимъ мыслямъ его: «*Изъ вѣка въ вѣкъ Богу хвала*»; «*Онъ вѣдаетъ глубины сердецъ*»? Вотъ эти Ѳалесовы отвѣты. Однажды его спросили: «Что такое Богъ»? «Это есть существо, не имѣющее ни начала, ни конца», отвѣчалъ онъ. Другой нѣкто ему предложилъ такой вопросъ: «Можетъ ли человѣкъ сокрыть свои дѣйствія отъ взоровъ Божества?» Ѳалесъ отвѣчалъ: «Какъ можетъ онъ сдѣлать это, когда не въ состояніи отъ Него утаить даже сокровеннѣйшихъ своихъ мыслей»?

Да, по истинѣ. И варварская мудрость знала, что благо только въ благородной и неуклонной честности и что для счастія достаточно только добродѣтели. Вотъ что говорятъ варвары: *Вотъ Я поставилъ предъ глазами твоими добро и зло, жизнь и смерть, избери жизнь* (Втор. XXX, 15). Итакъ добро она называетъ жизнью. Выборъ добра это по ея ученію дѣло доблестное, выборъ же противуположнаго — зло. А конечная цѣль какъ добра такъ и жизни, это любить Бога (Втор. XXX, 6). Симъ обусловливается жизнь твоя и долгота дней твоихъ: любовію къ истинѣ и ко всему, что ведетъ къ ней. Но вотъ и болѣе ясныя свидѣтельства. Заповѣдавъ любить Бога и ближняго, Спаситель прибавляетъ: *На этихъ двухъ заповѣдяхъ держится весь законъ и пророки* (Мѳ. XXII, 37, 39, 40). Ученія эти извѣстны и стоикамъ (*). А еще и до нихъ Сократъ закончилъ «Федра» такою молитвою: «О Панъ и другіе всѣ боги! Даруйте моей душѣ внутреннюю красоту». Въ «Ѳеэтетѣ» же онъ со всею опредѣленностью выражается такъ: «Оратора добродѣтельнаго одновременно отличаютъ и добродѣтель и красота». Въ «Протагорѣ» онъ сознается предъ однимъ изъ друзей Протагора, что только что кончилъ бесѣду съ человѣкомъ прекраснѣе Алкивіада, если только вѣрно то, что «человѣкъ мудрѣйшій есть въ то же время и прекраснѣйшій». По его мнѣнію добродѣтель есть красота душевная, а порокъ собою представляетъ душевное безобразіе.

Антипатръ стоикъ(**), написавшій три книги въ объясненіе изреченія Платонова «Благо только въ честности», вполнѣ соглашается съ этимъ философомъ, что «для счастія достаточно только добродѣтели». Онъ же излагаетъ и нѣсколько другихъ ученій, согласующихся съ принципами Портика. По словамъ сего

(*) Мнѣніе Стоиковъ о добрѣ общеизвѣстно. Жить согласно съ природою, это, по ихъ ученію, равнозначительно добродѣтельной жизни. И образъ дѣйствій честный или правдивый свойственъ людямъ только мудрымъ и отъ добродѣтели не можетъ быть отдѣленъ. Срав. Цицерона въ кн. III «Объ обязанностяхъ». По Лаэрцію въ «Зенонѣ» кн. VII, прекрасное и доброе для нихъ было одно и тоже.

(**) Тарсянинъ, жившій въ половинѣ 2-го вѣка до Р. Хр. О немъ упоминаетъ Плутархъ въ своемъ сочиненіи «О душевномъ спокойствіи».

Антипатра, Аристовулъ, жившій въ царствованіе Птоломея Филадельфа (*), упоминаемый составителемъ исторіи Маккавеевъ (2 Макк. I, 10), написалъ нѣсколько разсужденій, гдѣ доказываетъ, что философія перипатетическая есть плодъ одушевленности закономъ Моисеевымъ и остальными пророками. Пусть же эта истина и остается навсегда точно обоснованной.

Платонъ приводитъ намъ неопровержимое доказательство, что всѣ мы братья. Доказательствомъ этимъ состоитъ то, что всѣ мы чада единаго Бога и ученики одного и того же Учителя. Но приведемъ подлинникомъ поучительное его иносказаніе. Вотъ оно: «Граждане! Всѣ вы братья. Но сотворившій васъ Богъ въ день рожденія вашего къ зародышу, долженствовавшему произвесть тѣхъ изъ васъ, которые предназначены къ управленію, примѣшалъ нѣкоторое количество золота. Вотъ почему они окружены почтеніемъ. Къ защитникамъ государства, въ моментъ происхожденія ихъ, примѣшано серебро. Классъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ восприналъ въ свои жилы желѣзо и мѣдь. Изъ этого, продолжаетъ Платонъ, слѣдуетъ съ необходимостью, что первые ищутъ того и занимаются тѣмъ, что относится къ области познанія, другіе же заняты тѣмъ, что входитъ въ область лишь мнѣній» (**). Нѣтъ сомнѣнія, что Платонъ своимъ геніемъ слѣдитъ существованіе тѣхъ избранныхъ натуръ, кои жаждутъ познанія, если только этими тремя естественными категоріями людей онъ не имѣлъ въ виду охарактеризовать, какъ полагаютъ нѣкоторые, трехъ видовъ управленія. Серебромъ въ такомъ случаѣ у него означено было іудейское богослуженіе; желѣзомъ и мѣдью греческая демократія; а золотомъ христіанская монархія, на членовъ которой излитъ Духъ Святый, сіе по истинѣ царственное золото.

(*) Въ Стром. I, гл. 22 писатель нашъ называетъ ему современникомъ Птоломея Филометора.

(**) Данное мѣсто см. подъ конецъ 3-й кн. «О государствѣ».

А въ слѣдующихъ словахъ, заимствуемыхъ мною изъ «Θэетэта» (*), философъ—уже положительно извѣстно — описалъ жизнь христіанъ. «Итакъ скажемъ нѣсколько словъ о нихъ, говоритъ Платонъ, но не о нихъ, а о главахъ ихъ, ибо не стоитъ упоминать о тѣхъ, кто хотя и преданъ мудрости, но безъ генія, и слѣдовательно трудится безуспѣшно. Истинный мудрецъ отъ юности не знаетъ пути къ мѣстамъ стеченія народа; незнаетъ онъ, гдѣ судейскія камеры, сенатъ и другія мѣста общественныхъ собраній. Не принимаетъ онъ участія и не интересуется ни голосованіями народа, ни иными общественными новостьми, ни въ сходкахъ не принимаетъ участія и домогательствахъ для достиженія общественной какой либо должности; не приходятъ ему даже и во снѣ на умъ ни сборища, ни пиршества, сопровождаемыя музыкой флейтистокъ, ничто подобное. Худо ли что или хорошо въ его время идетъ въ государствѣ или шло во времена предковъ, все это его не привлекаетъ къ себѣ; не занятъ онъ измѣреніемъ сихъ вещей неизмѣримыхъ, дѣломъ подобнымъ счету капель въ морѣ. Незнаетъ онъ и того даже, что не вѣдаетъ всего этого. Сказать по правдѣ: онъ только тѣломъ живетъ въ городѣ, духъ же его обращенъ на разрѣшеніе вопросовъ міровыхъ. Онъ, какъ говоритъ Пиндаръ, воспаряетъ надъ землею, себѣ уясняетъ явленія небесныя, тамъ созерцая теченіе свѣтилъ небесныхъ; любознательнымъ окомъ вникаетъ онъ во внутреннее существо всего величественнаго, изъ чего слагается жизнь вселенной; до занятія же вещами площадными и избитыми онъ ни ниспискается».

Съ словомъ Спасителя: *Да будетъ слово ваше «да, да» и «нѣтъ, нѣтъ»* (Мѳ. V, 37; Iак. V, 12) можетъ быть сопоставлено такое слово эллинской мудрости: «Непозволительно мнѣ соглашаться съ ложью или же заглушать въ себѣ голосъ истины». Клятва намъ запрещена. Но и Платонъ въ 10-й книгѣ своихъ «Законовъ»,— я слышу,—говоритъ мнѣ: «Никогда ни хвалы

(*) Немного ранѣе средины діалога.

не изрекай, ни клятвы». Да и вообще Пиѳагоръ, Сократъ и Платонъ, слышавшіе столько изъ гласа Божія, сколько они могли его понять, тщательно всматриваясь въ дивное устройство вселенной, которая десницею Божественною образована столь прекрасно и безпрерывно поддерживается, развѣ они не оказываются какъ будто заимствовавшими у Моисея слѣдующія слова: *Онъ сказалъ, и было* (Быт. I), коими священный историкъ выражаетъ мысль, что Богу достаточно сказать, чтобъ Его воля исполнялась. Возьмемъ ли мы для сравненія вопросъ о сотвореніи человѣка, что оказывается? Какъ Писаніе повѣствуетъ о сотвореніи человѣка изъ ила земнаго, подобно этому и свѣтскіе мудрецы повсюду говорятъ о человѣческомъ тѣлѣ, что оно образовано изъ земли. У Гомера напр. встрѣчается такое проклятіе: «Да погибнете вы всѣ, обратившись въ воду и землю» (Ил. VII, 99). *И нога ваша пусть попираетъ ихъ какъ грязь*, говоритъ Исаія (Ис. X, 6; XI, 27). Каллимахъ также выражается весьма ясно:

Это было въ тѣ времена,
Когда птицы, рыбы и четвероногія
Имѣли видъ грязи,
Замѣшанной Прометеемъ.

И въ другомъ мѣстѣ у того же поэта читаемъ:

Если же тебя образовалъ Прометей,
То и ты не изъ иной грязи вышелъ,
Какъ изъ замѣшанной имъ же.

Гезіодъ (*) такъ пишетъ о Пандорѣ:

Преславному Гефесту приказалъ тогда жъ онъ
Замочить нѣсколько земли въ водѣ
И въ эту смѣсь опустить голосъ и разумъ человѣческій.

Стоики производятъ жизнь природы отъ творческаго огня, который таинственными путями вліяетъ на произрожденіе(**). А въ свящ. Писаніи на его аллегорическомъ языкѣ развѣ не именуется Богъ и Логосъ *«огнемъ»* и *«свѣтомъ»* (Исх. III, и д. Іоан. I, 4 и въ ин. мѣстахъ).

А Гомеръ, говоря о разводѣ Ѳетиды съ Океаномъ, что другое изображаетъ какъ не отдѣленіе воды отъ земли и появленіе суши? Онъ пишетъ:

Печальный разладъ давно уже разъединилъ ихъ
И лишилъ нѣжныхъ ласкъ на общемъ ложѣ.
(Ил. XIV, 206).

Кромѣ того ученѣйшіе изъ Эллиновъ усвояютъ Богу верховное главенство надъ всѣмъ существующимъ. Пиѳагореецъ Эпихармъ касательно сего вотъ что говоритъ:

Ничто не можетъ укрыться отъ очей Божіихъ.
Не забывай о семъ никогда.
Взоры Его постоянно на насъ обращены;
И только для Него одного ничего нѣтъ невозможнаго.

Послушаемъ и лирическаго поэта. Онъ пишетъ:

Изъ тьмы ночной
Богъ снова можетъ вызвать свѣтъ чистый, безпримѣсный,
А ясный свѣтъ дневной
Можетъ Онъ задернуть мракомъ.

И въ другомъ мѣстѣ:

Кто можетъ въ день ночь превращать,
Тотъ Богъ.

Аратъ свою поэму «О феноменахъ» начинаетъ слѣдующимъ приглашеніемъ:

Начнемъ съ Зевса. Имя его постоянно должно жить на устахъ смертныхъ;
Улицы, мѣста общественныхъ собраній,
Гавани, неизмѣримый океанъ, все, все, должно свидѣтельствовать объ его величіи;
Всѣхъ насъ его рука поддерживаетъ и сохраняетъ.

А далѣе поэтъ излагаетъ и причину сего:

Потому что всѣ мы его дѣти (родъ)
(Дѣян. XVII, 28),

дѣти по сотворенію насъ имъ.

Онъ проявляетъ свое благоволительное покровительство намъ
Въ дѣлахъ рукъ своихъ
И выводитъ на трудъ дневной все множество народовъ.
Не онъ ли усѣялъ небо разнообразными свѣтилами.
Ихъ распредѣлилъ и утвердилъ,
Чтобъ опредѣлялись ими времена года

(*) «Дѣла и дни» I, 60.

(**) Стоики учили, что душу міра составляетъ огонь; изъ онаго же состоятъ звѣзды и небо; онъ-то всюду разливаетъ жизнь и растительность.

И правильно земля оплодотворялась?
Потому-то первѣе всего, но и наконецъ всего,
Мы и обращаемся къ Нему со своимъ поклоненіемъ:
Привѣтъ тебѣ, Отецъ земнородныхъ,
Существо достоудивительнѣйшее по своему величію,
Источникъ всѣхъ благъ для человѣка.

Но еще и до Арата уже Гомеръ вдохновлялся Моисеемъ. Описывая щитъ, который былъ скованъ Гефестомъ и на коемъ изображено было твореніе міра, онъ говоритъ, что божественный художникъ этотъ

Изобразилъ на щитѣ землю, небо,
Море и свѣтила, вѣнчающія небо (Ил. XVIII, 483—5).

Зевсъ же, воспѣваемый поэтами и восхваляемый ораторами, не другой кто какъ истинный Богъ.

Демокритъ, свидѣтельство котораго также слѣдуетъ привесть здѣсь, говоритъ: «Мало нынѣ людей подъ солнцемъ, простирающихъ руки къ Тому, кого мы Эллины именуемъ «Воздухъ». Зевсъ тщательно все разслѣдуетъ и все онъ знаетъ; все даетъ онъ и всего онъ же лишаетъ; онъ есть царь вселенной» (*).

Бэотіянинъ Пиндаръ въ качествѣ послѣдователя ученій Пиѳагора выражается еще таинственнѣе:

Родъ людской одинъ;
Одинъ также и родъ боговъ.
Одной и той же матерію
И тѣ и другіе дышемъ мы,—
Матеріей.

Лирическій поэтъ сей добавляетъ, что Творецъ боговъ и людей одинъ. Онъ называетъ его Отцомъ, премудрымъ и наивысшимъ Художникомъ, который насъ въ соотвѣтствіе заслугъ возвышаетъ на степень даже боговъ.

Умолчу ли о свидѣтельствѣ Платона, который, въ своемъ письмѣ къ Эрасту и Кориску, весьма ясно и съ замѣчательной опредѣленностью называетъ, на основаніи еврейскихъ книгъ, Отца и Сына. Онъ пишетъ: «Если хочешь поклясться ото всего сердца, усердіе же свое охранить отъ слѣпоты, т. е. если желаешь свое усердіе соединить съ пониманіемъ дѣла, то поклянись Богомъ, первовиновникомъ всего существующаго, и Господомъ, Отцомъ Того, Кто въ одно и тоже время есть и Первовиновникъ и Правитель вселенной. Вы непремѣнно познаете Его, если пойдете по пути истинной мудрости» (*). Въ «Тимеѣ» Платонъ Творца также въ одномъ мѣстѣ называетъ Отцомъ: «Боги, сыны боговъ, которыхъ Я состою Отцомъ и Творцомъ, равно какъ и всего остальнаго». А въ этомъ мѣстѣ изъ Платона: «Все подчинено Царю всего существующаго; Имъ однимъ существуетъ вся вселенная; Онъ источникъ всякаго блага; вещи второстепенныя происходятъ отъ Втораго, а третьестепенныя отъ Третьяго» (**), въ этихъ словахъ я вижу не иное что какъ намекъ на тайну пресвятыя Троицы. Третій означаетъ Духа Святаго, а вторымъ указывается на Сына, который все привелъ въ исполненіе согласно съ волею Отчею. Въ 10-й книгѣ своего «Государства» Платонъ говоритъ о нѣкоемъ Эрѣ, сынѣ Арменія, родомъ изъ Памфиліи, которымъ былъ не иной кто какъ Зороастръ (***). Этотъ самый Зороастръ такъ свидѣтельствуетъ о себѣ самомъ: «Авторъ сего произведенія есть Зороастръ, сынъ Арменія, родомъ Памфиліянинъ. Будучи убитъ на войнѣ, отъ под-

(*) Эта тирада изъ Демокрита уже приведена была писателемъ въ «Увѣщаніи» гл 6-й.

(*) Мѣсто это цитуется и Оригеномъ «противъ Цельса» VI, 18.

(**) А это мѣсто приводилъ и Аѳенагоръ. Оно читается во 2-мъ письмѣ Платона къ Діонисію. Срав. у нашего писателя въ «Увѣщ.» гл. 6-й, у св. Іустина въ Апол. 1-й, у Оригена «прот. Цельса» кн. VI гл. 18, у Кирилла Александрійскаго въ рѣчи «противъ Юліана» 1-й.

(***) Отцы о сей личности многіе упоминаютъ. Такъ срав. у Іустина въ «Увѣщ.», у Оригена во 2-й кн. «противъ Цельса», у Кирилла въ кн. VIII «противъ Юліана», у Августина «О государствѣ Божіемъ» въ кн. XXII, гл. 28, у Ѳеодорита въ рѣчи 11-й; наконецъ нашъ писатель уже упоминалъ о немъ въ сей же кн. выше. Изъ свѣтскихъ писателей см. у Плутарха въ «Sympos.» кн. IX.

земныхъ боговъ я получилъ слѣдующія откровенія». Итакъ этотъ самый Зороастръ, по словамъ Платона, чрезъ 12 дней послѣ своей смерти, когда трупъ его хотѣли уже сожечь, снова ожилъ. Что хотѣлъ сказать симъ великій философъ? Быть можетъ въ этомъ случаѣ онъ намекаетъ на воскресеніе; а можетъ статься нѣсколько прикровенно симъ онъ выражаетъ и ту мысль, что души умершихъ, прежде принятія на небо, должны бываютъ пройти чрезъ 12 знаковъ зодіака, точно такъ же какъ и на землю онѣ спускаются въ моментъ рожденія по тому же пути. Излишне равнымъ образомъ было бы доискиваться другаго значенія 12 подвиговъ Геркулеса, по совершеніи которыхъ душа освобождается отъ всѣхъ треволненій сего міра. Мнѣ не хочется пройти молчаніемъ и авторитетное свидѣтельство Эмпедокла. По мнѣнію сего физика обновленіе міра нѣкогда послѣдуетъ чрезъ превращеніе всего въ огонь. Гераклитъ Ефесскій очевидно держится того же мнѣнія, потому что онъ различаетъ два міра: одинъ вѣчный и неизмѣнный, другой же преходящій и погибнуть имѣющій, но только по формѣ и внѣшнему устройству, слѣдовательно только измѣниться имѣющій; отъ перваго міра этотъ послѣдній симъ только и отличенъ. А что онъ вѣчность усвояетъ тому міру, въ коемъ все создано изъ субстанцій неизмѣнныхъ и который всегда остается себѣ самому равнымъ, это ясно онъ выражаетъ слѣдующими словами: «Міръ этотъ, обнимающій собою всю совокупность живущихъ въ немъ существъ, не созданъ ни Богомъ ни человѣкомъ какимъ нибудь. Онъ всегда былъ поддерживаемъ, поддерживается и будетъ поддерживаемъ огнемъ вѣчно существующимъ, поочередно и равномѣрно то вспыхивающимъ то погасающимъ». Если же вы желаете доказательствъ, что сей сотворенный міръ философъ сей считалъ подверженнымъ разстройству и гибели, то вы найдете доказательство сему въ слѣдующихъ его словахъ: «Вотъ различныя видоизмѣненія огня. Сначала образуется изъ огня море, одна половина котораго обращается въ землю, а другая испаряется отъ огненнаго урагана». И эти измѣненія философъ тотъ признаетъ совершаемыми насильственно, что по моему мнѣнію равносильно утвержденію, что сила Логоса и Бога, которыми управляется все существующее, преобразуетъ огонь въ воздухъ, во влажную субстанцію, называемую моремъ, т. е. въ ту обширную мастерскую, откуда произошли всѣ чудеса нашего міра, неба, земли и всего содержимаго нѣдромъ ихъ. А какимъ образомъ міръ снова становится подобнымъ себѣ, чтобы снова сгорѣть? Гераклитъ это излагаетъ ясно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Море разливается такимъ же образомъ и въ такихъ же размѣрахъ, какъ и до образованія земли. Тоже самое нужно сказать и относительно остальныхъ стихій».

Знаменитѣйшіе изъ Стоиковъ держатся подобныхъ же взглядовъ (*). Они учатъ объ имѣющемъ послѣдовать всеобщемъ пожарѣ. Относительно управленія вселенной, касательно существа міра и человѣка въ собственномъ смыслѣ, наконецъ относительно неизмѣнности нашей души среди всѣхъ превратностей они высказываютъ мысли подобныя Гераклитовскимъ.

Въ 7-й книгѣ своего «Государства» Платонъ дневной свѣтъ нашъ называетъ ночнымъ (**). Это конечно по причинѣ *князей тьмы міра сего* (Еф. VI, 12). Въ другомъ мѣстѣ, слѣдуя Гераклиту, онъ говоритъ, что сошествіе души въ оживляемое ею тѣло, для нея есть сонъ и смерть (***). Но Духъ, вдохновлявшій Давида, развѣ не предсказалъ подобнаго относительно Спасителя? *Я легъ и заснулъ; всталъ: Господь опора моя* (Пс. III, 6). Здѣсь сокрыта двойная аллегорія. Воскресеніе Господа есть пробужденіе Его отъ сна, равно какъ Его воплощеніе для Него - сонъ.

(*) Срав. выше «Стром.» V, 1.

(**) Многое въ этомъ родѣ Платонъ говоритъ въ началѣ кн. VII-й своего творенія «О государствѣ», гдѣ міръ сей онъ сравниваетъ съ жилищемъ на манеръ пещеры. Мѣсто, цитуемое нашимъ писателемъ, находится недалеко отъ начала книги.

(***) Срав. «Стром.» IV, 22.

Потому-то Онъ и убѣждаетъ насъ бодрствовать, т. е. думать о жизни истинной, усердно стараться объ освобожденіи души изъ подъ власти тѣла.—Въ 10-й кн. своего «Государства» Платонъ предрекаетъ день Господень. Онъ говоритъ (*): «Пробывъ семь дней въ долинѣ, на восьмой день всякій отправляется изъ нея, и чрезъ четыре дни пути достигаетъ цѣли». Подъ этой долиной должно разумѣть неподвижную сферу, тихія и мирныя обители святыхъ; подъ семью днями (**) различныя движенія семи планетъ и всѣ другіе роды дѣятельности, себѣ поставляющіе одну цѣль—покой. Путь, открывающійся за планетами, ведетъ къ небу уже олицетворенному, т. е. къ движенію или дню восьмому (ὀγδόην). Четырехдневное путешествіе есть не иное что какъ путешествіе чрезъ четыре стихіи. День же седьмой считался священнымъ не только у Евреевъ, но и у Эллиновъ, потому что день этотъ видѣлъ, какъ міромъ было выполнено первое его движеніе со всею совокупностію населившихъ его животныхъ и растеній. Это-то и побудило Гезіода (***) сказать:

Первый, четвертый и седьмой дни мѣсяца священны.

И въ другомъ мѣстѣ:

Въ день седьмой уже блисталъ день радостнаго солнца.

Гомеръ также говоритъ:

Въ день седьмой засіяло священное солнце для смертныхъ.

Или:

Былъ священный седьмой день.

А также:

Тогда занялся день седьмой, въ который было все совершено.

И наконецъ онъ же говоритъ:

На седьмой зарѣ мы оставили берега Ахерона.

(*) Въ кн. X-й своего «Государства» въ рѣчи Эра, сына Арменіева, о коемъ Климентъ нашъ упоминалъ нѣсколько ранѣе.

(**) Срав. «Стром.» IV, 17.

(***) «Дѣла и Дни» ст. 6; мѣсяцъ разумѣется лунный.

И поэтъ Каллимахъ можетъ быть привлеченъ сюда же къ свидѣтельству:

Уже сіялъ седьмой день, въ который было все окончено.

И опять:

День седьмой благопріятенъ; это день рожденія.

И еще:

День седьмой въ одно и тоже время есть и первый и послѣдній.

А также:

Всѣ свѣтила, кружащіяся въ воздушномъ пространствѣ
И ежегодно возобновляющія тоже круговращеніе,
Были созданы въ семь дней.

И Солонъ въ своихъ элегіяхъ также придаетъ великое священное значеніе седьмому дню (недѣли) (*). А Платонъ во 2-й книгѣ своего «Государства» (**) развѣ не доходитъ чуть не до пророчества о спасительныхъ страданіяхъ нашего Господа? Писаніе говоритъ: *Удалимъ Праведника изъ среды нашей, ибо онъ въ тягость намъ* (Прем. II, 12). А Платонъ пишетъ: «Праведникъ съ такими расположеніями будетъ битъ бичами, мучимъ, закованъ въ цѣпи; ему вырвутъ глаза; наконецъ подвергнутый всевозможнымъ поруганіямъ онъ будетъ пригвожденъ ко кресту».

Кому уподобите Меня, говоритъ Господь (Ис. XL. 18, 25; XLVI, 5 и въ ин. мѣстахъ). А послѣдователь Сократа Антисѳенъ, какъ бы въ изъясненіе этихъ словъ Писанія, говоритъ слѣдующее «Богъ не похожъ ни на кого; потому никто и ни по какому изображенію не можетъ о Немъ составить понятія себѣ». Раздѣляетъ эту мысль и Аѳинянинъ Ксенофанъ(***), говоря: «Кто колеблетъ вселенную и вновь ее утверждаетъ, Тотъ этимъ самымъ являетъ свое величіе и всемогущество. Какой же Онъ по виду, неизвѣстно. Бытіе Его несомнѣнно, хотя даже и солнце, своимъ свѣтомъ однакоже все, всю

(*) О семъ обстоятельнѣе въ «Стром.» VI, 16.

(**) Вначалѣ. Мѣсто это изъ Платона нашимъ писателемъ уже приводимо было «Стром.» IV, 7.

(***) Эта тирада изъ Ксенофана уже приведена была писателемъ въ «Увѣщ.» гл. 6.

природу, озаряющее, само не можетъ быть созерцаемо безнаказанно. Кто устремляетъ на него дерзновенно свой глазъ, тотъ теряетъ зрѣніе.

Какимъ тѣлеснымъ глазомъ можно было бы зрѣть
безсмертнаго, истиннаго
Бога, престолъ Котораго въ зенитѣ неба?
Смертный! Тебѣ хочется зрѣть Божество,
А взоръ твой и одной минуты не можетъ выдержать блеска лучей солнечныхъ (*),

такъ пѣла древняя Сивилла. Потому-то Ксенофанъ Колофонскій, внушая намъ ту истину, что Богъ единъ и безтѣлесенъ, мудро заканчиваетъ свою рѣчь такими словами:

Всевышній Богъ, повелѣвающій и людямъ и богамъ,
Единъ; но тѣла не имѣетъ Онъ подобнаго человѣческому,
Ни духа, сходнаго съ духомъ смертныхъ,

прибавляя къ сему еще слѣдующее:

А люди воображаютъ, что боги рождены;
Они усвояютъ имъ видъ, голосъ, тѣло, такія же
какъ и у нихъ самихъ.

И въ другомъ мѣстѣ:

Одарите руками вола и льва и предоставьте имъ
Нарисовать красками или, какъ дѣлаютъ это
люди,
Сдѣлать скульптурное изображеніе Божества:
Волъ изобразитъ Его подъ видомъ вола,
А лошадь въ видѣ лошади. Что къ этому еще
сказать въ дополненіе?
Изъ живыхъ существъ каждое придаетъ Божеству
форму бытія,
Ему самому свойственную.

Вслушаемся еще въ то, что Бакхилидъ лирикъ говоритъ о природѣ Божества:

Не подлежатъ боги мучительнымъ болѣзнямъ,
Чисты отъ всякихъ грѣховъ, ни въ чемъ на смертныхъ не похожи.

Клеанѳъ стоикъ въ одномъ изъ своихъ гимновъ Божеству такъ выражается о семъ:

Ты спрашиваешь: Какое высшее изъ благъ?
Узнай же изъ устъ моихъ о семъ. Высшее изъ
благъ состоитъ
Въ благоустроенности, въ праведности, въ святости,
Въ благочестіи, въ самообладаніи, въ полезности
его,

(*) Срав. въ «Увѣщ.» гл. 6-й.

Въ красотѣ, въ пріятности, въ величавости, въ
своеобразности,
Во всегдашней пригодности; не опасается оно само
за себя,
Себя не удручаетъ ни заботами, ни печалями;
Оно спасительно, всему споспѣшествуетъ,
Всѣхъ дѣлаетъ довольными, всегда себѣ самому
вѣрно,
Имѣетъ о себѣ добрую славу, и однакоже скромно,
Ко всему внимательно, мягкосердечно,
Ревностно, не старѣюще, безпорочно, вѣковѣчно (*).

Далѣе, косвеннымъ образомъ порицая идолопоклонство людей невѣжественныхъ, тотъ же поэтъ восклицаетъ:

Рабъ тотъ, кто раздѣляетъ мнѣнія толпы.
Было бы безуміемъ у нея искать чего либо
дѣльнаго.

Съ невѣждой и неучемъ не стоитъ о томъ совѣтоваться, какъ слѣдуетъ думать о Божествѣ

Нѣтъ, никогда я не повѣрю,
Чтобъ hominis scelesti clanculum speciem induens
Tuum hoc cubile petere, prout homines solent,

говоритъ Амфіонъ Антіопѣ. Софоклъ тѣмъ не менѣе, не прикрывая дѣла никакими лишними словами, говоритъ:

Зевсъ ἔγημε, nupsit съ той, которая сдѣлалась
mater Амфіона.
Не подъ видомъ золотого дождя онъ сдѣлалъ это
И не въ перьяхъ лебедя,
Какъ было это въ тотъ день, когда puellae junctus est Pleuroniae
Matremque fecit,
А подъ видомъ истиннаго человѣка.

Потомъ, продолжая изображать тоже беззаконіе, поэтъ прибавляетъ:

Преступленіе быстрыми шагами
Преступало за порогъ брачнаго чертога.

Потомъ поэтъ въ выраженіяхъ еще болѣе ясныхъ разсказываетъ о необузданной невоздержности Зевса, измышленнаго народными миѳами, какъ онъ,

Не принявъ пищи, даже рукъ не умывъ
At pectus acri saucius morsu, torum
Init, atque Ueneri nocte se tota dedit.

Но предоставимъ изображеніе этихъ мерзостей сумазбродству театраловъ. Гераклитъ нисколь-

(*) Писателемъ уже приводимы были эти стихи Клеанѳа въ «Увѣщ.» гл. 6-й.

ко не смягчаетъ дѣла и говоритъ напрямикъ: «Люди не разумѣютъ голоса вѣчнаго разума ни предъ тѣмъ какъ услышать его, ни послѣ услышанія.» И Меланиппидъ лирикъ вотъ что поетъ на своей лирѣ:

Услышь мои желанія, Отецъ,
Состоящій предметомъ удивленія людей,
Ты, господствующій надъ душами, вѣчно живущими.

«Великій» Парменидъ, какъ его называетъ Платонъ въ своемъ «Софистѣ, такъ выражается о Богѣ:

Никогда Онъ не имѣлъ начала,
Никогда имѣть не будетъ и конца, Онъ
Вѣчно сущій, нерожденный, всеобъемлющій, неизмѣнный.

А по Гезіоду:

Ты—Царь и Повелитель всѣхъ безсмертныхъ.
Кто можетъ оспаривать власть у Тебя? Никто.

Уже и трагедія отклоняла народъ отъ служенія идоламъ и учила его возводить взоры къ небу. Такъ Софоклъ, какъ свидѣтельствуетъ о семъ историкъ Гекатей въ своей книгѣ «Авраамъ и Египтяне», восклицалъ съ высоты трагической сцены:

По истинѣ, существуетъ только одинъ Богъ,
Сотворившій небо и землю, лазурное небо и бурные вѣтры.
А мы, немощные смертные, въ заблужденіи сердецъ своихъ
Воздвигаемъ статуи богамъ.
Но развѣ можно въ этихъ изображеніяхъ боговъ, сдѣланныхъ изъ дерева, мѣди, золота и слоновой кости,
Обрѣсти утѣшеніе въ бѣдствіяхъ?
Мы жертвы имъ приносимъ; имъ посвящаемъ праздничные дни,
Думая, что въ этомъ состоитъ благочестіе (*).

Еврипидъ вводитъ въ свои трагедіи подобныя же рѣчи:

Видишь ли ты этотъ воздухъ, распростертый надъ нашими главами,
Свободный, безконечный, безграничный,
Держащій землю въ своихъ влажныхъ объятіяхъ?
Скажи: Вотъ Зевсъ; вотъ Богъ (**).

(*) Тѣ же стихи въ «Увѣщ.» гл. 7-й.
(**) Тѣ же стихи въ «Увѣщ.» гл. 7-й.

Тотъ же поэтъ въ трагедіи «Пиривой» такъ говоритъ:

Къ Тебѣ взываю, Существо само изъ себя происшедшее.
Къ Тебѣ, которое всю природу связываешь вихрями эѳира,
Къ Тебѣ, постоянно окруженному дневнымъ свѣтомъ, ночнымъ мракомъ
И блестящей свитою безчисленныхъ свѣтилъ.

Подъ «существомъ, которое само изъ себя произошло», разумѣется творческій разумъ. Выраженія же послѣдующія примѣнимы къ міру, той сценѣ, гдѣ мракъ борется со свѣтомъ. Эсхилъ, сынъ Евфоріона, говоритъ о Божествѣ въ такихъ сжатыхъ и вѣскихъ выраженіяхъ:

Зевсъ — воздухъ, Зевсъ — земля, Зевсъ — небо, Зевсъ—все;
И если есть еще что либо болѣе величественное, то это—Зевсъ.

Платонъ своимъ авторитетомъ также подтверждаетъ свидѣтельство Гераклита. Этотъ говоритъ: «Существо, единственно премудрое, Оно не довольствуется именемъ «Единаго»; ему любезно также и имя Зевса». «Законъ, говоритъ Гераклитъ въ другомъ мѣстѣ, состоитъ въ слѣдованіи заповѣдямъ Существа единаго».

Имѣющій уши слышать да слышитъ, говорилъ Спаситель (Лк. XIV, 35). Хотители вы проникнуть въ глубину смысла сего изреченія? Раскрытіе его вы найдете у того же Гераклита Ефесскаго: «Слышащіе, но не понимающіе слышимаго, то же что и глухіе. Они собой оправдываютъ поговорку: «Присутствуя отсутствуютъ». Желаете ли знать, что и Эллины придавали великое значеніе вѣрѣ въ единый принципъ? Слушайте, что говоритъ о семъ Тимей Локрянинъ. Въ своемъ разсужденіи «О природѣ» онъ дословно пишетъ слѣдующее: «Начало всѣхъ вещей едино и сотвореннымъ быть не можетъ. Представьте, что оно происходитъ отъ другаго начала: тотчасъ же оно перестаетъ быть началомъ, уступая свое мѣсто тому началу, которымъ дано ему бытіе (*). Вотъ ученіе вполнѣ истинное и

(*) Подобное Платонъ въ «Федрѣ» и Цицеронъ въ «Тускул. бесѣд.» кн. II.

представляющее собою не иное что какъ раскрытіе сихъ библейскихъ словъ: *Слушай, Израиль, Господь Богъ твой единъ. Служи только Ему одному* (Втор. VI, 4, 13).

Смотри, вотъ Онъ всѣмъ Самъ Себя открываетъ
И разсѣеваетъ лживыя представленія,

восклицаетъ Сивилла (*). Гомеръ по нѣкоему вдохновенію, какъ кажется Божественному, предчувствуетъ бытіе Отца и Сына, когда влагаетъ въ уста Циклоповъ слѣдующія слова:

Если уже Никто (ничтожный человѣкъ) тебѣ причиняетъ насиліе въ твоемъ уединеніи,
То отстранить бѣдствіе, посылаемое на тебя великимъ Зевсомъ, невозможно
(Одис. IX, 410, 411).
Потому что Циклопы нисколько не заботятся объ эгидоносномъ Зевсѣ
(Одис. IX, 274).

А Орфей, говоря о предметѣ насъ занимающемъ, еще ранѣе Гомера восклицалъ:

О, Сыне великаго Зевса, Отче эгидоноснаго Зевса.

И Ксенократъ Халкидинянинъ, различая двухъ Зевсовъ, одного называемаго имъ высшимъ, а другого нисшимъ, развѣ симъ не дѣлаетъ нѣкотораго намека на Отца и Сына? Но вотъ нѣчто еще болѣе странное. Гомеръ, изображая боговъ состоящими подъ властію тѣхъ же страстей, коими и люди обуреваемы, и за это терпя упреки отъ Эпикура. однакоже признаетъ бытіе Божества, потому что онъ выражается о семъ такъ:

Почему ты, Пелидъ, будучи смертнымъ,
На свои быстрыя ноги надѣясь, въ лицѣ моемъ бога безсмертнаго преслѣдуешь?
Или доселѣ Бога еще во мнѣ не узналъ?
(Ил. XXII, 8—10).

Поэтъ такимъ образомъ намъ въ семъ сообщаетъ, что ни руками, ни ногами, ни зрѣніемъ, ни другимъ какимъ либо изъ своихъ органовъ человѣкъ не въ состояніи постигнуть и обнять Божества. *Кому уподобите вы Господа*, говоритъ Писаніе, *и въ какихъ чертахъ передадите ликъ Его? Развѣ не художникъ выливаетъ статую Его? Развѣ не золотыхъ дѣлъ мастеръ покрываетъ золотомъ ее* и т. д. (Ис. XL, 18, 19)?—Комическій поэтъ Эпихармъ въ своемъ «Государствѣ» равнымъ образомъ также, и притомъ довольно ясно, указываетъ на Божественнаго Логоса:

Разумъ (Логосъ) и число составляютъ существенную и необходимую сторону жизни человѣка.
Мы живемъ лишь разумомъ (Логосомъ) и числомъ;
Ничто другое насъ спасать не можетъ.

Потомъ еще съ большей точностью онъ прибавляетъ:

Разумъ (Логосъ) управляетъ людьми и охраняетъ нравы.

И наконецъ:

Есть разсужденіе человѣческое,
И есть разумъ (Логосъ) Божественный.
Своимъ разумѣніемъ человѣкъ удовлетворяетъ матеріальнымъ потребностямъ жизни.
Разумъ (Логосъ) же Божественный
Собою порождаетъ и двигаетъ искуства.
Онъ лично каждаго изъ насъ тому научаетъ,
Что полезно намъ. Потому что вѣдь
Не человѣкомъ изобрѣтено искуство;
Оно ведетъ свое начало лишь отъ Бога
И только отъ одного Его.
Разумъ (Логосъ) человѣческій коренится
Въ разумѣ (Логосѣ) Божественномъ.

Итакъ продолжимъ наши сопоставленія.

Духъ Святый чрезъ Исаію такъ взываетъ: *Къ чему Мнѣ множество вашихъ жертвъ? Я пресыщенъ всесожженіями козловъ; тука вашихъ овновъ и крови воловъ Я не хочу* (Ис. I, 11). И нѣсколько ниже пророкъ прибавляетъ: *Омойтесь и очиститесь, оставьте злыя мысли* и т. д. (Ис. I, 16). И Менандръ комикъ почти буквально повторяетъ тѣже мысли и выраженія:

Если кто нибудь думаетъ, Памфилъ,
Принесеніемъ въ жертву воловъ. козлятъ и подобнаго,
Или же какой либо драгоцѣнной работы своихъ рукъ,
Какъ напр. хламиды, сотканной изъ золота и пурпура,
Или же созданіемъ изъ кости и берилловъ статуй.
Привлечь на себя благоволеніе Божіе,
То онъ заблуждается и обнаруживаетъ этимъ крайнее легкомысліе.
Долгъ человѣка—добродѣтельнымъ быть,
Чтить непорочность дѣвъ и безупречность супругъ,

(*) Уже приводимъ былъ сей стихъ въ «Увѣщ.» гл. 8-й.

Хранить себя отъ воровства и убійства,
Не завидовать богатствамъ и состоятельности других.
Богъ близокъ къ намъ, Памфилъ. Онъ видитъ насъ.

Я не только Богъ вблизи, говоритъ Писаніе о Богѣ, *но Богъ и вдали. Если кто дѣйствуетъ во мракѣ, развѣ не увижу Я его*, говоритъ Богъ устами Іереміи (Іер. XXIII, 23, 24)? И опять Писаніе говоритъ: *Приносите Богу въ жертву праведность, и тогда надѣйтесь на Него* (Пс. IV, 6). А поэтомъ Менандромъ и дополняется это слово Писанія. Онъ пишетъ:

Другъ мой! Не желай и малѣйшей части изъ имѣнія другаго.
Богъ любитъ дѣла лишь праведныя, а неправду ненавидитъ.
Умножать свое богатство Онъ дозволяетъ лишь праведнымъ трудомъ.
Посему будь до гроба праведенъ.
Постоянно приноси Богу въ жертву не одежду пышности и богатства, а чистоту душевную.
Если гремитъ громъ и твоя совѣсть чиста, то къ чему тебѣ бѣжать, другъ мой?
Богъ тебя видитъ; Онъ съ тобою рядомъ.

А обѣтованіе Писанія таково: *Ты будешь говоришь еще, а Я уже скажу: вотъ Я* (Ис. LII, 6).

И комическій поэтъ Дифилъ также раздѣляетъ вѣру въ послѣдній судъ, говоря:

Ужели, Никератъ, ты думаешь, что проведшіе жизнь въ пирахъ и чувственныхъ удовольствіяхъ
Не будутъ подлежать по смерти Божественному правосудію?
И надъ ними бдитъ всеназирающее правосудное Око.
Мы знаемъ, что по входѣ въ подземное царство
Путь раздѣляется на два: одинъ ведетъ въ мѣстопребываніе праведниковъ;
Другой же въ жилища нечестивыхъ, вѣчно покрытыя землею.
Итакъ идите, лгите, крадьте, ничего не уважайте;
Но и не обманывайте самихъ себя:
Настанетъ и для васъ въ подземномъ царствѣ судъ;
Его произнесетъ надъ вами Богъ самъ, верховный Владыка вселенной.
Его имя страшное я не отваживаюсь здѣсь произнести.
Иногда Онъ дозволяетъ жить долго и злодѣю;
Но пусть злодѣй не обольщаетъ самъ себя предположеніемъ,
Что ежедневныя его преступленія сокрыты отъ Него
Или что они безразличны для Него:
Мысль эта собою представляетъ уже новое преступленіе.
Нѣтъ, это только то собою означаетъ, что
Правосудная десница лишь откладываетъ мщеніе ему.
Вы мечтающіе, что Бога нѣтъ, берегитесь!
Есть Богъ, Онъ существуетъ; да, существуетъ.
И если кто, злымъ уже родившись, творитъ злое;
То пусть воспользуется еще остающимся въ его распоряженіи временемъ:
Послѣ же подлежать будетъ ужаснымъ наказаніямъ.

Согласно съ этимъ говоритъ о семъ и трагедія такъ:

Настанетъ день. день ужасный и печальный,
Когда эфиръ спуститъ съ цѣпей огненные вихри, скрывавшіеся въ его нѣдрахъ;
Тогда разнузданнымъ пламенемъ истреблено будетъ и на землѣ и въ воздухѣ все живое
И не будетъ границъ ярости огня.

А нѣсколькими стихами ниже поэтъ прибавляетъ:

И когда все будетъ уничтожено, бездны океана опустѣютъ.
Земля также будетъ представлять видъ пустыни,
Не станетъ стай крылатыхъ, кои съ ея поверхности сожженной
Взлетали бы въ высоты неба.
Но все разрушенное потомъ опять будетъ возстановлено.

И въ поэмахъ орфическихъ находимъ мы подобныя же идеи:

Все, что ни скроетъ онъ въ своемъ сердцѣ священнаго;
Все это имъ снова будетъ возвращено на лучезарный свѣтъ солнечный,
И притомъ въ формѣ болѣе прекрасной, чѣмъ, прежняя.

Безъ сомнѣнія мы можемъ счастливыми быть и на этой землѣ, если живемъ здѣсь свято и праведно. Но несравненно счастливѣе будемъ оставивъ сей міръ, потому что послѣ сего вмѣсто блаженства временнаго будемъ наслаждаться покоемъ вѣчнымъ,

Сдѣлавшись сожителями и сотрапезниками безсмертныхъ,

Навсегда освободившись отъ бѣдъ и болѣзней, какія постигаютъ смертныхъ,

какъ обѣщаетъ намъ философская школа Эмпедокла.

Итакъ уже по вѣрованію Эллиновъ не будетъ людей ни слишкомъ знатныхъ, коихъ знатность освобождала бы отъ суда Судіи верховнаго, ни слишкомъ ничтожныхъ, чтобы не обратить на себя взоровъ сего Судіи.

Тотъ же самый Орфей говоритъ намъ о семъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Постоянно обращай взоры къ Божественному Логосу
И никогда ихъ не отвращай отъ Него,
Внимательно изслѣдуя всѣ изгибы твоей души;
Иди увѣренными шагами по пути прямому,
Умъ устремляя лишь къ одному безсмертному Царю вселенной (*).

Въ другомъ мѣстѣ онъ утверждаетъ, что Богъ непостижимъ. При семъ Орфей прибавляетъ, что открылся Онъ только одному человѣку халдейскаго происхожденія. Подъ симъ разумѣетъ онъ или Авраама или и сына его. Но приведемъ его подлинныя слова:

Открылся Онъ лишь одному изъ потомковъ нѣкоей халдейской семьи.
Мудрецъ сей зналъ о теченіи солнца,
О движеніи имъ совершаемомъ вокругъ земли,
На коемъ она увлекаетъ за собою сводъ небесный
И въ то же время вращается около своей оси.
Онъ видалъ крылатыхъ лошадей (вѣтры), управляющихъ міромъ.
Какъ они пробѣгаютъ пространствомъ и нисходятъ въ глубины безднъ.

Потомъ какъ будто въ разъясненіе сихъ выраженій Писанія: *Небо—престолъ Мой, земля же—подножіе ногъ Моихъ* (Ис. LXVI, 1) онъ прибавляетъ слѣдующее:

Неколебимый, вѣчный, Онъ возсѣдаетъ въ зенитѣ неба на золотомъ престолѣ.
Земля—Его подножіе. Своей десницей Онъ касается концовъ океана.
Дыханіемъ своего гнѣва Онъ колеблетъ горы въ основаніяхъ
И не могутъ эти выносить онаго тяжести.
Онъ повсюду, хотя жилищемъ Его—небо.

(*) Эти стихи Орфея уже приведены были въ «Увѣщ.» гл. 7-й.

Ничто изъ того, что происходитъ на землѣ,
Не совершается безъ Него,
Ибо Онъ—начало, средина и конецъ всѣхъ вещей.
Но что я говорю? Непозволительно даже и имя Его произносить.
Дрожитъ и трепещетъ мое тѣло уже при одной мысли о Немъ.
Въ высотахъ неба Онъ живетъ и отсюда управляетъ всѣмъ и т. д.

Какой краснорѣчивый языкъ! Но онъ съ очевидностью собой напоминаетъ слѣдующія слова пророка: *Если открываешь Ты небо, то горы дрожатъ и таютъ предъ лицемъ Твоимъ какъ воскъ передъ огнемъ* (Ис. VI, 1). Но съ сими тождественны и такія слова Исаіи: *Кто распростертою рукою небеса измѣрилъ? Кто землю взвѣсилъ на вѣсахъ* (Ис. XL, 12)? Тѣ же основныя идеи встрѣчаемъ мы и въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ Орфея:

Повелитель неба и ада, Повелитель земли и волнъ!
Ты, Олимпъ колеблющій своимъ громовымъ голосомъ!
Ты, котораго боятся духи, котораго страшится сонмъ боговъ!
Ты, которому покорно служатъ Парки (*), неумолимыя по отношенію ко всякому другому!
Существо вѣчное, почитаемое нами подъ двойнымъ именемъ отца и матери!
Отъ гнѣва Твоего трясется міръ весь!
Ты расковываешь вѣтры, природу окружаешь густыми облаками,
А воздухъ прорѣзываешь бороздами Твоихъ молній!
Свѣтила движутся, повинуясь неизмѣннымъ, Тобой установленнымъ, законамъ.
Вокругъ блистающаго Твоего престола стоятъ многочисленные сонмы Ангеловъ,
А на обязанности ихъ лежитъ слѣдить за нуждами смертныхъ и за исполненіемъ ими Твоихъ заповѣдей.
Отъ Тебя исходитъ весна съ вѣнчающими ее свѣжими цвѣтами;
Но отъ Тебя же и зима, опоясывающая насъ льдомъ и объемлющая холодными вѣтрами.
Тебѣ же наконецъ мы обязаны гроздами виноградной лозы и осенними плодами.

Потомъ въ выраженіяхъ, никакого сомнѣнія не возбуждающихъ, поэтъ возвѣщаетъ всемогущество Божіе:

(*) Богини судьбы: Клото держала прялку жизни, Лахесисъ вела ее, а Атропосъ перерѣзывала нить жизни.

Имя Его, недоступнаго для приражения смерти къ Нему,
Произносить имѣютъ право лишь безсмертные.
Сниди къ намъ, о величайшій изъ боговъ!
Приди къ намъ въ сопровожденіи непреклонной необходимости!
Приди, Богъ грозный, непобѣдимый, великій, безсмертный,
Ты, увѣнчиваемый небомъ!

Выраженіемъ: «котораго мы почитаемъ подъ двойнымъ именемъ отца и матери» (по гречески: Μητροπάτωρ) Орфей хочетъ сказать, что Богомъ всѣ живыя существа сотворены изъ ничего. Для меня не показалось бы дивнымъ, если-бы мѣсто это сторонникамъ ученія объ эманаціяхъ и эонахъ внушило мысль придать Богу et cojugem (*). На самомъ же дѣлѣ поэтъ лишь перифразируетъ слова Исаіи (Амоса) пророка: *Вотъ Онъ, сгущающій облака и под нимающій бури, котораго руками образованы небесныя звѣзды* (*воинства*) (Ам. IV, 13). А можетъ статься, поэтъ имѣлъ въ виду слова и Моисея: *Усмотрите и познайте, что это Я, Я; и что нѣтъ Бога инаго кромѣ Меня. Я умерщвляю и оживляю; Я поражаю и исцѣляю и никто не вырветъ изъ руки Моей* (Втор. XXXII, 39).

За пріятностями радостей онъ заставляетъ слѣдовать томительныя скорби,
Ужасы битвъ и плачевность жизненныхъ долей.

Такъ поетъ Орфей. Архилохъ Паросскій подобнымъ же образомъ восклицаетъ:

О Зевсъ! Небо—твое царство.
Но съ высотъ твоего жилища ты видишь,
Что праведно и что нѣтъ.

Но и ѳракійскій пѣвецъ Орфей пусть еще споетъ намъ нѣчто на своей лирѣ:

Своей десницей Онъ касается краевъ океана,
Земля же—подножіе ногъ Его

Что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ подражаніемъ, это очень замѣтно. И оно напоминаетъ собой слѣдующія слова Писанія: *Господь будетъ сохранять города населенные. Возьметъ Онъ въ свою руку всю вселенную какъ гнѣздо* (Ис. X, 14). *Это Господь сотворилъ землю всемогуществомъ своимъ*, говоритъ Іеремія; *это Онъ въ равновѣсіе привелъ всю вселенную* (Іер. X, 12). Къ свидѣтельствамъ священныхъ писателей присоединимъ еще свидѣтельства писателей свѣтскихъ. Такъ Фокилидъ называетъ Ангеловъ геніями и различаетъ между ними добрыхъ и злыхъ. Въ нашихъ преданіяхъ и дѣйствительно говорится объ ангелахъ мятежныхъ:

Духи же (демоны) различны (*). Различнымъ образомъ они вліяютъ и на людей.
Но то несомнѣнно, что однимъ изъ нихъ поручено отклонять отъ насъ всѣ угрожающія намъ бѣдствія.

Комическій поэтъ Филимонъ слѣдовательно уже въ подрывъ идолослуженію говоритъ слѣдующее:

Счастье не богъ, далеко не богъ,
Хотя все, нами получаемое неожиданно или случайно,
Мы и называемъ счастіемъ.

Не иначе какъ съ признательностью и похвалою нужно при семъ вспомнить и о Софоклѣ, ибо онъ пишетъ:

Не все идетъ по волѣ боговъ.
Власть верховная принадлежитъ Зевсу.
Въ немъ начало и конецъ всѣхъ вещей.

Орфей опять говоритъ подобное же:

Есть одна только власть и одно верховное Божество;
Это Его свѣтъ блистаетъ въ небесахъ.
Все Имъ сотворено; это Имъ все приводится въ движеніе:
Земля, вода, огонь....

Увлеченный восторгомъ, Ѳивскій лирикъ (Пиндаръ) равнымъ образомъ восклицаетъ:

Что—такое Богъ? Богъ, это вся вселенная.

И опять:

Богъ есть Творецъ всѣхъ смертныхъ.

И въ другомъ мѣстѣ:

Люди! Почему—это вы надѣетесь на людскую мудрость?
Нѣтъ ея у нихъ ни малѣйшей.
Проникнуть въ совѣты боговъ для человѣческаго разума

(*) Намекъ на Валентина и его эманаціонную теорію эоновъ. Срав. начало III-й кн. «Строматъ.»

(*) Мнѣніе о семъ христіанъ см. въ концѣ VI кн. «Стром.»

Есть дѣло затруднительное:

Отъ смертныхъ матерей всѣ мы рождены.

Въ этомъ послѣднемъ изреченіи Пиндара слышится только эхо словъ Исаіи пророка: *Кто позналъ мысль Господню? Кто былъ совѣтникомъ Его* (Ис. XL. 13; Рим XI. 34 и 1 Кор. V, 16)? И Гезіодъ пишетъ схожее съ тѣмъ, что говоритъ этотъ пророкъ:

Между сынами человѣческими
Нѣтъ гадателя, который могъ бы
Проникнуть въ мысль всемогущаго Зевса.

Аѳинскій законодатель Солонъ слѣдовательно имѣлъ всѣ основанія въ одномъ мѣстѣ своихъ элегій согласно съ Гезіодомъ выразиться такъ:

Мысль безсмертныхъ есть глубокая тайна для людей.

Писаніе устами Моисея предрекло женѣ, что во искупленіе своего ослушанія Божественной заповѣди она среди болѣзней и скорбей будетъ рождать чадъ. Согласно съ этимъ и поэтъ, коего имя далеко не безславно, говоритъ:

Трудиться и плакать день и ночь.
Вотъ печальная судьба жены.
Никогда не перестанутъ боги посылать ей скорби на скорби.

Когда Гомеръ изображаетъ Вседержителя

Держащимъ въ своей десницѣ золотые вѣсы,
(Ил. VIII, 69),

то чрезъ это символически онъ означаетъ безъ сомнѣнія правосудіе Божіе. Менандръ же комикъ о благости Божіей свидѣтельствуетъ такъ:

Какъ только человѣкъ рождается,
Сходитъ къ нему добрый геній, благожелательный наставникъ:
На его обязанности лежитъ ввесть человѣка во всѣ тайны бытія.
И представить невозможно, чтобы это былъ духъ злой,
Которому было бы поручено новорожденнаго отвлекать отъ жизни добродѣтельной.

Свою рѣчь Менандръ заканчиваетъ фразою, которая грамматической своей конструкціей можетъ означать въ одно и тоже время и то, что «всякій Богъ благъ» или же,—а это и вѣроятнѣе,—что «Богъ во всемъ благъ».

Трагикъ Эсхилъ, стараясь опредѣлить Божественное всемогущество, не заминаясь именуетъ Бога и Всевышнимъ. Онъ говоритъ:

Берегись отождествлять Бога съ людьми смертными
И не воображай себѣ, что Онъ имѣетъ плоть подобную нашей.
Ты говоришь: «Я Его незнаю».
Но Онъ является тебѣ то подъ видомъ блистающаго огня, прикосновеніе къ которому для насъ не проходитъ даромъ;
То волна Онъ, то туманъ.
Иногда Онъ принимаетъ видъ дикаго животнаго:
Тогда Онъ свищущій вѣтеръ, быстрое облако, блистающая молнія,
Громъ гремящій, потокъ освобожденный отъ оковъ;
Море, скалы, озера Ему послушны.
Все трепещетъ отъ одного Его взора:
И лице земли, и бездны океана, и вершины высочайшихъ горъ.
Потому что неограниченна слава Всевышняго.

Не находите ли вы, что эти стихи поэта служатъ лишь комментаріемъ къ словамъ Писанія: *Отъ лица Господня земля трепещетъ* (Пс. LXVIII, 8)?

Но что мысль о всевышнемъ Богѣ—Вседержителѣ не чужда была Эллинамъ, есть свидѣтельство за сіе еще болѣе важное. Самъ Аполлонъ, славившійся знаніемъ будущаго, свидѣтельствуетъ о славѣ Бога истиннаго. Онъ вынужденъ объявить, что во время нашествія Персовъ на Элладу Аѳина пришла и умоляла за Аттику Зевса. Оракулъ (Герод. VII, 140, 141) о семъ такъ говорилъ:

Мольбы и все искуство Аѳины напрасны.
Ничто не можетъ поколебать воли Олимпійскаго Зевса.
Онъ готовится предать огню многіе изъ храмовъ, посвященныхъ безсмертнымъ;
Дрожатъ эти отъ страха и покрываетъ ихъ холодный потъ.

Ѳеарида въ своемъ разсужденіи о природѣ пишетъ: «Начало вселенной, ея истинное начало одно; оно вѣковѣчно, а потому и едино».

Никакого другаго Божества нѣтъ кромѣ всевышняго Владыки,

говоритъ Орфей. Комическій поэтъ Дифилъ, слѣдуя Орфею, выражаетъ такую глубокую мысль:

Постоянно чти Отца вселенной.
Онъ источникъ и виновникъ всѣхъ окружающихъ тебя благъ.
Почитай Его постоянно; только Его одного и чти.

Платонъ значитъ правъ, когда людей по природѣ наилучшихъ сближаетъ и сдружаетъ съ мыслію стремиться къ знанію, уже признанному нами за наивозвышеннѣйшее. Знаніе это состоитъ въ предпочтительномъ созерцаніи лишь добра одного и чрезъ постоянныя усилія въ восхожденіи къ нему. Здѣсь дѣло идетъ не о безразличной и скоропреходящей возбужденности какъ въ играхъ дѣтства (*), а о движеніи правильномъ, которое вывело бы душу изъ этого нѣкоторымъ образомъ ночнаго свѣта, гдѣ она остается какъ бы погребенною и направило бы ее къ свѣту истинному, по пути, который съ сихъ поръ мы будемъ звать философіей (мудростью) истинной» (**). На тѣхъ же, кто вступаетъ на этотъ путь, Платонъ смотритъ какъ на присоединяющихся къ племени золотому (***). «Всѣ вы братья», говоритъ онъ. А всѣ относящіеся къ этому золотому племени имѣютъ способность здраво судить обо всемъ.

Итакъ всѣмъ живымъ существамъ нѣкоторымъ образомъ въ силу инстинкта и безъ внѣдренія этой идеи воспитаніемъ, свойственно предчувствіе, что есть общій всѣхъ насъ Отецъ и Творецъ всего. Природу неорганическую и одушевленную связываютъ между собою отношенія симпатическія. Изъ существъ же живыхъ одни уже наслаждаются безмертіемъ, другія же ежедневно волнуются и трудятся для сего, оставаясь еще здѣсь на землѣ. Но и изъ смертныхъ нѣкоторые погружены въ слѣпой страхъ и заключены въ матернихъ нѣдрахъ, ихъ носящихъ; другіе же движутся, пользуясь своей независимостью свободно.

Далѣе, вся человѣческая семья дѣлится на Эллиновъ и варваровъ. Въ числѣ этихъ народовъ нѣтъ ни одного ни изъ земледѣльческихъ, ни изъ племенъ кочевыхъ, ни одной націи, живущей въ городахъ, которая могла бы жить и держаться безъ инстинктивной вѣры въ верховное Существо. Избѣгайте весь міръ отъ востока до запада, съ сѣвера на югъ, вездѣ вы встрѣтите одни и тѣ же элементарныя представленія о верховномъ Владыкѣ, потому что дѣйствіе творческаго всемогущества равно простирается на всѣ концы земли и одинаково собою обнимаютъ всѣ ея мѣстности. Эллинскіе мудрецы съ одушевлявшимъ ихъ духомъ изслѣдованія, состоявъ дольше другихъ въ сношеніяхъ съ мудрецами варварскими, пошли дальше своихъ современниковъ. Они усвояли промыслительное попеченіе Богу невидимому и единому, верховному Творцу и непосредственному Виновнику вещей наипрекраснѣйшихъ. Однакоже выводовъ изъ своихъ ученій безъ нашего содѣйствія они сдѣлать были не въ состояніи; приходя въ семъ на помощь къ нимъ, мы развиваемъ предъ ними тѣ выводы; ибо они даже и того незнаютъ, какимъ образомъ природѣ этой дано и свойственно открывать Бога. Но, какъ уже показано нами (*), они опредѣляли Божество околичностями, къ истинѣ хотя и близкими довольно. Апостолъ потому правъ былъ, говоря: *Развѣ Богъ есть Богъ Евреевъ только? Не Богъ ли Онъ и язычниковъ* (Рим. III, 29)? Не безразличіе вѣръ впрочемъ онъ утверждалъ этимъ, а то лишь хотѣлъ сказать, что тѣ изъ Эллиновъ, которые увѣруютъ въ его ученіе, достигнутъ истиннаго познанія о Богѣ. Нѣтъ, эти слова Апостольскія не пророчество какое либо собою представляютъ, а имѣютъ значеніе философское. Апостолъ ими сказываетъ, что въ отношеніи власти Богъ есть Господь надъ всѣми людьми и что Онъ дѣйствительно Вседержитель; съ точки же зрѣнія познанія Онъ не состоитъ Богомъ всѣхъ. Язычники и дѣйствительно ни того незнаютъ, что есть Богъ, ни того, какимъ образомъ Господь

(*) Намекъ на игру въ «остракинду». Она состояла въ томъ, что дѣти дѣлились на двѣ партіи, одна изъ которыхъ выбирала бѣлый цвѣтъ, другая черный. Бросали черепокъ или раковину. Если она падала бѣлой стороной кверху, то эта партія должна была преслѣдовать другую и наоборотъ.

(**) «О государствѣ» недалеко отъ начала кн. VII.

(***) Тамъ же подъ конецъ кн. III-й.—Срав. въ сей же V-й кн. «Стром.» въ гл. 14-й.

(*) Срав. «Стром.» I въ гл. 19 и Стром. VI, въ гл. 5-й.

есть Отецъ и Творецъ; ни другихъ тайнъ они не вѣдаютъ, входящихъ въ составъ истиннаго ученія, нами христіанами содержимаго; для этого они должны получить образованіе въ нашей школѣ.

Пророкъ говоритъ тоже, что и Апостолъ. Послушаемъ напримѣръ, что говоритъ Исаія: *Вы говорите: Мы уповаемъ на Господа Бога нашего. А я скажу вамъ: Итакъ вступите въ союзъ съ господиномъ моимъ царемъ Ассирійскимъ* (Ис. XXXVI, 7, 8). Пророкъ прибавляетъ: *Ужели вы думаете, что безъ воли Божіей внесли мы войну въ сію страну* (Ис. XXXV 10)? Изъ другихъ вдохновенныхъ устъ, Іоны пророка устъ, слышимъ мы подобное же: *И приблизился къ нему кормчій и сказалъ ему: Что ты спишь? Встань; воззови къ Богу твоему. Можетъ быть, Богъ вспомнитъ о насъ и мы не погибнемъ* (Іон. I, 6). Словами *къ Богу твоему*, обращенными къ Іонѣ, который зналъ Его, и другими: *Можетъ быть, Богъ вспомнитъ о насъ* указывается на единодушное согласіе народовъ, которые еще до просвѣщенія ихъ вѣрою возвысились въ своемъ разумѣ до понятія о Богѣ Вседержителѣ. *И сказалъ имъ Іона: Я рабъ Господень и чту Господа Бога небеснаго. И они воскликнули*, какъ разсказываетъ тотъ же Іона: *Молимъ Тебя, Господи: не погуби насъ изъ за этого человѣка* (Іон. I, 9, 14).

Пророкъ Малахія влагаетъ такія слова въ уста Господу: *Приношеніе изъ рукъ вашихъ не благоугодно Мнѣ. Отъ востока солнца до запада имя Мое прославляется народами и повсюду Мнѣ приносятся жертвы*. И опять: *Ибо Я царь великій*, говоритъ Господь Вседержитель, *и Мое имя велико между народами* (Мал. I. 10, 11, 14). Что же это за имя? Для вѣрующихъ именемъ этимъ состоитъ «Сынъ», намекающее и на Отца; а для язычниковъ именемъ этимъ служитъ «Богъ—Творецъ»(*).

(*) Писатель хочетъ сказать, что имя Бога Отца вѣрнымъ возвѣщено чрезъ Сына; Бога же Творца имя язычникамъ извѣстно изъ дѣлъ творенія.

О свободѣ воли Платонъ (*) даетъ свое мнѣніе въ такихъ выраженіяхъ: «Добродѣтель никого не признаетъ себѣ повелителемъ. Смотря по тому, почитаютъ ли ее или же ею пренебрегаютъ и ее саму тѣмъ болѣе или менѣе привязываютъ къ себѣ. За выборъ же отвѣтственъ каждый самъ; Богъ въ немъ неповиненъ». Платонъ правду сказалъ: «Богъ не можетъ быть причиной зла» (**).

Лирическій поэтъ (***) такъ восклицаетъ:

О вы Трояне воинственные!
Зевсъ, царствующій на небесахъ, а своими очами
Объемлющій всю природу,
Не можетъ быть виновникомъ золъ,
Тяготѣющихъ надъ смертными.
Но ни у кого не отнято право слѣдовать лишь святой и чистой истинѣ,
Спутницѣ правомѣрности и осторожной Ѳемиды.
Счастливцы тѣ и родители тѣхъ счастливы,
Въ средѣ чьей она живетъ какъ бы непорочной сестрой.

Пиндаръ же подъ образомъ Зевса—Спасителя, вступающаго въ бракъ съ Ѳемидой, открыто изобразилъ Царя, Спасителя и Праведника.

Парки сажаютъ мудрую Ѳемиду на колесницу,
Запряженную конями съ золотыми крыльями.
За тѣмъ они везутъ богиню къ крутому берегу океана,
Къ величественному порогу великолѣпной дороги, ведущей на Олимпъ,
Гдѣ она навѣки должна стать первенствующей супругой Зевса—Спасителя.
Отъ сего-то союза родились времена года,
Сіи благодѣющія богини съ волосами, охваченными золотымъ обручемъ,
Руки же коихъ обременены драгоцѣнными плодами.

Кто истинѣ не вѣритъ, а своимъ человѣческимъ знаніемъ гордится (1 Тим. VI, 3, 4), тотъ несчастенъ. Онъ, говоря словами Еврипида,

Вмѣсто того, чтобы возвышаться до Бога созерцаніемъ картинъ природы,
Споритъ о происходящемъ въ высшихъ слояхъ воздуха и сѣетъ софизмы,
Кои неутомимый и вздоръ несущій языкъ выпускаетъ наудачу,

(*) Въ кн. X-й «О государствѣ».
(**) Срав. «Педаг.» кн. I, гл. 8.
(***) Или Пиндаръ, или Бакхилидъ.

Того не постигая, что въ нихъ скрыто.

Итакъ кто желаетъ содержать ученіе истинное, тотъ приблизься и внимай тому, что обѣщаетъ ему Парменидъ Элеатянинъ:

Ты изучаешь свойства воздуха, движеніе свѣтилъ
вращающихся въ пространствѣ
И невидимое вліяніе чистаго и священнаго свѣта
солнечнаго.
Все это вещи таинственныя, но и ихъ происхожденіе тебѣ будетъ открыто.
Ты познакомленъ будешь далѣе съ круговращеніемъ луны, проникнешь въ тайны природы.
Ты будешь имѣть понятіе о небѣ и о томъ, что
оно объемлетъ всю вселенную во всѣхъ ея
частяхъ.
Ты постигнешь, какъ оно зародилось въ день,
когда высшее могущество
Сковало его надъ нашими головами, чтобъ утвердить въ немъ свѣтила и ихъ движеніе.

Прислушаемся еще къ Метродору Хотя онъ и ученикъ Эпикура, тѣмъ не менѣе рѣчи его отличаются мудростью почти Божественной. Вотъ что говоритъ онъ: «Менестратъ, такъ какъ ты рожденъ смертнымъ и дни твои сочтены, то не забывай своею душой возноситься вдаль отъ земли, пока не явится тебѣ безконечность и вѣчность,—та вѣчность, которая была до тебя и будетъ послѣ тебя».

Это блаженное мгновеніе настанетъ, когда, по словамъ Платона, мы въ состояніи будемъ безъ покрововъ, вмѣстѣ съ сонмомъ блаженныхъ духовъ, созерцать невыразимое блаженство, коимъ они наслаждаются, когда и мы, вознесенные къ стопамъ Зевса, другіе же изъ насъ къ стопамъ другихъ боговъ, если можно такъ выразиться, будемъ торжествовать высшія таинства Божественнаго блаженства, омытые отъ всѣхъ нечистотъ, освобожденные отъ всякихъ бѣдъ, на кои были осуждены въ семъ мірѣ. Не станетъ болѣе преградъ, кои останавливали бы нашъ взоръ! Освободившись отъ узъ тѣлесныхъ, мы будемъ созерцать въ волнахъ чистаго свѣта вѣчную сущность. Да, мы будемъ очищены и освобождены отъ этой оболочки, которая называется тѣломъ и которую намъ вездѣ приходиться влачить съ собою, въ которой мы живемъ теперь, въ нее заключенные какъ устрица въ свою двойную раковину».

Пиѳагорейцы даютъ небу имя «Антихтона», т. е. земли, которая противуположна нашей. Это та прекрасная страна, о которой Господь сказалъ: *Я включу васъ въ число Моихъ чадъ и дамъ вамъ землю вожделѣнную, наслѣдіе Бога Вседержителя* (Iер. III, 19), наслѣдовавшіе которую будутъ царями земными.

Множество и другихъ подобныхъ симъ тирадъ всплываетъ въ моей памяти. Но гармонія, которая должна опредѣлять собой размѣры частей сего творенія и отношеніе ихъ къ цѣлому, предупреждаетъ меня, чтобы я кончилъ его; иначе и ко мнѣ можно будетъ приложить упрекъ, который читаемъ мы у трагическаго поэта Агаѳона:

Они разсуждаютъ о вещахъ побочныхъ съ тою же
тщательностью,
Какъ и о главномъ;
А о главномъ съ такой же небрежностью,
Какъ и о мелочахъ.

Итакъ теперь, когда съ возможною очевидностью доказано, по крайней мѣрѣ какъ мнѣ кажется, въ какомъ смыслѣ нужно понимать слово Господа: «Эллины—воры» (*), я безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти растаюсь съ ученіями свѣтскихъ мудрецовъ. Еслибы мнѣ предстояло обсудить порознь каждое изъ ихъ изреченій, то какъ бы ни расширялъ я эти свои «Мемуары», никогда я не кончилъ бы ихъ: вѣчно мнѣ пришлось бы на томъ настаивать, что вся эллинская мудрость имѣетъ первоисточникомъ мудрость варварскую. Однакоже, смотря по надобности, мы будемъ еще время отъ времени возвращаться къ этому пункту, собирая принципіальныя мнѣнія Эллиновъ. Все предшествующее можетъ быть разсматриваемо какъ косвенное предупрежденіе относительно точки зрѣнія, съ какой долженъ при чтеніи относиться къ сочиненіямъ эллинскимъ тотъ, кто чувствуетъ себя способнымъ странствовать по этому морю, столь обильному подводными камнями (**).

(*) Срав. начало II-й кн. «Строматъ».

(**) Св. Василій Великій въ трактатѣ «О чтеніи греческихъ писателей» обстоятельнѣйшимъ образомъ разъяснилъ это.

Счастливъ, кто располагаетъ сокровищами мудрости Божественной,

восклицаетъ Эмпедоклъ.

Напротивъ весьма несчастенъ тотъ, кто находитъ удовольствіе въ туманныхъ грезахъ относительно боговъ.

Поэтъ симъ какъ бы по нѣкоему Божественному внушенію научаетъ насъ, что высшая цѣль знанія есть блаженство, а невѣжества конецъ—несчастіе.

Итакъ,—съ чѣмъ и Гераклитъ согласенъ,—мудрецу слѣдуетъ знать многое. И дѣйствительно, крайне необходимо

Ревнителю добродѣтели проходить непреткновенно путемъ прямымъ, не обращая вниманія на всѣ уклоненія съ него знанія.

Изъ всего же вышесказаннаго съ очевидностью слѣдуетъ, что благость Божія вѣчна, а правосудіе Его нѣкоторымъ образомъ уже въ силу естественной необходимости простирается на всѣ созданія и обращаетъ вниманіе на заслуги каждаго изъ нихъ и значеніе. Исходитъ же это правосудіе отъ Начала несотвореннаго, которое никогда и не имѣло начала своего бытія. И дѣйствительно, бытіе Божіе никогда вѣдь не начиналось; стало быть и благимъ Онъ никогда не началъ быть, а былъ таковымъ вѣчно; вѣчно Онъ таковъ, каковъ есть. Дѣйствіе Его благости остановится только въ тотъ день, когда все свое дѣло Онъ приведетъ къ концу. Каждый изъ насъ часть свою имѣетъ въ Его щедротахъ въ той мѣрѣ, какую самъ выбираетъ. Разница предопредѣленія однихъ къ одному жребію, другихъ къ иному зависитъ отъ заслуги выбора и отъ вѣрности слѣдованія ему.

Здѣсь мы кончаемъ пятую книгу сихъ въ духѣ истинной философіи гностическихъ «Записокъ» нашихъ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

1. Планъ, по которому далѣе имѣетъ быть излагаемъ матеріалъ сихъ «Записокъ».

Въ шестой и седьмой книгахъ сихъ въ духѣ истинной философіи гностическихъ «Записокъ» (Строматъ) нашихъ, послѣ возможно полнаго изложенія проповѣдуемой нами морали и по изображеніи жизни мудреца (гностика) совершеннаго, мы продолжимъ доказываніе мудрецамъ свѣтскимъ того положенія, что принимающій наши ученія вовсе не богоотступникомъ становится, какъ это они утверждаютъ, а человѣкомъ благочестивымъ и единственно—истиннымъ почитателемъ Бога. При семъ вкратцѣ мы коснемся ученій, какія онъ принимаетъ и наблюдаемыхъ имъ обычаевъ. Само собою понятно, что все это мы ввѣримъ письмени въ той мѣрѣ, въ какой дозволяется это важностью сихъ тайнъ (*).

Такова наша задача. Ибо Господь заповѣдалъ намъ *заботиться о пищѣ пребывающей въ жизнь вѣчную* (Іоан. VI, 27). И пророкъ говоритъ: *Блаженъ тотъ, кто сѣетъ на землю, орошаемую водой, гдѣ пасутся волъ и оселъ* (Ис. XXXII, 20). Что это значитъ? А то, что общей вѣрой изъ евреевъ и язычниковъ образуется одинъ народъ. Но *немощной*, по сужденію Апостола, *питается овощами* (Рим. XIV, 2). Уже тремя книгами нашего «Педагога» христіанинъ съ колыбели принимается на воспитаніе и подъ руководство. Онѣ наставляютъ его и утверждаютъ въ этомъ образѣ жизни, къ которому располагаетъ его чрезъ пробужденіе вѣры катихизація, собою подготовляющая въ душѣ новообращеннаго. уже расположеннаго къ добродѣтели, почву для принятія на нее впослѣдствіи времени сокровищъ знанія. Повторимъ еще разъ: чрезъ ознакомленіе язычниковъ съ подробностями нашихъ ученій мы дадимъ имъ возможность познать, что преслѣдуя истинныхъ почитателей Бога они совершаютъ дѣло нечестивое. Вѣрные названію и свойству сихъ нашихъ «Строматъ», въ которыхъ мы излагаемъ свои разъясненія, мы разрѣшимъ потомъ нѣкоторыя возраженія, возбужденныя сколько Эллинами столько же и варварами (іудеями) по поводу пришествія во плоти нашего Господа. Итакъ луга сего нашего творенія испещрены разнообразными цвѣтами; это какъ бы садъ, который украшаютъ разныхъ породъ большія деревья; но они ростутъ здѣсь не по родамъ и видамъ сгруппированные. Нашъ сборникъ этотъ не походитъ въ семъ отношеніи на сочиненія тѣхъ авторовъ, которые, толкуя въ нихъ объ извѣстныхъ ученыхъ матеріяхъ, соотвѣтственно сему даютъ имъ различныя названія: то «Геликона», то «Сотовъ», то «Ковровъ». Наши же сіи «Строматы» похожи именно на луга. Здѣсь на манеръ луговыхъ цвѣтовъ тысячи предметовъ соединяются и перемѣшиваются, потому что они излагаются нами въ томъ порядкѣ, какъ приходятъ намъ на умъ; мы набрасываемъ свои мысли безъ порядка и языкомъ безыскуственнымъ; иногда разбрасываемъ ихъ даже съ умысломъ. Записанныя такимъ образомъ, онѣ становятся для насъ огнемъ скрытымъ подъ пепломъ, вздуваемымъ по мѣрѣ надобности. Если же сіе твореніе случайно попадетъ въ руки читателя, который можетъ быть посвященъ въ тайны знанія, то оно вынудитъ его не безъ нѣкотораго труда отыскивать то, что можетъ быть ему годнымъ и чѣмъ онъ можетъ воспользоваться. Справедливость требуетъ, чтобы пищѣ предшествовала работа; не тѣмъ ли справедливѣе, чтобы трудъ предшествовалъ познанію у тѣхъ, которые идутъ къ спасенію и вѣчному блаженству *путемъ узкимъ и тя-*

(*) Срав. «Стром.» I къ концу гл. 1-й.

желымъ (Мѳ. VII, 14), дорогой по истинѣ царской? Что такое собою представляетъ по существу наше познаніе? Что такое служитъ нашему духу садомъ и раемъ? Этимъ состоитъ самъ Господь нашъ, въ которомъ мы утверждаемся какъ въ доброй почвѣ (Рим. XI, 17), послѣ того какъ были вырваны изъ безплодной почвы нашей прежней жизни. Пересаживаніе способствуетъ добротѣ плода. Еще разъ: свѣтъ и познаніе, это Господь нашъ, въ котораго мы были пересажены. Различаютъ два рода познанія, подобно тому какъ двоякаго рода бываетъ и разумѣніе и пониманіе: одно стоитъ въ связи съ чувствами внѣшними, другое съ чувствомъ внутреннимъ, духовнымъ; первый изъ этихъ способовъ познанія, вообще такъ называемый, обнаруживается во всѣхъ вообще людяхъ, (другой не во всѣхъ). Нужно установить подобное различіе. Познаніе, основанное на чувственномъ усмотрѣніи вещей, насъ окружающихъ, принадлежитъ столько же существамъ одареннымъ разумомъ сколько и тѣмъ, которыя его не получили въ удѣлъ. Боже меня сохрани, дать имя познанія грубымъ понятіямъ, происходящимъ только отъ чувственнаго усмотрѣнія. Познаніе, по преимуществу и по истинѣ достойное сего имени, имѣетъ окончательнымъ своимъ признакомъ разумъ и умъ. Такимъ образомъ нѣтъ инаго познанія кромѣ чисто разумнаго, которое усвояется помимо чувствъ; и сей простой актъ ума имѣетъ мѣсто лишь при познаваніи вещей постижимыхъ только разумомъ. *О сколь прекрасенъ человѣкъ*, восклицаетъ Давидъ, *сострадательный* къ заблуждающимся и погибающимъ на путяхъ ложныхъ! *Онъ даетъ взаймы*, является къ нимъ на помощь, ихъ надѣляя словомъ истины (Рим. III, 11; 1 Сол. II, 8). Но его состраданіе не есть какое либо безразсудное и необдуманное, нѣтъ. Онъ опредѣляется въ ономъ и раздѣляетъ свои рѣчи съ глубокой и мудрой разборчивостью. Таковъ человѣкъ, раздѣляющій свое имѣнье бѣднымъ (Пс. CXI, 5, 9).

2. Эллинскими писателями ихъ ученыя положенія были заимствуемы не только изъ священныхъ книгъ еврейскихъ, но и другъ у друга.

Прежде, чѣмъ приступить къ изложенію намѣченныхъ нами предметовъ, мы въ видѣ предисловія къ шестой книгѣ пополнимъ здѣсь то, чего не успѣли изложить въ пятой книгѣ сихъ нашихъ «Строматъ». Доказываніе того, что символизмъ—происхожденія древняго и что не только пророки, но и большинство мудрецовъ эллинскихъ, а также многія изъ націй и варварскихъ, пользовались аллегорическимъ способомъ выраженія своихъ мыслей, естественнымъ образомъ стало напоминать намъ о самыхъ этихъ откровенныхъ тайнахъ. Но мы повременимъ изложеніемъ ихъ, отложивъ это до момента, съ котораго начнемъ опроверженіе ученій эллинскихъ мудрецовъ о началахъ, ибо эти тайны, что покажемъ впослѣдствіи, также входятъ въ область изслѣдованія сихъ началъ. Что же касается до настоящаго момента, то поелику разъ уже доказано, что таинственный смыслъ эллинскихъ ученій вполнѣ становится яснымъ лишь при свѣтѣ истинъ, излагаемыхъ и намъ передаваемыхъ Писаніемъ, чрезъ опубликованіе коихъ въ нашихъ доводахъ,—чтобъ не выразиться слишкомъ надменно,—открывается извѣстность плодовъ истины и язычникамъ; то призовемъ здѣсь саму Элладу во свидѣтельство противъ нея самой для убѣжденія ея въ томъ, что она дѣйствительно виновна въ тѣхъ заимствованіяхъ, въ коихъ обличается. Писатели (второстепенные), открыто другъ у друга заимствующіе разныя истины, принадлежащія писателямъ первостепеннымъ, подтверждаютъ, что книжный плагіатъ былъ между ними развитъ до безконечности; они сами себя слѣдовательно въ томъ обличаютъ, что состоятъ плагіаторами; кромѣ того они противъ собственнаго своего желанія и о томъ свидѣтельствуютъ, что напрасно приписали себѣ истину принятую отъ насъ и что они именно ее тайнымъ образомъ передавали своей націи. Видя, какъ нагло они протягиваютъ руку къ частной собственности своихъ же собствен-

ныхъ соплеменниковъ и согражданъ, можно ли отъ нихъ и ожидать почтительнаго отношенія къ сокровищамъ нашимъ? Оставимъ въ сторонѣ ихъ философскія ученія. Школы самыя противуположныя сознаются сами,—это безъ сомнѣнія для того, чтобы предупредить упрекъ въ неблагодарности,—что главнѣйшія изъ своихъ ученій онѣ получили отъ Сократа. Въ подтвержденіе своего положенія мы привели лишь нѣсколько доказательствъ, заимствовавъ оныя у знаменитѣйшихъ изъ Эллинскихъ писателей. Свидѣтельства эти достаточно убѣждаютъ читателя, что въ различныя эпохи заимствованія эти довольно-таки практиковались книжными плагіаторами. Итакъ обратимся къ изложенію нашего предмета.

Орфей сказалъ:

Что можетъ быть наглѣе и ужаснѣе женщины?

Гомеръ же повторяетъ:

Нѣтъ ничего страшнѣе и несноснѣе женщины
(Одис. XI, 427).

Музей написалъ:

Осторожность постоянно одерживаетъ верхъ надъ грубой силой.

А Гомеръ говоритъ:

Дровосѣкъ срубаетъ дерево не столько силой, сколько ловкостью (Ил. XXIII, 316).

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Музей пишетъ:

Какъ плодородная земля вѣнчаетъ ясень листвой;
И подобно тому какъ одни падаютъ, а другіе нарождаются:
Такъ слѣдуютъ одно за другимъ людскія поколѣнія.

Гомеръ же дѣлаетъ не иное что, какъ воспроизводитъ эти стихи, когда говоритъ:

Вѣтеръ обнажаетъ дерево отъ листьевъ и разсѣеваетъ эти;
При возвратѣ же весны оно воспроизводитъ новые.
Такъ преходятъ поколѣнія людскія: одни рождаются, другія умираютъ.
(Ил. VI, 146—9; срав. Сираха XIV, 19).

Гомеръ выразилъ такую мысль:

Не слѣдуетъ издѣваться надъ прахомъ мертвецовъ.
(Одис. XXII, 412).

И тотчасъ Архилохъ и Кратинъ подхватываютъ ее.

Архилохъ говоритъ:

Не слѣдуетъ ругать мертвыхъ;

А Кратинъ въ «Лаконянахъ»:

Гнусно себя восхвалять насчетъ умершихъ.

Тотъ же Архилохъ и въ другихъ случаяхъ тянулъ изъ Гомера. Этотъ пишетъ:

Я погрѣшилъ и сего не стыжусь, потому что и другіе многіе вмѣстѣ со мной погрѣшили.
(Ил. IX, 116).

А Архилохъ воспроизводитъ этотъ стихъ такъ:

Я провинился; но въ своемъ несчастьи не остаюсь безъ товарища.

Тоже самое слѣдуетъ сказать и касательно слѣдующаго Гомерическаго стиха. У Гомера стоитъ:

Арей, оказывающій благосклонность то къ одной партіи то къ другой,
Жертвуетъ тѣмъ, кто, врага поразивъ, сей часъ только что приносилъ тѣмъ жертву ему самому. (Ил. XVIII, 309).

А Архилохъ передаетъ этотъ Гомерическій стихъ уже въ слѣдующемъ видѣ:

Я сдѣлаю это, потому что Арей равно покровительствуетъ всѣмъ.

Стихъ эпическаго поэта:

Побѣда въ рукахъ боговъ (Ил. VII, 102).

въ ямбахъ Архилоха становится ободреніемъ молодежи, возбуждающимъ въ ней мужество и звучитъ такъ:

Боги рѣшаютъ побѣду.

Гомеръ изрекъ стишокъ:

Никогда не омывая ногъ и засыпая на землѣ
(Ил. XVI, 235).

А Эврипидъ въ своемъ «Эрехтеѣ» пишетъ:

Они спятъ на голой землѣ
И не омываютъ ногъ ни въ какомъ источникѣ.

Согласно съ Гомерическимъ стихомъ:

Одни находятъ удовольствіе въ одномъ занятіи, другіе въ другомъ (Одис. XIV, 228)

и Архилохъ говоритъ:

Одни одному радуются, другіе другому.

А Эврипидъ въ «Энеѣ» повторяетъ за ними:

Однимъ предпочитаемъ бываетъ такой образъ жизни, другимъ же—иной.

Но вотъ Эсхилъ восклицаетъ:

Человѣкъ счастливый пусть запрется въ своемъ домѣ.

Но и несчастный также пусть не выходит из него.

И тоже самое не замедлил воскликать на своей трагической сценѣ и Эврипидъ:

Счастливъ тотъ, кто свое счастье можетъ скрывать внутри своего дома.

Почти тоже самое повторяетъ и комическій поэтъ Менандръ:

Скрывайте свое счастье за стѣнами дома своего.
Тутъ останетесь свободными. Иначе отрекитесь отъ истиннаго счастья.

Ѳеогнисъ говоритъ:

У изгнанника нѣтъ друга вѣрнаго;

а Еврипидъ (въ «Медеѣ», ст. 561) измѣнилъ его слова такъ:

Друзья чуждаются своего друга, какъ скоро онъ становится бѣднякомъ.

У Эпихарма мы читаемъ:

Увы! О, горе! Дочь моя! Я погубилъ тебя, выдавъ замужъ за человѣка моложе тебя.
Супругъ твой беретъ въ любовницы женщину моложе себя; жена его ищетъ какого нибудь искателя приключеній.

Эврипидъ такъ передѣлываетъ этотъ текстъ:

Не слѣдуетъ соединять брачными узами человѣка молодаго съ женщиной уже пожилой.
Иначе произойдетъ, что одинъ будетъ вздыхать по удовольствіяхъ инаго ложа,
А брошенная супруга будетъ замышлять гибельные планы.

Эврипидъ написалъ въ «Медеѣ» (ст. 618):

Дары человѣка злаго всегда гибельны
(Ил. IX, 378),

и Софоклъ за нимъ составляетъ въ своемъ «неистовомъ Аяксѣ» такой ямбическій стихъ:

Дары врага не суть дары: они всегда гибельны.

У Солона мы читаемъ:

Пресыщеніе, коимъ сопровождается богатство, собою порождаетъ безстыжесть;

Ѳеогнисъ же эту мысль повторяетъ и притомъ почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ:

Если попадетъ богатство въ руки человѣка дурнаго, то пресыщеніе имъ сказывается дѣйствіями безразсудными.

Подобное же подраженіе сему встрѣчаемъ у Ѳукидида (кн. II, гл. 84). «Большинство людей, говоритъ онъ, если на ихъ долю выпадетъ нѣсколько мгновеній неожиданнаго счастія, неминуемо уклоняются въ дѣла позорныя». Филистъ воспроизводитъ это же самое мѣсто такъ: «Благоденствіе, сопровождаемое благоразуміемъ и правдивостью, всего больше намъ обезпечиваетъ собой имя и всего надежнѣе насъ охраняетъ отъ несчастія. Большинство же людей, если на ихъ долю неожиданно выпадаетъ нѣсколько мгновеній счастія, непремѣнно забываются и впадаютъ въ нахальство».

Эврипидъ сказалъ:

Дѣти родившіеся отъ родителей, ведущихъ жизнь умѣренную и строгую,
Бываютъ крѣпче другихъ и прекраснѣе.

Критіасъ же пишетъ: «Человѣка нужно воспитывать еще раньше, чѣмъ родился онъ. Какимъ образомъ? Ребенокъ необходимо будетъ отличаться крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, если отецъ не будетъ чуждаться гимнастическихъ упражненій; если будетъ питаться пищей сытной и здоровой и утомлять свое тѣло тяжелыми трудами;—если мать будущаго ребенка отличается здоровымъ тѣлосложеніемъ и поддерживаетъ свои тѣлесныя силы физическими трудами».

Гомеръ изображаетъ намъ въ такихъ выраженіяхъ Гефеста, кующаго щитъ:

Онъ изобразилъ на немъ землю, небо и море,
Присоединивъ къ сему картину и безконечнаго океана
(Ил. XVIII, 483, 606).

Ферикидъ же Сирянинъ вотъ что пишетъ въ свою очередь: «Зевсъ тчетъ широкій и великолѣпный плащъ. Онъ изображаетъ на немъ разноцвѣтными красками небо, землю и пучины океана».

Гомеръ говоритъ:

Стыдъ въ одно и тоже время и полезенъ человѣку и опасенъ (Ил. XXIV, 45),

а Эврипидъ за нимъ въ своемъ «Эрехтеѣ» пишетъ:

Что сказать мнѣ о стыдѣ? Рѣшительно недоумѣваю.
Въ иныхъ случаяхъ онъ необходимъ, въ другихъ онъ—большое зло.

Сопоставьте другъ съ другомъ писателей, процвѣтавшихъ въ одну и туже эпоху и слѣдовавшихъ однимъ и тѣмъ же жизненнымъ принципамъ и вы замѣтите у нихъ слѣды взаимнаго вліянія ихъ другъ на друга. Такъ напр. Эврипидъ говоритъ въ «Орестѣ»:

Сладкая прелесть сна врачуетъ отъ всѣхъ бѣдъ.

а Софоклъ въ «Ерюфилѣ» восклицаетъ:

Усни. Сонъ исцѣлитъ тебя отъ всѣхъ болѣзней.

Эврипидъ въ «Антигонѣ» говоритъ:

У дитяти незаконнорожденнаго только имя постыдное;
Природа же у него одинаковая съ дитятей законнымъ;

и Софоклъ въ «Алевадахъ» отвѣчаетъ ему:

Природа всѣхъ вещей добрыхъ одинакова.

Въ «Тэменѣ» Эврипида я читаю:

Трудящемуся и Богъ помогаетъ;

а въ «Миносѣ» Софокла:

Счастье никогда за тѣмъ не слѣдуетъ, чьи дѣйствія не безупречны.

Въ «Александрѣ» Эврипида стоитъ:

Время просвѣтитъ меня. Добръ ты или дурень,
Узнаю я отъ сего правдиваго свидѣтеля.

А въ «Гиппонѣ» у Софокла сказано:

Не скрывай отъ меня истины. Время, отъ очей и ушей котораго ничто не ускользаетъ,
Есть наилучшій разоблачитель всѣхъ тайнъ.

Продолжимъ еще эту параллель.
Эвмелъ сказалъ:

Девять дочерей Мнемозины и Зевса Олимпійскаго.

А Солонъ одну изъ своихъ элегій начинаетъ такъ:

Блистательныя дочери Мнемозины и Зевса Олимпійскаго.

Эврипидъ, перифразируя такой стихъ Гомера:

Кто ты? Гдѣ твоя родина? Кто родители твои?
(Одис. XIV, 187),

развиваетъ его въ «Эгеѣ» въ такіе ямбы:

Изъ какой, спрашиваемъ мы, произошелъ страны ты?
Что блуждаешь по землѣ чужой?
Гдѣ твоя отчизна? Въ какомъ направленіи искать ея?
Кто родители твои? Чьимъ сыномъ намъ назвать тебя?

Но что? Ѳеогнисъ развѣ не говоритъ:

Много пить вина—дурно.
Умѣренное же его употребленіе полезно.

И вотъ Панюасій вслѣдъ за нимъ пишетъ:

При умѣренномъ его употребленіи, вино есть даръ боговъ и полезно;
Употребляемое же чрезъ мѣру оно становится гибельнымъ.

Гезіодъ пишетъ:

За украденный огонь отплачу я зломъ, которое будетъ усладою для всѣхъ,
(Дѣла и Дни, 1, 57),

а Эврипидъ этотъ стихъ его повторяетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Вмѣсто огня произошла женщина,
Бичъ еще болѣе ужасный и трудно побѣдимый.

Гомеръ говоритъ:

Невозможно мнѣ утолить пожеланій чрева моего,
Сего жестокаго тиранна, причиняющаго столько бѣдствій человѣку.
(Одис. XVII, 286).

А Эврипидъ въ тактъ отвѣчаетъ ему:

Все подчиняется требованіямъ чрева; это роковой источникъ всѣхъ нашихъ бѣдствій.

Комическій поэтъ Каллій едва только произнесъ этотъ стишокъ

Съ безумцами и другимъ всѣмъ приходится безумствовать,

какъ Менандръ уже подхватилъ его въ свою комедію «Распродажа» и пишетъ:

Не всегда мудрость благовременна;
Иногда съ безумцами приходится и безумствовать.

Антимахъ Теосскій сказалъ:

Дары человѣка часто служатъ ему причиной разоренія;

Авгій же усвоилъ эту мысль и пишетъ:

Разумъ человѣческій дарами также какъ и дѣлами часто бываетъ вводимъ въ заблужденіе.

Гезіодъ говоритъ:

Нѣтъ для человѣка сокровища болѣе драгоцѣннаго чѣмъ добродѣтельная жена;
Если же она женщина злая, то нѣтъ бича страшнѣе этого.

А Симонидъ въ свою очередь излагаетъ туже самую мысль такъ:

Нѣтъ сокровища, которое по драгоцѣнности могло
бы равняться съ добродѣтельной женой;
Напротивъ нѣтъ ничего ужаснѣе жены злой.

Эпихармъ даетъ намъ такое предостереженіе:

Какъ бы ни было долго тебѣ жить предназначено,
Думай, что жить тебѣ осталось всего одно мгновеніе.

Тоже предостереженіе повторяетъ и Эврипидъ:

Такъ какъ богатство есть благо ненадежное,
То почему бы не жить намъ вдали по крайней
мѣрѣ отъ всѣхъ смятеній и тревогъ?

Дифилъ комикъ говоритъ:

Жизнь человѣчская есть рядъ превратностей;

А Позидиппъ подражаетъ ему и пишетъ:

Нѣтъ человѣка, которому удалось бы пройти путемъ этой жизни,
Не испытавъ скорбей. Но не встрѣчается и таких,
Кто былъ бы несчастенъ до конца дней своихъ.

А вслѣдъ за ними и Платонъ взываетъ къ намъ, что человѣкъ уже по самой природѣ своей есть существо способное переносить разныя измѣненія въ своей жизни.

Эврипидъ пишетъ:

О, жалкая человѣческая жизнь!
Какъ ты преходяща и измѣнчива!
Сего дня ты паришь въ облака,
А завтра ниспускаешься въ пропасти;
Нѣтъ опредѣленной точки, на которой смертный
могъ бы остановиться,
Развѣ только когда, по мановенію Зевса,
Онъ натолкнется на могилу, послѣдній подводный
камень жизни.

Дифилъ же въ свою очередь говоритъ:

Жизни, вполнѣ свободной отъ бѣдствій,
Горестей и безпокойствъ, нѣтъ.
Насиліями, лукавствомъ, болѣзнями отравляются
дни каждаго изъ насъ.
Только смерть есть избавитель отъ всѣхъ бѣдъ;
Она ото всѣхъ ихъ насъ освобождаетъ,
Насъ въ могилѣ усыпляя непробуднымъ сномъ.

Далѣе въ одной изъ своихъ трагедій Эврипидъ сказалъ:

Счастье не одинъ видъ имѣетъ;
Боги посылаютъ намъ событія нежданныя.

А трагическій поэтъ Ѳеодектъ эту же самую мысль передаетъ такъ:

Дѣла человѣческія неустойчивы и движутся среди
превратностей.

Бакхилидъ сказалъ:

Немногимъ изъ смертныхъ Божествомъ даруется
Во всемъ преуспѣвать и достигнуть старости,
Увѣнчанной сѣдинами, никогда не испытавъ несчастія.

Мосхіонъ же комикъ тотчасъ за нимъ повторяетъ:

Счастливъ, трижды счастливъ тотъ изъ смертныхъ,
Чья жизнь постоянно протекала въ ложѣ ровномъ.

Вы найдете также. что слова Ѳеогниса:

Неблагоразумно выдавать за мужъ молодую женщину за старика;
Она не будетъ его слушаться, подобно какъ судно
руля,

какъ будто списаны у Аристофана комика, ибо и этотъ пишетъ:

Не годится старый мужъ для молодой жены.

Анакреонъ пишетъ:

Я буду воспѣвать Амура, юное дитя,
Коего кудри увѣнчаны гирляндами цвѣтовъ.
Амуръ тиранитъ и боговъ; а людей только онъ
и укрощаетъ.

А Эврипидъ пишетъ:

Любовь покоряетъ себѣ не только мужчинъ и
женщинъ;
Она воспаряетъ и въ небеса, нарушаетъ спокойствіе боговъ;
Она царствуетъ въ глубинахъ даже и морей.

Но опасаясь, чтобы желаніе доказать, какъ Эллинскіе писатели, по своей склонности къ заимствованіямъ, налагали руки на мысли и истины, имъ вовсе и не принадлежавшія, не удлиннило безъ пользы нашего разсужденія, приведемъ въ подтвержденіе нашихъ словъ свидѣтельство Гиппіаса, элейскаго софиста, защищавшаго тождественную съ нашей мысль. Онъ свидѣтельствуетъ: «Нѣкоторыя изъ этихъ вещей уже сказаны были Орфеемъ; другихъ слегка коснулся Музей; еще иныя выражены въ другихъ мѣстахъ. Однѣ встрѣчаются у Гезіода, другія у Гомера; однѣ у однихъ поэтовъ, другія у иныхъ, или же у пророковъ; то наконецъ у Эллинскихъ писателей, то у нѣкоторыхъ варварскихъ. Что же касается меня, то я, упорядочивши все наиболѣе интересное и однородное, простру особое о семъ слово,

новое и по своей формѣ разнообразное». Тому кто вообразилъ бы, что философія, исторія и ораторство непричастны этимъ заимствованіямъ, мы докажемъ нѣсколькими примѣрами, свойственными каждой изъ этихъ литературныхъ отраслей, обратное.

Алкмеону Кротонянину принадлежитъ изреченіе: «Легче остеречься отъ врага, чѣмъ отъ друга». А Софоклъ повторяетъ оное въ своей «Антигонѣ», говоря:

Знаете ли вы язву отвратительнѣе лукаваго друга?

Ксенофонтъ же такъ передаетъ то же самое изреченіе: «Вѣрнѣйшее средство повредить своимъ врагамъ, это казаться другомъ ихъ» (Киропедія кн. V).

Эврипидъ въ «Телефѣ» говоритъ:

Будучи Эллинами, мы служить будемъ варварамъ.

Ѳразимахъ же въ своей рѣчи о Ларисснахъ восклицаетъ: «И это мы, Эллины, будемъ рабски служить Архелаю, варвару»?

Орфей сказалъ:

Для душъ (огня) смертью бываетъ въ воду превращеніе;
Для воды же смерть землею быть;
Изъ воды земля возникаетъ, изъ земли же вода.
Изъ воды рождается душа, всецѣло обращающаяся въ воздухъ.

Гераклитъ же эти положенія присвояетъ себѣ и передаетъ ихъ такъ: «Для душъ смерть есть превращеніе въ воду; для воды преобразованіе въ землю. Земля производитъ воду, а изъ воды рождается душа»...

Аѳамантъ Пиѳагореецъ говоритъ: «Происхожденіе вселенной таково. Есть четыре стихіи: огонь, земля, вода и воздухъ; изъ нихъ-то и образуются вещи». А Эмпедоклъ Агригентянинъ пишетъ вслѣдъ за нимъ:

Слушай. Есть четыре начала:
Огонь, вода, земля и воздухъ, не имѣющій границъ.
Изъ этихъ-то четырехъ началъ родились, рождаются и будутъ рождаться
Всѣ вещи прошедшія, настоящія и будущія.

Платонъ сказалъ: «Потому-то боги, зная злобу людей, быстро отрѣшаютъ отъ жизни тѣхъ, кого больше любятъ». (Срав. Прем. IV, 7—15). Менандръ же пишетъ:

Кто любимъ богами, тотъ умираетъ юнымъ.

Эврипидъ сказалъ въ «Эномаѣ»:

О вещахъ тайныхъ мы составляемъ предположенія
По тѣмъ, которыя видимъ;

и въ «Финикіянинѣ»:

По вещамъ положительнымъ судимъ о сокровенныхъ.

А Гиперидъ пишетъ: «Необходимо, чтобы тѣ, кои другихъ учатъ, старались по знаменіямъ разслѣдуемымъ открывать вещи сокровенныя». Исократъ же сказалъ въ соотвѣтствіе сему: «Слѣдуетъ, чтобы прошлое служило намъ основой для предположеній о будущемъ». Андокидъ также повторяетъ за ними: «Слѣдуетъ пользоваться прошедшимъ какъ факеломъ для освѣщенія будущаго».

Ѳеогнисъ изрекъ:

Золото и серебро поддѣльныя не составляютъ зла.
Мужъ толковый и безъ особыхъ приспособленій
Легко можетъ открыть поддѣлку.
Но если въ груди человѣка, вами считаемаго за друга,
Скрывается сердце черствое и пустое;
Если въ этомъ сердцѣ живетъ обманъ:
То боги ничего не придумали и не дали людямъ болѣе лживаго.
Вотъ подлогъ, который трудно открыть.

Эврипидъ же пишетъ:

О Зевсъ! Ты, открывшій людямъ очевидные признаки
Для открытія поддѣльнаго золота,
Почему ты не отмѣтилъ особымъ знакомъ и злодѣя?
Имъ онъ отличался бы отъ другихъ людей.

Гиперидъ также пишетъ: «У людей на лицѣ не бываетъ знаковъ, по которымъ можно было бы судить объ ихъ мысляхъ».

Стасинъ сказалъ:

Безумецъ тотъ, кто убиваетъ отца, оставляя жизнь дѣтямъ (Одис. III, 196).

А Геродотъ (кн. 1) пишетъ: «Вижу теперь, что ты поступилъ такъ, какъ и слѣдовало поступить человѣку, который убивъ отца пощадилъ дѣтей».

Софоклъ въ своей «Антигонѣ» (ст. 1028) пишетъ:

Такъ какъ отецъ мой и мать моя умерли,
То какъ мнѣ надѣяться на брата?

А Геродотъ (III, 119) пишетъ: «Такъ какъ нѣтъ у меня ни отца ни матери, то мнѣ не остается никакой надежды имѣть другаго брата».

Ѳеопомпъ сказалъ:

Старцы вторично становятся дѣтьми.

А еще ранѣе его Софоклъ писалъ въ «Пелеѣ»:

Одна теперь я бодрствую подлѣ старца Пелея,
сына Эакова.
Я вновь его воспитываю, если можно такъ выразиться;
Ибо старость еетъ второе дѣтство.

Ораторъ Антифанъ эту мысль воспроизвелъ въ такихъ выраженіяхъ: «Заботы, какими приходится окружать старца, походятъ на уходъ за ребенкомъ».—У Платона также читаемъ: «Старецъ, это—вторичное дитя».

У Ѳукидида (I, 73) встрѣчается такая фраза: «Только Мараѳоняне устояли въ опасности». Демосѳенъ же въ одной изъ своихъ рѣчей восклицаетъ: «Клянусь въ этомъ тѣнями сражавшихся при Мараѳонѣ».

Но не оставимъ безъ упоминанія и слѣдующихъ примѣровъ.

Кратинъ говоритъ въ «Пютинѣ».

Вы, можетъ быть, свѣдомы о замыслахъ и козняхъ;

а ораторъ Андокидъ повторяетъ: «Судьи, вы знаете большую часть замысловъ и козней моихъ враговъ. Вы знаете также сильнѣйшее ихъ желаніе погубить меня». Тоже самое дѣлаетъ и Никій въ рѣчи своей о залогѣ, направленной противъ Лисіаса: «Судьи, вы видите замыслы и козни моихъ противниковъ и усилія ихъ довесть меня до разоренія». Прислушаемся также и къ Эсхину. Онъ говоритъ: «Вы знаете, Аѳиняне, замыслы и козни моихъ противниковъ, этой толпы мятежниковъ, готовой броситься и въ битву».—Демосѳенъ въ одной изъ своихъ рѣчей также говоритъ: «Полагаю, Аѳиняне, что вамъ извѣстны всѣ домогательства и интриги, какія въ ходу въ борьбѣ этой».—Подобное Филинъ, воспроизводя эту фразу такъ: «Каждому изъ васъ конечно извѣстно, судьи, какія интриги пускаются въ ходъ въ борьбѣ этой и какіе планы питаетъ эта толпа мятежниковъ».

У Исократа встрѣчается между прочимъ такое положеніе: «Сестрой она приходится какъ будто деньгамъ, а не ему». А Лисій въ своихъ «Орфикахъ» повторяетъ: «Очевиднымъ становится, что онъ братомъ былъ скорѣе золоту, чѣмъ людямъ».

Гомеръ говоритъ:

Другъ мой! Еслибъ отъ войны мы уклонились,
То ни старости мы ни смерти никогдабъ не подлежали.
Не увидѣлъ бы ты меня здѣсь сражающимся въ первомъ ряду;
Я и тебя не вовлекалъ бы въ опасности геройскаго боя.
Но такъ какъ намъ угрожаетъ несчетное число случаевъ смертью,
И намъ ихъ избѣгнуть возможности нѣтъ,
То пойдемте впередъ и прославимся, смерти предавъ кого либо изъ благородныхъ нашихъ враговъ;
Или же своею смертію случай дадимъ изъ нихъ кому либо къ славѣ.
(Ил. XII, 322—8).

А у Ѳеопомпа мы внемлемъ эху этихъ стиховъ: «Еслибъ, уклонившись отъ опасности настоящей, мы остатокъ дней своихъ могли провесть въ ничѣмъ ненарушимой безопасности, то наша привязанность къ жизни въ себѣ не имѣла бы ничего страннаго. Но и внѣ битвъ столько опасностей намъ грозитъ отовсюду, что не лучше ли ужъ въ сраженіи пасть»?

Мудрецу Хилону принадлежитъ такое изреченіе: «Поручись за кого нибудь, и тотчасъ на себя накличешь непріятность».—Эпихармъ же его воспроизводитъ въ такихъ выраженіяхъ: «Поручительство находится въ дочернихъ отношеніяхъ къ разоренію и въ материхъ къ убыткамъ».

Врачъ Гиппократъ пишетъ: «Слѣдуетъ принимать во вниманіе время, страну, возрастъ и болѣзни». А Эврипидъ гекзаметрами повторяетъ.

Кто хочетъ лечить навѣрняка,
Тотъ долженъ приступать къ леченію
Послѣ предварительнаго изученія страны и нравовъ ея жителей.

Гомеръ предупреждаетъ насъ, что

Не во власти человѣка избѣгнуть смерти;

А Архинъ пользуется симъ стихомъ и пишетъ: «Смерть есть долгъ, который рано ли поздно ли, а платить приходится». — Демосѳенъ также говорилъ: «Концомъ жизни для каждаго состоитъ смерть; отъ ея лезвія не уклонишься и запершись въ глубинѣ своего дома».

Геродотъ (VI, 86) передаетъ такой отвѣтъ пиѳіи спартанцу Главку: «Для Бога сказать и сдѣлать одно и тоже».

Аристофанъ же повторяетъ:

Мысль и дѣйствіе суть одно и тоже.

Но еще и ранѣе Аристофана Парменидъ Элеатянинъ повторялъ: «Мыслить и существовать одно и тоже».

Платонъ пишетъ: «Мы докажемъ, что можетъ быть не безъ причины происходитъ, что зрѣніемъ порождается чувство любви, что надеждой это чувство питается, подъ вліяніемъ воспоминанія оно развивается, а привычка его поддерживаетъ».—Комическій же поэтъ Филимонъ воспроизводитъ эти мысли Платона такимъ образомъ:

Мы начинаемъ съ того, что видимъ;
За тѣмъ слѣдуетъ удивленіе;
Далѣе умозрѣніе;
Наконецъ надежда.
А подъ вліяніемъ всего этого слагается любовь.

Демосѳенъ сказалъ: «Всѣ мы осуждены на смерть» и т. д. А Фаноклъ въ своей книгѣ «О любви, или красотѣ» пишетъ:

Нить, которую прядутъ Парки, неразрывна.
Нѣтъ средства ее разорвать; никто изъ живущихъ на землѣ еще не додумался до сего.

Платонъ сказалъ: «Лишь бы только первому ростку растенія распуститься, а зародышъ уже самъ въ себѣ заключаетъ всѣ условія для развитія и зрѣлости». А историкъ за нимъ повторяетъ: «Самой природой такъ устроено, что какъ скоро первое время цвѣтенія растенія прошло, соки его уже отвердѣваютъ».

Слѣдующее мѣсто изъ Эмпедокла:

Я былъ нѣкогда мальчикомъ, дѣвушкой,
Кустомъ, птицею, морскою рыбою

Имъ заимствовано изъ Эврипида. Въ «Хрисиппѣ» этотъ пишетъ:

Ничто изъ рождающагося не умираетъ.
Въ вѣчномъ кауговращеніи природы предметы повторяются,
Лишь въ новыхъ и различныхъ формахъ.

Платонъ въ своемъ «Государствѣ» проэктируетъ общность женъ. Эврипидъ же въ своемъ «Протезилаѣ» пишетъ:

И пусть брачное ложе будетъ общимъ

Эврипидъ высказалъ такую мысль:

Для умѣреннаго человѣка необходимаго совершенно достаточно.

А Эпикуръ повторяетъ: «Величайшее изъ богатствъ, это—умѣнье довольствоваться необходимымъ».

Аристофанъ сказалъ:

Будь справедливъ. Справедливостью обусловливаются твердость, безстрашіе и спокойная жизнь.

А Эпикуръ во слѣдъ ему вторитъ: «Важнѣйшее изъ благъ, слѣдующихъ за справедливостью, есть свобода отъ всякаго рода смущеній и тревогъ».

Этихъ многочисленныхъ примѣровъ, доказывающихъ склонность Эллиновъ заимствовать другъ у друга сущность мыслей, совершенно достаточно для просвѣтлѣнія ума тѣхъ, кто способенъ понимать хотя что либо. Но эллинскіе ученые не удовольствовались усвоеніемъ мысли, не удовольствовались заимствованіемъ и выраженія ея; не ограничились они и перифразомъ ея. Мы сейчасъ это докажемъ. Мы изобличимъ ихъ въ полной заимствованности. Они присвояли себѣ цѣлыя сочиненія чужія; ихъ они потомъ безъ зазрѣнія совѣсти издавали подъ своимъ именемъ. Такъ поступилъ Евгамонъ Киринеянинъ съ цѣлою книгою «Ѳеспротовъ», принадлежащей Музею; Пизандръ Камиреянинъ съ «Гераклеей» линдянина Пизона, а Панюасій галикарнасеянинъ съ «Завоеваніемъ Эхаліи», принадлежащимъ Клеофилу Самосцу. Самъ великій поэтъ Гомеръ изъ слова въ слово изъ Орфеевой «Смерти Діониса» заимствовалъ отрывокъ, начинающійся такъ:

Подобный густолиственной маслинѣ, за коей садовникъ ухаживаетъ съ заботой и т. д.
(Ил. XVII, 53).

Говоримое Орфеемъ въ его «Теогоніи» о Кроносѣ:

Онъ распростертъ въ пыли;
Голова его и мощная шея наклонены
Какъ у человѣка, уже объятаго сномъ смертнымъ
и т. д.

Гомеромъ примѣнено въ «Одиссеѣ» къ изображенію Циклопа (Полифема, Одис. IX, 372).

Гезіодомъ отрывокъ о Меламподѣ, начинающійся со словъ:

Пріятно разсказамъ о томъ внимать,
Что сдѣлали боги:
Тутъ есть свидѣтельство и о добрѣ и о злѣ.

заимствованъ дословно у поэта Музея.

Аристофаномъ въ его комедію «Первое празднованіе Тесмофорій» введены стихи изъ Кратиновой комедіи «Пожарные». — Комическій поэтъ Платонъ и Аристофанъ въ «Дедалѣ» взаимно себя просто ограбили.—Филимонъ комикъ, позволивъ себѣ нѣсколько видоизмѣнить одну изъ остроумныхъ комедій Аристофана, сдѣлалъ то, что изъ Аристофанова «Кокала» вышло «Подкинутое дитя» Филимоново.—Компиляторы Эвмелъ и Акузилай просто напросто лишь разчленяютъ стихи Гезіода, перелагаютъ ихъ прозою, и потомъ опубликовываютъ это переложеніе подъ своимъ собственнымъ именемъ.—Мелесагоръ весьма нагло былъ ограбленъ историками Горгіемъ Леонтинцемъ и Эвдемомъ Наксосцемъ; тоже продѣлалъ съ нимъ Віонъ Проконнесянинъ. Этотъ сверхъ того издалъ лишь въ сокращенномъ видѣ его исторію древняго Кадма.—Амфилохъ, Аристоклъ, Леандръ, Анаксименъ. Гелланикъ, Гекатей, Андротіонъ, Филохоръ, Діевхида мегарянинъ просто напросто переписывали въ свои сочиненія начало рѣчи изъ «Девкаліоніи» Гелланика, которою эта начинается. Умолчимъ о заимствованіяхъ Гераклита Ефесскаго, лучшая часть сочиненія котораго принадлежитъ Орфею. — Ученіе о безсмертіи души Платономъ заимствовано у Пиѳагора, а этотъ имъ обязанъ Египтянамъ. — Платониками оставлено намъ много сочиненій; но всѣми ими они доказываютъ, что главныя изъ ученій Платона вошли въ ученіе Стоиковъ и Аристотеля.—Нужно сказать даже нѣчто бо́льшее. Ученіе Эпикура въ главныхъ своихъ чертахъ заимствовано имъ у Демокрита. Но удовольствуемся настоящимъ быстролетнымъ перечисленіемъ именъ. Не хватило бы цѣлой моей жизни, еслибъ я захотѣлъ спеціально заняться обнаруженіемъ всѣхъ заимствованій, въ какія они входили изъ желанія удовлетворить свое суетное самолюбіе и еслибъ я захотѣлъ указывать на смѣхотворность ихъ чванства прекраснѣйшими ученіями, у нихъ фигурировавшими подъ именемъ національныхъ сокровищъ, на самомъ же дѣлѣ кои были ими заимствованы у насъ.

3. Эллинскими учеными внесены въ національную ихъ исторію и миѳологію даже и чудеса, въ подраженіе разсказываемымъ въ свящ. Писаніи.

Итакъ нужно считать доказаннымъ, что эллинскими учеными многія изъ ихъ ученій заимствованы у варваровъ. Но они не ограничились симъ. Національная ихъ миѳологія почерпала пищу для себя и въ дивныхъ чудесахъ, какія Божественнымъ всемогуществомъ чрезъ посредство нѣкоторыхъ праведниковъ, для освященія насъ, были совершаемы въ средѣ нашей; Эллины чудеса тѣ лишь извратили.

Но первоначально мы спросимъ ихъ здѣсь: «Факты, вами разсказываемые въ вашей миѳологіи, о Эллины, истинны или лживы»? Но они никогда не признаются въ лживости ихъ. Нельзя же ожидать, чтобы собственными своими устами они свидѣтельствовали о своемъ безуміи, доходящемъ до измышленія вещей чисто химерическихъ. Несомнѣнно, они будутъ утверждать, что всѣ ихъ подобнаго рода вздорныя изобрѣтенія на себѣ носятъ печать истины. Но въ такомъ случаѣ на какомъ же основаніи они отвергаютъ достовѣрность чудесъ, совершенныхъ Моисеемъ и другими пророками? Развѣ не извѣстно имъ, что благость Божія, равно простирающаяся на всѣхъ людей, однихъ изъ нихъ ведетъ къ спасенію преднесеніемъ имъ заповѣдей, дру-

гимъ угрозъ, третьимъ чудесъ, и еще инымъ — утѣшительныхъ обѣтованій?

Разъ посѣтила Элладу продолжительная засуха. Слѣдствіемъ ея было безплодіе и голодъ. Тѣ, которые пощажены были послѣднимъ, отправились на богомолье въ Дельфы и здѣсь спрашивали жрицу, какъ имъ помочь собственному несчастью и избавиться отъ карающаго ихъ ужаснаго бича. Жрица отвѣчала: «Нѣтъ другаго средства, какъ просить молитвъ у Эака». Эакъ снизошелъ на обращенныя къ нему просьбы, вошелъ на одну изъ горъ Эллады (*), простеръ къ небу свои чистыя руки и, призывая общаго Отца людей, умолялъ Его прійти на помощь несчастной Элладѣ. Едва только онъ кончилъ молитву, какъ раздались удары грома: они были радостнымъ знакомъ того, что воздухъ сталъ наполняться испареніями. Затѣмъ изъ облаковъ полилъ цѣлыми потоками дождь, оросившій всю страну, и на землѣ, увлаженной молитвами Эака, произросла богатая жатва.

Но это тоже самое, о чемъ говоритъ и Писаніе. *И воззвалъ Самуилъ къ Господу и Господь послалъ громъ, и во время жатвы выпалъ дождь* (1 Царствъ XII, 18). Что? Не убѣдительное ли это доказательство, что одинъ и тотъ же Богъ чрезъ посредство подчиненныхъ Ему силъ природы *дождитъ на праведныхъ и неправедныхъ* (Мѳ. V, 45)? Наши свящ. Писанія полны и другихъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ, что Богъ исполняетъ просьбы, обращенныя къ Нему устами праведниковъ.

Эллины повѣствуютъ далѣе, что когда однажды не было попутныхъ вѣтровъ, то Аристей на островѣ Хіосѣ обратился къ Зевсу Олимпійскому съ молитвою и жертвоприношеніемъ. Бѣдствіе было велико. Плоды земные отъ чрезмѣрной жары всѣ засохли. Это по причинѣ отсутствія вѣтра, обыкновенно освѣжавшаго жатвы. Но Аристею своими молитвами легко удалось обратить на страну благотворное дыханіе вѣтровъ.

Во время нашествія Ксеркса Дельфійская пиѳія произнесла слѣдующее прорицаніе: «Дельфяне, принесите жертву вѣтрамъ и все пойдетъ къ лучшему». Дельфяне воздвигли алтарь, принесли вѣтрамъ жертву, и такимъ образомъ заручились ихъ союзомъ. Произошло то, что бурными вѣтрами около мыса Сепіады разсѣяна была ужасная сила непріятельскаго флота (Герод. VII, 178).

Эмпедоклъ Агригентянинъ былъ прозванъ «Комосанемосомъ», т. е. укротителемъ вѣтровъ. Разсказываютъ, что имъ утишенъ былъ вѣтеръ, дувшій отъ горы Агригентской и наносившій не только чумныя болѣзни, но бывшій причиною и безчадія женщинъ. Вотъ почему и самъ онъ пишетъ въ стихахъ, ему принадлежащихъ:

Ты утишаешь гнѣвъ неустанныхъ вѣтровъ,
Обрушивающихся на страну и осушающихъ ея поля.

А въ другомъ мѣстѣ:

По произволу ты замѣняешь одни изъ вѣтровъ другими.

Про него говорятъ также, что онъ постоянно ходилъ въ сопровожденіи толпы людей, жаждавшихъ отъ него узнать свое будущее или же долгое время страдавшихъ жестокими болѣзнями.

Итакъ это изъ нашихъ свящ. Писаній узнали Эллины, что праведники могутъ исцѣлять отъ болѣзней и производить знаменія и чудеса. Вѣра Эллиновъ въ это не имѣетъ другаго основанія. А если хотятъ они убѣдиться, что вѣтры управляются нѣкіими силами или какой-то инородной властію, то пусть прислушаются они къ пѣнію Псалмопѣвца: *Какъ вожделѣнны жилища Твои, Господи силъ* (Пс. LXXXIII, 1). Это Господь силъ, началъ и полномочій. Моисей, заповѣдуя намъ отъ Него не отдѣляться, говоритъ: *Озаботьтесь обрѣзаніемъ сердца вашего и не оставайтесь на будущее время жестоковыйными, ибо Господь, Богъ вашъ, есть Богъ боговъ и Владыка владыкъ, Богъ великій и сильный* и т. д. (Втор. X, 16, 17). Исаія также говоритъ: *Поднимите глаза ваши въ высоту небесъ и созерцайте Создавшаго все* (Ис. XL, 26). Отсюда-то возникло мнѣніе нѣкоторыхъ, что заразительныя болѣзни, градъ,

(*) По Павзанію: на островѣ Эгинѣ.

буря и другія подобныя бѣдствія происходятъ не только отъ безпорядочнаго дѣйствія стихій, но и отъ гнѣва демоновъ и злыхъ духовъ. Волхвы Клеона, говорятъ, внимательно наблюдаютъ природу облаковъ; и когда они замѣчаютъ облака обѣщающія разразиться градомъ, то стараются отклонить гнѣвъ и грозу со стороны злыхъ духовъ жертвоприношеніями и пѣснопѣніями. А когда жертвенныхъ животныхъ на лицо не оказывается, то они пускаютъ кровь изъ пальца; ей - то они и замѣняютъ кровь жертвенную. Прорицательница Діотима, посовѣтовавъ Аѳинянамъ еще до вторженія къ нимъ чумной заразы, принесть жертву богамъ, отклонила начало ея на цѣлыхъ десять лѣтъ. На такой же срокъ отсрочена была и война, которою Эллинамъ грозили Персы, благодаря жертвоприношеніямъ, какія рекомендовалъ Кротонянинъ Эпименидъ. «Называйте этихъ людей какъ хотите, богами или ангелами, намъ до того нѣтъ дѣла», говорятъ иные. Какъ нѣтъ дѣла, когда люди свѣдущіе въ вещахъ этого рода помѣстили во многихъ храмахъ могилы умершихъ замѣсто статуй боговъ, назвавъ души ихъ геніями и внушивъ людямъ чествовать ихъ особымъ культомъ, ибо провидѣніе въ награду за чистоту жизни облекло ихъ властію возноситься въ области, окружающія землю и слѣдить за людскими нуждами? Имъ извѣстно было, что нѣкоторыхъ душъ самая уже природа такова, что имъ слѣдуетъ быть заключенными въ тѣлесныя узы. Но вопросъ этотъ найдетъ себѣ мѣсто, когда мы будемъ говорить объ Ангелахъ.

Демокритъ былъ прозванъ «мудростью» за то, что часто предсказывалъ будущее по наблюденію свѣтилъ небесныхъ. Братъ его Дамасъ, окружившій его всѣми заботами благожелательнаго гостепріимства, тотчасъ же за свою нѣжность былъ и вознагражденъ. Демокритъ послѣ наблюденія свѣтилъ возвѣстилъ ему, что скоро выпадетъ сильный и продолжительный дождь. Повѣрившіе его словамъ поспѣшили убрать жатву, такъ что она еще до конца лѣта была уже въ житницахъ. Не повѣрившіе же, будучи застигнуты внезапнымъ дождемъ, шедшимъ безъ перерыва, лишились всего своего урожая.

А если это и по ихъ собственнымъ исторіямъ такъ, то почему же Эллины отказываются вѣрить, что Господь во всей славѣ своей явился на Синаѣ, когда вся гора была объята пламенемъ, а покрывавшая ее растительность оставалась цѣла и раздавался сотрясавшій воздухъ трубный звукъ, а трубъ не видѣлось и не было? Подъ сошествіемъ Бога на землю нужно разумѣть не иное что какъ исполненіе земнородными Божественной воли, простирающейся на весь міръ и съ собою приносящей неизъяснимую ясность (1 Тим. VI, 16). Таково значеніе иносказаній Писанія. — Кромѣ того, по свидѣтельству Аристовула, видно было на горѣ таинственное пламя; а вокругъ горы, требовавшей для окружнаго пути не менѣе пяти дней, народу тѣснилось не менѣе милліона, не считая не достигшихъ еще возмужалости; и пламя это, увѣнчивавшее гору, видимо было всѣмъ народомъ, расположеннымъ въ той мѣстности. Слѣдовательно Божественное явленіе то не было частичнымъ, ибо безконечное Божество собою наполняетъ всю вселенную.

Историки повѣствуютъ также, что на островѣ Британіи есть гора, а подъ этой пещера съ отверстіемъ вверху (*). Какъ скоро подуетъ вѣтеръ, то врываясь въ эту бездну онъ тысячью извивовъ отражается отъ внутреннихъ стѣнъ и слышатся звуки какъ бы мѣрно ударяемыхъ кимваловъ. Въ лѣсахъ часто можно бываетъ внимать также звукамъ похожимъ на голоса птицъ, а между тѣмъ ихъ производитъ лютый ураганъ, бушующій въ деревьяхъ и ихъ листвѣ.

Но есть объясненія и лучше этого. Занимавшіеся исторіей Персовъ разсказываютъ, что въ возвышеннѣйшихъ мѣстностяхъ страны, населяемой магами, среди обширнаго плоскогорья, возвышаются сряду одна подлѣ другой, три горы. Прибывъ къ подошвѣ первой, пут-

(*) Повтореніе аргумента, приведеннаго Филономъ въ трактатѣ «О десятословіи».

никъ слышитъ какіе-то неясные голоса, которые онъ принимаетъ за крики цѣлой сотни тысячъ людей на полѣ битвы. Едва достигаетъ онъ центральной горы, какъ ясность и напряженность этого шума удвоиваются. Когда же онъ приближается къ третьей скалѣ, то эти звуки становятся уже просто хвалебными пѣснопѣніями и побѣдными гимнами. Причинъ всего этого шума, по моему мнѣнію, слѣдуетъ искать въ гладкости стѣнъ и во впалости ихъ. И относительно звуковъ, въ пещерѣ слышимыхъ, я думаю, что они образуются вѣтромъ: воздухъ, вырвавшись изъ нея и вгоняемый туда снова, издаетъ тѣмъ сильнѣйшіе звуки. Такъ я объясняю себѣ всѣ эти феномены.

Впрочемъ Богъ, для котораго ничего нѣтъ невозможнаго, и безъ посредства какого либо агента можетъ со всею живостію произвесть въ ухѣ впечатлѣніе звука, хотя бы звука самаго ни откуда и не слышалось. Всевышній этимъ свидѣтельствовать будетъ о своемъ величіи, показывая, что Онъ можетъ дѣйствовать и противъ законовъ природы, если Его благость находитъ для себя возможнымъ обратить къ вѣрѣ и наблюденію заповѣдей того, кто еще не вѣруетъ и вѣры не принялъ. На Синаѣ же тѣмъ легче могло произойти что либо подобное. Гора эта высока и облачна. Почему же воздухъ, приведенный въ движеніе сильнымъ толчкомъ, не могъ произвесть здѣсь различныхъ звуковъ? Вотъ почему и пророкъ говоритъ: *Вы слышали гласъ словъ Его, но образа не видѣли* (Втор. IV, 12).

Вамъ теперь понятнымъ становится, какимъ образомъ гласъ Господень, безплотный Логосъ, сила слова Божія сіе свѣтоносное Слово Господне, сама Истина, съ небесъ сшедшая въ нѣдра церкви, какъ могъ Христосъ проявлять свои тайны въ свойствахъ свѣта и иныхъ силъ природы.

4. Большая часть вѣроученій, входящихъ въ эллинскую мудрость, первоисточникомъ имѣютъ ученія жрецовъ египетскихъ и индійскихъ гимнософистовъ, изъ которыхъ и тѣ и другіе славились своей ученостью.

Но есть у насъ подъ рукою и другія свидѣтельства, доказывающія что эллинскими учеными именно у насъ заимствованы славнѣйшія изъ ихъ ученій; за тѣмъ они присвоили ихъ себѣ, какъ еслибъ оныя были собственнымъ ихъ изобрѣтеніемъ. Подобныя же заимствованія они сдѣлали и у другихъ варварскихъ націй. Отъ каждой изъ иностранныхъ школъ они усвояли наиважнѣйшія изъ истинъ, и потомъ хвастались ими, какъ еслибъ это было собственное ихъ добро. Особенно многое ими было заимствовано отъ Египтянъ. Важнѣйшимъ изъ этихъ заимствованій состоитъ ученіе о душепреселеніи. У Египтянъ дѣйствительно было цѣлое ученіе чисто національнаго происхожденія о семъ предметѣ.

Да и вообще мудрость египетская отличалась оригинальностью чисто національной. Въ подтвержденіе сего достаточно сослаться на ихъ священныя церемоніи. Открывалъ у нихъ священное шествіе обыкновенно пѣвецъ, имѣя въ рукахъ какой либо изъ музыкальныхъ символовъ. Онъ слылъ знатокомъ двухъ книгъ Гермеса, первая изъ которыхъ содержала въ себѣ гимны въ честь боговъ; вторая же—правила поведенія царей. За пѣвцомъ симъ шелъ наблюдатель временъ года и часовъ дня (астрологъ, ороскопъ), держа въ рукахъ клепсидру(*) и пальмовую вѣтвь, символы астрологіи. Онъ наизусть зналъ и всегда имѣлъ на устахъ четыре книги Гермеса объ астрологіи. Въ первой трактовалось о звѣздахъ неподвижныхъ и видимыхъ; во второй о звѣздахъ и о свѣтѣ солнечномъ и лунномъ; въ двухъ остальныхъ говорилось о восхожденіи свѣтилъ. Въ третьемъ ряду шелъ священный писецъ. Голова его была украшена крыльями, въ рукахъ была книга и линейка, въ которой были заключены чернила и тросточки, употребляемыя для письма. Онъ зналъ всю систему іероглифовъ, космографію, географію, путь солнца, луны и пяти планетъ; кромѣ того—хорографію Египта, теченіе рѣки Нила, храмовъ съ ихъ утварью и другихъ священныхъ мѣстъ и ихъ принадлежностей; а наконецъ онъ былъ знатокомъ мѣры и вообще всего, что необходимо

(*) Водяные часы въ родѣ позднѣйшихъ песочныхъ: узкогорлый сосудъ съ широкимъ дырявымъ дномъ.

было при богослуженіи и религіозныхъ церемоніяхъ. Вслѣдъ за названными жрецами шелъ столистъ, т. е. завѣдывавшій культовой утварью. Онъ несъ наугольникъ справедливости и чашу возліяній. Это знатокъ былъ всего относящагося до ученія о жертвахъ и обрядовъ, при семъ наблюдаемыхъ.—Книгъ, толковавшихъ о чествованіи, какое должно быть воздаваемо тому и другому изъ боговъ и о тайнахъ египетской религіи, было всего десять, и раздѣлялись онѣ такъ: о жертвахъ, о начаткахъ и первенцахъ, гимны, молитвы, церемоніи, праздники и друг. тому подобное. Заканчивалъ священное шествіе прорицатель, несшій на груди священную амфору, еще издали усматривавшуюся всѣми присутствующими. За нимъ слѣдовали хлѣбоносцы съ хлѣбами, назначенными для жертвоприношенія. Прорицатель, такъ какъ онъ былъ распорядителемъ при жертвоприношеніи, въ совершенствѣ зналъ все содержаніе богослужебныхъ книгъ; а говорилось въ нихъ о богахъ и излагались всѣ вообще богослужебные обряды. На семъ же прорицателѣ лежалъ верховный надзоръ за распредѣленіемъ податей между Египтянами. Число книгъ Гермеса, которымъ всѣмъ придавалась важность первостепенная, доходило до сорока двухъ. Изъ нихъ въ тридцати шести содержалась египетская мудрость, которую вышеупомянутые жрецы обязаны были знать во всѣхъ подробностяхъ. Содержаніе шести другихъ книгъ относилось къ области пастофоръ (*). Въ нихъ излагались медицинскія свѣдѣнія подъ такими подраздѣленіями: организація человѣка, болѣзни, органы, лекарства, глазныя болѣзни, женскія болѣзни. Таково было въ общемъ содержаніе египетской мудрости; въ частности же не входимъ.

Мудрость Индусовъ также была замѣчательна. И вотъ почему Александръ Македонскій полюбопытствовалъ лично провѣрить молву объ индійскихъ гимнософистахъ. Представлены были ему десятеро изъ нихъ, славившихся глубиною своей мудрости и лаконизмомъ отвѣтовъ. Онъ сталъ предлагать имъ различные вопросы, добавивъ, что отвѣтъ неудачный отвѣтчику грозитъ смертію; судьею же отвѣтовъ поставленъ былъ старшій изъ нихъ. Сначала спросили его: «Кого больше числомъ, живыхъ или мертвыхъ»? «Живыхъ, отвѣтилъ гимнософистъ, потому что мертвыхъ не льзя принимать въ разсчетъ.» — Втораго спросили: «Гдѣ живетъ больше животныхъ крупныхъ, въ водѣ или на землѣ»? «На землѣ, отвѣчалъ онъ, такъ какъ вода составляетъ только часть ея.»—Къ третьему обратились съ вопросомъ: «Какое изъ животныхъ всѣхъ хитрѣе?» Онъ отвѣчалъ: «Человѣкъ, потому что его до сихъ поръ еще незнаютъ»—Четвертому предложили вопросъ: «Зачѣмъ вы ввели въ заблужденіе царя вашего Савву?» Онъ отвѣчалъ: «Мы желаемъ, чтобы онъ или жилъ славно или же умеръ жалкимъ образомъ.»—Пятаго: «Что было раньше, день или ночь?» Онъ отвѣчалъ: «Ночь; она была раньше на день.» Гимнософистъ этотъ на двусмысленный вопросъ и отвѣчалъ обоюдно. — Шестаго: «Какъ пробудить къ себѣ возможно большую любовь?» «Средствомъ этимъ состоитъ, отвѣчалъ онъ, наибольшая власть, не знающая ни предъ чѣмъ страха.»—Седьмаго: «Какъ человѣкъ можетъ стать Богомъ?» Отвѣтъ: «Дѣлая все, для людей невозможное».—Восьмаго «Что сильнѣе, жизнь или смерть?» «Жизнь, потому что только она обязана терпѣть бѣдствія.»—Девятаго: «До какой поры человѣку жить почетно?» «До тѣхъ поръ, пока онъ смерть для себя считаетъ лучше жизни.»—Когда очередь дошла до десятаго, Александръ приказалъ и ему отвѣчать тоже, такъ какъ онъ былъ судьею. «Они всѣ отвѣчали одинъ хуже другаго». сказалъ этотъ. «Ну, замѣтилъ Македонянинъ, значитъ ты умрешь первымъ, давъ о нихъ такое сужденіе». «Но какъ же, царь, отвѣчалъ онъ, съ твоимъ обѣщаніемъ предать смерти того, кто отвѣтитъ хуже всѣхъ другихъ»?..

Эллины совершенно справедливо обвиняются во всякаго рода заимствованіяхъ. Мы, кажется, это и достаточно доказали многочисленными свидѣтельствами.

(*) Ношенія свящ. изображеній въ праздники и обѣтные дни.

5. Эллины имѣли нѣкоторое понятіе о Богѣ истинномъ.

А что славнѣйшіе изъ Эллиновъ имѣли понятіе объ истинномъ Богѣ не въ формѣ полнаго, развитаго познанія, а на основаніи общаго между всѣми людьми преданія о семъ возвышенномъ предметѣ (*), объ этомъ очень опредѣлительно свидѣтельствуетъ св. Петръ въ своей «Проповѣди». «Итакъ исповѣдуйте, говоритъ онъ, единаго Бога, признавая Его Творцомъ всѣхъ вещей (Быт. 1, 1; Апок. III, 14 (**). Въ десницѣ Его начало и конецъ всѣхъ существъ. Онъ зритъ все, хотя самъ и невидимъ. Все Онъ въ своей власти содержитъ, самъ не будучи содержимъ ничѣмъ (***). Ни въ чемъ Онъ не нуждается, тогда какъ въ Немъ имѣютъ нужду всѣ и все только Имъ однимъ существуетъ. Онъ непостижимъ, вѣченъ, непремѣняемъ, несотворенъ. Все Онъ сотворилъ силою слова своего, т. е., по разумѣнію Писанія въ смыслѣ духовномъ и таинственномъ, властію Сына своего» (****). Далѣе Петръ прибавляетъ: «Въ почитаніи сего Бога не походите на Эллиновъ». Что такъ? А то, что наилучшіе изъ Эллиновъ хотя и одного съ нами Бога чтили, но не съумѣли достигнуть подобно намъ совершеннаго познанія о Немъ, какъ то требовалось преданіемъ, исходившимъ отъ самого Сына Божія. Потому-то и не говоритъ онъ: «Не чтите одного съ Эллинами Бога»; но: «Не чтите Его одинаковымъ съ Эллинами образомъ; не служите Ему одинаково съ ними». Апостолъ измѣняетъ только видъ служенія, а вовсе не новаго какого-либо Бога возвѣщаетъ. Впрочемъ онъ и самъ можетъ объяснить намъ, какой смыслъ должны мы соединять съ его словами: «Не такъ чтите сего Бога, какъ Эллины Его почитаютъ». «Впавши въ постыдное невѣжество, говоритъ онъ, и не имѣя о Богѣ яснаго познанія, какое мы о Немъ имѣемъ, они понаточили статуй изъ дерева, камня, бронзы, желѣза, золота, серебра; потомъ, поставивъ предъ собою эти изваянія изъ матеріи, которая дана была имъ для удовлетворенія обыденныхъ ихъ нуждъ и назначеніемъ которой было состоять въ рукахъ ихъ рабынею, стали преклонять предъ ними колѣна. Равнымъ образомъ они стали покланяться и существамъ, кои были назначены Богомъ въ пищу имъ, т. е. и подъ небесами летающимъ, и въ водѣ плавающимъ, и по землѣ пресмыкающимся. Дикія животныя, домашнія четвероногія, крысы, ласки, кошки, собаки, обезьяны, все было ими обоготворено. Свою пищу они стали посвящать существамъ, кои должны были сами служить имъ пищею. Смертное (животныхъ) они стали приносить въ жертву смерти (людямъ) (*), почитавшимся за боговъ, оказываясь такимъ образомъ неблагодарными по отношенію къ Богу истинному, коего бытіе ихъ нечестіемъ было отрицаемо. А что это такъ, т. е. что признаваемый и нами и Эллинами Богъ одинъ и тотъ же, хотя и есть между нами различіе въ чествованіи Его, это подтверждаетъ тотъ же Апостолъ и такими словами: «Не чтите Его и одинаковымъ съ Евреями образомъ. Они, воображая, что знаютъ Бога, на самомъ же дѣлѣ не вѣдая Его, чтутъ Ангеловъ, Архангеловъ, дни мѣсяцевъ и луну (**). Понаблюдайте надъ ними. Если не появится луна, то у нихъ и праздника нѣтъ: ни такъ называемой первой субботы, ни опрѣсноковъ, ни новолунія, ни праздника, ни великаго дня (очищенія)» (Лев. XXIII, 21). Петръ добавляетъ далѣе въ видѣ заключенія: «Потому-то, принявъ преданіе, во всей его истинности возвѣщаемое вамъ, служите Богу служеніемъ новымъ во Христѣ Іисусѣ. Ибо въ свящ. Писаніи читаемъ мы слѣ-

(*) Срав. Стром. I, 19, и V, 14 къ концу.
(**) Срав. Стром. VI, 7.
(***) Подобное въ «Пастырѣ» Эрмы II, 1.
(****) Срав. посл. Варнавы гл. 6 и Стром. V, 10.

(*) Различеніе троякаго рода идолослуженія: 1) обоготвореніе вещей, жизни лишенныхъ; 2) животныхъ; 3) почитаніе мертвыхъ людей.
(**) По мнѣнію Спенсера разумѣются можетъ быть не столько іудеи, сколько іудействующіе ученики Керинѳа, обезславившіе себя исключительнымъ почитаніемъ Ангеловъ.

дующее: *Вотъ Я заключаю съ вами завѣтъ новый, не похожій на завѣтъ, Мною заключенный съ вашими отцами на горѣ Хоривѣ* (Іер. XXXI, 31, 32; Евр. VIII, 8—10). Онъ далъ намъ завѣтъ новый. Завѣтъ съ Эллинами и Евреями былъ завѣтомъ ветхимъ; мы же, христіане, представляя собою народъ завѣтный третій, чтимъ Его служеніемъ новымъ.

Апостолъ, если не ошибаюсь, всѣмъ вышеизложеннымъ доказываетъ ясно, что Эллинамъ Богъ истинный хотя и былъ извѣстенъ, но они чтили Его по-язычески; Евреи же — по-еврейски, а не такъ, какъ слѣдовало бы чтить Его, —образомъ духовнымъ. Апостолъ свидѣтельствуетъ далѣе, что блага обоихъ завѣтовъ исходятъ отъ одного и того же Бога. Это тотъ самый Богъ, который въ Эллиновъ вложилъ стремленіе къ мудрости, коею они прославили Вседержителя. Приведенныя нами слова Апостола служатъ сему неопровержимымъ доказательствомъ. Итакъ и воспитавшіеся на ученіяхъ эллинскихъ и чада закона Моисеева, съ сихъ поръ всѣ, подчиняющіеся вліянію вѣры, сливаются въ одну семью и составляютъ собою одинъ народъ, шествующій путемъ благотворнымъ и спасительнымъ. Различаются они лишь временемъ; только оно раздѣляетъ этотъ народъ на три вѣтви. Нужно имѣть это въ виду. Иначе можно подумать, что существуетъ три рода людскихъ, по природѣ различныхъ. На самомъ же дѣлѣ не такъ. Это лишь три различныхъ завѣта Бога съ людьми, три откровенія, съ которыми голосъ одного и того же Бога обращался къ тремъ этимъ народамъ. И въ самомъ дѣлѣ, обратите вниманіе. Въ спасительныхъ своихъ намѣреніяхъ относительно Евреевъ Богъ посылаетъ имъ пророковъ. Точно такъ же и въ средѣ Эллиновъ Онъ возставляетъ изъ сыновъ ихъ людей добродѣтельныхъ. Онъ выдѣляетъ ихъ изъ невѣжественной массы и дѣлаетъ ихъ среди народа пророками, возвѣщавшими ему Божественныя благодѣянія въ мѣру собственнаго своего пониманія ихъ. «Проповѣдь» Петра уже убѣдила насъ въ сей истинѣ; Павелъ же подтверждаетъ ее (*). «Возьмите, говоритъ онъ, также книги Эллиновъ; соберите прорицанія Сивиллъ и вы услышите, что и тѣми и другими возвѣщается единство Божіе и предрекается будущее. Возьмите равнымъ образомъ Гистаспа (**) и читайте. Здѣсь вы найдете еще болѣе ясное и точное откровеніе касательно Сына Божія. Тутъ мы читаемъ, что множество царей вооружается противъ Христа и преслѣдуетъ Его своей ненавистью, Его и всѣхъ тѣхъ, кто, ища себѣ опоры въ имени Его, остается Ему вѣрнымъ. Говорится тамъ объ Его пришествіи, объ Его долготерпѣніи». Потомъ, резюмируя все сказанное, Апостолъ задаетъ такой короткій вопросъ: «Чье достояніе представляетъ собою міръ сей и все имъ содержимое? Не есть ли онъ твореніе Божіе»? Потому-то, по словамъ Петра, Спаситель и говорилъ Апостоламъ: «Если кто изъ Израиля захочетъ обратиться и покается и во имя Мое увѣруетъ въ Бога, то его грѣхи отпущены ему будутъ чрезъ двѣнадцать лѣтъ (***). Идите разсѣйтесь по всему міру, чтобъ никто не имѣлъ права сказать: Мы не знали».

6. Евангеліе было возвѣщено наравнѣ съ Евреями какъ тѣмъ изъ язычниковъ, которыхъ мѣстопребываніемъ былъ уже адъ, такъ и живымъ.

Какъ въ наши дни евангельская проповѣдь нашла для себя время благопріятное, подобно этому и законъ съ пророками данъ былъ варварамъ (Евреямъ) своевременно, равно какъ и духъ Эллиновъ занятъ былъ мудростью тоже благовременно, подготовляя слухъ ихъ къ принятію слова священнаго. Вотъ что говорилъ Евреямъ Господь, Спаситель ихъ: *Я услышалъ тебя во время благопріятное и въ день спасенія помогъ тебѣ; Я поставилъ тебя посредникомъ завѣта Моего съ народами; Я послалъ тебя, чтобы ты населилъ землю и возстано-*

(*) Дальнѣйшее, какъ и слова св. Петра, суть заимствованія изъ какого-то апокрифа.

(**) Апокрифъ; срав. св. Іустина въ обѣихъ Апологіяхъ.

(***) Срав. Евсевія церк. ист. V, 18.

вилъ оставленное наслѣдіе и чтобы сказалъ ты плѣннымъ: «Войдите» и тѣмъ, кто во мракѣ: «Узрите свѣтъ» (Ис. XLIX, 8, 9). Если правда то, что это плѣннымъ Евреямъ Господь сказалъ: *Оставьте, если хотите, узы ваши*, разумѣя подъ сими плѣнными добровольныхъ плѣнниковъ, принявшихъ на свои плечи *бремена неудобоносимыя*, то не слѣдуетъ и въ томъ сомнѣваться, что чрезъ поклоненіе идоламъ зарывшіе въ землю благородныя способности души, суть живущіе *во тьмѣ* (Мѳ. XXIII, 4; Лк. XI, 47). И въ правду. Такъ какъ по закону праведнымъ надоставало вѣры, то Господь, исцѣляя ихъ, говорилъ имъ: *Вѣра твоя спасла тебя* (Мѳ. IX, 22 и индѣ). А тѣмъ, кои стремились къ праведности во имя своей мудрости, нужно было не только обратиться къ вѣрѣ въ Господа, но еще и отвергнуть идолослуженіе. Такъ случилось, что теперь мы видимъ ихъ идущими къ открывшемуся предъ ними свѣту и раскаивающимися въ прежнихъ своихъ заблужденіяхъ. Вотъ почему Господь возвѣстилъ Евангеліе и бывшимъ въ аду (1 Петр. III, 19). (*). Въ Писаніи мы читаемъ о семъ: *Адъ сказалъ безднѣ: Мы не видали лица Его, а только голосъ Его слышали* (Iов. XXVIII, 22; XXVI, 6). Безъ сомнѣнія не аду же, получившему вдругъ голосъ, принадлежатъ эти слова: они могли принадлежать только тѣмъ, кто находился въ аду и самъ попалъ въ бездну примѣрно такъ же, какъ путешественники иногда добровольно бросаются въ море. Они-то вотъ и слышали голосъ Божественной благодати. Только лишенный разсудка можетъ воображать, что души праведниковъ и грѣшниковъ заключены въ одномъ и томъ же мѣстѣ; и онъ этимъ оскорбитъ Божественное правосудіе.

Но что? Развѣ не безъ всякихъ обиняковъ и околичностей Писаніе говоритъ, что Господь возвѣстилъ Евангеліе и погибшимъ въ потопѣ (1 Петр. III, 19, 20) или лучше скованнымъ и содержавшимся въ узахъ плѣна? Мы говорили уже во 2-й кн. Строматъ (гл. 9), что по примѣру Господа (*) и Апостолы проповѣдывали Евангеліе въ аду. Выходитъ, по моему мнѣнію, что добродѣтельнѣйшіе изъ учениковъ должны подражать своему Учителю и въ загробномъ мірѣ, подобно тому какъ они подражали Ему на землѣ, дабы Логосъ могъ обратить къ себѣ Евреевъ, нисшедшихъ во адъ, а Апостолы язычниковъ, или—однимъ словомъ—всѣхъ, кто жилъ праведно, согласно съ требованіями той праведности, какая была предъявляема къ нимъ закономъ и человѣческой мудростью; но при слѣдованіи этой они впадали въ частыя погрѣшности и были еще далеки отъ совершенства. Совершенно согласно было съ достоинствомъ совѣта Божественнаго, чтобы всѣ, самымъ дѣломъ заявившіе свою праведность и всѣ заблудившіеся раскаялись въ своихъ заблужденіяхъ, чтобы въ познаніи, коимъ владѣлъ каждый изъ нихъ, себѣ обрѣли спасеніе; потому что, не смотря на свое мѣстожительство, они неоспоримо все-же были изъ числа тѣхъ, кои представляли собою достояніе Божіе. На дѣюсь, что Спасителю не откажутъ въ возможности и сихъ спасти, ибо цѣлью Его пришествія на землю и было спасеніе. Оно-то и было Имъ совершено чрезъ привлеченіе евангель-

(*) О семъ срав у Оригена противъ Цельса II, 42; въ «Пастырѣ» Эрмы III. 9; Стром. II, 9; Ирин. IV, 45, 50.

(*) Св. Iустинъ съ соблюденіемъ не только всей внѣшности, но и сущности дѣла, говоритъ объ еднородномъ Сынѣ Божіемъ, что «Онъ есть верховный Разумъ, въ которомъ часть имѣетъ весь родъ человѣческій. Всѣ, кто жилъ согласно съ этимъ Разумомъ, суть христіане. Таковыми были у древнихъ Эллиновъ Сократъ, Гераклитъ и имъ подобные. Таковыми были между варварами Аврамъ, Ананія, Азарія, Мисаилъ, Илія и многіе другіе, имена и дѣла коихъ перечислять было бы слишкомъ долго». Безъ сомнѣнія, никто и никогда не могъ достигнуть спасенія безъ усвоенія заслугъ и крови Христа Спасителя. И все-же вовсе не было необходимости въ томъ, чтобы всѣ люди, жившіе до воплощенія Христова, имѣли полное и точное познаніе о Божественномъ Ходатаѣ и Посредникѣ. Послушаемъ, что говоритъ на этотъ счетъ блаж. Августинъ: «Съ самаго начала міра всѣ вѣровавшіе въ Бога, Его познавшіе въ мѣру возможности и

ской проповѣдью къ спасенію (Іоан. VI, 44; XII, 32) всѣхъ тѣхъ, кто желалъ въ Него вѣровать безъ отношенія къ мѣсту, гдѣ кто жилъ. Итакъ если Господь сходилъ во адъ, — а что сходилъ Онъ туда, это несомнѣнно, — не съ иной цѣлью, какъ возвѣстить здѣсь Евангеліе, то Онъ при семъ обратилъ или всѣхъ умершихъ или однихъ только Евреевъ. Безъ сомнѣнія, всѣхъ умершихъ. Но изъ этого слѣдуетъ, что спасутся всѣ увѣровавшіе, хотя бы они принадлежали и къ язычеству, потому что и при мѣстопребываніи въ преисподней они исповѣдываютъ имя Господне. И въ правду такъ. Ибо наказанія, побуждающія грѣшника къ обращенію, весьма благотворны и спасительны и имѣютъ цѣлію раскаяніе грѣшника, а не смерть его (Іезек. XVIII, 23, 32; XXXIII, 11). Добавьте къ сему, что души, освободившіяся отъ тѣлесной сей оболочки, подчинявшей ихъ себѣ, лучше могутъ понимать цѣль и значеніе наказанія, хотябы онѣ и были омрачены страстями. Ужели же кто будетъ утверждать, что Христосъ Господь при своемъ сошествіи во адъ обратилъ только Евреевъ, которыхъ и познаніе и вѣра были далеко неудовлетворительны, ибо эти исходятъ лишь отъ Спасителя? Итакъ очевиднымъ становится, что Богъ, у котораго нѣтъ на лица зрѣнія (Дѣян. X, 34; Рим. II, 11), послалъ Апостоловъ, какъ и здѣсь на землѣ, во адъ для возвѣщенія Евангелія тѣмъ изъ язычниковъ, которые еще могли обратиться. «Пастырь» правъ посему, говоря: «Они сошли съ ними въ воду и снова изъ оной вышли жизненно обновленные. Что же касается тѣхъ, кои раньше умерли, то по истинѣ: они сошли туда мертвыми, вышли же живыми» (*). Евангеліе повѣствуетъ далѣе, что многіе изъ умершихъ востали изъ гробовъ, въ коихъ покоились (Мѳ. XXVII, 52). Это безъ сомнѣнія для того, чтобы быть переселенными въ лучшія мѣста. Еще что сказать? Вообще воплощеніемъ Спасителя произведено было новое движеніе въ мірѣ; оно дало толчокъ какъ бы ко всемірному перемѣщенію. Праведникъ, поколику онъ праведникъ, не отличенъ отъ другаго праведника, будетъ ли этотъ принадлежать къ народу Эллиновъ или къ Евреямъ, живущимъ подъ закономъ, ибо Богъ есть Господь не Евреевъ только, а всѣхъ вообще людей (Рим. III, 29; X, 12), хотя конечно Онъ состоитъ болѣе близкимъ Отцомъ по отношенію къ тѣмъ, кто болѣе Его знаетъ. Если жизнь добродѣтельная равнозначительна жизни по закону; а сообразоваться съ закономъ если значитъ жить въ согласіи и съ разсудкомъ; если съ другой стороны жившіе и до закона добродѣтельно суть чада вѣры (Рим. IX, 3) и должны быть признаны за праведни-

---

живщіе, по Его заповѣдямъ, въ благочестіи и праведности, въ какомъ бы мѣстѣ и въ какое бы время они ни жили, несомнѣнно спасены Имъ. Нѣкогда религія состояла лишь въ нѣсколькихъ именахъ и знакахъ, нынѣ же въ другихъ, болѣе многочисленныхъ; сначала она содержима была темнѣе, нынѣ же съ большей ясностію; такъ ли, иначе ли она сказывалась, во всякомъ случаѣ въ основѣ лежала все одна и та же истинная религія.» Въ томъ же смыслѣ блаженный этотъ епископъ Иппонійскій говоря объ истинахъ, сохраненныхъ язычниками въ видѣ болѣе или менѣе чистомъ, восклицаетъ: «Твое достояніе есть золото это, Боже мой, гдѣ бы оно ни было находимо; Tuum est, Domine, aurum illud ubicunque est». По мнѣнію Ѳомы Аквината, богослова западной церкви глубокомысленнѣйшаго, если нѣкоторые люди спаслись, и не имѣвъ понятія о Божественномъ откровеніи, чрезъ особаго и нарочитаго Посредника, то они тѣмъ не менѣе спаслись не безъ вѣры въ сего Посредника, потому что хотя вѣра ихъ въ Него и не отличались нашей опредѣленностью, все-же они ясно выражали вѣру въ Божественное Провидѣніе, ожидая отъ Бога освобожденія и спасенія людей средствами Ему одному вѣдомыми. Они вѣрили въ сіе въ мѣру своего стремленія къ познанію истины и въ мѣру открытія оной ихъ духу Духомъ Божественнымъ. Св. Іоаннъ Златоустъ, а до него св. Ириней точно такъ же думали. Таково было и всегда ученіе церкви. Ему—то и даетъ выраженіе здѣсь нашъ писатель.

(*) Мѣсто это уже приводимо было въ Стром. II, 9.

ковъ, то очевидно, что и рожденные внѣ закона могли весть жизнь праведную, опираясь при семъ не на какую либо иную помощь кромѣ какъ на голосъ своей совѣсти; и слѣдовательно, бывъ поглощены адомъ и содержась въономъ въ плѣну (1 Петр. III, 19), они и здѣсь немедленно могли обратиться и принять вѣру во Христа, какъ скоро сюда явился Онъ и какъ только они услышали здѣсь Божественное слово Его или Его Апостоловъ.

И того не забудемъ, что Господь есть *сила Божія* (1 Кор. I, 29) и что сила Божія не можетъ быть слабой. Всѣмъ же предшествующимъ доказано, что Богъ благъ; далѣе—что Онъ всемогущъ и что съ одинаковымъ правосудіемъ можетъ спасать всѣхъ обращающихся къ Нему, будетъ ли это здѣсь на землѣ или и въ другомъ какомъ либо мѣстѣ. Не будемъ обольщать себя предположеніемъ, что благодать Божія дѣйственна только по отношенію къ намъ; нѣтъ; она все собою наполняетъ и дѣйствуетъ непрерывно. Посему-то въ «Проповѣди» Петра и сообщается, что по воскресеніи Господь говорилъ Апостоламъ между прочимъ слѣдующее: «Я избралъ васъ числомъ двѣнадцать для того, чтобы вы были Моими учениками и считая васъ достойными сего». Господь захотѣлъ, чтобы и Апостолами они были, нашедши ихъ заслуживающими сего къ нимъ довѣрія. Онъ послалъ ихъ въ міръ возвѣщать Евангеліе людямъ его населяющимъ. Они были обязаны научать людей, что есть только одинъ Богъ; могли предвозвѣщать имъ во имя Христово будущее, чтобы слышавшіе изъ устъ Апостоловъ благовѣствованіе и увѣровавшіе въ оное спаслись, слышавшіе же напротивъ и не увѣровавшіе сами противъ себя свидѣтельствовали и лишились возможности оправдаться отговоркою: «Мы не слыхали». Какъ? Вѣсть о Божественномъ домостроительствѣ и воплощеніи развѣ не до самаго ада проникла, чтобы и тамъ всѣ души, при звукахъ Божественной проповѣди, или раскаялись въ своемъ прошломъ или отрекшись вѣровать тѣмъ самымъ торжественно засвидѣтельствовали, что наказаніе ими несомое на нихъ наложено правосудно? И въ самомъ дѣлѣ, предположите, что умершимъ до пришествія Господа Евангеліе не было проповѣдано: тогда выйдетъ, что какъ спасеніе ихъ такъ и осужденіе суть дѣло вопіющей несправедливости, потому что тогда не могли бы быть зачтены имъ ни вѣра ихъ ни невѣріе. Справедливость требовала, чтобы одна изъ двухъ половинъ человѣчества не была осуждена, не бывъ выслушанной; но той же справедливостью и другое требовалось, чтобы не участвовали въ благодѣяніяхъ Божественной правды лишь жившіе послѣ воплощенія. Обращаясь ко всѣмъ душамъ, одареннымъ пониманіемъ и разумомъ, голосъ свыше тогда воззвалъ: «Каковы бы ни были грѣхи ваши, совершенные при неполномъ знаніи Бога (Дѣян. III, 17, 19; XVII. 30), они прощаются вамъ съ той самой минуты, какъ въ искренности раскаянія признаетесь въ нихъ. *Ибо вотъ Я поставилъ предъ вами жизнь и смерть*, взываетъ Господь, *чтобы выбрали вы жизнь* (Втор. XXX, 15, 19). Слышите? Богъ не напоминаетъ о сотвореніи Имъ человѣка, а говоритъ о томъ, что Онъ *предложилъ людямъ жизнь и смерть*, чтобы каждый размыслилъ и выбралъ что либо. Въ другомъ мѣстѣ Писанія на тотъ же предметъ говорится слѣдующее: *Если захотите и послушаетесь голоса Моего, то будете пользоваться благами земными; если-же не захотите Меня слушаться, то пожретъ васъ мечъ, ибо Господь говоритъ такъ* (Ис. 1, 19, 20). Прислушаемся также къ Давиду или лучше сказать къ самому Господу, говорящему именемъ сего святаго мужа;—а святъ всякій человѣкъ, кто бы имъ ни былъ съ самаго сотворенія міра, который былъ въ теченіе вѣковъ или еще будетъ спасенъ. Итакъ Господь говоритъ: *Возрадовалось сердце Мое и языкъ мой возвеселился. Даже и плоть Моя упокоится въ надеждѣ, ибо Ты не оставишь души моей во адѣ и не допустить Святаго Твоего до тлѣнія. Ты далъ Мнѣ познать путь жизни; лице Твое меня наполнитъ радостію* (Пс. XV, 9 — 11; Дѣян. II, 26—28).

Итакъ, по примѣру народа избраннаго Господомъ, народъ святой составляется не только

изъ Евреевъ, но и изъ всѣхъ обратившихся къ вѣрѣ язычниковъ, которымъ пророки даютъ имя «прозелитовъ». Свящ. Писаніе слѣдовательно право, говоря, что *волъ и медвѣдица будутъ жить вмѣстѣ* (Ис. XI, 7) (*). Еврей здѣсь аллегорически представляется подъ образомъ вола, животнаго, которое носитъ ярмо и объявлено въ законѣ чистымъ, потому что оно отрыгаетъ жвачку и роговой наростъ копытъ его раздвоенъ. Медвѣдица же, животное нечистое и дикое, состоитъ символомъ язычника. Рождающіяся отъ ней медвѣжата собою представляютъ безформенную массу мяса; облизывая ихъ своимъ языкомъ, мать придаетъ имъ свои подобіе и характеръ. Не подобнымъ ли образомъ и обратившійся язычникъ подъ вліяніемъ Логоса преобразуется? Будучи вырываемъ изъ жизни языческой, онъ испытываетъ превращеніе своей грубой натуры въ ручную и подобно волу становится наконецъ чистымъ. Таковъ же смыслъ и слѣдующаго пророческаго изреченія: *Сирены будутъ прославлять Меня,равно какъ и воробьиные птенцы и всѣ животныя пустыни* (Ис. XLIII, 20). Животныя пустыни, т. е. міра, извѣстны за нечистыхъ. Пророкъ разумѣетъ подъ насельниками сихъ уединенныхъ мѣстъ язычниковъ, которыхъ вѣра еще не смягчила, жизнь которыхъ гнусна и которые дочерью вѣры, праведностью, еще не очищены. Преобразуемые же христіанскою вѣрою, они изъ дикихъ, какими были прежде, становятся народомъ Божіимъ, достигая этого высокаго достоинства лишь потому, что воля ихъ съ самаго начала была расположена къ обращенію. Богъ съ одними говоритъ, побуждая ихъ; другимъ же, уже начавшимъ дѣло своего спасенія, Онъ протягиваетъ Свою руку и привлекаетъ ихъ къ Себѣ. *Состоя повелителемъ вселенной, Господь не зритъ на лица; Онъ не страшится никакого величія, ибо Онъ сотворилъ и малаго и великаго и промышляетъ о всѣхъ одинаково* (Прем. VI, 9). У Давида также мы читаемъ: *Обрушатся ли народы въ пропасть, ими самими вырытую; запутается ли ихъ нога въ силкахъ, самими ими себѣ разставленныхъ: Господь прибѣжище несчастнымъ; во дни горести Онъ своевременно къ нимъ является на помощь* (Пс. IX, 16). О чемъ свидѣтельствуютъ и даютъ право заключать всѣ эти выписки изъ Писанія? О чемъ какъ не о томъ, что во время для того благопріятное Евангеліе дошло до слуха тѣхъ, кто жилъ въ скорби (Пс. IX, 9). Вотъ почему Псалмопѣвецъ и еще прибавляетъ: *Возвѣстите дѣла Его между народами* (Пс. IX, 12), чтобы не были они осуждены несправедливо. Если Спаситель проповѣдывалъ Евангеліе живымъ, чтобы не быть имъ осужденными несправедливо, то почему же и по побужденію подобному же не могъ Онъ проповѣдать своего Евангелія и умершимъ ранѣе Его пришествія? *Праведенъ Господь и любитъ правду; лице Его обращено къ праведнику; любящій же неправду ненавидитъ себя самого* (Пс. X, 7. 5). Если всякая плоть согрѣшившая погибла въ водахъ потопа, будучи вразумлена этимъ великимъ урокомъ и въ то же время наказана, то слѣдуетъ вѣрить, что Божественная воля, искони имѣвшая въ виду и устроившая наши спасеніе и наученіе, тѣмъ паче спасаетъ людей обращающихся. По справедливости душа называется безплотной. И если по силѣ тонкости ея существа и нематеріальности ея начала ей уже вода потопная не могла повредить, стихія грубая и осязаемая; то тѣмъ меньшій вредъ она терпитъ при обычныхъ родахъ смерти. Если при семъ подъ дѣйствіемъ грѣха нѣкоторыя части души и могутъ огрубѣвать, то эту приставшую къ ней и ей чуждую ржавчину она можетъ и сбрасывать съ себя вмѣстѣ съ плотскимъ духомъ (Гал. V, 17), пожеланія котораго всегда столько расходились съ ея собственными желаніями.

Глава еретиковъ, проповѣдывавшихъ всеобщность откровенія (*). Валентинъ, въ своей

(*) Подобное въ Стром. II, 18 къ концу.

(*) Т. е.—о томъ, что Богъ открывался язычникамъ не менѣе, чѣмъ и Евреямъ, слѣдовательно о всеобщности откровенія. Свѣтомъ откровенія, по

бесѣдѣ «О дружбѣ» говоритъ также, и притомъ буквально, слѣдующее: «Большая часть изреченій, содержащихся въ народныхъ (назначенныхъ для всеобщаго употребленія) книгахъ уже вошли въ творенія церковныхъ писателей. Ибо слова, исходящія изъ сердца, общи же всѣмъ. Закономъ же, написаннымъ въ сердцѣ каждаго человѣка, состоитъ слово *Возлюбленнаго* (Мѳ. III, 17), Ему любезное и отвѣчающее на Его любовь тѣмъ же». Разумѣетъ ли Валентинъ подъ общенародными книгами священныя книги Евреевъ или же писанія мудрецовъ эллинскихъ, во всякомъ случаѣ онъ допускаетъ, не обращая вниманія на національныя различія, что весь родъ человѣческій участвуетъ въ составленіи ученія истиннаго.— Исидоръ, ученикъ и сынъ Василида, того же мнѣнія о семъ предметѣ. Въ 1-й книгѣ своихъ толкованій на пророка Пархора онъ говоритъ буквально слѣдующее: «Если вѣрить Аѳинянамъ, то выходитъ, что Сократу открыты были важнѣйшія изъ истинъ нѣкіимъ духомъ, всегда Его сопровождавшимъ». Аристотель утверждалъ, что у всякаго человѣка есть особенный геній, никогда его не покидающій во все продолженіе его пребыванія въ смертномъ семъ тѣлѣ. Онъ заимствовалъ это ученіе безъ сомнѣнія у пророковъ; за тѣмъ скрывъ источникъ ввелъ его въ свои сочиненія. Во 2-й книгѣ того же творенія тотъ же Исидоръ опять добавляетъ: «Не будемъ обольщать себя представленіемъ, будто ученіе, излагавшееся нѣкоторыми избранными умами, было преподаваемо впервые этими мудрецами. Не имъ принадлежитъ честь измышленія сихъ ученій; они заимствовали оныя у пророковъ, а потомъ они усвояли ихъ наиболѣе мудрымъ». И далѣе: «Стремящіеся къ мудрости истинной, по моему мнѣнію, должны бы понять, что означаетъ собою, изображаемая Фэрекидомъ въ его богословіи, разноцвѣтная крылатая птица, о которой повѣствованіе онъ заимствовалъ изъ пророчества Хамова»(*).

Клименту, никто не обдѣленъ; таково было всегда и ученіе церкви. Нашъ писатель посему находитъ его и у сектантовъ. И въ семъ конечно правъ онъ. Богъ равно благъ ко всѣмъ. Язычники для жизни праведной имѣли естественный законъ, голосъ совѣсти и рядъ откровеній, коимъ языческій міръ не далъ окончательно погибнуть. Если же всего этого было бы недостаточно для поддержанія въ человѣчествѣ идеи о Богѣ, то Онъ скорѣе сотворилъ бы чудо, чѣмъ далъ бы погибнуть душѣ праведника.

7. О качествахъ истинной мудрости и Божественномъ источникѣ ея.

Въ началѣ этого своего творенія мы уже объявили, что сущность его составляютъ не частной какой нибудь школы правила для нравственнаго рода жизни, а ученіе о поведеніи, какого долженъ держаться человѣкъ, дѣйствительно мудрое, характера по истинѣ научнаго, вліяющее на жизненныя отношенія. Мудрость, какъ мы ее понимаемъ, состоитъ въ полномъ и опредѣленномъ познаніи всего относящагося до Бога и человѣка(**); это родъ неколебимой теоріи, освѣщающей прошедшее, но цѣнной какъ для настоящаго такъ и для будущаго. Она своими основами восходитъ къ самому Господу, который сообщилъ ее намъ то во время личнаго своего присутствія среди людей, то ранѣе сего посредствомъ своихъ пророковъ; и такъ какъ она есть дочь Логоса, то на этомъ основаніи и нерушима(***). Съ другой стороны такъ какъ она открыта Логосомъ, то представляетъ собою волю Божію. Мудрость имѣетъ два вида: то есть Мудрость несотворенная, вѣчная; то преподанная намъ во времени ради нашей пользы. Въ вѣчности Она постоянно одна и таже; здѣсь же, во времени, она облекается въ различныя формы. Тамъ Она неподвижна по причинѣ полной своей безстрастности; здѣсь же можетъ быть обуреваема страстями. Тамъ Она существуетъ въ видѣ полномъ и законченномъ; здѣсь удѣлъ ея неполнота и немощи. Такова

(*) Апокрифа, сочиненнаго или Василидомъ или другимъ какимъ либо еретикомъ.

(**) Подобное опредѣленіе мудрости писатель уже далъ въ Стром. I, гл. 5-й.

(***) Срав. Стром. II, гл. 2 къ концу.

мудрость, которой столь усердно добивается философія. Цѣль ея — душевное благо; и заявляетъ она себя истинностью слова и чистотою нравовъ. Тысячи усилій направлены на сіе; преслѣдуютъ истинные мудрецы эту цѣль съ увлеченіемъ и страстностью. Подъ истинными же мудрецами мы, христіане, разумѣемъ тѣхъ, кто стремится къ Мудрости, все создавшей и всему научающей, т. е. тѣхъ, кто домогается вѣдѣнія о Сынѣ Божіемъ. Эллины же напротивъ даютъ имя мудрецовъ (философовъ) и тѣмъ, кто входитъ въ словесные споры о добродѣтели. Мы же разумѣемъ подъ философіею безупречную жизнь, осуществляющую собой истинное ученіе. Это же послѣднее разсѣяно по разнымъ школамъ, зашедъ сюда изъ преданій варварскихъ, кои суть сокровище по истинѣ Божественное, лишь украшенное Эллинами и въ иной формѣ предложенное. Но изъ заимствованнаго одно эллинскими мудрецами было понято невѣрно; другое же, хотя и было ими говорено подъ вліяніемъ Божественнаго вдохновенія, но воспроизведено не во всей того полнотѣ; или же расширено личными ихъ предположеніями и разсужденіями, по большей части ошибочными. Если ихъ самихъ послушать, то можно подумать, что у нихъ-то и содержится вся истина; мы же утверждаемъ, что они владѣютъ лишь частію истины. И далѣе сего міра познанія ихъ не простираются. Въ этомъ отношеніи объ ихъ мудрости можно сказать тоже, что и объ ихъ геометріи и живописи. Геометрія ихъ воспроизводитъ мѣру, величину и форму разныхъ предметовъ; но она чертитъ ихъ на плоской поверхности. Живопись же имѣетъ дѣло съ различными памятниками и видами. Она воспроизводитъ внѣшній видъ предметовъ, располагая по законамъ перспективы линіи ихъ. Благодаря нѣкоторымъ остроумнымъ приспособленіямъ, она дѣйствительно вѣрно передаетъ выпуклости предметовъ, впадины и плоскости, такъ что и изъ предметовъ самихъ одни выступаютъ, другіе же вдаются, третьи надъ уровнемъ плоскости возвышаются. То же приложимо и къ эллинскимъ мудрецамъ (философамъ). Они не вѣрнѣе толкуютъ объ истинѣ, чѣмъ какъ и живописью ихъ посредствуются внѣшніе предметы. И лишь по неумѣренному самолюбію они такимъ частичнымъ содержаніемъ истины гордились; но неумѣренное самолюбіе всегда бываетъ причиной заблужденія и паденія. Вмѣсто того, чтобы изъ безумнаго эгоизма стремиться къ славѣ суетной и къ почестямъ отъ людей, гораздо лучше было бы трудиться надъ освященіемъ себя чрезъ любовь къ Богу, соединяя сіе съ разсудительностію. Принимать часть за цѣлое, предоставлять надъ собою власть тому, что должно бы занимать положеніе служебное, по истинѣ это значитъ уклоняться отъ истины далеко на распутія и не понимать значенія словъ Давида, признававшагося въ такомъ грѣхѣ своемъ: *Золу я ѣлъ какъ хлѣбъ* (Пс. CI, 10). Себялюбіе и гордость, вотъ чѣмъ онъ вовлеченъ былъ въ заблужденіе; вотъ тотъ пепелъ, коимъ онъ питался.

Итакъ есть нѣкоторыя ученія неоспоримыя. А если такъ, то можно ихъ узнать; стоитъ лишь учителя отыскать, который насъ наставилъ бы въ нихъ. Такъ Клеанѳъ пошелъ учиться къ Зенону, Ѳеофрастъ къ Аристотелю, Метродоръ къ Эпикуру, Платонъ къ Сократу. Дошедши же до Пиѳагора, Фэрекида и Ѳалеса, я останавливаюсь и спрашиваю самъ себя: «Кто же у этихъ былъ учителемъ?» Напрасно вы будете называть мнѣ Египтянъ, Индусовъ, Вавилонянъ или даже самихъ маговъ, я все-таки не перестану спрашивать васъ: «Кто же у этихъ послѣднихъ былъ учителемъ?» Изъ звѣна въ звѣно я доведу васъ чрезъ всѣ вѣка до первыхъ людей и тамъ снова васъ спрошу: «У этихъ кто былъ наставникомъ»? Не люди-же; тогда всѣ ничего еще незнали. И не Ангелы же: по субстанціи и организаціи они отличны отъ человѣка. У небожителей нѣтъ языка, чтобы говорить; а у человѣка имѣются два уха именно для того, чтобы слышать. Всего, чѣмъ обусловливается образованіе словесныхъ звуковъ: голоса, губъ и частей сосѣднихъ съ этими, дыхательнаго горла, груди, гортани, самого дыханія, коими приводимъ былъ бы воздухъ въ сотрясеніе, ничего этого

у нихъ нѣтъ. Нѣтъ подобнаго нашему голоса и у Бога, который непревосходимой своей святостью отстоитъ на безмѣрное разстояніе даже отъ Архангеловъ. И что не Ангелы были наставниками первыхъ людей, это намъ извѣстно и изъ преданія, которое говоритъ, что какъ имъ такъ и главамъ ихъ истина также была сообщена отвнѣ, ибо и они подобно намъ существа сотворенныя. Для открытія, кто былъ ихъ наставникомъ, слѣдовательно приходится намъ парить выше самихъ Престоловъ и Господствъ. А такъ какъ есть только одно существо несотворенное, а именно Вседержитель Богъ, то Онъ-то слѣдовательно и былъ наставникомъ первыхъ людей чрезъ своего перворожднаго (*) и единороднаго Сына. «чрезъ котораго сотворено все и безъ котораго не произошло ничего изъ того, что сотворено» (*). Ибо есть одинъ только Богъ и отъ Него происходитъ начало всѣхъ вещей (Іоан. I, 3), говоритъ Петръ, подъ *началомъ* разумѣя единороднаго Сына Божія. Таковъ глубочайшій смыслъ словъ: *Въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю* (Быт. I, 1). Всѣ пророки возвѣщаютъ именно сего единороднаго Сына Божія, когда говорятъ о мудрости. Это Онъ состоитъ наставникомъ всѣхъ сотворенныхъ существъ; Онъ есть совѣтникъ Божій, все предвидящій. Съ самыхъ первыхъ поръ бытія міра Онъ различными способами и въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ оказывался наставникомъ людей, съ высоты небесной руководя ихъ къ совершенству. Вотъ почему и сказано: *И не называйте себѣ наставникомъ никого изъ тѣхъ, кто живетъ на землѣ* (Мѳ. XXIII, 8—10).

Теперь становится понятнымъ, что за элементы составляютъ мудрость истинную. Хотя законъ (ветхій завѣтъ) и представляетъ собою лишь образъ и тѣнь истины (Евр. X. 1), но такъ какъ въ него вошло содержаніе наученія Божественнаго, то онъ истиненъ. Эллины напротивъ подъ вліяніемъ своей самомнительности объявляютъ учителями обыкновенныхъ людей. Это не такъ. Какъ начало всякаго отчества восходитъ къ Богу Творцу (Еф. III, 14, 15), подобно сему и вѣдѣніе нами того, что такое добро и что честно, исходитъ отъ Господа, который научилъ насъ сему. Отсюда-то, т. е. вслѣдствіе постоянной намъ помощи свыше, произошло и развилось ученіе и объ оправданіи; послѣднее возможно лишь при слѣдованіи наученію насъ Божественному.

Конечно есть люди, не возращающіе въ себѣ сѣмянъ истины (Лк. VIII, 5 и д.), тѣмъ или инымъ способомъ предпесенной ихъ разуму. Сѣмена эти лежатъ въ душѣ ихъ сокрытыми какъ бы въ какой землѣ безплодной и водою неорошаемой; или же они глохнутъ здѣсь отъ множества сорныхъ травъ. Подобно древнимъ фарисеямъ и эти новые фарисеи закону непокорны. Кромѣ того они воровски примѣшиваютъ къ преданіямъ Божественнымъ ученія человѣческія (Мѳ. XV, 9). Виновенъ въ такихъ заблужденіяхъ людскихъ уже не Божественный ихъ Педагогъ, а сами люди, по своевольному упорству заткнувшіе уши отъ Его внушеній. Увѣровавшіе же въ пришествіе Спасителя и въ исполненіе всего того, что возвѣщено о Немъ чрезъ свящ. Писанія, имутъ вѣдѣніе закона, подобно тому какъ и мудрецы эллинскіе, внимавшіе наставленіямъ Господнимъ, пріобрѣли познаніе истинной мудрости. *Слова Господни* и въ правду *суть слова чистыя, серебро огнемъ испытанное, отъ примѣсей къ нему земныхъ элементовъ освобожденное, седмерицею очищенное* (Пс. XI, 7). Что иное этимъ означено какъ не то. что *праведникъ испытывается* Господомъ (Пс. X, 5), подобно тому какъ серебро очищается? Праведникъ, это—монета Господня, имѣющая на себѣ и печать Господню. Можно согласиться и съ толкованіемъ сего Соломоновымъ. Царственный этотъ толкователь слова Божія объявляетъ, что *языкъ праведника есть сребро, огнемъ испытанное* (Притч. XX,

(*) Подобное Аѳенагоръ въ Legat. и Климентъ Рим. въ Recogn. III, 52. Рожденность здѣсь разумѣется вѣчная, по коей, какъ такой, Сынъ Божій—само собою понятно—превосходитъ всѣхъ Ангеловъ и людей, которые всѣ сотворены во времени.

(*) Повидимому изъ апокрифической «Проповѣди» св. Петра Апостола.

20; срав. Пс. CVIII, 140; Пс. XVI, 3). Онъ желалъ выразить симъ то, что ученіе, мудрость котораго дознана и признана, должно быть и принимаемо (съ благодарностію), такъ какъ оно неоднократно было очищаемо отъ всякой земной къ нему примѣси, т. е. много уже было душъ, кои себя посвящали въ тайны познанія и чрезъ воздержаніе отъ земныхъ страстей себя въ разныхъ отношеніяхъ освящали. Говорю: въ разныхъ, потому что святится и тѣло, въ которомъ живетъ такая душа. Всецѣло предоставляя себя въ распоряженіе живущаго въ немъ гостя, оно и само есть святилище, въ которое да не вносится ничего нечистаго. Что же до души, то первѣе всего это очищеніе ея чрезъ все время оживленія ею тѣла должно состоять въ воздержности отъ всякаго вообще зла (*). Это очищеніе для души не есть еще совершенство, какъ полагаютъ нѣкоторые; это есть совершенство лишь относительное, только для простыхъ вѣрныхъ, окажутся ли ими Евреи или язычники. Праведность, устремляя взоръ мудреца истиннаго (гностика) далѣе того, что другими считается за совершенство, возвышаетъ его до исполненія всего того, что благо; и когда гностикъ при наивысшей своей праведности восходитъ на сію ступень, когда онъ уподобляется на оной Богу, то совершенство его утверждается тогда уже на непоколебимой привязанности къ добру. Потомство Аврамово, служившее Богу, состояло изъ призванныхъ (Мѳ. XX, 10); чада же Іакова, за то что запяли (*) зло, оказались избранными.

Итакъ если мудростію для насъ будетъ Христосъ; а дѣйствовалъ Онъ если и чрезъ пророковъ, писанія которыхъ воистинну просвѣтительны; равно какъ если Христосъ лично сообщилъ это истинное ученіе Апостоламъ: то конечно познаніе сего ученія есть уже и мудрость; симъ обусловлено полное познаніе и безошибочное пониманіе какъ прошедшаго, такъ равнымъ образомъ настоящаго и будущаго. Кто будетъ спорить противъ того, что ученіе совершенное вмѣстѣ съ тѣмъ и непогрѣшимо, такъ какъ оно намъ передано и открыто Сыномъ Божіимъ? И если то правда, что дѣятельность созерцательная есть истинная цѣль, къ которой мудрецъ стремится, то и созерцательная дѣятельность мудрецовъ эллинскихъ, пусть она не сопровождалась полнымъ успѣхомъ и представляетъ собою достоинство лишь второстепенное, все-же имѣла въ виду Бога. Достигаетъ же сія умозрительная дѣятельность своей цѣли, т. е. познанія Бога, лишь въ тотъ день, когда чрезъ христіанское освященіе мудрецъ свѣтскій вводится въ пониманіе пророческихъ предвозвѣщеній, возвышаясь такимъ образомъ до постиженія

Того что было, а также что есть и будетъ (Ил. I, 70).

Сіе-то наивысшее познаніе, передаваясь изъ рода въ родъ, безъ помощи какихъ либо особыхъ писаній, и первѣе всего сообщено будучи мужамъ апостольскимъ, дошло этимъ путемъ и до насъ (*). Слѣдуетъ значитъ добиваться сего познанія или,—если угодно,—мудрости, чтобы поставить душу на точку умозрѣнія, на вѣки устойчиваго и неколебимаго.

8. Философія, хотя Апостолъ и ставилъ ее ни во что сравнительно съ совершеннѣйшимъ свѣтомъ Евангелія, тѣмъ не менѣе есть познаніе, отъ Бога исходящее.

И Павелъ въ своихъ посланіяхъ, какъ оказывается, не безусловно порицаетъ философію. Онъ не желаетъ только, чтобы вѣрный, восшедъ на высоту познанія истиннаго, нисходилъ съ оной въ долины философіи эллинской, которую онъ иносказательно называетъ *стихіями міра сего* (Кол. II, 8), т. е. наукой лишь элементарной, лишь подготовляющей къ принятію ученія истиннаго. Посему и къ Евреямъ, оставившимъ вѣру для наблюденія предписаній закона Моисеева, онъ пишетъ слѣдующее: *Нужно ли еще учить васъ первымъ начаткамъ слова Божія? Ужели вы до того дошли, что вмѣсто твердой пищи нужно давать*

(*) Горацій въ посл. I, ст. 41 и 42 также говорилъ: Sapientia prima est stultitia caruisse.

(**) Намекъ на имя «Іакова», значущее «запинателя».

(*) Подобное въ Стром. I, 1.

вамъ одно только молоко (Евр. V, 12)? Точно такъ же къ Колоссянамъ, т. е. къ Эллинамъ, обратившимся въ христіанство, онъ пишетъ: *Берегитесь, чтобы кто не прельстилъ васъ философіей и праздными тонкостями, по преданіямъ людскимъ, по элементамъ наукъ мірскихъ, а не по Христу* (Кол. II, 8). Что это значитъ? Апостолъ предостерегаетъ, чтобы какой нибудь ученый не соблазнилъ вѣрныхъ и не уклонилъ ихъ снова въ философію, т. е. къ знаніямъ начальнымъ и элементарнымъ.

«Вся мудрость, Эллинами измышленная, скажутъ мнѣ, есть выраженіе разумѣнія человѣческаго». Я же на основаніи свящ. Писанія имъ отвѣчаю, что разумъ есть даръ Божій. Псалмопѣвецъ считаетъ его даромъ наидрагоцѣннѣйшимъ и проситъ о немъ Бога въ такихъ выраженіяхъ: *Я рабъ Твой; даруй мнѣ разумѣніе* (Пс. CXVIII, 125). Въ другомъ же мѣстѣ онъ молитъ о дарованіи ему всесторонняго познанія. *Научи меня*, онъ пишетъ, *благости, порядку и вѣдѣнію, ибо я вѣровалъ въ заповѣди Твои* (Пс. CXVIII, 66). Это значило въ слухъ всѣхъ засвидѣтельствовать, что обоимъ завѣтамъ свойственна величайшая авторитетность, а равнымъ образомъ, что Богъ сообщаетъ оную и отличнѣйшимъ изъ своихъ чадъ. Въ другомъ мѣстѣ Псалмопѣвецъ опять восклицаетъ: *Ты ни съ однимъ народомъ, Господи, не поступилъ такъ. Ты не объявилъ имъ Твоихъ уставовъ* (Пс. CXLIV, 20). Слова эти: *Ты ни съ однимъ народомъ не поступилъ такъ* выражаютъ, что Господь все-таки и къ остальнымъ народамъ былъ милостивъ, но только иначе. Частицею *такъ* установляется слѣдовательно только сравненіе и отношеніе подчиненности другихъ народовъ въ разсужденіи насъ, которые удостоены высшаго сравнительно съ ними преимущества. Пророкъ и дѣйствительно могъ выразить туже самую мысль и не прибавляя къ ней словечка *такъ*. Петръ въ «Дѣяніяхъ» говоритъ: *По истинѣ теперь я познаю, что Богъ нелицепріятенъ, но что во всякомъ народѣ боящійся Его и праведность наблюдающій пріятенъ Ему* (Дѣян. X, 34, 35). Не въ одно только какое либо опредѣленное время Богъ нелицепріятенъ, но всегда, отъ вѣчности, ибо щедродательность Его вѣчная, подобно тому какъ самъ Онъ ни къ одному опредѣленному какому либо мѣсту не привязанъ, ни на главахъ лишь нѣкоторыхъ только личностей почіетъ благость Его; она всегдашняя и нѣтъ изъ нея для кого нибудь изъятій. *Отворите мнѣ двери праведности*, говоритъ Псалмопѣвецъ, *и я войду въ нихъ и восхвалю Господа. Вотъ врата Господни; ими-то и войдутъ праведники* (Пс. CXVIII. 19, 20). Варнава (*) намъ объясняетъ эти слова пророка такъ: «Изъ множества вратъ, отворяющихся предъ нами, дверь, ведущая къ праведности, ведетъ въ тоже время и ко Христу Іисусу. Блаженны всѣ, входящіе сими вратами». Таже мысль содержится и въ слѣдующихъ словахъ Псалмопѣвца: *Господь надъ водами многими* (Пс. XXIX, 3), откуда не только то слѣдуетъ, что оба завѣта имѣютъ свои особенныя отличія, но также и то, что какъ между Эллинами, такъ и между варварами ученія, ведущія къ праведности, разнообразны. Но вотъ и царь—пророкъ, свидѣтельствуя объ истинѣ, восклицаетъ съ негодованіемъ: *Низриньтесь, грѣшники, во адъ, а также и народы, забывающіе о Богѣ* (Пс. IX. 17). Да, забываютъ они о Богѣ, о которомъ прежде памятовали; Бога, прежде чѣмъ Его забыть, знали они; теперь же они не чтутъ Его.

Итакъ язычники имѣли о Богѣ нѣкоторыя представленія, хотя и смутныя и неясныя; фактъ этотъ кажется намъ доказаннымъ.

Слѣдуетъ итакъ, чтобы гностикъ отличался многоученостью, обладалъ бы возможно большимъ запасомъ знаній. И такъ какъ Эллины не престаютъ повторять мнѣніе Протагора, впервые сказавшаго, что «діалектика всегда должна имѣть наготовѣ доказательства для противупоставленія ихъ другимъ доказательствамъ», то необходимо освоиться съ искуствомъ возраженій. *Многорѣчивый*, говоритъ Писаніе, *и самъ не долженъ ли слушать въ свою очередь*

(*) Lapsus memoriae перепищики: не Варнава, а Климентъ Римскій посл. I, гл. 68. Мѣсто это уже приводимо было въ Стром. I, гл. 7.

(Iов. XI, 2)? «Кому же и разумѣть притчи Господни какъ не мудрому, владѣющему знаніемъ и любящему Господа» (*)? Пусть онъ засвидѣтельствуетъ симъ свою вѣрность Господу. Онъ долженъ умѣть объяснять тайны познанія, искусно отдѣлять истину отъ лжи; онъ долженъ показать себя достоудивительнымъ въ дѣлахъ своихъ, чистымъ и по тѣлу и по душѣ. «Онъ долженъ быть тѣмъ смиреннѣе, чѣмъ возвышеннѣйшимъ для другихъ кажется, говоритъ Климентъ въ своемъ посланіи къ Коринѳянамъ. Наконецъ онъ долженъ быть въ состояніи слѣдовать такой заповѣди: *Извлекайте однихъ изъ пламени, другихъ же принимайте назадъ съ разсужденіемъ* (Iуд. 22, 23). Спеціальнымъ назначеніемъ винограднаго ножа состоитъ конечно подрѣзываніе лозъ; но онъ служитъ намъ также для разрѣзанія и спутавшихся лозъ и для вырѣзки терна, растущаго около нихъ и образующаго трудную для прохода стѣну. Всѣ эти разнообразныя дѣйствія, имъ совершаемыя, имѣютъ соотношеніе съ главнымъ его назначеніемъ. Примѣните это сравненіе къ человѣку. Конечной цѣлью его состоитъ безъ сомнѣнія достиженіе познанія о Богѣ; тѣмъ не менѣе онъ занимается земледѣліемъ, геометріей, философіей. Изъ трехъ этихъ наукъ одна необходима для жизни, другая его учитъ доброй жизни, третья объясняетъ ему все входящее въ область доказательствъ.

«Но,—здѣсь восклицаютъ нѣкоторые,—философія отъ діавола происходитъ».

Положимъ, что и такъ, ибо Писаніе говоритъ, что и *сатана иногда превращается во ангела свѣтла* (2 Кор. XI, 14). За чѣмъ? Ясно, что для пророчествованія. Но если онъ пророчествуетъ въ качествѣ ангела свѣта, то изъ устъ его значитъ истина исходитъ. Если пророчества его имѣютъ такой характеръ, какъ если бы исходили отъ *Ангела*; если свойство ихъ—*свѣтъ*: то отсюда слѣдуетъ, что они и полезны, потому что сатана старается при этомъ уподобиться тому дѣйствію, которое совершаетъ, хотя въ сущности и остается отступникомъ и мятежникомъ. На какую же иную уловку онъ и могъ бы ловить насъ какъ не на эту: человѣка, желающаго вѣдѣнія, привлекая къ себѣ первѣе всего блескомъ истины, чтобы потомъ увлечь его въ заблужденіе? Кромѣ того истина и дѣйствительно извѣстна демону. Хотя и нѣтъ у него силъ обнять ее во всей ея цѣлости, все же онъ не незнакомъ съ ней. Философія слѣдовательно не есть еще ложь на томъ одномъ основаніи, что поддѣлываясь подъ истину высказываютъ ее и воръ и лжецъ, при чемъ эти первѣе всего себя самихъ обманываютъ. Не слѣдуетъ изъ ненависти къ говорящему слѣпо и преждевременно осуждать говоримое имъ; нужно размышлять при семъ, истины это голосъ или лжи: предосторожность особенно необходимая по отношенію къ тѣмъ, кои нынѣ слывутъ и выдаютъ себя за пророковъ. Утверждать, согласно съ общепринятымъ мнѣніемъ, что все для нашей жизни необходимое и полезное исходитъ отъ Бога, безъ сомнѣнія не представляетъ собою чего либо рискованнаго и ошибочнаго. Но мы гораздо ближе будемъ къ истинѣ, если скажемъ, что философія была дарована Эллинамъ въ качествѣ особаго рода и наиболѣе приличествовавшаго имъ завѣта,—въ качествѣ подготовительнаго фундамента (скалы, горнаго плато), на которомъ должно строиться и возвышаться зданіе христіанской философіи, хотя эллинскіе философы совершенно произвольно и отворачиваются отъ сего послѣдняго свѣта частію изъ пренебреженія имъ какъ ученіемъ варварскимъ, частію же изъ опасенія и за свою жизнь, ибо благодаря гражданскимъ законамъ головамъ вѣрныхъ постоянно угрожаетъ смерть. Дѣло при семъ все-же въ томъ только, что рука, привыкшая разсѣевать плевелы (Мѳ. XIII, 25), посѣяла ихъ и въ эллинской философіи, такъ же впрочемъ какъ и въ варварской. Отсюда то и между нами возникли ереси, соперничествующія съ сѣменемъ добрымъ. Отсюда-то произошло нечестивое ученіе Эпикура; отсюда то — сладострастіе, объявленное нынѣ верховнымъ благомъ и множество иныхъ стран-

(*) Слова Климента Римскаго. Срав. Стром. I, гл. 7.

ностей, подъ именемъ эллинской философіи пущенныхъ въ ходъ софистами: обманчивые плоды на Богодарованной Эллинамъ нивѣ. Вотъ эти-то, располагающія лишь къ чувственнымъ удовольствіямъ и высокомѣрныя, ученія Апостолъ и называетъ *мудростію вѣка сего*, потому что дѣйствительно они располагаютъ лишь ко вздору міра сего, имъ ограничивая всѣ помыслы своихъ вскормленниковъ, дѣлая этихъ такимъ образомъ зависимыми отъ *князей міра сего* (1 Кор. II, 6) и имъ подчиненными. Это-то и унижаетъ эллинскую мудрость, дѣлая изъ нее науку партійную и далекую отъ знанія совершеннаго. Это—лишь первая ступень къ наукѣ совершенной; а живетъ сія послѣдняя вдали отъ земли этой, въ мірѣ доступномъ лишь разуму; и занимается она предметами еще болѣе духовными, *которыхъ око человѣка не видѣло, ухо его не слыхало, о которыхъ и мысли на сердце человѣка не входило* (1 Кор. II, 9), прежде чѣмъ ихъ не объяснилъ намъ истинный нашъ Учитель. Онъ предъ законными наслѣдниками Божественнаго усыновленія раскрылъ сначала святое святыхъ, а потомъ постепенно истины и еще болѣе возвышенныя (*).

Мы осмѣливаемся даже нѣчто бо́льшее утверждать, а именно вотъ что. Истинному гностику все извѣстно, ибо вѣра возвышаетъ его и до этого. Въ твердости и неколебимости своего разумѣнія онъ постигаетъ все остающееся неяснымъ для нашего разумѣнія и что относится къ наукѣ сверхъестественной (откровенію тайному). Такими истинными мудрецами (гностиками) были Іаковъ, Петръ, Іоаннъ, Павелъ (**) и всѣ остальные Апостолы. Въ пророчествахъ и въ правду содержатся всѣ тайны познанія, потому что Господь, вложивъ ихъ въ уста пророкамъ, самъ и объяснилъ ихъ за тѣмъ Апостоламъ. Познаніе значитъ не есть ли такая функція разумной души, при помощи которой мы заносимъ свое имя въ книгу безсмертія? Душа для паренія въ страны горнія пользуется двумя крылами: познаніемъ и стремленіемъ. Стремленіе есть движеніе, слѣдующее за согласіемъ. И въ правду такъ. Обратите вниманіе на человѣка, занятаго какимъ либо добрымъ дѣломъ: этому послѣднему у него предшествуетъ познаніе; за тѣмъ является желаніе, стремленіе.

Есть еще нѣчто, на что также слѣдуетъ обратить вниманіе. Такъ какъ дѣйствію у насъ предшествуетъ изученіе; такъ какъ самою сущностью дѣла обусловлено, чтобы существо, дѣйствующее свободно,—напередъ и прежде чѣмъ рѣшиться на дѣло,—знало, что оно хочетъ дѣлать; такъ какъ познаніе слѣдуетъ за изученіемъ, дѣйствіе же за стремленіемъ или желаніемъ; такъ какъ знаніе истекаетъ изъ изученія, стремленіе изъ познанія, изъ стремленія же родится дѣйствіе: то отсюда слѣдуетъ, что началомъ и двигательной причиной всякаго разумнаго дѣйствія состоитъ познаніе. Итакъ мы правы, называя познаніе главной, господственной функціей души, которая существенно ее характеризуетъ, такъ какъ дѣйствительно и стремленіе и познаніе движутся въ сферѣ субстанціальной. Отсюда слѣдуетъ, что познаніе, собственно говоря, есть такое состояніе души, въ которомъ она созерцаетъ или одинъ или нѣсколько предметовъ или даже,—если она совершенна,—то совокупность всего существующаго. Знаю, знаю мнѣніе нѣкоторыхъ, что и по убѣжденію самого мудреца для него есть де вещи непонятныя и что все касательно ихъ постижимое имъ ограничивается де лишь непонятностію ихъ. Грубое же представленіе дѣла!.. Вотъ кругозоръ узкій очей по истинѣ недальновидныхъ! Этотъ близорукій мудрецъ сознается, — говорите,—что есть вещи непонятныя? Мудрецъ же истинный (гностикъ), о которомъ я говорю, понимаетъ и тамъ, гдѣ разумѣніе другихъ оказывается короткимъ; онъ убѣжденъ, что для Сына Божія ничего нѣтъ непостижимаго; слѣдовательно ничего нѣтъ и такого, чего не льзя было бы познать. Можно ли и представить себѣ, чтобы Претерпѣвшій

(*) Т. е. менѣе совершенное всѣмъ сообщено, а болѣе совершенное, святѣйшее и гносисъ—лишь немногимъ.

(**) Срав. Стром. I, 1.

изъ любви къ человѣчеству столько страданій хотя одинъ пунктъ исключилъ изъ области подлежащей человѣческому вѣдѣнію? Не для сообщенія ли познанія и на землю приходилъ Онъ? Такъ вѣра сама становится твердымъ и неопровержимымъ доказательствомъ, ибо истина неразрывно связана съ преданнымъ намъ отъ Бога ученіемъ. Какой еще и большей добиваться намъ опытности и просвѣщенности? Ученикъ мудрости Божественной знаетъ прошедшее, строитъ предположенія относительно будущаго (Прем. VII, 18), разрушаетъ словосплетенія, постигаетъ смыслъ рѣчей загадочныхъ, предвидитъ знаменія и чудеса, исходъ извѣстныхъ событій и *конецъ временъ*.

9. Мудрецъ истинный хранитъ свою душу отъ всякаго рода нестроеній и волненій.

Преимущество мудреца истиннаго (гностика) состоитъ въ томъ, что онъ признаетъ законность лишь за тѣми нуждами, удовлетвореніе которыхъ требуется поддержаніемъ тѣлеснаго здоровья; таковы: голодъ, жажда и другія имъ подобныя ощущенія (*). Утверждать, что тѣло Спасителя какъ такое требовало для поддержки его различныхъ заботъ и попеченій, подобныхъ тѣмъ, какими мы свою тѣлесную жизнь поддерживаемъ, было бы довольно забавнымъ увѣреніемъ. Спаситель ѣлъ, но не для поддержанія тѣла своего, которое поддерживалось и сохранялось силою Божественной, а для предупрежденія въ лицахъ близкихъ къ Нему мысли, будто Онъ имѣетъ тѣло призрачное, что и высказывали о Немъ нѣкоторые изъ позднѣйшихъ сектаторовъ. Въ сущности конечно Онъ чуждъ былъ всякаго рода человѣческихъ страстей; чужды Ему были смятенныя душевныя состоянія; не волновался Онъ; выше стоялъ всякихъ удовольствій, равно какъ и горя. Что же касается Апостоловъ, то чрезъ ученіе Господне и обладаніе въ ономъ всѣми сокровищами познаній подавивъ въ себѣ гнѣвъ, страхъ и всѣ пожеланія, они начиная съ воскресенія Господа, своего Учителя, казалось, не испытывали повидимому и самыхъ невинныхъ внутреннихъ движеній, каковы: отважная смѣлость, соревнованіе, радость и пожеланія. Они съ тѣхъ поръ были утверждены въ нѣкоторомъ неподвижномъ спокойствіи души, изъ котораго по воскресеніи Господа уже и не выходили, оставаясь непричастными всѣмъ волненіямъ и постоянно поддерживая въ себѣ это расположеніе духа. Безъ сомнѣнія, только что упомянутыя душевныя движенія не имѣютъ въ себѣ ничего предосудительнаго, если они умѣряются и направляются разумомъ. И все-же въ душѣ христіанина совершеннаго они не находятъ себѣ мѣста. Къ чему послужила бы ему напр. отвага и смѣлость? Такъ какъ жизнь не можетъ преподнесть ему ничего ужаснаго, никакихъ событій страшныхъ, ни скорби никакой, ни безпокойства, которое отклонило бы его отъ любви къ Богу: то совершенный христіанинъ никогда слѣдовательно не попадаетъ и ни въ какую опасность (*). — Что общаго у него съ радостію? Никогда онъ горя не испытываетъ, себя поддерживая убѣжденіемъ, что все хорошо. — Никогда онъ не раздражается. Кто воздвинуть могъ бы волны гнѣва въ томъ, кто постоянно проникнутъ любовію къ Богу, кто мыслитъ только о Богѣ, и слѣдовательно не можетъ питать ненависти ни къ какому Божію творенію? — Неизвѣстно ему и чувство соревнованія. Чего же еще недостаетъ ему до полнаго слiянія съ Тѣмъ, Что благо и прекрасно? — Ни къ кому не чувствуетъ онъ и этой грубой привязанности, которая называется дружбой: въ твореніи Творца онъ любитъ. — Далеки отъ него всѣ пожеланія и зависть. Онъ располагаетъ всѣми сокровищами, по крайней мѣрѣ духовными, потому что чрезъ любовь онъ постоянно поддерживаетъ сношенія съ Возлюбленнымъ; съ Нимъ уже соединенъ онъ узами избранія; и эта мягкость узъ и близость со Христомъ укрѣпляются еще чрезъ усердное исполненіе имъ заповѣдей; счастливъ онъ тѣмъ, что

(*) Говорится это и дальнѣйшее съ отношеніемъ къ ученію Стоиковъ, которые отъ своего мудреца требовали безстрастія. Срав. Педаг. I, 2 и 13.

(*) Подобное сему говоритъ Сенека въ своемъ трактатѣ «О душевномъ спокойствіи».

располагаетъ изобиліемъ всѣхъ благъ. Таковы побужденія, по которымъ онъ, по примѣру своего Божественнаго Учителя, старается закрыть свое сердце для всѣхъ человѣческихъ страстей. Онъ и въ правду представляетъ собою воплощеніе лишь разума, Логоса (Слова) Божія, ибо человѣческій разумъ есть лишь отраженіе въ человѣкѣ сего Логоса Божественнаго. Такъ человѣкъ добрый возвышается до воплощенія въ себѣ образа и подобія Божіихъ; и вотъ какъ Богъ уподобляется человѣку: общей и для Бога и для человѣка формой проявленія состоитъ разумъ, насъ отличающій и намъ свойственный. Отсюда слѣдуетъ также, что грѣхъ противъ такого человѣка равносиленъ кощунству и причинять ему какое либо зло есть дѣйствіе нечестивое.

Но здѣсь слышу я любезныя предупрежденія, что гностикъ и человѣкъ совершенный можетъ таить гнѣвъ и смѣлость въ глубинахъ своего сердца и не долженъ отрѣшаться отъ нихъ; иначе, безъ содѣйствія двухъ этихъ вспомогательныхъ средствъ, онъ не въ состояніи будетъ возбуждаться противъ врага, ни прираженію къ нему напастей подставлять чело непобѣдимое. Возражатели эти добавляютъ: «Если заглохнутъ въ немъ всѣ желанія, то горесть изгложетъ его и онъ кончитъ съ этой жизнью позорно. Какъ скоро огонь желаній погаснетъ, мудрецъ не будетъ питать въ себѣ даже и честолюбія, которое человѣка добродѣтельнаго постоянно устремляетъ впередъ. Въ самомъ дѣлѣ, если союзъ со всякаго рода добродѣтелями посредствуется желаніемъ: то какъ это отъ человѣка, стремящагося къ добродѣтели, можно требовать, чтобы внутри себя порвалъ онъ всѣ привязанности»?

Вздорное и ребяческое возраженіе! Устамъ, оное формулировавшимъ, повидимому невѣдома Божественная природа любви. Любовь не есть желаніе; это союзъ святой и нѣжный, истиннаго мудреца, и безъ посредства времени и мѣста, вводящій въ единство вѣры. Тотъ, кого любовь уже надѣлила всѣми благами, коими онъ будетъ владѣть нѣкогда, потому что чрезъ воплощеніе въ себѣ добродѣтели онъ проникся и надеждой на полученіе ихъ, тому нечего желать, потому что онъ уже заранѣе,—насколько можетъ,—наслаждается всѣми сокровищами, какихъ только можно желать. Что же дивнаго въ томъ, что душа, въ которой познаніе соединено съ любовію, всегда остается въ неизмѣнной невозмутимости (*)? Пламенное и завистливое желаніе олицетворить собой нѣчто прекрасное тоже не мучитъ мудреца истиннаго: любовь уже его самого проникаетъ красотою. Къ чему жало желаній и увлеченія отвагою человѣку, который по силѣ своей любви къ Богу уже вписанъ въ число друзей Его? Чрезъ эту любовь онъ уже соединенъ съ Богомъ, а Бога никогда не касается даже и малѣйшее и ничтожнѣйшее измѣненіе. Понятно теперь, почему мы изгоняемъ изъ души мудреца истиннаго даже мнимыя взволнованность и смятенность. Познаніе собою порождаетъ упражненіе, упражненіе переходитъ въ состояніе или постоянное расположеніе духа; такое расположеніе въ свою очередь имѣетъ послѣдствіемъ отсутствіе въ душѣ всякихъ безпорядочныхъ движеній, а не власть только надъ этими движеніями. Въ чемъ же тайна этого неизмѣннаго покоя? Владѣетъ ею только вырѣзавшій изъ своей души всѣ желанія до самыхъ корней ихъ.

Равнымъ образомъ не напоминайте гностику и объ этихъ внутреннихъ побужденіяхъ, которыя обыкновенно превозносятся такими похвалами и выдаются за великое благо, на самомъ же дѣлѣ слишкомъ походятъ на страсти и отличаются всей мятежностію ихъ. Я говорю о радости, столь близкой къ наслажденію;—о печали, живущей по сосѣдству съ горемъ;—объ осторожности, столь схожей съ боязнію;—о живости, близко подходящей къ гнѣву. Гностикъ вовсе и не обращаетъ вниманія на похвалы, воздаваемыя этимъ мнимымъ благамъ. Невозможно, чтобы человѣкъ, чрезъ любовь возвысившійся до совершенства и вѣчно поддерживающій неутолимость своихъ желаній созерцаніемъ, доставляющимъ ему столь высокое наслажденіе, невозможно, чтобы онъ

(*) Срав. Стром. IV, 23.

вновь унизился до жалкихъ земныхъ радостей. Вы просите его сойти съ этихъ высотъ, приглашая его наслаждаться благами сего міра? Но онъ уже вошелъ *въ свѣтъ неприступный* (1 Тим. VI, 16). Конечно это послѣднее происходитъ не на самомъ дѣлѣ, такъ какъ отъ *сего свѣта неприступнаго* еще отдѣленъ онъ временемъ и мѣстомъ; и все-же гностикъ живетъ въ семъ неприступномъ свѣтѣ по силѣ чисто духовной любви къ Богу. А Мздовоздатель Божественный за это награждаетъ его дарованіемъ наслѣдія небеснаго и совершеннымъ возстановленіемъ въ прежнее достоинство. Такъ осуществляется на гностикѣ Божіе обѣтованіе касательно даровъ; ихъ гностикъ уже ранѣе выбираетъ и за свою любовь къ Богу получаетъ отъ Него ранѣе. Не правда ли: на крыльяхъ любви воспаривъ къ Богу, гностикъ, хотя его тѣлесная оболочка и остается еще на землѣ, если не вполнѣ отрѣшается отъ узъ земной сей жизни,—что запрещено ему,—то по крайней мѣрѣ не освобождаетъ ли свою душу изъ подъ вліянія страстей,—а что можетъ быть законнѣе этого,—и не свободнымъ ли живетъ на развалинахъ всякаго рода пожеланій? Тѣла болѣе онъ не касается. Онъ позволяетъ ему лишь тѣми вещами пользоваться, которыя необходимы для его сохраненія, чтобъ не произошло его разрушенія. И о мужествѣ что за толкъ вамъ говорить съ человѣкомъ чисто духовнымъ, къ которому никакая опасность приразиться не можетъ, потому что здѣсь на землѣ онъ какъ бы отсутствуетъ, находясь уже всецѣло подлѣ Предмета своей любви? Къ чему ему и воздержаніе? Оно не нужно ему. Воплощеніе въ себѣ этой добродѣтели доказывало бы еще приражeніе пожеланій, которыя нужно еще преодолѣть; посему гностикъ предоставляетъ упражняться въ ней человѣку, который, не будучи еще вполнѣ чистымъ, борется со страстями. Мужество также ему не нужно. Это орудіе лишь противъ страха и трусости. Но прилично ли, чтобы другъ Божій, Богомъ еще до сотворенія міра предназначенный ко включенію въ число чадъ, удостоенныхъ высшаго усыновленія (Еф. I, 4, 5) (*), былъ подверженъ приражeнію страха и сладострастія? Развѣ не укрощеніемъ именно подобныхъ душевныхъ волненій и занятъ онъ? Я не опасаюсь высказаться открыто: какъ онъ предназначенъ Богомъ къ совершенію именно того, что дѣлаетъ и къ достиженію именно той цѣли, къ которой стремится: такъ и самъ себя лично онъ предназначаетъ къ тому же, опредѣляясь въ семъ познаніемъ и любовію къ Богу своему. Онъ не питаетъ относительно будущаго предположеній невѣрныхъ подобно большинству людей, жизнь которыхъ есть не иное что какъ продолжающееся постоянное состояніе неувѣренности: свѣтъ вѣры и познанія освѣщаютъ для него то, что для другихъ неясно; любовь, его одушевляющая, для него дѣлаетъ будущее уже настоящимъ. Опираясь на пророчества, уже исполнившіяся, на тайну воплощенія, онъ вѣритъ въ слова Бога, который никогда не обманываетъ. Онъ уже располагаетъ тѣмъ, во что увѣровалъ; и даръ обѣтованный уже въ рукахъ у него. И въ самомъ дѣлѣ! Обѣтованіе истекаетъ вѣдь отъ самой Истины; потому то оно и достовѣрно; какъ христіанинъ совершенный, гностикъ чрезъ свою увѣренность, что непремѣнно получитъ обѣтованное, заранѣе уже и видитъ осуществленіе обѣтованія. Такимъ образомъ тотъ, кто сознаетъ, что понимаетъ будущее вѣрно, опережаетъ этимъ пыломъ любви самое это будущее. Потому-то гностикъ не проситъ у Бога и никакихъ земныхъ благъ. Онъ питаетъ въ себѣ неколебимую увѣренность, что владѣть будетъ истинными сокровищами. Всѣ молитвы его состоятъ въ просьбахъ сохранить ему вѣру, которая должна осуществить его желанія. Далѣе желаетъ онъ, чтобы походило на него возможно большее число вѣрныхъ: чрезъ это распространялась бы слава Божія, открывающаяся особенно въ познаніи. Ибо кто чрезъ безупречное исполненіе Божественныхъ заповѣдей, насколько то доступно человѣческой природѣ, уподобляется Спаси-

(*) Т. е. включенія въ число чадъ совершеннѣйшихъ, чего удостоиваются немногіе.

телю, тотъ самъ въ нѣкоторомъ родѣ становится спасителемъ другихъ. Вотъ справедливость истинная; и таково почитаніе ею Бога, ею и праведностью дѣйствій, а равно и истинностью познанія. Господь даже и не ожидаетъ молитвъ этого своего достойнаго раба. «Проси. Онъ говоритъ ему, и Я сдѣлаю; пожелай и исполню» (*) Вообще неизмѣнность не можетъ корениться и утвердиться въ вѣчныхъ подвижности и непостоянствѣ. Если вѣренъ этотъ принципъ, то душевная способность, которой свойственна эта властность, подъ вліяніемъ постоянной измѣнчивости наконецъ теряетъ свое равновѣсіе и самую возможность сложиться. Спрошу васъ еще разъ: Какъ на этой почвѣ, постоянно колеблющейся вслѣдствіе столкновенія съ внѣшними предметами, какъ достигнуть утвержденности; словомъ: Какъ успокоиться на увѣренности, что обладаешь познаніемъ прочнымъ?

По словамъ самихъ мудрецовъ эллинскихъ, добродѣтели, это суть извѣстнаго рода состоянія, внутреннія расположенія, особаго рода искуство и наука. Но нѣтъ науки прирожденной человѣку; каждая наука есть дитя воспитанное. выхоленное при извѣстныхъ условіяхъ и взаимныхъ отношеніяхъ. Она становится нашей собственностію первѣе всего подъ условіемъ заботъ о ней, за ней ухода и въ ней успѣховъ ученика. Ею овладѣваютъ и въ ней упрочиваютъ свое положеніе только чрезъ усердное размышленіе. Тоже самое приложимо и къ наукѣ Божественной. Когда посвятившій себя ей достигаетъ относительно совершеннѣйшаго познанія святыхъ тайнъ, то любовь строитъ ей твердый и нерушимый фундаментъ. И дѣйствительно такъ. Достигнувъ сей высоты, христіанинъ доходитъ не только до Первопричины; онъ понимаетъ и причину Ею произведенную; онъ остается неизмѣннымъ въ своихъ убѣжденіяхъ, потому что они утверждаются на опорахъ твердыхъ и неколебимыхъ. Кромѣ того изъ устъ самой Истины онъ знаетъ, что относительно происхожденія добра и зла, относительно сотворенія міра. и однимъ словомъ относительно всего открыта намъ Господомъ полнѣйшая истина, собой объемлющая исторію міра отъ самаго его начала и до разрушенія. Какое дѣло ему до того, вѣроятно ли все это и до необходимости доказать все это согласно съ требованіями науки эллинской? Онъ остерегается. какъ бы не оказать имъ большаго довѣрія. чѣмъ самой Истинѣ. Языкъ Господень, неясный для другихъ, ясенъ для него. Такимъ-то способомъ и сообщено ему познаніе касательно всего. Ибо пророчества, содержащіяся въ священныхъ книгахъ нашихъ, рисуютъ будущее именно въ такихъ чертахъ, въ какихъ оно предстанетъ. Настоящее они представляютъ тоже въ такомъ видѣ, въ какомъ оно есть. Прошедшее они изображаютъ такъ. какимъ оно было. И что касается науки, ведущей свое дѣло доказательствами, то гностикъ, благодаря своему многознанію, превзойдетъ всѣхъ; по всѣмъ вопросамъ, касающимся добра и чести, пальма первенства останется за нимъ. Съ умомъ, непрестанно обращеннымъ на предметы, доступные единственно умозрѣнію, по симъ-то Божественнымъ первообразамъ (идеямъ) и судитъ онъ о всемъ касающемся человѣчества, приблизительно такъ же, какъ мореплаватели. которые, прежде чѣмъ отпустить корабль въ путь, справляются со звѣздами. Всегда онъ готовъ на всякое доброе дѣло. Онъ ставитъ себя выше превратностей, кои могутъ взволновать и смутить душу. Предстоитъ ли перенесть какую либо напасть? Не проявляетъ онъ въ предпріятіяхъ особой какой либо отваги; не позволяетъ онъ себѣ никакого движенія, которое не гармонировало бы съ нимъ самимъ или благомъ общественнымъ; онъ остороженъ и осмотрителенъ; непреклонный ни на какія удовольствія, онъ не можетъ быть соблазненъ ими ни въ бодрственномъ состояніи, ни во снѣ (*). И подлинно такъ. Привыкши къ образу жизни строгому и воздержному, онъ остается умѣреннымъ и легкимъ

(*) Заимствованіе изъ какого-то апокрифа. Срав. ниже въ гл. 12 и Стром. VII, 7, 12.

(*) Срав. Стром. VII, 12 къ концу.

на подъемъ, но съ важностью; для жизни же нуждается только въ томъ, что существенно необходимо и никогда онъ не хлопочетъ о побочномъ и прямо къ дѣлу не относящемся. Не напоминайте ему и о томъ даже, что это необходимое имѣетъ свою особенную важность; онъ принимаетъ и его въ строгой мѣрѣ, лишь въ той, какъ это неизбѣжно нужно для поддержанія этой матеріальной жизни, имъ раздѣляемой наравнѣ со всѣми остальными людьми.

10. Полезно изученіе и человѣческихъ наукъ; онѣ помогаютъ утвержденію вѣры и подготовляютъ умъ къ уразумѣнію предметовъ, входящихъ въ науку Божественную.

Итакъ дѣломъ существенно необходимымъ для гностика состоитъ познаніе. Но почтеніе, гностикомъ питаемое къ познанію самому въ себѣ, располагаетъ его въ пользу и наукъ предуготовительныхъ и обусловливающихъ оное; въ каждой изъ нихъ онъ вѣдь отыскиваетъ оружіе, содѣйствующее защитѣ истины. Музыка обусловленнымъ мѣрою ритмомъ и гармоніей своихъ аккордовъ учитъ его согласію съ самимъ собою. Ариѳметика своими восходящими и нисходящими прогрессіями чиселъ учитъ его взаимо-соотношенію ихъ и объясняетъ ему, что большая часть вещей и взаимосоотношеній ихъ подчинены числовымъ пропорціямъ(*). Углубляясь въ геометрію и постигая лишь умозрѣнію доступную ея природу(**), онъ, благодаря этому навыку въ созерцаніи, привыкаетъ къ представленію сплошнаго пространства и бытія субстанціальнаго, неизмѣннаго, отличающагося отъ предметовъ земныхъ. Астрономія возноситъ его умъ за предѣлы земли, научаетъ парить въ небесныхъ сферахъ, слѣдить за движеніями свѣтилъ небесныхъ, привыкать къ постоянному созерцанію въ умѣ Божественныхъ чудесъ и гармоніи, царящей между ними. Наблюдалъ эти чудеса Авраамъ, и возвысился до познанія своего Творца. Но гностикъ не останавливается на этомъ. Онъ изучаетъ діалектику, толкующую о понятіяхъ родовыхъ и видовыхъ и искуствѣ различать оныя. Она-то гностика научаетъ проникать въ сущность предметовъ, выдѣлять тотъ и другой изъ нихъ изъ ряда другихъ и этимъ путемъ доходить до субстанцій первоначальныхъ и простыхъ.

Есть между нами не мало людей, боящихся эллинской философіи, подобно тому какъ дѣти боятся привидѣній. «Мы боимся, чтобы она не ввела насъ въ заблужденіе», кричатъ они. Если вѣра ихъ, — я уже не осмѣливаюсь говорить объ ихъ познаніи, — въ такой степени слаба, что можетъ колебаться отъ человѣческихъ разсужденій, то не стоитъ имъ и усвоять оную себѣ; пусть слабосильные эти христіане лучше сознаются, что они никогда и не вѣрили въ истину. Еслибы они проникнуты были истиной, то не колебались бы, ибо истина неопровержима; могутъ быть опровергаемы лишь мнѣнія ложныя. Только по сравненіи хорошаго пурпура съ плохимъ мы останавливаемъ свой выборъ на первомъ. Сознаваться, что колеблешься въ своихъ убѣжденіяхъ, это значитъ въ слухъ всѣхъ объявлять, что нѣтъ у васъ ни пробирнаго камешка мѣнялы, ни критерія истины. Въ какомъ же положеніи окажется этотъ несвѣдущій въ своемъ дѣлѣ человѣкъ, когда онъ сядетъ за банкирскую конторку! Что тогда съ нимъ будетъ, если онъ не въ состояніи пробу произвесть надъ представленными ему монетами и различить монету истинную отъ поддѣльной (*)? *Праведникъ во вѣкъ не поколеблется*, восклицаетъ Давидъ (Пс. CXII, 6). Что значитъ это? А то, что отъ рѣчей лживыхъ онъ не колеблется; мимо удовольствій обманчивыхъ

(*) Въ древности было очень распространено мнѣніе, что числа не только во взаимоотношеніи вещей, но и въ событіяхъ жизни людской имѣютъ великое значеніе; отчасти такое мнѣніе существуетъ еще и понынѣ.

(**) Потому что геометрія имѣетъ дѣло съ мѣрою тѣлъ отрѣшенно отъ нихъ. Отсюда чрезъ разсмотрѣніе природы пространства, неколебимой и неизмѣнной, можно восходить къ созерцанію природы Божественной.

(*) Срав. Стром. I, 28; II, 4; VII, 17.

онъ проходитъ, не увлекаясь ими; изъ чего слѣдуетъ, что ничто его не въ состояніи отклонить отъ наслѣдія, имъ ожидаемаго. *Съ какими бы угрозами ни обращались къ нему, страху нѣтъ мѣста въ сердцѣ его* (Пс. CXII, 7). Что за дѣло ему до неосновательной клеветы и до ложной молвы о немъ! Не боится онъ хитросплетеній рѣчи лукавой; всегда онъ въ состояніи открыть ложь въ изгибахъ ея. Не постоянно ли онъ какъ самъ готовъ спросить, такъ равнымъ образомъ и отвѣчать на вопросы? Діалектика и въ правду воздымается около истиннаго гностика на манеръ вала, останавливающаго дальнѣйшее движеніе софистовъ и мѣшающаго имъ низвергнуть истину. *Сердце хвалящихся святымъ именемъ Божіимъ и ищущихъ Господа*, по словамъ пророка, *должно проникаться радостію. Просите силы у Него, и Онъ укрѣпитъ васъ. Непрестанно и во всевозможныхъ случаяхъ поставляйте себя предъ лицомъ Его* (Пс. CIV, 4). Это значитъ, что постоянно нужно искать Бога, *многократно и многообразно* (Евр. I, 1), ибо есть нѣсколько способовъ, равно ведущихъ къ познанію Бога. Гностикъ истинный вмѣсто того, чтобы многочисленныя знанія, имъ собранныя, считать за силы, непосредственно у него находящіяся въ распоряженіи, видитъ въ нихъ силы лишь воспособляющія, помогающія постиженію имъ истины чрезъ сообщеніе ему возможности различать общее отъ частнаго. Онъ знаетъ, что всѣ наши заблужденія и лживыя мнѣнія происходятъ отъ нашего неумѣнья установлять различіе между общимъ и субстанціальнымъ взаимосоотношеніемъ предметовъ и пунктами, ихъ другъ отъ друга отличающими. Позволять себѣ говорить о какомъ либо предметѣ нерѣшительно, уклончиво въ ту и другую сторону, безъ подраздѣленій и подведенія его подъ ту или иную категорію, это значитъ не понимая дѣла путать общее съ частнымъ. При такомъ безпорядочномъ движеніи впередъ по необходимости съ пути прямаго собьешься. Напротивъ при употребленіи словъ съ точнымъ различеніемъ ихъ значенія, при взаимномъ отличеніи предметовъ другъ отъ друга, вы со свѣточемъ

приступите къ изученію даже свящ. Писанія. И въ самомъ дѣлѣ необходимо съ выраженіями, имѣющими различныя значенія, соединять смыслъ одинъ опредѣленный; а также необходимо знать и тѣ многочисленныя выраженія, съ коими соединяется только одно значеніе. Этимъ обусловливается вѣрность и точность выраженій.

И все-же не стоитъ тратить свое время на разслѣдованія безплодныя. Науки человѣческія для истиннаго гностика собою представляютъ занятія лишь предуготовительныя, впрочемъ помогающія ему, насколько то возможно, не только воспарять умозрѣніемъ къ истинѣ и утверждаться на этомъ неколебимомъ основаніи, но и опровергать софизмы возражателей противъ истины. Гностикъ долженъ быть знакомъ со всѣмъ курсомъ школьныхъ наукъ и со всей эллинской мудростью. Только онъ относится къ нимъ не какъ къ имѣющимъ значеніе существенное въ себѣ; онъ видитъ въ нихъ лишь полезную принадлежность, по времени и обстоятельствамъ даже необходимую. Въ рукахъ еретиковъ науки эти служатъ средствомъ для распространенія лжи и зла; въ рукахъ же гностика онѣ служатъ орудіемъ къ укрѣпленію добра и истины. Итакъ хотя истина, содержащаяся въ эллинской философіи, и частична, тѣмъ не менѣе это все-же истина. Какъ солнце, изливая свѣтъ свой на предметы то бѣлые то темные, позволяетъ различать и тотъ и другой изъ этихъ цвѣтовъ, подобно этому и истинами, содержимыми эллинской философіей, лживые доводы софистовъ въ конецъ ниспровергаются. Итакъ Эллины имѣютъ право (словами своего поэта Пиндара) восклицать: «О истина, царица міра, мать великихъ добродѣтелей».

11. Таинственный смыслъ предметовъ, входящихъ въ Богословіе, заключенъ также въ числовыхъ или геометрическихъ пропорціяхъ и въ числовыхъ данныхъ различныхъ родовъ музыки.

Мы сослались уже на примѣръ Авраама, доведеннаго астрономіей до познанія Бога. Тотъ же праотецъ пусть еще разъ послужитъ намъ и того примѣромъ, какъ тому же содѣйствуетъ

и ариѳметика (*). При извѣстіи о взятіи въ плѣнъ Лота, патріархъ собираетъ своихъ слугъ, рожденныхъ въ домѣ его и во главѣ отряда, изъ нихъ составленнаго и простиравшагося числомъ до 318 человѣкъ, настигаетъ враговъ и значительное число ихъ разсѣеваетъ (Быт. XIV, 14 и д.). Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что числовымъ знакомъ, означающимъ число 300, служитъ буква Т, собою представляющая крестъ (**) нашего Господа; буквами іотой (ι) и этой (η), изъ коихъ первая собою знаменуетъ число десять, а вторая—восемь, обозна-

(*) Въ дальнѣйшемъ писатель слѣдовалъ говоримому св. Варнавою въ 9-й гл. его посланія. Изъ древнихъ и другіе многіе слѣдовали сей аллегоріи.

(**) Крестъ былъ несомнѣнно древнѣйшимъ изъ всѣхъ символовъ. У древнѣйшихъ египетскихъ статуй онъ уже въ рукахъ; подъ именемъ «Нильскаго ключа» въ ихъ рукахъ онъ былъ символомъ плодородія и спасенія. Онъ изображался то со всѣми четырьмя его развѣтвленіями, въ видѣ +, то съ тремя только, въ видѣ Т. Тертулліанъ въ своемъ твореніи «De oratione» говоритъ, что во всей природѣ есть нѣкоторая склонность образовывать крестъ какъ бы для того, чтобы почтить Творца или возблагодарить. Даже птицы и тѣ, распростирая свои крылья, образуютъ крестъ. Св. Іустинъ мученикъ замѣчаетъ, что нѣтъ ни одного предмета на землѣ, на коемъ не было бы напечатлѣно креста; не встрѣчается ни одного рабочаго, который не имѣлъ бы образа креста на своихъ инструментахъ; поднимая руки, человѣкъ уже собственнымъ своимъ тѣломъ изображаетъ крестъ. Обращаясь къ Государямъ, Минуцій Феликсъ восклицаетъ: «Тріумфальныя ваши колонны изображаютъ орудіе нашего спасенія, а вооруженіе, вами на нихъ вѣшаемое, есть образъ Распятаго. Даже корабль, съ надутыми парусами море переплывающій, изображаетъ собою крестъ и его на помощь призываетъ». Наконецъ блаж. Іеронимъ, въ толкованіи на евангеліе Марка, прибавляетъ, что «человѣкъ ни къ небу не можетъ обращаться съ молитвою иначе какъ въ формѣ креста, ни плыть по водѣ иначе; крестъ общая для всѣхъ движеній форма и для всего живаго; это даже самого міра видъ».

чается имя Спасителя (*). Съ точки зрѣнія спасенія, они-то конечно, т. е. имя и крестъ Христовы, и были слугами и союзниками Авраама. Потому-то безъ сомнѣнія Авраамъ со своими слугами и восторжествовалъ надъ врагомъ, плѣнившимъ Лота и надъ невѣрными народами, шедшими слѣдомъ за ними, что знаменемъ его былъ крестъ и святое имя Іисусово. Кромѣ того число 300 представляетъ собою три сотни. Но всѣми единогласно признается, что число 10 изъ чиселъ есть во всѣхъ отношеніяхъ совершеннѣйшее (**). Что касается до 8, то это—кубъ, который представляетъ собою равенство по всѣмъ направленіямъ: въ длину, ширину и высоту (***). Дни человѣка, говоритъ свящ. Писаніе, будутъ 120 лѣтъ (Быт. VI, 5). А что такое представляетъ собою число это? Сумму первыхъ пятнадцати чиселъ, сложенныхъ одно съ другимъ начиная съ единицы (****).—Полнолуніе наступаетъ въ 15-й день. Сверхъ того число 120 есть треугольное (*****) и слагается во—1-хъ изъ

Эллино-финикійская буква *тавъ* представляетъ собою также крестъ, Т, а въ качествѣ численнаго знака она означаетъ собою 300.

Въ катакомбахъ крестъ былъ изображаемъ различнымъ образомъ. Чаще всего онъ представляетъ собою видъ квадрата съ четырьмя концами; это такъ называемый греческій крестъ. Онъ въ Византійскій періодъ былъ очень распространенъ, но происходитъ изъ временъ первенствующей церкви, когда онъ былъ столько же греческимъ, сколько и римскимъ. Часто онъ изображается положеннымъ на якорь вѣры или вплетается въ монограмму Христа между альфой и омегой.

(*) Начальными буквами всесвятѣйшаго имени *Іисусъ* въ греческомъ языкѣ служатъ «іота» и «эта» (Ιη).—

(**) Срав. Стром. II, 11. Тоже Филонъ.

(***) Срав. Стром. VI, 18. И это говорится писателемъ въ соотвѣтствіе Филону.

(****) А также 120 представляетъ изъ себя восемью пятнадцать.

(*****) Пожелавъ нарисовать уголъ, греческіе математики замѣтили, что представляется такой со-

четнаго ряда (*) чиселъ (изъ нечетнаго ряда четнаго числа чиселъ), заключающагося въ 64: 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, частичное сложеніе которыхъ (начиная съ единицы) даетъ квадраты чиселъ, кои показываютъ счетъ ихъ (**). Во 2-хъ оно состоитъ изъ ряда нечетныхъ чиселъ (изъ четнаго ряда нечетнаго числа чиселъ), составляющаго 56, а именно изъ семи четныхъ чиселъ, начиная съ двухъ: 2, 4, 6, 8, 10, 12, 14, частичное сложеніе которыхъ производитъ собой неравенство сторонъ (*) Разсматриваемое съ другой точки зрѣнія, число 120 состоитъ изъ четырехъ чиселъ: одного треугольнаго, а именно 15; — другаго — квадратнаго, а именно 25; — третьяго — пятиугольнаго (**), а именно 35; — четвертаго — шестиугольнаго (***), а именно 45. Въ самомъ дѣлѣ 5 представляетъ собою основаніе этихъ четырехъ многоугольныхъ чиселъ. Если начать счетъ съ единицы, то 15 есть число пятое треугольное, изъ 3 сторонъ состоящее; 25 — пятое квадратное и т. д. А 25, представляющее собою пятое квадратное число, считая съ единицы чрезъ 5, есть — говорятъ — символъ колѣна Левиина. Число 35 воспроизводится сложеніемъ ариѳметической, геометрической и гармонической фигуры, послѣднимъ членомъ которой состоитъ удвоенный первый: 6, 8, 9, 12. Спросите Евреевъ и они скажутъ вамъ, что дитя, родившееся послѣ 7 мѣсяцевъ, образовывается въ теченіе 35 дней. Что касается числа 45, то оно получается изъ фигуры 6, 9, 12, 18, гдѣ послѣдній членъ есть утроенный первый. Именно въ такое-то число дней образуется дитя, рождающееся чрезъ девять мѣсяцевъ (****).

гнутымъ колѣномъ; слово, обозначающее собой колѣно, γόνυ, посему послужило для обозначенія и угла, γώνη. Число называется треугольнымъ, если единицы его могутъ быть расположены въ формѣ треугольниковъ, гдѣ стороны и *углы равны*, какъ напр. 1, 3, 6, 10, 15, 21 и т. д. Но какимъ образомъ число 120 треугольное, когда состоитъ только изъ двухъ частей? Это получается такъ. Изъ двухъ частей тѣхъ 64 и 56 одна дѣлится на 8, другая же на 7; но 8 и 7 суть 15, а это число уже треугольное, какъ немного выше о семъ говорится.

(*) Хотя числа, входящія въ сумму, составляющую изъ себя 64, и суть нечетныя, но всего ихъ число четное, 8. — Число же 56 нечетное, потому что состоитъ изъ ряда чиселъ, счетомъ 7. Но такъ какъ 120 состоитъ изъ этихъ 7 и 8 меньшихъ чиселъ, то о немъ и говорится, что оно слагается изъ числа 15. Первыя 8 начинаются съ единицы и слѣдуютъ впередъ чрезъ нечетныя, 3, 5, и т. д. Послѣднія же 7 начинаются съ 2 и идутъ впередъ четными числами, 4, 6 и т. д.

(**) Такъ какъ повтореніе двухъ квадратовъ даетъ 4 стороны. — Послѣдующія же 7 чиселъ уже неравносторонни; такъ какъ число 7 нечетное, то и не выходитъ одна изъ сторонъ равною. Какъ сложеніе чиселъ натуральныхъ даетъ собою рядъ треугольныхъ, подобно этому и сложеніе чиселъ нечетныхъ — 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 17, 19 и т. д. производитъ через сложеніе прогрессію: 1, 7, 9, 16, 25, 36, 49, 64, 81, 100 и т. д. Эти числа представляютъ собою рядъ чиселъ квадратныхъ и образуютъ второй рядъ многоугольныхъ. Ихъ называютъ многоугольными или квадратными потому, что единицы ихъ всегда могутъ быть расположены въ формѣ квадрата, какъ это очевидно изъ фигуръ, приложимыхъ къ 1, 7, 9, 16, 25, 36 и т. д.

(*) Потому что превращены будучи въ квадраты, они дали бы стороны длины неравной: 3+4, 5+6 и т. д.

(**) Число называется пятиугольнымъ, когда расположеніемъ своихъ единицъ оно образуетъ правильныя пятистороннія фигуры: 1, 5, 12, 22, 24, 51 и т. д. Это 3-й видъ многоугольныхъ чиселъ.

(***) Число называется шестиугольнымъ, когда оно расположеніемъ своихъ единицъ образуетъ правильныя шестистороннія фигуры: 1, 6, 15, 28, 45, 66 и т. д. Тоже самое должно быть замѣчено относительно семи, — восьми — и девяти угольныхъ чиселъ. —

(****) Безъ сомнѣнія это было народнымъ преданіемъ у Евреевъ; въ священномъ же Писаніи мы

Вотъ примѣры, доказывающіе пользу ариѳметики. Устройствомъ же скиніи и ковчега завѣта доказываются достоинства геометріи. Ковчегъ и скинія были устроены по плану, сообщенному самимъ Богомъ, соотвѣтственно совершеннѣйшей аналогіи и со вложеніемъ въ устройство дара такого разумѣнія, что оно вело отъ предметовъ чувственныхъ къ міру невидимому или—лучше сказать—выводящему насъ отсюда въ святилище и святая святыхъ. Обтесанныя бревна также свидѣтельствуютъ, что четыреугольная форма проникла повсюду, произведя своими прямыми углами прочность и стойкость. И была длина зданія 300 локтей, ширина 50, а вышина 30 локтей, а верхъ заканчивался угольникомъ (Быт. VI, 14—16). Возвышаясь на широкомъ основаніи, постепенно заостряясь подобно пирамидѣ, своею формою кивотъ символически знаменовалъ мѣсто, гдѣ испытуютъ и очищаютъ пламенемъ. Эти геометрическія пропорціи предлагаются намъ въ нѣкоторомъ смыслѣ въ качествѣ введенія въ пониманіе жилища святыхъ. Различія, ихъ отдѣляющія, указаны различіями, отдѣляющими помянутыя числа. Числа эти по этому способу расположенныя, разлагаются или на 6 частей: 300 есть произведеніе 6-ти на 50; или на десять частей: 300 также есть произведеніе 10 на 30; или же на двѣ неравныя части: 50 есть сумма 20-ти и 30-ти.—Нѣкоторые въ 300 локтяхъ предпочитаютъ видѣть символъ креста Господня (*); 50-тью же локтями, по ихъ взгляду, означены надежда и отпущеніе грѣховъ, дарованныя намъ въ Пятьдесятницу. Тридцатью локтями означена проповѣдь Евангелія, ибо Господь началъ оное проповѣдывать на 30-мъ году жизни. По мнѣнію же другихъ преимущество этого символа опять-таки принадлежитъ числу 12, ибо таково было число Апостоловъ. Зданіе,—добавляютъ,—заканчивалось угломъ, чтобы показать, что совершенства праведника, восходя со ступени на ступень, достигаютъ единства вѣры (Еф. IV, 13). Столъ, стоявшій въ храмѣ, имѣлъ 6 локтей, а четыре ножки его по полтора локтя каждая (Исх. XXV, 23). Соединеніемъ этихъ 12-ти локтей означены были 12 мѣсяцевъ, совершающихъ свой оборотъ въ теченіе года, за какое время и земля, благодаря четыремъ различнымъ временамъ года, производитъ и доводитъ до зрѣлости зародыши всѣхъ своихъ произведеній. Столъ, по моему мнѣнію, служилъ образомъ земли, которая опирается также на четыре ноги: на лѣто, осень, весну и зиму; на сихъ то четырехъ ногахъ и годъ ходитъ. Свящ. Писаніе говоритъ, что у стола край былъ волнистый. Можетъ быть это для обозначенія было сдѣлано, что все катится, уносимое движеніемъ времени; или можетъ быть, это было образомъ земли, которая со всѣхъ сторонъ дѣйствительно окружена волнами океана.

Чтобы убѣдиться въ пользѣ музыки, сошлемся на свидѣтельство Давида, пѣвца Божественнаго и вдохновеннаго пророка, воспѣвавшаго хвалу Богу въ гимнахъ мѣрныхъ. Характеристической особенностью дорической музыки состоитъ гармонія, фригійской—діатоніумъ, т. е., по словамъ Аристоксена, простота и легкость. А такъ какъ звуки варварскаго инструмента псалтири, коими выражается преобладающимъ образомъ мелодія серьезная и величавая, суть древнѣйшіе изъ всѣхъ, то безъ сомнѣнія они-то навели Терпандра на путь дорическаго способа музыки и внушили ему слѣдующій гимнъ Зевсу, начинающійся такъ:

Зевсъ, начало и глава всѣхъ вещей,
Тебѣ я посвящаю начало сихъ моихъ гимновъ.

Арфа употреблена псалмопѣвцемъ аллегорически, чтобы съ одной стороны назвать Господа, а съ другой вѣрующихъ. Души людскія какъ бы струны подъ руководствомъ Господа ими бываютъ возбуждаемы. Служа образомъ избран-

---

не находимъ ничего подобнаго. Но нельзя этого сказать о Гиппократѣ, у котораго сдѣланъ тотъ же самый расчетъ, Ендіусомъ воспроизведенный въ такихъ двухъ стихахъ:

Lex in lacte dies, tres sunt in sangvine terni,
Bisseni carnem, tu seni membra figurant.

(*) Потому что буквою Т у Грековъ означалось число 300.

ныхъ (*), дѣйствующихъ по внушенію Логоса, арфа можетъ собою означать еще восхваляющихъ Бога, просвѣщенныхъ познаніемъ и подъ вліяніемъ Логоса заставляющихъ звучать струны вѣры своей. Въ гармоническихъ музыкальныхъ сочетаніяхъ вы откроете также и ту гармонію, сѣдалищемъ которой состоитъ церковь; я говорю о гармоніи, которая царитъ въ законѣ, пророкахъ, апостолахъ и евангеліи и объединяетъ ихъ въ одно цѣлое. Въ качествѣ послѣдняго символа вы найдете въ сей гармоніи чудное единогласіе пророчествъ, ибо вдохновеніе переходитъ съ одного пророка на другаго. Внесшіе же свое имя въ число воиновъ Христовыхъ уподобляются по большей части спутникамъ Одиссея (Одис. XII. 155), ибо они къ подножію ученія Христова приносятъ только грубыя идеи. Взгляните на нихъ! Не отъ сиренъ они убѣгаютъ, но избѣгаютъ мѣры и мелодіи, упорно отъ нея затыкая себѣ уши. Еслибы они разъ открыли ихъ для ученій хотя эллинскихъ, то—они отлично знаютъ это—не могли бы вернуться назадъ. Но катехетъ, собирающій все, что можетъ быть полезно оглашеннымъ, особенно изъ Эллиновъ,—ибо *Господу принадлежитъ земля и все живущее на ней* (1 Кор. X, 26),—не долженъ подобно какому-то неразумному животному сторониться отъ изученія науки. Напротивъ онъ долженъ укрѣплять своихъ слушателей всѣми средствами, какими только располагаетъ. Впрочемъ на этихъ ученіяхъ онъ остановится только на нѣкоторое опредѣленное время, какое необходимо для извлеченія изъ нихъ всего полезнаго. Затѣмъ, обогатившись этими свидѣтельствами, онъ можетъ вернуться и къ домашнему очагу, т. е. къ мудрости истинной, сему несокрушимому оплоту, за коимъ душа уже въ безопасности. Значитъ изучать музыку слѣдуетъ; она украшаетъ собой и смягчаетъ характеръ. Поэтому-то во время христіанскихъ трапезъ мы взаимно и возбуждаемъ себя къ пѣнію, передавая изъ рукъ въ руки пиршественную чашу (**), погашая такимъ образомъ чрезъ вліяніе музыки пожеланія и въ тоже самое время восхваляя Бога за изобиліе даровъ, коими Онъ надѣляетъ насъ и за пищу, непрестанно Имъ доставляемую намъ для поддержанія двоякой въ насъ жизни: тѣлесной и душевной. Но прочь отъ насъ музыка разслабляющая, возбуждающая въ душѣ разнообразныя ощущенія: то грустныя и склоняющія къ задумчивости, то непристойныя и чувственность возбуждающія, то неистовыя и сумазбродныя!

(*) Срав. «Увѣщ.» въ гл. 1-й.

(**) Срав. Педаг. II, 4.

И астрономія приноситъ намъ свою пользу. Съ одной стороны знакомя насъ съ небесными явленіями, излагая ученіе о формѣ земли, о вселенной, объ обращеніи неба, о движеніи свѣтилъ, она возноситъ разумъ нашъ къ подножію Творческой силы; съ другой стороны она учитъ насъ безъ труда различать возвратъ временъ года, перемѣны въ температурѣ, восходъ и закатъ свѣтилъ. Она также въ высшей степени полезна при мореплаваніи и земледѣліи, подобно тому какъ архитектура пользуется геометріей для сооруженія своихъ памятниковъ и зданій.

Эта послѣдняя наука чрезвычайно обостряетъ душевныя способности. Она дѣлаетъ душу наиболѣе воспріимчивою къ пониманію; наиболѣе способною различать истину, опровергать ложь и открывать соотношенія между омологіей и аналогіей. Благодаря именно архитектурѣ мы уловляемъ сходство и различіе; благодаря именно ея помощи мы можемъ находить длину безъ ширины,—поверхность, не имѣющую глубины,—точку не подлежащую дѣлимости и не имѣющую протяженности; наконецъ это она отъ предметовъ чувственныхъ насъ возвышаетъ къ вещамъ, лишь умомъ постигаемымъ.

Итакъ всѣ остальныя науки помогаютъ мудрости; сама же философія состоитъ помощницей въ отысканіи истины. Всмотритесь въ этотъ плащъ. Сначала онъ былъ не инымъ чѣмъ какъ шерстью; за тѣмъ шерсть была разбита рукою шерстобита и чесальщика; далѣе изъ нея образованъ утокъ, потомъ основа, а за тѣмъ уже и матерія. Прежде чѣмъ достигнуть совершенства, душѣ также надлежитъ пройти

чрезъ предуготовительныя упражненія и претерпѣть нѣсколько испытаній. Потому что истина слагается изъ двухъ элементовъ: изъ познанія и изъ дѣлъ; дѣла же проистекаютъ изъ созерцанія и требуютъ усилій, настойчивой борьбы и большой опытности. Кромѣ того созерцаніемъ постигаются два предмета: ближній и мы сами; отсюда слѣдуетъ заключеніе о необходимости учености, приспособленной къ двоякой сей цѣли. Тому, кто достаточно знакомъ съ науками предуготовительными, ведущими къ познанію, можно оставаться покойнымъ, согласуя свои дѣла какъ съ нормой съ правилами, открываемыми созерцаніемъ. Имѣете ли вы намѣреніе поучать вашихъ братьевъ писаніями (*) или же вы работаете надъ ихъ наученіемъ чрезъ устное преподаваніе: свѣтскія науки въ обоихъ этихъ случаяхъ вамъ будутъ полезны, а знаніе свящ. Писанія необходимо для заимствованія изъ него доказательствъ, особенно если ваши ученики происходятъ изъ школъ эллинскихъ. Псалмопѣвецъ въ такихъ чертахъ изображаетъ церковь: *Предстала Царица одесную Тебе въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна преиспещренна* (Пс. XLIV, 10). И въ другомъ мѣстѣ: *Рясны* (бахрамой) *златыми одѣяна* (окаймлена) *и преиспещренна* (ст. 14). Что иное могло быть означено этимъ какъ не то, что церковь полна чадъ, доставляемыхъ Элладой и иными странами? *Только при посредствѣ Господнемъ познается истина. Какой человѣкъ, о Боже мой, можетъ проникнуть въ намѣренія Твои, если Ты самъ не одаришь его мудростію, если съ высоты небесной не пошлешь ему Пресвятаго Твоего Духа? Такимъ образомъ пути человѣческіе выпрямляются; уставы Твои возвѣщаются землѣ и народы ставятся мудростію Твоею на путь спасительный* (Прем. VII, 17, 18). Чрезъ изученіе священныхъ книгъ гностикъ дѣйствительно познаетъ древнее, разсчитываетъ будущее, различаетъ тонкость рѣчей, проникаетъ въ смыслъ загадочныхъ словъ, предвидитъ знаменія, чудеса и ходъ событій, какъ мы уже сказали о семъ выше (*). Мудрость, какъ видите, есть источникъ, изъ котораго проистекаютъ всѣ науки.

Но нѣкоторые изъ вѣрныхъ восклицаютъ: «На что же знать то напримѣръ, почему и какъ солнце равно какъ и другія свѣтила совершаютъ свои движенія? Какое дѣло намъ до геометрическихъ теоремъ, діалектическихъ доказательствъ и умозрѣній, входящихъ въ другія науки? Изъ нихъ вѣдь не научишься исполненію обязанностей! Что такое вся эллинская мудрость, какъ не дочь разума человѣческаго, неспособная научить насъ истинѣ»?

Отвѣчаю: «Первѣе всего вы тутъ впадаете въ заблужденіе касательно одного важнаго пункта, а именно относительно добраго рѣшенія свободной воли. *Тѣ, которые свято сохранятъ святое*, говоритъ Премудрость, *будутъ оправданы; а кто сему научится, тотъ съумѣетъ отвѣчать* (Прем. VI, 10). И дѣйствительно такъ. Совершенно естественно, что только одинъ гностикъ можетъ свято исполнять свой долгъ. Въ школѣ Господней онъ дозналъ, что слѣдуетъ дѣлать, хотя ученіе это и сообщено ему устами человѣческими. Вслушаемся далѣе въ священныя изреченія. *Мы всѣ въ десницѣ Его*, т. е. подлежимъ дѣйствію Его всемогущества и премудрости; *и слова наши, и всякое разумѣніе, и искуство дѣлъ* (Прем. VII, 16). *Ибо Богъ никого такъ не любитъ, какъ живущаго премудростію* (Прем. VII, 28). Возражатели тѣ кромѣ того своимъ возраженіемъ лишь то доказываютъ, что не читали говоримаго на сей счетъ Соломономъ. Вотъ что пишетъ онъ о кораблѣ: *Искуствомъ мастера онъ выстроенъ; управляетъ же имъ Провидѣніе Твое, Господи* (Прем. XIV, 2, 3). Итакъ я спрашиваю возражателей: «Не дико ли философію ставить ниже искуства плотничьяго или кораблестроительнаго»?

Слыша, что двумя рыбами и пятью ячменными хлѣбами Господь въ виду Тиверіадскаго озера насытилъ сидѣвшую на травѣ толпу (Іоан. VI, 11), я думаю, что Онъ указы-

(*) Срав. Стром. I, 1.

(*) Стром. VI, 8.

валъ этимъ на ветхозавѣтное ученіе, равно подготовлявшее къ принятію христіанства какъ Эллиновъ такъ и Евреевъ. Какъ подъ вліяніемъ лѣтняго тепла ячмень развивается и спѣетъ раньше пшеницы: подобно этому и посредствовавшаяся закономъ духовная пища предшествовала вкушенію отъ Божественной пшеницы. Эллинская же мудрость, родившаяся и возращенная при водахъ язычества, была изображена рыбами, которыя будучи раздѣлены между толпою, еще сидѣвшею на землѣ, напитали ее досыта; но отъ рыбъ сихъ не осталось ни куска, какъ остались крошки отъ хлѣба (*). Но такъ какъ это множество народа было благословлено Господомъ, то чрезъ Божественное дуновеніе ему была сообщена свыше сила Логосова, Духъ Святый, способность къ пробужденію въ себѣ высшихъ добродѣтелей; опущено зерно безсмертія, а чрезъ оное силою Всесвятаго Духа и воскресеніе въ будущемъ изъ мертвыхъ. Быть можетъ вамъ любопытно получить и другія разъясненія? Одной изъ рыбъ могли быть обозначены науки, входящія въ курсъ обученія юношества; другой—философія, служащая ступенью къ истинѣ; собранные же куски хлѣба будутъ означать ученіе самого Господа, собранное изъ словъ Его.

И нѣмыя рыбы бросились толпою,

говоритъ въ одномъ мѣстѣ трагическая муза. Мнѣ слѣдуетъ *малитися*, говоритъ пророкъ Іоаннъ, *расти* же одному Логосу Господню, состоящему цѣлію закона (Іоан. III, 30). Услышьте и поймите тайну истины и покройте прощеніемъ, если въ разсмотрѣніи ея я побоюсь итти далѣе и ограничусь провозглашеніемъ лишь такого свидѣтельства: *Все чрезъ Него произошло и безъ Него не произошло ничего* (Іоан. I, 3). Вотъ почему Апостолъ называетъ Его *краеугольнымъ камнемъ. Зданіе, на Немъ основанное*, добавляетъ онъ, *возвышается и возрастаетъ въ святой храмъ Господень* (Еф. II, 20, 21). Оставимъ доколѣ въ сторонѣ евангельскую притчу, гдѣ говорится: *Подобно царство небесное человѣку, забросившему свои сѣти въ море, и потомъ изъ множества имъ пойманныхъ рыбъ выбирающему лучшихъ* (Мѳ. XIII, 47, 48). Но уже и книга Премудрости, находящаяся въ рукахъ нашихъ, въ выраженіяхъ весьма ясныхъ объявляетъ, что есть четыре главныхъ добродѣтели (*), началъ коихъ нужно искать у Евреевъ, откуда они уже достигли и Эллиновъ. А впрочемъ вотъ и самыя слова ея текста: *Кто любитъ праведность, труды того сказываются добродѣтелями, ибо умѣренность и благоразуміе учатъ праведности и мужеству, полезнѣе коихъ ничего нѣтъ въ жизни человѣка* (Прем. VII, 8). Какой же выводъ сдѣлать изо всего предшествующаго? Людямъ свойственна добродѣтель отнюдь не въ силу преимущества рожденія: всѣ мы равно приносимъ съ собой на свѣтъ расположеніе къ добродѣтели и способны пріобрѣтать ее (**).

12. Совершенство достижимо всѣми людьми безъ различія; однакоже сей цѣли дѣйствительно достигаетъ только мудрецъ.

Итакъ къ добродѣтели способны одинаково всѣ люди. Отсюда сама собою открывается неосновательность возраженія, съ коимъ обращается къ намъ ересь: «Адамъ былъ сотворенъ совершеннымъ или несовершеннымъ? Если несовершеннымъ, то какъ же твореніе совершеннаго Бога было несовершеннымъ? И особенно какъ это такимъ несовершеннымъ дѣломъ оказался человѣкъ, (высшее изъ твореній)? Если же скажутъ, что человѣкъ созданъ совершеннымъ, то какъ же это онъ нарушилъ заповѣди»? На это мы отвѣчаемъ еретикамъ: Прирождена была Адаму лишь потенціальная способность быть совершеннымъ, а не самая добродѣтель; ибо иное дѣло обладаніе добродѣтелью и иное дѣло возможность ее пріобрѣтать. Божія же воля была такова, чтобы мы

(*) У Евангелиста Іоанна (VI, 13) объ остаткахъ рыбъ конечно не говорится, но у Мк. (VI 43) говорится.

(*) Т. е. благоразуміе, мужество, справедливость, умѣренность.

(**) Подобное Аристотель въ Ѳѳикѣ къ Никомаху II, 7.

лично состояли дѣятелями своего спасенія. Душѣ нашей по самой ея природѣ свойственно стремленіе впередъ. Далѣе, такъ какъ мы одарены разумомъ, а философія именно на оный-то и опирается, то съ ней уже по самой природѣ своей мы значитъ состоимъ въ отношеніяхъ нѣкоторымъ образомъ родственныхъ. Но не будемъ обманываться: способность къ добродѣтели есть только склонность, стремленіе къ ней, а не самая добродѣтель. Всѣ люди, повторяю, рождаются съ расположеніемъ къ добродѣтели; но способностью ею проникаться, но воспитанными въ ней, на дѣлѣ ею облеченными люди оказываются въ очень различной степени. Отсюда нѣкоторые достигаютъ совершенства въ добродѣтели, другіе же только нѣкоторыхъ ступеней ея. Одни уже отъ природы родятся со способностями наиболѣе счастливыми; но такъ какъ сами по себѣ они небрежны, то беззаботность ихъ увлекаетъ на пути ложные. Тѣмъ болѣе познаніе, превосходящее всѣ другіе навыки сравнительными величіемъ и истинностью, завоевывать трудно и дѣло это требуетъ работъ долгихъ и суровыхъ. *Но они*, какъ оказывается, *не познали таинъ Божіихъ; не знали они, что Богъ создалъ человѣка на безсмертіе и что Онъ сотворилъ его по образу собственнаго существа своего* (Прем. V, 22, 23). При посредствѣ этого-то уподобленія Всевѣдущему, вѣрный (гностикъ), располагая познаніемъ, будучи облеченъ праведностью и святостью, стремится согласно съ указаніями разума достигать возраста человѣка совершеннаго (Еф. IV, 13). Дѣйствія мысли, рѣчи, въ истинномъ гностикѣ все чисто, какъ подтверждается это и слѣдующимъ изреченіемъ псалмопѣвца: *Ты испыталъ сердце мое*, говоритъ онъ, *и посѣтилъ меня ночью Ты заставлялъ меня пройти чрезъ огонь скорбей, и неправедности во мнѣ не нашелъ. Да не заняты будутъ уста мои истолкованіемъ дѣлъ людскихъ* (Пс. XVI. 3, 4). Но что я говорю: *дѣлъ людскихъ*? Гностикъ знаетъ самый грѣхъ. но не на пути раскаянія, какъ свойственно это простымъ христіанамъ; но онъ знакомъ съ самою сущностію грѣха и осуждаетъ не тотъ или иной грѣхъ, а грѣхъ вообще. Что за грѣхъ содѣланъ тѣмъ или другимъ лицомъ, этого онъ незнаетъ; но ему то хорошо извѣстно, что совершать его не слѣдовало. Итакъ есть значитъ два вида раскаянія: обыкновенное, происходящее вслѣдствіе грѣха, и другое болѣе возвышенное, когда человѣкъ, разъ узнавши сущность грѣха, отказывается отъ него; откуда съ естественностію слѣдуетъ, что онъ болѣе и не грѣшитъ.

Пусть не говорятъ мнѣ, что человѣкъ запятнанный неправдами и грѣхами, грѣшитъ подъ вліяніемъ демона. При подобномъ разсужденіи онъ не былъ бы виновнымъ. Но грѣшникъ, чрезъ нарушеніе закона выбирая то, что выбрали и демоны. неустойчивый и суетный какъ они, самъ превращается нѣкоторымъ образомъ въ демона. Итакъ человѣкъ злой, дѣлаясь по естественной своей злости грѣшникомъ. самъ себя дѣлаетъ порочнымъ чрезъ обладаніе тѣмъ, что выбралъ свободно. По причинѣ внутренней его склонности ко грѣху, этотъ изъ души переходитъ въ дѣйствія; тогда какъ добрый человѣкъ всегда и дѣйствуетъ честно.

Это-то и заставляетъ насъ считать благомъ не только дѣла добрыя, но и просто честныя. Мы различаемъ два рода благъ. Одни желательны сами по себѣ; таково напр. познаніе. Дѣйствительно, какъ скоро разъ мы овладѣли имъ, то чего еще просить намъ кромѣ какъ того развѣ, чтобы владѣть имъ навсегда? Не его ли слѣдуетъ поставлять цѣлью всѣхъ усилій; не ею ли они должны быть движимы; такъ что наконецъ созерцаніе не постояннымъ ли должно стать нашимъ состояніемъ? Другія же изъ благъ насъ располагаютъ къ себѣ послѣдствіями, какія они влекутъ за собой Такова напр. вѣра, спасающая насъ отъ мукъ и обѣщающая намъ воздаяніе. Страхъ дѣйствительно есть узда, многихъ изъ людей удерживающая отъ грѣха уже на склонѣ къ нему; а обѣтованіемъ порождается послушаніе, ведущее ко спасенію. Итакъ познаніе есть совершеннѣйшее изъ благъ, потому что оно изъ за самого его желательно: а слѣдовательно и дѣла, по познанію совершаемыя, суть совершеннѣй-

нія. Наказаніе, налагаемое на грѣшника, его улучшаетъ и исправляетъ; для остальныхъ же людей, болѣе дальнозоркихъ, наказаніе служитъ примѣромъ, который какъ бы такъ взываетъ къ нимъ: «Остерегайтесь впадать въ тѣ же грѣхи».

Будемъ же трудиться надъ пріобрѣтеніемъ познанія, водясь въ пріобрѣтеніи онаго не надеждою на доставляемыя имъ блага, а съ единственною цѣлью владѣть имъ изъ за него самого. Первымъ изъ его плодовъ оказывается познаніе гностика, откуда возникаютъ для него наслажденія самыя чистыя, восторги въ настоящемъ, равно какъ и въ будущемъ. А восторгъ опредѣляютъ такъ, что это де есть радость, происшедшая изъ размышленія объ истинной добродѣтели, отъ увлеченія которой душа расцвѣтаетъ и расширяется. Дѣла, въ коихъ участвуетъ познаніе, суть дѣянія добрыя и прекрасныя, ибо истинное богатство состоитъ въ обиліи добродѣтельныхъ дѣйствій; ровно какъ и истинная бѣдность состоитъ въ скудости честныхъ желаній, ибо употребленіе вещей необходимыхъ и ими пользованіе, невинное по свойству своему, начинаетъ вредить только количествомъ, когда переходитъ мѣру. Вотъ почему гностикъ, со всей внимательностію ограничивающій свои желанія касательно обладанія и употребленія, никогда не заходитъ за границы необходимаго. Считая жизнь сію необходимой для умноженія своихъ познаній и для достиженія высоты познанія, онъ придаетъ важнѣйшее значеніе «не жизни вообще, а жизни добродѣтельной» (*). Ни своихъ дѣтей, ни супруги, ни родителей онъ не ставитъ выше любви къ Богу, а также и праведности сей жизни. Послѣ того какъ жена его дастъ ему дѣтей, она въ глазахъ его становится не болѣе какъ сестрой (**), происшедшей отъ одного съ нимъ Отца; но сама она вспоминаетъ о мужѣ только при видѣ своихъ дѣтей. Потому что она и въ самомъ дѣлѣ будетъ нѣкогда его сестрою, когда сброситъ съ себя тѣлесную эту оболочку, еще различающую ихъ по полу и препятствующую имъ слиться во едино въ познаніи, которое свойственно людямъ духовнымъ. Души, разсматриваемыя сами въ себѣ, всѣ походятъ другъ на друга: онѣ не принадлежатъ ни къ мужескому полу ни къ женскому (Гал. III, 28; Лк. XX, 35); потому-то онѣ ни женятся, ни за мужъ не выходятъ. Позвольте мнѣ спросить васъ: Женщина, не отличающаяся ничѣмъ свойственнымъ ея полу, спокойно—рѣшительная и подобно мужу усовершившаяся во благѣ. развѣ не превращается въ мущину? Таковъ былъ смѣхъ Сарры, когда ей было возвѣщено объ имѣюшемъ послѣдовать отъ нея рожденіи сына. Не потому, какъ я полагаю, засмѣялась она, что находила невѣроятнымъ обѣщаніе Ангела, а потому, что стыдилась новыхъ супружескихъ отношеній, кои должны были ее сдѣлать матерью сына. А позже (*), когда Авраамъ призванъ былъ (**) предъ египетскаго фараона для оправданія своего образа дѣйствій по отношенію къ Сарѣ, красота которой обратила на себя вниманіе фараона, то развѣ Аврамъ не называетъ ее сестрою, рожденною хотя и не отъ той же матери, за то отъ того же отца (Быт. XX. 12)?

Раскаивающимся во грѣхахъ и не имѣвшимъ твердой вѣры Богъ даруетъ просимое по молитвамъ къ Нему; для тѣхъ же, кои живутъ законосообразно и по внушеніямъ своего познанія, достаточно одного желанія, исполня-

(*) Выраженіе Сократа въ Платоновомъ «Критонѣ».

(**) Такъ и въ «Стром.» III, 6.—Срав. «Пастырь» Эрмы I, вид. 2, гл. 2; III, 9, гл. 11.—

(*) И Библія, и здравый смыслъ помѣщаютъ событіе это ранѣе плодовитости Сары.

(**) Ἐκινδύνευε. Глаголъ этотъ означаетъ не только подвергаться опасности, но и быть приведеннымъ на судъ. Библія доказываетъ, что Аврамъ никакой опасности со старины Авимелеха не подвергался, но что онъ былъ призванъ передъ него, чтобы дать отчетъ въ побужденіяхъ заставлявшихъ его таить истинную сзязь, соединявшую его съ Сарою.

емаго тотчасъ же по его образованіи. Взгляните на Анну (1 Царствъ I, 13)! Она желаетъ сына; и тотчасъ даруется ей зачатіе Самуила. «Проси, говоритъ Писаніе; и Я сдѣлаю; лишь пожелай въ умѣ твоемъ, и Я исполню» (*). Наши преданія и въ самомъ дѣлѣ говорятъ намъ, что Богъ вѣдаетъ глубины сердецъ (Дѣян. I, 24; XV, 8). Но Онъ не нуждается, подобно людямъ, въ нѣкоемъ душевномъ движеніи, чтобы постигнуть тайны кого либо изъ насъ;—ни въ событіи какомъ либо, которое раскрыло бы ихъ Ему; смѣшно даже и думать такъ. Когда Богъ, создавъ свѣтъ, созерцаетъ его, и потомъ говоритъ, что онъ хорошъ (Быт. I, 3, 4), то нисколько Онъ не уподобляется архитектору, одобряющему оконченное зданіе. И прежде чѣмъ произвесть свѣтъ изъ ничего, Богъ зналъ уже, чѣмъ станетъ свѣтъ и уже одобрилъ въ своей мысли то, что по сотвореніи оказалось добрымъ, такъ что всемогуществомъ Божіимъ, въ предвѣчности совѣта Его, было сотворено благо, которое впослѣдствіи было осуществлено въ качествѣ будущаго блага. Такимъ-то образомъ, скрывая истину подъ фигурою, которая называется гиперболой, Онъ по предвѣдѣнію хвалитъ будущее благо. Итакъ истинный гностикъ молится даже мысленно, во всякое время дня, ибо любовь связываетъ его съ Богомъ союзомъ тѣснѣйшимъ. Проситъ же онъ прежде всего отпущенія грѣховъ; проситъ далѣе, чтобъ не грѣшить; въ третьихъ дѣлать добро; и наконецъ разумѣть Божіи дѣла въ твореніи вмѣстѣ съ законами, кои симъ управляютъ, дабы съ сердцемъ, очищеннымъ чрезъ познаніе (Мѳ. V, 8), исходящее отъ Сына Божія, быть ему допущеннымъ до созерцанія лицемъ къ лицу столь осчастливливающаго насъ зрѣлища (1 Кор. XIII, 12) за то, что соблюдалъ заповѣдь Писанія: «Хорошъ постъ, если онъ соединенъ съ молитвою». А поститься, это не иное что значитъ, какъ воздерживаться отъ всякаго вообще зла, будетъ ли оно состоять въ дѣлѣ, въ словѣ или даже

(*) Тоже изреченіе выше въ гл. 9. и Стром. VII, 7, 12.

въ мысли. Итакъ праведность есть цѣлое во всей его полнотѣ (*); всѣ части его, сходныя между собою, точно одна другой соотвѣтствуютъ. Слова, дѣйствія, воздержаніе отъ зла, добрыя дѣла, совершенное познаніе, ничто изъ этого у мудреца истиннаго не хромлетъ; ничего въ немъ нѣтъ, что собою оскорбляло бы равенство и прямоту. Итакъ поколику кто праведенъ, потолику по необходимости онъ и вѣренъ; но если кто либо вѣренъ, отсюда еще не слѣдуетъ, что онъ и праведенъ. Я говорю здѣсь о праведности прогрессивной и совершенной, по коей имя гностика отождествляется съ именемъ праведника. Такимъ-то образомъ *вѣра Авраама была ему вмѣнена въ праведность* (Быт. XV, 6; Рим. IV, 3), ибо онъ возвысился до нѣкіихъ вещей болѣе великихъ и совершенныхъ, чѣмъ вѣра. Не сдѣлаешься праведнымъ единственно чрезъ воздержаніе отъ дурныхъ дѣлъ. Слѣдуетъ для сего еще добро творить и знать, почему необходимо не позволять себѣ того-то и того-то и почему необходимо дѣлать то-то. Праведникъ, по словамъ Апостола, пріобрѣтаетъ высшее наслѣдіе *оружіемъ праведности какъ въ правой рукѣ такъ и въ лѣвой* (2 Кор. VI, 7). Однимъ онъ защищается, другимъ нападаетъ, ибо одного оружія оборонительнаго и воздержанія отъ грѣха недостаточно для совершенства, если не присоединить къ нимъ цѣль праведности и доброй дѣятельности. Только тогда, защищенный со всѣхъ сторонъ и достигнувъ высоты познанія, праведникъ открывается весь и *лице* души его сіяетъ тою же славою, какъ и лице

(*) Праведность квадратна, говорится въ подлинномъ текстѣ. Этимъ выраженіемъ пользуются Платонъ и Аристотель для означенія человѣка, убѣжденія котораго тверды и который не даетъ надъ собою никакой власти ни страстямъ, ни событіямъ, ни отъ общественнаго мнѣнія не колеблется. «Мужъ квадратный», т. е. во всѣхъ отношеніяхъ совершенный. Срав. о семъ Платона въ «Протагорѣ», Аристотеля въ «Ѳикѣ» къ Никомаху I, 10. Горацій (II, sat. 7) также называетъ такого человѣка rotundus.

Моисея (Исх. XXXIV, 35),—свойство, какъ мы сказали ранѣе, характеризующее душу праведника. Подобно тому какъ краски красильщика, будучи впитываемы шерстью, дѣйствуютъ на нее нѣкоторымъ образомъ навсегда и отличаютъ ее отъ другаго рода шерстей: точно такъ слѣды нравственной надъ собой работы исчезаютъ изъ души быстро, чтобъ оставить тамъ мѣсто только добру и добродѣтели. Съ другой стороны удовольствіе, коимъ сопровождается дѣяніе постыдное, проходитъ; позоръ же и безчестіе впитываются (*). Таковы видимые признаки, присоединяющіеся къ той или иной душѣ, составляющіе печать прославленія для души праведника и осужденія для души злаго. Въ этомъ не слѣдуетъ сомнѣваться. Жизнь Моисея, посвященная праведности и великая близость съ Богомъ, который говорилъ съ нимъ лицомъ къ лицу, отразились на лицѣ его блескомъ и сіяніемъ, почивши на немъ въ формѣ нѣкотораго рода ореола. Точно такъ же вслѣдствіе созерцанія, вслѣдствіе занятія пророчествами и добрыми дѣлами благость утверждается въ душѣ праведника нѣкоей Божественной силой и отражается на лицѣ его нѣкіимъ сіяніемъ, которое поражаетъ васъ своимъ величіемъ и красотою: это отблескъ Логоса (вѣчнаго разума). Какъ свѣтъ солнечный приноситъ съ собой не только свѣтъ, но и теплоту, такъ и сей свѣтъ неразрывно соединенъ въ душѣ съ любовью, которая нисходитъ въ нее отъ Бога и привноситъ въ гностика нѣчто Божественное. Итакъ истинный гностикъ уподобляется Богу Спасителю. Онъ въ мѣру, дозволяемую человѣческой слабостью, возвышается до совершенства Отца, *сущаго на небесахъ* (Мѳ. V, 48). Этотъ-то Богъ милосердія сказалъ: *Чада мои, еще немного времени съ вами Я* (Іоан. XIII, 33). Благость, свойственная Богу по природѣ, не въ такомъ смыслѣ состоитъ причиной вѣчнаго Его блаженства и безсмертія, якобы Онъ не заботится ни о какомъ дѣлѣ и не причиняетъ никому затрудненія, дѣлая добро въ качествѣ какого-то раба для Себя только, нѣтъ (*). Будучи благодѣтельнымъ по самому существу своей природы, какъ истинный Богъ, нѣжный Отецъ, Онъ безпрестанно занятъ дѣланіемъ добра,—вотъ причины, по коимъ Онъ пребываетъ въ одномъ и томъ же состояніи благости и никогда отъ нея не отступаетъ. Къ чему послужила бы доброта праздная, не обнаруживающаяся ни въ какихъ дѣлахъ благихъ? Кто опытовъ благости не обнаруживаетъ и благотвореніемъ не занятъ, тотъ благостью и не преисполненъ и не по побужденіямъ ея дѣйствуетъ.

13. Мудрецы истинные на небѣ будутъ удостоены высшихъ степеней славы, кои въ церкви земной соотвѣтствуютъ степенямъ епископа, пресвитера и діакона.

Кто по обузданіи своихъ страстей потомъ начинаетъ проводить жизнь безстрастную, затѣмъ мало по малу возвышается до преданности добру, представляющей собою то совершенство, до коего мудрецъ бываетъ доводимъ познаніемъ, тотъ уже здѣсь на землѣ становится ангелоподобнымъ. Одѣтый въ свѣтъ и совершенными дѣлами своей благости блистающій подобно солнцу, онъ чрезъ познаніе, утверждающееся на праведности и любви къ Богу, восходитъ по примѣру Апостоловъ въ жилище святое. Апостолы были облечены апо-

(*) Намекъ на слова Музонія, приводимыя Гелліемъ въ началѣ кн. XVI-й: «Если вы надъ чѣмъ трудолюбиво и надлежащимъ образомъ потрудитесь, то труды отъ васъ быстро удалятся, а добро, вами при семъ сдѣланное, не покинетъ васъ во всю вашу жизнь. Если же что сдѣлали бы вы, изъ мотивовъ грязнаго удовольствія, непотребно, то удовольствіе быстро удалится, непотребство же, вами учиненное, всегда съ вами пребудетъ».

(*) По Діогену Лаэрцію (X, 139) главнымъ положеніемъ въ ученіи Эпикура было: «Существо блаженное и безсмертное ни само ни о чемъ не заботится, ни другимъ заботъ не причиняетъ». Цицеронъ туже самую формулу повторяетъ въ кн. 1 своего разсужденія «О природѣ боговъ». Quod beatum et immortale est, id non habet, non exhibet cuiquam negotiam».

стольствомъ не въ силу какихъ либо преимуществъ своей природы, коими они превосходили другихъ; и не по праву предопредѣленія (*), ибо былъ выбранъ подобно имъ и Іуда. Но они заслужили апостольство въ очахъ Того, кто заранѣе знаетъ конецъ всѣхъ вещей. Посему и Матѳей, не бывъ избранъ въ одно съ прочими время, замѣстилъ Іуду впослѣдствіи, ибо оказался достойнымъ сего порученія. Посему еще и въ наши дни тѣмъ, кто вѣрно исполняетъ заповѣди и проводитъ дни своей жизни въ совершенствѣ и познаніи, согласно съ Евангеліемъ, дозволительно вступать въ избранное общество Апостоловъ (**). Дѣлается истиннымъ пресвитеромъ, дѣлается діакономъ во всей строгости смысла сего слова, т. е. дѣлается служителемъ воли Божіей тотъ, кто самъ исполняетъ волю Господню и другихъ учитъ тому же. Поставленіе отъ людей, посвященіе, пресвитерство само въ себѣ еще не составляетъ праведности. За пресвитера можешь считаться только тогда, когда будешь праведенъ. И хотя бы здѣсь на землѣ такой простой священникъ и не занималъ почетнаго сидѣнья, *онъ возсядетъ на одномъ изъ двадцати четырехъ престоловъ и будетъ судить народы*, какъ говоритъ Іоаннъ въ Апокалипсисѣ (Апок. IV, 4; XI, 16; Мѳ. XIX, 28; Лк, XXII, 30). Ибо спасительный завѣтъ, чрезъ поколѣнія и вѣка дошедшій до насъ отъ начала міра, одинъ и тотъ же, хотя видомъ и примѣненіемъ и различается. Отсюда слѣдуетъ, что даръ спасенія одинъ и неизмѣненъ и что исходитъ онъ отъ одного и того же Бога чрезъ посредство единаго Господа, хотя и обнаружился онъ различными способами (Евр. I, 1). Такъ падаетъ средостѣніе (Еф. II, 14—16; IV, 13), раздѣлявшее Эллина отъ Еврея и дѣлавшее изъ послѣднихъ народъ, пользовавшійся нѣкоторыми преимуществами. Такимъ образомъ оба народа соединяются въ одной вѣрѣ и сливаются въ одинъ народъ избранныхъ. Избраннѣйшими же, говоритъ Іоаннъ, суть тѣ, которые возвысились до совершеннаго познанія и которые самой церковію признаны за цвѣтъ ея, отдѣлены и почтены высшею славою. Состоя судьями и правителями,—безразлично, избранными изъ Эллиновъ или изъ Евреевъ,—они сидятъ въ числѣ двадцати четырехъ, ибо благодѣяніе милости было удвоено (*). Іерархія церкви земной съ ея епископствомъ, священствомъ и діаконствомъ конечно есть только прообразъ славы ангельской и домостроительства того, различныя степени въ коемъ назначены, по обѣтованію свящ. Писанія, тѣмъ, которые, идя по стопамъ св. Апостоловъ, живутъ въ совершенствѣ и праведности, согласно съ Евангеліемъ. Апостолъ по вознесеніи на облака (1 Сол. IV, 17) видитъ ихъ первѣе всего облеченными діаконствомъ (Апок. IV, 4; XI, 16); за тѣмъ возвышенными на новую ступень не-

(*) Намекъ на еретиковъ, кои учили, что люди различны по природѣ и что спасеніе даруется только въ этомъ смыслѣ совершеннѣйшимъ. Писатель уже опровергалъ ихъ ранѣе.

(**) Писатель учитъ, что и во всякое другое время можно возвыситься до апостольскаго достоинства, какъ скоро кто наслѣдуетъ мѣсто и достоинство Апостоловъ. Получать епископство и достигать апостольства такимъ образомъ для нашего писателя одно и тоже. Посему онъ тотчасъ упоминаетъ и о степеняхъ, епископу подчиненныхъ, т. е. о пресвитерахъ, предсѣдательства не получавшихъ и о діаконахъ. Не въ иномъ смыслѣ говоритъ о семъ и Ѳеодоритъ въ толков. на 1 Кор. XII, 28 и иныя мѣста: «Первенствующіе христіане такъ называемыхъ епископовъ апостолами называли». Тоже въ коммент. на Филипп. I, 1, 2, гдѣ онъ заключаетъ, что Епафротидъ облеченъ былъ епископствомъ, ибо св. Павелъ называетъ его Апостоломъ. И наоборотъ апостольство называется епископствомъ въ Дѣян. I, 20. Древніе апостоловъ дѣйствительно нерѣдко называли епископами. Такъ Епифаній въ ереси 27, § 6-мъ: «Первые Апостолы Петръ и Павелъ они были и епископами».—Срав. Кипріана въ письмѣ къ Рогаціану; Амвросія на Еф. IV, 2 и у иныхъ весьма многихъ.

(*) Разумѣется двойное число Апостоловъ, представляемыхъ 24-мя старцами.

бесной славы, допущенными уже къ пресвитерству, ибо *слава отъ славы разнится* (1 Кор. XV, 41), доколѣ они не достигнутъ наконецъ высшаго совершенства (Еф. IV, 13).

14. Занятымъ исканіемъ истины и добродѣтелью на небѣ уготовано жилище, соотвѣтственное заслугамъ каждаго.

Вѣрные, уже здѣсь на землѣ достигшіе состоянія блаженнаго, по словамъ Давида, *упокоены будутъ на святой горѣ Божіей* (Пс. XV, 1), т. е. въ небесной церкви, гдѣ соберутся всѣ любящіе Бога и заповѣданное имъ добро. Это *истинные Израильтяне* (Іоан. I, 47), *сердцемъ чистые* (Мѳ. V, 8), *въ которыхъ нѣтъ лукавства* (Іоан. I, 47). Это тѣ, которые, вмѣсто пребыванія въ покоѣ седьмаго дня (*), чрезъ преданность добродѣтели уподобляясь Богу, достигли того восьмочисленнаго наслѣдія, которое обѣтовано добродѣтели, т. е. они достигли скиніи, гдѣ умозрительно, безъ покрывала наслаждаются божественнымъ зрѣлищемъ, созерцаніемъ коего насытиться невозможно. *И другія есть у Меня овцы*, говоритъ Господь, *которыя не сего двора* (не этой паствы) (Іоан. X, 16), чѣмъ означается, что въ мѣру вѣры ихъ онѣ признаны были достойными переведенія въ иной дворъ, или иное мѣстопребываніе. *Овцы Мои слышатъ голосъ Мой* (Іоан. X, 28), т. е. понимаютъ сокровенный смыслъ Моихъ заповѣдей. Но это значитъ, что онѣ постигаютъ возвышенный ихъ смыслъ и связь, существующую между дѣлами и воздаяніемъ за оныя по достоинству и заслугамъ. Слыша слова Евангелія: *Вѣра твоя спасла тебя* (Мк. V, 34 и индѣ), мы не такъ должны понимать оныя, будто всѣ спасутся, все равно какъ бы они ни вѣрили, хотя бы дѣлъ и не присоединяли къ своей вѣрѣ. Нѣтъ, мы знаемъ, что къ вѣрѣ и дѣла слѣдуетъ присоединять. Съ этимъ словомъ Спаситель обращался только къ Евреямъ, имѣвшимъ законъ, ведшимъ жизнь безупречную, имѣвшимъ все кромѣ вѣры въ Господа. Жизнью невоздержной вѣра исключается. Посему для введенія въ предназначенное каждому изъ вѣрныхъ блаженное вѣчное жилище не плоти только должно совлечься; но необходимо для сего вѣрному очиститься и отъ всей грязи обременяющихъ его пороковъ и страстей (*). Но познавать больше значитъ чѣмъ вѣровать, подобно тому какъ удостоиться высшихъ почестей, предназначенныхъ праведникамъ, это болѣе значитъ, чѣмъ просто спастись (**). Когда же вѣрный нашъ

(*) Покоемъ седьмаго дня здѣсь аллегорически называется покой отъ зла. Восьмочисленнымъ же наслѣдіемъ далѣе именуется добродѣтель, осиливаемая старательностію. Срав. Стром. IV, 17 къ концу.

(*) Писатель нашъ не въ одномъ данномъ, но и въ другихъ мѣстахъ утверждаетъ, что запятнавшіе себя послѣ крещенія грѣхами и пороками будутъ подлежать по смерти очищенію нѣкотораго рода наказаніями. Такъ въ Стром. IV, 24 въ концѣ; Стром. VII, 14, 10. Человѣку столь хорошо знакомому съ іудейскими, равно какъ философскихъ школъ преданіями, особенно платоническими и пиѳагорейскими и столькимъ вниманіемъ ихъ дарившему, неудивительно было и самому усвоить это мнѣніе. Извѣстно, что подобныя ученія развиваемы были іудейскими учеными. Платонъ въ своихъ «Федонѣ» и «Горгіи» и въ другихъ своихъ діалогахъ держится подобнаго же мнѣнія. Вергилій высказываетъ его въ «Энеидѣ» VI. 735 и д. Оригенъ во многихъ мѣстахъ своихъ твореній раздѣляетъ мнѣніе своего учителя, напр. въ бес. на Исх. и въ ин. мѣстахъ, напр. въ кн. IV противъ Цельса гл. 10. Изъ гл. 17-й I-й кн. Стром. открывается, что писатель нашъ какъ будто и относительно діавола не прочь держаться такого мнѣнія.

(**) Пространнѣе излагаетъ свою мысль писатель въ Стром. VII, гл. 10-й. Три ступени восхожденія къ славѣ различаетъ онъ. Первая, на которой къ вѣрѣ примѣшиваются еще страсти и невоздержность. Отъ нихъ такіе вѣрные, прежде допущенія на небо или въ вѣчныя обители, омываемы бываютъ наказаніями. Вторую ступень представляютъ собой тѣ вѣрные, которые по отложеніи грѣховъ вслѣдствіе преданности добродѣтели въ

достигнетъ того, что путемъ долгаго упражненія сбросить съ себя душевныя немощи, онъ переходитъ въ жилище болѣе его осчастливливающее чѣмъ то, въ коемъ онъ дотолѣ обиталъ, горюя и искупая раскаяніемъ грѣхи, совершенные послѣ крещенія. Онъ терзается посему еще болѣе, частію видя, что не достигъ высшей степени славы, къ коей стремились и коей другіе уже достигли; частію же то сознавая, что никогда ея онъ и не въ состояніи будетъ достигнуть (*). Кромѣ того стыдомъ и позоромъ покрываютъ его и грѣхи его; а это для вѣрнаго высшее наказаніе. Такъ Божіе правосудіе хотя и милосердо, но и милосердіе Его полно правосудія. Потому что хотя очистительныя наказанія тому и другому за его прегрѣшенія и прекратятся, все таки вѣрные, признанные достойными вселенія въ обитель лишь нисшей славы, будутъ отдаваться неутѣшному горю, что не могутъ участвовать въ блескѣ своихъ собратьевъ, которыхъ за праведность ихъ жизни Богъ возвеличилъ высшею славою(**).

Соломонъ, подъ именемъ мудреца изображая истиннаго гностика, пишетъ слѣдующее о созерцающихъ съ удивленіемъ величіе, коимъ облекаетъ Спаситель христіанина совершеннаго: *Они увидятъ кончину мудреца и не поймутъ, что Господь опредѣлилъ о немъ и къ чему его предназначилъ* (Прем. IV. 17). Но по прославленіи его они скажутъ: *Вотъ тотъ самый, который былъ у насъ нѣкогда въ посмѣяніи и служилъ предметомъ нашихъ поруганій. Какими безумцами тогда мы были! Мы считали жизнь его сумашествіемъ, а его кончину позорной. Какъ же причисленъ онъ къ сынамъ Божіимъ и какимъ образомъ его удѣлъ между святыми* (Прем. V, 3—5)? Итакъ не только вѣрный, но и язычникъ по всей строгости правосудія будутъ подлежать осужденію. Богъ въ своемъ вѣчномъ предвѣдѣніи зная, что язычники не увѣруютъ въ Него, тѣмъ не менѣе, чтобъ возвысить ихъ до совершенства, къ какому только они способны были, даровалъ имъ философію, но только въ качествѣ предуготовительной ступени къ вѣрѣ. Онъ попустилъ имъ обоготворить сотворенныя на общую пользу солнце, луну и звѣзды изъ опасенія, какъ говоритъ законъ (Втор. IV, 19) (*), чтобы, живя безъ Бога и въ полномъ нечестіи, они не погибли окончательно. Но народы эти оказались неблагодарными. Не послушавшись Божественной заповѣди, они стали покланяться скульптурнымъ изображеніямъ Божества. Если они не очистятъ себя одинаковымъ съ нами покаяніемъ, то понесутъ наказаніе, одни за то, что не хотѣли увѣровать въ Бога, имѣя къ тому полную возможность; другіе потому, что при всемъ стремленіи быть вѣрными они ничего не сдѣлали для осуществленія этого своего стремленія; а также и за то, что отъ обожанія свѣтилъ не возвысились до почитанія Творца ихъ. Потому что Богъ поставилъ надъ главами ихъ звѣзды въ качествѣ пути, который ведетъ къ Нему. Они же не остановились на свѣтилахъ, Имъ дарованныхъ для этой цѣли, а спустились съ небесъ и стали преклоняться предъ камнемъ и деревомъ, *уподобившись съ сихъ поръ соломѣ, вѣтромъ разносимой*, какъ говоритъ Писаніе, *каплѣ воды, падающей изъ ведра* (Ис. XL, 15). Такъ они оказались внѣ спасаемыхъ и отдѣленными отъ тѣла остальнаго человѣчества.

этой временной жизни или же чрезъ понесеніе наказаній по смерти, хотя удостоиваются сопребыванія въ числѣ блаженныхъ, все-же не высшаго еще прославленія удостоиваются. Наконецъ третьей ступени славы удостоиваются гностики, или совершенные, которымъ Богъ опредѣляетъ высшую ступень славы или блаженства, быть равными ангеламъ.

(*) Писатель повидимому допускаетъ, что нѣкоторые по отбытіи очистительнаго наказанія удостоиваются высшей степени славы; другіе же навсегда остаются въ мѣстахъ нисшаго прославленія.

(**) Мѣсто это должно быть разумѣемо объ очистительныхъ наказаніяхъ по смерти. См. Стром. VII, гл. 12 къ концу.

(*) Намекъ на это мѣсто Второзаконія нѣсколько смѣлый.

Работать надъ своимъ спасеніемъ есть дѣло еще сомнительнаго достоинства (*), если не присоединяется къ сей работѣ разумъ; оно представляетъ изъ себя дѣло всецѣло доброе лишь тогда, когда исполняется во всемъ совершенствѣ обязанности. Потому-что всѣ дѣла гностика отмѣчены печатью совершенства. Дѣла же обыкновеннаго вѣрнаго имѣютъ достоинство лишь среднее, потому что они не возглавлены разумомъ и не управляемы знаніемъ. Всѣ дѣла язычника напротивъ суть не иное что какъ грѣхи. Писаніе и дѣйствительно не просто и безъ всякихъ околичностей говоритъ намъ: «Творите добро», нѣтъ; сверхъ того оно заповѣдуетъ намъ направлять всѣ наши дѣйствія къ одной цѣли и принципомъ ихъ ставить разумъ. Руки неумѣлыя не должны и прикасаться къ лирѣ или флейтѣ, не только что играть на нихъ. Точно такъ же не имѣющіе познаній и не знающіе, какъ слѣдуетъ пользоваться тѣми или иными вещами въ жизни, не должны и прикасаться къ нимъ во все время жизни на этой землѣ. Не только на поляхъ бранныхъ воины борются за свободу. Кто помазанъ Логосомъ, тотъ при мысли о возможности быть увлеченнымъ въ неволю отъ чувственнаго какого либо удовольствія, краснѣя отъ благороднаго стыда, даетъ битвы и на ложѣ сна и во время принятія пищи и предъ лицемъ судей. «Никогда я не отрекусь отъ добродѣтели ради неправеднаго прибытка». Что это за неправедный прибытокъ? Очевидно чувственное удовольствіе и смущеніе, изъ за нихъ труды и безпокойства; однимъ словомъ различныя страсти, терзающія нашу душу, пріятныя въ настоящемъ, но насъ огорчающія до чрезмѣрности мгновеніе спустя. *Къ чему послужило бы вамъ* дѣйствительно, *еслибы кто и цѣлый міръ пріобрѣлъ*, говоритъ Господь, *а своей душѣ повредилъ* (Мѳ. XVI, 26; Мк. VIII, 36; Лк. IX, 25)?

Очевидно такимъ образомъ, что люди не занятые добрыми дѣлами, не понимаютъ своей собственной пользы. А если это такъ, то они даже и неспособны надлежащимъ образомъ просить у Бога того, что благо, ибо они и не вѣдаютъ истинныхъ благъ. А еслибы они даже и получили отъ Бога тѣ блага, то не почувствовали бы великости дара и не въ состояніи были бы достойнымъ образомъ воспользоваться тѣмъ, чего значенія не постигаютъ; по невѣжеству они не въ силахъ были бы какъ должно и правильно примѣнить къ дѣлу тѣ Божіи дары. Итакъ недостаточное познаніе есть причина невѣжества. И по моему мнѣнію, уму скромному или по крайней мѣрѣ совѣсти доброй при неудачѣ свойственно восклицать: «Пусть случится все то, что можетъ случиться; на моей сторонѣ правда. За меня будетъ бороться правосудіе и меня никогда не застанутъ ни на какомъ проступкѣ, ибо я занятъ дѣлами добрыми» (*). Этой-то чистотой совѣсти по отношенію къ Богу поддерживается въ душѣ святость, а въ отношеніяхъ къ людямъ справедливость; охраняется тогда эта чистота душевная размышленіями о вещахъ важныхъ, словами цѣломудренными и дѣлами добрыми. Проникнута будучи такимъ образомъ силою Господней, душа сама становится Божественною (**). Инаго зла съ сихъ поръ не при-

(*) Писатель различаетъ три рода дѣйствій: 1) κατόρθωμα, или дѣйствіе совершенное, свойственное только гностику, или христіанину совершенному; оно возвышаетъ его на самый верхъ высшей славы. Второй родъ дѣйствій принадлежитъ къ среднимъ; этого рода дѣйствія свойственны христіанамъ менѣе совершеннымъ; однакоже въ силу ихъ они наслѣдуютъ спасеніе и бываютъ удостоиваемы нисшихъ степеней славы. На третьемъ мѣстѣ писатель ставитъ дѣйствія грѣховныя, спасеніе дѣлающія невозможнымъ. При различеніи семъ нашъ писатель слѣдовалъ тѣмъ философамъ, которые различали два рода дѣйствій и мнѣніе которыхъ о семъ Цицеронъ излагаетъ въ «De officiis» I. 3.

(*) Мѣсто, заимствованное изъ Аристофановой комедіи «Ахарняне», повторенное и Цицерономъ въ 8-мъ письмѣ къ Аттику.

(**) Срав. въ Увѣщ. гл. 11-й; Стром. VII, гл. 3-й и 10-й, а также 16-й и во мн. друг. мѣстахъ.

знаетъ она кромѣ невѣжества и дѣйствій, не имѣющихъ исходнымъ началомъ разума. Богу же постоянно всегда и за все воздавая благодарность, какъ при слушаніи словъ оправданія, такъ и при чтеніи Божественныхъ писаній, во время поисковъ за истиною, во время принесенія священной жертвы и во время осчастливливающихъ ее молитвословій, такая душа изливаетъ себя въ словословіяхъ, хваленіяхъ, въ благословеніяхъ (*), въ восторженныхъ пѣснопѣніяхъ. Душа, проникнутая подобными расположеніями, никогда ни на мгновеніе не разлучается отъ своего Бога. Глубокою мудростію посему отличается изреченіе: *И вврящіеся Ему постигнутъ истину и вѣрные будутъ слушать Его съ любовію* (Прем. III, 9). Вотъ что книга Премудрости говоритъ объ истинныхъ гностикахъ.

Итакъ на небѣ есть различныя обители, въ которыя вѣрные вселяемы бываютъ соотвѣтственно личнымъ своимъ заслугамъ. *Избраннѣйшій даръ*, говоритъ Соломонъ, *будетъ наградою за вѣру его и получитъ онъ въ дому Господнемъ наиболѣе блестящее мѣсто* (Прем. III, 14). *Наиболѣе блестящее*... Сравнительной степенью здѣсь означается, что въ храмѣ Божіемъ, которымъ состоитъ не иное что какъ вселенская церковь, есть и низшія обители. И въ то же время эта форма грамматическая возноситъ нашу мысль въ наиболѣе возвышенныя области, гдѣ царитъ Божественное величіе. Числа 30, 60 и 100, находящіяся въ Евангеліи (Мѳ. XIII, 8), косвеннымъ образомъ указываютъ на эти три вида обителей. Совершенное наслѣдіе состоитъ удѣломъ тѣхъ, которые по «образу» Господнему достигли совершенства. Относительно же «подобія» (**) нечестіемъ было бы думать, какъ полагали это нѣкоторые, что оно состоитъ во внѣшнемъ видѣ человѣка, нѣтъ. Оно не состоитъ равнымъ образомъ и въ полномъ проникновеніи Божественными свойствами (*), отличающими Первопричину. Это мнѣніе тоже нечестивое и составляетъ измышленіе мечтателей, будто свойства человѣка и Вседержителя одни и тѣ же. *Нечестивецъ*, говоритъ Господь, *ты думалъ, что Я подобенъ тебѣ* (Пс. XLIX, 21). Достаточно съ ученика, если онъ походитъ на своего наставника, говоритъ Учитель нашъ (Мѳ. XXV, 10). Вѣрный, котораго Богъ почтилъ преимуществомъ усыновленія Себѣ и дружбы съ Собой, становится подобнымъ Богу, ибо онъ сонаслѣдникъ и Господь боговъ (**), если только достигъ онъ того совершенства, которое заповѣдуется Евангеліемъ.

15. Различныя ступени познанія, собою обусловливающія достиженіе совершенства. Причины, по коимъ въ свящ. Писаніи многое излагается прикровенно и таинственно.

Итакъ мудрецъ истинный (гностикъ) воплощаетъ въ своемъ лицѣ болѣе непосредственнымъ образомъ (Божественное) подобіе, т. е. духъ своего Божественнаго Учителя, какъ обнаруживался этотъ въ заповѣдяхъ и совѣтахъ людямъ мудрымъ и разумнымъ. Причиной сего состоитъ пониманіе гностикомъ воли своего Божественнаго Учителя. Господь нашъ *съ кровель* повелѣлъ намъ *возвѣщать то, что сказано Имъ было* лишь ученикамъ своимъ и *на ухо* (Мѳ. X, 27; Лк. XII, 3). Посему-то гностикъ, вслѣдствіе преимущественныхъ своихъ даровъ, людямъ, добивающимся болѣе возвышенной назидательности, и передаетъ ученіе своего Господа болѣе возвышеннымъ образомъ. Но первѣе всего свои слова онъ подкрѣпляетъ авторитетомъ своихъ дѣлъ, соотвѣтственно примѣру, данному намъ въ этомъ отношеніи самимъ Господомъ нашимъ. Неисполнимаго Онъ не требуетъ отъ насъ, но заповѣдалъ намъ только то, осуществленіе чего возможно. Въ такихъ-то собственно дѣлахъ и сказывается

(*) Слова подлиннаго текста здѣсь тождественны съ греческими словами великаго славословія, поемаго на утрени: «Хвалимъ Тя, благословимъ Тя, славословимъ Тя».

(**) Срав. «Увѣщ.» въ гл. 10-й.

(*) Срав. «Стром.» VII, 14.

(**) Срав. «Стром.» IV, въ гл. 23 и въ «Увѣщ.» въ гл 11-й.

наше царственное достоинство (*); въ этомъ-то именно и должно состоять христіанство наше, господственное наше положеніе среди другихъ людей. Наше призваніе не въ господствѣ состоитъ лишь надъ дикими звѣрьми; подобно столькимъ дикимъ животнымъ внутри себя самихъ мы носимъ страсти, надъ коими и должны господствовать.

Такъ знаніе превосходства жизни добродѣтельной предъ дурной спасаетъ гностика и дѣлаетъ его разумѣющимъ въ дѣлахъ добрыхъ и оными *болѣе* обилующимъ, чѣмъ сколько въ нихъ понимали и сколько ихъ имѣли *книжники и фарисеи* (Мѳ. V, 20). *Ополчись, царствуй и торжествуй*, пишетъ Давидъ, *защищая истину, тихость духа твоего и поведенія и твою праведность*, и Господь, *десница твоя, чуднымъ образомъ управитъ тобою* (Пс. XIX, 4). *Итакъ кто мудръ и уразумѣетъ сіе? Кто разуменъ, чтобы познать это? Правы пути Господни*, говоритъ пророкъ (Ос. XIV, 10), желая намъ объяснить чрезъ это, что одинъ только мудрецъ истинный способенъ понимать и истолковывать истинный смыслъ, сокровенный смыслъ словъ Духа Святаго. *И кто уразумѣетъ, будетъ безмолвствовать въ это время*, говоритъ священное слово Писанія (Ам. V, 13), т. е. недостойнымъ тайнъ не откроетъ. Почему? *Имѣющій уши слышать да слышитъ*, говоритъ Господь (Мѳ. XI, 15), выражая симъ, что слышать и разумѣть (тайны царства Божія) дано не всѣмъ. Давидъ о семъ пишетъ: *Онъ облекся въ темную воду въ облакахъ воздушныхъ. Отъ блеска лица Его тучи отверзлись и стали извергать градъ и огненный уголь* (Пс. XVII, 11, 12), чѣмъ означается, что изреченія свящ. Писанія полны таинственности. Для гностика они ясны и удобопонятны; воспріемлются его мыслію какъ бы зерна безвреднаго града, посылаемаго Божественнымъ милосердіемъ. Для непосвященнаго же они темны какъ уголья, впрочемъ силу въ себѣ скрывающія вновь запылать и своимъ блескомъ все освѣтить, если чьимъ либо умѣньемъ будетъ пробуждено въ нихъ потухшее—было въ нихъ пламя. *Господь далъ мнѣ языкъ наставленія*, говорится у пророка, дабы я зналъ, что кстати будетъ въ извѣстномъ случаѣ сказать (Ис. L, 4) не только при исповѣданіи (вѣры) предъ судебными властями, но и въ обыкновенномъ совопрошеніи и отвѣтахъ. *И наставленіе Господне откроетъ уста мнѣ* (Ис. L, 5). Итакъ мудрецъ истинный (гностикъ) знаетъ, какъ слѣдуетъ пользоваться словомъ, когда, предъ кѣмъ и что слѣдуетъ говорить.

Уже и Апостолъ словами: *По началамъ науки мірской, а не по Христу* (Кол. II, 8) не научаетъ ли насъ, что наука Эллиновъ представляетъ изъ себя знаніе лишь элементарное и первоначальное, ученіе же Христово—окончательное и совершенное, какъ уже и ранѣе мы объ этомъ говорили. Но уже и *къ дикой маслинѣ прививаема бываетъ добрая маслина, и дикая принимаетъ участіе въ существѣ и сокахъ доброй* (Рим. 17). Растетъ дикая маслина почти одинаково съ культивированной. Но прививокъ отъ маслины культивированной вмѣсто того, чтобы тянуть соки непосредственно изъ земли, тянетъ ихъ посредственно чрезъ дичокъ, питающійся соками земными. (Это обстоятельство однакоже еще не даетъ намъ права одни изъ растеній считать какими-то проклятыми). Всѣ растенія, какого бы рода они ни были, произрастаютъ по волѣ Божіей. Вотъ почему оливковая вѣтвь, пусть будетъ она взята отъ дерева и дикаго, все-же можетъ увѣнчивать собой побѣдителя на Олимпійскихъ играхъ. Сравнительно съ вязомъ виноградная лоза конечно есть растеніе благородное. Однакоже и вязъ, позволяющій слабой виноградной лозѣ ползти по себѣ вверхъ, развѣ не учитъ ее чрезъ это самое плодородію? Деревья дикія, какъ извѣстно, впитываютъ въ себя большее количество земныхъ соковъ, но они не могутъ ихъ смягчать чрезъ переработку. Итакъ деревья дикія сравнительно съ культивирован-

(*) Христосъ *содѣлалъ насъ «царями» и священниками Богу и Отцу своему*, пишетъ св. Іоаннъ (Апок. I, 6). Для нашего писателя, мыслящаго библейски, христіанинъ и царь посему одно и тоже.

выми менѣе способны къ переработкѣ соковъ и терпкость вкуса ихъ плодовъ зависитъ единственно отъ недостатка способности смягчать плодъ и его вкусъ. Культивированная маслина, привита будучи къ дикой, получаетъ поэтому способность чрезъ нее втягивать въ себя большее количество соковъ. Но вбираемы будучи дичкомъ, тѣ соки подъ вліяніемъ благороднаго къ нему прививка ассимилируются ему, т. е. тоже облагороживаются. Такой дикой маслиной состоитъ и языческій философъ. Въ мудрости его содержится много содержательныхъ элементовъ, но всѣ они въ сыромъ ихъ видѣ неудобопріемлемы. Мудрецъ тотъ жаждетъ изслѣдованій и страстно имъ отдается; при обычныхъ ему способахъ дѣятельности легко постигаетъ истину, впитывая въ себя соки ея. И все-таки недостаетъ его мудрости элементовъ по истинѣ питательныхъ. Только когда по силѣ его вѣры вселится въ него Божественная благодать, только тогда дикая эта маслина, усилена будучи столь достолюбезнымъ и содержательнымъ познаніемъ, только тогда она, чрезъ привитіе къ ней преславнаго и милосердаго Логоса, тотчасъ же впитываемые ею питательные соки преобразовываетъ и сама превращается въ маслину уже иной природы, обилующую наипрекраснѣйшимъ масломъ. Это потому, что прививка сдѣлала изъ него, дерева безполезнаго, дерево облагороженное; было оно безплоднымъ, а прививка превратила его въ плодородное. Столь важно искусство земледѣльческое! Такія чудеса порождаетъ собою знаніе истинное!

Извѣстно, что есть четыре способа прививки деревъ. По первому способу прививокъ вводятъ между древесиной и ея корою. Простолюдины изъ невѣрныхъ обращаются ко Христу точно такъ же: они при умственной своей неразвитости принимаютъ Логоса лишь на поверхность своей души. По второму способу штамбочку разсѣкаютъ, и культивированный черенокъ вставляютъ въ разрѣзъ. Этотъ способъ прививки имѣетъ отношеніе къ посвятившимъ себя мудрости. Проникнувъ въ ученія ихъ, мы вводимъ въ число оныхъ ученіе истинное. Этимъ же способомъ, т. е. чрезъ разъясненіе смысла древнихъ священныхъ книгъ, новая и добрая масличная вѣтвь, ученіе христіанское, было привито къ стволу и еврейской маслины. Третій способъ прививки примѣнимъ къ людямъ грубымъ и еретикамъ, кои уже внутреннею своею природою влекомы къ истинѣ. При этомъ способѣ садовникъ съ желѣзомъ въ рукѣ обнажаетъ, однакоже не поранивая ея, сердцевину двухъ вѣтокъ и соединяетъ ихъ одну съ другой. Четвертый способъ есть привитіе такъ называемымъ глазкомъ. Съ благороднаго дерева снимаютъ почку, вырѣзанную кругообразно, такъ однакоже, чтобы коры около нея было примѣрно въ ширину пальца; потомъ на инородной штамбочкѣ дѣлается надрѣзъ въ мѣру прививаемаго глазка, прикладываютъ его, всю эту часть обматываютъ повязками, обмазываютъ глиной, наблюдая однакоже ту предосторожность, чтобы глазокъ оставался во всей своей неприкосновенности, ни мало не измѣненнымъ. Этотъ четвертый способъ прививки для плодовыхъ деревъ наиполезнѣйшій. Отъ сего приложеніе можно сдѣлать къ гностическому ученью, взоръ котораго также проникаетъ въ самую глубину вещей. Конечно и прививка чрезъ надрѣзъ, о коей говоритъ Апостолъ (Рим. XI. 24), можетъ превратить дичокъ въ добрую маслину, такъ т. е. что грубая и невѣрная природа обращающихся ко Христу, насаданная во Христѣ, преобразуется въ существо Его самого. Но лучше, если вѣра привьется къ собственному стволу души каждаго. Ибо Духъ Святый хотя и вліяетъ на всѣ части нашего существа, но прививается къ намъ въ мѣру мѣста, нами уступаемаго Ему въ своей душѣ, самъ оставаясь при семъ недѣлимымъ и ничего изъ своего существа не утрачивая. Соломономъ мудрость изображается въ такихъ чертахъ: *Премудрость свѣтла и неувядающа; она легко познается любящими ее. Она даже упреждаетъ желающихъ познать ее и сама первая является имъ. Кто изъ за нея бодрствуетъ съ ранняго утра, тотъ не утомится. Уже думать о ней есть совершенство разума и бодрствующій изъ за нея скоро осво-*

бодится отъ заботъ. Она сама туда и сюди ходитъ, ища достойныхъ ея, — ибо познаніе не всѣхъ удѣлъ (1 Кор. VIII, 7),—*и благосклонно, съ лицомъ улыбающимся, является имъ на путяхъ* (Прем. VI, 12—14). Путями же этими состоятъ правила нравственнаго поведенія и великое множество и разнообразіе завѣтовъ. Соломонъ продолжаетъ: *И она является имъ во всякаго рода мысляхъ,* т. е. они постигаютъ ее, не смотря на разнообразіе ея формъ, открываютъ ее во всѣхъ родахъ ученій. Присоединяя же къ мудрости любовь, ее дополняющую, священный писатель, въ своихъ умозаключеніяхъ и рядѣ свѣтоносныхъ положеній, особенно доказательно излагаетъ ту же истину. *Начало мудрости,* говоритъ онъ, *есть искреннѣйшее желаніе ученья,* т. е. познанія. *А забота объ ученьи есть любовь къ нему. Любовь же есть храненіе законовъ ея; а наблюденіе ихъ—залогъ безсмертія, приближающаго насъ къ Богу. Итакъ стремленіе къ мудрости возвышаетъ насъ до царствованія* (Прем. VI, 15—20). Соломонъ, полагаю я, тому здѣсь научаетъ насъ, что истинное ученье состоитъ въ пламенномъ стремленіи къ познанію. А идетъ впередъ ученье отъ любви къ познанію; любовь же сія есть не что иное какъ соблюденіе заповѣдей, ведущихъ къ познанію; соблюденіе же заповѣдей есть вѣрность имъ, изъ которой проистекаетъ безсмертіе, приближающее насъ къ Богу. Если то правда, что любовью къ познанію порождается безсмертіе и что того, кто уже проникнутъ сознаніемъ царственнаго своего происхожденія и достоинства, она сближаетъ съ Богомъ, Царемъ всего существующаго: то какъ настоятельна для насъ значитъ обязанность искать познанія, искать до тѣхъ поръ, пока не усвоимъ его! Изслѣдованіе есть движеніе нашей души по направленію къ цѣли, коей достичь намъ желательно. Двигаемся же мы къ цѣли при семъ, наблюдая нѣкоторые указующіе знаки (вѣхи). Открытіемъ цѣли изслѣдованію полагается предѣлъ и оно прекращается; достигнувъ пониманія мы успокоиваемся; пониманіе же здѣсь тождественно съ познаніемъ. Въ строгомъ смыслѣ слова открытіемъ цѣли и состоитъ лишь познаніе, такъ какъ онымъ состоитъ постиженіе предмета изслѣдованія. Подъ указующимъ же знакомъ философы разумѣютъ руководительное предположеніе, сопутствующее или же само собой подразумѣваемое(*). Изслѣдованіе, поставляющее своимъ предметомъ Бога, доходитъ до ученія, идущаго къ намъ чрезъ посредство Сына Божія. По какимъ же признакамъ можно узнать, что самъ Сынъ Божій есть нашъ Спаситель? Ищите отвѣта на сіе въ пророчествахъ, возвѣщавшихъ пришествіе Его за много вѣковъ до ихъ исполненія. Ищите отвѣта на сіе въ свидѣтельствахъ, доказывающихъ что Онъ чувственнымъ образомъ присутствовалъ среди насъ, (какое присутствіе еще и нынѣ ощутимо нами). Ищите отвѣта на сіе наконецъ во всемогуществѣ Его, столь торжественно, начиная со времени вознесенія Его на небо, и съ такой очевидностью возвѣщаемомъ, что кажется руками осязать его можно.

Какое иное еще требуется доказательство въ подтвержденіе того, что въ средѣ насъ истина? Самъ Сынъ Божій говорилъ къ намъ. Въ самомъ дѣлѣ, если сущность каждаго вопроса всегда движется около двухъ такихъ вещей, около лица и предмета, то этимъ лишь подтверждается, что истина и что стóитъ этого имени живетъ единственно между нами. Лице, принесшее истину, это—самъ Сынъ Божій. Что это значитъ? А то, что въ средѣ насъ окрылась стало быть сама вѣчная Истина. Предметъ откровенія, это—сила вѣры, торжествующая надъ всякаго рода препятствіями и въ состояніи оказывающаяся побѣдить даже міръ весь, если бы пришлось сражаться

(*) Терминъ діалектическій. Нынѣ употребляется вмѣсто него латинское слово praesumptio. «Знакъ, говоритъ Аристотель, есть предложеніе указующее, необходимое или только вѣроятное. То, съ чѣмъ существованіе предмета связано или то, что его опредѣляетъ въ прошедшемъ или будущемъ, это знакъ, что событіе произошло или что предметъ существуетъ» (Аристотель, Analyt. prior. lib. II cap. 26).

ей даже съ цѣлымъ міромъ. Но такъ какъ съ одной стороны люди дѣла и разсудка во всѣ времена соглашались лучше пренебрегать нечестіемъ несчастнаго, отвергающаго Провидѣніе и безбожника или наказанію его подвергать (*), чѣмъ опровергать; такъ какъ съ другой стороны въ лицѣ Христа показано намъ, что слѣдуетъ дѣлать и какъ жить для достиженія познанія о Вседержителѣ, а въ ученіи Его,—при какихъ способахъ Богопочтенія мы можемъ содѣвать свое спасеніе; кромѣ того такъ какъ тому, что угодно Богу Спасителю, научаемся мы не въ школѣ софистовъ, а изъ устъ Божественныхъ: то мы, христіане, и стараемся ходить путями праведности и святости. Угодно Богу, чтобы мы были спасены, а спасеніе есть плодъ добрыхъ дѣлъ и познанія, въ коихъ и наставляетъ насъ Господь нашъ. Если справедливо будетъ сказать съ Платономъ, что кромѣ Бога или потомковъ отъ боговъ никто не можетъ открыть истины, то мы въ правѣ хвастаться, что содержимъ истину и съ благородною гордостью воскликнуть: «Намъ сообщена истина чрезъ посредство Сына Божія. Пророчества, изреченныя еще до событій и впослѣдствіи оправданныя событіями, вотъ наши доказательства».

Однакоже что способствуетъ открытію истины, то не должно быть отвергаемо. Такъ когда философія учитъ, что есть Провидѣніе, что есть загробныя воздаянія, что добродѣтельные будутъ удостоены жизни блаженной, а порочные подвергнуты наказаніямъ, то она въ сжатомъ видѣ толкуетъ о томъ же, что составляетъ содержаніе и Богословія. Но спросите ее объ откровеніи, снизойдите до подробностей, и она не съумѣетъ на оныя отвѣтить вамъ. Не говоритъ она ни о Сынѣ Божіемъ, ни о Божественномъ домостроительствѣ нашего спасенія, какія ученія у насъ излагаются, потому что она вообще не имѣетъ свѣдѣній о надлежащемъ Богопочтеніи. Вотъ почему ереси, возникающія въ нѣдрахъ варварской философіи, напрасно вмѣстѣ съ нами повторяютъ, что существуетъ одинъ только Богъ; напрасно онѣ и Христа прославляютъ: это рѣчи чисто человѣческія, обиняки и лишнія слова, коимъ недостаетъ истинности. Богъ, ими проповѣдуемый есть Богъ ими самоизмышленный. Христосъ, ими исповѣдуемый, это—не тотъ Христосъ, котораго возвѣщаютъ пророки. Ученія ихъ останутся дотолѣ превратными, доколѣ не будутъ подтверждены истовостью жизни; дотолѣ они всегда будутъ противъ насъ. То правда конечно, что Павелъ изъ за Іудеевъ, увѣровавшихъ во Христа, подвергъ Тимоѳея обрѣзанію (Дѣян. XVI 3). Онъ опасался, какъ бы отмѣной обычая, который людьми подзаконными понимаемъ былъ еще плотски, не отклонить отъ христіанства новообращенныхъ изъ іудейства. Но онъ прекрасно понималъ, что обрѣзаніе не оправдываетъ. Его правиломъ было «*дѣлать изъ себя все для всѣхъ*»; изъ снисходительности и на время посему онъ исполнялъ и предписанія, бывшія еще въ силѣ, чтобы *спасти всѣхъ* (1 Кор. IX, 19, 22). Подобнымъ образомъ Даніилъ, находясь при дворѣ царя Персовъ, носилъ на шеѣ золотое ожерелье. Скорбь народная не сочтена была имъ за достаточное основаніе для отложенія сего украшенія.

Отсюда слѣдуетъ, что не льзя обвинять во лжи того, кто въ видахъ спасенія оказываетъ кому либо снисхожденіе или если кто либо ошибается въ какомъ либо неважномъ пунктѣ. Тѣ же дѣйствительными состоятъ лжецами и обманщиками, которые нападая на главнѣйшія изъ вѣроученій, отвергаютъ Господа, насколько это въ ихъ власти или по крайней мѣрѣ искажаютъ истинное ученіе, объясняя

(*) Подобное пишетъ Аристотель въ Topic. lib. I подъ конецъ гл. 11-й: «Не слѣдуетъ подвергать разслѣдованію всякую проблему или каждое положеніе; если бы кто сталъ сомнѣваться въ такихъ общепризнанныхъ истинахъ, какъ напр. нужно ли почитать боговъ, любить родителей, то его должно бы признать лишеннымъ разума и заслуживающимъ не доказательствами вразумленія, а наказаніемъ».

и излагая свящ. Писаніе несогласно съ величіемъ Господа Бога. Между тѣмъ какъ истолкованіе свящ. Писаній и наблюденіе въ жизни началъ его, согласующееся съ Господнимъ ученіемъ и проникнутое тѣмъ же духомъ набожности, какой преданъ намъ св. Апостолами, представляетъ собою возвратъ Богу залога сего во всей его цѣлости и неприкосновенности. *Что сказано вамъ на ухо*, т. е. въ смыслѣ особомъ и таинственномъ,—ибо когда говорится о сообщеніи кому либо какой либо тайны, то именно этой аллегоріей пользуются.— *то возвѣстите съ кровель*, говоритъ свящ. Писаніе (Мѳ. X, 27). Да, безъ сомнѣнія, воспринимать должны мы возвышенный смыслъ священныхъ изреченій, передавая оныя во всемъ ихъ величіи, объясняя ихъ согласно съ правилами открытія истины. Ни пророки, ни даже самъ Господь намъ не предлагали Божественныхъ тайнъ съ достаточной ясностію, такъ чтобы первый встрѣчный могъ постигнуть оныя. Формой, подъ коей онѣ были скрываемы, была приточная. Апостолы говорятъ о Господѣ, что *все Онъ говорилъ въ притчахъ и безъ притчи ничего не говорилъ имъ* (Мѳ. XIII, 34). Но если *все произошло чрезъ Него и безъ Него не начало быть ничто* (Іоан. I, 3), то вѣрно и то, что и пророки и законъ начало получили отъ Него и что въ притчахъ именно Онъ-то говорилъ чрезъ нихъ.

Всѣ слова Мои для разумныхъ совершенно ясны, говоритъ Духъ Святый (Притч. VIII, 9). Подъ *разумными* здѣсь должно разумѣть тѣхъ, кои, воспринявъ отъ церкви истолкованіе священныхъ Писаній, понимаютъ оныя согласно съ ея указаніями, а слѣдовательно и въ томъ смыслѣ и значеніи, какое придавалъ имъ самъ Господь. Церковное же разумѣніе Писанія таково, что законъ и пророки по оному находятся между собою въ гармоническомъ согласіи, посредствуемомъ въ завѣтѣ, который оставленъ намъ Христомъ Іисусомъ во время тѣлеснаго Его пребыванія среди насъ. Познаніе должно отличаться разумностію, а разумность трезвенностію. Можно сказать про разумность даже, что она представляетъ собою знаніе Божеству свойственное: поэтому то она и составляетъ удѣлъ людей, кои представляютъ собою нѣчто Божественное (*). Трезвенность же, здравый смыслъ, по самой природѣ своей составляющій естественную принадлежность человѣка, есть удѣлъ людей преданныхъ мудрости, но оной въ жизни еще не достигшихъ. Если добродѣтель представляетъ собою свойство нѣкое Божественное, то и познаніе должно быть таковымъ же; трезвенность же, сдержанность есть видъ неполной разумности, стремящейся стать таковою; дѣла ея отличаются болѣе бранелюбивой напряженностью, нежели спокойной созерцательностію. Безъ сомнѣнія это же самое имѣетъ отношеніе и къ праведности. Будучи въ своихъ проявленіяхъ въ человѣческомъ мірѣ явленіемъ совершенно естественнымъ, и потому самому достояніемъ общечеловѣческимъ, она стоитъ однакоже ниже святости, которая есть (уже не человѣческая, а) Божія праведность (**). Взгляните на человѣка совершеннаго. Онъ не выжидаетъ, доколѣ принудятъ его къ праведности порядки гражданскіе или запрещенія закона; онъ стремится къ ней самъ по побужденіямъ совершенно добровольнымъ и по любви къ Богу. Итакъ для свящ. писателей было очень много побужденій изложить смыслъ многихъ своихъ изреченій лишь прикровенно. Первѣе всего священное Писаніе желаетъ, чтобы мы отдавались изслѣдованію смысла его добросовѣстно и чтобы постоянно поддерживали трезвенность ума своего, будучи всегда готовы постигнуть смыслъ спасительныхъ ученій. Далѣе вовсе и не требовалось, чтобы всѣ люди понимали говоримое свящ. писателями. Слова Духа Святаго, имѣющія цѣлію наше спасеніе, могли бы только искажены

(*) Писатель часто святыхъ людей называетъ богами. Подобное встрѣчается и у другихъ отцовъ, напр. у св. Григорія Назіанзина, у Ѳеофила «къ Автол.» и иныхъ.

(**) Объ отношеніи между святостью и праведностью разсуждалъ уже Платонъ въ «Протагорѣ» и Пиѳагорейцы. Имъ и слѣдуетъ нашъ писатель.

быть нечестивцами, еслибы эти стали обращаться къ нимъ съ иными, т. е. предосудительными цѣлями и расположеніями. Вотъ почему святыя тайны пророчествъ, назначенныя для избранныхъ и для тѣхъ, кои вѣрою приводятся къ познанію, облечены въ притчи, потому что и весь смыслъ Писаній — иносказательный. Вотъ почему и Господь, хотя Онъ былъ и не отъ міра сего, вступалъ въ общеніе съ людьми, какъ еслибъ онъ былъ человѣкомъ отъ міра сего. Онъ былъ живымъ образцомъ всѣхъ добродѣтелей. Человѣка вскормленнаго міромъ симъ, Онъ возвысилъ до созерцанія вещей невидимыхъ, принципіальныхъ; такъ Онъ преобразовывалъ этотъ міръ въ другой. Вотъ еще причина, заставлявшая Писаніе прибѣгать къ иносказанію. Эта форма выраженія мыслей, не указывающая самаго предмета, но только намекающая его легкимъ прикрытіемъ, наталкиваетъ человѣка мыслящаго на смыслъ собственный и истинный; или, —какъ нѣкоторые говорятъ,— иносказаніе есть такой способъ выраженія мысли, при которомъ въ видахъ наставленія насъ говорится о дѣйствительности подъ другимъ именемъ.

Въ самомъ дѣлѣ развѣ не видимъ мы, что Божественное домостроительство относительно воплощенія Господня, предуказанное пророками, для людей истины не вѣдущихъ остается простымъ иносказаніемъ? Что самъ Сынъ Божій, все создавшій, принялъ плоть нашу, что онъ зачатъ былъ во чревѣ Дѣвы, — ибо благоволилъ Онъ облечься въ тѣло чувственное, — что подобно тому какъ родился Онъ плотски, плотію же и пострадалъ и воскресъ, это—тайна, которую одни возвѣщаютъ, а другіе коей внимаютъ,—*Евреямъ соблазнъ, Эллинамъ же безуміе*, по выраженію Апостола (2 Кор. I, 23). Но приподнимите покровы Писанія, и оно *имущимъ уши* (Мѳ. XI, 15 и индѣ) откроетъ истину. Въ плотскомъ этомъ образѣ, на Себя принятомъ нашимъ Спасителемъ, по плоти пострадавшимъ, вы легко увидите возвѣщаемую вамъ *мудрость и силу Божію* (2 Кор. I, 24). Наконецъ такъ какъ аллегорическая форма выраженія мыслей ведетъ свое начало изъ глубокой древности, какъ это было уже показано нами, то и не слѣдуетъ удивляться тому, что мы часто встрѣчаемся съ ней у пророковъ. Духъ Святый чрезъ сіе подготовлялъ тотъ способъ убѣжденія, который эллинскимъ философамъ и мудрецамъ другихъ варварскихъ націй долженъ былъ внушить, что имѣвшее послѣдовать пришествіе Господне и то таинственное ученіе, которое Онъ имѣлъ принесть на землю, имъ оставалось неизвѣстнымъ. Не напрасно посему пророки, указывая на Господа и опасаясь въ глазахъ нѣкоторыхъ показаться богохульниками,—ибо предсказанія ихъ противорѣчили общепринятымъ мнѣніямъ, — облекали обозначаемое ими въ такія выраженія, которыя въ различныхъ умахъ должны были пробуждать и различныя представленія. Сверхъ того всѣ пророки, предсказывавшіе пришествіе Христово, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ тайны, составляющія послѣдствіе его, подвергались гоненіямъ и умерли насильственной смертію, какъ и самъ Господь, изъяснившій имъ Писанія. Но и ученики Его, распространявшіе въ мірѣ слово Его, какъ только оставилъ Онъ эту жизнь, по примѣру Его пользовались иносказательнымъ же способомъ выраженія своихъ мыслей. Вотъ что напр. Петръ говоритъ въ своей «Проповѣди» объ Апостолахъ: «Прочетши книги, оставленныя намъ пророками, гдѣ о Христѣ Іисусѣ говорится то въ притчахъ, то въ выраженіяхъ загадочныхъ, то въ выраженіяхъ безспорно ясныхъ и точныхъ, мы нашли въ нихъ пророчества о пришествіи Его, объ Его крестѣ, смерти, о всѣхъ страданіяхъ, которымъ подвергли Его Евреи, о воскресеніи Его и вознесеніи на небо даже до основанія новаго Іерусалима, какъ написано (Апок. XXI; 2 Петр. III, 13). Вотъ чрезъ какія скорби Онъ непремѣнно долженъ былъ пройти и вотъ что должно было воспослѣдовать послѣ Него. Послѣ такого изслѣдованія мы стали такъ вѣровать въ Бога, какъ говоритъ о Немъ Писаніе». Потомъ нѣсколько ниже Петръ добавляетъ, что священныя книги суть дѣло Божественнаго Провидѣнія. «Мы узнали, говоритъ онъ, что по истинѣ по повелѣнію самаго

Бога онѣ написаны; посему мы ни одного слова не говоримъ, не опираясь въ томъ на Писаніе».

Свойственны еврейскому языку наравнѣ съ прочими языками и нѣкоторыя отличительныя особенности. Богатъ онъ своеобычными выраженіями, отпечатлѣвающими характеръ народа. Языкъ опредѣляютъ такъ, что «это де есть способъ выраженія мыслей, отлитой соотвѣтственно характеру народа». Но пророчества ничего не имѣютъ, что походило бы на комбинаціи свойственныя этимъ нарѣчіямъ. У Эллиновъ образныя выраженія, касавшіяся обыденной жизни, нарочно были облекаемы въ форму загадочную, чтобы искуснѣе подражать въ семъ нашимъ пророчествамъ. Это значитъ, что какъ въ стихахъ такъ и въ прозѣ у нихъ было произвольно допускаемо отступленіе отъ естественнаго смысла, ибо выраженіе тропическое есть одно изъ отвлеченій слова отъ естественнаго смысла для усвоенія ему значенія переноснаго въ особенныхъ цѣляхъ сочиненія, въ видахъ сообщенія различнымъ частямъ его бо́льшихъ граціозности и живости. Но пророчества никогда не пользуются образами въ видахъ сообщенія своему языку украшенности. Образность ихъ имѣетъ другія основанія. Зная, что не всѣ могутъ вмѣщать истину, пророчества скрывали ее во множествѣ разнообразныхъ формъ; осіявали они блестящимъ свѣтомъ только вѣрныхъ, посвященныхъ въ познаніе и ведомыхъ къ истинѣ любовію. Варварской мудрости свойственны различные виды пророчествъ: пословица, притча, загадка. Она различаетъ *мудрость* отъ *наставленія*; потомъ различаетъ она *правила благоразумія, тонкость языка,—сущую, прямую правду*, потомъ еще *умѣнье управлять сужденіемъ, хитрость, какую сообщаетъ наука простякамъ, чувство и разумѣніе*, сообщаемыя новообращенному оглашеніемъ. «*Мудрый, слушая пророковъ сихъ*, сказано, *станетъ мудрѣе, а человѣкъ разумный научится искуству управлять. Онъ проникнетъ въ притчи и сокровенный смыслъ ихъ, въ рѣчи мудрыхъ и въ тайны ихъ* (Притч. I, 1—6). Если то правда, что нарѣчіямъ эллинскимъ далъ свое имя Эллинъ, по однимъ сынъ Зевса, а по другимъ Девкаліона, то хронологія, нами изложенная ранѣе (*), можетъ служить наилучшимъ доказательствомъ того, на какое число поколѣній языкъ еврейскій произошелъ ранѣе эллинскихъ діалектовъ.

По мѣрѣ того, какъ мы въ этомъ сочиненіи будемъ подвигаться впередъ, изслѣдуя разные виды образовъ, подъ коими по пророку (Соломону) скрываются свящ. тайны, мы изобразимъ тщательно и согласно съ требованіями истины смыслъ того образа жизни, которымъ отличается гностикъ. Когда Божественная Добродѣтель (старица) въ видѣніи явилась Эрмѣ подъ образомъ церкви (**), то Она вручила ему книгу, и желая съ нею познакомить избранныхъ поручила Эрмѣ переписать ее. «Я переписалъ ее, пишетъ Пастырь, изъ буквы въ букву, не въ состояніи будучи открыть, какъ сочетались слоги» (***). Это видѣніе означало собой, что свящ. Писаніе, если имѣть дѣло лишь съ буквой его, ясно всѣмъ; вѣра при семъ сочетаетъ букву съ буквой (Евр. V, 12). Вотъ почему фраза «читать буквально» имѣетъ смыслъ аллегорическій, (т. е. мало понимать). Гностическое же пониманіе Писанія, благодаря прогрессу, къ коему способна вѣра, походитъ на чтеніе по слогамъ. Такъ въ другомъ мѣстѣ Писанія повѣствуется, что пророкъ Исаія (VIII. 1) получилъ повелѣніе взять новую книгу и записать въ нее нѣкія таинственныя рѣчи. Что значитъ это? Посредствомъ этого символа Духъ Святый указывалъ на касающееся домостроительства нашего спасенія священное свѣдѣніе, имѣющее открыться чрезъ изъясненіе Писаній, сего священнаго сокровища, коего книги Писанія еще не содержали, потому что оно было еще неизвѣстно. Эти тайны отъ самого начала возникновенія ихъ были открываемы лишь имѣвшимъ разумѣніе. Но и болѣе того. Съ тѣхъ

(*) Во 2-й кн. Строматъ.

(**) Кн. 1, вид. 11, гл. 1.

(***) Указаніе на древнѣйшій способъ писанія какъ книгъ такъ и надписей на мраморѣ и мѣди: безъ раздѣленія словъ одного отъ другаго, въ непрерывныхъ рядахъ буквъ.

поръ, какъ Господь нашъ самъ научилъ Апостоловъ, чрезъ преданіе стало доходить до насъ уже все и не написанное въ Писаніи, но имѣющее отношеніе къ нему, такъ какъ всемогуществомъ Божіимъ то стало начертываться на обновленныхъ сердцахъ, въ соотвѣтствіе новому завѣту. Вотъ почему наиболѣе просвѣщенные и между Эллинами. Гермесу, котораго они называютъ (Логосомъ) Словомъ, посвящаютъ гранатовое яблоко въ благодарность за даръ голоса и слова и за толкованіе онаго, потому что рѣчь заключаетъ въ себѣ дѣйствительно много темныхъ выраженій.

Въ видѣніи Іисуса Навина значитъ также скрывалась глубокая мудрость. Моисея, при вознесеніи его на небо, онъ видѣлъ въ двойномъ видѣ: одинъ возносился среди сонма ангеловъ, другой же стоялъ на вершинѣ горъ и однакоже также достоинъ былъ имѣть собесѣдниками въ этихъ высотахъ Ангеловъ. Видѣлъ же Іисусъ это зрѣлище снизу, будучи вмѣстѣ съ Халевомъ вознесенъ горѣ въ духѣ. Однакоже оба эти зрителя видѣли не одно и тоже. Послѣдній быстро спустился долу, горя нетерпѣніемъ сложить тяжесть, его обременявшую; другой же, сошедши съ этихъ высотъ, послѣдовательно разсказалъ о всей славѣ, коей онъ былъ свидѣтелемъ; будучи болѣе чистымъ, онъ сравнительно со своимъ спутникомъ былъ и болѣе ясновидящимъ. Эта исторія, по нашему пониманію ея, означаетъ, что познаніе не составляетъ достоянія общаго. Одни, заняты будучи лишь матеріальною частію Писанія, т. е. словами и именами, видятъ только тѣло Моисея. Другіе же проникаютъ въ глубину мыслей и ищутъ въ словахъ таинственнаго смысла, со всей жаждой любознательности слушая Моисея, сѣдящаго въ сонмѣ Ангеловъ. То правда конечно, что между призывавшими Господа многіе говорили: *Сыне Давидовъ, помилуй мя* (Мк. X, 48 и индѣ). Но какъ немногіе видѣли въ Немъ подобно Петру Сына Божія! Поэтому-то Петра Учитель его и назвалъ блаженнымъ, ибо *не плоть и не кровь открыли ему сію тайну, но Отецъ, сущій на небесахъ* (Мѳ. XVI, 17). Господь хотѣлъ научить насъ этими словами, что истинный гностикъ познаетъ Сына Вседержителева не очами этой плоти, образованной во чревѣ матери, а благодатію Отчею. Обладаніе истиною есть дѣло трудное не для неопытныхъ только и неискусныхъ. Исторія Моисея собой доказываетъ намъ, что даже и тѣ, для коихъ она составляетъ спеціальность, не наслаждаются созерцаніемъ ея во всей ея широтѣ. Нѣкогда Евреи созерцали славу Моисея (Исх. XXXIV, 30 и д.). Святымъ Израиля являлись въ видѣніяхъ цѣлые сонмы Ангеловъ (напр. Дан. X. 7 и д. и индѣ). Будемъ стремиться къ тому, чтобы и намъ подобно имъ лицомъ къ лицу созерцать блескъ истины.

16. Таинственный смыслъ Десятословія, какъ примѣръ того, что и все Писаніе должно быть понимаемо въ смыслѣ таинственномъ (*).

Мимоходомъ здѣсь остановимся на Десятословіи, которое можетъ быть примѣромъ содержимаго и всѣмъ Писаніемъ и постигаемаго лишь гностикомъ таинственнаго смысла.

Что число 10 есть число священное, это доколѣ считаю я и доказывать излишнимъ. Если то правда, что скрижали съ начертанными на нихъ заповѣдями, суть дѣло Божіе (Исх. XXXII, 15, 16; XXXI, 18), то нѣтъ сомнѣнія, что ими означается сотворенная природа. Подъ *перстомъ Божіимъ* разумѣется Божественное всемогущество, сотворившее небо и землю; скрижали же служили символомъ, одна неба, другая земли. Буквы, начертанныя Богомъ на принявшихъ оныя скрижаляхъ, и дѣйствительно изображали собою сотворенный этотъ міръ. Одною изъ скрижалей Десятословія слѣдовательно, поколику она была образомъ неба, намекаемы были такіе десять элементовъ его: солнце, луна, звѣзды, облака, свѣтъ, вѣтеръ, вода, воздухъ, мракъ, огонь. Вотъ естественное десятословіе неба. Второй скрижалью была

(*) Какъ вообще, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касается древняго закона, такъ и въ настоящей главѣ нашъ писатель идетъ по стопамъ Филона.

означена земля съ ея элементами: людьми, домашними животными, гадами и звѣрьми поля; изъ водныхъ рыбами и китообразными; изъ птицъ плотоядными и неплотоядными; изъ растенiй фруктовыми и безплодными. Вотъ естественное десятословiе земли. Что касается ковчега, содержавшаго скрижали закона (Исх. XXV, 16), то этимъ состоятъ мудрость и познанiе вещей Божескихъ и человѣческихъ (*). Можетъ статься также, что двумя скрижалями былъ данъ пророческiй намекъ и на два завѣта. Скрижали были таинственно возобновлены, какъ скоро невѣжество и грѣхъ вышли изъ предѣловъ. Заповѣди, какъ оказывается, также были начертаны на скрижаляхъ дважды: въ первый разъ духомъ повелѣвающимъ, вторично же духомъ повинующимся, *ибо плоть желаетъ противнаго духу, а духъ противнаго плоти* (Гал. V, 17).

Олицетворенiемъ десятеричнаго числа состоитъ также и человѣкъ самъ. Ему свойственны пять чувствъ; онъ говоритъ, рождается; восьмымъ элементомъ въ немъ состоитъ дыханiе, коимъ обусловливается образованiе и самого тѣла (**); душа, которая властительницей состоитъ въ человѣкѣ, это девятый элементъ въ немъ, господственный; наконецъ десятымъ элементомъ въ человѣкѣ состоитъ какой либо особый даръ; по силѣ вѣры вселяется въ человѣка Духъ Святый и налагаетъ на сей даръ особую печать и отличительный характеръ. Добавьте къ этому, что законъ, какъ оказывается, объемлетъ своими предписанiями всѣ десять элементовъ, кои входятъ въ человѣка: зрѣнiе, слухъ, обонянiе, осязанiе, вкусъ и органы попарные, представляющiе собою слугъ первымъ, т. е. руки и ноги. Это для внѣшняго человѣка, ибо таковъ и составъ его. Но въ человѣкѣ есть еще душа, а кромѣ того начало еще важнѣйшее и управляющее всѣмъ человѣкомъ, разсуждающее въ немъ и своимъ происхожденiемъ не σπέρματος καταβολῇ обязанное, такъ что даже за исключенiемъ сего мы имѣемъ на лицо 10 способностей, выполняющихъ всю совокупность свойственныхъ намъ функцiй. Слѣдя за тѣмъ, въ какой постепенности проявляются всѣ эти способности, мы находимъ, что человѣкъ плотскимъ рожденiемъ своимъ обязанъ бываетъ началу страстямъ раболѣпствующему, хотя судительная способность впослѣдствiи оказывается въ немъ главною изъ всѣхъ; мы считаемъ ее даже за образовательное начало животнаго, опредѣляющее собой составъ его и всю природу; даже болѣе того: и о неразумной части животнаго мы говоримъ, что она одушевляется, оживляется тѣмъ началомъ и сама составляетъ какъ бы придатокъ къ ней. Жизненнымъ началомъ, въ которомъ заключена сила питающая и возращающая внѣшняго человѣка, или говоря общѣе: коему свойственны всякаго рода движенiя, состоитъ духъ плотской, одаренный удивительной удобоподвижностью; благодаря чувствамъ и остальному тѣлу онъ можетъ развиваться; и ему-то чрезъ тѣло естественно возбуждаться прежде всего. Способности же господственной свойственна свобода; въ глубочайшихъ поставцахъ сей способности живутъ духъ изслѣдованiя, духъ порядка и законности, стремленiе къ познанiю. И дивная вещь! Все оказывается въ человѣкѣ упорядоченнымъ примѣнительно къ одной этой влаственной въ немъ способности; ею человѣкъ опредѣляется въ своей жизни, и притомъ опредѣляется извѣстнымъ образомъ. Итакъ при посредствѣ плотскаго духа человѣкъ чувствуетъ, желаетъ, радуется, раздражается, питается, развивается; при его посредствѣ человѣкъ и дѣйствуетъ соотвѣтственно тому, что придумано и рѣшено имъ въ душѣ и въ умѣ. Если страсти побѣждаются, господственная способность торжествуетъ. Заповѣдью *не пожелай* означается слѣдовательно не иное что какъ слѣдующее: «Вмѣсто рабскаго служенiя плотскому духу господствуй надъ нимъ, ибо съ одной стороны *плоть желаетъ против-*

(*) Срав. Педаг. II, гл. 2 въ срединѣ.

(**) Это *духъ жизни*, Богомъ вдунутый въ человѣка при его сотворенiи (Быт. II, 7). Выше писателемъ онъ же разумѣется подъ духомъ «подчиненнымъ», а ниже подъ духомъ «плотскимъ, тѣлеснымъ».

наго духу, состоя мятежницей, всегда готовой покрыть тебя позоромъ чрезъ впаденіе въ дисгармонирующія съ природой излишества; съ другой стороны духу дана такая власть управлять тѣломъ, что въ теченіе всей своей жизни человѣкъ можетъ дѣйствовать согласно съ внутреннѣйшей своей природой.

Итакъ что же неправаго въ томъ сообщеніи священныхъ книгъ, что человѣкъ созданъ *по образу Божію* (Быт. I, 26)? Въ этомъ случаѣ рѣчь идетъ не о внѣшней его организаціи. Выраженіемъ тѣмъ означается, что какъ Богъ все сотворилъ своимъ Логосомъ, такъ и гностикъ, поступая по примѣру Его, т. е. согласуя всѣ свои дѣйствія съ разумомъ. чрезъ который заявляетъ о Себѣ Божественный Логосъ, совершаетъ дѣла, достоинство коихъ обусловливается разумностію ихъ, ибо къ этой гностикъ и стремится. Двумя скрижалями завѣта по истинѣ обозначены значитъ символически тѣ заповѣди, кои, даны будучи и тѣмъ и другимъ изъ двухъ духовъ,—т. е. какъ духомъ творящимъ (плотскимъ), такъ и управляющимъ,—упредили собою законъ. Кромѣ того ими обозначена двоякость движеній, свойственныхъ нашимъ чувствамъ. Движенія эти также раздѣляются на два вида, смотря потому, получаютъ ли они начало въ умѣ нашемъ или же возникаютъ изъ процессовъ тѣлесныхъ: двоякій путь въ постиженіи и предметовъ познанія. Внѣшнія чувства имѣютъ соотношеніе съ міромъ матеріальнымъ, умозрѣніе же съ тѣмъ, что созерцается въ области лишь мысли Но что касается и дѣйствій. то и они также двоякаго вида: одни возникаютъ изъ разсудка, источникомъ другихъ состоятъ движенія плотскія.

Первая заповѣдь Десятословія предноситъ духовнымъ очамъ нашимъ единаго всемогущаго Бога (Исх. XX, 2, 3 и д.), выведшаго изъ Египта народъ избранный, дабы чрезъ пустыню ввесть его во владѣніе наслѣдіемъ отцовъ. Творецъ сею заповѣдью требуетъ отъ своего народа, чтобы при обращеніи вниманія на эти Божественныя чудеса онъ проникался, насколько это возможно, сознаніемъ величия Его всемогущества. Онъ требуетъ далѣе, чтобы народъ уже не воздавалъ идолопоклоннически почестей творенію, а возлагалъ бы всѣ надежды только на Бога истиннаго.—Второй заповѣдью требуется, чтобы величіемъ Вѣчнаго, который одинъ только достоинъ по истинѣ благоговѣйнаго поклоненія, никто не смѣлъ пользоваться для цѣлей суетныхъ, никто этимъ священнымъ именемъ не смѣлъ называть предметовъ сотворенныхъ и тлѣнныхъ, созданныхъ рукою художниковъ человѣческихъ; съ ними Сущій (Исх. III, 14) ничего не имѣетъ общаго; ибо при тождественности лишь самому себѣ существуетъ по истинѣ одинъ только Сущій. Величіе Его конечно представляется лишь именемъ Его, но массѣ народа тогда еще и не могло быть понятно большее. Таковъ смыслъ и 3-й заповѣди.—Четвертая возвѣщаетъ намъ, что міръ есть дѣло Божіе, что Богъ намъ даровалъ седьмой день для отдыха, по причинѣ скорбей, претерпѣваемыхъ нами въ жизни сей и бѣдствій, коимъ здѣсь подвергаемся. Самъ Богъ при вѣчной своей крѣпости и неутомимости и святомъ безстрастіи не нуждается въ покоѣ. Но нельзя того же сказать о насъ, носящихъ на себѣ бремя плоти. Этотъ седьмой день названъ днемъ покоя, т. е. воздержанія отъ всѣхъ видовъ зла. Симъ днемъ предзнаменованъ тотъ первозданный день(*), т. е. Христосъ, въ которомъ впервые возникли на свѣтъ всѣ вещи, который есть истинный нашъ покой и съ которымъ имѣетъ соотношеніе тотъ свѣтъ (разума), при блескѣ коего все для насъ ясно и все дѣлается нашимъ достояніемъ. Начиная съ этого самаго дня осіяваютъ насъ первые лучи мудрости и познанія. Я хочу сказать симъ слѣдующее: Святый Духъ Господень, свѣтъ истины, свѣточъ истинный и непогрѣшимый, тьмы въ коемъ нѣтъ ни малѣйшей, свѣтъ дѣлящійся, но не раздѣляющійся на части, въ средѣ тѣхъ, кои освящены вѣрою, представляетъ умозрительное солнце, собою освѣщающее все существу-

(*) Разумѣется Христосъ, который даруетъ намъ и бытіе и свѣтъ и покой.

ющее. Пользоваться симъ свѣтомъ въ теченіе всей жизни, это значитъ утвердиться въ святомъ безстрастіи. Вотъ что знаменуется покоемъ седьмаго дня. Посему-то и Соломонъ (Притч. VIII, 22 и д.) изображаетъ предъ нами Вседержителя, еще за много вѣковъ до начала неба, земли и всего существующаго, зачинающимъ и рождающимъ Премудрость, проникновеніе которою,—говорю о нашей части въ оной чрезъ усилія и добродѣтель, а не о какомъ либо субстанціальномъ нашемъ, или по существу, равенствѣ ей,—знакомитъ насъ съ законами Божескими и человѣческими; еще во время земной сей жизни путемъ созерцанія мы такимъ образомъ доходимъ до пониманія оныхъ.

Такъ какъ рѣчь коснулась седмеричнаго числа и восьмеричнаго, то этимъ вызвано въ нашей памяти мимоходомъ и слѣдующее. Число восьмеричное, собственно говоря, есть только седмеричное; но въ то же самое время седмеричнымъ числомъ представляется и шестеричное, т. е. суббота. Седмеричное же число назначается для дѣятельности, потому что и твореніе міра окончено въ шесть дней. Солнцу нужно шесть мѣсяцевъ, чтобы совершить свое движеніе отъ одного тропика до другаго (*), въ теченіе какого промежутка времени однажды листья падаютъ, а въ другой разъ размножаются растенія и развиваются зародыши. Говорятъ также, что зародышъ совершенно развивается въ продолженіе шести мѣсяцевъ, т. е. чрезъ 182 дня съ половиною, какъ пишетъ о семъ врачъ Полюбъ въ своемъ разсужденіи «Объ осьмимѣсячныхъ дѣтяхъ» и Аристотель въ своемъ твореніи «О природѣ». Вѣроятно по причинѣ сотворенія міра въ 6 дней, ученики Пиѳагора на основаніи книги Бытія считаютъ совершеннымъ число шесть (*), называемое ими числомъ, находящимся въ срединѣ между прямыми числами, т. е. 2-мя и 10-ю. Еще оно называлось «бракомъ». Первымъ изъ сихъ именъ оно называлось потому, что, равно отстоя отъ 10 и отъ 2, въ нѣкоторомъ родѣ есть средина между ними. Гамосомъ, т. е. бракомъ, называется это число потому, что имѣетъ нѣкоторое сходство съ нимъ. Какъ бракъ происходитъ чрезъ соединеніе мужа съ женою, точно такъ же и число 6 произведено нечетнымъ числомъ 3, которое считается за число мужескаго рода, и числомъ 2, которое считается числомъ женскаго рода (**). Дважды три будетъ шесть. Такое же число и движеній, чрезъ которыя распространяется потомство; ихъ шесть: вверхъ, внизъ, вправо, влѣво, впередъ, взадъ. Потому по справедливости, разсматривая число 7 какъ рожденное безъ матери и не производящее на свѣтъ никакого потомства, его дѣлаютъ символомъ субботы, иносказательной эмблемой того покоя, въ который *ни женятся, ни замужъ не выходятъ* (Лк. XX, 35). Ибо число это, не представляющее собою произведенія какихъ либо множителей, не даетъ ни одного изъ чиселъ, содержащихся между единицей и двѣнадцатью (***).

(*) Климентъ только сокращаетъ говоримое Филономъ въ его сочиненіи «О твореніи міра». Этотъ пишетъ: «Солнце, вожатый дня, устрояя намъ ежегодно два равноденствія, весной и осенью, весной въ знакѣ Овна, а осенью въ знакѣ Вѣсовъ, до очевидности ясно доказываетъ Божественное величіе *семи*. Потому что и то и другое изъ равноденствій происходитъ въ началѣ 7-го мѣсяца; въ эти-то два періода времени законъ установилъ и два главныхъ праздника и т. д.

(*) «Число совершенное, по Эвклиду, есть такое, которое раздѣляется на части равныя и вновь изъ нихъ можетъ быть возстановлено». Число шесть отвѣчаетъ этимъ условіямъ, потому что его части, 1, 2, 3, будучи сложены, даютъ 6.

(**) Посему Юнона была извѣстна въ древности подъ числомъ 2, а самое это число иногда называлось «плодовитымъ».

(***) Семь есть первое изъ чиселъ, происходящее отъ числа совершеннаго, т. е. слагаемое изъ 6 и 1. Кромѣ того по нѣкоторой особой причинѣ числами ниже 10 производятся или низшія десятки или же сами они производятся или и то и другое вмѣстѣ. Число же 7 ни само никакого не

Помѣщающіе неподвижную сферу въ числѣ 7 планетъ число восемь называютъ кубическимъ. Тѣ 7 планетъ знаменуютъ своимъ движеніемъ великій годъ, имѣющій явить общее воздаяніе и исполненіе обѣтовъ (*). Вотъ почему Господь, вошедши на гору Ѳаворъ самъ четвертъ (**) скоро становится шестымъ(***) и блистая сіяніемъ духовнаго свѣта обнаруживаетъ такую славу, какую только могли выдержать удостоенные зрѣнія ея. Голосъ,—значитъ уже седьмое лице,—провозгласилъ Его Сыномъ Божіимъ. Чего желалъ онъ? Убѣдить спутниковъ полагаться на Него всею крѣпостію ихъ убѣжденій и — Его самого являя Богомъ воплощеннымъ, во всемъ блескѣ Его всемогущества. Эмблемой его происхожденія на свѣтъ служитъ число шесть съ его чудесными свойствами; эмблемой же Его Божества число восьмеричное, ибо Онъ считаемъ былъ за простаго человѣка, но голосъ свыше открывалъ тайну Его природы (****). И въ самомъ дѣлѣ число шесть хотя конечно и занимаетъ подобающее ему мѣсто между числами, но въ алфавитѣ нѣтъ знака для него (*****). Въ ряду цифръ числа 7 и 8 занимаютъ конечно подобающее каждому изъ нихъ мѣста; въ алфавитѣ же шестой буквой приходится *тэта*, а седьмой *эта*. И неизвѣстно, какимъ образомъ явился для шести знакъ ꞔ. По этому - то по принятой системѣ буквъ седьмая становится шестою, а восьмая седьмою. Вотъ почему и сказано, что человѣкъ былъ созданъ въ шестой день. Если вѣренъ онъ Тому, который изображается числомъ 6, то тотчасъ вводится во владѣніе тѣмъ наслѣдіемъ, которое обѣтовано Господомъ. Подобное нѣчто означаетъ собою и 6-й часъ, въ который скончался Богочеловѣкъ и совершено дѣло нашего спасенія (Мѳ. XXVII, 45; Мк. XV, 33; Лк. XXIII, 44; Іоан. XIX, 14) Доказано значитъ, что 8 равно 7, а 7 = 6 по мѣсту ими занимаемому въ алфавитѣ. И въ другомъ еще болѣе таинственномъ смыслѣ семью восхвалено число восемь, ибо небеса небесамъ возвѣщаютъ славу Всевышняго (Пс XVIII, 1). Итакъ принятые у насъ фонетическіе знаки суть знаки, символы предметовъ чувственныхъ. Такъ и самъ Господь названъ Альфой и Омегой, началомъ и концомъ (Апок. XXI, 6), *которымъ все сотворено и безъ котораго ничто не произошло* (Іоан. I, 3).

Не слѣдуетъ полагать, что покой Божій, какъ понимаютъ его нѣкоторые, состоялъ въ прекращеніи дѣятельности. Еслибы благой по существу своему Богъ пересталъ творить добро, то въ тоже самое время Онъ пересталъ бы быть и Богомъ; но даже и говорить о семъ неприлично. Онъ *почилъ*, что же это значитъ? Означается симъ повелѣніе Божіе, чтобы разъ установленный порядокъ оставался ненарушимымъ во все продолженіе вѣковъ и чтобы все твореніе, выведено будучи изъ прежнихъ своихъ безпорядочности и неустроенности, отдыхало отъ нихъ. Въ различные дни происшедши изъ ничего, все сотворенное пришло между собою въ удивительную гармонію. Проистекши всѣ изъ одной и той же мысли, существа сотворенныя однакоже были неодинаковы по почетности, а именно ранѣе происшедшія были ниже позднѣйшихъ. Происхожденіе каждаго изъ нихъ и не было бы отдѣлено отъ происхожденія другихъ видовъ бытія и каждому

производитъ, ни производится. Послѣдователи Пиѳагора посему уподобляли его Минервѣ, рожденной безъ матери и вѣчно сохранявшей дѣвство. Филонъ о семъ разсуждаетъ подробно въ своемъ твореніи «О днѣ седьмомъ и праздникахъ».

(*) Нѣкоторые изъ древнихъ оо. церкви думали, что міръ кончитъ свое существованіе чрезъ 6000 лѣтъ, кои соотвѣтствуютъ де 6 днямъ творенія. На 7-й день они назначили судъ, а на 8-й общее воздаяніе (Срав. посл. Варнавы гл. 15).

(**) Въ сопровожденіи Петра, Іакова и Іоанна.

(***) Чрезъ явленіе Моисея и Иліи.

(****) Мѣсто замѣчательное. Тутъ все есть: и Божество Христа Іисуса и происхожденіе Его и различіе лицъ.

(*****) Рѣчь идетъ о численномъ знакѣ ꞔ, котораго въ греческомъ алфавитѣ нѣтъ, потому что по преобразованіи его изъ финикійскаго буква *вавъ* представлялась въ древности сначала дигаммой, а потомъ изъ алфавита и она была выброшена.

изъ нихъ голосомъ Всевышняго не было бы указано происхожденіе особое, еслибы твореніе произошло массами; тогда такъ и сказано было бы о немъ. Но нужно было говорить о твореніи въ извѣстномъ порядкѣ. Вотъ почему священный историкъ говоритъ сначала о сотвореніи одного, потомъ о сотвореніи другаго, хотя властію Всевышняго вся совокупность существъ извлечена была изъ одной и той же субстанціи. Воля Божія, сколько я понимать могу, въ своей тождественности самой себѣ, едина. Да какимъ образомъ твореніе и совершилось бы во времени, когда и само-то оно современно творенію?

Но вотъ и весь міръ существъ одушевленныхъ, равно какъ и природы органической вращается около числа семи. Существуетъ семь перворoдныхъ Ангеловъ, которые состоятъ князьями надъ всѣми остальными и облечены величайшими вліяніемъ и полномочіями. По мнѣнію астрономовъ земля управляется семью блуждающими планетами, вліянію которыхъ халдеи приписываютъ все случающееся съ нами смертными въ сей жизни и чрезъ наблюденіе которыхъ они гадаютъ о будущемъ. Число неподвижныхъ Плеядъ состоитъ изъ семи звѣздъ. Обѣ Медвѣдицы состоятъ тоже изъ седмеричнаго числа звѣздъ, коими опредѣляются въ своихъ дѣлахъ земледѣльцы и мореплаватели. Луна также мѣняетъ свой видъ каждые семь дней. Она бываетъ двурогимъ серпомъ въ первую недѣлю, полною въ концѣ второй, снова становится серпомъ въ третью, въ теченіе ея убывая; совершенно исчезаетъ она въ четвертую. Но математикъ Селевкъ различаетъ въ ней семь различныхъ фазисовъ: сначала невидимая, потомъ согнутая серпомъ, далѣе на половину полная, потомъ совершенно полная и округленная, далѣе идущая на ущербъ, но закругленная; еще разъ на половину полная и согнутая опять-таки серпомъ.

Воспоемте гимны новые на семиструнной нашей лирѣ,

пишетъ не неславный поэтъ (Пиндаръ), научая насъ этими словами, что древняя лира имѣла семь струнъ. На лицѣ нашемъ сосредоточено также семь органовъ нашихъ ощущеній: два глаза, два проводника звуковъ, двѣ ноздри и ротъ, дополняющій собою число семь. Элегіи Солона также объясняютъ намъ, что различныя измѣненія въ человѣческой жизни тоже происходятъ по седмицамъ.

Когда ребенку исполнятся первые семь лѣтъ жизни,
Ты увидишь во рту у него ограду зубовъ.
Если Божество ему дастъ еще семь лѣтъ жизни,
То появятся у него признаки возмужалости.
Когда онъ еще новыхъ семь лѣтъ проживетъ,
Его щеки покроются густою бородою.
Прибавь къ его возрасту еще семь лѣтъ,
И онъ во всемъ расцвѣтѣ силъ займетъ мѣсто между мужами.
Седмерица пятая напоминаетъ мужу, что пора искать супруги,
Чтобъ въ потомствѣ возродиться.
Минуетъ еще лѣтъ седмерица шестая,
И съ ней появится благоразуміе, смышленость
И отвращеніе ото всего, что отзываетъ легкомысліемъ и безразсудствомъ.
Седьмая и восьмая седмерицы—
Время наилучшаго состоянія ума и слова.
Въ послѣдующую за тѣмъ девятую седмерицу
Силы тѣла и разсудка еще не оставляютъ человѣка,
Но будучи ослаблены, и умъ и слово уже неспособны на что нибудь высокое.
На десятой наконецъ седмицѣ человѣкъ, созрѣвшій для могилы,
Падаетъ подъ ударами смерти, для такого возраста не безвременной.

Но продолжимъ. Въ болѣзняхъ седьмой и четырнадцатый день суть дни критическіе, когда природа борется съ началомъ породившимъ болѣзнь. Гермиппъ Берютянинъ въ своемъ разсужденіи «О числѣ седмеричномъ» излагаетъ еще множество другихъ чудесныхъ свойствъ его. Но весьма ясно человѣку понимающему открываетъ таинственное значеніе чиселъ седмеричнаго и восьмеричнаго и блаженный царь Давидъ, воспѣвая такъ: *Жизнь наша какъ паутина. Дни лѣтъ нашихъ 70 лѣтъ, и 80 для сильныхъ* (Пс. LXXXIX, 9, 10). А если выше этого, то это значило бы уже царствовать.

Не будемъ заблуждаться. Міръ былъ зачатъ, а не сотворенъ во времени(*). Для того, чтобы убѣдить насъ въ этомъ, пророчество прибавляетъ: *Сія книга происхожденія неба и земли, когда они были созданы,—въ день, когда Господь сотворилъ небо и землю* (Быт. II, 4). Слова эти *когда они были созданы* даютъ указаніе неясное и не ограничиваютъ творенія никакой эпохою; слова же *въ день, когда Господь сотворилъ*, означаютъ *День*, въ который и которымъ Онъ сотворилъ всѣ вещи и *безъ Котораго ничего не произошло* (Іоан. I, 3). т. е. говорится здѣсь о твореніи, происшедшемъ чрезъ Сына, о которомъ Псалмопѣвецъ говоритъ: *Вотъ День, который сотворилъ Господь: возрадуемся и возвеселимся въ Немъ* (Пс. CXVII, 24). Что симъ означается? Сядемъ за Божественную трапезу; вкусимъ отъ познанія, дарованнаго Богомъ. Не Логосъ ли, Собою освѣщающій и наигустѣйшій мракъ (Іоан. I, 9; 1 Кор. IV, 5) и при посредствѣ Котораго возникли на свѣтъ и для жизни всѣ творенія, не Онъ ли названъ днемъ и свѣтомъ? Да и вообще Десятословіемъ чрезъ іоту обозначается имя по преимуществу благословенное; буква эта указываетъ намъ на Іисуса, который есть Логосъ (**).

За тѣмъ слѣдующая заповѣдь Десятословія, пятая, напоминаетъ намъ объ обязанности нашей почитать отца и матерь. Чрезъ это ясно она и Бога и Господа нашего называетъ Отцомъ. Отсюда-то и познавшіе Его именуются сынами Божіими(***). Отецъ нашъ, Господь нашъ, Онъ же есть и Творецъ всего существующаго. Но кто же матерью состоитъ у насъ? Искать ли ея намъ въ матеріи, изъ которой мы сотворены, подобно какъ дѣлаютъ это нѣкоторые другіе; или же видѣть ее намъ въ церкви, какъ предлагаютъ это намъ иные изъ толкователей? Да не будетъ ни того ни другаго. Нашей матерью, т. е. матерью праведниковъ, состоитъ, по словамъ Соломона (Притч. I, 8; XXXI, 1), Божественное познаніе, премудрость. которую избирать слѣдуетъ изъ за нея самой. Сверхъ того познаніе всего, что прекрасно, всего что преславно, нисходитъ къ намъ отъ Бога чрезъ посредство Сына.

Далѣе наблюдай заповѣдь, запрещающую прелюбодѣяніе. Становишься виновнымъ въ томъ, когда, отдаляясь отъ церкви, отступая отъ истиннаго познанія и убѣжденія въ бытіи Божіемъ, начинаешь раздѣлять мнѣнія достойныя осужденія; или же когда какое либо твореніе возвышаешь до степени Божества; или же когда придаешь форму идола тому, чего вовсе и нѣтъ, выходя такимъ образомъ изъ границъ познанія,—или нѣтъ,—становясь дезертиромъ, бѣглецомъ изъ подъ знаменъ познанія. Впадать въ мнѣнія лживыя столь же несвойственно гностику, какъ и содержаніе мнѣній истинныхъ ему обычно и отъ него неотдѣлимо. Вотъ почему преславный Апостолъ идолопоклонство(*) называетъ нѣкотораго рода прелюбодѣяніемъ (Кол. III, 5; Гал. V, 20; 1 Петр. IV, 3), согласуясь въ этомъ случаѣ съ пророкомъ, который тоже говоритъ: Народъ сей *прелюбодѣйствовалъ съ деревомъ и камнемъ* (Іер. III, 9). *Онъ дереву говорилъ: «Ты мой отецъ»; и камню: «Ты зачалъ меня»* (Іер. II, 27).

Далѣе слѣдуетъ заповѣдь, запрещающая убійство. Убійство есть твердо обдуманное похищеніе, сокрытіе, утайка. Сокрыть истинное ученіе о Богѣ и вѣчности, замѣнивъ оное ложью; сказать напр., что никакого Провидѣнія, управляющаго міромъ, нѣтъ; утверждать, что міръ сей не сотворенъ; наконецъ отрицать какое либо непреложное священное ученіе: это значитъ совершать убійство.

Слѣдующей заповѣдью запрещается кража. Какъ похититель чужаго имѣнія, при значительности наносимаго имъ убытка, кару его постигаю-

(*) Писатель хочетъ сказать, что твореніе міра продолжается.

(**) Іота въ одно и тоже время есть и начальная буква имени Іисусъ и знакъ, изображающій собою въ греческомъ счисленіи число 10. Отсюда многіе изъ древнихъ писателей іоту считали за знакъ, изображающій Христа Іисуса. Срав. Педаг. II. 4; III, 12.

(***) Срав. «Увѣщ.» въ гл. 11-й.

(*) Подобное въ Стром. VII, 14.

щую заслуживаетъ по всей справедливости: подобно сему и тѣ безразсудные, которые чрезъ живопись и ваяніе (*) не по праву захватываютъ Божественныя примущества и нагло усвояютъ себѣ какое-то творчество, провозглашая себя творцами животныхъ и растеній; равно какъ и копирователи истинной мудрости суть воры. Еслибы кто земледѣльцемъ былъ, или еслибъ сына кто имѣлъ, что же важнаго въ этомъ? Всѣ они служители Божіи (1 Кор. Ш, 5, 6), получившіе отъ Него порученіе сѣять сѣмя (слова Его). Возращаетъ же каждое изъ растеній и усовершаетъ, доводитъ оное до состоянія, требуемаго природой его, одинъ только Богъ. Но весьма многіе, походя въ этомъ отношеніи на философовъ, поставляютъ прозябаніе зародышей и ихъ видоизмѣненія въ связь главнымъ образомъ съ обращеніемъ свѣтилъ, лишая чрезъ это, насколько это отъ нихъ зависитъ, Отца всѣхъ существъ непреходящей Его власти. Стихіи и свѣтила! Но развѣ не суть это силы, Богу послушныя, Имъ и созданныя для выполненія намѣреній Его Божественнаго промысла? Рабски летятъ они въ пространствѣ, выполняя повелѣнія своего Владыки. Они шествуютъ туда, куда путь указуется имъ словомъ Господнимъ, потому что Божественное всемогущество не престаетъ дѣйствовать на вещи, Ему одному вѣдомыми, таинственными путями. Итакъ вы всѣ восклицающіе: «Мы изобрѣли или образовали и создали нѣчто творческое», вы—нечестивцы и безбожники и отвѣтите за допускаемое вами святотатство.

Десятой заповѣдью запрещаются всякаго рода пожеланія. Пожеланіе, несогласимое съ долгомъ, подвергаетъ виновника тяжкой отвѣтственности. Той же заповѣдью запрещается равнымъ образомъ желать и вещей лживыхъ или воображать, что спасеніе могутъ доставить намъ сами чрезъ себя какія либо существа одушевленныя, тѣмъ паче вещи неодушевленныя никоимъ образомъ не могутъ этого ни доставить намъ ни повредить. Но вы возразите мнѣ: «Но развѣ противуядіе не можетъ излечить или пріемъ цикуты лишить жизни»? Отвѣчаю вамъ: Въ этомъ случаѣ вы дѣлаетесь жертвой искуснаго софизма. Ничто не совершается безъ соизволенія Разума Божественнаго. И растеніемъ и лекарствомъ каждый пользуется лишь какъ орудіемъ, подобно тому какъ топоръ или пила не могутъ рубить или пилить безъ руки, ихъ направляющей. Они не по собственному же толчку дѣйствуютъ. Они одарены нѣкоторыми природными свойствами, кои хотя бы и чуждой рукой какого либо техника были примѣнены къ дѣлу, производятъ свойственное имъ вліяніе. Тоже нужно сказать и вообще о промыслѣ Божіемъ. Силами наиболѣе близкими къ Нему и болѣе непосредственными Богъ пользуется для распространенія дѣйствительности своего промышленія даже до послѣднихъ ступеней лѣствицы существъ.

(*) Срав. «Увѣщ.» въ концѣ гл. 4-й.

17. Хотя Эллинская философія и не передала намъ полнаго и развитаго познанія о Богѣ, все-таки Богомъ въ ней даровано намъ врачество для души.

Какъ видится, эллинскіе мудрецы, хотя и разсуждали о Богѣ, а Его все-таки незнали, потому что не воздавали Ему поклоненія, Божеству приличествующаго (Рим. 1, 21). «Ученія ихъ философскихъ школъ, по отзыву Эмпедокла, походятъ на тотъ вздоръ, который несетъ толпа, изо всего понимающая мало, а изъ цѣлаго ничего». Эллинская мудрость походитъ на стеклянный сосудъ, наполненный водою. Онъ бездѣйственъ. Но вотъ падаетъ на него солнечный лучъ, проходитъ сквозь стѣнки его и становится уже пламенемъ. Тоже самое можно сказать и объ эллинской философіи. Лишь бы пала на нее изъ свящ. Писанія искра огня, и вотъ предъ глазами смертныхъ открывается ея значеніе. Всѣ животныя дышутъ общимъ воздухомъ, но есть между ними разность и выполняетъ каждое изъ нихъ своею жизнью цѣль особую. Тоже самое нужно сказать и о людяхъ. Разсуждая объ истинѣ, весьма многіе близко подходятъ къ ней, или по крайней мѣрѣ есть въ ихъ разсужденіяхъ объ истинѣ нѣкоторые намеки на нее. И все-же напрасно было бы

искать у нихъ истиннаго ученія о Богѣ. Они усвояютъ Ему человѣческія страсти. Цѣлую жизнь гоняются не столько за истиной, сколько за вѣроятностями.

Но до истины доходятъ не чрезъ подражательное воспроизведеніе ея, а чрезъ научное и эмпирическое изслѣдованіе ея. Таковъ именно нашъ методъ. Не потому мы во Христа вѣруемъ, чтобы лишь «казаться» добрыми, а для того, чтобы «быть» таковыми. Не для того только мы на это Солнце выходимъ, чтобы быть освѣщенными Имъ, а для того лучей сего Свѣтила ищемъ, чтобы согрѣться въ нихъ. Христіанами быть мы стремимся въ цѣляхъ стать людьми въ полномъ смыслѣ сего слова добрыми и добродѣтели преданными. Царство сіе и дѣйствительно составляетъ достояніе лишь тѣхъ, которые больше работаютъ надъ собой (Мѳ. XI, 12); оно удѣлъ есть тѣхъ (*), которыхъ разслѣдованія, познанія опытныя и дѣятельность, полно и всесторонне до конца доводимая (Мѳ. VII, 7), проникаютъ за труды, какъ плодомъ ихъ, царственнымъ достоинствомъ.

Брать за примѣръ для себя и для подражанія какое либо мнѣніе, это значитъ доказывать тѣмъ самымъ, что вы имѣете противъ всего несходнаго съ нимъ предубѣжденія (методъ изслѣдованія сомнительнаго достоинства). Воспримите хотя частицу истины, и ваша душа оживетъ отъ этой искры; воспламеняйте ее въ душѣ благочестивымъ желаніемъ и изученіемъ, и тотчасъ же весь внутренній вашъ міръ придетъ въ движеніе; вы воспарите въ высоты познанія. Ибо чего мы еще не обнимаемъ мыслію, того ни желать не можемъ искренне, ни всей пользы изъ того извлечь не въ состояніи. Гностикъ же, достигши этихъ высотъ жизни не только созерцательной, но и дѣятельной, въ качествѣ высшей ступени совершенства практикуетъ подражаніе своему Педагогу, Господу, по крайней мѣрѣ насколько дозволяется это нашей человѣческой слабостью; старается онъ проникаться добродѣтелью Господней и отпечатлѣвать на себѣ образъ Божій. Здѣсь-то заявляетъ о себѣ познаніе, потому что не вкусившій отъ него не можетъ имѣть и твердаго критерія въ опредѣленіи истины. Придется тому навсегда и вовсе отказаться отъ всего созерцанія гностическаго, кто не пожелаетъ отречься и выбросить изъ души всѣ и безъ точнаго опознанія дѣла ранѣе воспринятыя понятія, потому что если говорить объ истинѣ ясно и безъ увертокъ, то: оной называется вѣдь все, воспринятое лишь разсудкомъ и чувствами.

Безъ сомнѣнія никто не затруднится отличить живопись истинно художественную отъ вульгарной и пошлой и музыку благопристойную отъ разнузданной. Есть слѣдовательно и для истиннаго мудреца такая истина, которая не состоитъ таковою для другихъ мудрецовъ ложныхъ; и есть значитъ истинная красота, отличная отъ красоты поддѣльной. И не какія либо частички истины должны быть предметомъ нашихъ усилій; крохамъ усвоять имя истины значитъ лишь дискредитировать цѣлое ея; напрасно посему обрывки тѣ и украшать именемъ истины. Слѣдуетъ добиваться самой ея и не останавливаться на томъ, что лишь слыветъ подъ именемъ истины, на самомъ же дѣлѣ собою представляетъ пустобайство. Ученій о Богѣ не одно, но много. Однакоже вопросъ еще, говоримое тобой о Богѣ имѣетъ ли отношеніе къ Нему. При бесѣдахъ и о всякомъ вообще предметѣ слѣдуетъ отличать разсужденіе о томъ или иномъ изъ нихъ нарочитое, по существу дѣла, отъ замѣтокъ о немъ случайныхъ, такъ сказать нежданныхъ и негаданныхъ, бозотчетныхъ и безпричинныхъ. Когда я говорю: «Богъ есть Господь, Владыка вселенной», то сказываю этимъ, что Онъ дѣйствительно есть Повелитель ея и что изъ подъ Его власти ничто не исключено. Но такъ какъ истина обнаруживается въ двухъ видахъ, а именно въ словахъ и вещахъ, то множество людей,—а таковыми именно и состоятъ эллинскіе философы,—стремясь къ граціозности и поверхностной красотѣ рѣчи, останавливаются исключительно на словахъ, тогда какъ мы, варвары, имѣемъ дѣло съ сущностію вещей.

(*) Таже мысль въ началѣ 2-й гл. IV-й кн. «Строматъ».

Вотъ почему и Господь не напрасно при сошествіи на землю принялъ на Себя тѣло презрѣнное и невзрачное (Ис. LIII, 2, 3) (*). Онъ опасался, какъ бы слушатели не стали развлекаться блескомъ Его красоты и не прешли вниманіемъ Его ученія и чтобы, обращая вниманіе лишь на внѣшность Его и удивляясь лишь тѣлесной красотѣ Его,—которая всегда должна занимать положеніе подчиненное и коей нужно поступаться,—не эклонились отъ стремленія къ истинѣ, постигаемой лишь разумѣніемъ. Итакъ какое дѣло намъ теперь до акциденцій языка? Намъ слѣдуетъ имѣть дѣло лишь со значеніемъ словъ, а не со словами.

Слова людей неспособныхъ постигать дѣло и движетъ коими не импульсъ познанія неубѣдительны. Вороны тоже подражаютъ голосу человѣка, однакоже о твердимомъ ими одномъ и томъ же не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Вѣра же напротивъ тотчасъ же и непосредственно сопровождается какъ эмпирическимъ воспріятіемъ, такъ и чрезъ разумъ постиженіемъ.

Отецъ боговъ и людей
(Ил. I, 544),

восклицаетъ Гомеръ, хотя ни того незнаетъ, что это за Отецъ, ни того, какъ Онъ приходится намъ Отцомъ. Но подобно тому какъ руки имѣющему естественно ими брать что либо; и подобно тому какъ здоровому глазу свойственно видѣть свѣтъ: точно также и познаніе дѣлается достояніемъ и даромъ всякаго, кто нашу вѣру принялъ, лишь бы только онъ пожелалъ далѣе работать и *на заложенномъ основаніи зданіе строить, равноцѣнное золоту, серебру или драгоцѣннымъ камнямъ* (1 Кор. III, 12). Такой не надѣется только: «Я нѣкогда сдѣлаюсь участникомъ благъ вѣры и познанія»; онъ уже принимаетъ въ нихъ участіе. За чѣмъ ему откладывать свою славу до будущаго и предоставлять ее случайностямъ его? Онъ въ настоящемъ становится царемъ, человѣкомъ просвѣщеннымъ и свѣтоноснымъ, мудрецомъ истиннымъ, гностикомъ; ему и пристало быть всѣмъ этимъ. Онъ не довольствуется словами; онъ касается самой сущности вещей, проникаетъ въ оную. Будучи благимъ, Богъ особенно по отношенію къ царю творенія былъ щедродательнымъ и желая спасенія его дѣйствительно и остальное все направилъ къ этой цѣли. Первѣе всего благодать Божія даровала ему благо бытія. Всякій конечно согласится, что бытіе лучше небытія. Потомъ Провидѣніемъ устроено и происходитъ, что въ мѣру, вмѣщаемую природой каждаго, всякому дана возможность отъ добраго поступать впередъ къ тому, что для него еще лучше. Потому не кажется пусть страннымъ, что самая философія верховною Благостію дарована была за тѣмъ только, чтобы служить предисловіемъ къ совершенству, достигаемому чрезъ посредство Христа. Лишь бы сама она только не стыдилась обращаться къ варварскому познанію съ просьбой: «Пособляй мнѣ идти впередъ къ истинѣ и преуспѣвать въ ней».

Даже *и волосы на головѣ нашей сочтены* (Мѳ. X, 30; Лк. XII, 7). Даже незначительнѣйшія изъ нашихъ дѣйствій вписаны. Почему же и философіи не имѣть цѣнности? Самсону была дарована сила, скрывавшаяся въ волосахъ. Имѣется въ виду симъ въ томъ насъ убѣдить, что наука и искуство внѣшнія, т. е. свѣтскія и языческія, имѣющія предметомъ жизнь въ мірѣ семъ лишь матеріальную и по отложеніи душою сего тѣла не приносящія ей пользы, сходящія въ одну съ нимъ могилу, и они могутъ быть постигаемы лишь при содѣйствіи благодати свыше. Божественное Провидѣніе, говорятъ намъ наши священныя книги (Лк. XIII, 5; XVI, 17), сверху, съ того что главное, съ человѣка, какъ бы съ головы разливается потомъ и на всѣ существа подобно благовонному мѵру, текшему съ главы Аарона на лице его и разливавшемуся на края даже одежды его (Пс. CXXXII, 2). Только подъ Аарономъ здѣсь должно разумѣть высшаго Первосвященника, чрезъ котораго *все сотворено и безъ котораго не произошло ничего* (Іоан. I, 3). Говорится о томъ, что благовонное мѵро стекало на края одежды Аароновой. На края о-

(*) Срав. «Стром.» III, 17; «Пед.» III, 1.

дежды, а не на тѣло, т. е. не на міръ тѣлесныхъ существъ. Это значитъ, что для еврея и христіанина философія (вся совокупность внѣшнихъ наукъ) извѣстнаго народа дѣйствительно есть одежда, которая только внѣшнюю сторону его жизни украшаетъ.

Желательно посему, чтобы эти философы, изощрившіе въ себѣ духъ разумѣнія, трудились не надъ крошками истины, а надъ изслѣдованіемъ той истины, которая уже сама по себѣ и притомъ абсолютной состоитъ истиной. Желательно чтобы они, оставивъ высокомѣріе, руководились лишь любовію къ истинѣ, коей они вѣдь и свидѣтелями состоятъ. Желательно еще, чтобы они воспользовались всѣмъ тѣмъ, что въ иновѣрныхъ ученіяхъ есть годнаго и способствующаго пріобрѣтенію болѣе возвышеннаго понятія о предметѣ. Пусть обратятъ они вниманіе на промыслительную эту и неизреченную благость Божію, ведущую каждое существо въ границахъ для него возможныхъ къ лучшему. О, еслибы наконецъ сносились они не только съ Эллинами, но и съ варварами! Тогда отъ этихъ общихъ, для нихъ столь обычныхъ и посредствующихъ работъ они могли бы перейти и въ сферу вѣры, а изъ сферы вѣры въ область постиженія и ея частностей. Имѣя точкою опоры истину, они чрезъ это лишь расширили бы свою способность къ изслѣдованію и горизонтъ оныхъ и гарантировали бы своимъ работамъ успѣхъ. Учиться составляло бы съ этихъ поръ все наслажденіе ихъ. Жаждая истины, они широкими шагами пошли бы по пути спасительному. Вотъ почему въ свящ. Писаніи сказано, что художникамъ, трудившимся надъ сооруженіемъ скиніи, дарованъ былъ *духъ разумѣнія* (Исх. XXVIII, 3). Что иное разумѣть подъ этимъ, какъ не благоразуміе, какъ не умственную прозорливость, которая усматриваетъ дѣйствительно существующее, воображаетъ послѣдующее, подмѣчаетъ сходства и различія, раздѣляетъ, сопоставляетъ, повелѣваетъ или отговариваетъ и устремляется своими предположеніями и догадками въ будущее? Разумѣніе не ограничивается только искуствами; оно управляетъ и самой мудростью (философіей). Почему и змѣѣ приписывается разсудокъ (Быт. III, 1)? Потому что и въ злодѣяніи есть послѣдовательность, планъ, предположенія касательно будущаго. Таинственность, въ которую облекается большая часть преступленій, не имѣетъ иной причины: злодѣй ограждаетъ себя отъ наказанія всѣми силами своего разсудка.

Такъ какъ мысль является въ различныхъ формахъ, будучи разлита во вселенной повсюду и дѣйствуя во всякомъ изъ дѣлъ человѣческихъ, то она во всѣхъ этихъ ризнообразныхъ случаяхъ имѣетъ и различныя наименованія. Если она обращена на изслѣдованіе Первопричины, то называется разумѣніемъ. Если она вноситъ свѣтъ въ души разсужденіями и доказательствами, то она — познаніе, мудрость, наука. Если она вращается среди предметовъ, созидающихъ благочестіе и если Логоса. Разумъ первостепенный, принимаетъ она безъ созерцанія, опираясь единственно на свою послушливость, то получаетъ она имя вѣры. Если среди вещей матеріальныхъ открыла она то, что оказывается наиболѣе вѣрнымъ, то она—правое мнѣніе. Если преуспѣваетъ она въ работахъ техническихъ, то получаетъ названіе искуства. А когда созерцаніе Первопричины она или оставляетъ въ сторонѣ, для того чтобы заняться наблюденіемъ аналогій и анализомъ фактовъ и когда образуется въ ней импульсъ къ какому либо предпріятію: она называется тогда опытностью. Но сущность ея и возвышающую ее особенность всегда составляетъ Духъ Святый, господствующій во всемъ, что милосердіемъ Божіимъ нисходитъ въ душу новообращеннаго, послѣ того какъ вѣра въ немъ упрочится и утвердится. Итакъ и философія, когда отличалась бы этимъ высшимъ разумомъ, какъ это намѣчено въ предыдущемъ, то и она составляла бы часть онаго. Если чрезъ сцѣпленіе принциповъ и методическихъ выводовъ она разсуждаетъ о томъ, что доступно только разумѣнію, то она представляетъ изъ себя діалектику, цѣль которой состоитъ

въ содѣланіи истины чрезъ доказательства ощутимою и въ разрѣшеніи представляющихся сомнѣній.

Утверждать, подобно нѣкоторымъ другимъ, что не Богъ послалъ свыше на нашу землю философію, это, какъ мнѣ кажется, равносильно увѣренію, что Богъ не можетъ знать частностей и что Онъ не состоитъ первоисточникомъ всѣхъ благъ, такъ какъ каждое изъ нихъ, взято будучи въ отдѣльности, есть благо особое. Но ничто изъ сущаго конечно не существуетъ безъ воли Божіей. Богъ пожелалъ этого; значитъ философія исходитъ отъ Бога; значитъ Онъ и пожелалъ ея такой, каковою она есть для пользы народовъ, не имѣвшихъ другой узды, чтобъ воздерживаться отъ зла. Въ самомъ дѣлѣ ничто не ускользаетъ отъ взоровъ Божіихъ, ни настоящее, ни будущее, ни способъ существованія каждаго существа. Впередъ зная, каковы будутъ малѣйшія движенія Его твореній.

Онъ все видитъ, все слышитъ
(Ил. Ш. 277).

Предъ Нимъ открыты глубины всѣхъ душъ. Ему отъ вѣчности свойственно самое ясное познаніе касательно каждой личности, потому что Онъ внимателенъ ко всему, что происходитъ на мірской сценѣ и во всѣхъ уголкахъ этой сцены. Однимъ взглядомъ Онъ обнимаетъ сразу и цѣлое и подробности. Таковъ Богъ. Однакоже хотя и объемлетъ Онъ однимъ и тѣмъ же взглядомъ всѣ существа сразу, но дѣйствуетъ Онъ не всегда непосредственно и явно-господственно. Сколько вещей происходитъ въ жизни по человѣческимъ разсчетамъ, послѣ того какъ Божественною десницею будетъ опущенъ въ оныя первоначальный импульсъ! Медицина возвращаетъ вамъ здоровье; масло гимнастики поддерживаетъ вамъ тѣлесныя силы; коммерческіе обороты умножаютъ ваше богатство. Но отъ кого вы получили всѣ эти блага? Несомнѣнно отъ Провидѣнія, которое однакоже и человѣку предоставляетъ свою долю дѣйствія. Значитъ и разумѣніе тоже исходитъ отъ Бога. Свободная воля людей добродѣтельныхъ особенно повинуется волѣ Божественной. Злой можетъ раздѣлять съ праведникомъ много общихъ даровъ, но пользу приносятъ эти дары только человѣку добродѣтельному, для котораго Богъ и сотворилъ все. Да, на пользу людей добродѣтельныхъ прирождены извѣстныя свойства священнымъ дарамъ. Даже больше того. Даже и мысли человѣка добродѣтельнаго возникаютъ какъ бы по Божественному вдохновенію, такъ какъ душа его бываетъ настроена извѣстнымъ образомъ; и воля Божественная сообщается душѣ человѣческой чрезъ услуги особенныхъ дѣятелей, кои помогаютъ ей въ этихъ воздѣйствіяхъ. Воинства ангельскія распредѣлены между народами и городами; можетъ быть къ каждому изъ нихъ приставленъ даже особый Ангелъ. Пастырь заботится вѣдь о каждой овцѣ въ отдѣльности. Но болѣе непосредственными попеченіями Провидѣнія окружены тѣ, которые отличаются талантами и знаніями и которые могутъ быть полезными своему народу. Состоя главами и руководителями человѣчества, они призваны быть преимущественными и явными органами Божественнаго промысла, воля котораго являть землѣ свои благодѣянія въ ученіи, управленіи или распоряженіяхъ. Воля котораго являться землѣ... говоримъ мы. Да, это постоянная воля Божія. И вотъ почему призываетъ она своихъ носителей къ выполненію всего того, что можетъ содѣйствовать упроченію царства мира, добродѣтели и благодѣяній. Все что добродѣтелью состоитъ, проистекаетъ изъ добродѣтели, имѣетъ съ ней соотношеніе и дано намъ или для того, чтобы содѣлывать насъ добрыми или для того, чтобы мы, будучи уже добродѣтельными, пользовались преимуществами, которыми надѣлила насъ природа. Еще разъ Провидѣніе приходитъ къ намъ на помощь какъ вообще, такъ и въ частностяхъ.

Теперь спрашиваю я: «Развѣ это не нелѣпость и не грубая непослѣдовательность приписывать изобрѣтеніе философіи, т. е. вещи полезной и добродѣтельной, тому, котораго называютъ отцомъ безначалія и неправды? Выходитъ, что демонъ трудился надъ нравствен-

нымъ улучшеніемъ Эллиновъ съ заботливостью даже болѣе милосердой, чѣмъ само Божественное Провидѣніе. Не таково мое мнѣніе о семъ предметѣ. Достоинство и существенное свойство закона и здраваго смысла, по моему мнѣнію, состоятъ въ томъ, чтобы воздавать всякому должное, свойственное ему, ему принадлежащее. Подобно тому какъ киѳаристу естественно быть собственникомъ лиры, флейтисту собственникомъ флейты: точно такъ же дары неба суть собственность человѣка добродѣтельнаго. Душѣ добродѣтельной столь же естественно дѣлать добро какъ огню согрѣвать, свѣту освѣщать; это въ природѣ человѣка добродѣтельнаго. Добродѣтель никогда не совершитъ зла, подобно тому какъ изъ огня не произойдетъ холода, изъ свѣта — мрака. Но и наоборотъ: никогда вы не увидите, чтобы порокъ занимался добродѣтелью; онъ осужденъ родить и причинять лишь зло, подобно тому какъ мраку суждено смѣшивать всѣ цвѣта. Философія, располагающая человѣка къ добродѣтели, не есть значитъ исчадіе порока. Остается значитъ производить ее только отъ Бога, возвышеннымъ преимуществомъ котораго состоитъ творить лишь добро. Все даруемое Богомъ слѣдовательно дается въ качествѣ блага, а потому и принимаемо должно быть какъ благо.

Сверхъ того философія никогда и не была достояніемъ людей дурныхъ. Занимались ею изъ Эллиновъ люди добродѣтельнѣйшіе и славнѣйшіе. Вотъ новое доказательство происхожденія ея отъ Божественнаго Провидѣнія, которое каждаго надѣляетъ тѣмъ, что ему полезно. Была значитъ глубокая мудрость въ томъ, что до пришествія Господня законъ блисталъ между Евреями, а философія между Эллинами. Съ пришествія же Господня призваніе къ вѣрѣ распространено на всѣхъ безъ исключенія. Провидѣніе призываетъ всѣ народы къ тому, чтобы они объединились чрезъ ученіе, исходящее изъ вѣры. Это новый народъ, собранный для праведности (Тит. II. 14) и объединенный подъ однимъ Пастыремъ (Рим. V, 19), который состоитъ Господомъ одинаково какъ Эллиновъ, такъ и варваровъ, или лучше сказать: который есть Богъ всего человѣчества. Философія, — мы не разъ повторяли это, — есть посредница истины, но не всей, а лишь части ея. Нужно сказать даже болѣе того. Все, что содержится хорошаго въ искуствахъ, — поколику это искуство, — исходитъ отъ Бога. Художественное выполненіе какого либо произведенія искуствомъ зависитъ отъ теоріи искуства: точно такъ же дѣло разумное покорно началу разума. Разумѣніе есть добродѣтель, которой свойственно познавать и другое многое, а прежде всего то, что лично ея самой касается. Что же до мудрости, способности высочайшей (*), то она не иное что какъ знаніе блага божескаго и человѣческаго.

Господня земля и все что есть на ней, говоритъ Писаніе (Пс. XXIII, 1; 1 Кор. X, 26), убѣждая насъ въ томъ, что благіе дары нисходятъ свыше и распредѣлены между слабыми людьми на пользу имъ благодатію и всемогуществомъ Божественными.

Обозрите различные роды духовной помощи, коими одно существо можетъ пользоваться отъ другаго, и вы найдете, что этихъ способовъ оказывать духовныя услуги другъ другу существуетъ три. Первый, это заставить подражать себѣ. Это наставникъ, вліяющій на развитіе пониманія даже дитяти. Второй родъ взаимнаго духовнаго вспоможенія, это склонить кого либо къ уподобленію себѣ. Такъ мужъ, предшествуя кому либо своимъ примѣромъ, ведетъ другаго подобнаго себѣ мужа по пути прогресса. Такъ одинъ помогаетъ учащемуся въ его работахъ; другой же своими совѣтами поощряетъ уже познающаго. Третій способъ подачи помощи другому есть приказаніе. Онъ практикуется напр. тогда, когда учитель не считаетъ нужнымъ лично вліять на развитіе ученика или подавать ему примѣръ для подражанія чрезъ борьбу съ самимъ собою; считая ученика уже достаточно сильнымъ, онъ просто ему самому приказываетъ бороться.

Итакъ когда истинному гностику дарується отъ Бога способность оказывать пользу и по-

(*) Опредѣленіе мудрости см. въ Педаг II, 2.

мощь своимъ братьямъ, то онъ считаетъ для себя уже долгомъ быть имъ полезнымъ. На развитіе однихъ онъ вліяетъ чрезъ сопровожденіе, представляя имъ собою примѣръ для подражанія. Другихъ онъ ободряетъ къ уподобленію себѣ. Наконецъ третьихъ онъ научаетъ и исправляетъ заповѣдью. Нѣтъ сомнѣнія, что и самому гностику Господь помогаетъ точно такъ же. Внушенія Ангеловъ развѣ не служатъ намъ того свидѣтельствомъ, что источникъ всѣхъ получаемыхъ нами благъ въ Богѣ? Божественная благодать вѣдь и дѣйствительно оказываетъ намъ благодѣянія чрезъ посредство Ангеловъ, какъ видимыхъ такъ и невидимыхъ. Этотъ способъ помощи намъ обыченъ былъ еще и при жизни Господа. Подаетъ Богъ помощь человѣку также и чрезъ другихъ людей:—то «вдохновляетъ» онъ нашу мысль и разумъ ихъ размышленіями и разсужденіями; то и непосредственно «ниспосылаетъ въ душу» извѣстнаго человѣка «осѣненіе» и болѣе полное пониманіе предмета; то согрѣваетъ сердце его «готовностью и живостью» и его одушевляетъ къ изслѣдованіямъ и дѣятельности (*). Повѣствованія о необыкновенныхъ и святыхъ примѣрахъ добродѣтели, коими прославились праведники, служатъ для насъ проповѣдью, которая насъ заставляетъ подражать и уподобляться имъ. Особенно же ясна подача помощи намъ чрезъ ученія, содержимыя ветхимъ и новымъ завѣтами Господа, а также чрезъ законы, коихъ носителями состоятъ Эллины и наконецъ чрезъ ученыя положенія ихъ философовъ.

Но сократимъ все сказанное въ два слова. Всѣ блага, имѣющія значеніе для жизни, по нѣкоему высшему и премудрому устроенію, исходятъ отъ Вседержителя Бога, общаго намъ всѣмъ Отца. Посредникомъ же между твореніемъ и Отцомъ состоитъ Сынъ, который кромѣ того, какъ говоритъ Апостолъ, *есть и Спаситель всѣхъ людей, а особенно вѣрныхъ* (1 Тим. IV, 10).

(*) Отмѣчены фразы гомерическія. Срав. Ил. X, 482; XVII, 570; V, 1, 2.

Но есть нѣчто еще болѣе близкое къ каждому изъ насъ въ частности и для насъ болѣе осязательное; это заповѣди и наставленія оставленныя Тѣмъ, который соединенъ со Первопричиною близостью непосредственной.

18. Мудрецъ истинный (гностикъ) углубляется въ эллинскую мудрость (философію) лишь мимоходомъ и какъ бы для развлеченія, спѣша къ дальнѣйшему, т. е. къ посвященію себя въ христіанское ученіе, источникъ всякой мудрости.

Гностикъ нашъ постоянно занятъ главнымъ своимъ дѣломъ. А когда ему досужно и когда выпадаетъ на его долю время отдыха отъ занимающихъ его духъ возвышенныхъ изслѣдованій, то для возстановленія силъ касается онъ эллинской мудрости, какъ бы нѣкоего утонченнаго лакомства на пиршествѣ. Не потому онъ это дѣлаетъ, какъ еслибы пренебрегалъ пищею болѣе существенною, но потому, что, по причинамъ выше указаннымъ, получилъ слѣдовавшую ему долю. Протягивавшіе же руки къ тому въ философіи, что не составляетъ въ ней необходимаго, но элементъ излишній, и набрасывавшіеся своимъ умомъ на пустые софизмы и свары, тѣ отдалялись отъ необходимаго и главнаго. Безразсудные! Они гнались за тѣнеобразными словами. То правда конечно, что хорошо все знать. Но у кого умъ слабъ для воспринятія въ себя всей массы многоучености, тотъ пусть останавливается только на главнѣйшемъ и важнѣйшемъ. Познаніе истинное, о коемъ мы утверждаемъ, что оно составляетъ достояніе только гностика, есть разумѣніе основательное, утверждающееся на доказательствахъ истинныхъ и непреодолимыхъ и ведетъ оно къ познанію Первопричины. Имѣющій касательно какого либо предмета знаніе истинное, что бы это ни былъ за предметъ, тотчасъ начинаетъ имѣть понятіе о знаніи касательно того же предмета и ложномъ. Посему еслибы кто либо спросилъ меня: Итакъ слѣдуетъ ли философствовать, я бы отвѣтилъ: Само собою разумѣется. А еслибы кто сталъ утверждать, что не слѣдуетъ, то я отвѣтилъ бы: Безъ предварительнаго познанія вещи нельзя произнесть ни утвердительнаго, ни отри-

цательнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Слѣдовательно философскій элементъ въ сужденіяхъ необходимъ.

А если это такъ, то слѣдуетъ, чтобы Эллины изъ закона и пророковъ научились почитать единаго, дѣйствительно сущаго Вседержителя Бога. Потомъ развѣ не внушаетъ имъ Апостолъ: *Что касается до насъ, то мы не признаемъ въ мірѣ никакихъ идоловъ* (1 Кор. VIII, 4)? Потому что между существами сотворенными нѣтъ ни одного, которое могло бы быть отобразомъ Божіимъ. Эллины должны вразумиться далѣе, что кумиры ихъ вовсе и не суть образы почитаемыхъ ими личностей. Души развѣ походятъ по формѣ хоть сколько нибудь на статуи, формируемыя у Эллиновъ? Нѣтъ. Души невидимы, будутъ ли это души существъ разумныхъ или неразумныхъ животныхъ. Что же до тѣлъ, то эти отнюдь не составляютъ какой либо части душъ; они только органы душъ, для однѣхъ сѣдалища, для другихъ нѣчто въ родѣ колымагъ, еще для иныхъ—тѣмъ или инымъ образомъ что-то въ родѣ помѣстьевъ. Но мы не въ силахъ хорошенько подражать даже образамъ этихъ органовъ при воспроизведеніи ихъ искуствомъ. Развѣ кто въ состояніи изобразить мнѣ напр. солнце такимъ, какимъ его онъ видитъ? Изобразите мнѣ разноцвѣтную радугу. А за тѣмъ, когда Эллины и бросили бы почитаніе своихъ идоловъ, услышатъ обращенное къ нимъ слово Писанія: *Если праведность ваша не превзойдетъ праведности книжниковъ и фарисеевъ* (Мѳ. V, 20),—которыхъ единственная праведность состоитъ въ воздержаніи отъ зла,—и если не возвыситесь вы надъ сею еще невысокой степенью совершенства, если не будете относиться къ ближнему любвеобильно, если не будете ему добра дѣлать, то не можете считаться учениками царственнаго закона (Іак. II, 8). И дѣйствительно, праведность гностика сравнительно съ праведностью подзаконной отличается несравненно большей интенсивностью. Потому что если надъ какимъ либо вѣрнымъ принципы его будутъ имѣть такую опредѣляющую власть и силу, какую имѣетъ голова надъ остальнымъ тѣломъ, и когда достигнетъ онъ высоты вѣры, т. е. высотъ самого познанія, сосредоточивающаго въ себѣ всю совокупность чувствъ, то онъ въ то же самое время можетъ считаться достигшимъ уже и высшаго наслѣдія. Что познаніе имѣетъ значеніе первостепенное, Апостолъ открыто заявляетъ о семъ предъ всѣми, кто только можетъ проразумѣвать, ибо онъ пишетъ къ Коринѳскимъ Эллинамъ слѣдующее: *Мы надѣемся съ возрастаніемъ вѣры вашей въ васъ возвеличиться гораздо болѣе, по правилу нашему проповѣдуя Евангеліе и выше васъ* (2 Кор. X, 15, 16). Здѣсь Апостолъ вовсе не намѣреніе выражаетъ распространить впослѣдствіи времени свое апостольство и на иныя мѣста, потому что по его же собственнымъ словамъ Ахаія преисполнена вѣрою (1 Кор. I, 6). Но вотъ еще и другое свидѣтельство за то же, сильнѣе только что изложеннаго. Дѣянія Апостольскія свидѣтельствуютъ намъ, что Апостолъ возвѣщалъ о Логосѣ въ Аѳинахъ (Дѣян. XVII). Эта проповѣдь Павла служитъ доказательствомъ, что познаніе представляетъ собою ступень совершеннѣйшую по сравненію съ вѣрой и что оно не останавливается лишь на огласительномъ ученіи. Это само собою предполагается величіемъ какъ самаго святаго ученія, такъ и тѣми общецѣнными принципами, которые для всѣхъ и для всего имѣютъ назначеніе быть масштабомъ. Вотъ почему немного ниже въ томъ же посланіи Апостолъ прибавляетъ: *Хотя я и простой человѣкъ и мало наставленъ въ словѣ, но не могу того же сказать о познаніи* (2 Кор. XI, 6).

А впрочемъ вотъ что. Всѣ вы Эллины, такъ важничающіе и бахвалящіеся, будто обладаете истиною, скажите-ка намъ: Отъ кого—это узнали вы ее? Что наставникомъ вашимъ былъ Богъ, этого вы конечно не осмѣлитесь сказать. «Намъ истина передана людьми же», восклицаете вы. Но вопервыхъ слишкомъ поздно; а потомъ людьми этими были нѣкоторые или изъ среды васъ же самихъ, чѣмъ и чванятся многіе изъ васъ; или же другіе подобные же вамъ люди. Но развѣ вамъ неизвѣстно, что человѣкъ, говорящій о Богѣ отъ своего имени, не

заслуживаетъ никакой вѣры. Можетъ ли человѣкъ, существо слабое и смертное, достойнымъ образомъ разсуждать о Богѣ, существѣ безсмертномъ и вѣчномъ, — твореніе о Творцѣ? И о себѣ-то самомъ человѣкъ хотя бы по—ребячьи, съ запинкой и лепетомъ пробормотать не въ состояніи чего либо толковаго: какъ же ему повѣрить, когда онъ самомнительно вступаетъ въ разъясненія о Богѣ? Въ мѣру оставленія человѣка Божественной благодатію, настолько и рѣчь его о Богѣ становится слабѣе, хотя бы онъ и не предъявлялъ при семъ претензій возвыситься до постиженія существа Божія, а просто только говорилъ о Богѣ и Божественномъ Его Логосѣ. Слово наше относительно сего предмета косноязычно; мы не въ силахъ сами по себѣ сказать что либо о Богѣ; и это очень естественно. Дѣло не въ томъ, что мы безсильны опредѣлить Его именемъ: оно постоянно на устахъ у всѣхъ мудрецовъ и даже поэтовъ. И не въ изслѣдованьи Божественнаго существа дѣло. Отъ этого совсѣмъ и отступиться должно, потому что такое изслѣдованіе невозможно. Мы не въ состояніи очертить даже свойствъ Божіихъ и чудныхъ дѣлъ Его. Даже и тѣ, которые свидѣтельствуютъ о себѣ, что они были наставляемы самимъ Богомъ, даже и отъ нихъ постиженіе идеи Божескаго существа требовало трудовъ и напряженій чрезвычайныхъ. Но и послѣ они имѣли познаніе о Богѣ очень слабое, хотя имъ содѣйствовала въ семъ благодать Божія. А между тѣмъ они вѣдь уже пріобыкли проникать въ волю Его чрезъ совершеніе Его воли и Духа Святаго дыханіе познавать чрезъ Него же самаго, *ибо Духъ Божій испытываетъ все, даже и глубины Божіи; духъ же человѣка естественнаго не пріемлетъ того, что отъ Духа Божія* (1 Кор. II, 10. 14).

Итакъ значитъ только та мудрость, коей носителями состоятъ христіане, есть единственная, Богомъ открытая. Отсюда текутъ «всѣ источники» (*) премудрости, кончающіеся въ Истинѣ. Извѣстно, что пришествіе Спасителя, сошедшаго къ людямъ для наученія ихъ, было предсказано безчисленными способами: чрезъ знаменія, чрезъ вѣстниковъ, чрезъ предувѣдомителей, чрезъ упредителей. Всѣ они, начиная съ самой колыбели міра, то самымъ дѣломъ, то словами предсказывали пришествіе Спасителя, гдѣ Онъ явится и когда и какими чудесами будетъ сопровождаться чудо Его появленія. Законъ и пророчества уже издалека указывали на Него. Потомъ Предтеча указывалъ на появленіе Его уже какъ на совершившійся фактъ. Послѣ Предтечи Апостолы открыто проповѣдывали о чудѣ Его воплощенія.

Философы нравились только Эллинамъ, да и то не всѣмъ, а лишь немногимъ. Такъ Платону нравился Сократъ, и онъ выбралъ его учителемъ себѣ. Ксенократу по праву пришелся Платонъ, и онъ облюбовалъ его тоже въ учителя себѣ. Ѳеофрасту любъ былъ Аристотель, а Клеанѳу Зенонъ. Но всѣ эти наставники вліяли только на своихъ учениковъ. Нашего же Наставника слово не ограничилось предѣлами только Іудеи, подобно тому какъ эллинская философія распространена была въ предѣлахъ лишь Эллады. Разлившись по всему міру, наше ученіе одновременно и одинаково движенія вызвало между племенами и въ селеніяхъ изъ среды какъ Эллиновъ, такъ и варваровъ; къ послушанію себѣ стало обращать сполна города, цѣлые дома, и изъ отдѣльныхъ личностей побѣждало собой всѣхъ, кто внималъ ему; но и изъ самихъ философовъ оно привело къ истинѣ немалое число. Эллинская мудрость, если какой властитель на нее запретъ налагалъ, тотчасъ же замирала. Наше же ученіе съ самаго того времени, какъ впервые начало быть проповѣдуемо, подавить стараются цари и тиранны, отдѣльные правители, должностныя лица съ цѣлой арміей состоящихъ у нихъ на жалованьи соучастниковъ. Они объявили формальную войну намъ, чтобы, насколько на это есть силы у нихъ, стереть насъ съ лица земли. И что же? Святое ученіе наше со дня на день все болѣе и больше расцвѣтаетъ. Не какъ ученія человѣческія, оно заглохнуть не можетъ, ни зачахнуть, какъ еслибъ это былъ даръ какой внутренно-дряблый и гнилой, нѣтъ.

(*) Фраза поэтическая.

Даровъ Божіихъ скудныхъ нѣтъ. И вотъ почему не можетъ быть ему препонъ поставлено или оно быть остановлено въ своемъ движеніи, хотя впрочемъ ему и другое обѣтованіе дано: «Постоянно ты будешь терпѣть преслѣдованія».

Объ искуствѣ поэтическомъ Платонъ сказалъ слѣдующее: «Поэтъ есть существо нѣкое воздушное и священное. Онъ не въ состояніи писать стиховъ, если не будетъ тронутъ Духомъ Божіимъ и не выйдетъ изъ себя» (*). Демокритъ выражается подобнымъ же образомъ: «Все, что поэтъ пишетъ подъ вліяніемъ Духа Божественнаго и священнаго, все то удивительно—прекрасно». О чемъ писали ваши поэты, это намъ извѣстно; и если вы ими восхищаетесь, то не тѣмъ ли естественнѣе вамъ удивляться и восторгаться пророками Бога Вседержителя? Они состояли орудіями голоса вѣдь Божественнаго!

Воспроизводя предносившійся намъ образъ гностика, мы изобразили какъ бы на картинѣ величіе и красоту его нравственной жизни. Воззрѣнія же его на природу физическую изложимъ мы, когда будемъ говорить о происхожденіи міра.

(*) Въ «Іонѣ» и «Апологіи Сократа».

КНИГА СЕДЬМАЯ.

1. Истинный гностикъ есть истинный почитатель Бога: невѣрующіе несправедливо обвиняютъ его въ безбожіи и нечестіи.

Время уже показать Эллинамъ, что человѣкомъ истинно благочестивымъ и религіознымъ состоитъ только гностикъ. Пусть мудрецы ихъ, узнавъ отсюда, каковъ истинный христіанинъ, съ одной стороны сознаютъ собственное свое невѣжество и убѣдятся, что безразсудно и безъ всякихъ основаній преслѣдуютъ это имя; съ другой стороны повинятся, что неправо клеймятъ названіемъ атеистовъ тѣхъ, кои состоятъ почитателями истиннаго Бога. Противъ мудрецовъ нужно привесть и основанія чисто человѣческія, дабы они съ точки зрѣнія своихъ собственныхъ ученій могли ихъ понять, хотя силами, истекающими изъ вѣры, это еще и не можетъ ихъ проникнуть, ни сдѣлать ихъ достойными сего. Мы повременимъ пользоваться изреченіями пророческими; на нѣкоторое время отложимъ въ сторону и свящ. Писаніе. Вкратцѣ мы укажемъ только на ихъ значеніе, когда будемъ изображать христіанство; и чтобы не нарушить послѣдовательности рѣчи, мы совмѣстно будемъ излагать и положенія свящ. Писаній и свои разсужденія, имѣющія въ виду тѣхъ, кто смысла священныхъ текстовъ еще не постигаетъ. Раскрывъ же смыслъ свящ. Писаній, мы преднесемъ сердцамъ вѣрующимъ обильную жатву и свидѣтельствъ. Если же нѣкоторымъ умамъ простымъ и непросвѣщеннымъ наши рѣчи покажутся несогласными съ Писаніями Господними, то пусть узнаютъ они, что именно на нихъ-то и основывается сила и живость нашихъ рѣчей и что вмѣсто буквы мы извлекаемъ изъ свящ. книгъ духъ, обогащая чрезъ это свою мысль. Бываетъ нерѣдко, что смыслъ очень точный и не во время приведенный по справедливости считается безполезнымъ; равнымъ образомъ не остановиться хотя на минуту вниманіемъ на вещахъ фундаментальныхъ значило бы обнаружить не меньше небрежности, чѣмъ и умственнаго убожества. Но поистинѣ *блаженны хранящіе заповѣди Господни и ищущіе Его всѣмъ сердцемъ своимъ* (Пс. CXVIII, 2). О Господѣ же свидѣтельствуютъ законъ и пророки (Дѣян. X, 43).

Итакъ мы намѣрены доказать, что только одинъ гностикъ обладаетъ святостью, что только онъ воздаетъ Богу почитаніе достойное Его величія. Изъ того же, что онъ воздаетъ Богу поклоненіе, приличествующее Его величію, съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что онъ любитъ Бога, а слѣдовательно что и самъ онъ въ свою очередь любимъ Богомъ. Все превосходное онъ считаетъ достопочтеннымъ и именно въ мѣру превосходства того и величія. Изъ предметовъ, кои чувствамъ подлежатъ, онъ признаетъ почтенія достойными правительство, родителей и вообще всякаго старца. Изъ различныхъ ученій онъ чтитъ преимущественно древнѣйшую философію и пророчества, ранѣе другихъ изреченныя. Изъ предметовъ, лишь разумомъ постигаемыхъ, онъ чтитъ какъ Существо высшее того, кто состоитъ источникомъ бытія, начало вѣчное, Безначальнаго, въ Которомъ однакоже заключено начало всего существующаго; я говорю о Сынѣ, отъ котораго намъ только и можно было узнать, какая изъ причинъ предшествовала всѣмъ остальнымъ. Что же это за причина и за сила? Причиной всего существующаго, древнѣйшей и благодѣтельнѣйшей, состоитъ Отецъ, Котораго имени не можетъ произнесть языкъ человѣческій, поклоняться же которому слѣдуетъ въ глубокомъ молчаніи, глубоко-смиренномъ почтеніи и изумленіи. Тайну Его существа Господь возвѣстилъ въ той мѣрѣ, въ какой могутъ вмѣстить ее ученики вѣры; она постигнута тѣми, которые Господомъ были предопредѣлены къ вѣдѣнію и чье разумѣніе было

подготовлено къ пониманію (Евр. V. 14), какъ говоритъ Апостолъ. Итакъ почитаніе, воздаваемое гностикомъ Богу, состоитъ въ неусыпной его заботѣ о собственной душѣ и въ томъ, что во всѣхъ своихъ занятіяхъ онъ преслѣдуетъ постиженіе Бога. Къ этому поклоненіе сіе сопровождается и поддерживается нескончаемой щедростью. Что же касается до услугъ, оказываемыхъ людямъ, то одними изъ нихъ онъ имѣетъ въ виду улучшать людей, другими же помогать имъ и утѣшать ихъ. Медицина врачуетъ тѣло; мудростію же возрождается духъ.

Другой родъ услугъ, это—помощь, оказываемая дѣтьми родителямъ, подданными — начальникамъ и правительству. Тоже видимъ мы и въ церкви. Священники (*) состоятъ представителями служенія улучшающаго и исправляющаго; оказываніе же помощи и поддержки на обязанности діаконовъ. Прохожденіемъ двойнаго сего служенія, раздачей вещей земныхъ, ангелы эти и служатъ Богу. Гностикъ тоже служитъ Богу; и какъ скоро призывается учить людей и исправлять, сообщаетъ людямъ тѣ возвышенныя созерцанія, кои могутъ улучшать ихъ. Нѣтъ ни въ комъ здѣсь на землѣ ни благочестія ни Богопочтенія кромѣ какъ въ вѣрующемъ, который въ вещахъ земныхъ служитъ Богу со славою и безупречностію. Подобно тому какъ наивысшая культура есть та, которая, доставляя человѣку выгоды въ различныхъ промыслахъ, искуствахъ и свѣдѣніяхъ земледѣльца, снимаетъ жатвы и производитъ торговые обороты: точно такъ же и благочестіе гностика,—въ себѣ одномъ сосредоточивая плоды, приносимые тѣмъ, кто служеніемъ его былъ приведенъ къ вѣрѣ,—благодаря его способностямъ, собираетъ богатѣйшее изъ всѣхъ сокровищъ; это—когда онъ приводитъ въ чувство и ставитъ на путь спасенія многихъ изъ своихъ братьевъ. Если вѣрно то, что теопреція есть настроеніе обычное, при коемъ поклоненіе Богу воздается въ полной гармоніи съ Его величіемъ, то христіанинъ, воздающій такое почитаніе Богу, одинъ только и есть другъ Его. Другъ Божій знаетъ, что угодно Богу; знаетъ онъ съ точки зрѣнія теоретической и практической, какую жизнь долженъ вести тотъ, кто въ будущемъ имѣетъ стать богомъ, а въ настоящемъ долженъ уподобляться Богу.

(*) Подъ именемъ священниковъ писатель нашъ разумѣетъ епископовъ, потому что въ другихъ мѣстахъ онъ проводитъ различіе между епископствомъ, священствомъ и діаконствомъ.

По той же самой причинѣ гностикъ и любитъ Бога болѣе всего. Чтить отца значитъ любить его; точно такъ же чтить Бога равнозначительно съ любовію къ Нему. Дарованія гностика, какъ намъ кажется, проявляются слѣдовательно тремя силами: во первыхъ онъ проникаетъ ими въ глубину вещей; во вторыхъ исполняетъ заповѣди Агнца; въ третьихъ благодаря имъ гностикъ оказывается способнымъ передавать тайны познанія въ наставленіяхъ, отвѣчающихъ величію Божію.

Теперь я спрашиваю: Что же за причина это, что человѣка вѣрующаго въ бытіе Вседержителя и получившаго изъ устъ самого Сына Его, несотвореннаго, откровеніе Божественныхъ тайнъ, обращаютъ въ безбожника? Безбожникъ, это—нечестивецъ, отрицающій бытіе Божіе. Не переряживайте его и въ суевѣра. Человѣкъ суевѣрный боится демоновъ, возводитъ въ божеское достоинство все существующее: дерево, камень; а духъ и человѣка, разумомъ живущаго, низводитъ на степень раба, движимаго лишь страхомъ.

2. Въ предвѣчномъ совѣтѣ Отца принято, чтобы Сынъ былъ Творцомъ всего существующаго и Промыслителемъ о немъ. Потому и промышляетъ Онъ о людяхъ и устрояетъ спасеніе ихъ.

Первая ступень вѣры, это—знать Бога и Ему повиноваться. За тѣмъ слѣдуетъ признавать во всей его полнотѣ ученіе Спасителя и разсуждать такъ, что никому не причинять никакой несправедливости есть необходимое условіе и слѣдствіе сего Богопознанія. Человѣкъ, воздающій Богу наиболѣе чистое поклоненіе, на землѣ есть явленіе наидостопочтеннѣйшее. Достоинъ почитанія уже и Ангелъ небесный. Уже мѣстопребываніе и наибольшая

чистота существа дѣлаютъ Ангеловъ наиболѣе близкими участниками вѣчной и блаженной жизни. Но существо совершеннѣйшее и святѣйшее, неограниченнѣйшее, возвышеннѣйшее, влаственнѣйшее, царственнѣйшее и благодѣтельнѣйшеее есть Сынъ Божій, по естеству ближайшій къ единому Вседержителю (*). Представляетъ собою превосходство надъ другими существами наивысшее - все упорядочивать и всѣмъ повелѣвать согласно съ волею Отца, управлять всѣмъ премудро, обнаруживать во всѣхъ своихъ дѣлахъ всемогущество, не знающее ни утомленія, ни изнуренія. Таково именно дѣйствованіе Сына Божія. наблюдающаго тайные законы бытія. Онъ никогда не оставляетъ, не сходитъ съ центральной точки своего промыслительнаго обозрѣнія. Недѣлимый, неразсѣкаемый на доли, не имѣющій нужды переноситься съ одного мѣста на другое и въ тоже время постоянно находясь вездѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нигдѣ въ частности, всецѣло Онъ состоитъ разумомъ, всецѣло свѣтомъ, весь Отчее око, все видитъ, все слышитъ, все вѣдаетъ, поддерживаетъ всѣ физическія силы своимъ всемогуществомъ: таковъ Сынъ. Воинства Ангеловъ и боговъ (**) небесныхъ благоговѣйно повинуются Ему, Отчему Логосу, принявшему на Себя все домостроительство, лишь бы угоднымъ быть Тому, который *все покорилъ Ему* (1 Кор. XV, 27, 28). Вотъ почему всѣ люди и составляютъ Его собственность, какъ познавшіе Его, такъ и не познавшіе еще; одни въ качествѣ друзей (Іоан. XV, 14, 15), другіе въ качествѣ вѣрныхъ слугъ (Евр. III, 5), еще иные просто въ качествѣ слугъ. Таковъ Учитель нашъ. Посредствомъ тайнъ воспитываетъ Онъ истиннаго мудреца (гностика); чрезъ утвержденіе въ доброй надеждѣ—простаго вѣрующаго; чрезъ исправительное воспитаніе, поддерживаемое средствами сильно дѣйствующими на чувство,—человѣка жестокосердаго. Такъ промышленіе Его обнаруживается въ общемъ и въ частностяхъ, всюду и во всемъ. Онъ—Сынъ Божій, Господь нашъ и Спаситель. Со всею ясностію свидѣтельствуютъ о семъ Боговдохновенныя пророчества. Состоя Господомъ всѣхъ безъ исключенія, и Эллиновъ и варваровъ, Онъ убѣждаетъ всѣхъ, кто желаетъ быть убѣжденнымъ. Не насильно Онъ навязываетъ всѣмъ свое спасительное домостроительство, а поставляетъ оное въ зависимость отъ свободнаго выбора; и отъ принявшаго спасеніе изъ руки Его за исполненіе всего, обѣщаемаго Имъ, требуетъ лишь исполненія заповѣдей своихъ. Онъ это и Эллинамъ далъ мудрость (философію) чрезъ посредство низшихъ Ангеловъ (*). Ибо древнимъ Божественнымъ повелѣніемъ Ангелы распредѣлены между народами (Втор. XXXII, 8, 9). Но часть Господню составляютъ только вѣрные. Одно изъ двухъ: Или Господь не о всѣхъ людяхъ печется: и это могло бы быть объясняемо безсиліемъ Его. Но ужасное богохульство приписывать Богу человѣческую слабость. Или же Онъ и въ силахъ пецись о всѣхъ, но не желаетъ сего, что несогласно съ Его благостью. Нельзя сказать также и того, что Онъ не печется о людяхъ, удерживаемый отъ того немощами принятой Имъ на Себя плоти нашей. Такъ приходится признать что Онъ печется о всемъ. Это и съ существомъ Его согласно. ибо Онъ есть Господь вселенной. Къ этому Онъ и Спасителемъ состоитъ всѣхъ безъ исключенія людей, а не этихъ только или тѣхъ. Онъ распредѣлилъ дары своего милосердія смотря по пріемлемости каждаго. Одаровалъ Онъ такъ Эллиновъ и варваровъ, а также и вѣрныхъ своихъ и избранныхъ. которыхъ какъ изъ Эллиновъ такъ и изъ варваровъ *предопредѣлилъ* ранѣе, но призвалъ подъ свои знамена только въ опредѣленное Имъ время (Рим. VIII, 30; Тит. 1, 2 и д.). И завидовать ничьему милосердому усыновленію Онъ не могъ, потому что равно всѣхъ призываетъ; высочайшія же почести Онъ соразмѣряетъ съ высотой

(*) Не о различіи естества Сыновняго отъ естества Отчаго идетъ здѣсь дѣло, а о различіи ипостаси Христа Іисуса. Дальнѣйшее разсѣеваетъ на сей счетъ всякія сомнѣнія.

(**) Срав. «Увѣщ.» въ гл. 11-й.

(*) Срав. Стром. I, 16.

вѣры и ея твердостью. Ни посторонняя никакая сила не могла бы воспрепятствовать Ему въ Его намѣреніяхъ или удержать Его отъ исполненія ихъ: Онъ вѣдь Господь вселенной и исполняетъ лишь волю всеблагаго Вседержителя Отца. Притомъ же зависть вовсе и несвойственна Господу безстрастному и родившемуся безначально. Да и способно ли что либо касающееся человѣка возбудить зависть Господа? Есть у человѣка другой завистникъ, обуреваемый всякаго рода страстями.

Нельзя утверждать также, что Господь не желаетъ спасти родъ человѣческій по невѣдѣнію, какъ примѣнить свою благость къ каждому изъ людей въ отдѣльности. Это нелѣпость. Нельзя говорить о невѣдѣніи Того, Кто еще до сотворенія міра былъ совѣтникомъ Отца. Это Господь вѣдь былъ подъ именемъ премудрости *радостію* Бога Вседержителя (Притч. VIII, 30). Сынъ Божій есть благодать, сила и всемогущество Отца, Логосъ Его, рожденный ранѣе всего; это премудрость Отчая. О Немъ въ собственномъ смыслѣ этого слова можно сказать, что Онъ есть и учитель всѣхъ созданныхъ Имъ существъ. Скажутъ, что Онъ отвлекается отъ промышленія какими либо наслажденіями. Но какъ предполагать это о Томъ, Кто, принявъ на Себя нашу страстную плоть, своимъ ученіемъ преобразовываетъ ее въ безстрастную? А потомъ не въ силу ли того именно Онъ и Господомъ называется и Спасителемъ, что состоитъ таковымъ для всѣхъ, кто, жаждавъ познать Его, за тѣмъ увѣровалъ въ Него? Для не увѣровавшихъ же еще Господь Онъ потому, что настанетъ нѣкогда день, въ который и они въ состояніи будутъ исповѣдать Его и принять изъ Его десницы особенное, приспособленное къ ихъ положенію, благодѣяніе. Каждое же изъ благодѣяній Господнихъ имѣетъ отношеніе къ Вседержителю; Сынъ и есть, такъ сказать, дѣйствіе Отца. Итакъ Спаситель никогда не можетъ питать ненависти къ человѣку. Проникнутый высшей любовію къ нему, Онъ не пренебрегъ немощами нашей плоти и облекся въ оную, чтобы явить Себя Спасителемъ всѣхъ людей безъ исключенія. Ибо вѣра есть общее достояніе всѣхъ, кто только желаетъ избрать ее. Нечего опасаться, какъ бы Господь не пренебрегъ своимъ твореніемъ. Не человѣкъ ли только, единственное изъ всѣхъ сотворенныхъ Богомъ живыхъ существъ, одаренъ разумомъ? Другаго о человѣкѣ промышленія Божія, въ коемъ было бы больше гармоніи, нежели въ существующемъ, никогда и быть не можетъ. Существу по природѣ высшему естественно управлять существомъ низшимъ; владычество по естественному праву принадлежитъ тому, кто своею властію пользуется достославно. Но кто въ дѣйствительности всѣмъ управляетъ и повелѣваетъ? Не Логосъ ли Божественный и Его провидѣніе, озирающее сразу всѣ части цѣлаго и не пренебрегающее попеченіями ни о какомъ существѣ, составляющемъ Его собственность? Но достояніе Его и общество друзей Его составляютъ тѣ, которые Ему посвящаютъ себя чрезъ вѣру въ Него. Сынъ Божій согласно съ волею Отчею есть первоисточникъ всякаго добра, первовиновникъ всякаго движенія,—сила непостижимая человѣческимъ разумѣніемъ. Дѣйствительно тѣмъ, кто по немощи своей природы былъ неспособенъ къ пониманію, Онъ и не являлся такимъ, какимъ былъ въ дѣйствительности. Но вотъ Онъ принимаетъ на Себя видимую плоть. Онъ своимъ примѣромъ предшествуетъ людямъ въ исполненіи закона и показываетъ тѣмъ, что и они могутъ и способны къ этому. Будучи силою Отчею, Онъ безъ труда исполняетъ все, чего бы ни восхотѣлъ, взыскивая своимъ промышленіемъ все до мельчайшихъ подробностей, ничего не оставляя безъ онаго. Если бы не было такъ, то цѣлое не было бы создано столь стройно. Свидѣтельствомъ же Его всемогущества служитъ, сколько я понимаю это, тщательное уравновѣшеніе всѣхъ частей управленія, начиная съ высшихъ и кончая низшими. Очевидно, что управленіе это исходитъ отъ Руководителя высшаго, отъ Того, кому волею Отчей передано завѣдываніе вселенной. Охраняема будучи цѣлой іерархіей начальствъ, подчиненныхъ одно другому, со ступени на ступень лѣствица эта приводитъ насъ къ самому

Великому Первосвященнику. Отъ единаго сего, повелѣвающаго всѣмъ, Начала, Вершителя, какъ уже было говорено о семъ нами, воли Отчей, исходитъ все, и первое и второе и третье. За тѣмъ на высшихъ ступеняхъ видимаго міра поставлены легіоны блаженныхъ духовъ, соподчиненные другъ другу іерархически и нисходящіе даже до насъ, сами же будучи охраняемы лишь Единымъ и чрезъ охраненіе насъ служа Ему только.

Мельчайшія частицы желѣза послушны притяженію магнита, вліяющаго на многочисленные атомы сего металла. Подобно сему и люди Богобоязливые, привлекаемы будучи воздѣйствіемъ Святаго Духа, соединяются одни въ первой скиніи завѣта, другіе же въ другихъ, и такъ даже до послѣдней (*). Люди же злые, не желающіе употребить никакихъ усилій надъ собой, воспитавшіе въ себѣ дурныя склонности своей невоздержностью, и съ тѣхъ поръ не въ состояніи будучи отъ нихъ воздерживаться, они, покинутые поддерживавшей ихъ рукой, носятся туда и сюда, волнуемые бурею страстей и наконецъ упадаютъ на землю. Законъ этотъ былъ утвержденъ изначала: Добродѣтель можетъ быть избираема человѣкомъ лишь свободно. Вотъ почему и заповѣди, данныя какъ человѣку подзаконному такъ и человѣку временъ новыхъ, не къ праведникамъ обращены.— потому что *законъ не для праведниковъ данъ* (1 Тим. I, 9),—а къ избирающимъ исполненіе оныхъ и обѣщаютъ воздаяніе блаженствомъ и вѣчной жизнью за рѣшеніе въ семъ направленіи свободное. Людямъ же, кои облюбовываютъ порокъ, они предоставляютъ вращаться среди предметовъ, коимъ они оказывали предпочтеніе. И опять: душамъ же, ежедневно трудящимся надъ улучшеніемъ и усовершеніемъ себя чрезъ привитіе къ себѣ добрыхъ качествъ и чрезъ пріумноженіе праведности, онѣ назначаютъ скинію, жилище наиславнѣйшее изо всѣхъ, какъ возмездіе за труды вполнѣ ихъ достойное. И въ самомъ дѣлѣ, чрезъ рядъ успѣховъ не достигаютъ ли они постепенно даже безстрастности, *возраста мужа совершеннаго* (Еф. IV, 13), того т. е. состоянія, которое представляетъ собою завершеніе познанія и наслѣдіе наиболѣе славное?

Спасительны эти обращенія, разнящіяся одно отъ другаго строемъ, въ какомъ они происходятъ, временемъ, мѣстомъ, важностью, обнаруженіемъ высшей мудрости, наслѣдіемъ (ими съ собой приводимымъ), и обязанностями, налагаемыми каждымъ изъ нихъ. Обращенія эти конечно и будетъ существовать даже до наступленія сверхъестественнаго человѣкомъ созерцанія Господа въ вѣчности. Ибо любезное по самой природѣ своей человѣка, всѣми своими силами изъ любви къ знанію обращеннаго къ созерцанію, привлекаетъ къ созерцанію и своей сущности. Отъ сего-то и происходило, что Господь хотя и почерпалъ заповѣди изъ одного и того же источника, но давалъ оныя то въ качествѣ первоначальныхъ, то позднѣйшихъ. Онъ ни того не желалъ, чтобы жившіе до закона жили безъ опредѣленныхъ правилъ, ни того, чтобы народы незнакомые съ философіей варваровъ, не имѣя узды, которая сдерживала бы ихъ, увлекались всѣми излишествами. Однимъ — заповѣди, другимъ — философія. Чрезъ это Онъ удерживалъ народы отъ невѣрія до самаго своего пришествія, съ какого времени беззащитенъ уже всякій, кто не вѣритъ. Будетъ ли взята за исходную точку точка зрѣнія эллинская или варварская, это безразлично, потому что и та и другая ведутъ къ совершенству чрезъ вѣру. Если же какой либо эллинъ помимо философіи, не освѣтивъ себя предварительно ея свѣтомъ, вдругъ принялъ бы наше ученіе истинное, то въ какой бы степени ни предполагать его необразованнымъ, все-таки онъ на неизмѣримое разстояніе оставитъ за собой всѣхъ образованныхъ, но къ вѣрѣ не пришедшихъ, потому что его вѣра избрала путь къ спасенію и къ совершенству сокращенный. Лишь бы не стѣсняемо было ничѣмъ дѣйствіе свободной воли человѣческой, а все остальное Господомъ Богомъ обращено въ пособіе добродѣтели, дабы люди слабые и недальновидные, такъ или иначе, могли въ

(*) Срав. Стром. V, 6; VI, 13; VII, 7, 11, 14.

лицѣ Существа единаго и всемогущаго изъ рода въ родъ зрѣть милосердую любовь Божію, насъ спасающую чрезъ посредство Сына. Но ни въ какомъ случаѣ сіе Существо не можетъ быть началомъ зла. Все твореніе Господомъ вселенной и вообще и въ частяхъ было направлено ко благу ея.

Итакъ дѣло Божественнаго правосудія, содѣвающаго наше спасеніе, состоитъ въ томъ, чтобы по мѣрѣ возможности каждое изъ существъ довесть до состоянія для него возможно лучшаго. Существа менѣе другихъ возвышенныя доводятся до спасенія и состоянія наиболѣе совершеннаго соотвѣтственно свойствамъ ихъ. Это потому, что кто преданъ добродѣтели, тотъ тотчасъ же дѣлается лучшимъ, уже въ себѣ самомъ нося зародышъ сего возрожденія въ видѣ принятой имъ истины, которую и до того момента душа уже готова была принять. Наказанія же, налагаемыя на насъ за наши грѣхи или служебными Ангелами или вытекающія изъ неисполненія заповѣдей какъ необходимое сего послѣдствіе или предначинающія собой осужденіе загробное, по милосердію назирающаго за нами всевышняго Судіи, тѣхъ, кои не чувствуютъ своего отступничества (Еф. IV, 19), ведутъ лишь къ покаянію.

3. Мудрецъ истинный (гностикъ) напрягаетъ всѣ силы своего духа и тѣла, чтобы уподобляться Богу и Его Сыну.

Можно бы о дѣйствіи Сына въ мірѣ сказать и еще многое, но ограничусь лишь прославленіемъ Бога. Однакоже необходимо сказать слѣдующее. Души истинныхъ гностиковъ отмѣнностью своего созерцанія возвышаются надъ строемъ каждаго рода святой жизни. Имъ за это назначены посему для мѣстопребыванія жилища блаженныхъ боговъ (*). За превосходящую свою святость причисляемыя къ святымъ и перенесенныя изъ мѣстъ счастія въ мѣста блаженства, онѣ переходятъ изъ одной обители блаженства въ другія, еще болѣе ихъ осчастливливающія. Вмѣсто того, чтобы созерцать существо Божіе *какъ бы въ зеркалѣ, гадательно* и въ туманѣ (1 Кор. XIII, 12), будучи дружественно приняты на вечерю безсмертія, онѣ созерцаютъ Божество особенно ясно и чисто какъ бы при свѣтѣ солнечномъ и насытиться симъ созерцаніемъ не могутъ. По наивысшей своей любви къ Богу онѣ наслаждаются блаженствомъ нескончаемымъ, проникаются радостью неизъяснимою, никогда не имѣющею кончиться. Онѣ оказываются удостоенными такъ сказать отождествленія по своей природѣ съ существомъ Того, Кто обладаетъ всѣми совершенствами. Таково созерцаніе, вмѣщаемое чистыми сердцемъ (Мѳ. V, 8); они созерцаютъ и нѣкоторымъ образомъ познаютъ самое существо Божіе. При посредствѣ Великаго Первосвященника достигшій совершенства гностикъ бесѣдуетъ съ Богомъ. Чрезъ полноту своего благочестія, онъ уподобляется, насколько то возможно, Господу, потому что онъ обращаетъ вниманіе на изливаемыя на насъ Богомъ благодѣянія, ищетъ спасенія людей прохожденіемъ святыхъ служеній, распространеніемъ ученія и наконецъ доброй дѣятельностью.

Состоя результатомъ собственныхъ трудовъ надъ собою, гностикъ самъ себя назидаетъ и созидаетъ. И даже болѣе того. Онъ назидаетъ своими добродѣтелями и своихъ учениковъ ему внимающихъ, воплощаетъ въ себѣ подобіе Божіе. Живя въ единеніи съ Богомъ, отъ котораго не въ состояніи оторвать его никакія человѣческія страсти, онъ въ мѣру силъ своихъ уподобляется Тому, кто безстрастенъ по существу своему. Говоримъ: уподобляется, ибо сія безстрастность у него является плодомъ труда и борьбы. Тихость духа, человѣколюбіе, чрезвычайное по отношенію къ Богу благочестіе, вотъ по моему мнѣнію правила гностическаго уподобленія Богу. Эти добродѣтели суть *жертва благоуханная*, о коей говоритъ Апостолъ (Филип. IV, 18), потому что по свящ. Писанію *сердце сокрушенно и смиренно* и истинное познаніе, вотъ *всесожженіе Богу* пріятнѣйшее (Пс. L, 17, 19), приносимое Ему всякимъ человѣкомъ, который возвышается до свя-

(*) Разумѣются души отшедшихъ праведниковъ и различныя степени ихъ блаженства. Срав. Стром. V, 13; VII, 10.

тости и который просвѣтляется оною настолько, что самъ въ лучахъ Божества тонетъ.

Да, и Евангеліе и Апостолы заповѣдуютъ намъ, по отложеніи грѣховнаго бремени и выведеніи души изъ состоянія смятеннаго, налагать оковы на свое тѣло, отъ себя самихъ отрекаться, умерщвлять въ себѣ ветхаго человѣка, лишь заражающаго насъ своими пожеланіями и вызывать отъ смерти къ жизни человѣка новаго (Рим. VI, 6, 7; 2 Кор. X 5; Еф. IV, 22—24; Кол. III, 8, 9). Тоже самое таинственно было внушаемо уже и закономъ, когда онъ повелѣвалъ изгонять грѣшника изъ среды народа. Законъ чрезъ это имѣлъ въ виду понудить грѣшника къ оставленію образа поведенія, ведущаго лишь къ смерти и обращенію къ жизни, т. е. къ безстрастію, проистекающему изъ проникновенія вѣрой. Но изъяснителями закона, книжниками, не была постигнута эта истина. Они истолковывали законъ такъ, что толкованія тѣ возбуждали лишь соперничество и распри, а самый законъ чрезъ это былъ лишь дискредитируемъ предъ тѣми, кто не имѣлъ надлежащаго понятія о немъ.

И вотъ почему мы мудро поступаемъ, не принося жертвъ Богу, потому что Онъ все имѣетъ въ изобиліи и самъ всѣмъ доставляетъ все. Вмѣсто этого мы прославляемъ Того, Кто Самого Себя принесъ въ жертву за насъ, а ограничивая свои пожеланія и потребности, чрезъ то, по подобію Его, тоже себя самихъ приносимъ въ жертву тому Существу, которое ни въ чемъ не нуждается; и отъ страстей отрекаясь мы тѣмъ туже жертву приносимъ Существу безстрастному. Бога и дѣйствительно ничто столько не радуетъ какъ наше спасеніе.

Да, мы считаемъ себя въ правѣ не чтить принесеніемъ жертвъ то Существо, которое никогда не бываетъ побѣждаемо никакими чувственными удовольствіями. Жертвенный дымъ, всегда разсѣевающійся въ нижнихъ слояхъ воздуха, чуть чуть достигаетъ даже и ближайшихъ къ намъ облаковъ, если только вообще онъ достигаетъ ихъ. Что для Бога всѣ богатства и сокровища земныя? Онъ ни въ чемъ не нуждается, не ищетъ никакихъ чувственныхъ удовольствій; не корыстолюбивъ Онъ, не сребролюбивъ. Онъ самъ обладаетъ всѣми сокровищами и изливаетъ на свои творенія всю полноту своихъ щедротъ. Нечего и думать потому о снисканіи Его благоволенія принесеніемъ жертвъ, разныхъ вещественныхъ даровъ, воздаяніемъ Ему разныхъ обычныхъ у людей почестей и прославленій; ничѣмъ подобнымъ нельзя привлечь на себя Божія благоволенія. Онъ открывается только людямъ добрымъ и добродѣтельнымъ, никогда не измѣнявшимъ правдѣ, ни подъ вліяніемъ угрозъ ни подъ вліяніемъ разныхъ соблазновъ и обѣщаній.

Нѣкоторые, не признавая за человѣческой душой самостоятельности и свободы выбора, а равнымъ образомъ и на то не обращая вниманія, что до полнаго рабства она доведена быть не можетъ, не могли терпѣливо переносить причиняемыхъ имъ грубыхъ и безсмысленныхъ несправедливостей и въ негодованіи на это отрицали бытіе Божіе (*). Къ тому же мнѣнію склоняются и люди невоздержные, преданные чувственнымъ удовольствіямъ, измученные тяжкими страданіями, подвергшіеся неожиданнымъ несчастіямъ, сломленные превратностями счастія: они тоже говорятъ, что нѣтъ Бога, или если и есть, то промышленіемъ своимъ Онъ не обнимаетъ де всего существующаго. Еще иные, воображающіе, что боговъ много, полагаютъ, что ихъ можно умилостивлять жертвоприношеніями и дарами, такъ что они способствовать будутъ удовлетворенію ихъ страстей. Чрезъ это они уже прямо отвергаютъ бытіе только единаго истиннаго Бога, Собой олицетворяющаго правоту, истину и благость.

Итакъ нашъ гностикъ благочестивъ. Первѣе всего онъ заботится о себѣ самомъ, потомъ о ближнемъ, усовершенію котораго въ добрѣ онъ содѣйствуетъ всѣми силами. Сынъ, трудящійся надъ тѣмъ, чтобы сдѣлаться добрымъ и уподобиться своему отцу, не доставляетъ ли собой радости отцу? Тоже самое нужно сказать и о подчиненномъ, поддерживающемъ подоб-

(*) Подобное пишетъ Платонъ въ кн. X-й своихъ «Законовъ».

ныя отношенія къ своему начальнику. Потому что вѣрить и повиноваться, вотъ два дѣла, вполнѣ зависящія отъ нашей власти. Пусть не говорятъ необдуманно, что причиной зла недостатки матеріи, а также легкомысліе происходящее изъ невѣжества; да и вообще—что зло необходимость, ибо многаго мы незнаемъ (*). Какъ же гностикъ надъ этими необходимыми законами физической природы, какъ бы надъ какими неразумными звѣрьми, торжествуетъ благодаря правиламъ своего поведенія? Торжество его такого рода, что онъ оказывается даже Богу подражателемъ, разумѣется въ мѣру силъ своихъ; ибо онъ отвѣчаетъ добромъ всѣмъ тѣмъ, кто проситъ у него помощи. Облеченъ ли властью онъ? Тогда новымъ Моисеемъ для общаго блага становится онъ во главѣ народа и считаетъ своимъ призваніемъ вести оный ко спасенію. Онъ дѣлаетъ ручными людей дикихъ, смягчая ихъ нравы и къ вѣрѣ несклонныхъ приводя въ ней. Лучшихъ и добродѣтельнѣйшихъ онъ взыскиваетъ почестями, злымъ же воздаетъ наказаніями, наблюдая при семъ однакоже разумную мѣру, какая его правдивостью признается необходимою для исправленія виновныхъ. Душа праведника дѣйствительно есть какъ бы образъ и подобіе Божества. Или лучше: Наблюденіе заповѣдей ее обращаетъ въ святилище, въ коемъ дѣйствительно поселяется Вождь смертныхъ и безсмертныхъ, Царь и Творецъ всего прекраснаго, Законъ и Заповѣдь истинныя, вѣчный Логосъ, однимъ словомъ единственный Спаситель каждаго въ частности человѣка и всѣхъ вообще. Это дѣйствительно единородный Сынъ, отобразъ славы Царя вселенной и Вседержителя Отца (Евр. I, 3). Онъ въ душѣ гностика напечатлѣваетъ свой образъ, чтобы гностикъ могъ возвыситься до созерцанія полноты онаго (**). Чрезъ это самъ гностикъ становится уже третьимъ Божественнымъ образомъ; ибо мужъ сей въ мѣру возможности уподобляется второй Причинѣ, Жизни истинной, при содѣйствіи которой только и живемъ мы истинной жизнію. Такъ понимаемъ мы гностика. Онъ утверждается образомъ своихъ мыслей и жизни на основаніяхъ непреложныхъ и неизмѣнныхъ.

Владѣя самимъ собою и вѣдая то, начало чего находится въ немъ самомъ, вѣрно понимая содержаніе ума даже Божіяго, гностикъ находится къ истинѣ въ отношеніяхъ искреннихъ. Знаніе и постиженіе предметовъ, какіе только доступны нашему уму, дѣйствительно съ полнымъ правомъ можетъ быть названо знаніемъ непреложнымъ. Одна часть сего знанія, а именно та, которая занимается предметами до Божества касающимися, имѣетъ своей цѣлью опредѣлить главную причину всего;—обсудить, что это за причина и за начало, *которымъ все создано и безъ котораго ничего не произошло* (Іоан. I, 3), что это за субстанціи, матерію проникающія, сдерживающія, соединяющія и раздѣляющія, что за порядокъ, что за значеніе и какое назначеніе каждая изъ нихъ имѣетъ. При дѣлахъ человѣческихъ она спрашиваетъ себя: Что такое человѣкъ? Какой конецъ соотвѣтствуетъ его природѣ и какой противорѣчитъ ей? Какъ человѣкъ долженъ управлять собой? Какъ долженъ онъ страдать? Какія его добродѣтели и пороки? Въ чемъ добро, въ чемъ зло и что характера общаго? Что такое мужество, благоразуміе, воздержность? Что такое справедливость, добродѣтель изо всѣхъ наипревосходнѣйшая? Благоразуміе и справедливость способствуютъ гностику въ достиженіи мудрости. Опираясь же на мужество, онъ не только труднымъ обстоятельствамъ противустоитъ, но и приманкамъ чувственныхъ удовольствій, пожеланіямъ, горю, гнѣву, вообще тому, что можетъ осилить душу или соблазнить. Переносить должны мы не только зло и напасти, но и все, чѣмъ возбуждается въ насъ страхъ и боязнь. Полезно посему и горе. Это дѣятель, коему предназначено исцѣлять, научать, исправлять; онъ преобразовываетъ нравы человѣка къ его же благу.

(*) Послѣ Платона и нѣкоторыхъ другихъ философовъ древности причиной зла считали матерію и Валентиніане, усвояя веществу совѣчность одинаковую съ Богомъ. Мнѣніе Платона о семъ предметѣ см. въ «Тимеѣ».

(**) Срав. «Увѣщ.» гл. 10 ранѣе средины.

Мужество имѣетъ нѣсколько оттѣнковъ, какъ то: терпѣливость, возвышенность и благородство образа мыслей, великодушіе, щедрость, благородный образъ дѣйствій. Отсюда происходитъ, что гностикъ нисколько не трогается сужденіями о немъ людей пошлыхъ и не поддается онъ мнѣніямъ и лести толпы. Касается ли дѣло перенесенія горя и трудовъ? Онъ исполняетъ свой долгъ, несчастію противустоитъ съ непоколебимой твердостью, возвышается надъ нимъ. При всѣхъ измѣненіяхъ судьбы онъ остается истиннымъ человѣкомъ, не обнаруживая въ себѣ ничего дѣтскаго. Между прочимъ сохраняя благоразуміе, его никогда не покидающее, онъ живетъ воздержно и сохраняетъ душевное спокойствіе, принимая предназначаемое ему какъ вещь ему наиболѣе приличествующую и отклоняя отъ себя какъ враждебное своей природѣ все то, что сопровождается позоромъ. Онъ наблюдаетъ чистоту и непорочность вышемірныя, ведя себя съ достоинствомъ и приличіемъ и чуждаясь всего, что можетъ запятнать его душу. Онъ утопаетъ въ роскоши, но какой? При своихъ несложныхъ нуждахъ ничего не желая и потому въ знаніи добра обладая полнотою благъ. Первая отличительная черта его справедливости, это любовь ко всѣмъ, кто одного съ нимъ происхожденія. Жизнь и сопребываніе съ ними въ союзѣ любви какъ на землѣ такъ и на небесахъ, вотъ жизнь его души. И вотъ почему онъ охотно даетъ, если чѣмъ либо владѣетъ. Человѣчный и сострадательный по отношенію къ человѣку, онъ только порокъ и грѣхъ ненавидитъ по безусловному къ нимъ отвращенію.

Итакъ вотъ чему учиться нужно: оставаться вѣрнымъ самому себѣ и ближнему, сообразуясь въ семъ съ ученіемъ Спасителя. Кто добровольно повинуется закону, тотъ слуга Божій. Но если кто очищаетъ сердце уже не въ силу послушанія заповѣдямъ закона, а изъ любви къ познанію, то становится тотъ другомъ Божіимъ. Мы не рождаемся уже отъ природы съ добродѣтелями, а когда и родимся, то добродѣтель развивается въ насъ не на подобіе органовъ нашихъ, безъ личнаго нашего соучастія. Еслибы это было такъ, то еще ничего въ томъ не было бы похвальнаго; наша воля и достоинство не имѣли бы никакой цѣны. Добродѣтель и на рѣчь нашу не похожа. Наше слово складывается постепенно, изо дня въ день, подъ вліяніемъ разныхъ событій и привычекъ. Этимъ способомъ скорѣе развивается грѣхъ, а не добродѣтель. Тоже можно сказать и о познаніи. Оно не есть плодъ какого либо искусства, будетъ ли это имѣть своимъ предметомъ какую либо выгоду или заботу о тѣлѣ. Не ожидайте для добродѣтели поддержки и отъ курса наукъ. Много, много, если признать за ними вліяніе подготовляющее и изощреніе душевныхъ способностей, особенно пониманія. Нѣтъ сомнѣнія, что законами гражданскими преступленія могутъ быть подавляемы. Но никакія вразумленія словами, какъ бы ни были они старательно составлены, безъ вѣры недѣйствительны; пусть имѣютъ они цѣлью доведеніе людей до убѣжденія въ чемъ либо, они ложатся только на поверхность души и никогда не могутъ утвердить истины въ душѣ непоколебимо и научнымъ образомъ. Мы уже говорили, что эллинской философіи свойственно лишь предочищать душу и что она лишь подготовляетъ ее къ принятію вѣры. Затѣмъ является истина и на этихъ основахъ созидаетъ собой познаніе.

Вотъ истинный борецъ, одерживающій побѣду на аренѣ размѣровъ необычныхъ, потому, что ею состоитъ весь прекрасный міръ этотъ; а борется онъ за спокойствіе отъ всякаго рода душевныхъ смятеній и увѣнчивается за достиженіе онаго. Устроителемъ сихъ состязаній состоитъ самъ Богъ Вседержитель (*); раздаятелемъ же наградъ единородный Сынъ Божій. Зрителяли состоятъ Ангелы и боги (**). Борьба же многоразличная и состоитъ въ состязаніяхъ разнаго рода, ибо намъ приходится бороться

(*) Подобнымъ же образомъ выражается писатель въ «Увѣщ.» гл. 10-й.

(**) Души праведниковъ и высшіе чины Ангеловъ: Престолы, Господства, Власти и др.

не только *противъ плоти и крови* (Еф. VI, 12), но и противъ силъ духовныхъ, кои чрезъ вліяніе на плоть подымаютъ въ нашей душѣ сильныя бури пороковъ и страстей. Христіанинъ, побѣдоносно выдержавшій эти великія состязанія и того самаго искусителя, который ищетъ запять насъ, повергшій къ своимъ ногамъ, чрезъ то самое уже завоевываетъ себѣ безсмертіе, потому что на правосуднѣйшемъ судѣ Божіемъ не можетъ быть приговоровъ невѣрныхъ. Призываются же къ состязанію всѣ зрители (1 Кор. IV, 9), хотя на арену и выходятъ только борцы, и побѣдителемъ изъ нихъ хотя и бываетъ только тотъ, который былъ наиболѣе послушнымъ наставленіямъ Гимназіарха (*). Въ конечномъ пунктѣ арены для всѣхъ Богомъ уготованы равныя награды, и не Агонотетъ виноватъ будетъ въ нашемъ неуспѣхѣ. Милосердіемъ взыскивается тотъ, кто стоитъ милости, а заслуживаетъ оной кто добивался ея, обладая волей для того болѣе энергичной. На то мы и умомъ одарены, дабы знать, что слѣдуетъ намъ дѣлать; и наставленіе «Познай самого себя» въ данномъ случаѣ означаетъ не иное что какъ слѣдующее: «Познайте, на какой конецъ всѣ вы сотворены». Сотворены же мы и поставлены въ семъ мірѣ для того, чтобы быть вѣрными исполнителями заповѣдей, если хотимъ наслѣдовать спасеніе. Сіе Божіе домостроительство о насъ обойдено быть не можетъ.

Итакъ долгъ человѣка—повиноваться Богу, который за послушаніе Его заповѣдямъ установилъ награды разными степенями блаженства. Признаніемъ Божественныхъ намъ благодѣяній мы низводимъ на себя Божіе благоволеніе, ибо за щедродательность Божію никогда мы не въ состояніи ничѣмъ инымъ возблагодарить Благодѣтеля по достоинству. Вѣренъ же тотъ, кто принялъ ученіе послѣ надлежащаго размышленія и охотно и если точно онъ наблюдалъ заповѣди; тотъ же, кто за благодѣяніе платитъ и любовію, сей уже другъ. Нѣтъ для человѣка инаго и лучшаго способа выразить благодарность Богу кромѣ какъ исполнять угодное Ему. Тогда наше преспѣяніе въ добрѣ и совершенствованіе, предпринимаемое въ цѣляхъ угожденія Богу и благодарности Ему, Господь и Спаситель нашъ принимаетъ, какъ еслибы дѣло касалось собственной Его славы и чести или какъ еслибъ это дань была, Ему нужная (Мѳ. X, 40—42; XXV, 40, 45; Лк. X, 16; Іоан. XIII, 20). Если же такимъ вѣрнымъ причиняемъ былъ бы какой либо вредъ отвнѣ или обида, то въ лицѣ ихъ Богъ Себя тогда видитъ неблагодарно оскорбляемымъ; презрѣніе къ своимъ вѣрнымъ тогда Онъ принимаетъ за презрѣніе къ Себѣ; опозореніе ихъ вмѣняетъ въ опозореніе Себя. Лично же Богъ какимъ образомъ и могъ бы обезчещенъ быть? Вотъ почему человѣкъ никогда не въ состояніи возблагодарить Господа за Его щедроты по достоинству, за великій даръ спасенія отвѣтить Ему чѣмъ либо столь же великимъ. По законамъ гражданскимъ повредить чьей либо собственности равносильно съ нанесеніемъ вреда лично владѣльцу ея; оскорбить солдата значитъ нанесть оскорбленіе и командиру его. Подобное же можно сказать и объ отношеніяхъ Господа къ вѣрующимъ въ Него. Обижая тѣхъ, кои себя посвятили Ему, вы презрѣніе выражаете самому Богу. Взгляните на солнце. Его лучами освѣщается не одно только небо; оно изливаетъ свѣтъ свой на всѣ существа вселенной, на сушу и на море. Нѣтъ щели, въ которую тотъ свѣтъ не проникалъ бы; нѣтъ такого потаеннаго мѣстечка внутри домовъ, котораго солнце не могло бы освѣтить. Свѣтъ Логоса не менѣе всеобъемлющъ. Не найти въ человѣческой жизни такихъ мелочей, какъ бы ни были онѣ ничтожны, которыя лучами свѣта Его не были бы освѣщаемы.

4. Язычники измыслили себѣ боговъ по подобію своему. Эти подобны были имъ по внѣшнему виду и по внутреннимъ душевнымъ движеніямъ: тутъ начало и колыбель всякаго рода суевѣрій.

Не довольно того, что Эллины себѣ измыслили боговъ по внѣшности похожими на чело-

(*) Намекъ на Христа Іисуса, заповѣдующаго, какъ бороться должно и побѣждать. Срав. Педаг. I. 7.

вѣка; они представляютъ ихъ раболѣпствующими и нашимъ страстямъ. И такъ какъ по наружному виду всякій рисуетъ ихъ себѣ подобнымъ, то «Эѳіопляне, какъ говоритъ Ксенофанъ, изображаютъ ихъ чернолицыми и со вздернутымъ носомъ; Ѳракіяне—голубоглазыми и съ мѣднокраснымъ цвѣтомъ лица». Равнымъ образомъ они предполагаютъ и существованіе души въ нихъ; и будто бы душа эта подобна той, которая оживляетъ и фабрикаторовъ ихъ. Такъ боги варваровъ отличаются суровостью и жестокосердіемъ; боги Эллиновъ кроче, но имъ свойственны всѣ наши страсти. Что же слѣдуетъ изо всего этого? А то, что люди нравственно—дурные составляютъ себѣ и понятія о богахъ такія же: люди же добродѣтельные воображаютъ ихъ себѣ прекраснѣе. Вотъ почему христіанинъ съ душою царственной и будучи человѣкомъ свѣдущимъ, гностикомъ, состоитъ настолько же вѣрнымъ почитателемъ Бога, какъ не раздѣляетъ онъ и всякаго рода суевѣрій. Онъ убѣжденъ, что существуетъ одинъ только Богъ, достопокланяемый, достопочитаемый, дивныя чудеса творящій, всѣхъ взыскивающій своими благодѣяніями, высшій Первовиновникъ всѣхъ благъ, злу же совершенно непричастный.

Въ твореніи, нами наименованномъ «Увѣщаніе», мы достаточно изобличили Эллиновъ въ идолопоклонствѣ. Тамъ въ доказательство этого нами приведено множество примѣровъ; и здѣсь мы уже не будемъ возвращаться къ тому, что тамъ доказано со всей очевидностью. Но такъ какъ въ настоящемъ случаѣ намъ снова приходится освѣтить этотъ предметъ, то изъ многаго, на что въ подтвержденіе сего можно бы сослаться, приведемъ одно или два свидѣтельства, доказывающія, что уподоблять Бога нечестивѣйшимъ изъ людей равносильно нечестію и безбожію. Дѣлаютъ эти поругатели святыни одно изъ двухъ: или боговъ они оскорбляютъ, въ такомъ случаѣ оскорбленный сравнительно съ оскорбившимъ очевидно оказывается существомъ нисшимъ; или же нужно допустить, что боги не чувствуютъ оскорбленія; но въ такомъ случаѣ, за чѣмъ же Эллины заставляютъ ихъ воспламеняться такимъ негодованіемъ и походить на нѣкоторыхъ старухъ, всегда готовыхъ раздражаться, но никогда неспособныхъ сдерживать свой гнѣвъ? Такъ разсказываютъ они (Иліады IX, 529 и д.) о мщеніи Артемиды, будто она изъ за Энея выместила свой гнѣвъ на народѣ Этоліянъ. Какъ? Артемида, ты была богиней и не подумала о томъ, что непринесеніе Энеемъ жертвы вовсе не было съ его стороны пренебреженіемъ къ тебѣ, ибо онъ уже приносилъ въ честь тебя жертву. а просто забывчивостью или легкой оплошностью? Не лучше поступокъ и Латоны. На упрекъ Аѳины, что она осквернила ея храмъ родами эта защищаясь обнаруживаетъ въ отвѣтѣ много смысла и говоритъ такъ:

Когда ты видишь полуизломанныя вещи,
Побѣдителемъ отобранныя у мертвыхъ на полѣ битвы,
То это зрѣлище должно бы оскорблять тебя,
Ты же радуешься. А теперь гнѣваешься,
Что я родила въ твоемъ святилищѣ?
Рождаютъ же въ храмахъ животныя,
И это не считается за оскверненіе ихъ (*).

По правдѣ сказать, послѣ этого для меня нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ. что язычники столь склонны къ суевѣріямъ. При мысли, что всякое событіе есть начало несчастія, предзнаменованіе какого нибудь зла, гибели чего нибудь, имъ и естественно быть въ страхѣ. Если крыса прогрызла дыру въ жертвенникѣ, построенномъ изъ мусора, то это уже дурное предзнаменованіе. Не находя себѣ пищи она прогрызаетъ сосудъ съ провизіей; это тоже дурное предзнаменованіе. Откармливаемый пѣтухъ пѣлъ при закатѣ солнца: трепещите, надъ вами имѣетъ разразиться нѣкая ужасная катастрофа (**). Менандръ въ своей комедіи «Суевѣрные» такъ осмѣиваетъ одну личность:

Безсмертные боги! Да будетъ сіе счастливымъ предзнаменованіемъ для меня:

(*) Еврипида «Ифигенія въ Тавридѣ ст. 380 и д.

(**) Цицеронъ въ своемъ сочиненіи «De divinat. lib. II, c. 27 приводитъ много и другихъ суевѣрій.

Ремень, придерживающій на правой моей ногѣ обувь, лопнулъ.

Болтунъ! Чтожъ дивнаго тутъ? Онъ былъ гнилъ уже; и это доказываетъ лишь твою грязную скупость, потому что ремень уже давно нужно было замѣнить новымъ.

Чрезвычайно метко и тонко возраженіе по одному случаю Антифона. Однажды свинья съѣла своихъ поросятъ. Этимъ обстоятельствомъ на хозяина свиньи навѣяно было тоскливое ожиданіе имѣющаго съ нимъ приключиться какого нибудь несчастія. Антифонъ замѣтилъ, что «животное сдѣлало это отъ плохаго корму» и сказалъ хозяину: «Ты не печалиться, а радоваться долженъ этому событію. Это — предостереженіе тебѣ со стороны боговъ, какъ бы отъ голоду свинья не пожрала твоихъ собственныхъ дѣтей». — «Что же это за чудо, говорилъ Біонъ, что крыса, не находя ничего лучшаго, изгрызла корзину!» «Вотъ еслибы корзина съѣла крысу, смѣясь говорилъ Аркезилай, то это было бы удивительно». Просто рукоплещу я отвѣту при подобномъ же обстоятельствѣ Діогена. Нѣкто увидѣвъ, что около пестика его ступки обвилась змѣя, восторгался этимъ чудомъ. «Перестанешь ли изумляться, сказалъ ему этотъ философъ. Вотъ еслибъ змѣя выпрямилась и оставалась неподвижной, а пестикъ еслибъ обвился около нея, то было бы дѣйствительно дивно». Такъ и слѣдуетъ конечно, чтобы неразумныя животныя двигались, бѣгали, бились, рождались и умирали. Всѣ эти случайности имъ свойственны. Нечего посему считать ихъ за явленія какія-то необыкновенныя.

И множество птицъ явилось подъ лучами солнца
(Одис. I, 181).

Комикъ Филимонъ осмѣиваетъ со сцены такого рода религіозные страхи, говоря:

Если я вижу что мой рабъ наблюдаетъ,
Кто чихнулъ, кто и что сказалъ, кто вонъ вышелъ,
То я скорѣй бѣгу на рынокъ и продаю его.
Чихаетъ всякій по причинѣ ему свойственной.
Всѣ мы ходимъ, говоримъ.
Все въ этомъ мірѣ развивается
По законамъ, обусловливающимъ происхожденіе вещей.

Итакъ будемъ продолжать. Вотъ человѣкъ воздержный и онъ здоровъ. А вотъ невоздержный. Онъ набиваетъ свое чрево пищей какъ бы мѣшокъ какой. Онъ во дни праздничные постоянно гдѣ нибудь на пиршествѣ; этимъ онъ навлекаетъ на себя только разныя болѣзни. Многіе пугаются надписей, ими встрѣчаемыхъ на наружной сторонѣ зданій. Этимъ - то суевѣріемъ и вызвано было слѣдующее колкое замѣчаніе Діогена. Однажды онъ встрѣтилъ на жилищѣ одного дурнаго человѣка такую надпись: «Обитаетъ въ семъ домѣ Каллиникъ (побѣдоносный) Геркулесъ: входъ злу и злымъ воспрещается». «Такъ какимъ же образомъ теперь войдетъ сюда хозяинъ самъ», воскликнулъ Діогенъ. Этого же рода люди, обоготворяющіе всякій пень, всякій камень, усыряемый возліяніями на него (*), трепещутъ при видѣ клочка красноватой шерсти, крупинокъ соли, при видѣ куска смолистаго дерева, могущаго служить факеломъ, кусочковъ сѣры, если всѣ эти вещества чрезъ заклинанія надъ ними волхвовъ объявлены за нечистыя.

Богъ же, который есть Богъ истинный, цѣнитъ лишь святость праведниковъ и ненавидитъ лишь ту нечистоту, которая происходитъ отъ несправедливости и злодѣйствъ. Бываетъ конечно, что изъ насиженныхъ яицъ, послѣ очистительныхъ жертвоприношеній, при коихъ они употреблялись, вылупляются птенцы. Но этого не могло бы быть, если бы при совершеніи очищенія они были какимъ либо образомъ повреждены.

Комикъ Дифилъ тонко смѣется надъ заклинателями въ слѣдующихъ стихахъ:

Я очищаю дочерей Прета, самого Прета,
Сына Абантіасова, и беззубую старуху,
Между ними пятое лицо.
Очищаю ихъ однимъ лишь факеломъ
И морской луковицей: при столь скудныхъ средствахъ сколько очищаемыхъ!
Къ симъ средствамъ я прибавляю лишь сѣры немного, немного горной смолы

(*) Разумѣются камни и древесные пни на перекресткахъ улицъ и дорогъ, куда люди суевѣрные приходили совершать ароматическія возліянія.

И нѣсколько капель воды, почерпнутой на берегу
многошумнаго моря.
Но ты, о блаженный Зевсъ, ниспосли мнѣ сквозь
тучи
Лишь нѣсколько чемерицы, дабы клопа сего мнѣ
обратить въ шмеля.

Менандръ также обнаруживаетъ глубокую мудрость, когда говоритъ:

Еслибъ ты, мой другъ, дѣйствительно былъ боленъ,
То дѣйствительную тебѣ нужно было бы подать
и помощь.
Но противъ изнуряющей тебя воображаемой болѣзни
Вотъ и воображаемое цѣлебное средство;
Не сомнѣвайся, оно тебѣ послужитъ въ пользу.
Призови заклинательницъ; онѣ, вращаясь около
тебя, будутъ очищать тебя,
Водой орошая, почерпнутой изъ трехъ различныхъ источниковъ
И дождемъ изъ соли и чечевицы.
Но знаешь ли, кто чистъ дѣйствительно?
Тотъ, кого ни въ чемъ дурномъ не упрекаетъ
совѣсть.

«Орестъ, Орестъ, восклицаетъ трагическій поэтъ, какой болѣзнью страждешь ты»? «Моя совѣсть удручаетъ меня» отвѣчаетъ онъ; «признаю, что совершилъ великое преступленіе»(*).

Дѣйствительно нѣтъ иной чистоты кромѣ воздержности ото всего дурнаго. Эпихармъ справедливо говоритъ; «Если твой духъ чистъ, то чиста и вся твоя личность». Вотъ почему и мы утверждаемъ, что душа должна очищать себя чрезъ провѣрку превратныхъ мнѣній разсудкомъ; за тѣмъ, освободившись отъ всѣхъ нечистыхъ мыслей, она должна помнить главныя положенія вѣроученія. Слѣдуетъ, чтобы имѣющіе быть посвященными въ таинства вѣры проходили предварительно нѣкоторыя очистительныя ступени; и только уже за тѣмъ на мѣстѣ преданій лживыхъ должны быть водружены въ ней преданія истинныя.

5. Душа чистая есть храмъ Богу болѣе угодный, чѣмъ всѣ великолѣпныя зданія, воздвигнутыя въ честь Его рукою человѣческой.

Не прекрасно ли и не правильно ли не привязывать ни къ какому опредѣленному мѣсту присутствія Того, Кто ничѣмъ не можетъ быть ограниченъ? Не правы ли посему мы, когда величіе Того, Кто объемлетъ Собою всю вселенную, не обусловливаемъ храмами? По силѣ чего это какое либо каменное зданіе, матеріальное созданіе грубыхъ рабочихъ, нужно считать за созданіе святое? Нѣсколько еще лучше думали о семъ предметѣ полагавшіе, что достойны величія Божіяго эѳиръ и содержимое имъ или лучше сказать весь міръ и вся эта совокупность существъ, т. е. вселенная (Дѣян. VII, 49; Ис. LXVI, 1). Дѣйствительно, не смѣшно ли утверждать, что человѣкъ, говоря языкомъ философовъ, «игра Провидѣнія» (*), можетъ творить Бога и что Божество въ свою очередь становится игрушкой въ рукахъ человѣка? То, что выдѣлываешь ты, тождественно съ обрабатываемымъ матеріаломъ, а слѣдовательно и подобно ему. Такъ издѣліе изъ слоновой кости есть слоновая кость, издѣліе изъ золота — золото. Идолы и храмы, воздвигаемые поденщиками и рабочими грубыми, созидаются изъ матеріала мертваго; поэтому они и остаются навсегда безжизненными, вещественными и не имѣющими въ себѣ чего либо святаго, какъ и самый матеріалъ этотъ. Какого бы совершенства искуство ни достигало въ своихъ созданіяхъ, вещество всегда останется вѣрнымъ бездушности своей природы. Произведенія искуства, каково бы ни было это искуство, никогда посему не могутъ быть священными и божественными. Къ тому же, какое новое къ жизни могли бы вызвать вы существо, когда по плану, осуществленному во вселенной, нѣтъ ни одного, которое уже не занимало бы своего предуказаннаго ему мѣста? Предметъ гдѣ либо и кѣмъ либо воздвигаемый воздвигается потому, что до тѣхъ поръ его не было тутъ. Итакъ если Богъ гдѣ либо, тамъ или тутъ, какимъ либо человѣкомъ точно такъ же какъ статуя водружается, то значитъ былъ моментъ, когда Онъ и не имѣлъ своего мѣста, а слѣдовательно вовсе и не существовалъ. Твореніе не существовавшее не имѣло и мѣста, такъ какъ для занятія онаго

(*) Еврипидъ, ст. 395.

(*) Такъ человѣка называетъ не въ одномъ мѣстѣ Платонъ; напр. въ кн. VII «О законахъ».

нужно существовать; мѣсто занимаетъ только то, что существуетъ. Съ другой стороны Существо реально существующее не можетъ быть пріурочено къ какому либо мѣсту существомъ воображающимъ себя чѣмъ-то якобы существующимъ, а пожалуй и дѣйствительно существующимъ: Оно и само также существуетъ, а слѣдовательно и мѣсто занимаетъ. Остается предположить, что Оно само себя помѣщаетъ на угодномъ Ему мѣстѣ. Но какимъ это образомъ Существо это само себя родитъ или какъ Существо это помѣщаетъ само себя настолько и въ такомъ объемѣ, чтобы существовать тутъ? Можетъ быть вы скажете, что, ранѣе не имѣвъ мѣста, Оно само себѣ создало такое? Но тогда вы признаете Его не существовавшимъ, такъ какъ на извѣстномъ мѣстѣ водружаемо быть можетъ только то, чего ранѣе тамъ не было. Вы считаете Божество получающимъ мѣсто. Но что же это значитъ, что наконецъ Оно достигаетъ осуществленія того, чѣмъ, по вашему мнѣнію, уже раньше обладало? Пустяки все это. Существо превысшее, которому принадлежитъ все существующее, не можетъ нуждаться въ своемъ твореніи. Но вы говорите, что образъ Бога тотъ же, что и человѣка. Но тогда Онъ будетъ имѣть и нужды человѣка. Ему необходимы будутъ пища, одежда, кровъ и должны быть свойственны и всѣ состоянія, вытекающія изъ этого. Съ того самаго момента, какъ двумъ существамъ вы придаете одинаковые образъ и склонности, вы подчиняете ихъ и одинаковымъ условіямъ одинаковаго образа жизни. Если правда, что храмъ есть воплощеніе двухъ этихъ идей, что онъ представляетъ видимымъ образомъ величіе Божіе, а потомъ служитъ матеріальнымъ вмѣстилищемъ существа Божія, то не лучше ли назвать намъ храмомъ Божества церковь, которая, святою ставши чрезъ познаніе Бога, учреждена во славу Его? Вотъ подлинно святилище, святилище величественное, воздвигнутое не ремесленниковъ руками и украшенное не искуствомъ чародѣевъ, а устроенное въ храмъ волею самого Бога! Понятно, что я называю здѣсь именемъ церкви не зданіе вещественное. Я усвояю это имя собору избранныхъ. Вотъ храмъ наидостойнѣйшій для воспринятія въ себя величія и славы Божіей. Вотъ жертва, по высотѣ своей святости, драгоцѣннѣйшая и подобающая Тому, Кто достоинъ всякаго почтенія; скажемъ лучше: Кому за превосходящую святость Его ничто не можетъ уподобиться въ природѣ. Кто же собственно состоитъ этой жертвой? Мудрецъ истинный (гностикъ). Онъ Богу любезенъ. Имъ чествуемъ; и въ Немъ воздвигнутъ Богъ, т. е. въ Немъ познаніе о Богѣ находитъ святилище себѣ и освященіе себя. Да, въ душѣ сего праведника мы находимъ святые образъ и подобіе Божіи, потому что она блаженна, будучи подготовлена къ тому предварительными очищеніями, перенесенными ею испытаніями; и еще болѣе блаженна, ежедневно въ добрыхъ дѣлахъ упражняясь. Вотъ что еще не имѣетъ мѣста здѣсь на землѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ уже и находитъ оное въ душѣ тѣхъ, кто достигъ гностическаго совершенства; вотъ къ чему должно стремиться, о чемъ заботиться, - о томъ чтобы принять въ себя это содержаніе, хотя конечно мы и недостойны носить въ себѣ дары Божественнаго вѣдѣнія. Всѣ, которые имѣютъ и въ будущемъ увѣровать въ Бога, уже вѣрны Ему; они уже заранѣе въ образѣ своихъ добродѣтелей воздвигаютъ въ себѣ такъ сказать образъ Божій, изображеніе Вседержителя, посвященное имени Его.

6. Молитвы и благодаренія, непрестанно отъ чистаго сердца возносимыя къ Богу, цѣннѣе всѣхъ жертвоприношеній.

Итакъ Богъ не ограниченъ никакимъ мѣстомъ; объ образѣ Божіемъ не льзя себѣ составить представленія ни по чему живущему. Равнымъ образомъ не испытываетъ Богъ и никакихъ душевныхъ смятеній, волнующихъ грудь людскую. Ни жертвъ никакихъ Онъ не желаетъ, потому что Онъ не рожденъ подобно всѣмъ существамъ сотвореннымъ и не можетъ нуждаться въ какой либо пищѣ: голода Онъ не испытываетъ. Чего касаются страсти, то подлежитъ и смерти. Предлагать пищу Тому, Кто существомъ своимъ съ вещественной пи-

щей не имѣетъ ничего общаго и не питается, равносильно значитъ изобличенію себя въ сумашествіи. Комикъ Ферекратъ въ своей комедіи «Бѣглые» выводитъ на сцену самихъ боговъ, остроумно представляя ихъ пеняющими на людей за скупость ихъ жертвоприношеній. Безсмертные говорятъ: «Когда вы жертву приносите о скупцы, то прежде всего вырѣзаете и отлагаете въ сторону части, которыя вамъ стыдно назвать. Послѣ того какъ обчистите вы бедра даже до желёзъ, весь бедренный составъ и съ позвонками, до половины обглоданный, бросаете намъ какъ собакамъ. Но за тѣмъ вамъ становится стыдно, и скудость жертвоприношенія вы стараетесь вознаградить разными плутнями». Евбулъ, тоже комическій писатель, выражается относительно жертвоприношеній подобнымъ же образомъ:

> Богамъ же вы посвящаете какъ какимъ нибудь педерастамъ
> Лишь хвостъ и двѣ лядвеи.

Діонисъ, выведенный въ «Семелѣ», точно также жалуется на своихъ чтителей: «Если мнѣ и принесетъ кто либо жертву, то этой бываетъ только кровь да пузырь; о сердцѣ же и сальникѣ и помину нѣтъ. Жиру и сочныхъ бедренныхъ частей я не ѣмъ». Менандръ также пишетъ: «Отложивши для боговъ бедренный составъ и позвонки, а также желчь и несъѣдобныя кости, остальное они потребляютъ сами». Не вполнѣ ли разумно оставить наконецъ этого рода жертвоприношенія? Дымъ и заколотыя животныя, что это за жертвы? Еслиже дымъ и запахъ жаренаго мяса дѣйствительно нужно считать почетнымъ даромъ Эллинскимъ божествамъ, то почему же и прежде всего въ число боговъ не занесть бы и поваровъ? Они вѣдь больше всѣхъ наслаждаются этими благоуханіями. И почему жъ смиренно бы не падать ницъ и предъ очагами, тѣмъ воздавая имъ божескія почести? Они вѣдь всего ближе къ этимъ драгоцѣннымъ благовоніямъ». Но вотъ что еще занимательнѣе. Если вѣрить Гезіоду (Theog. ст. 536), то Зевсъ при раздѣлѣ мяса обманнымъ образомъ получилъ отъ Прометея на свою долю однѣ кости, коварно лишь прикрытыя слоемъ жира.

> Выходитъ, что люди состоятъ достойными сынами Прометея;
> На священныхъ алтаряхъ они приносятъ богамъ безсмертнымъ также ни къ чему негодныя кости.

Никоимъ образомъ не могутъ и того сказать такіе чтители боговъ, что они приносятъ Богу въ жертву пищу изъ опасенія, какъ бы Онъ не мучился желаніемъ пищи, происходящимъ отъ недостатка ея. Богъ не растенье же какое, питающееся безъ аппетита; и не звѣрь же какой, живущій во мракѣ пещеръ, гдѣ нѣкоторыя изъ животныхъ, какъ говорятъ, питаются грубыми составными частями воздуха (*), а можетъ быть и испареніями, исходящими изъ собственнаго ихъ тѣла и развиваются, ничего не потребляя. Если Богъ не имѣетъ нужды въ пищѣ и не чувствуетъ потребности въ ней, то къ чему и предлагать Ему то, въ чемъ Онъ вовсе не нуждается? Если же то правда, что Божество, по самой природѣ своей ни въ чемъ не нуждающееся, благоволительно принимаетъ воздаваемыя Ему почести, то мы христіане значитъ мудро поступаемъ, чтя Его лишь молитвами и принося Ему высшую и святѣйшую жертву Божественнаго правосудія. Въ лицѣ правосуднѣйшаго Логоса мы самому Вседержителю покланяемся, потому что чрезъ посредство Логоса мы и познаніе о Богѣ получили; въ лицѣ Логоса потому мы прославляемъ Бога самого за Его дары намъ и за просвѣщеніе насъ. У насъ христіанъ есть здѣсь на землѣ и алтари, но какіе? Ими служатъ молитвенныя собранія наши, гдѣ слышится изъ молитвенно настроенныхъ душъ одинъ голосъ, господствуетъ одинъ духъ. Питаніе же себя запахомъ, про-

---

(*) Разумѣются животныя, на зимнее время года скрывающіяся въ мѣста потаенныя, здѣсь погружающіяся въ спячку и остающіяся слѣдовательно безъ пищи. Таковы: медвѣди, дикобразы, змѣи и нѣкоторые виды птицъ и почти всѣ насѣкомыя. Арист. Ист. животн. VIII, 14—17.

ходящее внутрь чрез ноздри, хотя оно сравнительно съ питаніемъ чрезъ ротъ и отличается большими тонкостію и духовностію, сказываетъ однакоже о дыханіи питающагося такъ существа. Что же? Богъ не порами же дышетъ какъ растеніе (*); и не жабры же Онъ имѣетъ, чтобъ дышать подобно рыбамъ. На подобіе насѣкомыхъ что ли Онъ дышетъ, въ коихъ дыханіе замѣтно по съуживанію надрѣза, къ коему крылья прикрѣплены? Ни одинъ разумный человѣкъ не будетъ разсуждать такъ. Животныя же высшія вдыхаютъ и выдыхаютъ воздухъ вслѣдствіе притока его въ легкія, отъ сего расширяющіяся даже до стѣнокъ грудной клѣтки. Что же? Вы Божеству внутренности что ли усвояете: артеріи, вены, нервы и различные другіе органы? Но тогда Божество чѣмъ же отличаться будетъ отъ человѣка? Церковь, вотъ дыханіе Божіе, но дыханіе и человѣчества. Жертвоприношеніями состоятъ молитвы, вотъ дыханіе святыхъ душъ; раскрытіе въ молитвѣ души предъ Богомъ, вотъ въ какое вскрытіе жертвенныхъ внутренностей вѣримъ мы.

Въ простомъ народѣ ходитъ молва, будто на о. Делосѣ есть жертвенникъ, основанный еще въ глубокой древности, и что будто бы онъ никогда не былъ оскверненъ кровью или убійствомъ. Если вѣрить его исторіографу(**), то къ нему и подойти могъ только Пиѳагоръ. Вотъ въ это, такъ вы вѣрите; а если мы проповѣдуемъ, что только душа праведника есть жертвенникъ по истинѣ священный и что молитва души богобоязливой есть истинный ароматъ, то вы отказываетесь вѣрить нашимъ словамъ. Если я не ошибаюсь, то люди за тѣмъ только и ввели въ обычай кровавыя жертвоприношенія, чтобы имѣть въ нихъ предлогъ къ употребленію мяса въ пищу. Но всякій воленъ былъ выбрать этотъ родъ пищи и безъ чествованія своихъ идоловъ принесеніемъ въ жертву имъ животныхъ. Моисеевымъ закономъ конечно введены были жертвоприношенія, но они были только прообразами Богопочтенія христіанскаго. Принесеніе въ очистительную за грѣхи жертву голубя напр. и горлицы означало, что пріятно Богу очищеніе и неразумныхъ сторонъ нашей души. Если же кто изъ стремленія быть праведнымъ не пожелаетъ затруднять своей душевной жизни употребленіемъ въ пищу плоти уже жившей, то руководиться онъ будетъ при воздержаніи отъ этого рода пищи соображеніями мудрости высокой. Соображенія эти во всякомъ случаѣ основательнѣе мечтаній Пиѳагора и его послѣдователей, грезившихъ о переселеніи душъ изъ одного тѣла въ другое. Ксенократъ, толкуя «О мясной пищѣ человѣка» и Полемонъ въ своемъ сочиненіи «О жизни, согласной съ природой» объявляютъ въ выраженіяхъ рѣшительныхъ, что мясная пища не очень-то полезна человѣку, ибо это пища уже переработанная животнымъ, а слѣдовательно она и въ насъ можетъ вносить нѣкіе элементы, насъ уподобляющіе душамъ животныхъ. Вотъ почему Іудеи съ такой строгостью воздерживаются отъ свинаго мяса: вслѣдствіе извращенныхъ инстинктовъ это животное отличается отъ всѣхъ остальныхъ особенной склонностью къ злодѣйствамъ; оно взрываемъ нивы и разоряетъ чужія жатвы.

Но говорятъ, что «животныя даны человѣку для пользованія ими». Да, для пользованія; въ этомъ и мы соглашаемся съ вами, а вовсе не для того, чтобы сподрядъ служить пищей ему. Только нѣкоторыя изъ животныхъ были предназначены на сіе, но и изъ этихъ лишь не работающія (*). Вотъ почему комикъ Платонъ въ своей комедіи «Праздники» говоритъ;

(*) По другому чтенію: «какъ демоны». Такое именно устройство дыханія писатель усвоялъ демонамъ. По его представленію въ твореніи все восходитъ отъ нисшаго къ высшему постепенно: отъ животныхъ водныхъ ступень къ насѣкомымъ, отъ насѣкомыхъ къ животнымъ болѣе совершеннымъ.

(**) Діогену Лаэрцію. См. въ біографіи его.

(*) Въ древности у Римлянъ считалось величайшимъ злодѣяніемъ убить рабочаго вола. Плиній упоминаетъ, что одинъ римлянинъ за это былъ казненъ смертію, а другой высланъ изъ отечества (Естеств. ист. VIII, 45).

Впредь не будемъ колоть для жертвоприношенія
Другихъ животныхъ кромѣ свиней.
Мясо ихъ весьма сочно.
При жизни же ихъ мы не получаемъ отъ нихъ
Никакой пользы кромѣ щетины, грязи и хрюканья.

Это же и Эзопа заставило сказать: «Поросенка только въ руки стоитъ взять, чтобъ онъ закричалъ во все горло; онъ отлично знаетъ, что ни на что больше не годенъ какъ для принесенія въ жертву». Посему-то и Клеанѳъ сказалъ, что это животное получило жизнь вмѣсто соли для того, чтобы мясо до времени не портилось». Итакъ одни изъ людей употребляютъ въ пищу мясо этого животнаго потому, что оно ни на что другое не годно; иные же потому, что оно портитъ нивы; а третьи, такъ какъ оно proclive ad coitum, вовсе не употребляютъ его въ пищу. Вотъ причина, почему и козелъ не указанъ закономъ въ числѣ животныхъ, годныхъ для жертвоириношеній, за исключеніемъ такъ называемаго козла отпущенія для сложенія на него всѣхъ грѣховъ (Лев. XVI): животное это отличается веселостью нрава, а веселость есть мать всѣхъ пороковъ. Утверждаютъ также, что употребленіе въ пищу козлинаго мяса производитъ падучую болѣзнь, а свинаго — тучность. Употребленіе въ пищу свинаго мяса посему можетъ быть полезно лишь тѣмъ, кто много физически работаетъ. Если же вы надъ развитіемъ души трудитесь, тогда это уже инаго рода работа: употребленіемъ въ пищу свинаго мяса умъ вашъ можетъ быть лишь притупляемъ. Не невозможно, что иной гностикъ для облегченія себѣ борьбы противъ плоти долженъ будетъ отказаться отъ употребленія въ пищу и всякаго вообще рода животной пищи. Это онъ долженъ сдѣлать для того, чтобы не приводить своихъ чувствъ въ состояніе непомѣрной возбужденности и чтобы не питать своей плоти излишне ad rem Veneream. «Вино, говоритъ (врачъ) Андрокидъ, и пресыщеніе мясной пищей хотя и укрѣпляютъ наше тѣло, за то душу разслабляютъ и дѣлаютъ вялой».

Итакъ это пища—нечестивыхъ и совершенству разумѣнія она не способствуетъ. Вотъ почему Египтяне, требуя отъ жрецовъ чистоты жизни, не дозволяютъ имъ употребленія въ пищу иного мяса кромѣ мяса молодыхъ птицъ, которое они считаютъ наиболѣе легкимъ и такъ сказать воздушнымъ. Что же касается рыбъ, то они никогда къ нимъ и не прикасаются сколько по причинѣ нѣкоторыхъ повѣрій, ходящихъ въ народѣ о нихъ, столько-же и потому, что употребленіемъ ихъ въ пищу порождаются слабость и вялость тѣла (скорбутъ). Птицы же и животныя на землѣ живущія питаются какъ и мы вдыханіемъ того же самаго воздуха; и это потому конечно, что и душѣ ихъ мы имѣемъ нѣкое подобіе въ воздухѣ. Нельзя того же самаго сказать о рыбахъ; онѣ вдыхаютъ въ себя воздухъ менѣе тонкій, а именно отъ самаго начала міра примѣшанный къ водѣ и другимъ стихіямъ; это же обстоятельство служитъ и доказательствомъ большей устойчивости водной стихіи.

Итакъ Божеству нужно приносить жертвы не многоцѣнныя, но угодныя. Будемъ посему возносить къ престолу Его ароматическое благовоніе, составленное согласно съ предписаніями закона (Втор. XXX, 34); будемъ возносить къ Богу ѳиміамъ молитвъ, слагающійся изъ общенія многихъ устъ и голосовъ; да возносится къ Богу со всей земли это святое дыханіе различныхъ народовъ и племенъ. Земля, получивши рядъ откровеній, да соединится наконецъ въ единствѣ вѣры для славословія Всевышняго; будемъ славить Бога въ гармоническомъ ихъ сочетаніи: мыслію чистою, законосообразнымъ и правымъ устроеніемъ жизни, дѣлами святыми и непорочными молитвами. Поэтическая муза такъ выражается о семъ:

Найдется ли человѣкъ настолько сумазбродный и
содержащій вѣру столь безсмысленную,
Что сталъ бы воображать, будто боги взираютъ съ
удовольствіемъ на жареную печень жертвы
И на нѣкоторыя кости, коими погнушались бы и
голодныя собаки?
Какъ? Это и есть то самое приношеніе, котораго
они желаютъ?

Какъ? Кои чтутъ ихъ такими жертвами, тѣмъ, будь они разбойники морскіе или сухопутные, будь они жестокіе тиранны, они воздаютъ милостями? Да, конечно и мы утверждаемъ, что

огнемъ (Святымъ Духомъ) освящается, по что? Не тѣло, а душа грѣшника (Мѳ. III. 11; Лк. III, 16). Но подъ огнемъ мы разумѣемъ не грубое пламя, сожигающее и истребляющее, а то пламя разума. которое проникаетъ въ душу, проходящую чрезъ огонь (Евр. IV, 12).

7. Молитвы мудреца истиннаго и образъ исполненія ихъ Богомъ.

Намъ дано повелѣніе чтить и покланяться Тому, Кого мы признаемъ Логосомъ, Спасителемъ, Правителемъ вселенной. а чрезъ Него и Отцу; и мы дѣлаемъ это не только въ положенные дни, какъ это обычно у нѣкоторыхъ другихъ, а постоянно, въ теченіе всей этой жизни и на всѣхъ возможныхъ путяхъ ея. *Седмикратно въ день прославляю Тебя* (Пс. CXVIII, 164), такъ вмѣстѣ съ Псалмопѣвцемъ восклицаетъ народъ избранныхъ, оправдываемый чрезъ исполненіе имъ заповѣдей. Вотъ почему мудрецъ истинный (гностикъ) прославляетъ Бога не въ опредѣленныхъ только мѣстахъ, не въ нарочито для того устроенныхъ храмахъ только, и не въ праздники только и во дни нарочито для того установленные, а въ теченіе цѣлой жизни, безъ различія на всякомъ мѣстѣ. Въ одиночествѣ ли онъ или въ обществѣ единовѣрныхъ, для него это безразлично. Покланяется же онъ Богу, благодаря Его за сообщеніе ему познанія о правомъ образѣ жизни. Если и въ обыкновенномъ ходѣ жизни присутствіе въ обществѣ человѣка добродѣтельнаго чрезъ внушаемыя имъ осторожность и почтеніе настраиваетъ мысль и чувство соприкасающихся съ нимъ возвышеннѣе: то возможно ли, чтобы христіанинъ, которому Господь постоянно предносится и чрезъ познаніе имъ Его и чрезъ осуществленіе заповѣданнаго Имъ образа жизни и чрезъ благодарное его памятованіе о Немъ, возможно ли ,чтобы христіанинъ день ото дня не становился совершеннѣе, проявляя улучшеніе это чрезъ всѣ свои поступки, слова и склонности? Таковъ тотъ, кто убѣжденъ въ вездѣприсутствіи Божіемъ, а не въ присутствіи Его на мѣстахъ лишь извѣстныхъ, ограниченныхъ извѣстными предѣлами. Привязывающіе Бога къ мѣстамъ лишь этимъ, находясь въ мѣстахъ иныхъ и считая себя скрывшимися отъ всеназирающаго ока Его. безъ зазрѣнія совѣсти и днемъ и ночью предаются невоздержности и погрязаютъ въ чувственныхъ удовольствіяхъ. Для насъ же вся жизнь есть праздникъ. Мы признаемъ Бога присутствующимъ всюду. Мы возносимъ хвалы Богу и въ деревнѣ, занимаясь воздѣлываніемъ земли; мы поемъ гимны Ему и море переплывая. Какого бы рода ни были наши занятія, мы всегда умѣло согласуемъ ихъ со славой Божіей.

Мудрецъ истинный однакоже поддерживаетъ съ Богомъ близость наиболѣе непосредственную. Въ каждомъ изъ своихъ дѣйствій онъ обнаруживаетъ и важность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и веселое расположеніе духа. Степененъ онъ и серьезенъ потому, что съ Богомъ обращается; бодръ и радостенъ потому. что дары Божіи онъ считаетъ неотъемлемымъ достояніемъ человѣка. Пророкъ въ слѣдующихъ своихъ словахъ хотѣлъ, какъ кажется, показать высокое достоинство познанія. Онъ говоритъ: *Научи меня благости, правотѣ жизни и вѣдѣнію* (Пс. CXVIII, 66). Уже исчисленіемъ сихъ даровъ Божіихъ въ извѣстномъ порядкѣ пророкъ указываетъ на то, что есть въ совершенствѣ наиболѣе влаственнаго. Вотъ человѣкъ воистинну царственный! Вотъ священникъ, служащій Богу свято! Вотъ смыслъ и обычая, господствующаго въ средѣ разумнѣйшихъ изъ варварскихъ народовъ, который мы наблюдать можемъ еще и понынѣ, обычая возводить на царскій престолъ членовъ жреческой касты (*). Не ожи-

(*) Намекъ на одно мѣсто изъ «Политики» Платона. «Въ Египтѣ, говоритъ этотъ философъ, царь опирается на жреческую касту. Даже еслибы захватилъ власть какой нибудь узурпаторъ изъ другаго рода, то едва только приметъ онъ бразды правленія, какъ его посвящаютъ уже въ тайны религіи, чтобы одновременно онъ былъ и верховныхъ жрецомъ и монархомъ». Вслѣдъ за этимъ Платонъ называетъ много греческихъ городовъ, гдѣ господствуетъ то же обыкновеніе.

дайте отъ такого человѣка, чтобы онъ пожертвовалъ своей личностью, проводя вмѣстѣ съ толпой время въ театрахъ, гдѣ эта шумитъ, волнуется и властвуетъ. Для словъ, дѣйствій, зрѣлищъ, влiяющихъ на возбужденіе низкихъ страстей, не открываетъ онъ души своей даже и въ сновидѣніяхъ. Прочь посему отъ него съ зрѣлищами, обольщающими глазъ! Дальше отъ него со множествомъ и другихъ удовольствій, ласкающихъ другія изъ его чувствъ! Что общаго у него съ ними? Мудрецъ истинный не употребляетъ ни драгоцѣнныхъ благовоній, ласкающихъ чувство обонянія; не употребляетъ онъ и сложныхъ приправъ къ кушаньямъ; не пьетъ онъ тонкихъ винъ, ароматомъ коихъ услаждается вкусъ; не возлагаетъ онъ себѣ на голову вѣнковъ, сплетенныхъ изъ разныхъ душистыхъ цвѣтовъ: чувства ими возбуждаются, за то душа ослабляется. Пользуясь всѣмъ честно, постоянно онъ благодаритъ Бога. Пищу, питье онъ употребляетъ въ нормальномъ ихъ видѣ; умащаетъ тѣло нормально; и при всемъ этомъ онъ помнитъ о Томъ, кѣмъ даровано все сіе; благовонія также возноситъ онъ лишь къ Логосу, принося въ жертву Ему и начатки плодовъ. Постоянно онъ обращается къ Богу съ благодареніями, то чрезъ принесеніе Ему даровъ, то чрезъ воскуреніе благовоній, то чрезъ слово, коимъ онъ одарованъ. Изрѣдка впрочемъ является онъ и на пиршества, но онъ позволяетъ себѣ это только въ тѣхъ случаяхъ, когда предполагаетъ, что на трапезѣ, къ коей приглашаютъ его, будутъ и его собратія, соединенные съ нимъ однимъ и тѣмъ же духомъ любви и единомыслія. Поступаетъ онъ такъ въ убѣжденіи, что Господь все слышитъ, все вѣдаетъ. Предъ Богомъ и дѣйствительно открыта душа наша какъ въ томъ случаѣ, когда мы открываемъ себя въ словѣ, такъ и въ томъ, когда мыслимъ только. Ибо что такое слухъ нашъ? Это не какое либо особенное свойство нашего тѣла; чрезъ особыя отверстія въ тѣлѣ воспринимаетъ слова, связывая съ этими опредѣленное значеніе, разумъ и прирожденная намъ понятливость. Итакъ Господь не такъ слышитъ, какъ люди слышатъ. Онъ не имѣетъ нужды въ чувствахъ, нашимъ подобныхъ, какъ утверждали это Стоики, хотя бы этими чувствами и были главнымъ образомъ слухъ и зрѣніе. Пусть ихъ говорятъ, будто не льзя постигать вещей помимо двухъ этихъ чувствъ; они ошибаются. Есть еще способы познаванія; напр. могутъ намъ передаваться впечатлѣнія при посредствѣ воздуха, столь легко перемѣщающагося. Быстрое воспринятіе столь свойственно всему воинству духовъ безплотныхъ и составляетъ ихъ преимущество; наконецъ все происходящее можетъ быть постигаемо просто внутреннимъ чувствомъ, безъ всякаго соучастія внѣшнихъ чувствъ и ихъ органовъ, единственно вслѣдствіе присущей намъ необъяснимой силы, подсказывающей намъ истину одновременно съ постиженіемъ ея нашей мыслію.

Возражаютъ мнѣ: «Но голосъ доходитъ до Бога, разсѣваясь въ нижнихъ слояхъ воздуха». На это отвѣчу я, что помышленія праведниковъ проходятъ не только чрезъ воздухъ, но и чрезъ весь міръ. Благодать Божественная есть особаго рода свѣтъ: едва только проникла она въ душу, какъ уже всю ее освѣтила. Но что я говорю? А человѣческія намѣренія развѣ не доходятъ до Господа? Развѣ не предваряютъ они о себѣ голосомъ особаго рода (Пс. XIX, 3)? Развѣ не оповѣщаютъ о нихъ голосъ и упреки совѣсти? Да и къ чему дожидаться оповѣщеній голосомъ Тому, Кто въ предвѣчномъ совѣтѣ своемъ, еще задолго до сотворенія Имъ избраннаго своего, уже созерцалъ его и уже читалъ въ душѣ его, какъ еслибъ это будущее было настоящимъ? Возможно ли, чтобы лучи Божественной благодати не вносили свѣта въ глубины душъ, когда, говоря языкомъ свящ. Писанія, свѣтъ благодати проникаетъ и въ мѣста сокровеннѣйшія? Господь есть весь зрѣніе, весь — слухъ, если я могу такъ выразиться, пользуясь выраженіями человѣческими.

Понятіе о Богѣ невѣрное не только у пѣснопѣній, у словъ, у тѣхъ или иныхъ изреченій Писанія и ученій измѣняетъ присущій имъ характеръ святости, но ниспускается и само до понятій пошлыхъ и до мыслей непристой-

ныхъ. Отсюда происходитъ, что «прославленія Бога толпою ничѣмъ не отличаются отъ богохульства»: этого рода люди истины не вѣдаютъ. На какіе предметы направлены всѣ душевныя стремленія, желанія, словомъ всѣ импульсы души. тѣ служатъ и молитвъ содержаніемъ. Подобно тому какъ не напитокъ самъ по себѣ желателенъ, а жаждутъ его какъ средства жажду утоляющаго; подобно тому какъ не наслѣдство само въ себѣ желательно, а унаслѣдованіе: такъ и познаніе состоитъ предметомъ стремленій не изъ за самого себя, а изъ за желанія познавать; желательно не управленіе правильное. а чтобы управляли нами правильно; слѣдовательно и при молитвахъ сила не въ томъ, что просимъ желаемаго. Молитва... желаніе... Они между собой связь имѣютъ и смѣняются другъ другомъ для достиженія благъ и преимуществъ, связанныхъ съ ними. Тотъ, кто только еще воздвигаетъ зданіе познанія, молитъ Бога о ниспосланіи ему истиннаго блага, а именно душевнаго блага. Но въ тоже время онъ и самъ содѣйствуетъ успѣху своихъ молитвъ. работая надъ достиженіемъ совершенства въ добродѣтели, надъ укрѣпленіемъ ея за собою на непреходящее время, дабы въ будущемъ обладать ему испрашиваемыми благами не какъ пріобрѣтеніями посторонними, а чтобы достигнуть самому ему тождества съ самой этой добродѣтелью. Тому, кто такъ познаетъ Бога, какъ Онъ желаетъ быть познаваемымъ, ничто столь не приличествуетъ какъ молитва. Познаніе же о Богѣ должно сопровождаться разумной добродѣтелью и, — само собою разумѣется, — обязанностію знать, въ чемъ состоитъ истинное благо. какихъ благъ слѣдуетъ просить, какъ и когда о нихъ молиться. Богамъ же лживымъ молиться не представляетъ ли собою крайняго неразумія? Просить чего либо какъ у боговъ у тѣхъ, кои вовсе и не боги, что можетъ быть глупѣе этого? Не верхъ ли неразумія далѣе якобы нѣкіихъ благъ добиваться отъ нихъ зла, которое можетъ служить только къ гибели просителя? Вотъ почему мы, убѣжденные, что существуетъ только одинъ Богъ, совмѣщающій въ себѣ всѣ блага; просимъ Его или о дарованіи намъ благъ или объ оставленіи оныхъ за нами. Это имѣетъ приложеніе не только къ намъ людямъ, но и къ ангеламъ; различіе лишь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ: ибо просить Бога о сохраненіи за нами Его даровъ или же съ самаго начала надъ тѣмъ трудиться, чтобы сдѣлаться ихъ достойными, не одно и тоже. Но есть и лучшій родъ молитвы. Отвращеніе отъ зла и дѣятельность, коей мы отстраняемъ его отъ себя, также есть особый родъ молитвы. Нужно остерегаться посему, чтобы не молить о ниспосланіи вреда людямъ; мудрецъ истинный (гностикъ) проситъ Бога объ обращеніи къ добродѣтели даже и людей злыхъ, лишенныхъ всякаго чувства добра. Выразимся болѣе смѣло. Молитва есть бесѣда съ Господомъ. Шепчемъ ли мы ее вполголоса (1 Царствъ I, 13) или же просто только размышляемъ и бесѣдуемъ съ Богомъ молча, рта не открывая, все равно изъ глубинъ нашей души исходитъ голосъ. Господь всегда внимаетъ этому внутреннему слову; оно всегда достигаетъ Его. Отъ сего и то происходитъ, что мы поднимаемъ голову и руки къ небу, а въ послѣднемъ молитвенномъ возгласѣ склоняемъ и ноги (*). Кажется, что этими символическими обнаруженіями своего молитвеннаго состоянія, христіанинъ лишь соотвѣтствуетъ своимъ душевнымъ порывамъ, стараясь проникнуть въ міръ субстанціальный, доступный только разуму. Чрезъ возношеніе словъ къ небу, нѣкоторымъ образомъ отдѣляя свое тѣло отъ земли, онъ возносится душою въ страны горнія и паря здѣсь. въ сферахъ небесныхъ, на крыльяхъ святыхъ своихъ и благочестивыхъ желаній проникаетъ въ самое святилище Божіе, откуда уже съ высшимъ самосознаніемъ смотритъ на оковы плоти. Дѣйствительно мы знаемъ, что истинный мудрецъ плѣнъ въ мірѣ семъ покидаетъ съ не меньшей радостью, чѣмъ и Іудеи, оставлявшіе рабство египетское; гнос-

(*) Тертулліанъ строго порицаетъ тѣхъ, кои тотчасъ по окончаніи молитвы садились.

тикъ ясно доказываетъ тѣмъ, что онъ всегда желаетъ близости къ Богу.

Нѣкоторыми назначаются для молитвы опредѣленные часы, какъ напр. третій, шестой и девятый. Мудрецъ же истинный всю жизнь свою проводитъ въ молитвѣ, чрезъ оную стремясь жить въ единеніи съ Богомъ. Достигнувъ же сего, онъ—выражаясь кратко—покидаетъ все не приносящее пользы, дабы въ этомъ высокомъ общеніи съ Богомъ почерпать довершеніе того человѣка, который дѣйствуетъ только по любви. Это тройное раздѣленіе часовъ, ознаменовываемое соотвѣтственными молитвами, въ обычаѣ у тѣхъ, кому не безызвѣстно, что небесныя обители также заключаютъ въ себѣ три различныхъ ступени.

Здѣсь мнѣ на память приходятъ тѣ изъ иномыслящихъ (еретиковъ), которые, состоя последователями Продика, утверждали, что молиться безполезно. Изъ предосторожности, чтобы они не стали восторгаться предъ нами своей мнимой мудростью какъ бы нѣкоей новостью, скажемъ этимъ сектантамъ, что она заимствована ими изъ школы Киринейской (*). Въ свое время мы опровергнемъ богохульство этихъ мнимыхъ гностиковъ. Еслиже здѣсь мы занялись бы этимъ опроверженіемъ, то длиннотой его прерванъ былъ бы ходъ этихъ «Памятныхъ записокъ» нашихъ, въ которыхъ мы развиваемъ ту мысль, что нѣтъ болѣе вѣрнаго и болѣе набожнаго почитателя Бога, какъ истинный гностикъ, просвѣщенный ученіемъ церкви, и гдѣ мы утверждаемъ, что, обращается ли гностикъ къ Богу со словомъ или только мыслію, лишь одному ему Господь даруетъ все просимое, только бы это согласно было съ волей Божіею. Да, Господь можетъ исполнить все, чего бы ни восхотѣлъ. Подобнымъ образомъ и гностикъ получаетъ все, чего бы онъ ни просилъ. Это потому, что Господь, проникающій въ глубины душъ, знаетъ, кто изъ людей достоинъ Его даровъ и кто нѣтъ. Отъ сего и то происходитъ, что каждому Онъ даруетъ лишь полезное. Когда молятъ Его недостойные, рука Его остается закрытою. Напротивъ Онъ съ радостью отверзаетъ ее всѣмъ, кто достоинъ Его щедротъ. Богъ распредѣляетъ оныя между людьми даже и тогда, когда о нихъ они не просятъ Его. Не позволимъ себѣ однакоже на этомъ основаніи думать, что молитва излишня.

Благодареніе Бога и молитва о всемъ, что можетъ способствовать обращенію ближняго, также составляютъ одну изъ принадлежностей и преимуществъ гностика. Такъ мы видимъ, что Господь Спаситель воздавалъ благодареніе Отцу за окончаніе Имъ служенія и просилъ, чтобы возможно большее число вѣрныхъ было приведено къ познанію. Чрезъ облаженствованіе своихъ избранниковъ, состоящихъ плодомъ истиннаго познанія ими Бога и въ лицѣ ихъ самъ Богъ прославляется; гностикъ посему молитъ, чтобы Богъ, единый благій, состоящій единственнымъ нашимъ Спасителемъ, при посредствѣ единороднаго Сына Его, изъ рода въ родъ былъ полнѣе и шире и большимъ количествомъ людей познаваемъ.

Вѣра, по силѣ которой мы надѣемся получить предметъ нашихъ молитвъ, сама есть родъ молитвы, духовно витающей въ глубинѣ нашей души. Къ тому же, если молитва есть собесѣдованіе съ Богомъ, то нѣтъ сомнѣнія, что не слѣдуетъ пренебрегать симъ способомъ и случаемъ для сближенія съ Богомъ. Святость мудреца истиннаго, соединенная съ Божественнымъ промышленіемъ о немъ, при свободномъ его исповѣданіи Бога, ясно доказываетъ собой высоту Божественнаго благодѣянія. Ибо непорочность гностика и обратно Божіе къ нему благоволеніе суть двѣ соотвѣтствующихъ одна другой конечныхъ точки Божественнаго промышленія. Господь благъ не независимо отъ своей воли какъ огонь, который и не желая того, обладаетъ согрѣвающей силой. Божественное провидѣніе, даже и предупреждая просьбы, распредѣляетъ свои щедроты дѣйствіемъ своей воли. Съ другой стороны и избранникъ Божій спасаемъ не вопреки

(*) Разумѣются ученики Киринейскаго философа Аристиппа, изъ которыхъ группировавшіеся около Ѳеодора отрицали все ученіе о богахъ. Нашъ писатель уже упоминалъ о семъ въ «Увѣщаніи».

волѣ его. Онъ имѣетъ душу, способную къ свободной самоопредѣляемости. Онъ шествуетъ стезей спасительной, самъ оную выбравъ по рѣшенію свободному. Вотъ причина, почему и заповѣди даны были человѣку, творенію, свободно опредѣляющемуся самимъ собою; причина эта та, чтобы онъ свободно могъ рѣшать выборъ въ сторону добра или же въ сторону зла. Итакъ и Господь творитъ добро не по связывающей Его необходимости. Въ полнотѣ свободы своей воли Онъ осыпаетъ своими щедротами того, кто добровольно бросается къ Нему въ объятія. Провидѣніе, нисходящее до насъ съ высоты своего величія, не есть сила какая-то слѣпая, занятая оказываніемъ услугъ своимъ тварямъ фаталистически (*), по ступенямъ поднимающаяся отъ существъ наименѣе совершенныхъ къ болѣе совершеннымъ (**). Нѣтъ. Сострадательное къ нашему ничтожеству, Провидѣніе при непрерывномъ надѣлении насъ благами подобится пастырю, заботящемуся о своемъ стадѣ или царю, пекущемуся о своихъ подданныхъ; мы же должны быть такъ же послушны Ему, какъ властямъ повинуемся, управляющимъ нами по законамъ, имъ преданнымъ отъ Бога (Рим. XIII, 1).

Итакъ кто же суть истинные почитатели Бога и слуги Ему? Тѣ, которые чтутъ Его служеніемъ истинно свободнымъ и царственнымъ, не менѣе чрезъ благочестивое направленіе воли, какъ и чрезъ познаніе. Такимъ служеніемъ, проникнутымъ мыслію о Богѣ, освящаются всѣ мѣста и всѣ времена. Но когда человѣкъ со склонностью къ добродѣтели и благодарнымъ чувствомъ проситъ чего либо въ молитвѣ, то онъ нѣкоторымъ образомъ самъ тому способствуетъ, чтобы просимое было ему даровано; уже самая молитва его служитъ свидѣтельствомъ, что онъ съ радостію приметъ предметъ своихъ желаній. Какъ только высшій Раздаятель всякихъ благъ услышитъ отъ насъ выраженіе сего желанія, такъ тотчасъ же Онъ изливаетъ на просящаго и сокровище щедротъ своихъ. Несомнѣнно, что молитва есть внѣшнее проявленіе внутреннихъ расположеній, свидѣтельствующихъ о нашемъ отношеніи къ исполненію своего долга. Если даръ слова и рѣчи даны намъ для того, чтобы мы понимали другъ друга, то можетъ ли Господь не понять нашей души и нашей мысли? Понимаетъ же на нашихъ глазахъ постоянно одна душа другую, однимъ умомъ постигается же другой... Я заключаю изъ этого, что Господу,—не какъ толмачамъ человѣческимъ,—не нужно ждать произнесенія словъ. Выражаясь кратко, Ему всякая мысль вѣдома уже и въ тайномъ ея зарожденіи. Что нашимъ голосомъ передается слуху, то Богу можно высказывать уже непосредственно въ мысли. Ибо Богъ даже еще прежде сотворенія міра зналъ, какая мысль возникнетъ въ умѣ того или другаго изъ насъ. Итакъ можно молиться и не сопровождая своей молитвы произнесеніемъ словъ; лишь бы вѣрующій къ этому молитвенному голосу своего духа тщаливо старался присоединять и всѣ другія качества неразрывнаго своего союза и обращенія съ Богомъ.

Востокъ для насъ служитъ образомъ зарождающагося дня и напоминаетъ намъ о Томъ, Кто для насъ есть День (*). Съ востока проникъ тотъ свѣтъ, коимъ впервые разсѣяна была тьма. На востокѣ забрежжился день познанія истины, который осіялъ умы всѣхъ, до того времени остававшихся погруженными во мракъ

(*) Нѣкоторые изъ стоиковъ, и преимущественно Боэѳъ, называвшіе Богомъ вселенную, не признавали за Божествомъ своимъ души и разума. Оно, по ихъ мнѣнію, было нѣкимъ тонкимъ тѣломъ, распростертымъ чрезъ весь міръ и дающимъ жизнь и движеніе всему созданному. Сенека въ «*Вопросахъ о природѣ*» говоритъ: «Міръ есть или животное или тѣло, природой управляющее какъ деревьями, чтобы они имѣли чѣмъ питаться». Эти же философы утверждали, что провидѣніе промышляетъ рабски, т. е. служитъ тварямъ несвободно.

(**) Т. е. отъ неодушевленныхъ предметовъ и до существъ, одаренныхъ разумомъ.

(*) Свящ. Писаніе часто уподобляетъ Христа восходящему солнцу; напр. Зах. III, 8; VI, 12; Іер. XXIII, 5; Лк. I, 78 и проч.

невѣдѣнія (Мѳ. VI, 16). Вотъ почему во время молитвъ мы обращаемся къ востоку, напоминающему намъ объ утрѣ духовной жизни. По этой же самой причинѣ и тѣ изъ храмовъ, кои по своему построенію относятся къ глубочайшей древности, обращены были входомъ къ западу, чтобы жертвоприносители, лицемъ будучи обращены къ изображеніямъ боговъ, привыкали обращаться на востокъ. *Да возносится къ Тебѣ молитва моя какъ ѳиміамъ; жертвой вечерней да будетъ воздѣяніе рукъ моихъ*, говорится въ Псалмѣ (CXL, 2).

Нечестивыхъ же молитва гибельна не для другихъ только, но имѣетъ она роковое значеніе и для нихъ самихъ. Потому что хотя бы тѣ мнимыя блага, которыхъ они испрашиваютъ, и были ими получены, но именно эти самые дары и губятъ ихъ; не умѣютъ они правильно пользоваться ими. «Пошли намъ благо, котораго мы не имѣемъ», восклицаютъ они и просятъ того, что по ихъ мнѣнію благо, а не на самомъ дѣлѣ состоитъ таковымъ. Истинный же мудрецъ проситъ о закрѣпленіи за нимъ того, чѣмъ уже владѣетъ, о дарованіи ему способности принятія ожидаемыхъ благъ, а также и невозмутимаго пользованія ими. Онъ молится о дарованіи ему благъ истинныхъ и о пребываніи ихъ съ нимъ во вѣки, а это сокровища духовныя. Поэтому-то онъ и не желаетъ чего либо новаго, а тѣмъ доволенъ, чѣмъ уже владѣетъ. Можно ли сказать, что ему недостаетъ личныхъ даровъ, когда онъ доволенъ самимъ собою вслѣдствіе помощи ему со стороны Божественной благодати и вслѣдствіе содержимыхъ имъ сокровищъ познанія? Довольствуясь тѣмъ, чѣмъ уже обладаетъ; не завидуя тому, чѣмъ владѣютъ другіе; обстоятельно вѣдая волю Вседержителя; видя желанія свои исполняемыми одновременно съ ихъ возникновеніемъ; особенно же опираясь на всесильную благодать Вседержителя Бога; трудясь надъ тѣмъ, чтобы содѣлаться существомъ духовнымъ: по своему неограниченному милосердію онъ уподобляется Святому Духу. Полный возвышенныхъ мыслей, человѣкъ этотъ, въ познаніи обладающій безцѣннымъ сокровищемъ и благомъ наипревосходнѣйшимъ изъ всѣхъ, чрезвычайно облегчаетъ себѣ дѣятельность созерцательную и поддерживаетъ въ душѣ постоянную способность къ ней; я хочу сказать, онъ остается всегда способнымъ опознаваться въ сферѣ вѣдѣнія быстро и проницательно. Всѣ его усилія главнымъ образомъ и направлены на пріобрѣтеніе этой способности. Будучи господиномъ надъ всѣми движеніями, волнующими духъ; привыкши къ непрестанной созерцательной дѣятельности и утвердившись въ оной; многократными испытаніями пріученный воздерживаться отъ пріятнаго и вообще опредѣляться въ своемъ поведеніи законами разума; и,—какъ бы намъ еще характеризовать его,—обогащенный сокровищами опыта: онъ, какъ въ отношеніи содержимаго имъ истиннаго ученія, такъ и въ отношеніи своей жизни, всегда готовъ отвѣтъ дать всякому вопрошающему о вѣрѣ и благочестіи.

Не думайте однакоже, что при этомъ готовъ онъ удариться въ потокъ словъ, ему непокорныхъ и необузданныхъ; нѣтъ. Рѣчь его проста. Ни изъ страха, ни изъ любезности онъ никогда не скрываетъ правды; онъ говоритъ ее во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ находитъ подходящее время; и не обращаетъ вниманія на лица, предъ которыми долгъ его заставляетъ высказываться.

Итакъ мудрецъ нашъ, знаніемъ того, что касается Бога, обязанный цѣлой совокупности выполненныхъ имъ условій, онъ, который къ этому присоединяетъ,—что и необходимо требуется и величіемъ предмета и истинностью Богопочтенія,—и превосходство добродѣтели, поддерживаетъ возвышенность своей души молитвою и союзомъ души своей съ предметами, уразумѣваемыми лишь духовно; чрезъ это съ познаніемъ онъ какъ бы сживается. Вслѣдствіе этого онъ всегда благосклоненъ, всегда кротокъ, легко доступенъ, терпѣливъ, привѣтливъ, благодаренъ; онъ довольствуется почетными свидѣтельствами только отъ своей совѣсти.

Мудрецъ истинный одѣтъ въ броню также и суровой строгости. Это не только для ничѣмъ неподкупнаго охраненія цѣлости своей

личности и неповрежденности, но и для того, чтобъ никто его и не пытался совратить съ пути истины. Никогда онъ не открываетъ своей души ни плотскому какому либо удовольствію, ни печали; еще менѣе онъ власти имъ даетъ надъ собой. Если Логосомъ онъ призывается къ исполненію судейскихъ обязанностей, то остается безпристрастнымъ, нисколько не потакая движеніямъ какихъ либо страстей; неколебимо идетъ онъ предначертанной ему стезею правосудія въ убѣжденіи, что царитъ надъ міромъ симъ высшая мудрость и что души, добровольно предавшіяся добродѣтели, постоянно тяготѣютъ къ добру и ищутъ усовершенія въ немъ, дожидаясь времени, когда онѣ обладать будутъ самой сущностію благъ, прійдя такъ сказать къ преддверіямъ Бога Отца, гдѣ приблизятся онѣ и къ Великому Первосвященнику новаго завѣта. Итакъ мудрецъ истинный убѣжденъ въ такой истинѣ: «Все въ этомъ мірѣ «идетъ къ лучшему». Въ этой мысли онъ безъ жалобъ и безропотно переноситъ всѣ случайности. Онъ не хлопочетъ даже и о томъ, что необходимо для удовлетворенія матеріальныхъ нуждъ ежедневной его жизни. Да и къ чему онъ сталъ бы заниматься этимъ? Не неколебимо ли онъ убѣжденъ въ томъ, что Богъ, отъ промышленія котораго ничто не ускользаетъ, не дожидаясь просьбъ отъ человѣка добродѣтельнаго, снабжаетъ его всѣмъ, что ему полезно? Ремесленникъ кормится отъ своего ремесла; язычникъ живетъ по—язычески. Точно такъ же истинный мудрецъ въ познаніи имѣетъ все, въ чемъ нуждается. Язычникъ, обратившійся къ вѣрѣ, молится о томъ, чтобы проникнуться ею; вѣрный, восходящій по ступенямъ познанія, стремится къ совершенству въ милосердіи; истинный же мудрецъ, достигшій высотъ знанія, проситъ о дарованіи ему возрастанія въ созерцаніи и постоянства въ ономъ; для него это столь же обычно, какъ и всякому обыкновенному человѣку естественно желать сохраненія своего здоровья въ состояніи цвѣтущемъ.

«Господи, никогда да не слабнетъ моя вѣра», говоритъ онъ; дѣлами же способствуетъ утвержденію ея на основаніи непоколебимомъ. Онъ хорошо знаетъ, что своей безпечностью даже изъ Ангеловъ нѣкоторые вѣроломные были свержены съ небесныхъ своихъ престоловъ на землю; они не съумѣли непостоянства своей воли и колебаній ея въ ту и другую сторону привести къ равновѣсію и чрезъ то сообщить своимъ натурамъ цѣльность (*).

Но съ низшихъ ступеней познанія вы вошли на высоту его? Вы чрезъ упражненіе достигли высотъ мужа совершеннаго? Тогда не смотря на обстоятельства времени и мѣста старайтесь проводить жизнь непреткновенно, великодушно подчиняясь неизмѣннымъ порядкамъ жизни и по указаніямъ познанія постоянно трудясь надъ проникновеніемъ себя и единымъ началомъ добра. Если же въ зданіи вы оставите наклоннымъ къ землѣ и угрожающій паденіемъ уголъ, то и весь матеріалъ, который при посредствѣ рычага вѣры поднятъ вами и изъ коего воздвигли вы зданіе, при всеобщемъ паденіи тоже рушится.

Итакъ вѣрующій, чрезъ сознательное упражненіе утвердившійся въ добродѣтели, стяжавшій въ ней неотъемлемую собственность, простой навыкъ въ добродѣтели обращаетъ во вторую свою природу. Тяжесть неотдѣлима отъ камня; точно такъ же и знаніе становится неотчуждаемымъ свойствомъ гностика; и это не помимо его воли, а въ полномъ согласіи съ его выборомъ, съ его интеллигентностью, обогащенностью познаніями и предусмотрительностью. Бдительность и дѣйствительно способна доводить гностика до этого неотдѣлимаго отъ него состоянія. Охраняя себя строгимъ благоразуміемъ, гностикъ не грѣшитъ; удерживаемый отъ грѣха добрыми внушеніями и осторожностью, онъ охраняетъ чрезъ то плоды своихъ трудовъ. Добрыя же внушенія, какъ мнѣ думается, возникаютъ въ немъ отъ знанія; оно научаетъ его различать теченія, собой обусловливающія невозмутимое пребываніе въ добродѣтели, отъ того, что не можетъ этому содѣйствовать.

Итакъ памятованіе о Богѣ и знаніе Его дѣло великое. Оно способствуетъ неутрачивае-

(*) Срав. «Стром.» IV, 23 къ концу.

мости добродѣтели. Но,—что нами уже и доказано,—одинъ только гностикъ святъ и благочестивъ по истинѣ. Безъ сомнѣнія, радуютъ его и дары настоящаго; но дары обѣтованные восхищаютъ его, какъ еслибъ они были уже настоящими. Не говорите мнѣ: «Они сокрыты отъ него, потому что ихъ нѣтъ въ наличности:» онъ напередъ уже знаетъ, чего они стоятъ. Познаніемъ доведенный до убѣжденія, что будущность имѣетъ быть таковой, а не иною, онъ уже обладаетъ ею.

Все недостаточное и несовершенное должно быть дополняемо изъ подлежащаго источника. Но если то правда, что гностику свойственна мудрость, а мудрость эта въ собственномъ значеніи слова если есть свойство Божественное, то выходитъ, что кто въ союзѣ съ Существомъ, не имѣющимъ никакихъ нуждъ, тотъ значитъ и самъ никакихъ нуждъ тоже не терпитъ. Ибо при сообщеніи премудрости Существо, сообщающее оную, и другое существо, часть въ ней получающее, ничего другъ противъ друга не имѣютъ, не питаютъ взаимно никакого нерасположенія одно къ другому, а слѣдовательно ничто и не препятствуетъ одному Существу Собой дополнять другое (*); и отъ того, что берется у сего Существа другимъ, Оно не бѣднѣетъ. Вслѣдствіе этого происходитъ, что богатство Дающаго, отъ многократности сообщенія его существу другому, не истощается.

Такъ происходитъ, что гностикъ обладаетъ уже всѣми возможными благами, какія способны мы вмѣстить при земной сей жизни. Говоримъ о благахъ, имъ вмѣщаемыхъ при облеченіи плотію, потому что обладаніе «всѣми благами» означало бы принятіе его уже въ вѣчныя селенія, гдѣ души переходятъ съ одной ступени на другую и гдѣ ихъ ожидаютъ награды отъ Бога. Поддерживаемъ онъ и Богомъ, удостоивающимъ его особеннаго и непосредственнаго попеченія. Не для того ли все и сотворено было, чтобы пользовался и владѣлъ всѣмъ человѣкъ добродѣтельный, или—лучше сказать,—вся тварь не для того ли и создана, чтобы содѣйствовать спасенію людей добродѣтельныхъ? Можно ли послѣ этого повѣрить, что Провидѣніе откажетъ въ своей помощи тому, для кого и сотворено все? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что поддерживая добрыя качества своихъ избранныхъ и одобряя святость принятаго ими образа жизни, Божественная премудрость принявшимъ рѣшеніе жить добродѣтельно сообщаетъ и силы, довлѣющія къ совершенію дѣла ихъ спасенія, ибо Провидѣніе говоритъ съ нами то просто голосомъ увѣщанія, то протягивая руку помощи тѣмъ, кто заслужилъ этого своими усиліями. Всѣми же такого рода благами гностикъ пользуется естественнымъ образомъ, ибо конечной цѣлью его состоитъ познаніе воли Божіей и дѣятельность вполнѣ самосознательная. Взгляните на врача. Онъ возвращаетъ больнымъ здоровье, больные же внутренней своей энергіей содѣйствуютъ врачу въ возстановленіи своего здоровья. Точно такъ же и Господь Богъ поступаетъ по отношенію къ намъ. Онъ даруетъ вѣчное спасеніе тѣмъ, кто совокупно съ Нимъ воздвигаетъ зданіе познанія и добрыхъ дѣлъ. Да, и Божественное обѣтованіе осуществляется только чрезъ дѣйствія человѣка, потому что исполненіе заповѣдей, возлагаемыхъ на насъ истиннымъ ученіемъ, предоставлено нашей власти.

Не могу я посему не удивляться Эллинамъ. Одинъ изъ славившихся въ древности атлетовъ долго упражнялъ это жалкое свое тѣло, готовя его и укрѣпляя для доблестныхъ состязаній. Затѣмъ онъ отправился на самыя эти состязанія на Олимпійскихъ играхъ. Тутъ предъ статуей Зевса, чтимаго Пизанцами, онъ такъ излилъ свою душу: «Отецъ боговъ, воскликнулъ онъ, если ничего изъ того, чѣмъ я долженъ былъ приготовиться къ борьбѣ, не опущено мною, то даруй мнѣ побѣду: ты только долгъ отплатишь мнѣ тѣмъ». Нѣчто подобное происходитъ и съ гностикомъ. Въ мѣру своихъ силъ и безупречно исполнивъ все, что предписывалось ученіемъ, а именно дѣло спасенія изучавши, упражнявшись, подобающими дѣлами занимавшись и желаніемъ проникшись угодить Богу,

(*) Срав. начало I-й кн. «Строматъ».

имѣя за себя свидѣтельство чистой совѣсти, онъ убѣжденъ, что дѣло спасенія доведено имъ до конца во всѣхъ его частностяхъ. Богъ требуетъ отъ насъ только того, что мы въ состояніи сдѣлать; иначе говоря: какъ относительно тѣхъ благъ, кои, имѣя соотношеніе съ дѣломъ нашего спасенія, еще не находятся на лицо, такъ и относительно благъ наличныхъ, Онъ требуетъ добровольнаго рѣшенія, желанія, надежды на обладаніе ими, пользованія ими, постоянства. Вотъ почему человѣкъ, бесѣдующій съ Богомъ, долженъ имѣть душу чистую и незапятнанную: условіе неотклонимое, если кто работаетъ надъ обращеніемъ въ свою собственность блага самого въ себѣ, т. е. надъ достиженіемъ въ благости совершенства. Еслиже этого нѣтъ, то пусть онъ хотя старается возвыситься до познанія; пусть стремится къ нему; а главное, пусть въ мѣру возможности удаляется отъ дѣлъ злыхъ, грѣховныхъ.

Еще нѣчто. Гностику слѣдуетъ обращаться къ Богу съ молитвами только достойными Бога, и притомъ въ сообществѣ людей только добродѣтельныхъ. Соприкосновеніе съ грѣхами чужими заразительно. Съ тѣми, коихъ вѣра еще юна, гностикъ молится только о такихъ вещахъ, о коихъ можно и гласно вмѣстѣ съ другими молиться.

Что же касается всей его жизни, то,—какъ мы уже сказали,— она есть продолжительное священное праздникство. Обыкновенными его жертвоприношеніями суть его молитвы, повторно возсылаемыя имъ хвалы Богу, чтеніе имъ предъ принятіемъ пищи священныхъ Писаній(*), пѣніе псалмовъ и гимновъ какъ во время принятія имъ пищи, такъ и предъ отходомъ ко сну; наконецъ сюда же, къ тѣмъ же жертвамъ, относятся и ночныя его молитвы. Благодаря имъ онъ присоединяется къ сонму силъ безплотныхъ, непрестанно созерцающихъ и славящихъ Бога: постоянно ему предносится мысль о Богѣ; постоянно его мысль занята дѣятельностію.

Но ужели кромѣ сихъ гностику неизвѣстны еще и другія какія либо жертвоприношенія? Ужели не дѣлится онъ съ невѣдущими тѣми спасительными истинами и вещественными благами, коими самъ обладаетъ? Да, конечно дѣлится, и притомъ очень щедро. Но такъ какъ изъ устъ самаго Бога онъ знаетъ, какихъ ему слѣдуетъ просить благъ, то онъ никогда и не прибѣгаетъ къ молитвамъ длиннымъ и многословнымъ, произносимымъ вслухъ (Мѳ. VI, 7 и д.). Вездѣ, гдѣ бы то ни былъ, посему онъ молится, не привлекая на себя вниманія толпы. Его прогулки, разговоръ, отдыхъ, чтеніе, дѣла, управляемыя разсудкомъ, все это у него—молитва въ многообразныхъ ея видахъ. Лишь только и мысленно сойдетъ онъ во святилище души своей и призоветъ здѣсь въ *воздыханіяхъ неизглаголанныхъ* (Рим. VIII, 26) Отца небеснаго, не успѣетъ онъ выговорить, какъ Вседержитель уже внимаетъ ему. Достоинство всякаго дѣйствія у людей обыкновенно измѣряется тремя главными и конечными цѣлями: честностью, полезностью и пріятностью. Цѣлью же всѣхъ предпріятій гностика служатъ только честность и полезность; чувственную же пріятность испытывать отъ своихъ дѣйствій, или что тоже—земное счастіе съ его непостоянствомъ, онъ предоставляетъ тѣмъ душамъ, которыя среди ничтожества и смертельной тоски влачатъ жизнь пошлую.

8. Мудрецъ истинный, будучи строгимъ ревнителемъ истины, не имѣетъ даже и нужды прибѣгать къ клятвѣ.

При столь явномъ благочестіи мудреца истиннаго нѣтъ не только многихъ, но и никакихъ основаній уже и для простаго предположенія, что онъ легкомысленно можетъ относиться ко лжи и къ клятвѣ. Клятва есть показаніе окончательное, при коемъ во свидѣтели призывается имя Божіе; человѣку же, проникнутому вѣрой, возможно ли не внушать къ себѣ довѣрія; и что за необходимость ему прибѣгать къ клятвѣ? Не замѣняется ли клятва уже всей его жизнію? Не устрояетъ ли ее такъ онъ, что неизмѣнное постоянство его поведенія и опредѣленный характеръ его рѣчей становятся утвержденіемъ рѣшительнымъ и достовѣр-

(*) Срав. «Пед.» II, 10.

нымъ (*)? Если же на самомъ судѣ судьею дѣйствующимъ и обсуждающимъ дѣло постановляется приговоръ несправедливый, не имѣющій основаній въ несправедливости, испытанной челобитчикомъ, то и тутъ гностикъ (въ угоду судьѣ) остерегается лгать или оставаться невѣрнымъ клятвѣ. Оскорбленіе, въ этомъ случаѣ нанесенное Богу, обратилось бы на него самого, ибо онъ хорошо знаетъ, что по своему существу Богъ не можетъ понесть оскорбленія. Не придется вамъ увидѣть его также и солгавшимъ или преступившимъ какой либо пунктъ закона изъ ненависти къ ближнему. Господь научилъ вѣдь гностика любить ближняго, хотя бы онъ и не подъ одной съ нимъ кровлей жилъ. Еще менѣе возможнымъ для себя находитъ ложь гностикъ или преступленіе клятвы изъ за себя самого, ибо никогда нельзя бываетъ подмѣтить въ немъ неправоты добровольной и въ отношеніи къ собственной своей личности.

Наконецъ гностикъ не только не преступаетъ клятвы, но даже вовсе и не клянется; онъ исполняетъ заповѣдь Спасителя, находившаго достаточнымъ для утвержденія чего либо отвѣта «да» (Мѳ. V, 37), а для отрицанія «нѣтъ» (Іак. V, 12). Ибо что же значитъ божиться, какъ не клятву произносить? И что такое клятва какъ не таже мысль, только въ зародышѣ, воспользоваться именемъ Божіимъ въ цѣляхъ убѣжденія? Для гностика посему достаточно бываетъ закончить свое утвержденіе или отрицаніе слѣдующими словами: «Я показалъ истину»; и этого онъ находитъ достаточнымъ для окончательнаго убѣжденія тѣхъ, кто еще колебался бы признать значеніе его свидѣтельства. Посему, какъ мнѣ думается, онъ долженъ себя такъ вести, чтобы его поведеніе внушало язычникамъ довѣріе къ его личности уже изъ за его жизни; тогда они находить будутъ излишнимъ и вынуждать его къ божбѣ. По отношенію же къ себѣ самому и къ тѣмъ, кто имѣетъ съ нимъ сношенія, онъ долженъ наблюдать благородную честность, готовую на всякое испытаніе: это и есть свободное правосудіе гностика. Итакъ гностикъ справедливъ и держитъ свое слово, но къ клятвѣ не имѣетъ особенной склонности и не нуждается въ ней. Далекій отъ того, чтобы находить необходимой божбу, онъ тому способу ея, о которомъ мы говорили, подчиняется возможно рѣже. И что касается искренности его клятвеннаго свидѣтельства, то оно есть слѣдствіе тѣсной связи, какая его соединяетъ съ истиной. Ея достигнуть можно только чрезъ постоянное и безупречное наблюденіе долга. Итакъ не требуйте же клятвы отъ того, кто всею жизнью свидѣтельствовать призванъ, что онъ находится на высотѣ правды. И вообще нужно сказать, что кто не клянется, тотъ несомнѣнно дальше другихъ и отъ клятвопреступленія. Тотъ же, кто никогда не нарушалъ ни одной черты изъ какой либо статьи договора, вовсе не можетъ быть и призываемъ къ клятвѣ. Исполнилъ ли онъ имъ принятыя на себя обязательства или нарушилъ оныя, во свидѣтельство того или другаго онъ предоставляетъ говорить за него фактамъ. Несомнѣнно, что неправда въ словахъ и ложная клятва суть нарушеніе обязанностей къ обществу. Но праведникъ, честно живущій и не преступающій ни одного изъ обязательствъ, на него налагаемыхъ долгомъ, когда настаетъ разслѣдованіе истины, во свидѣтельство указываетъ на жизнь свою; дѣла его, вотъ клятва его; свидѣтельство же устъ своихъ онъ находитъ для себя совершенно излишнимъ. Всегда увѣренный въ томъ, что Господь около него, гдѣ бы онъ ни былъ; стыдясь говорить неправду и считая ложь средствомъ къ достиженію чего либо себя недостойнымъ: онъ довольствуется свидѣтельствомъ лишь предъ Богомъ

(*) Писатель безъ сомнѣнія имѣлъ въ мысли повѣствуемое Діогеномъ Лаэрціемъ и впослѣдствіи Цицерономъ и Валеріемъ Максимомъ о Ксенократѣ. Когда этотъ философъ, извѣстный строгостью своихъ нравовъ и любовью къ истинѣ, приготовлялся разъ дать клятву передъ Аѳинскими судьями и предъ алтаремъ боговъ, то единодушный возгласъ уволилъ его отъ этой излишней формальности. Нашли, что простое слово его значило больше клятвы.

и своей совѣстью. Вотъ почему онъ никогда не лжетъ, не преступаетъ никакихъ обязательствъ; вотъ почему онъ отказывается давать и требуемую отъ него клятву; а какъ скоро поклялся, то вѣрный правдѣ не отрекается отъ клятвы даже и въ томъ случаѣ, еслибъ пришлось ему и умереть среди пытокъ.

9. Превосходство въ выше изображенныхъ добродѣтеляхъ на сторонѣ того, кто назидаетъ ближняго.

Какъ ни высоко достоинство гностика, но чрезъ обязанность научать братьевъ еще болѣе возвышается онъ! Предназначенный къ распространенію и словомъ и примѣромъ блага величайшаго изъ существующихъ на землѣ, мудрецъ, облеченный этой миссіей, состоитъ нѣкотораго рода посредникомъ и связью между человѣкомъ и Божествомъ. Язычникъ, боготворя камень и дерево, обращается своими мольбами къ безсмысленнымъ кумирамъ, какъ еслибъ они имѣли уши, чтобы слышать его, и свято исполняетъ обязательства, написанныя предъ лицомъ ихъ. Точно также образъ, имѣющій жизнь и дыханіе, я хочу сказать, человѣкъ, слушаясь своего Господа, Учителя вѣры достойнаго, можетъ олицетворять собой величіе Логоса. Благодѣяніе, которое гностикъ оказываетъ другимъ людямъ, напоминаетъ собой дѣло самого Спасителя (Мѳ. X, 42; XXV, 4). Во образъ Его, состоя человѣкомъ истиннымъ, гностикъ разсѣеваетъ между людьми сѣмя слова и, возраждая наставляемаго имъ человѣка для спасенія, становится одновременно и творцомъ и преобразователемъ. Эллины желѣзо называютъ именемъ Арея, а вино—Діонисомъ; есть конечно между ними нѣкое скрытое соотношеніе. Тоже самое нужно сказать и о гностикѣ. Такъ какъ въ благѣ ближняго онъ видитъ свое собственное спасеніе, то его по справедливости можно назвать живымъ подобіемъ Спасителя, если не по качествамъ его природы, то по крайней мѣрѣ за сообщеніе имъ Его благодати и соотвѣтствіе Спасителю проповѣдью. Все, носимое имъ въ глубинѣ души, одинаково онъ носитъ и на устахъ. Гармонически осуществляя ученіе и на дѣлѣ, онъ и словомъ и примѣромъ проповѣдуетъ тѣмъ, кто удостоивается слышать его. Дѣйствительно онъ говоритъ правду, ее такъ излагая, какъ думаетъ о ней, исключая тѣ случаи, когда подобно врачу (*), скрывающему отъ больнаго опасную истину, ему приходится иногда въ качествѣ цѣлебнаго средства правду утаивать или—говоря языкомъ софистовъ—не говорить ея. Смотрите въ самомъ дѣлѣ. Вотъ первоверховный Апостолъ совершаетъ обрѣзаніе надъ Тимоѳеемъ (Дѣян. XVI. 3) въ тотъ самый моментъ, когда онъ въ слухъ всѣхъ и пишетъ и возвѣщаетъ устно, что обрѣзаніе, совершаемое рукою человѣческой, есть обрядъ пустой (Рим. II, 25; Еф. II, 11). Къ чему эта уступка? Апостолъ боялся, чтобы рѣзкій переходъ отъ обрѣзанія Моисеева къ обрѣзанію, совершаемому вѣрою надъ сердцемъ, не привелъ бы еще колебавшихся Евреевъ къ внезапному разрыву съ синагогой. И вотъ онъ принаравливается къ ихъ слабости и *становится евреемъ, чтобы привлечь ихъ всѣхъ* (1 Кор. IX, 19 и д.). Снисходить кому либо и подходить подъ уровень чьихъ либо понятій съ цѣлію спасенія его, при этомъ никогда однакоже трусливо не думая объ опасности, какой зложелательство грозитъ праведнику, такой образъ дѣйствій ни грѣха собой не составляетъ, ни нарушенія заповѣди. Но рѣшиться на такой поступокъ гностика можетъ заставить одно только желаніе быть полезнымъ своимъ собратіямъ; не руководясь симъ побужденіемъ онъ и не совершаетъ его. Онъ и дѣйствительно предаетъ свою жизнь за

(*) Намекъ на одно мѣсто изъ Филонева сочиненія De Cherubim. Этотъ ученый разрѣшаетъ врачу обмануть больнаго, въ случаѣ если можетъ овладѣть имъ уныніе или страхъ предъ спасительной операціей, которая необходимо должна быть сдѣлана ему. Платонъ въ 3-й кн. своего творенія «О государствѣ» говоритъ тоже нѣчто подобное сему. Онъ воспрещаетъ ложь всѣмъ гражданамъ; только правители въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ прибѣгать къ ней, именно, когда дѣло идетъ о спасеніи отечества, или просто объ общественномъ какомъ либо интересѣ.

церковь, за возрожденных имъ для вѣры своихъ учениковъ (Филим. 20), чтобы въ будущемъ для тѣхъ, кто облеченъ будетъ высшимъ этимъ служенiемъ, служенiемъ учителя человѣколюбиваго и боголюбиваго, служить образцомъ жертвы, обрекшей себя во имя Спасителя на согласованiе дѣла съ словомъ и на дѣйствительное обнаруженiе любви. Онъ слѣдуетъ своимъ путемъ, не страшась темницы или рабства, оставаясь вѣрнымъ разъ принятому имъ ученiю, терпѣливымъ въ трудахъ, правдивымъ въ словахъ и пользуясь даромъ слова безукоризненно. Дѣйствительно, какъ скоро ложь имѣетъ цѣлью какое либо плутовство, то она перестаетъ быть словомъ празднымъ, а становится орудiемъ зла.

Словами, дѣлами, всей своей личностью гностикъ слѣдовательно свидѣтельствуетъ объ истинѣ, потому что въ своихъ рѣчахъ, дѣйствiяхъ, въ самыхъ своихъ помыслахъ, во всемъ онъ обнаруживаетъ ненарушимую честность.

Таково,—говоря вкратцѣ,—благочестiе христiанина. Если каждое изъ его дѣйствiй согласуется съ долгомъ и обусловливается здравымъ разумомъ, то его поведенiе благочестиво и праведно. А если такъ, то одинъ только гностикъ и можетъ быть благочестивымъ, праведнымъ и богобоязненнымъ почитателемъ Бога. Изъ этого слѣдуетъ, что христiанинъ вовсе не есть невѣрующiй: положенiе, которое мы и намѣрены были доказать философамъ. Изъ поведенiя его вытекаетъ, что онъ никогда не дозволитъ себѣ чего либо дурнаго или постыднаго; это противорѣчило бы справедливости. Наконецъ вотъ послѣднее доказательство, что гностикъ вовсе не нечестивъ. Одинъ только онъ на всей землѣ воздаетъ истинному и всемогущему Богу, Царю и всемiрному Владыкѣ, служенiе соотвѣтственное тому, какое требуется отъ него истинной религiей, благочестно чтя Его чистой жизнiю и молитвами.

10. Ступени, по коимъ гностикъ восходитъ къ истинному совершенству.

Познанiе,—если позволено мнѣ будетъ выразиться такъ,—есть совершенство, зрѣлость, законченность человѣка какъ человѣка. Дополнено будучи знанiемъ вещей Божественныхъ, оно и по образу мыслей и расположенiй и по образу жизни и въ области слова какъ само себѣ соотвѣтствуетъ, т. е. отличается совершенной естественностiю, такъ и съ Божественнымъ Логосомъ согласуется, Ему угодно и Имъ одобряется. Съ полной достовѣрностью можно сказать, что самая вѣра чрезъ познанiе совершенствуется, ибо только чрезъ познанiе вѣрующiй достигаетъ совершенства. Изъ сего слѣдуетъ, что вѣра есть нѣкое, внутренно, духовно и таинственно предносящееся душѣ благо: при семъ она отыскиваетъ Бога не долгимъ путемъ особаго рода философскихъ изслѣдованiй, а просто, безъ всякихъ особенныхъ сборовъ и подготовокъ, признаетъ бытiе Его, высказывается за оное и окружаетъ Бога прославленiемъ и чествованiемъ какъ личность дѣйствительно существующую. Отсюда-то для христiанина, возрожденнаго вѣрой и возросшаго на лонѣ ея, и возникаетъ настоятельная необходимость при помощи Божественной благодати, въ мѣру своихъ силъ и въ соотвѣтствiе имъ, озабочиваться прiобрѣтенiемъ познанiя о Богѣ. Мы утверждаемъ, что познанiе отлично отъ той *тѣлесной* мудрости, которая прiобрѣтается чрезъ выслушиванiе разныхъ ученiй и наставленiй. Въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ мудрость эта конечно есть тоже, что и познанiе; познанiе же не безусловно тоже самое, что и мудрость; познанiе въ качествѣ познанiя необходимо есть уже и мудрость; мудрость же въ качествѣ мудрости еще не необходимо есть и познанiе. Подъ именемъ мудрости по большей части разумѣются знанiя, намъ передаваемыя учителемъ(*). Основой же познанiя служитъ непоколебимая и не-

(*) Познанiе въ другихъ мѣстахъ нашъ писатель опредѣляетъ такъ, что это есть твердое и несомнѣнное доказательство воспринятаго на вѣру и намъ переданнаго оною. Мудрость же прiобрѣтается внимательностiю къ слышимому нами, напр. когда слушаемъ учителя; только о семъ понятiе она и содержитъ.

сумнительная вѣра въ Бога. Фундаментомъ же же зданія, а вмѣстѣ и самымъ зданіемъ, всего началомъ и концомъ состоитъ Христосъ. Говоримъ о Христѣ какъ о началѣ всего и концѣ, ибо какъ начало всего, вѣра въ Него, такъ и конецъ всего, любовь къ Нему, не могутъ быть предметомъ ученія и наставленія; познаніе же, по милости Божіей, намъ сообщается преданіемъ; оно есть сокровище, передаваемое на сохраненіе тѣмъ, кои заявили себя достойными того, чтобъ имъ содержать ученіе, собой обнаруживающее лишь превосходство любви: свѣтомъ, какой разливается отъ познанія сего ученія, окружается блескомъ и любовь. Писаніе говоритъ: *Имьющему дано будетъ* (Лк. XIX, 26). Что значитъ это? А то, что къ вѣрѣ должно быть присоединяемо познаніе; къ познанію любовь къ Богу и ближнимъ; любовь же получаетъ право на обладаніе наслѣдіемъ. Бываетъ же тогда все сіе, т. е. всѣ эти обѣтованія христіанину и собственныя его желанія тогда исполняются, когда чрезъ вѣру, познаніе и любовь соединившись со Спасителемъ, христіанинъ въ союзѣ съ Нимъ воспаряетъ въ обители, гдѣ царствуетъ Охранитель нашихъ вѣры и любви, Господь. Отсюда же открывается, что тѣмъ, кои способными оказываются къ припятію сей милости и предопредѣлены къ тому, познаніе сообщается во усовершеніе ихъ личности. Обусловливается сообщеніе сего познанія и мудрымъ устроеніемъ жизни и стремленіемъ къ цѣли, которая выше, чѣмъ правда по закону. А это все опять требуетъ прилежанія постояннаго; необходимы для сего подготовительные труды и упражненія сложныя и долговременныя. И приводитъ насъ это познаніе къ цѣли безконечной и совершенной. Дѣло начинается съ того здѣсь, что познаніе насъ посвящаетъ въ жизнь по Бозѣ, какую вели и другіе люди добродѣтельные, удостоенные въ вѣчныхъ обителяхъ почестей Божественныхъ(*). Эта-то жизнь, еще здѣсь на землѣ ведомая въ общеніи съ душами отшедшими святыми, христіанина освобождаетъ за гробомъ отъ наказаній и мукъ (*), страхъ предъ коими насъ долженъ удерживать здѣсь на землѣ отъ грѣховъ и внушать намъ образъ жизни спасительный. Освобожденныя отъ сихъ страховъ, достигшія возможнаго здѣсь на землѣ совершенства, не подлежащія болѣе никакому дальнѣйшему очищенію, окончившія прохожденіе всякаго рода служеній даже и святыхъ и совершавшихся между святыми, тѣ святыя души пріемлютъ почести и награды. Дальнѣйшимъ моментомъ состоитъ введеніе въ постоянное созерцаніе Бога тѣхъ, кто чистъ сердцемъ и еще здѣсь на землѣ состоялъ въ нѣкотораго рода родствѣ съ Богомъ (Мѳ. V, 8). Имъ дается мѣсто на престолахъ, гдѣ возсѣдаютъ и другіе боги, Спасителемъ поставленные непосредственно послѣ Себя (**).

Итакъ познаніемъ быстро довершается внутреннее очищеніе; оно вводитъ въ насъ желанную преобразующую силу, такъ что постепенно мы сближаемся съ добромъ. Отсюда же происходитъ и то, что оно совершенно естественно вводитъ насъ въ постиженіе той святой и божественной субстанціальности, съ коей мы имѣемъ нѣкое средство. Нѣкіимъ таинственнымъ образомъ оно изъ одного свѣта вводитъ человѣка въ новый большій свѣтъ (***), и это до тѣхъ поръ, доколѣ чистый отъ малѣйшихъ пятенъ (Мѳ. V, 8; 1 Кор. XIII, 12) онъ не возведенъ будетъ познаніемъ въ высшія обители покоя. Познаніе и постиженіе такимъ образомъ научаютъ гностика созерцать Бога лицомъ къ лицу. До такого совершенства доводится душа гностика познаніемъ. Оно освобождаетъ душу отъ необходимости себя очищать еще какимъ нибудь другимъ способомъ; оно избавляетъ ее отъ различныхъ служеній; вмѣстѣ съ Господомъ она поселяется въ такихъ мѣстахъ, гдѣ подъ Его покровительствомъ цар-

(*) Срав. «Увѣщ.» гл. 11.

(*) Срав. Стром. VI, 14.

(**) Говорится это съ нѣкоторымъ отношеніемъ къ подобнымъ же представленіямъ Платона въ «Федонѣ».

(***) Намекъ на Элевзинскія мистеріи. Срав. Стром. VI, 14.

ствуетъ. Вѣра посему,—если можно такъ выразиться,—есть сокращенное знаніе необходимѣйшихъ истинъ. Познаніе же есть непреложное и непобѣдимое и въ словѣ и въ дѣлѣ обнаруженіе истинъ, принятыхъ на вѣру, обнаруженіе такое, которое, подъ вліяніемъ ученія нашего Спасителя, будучи построено на фундаментѣ вѣры, ведетъ умъ къ знанію, къ постиженію совершенному, къ безгрѣшности.

Первымъ изъ этихъ спасительныхъ измѣненій и переворотовъ, по моему мнѣнію, есть переходъ отъ язычества къ вѣрѣ, какъ я уже ранѣе замѣтилъ объ этомъ. Вторымъ моментомъ служитъ переходъ отъ вѣры къ познанію. Это послѣднее, приводя христіанина къ любви, соединяетъ существо любящее съ любимымъ, познающее съ познаваемымъ. И мнѣ кажется, что какъ скоро человѣкъ достигаетъ этого, то уже здѣсь на землѣ, ранѣе отшествія изъ сего міра въ иной, облекается онъ въ природу ангельскую (Лк. XX, 36). Не та ли это и есть степень совершенства, которой можно достигнуть здѣсь и которая допускаема плотію христіанина, еще удерживающей его долу?

А по достиженіи этого высшаго, какое только возможно для пребывающаго въ сей плоти, совершенства, христіанинъ,—что и естественно,—дѣлается участникомъ благъ еще высшихъ. Чрезъ святую седмерицу (*) онъ наконецъ достигаетъ жилища Господня, гдѣ становится въ нѣкоторомъ родѣ постояннымъ свѣтомъ(**), начиная жить жизнію особой во всѣхъ отношеніяхъ, вѣчной, неизмѣнной. Вотъ въ чемъ состоитъ первое на истинномъ христіанинѣ обнаруженіе воздѣйствія Господня; вотъ то воздаяніе и награда за Богопочтеніе, о коихъ уже говорили мы. И высказанное нами подтверждается многочисленными свидѣтельствами. Для примѣра достаточно и одного изъ нихъ. Пророкъ Давидъ говоритъ слѣдующее: *Кто войдетъ на гору Господню или кто станетъ на мѣстѣ святомъ Его? Невинный руками и чистый сердцемъ, не тратившій на суетное жизни своей, не клявшійся льстиво ближнему своему; сей пріиметъ благословеніе отъ Господа и милость отъ Бога, Спасителя своего. Это родъ ищущихъ Господа, стремящихся зрѣть лице Бога Іаковля* (Пс. XXIV, 3—6). Пророкъ, какъ мнѣ кажется, главнымъ образомъ метитъ здѣсь на гностика. Мимоходомъ, какъ кажется, онъ намъ указываетъ также, что Спаситель нашъ есть Богъ; онъ называетъ Его *лицемъ Бога Іаковля* (*), т. е. проповѣдывавшимъ и учившимъ всему, что касалось Духа. Вотъ почему и Апостолъ называетъ Сына *образомъ славы Отчей* (Евр. I, 3), потому что Онъ возвѣстилъ людямъ истину о Богѣ и изъяснилъ, что Богъ и Отецъ единъ, что Онъ есть единственный Вседержитель, *котораго никто незнаетъ кромѣ Сына и тѣхъ, кому Сынъ откроетъ Его* (Мѳ. XI, 27). На единство Божіе у Псалмопѣвца указывается словами *стремящіеся видѣть лице Бога Іаковля*. Сего-то единаго и благаго Бога Отца и возвѣщаетъ намъ Спаситель нашъ и Богъ. Подъ *родомъ ищущихъ Его* слѣдуетъ разумѣть родъ избранныхъ, коимъ чрезъ изслѣдованіе даровано доходить до познанія. Посему-то Апостолъ и говоритъ намъ: *Не принесу я никакой пользы вамъ, если къ проповѣди своей не сталъ бы присоединять откровенія, познанія, пророчества или ученія* (1 Кор. XIV, 6).

Знаю, что случается нѣкоторымъ и не состоя гностиками поступать надлежащимъ образомъ. Но поступками ихъ не разумъ управляетъ. Объ ихъ образѣ дѣйствій нужно сказать тоже, что и о мужествѣ нѣкоторыхъ (**). Нѣкоторые люди, будучи страстными отъ природы, дѣлаются еще болѣе пламенными вслѣдствіе того, что страсть, которую они питали, обратилась въ привычку. Они, не сдерживая

(*) У нашего писателя седмерица означаетъ мѣста низшаго блаженства, восьмерица же высшее. Такъ и въ Стром. V, 6. Срав. Стром. IV, 17; VI, 14.—

(**) Срав. Стром. I, 24; II, 11.

(*) Срав. Стром. V, 6; Педаг. I, 7.

(**) Дальнѣйшее пишется очевидно подъ вліяніемъ Платонова разговора «Лахесъ». Срав. Аристотеля въ «Ноикѣ къ Ником.» кн. III.

ея разсудкомъ, во многихъ случаяхъ отдаются ей слѣпо и совершаютъ дѣла достойныя истиннаго мужества. Или вотъ напр. грубые ремесленники. Они выносятъ труды и страданія съ суровымъ упорствомъ. Но какъ бы ни были они судьбѣ покорны, ихъ терпѣніе истекаетъ не изъ того источника, изъ котораго истекаетъ терпѣніе гностика. Ни цѣли оно не имѣетъ той же, что у гностика. И это даже и въ томъ случаѣ, еслибъ пришлось имъ среди мученій даже съ жизнью разставаться. Апостолъ объясняетъ намъ причину этого. Это происходитъ оттого, что въ нихъ нѣтъ любви, порождаемой познаніемъ (1 Кор. XIII, 3). Все, что дѣлается съ познаніемъ, дѣлается честно, право и можетъ разсчитывать на успѣхъ. Все, что дѣлается безъ познанія, дѣлается худо и жалкимъ образомъ. Сколько бы энергіи ни проявилъ виновникъ такого дѣла; какимъ бы постоянствомъ онъ ни отличался въ немъ, все это будетъ плохо, потому что его образъ дѣйствій не вытекаетъ изъ разсудка и онъ своими дѣйствіями не преслѣдуетъ одного изъ тѣхъ благъ, кои ведутъ къ добродѣтели и истекаютъ изъ нея. Тоже самое я долженъ былъ бы сказать и о всякой въ частности другой добродѣтели людей не просвѣщенныхъ познаніемъ, а равнымъ образомъ и объ ихъ благочестіи. Гностикъ же руководится разумомъ не только въ своей святости; познаніе управляетъ и остальнымъ его поведеніемъ; имъ же руководится онъ и въ своемъ служеніи Богу.

Слѣдуя разъ принятому нами плану и отлагая до болѣе удобнаго времени изложеніе ученыхъ положеній гностика, мы изобразимъ теперь жизнь его.

11. Жизнь истиннаго мудреца. Мужество его при перенесеніи несчастій и самой смерти, какъ скоро есть на то воля Божія.

Принять и постигнуть ученіе Богооткровенное (Мѳ. XIX, 17), это значитъ получить въ немъ благо истиннѣйшее и величественнѣйшее. Мудрецъ истинный первѣе всего поэтому и удивляется сему новому чуду творенія (*). А такъ какъ изъ небесной своей отчизны онъ вынесъ чистою эту способность познаванія, то и дѣлается радостнымъ и мужественнымъ ученикомъ Господа. Лишь только услышалъ онъ слово о Богѣ и провидѣніи, какъ уже вѣритъ въ нихъ, имѣя въ достоудивительности возсозданія человѣка всѣ основанія для сего. Сей-же внутренній импульсъ удивленія обращаетъ всѣ силы гностика на изученіе и положеній вѣры; это въ силу его гностикъ подчиняется всему, что можетъ вести къ познанію предмета его задушевныхъ желаній и стремленій. Къ заповѣданному же образу жизни онъ въ силу пламенности своихъ желаній присоединяетъ еще разслѣдованія и обсужденія. И вотъ нашъ гностикъ въ дѣлахъ вѣры двигается впередъ. Вѣра, образъ жизни и трезвость мысли содѣлываютъ его способнымъ къ созерцательной дѣятельности широкой и возвышенной. Воля Божія, вотъ что съ сихъ поръ составляетъ предметъ изслѣдованій гностика, потому что не тѣлесныя уши отверзаетъ онъ для постиженія словъ Писанія и Господнихъ, а духовныя очи сердца. Воспринявши же въ словѣ Божіемъ масштабъ для пониманія сущности вещей, оріентировавшись чрезъ оный среди ихъ, онъ естественнымъ образомъ и душою обращается къ вещамъ сроднымъ ей. Напр. эти двѣ заповѣди: *Не прелюбы сотвори* и *Не убій* (Исх. XX, 15, 14) онъ понимаетъ въ приложеніи къ себѣ въ значеніи ширшемъ, чѣмъ какое въ сей словесной формѣ онѣ имѣютъ для остальныхъ людей. Работаетъ же и навыкъ пріобрѣтаетъ гностикъ въ умозрительномъ семъ познаваніи вещей съ тою цѣлію, чтобы чрезъ этотъ созерцательный свой образъ мыслей подготовить себя къ воспринятію истинъ еще болѣе общихъ и величественнѣйшихъ. Твердо онъ убѣжденъ въ томъ, что *наставляетъ человѣка въ вѣдѣніи* (Пс. XCIII, 10), по слову пророка, Господь, что Онъ это говоритъ устами человѣческими. Для этой же самой цѣли Господь и лично принялъ на себя плоть человѣческую.

Естественно отсюда и то происходитъ, что сей ревнитель знанія никогда не предпочитаетъ чувственно пріятнаго полезному, нѣтъ. Еслибы

(*) Повидимому намекъ на слово Платона, что «началомъ знанія служитъ удивленіе».

какой нибудь случай свелъ его напр. и съ женщиной во всемъ блескѣ ея красоты, то и тогда не удалось бы ей никакими чарами и кокетствомъ обольстить его, сколько она ни вызывала бы ихъ изъ себя. Жена господина, которому служилъ Іосифъ, могла ли склонить его къ нарушенію приличія и законосообразнаго образа жизни? Онъ оставилъ въ ея насильственныхъ рукахъ верхнюю свою одежду, пребывъ отъ грѣха чистымъ и облекшись въ преизящнѣйшую одежду красоты и невинности нравственныхъ. Конечно глазъ египетскаго господина не видѣлъ этого поступка Іосифова, Вседержитель же былъ свидѣтелемъ онаго. Человѣкъ слышитъ слово, видитъ тѣло; Вседержитель же зритъ и видитъ дальше; Онъ прозираетъ въ самое дѣло того человѣка, котораго голосъ слышится и взоръ видимъ. Соотвѣтственно этому гностикъ хранитъ неколебимое душевное спокойствіе, когда обрушиваются на него даже и болѣзни, какія нибудь неожиданныя обстоятельства и даже ужаснѣйшее изъ всѣхъ бѣдствій, смерть; онъ знаетъ, что всѣ подобныя бѣды въ созданной природѣ необходимость. И о томъ онъ помнитъ, что всѣ эти злоключенія Божіимъ всемогуществомъ обращаются въ средства ко спасенію насъ, что они въ рукахъ милосердаго Провидѣнія суть средства исправительныя, имѣющія назначеніемъ вынуждать къ самоулучшенію тѣхъ, кто противится тому, чтобы потомъ за трудъ самоисправленія ихъ же награждать по заслугамъ. Посему всѣмъ сотвореннымъ гностикъ пользуется въ размѣрахъ и для цѣлей, указываемыхъ Логосомъ, всегда при пользованіи тѣми сотворенными вещами воздавая благодареніе и прославленіе Создателю и не давая имъ порабощать себя, но всегда оставаясь господиномъ надъ ними. Окажетъ ли ему кто какую либо несправедливость, обиду, зло, никогда онъ не помнитъ о нихъ. Никогда онъ не гнѣвается и не питаетъ вражды или нерасположенія ни къ кому вообще, даже и къ тѣмъ, кто за дѣла свои дѣйствительно стоилъ бы такой ненависти. Онъ помнитъ, что и его ближняго Творецъ есть тотъ же, что и его самого; въ своемъ ближнемъ, хотя бы и заблуждающемся, посему онъ чтитъ Творца его, а сотоварища своего по изгнанію любитъ, сожалѣетъ о немъ и молится за него невѣдущаго. Прикованный къ этому бренному и жалкому тѣлу, онъ и о немощахъ своей собственной тѣлесной природы сожалѣетъ, и все-же подъ напоромъ страстей его остается непоколебимымъ. Пусть независящія отъ его воли обстоятельства слагаются вопреки его желаніямъ: подавивъ въ себѣ печали, онъ всецѣло уходитъ самъ въ себя, останавливаясь на томъ, что дѣйствительно ему принадлежитъ. Равнодушный ко всему, что не имѣетъ связи съ жизнію его души, онъ только тѣмъ занимается, что едино есть на потребу и чѣмъ охраняется здравость его души. Что за дѣло ему до мнѣній людскихъ? Что значитъ внѣшность для него? Онъ хочетъ оставаться вѣрнымъ въ существѣ дѣла, вѣрнымъ воспринятому имъ истинному ученію и познаніямъ въ немъ пріобрѣтеннымъ, т. е. онъ желалъ бы заявить себя дѣйствіями, кои всегда въ состояніи были бы сами себя оправдать, а также и рѣчами, силу и дѣйственность имѣющими. Онъ не довольствуется расточеніемъ похвалъ доброму и прекрасному; онъ самъ старается быть добрымъ и облеченнымъ красотою вышемірною; изъ добраго и вѣрнаго раба онъ и дѣйствительно поднимается по силѣ своей любви до степени друга; и въ этомъ имени, являющемъ совершенство, видитъ награду для себя за то, чѣмъ занятъ ежедневно: за познаніе истиннаго ученія, за навыки, имъ пріобрѣтенные единственно долгимъ упражненіемъ и вѣрностью правильному образу жизни. И вотъ онъ употребляетъ всѣ усилія для достиженія высотъ познанія. Блистая красотою нравственной, сосредоточенный уже и по внѣшнему своему виду и манерѣ держать себя, обладая всѣми преимуществами, отличающими истиннаго гностика, онъ зритъ лишь на славные образцы своихъ великихъ предшественниковъ, упредившихъ его въ достиженіи совершенства. Какое облако ихъ предносится его духу! Я говорю о примѣрахъ ему оставленныхъ патріархами, весьма многими пророками, безчисленнымъ множествомъ за нами наблю-

дающихъ Ангеловъ и наконецъ самимъ Спасителемъ, который и словомъ научилъ насъ и дѣломъ явилъ намъ, какой высоты жизни можемъ достигать мы. И вотъ причина, почему гностикъ остерегается привязываться ко всѣмъ вообще благамъ сего міра, имѣющимся у него въ наличности; онъ не хочетъ оставаться на землѣ. Онъ дорожитъ лишь тѣми благами, на полученіе которыхъ надѣется или—лучше сказать—которыя опозналъ уже въ качествѣ благъ истинныхъ, въ полученіи коихъ убѣжденъ, кои умозрительно видитъ уже въ своемъ обладаніи. Вотъ почему онъ терпѣливо переноситъ труды испытаній и скорби. Онъ переноситъ ихъ не какъ отличавшіеся мужественностію мудрецы сего міра, свое мужество поддерживавшіе единственно мыслію, что настанетъ же всѣмъ этимъ бѣдствіямъ конецъ и что когда нибудь да должны же они будутъ смѣниться удовольствіями. Не таковы гностика мысли. Познаніемъ онъ доведенъ до непоколебимой увѣренности въ томъ, что блага, составляющія предметъ его упованій, станутъ нѣкогда и дѣйствительнымъ его достояніемъ. Отсюда происходитъ, что онъ презираетъ не только муки всѣ, но и вообще всѣ блага земныя.

Разсказываютъ, что блаженный Петръ, увидя жену свою, ведомою палачами на казнь, возрадовался, что настал часъ призыва ея въ вышнія селенія и говорилъ о ней, что это изгнанница, возвращаемая въ отечество. Наконецъ, одобряя ее и утѣшая онъ, назвавъ ее по имени, обратился къ ней съ такимъ воззваніемъ: «Жена, помни Господа» (*). Столь крѣпокъ былъ брачный союзъ блаженной сей четы; таковъ былъ и образъ дѣйствій мужа по отношенію къ той, которая была для него на семъ свѣтѣ дороже всѣхъ людей. Въ семъ-то смыслѣ Апостолъ и говоритъ: *А имѣющіе женъ пусть будутъ какъ еслибъ не имѣли ихъ* (1 Кор. VII, 29). Апостолъ не желалъ, чтобы брачной связью была какая либо чисто человѣческая страсть и склонность: такая связь отдѣляла бы насъ отъ любви къ Спасителю. И вотъ почему примѣрнѣйшій изъ супруговъ въ моментъ, когда жена его, имѣя разстаться съ жизнію, должна была соединиться съ Господомъ, убѣждалъ ее сохранить эту любовь къ Спасителю во всей ея неприкосновенности. Всѣ эти мученики, въ минуты и ужаснѣйшихъ пытокъ обращавшіеся къ Богу съ хвалами, не свидѣтельствовали ли они чрезъ то самое громогласно о своей вѣрѣ въ ожидавшіяся ими посмертныя блага? Я убѣжденъ, что въ нихъ дѣйствительно жила непоколебимая эта увѣренность, сопровождавшаяся оттого и соотвѣтствовавшими сей вѣрѣ дѣлами.

Итакъ, какъ бы ни были несчастны внѣшнія обстоятельства, душа гностика среди всѣхъ ихъ остается твердой и мужественной. Натуры атлетическія отличаются крѣпкимъ тѣлосложеніемъ; гностикъ же отличается высшими крѣпостью и силой нравственными, дѣлающими его способнымъ выдерживать всѣ испытанія. Во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ эта нравственная стойкость и вообще состоитъ мудрой совѣтницей; она-то и указываетъ праведнику путь, какимъ долженъ онъ идти. И ничего въ томъ нѣтъ удивительнаго. Своими принципами она вѣдь утверждается на небѣ и, стремясь уподобиться Богу, она какъ склонность къ плотскимъ удовольствіямъ въ себѣ умѣряетъ и утишаетъ, такъ и надъ тѣлесными скорбями господствуетъ. Но, въ Богѣ всю свою силу полагая, она съ гордо поднятой головой смотритъ и на всѣ ужасы. Душа гностика здѣсь на землѣ по истинѣ состоитъ какъ бы отобразомъ Божественнаго всемогущества. Украшенная совершеннѣйшими добродѣтелями, она цѣлостностью своей природы обязана одновременно своей вѣрности природѣ, своимъ упражненіямъ и разуму, развивающемуся вмѣстѣ съ тѣмъ. И эта-то душевная красота дѣлаетъ гностика храмомъ Святаго Духа, какъ скоро душа оставалась бы вѣрною своему расположенію во всемъ согласоваться въ жизни съ Евангеліемъ. Съ такими предварительными расположеніями христіанину не страшны никакія опасности, ни-

(*) Эту историю цитуетъ и Евсевій въ своей церков. ист. III, 24, а также Никифоръ IX, 14; II, 44.

какіе страхи и ужасы. Что такое смерть для него, что нищета, болѣзни, оскорбленія и все тому подобное? Никогда онъ не поддается сладострастію; властительски онъ господствуетъ надъ всѣми неразумными пожеланіями. Хорошо онъ знаетъ, что слѣдуетъ дѣлать ему и въ чемъ слѣдуетъ отказать себѣ, ибо онъ въ точности знаетъ, что дѣйствительно страшно и что нѣтъ. А вѣдая причину всѣхъ страховъ онъ терпѣливо переноситъ все, что долженъ терпѣть и переносить; какого поведенія разумъ совѣтуетъ ему держаться какъ надлежащаго, такого онъ и держится. При сіяніи свѣта, не вводящаго въ обманы, онъ видитъ, на чемъ слѣдуетъ опереть ему всѣ свои надежды, т. е. онъ умѣетъ различать истинныя блага отъ мнимыхъ, бѣды дѣйствительно грозныя отъ кажущихся; этими послѣдними онъ и считаетъ смерть, болѣзни, бѣдность; это—бѣды только повидимому, а не на самомъ дѣлѣ. Такъ этотъ праведный человѣкъ въ силу постоянства, какое его добродѣтельная душа обращаетъ себѣ въ привычку, сторонясь отъ всѣхъ настроеній не проникнутыхъ разумомъ, возвышается надъ тревогами и страстями этой жизни. Всѣми способами, сколько ихъ есть у него въ распоряженіи, онъ стремится къ преднамѣченной цѣли; перемѣны же счастія, говоря языкомъ обыкновеннымъ, не страшны человѣку нравственно доброму, потому что это не есть зло дѣйствительное. Что же касается до золъ дѣйствительно ужасныхъ, то они христіанину—гностику невѣдомы; въ качествѣ зла они діаметрально противуположны благу; а невозможно, чтобы одинъ и тотъ же человѣкъ въ одно и тоже время былъ носителемъ обѣихъ противуположностей.

Итакъ христіанинъ, на театрѣ сего свѣта безупречно исполняющій возложенную на него Богомъ роль (*), знаетъ что должно дѣлать и что переносить. Трусость не отъ невѣдѣнія ли происходитъ, что дѣйствительно страшно и что нѣтъ? А если такъ, то отсюда я заключаю что одному только гностику свойственно истинное мужество, потому что только ему извѣстны блага настоящаго и блага будущія. Просвѣщенный, какъ я уже говорилъ, относительно золъ, коихъ не слѣдуетъ страшиться и убѣжденный въ томъ, что только порокъ для стремящихся къ познанію есть дѣйствительная смерть и разрушеніе, облеченный во всеоружіе Божіе, онъ ежеминутно ведетъ борьбу съ порокомъ.

Если кто либо по человѣческой своей слабости застигается какой либо нечаянностью, произойдетъ ли эта отъ недостатка благоразумія и осторожности или же отъ дѣйствія или —лучше сказать—содѣйствія діавола, то этого неблагоразумія не льзя считать ни неосторожностью ни хитростью діавола, а слѣдуетъ относить оное къ несовершенству познанія. Нѣтъ дѣйствій, кои въ самомъ существѣ своемъ были бы осторожностью. Осторожность есть только образъ дѣйствій; дѣло же само, каковымъ бы оно ни было, не можетъ быть осторожностью. Посему дѣйствіе, совершенное по невѣдѣнію, не есть невѣдѣніе, а зло порожденное невѣдѣніемъ, хотя и не тождественное съ нимъ. Дѣйствительно ни грѣхи ни страсти не суть зло сами въ себѣ, хотя источникомъ ихъ и состоитъ зло, но какое? Отъ недостатка познанія. Посему кто мужественъ не подъ вліяніемъ разума, тотъ не есть истинный гностикъ. Иначе слѣдовало бы почтить именемъ мужества и нечувствительность нѣкоторыхъ дѣтей предъ опасностью, о коей они еще не составили себѣ понятія(*). Такъ не ежедневно ли мы видимъ ихъ хватающими пламя? Что же? На этомъ основаніи не усвоить же намъ мужество и дикимъ звѣрямъ, слѣпо бросающимся на копья и рогатины? На этомъ основаніи отчего же не провозгласить бы намъ мужественными и площадныхъ нашихъ скомороховъ, которые съ такой ловкостью перескакиваютъ чрезъ мечи, за ничтожную плату практикуя ремесло столь преступное. Совсѣмъ иное дѣло человѣкъ, проникнутый истиннымъ мужествомъ. Казнь ли неизбѣжную ему готовитъ въ ярости народъ,

(*) Подобное въ «Енхиридіонѣ» Епиктета, гл. 23, у Лукіана въ «Нигринѣ», у Сенеки въ письмѣ 77, у Светонія въ «Августѣ» и друг.

(*) Подобное пишетъ Платонъ въ «Лахесѣ».

онъ мужественно встрѣчаетъ ее. И вотъ чѣмъ отличается онъ отъ остальныхъ, только такъ называемыхъ мучениковъ: одни изъ этихъ послѣднихъ подвергаютъ себя разнымъ случайностямъ безразсудно и—если можно такъ выразиться—бросаются въ опасности сами не зная почему (*); другіе же первоначально держатся въ сторонѣ, какъ совѣтуетъ имъ это и здравый разумъ: но лишь только заслышатъ призывъ Господа, спѣшатъ предать себя, даютъ предъ судьями свидѣтельство о своей вѣрѣ, выдѣляясь изъ ряда другихъ людей вовсе по дерзости какой либо или уступая теченію; они собой являютъ землѣ образъ человѣка по истинѣ достоудивительнаго, въ проявленіи мужества руководящагося разумомъ. Большинство же смертныхъ не потому ли переносятъ мученія сравнительно легкія, что избѣгаютъ большихъ? Не потому ли они остаются твердыми въ исповѣданіи своей вѣры, что опасаются порицанія со стороны равныхъ имъ по положенію въ обществѣ собратьевъ по религіи? Руководящіеся же въ семъ любовію охотно слѣдуютъ слышимому ими голосу, увлекаемые единственно желаніемъ угодить Богу и не преслѣдуя кромѣ сей иной цѣли; они и не надеждой руководятся видѣть себя за свой подвигъ вознагражденными. Бываетъ конечно, что одни изъ идущихъ на смерть добровольно въ семъ руководятся желаніемъ прославиться; другіе же, чтобъ избѣжать мукъ еще болѣе ужаснѣйшихъ (**); третьи наконецъ, чтобы войти въ радость и веселіе посмертныя. Это еще дѣти въ вѣрѣ, дѣлающіе въ ней первые шаги. Они блаженны, если это вамъ угодно; и все - же идутъ путемъ не тѣмъ, какимъ слѣдовало бы итти человѣку возрастному или какимъ путемъ идетъ напр. гностикъ, руководящійся въ своихъ поступкахъ любовію къ Богу. Но и для дѣтей у церкви есть вѣнки(***). Подобно цирку и гимназіи она награждаетъ ими не мужей только. Итакъ слѣдуетъ проникаться любовію изъ за нея самой, а не постороннимъ какимъ либо побужденіемъ.

Итакъ совершенство мужества въ гностикѣ развивается одновременно съ познаніемъ какъ отъ положительнаго поступанія впередъ въ жизни нравственной, такъ и отъ ежедневныхъ стараній одерживать побѣды въ борьбѣ со страстями. Любовь же, запечатлѣвающая чело борца, движущая его руками во время борьбы, содѣлываетъ его воиномъ безстрашнымъ и безбоязненнымъ, малодушію непричастнымъ, проникаетъ его твердымъ и всецѣлымъ упованіемъ на Бога, подобно тому какъ и справедливость внушаетъ ему постоянно говорить одну только правду, ибо сущность правоты его заключается въ наблюденіи имъ слѣдующей заповѣди Спасителя: *Да будетъ же слово ваше: да, да; нѣтъ, нѣтъ* (Мѳ. V, 37; Іак. V, 12).

Тоже самое нужно сказать и о воздержаніи свойственномъ христіанину. Не слѣдуетъ ему въ ономъ руководиться стремленіемъ къ почестямъ, что движетъ атлетами, состязающимися изъ за вѣнка и славы. И не желаніе собранія богатствъ должно имъ руководить при семъ, какъ бываетъ это съ тѣми, кои остаются добродѣтельными подъ вліяніемъ внушеній сего гибельнаго порока. И по истинѣ какъ назвать воздержнымъ того человѣка, который изъ самолюбія, изъ за сохраненія здоровья или же просто вслѣдствіе грубости своего нрава и привычекъ воздерживается отъ плотскихъ удовольствій, наблюдаетъ по отношенію къ себѣ самому строгость? Проводящіе жизнь въ тяжелыхъ трудахъ, получивъ возможность чувственно насладиться плодами ихъ, непремѣнно разбиваются о скалу плотскихъ удовольствій, хотя

(*) О тѣхъ кои предавали себя на муки безразсудно см. въ Стром. IV, 9.

(**) Срав Стром. IV, 22.

(***) Павзаній разсказываетъ, что Элеяне въ 37 олимпіаду постановили награждать вѣнками и дѣтей. Гиппосѳенъ изъ Лакедемона и Полюникъ изъ Элен были первыми изъ дѣтей ихъ получившими, одинъ за быстроту въ бѣганьи, другой за поединокъ. Съ олимпіады 47-й дѣти стали добиваться вѣнковъ и за побѣды въ кулачномъ бою. Филитъ изъ Сибариса былъ первымъ изъ такихъ побѣдителей.

въ своемъ воздержаніи они и оставались дотолѣ непреклонно строгими. Это фактъ неопровержимый. Лишь только представится имъ благопріятный случай къ чувственному наслажденію, добродѣтель они покидаютъ и законъ преступаютъ. Напротивъ если стремиться къ воздержанію изъ за него самого, то изъ за познанія, подъ руководствомъ котораго оно совершенствуется и которое для него служитъ уздою крѣпкою и прочною, воздержаніе то возвышаетъ человѣка на степень господина себѣ самому и проникаетъ его самообладаніемъ. Взгляните на гностика. Вотъ подлинно воздержаніе! Весь онъ состоитъ онымъ. Страсти его не волнуютъ; въ горнилѣ страданій онъ не плавится. Вотъ подлинно алмазъ, о которомъ говорятъ, что не поддается онъ дѣйствію и сильнѣйшей теплоты (*). Началомъ, изъ котораго истекаютъ дѣла такого рода, состоитъ любовь, искуство и наука изо всѣхъ святѣйшая и важнѣйшая. Оставаясь вѣрнымъ всему доброму и прекрасному, нося на себѣ неизгладимое отраженіе Существа Божественнаго, принципъ тотъ возвышаетъ носителя своего до степени друга Божіяго и сына; подъ дѣйствіемъ любви гностикъ достигаетъ *возраста человѣка совершеннаго и полноты во Христѣ* (Еф. IV, 13). Или лучше: согласіе съ кѣмъ либо въ извѣстныхъ положеніяхъ порождаетъ собою гармонію; тождественность производитъ собою единство. Но какъ дружба на друзей вліяетъ до приведенія ихъ къ сходству другъ съ другомъ, потому что общность стремленій обращена на единеніе по существу: такъ и гностикъ, пламенѣя любовію къ единому и истинному Богу, оттого что онъ состоитъ другомъ Божіимъ и усыновленнымъ отъ Него чадомъ Его, становится по истинѣ человѣкомъ совершеннымъ. Вотъ въ чемъ состоитъ истинное благородство происхожденія человѣка; вотъ истинное значеніе познанія; вотъ совершенство. Они состоятъ въ непрестанномъ памятованіи Бога, имѣньи Его предъ духовными своими очами. Окончательное совершенство, достигаемое гностикомъ, состоитъ въ очищеніи души его отъ малѣйшей запятнанности. Тогда онъ признается достойнымъ и вѣчнаго созерцанія Вседержителя Бога *лицомъ къ лицу* (1 Кор. XIII, 12). Разъ проникшись весь духовностью, онъ стремится въ церковь родственную ему, въ сонмы духовъ и наслѣдуетъ покой въ Бозѣ.

(*) Плиній въ XXXVII кн. гл. 4-й своей исторіи пишетъ: «Подъ ударами молота на наковальнѣ нѣкоторые алмазы сохраняютъ такую твердость, что не они, а молотокъ и наковальня разлетаются. Такова необъяснимая ихъ крѣпость. Ихъ огнеупорная природа торжествуетъ надъ дѣйствіемъ даже пламени и никогда они не нагрѣваются».

12. Истинный мудрецъ благотворителенъ; онъ живетъ воздержно и презираетъ всю суету мірскую.

Для характеристики жизни истиннаго мудреца достаточно уже и изложенныхъ подробностей. Добавимъ только, что при такомъ его отношеніи къ своимъ тѣлу, душѣ и ближнимъ въ глазахъ его нѣтъ ни раба, ни общественнаго врага, ни чего либо сему подобнаго. Всѣ люди какъ люди, ему подобны и равны. Законъ Божественный запрещаетъ ему *презирать брата*, родившагося отъ родителей, подобныхъ и его отцу и матери.

Но этимъ не ограничиваются добродѣтели гностика. Всѣмъ, кто подавленъ трудностями жизни, онъ облегчаетъ бремя ихъ своими утѣшеніями, тѣхъ ободряетъ своими бесѣдами и снабжаетъ ихъ всѣмъ необходимымъ для поддержанія ихъ тѣлесной жизни. Его помощь имъ все же неодинакова; она справедлива и соотвѣтствуетъ нравственной особенности каждаго. По своему великодушію онъ дѣлаетъ даже нѣчто и большее сего. Онъ даетъ даже и тѣмъ, кто его ненавидитъ и преслѣдуетъ, какъ скоро этотъ врагъ его и гонитель нуждается въ помощи.

Здѣсь нѣкоторые быть можетъ скажутъ: «Но онъ даетъ, побуждаемый къ тому страхомъ предъ ними». Отнюдь нѣтъ. Освѣщайте его образъ дѣйствій какъ вамъ угодно: онъ равнодушенъ къ тому и дѣлаетъ добро, руководясь единственно желаніемъ помочь ближнему.

Но кто не жалѣетъ сокровищъ для оказанія помощи даже и врагу своему, злостности его

однакоже не помня, тотъ не тѣмъ ли щедродательнѣе и любвеобильнѣе оказываться долженъ по отношенію къ своимъ близкимъ? Мудрецъ нашъ въ отношеніяхъ къ нимъ и одушевляется именно этими чувствами, хотя совершенство познанія и здѣсь указываетъ ему, въ какой мѣрѣ, кому, при какихъ обстоятельствахъ и особенно что и какъ должно давать.

Мы упомянули о врагахъ, кои есть и у нашего мудреца. Но кто же это и по какимъ разумнымъ основаніямъ можетъ зла желать тому, кто самъ никогда и никому не подаетъ повода къ враждѣ? Отвѣчаемъ. И Господь никому не противится, ни къ кому не относится враждебно (Педаг. I, 8). Можетъ ли Онъ и быть чьимъ либо врагомъ или противникомъ, Онъ состоящій Создателемъ всего существующаго и благоволящій къ оному, потому что ничто изъ существующаго не существуетъ противъ Его воли? Врагами Богу оказываются лишь непослушные Ему. Вмѣсто того, чтобъ повиноваться Ему, они съ путей указываемыхъ Его заповѣдями уклоняются и святость Его завѣта ненавистью преслѣдуютъ. Нѣчто подобное сему отношенію къ намъ Божества наблюдаемъ мы и въ нашемъ мудрецѣ. Никогда и ни къ кому онъ не питаетъ ненависти за исключеніемъ тѣхъ, кто слѣдуетъ путемъ противуположнымъ его обственному пути: тѣхъ онъ считаетъ своими врагами. Имъ если и оказываетъ онъ помощь, то единственно изъ свойственнаго ему милосердія. Но при семъ опять-таки онъ руководится своимъ познаніемъ. И это умѣнье распознавать людей, распредѣлять имъ дары по достоинству каждаго, этому давать болѣе, другому менѣе, это взвѣшиванье на вѣсахъ премудрости даже и того благодѣянія, которое мы только еще намѣрены оказать, есть одно изъ высшихъ проявленій справедливости свойственной нашему гностику.

Большинство людей добродѣтели предано по побужденіямъ толпѣ свойственнымъ. Такъ напр. воздерживаются язычники отъ нѣкоторыхъ вещей лишь потому, что не имѣютъ возможности насладиться желаемымъ или же изъ страха предъ другими людьми. Иные же отказываются отъ удовольствій настоящаго, чтобы впослѣдствіи насладиться другими болѣе утонченными. Подобные разсчеты могутъ быть наблюдаемы и между людьми вѣры. Многіе изъ христіанъ воздерживаются или изъ за обѣтованія имъ воздаянія за то или изъ страха предъ Богомъ. Но по такимъ мотивамъ воздержаніе, хотя не отвергается гносисомъ и лежитъ въ основѣ его, состоитъ все-таки лишь ступенью къ достиженію состоянія наилучшаго; оно есть только какъ бы импульсъ къ тому, что наиболѣе совершенно. *Начало премудрости*, говоритъ Писаніе, *есть страхъ Божій* (Притч. I, 7). Человѣкъ же *совершенный все покрываетъ, все переноситъ изъ любви, чтобы не человѣку угодить, а Богу* (1 Кор. XIII, 1, 7; 1 Сол. II, 4). Его поведеніе вызываетъ похвалы ему у народа не по тѣмъ послѣдствіямъ онаго, что каждый видитъ въ томъ личную для себя пользу, а потому, что примѣръ его похваляющими считается достоподражательнымъ.

Но кромѣ воздержныхъ этого рода, сдерживающихъ неупорядоченные свои душевные порывы по симъ мотивамъ, есть еще иного рода воздержные, оказывающіеся таковыми потому, что желаютъ они удержать за собою разъ пріобрѣтенныя блага; въ различеніи благъ истинныхъ отъ ложныхъ они достигаютъ величія неутрачиваемаго; изъ онаго и проистекаютъ дѣла ихъ и добродѣтели. Случается ли непредвидѣнное несчастіе какое, подъ покровительствомъ своей добродѣтельности гностикъ все-таки не оставляетъ своего образа дѣйствій, потому что въ добромъ научномъ имуществѣ, ему свойственномъ, имѣетъ онъ сокровище прочное, отъ него неотдѣлимое; сокровищемъ же симъ состоитъ познаніе вещей Божескихъ и человѣческихъ. За тѣмъ воздержаніе этого рода людей, воздерживающихся отъ вещей плотскихъ изъ желанія удержать за собою разъ пріобрѣтенныя духовныя блага, и потому твердо, что вѣдѣніе ихъ никогда не можетъ обратиться въ невѣдѣніе; добро ихъ никогда не можетъ зломъ стать. Вотъ почему нашъ гностикъ ѣстъ, пьетъ, женится не изъ за себя самого и не въ видахъ осуществленія чрезъ бракъ главной цѣли сво-

ей жизни, но по необходимости. Я говорю: Мудрецъ женится. Да, если это Логосъ повелѣваетъ ему и если это согласуется съ его обязанностями. Человѣкъ совершенный имѣетъ въ семъ примѣръ для себя въ лицѣ Апостоловъ. Да и вообще нужно сказать, что энергія человѣка заявляетъ себя не въ уединеніи и не въ жизни одинокой. Съ какимъ геройскимъ мужествомъ сравниться можетъ того мужество, кто въ бракѣ, имѣя дѣтей, заботясь о семействѣ, состоя господиномъ какъ надъ удовольствіями такъ и надъ выпадающимъ на его долю горемъ, по силѣ своей любви къ Богу однакоже остается въ неразрывномъ союзѣ съ Нимъ? Сколько затрудненій приходится ему преодолѣвать при этомъ! Какъ часто долженъ онъ вооружаться противъ искушеній, ему предносящихся въ образѣ дѣтей, жены, слугъ, имущества! Безсемейный же уже вслѣдствіе этого самаго свободенъ отъ множества соблазновъ. Такъ человѣкъ, занятый матеріальнымъ своимъ домостроительствомъ, хотя и уступаетъ въ дѣлѣ своего спасенія человѣку свободному отъ этихъ заботъ, за то превосходитъ его тѣмъ, что по своимъ заботамъ объ осуществленіи истиннаго ученія въ реальной жизни представляетъ собою подобіе хотя и слабое Провидѣнія.

Мы обязаны оставаться добродѣтельными на всевозможныхъ путяхъ жизни, наблюдая, чтобы подъ руководствомъ познанія добродѣтель входила въ нравы и чтобы для всѣхъ отдаваться ей было легко и свободно. Наблюдали ли вы, какъ воскъ топится, какъ мѣдь, освобождаясь отъ шлаковъ, готовится принять новый отпечатокъ? Нѣчто подобное сему представляетъ и познаніе. Все равно какъ смерть есть разлученіе души съ тѣломъ, такъ и познаніе представляетъ собою умерщвленіе духовныхъ страстей, душу волнующихъ; освобождаясь и отрѣшаясь отъ нихъ, оно возвышаетъ душу до жизни добродѣтельной (*), что продолжается до самого того времени, когда она со святымъ прямодушіемъ въ состояніи бываетъ наконецъ сказать Богу: «Живу согласно съ Твоей волею». Вы поставляете цѣлью своей жизни человѣкоугодничество? Угождать Богу слѣдовательно вы отказываетесь (Рим. VIII, 8; Гал. I, 10). Большинствомъ людей и дѣйствительно избирается не полезное, а пріятное. Напротивъ того человѣкъ, Богу угождающій, уже чрезъ это самое дорогимъ дѣлается и для людей благочестивыхъ. Не ожидайте же послѣ этого, чтобы для мудреца истиннаго имѣли какую либо привлекательность пріятность пищи и питья на трапезахъ и плотскія удовольствія. Всякое разсужденіе, всякое движеніе своей мысли, всякое дѣйствіе, способное породить удовольствіе, уже возбуждаетъ въ немъ противъ себя подозрѣніе. По истинѣ, *никто не можетъ служить двумъ господамъ, Богу и мамонѣ* (Мѳ. VI, 24; Лк. XVI, 13). Вотъ изреченіе весьма простое; но и въ простотѣ своей толкующее не о деньгахъ, а о богатой пищѣ, доставляемой ими различнымъ страстямъ. Я понимаю дѣло такъ, что человѣку познавшему весь блескъ славы Божіей и Его истины, невозможно вслѣдъ за тѣмъ рабски подчиняться и страстямъ, возстающимъ на Господа.

Искони и вполнѣ свободенъ отъ всякаго рода безпорядочныхъ движеній конечно только одинъ Господь милосердый, изъ любви къ человѣку и самъ содѣлавшійся человѣкомъ. Желающій же воспроизвесть на себѣ хотя отпечатокъ, оставленный Имъ здѣсь на землѣ, изъ за освобожденія себя отъ пожеланій ведетъ непрерывную борьбу съ самимъ собою. Вначалѣ пожелать, а потомъ отказать себѣ значитъ уподобиться вдовѣ, воздержаніемъ вновь возвращающей себѣ дѣвство (*). Чрезъ воздержаніе отъ всякаго рода зла и воплощеніе въ себѣ разныхъ добродѣтелей, за собой влекущихъ спасеніе, этотъ мужественный атлетъ платитъ своему Господу и Спасителю лишь цѣну за познаніе, имъ испрошенное у Бога. Подобно тому какъ ремесленниковъ питаетъ занятіе тѣмъ ремесломъ, къ коему они прилежатъ: такъ и гностикъ живетъ познаніемъ, какое онъ прі-

(*) Подобнымъ образомъ Платонъ опредѣлялъ философію.

(*) Срав. Стром. Ш. 16.

обрѣлъ; въ семъ познаніи онъ ищетъ и спасенія. Познаніе же сіе состоитъ въ искорененіи страстей въ себѣ, ибо нежеланье отречься отъ нихъ равносильно обреченію себя на смерть. Невѣдѣніе же для души равносильно такъ сказать моренью ея голодомъ, равно какъ и познаніе съ другой стороны равносильно доставленію ей средствъ къ жизни.

Таковы души гностическія, въ Евангеліи приравненныя къ святымъ дѣвамъ, ожидающимъ Господа (Мѳ. XXV. 1 и д.). И подлинно онѣ дѣвственны! Не отъ всякаго ли рода зла воздерживаются онѣ? Не съ воздыханіями ли любви ждутъ онѣ своего Жениха? Не возжигаютъ ли онѣ лампадъ своихъ для озаренія ими дѣлъ своихъ? Души мудрыя и разумныя, онѣ восклицаютъ: «О, Господи! Давно уже въ сладчайшихъ своихъ стремленіяхъ мы призываемъ Тебя. Мы жили согласно съ закономъ Твоимъ, не опуская безъ исполненія ни одного изъ Твоихъ повелѣній. Посему молимъ Тебя: исполни Твои обѣтованія. Просимъ у Тебя полезнаго, ибо намъ слѣдуетъ просить у Тебя только прекраснѣйшаго. Все, что бы ни ниспослалъ Ты намъ, все это мы примемъ отъ Тебя какъ сокровище. Какъ бы ни были горьки испытанія, которыми Ты взыщешь насъ, мы будемъ помнить при нихъ, что по благости своей Ты посылаешь ихъ намъ для укрѣпленія нашего мужества».

Истинный гностикъ по высотѣ своей святости расположенъ скорѣе ждать неудачи своихъ молитвъ, нежели успѣха отъ молитвъ невысказанныхъ. Вся его жизнь есть продолжительная молитва и непрерывная бесѣда съ Богомъ. Если чистъ онъ отъ всякаго грѣха, то получаетъ желаемое, ибо Богъ далъ обѣтованіе праведнику: «Проси, и дамъ тебѣ; только пожелай, и исполню» (*). Когда просимое полезно ему, то его молитва о семъ тотчасъ и исполняется. Что же касается до вещей безполезныхъ, то мудрецъ нашъ никогда и не проситъ о нихъ; а слѣдовательно оныхъ и не получаетъ. Такъ происходитъ, что все нашимъ мудрецомъ желаемое исполняется.

(*) Стром. VI, 12.

Тутъ нѣкоторые быть можетъ воскликнутъ: «Но есть и грѣшники, также получающіе просимое». На это отвѣчаемъ. Правда; но это случается рѣдко, да и то по причинѣ правосудія и благости Божіихъ. Онъ даетъ тѣмъ, кто способенъ оказывать добро другимъ; милость въ этомъ случаѣ ниспосылается слѣдовательно вовсе не въ уваженіе ищущаго ея, а изъ предвѣдѣнія Божественнымъ Провидѣніемъ того, что чрезъ посредство просящаго будетъ спасенъ еще другой; такъ милость даруется ему по всей справедливости. Тому напротивъ, кто достоинъ Божественной милости, истинныя блага даруются даже и безъ просьбы оныхъ съ его стороны.

Когда не по необходимости кто либо оказывается справедливость наблюдающимъ и не изъ страха или надежды на что либо стороннее, но по свободному душевному расположенію къ тому, тогда поведеніе такого человѣка называется путемъ царственнымъ, коимъ идутъ всѣ люди происхожденія царственнаго (*). Всѣ же остальные пути, отклоняющіеся отъ сего, скользки и обрывисты. Такъ попробуйте напр. страхъ и желаніе почестей изгладить въ качествѣ побужденій къ перенесенію напастей изъ душъ прославленныхъ свѣтскихъ мудрецовъ, пресловутая мораль которыхъ проповѣдуется съ такимъ апломбомъ, и сомнительнымъ съ той минуты станетъ ихъ терпѣніе, отрекутся они отъ перенесенія скорбей. А пожеланія и прочіе грѣхи именно и называются въ Писаніи терніемъ и волчцами, эти боли причиняющими (Быт. III, 14; Ис. V. 1 и д.; Числ. XXXIII, 55; Іез. XXVIII, 24; Ос. II, 6; Лк. XIII. 6 и д. и индѣ). Итакъ дѣлатель въ виноградникѣ Божіемъ, гностикъ, садитъ, подрѣзываетъ, поливаетъ; для всѣхъ назданныхъ въ вѣрѣ онъ оказывается земледѣльцемъ по истинѣ преславнымъ. Всѣ зла не творившіе считаютъ себя достойными награды вѣчнымъ святымъ покоемъ за эту чистоту отъ грѣха.

(*) Срав. Стром. II, 4.

Творившій же добро, остававшійся расположеннымъ къ добру изъ за самого добра и по свободному онаго предпочтенію имѣетъ право разсчитывать на это вознагражденіе въ качествѣ дѣлателя добраго. Безспорно онъ и получитъ двѣ награды: одну за добро, имъ содѣланное; другую за зло, котораго онъ не причинилъ. На гностика, отличающагося такими душевными качествами, не могутъ влiять ничьи искушенія, исключая тѣ случаи, когда Господь попускаетъ на него искушеніе для пользы живущихъ съ нимъ. Мужественная смѣлость, съ какой онъ отражаетъ искушеніе, служитъ для собратьевъ его по вѣрѣ какъ бы поощреніемъ оставаться въ оной твердыми.

Это весьма естественно, что блаженныхъ Апостоловъ такого рода мужество при созиданіи ими церквей и утвержденіи оныхъ привело къ испытанію бѣдствіями и запечатлѣнію своего совершенства мученичествомъ. Такъ какъ это слово: «На комъ отяготѣетъ рука Моя, къ тому имѣй ты сострадание» непрестанно звучитъ въ ушахъ гностика, то онъ желаетъ, чтобы гонители его обратились къ раскаянію.

Видъ казней, въ циркахъ совершаемыхъ надъ злодѣями, есть зрѣлище, не приличествующее даже и тому, кто въ вѣрѣ еще младенецъ. Тѣмъ паче для гностика эти отвратительныя сцены не могутъ быть школой назиданія или источникомъ наслажденія. Онъ занятъ добромъ и преданъ ему вслѣдствіе добровольной къ тому расположенности. Неумолимый по отношенію къ плотскимъ удовольствіямъ и оставаясь чрезъ воздержаніе отъ грѣховъ вѣрнымъ разъ принятому имъ ученію, можетъ ли онъ интересоваться муками другихъ людей? Что же назидательнаго тутъ? Какъ же это и на исправленіе отъ чего могутъ влiять онѣ? Удовольствія земныя, грубыя и неприличныя зрѣлища мірскія! Чѣмъ они могутъ быть для того, кто великодушно равнодушнымъ въ этой жизни остается даже и къ загробнымъ обѣтованіямъ, хотя виновникомъ ихъ самъ Богъ состоитъ?

Не всѣ тѣ, которые говорятъ «Господи, Господи», войдутъ въ царство Божіе, но творящіе волю Божію (Мѳ. VII, 21). Этимъ же исполнителемъ воли Божіей, дѣлателемъ симъ состоитъ гностикъ, возвышающійся надъ пожеланіями мірскими, хотя и пребываетъ онъ заключеннымъ еще въ эту темницу плоти. Какъ сложится будущее, это отъ тѣлесныхъ его очей хотя и сокрыто, и все - же это ему извѣстно: столь твердо онъ убѣжденъ, что оно будетъ такимъ, а не инымъ; оно для него реальнѣе даже настоящаго. Таковъ сей дѣлатель благій, радости находящій въ благахъ, познанныхъ имъ. Тѣломъ хотя онъ и вращается еще въ сей жизни и удовлетворяетъ необходимымъ его матеріальнымъ потребностямъ, личностію же своей живетъ въ глубинахъ своей души, стремясь оною къ тѣмъ благамъ, коихъ еще не наслѣдовалъ, но коими уже обладаетъ умозрительно; посему онъ старается стать достойнымъ и дѣйствительнаго ими обладанія. Вотъ почему онъ живетъ въ сей жизни чужестранцемъ и пользуется ею лишь настолько, сколько требуется необходимостью.

Онъ постигаетъ таинственное значеніе и тѣлеснаго поста, наблюдаемаго въ четвертый и шестой дни недѣли (*), которые язычниками посвящаются Гермесу и Афродитѣ. За тѣмъ въ теченіе всей своей жизни онъ постится отъ сребролюбія и плотскихъ удовольствій, этихъ началъ чреватыхъ всякаго рода непотребствами.

(*) Евреи думали, что законъ Моисеевъ воспрещаетъ только внѣшнія дѣйствія. Таково именно было мнѣніе на сей счетъ и фарисеевъ, что открывается изъ Евангелія. Посему-то Іосифъ не соглашается съ Полибіемъ, что Антіохъ за поруганіе святыни, совершенное только въ мысляхъ, долженъ былъ наказанъ быть: «намѣреніе не выполненное, говоритъ онъ, не заслуживало наказанія». Св. Іустинъ въ «Разговорѣ съ Трифономъ» разъясняетъ, что при такомъ отношеніи къ заповѣдямъ закона Божія ни одна изъ нихъ значитъ не исполнялась.—Въ этомъ случаѣ точка зрѣнія Евреевъ на Моисеевъ законъ была юридически-государственная, а не религіозная.

Согласно съ Апостоломъ мы уже и различили выше (Стром. VI, 16) три рода нарушенія законосообразной любви: склонность къ чувственности, корыстолюбіе и идолопоклонство.

Итакъ мудрецъ нашъ постится постомъ болѣе возвышеннымъ, чѣмъ какимъ постились напр. древніе Евреи. Онъ воздерживается не только отъ грѣховныхъ дѣлъ, воспрещаемыхъ Моисеевымъ закономъ, но и отъ нечистыхъ мыслей, воспрещаемыхъ совершенствомъ Евангельскимъ. Если же при семъ и постигаютъ его искушенія, то—какъ мы уже сказали—при нихъ Провидѣніемъ имѣется въ виду не его ими исправленіе, а польза окружающихъ его, дабы въ его постоянствѣ, при преодолѣніи имъ скорбей и перенесеніи бѣдствій, они имѣли образецъ.

Тоже самое я долженъ сказать и о плотскихъ радостяхъ. Со стороны тѣхъ, кои разъ вкусили отъ нихъ, требуются для воздержанія отъ нихъ уже великія усилія (Стром. III, 16). Иначе что же это было бы и за воздержаніе? Что же за великая слава воздерживаться отъ того, чего не знаешь? Мудрецъ же нашъ, держащійся образа дѣйствій, указываемаго Евангеліемъ, наблюдаетъ день Господень, чтя оный очищеніемъ своего чувства ото всѣхъ нечистыхъ мыслей и проникновеніемъ себя истекающими изъ познанія; въ день Господень онъ славитъ воскресеніе Господа въ немъ самомъ (Рим. VI, 6. и д.). Но онъ воплощаетъ въ себѣ нѣчто даже и большее сего. Лишь только созерцаемыя имъ идеи приняли въ его душѣ ясную форму, образъ Господа непрестанно предносится его духу, ибо взоръ его постоянно прикованъ къ міру невидимому. Еслиже представляется ему то, чего онъ не желалъ бы воображать, то онъ сдерживаетъ свою созерцательную дѣятельность; хотя бы удовольствіе рождалось и изъ рвенія къ умозрительной дѣятельности, онъ недовѣрчиво относится къ нему. Онъ желаетъ слышать въ умѣ и видѣть онымъ только то, въ чемъ часть онъ имѣетъ. Ничего не имѣя въ виду кромѣ душевнаго блага своихъ собратій, онъ созерцаетъ красоту не тѣлесную, а душевную; ибо добро должно предноситься душѣ чистымъ отъ всякаго плотскаго удовольствія. Истинными же ему собратьями состоятъ тѣ, которые чрезъ второе твореніе (*) будучи избранными отвѣчаютъ сему избранію чистотою своихъ нравовъ, личнымъ характеромъ дѣлъ, обнаруженіемъ и въ рѣчахъ и въ дѣлахъ святости и достопочтенности, т. е. всего того, чѣмъ по волѣ Господа избранные Его должны свидѣтельствовать о своей разумности. Вѣра состоитъ въ принятіи одинаковыхъ ученій, познаніе же въ разумѣніи и прочувствованности ученій, а надежда въ притрепетномъ ожиданіи однихъ и тѣхъ же благъ. Хотя условія матеріальной жизни и ухода за тѣломъ, напр. питанія его, вообще и немного берутъ времени у нашего мудреца, все-же на каждое препятствіе, его отрывающее отъ самоусовершенія, онъ смотритъ какъ на нѣкотораго рода несостоятельность въ отплатѣ долга Богу, коей жертвою оказывается онъ самъ. Отсюда происходитъ, что все въ нашемъ мудрецѣ, даже и сновидѣнія, соотвѣтствуютъ званію избранника Божія. И дѣйствительно, въ теченіе всей своей жизни онъ чувствуетъ себя здѣсь чужеземцемъ и странникомъ (Евр. XI, 13), обывателемъ инаго града, равнодушно смотрящимъ на все, чѣмъ возбуждается любопытство другихъ. Живя въ государствѣ, онъ живетъ какъ бы въ уединеніи, доказывая собой, что праведность его по сравненію съ юридической государства есть праведность высшаго разряда, что она есть актъ личной его свободной самоопредѣляемости, а не результатъ подневольнаго послушанія государственнымъ законамъ.

Таковъ характеръ нашего мудреца. Кратко сказать, онъ вознаграждаетъ собою міръ за отсутствіе Апостоловъ. Ведетъ онъ жизнь праведную, о вещахъ имѣетъ познаніе точное, ближнимъ помогаетъ, снимаетъ съ плечъ своихъ сосѣдей цѣлыя горы заботъ (Мѳ. XXI, 21; Мк. XI, 23; 1 Кор. XIII, 2; Лк. XIII, 5; Ис. XL, 4) и нездоровыя долины душъ ихъ

(*) т. е. чрезъ избраніе, коего мы удостоиваемся по милости Божіей; сему второму творенію противуполагается сотвореніе міра матеріальнаго.

своимъ вліяніемъ очищаетъ. Но что я говорю? Каждый изъ насъ самъ для себя состоитъ и виноградникомъ Господнимъ и виноградаремъ.

И все-же нашъ мудрецъ добродѣтельность свою не выставляетъ на показъ; каково бы ни было добро. имъ творимое, онъ довольствуется тѣмъ, что во свидѣтели своей вѣрности ученію Господа призываетъ Его самого и свою совѣсть; согласуется онъ въ своихъ добродѣтеляхъ съ откровеніями вѣры; сего съ него и довольно. *Гдѣ сокровище ваше*, говоритъ Писаніе. *тамъ и сердце ваше* (Мѳ. VI, 21). Вслѣдствіе совершенства своей любви онъ уничижаетъ самъ себя. чтобы не презирать застигнутаго скорбью брата своего. Еслибы возможно было, то вмѣсто брата онъ перенесъ бы его лишеніе самъ и съ большимъ мужествомъ. По крайней мѣрѣ его горе онъ считаетъ своимъ собственнымъ горемъ. При всей своей бѣдности во многомъ онъ отказываетъ самому себѣ лишь бы помочь брату (Мк. XII, 44; Лк. XXI 4); по своему великодушію онъ самъ себя доводитъ до нужды. И все-же онъ не жалѣетъ объ этомъ, напротивъ свои благодѣянія еще удваиваетъ. Потому что его вѣра, чистая и дѣятельная, есть вѣра прославляющая Евангеліе дѣлами и созерцаніемъ обѣтованныхъ благъ. Потому и своей *славы онъ ищетъ не между людьми, а въ Богѣ* (Рим. II, 29), исполняя заповѣданное ему Господомъ его. По силѣ своей надежды отъ міра сего отрѣшенный, ожидая благъ будущихъ, онъ не ищетъ благъ и радостей земныхъ; въ благородной гордости онъ остается равнодушнымъ ко всему видимому на землѣ. Однакоже онъ сострадаетъ терпящимъ наказанія по смерти и чрезъ свои мученія вопреки своей волѣ свидѣтельствующимъ о необходимости покаянія. Самъ же онъ живетъ со своей совѣстью въ мирѣ, всегда готовый покинуть эту жизнь. Состоя *странникомъ и пришельцемъ* среди наслѣдій земли. онъ занятъ охраненіемъ лишь тѣхъ благъ, которыя дѣйствительно принадлежатъ ему. Не говорите ему о сокровищахъ земныхъ: это предметъ непонятный ему. Онъ проникнутъ удивленіемъ къ ученію Господню; и не только удивленіемъ: чрезъ посредство познанія онъ часть имѣетъ даже въ волѣ Божіей; онъ вѣдь праведникъ, а къ этому еще и другъ Божій и избранный исполнитель заповѣдей Божіихъ; въ качествѣ мудреца истиннаго онъ состоитъ человѣкомъ происхожденія царственнаго. управляющимъ собой самодержавно. Смотрите: вотъ онъ равнодушенъ ко всему золоту, разсѣянному по поверхности земли, ко всему золоту содержимому нѣдрами ея; не занятъ онъ судьбами царствъ сего міра, простирающихся отъ одного океана до другаго; все это считаетъ онъ не стоющимъ такого вниманія, какого заслуживаетъ забота о пребываніи вѣрнымъ слугою Господа. Такъ ѣстъ ли нашъ мудрецъ, пьетъ ли, избираетъ ли себѣ супругу по внушенію Логоса, являются ли ему во время сна видѣнія. всходятъ ли ему на умъ слова нѣкоторыя, дѣйствія, все, все-это у него свято само въ себѣ. И потому-то для вознесенія молитвъ онъ всегда нравственно чистъ.

Но мудрецъ нашъ есть нѣчто еще и высшее сего. Будучи земнымъ Ангеломъ, онъ молится съ Ангелами; постоянно онъ созерцаетъ себя пребывающимъ среди воинствъ небесныхъ. Наединѣ ли онъ молится: окруженъ онъ цѣлымъ сонмомъ небожителей. О вѣрѣ онъ думаетъ, что она двоякаго рода. Одна состоитъ въ дѣйствованіи вѣрующаго. другая же въ соотвѣтствіи совершенствомъ Тому, въ Кого вѣрятъ. Есть и правосудія два рода: одно дѣйствующее любовью, другое страхомъ. Не сказано ли: *Страхъ Божій святъ; онъ пребываетъ вѣчно* (Пс. XVIII, 10)? И дѣйствительно такъ. Ибо переходящіе отъ страха къ вѣрѣ и праведности живутъ вѣчно. Человѣкъ. проникнутый страхомъ, первѣе всего начинаетъ воздерживаться отъ зла. Потомъ проникается онъ любовію по Богѣ, побуждающей его на семъ фундаментѣ строить зданіе добрыхъ дѣлъ и своей свободы; тогда онъ слышитъ изъ устъ Спасителя обращенныя къ нему слова: *Не называю васъ рабами, а друзьями* (Іоан. XV, 14, 15) и приступаетъ къ молитвѣ съ сердцемъ, проникнутымъ довѣріемъ. Формою же его молитвы служитъ благодареніе за прошедшее, за

настоящее и за будущее, для него по силѣ вѣры являющееся уже настоящимъ, ибо чрезъ воспріятіе познанія онъ дѣйствительно упреждаетъ его. Еще онъ молитъ Бога о томъ, чтобы Онъ даровалъ ему и во плоти жить существомъ чисто духовнымъ, мудрецомъ истиннымъ,—чтобы Онъ удостоилъ его истинныхъ благъ и чтобы подалъ ему силы избѣжать дѣйствительнаго зла. Онъ молитъ Бога также и о томъ, чтобы облегчилъ Онъ тяготѣющее на насъ бремя нашихъ грѣховъ, чтобы Онъ обратилъ насъ къ познанію. Одинаково готовъ онъ какъ гласу Божіему послѣдовать, чрезъ кончину призывающему его въ міръ иной, такъ и самъ лично чрезъ поддержаніе въ себѣ чистоты совѣсти готовъ онъ и спѣшитъ къ принесенію благодареній Богу. Воплотивши въ себѣ вслѣдствіе чистоты жизни подобіе Божіе, явленное намъ въ лицѣ Христа, мудрецъ нашъ въ семъ союзѣ съ Богомъ обладаетъ и всемогуществомъ Божіимъ, ибо Богъ все покорилъ подъ нозѣ Христа Іисуса (Пс. VIII, 7). Онъ не хочетъ казаться тѣмъ пламенемъ или тѣмъ свѣтомъ, которые являются таковыми отъ соприкосновенія съ пламенемъ или свѣтомъ; онъ стремится къ тому, чтобы быть самымъ пламенемъ и свѣтомъ.

Мудрецомъ нашимъ постигается и это изреченіе: *Если не возненавидите вы отца и мать, а къ этому и собственной вашей жизни и не возьмете на себя знаменія Моего* (Лк. XIV, 26, 27)... Мудрецъ нашъ презираетъ связи плотскія, въ себѣ скрывающія сильнѣйшіе соблазны къ удовольствіямъ плотскимъ; великодушно онъ пренебрегаетъ всѣми дѣлами плотскими и питаніемъ плоти. Съ неменьшей энергіей онъ вооружается и противъ души тѣлесной(*). Онъ въ уздѣ держитъ духъ непокорный и неразумный, потому что *плоть воюетъ противъ духа* (Гал. V, 17). Знаменіе же носить значитъ заживо быть погребеннымъ, такъ чтобы, живя въ земномъ семъ тѣлѣ, отрекаться ото всего существующаго, ибо любовь неодинакова въ томъ, кто *сѣетъ въ плоть* (Гал. VI, 8) и въ томъ, кто воспитываетъ въ себѣ душу, предназначенную для вмѣщенія познанія, до способности къ тому. Такъ мудрецъ нашъ добродѣтель обращаетъ себѣ въ привычку. Вслѣдствіе сего благодѣянія его многочисленнѣе чѣмъ слова. Онъ молитъ Бога, чтобы Онъ освободилъ его собратьевъ отъ нѣкоторой доли грѣховъ, отвѣтственность за оные принимая на себя, лишь бы способствовать исповѣданію ими ихъ вѣры и ихъ обращенію. Всегда готовъ онъ съ дражайшими своими друзьями подѣлиться благами, кои ему принадлежатъ. За то и они воздаютъ ему любовью за любовь. Трудясь надъ развитіемъ въ себѣ Божественнаго способа воздѣлыванія вложенныхъ въ него сѣмянъ спасенія, препорученнаго намъ Господомъ (Мк. IV, 20), онъ пребываетъ свободнымъ отъ всѣхъ пятенъ, оставаясь человѣкомъ властвующимъ надъ самимъ собою и воздержнымъ. Ваши взоры видятъ его здѣсь на землѣ; но на ней удерживаетъ его лишь плоть эта; въ дѣйствительности же онъ и на землѣ живетъ какъ духъ, ибо онъ пребываетъ онымъ въ сонмѣ святыхъ, коимъ подобенъ. Такъ какъ отъ исполненія Господнихъ заповѣдей онъ не отказывается ни днемъ ни ночью и преданъ онымъ и на словахъ и на дѣлѣ, то несказанна посему бываетъ радость, какую испытываетъ онъ не только утромъ, вставая отъ сна (Сир. XXXI, 22), не только въ полдень, когда солнце достигаетъ половины своего дневнаго пути, но и во время прогулокъ, во время сна, снимаетъ ли онъ съ себя одежды или облекается въ нихъ, наставляетъ ли когда онъ сына своего, если есть такой у него; всегда ненарушимо союзъ поддерживая съ заповѣдями и обѣтованіями, постоянно съ благодарственной молитвой на устахъ подобно аллегорическимъ тѣмъ животнымъ (серафимамъ), у пророка прославляющимъ Бога (Ис. VI, 2, 3), всегда онъ побѣдоноснымъ оказывается въ искушеніяхъ и среди ихъ повторяетъ: *Богъ далъ, Богъ и взялъ* (Іов. I, 21). Такимъ былъ

(*) Разумѣется чувствующая душа, которую въ другомъ мѣстѣ нашъ писатель называетъ началомъ неразумнымъ, въ противуположность началу духовному: выраженіе соотвѣтствующее «низшимъ частямъ души» Платона.

и Іовъ, который въ пламенной своей любви къ Богу, равнодушно относился къ потерѣ благъ внѣшнихъ, даже къ своему здоровью, ибо онъ *былъ человѣкомъ праведнымъ и святымъ, воздерживавшимся отъ всякаго зла* (Іов. I, 1). Святымъ.... Подъ этимъ словомъ разумѣется совокупность обязанностей, соединяющихъ насъ съ Господомъ и все предначертаніе правилъ жизни нравственной. Іовъ, обладавшій знаніемъ сихъ законовъ, былъ слѣдовательно мудрецомъ истиннымъ, гностикомъ.

Итакъ, если и обладаемъ мы извѣстными благами, будемъ остерегаться излишней къ нимъ привязанности, потому что въ концѣ концовъ они все-же человѣческія блага; зло же будемъ переносить безропотно. Будемъ держать себя выше земныхъ благъ, какъ при имѣньи ихъ, такъ и при лишеніи. Не будемъ придавать имъ иной и большей важности: они назначеніе имѣютъ распредѣляемыми быть между нуждающимися.

Что же касается снисходительности къ самому себѣ, то и на этотъ счетъ мудрецъ нашъ очень остороженъ. Онъ строго изслѣдуетъ истинныя побудительныя причины своего поведенія, а равнымъ образомъ и того боится, чтобы легкое расположеніе его духа не обратилось въ состояніе его неизмѣнное.

13. Истинный мудрецъ прощаетъ несправедливости и оскорбленія, причиненныя ему.

Истинный мудрецъ никогда не злопамятствуетъ противъ тѣхъ, которые словомъ или дѣломъ причинили ему какую либо обиду, но прощаетъ имъ. Такъ его молитва: *Остави намъ, какъ и мы оставляемъ* (Мѳ. VI, 12; Лк. XI, 4) соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Не желать ничего чужаго, не питать ни къ кому ненависти, это вѣдь составляетъ одно изъ положеній воли Господней, потому что всѣ люди состоятъ твореніемъ одной и той же воли Божіей. Говоря: *Пріидите, чада; я научу васъ страху Божію* (Пс. XXXIV, 11), Спаситель сими словами не возвѣщаетъ ли нашему мудрецу, что онъ не нуждается для достиженія совершенства въ помощи Ангеловъ, ибо отъ Него самого получитъ оную, если заслужитъ того своими усиліями и послушаніемъ? Совершеннымъ же гностикъ долженъ быть *какъ Отецъ небесный* (Мѳ. V, 48), т. е. Спаситель желаетъ, чтобы мудрецъ былъ столь же совершенъ, какъ совершенъ и Онъ самъ, Сынъ Божій. Человѣкъ вѣрный этимъ условіямъ не просто проситъ отъ Господа, а получаетъ нѣкоторое право просить Его съ дерзновеніемъ. Если его собратья въ чемъ либо нуждаются, то онъ не будетъ молить Бога о дарованіи ему сокровищъ для распредѣленія оныхъ между нуждающимися; онъ будетъ заклинать Господа, умолять Его всѣмъ, что Ему дорого и свято, ниспослать имъ необходимое. Мудрецъ истинный взыскиваетъ нуждающихся милостыней, но какою? Молитвами; и сіи молитвы отличаются разумностію, ибо онъ самому Богу предоставляетъ выборъ и свойство даровъ (*). Не часто ли въ самомъ дѣлѣ и бываетъ, что бѣдность, болѣзни и тому подобныя испытанія ниспосылаются на человѣка въ видѣ предостереженія, для исправленія его отъ грѣховъ предшествующей жизни и для охраненія его отъ нихъ въ будущемъ? Посему-то вѣрующій, котораго образъ мы начертываемъ, проситъ Бога объ облегченіи бѣдствій собратій своихъ, но какъ? Не для того получивъ отъ Бога высшій изъ даровъ, даръ познанія, чтобы онымъ суетно похваляться, онъ примѣняетъ свою благотворительность на дѣлѣ въ качествѣ орудія милосердія Божественнаго и помня, что состоитъ мудрецомъ истиннымъ, гностикомъ.

Въ «Преданіяхъ» (**) говорится, что Апостолъ Матѳей иногда говаривалъ: «Если кто либо изъ сосѣдей избранника согрѣшитъ, то значитъ согрѣшилъ избранникъ. Если бы избранникъ поступалъ, какъ предписывается ему то Логосомъ, то сосѣдъ остерегался бы грѣха, къ жизни избранника Божія имѣя достаточно уваженія». Итакъ что же еще сказать намъ о на-

(*) Тоже Платонъ въ «Алкивіадѣ второмъ.»

(**) О «Преданіяхъ» Апостола Матѳея срав. Стром. II, 9; III, 4. О семъ апокрифѣ говоритъ писатель также въ концѣ сей VII кн. Стромать.

шемъ мудрецѣ? *Или не вѣдаете*, говоритъ Апостолъ, *что вы храмъ Божій* (1 Кор. III, 16; VI, 19)? Итакъ гностикъ, въ себѣ носящій Бога и вдохновляемый Имъ, есть существо въ нѣкоторомъ родѣ Божественное, пріосѣненное ореоломъ святости Божественной.

Писаніе, убѣждая насъ въ томъ, что грѣхъ Богу ненавистенъ, называетъ впадающихъ въ оные людьми чуждой народности. *Не пожелай жены чуждой*, говоритъ оно (Притч. V, 20; VII, 5; XXIII, 33; Мѳ. V, 28), чрезъ это выраженіе ясно открывая, что грѣхъ есть нѣчто совершенно чуждое и противорѣчущее природѣ храма Божія.

Храмъ сей существуетъ въ двухъ видахъ: одинъ размѣровъ громадныхъ, это церковь; другой размѣровъ болѣе скромныхъ и тѣсныхъ, это человѣкъ, по прямой линіи происходящій отъ Авраама, состоящій сѣменемъ его. Тому, кто носитъ Бога въ глубинахъ души своей, посему за чѣмъ желать еще чего нибудь другаго? Смотрите посему: мудрецъ нашъ возвышенъ надъ всѣми ограниченіями и препятствіями; къ матеріи, еще удерживающей его здѣсь на землѣ, онъ относится равнодушно; благодаря познанію проникаетъ онъ сквозь сферы небесныя; познаніе вводитъ его въ среду существъ духовныхъ, возвышаетъ надъ Началами и Властями, доводитъ до Престоловъ, существъ наивысшихъ; любовь возноситъ нашего мудреца къ престолу Того, Кто былъ единственной цѣлью его познанія. Такъ *змѣя и голубь* (Мѳ. X, 16) оказываются объединенными въ лицѣ нашего мудреца; онъ проводитъ жизнь вполнѣ безупречную; его совѣсть чиста; въ ожиданіи будущаго соединяетъ онъ вѣру съ надеждой. Отъ полученнаго имъ дара онъ вкушаетъ какъ человѣкъ сей милости достойный, изъ рабскихъ оковъ вслѣдствіе познанія преложенный въ состояніе сыновства (Рим. VIII, 21 и д. Гал. IV, 9); не онъ Бога позналъ, а лучше сказать: онъ Богомъ познанъ, признанъ въ совершенствѣ своемъ, ибо совершенствомъ своихъ дѣлъ онъ соотвѣтствуетъ достоинству дара, любвеобилію благодати, благоволенія къ нему Божія, коимъ призванъ онъ въ славу. Познаніе увлекаетъ за собою нашего мудреца подобно тому какъ тѣнь слѣдуетъ за тѣломъ. По праву посему онъ остается безучастнымъ къ событіямъ сего земнаго міра; ни на одну минуту онъ не страшится и не озабочивается тѣмъ, что божественной премудростью предназначено ему же во благо. Смерть онъ встрѣчаетъ непостыдно, потому что жилъ со своей совѣстью въ мирѣ; предъ лицемъ Началъ предстанетъ он съ совѣстью чистой; сознавая себя свободнымъ ото всѣхъ пятенъ, какими могла бы быть загрязнена непорочность его души, онъ хорошо то знаетъ, что эту жизнь чрезъ смерть мѣняетъ на лучшую. Отсюда и то проистекаетъ, что вмѣсто промѣна божественныхъ даровъ на то, что ему лично кажется или полезнымъ или пріятнымъ, онъ занятъ безпрекословнымъ исполненіемъ заповѣдей Божіихъ, стараясь во всемъ быть угоднымъ Богу; онъ снискиваетъ при семъ похвалы и ото всего міра, потому что все въ мірѣ зависитъ отъ воли единаго Вседержителя Бога.

Сынъ Божій *пришелъ къ своимъ*, говоритъ Евангелистъ, *но свои Его не приняли* (Іоан. I, 11). Истинный мудрецъ помнитъ это и при пользованіи земными благами не только благодаритъ за нихъ Бога и удивляется творенію Божію, но заслуживаетъ и отъ людей похвалы за способъ, какъ онъ пользуется твореніемъ (Пс. XXXIII, 2), потому что въ концѣ концовъ это пользованіе оканчивается созерцаніемъ, которое, основами своими коренясь въ познаніи, заявляетъ себя согласованіемъ жизни съ заповѣдями. За тѣмъ, обогащенный созерцаемыми сокровищами, собрать кои помогло ему познаніе, онъ наслаждается сими созерцаемыми благами и приближается къ той полной возрожденности, какой онъ имѣетъ быть увѣнчанъ при переходѣ изъ сей жизни въ иную.

Къ нему это относится слово Псалмопѣвца: *Обойдите вокругъ Сіона; осмотрите его ограду, сочтите его укрѣпленія и башни* (Пс. XLVIII, 12), и онъ слышалъ это слово. Потому что,— если не ошибаюсь,—пророкъ хотѣлъ своимъ словомъ о томъ сказать намъ, что люди воспринявшіе Логоса въ глубины своей души,

вознесутся какъ башни, и въ вѣрѣ и познаніи окажутся непоколебимыми.

Вотъ краткія черты, въ которыхъ мы хотѣли предъ лицемъ язычниковъ изобразить какъ бы принципы нашего мудреца Сіе да будетъ извѣстно: простой вѣрующій въ состояніи поступить правильно въ одномъ случаѣ, въ двухъ; въ совокупности же жизнь его никогда не представитъ ни доброй и правомѣрной правильности, ни высотой познанія не будетъ отличаться, чѣмъ характеризуются жизнь мудреца истиннаго, или гностика.

14. Окончаніе изображенія мудреца истиннаго и совершеннаго, разъясняемое чрезъ перифразъ мѣста изъ I Кор. VI, 1 и проч..

Мы усвоили нашему мудрецу нѣкотораго рода безстрастность. Именно чрезъ оную-то вѣрующій, по силѣ своей любви къ Богу, и развивается въ *мужа совершеннаго и до высоты возраста его* (Еф. IV, 13), возстановляя въ себѣ подобіе Божіе, становясь существомъ по истинѣ равноангельскимъ. Въ подтвержденіе сей истины въ свящ. Писаніи найдется кромѣ приводимаго и еще много мѣстъ. Но вслѣдствіе обширности настоящаго разсужденія мы предоставимъ честь приведенія ихъ другимъ, которые пожелали бы пополнить настоящій трудъ. Ихъ мы просимъ оформить священными текстами и догматическую часть его. Что же касается меня, то я по возможности кратко напомню здѣсь только одно мѣсто изъ Писанія, дабы настоящій предметъ не остался совсѣмъ безъ этого рода доказательствъ

Св. Апостолъ въ 1-мъ посланіи къ Коринѳянамъ говоритъ: *Какъ смѣетъ кто у васъ, имѣя дѣло съ другимъ, судиться у нечестивыхъ, а не у святыхъ? Развѣ незнаете, что святые будутъ судить міръ* и проч. (1 Кор. VI, 1, 2). Такъ какъ этотъ текстъ нѣсколько пространенъ, то воспользовавшись изъ него лишь тѣми выраженіями, которыя къ вопросу имѣютъ ближайшее отношеніе, мы возможно короче и такъ сказать бѣгло изложимъ смыслъ этого священнаго текста, въ которомъ изображаетъ Апостолъ гностическое совершенство.

Апостолъ не желаетъ, чтобъ оно вмѣсто перенесенія насилій отъ другихъ состояло въ насиліяхъ надъ другими. Онъ объясняетъ намъ, что зла, причиненнаго намъ, помнить не слѣдуетъ и не призывать проклятій на учиняемую намъ несправедливость. Онъ помнитъ ясное и опредѣленное слово Господа: *Молитесь за враговъ своихъ* (Мѳ. V, 44). Итакъ со стороны обиженнаго объявить, что онъ хочетъ на обиду жаловаться людямъ беззаконія, повидимому значитъ то же, что и показать готовность отплатить обидчику тѣмъ же и воздать за оскорбленіе оскорбленіемъ; но это равносильно тому, какъ еслибы тотъ человѣкъ самъ сдѣлался нападающимъ.

А когда Апостолъ говоритъ: *Предоставляйте ваше дѣло на судъ святыхъ*, то онъ подъ святыми разумѣетъ тѣхъ, кои въ своихъ молитвахъ могутъ просить, чтобы обидчикамъ ихъ было воздано тою же монетою. Вторые безъ сомнѣнія достойнѣе первыхъ; и все-же и они еще не безстрастны. Потому что только подъ условіемъ полнаго забвенія обидъ и подъ условіемъ молитвъ даже за враговъ можно считать себя вполнѣ послушнымъ заповѣдямъ Господнимъ: таково ученіе Господне. Слава истинная состоитъ въ томъ, чтобы чрезъ доведеніе до раскаянія и своихъ враговъ освоивать съ наклонностями болѣе добрыми и миролюбивыми. Природа истинной добродѣтели такова, что не смотря на имѣніе ею ненавистниковъ, сама она ни съ кѣмъ не враждуетъ. Не *повелѣваетъ ли Богъ солнцу свѣтить какъ на праведныхъ, такъ и на неправедныхъ* (Мѳ. V. 45)? Не послалъ ли Богъ на землю Господа самого сколько изъ за праведныхъ столько же и изъ за неправедныхъ? Посему и тотъ, кто стремится приблизиться къ Богу, прощаетъ обиды до семидесяти разъ седмерицею (Мѳ. XVIII, 22). Что это значитъ? А то что помнящій благодѣяніе, ему Богомъ оказанное, остается къ прощенію обидъ склоннымъ въ теченіе всей своей жизни. Семью—седмидесятеричнымъ числомъ означается здѣсь именно жизнь и вся суета мірская (Стром. VI, 14). Вотъ человѣкъ по истинѣ благодушный и милосердый по от-

ношенію къ цѣлому міру! Еслибы пришлось ему терпѣть оскорбленія даже въ теченіе всего пребыванія его здѣсь на землѣ, онъ не помнитъ ихъ. И это на основаніи заповѣди Господа. Ибо Господь хочетъ, чтобы люди добродѣтельные не только отъ своего земнаго имущества отказывались въ пользу тѣхъ, кто осыпаетъ ихъ оскорбленіями; Онъ желаетъ, чтобы праведникъ и самыхъ судей просилъ о прощеніи несправедливости тому, кто нанесъ ему ее. Съ его стороны это и совершенно естественно. Еслибы враги нашего мудреца даже и до такой жестокости дошли, что его самого рѣшили бы истязать и принесть въ жертву, то и при этомъ вредъ они причинили бы только тѣлу его, а не душѣ и лишать его только внѣшнихъ благъ, а не духовныхъ.

Въ томъ, кто не прощаетъ обидъ, ничего нѣтъ, что отличаетъ дѣйствительнаго мудреца, гностика истиннаго. Спрошу я васъ: При злопамятствѣ по какому же праву вы будете называть нѣкоторыхъ ангеловъ мятежниками противъ Бога (1 Кор. VI, 3), вы которые въ отношеніи заповѣдуемыхъ вамъ въ Евангеліи кротости и забвенія обидъ сами оказываетесь противъ Бога мятежниками? *Почему же на себѣ не перенесть бы нанесенія обиды вамъ*, говоритъ Апостолъ. *Не лучше ли было бы потерю чего либо на себя принять? Вы же сами наносите и причиняете обиды другимъ* (1 Кор. VI, 7, 8). Вы желаете зла тѣмъ, кто грѣшитъ противъ васъ быть можетъ по невѣдѣнію. Вы, сколько это въ вашей власти, лишаете вѣдь божественныхъ благости и даровъ тѣхъ, кого преслѣдуете своими проклятіями. Можно ли такъ поступать по отношенію къ своимъ собственнымъ собратіямъ?

Апостолъ подъ именемъ *братій* разумѣетъ тѣхъ, кои уже состоятъ чадами вѣры, а также и тѣхъ, кои нѣкогда будутъ оными. Намъ еще неизвѣстно, не окажется ли нынѣшній нашъ врагъ завтра ревностнымъ прозелитомъ.

Изо всего же предшествующаго слѣдуетъ вывесть такое заключеніе. Въ лицѣ всѣхъ людей мы должны видѣть братьевъ, хотя бы они въ данную пору еще и не были таковыми по вѣрѣ. Гностикъ, отъ разсмотрѣнія дѣлъ творенія восходящій до поклоненія Божественной волѣ, умѣетъ видѣть и во всѣхъ вообще людяхъ дѣло одного и того же Бога, признавать въ нихъ существа по природѣ тождественныя другъ другу, хотя отпечатокъ образа Божія въ томъ и другомъ изъ людей и оказывается болѣе или менѣе ослабленнымъ. *Незнаете ли вы, что поступающіе неправедно не будутъ наслѣдниками царства Божія* (1 Кор. VI, 9)? Воздавать же обидой за обиду, будетъ ли это дѣйствіемъ, словомъ или даже мыслію, пусть это было позволено закономъ, но послѣ воспрещенія намъ сего Евангеліемъ, это значитъ поступать неправедно. *Вотъ кѣмъ недавно были нѣкоторые изъ васъ*, каковыми еще и теперь оказываются тѣ, кому вы отказываете въ прощеніи. *Но вы омыты* не въ томъ обыденномъ значеніи этого слова, какое соединяютъ съ нимъ другіе; но вы по силѣ познанія сбросили съ себя животныя страсти, чтобы въ мѣру своихъ силъ, чрезъ перенесеніе и забвеніе получаемыхъ вами обидъ, уподобляться благости Божественнаго Провидѣнія. *На праведныхъ и неправедныхъ* вы проливайте свѣтъ и теплоту лучезарнаго солнца своего разума, взыскивая ихъ благодатными лучами вашихъ словъ и дѣлъ. Нашъ мудрецъ и достигаетъ сей цѣли то благодаря возвышенности своей души, то чрезъ подражаніе наилучшему.

Есть еще и третье побужденіе къ прощенію обидъ. *Прощай, и тебѣ самому простится*, гласитъ заповѣдь Господня, какъ бы понуждая насъ искать себѣ спасенія въ совершенствѣ благости.

Вы освящены. Это потому, что вѣрующій, достигшій въ такомъ образѣ дѣйствій твердости и безстрастія, не испытываетъ болѣе смятенности духа отъ прилива страстей. Онъ проникается святостью, оказывается существомъ отъ тѣла какъ бы отрѣшеннымъ и отъ земныхъ вліяній какъ бы освободившимся. Вотъ почему и продолжаетъ Апостолъ: *Вы были оправданы во имя Господа нашего*; Онъ содѣлалъ васъ такими же праведными, какъ и Онъ самъ. Апостолъ какъ бы такъ говоритъ: «И вы, насколь-

ко это было возможно, были смягчены и проникнуты Духомъ Святымъ».

Развѣ не все мнѣ позволено? Но я не потерплю рабства чему бы то ни было. Это значитъ, что ничто меня не въ состояніи вынудить думать, говорить, дѣйствовать противно Евангелію.

Пища для чрева, и чрево для пищи; Богъ же и то и другое нѣкогда отмѣнитъ. Да, Онъ уничтожитъ тѣхъ изъ людей, которые думаютъ, что явились въ этой жизни лишь для того, чтобы ѣсть; не для сего, а для поддержанія пищею тѣлесной жизни и главнымъ образомъ чтобы пользоваться своими силами для познанія, нужно ѣсть (Пед. II, 12).

Не сдается ли вамъ, что Апостолъ именно этихъ невоздержныхъ называетъ *плотью* тѣла освященнаго? Церковь, святое и духовное сонмище, аллегорически названа тѣломъ Господа; тотъ же, кто ограничивается ношеніемъ лишь имени христіанина, не живя жизнію Логоса, тотъ оказывается *плотью*.

Но это духовное тѣло, т. е. святая церковь, никоимъ образомъ не должна ничего имѣть общаго ни съ нарушеніемъ вѣрности ей, ни тѣмъ паче съ полнымъ отступничествомъ отъ Евангелія (1 Кор. VI, 13), ибо это двѣ вещи, собой характеризующія лишь язычество. Вносить въ церковь словомъ, дѣломъ или даже только и мыслію нравы языческіе, это значитъ церковь порочить, а свое собственное тѣло сквернить. Человѣкъ, входящій въ общеніе съ этой постоянной нарушительницей вѣрности Богу, т. е. съ этой нарушительницей завѣта (1 Кор. VI, 16, 17), становится другимъ тѣломъ, не тѣломъ святымъ въ *единой плоти*, а язычникомъ, лишь носящимъ имя христіанина; его надежды не наши надежды.

Тотъ же, кто *въ духѣ поддерживаетъ единеніе съ Господомъ*, становится, смотря по различнымъ способамъ соединенія, *тѣломъ духовнымъ*. Что значитъ это? А то, что онъ становится сыномъ во всей истинности сего слова, человѣкомъ проникнутымъ святостью, безстрастнымъ, гностикомъ, совершеннымъ, воспитаннымъ въ школѣ Господа. Поддерживая единеніе съ Нимъ на словахъ, на дѣлѣ, а главнымъ образомъ въ духѣ, онъ въ состояніи войти и въ тѣ обители, кои обѣтованы людямъ, собственными силами въ себѣ развившимъ полноту силъ человѣческихъ.

Для имѣющихъ уши сего и достаточно. Тайнъ открывать не слѣдуетъ. Ограничимся посему лишь напоминаніемъ тайны, ожививъ которую въ памяти, имѣющіе свою часть въ познаніи поймутъ, въ какомъ смыслѣ Господь сказалъ: *Будьте совершенны какъ и Отецъ вашъ небесный совершенъ* (Мѳ. V, 48). Это значитъ: вполнѣ прощайте обиды, забывайте оскорбленія, проводите жизнь въ добродѣтели безстрастной.

Говоримъ же мы о совершенствѣ врача, о совершенствѣ философа: почему же было не говорить намъ о совершенствѣ и гностика? Но никакое изъ совершенствъ другаго рода, какъ бы ни было оно возвышенно, не въ состояніи вполнѣ уподобить насъ Богу. Мы не повторяемъ богохульнаго нечестія Стоиковъ, усвояющихъ и Божеству и человѣку добродѣтели однородныя (Стром. II, 22; VII, 14).

«Но и столь же совершенными мы быть не можетъ, какъ Отецъ нашъ небесный», быть можетъ скажутъ мнѣ нѣкоторые. «Немыслимо де человѣку сравниться въ совершенствѣ съ Богомъ». Но Отецъ небесный отъ насъ требуетъ того только, чтобы мы достигали тѣхъ совершенства и безупречности жизни, какія требуются соотвѣтствіемъ заповѣдямъ евангельскимъ. Такъ какъ изреченіе это было произнесено съ опущеніемъ нѣкоторыхъ словъ, требовавшихся полнотою рѣчи, то чрезъ добавку для полноты мысли подразумѣваемаго узнаемъ мы полноту воли Божіей, такъ что чрезъ исполненіе ея будемъ обнаруживать въ своей жизни и то благородство чувствъ и то благочестіе, которыя требуются высотою сей заповѣди.

15. Отвѣтъ на возраженіе тѣхъ, которые отказываются вступить въ церковь по причинѣ различныхъ ересей, ее раздѣляющихъ.

Намъ остается теперь опровергнуть нѣкоторыя возраженія Эллиновъ и Іудеевъ, соблазняющихся ересями. Еретики же эти расходятся съ нами приблизительно въ тѣхъ спорныхъ

пунктахъ, кои выше изложены. Посему находимъ мы умѣстнымъ предварительно разчистить почву, по которой идемъ, чтобы безъ затрудненій приняться и за слѣдующую книгу Строматъ.

«Какъ же принять вашу вѣру, когда вы сами раздираемы несогласіями по столькимъ пунктамъ. Истина при множествѣ учителей, изъ которыхъ одни вводятъ такія ученія, а другіе иныя, колеблется и рушится». Таково первое обвиненіе, взводимое противъ насъ.

Отвѣтъ нашъ этимъ обвинителямъ таковъ. Въ средѣ іудеевъ и тѣхъ именно мудрецовъ, которые между эллинами пользовались большимъ почетомъ, также были многочисленныя секты: однакоже разности, вслѣдствіе коихъ ваши философскія школы между собою раздѣляются, не служатъ же вамъ основаніемъ для сомнѣнія въ необходимости философіи или для іудеевъ отвергать ученія іудейскія. Господь поэтому и предвозвѣщалъ, что на полѣ истины возникнутъ и ереси, эти плевелы нивы (Мѳ. XIII, 25 и д.); вотъ пророчество это и исполняется. Причиной сего смѣшенія чистаго съ нечистымъ состоитъ зависть, осмѣивающая и все прекрасное. Что же? На томъ основаніи, что одинъ оказался лжецомъ, нарушившимъ свои обѣты и не остался вѣренъ исповѣданію, съ коимъ вступалъ въ церковь, не заклеймить же намъ позоромъ и всю вѣру, якобы она противорѣчитъ сама себѣ и не отвергнуть же намъ всю истину. Честный человѣкъ никогда не лжетъ и остается неколебимо вѣрнымъ всему, что обѣщалъ, хотя бы кругомъ его и всѣми были нарушаемы принятыя ими на себя обязательства. Тоже самое можно и о насъ сказать; неприлично намъ измѣнять положеніямъ вѣры. Вознося насъ на высоты жизни, въ лицѣ насъ они посему находятъ себѣ вѣрныхъ исполнителей, и только нечестивцы ихъ нарушаютъ; поэтому слѣдуетъ вѣрить лишь тѣмъ, кто твердо держится истины. Сими-то положеніями мы и воспользуемся широко какъ средствомъ къ защитѣ.

Мы отвѣчаемъ нашимъ противникамъ. Врачи смотря по школѣ, къ которой принадлежатъ, имѣютъ противорѣчивые взгляды на болѣзни; тѣмъ не менѣе это не мѣшаетъ имъ исцѣлять отъ нихъ. Развѣ бываетъ когда, что больной, нуждающійся въ поддержкѣ своего здоровья врачебнымъ искуствомъ, отсылаетъ врача отъ себя на томъ только основаніи, что медицину раздѣляютъ многочисленныя распри? Точно такъ же и тѣмъ, кои больны душевно и сердце коихъ полно идоловъ, не подобаетъ ссылаться на существованіе ересей, а слѣдуетъ обратиться къ Богу, дабы исцѣлѣть. *Надлежитъ быть и разномысліямъ*, говоритъ Апостолъ, *дабы открывались искусные между вами* (1 Кор. XI, 19). Подъ *искусными* Апостолъ разумѣетъ или тѣхъ, кои приходя къ вѣрѣ относятся къ ученію Господню разумно, подобясь тѣмъ мѣнямъ, опытный глазъ которыхъ безошибочно уже по отпечатку различаетъ подложную монету отъ истинной (Стром. I, 28); или же этимъ именемъ называетъ онъ тѣхъ, кто о своей вѣрѣ уже засвидѣтельствовалъ какъ добрыми дѣлами, такъ и познаніемъ. Требуется посему немалая доля разсудительности и старательности, чтобы увидѣть въ нашемъ образѣ жизни серьезность и опредѣлить, въ чемъ состоитъ истинное благочестіе. Отысканіе истины есть дѣло тяжелое и сложное; оно порождаетъ собою разсужденія; но если присоединяются къ симъ разслѣдованіямъ самолюбіе и погоня за суетною славою, то такіе разслѣдователи становятся виновниками ересей; и убѣжденіе ихъ, якобы они обладаютъ истиной, есть убѣжденіе лживое; имъ слѣдовало бы основательнѣе изучать истинное ученіе; тогда они на немъ и остановились бы. Источникомъ всякой истины состоитъ только Богъ истинный; отсюда проистекаетъ для насъ обязанность тѣмъ болѣе стараться объ открытіи истины. Столь сладостное для души открытіе истины и обладаніе этимъ сокровищемъ, хранимымъ памятью, слѣдуютъ лишь за трудомъ разслѣдованія. Отсюда въ ересехъ слѣдуетъ видѣть скорѣе побужденіе къ изысканіямъ, нежели къ отступничеству или держанью себя вдалекѣ отъ церкви. Вамъ предлагаютъ два плода: одинъ истинный и зрѣлый; другой поддѣльный,

сдѣланный изъ воска, но вполнѣ похожій на истинный. Что же? Неужели вы откажетесь отъ принятія одного изъ этихъ плодовъ на томъ лишь основаніи, что другой фальшивый? Несомнѣнно, нѣтъ. Точно такъ же и въ разсужденіи истины слѣдуетъ пониманіемъ разумнымъ и сужденіемъ неподкупнымъ различать истину дѣйствительную отъ обманчивой видимости ея. Я полагаю, что путь широкій и узкій для всѣхъ одинъ. Но отъ него расходятся безчисленныя тропинки, однѣ изъ которыхъ приводятъ къ пропастямъ, другія къ быстротечнымъ потокамъ, иныя же къ глубочайшимъ безднамъ моря. Что же? Ужели путникъ усумнится слѣдовать путемъ торнымъ и вполнѣ безопаснымъ потому только, что отъ него отдѣляется въ стороны множество тропинокъ, отклоняющихъ отъ главнаго пути? Пусть одни говорятъ объ истинѣ то, а другіе иное, мы свое усердіе и свои старанія для отысканія ея должны удвоивать, а отнюдь не отказываться отъ нея. На грядахъ съ овощами выростаютъ и растенія чужеядныя; но огородникъ на этомъ основаніи не отказывается же отъ ухода за огородомъ своимъ. Въ себѣ самихъ мы носимъ живую потребность разслѣдованія и разсмотрѣнія; и это свидѣтельствуетъ, что уже самой природой мы предназначены къ воспріятію истины. Вотъ почему мы по всей справедливости будемъ осуждены за непослушаніе тому, чему слѣдовало повиноваться,—за то что отвратительнаго, постыднаго, противорѣчущаго нашей природѣ, всего лживаго не отличали отъ истиннаго, непреложнаго, достославнаго и соотвѣтствующаго нашему высокому происхожденію, вкорененнаго въ глубинахъ души нашей. Тѣмъ безотвѣтнѣе мы окажемся предъ судомъ симъ, что существуетъ и множество средствъ для усмотрѣнія истины.

Итакъ предлоги язычниковъ къ отрицанію церкви и содержимой ею истины суть предлоги пустые и одно притворство. Средства къ открытію истины всегда въ рукахъ ищущаго; и кто подъ предлогами неосновательными отказывается отъ примѣненія къ дѣлу сихъ средствъ, тому сіе не простится, того ожидаетъ осужденіе. Пусть отвѣтятъ мнѣ: Есть средства къ открытію истины или нѣтъ? Безъ сомнѣнія всѣ согласятся со мной, что таковыя есть. Не признаютъ сего быть можетъ только тѣ, которые отвергаютъ достовѣрность даже чувствами предносимаго (*). А если есть доказательства за существованіе истины, то необходимо войти въ разбирательство ихъ и чрезъ вниканіе въ свящ. Писаніе выяснить съ одной стороны то, отчего образовались ереси; съ другой то, что истина одна и что церковь, которой принадлежитъ старѣйшинство, есть хранительница знанія совершеннѣйшаго и что ея ученіе заслуживаетъ всѣмъ другимъ предпочтенія. Изъ отвергающихъ истину одни лишь себя самихъ обманываютъ тѣмъ, другіе соблазняютъ этимъ и своихъ ближнихъ. Первые состоятъ людьми самомнительными. Считая себя за мудрецовъ, они лишь воображаютъ, что владѣютъ истиной, между тѣмъ какъ доказать сего не могутъ; такъ они лишь самообольщаются и самодовольство ихъ суетно. Велико число этого рода несчастныхъ, уклоняющихся отъ разслѣдованія и испытанія, гдѣ истина. Они боятся, какъ бы имъ и въ самомъ дѣлѣ не убѣдиться истинностью нашего ученія и уклоняются отъ слушанія его лишь потому, что боятся услышать себѣ осужденіе. Тѣ же, которые разставляютъ сѣти и невиннымъ своимъ собратіямъ, тѣ уже изстари свыклись съ лукавствомъ. Они очень хорошо сознаютъ, что ничего незнаютъ, тѣмъ не менѣе правдоподобными доказательствами затемняютъ свѣтлый ликъ истины. Но доказательства правдоподобныя,—я полагаю,—не одно и тоже съ существомъ истины. Несомнѣнно, что если уже и самое слово «ересь» изобрѣтено для обозначенія имъ противуположности истинѣ, то въ ней предносится намъ слѣдовательно ложь, которая противуположна истинѣ. Когда мудрецамъ ложнымъ удается, на погибель людей, урвать нѣкоторыя частички исти-

(*) Намекъ на послѣдователей Академіи, отрицавшихъ всего достовѣрность и утверждавшихъ, что путемъ чувствъ мы не можемъ добыть никакихъ познаній.

ны, то они съ кичливостью эти обрывки ея обставляютъ нѣкоторой самоизобрѣтенной искуственностью, а потомъ хвастаются яко бы у нихъ вся истина; на самомъ же дѣлѣ имъ лестно предсѣдательство на собраніяхъ какой либо школы, а не принадлежность къ церкви.

16. Двоякій способъ отличать истинную вѣру отъ ереси: во первыхъ ссылка на Писаніе, какъ на критерій истинности или лживости извѣстнаго ученія.

Люди, расположенные посвящать свои труды вещамъ лишь прекраснѣйшимъ, не прежде признаютъ что либо истиннымъ, какъ нашедъ доказательство того въ Писаніи. И хотя способность судительная обща всѣмъ, равно какъ и чувство истины; все-же тѣ отличаются болѣе тонкимъ ея распознаваніемъ, кто прилежнѣе занимается исканіемъ истины и выдѣленіемъ ея изъ массы лживаго; ихъ умъ, изощренный привычкой къ такимъ занятіямъ, легче отличаетъ истину ото лжи. Но пунктъ важнѣйшій въ семъ дѣлѣ состоитъ въ отреченіи отъ собственнаго мнѣнія; тогда мы оказываемся способными остановиться на знаніи основательномъ и не увлечься страстнымъ стремленіемъ все впередъ и впередъ, что было бы безразсудно. Ожидающій вѣчнаго покоя знаетъ, что путь къ нему узокъ и труденъ (Мѳ. VII, 14). Вы посему, разъ уже принявшіе Евангеліе, не вздумайте отъ его спасительнаго свѣта отвернуться и подобно женѣ Лотовой обратиться (Лк. XVII, 31, 32) къ заблужденіямъ своей прежней жизни, когда вы заняты были дѣлами плотскими. Тѣмъ тщательнѣе остерегайтесь впаденія въ какую либо ересь; истиннаго познанія о Богѣ ересь не содержитъ, а между тѣмъ ничего не опускаетъ, чтобы набрать себѣ большее число послѣдователей. *Кто любитъ отца или мать больше Меня* (Мѳ. X, 37), который состою отцомъ истиннымъ, Господомъ истины, который млекомъ своего ученія обновляю избранниковъ моихъ души, возрождаю и питаю, *тотъ Меня не достоинъ*, тотъ не можетъ стать въ сыновнія отношенія къ Богу, сдѣлаться ученикомъ Его, другомъ и братомъ. *Никто изъ возложившихъ свою руку на плугъ и озирающихся назадъ не благонадеженъ для царства Божія* (Лк. IX, 62). Дѣва Марія чрезъ рожденіе Сына содѣлалась матерію, и все-же послѣдствій материнства не испытала. Такъ вѣритъ большинство православнаго народа и до сихъ поръ. Ибо,—какъ нѣкоторые говорятъ,—по рожденіи Она была inspecta ab obstetrice и оказалась дѣвою. Таковы же для насъ и Божественныя Писанія. Состоя матерью истины, они порождаютъ насъ; и все-же вѣчно остаются дѣвственными, потому что свойственна имъ нѣкоторая таинственность, вообще облекающая истину. «Родивши Она какъ бы не родила» говоритъ Писаніе, показывая, что Марія зачала сама собою безъ общенія съ кѣмъ либо. Вотъ почему наши Писанія для истинныхъ мудрецовъ содержательны и ихъ оплодотворяютъ. Ересь же, не постигая сей истины, отвергаетъ оныя якобы безплодныя. Судительная способность одинаково свойственна всѣмъ людямъ; но одни изъ нихъ, слѣдуя указаніямъ Логоса, становятся вѣрующими; другіе же, преданы будучи страстямъ, и Писаніе насилуютъ, находя въ немъ оправданіе имъ. Мы и не скрываемъ посему, что ревнителю истины должна быть свойственна великая сила духа, потому что, кто предпринимаетъ великія дѣла, тотъ подвергается и великимъ искушеніямъ; слѣдуетъ ему держаться того образца истиннаго ученія, который разъ былъ признанъ имъ за такой. Несчастны тѣ, кои покидаютъ этотъ прямой путь: постоянно они спотыкаются то на одномъ то на другомъ вопросѣ. И слѣдуетъ ли удивляться сему? Они не имѣютъ критерія для распознаванія лжи отъ истины. Если бы они имѣли таковой, то знали бы и то, чему нужно отдавать предпочтеніе; если бы у нихъ въ рукахъ былъ масштабъ, то слушались бы они и Писаній. Подобно тѣмъ, которые пили отравленный напитокъ Цирцеи (Одис. IV, 235) и тотчасъ превратились въ животныхъ, и эти люди, противясь преданіямъ церкви и вмѣсто оныхъ слѣдуя еретическимъ возрѣніямъ нѣкоторыхъ, лишаются свойствъ творенія Божія и званія вѣрнаго раба

Господня. Имъ слѣдуетъ оставить свои заблужденія и слушаться Писаній; вновь открывъ свою душу для внушеній истины, они возстановятъ въ себѣ и божеское подобіе. Принципомъ нашего ученія состоитъ Господь, *многократно и многообразно* (Евр. I, 1), чрезъ пророковъ, чрезъ Евангеліе и чрезъ блаженныхъ Апостоловъ отъ начала до конца руководящій нашимъ познаніемъ. Но съ того самаго мгновенія, какъ человѣкъ вообразитъ себѣ, что принципомъ, исходнымъ пунктомъ его мышленія должно быть иное нѣчто, принципъ истинный перестаетъ существовать для него. Человѣкъ вѣрный самому себѣ вѣритъ и въ Писаніе, въ слово Господне; благодатію Господней вліяніе его отражается на немъ благотворно и спасительно. Таковъ нашъ критерій; и мы объявляемъ его такимъ въ отношеніи всего вообще. Все, что еще не обсужено, не заслуживаетъ то и вѣры; слѣдовательно все. нуждающееся въ обсужденіи, не можетъ быть и принципомъ. Справедливо посему въ вѣрѣ имѣть принципъ, не нуждающійся ни въ какихъ доказательствахъ. Съ того самого момента, какъ мы усвоимъ оный, въ немъ какъ существенномъ имѣемъ мы исходный пунктъ для сужденія и объ иныхъ вещахъ второстепенныхъ; и такъ происходитъ, что словомъ Спасителя мы воспитываемся до постиженія истины и всецѣлаго проникновенія ею. Не будемъ довѣрять голословному увѣренію нѣкоторыхъ, будто можно говорить и за и противъ чего нибудь. Если недостаточно простаго положенія какого либо и требуются того подтвержденія, то не будемъ ссылаться на какія либо человѣческія свидѣтельства, а сошлемся на слово Господне и пусть оно будетъ для насъ доказательствомъ сильнѣйшимъ всѣхъ другихъ. Ахъ, я ошибся: оно есть доказательство единственное въ своемъ родѣ; силою его вѣрны и тѣ, которые только что вкусили отъ Писаній. Тѣ же, кои идутъ въ познаніи оныхъ далѣе, тѣ состоятъ руководителями въ вѣрѣ; я называю ихъ мудрецами истинными и ихъ здѣсь разумѣю. Осмотритесь около себя въ жизни ежедневной. Художникъ опытный превосходитъ собою человѣка необразованнаго; онъ больше средствъ знаетъ и лучше можетъ ими воспользоваться для выраженія чрезъ оныя идеи прекраснаго, нежели ремесленникъ съ познавательными способностями не развитыми образованіемъ. Тоже самое нужно сказать и о христіанинѣ. Въ самыхъ свящ. Писаніяхъ находя свидѣтельства за оныя, онъ самую силу своей вѣры обращаетъ въ свидѣтельство истинности ихъ и убѣждаетъ оною и другихъ.

Мнѣ возразятъ: «Но и еретики ссылаются на тѣже апостольскія преданія». На это мы отвѣтимъ также возраженіемъ: «Почему же не всѣ священныя книги принимаются ими, не каждая во всей ея цѣлости? Почему не тотъ смыслъ они связываютъ съ тѣми и другими мѣстами изъ нихъ, который требуется сущностію дѣла и связію мыслей? Что дѣлаютъ они? Они съ намѣреніемъ останавливаются на нѣкоторыхъ неясныхъ мѣстахъ, толкуютъ ихъ своеобразно и согласно со своими личными предзанятыми мнѣніями. ограничиваются отдѣльными словами и придерживаются буквы вмѣсто того, чтобы вникать въ истинный смыслъ и значеніе священныхъ текстовъ. Обращая же вниманіе лишь на нѣкоторыя слова, они искажаютъ ихъ значеніе; настоящаго ихъ смысла они или вовсе незнаютъ или же связываютъ съ ними смыслъ произвольный, чрезъ что первоначальныя намѣренія Духа Святаго, выраженныя въ тѣхъ изреченіяхъ, рушатся, лишаются силы, властности, вліянія. Но истина развѣ можетъ быть постигаема чрезъ измѣненіе смысла словъ? Такой порядокъ состоитъ вѣрнымъ средствомъ не къ открытію истины, а къ погашенію ея. Истина открывается только послѣ усиленныхъ и серьезныхъ трудовъ исканія ея, только послѣ разслѣдованія, достойно ли то или иное имени Господа и Бога всемогущаго; толкованіе всегда должно соотвѣтствовать правдѣ, чести; объясняемыя мѣста Писанія кромѣ того должны оказываться сходствующими по смыслу и съ другими такими же. Отдѣляющіеся отъ церкви оттого-то и не желаютъ обратиться къ истинѣ, что не могутъ помириться съ мыслью о необходимости отказаться отъ удовольствія удовлетворять лишь свое самолюбіе.

Съ другой стороны, толкуя Писанія невѣрно, не находятъ они опоръ въ немъ для своихъ мнѣній. Потому-то идя въ народъ, чтобы разливать здѣсь ядъ своихъ новшествъ и очень хорошо понимая, что находятся въ противорѣчіи со всѣмъ Писаніемъ, а равнымъ образомъ и нами будучи на всѣхъ пунктахъ опровергаемы, они во очію всѣхъ отбрасываютъ тѣ и другія изъ свящ. книгъ или цѣлыя части ихъ. При семъ они безстыдно и на насъ клевещутъ, сожалѣя о безталанности нашей, о неспособности нашей понять ученія ихъ, отличающіяся будто бы такой величественной возвышенностью. Если же кто ихъ уличитъ во лжи, то они отрекаются и отъ своихъ ученій, стыдясь признаться и во всеуслышаніе объявить то, чему они учатъ втайнѣ и преподаваніемъ чего хвалятся во мракѣ. И это надъ еретиками наблюдать можно всякій разъ, когда кто выступаетъ противъ превратности ихъ измышленій. А какъ скоро мы начинаемъ стыдить этихъ еретическихъ нововводителей, доказывая имъ, что они противорѣчатъ Писанію, то они тотчасъ же бросаются въ одну изъ крайностей: или отвергаютъ выводы изъ своихъ ученій или же попираютъ ногами пророчества, т. е. свою собственную надежду. Мнимую очевидность, потакающую произвольному ихъ разумѣнію, постоянно они предпочитаютъ изреченіямъ Спасителя, говорящаго устами пророковъ, истинамъ евангельскимъ и свидѣтельству Апостоловъ, утверждающихъ эти послѣднія. А какъ скоро видятъ они, что не только ученіямъ ихъ грозитъ такая опасность, но и особности ихъ существованія, то и въ этомъ случаѣ вы думаете, что начинаютъ они искать истины? Ни чуть не бывало. Ученіе открыто и ясно возвѣщаемое всѣмъ церковію они считаютъ не стоющимъ вниманія, и потому относятся къ нему пренебрежительно: они стремятся въ области религіи къ понятіямъ отличнымъ отъ общепринятыхъ и обыкновенныхъ, и сбиваются съ пути истиннаго. Не проникши изученіемъ въ тайны, хранительницей коихъ состоитъ церковь, не выразумѣвши величія истины, по своему легкомыслію до глубинъ вещей не ниспускавшись и удовлетворившись познаніемъ поверхностнымъ, они чрезъ то начисто распрощаются съ Писаніемъ. Гордясь самоизмышленной своей мудростью, занятые безконечными спорами, они представляютъ собою зрѣлище людей, для которыхъ важнѣйшимъ дѣломъ не мудростію себя въ жизни заявлять, а лишь казаться таковыми. Принциповъ необходимыхъ нѣтъ у нихъ ни желанія искать, ни желанія на нихъ опираться; единственнымъ фундаментомъ ихъ ученій служатъ человѣческія мнѣнія; для достиженія своихъ цѣлей они ничѣмъ не пренебрегаютъ. Чѣмъ яснѣе сознаютъ они, что побѣда ускользаетъ изъ ихъ рукъ, тѣмъ сильнѣе становится задоръ ихъ и ярость противъ тѣхъ, кто ихъ побѣждаетъ истинной мудростью. Они кидаются во всѣ крайности, примѣняютъ — по пословицѣ — къ дѣлу всѣ снасти, въ своемъ нечестіи считаютъ за лучшее отвергнуть всѣ Писанія, чѣмъ отречься отъ извѣстности, которой пользуются среди своей секты или отказаться отъ пресловутой чести руководительства ею, по силѣ котораго они занимаютъ первое мѣсто на тайныхъ ея собраніяхъ, ложно украшаемыхъ именемъ вечерь любви. У насъ же познаніе истины есть слѣдствіе признанія нами извѣстнаго принципа, вслѣдствіе чего принявшій оный на вѣру доводится нами до того, во что не вѣритъ еще; и въ этомъ состоитъ такъ сказать сущность нашихъ доказательствъ.

Уши ереси, отъ самыхъ первыхъ поръ ея возникновенія закрытыя для всего что полезно, открыты, какъ мнѣ кажется, для рѣчей льстящихъ лишь чувственности. Не будь этого, отдѣляющіеся отъ церкви какъ истины пожелаютъ слушаться, такъ и свое заблужденіе оставятъ. Но самолюбіе, какъ и всякая другая страсть, исцѣляется тремя средствами: во первыхъ познаніемъ злаго начала; потомъ познаніемъ средствъ, какъ бороться съ нимъ; и въ третьихъ изощренностью духа и бодрой его дѣятельностью, освоеніемъ его съ слѣдованіемъ лишь здравому смыслу. Взоръ глаза больнаго туманенъ: подобно этому и душа, помрачаемая всѣми этими не гармонирующими съ ея природой ученіями, оказывается неспо-

собною принимать и отражать въ себѣ лучи истины. Она не видитъ предметовъ даже ближайшихъ. Вотъ почему и рыболовъ уженье рыбы начинаетъ со взбаламученія воды, чтобы, лишивъ рыбу возможности видѣть, легче удить напр. угрей (*). Подобно тому какъ непутные ученики бѣгутъ отъ учителей: такъ и отдѣляющіеся отъ церкви исторгаютъ изъ оной пророчества, боясь встрѣтить въ нихъ предостереженіе себѣ и изобличеніе. Этимъ объясняется и множество слагаемыхъ ими обширныхъ комментаріевъ, коими оправдываютъ они массу ложныхъ ученій; одни къ другимъ здѣсь приложены: лживыя мнѣнія себѣ находятъ опору въ лживыхъ себѣ комментаріяхъ; эти же истекли изъ первыхъ. И все это лишь для того, чтобъ не имѣть дѣла съ Писаніями! Они—нечестивцы, потому что противятся божественнымъ заповѣдямъ, т. е. ученію Духа Святаго. Пустыми называются не только тѣ миндалины, которыя дѣйствительно пусты, но и тѣ, въ которыхъ содержится мякоть ни на что негодная. Точно такимъ же именемъ безсодержательныхъ и не стоющихъ вниманія называемъ мы и еретическія ученія: воли Божіей они не содержатъ, о преданіяхъ идущихъ отъ Христа не говорятъ; не менѣе они горьки чѣмъ и дикій миндаль; все въ нихъ самоизмышлено за исключеніемъ развѣ того, что изъ за очевидности истины не могло быть сокрыто или отвергнуто.

Оставить поле битвы и тотъ постъ на немъ, гдѣ онъ поставленъ военачальникомъ, солдатъ не можетъ не совершивъ чрезъ то преступленія: точно такъ же и мы въ качествѣ воиновъ Христовыхъ не менѣе вѣрно должны охранять тотъ постъ, который назначенъ намъ Логосомъ, принципомъ нашего познанія и жизни. То вѣрно конечно, что большинство людей идутъ впередъ наобумъ, не давая себѣ отчета, какому принципу нужно слѣдовать, кто долженъ быть носителемъ его и какъ слѣдуетъ итти за его знаменемъ. Простому вѣрующему такъ и слѣдуетъ дѣлать. Лишь бы сообразовалъ онъ свою жизнь съ Логосомъ: будетъ онъ и въ томъ благонадеженъ, что слѣдуетъ путемъ Богу угоднымъ; отъ начала міра Онъ все устрояетъ премудро. Если же кто либо будетъ такъ несчастенъ, что преступитъ клятву данную Логосу, а чрезъ Него и Богу и смутится въ душѣ, соблазнившись какимъ либо вздоромъ: то долженъ онъ стараться подкрѣплять себя доводами разума и истины. Если же злой навыкъ одержитъ верхъ, и человѣкъ тотъ, дотолѣ вѣрный, будетъ побѣжденъ имъ и сдѣлается онъ,—какъ выражается Писаніе,—человѣкомъ толпы, то слѣдуетъ ему стараться о подавленіи въ себѣ того гибельнаго начала и поддержаніи душевной бодрости и энергіи, дабы силенъ онъ былъ противустоять увлеченіямъ злаго того навыка. Если же покажутся ему нѣкоторыя ученія завлекательными, между тѣмъ какъ они противорѣчатъ истинному ученію да и сами себѣ, то его дѣло разсѣять ихъ обольстительность, обратившись за симъ къ тѣмъ, кои чрезъ согласованіе двухъ завѣтовъ какъ въ погашеніи безпорядочныхъ ученій и въ приведеніи натуръ дикихъ и грубыхъ къ послушанію Божественнымъ Писаніямъ оказываются искусными, такъ и истину дѣлаютъ до ощутительности ясною. Такова уже натура человѣка, что онъ охотнѣе даритъ своимъ вниманіемъ вещи обыденныя, какъ бы ни были онѣ безсмысленны, нежели самую истину, потому что ликъ ея степененъ и строгъ. Три различныхъ состоянія соперничаютъ между собою изъ за власти надъ нашей душою: невѣжество, обыденное мнѣніе и наука. Невѣжество состоитъ удѣломъ народа; наука, знаніе есть достояніе церкви; мнѣніями же времени руководится ересь. Этого послѣдняго разряда люди ни одного изъ своихъ вымысловъ не могутъ доказать съ такой же очевидностью, какъ дѣлаютъ это люди знанія; напротивъ они довольствуются простымъ лишь и бездоказательнымъ утвержденіемъ. Оттого-то они и презираютъ себя взаимно. Какими язвительными насмѣшками преслѣдуютъ они другъ друга! Мнѣніе, коимъ одинъ восхищается, другой считаетъ за недостойнѣйшее изъ сумазбродствъ! Мы знаемъ также, что иное дѣло удовольствія чувственныя, увлеченіе ко-

(*) Аристот. Ест. ист. VIII, 2.

ими должно быть приписано націямъ невѣрующимъ; иное дѣло духъ соперничества, коимъ раздираемы ереси; иное дѣло радость, составляющая главную характеристическую черту церкви; и иное дѣло—веселье, состоящее исключительнымъ достояніемъ гностика. Только ввѣрьтесь учителю: Исхомахъ сдѣлаетъ изъ васъ земледѣльца; Лампидъ—морехода; Харидемъ—полководца; Симонъ—наѣздника; Пердиксъ—харчевника; Кробюлъ—повара; Архелай—плясуна; Гомеръ—поэта; Пюрронъ—софиста; Хризиппъ—діалектика; Аристотель естествоиспытателя; Платонъ наконецъ—философа. Человѣкъ же послушный и слѣдующій Господу, признающій пророчества, исходящія отъ Него, становится отобразомъ Его. Это богъ, лишь смертнымъ тѣломъ облеченный («Увѣщ.» гл. 11).

Тѣ же, кои отказываются слѣдовать за Господомъ всюду, куда бы Онъ ни повелъ ихъ, сами состоятъ причиной того, что низвергаются съ этихъ высотъ. Руководитъ же насъ Господь чрезъ боговдохновенныя Писанія. Безчисленны грѣхи, въ кои впадаемъ мы; но всѣ они проистекаютъ изъ двухъ источниковъ: изъ невѣдѣнія и вѣроломства; и то и другое предоставлено на нашъ выборъ, потому что и знать и сдерживать себя зависитъ отъ нашей воли. Изъ за невѣдѣнія же мы не въ состояніи судить здраво; а по причинѣ нашего непостоянства мы не можемъ до конца доводить мудрыхъ рѣшеній. Подумайте въ самомъ дѣлѣ въ состояніи ли вы, держась мнѣній ошибочныхъ, дѣлать дѣло правильно, пусть энергіи въ васъ будетъ даже настолько, что разъ принятое вами рѣшеніе вы и выполните? Съ другой стороны пусть благодаря проницательности своего ума вы угадаете въ массѣ невѣрнаго вѣрное: останетесь ли вы въ своей совѣсти безупречны, если по своему легкомыслію не съумѣете приложить рукъ къ дѣлу? Эта двоякая болѣзнь души слѣдовательно и цѣлима быть можетъ двоякаго рода уставомъ. Невѣдѣніе побѣждается наукой, знаніемъ, гносисомъ и очевидностью доказательствъ, опирающихся на свидѣтельства Писаній. Непостоянство же можетъ быть побѣждаемо лишь великодушною борьбою, по примѣру Логоса; ей мы учимся въ школѣ вѣры и страха Божія. Сколько я понимаю, здѣсь двоякій исходъ ожидаетъ нашего мудреца: по нѣкоторымъ пунктамъ его знаніе есть созерцаніе, по другимъ же—дѣло, дѣятельность. Желательно бы намъ было, чтобы вышеназванные еретики, при чтеніи сихъ нашихъ «Памятныхъ Записокъ», оставили свои заблужденія и обратились къ Богу Вседержителю! Но если подобно змѣямъ, ушей не имѣющимъ,—выраженіе хотя и новое какъ будто, однакоже происхожденія очень древняго,—не воймутъ они (Пс. LVIII, 5, 6) этой пѣсни, ихъ призывающей ко спасенію, то непремѣнно будутъ Богомъ наказаны, и отеческія Его наказанія, предшествующія окончательному осужденію, тяготѣть будутъ надъ ними до того времени, какъ устыдясь своего вѣроломства оплачутъ оное слезами раскаянія. Но Боже сохрани ихъ отъ окончательнаго примѣненія къ нимъ правосудія за чудовищное ихъ непослушаніе! Есть нѣкоторыя особыя вразумленія, кои называемъ мы исправительными. Именно таковы наказанія, тяготѣющія надъ нѣкоторыми изъ нашихъ братьевъ, послѣ того какъ ими нарушенъ долгъ; это падшіе члены народа, нѣкогда столь любимаго Богомъ. Все-таки сіе да будетъ вѣдомо: Провидѣніе наказываетъ насъ, какъ наказываетъ Педагогъ или какъ Отецъ караетъ своихъ дѣтей. Богъ не наказываетъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Наказаніе есть отмщеніе за оскорбленіе, но Бога какъ оскорбить? Онъ караетъ и всѣхъ вообще и въ частности только нѣкоторыхъ людей лишь для пользы тѣхъ, на кого посылается наказаніе.

Всѣ же эти размышленія мнѣ были внушены частію желаніемъ предупредить отъ впаденія въ ересь того, кто имѣетъ склонность къ тому, потому что иные гордятся познаніемъ; частію же желаніемъ указать средства къ исцѣленію невѣденія, будетъ ли оно свой корень имѣть въ легкомысліи или въ сумасбродствѣ или навыкѣ къ дурному или же и въ другой подобной склонности; частію же и желаніемъ привесть отъ заблужденія къ истинѣ тѣхъ, кои по выздоровленіи

еще не совсѣмъ могутъ быть лишены надежды. Есть упрямые больные, которыхъ нечего и пытаться заставить внимать увѣщаніямъ истины. О нихъ нужно сказать даже большее нѣчто: они вооружены пустословіемъ и безразсудствомъ; это дерзкіе хулители истины, хвастающіеся тѣмъ, якобы содержатъ нѣкія высшія ученія, хотя ничему они и не учились, хотя никѣмъ ихъ знанія не провѣрены, хотя на пріобрѣтеніе ихъ они не потратили никакихъ предварительныхъ усилій, хотя нельзя открыть въ ученіяхъ тѣхъ ни малѣйшей послѣдовательности. Жалкое же безпутство, въ тысячу разъ достойное скорѣе сожалѣнія чѣмъ ненависти! Но если найдется хотя одинъ такой больной, который еще излечимъ и способенъ переносить святое прямодушіе свободы, которая подобно пламени или стали прижигаетъ и отсѣкаетъ ложныя мнѣнія, то я заклинаю его: пусть онъ откроетъ уши души своей. И это съ его стороны воспослѣдуетъ непремѣнно, если рѣшится онъ не слѣдовать болѣе совѣтамъ слабости и холодности, отталкивающихъ отъ себя истину или если изъ суетнаго тщеславія онъ перестанетъ позволять себѣ насилія и новшества. Я говорю о холодности и вялости тѣхъ людей, кои, полную возможность имѣя изъ самыхъ Писаній почерпать доказательства согласныя съ оными, пренебрегаютъ этой возможностью и этимъ своимъ долгомъ и принимаютъ лишь тѣ мнѣнія, которыя льстятъ ихъ пожеланіямъ. Другими же управляетъ суетная любовь къ славѣ: подъ вліяніемъ ея — то они своевольно уклоняются отъ ученій, согласующихся съ боговдохновенными Писаніями, каковыми состоятъ напр. преданныя намъ отъ святыхъ Апостоловъ и нашихъ учителей и впадаютъ въ разсужденія весьма странныя; преданіямъ Божественнымъ они противупоставляютъ мысли человѣческія и такъ образуютъ ересь. Предъ лицемъ этихъ великихъ людей, авторитетность знанія которыхъ признана всею церковію, состоящей и хранительницей онаго, что значитъ какой нибудь Маркіонъ? Какія новыя открытія могъ сдѣлать онъ въ этой области? Что такое Продикъ въ ней и другіе подобные люди, оставившіе пути прямые? Не могли же они своею мудростью превзойти мудрость своихъ предшественниковъ; ни выдумать они не могли какихъ либо новыхъ истинъ, которыя нужно было бы присоединить къ прежнимъ. Съ нихъ достаточно было бы уже и той одной славы, еслибы они изучили все то, что преподаваемо было до нихъ. Итакъ только тотъ долженъ быть признанъ истиннымъ гностикомъ, кто состарѣлся надъ изученіемъ Писаній, —кто хранитъ нерушимо чистоту ученій, дошедшихъ до него отъ Апостоловъ и церкви, —кто живетъ жизнью благоупорядоченной, согласной съ Евангеліемъ и въ ней находитъ оправданіе имъ содержимыхъ ученій. Вамъ дивно сіе? Но гностика нашего развѣ не Господь вдохновляетъ, не законъ и не пророки? Жизнь его и по истинѣ есть совокупность дѣлъ и словъ, соотвѣтствующихъ преданіямъ, идущимъ отъ Господа. *Но знаніе не* есть удѣлъ *всѣхъ. Ибо*, говоритъ Апостолъ, *вамъ, братіе мои, не безызвѣстно должно быть это, что отцы наши всѣ были подъ сѣнью облака, всѣ ѣли отъ одной духовной пищи и пили отъ одного и того же духовнаго питья*, чѣмъ Апостолъ съ очевидностью утверждаетъ, что эти люди, внимавшіе ученію о Логосѣ, содержавшемуся частію въ словахъ частію въ дѣйствіяхъ, не постигли величія сообщавшагося имъ познанія. Посему Апостолъ и прибавляетъ: *Но не о многихъ изъ нихъ благоволилъ Богъ* (1 Кор. X, 5). Кто не благоволилъ о нихъ? Тотъ, Кто сказалъ нѣкогда: *За чѣмъ вы обращаетесь ко мнѣ съ воззваніемъ Господи, а не творите воли Отца Моего*, т. е. почему вы не соблюдаете ученія Спасителева, ибо оно разумѣется здѣсь подъ духовной пищей и духовнымъ питьемъ, удовлетворяющимъ жажду навѣки. Вотъ источникъ, изъ коего течетъ вода истинной гностической жизни.

«Но знаніемъ надмѣвается сердце,» возразятъ мнѣ. Да, надмѣвается, если подъ знаніемъ разумѣть знаніе лишь внѣшнее: имъ дѣйствительно питается духъ гордости. Еслиже выраженіе Апостола *знаніе не всѣхъ удѣлъ* разумѣть о знаніи во всей его истинности и величіи, то спорный вопросъ разрѣшается самъ

собою; и такое пониманіе мы находимъ наиболѣе соотвѣтствующимъ дѣлу.

Шагъ за шагомъ слѣдя Писанія мы и это пониманіе подтвердимъ ссылкой на Писаніе же. *Мудрость*, говоритъ Соломонъ, *воодушевляетъ сердца своихъ чадъ* (Сир. IV, 12). Не то это значитъ, что въ нѣкоторыя ученія Господь вложилъ свойство дѣлать исповѣдниковъ оныхъ заносчивыми или гордыми, нѣтъ; пророкъ хотѣлъ этимъ лишь то сказать, что довѣрить себя истинѣ и чрезъ передаваемое Писаніемъ познаніе питать прекрасныя мысли, это такія двѣ вещи, преданность которымъ сопровождается подавленіемъ въ себѣ влеченія ко грѣху. Именно этотъ, а не другой смыслъ имѣетъ выраженіе *воодушевляетъ*. Оно сказываетъ намъ, что тѣхъ, кои чрезъ ученіе состоятъ чадами Божіими, мудрость проникаетъ величіемъ. Далѣе Апостолъ говоритъ намъ: *Тогда я обращу вниманіе не на слова тѣхъ, кои гордятся своей мудростью, а на дѣла* (1 Кор. VI, 19), т. е. на то, во всемъ ли величіи они понимаютъ Писанія или вполнѣ ли истинно, ибо что же можетъ быть величественнѣе истины? Добродѣтель, вотъ подлинная сила сыновъ, преисполненныхъ мудростію. Вышеприведенными словами Апостолъ все равно сказалъ какъ бы слѣдующее: «Я узнаю, правы ли вы, высоко думая о своемъ познаніи». *Вѣдомъ Богъ въ Іудеѣ*, восклицаетъ Давидъ (Пс. LXXV, 2) Что значитъ это? А то, что Господь вѣдомъ всѣми, кто чрезъ познаніе состоитъ израильтяниномъ, ибо Іудея по истолкованію сего слова значитъ «исповѣданіе» (*). Посему премудро сказано у Апостола *Не прелюбодѣйствуй, не укради, не пожелай; а всѣ другія заповѣди содержатся уже въ одномъ этомъ словѣ: Люби твоего ближняго какъ самого себя* (Рим. XIII, 9). Дѣйствительно, никогда не слѣдуетъ по примѣру еретиковъ ни измѣнять истинѣ, ни урывать ничего изъ образцоваго исповѣданія церкви для удовлетворенія насчетъ ближняго лишь личныхъ своихъ пожеланій или суетной погони за личною славою; ближняго должно не обманывать, а внушать ему любовь къ истинѣ и освоивать его съ нею. Потому-то и сказано намъ ясно: *Возвѣщайте между народами дѣла Его* (Пс. IX, 12), дабы слышащіе о нихъ чрезъ обращеніе могли избѣжать осужденія. Всѣ же тѣ, *въ рѣчахъ коихъ кроется лукавство* (Пс. XIV, 3), покараются казнями; противъ нихъ приговоръ уже произнесенъ.

17. Другимъ способомъ для открытія истины состоитъ разслѣдованіе того, на чьей сторонѣ старѣйшинство, на сторонѣ ли преданія церкви или на сторонѣ преданія еретическаго.

Занятые измышленіемъ ученій нечестивыхъ и безъ стыда излагающіе оныя предъ лицемъ своихъ единомышленниковъ что дѣлаютъ? Они даже Божественными Писаніями пользуются безъ благоговѣнія; и извращая оныя, чрезъ то и себѣ самимъ преграждаютъ доступъ въ царство Божіе и тѣхъ, кои становятся жертвой ихъ обмана, уклоняютъ на пути далекіе отъ истиннаго. Безъ ключа въ рукахъ ко входной двери, который у насъ (Мѳ. XVI, 19; Лк. XI, 52), ключъ истинный они замѣняютъ поддѣльнымъ, или—по пословицѣ—подборнымъ; и имъ отпираютъ они не дворъ преданія, идущаго отъ Господа, коимъ мы входимъ въ церковь, а чрезъ взломъ задней двери и чрезъ подкопъ во мракѣ подъ стѣну церкви влѣзаютъ въ нее; ученія истиннаго будучи святотатственными исказителями, тѣмъ не менѣе они объявляютъ себя посвятителями душъ въ тайны, но въ какія? Въ нечестивыя. Ибо что общества ихъ, составившіяся во имя не другаго какого авторитета кромѣ какъ человѣческаго, образовались позднѣе каѳолической церкви, для подтвержденія этого нѣтъ нужды входить въ доказательства особенно пространныя. Проповѣдь Спасителя самого, по пришествіи Его на землю, начинается при Августѣ и кончается приблизительно въ половинѣ царствованія Тиберіева. Проповѣдь Апостоловъ, включая сюда и служеніе Павла, прекращается при Неронѣ. Первые же ересіархи появились позднѣе, приблизительно во времена императора Адріана. Образованіе новыхъ ересей продолжалось даже до царствованія Антонина старшаго. Тогда-то (при Адрі-

(*) Срав. Стром. I, 5.

анѣ) жилъ напр. Василидъ, хотя самъ онъ и выдаетъ себя хвастливо за ученика Главкіева, который, если вѣрить этимъ хвастунамъ, былъ толмачомъ у Петра. Говорятъ также, что наставникомъ Валентина былъ нѣкто Θевда, стоявшій въ близкихъ отношеніяхъ къ Павлу. Что же касается Маркіона, жившаго почти въ одно съ этими послѣдними время (при Адріанѣ), то хотя онъ уже и состарѣлся къ тому времени, когда эти (Василидъ и Валентинъ) были еще молоды, и такимъ образомъ хотя старшимъ былъ между сими еретиками, но ранѣе его только Симонъ въ теченіе нѣкотораго времени могъ слушать Петра. А если это такъ, то становится до осязательности яснымъ, что секты эти образовались чрезъ отдѣленіе отъ древнѣйшей ихъ и истиннѣйшей церкви; это позднѣйшія и близкія къ нашей эпохѣ чада времени, заклеймившія себя позорной печатью отступничества отъ церкви.

Изъ сказаннаго, полагаю, и то ясно слѣдуетъ, что есть только одна истинная церковь, та, которой по праву принадлежитъ и старѣйшинство; къ ея-то чадамъ относятся всѣ праведные, положившіе твердое намѣреніе и оставаться таковыми. Есть одинъ только Богъ, одинъ Господь; поэтому-то въ высшей степени славно и удобопріемлемо все то, что заявляетъ себя единствомъ; то лишь копіей оказывается единаго сего принципа. Итакъ исповѣдуя Единаго, церковь по самому существу своему должна быть едина; и раздѣленіе ея на безконечное множество церквей, что дѣлаютъ еретики, есть насиліе надъ ней; она нераздѣльна уже по силѣ индивидуальности своей природы. Она едина по субстанціи своей, по своей идеѣ, по принципу, по понятію о несравнимомъ ни съ чѣмъ своемъ превосходствѣ. Да, она—древняя каѳолическая церковь, — едина; всѣ члены ея стремятся ко взаимному единенію чрезъ одну и туже вѣру, опирающуюся на особенные, индивидуальной природѣ каждаго соотвѣтствующіе. съ нами Божіи завѣты;—ахъ я ошибся,—опирающуюся на одинъ и тотъ же со всѣми завѣтъ, хотя и пережившій различныя времена, но сохранившій свое нерушимое единство. Потому что по волѣ единаго Бога и единаго Господа завѣтъ тотъ постоянно собираетъ подъ свои знамена, приглашаетъ къ послушанію своимъ законамъ всѣхъ избранныхъ и предопредѣленныхъ Богомъ, еще прежде начала міра предузнанныхъ Богомъ въ качествѣ исполнителей Его правды. Но и возвышенность церкви, ни съ чѣмъ несравнимое ея превосходство, равно какъ и принципъ, дающій бытіе ей и въ силу котораго она образовалась, въ своемъ родѣ единственны; превосходя своимъ достоинствомъ и величіемъ всѣ существующія общества, она ничего на землѣ не знаетъ подобнаго себѣ или равнаго. Разсужденіе о семъ предметѣ мы отлагаемъ впрочемъ до другаго времени. Изъ ересей же однѣ носятъ имена своихъ основателей, какъ-то: Валентиніане, Маркіониты, Василидіане, хотя онѣ и хвастаются, будто слѣдуютъ въ своихъ мнѣніяхъ Матѳію. Грубая ложь! Ученіе всѣхъ Апостоловъ также едино какъ и преданіе (*), идущее отъ нихъ. Другія же изъ ересей называются по мѣсту своего происхожденія, напр. Ператики (**). Иныя же изъ нихъ именуются по народу, изъ котораго вышли; таковы Фригіяне (***). Иныя—по характеру жизни, которой отличались; таковы Энкратиты, или Воздержники (****). Нѣкоторыя изъ нихъ характеризуютъ себя исповѣдуемыми ими ученіями, или догматами; напр. Докеты (*****) и Айматиты, или Гематиты (******). Нѣкоторыя другія от-

(*) Намекъ на апокрифъ «Преданія Матѳія»; срав. Стром. VII, 13.

(**) Основателемъ этой секты былъ нѣкто Евфратъ изъ города Перы въ Киликіи. Онъ признавалъ трехъ боговъ, трехъ Логосовъ и три Святыхъ Духа.

(***) Т. е. изъ Фригіи; болѣе извѣстны подъ именемъ Катафригіянъ.

(****) Они воздерживались отъ брака, отъ мяса и проч.

(*****) По мнѣнію ихъ Христосъ Іисусъ имѣлъ тѣло призрачное.

(******) Извѣстны только изъ этого мѣста Климента. Въ чемъ состояла ихъ ересь, неизвѣстно.

мѣчаютъ себя своими заблужденіями и почитаніемъ предметовъ, относящихся собственно къ культу идольскому; таковы Каиниты (*) и Офиты (**). Иныя наконецъ обязаны своимъ именемъ безпутной своей жизни и наглости, какъ напр. ученики Симона, коихъ имя измѣнилось въ Энтихитовъ (***).

18. Различеніе въ Моисеевомъ законѣ животныхъ нечистыхъ отъ чистыхъ, имѣя смыслъ таинственный, можетъ быть приноровлено и къ Іудеямъ и еретикамъ, отдѣляющимся отъ церкви.

Для тѣхъ, которые желаютъ глубже проникнуть внутрь существа церкви, мы удовольствуемся здѣсь указаніемъ на постановленіе Моисеева закона, различающее животныхъ чистыхъ и нечистыхъ. Постановленіе это, имѣя смыслъ таинственный, пусть будетъ чѣмъ-то въ родѣ окна; смотря съ точки зрѣнія сего постановленія на еретиковъ и грубо понимающихъ Писаніе Іудеевъ, люди преданные церкви пусть не считаютъ ихъ принадлежащими къ ней. На этомъ пунктѣ мы и закончимъ сію книгу нашихъ «Строматъ».

Животныя, отрыгающія жвачку (*), имѣющія раздвоенныя копыта для жертвъ Богу чисты. Слѣдуя Писанію, нужно видѣть въ нихъ образъ праведниковъ, Богу угодныхъ. Вѣрою эти приходятъ къ Отцу и Сыну. Они отличаются непоколебимостью, неподвижностью (Евр. XII, 28), постоянствомъ; и днемъ и ночью они держатся святыхъ ученій (Пс. I, 2). Подобно тому какъ животныя, имѣющія раздвоенныя копыта, и днемъ и ночью пережевываютъ воспринятую ими въ особое вмѣстилище пищу: такъ и они воспринятыя ими ученія обращаютъ въ свою плоть и кровь. Когда Моисеевъ законъ говоритъ намъ, что животное жвачное для жертвы чисто, то онъ аллегорически хочетъ намъ указать чрезъ это именно на переработку нѣкоторыми вѣрными святыхъ ученій чрезъ познаніе, чрезъ гносисъ. Животныя же, не имѣющія двухъ этихъ или же хотя одной изъ двухъ этихъ, требуемыхъ закономъ, особенностей, отвергаемы Богомъ какъ нечистыя. Животныя жвачныя, но не имѣющія раздвоеннаго копыта, символически обозначаютъ собою Іудеевъ съ грубыми ихъ воззрѣніями на законъ; народъ сей, носясь въ устахъ съ словомъ Господнимъ, однакоже ни вѣры не имѣетъ, ни на посредство Сына, въ Себѣ воплотившаго истину жизни, не опирается; тогда какъ только Сынъ могъ бы привесть ихъ къ Отцу. Отсюда происходитъ, что народъ этотъ, не имѣющій двойной сей поддержки, проистекающей изъ вѣры, такъ легко спотыкается, что и на животныхъ замѣчается, не имѣющихъ раздвоеннаго копыта. Ибо *никто незнаетъ Отца*,

---

Изъ названія можно догадываться, что они употребляли въ пищу удавленину или мяса, посвященныя демонамъ; быть можетъ и человѣческую кровь.

(*) Явились ок. 159 г. по Р. Хр. Отличая Бога отъ Творца міра и считая сего виновникомъ зла, они чтили всѣхъ тѣхъ, кто враждовалъ противъ Диміурга, или Творца міра. А таковы были Каинъ, Исавъ, Корей, Содомляне, Іуда.

(**) Они чтили подъ видомъ змѣи мудрость. Змѣя де первая сообщила нашимъ прародителямъ познаніе о добрѣ и злѣ. Чтя ее, будто бы и Моисей слилъ золотое изображеніе ея и повѣсилъ на столпѣ, смотря на которое Израильтяне исцѣлѣвали. Самъ Христосъ, они говорили, признавалъ будто бы значеніе змѣи, говоря, что Сыну человѣческому подобаетъ вознесенну быть на древо, какъ Моисей вознесъ на оное змѣю въ пустынѣ. Въ память услугъ, оказанныхъ змѣей человѣчеству, они одинъ экземпляръ ея держали въ клѣткѣ; при совершеніи же своихъ молитвъ открывали дверь ея; животное выползало, всползало на столъ съ хлѣбами и кольцомъ обвивалось вокругъ нихъ; это и была ихъ жертва и евхаристія. О семъ у Оригена, Епифанія, Ѳеодорита, Тертулліана, Иринея и др.

(***) Они думали, что душа и оживляетъ собой тѣло только для собиранія съ сего міра разныхъ чувственныхъ удовольствій. Изъ древнѣйшаго корня сей секты впослѣдствіи произошли Клеобаны, Досиѳеяне, Горѳеняне, Масбоѳеи, Адріанисты, Энтихиты, Канисты.

(*) Дальнѣйшее заимствовано изъ св. Иринея V. 8.—Срав. Педаг. III, 11.

говоритъ Писаніе, *кромѣ Сына и того, кому Сынъ откроетъ Его* (Лк. X, 22). Съ другой стороны нечисты и тѣ животныя, которыя хотя и имѣютъ раздвоенныя копыта, но не имѣютъ способности пережевывать пищу. Этотъ разрядъ животныхъ собою изображаетъ еретиковъ, которые хотя и дѣйствуютъ во имя Отца и Сына, но къ тонкой надъ человѣкомъ работѣ церкви оказываются неспособными; *острія* его природы обращать *въ пути гладки* (Лк. III, 4) безсильны; къ этому и дѣла праведности они понимаютъ и исполняютъ грубо, невнимательно, такъ что только воображаютъ они, будто заняты дѣлами ихъ оправдывающими. Они не въ силахъ понять тонкаго значенія святыхъ ученій и сдѣлать изъ нихъ примѣненіе къ болѣе тонкимъ случаямъ и состояніямъ жизни. Къ нимъ и подобнымъ имъ обращено слово Спасителя: *Къ чему вы обращаетесь ко Мнѣ съ воззваніями: Господи, Господи и не творите Мной заповѣдуемаго вамъ* (Лк. VI, 46)? Что же касается до неимѣющихъ ни раздвоеннаго копыта, ни жвачки, то законъ объявляетъ ихъ сполна нечистыми.

Что же васъ касается, жители Мегары, говоритъ Θеогнисъ,
То вы ни по уму своему, ни по числу,
Не занимаете ни третьяго мѣста, ни четвертаго,
Ни двѣнадцатаго (*).

Что такое вы? *Прахъ, вѣтромъ возметаемый съ лица земли* (Пс. I, 4);—*капля воды въ звѣнящемъ мѣдномъ сосудѣ* (Ис. XL, 15).

Всѣ же эти разсужденія служили для насъ такъ сказать лишь введеніемъ къ обоснованію нашей вѣры раціональными доказательствами. Вѣрные разъ принятому на себя обязательству мы бѣгло и въ чертахъ лишь общихъ обозрѣли предметы нравственнаго нашего ученія. при чемъ для сокрытія священныхъ преданій отъ непосвященныхъ въ тайны нашей вѣры мы разсѣяли оныя по сочиненію тамъ и индѣ искрами способными возжечь свѣтъ истиннаго познанія, однакоже не во всякомъ кому бы оно ни попалось подъ руку. Теперь же обратимся къ обѣщанному нами разсужденію.

Сіи книги нашихъ «Строматъ» далеки отъ сходства съ тѣми благоустроенными садами, въ коихъ деревья и растенія для увеселенія глаза размѣщены линіями и въ извѣстномъ порядкѣ. Я охотнѣе сравнилъ бы ихъ съ густо поросшимъ деревами и оттого тѣнистымъ холмомъ, гдѣ вмѣстѣ растутъ и кипарисы и платаны и лавры и плющъ и яблони и маслины и смоковницы, гдѣ такимъ образомъ рядомъ съ растеніемъ безплоднымъ высится дерево и плодоносное. Къ чему же столь явный безпорядокъ въ семъ сочиненіи? Это сдѣлано для предохраненія его отъ рукъ хищныхъ, уносящихъ прекраснѣйшіе изъ плодовъ. Но пусть только войдетъ въ этотъ разсадникъ деревъ земледѣлецъ; пусть онъ выроетъ съ корнемъ любыя изъ нихъ и пересадитъ въ другую почву: тогда у него образуется изъ нихъ цвѣтущій садъ и восхитительная роща. Вотъ почему въ этихъ своихъ «Строматахъ» мы ни порядку никакому не слѣдовали, ни изящества словесныхъ выраженій не наблюдали, въ краснорѣчіе не вдавались. Не находятъ ли нужнымъ и сами Эллинскіе ученые иногда удалять изъ своихъ сочиненій всѣ словесныя украшенія и не излагаютъ ли своихъ ученій въ выраженіяхъ сжатыхъ и таинственныхъ, говорящихъ какъ будто совсѣмъ не о томъ, о чемъ хотятъ сказать? Это для того они дѣлаютъ, чтобы постоянно держать умъ и вниманіе читателей въ состояніи возбужденномъ. Подобно этому и для рыбъ есть вѣдь многочисленныя и разнообразныя прикормки, соотвѣтствующія разнообразію породъ ихъ. По окончаніи же сей седьмой книги нашихъ «Строматъ» въ послѣдующихъ своихъ разсужденіяхъ точкой отправленія мы изберемъ уже другое начало.

(*) По схоліасту Θеокрита, это—эпиграмма на Мегарянъ, сложенная изъ троестишія, полученнаго ими въ храмѣ Аполлона и отъ имени его въ отвѣтъ имъ на вопрошеніе ихъ. Между стихами же Θеогниса такихъ нѣтъ.

КНИГА ВОСЬМАЯ (*).

1. Изслѣдованія какъ философскія, такъ и богословскія всегда должны быть ведены такъ, чтобы они приводили къ чему либо положительному.

Мудрецы древнѣйшіе при своихъ изслѣдованіяхъ не приходили въ концѣ концовъ ни къ сомнѣнію ни къ сознанію безпомощности своего положенія. Тѣмъ менѣе должны приходить къ сему мы, христіане, твердо держащіеся философіи истинной. Писаніемъ на насъ даже прямо возлагается обязанность добиваться истины чрезъ развѣдываніе и разслѣдованіе, чтобы открыть наконецъ, въ чемъ и гдѣ она. Новѣйшіе же изъ мудрецовъ эллинскихъ, въ мечтательности о себѣ увлекаясь безсодержательнымъ и безконечнымъ стремленіемъ къ обманчивому и внѣшнему блеску и добиваясь возможности побахвалиться собой, въ вѣчныхъ своихъ спорахъ и сварахъ не идутъ дальше потѣшнаго балясничанья. Совсѣмъ иное зрѣлище представляетъ собою мудрость варварская. Духъ любопренія совершенно отвергая, она говоритъ: *Ищите, и найдете; стучите, и отворятъ вамъ; просите, и дано будетъ вамъ* (Мѳ. VII, 7; Лк. XI, 9). Рѣчь, посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ разслѣдующая истину и развѣдывающая о ней, какъ мнѣ кажется, стучитъ въ двери ея. И если преграда, собой затруднявшая усмотрѣніе истины, разъ пала, то начинается умозрительное постиженіе ея, уразумѣніе. Предъ тѣми посему, кто стучится со столь искренними расположеніями, думаю, что открывается и искомое. Тѣхъ, кои такъ относятся къ разслѣдованію Писанія, Богъ награждаетъ и священнымъ даромъ совершеннаго познанія и разумѣнія, что и составляетъ цѣль всѣхъ ихъ стремленій; разслѣдованіемъ предметъ онаго наконецъ освѣщается предъ умомъ всесторонне и во всей его полнотѣ. Найти невозможно не искавши. Искать же нельзя не разслѣдуя. А изслѣдованіе немыслимо безъ отстраненія запутанностей и разоблаченія отъ всѣхъ и всякаго рода покрововъ и прикрытій; разслѣдованіемъ предметъ обслѣдуемый долженъ быть ясно поставленъ предъ глазами. Невозможно наконецъ въ изслѣдованіяхъ двигаться впередъ и безъ воздаянія за труды, т. е. безъ вознагражденія познаніемъ истины, вызывавшей на самое изслѣдованіе. Итакъ всякій ищущій можетъ найти; но прежде чѣмъ искать чего нибудь, нужно быть убѣжденнымъ, что того не имѣешь. Тотъ, кто при своемъ стремленіи впередъ одушевляется святымъ и тонкимъ стремленіемъ къ красотѣ, пусть ея ищетъ честно, въ споры суетные не входя, закрывъ двери сердца своего для внушеній тщеславія, вопрошая и отвѣчая, взвѣшивая говоримое. Строгая послѣдовательность рѣшительно необходима не только при изученіи Божественныхъ Писаній, но даже при пріобрѣтеніи и самыхъ обыкновенныхъ познаній, если хотятъ чтобы изслѣдованіе довело ихъ до какого нибудь результата, польза котораго была бы не-

(*) Восьмая книга «Строматъ» не имѣетъ съ предшествующими никакой связи. Въ первыхъ семи книгахъ, при всѣхъ нарочныхъ отступленіяхъ отъ главнаго предмета, все-таки толкуется преимущественно о гностическомъ совершенствѣ и характеръ онѣ имѣютъ богословскій, по крайней мѣрѣ все сводится къ богословію; восьмая же книга «Строматъ», опираясь на Аристотелевы изслѣдованія, толкуетъ о различныхъ матеріяхъ логики и діалектики. Полагаютъ, что это отрывокъ изъ не дошедшихъ до насъ «Гипотипозъ» Климента, творенія, въ которомъ онъ, въ противуположность софистикѣ своего времени, предначерталъ логическій схематизмъ христіанства.

оспорима. Людей же, въ своихъ изслѣдованіяхъ не наблюдающихъ сей благоупорядоченности и потокъ праздныхъ ихъ измышленій, предоставляемъ мы слушать ордамъ людей, любящихъ трескотню и толкотню; для сего должна быть отведена и другая сцена. Другъ же и ученикъ истины не походитъ на нихъ. Онъ миролюбивъ; совершенно свободный отъ себялюбія въ своихъ стремленіяхъ научнымъ образомъ обосновать истину онъ руководится единственной страстью, однимъ лишь желаніемъ: умозрительно осязать истину, постигнуть и созерцать ее; это и будетъ для него познаніемъ ея.

2. Въ вопросахъ философскихъ и богословскихъ первымъ средствомъ къ пріобрѣтенію положительныхъ знаній служитъ точное опознаніе вещей, равно какъ и съ именами ихъ соединеніе понятій ясныхъ и опредѣленныхъ.

При самомъ же началѣ подобныхъ ученыхъ изслѣдованій методомъ наилучшимъ и очевиднѣе представляющимъ истину нужно счесть ясное опредѣленіе значенія того слова, изъ за коего идутъ пререканія, такъ чтобы всѣ говорящіе на этомъ языкѣ связывали съ нимъ опредѣленное и отчетливое понятіе. Такого безсмысленнаго слова напр. какъ blityri, ничего не значащуго и собой представляющаго сочетаніе лишь нѣсколькихъ членораздѣльныхъ звуковъ, въ доказательствахъ употреблять не полагается (*). И вотъ почему ни ораторъ ни философъ ни одинъ судья не почерпаетъ въ этомъ ничего не значущемъ словѣ доказательства за что или противъ чего нибудь (**); а равнымъ образомъ и изъ сторонъ на судѣ тяжущихся ни одна не съумѣетъ объяснить, что оно значитъ или опредѣлить смыслъ его; они знаютъ, что это слово не содержитъ въ себѣ ровно никакого смысла. Поэтому-то истинные философы изъ многихъ значеній слова стараются опираться лишь на такое, которое содержитъ въ себѣ дѣйствительную истину и притомъ непреложную. Итакъ о какомъ бы предметѣ кто ни вздумалъ разсуждать надлежащимъ образомъ или спорить, не къ иному началу долженъ возводить свою рѣчь и не на иномъ понятіи ее обосновывать какъ на непререкаемомъ, на томъ, которое всѣмъ народомъ, говорящимъ на томъ языкѣ, всей націей признается обозначаемымъ чрезъ то слово. Взявъ за исходный пунктъ это понятіе, за тѣмъ искать необходимо, данное слово дѣйствительно ли имѣетъ то значеніе, которое обыкновенно съ нимъ соединяютъ. Если бы это открылось, то тщательно за тѣмъ слѣдуетъ доискиваться, согласно ли то общепринятое значеніе слова, понятіе съ тѣмъ словомъ связываемое, согласно ли оно само съ собой, со своей природой и сущностію, не противорѣчитъ ли само себѣ, и сравнительно съ понятіемъ, какое мы рѣшили связывать съ даннымъ словомъ и коимъ это послѣднее мы ограничили, природа того понятія не содержитъ ли чего лишняго. Недостаточно объ изслѣдуемомъ предметѣ говорить въ выраженіяхъ общихъ, и притомъ опираться лишь на свое мнѣніе, потому что и противникъ вашъ со своей стороны можетъ противупоставить тотъ же произволъ; должно сказанное удостовѣрять и утверждать доказательствами. Потому что если споръ обоихъ противниковъ возводимъ былъ бы къ какому либо положенію и принялъ бы за точку отправленія такое, которое одинаково возбуждало бы собой сомнѣніе и въ той и въ другой изъ состязающихся сторонъ, то преніе могло бы продолжаться въ безконечность и, принявъ характеръ неопредѣленный, не привесть ни къ какому результату. Если же преніе напротивъ возводимо къ чему либо доподлинно извѣстному и не подлежащему оспоренію, всѣми признаваемому и ни въ комъ не возбуждающему собой сомнѣнія и если собою оно подтверждаетъ предварительное положеніе еще сомнительнаго достоинства, тогда это по-

(*) По свидѣтельству Діогена Лаэрція въ «жизни Зенона» слово это было образцомъ слова не имѣющаго смысла. По Свидѣ оно служило приговоркой, такъ сказать затычкой, и вставлялось въ рѣчь или предложеніе просто для закругленія ихъ тамъ, гдѣ другаго слова не находили вдругъ.

(**) Никто посему и не спрашивалъ, что значитъ слово blityri; никому не приходило и на мысль объяснять его или опредѣлять.

слѣднее можетъ быть признано за существенный, одинъ изъ коренныхъ и важнѣйшихъ пунктовъ ученія. Итакъ какую бы мысль, какое бы понятіе вы ни доказывали, слѣдуетъ основывать то на положеніи, на утвержденіи подлинномъ, недвуличномъ и несомнѣнномъ, которое признавалось бы и той и другой изъ заинтересованныхъ и принимающихъ участіе въ спорѣ сторонъ, для обѣихъ было бы очевидно: положеніе то имѣетъ назначеніемъ служить вѣдь элементомъ, однимъ изъ исходныхъ пунктовъ и принципомъ руководственнаго къ дальнѣйшему изслѣдованія; слѣдуетъ посему особенно о томъ заботиться, чтобы оно было ясно мысли изслѣдователей, такъ чтобы свѣтъ отъ него изливался и на доказательства въ пользу истинъ еще искомыхъ, слѣдимыхъ и имѣющихъ соотношеніе съ главнымъ принципомъ. Положимъ напр., что предметомъ, подлежащимъ нашему изслѣдованію, будетъ солнце. Стоиками оно опредѣляется такъ: «Это есть факелъ, питаемый морскими волнами и одаренный разумомъ». Но это опредѣленіе существа солнца темнѣе слова опредѣляемаго и сказывающаго о природѣ его. Для подтвержденія своей истинности и чтобы стать содержательнымъ, оно само нуждается посему въ разъясненіяхъ. Не лучше ли итакъ будетъ для полученія такого несомнѣннаго и рѣшительнаго положенія примкнуть къ общераспространенному простому и для всѣхъ понятному мнѣнію, что солнце есть блистательнѣйшее изъ свѣтилъ небесныхъ? Это опредѣленіе, какъ я думаю, вѣры достойнѣе, удобопонятнѣе и для всѣхъ удобопріемлемѣе.

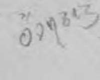
3. Вторымъ средствомъ къ пріобрѣтенію положительныхъ знаній служитъ доказательство. Отличіе его отъ силлогизма.

Всякій равнымъ образомъ конечно и съ тѣмъ согласенъ будетъ, что доказательство съ здравымъ разумомъ согласно, когда пунктъ сомнительный и спорный подтверждается положеніями, разъ уже признанными за вѣрныя и считаемыя неоспоримыми. Но не только доказательство, вѣра и познаніе, а и положенія принципіальныя, аксіоматическія могутъ быть двухъ родовъ: одни изъ нихъ научныя и непреложныя; другія же лишь искомыя, ожидаемыя, зиждущіяся до времени только на надеждѣ. Доказательствомъ, имѣющимъ полную законную силу, называется такое, которымъ въ душѣ слушателя насаждается вѣра научная, представляющая изъ себя знаніе разумное и связное; всѣ же остальныя доказательства суть только кажущіяся и неподлинныя, ибо основываются лишь на предположеніяхъ и мнѣніяхъ. Тоже самое нужно сказать и о человѣкѣ. Истинный человѣкъ есть только тотъ, который владѣетъ общечеловѣческимъ здравымъ разумомъ; другіе же всѣ походятъ больше на дикарей или на звѣрей. И вотъ почему комическій поэтъ пишетъ: «Человѣкъ есть животное премилое, доколѣ остается дѣйствительнымъ и истиннымъ человѣкомъ» (*). То же самое нужно сказать и о волѣ, лошади, собакѣ, т. е. что они совершенны лишь потолику, поколику имъ присущи добрыя и благородныя качества, свойственныя каждому изъ этихъ видовъ животныхъ; при ослабленіи же этихъ свойствъ, и совершенство индивидуумовъ, входящихъ въ виды, умаляется. Что дѣло именно въ воплощеніи началъ высшихъ и существенныхъ, это открывается напр. и изъ слѣдующаго. Обращая вниманіе на видовыя совершенства, мы останавливаемъ свое вниманіе лишь на тѣхъ качествахъ, которыя приближаются къ идеальнымъ. Такъ подъ врачомъ мы разумѣемъ человѣка, который все знаетъ, какъ нужно лѣчить; подъ мудрецомъ истиннымъ (гностикомъ) мы разумѣемъ носителя цѣлой системы знаній, представляющей изъ себя полную и стройную совокупность истинъ опытныхъ и умозрительныхъ. Отъ силлогизма же доказательство отлично. Доказываемое въ доказательствѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и разъясняется; доказываемое и разъясняемое здѣсь одно и

(*) Плутархъ приписываетъ этотъ стихъ Менандру, а Стобей Эсхилу.

γένος

тоже, взаимно сливаются. Такъ беременность есть доказательство, что женщина болѣе не дѣвушка. Въ силлогизмѣ же напротивъ хотя и излагается также одно какое либо понятіе, но оно сопровождается многочисленными доказательствами. Такъ напр. возьмемъ хотя бы такое положеніе: «Пюѳонъ предалъ Византіянъ». Для разъясненія виновности Пюѳона недостаточно сего одного положенія, но требуются многочисленныя того доказательства. Оканчивать признаваемое вашимъ противникомъ, дѣлать выводы изъ того, это будетъ «строить силлогизмъ»; дѣлать же заключенія, или выводы, изъ положеній, предварительно признанныхъ за истинныя, это значить «доказывать». И вотъ почему доказательство преимуществуетъ предъ силогизмомъ двумя выгодами: однимъ изъ этихъ преимуществъ состоитъ то, что отъ признаваемаго уже за истинное и безспорное дѣлается наведеніе къ истинѣ еще искомой; другое же то, что выводъ сей относительно искомой истины имѣетъ съ положеніемъ безспорнымъ соотношеніе по существу дѣла и непосредственное. Если же такого безспорнаго положенія предварительно вами не предпоставлено, т. е. если слѣдствіе выводите вы хотя и правильно, но изъ посылокъ ошибочныхъ, то вмѣсто твердаго доказательства вы составляете только силлогизмъ. Еще нѣчто: силлогизмъ состоитъ единственно въ законности заключенія и согласіи его съ посылками. Доказательство же—въ законности самыхъ посылокъ. Если каждое изъ предшествующихъ положеній вы сдѣлали осязательнымъ и неоспоримымъ, то значитъ вы разсуждали уже не силлогистически, а прямо и вполнѣ свою тему доказали. Заключать, какъ показываетъ уже самое это слово, значитъ кончать, т. е. доводить рѣчь до конечной точки. А конечнымъ пунктомъ всякаго спора состоитъ искомый предметъ; заключеніе называется оттого еще рѣшеніемъ вопроса, концомъ дѣла. Никакое простое и первое попавшееся подъ руку положеніе не называется силлогизмомъ, хотя бы оно и было истиннымъ. Силлогизмъ слагается по крайней мѣрѣ изъ трехъ частей; первыя



двѣ принимаются за леммы (*), третья же въ качествѣ слѣдствія.

Все должно быть доказываемо, или же нѣкоторыя вещи уже и сами въ себѣ носятъ доказательство за себя? Вѣрно ли первое положеніе? Требуя доказательствъ на всякое положеніе, мы вдаемся въ безконечность, при чемъ оказывается, что удовлетворительнаго доказательства мы все - таки найти не въ состояніи. Если же вѣрно второе положеніе, что нѣкоторыя истины уже въ себѣ самихъ содержатъ за себя доказательство, то значитъ онѣ могутъ служить основой, исходнымъ пунктомъ, принципами для другихъ доказательствъ. Всѣ философы согласны въ томъ, что никакое изъ положеній первоначальныхъ не поддается нашимъ доказательствамъ. Слѣдовательно если приводится доказательство, то значитъ уже самой необходимостью требуется, чтобы прежде того существовало нѣчто, само по себѣ заслуживающее вѣры. Это нѣчто называется положеніемъ первоначальнымъ и доказательствъ не требующимъ,—принципомъ, отъ котораго не отступаютъ. Итакъ всякое доказательство въ концѣ концовъ возводится къ нѣкоему положенію, принимаемому на вѣру и доказательствъ не требующему. Кромѣ сего источника для открытія истины, кромѣ вѣры въ положенія, доказательствъ не требующія, есть еще источники, изъ коихъ мы можемъ заимствовать доказательства; это—очевидность, являющаяся таковою какъ нашимъ чувствамъ, такъ и созерцательной дѣятельности нашего разсудка. Предметы, предносящіеся нашимъ чувствамъ, внутреннему и внѣшнимъ, просты и неразложимы. Но и предметы, нами въ своемъ умѣ и здравомъ смыслѣ открываемые, тоже такъ сказать до прозаичности извѣстны всѣмъ и всѣми вѣдомы; они стихійны, первоначальны, просты. Понятія, слагающіяся на двухъ этихъ путяхъ, хотя и сложны, тѣмъ не менѣе очевидны, до-

(*) Въ качествѣ такихъ предварительныхъ положеній, которыя принимаются за тѣмъ только, чтобы впослѣдствіи они могли служить точками опоры для вывода.

стовѣрны и сравнительно съ первыми, т. е. принимаемыми на вѣру, отличаются характеромъ уже раціональнымъ. На разумѣ, той благородной способности, которой мы преимуществуемъ предъ всѣми другими существами природы, лежитъ обязанность судить о томъ, что послѣдовательно, согласно съ тѣми принціальными положеніями и что несогласимо. Итакъ если какой мыслительный процессъ идетъ такимъ образомъ, что авторитетностью положеній уже достовѣрныхъ поддерживаются и подтверждаются другія положенія, которыя еще не вызвали вѣры въ себя, то въ этомъ уже предлежитъ намъ сущность доказательства; мы уже какъ бы получаемъ оное въ руки.

Но нами уже установлено, что какъ вѣры, такъ и доказательствъ есть два вида: вслѣдствіе одного изъ нихъ въ душѣ слушателя образуется убѣжденіе, коимъ онъ и довольствуется; другой же видъ доказательствъ служитъ источникомъ познаній. Поэтому если кто за исходную точку для своего мышленія взялъ бы положенія и для его чувствъ и для разума очевидныя, и потомъ вывелъ бы изъ нихъ сообразныя заключенія, то чрезъ это самое извѣстную истину онъ уже и доказалъ бы въ полномъ смыслѣ этого слова. Если же кто останавливается на почвѣ лишь произвольныхъ человѣческихъ мнѣній, не возвышаясь до принциповъ, или положеній первоначальныхъ, т. е. если вы ограничиваете свое мышленіе сферой лишь такихъ предметовъ, кои ни внѣшнимъ вашимъ чувствамъ и чувству внутреннему не могутъ подлежать, ни для разума не очевидны, то вы въ состояніи строить силлогизмы, даже и очень строгіе, но съ доказательствомъ научнымъ, образцово-стройнымъ, правильнымъ и послѣдовательнымъ, притомъ же до ясности опредѣлительнымъ, вы не будете имѣть дѣла никогда. Если своими корнями ваше мышленіе утверждается не на томъ, что въ васъ самихъ, что такъ сказать у васъ дома, а на томъ, что произвольно, то вы и разсуждать то значитъ неспособны, ни силлогизмомъ строить вы не въ правѣ: у васъ нѣтъ леммъ, посылокъ, матеріала для того. Итакъ доказательство сводится не къ иному чему какъ къ разложенію извѣстнаго положенія на понятія простыя, къ анализу. Каждое изъ доказываемыхъ положеній доказуемо чрезъ доказуемое же другое положеніе и предварительно на самомъ дѣлѣ дѣйствительно доказанное; и такъ, поднимаясь со ступени на ступень, мы доходимъ до положеній, которыя сами по себѣ достовѣрны или же до того, что подлежитъ нашимъ внѣшнимъ и внутреннему чувствамъ и разумомъ постигается. Анализъ въ этомъ именно и состоитъ. Доказательство же состоитъ въ томъ, что отъ положеній первоначальныхъ, отъ принциповъ, чрезъ всѣ положенія посредствующія, къ спорному вопросу или положенію нисходятъ.

Итакъ, обращаясь къ человѣку, одаренному и владѣющему способностью разсуждать, мы говоримъ: Старайтесь первѣе и болѣе всего объ истинности вашихъ леммъ, или посылокъ, о реальной содержательности ихъ, правдивости, вѣрности ихъ существу вещей и дѣла; въ пустоумничаньи же и пустовяканьи что за толкъ? Называйте оное какъ хотите: аксіомами (самоистинами), посылками первой, второй: цѣна тому будетъ одна и таже. А равнымъ образомъ будьте и въ своихъ выводахъ весьма осторожны. И здѣсь пустоплесью словъ также не придавайте ни малѣйшаго значенія. Что за важность въ томъ, назовете ли вы свое заключеніе конечнымъ выводомъ или заключительнымъ слѣдствіемъ или силлогизмомъ, т. е. умозаключеніемъ? Кто пытается что либо доказывать, тотъ принимаетъ на себя и обязанность строго наблюдать оба эти только что названныхъ пункта: тотъ долженъ постановлять положенія только суще-правдивыя и дѣлать выводы по наведенію. Наведеніемъ же называется усмотрѣніе частнаго въ общемъ; какой бы вопросъ ни обсуждали вы, въ предшествующемъ принципіальномъ положеніи должно уже содержаться разрѣшеніе и даннаго вопроса. А если такимъ образомъ онъ уже входитъ въ составъ сужденія, то для утвержденія чего либо значитъ стоитъ лишь вывесть то изъ предварительнаго принципіальнаго положенія. Но такъ какъ принципіальныя положенія бываютъ различныхъ сор-

товъ, то слѣдуетъ отправляться изъ положенія, которое имѣетъ отношеніе къ природѣ даннаго вопроса и притомъ такого, которое всѣми признается за истинное и оспоренію не подлежитъ. Причина, по которой должно поступать такъ, весьма простая. Если возьмете вы за исходную точку своихъ разсужденій такія предварительныя положенія, которыя къ данному вопросу отношенія не имѣютъ, то истины никогда не откроете, такъ какъ ускользаетъ у васъ изъ рукъ вся задача отысканія неизвѣстнаго по данному, вся проблемма и то, что называется ситуаціей положенія вопроса. Итакъ во всякаго рода разслѣдованіяхъ есть данныя извѣстныя съ самаго начала,—такія, которыя сами по себѣ вполнѣ достовѣрны, а потому удобопріемлемы и безъ всякихъ доказательствъ. Имъ должно быть свойственно двоякое назначеніе: они должны служить исходнымъ пунктомъ изслѣдованія, и потомъ критеріемъ того, что открыто нами.

4. При разъясненіи всякаго вообще вопроса слѣдуетъ начинать съ опредѣленія предмета, о коемъ идетъ рѣчь, дабы избѣжать двусмысленности, часто представляемой терминами.

Всякое изслѣдованіе возникаетъ изъ какого либо предшествующаго познанія. Слѣдуетъ значитъ признать, что познаніе существуетъ ранѣе изслѣдованія, какого бы рода вопросъ ни подлежалъ оному. И это предварительное познаніе объ изслѣдуемомъ предметѣ бываетъ такого сорта, что иногда имѣютъ только ключъ къ предмету, къ субстанціи, къ существу его, знаютъ лишь принципъ его, незная всѣхъ акциденцій, состояній или соотношеній. Это имѣетъ приложеніе напр. къ камнямъ, растеніямъ, животнымъ, дѣятельныя состоянія которыхъ отъ насъ ускользаютъ. То незнаемъ мы ощущеній ихъ, то особенностей или—короче сказать—безотвѣтны на тотъ или иной вопросъ, того касающійся, что совершается внутри ихъ. То знаемъ мы какую нибудь одну изъ особенностей, характеризующихъ извѣстную субстанцію, какое либо одно изъ ощущеній ея или подобныхъ свойствъ. Такъ напр. желанія и ощущенія собственной своей души мы знаемъ, сущность же ея намъ неизвѣстна и знанія ея мы только добиваемся. Во многихъ случаяхъ, установивъ свои воззрѣнія и на субстанцію и на акциденціи, умъ однакоже изслѣдуетъ, какой изъ субстанцій могутъ приличествовать эти различныя состоянія. Мы приступаемъ къ изслѣдованію, составивши въ своемъ умѣ понятіе о томъ и другомъ, какъ о субстанціи предмета, такъ и о свойствахъ его. Но есть и такіе предметы, коихъ ощущенія намъ совершенно неизвѣстны, хотя въ тоже время мы знаемъ какъ дѣятельныя состоянія ихъ, такъ и субстанцію. Итакъ вотъ методъ, который ставитъ насъ на путь, ведущій къ обрѣтенію истины. Начинать слѣдуетъ съ обстоятельнаго и всесторонняго опознанія даннаго вопроса, ибо не разъ уже происходило, что формы словеснаго выраженія были настолько обманчивы, что умъ не въ состояніи былъ различать, о какомъ собственно предметѣ идетъ рѣчь. Таковъ напр. вопросъ: Животное, содержащееся въ маткѣ, есть животное или нѣтъ(*)? Зная, что должно разумѣть подъ животнымъ; а равнымъ образомъ имѣя нѣкоторое представленіе и о зародышѣ, заключенномъ въ маткѣ, мы спрашиваемъ самихъ себя: Подходитъ ли понятіе о животномъ къ субстанціи, содержащейся еще въ маткѣ, т. е. въ состояніи ли она двигаться и чувствовать? Потому что представленіе о дѣятельныхъ состояніяхъ извѣстной субстанціи и ея пассивныхъ состояніяхъ, напр. ощущеніи, должно находиться въ соотвѣтствіи съ ея сущностью. Итакъ у того, кто поставилъ данный вопросъ, при самомъ же началѣ изслѣдованія слѣдуетъ спросить: Что вы называете животнымъ? Пріемъ этотъ особенно необходимъ тогда, когда извѣстное слово употреблялось бы въ различныхъ значеніяхъ; въ такомъ случаѣ тщательно должно разслѣдовать: не проистекаетъ ли сомнѣніе отъ обоюднаго значенія слова и всѣ ли связываютъ съ тѣмъ словомъ ясное и отчетливое, не подлежащее оспоренію значеніе. Если соперникъ вашъ отвѣтитъ, что подъ животнымъ онъ разумѣетъ

(*) Мнѣнія о семъ философовъ передаетъ Плутархъ въ «De placitis philosophorum.» V, 15.

все, что растетъ и питается, то мы спросимъ его снова: Не включаете ли вы въ число животныхъ и растенія (*)? Если онъ допуститъ этотъ пунктъ, то нужно будетъ выяснить, къ какому же царству, по его мнѣнію, принадлежитъ зародышъ, содержащійся и развивающійся въ маткѣ. Платонъ (**) дѣйствительно причисляетъ къ животнымъ и растенія, потому что—какъ говоритъ онъ—они болѣе всего имѣютъ сродство съ третьимъ видомъ души, душою растительной. Аристотель (***) держится мнѣнія, что въ одно и тоже время имъ свойственна и душа растительная и питающая; но онъ не хочетъ называть ихъ животными; это имя онъ оставляетъ исключительно за существами, одаренными второй изъ этихъ душъ, а именно чувствующей. Что же касается Стоиковъ, то они растительной силы не называютъ душою (****). Если тотъ, кто поставилъ этотъ вопросъ, будетъ отрицать тождественность растеній съ животными, то мы ему докажемъ, что онъ самъ себѣ противорѣчитъ. Съ одной стороны называя животное существомъ питающимся и развивающимся, а съ другой объявляя, что растеніе не есть животное, онъ не другое что, а какъ будто такъ говоритъ: «Существо развивающееся и питающееся есть животное и не есть». Пусть же онъ объяснится, чего онъ хочетъ; какую цѣль преслѣдуетъ при такомъ своемъ опредѣленіи животнаго? Хочетъ ли онъ внушить намъ, что зародышъ, заключенный въ маткѣ, развивается въ ней и питается или же онъ хочетъ доказать, что онъ принимаетъ участіе въ движеніи и способности чувствовать? По Платону и въ самомъ дѣлѣ растеніе имѣетъ душу и есть подлинно животное. По Аристотелю же напротивъ растеніе хотя и одушевлено, но не есть еще животное, потому что ему недостаетъ способности чувствовать; а животное, по его мнѣнію, есть существо одушевленное, одаренное способностію чувствовать. Обращаемся мы къ Стоикамъ и они отвѣчаютъ намъ: Растеніе не одушевлено и не есть животное, ибо животное есть существо одушевленное. Значитъ, если животное есть существо одушевленное, а душа одарена способностію чувствовать, то очевидно, что существо одушевленное необходимо одарено способностію чувствовать. Тому, кто поднялъ вопросъ о семъ, теперь посему скажемъ мы: Итакъ животное, заключенное въ маткѣ, вы продолжаете ли называть такъ, т. е. животнымъ потому только, что оно питается и растетъ? Съ этихъ поръ вы уже получили отвѣтъ. Если же мой противникъ возразитъ мнѣ: Я не объ этомъ спрашивалъ; я хотѣлъ узнать только: Способенъ ли зародышъ чувствовать и возбуждаться какимъ либо желаніемъ или склонностію? Такъ какъ въ этихъ выраженіяхъ нѣтъ болѣе никакой двусмысленности, то дѣло теперь въ томъ, чтобы открыто изслѣдовать этотъ вопросъ.

Если противникъ вашъ останется нѣмъ къ отвѣту на всѣ обращенные къ нему вопросы; если онъ упрямо отказывается объяснить, какой смыслъ связываетъ съ употребленными имъ выраженіями или какое существо онъ называетъ именемъ животнаго, когда ставитъ такъ вопросъ; и если окажется, что все это онъ за тѣмъ только дѣлаетъ, чтобы произвесть между нами несогласіе и раздѣленіе: въ такомъ случаѣ значитъ, это человѣкъ любящій распри и споры. Есть два способа оспаривать какой либо вопросъ: первый слѣдитъ свою цѣль вопросами и отвѣтами; второй вдается въ подробности, которыя онъ и обозрѣваетъ отъ точки до точки. Если нашъ противникъ отклоняетъ первый изъ двухъ этихъ методовъ, то пусть послушаетъ насъ, какъ во всѣхъ его различныхъ развѣтвленіяхъ данный вопросъ, (а по образцу сему и другіе) изслѣдуемъ мы. А когда мы кончимъ, можетъ всѣ пункты, касающіеся этого предмета, обсудить и онъ.

(*) И изъ славнѣйшихъ философовъ нѣкоторые утверждали это, напр. Пиѳагоръ, Анаксагоръ, Демокритъ, Эмпедоклъ.

(**) Въ «Тимеѣ».

(***) Въ кн. II-й «De anima», гл. 3, 4.—Ethic. ad. Nic. I, 13.

(****) Галенъ въ кн. IV-й объ ученіи Гиппократа и Платона.—Срав. также въ комментаріяхъ на Эпиктета.

Еслиже онъ будетъ стараться прервать споръ вопросами, то дастъ тѣмъ очевидное доказательство, что ничего не хочетъ онъ ни слушать ни знать. Но положимъ, что онъ предпочтетъ отвѣчать намъ. Тогда первѣе всего мы спросимъ его: «Какому существу вы даете имя животнаго»? Когда онъ объяснитъ намъ это, мы снова спросимъ его: «Что разумѣете вы подъ зародышемъ, заключеннымъ въ маткѣ? Есть ли это существо съ членами уже развитыми и которое можетъ быть названо живымъ животнымъ? Или есть это одно изъ тѣхъ существъ, составныя части которыхъ находятся еще въ элементарномъ видѣ, масса едва только обрисованная, которая въ медицинѣ называется ембріономъ»? Когда и это антагонистъ нашъ объяснитъ намъ, можно будетъ сдѣлать нѣкоторое заключеніе, и на предложенный вопросъ пролить нѣкоторый свѣтъ. Еслиже потребуетъ онъ, чтобы мы вели свое разсужденіе его не спрашивая, то мы обратимся къ нему со слѣдующими словами: «Такъ какъ вы не рѣшились отвѣчать намъ, въ какомъ смыслѣ предлагаете данный вопросъ, то не добиваясь смысла я прямо углублюсь въ вашъ вопросъ и отвѣчу вамъ: Знайте, что вашъ вопросъ равносиленъ такому: «Собака есть ли животное»? Я имѣю право спросить васъ: «О какой собакѣ говорите вы? Есть собаки на сушѣ; есть морскія собаки—акулы; есть небесное созвѣздіе, Собакой (Песъ) именуемое; есть философы — собаки, Діогенъ напр; есть много и другихъ собакъ; о какихъ собакахъ вы спрашиваете меня? Обо всѣхъ ихъ или объ одной какой изъ нихъ? Не могу я этого угадать. Потому объяснитесь точнѣе: о чемъ собственно вы спрашиваете меня, такъ какъ все равно послѣ моего отвѣта вамъ вы принуждены же будете сдѣлать это. Если же вы прибѣгаете къ словесному крючкотворству, то для всякаго очевидно, что слово «зародышъ» не есть ни животное, ни растеніе, а имя, членораздѣльный звукъ, тѣло, субстанція, нѣкоторая вещь, все въ мірѣ скорѣй и наконецъ, только не животное. Это ли была цѣль вашего вопроса? Если эта, то я отвѣтилъ вамъ. По смыслу, какой содержится въ словѣ «зародышъ», онъ не есть животное; это безтѣлесная субстанція; можно назвать ее нѣкоторой вещью, понятіемъ, всѣмъ въ мірѣ наконецъ, только не животнымъ. Природа различныхъ значеній слова «животное» совершенно отлична отъ природы того животнаго, о которомъ главнымъ образомъ идетъ рѣчь въ вопросѣ. Значитъ другой стороной вопроса будетъ такая: Что такое природа животнаго? Въ этомъ случаѣ я разсуждаю такъ: Если животнымъ вы называете все, что способно чувствовать и двигаться въ силу свойственнаго ему желанія, то животное есть не просто все то, что можетъ чувствовать и двигаться по желанію, потому что оно можетъ также спать или не чувствовать ощущаемыхъ предметовъ за отсутствіемъ ихъ. Способность двигаться по желанію природою дана была животному въ качествѣ отличительнаго признака, по коему и узнается оно Отсюда возникаютъ слѣдующія соображенія. Зародышъ не способенъ ли двигаться по желанію и чувствовать? Это первый вопросъ, подлежащій разрѣшенію. Вторымъ же состоитъ слѣдующій: «Зародышъ можетъ ли когда чувствовать и питаться, не побуждаемый къ тому желаніемъ»? Здѣсь ничего нѣтъ обоюднаго; дѣло говоритъ само за себя. Вы насъ спрашивали: Зародышъ есть ли животное или онъ только растеніе? Чтобы не допустить какой либо двусмысленности въ разсужденіи, мы опредѣлили слово «животное». Потомъ по открытіи, что существо это, одарено будучи чувствительностію и движеніемъ, ничѣмъ не отличается отъ животнаго, мы отличили его отъ существъ похожихъ на него или къ нему близкихъ, сказавъ, что есть разница между существомъ, располагающимъ только возможностію двигаться и чувствовать, но воспользоваться ею имѣющимъ лишь въ будущемъ и существомъ, которое уже располагаетъ всѣмъ сказаннымъ на самомъ дѣлѣ. Способность уже дѣйствующая и способность могущая дѣйствовать, но до поры до времени еще спящая или дремлющая различны въ самомъ существѣ своемъ. Въ этомъ-то и заключался весь вопросъ. Ибо изъ того, что заро-

дымъ питается, вовсе еще не слѣдуетъ, что онъ есть животное, если только не желаемъ сами мы стать въ ряды тѣхъ людей, которые пренебрегаютъ сущностію вещей, обращая все вниманіе на признаки лишь случайные.

Всякій разъ, какъ домогаются обрѣсть что либо, посему необходимо должно предлежать что либо, ранѣе того ясно извѣданное, т. е. послѣдовательный рядъ сужденій, которыя цѣлымъ рядомъ вещей ранѣе опознанныхъ объявляли бы вещь еще не открытую. Изслѣдователь долженъ сознать и познать это ранѣе извѣданное; тогда сдѣлается для него осязательно-яснымъ и предметъ искомый. Убѣдительнѣйшимъ изъ всѣхъ посредствъ въ отысканіи какой либо новой истины состоитъ очевидность для чувствъ и ума; изъ этихъ-то элементовъ и слагается первое посредство, или способъ къ открытію какой либо новой истины, или такъ называемое первое доказательство. Посредство, образованное изъ элементовъ перваго, приводитъ къ заключенію уже отличному отъ перваго; однакоже и это послѣднее вѣры заслуживаетъ не меньшей, чѣмъ и предыдущее, хотя и не можетъ быть названо первымъ, потому что выводится изъ предварительныхъ положеній (пресумпцій) не непосредственно. Итакъ разность, могущая возникнуть касательно изслѣдуемыхъ вопросовъ, бываетъ трехъ видовъ. Мы сказали уже о первомъ видѣ разностей, или разногласій, т. е. случаѣ, когда извѣстна сущность, но неизвѣстно какое либо изъ дѣятельныхъ ея состояній, или отношеній, или—что тоже—движеній. Вторая разность, которою могутъ сопровождаться изслѣдованія одного сравнительно съ изслѣдованіями другаго, это когда мы зная дѣятельныя состоянія, внутреннія движенія предмета, или его соотношенія, тѣмъ не менѣе незнаемъ сущности, какъ напр.: «Въ тѣлѣ человѣка гдѣ имѣетъ пребываніе управляющая имъ душа»?

5. Образецъ доказательства, ниспровергающаго сомнѣніе скептиковъ касательно возможности знать истину.

Тотъ же самый пріемъ наблюдается при разборѣ и опроверженіи и слѣдующаго положенія. Нѣкоторые ученые утверждаютъ, что «субстанція животнаго не можетъ заключать въ себѣ началъ больше одного». Нѣсколькихъ или многихъ началъ однородныхъ или родственныхъ идея животнаго безъ сомнѣнія содержать въ себѣ не можетъ; это и мы допускаемъ охотно. Но въ принятіи для животнаго нѣсколькихъ разнородныхъ началъ, объединяемыхъ его животной субстанціей, нелѣпаго и противорѣчущаго здравому смыслу нѣтъ ничего.

Или возьмемъ для образца скептическое ко всѣмъ вообще ученіямъ отношеніе Пирронянъ, находящихъ безполезными всѣ и всякаго рода разсужденія, потому де что ничего въ семъ мірѣ нѣтъ твердаго и непреложнаго (*). Если приложить къ сей теоріи Пирронянъ ея же принципъ, то откроется, что чрезъ оный лишаетъ она достовѣрности себя же саму, себя подрываетъ и упраздняетъ. Итакъ она должна допустить одно изъ двухъ: или есть нѣчто истинное, и тогда слѣдовательно нѣтъ основаній сомнѣваться въ возможности добраться сужденіемъ до истины касательно той или иной вещи, или предмета. Или же она должна настаивать,

(*) Отъ самого Пиррона письменнаго ничего не осталось, а со словъ ученика его Асканія Абдеритянина Діогенъ Лаэрцій въ кн. IX-й о Пирронѣ пишетъ слѣдующее: «Это онъ былъ измыслителемъ ученія, что ни о чемъ не нужно и не льзя судить съ опредѣлительностію, ни на понятіяхъ опредѣленныхъ останавливаться не слѣдуетъ. Онъ утверждалъ, что нѣтъ ни абсолютно честнаго ничего и достопочтеннаго, ни постыднаго и гнуснаго, ни справедливаго безусловно ни несправедливаго. Точно такъ же онъ училъ и о всемъ остальномъ; ничего будто бы нѣтъ истиннаго, а все или въ силу закона или въ силу обычая въ жизнь человѣческую вошло. Согласно съ этимъ и въ жизни онъ заявлялъ себя: ни къ чему не склонялся и ни отъ чего не уклонялся. Колесница напр. если встрѣчалась ему на дорогѣ, онъ не сворачивалъ; рытвина, ея не обходилъ; собаки, ихъ не опасался; чувствамъ своимъ онъ не довѣрилъ. Если и цѣлъ оставался при семъ, то единственно благодаря слѣдовавшимъ за нимъ друзьямъ».

что истины найти невозможно и ея нѣтъ; въ такомъ случаѣ и первѣе всего становится очевиднымъ. что и сама она, эта теорія, неистинна. Средины нѣтъ: эта теорія или неложна или же неистинна. Если она говоритъ истину, то значитъ вопреки своей волѣ признаетъ, что все-таки нѣчто истинное въ мірѣ есть. Если же она лжетъ, то значитъ оставляетъ во всей ихъ цѣлости и неприкосновенности истины, кои хотѣла заподозрить. Въ самомъ дѣлѣ, съ того самаго момента, какъ извѣстная и какая либо теорія, предъявивъ притязанія на ниспроверженіе истины, уличается во лжи, истина, которую та теорія хотѣла помрачить, возвращаетъ себѣ обновленную жизнь, начинаетъ сіять прежнимъ блескомъ. Это на то походитъ, какъ если бы Морфей утверждать сталъ лживость всѣхъ вообще сновъ: чрезъ то свидѣтельствовалъ бы онъ о недѣйствительности и своего собственнаго существа. Подрывая саму себя, Пирроновская та теорія лишь утверждаетъ цѣнность остальныхъ. Однимъ словомъ, если эта теорія истинна, то пусть она свой-же собственный принципъ приложитъ къ себѣ самой, усумнившись въ достовѣрности не инаго чего либо, а первѣе всего въ самой себѣ, въ достовѣрности того, что сама она утверждаетъ. Если же она свои сомнѣнія простираетъ на предметы лишь посторонніе, то чрезъ это самое она ратуетъ противъ себя самой.—Потомъ если послѣдователь Пиррона допускаетъ существованіе человѣка и то, что самъ онъ есть человѣкъ; а равнымъ образомъ если онъ и дѣйствительность своего сомнѣнія признаетъ, то чрезъ это онъ ясно даетъ понять намъ, что отъ сужденія объ истинѣ все-таки онъ значитъ нисколько не отрекается. Если обращаться къ нему съ вопросами, онъ отвѣчаетъ вамъ; слѣдовательно по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи онъ не сомнѣвается. Между тѣмъ слушайте, что говоритъ онъ: «Я сомнѣваюсь, чтобы было что либо истинное; а потому истинно ли что или ложно, отъ сужденія о семъ воздерживаюсь». Но если вы находите для себя невозможнымъ вообще составлять сужденія о чемъ либо, потому что ничего де нѣтъ въ семъ мірѣ достовѣрнаго, то прежде всего должны усумниться въ основательности самаго этого своего сомнѣнія и воздержанія отъ сужденій на этомъ основаніи. Достопріемлемымъ прикажете назвать это ваше сомнѣніе или нѣтъ? Или вотъ лучше будетъ съ Пирронянами говорить такъ: Представьте, что намъ слѣдуетъ рѣшить такой вопросъ: «Извѣстную теорію нужно признавать истинной или нѣтъ»? А мы отвѣчаемъ: «Нѣтъ возможности рѣшить этотъ вопросъ, потому что никѣмъ де ничего истиннаго не предлагалось». Но если это послѣднее положеніе вѣрно, то и само оно значитъ не можетъ утверждать собственной своей истинности и достовѣрности. Если же въ истинности и этого вашего утвержденія скептикъ усумнится, то тѣмъ самымъ онъ докажетъ, что истину знать возможно. Скептическая теорія сомнительности существующихъ въ мірѣ истинъ доказать не въ состояніи; а чрезъ это она саму себя изобличаетъ въ несостоятельности. Если же составленіе и высказыванье того или инаго сужденія представляетъ собою не иное что какъ расположенность къ принятію какого либо ученія или даже признаніе онаго, или—по другому пониманію — расположенность связывать взаимно и согласовывать между собою многія ученія и чрезъ то устанавливать точку зрѣнія вообще на міръ явленій; и если въ концѣ концовъ всѣ ученія сводятся къ единственной цѣли, къ правильному устроенію человѣческой жизни; далѣе, если каждое ученіе представляетъ собою извѣстнаго рода ассоціацію воспринятыхъ умомъ понятій; еще далѣе, если понятіе есть извѣстное состояніе души и настроенность ея: то значитъ не только скептическіе философы,—ни одного явленія въ мірѣ не признающіе достовѣрными, не говорящіе ни о чемъ съ увѣренностью, а лишь сдержанно и сужденій опредѣленныхъ ни о чемъ не высказывающіе,—но и философы положительные, догматисты,—началъ на коихъ они строятъ свои системы не изслѣдующіе, а просто считающіе ихъ за несомнѣнныя, въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣя обыкновеніе воздерживаться отъ сужденій,—дѣлаютъ то (вовсе не по

отсутствію въ мірѣ чего либо истиннаго), а или по причинѣ слабости своей судительной способности, что составляетъ общій удѣлъ и всѣхъ вообще людей, или же по неопредѣленности и неясности предмета, или же обращая вниманіе на равносильность доказательствъ за то или иное.

6. Родъ, видъ, различіе. Пользованіе ими въ опредѣленіяхъ.

Прежде чѣмъ опредѣлять, доказывать и различать, потрудитесь установить, насколько маперъ можно понимать данный вопросъ. Слѣдуетъ обсудить омонимы, различить синонимы и классифицировать ихъ съ точностью по ихъ отличительнымъ значеніямъ. Потомъ старайтесь изслѣдовать, подлежащій вашему обсужденію предметъ долженъ ли быть разсматриваемъ въ соотношеніи съ другими или же взятъ вами лишь самъ по себѣ и обсуженъ лишь по своему существу. Затѣмъ должны слѣдовать вопросы: Существуетъ ли онъ? Что это за предметъ? Какія свойственны ему акциденціи, или видоизмѣненія? Или,—что будетъ лучше:—Существуетъ ли онъ? Что это за предметъ? Почему онъ существуетъ? Именно знакомство съ частностями и съ чертами предмета общими и главными; именно обращеніе вниманія на черты выдающіяся, отличительныя, знаніе ихъ и различеніе однѣхъ отъ другихъ особенно много способствуетъ освѣщенію вопросовъ спорныхъ. Индукція возводитъ отъ частнаго къ общему и къ опредѣленію понатія, а различеніе ведетъ къ опредѣленію вида, къ уясненію субстанціи предмета, къ постиженію его индивидуальности. Разслѣдованіе же того, съ какихъ точекъ зрѣнія можно обсуждать данный предметъ, приводитъ насъ къ пониманію истиннаго его значенія; а сомнѣнія (возбуждаемыя акциденціями) приводятъ насъ къ пониманію того, чѣмъ причиняются самыя эти различія, коими одинъ предметъ отличается отъ другихъ; симъ же обстоятельствомъ вызываются и доказательства. Кромѣ того сомнѣніе способствуетъ постиженію предмета; и выводы при семъ хотя и ограничиваются извѣстными предѣлами, но число ихъ умножается. Познаніе же и истина представляютъ собою результатъ, составляемый изъ сихъ разнородныхъ элементовъ.

Общее сокращеніе различенія называется опредѣленіемъ. Потому опредѣленіе ставится или предъ раздѣленіемъ или послѣ онаго: передъ нимъ, когда оно дано согласіемъ сторонъ или предположено;—послѣ, когда оно уже посредствовано доказательствами и когда изъ этихъ отдѣльныхъ элементовъ, открытыхъ и дознанныхъ разумѣніемъ, извлекается общій выводъ. Началомъ и источникомъ индукціи состоитъ внутреннее чувство, и концомъ ея бываетъ обобщеніе. Индукція нисколько не объясняетъ, что такое предметъ; существуетъ онъ или несуществуетъ, вотъ область ея. Различеніе напротивъ показываетъ, что такое предметъ. Опредѣленіе равно какъ и различеніе учатъ насъ, что за сущность его и что за природа; до существованія же предмета имъ дѣла нѣтъ. Доказательство исполняетъ три обязанности; оно говоритъ о существованіи предмета, о коемъ идетъ рѣчь, о природѣ его и значеніи. Нѣкоторыя опредѣленія могутъ содержать въ себѣ также и причину. Такъ какъ познаніе возникаетъ не ранѣе опознанія нами причины, а причинъ существуетъ четыре,—матерія, движеніе (принципъ), форма, цѣль, — то отсюда и опредѣленій существуетъ четыре вида. Значитъ первѣе всего нужно понять родъ, заключающій въ себѣ всѣ субстанціи наиболѣе близкія къ высшей общности; за тѣмъ слѣдуетъ толковать и о различіяхъ наиболѣе къ сей общности близкихъ. Сцѣпленіе различій, мало по малу дѣля родъ и подраздѣляя, способствуетъ пополненію понятія о сущности предмета, или опредѣленію его. Однакоже совершенно нѣтъ никакой необходимости изображать всѣ отличія каждаго предмета; можно ограничиться лишь тѣми, по силѣ коихъ онъ относится къ извѣстному виду. Геометрическіе анализъ и синтезъ походятъ на различеніе (раздѣленіе) и опредѣленіе діалектики. Отъ различенія мы восходимъ къ существамъ, наиболѣе простымъ и благороднымъ. Мы дѣлимъ родъ подлежащаго нашему изслѣдованію пред-

мета на содержащіеся въ немъ главные его виды. Возьмемъ, напримѣръ, человѣка. Родовымъ понятіемъ состоитъ для него животное. Разлагаемъ оное на усматриваемые въ ономъ два вида, на смертное и безсмертное. И такъ роды, представляющіеся намъ сложными, постоянно подраздѣляя на болѣе простые ихъ виды, мы приближаемся къ искомому пункту, который уже не можетъ быть болѣе подраздѣленъ. Въ самомъ дѣлѣ, раздѣливъ животныхъ на смертныхъ и безсмертныхъ; затѣмъ смертныхъ опять на земныхъ и водныхъ; потомъ земныхъ на крылатыхъ и ходящихъ на ногахъ и т. д. продолжая до вида наиближайшаго къ искомому предмету и содержащему оный въ себѣ, мы посредствомъ этихъ послѣдовательныхъ разложеній дойдемъ до вида самаго простаго, не содержащаго въ себѣ уже ничего кромѣ того самаго предмета, о коемъ мы разсуждаемъ. Животныхъ, на ногахъ ходящихъ, мы раздѣляемъ на разумныхъ и неразумныхъ. Далѣе изъ всѣхъ этихъ видовъ, полученныхъ чрезъ дѣленіе, мы выбираемъ качества, наиболѣе и непосредственно относящіяся къ человѣку, объединяемъ ихъ въ одно предложеніе и опредѣляемъ человѣка такъ, что это есть животное смертное, земное, ходящее на двухъ ногахъ и одаренное разумомъ. Отсюда открывается, что дѣленіе играетъ роль матеріала, выслѣживая для опредѣленія простоту имени; опредѣленіе же, слагающее и упорядочивающее и посредствующее собою познаніе о томъ, что есть, представляетъ собою художника и творца. Истинныя опредѣленія суть опредѣленія не предметовъ и не идей, а субстанцій, общее понятіе о коихъ предносится нашему духу. Раскрытіе понятій о нихъ мы называемъ рѣчью истолковательной. Дѣленія же сихъ понятій о субстанціяхъ бываютъ различныя. Одно субстанцію, подлежащую дѣленію, дѣлитъ на виды; таковъ напр. родъ. Другое дѣлитъ ее на части; таково напр. цѣлое. Третье дѣлитъ ее на акциденціи, или модификаціи, видоизмѣненія. При раздѣленіи цѣлаго на части всего чаще имѣется въ виду величина. Раздѣленіе, обращающее вниманіе на акциденціи, никогда не можетъ объяснить собой все цѣлое, ибо необходимо, чтобы всякое существо имѣло тождественную самой себѣ субстанцію. Вотъ почему два эти раздѣленія не имѣютъ за собою авторитетности. Раздѣленіе единственно законное, это-то, которое раздѣляетъ родъ на виды; оно и въ родѣ и въ разнообразіи частныхъ его разностей слѣдитъ одинъ и тотъ же характеръ тождественности. Видъ всегда усматриваемъ въ какой либо одной изъ частей рода, не такъ однакоже, чтобы часть со своей стороны могла стать и видомъ. Напр. рука хотя и есть часть человѣка; но не видъ человѣка. Напротивъ родъ заключается въ видѣ. Напр. свойства животнаго въ одно и тоже время общи и человѣку и волу. Цѣлое же напротивъ не содержится въ своихъ частяхъ; напр. человѣкъ не заключенъ весь въ своихъ ногахъ. Значитъ видъ имѣетъ преимущество предъ частію. Все сказанное о родѣ можетъ имѣть отношеніе и къ виду. Хорошо усматривать родъ въ двухъ, если не трехъ видахъ. Раздѣленные виды, имѣя исходнымъ пунктомъ родъ, даютъ въ себѣ убѣжище и характеру тождества съ нимъ и различіямъ между собою. Тѣ, кои продолжаютъ раздѣляться, характеризуютъ себя свойствами общими. Въ самомъ дѣлѣ каждый изъ видовъ есть или субстанція; какъ напр. если мы говоримъ: Между существами одни имѣютъ тѣло, другія же безплотны; или же рѣчь идетъ о количествѣ, отношеніи, мѣстѣ, времени, дѣйствіи и состояніи.

Всему тому слѣдовательно, что знаемъ мы отчетливо и основательно, можно дать и опредѣленіе; равно какъ тотъ, кто,—до чего это ни доведись,—не въ состояніи о томъ ни понятія составить, не словеснаго опредѣленія тому дать, тотъ,—говоримъ,—не имѣетъ значитъ и познанія о семъ предметѣ. Отъ неумѣнья составить опредѣленіе происходитъ много сужденій сомнительнаго достоинства и вовсе ложныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если знающій предметъ имѣетъ о немъ понятіе и носитъ о немъ въ глубинахъ своей разумной души познаніе; то можетъ онъ и словесно выразить то, что онъ думаетъ; объясненіе имъ своей

мысли есть уже и определеніе ея; отсюда съ необходимостью слѣдуетъ, что человѣкъ знакомый съ предметомъ можетъ значитъ дать и опредѣленіе его. Къ опредѣленіямъ присоединяется еще аттрибутъ, играющій въ ономъ роль какъ бы герба какого, отличительнаго признака, примѣты. Слѣдовательно если прибавить къ опредѣленію человѣка еще такое предложеніе: «имѣющій способность смѣяться», то оно будетъ собой дополнять его и все это опредѣленіе будетъ звучать такъ: «Человѣкъ есть животное разумное, смертное, земное, ходящее на двухъ ногахъ, одаренное способностью смѣяться». Аттрибуты, вводимые въ опредѣленіе, сказываютъ объ отличительныхъ признакахъ предмета, но сущности самыхъ вещей они не обозначаютъ. Отличительный признакъ, какъ единогласно признается, сообщается индивидууму его особенностью, которая спеціально его отличаетъ отъ другихъ всѣхъ предметовъ, потому что она одному ему только свойственна и для всѣхъ очевидна. Необходимо значитъ, чтобы въ опредѣленіяхъ родъ принимаемъ былъ за нѣчто главное и основное. Въ опредѣленіяхъ длинныхъ субстанція и природа предмета открываются изъ цѣлаго ряда видовъ, въ свою очередь открываемыхъ чрезъ десять категорій; въ короткихъ же сущность и природа его указывается главными видами, выбираемыми изъ смежныхъ. И все-же и кратчайшее опредѣленіе должно слагаться по крайней мѣрѣ изъ трехъ частей: рода и двухъ необходимѣйшихъ видовъ. Происходитъ же это чрезъ сокращеніе. Итакъ опредѣленіе человѣка сводимъ къ такому: «Человѣкъ есть животное, способное смѣяться». Потомъ нужно присоединить къ этому главный изъ случайныхъ признаковъ опредѣляемаго предмета или частный его аттрибутъ, или же его спеціальное дѣятельное состояніе или же нѣчто изъ остальныхъ его признаковъ. Слѣдовательно опредѣленіе, обязанное толковать о сущности предмета, какъ будто не можетъ въ точности обнять его природы. А если такъ, то что же оно дѣлаетъ? Посредствомъ названія главныхъ видовъ оно обнаруживаетъ сущность предмета, подходитъ уже близко къ познанію ея чрезъ указаніе свойственныхъ предмету качествъ.

7. О причинахъ, по коимъ не довѣряются собственнымъ сужденіямъ и объ основаніяхъ къ прекращенію ихъ.

По двумъ главнымъ причинамъ отказываются отъ продолженія разсужденій и прекращаютъ оныя. Первая коренится въ разносторонности и неустойчивости ума человѣческаго. Самая природа его какъ будто такова, что онъ осужденъ ею или на постоянное разногласіе съ другими или же на то, чтобъ не походить ему самому на себя. Вторая причина сомнѣній и отреченія отъ сужденій заключается въ разницѣ, существующей между предметами. Вслѣдствіе этого взаимнаго разногласія ихъ не въ состояніи будучи ни вѣрить во всѣ видимые нами предметы, ни возможности не имѣя и отказать въ признаніи всѣхъ ихъ, потому что тогда выходило бы, что не нужно вѣрить и этому положенію: «ничему не нужно вѣрить», такъ какъ оно составляетъ часть всего; а равнымъ образомъ не въ состояніи будучи по причинѣ одинаковости мотивовъ, говорящихъ въ пользу и той и другой изъ двухъ сторонъ, и вѣрить въ извѣстныя вещи, отказавъ въ признаніи нѣкоторымъ другимъ, ни невѣрить: мы принуждены бываемъ по всему этому воздерживаться отъ нашей рѣшимости. Изъ двухъ же главныхъ этихъ причинъ, по коимъ мы отсрочиваемъ актъ рѣшимости, порождаемая неустойчивостью мысли производитъ собою разногласіе. Оно-то и состоитъ причиною сомнѣнія и прекращенія всѣхъ разсужденій. Отсюда-то и проистекаетъ, что жизнь наша наполнена судилищами, собраніями; поэтому-то и заняты мы выборомъ того или инаго изъ такъ называемыхъ благъ и золъ: все это суть свидѣтельства далеко недвумысленныя за неустойчивость ума, слабость котораго колеблется между предметами, другъ другу противорѣчущими и себя взаимно отвергающими. Отсюда-то всѣ эти библіотеки, наполненныя книгами;—различныя школы;—эти споры съ криками ученыхъ и неученыхъ, исповѣдующихъ

противуположныя ученія и другъ друга убѣждающихъ въ томъ, что истина на ихъ сторонѣ.

8. Методъ, коимъ какъ самые предметы, такъ и понятія о нихъ, выражаемыя именами, могутъ быть сводимы къ нѣкоторымъ категоріямъ.

Есть три вещи (*) относительно словъ языка, подлежащія разсмотрѣнію. Первѣе всего слова служатъ представителями понятій, а потомъ предметовъ. Вовторыхъ понятія суть напоминанія о предметахъ и съ нихъ отпечатки. Оттого-то мысли у всѣхъ людей одинаковы: существующіе предметы на всѣхъ производятъ одно и тоже впечатлѣніе своею формою и одинаковымъ типомъ. Но не льзя того-же самаго сказать и относительно именъ предметовъ, такъ какъ есть различные языки. Въ третьихъ наконецъ есть вещи, собою возбуждающія въ насъ извѣстныя мысли. Грамматикой всѣ наименованія предметовъ сводятся къ 24 общимъ элементамъ (буквамъ). Число элементовъ и дѣйствительно должно быть ограниченное и они должны имѣть опредѣленный характеръ; иначе предметы по своей безчисленности ускользали бы отъ познанія. Особенность науки состоитъ въ томъ, что она опирается на положенія до всеобъемлемости общія и опредѣленныя (**). И вотъ почему положенія частныя сводятся къ общимъ. Изслѣдованіе же въ частности философское начинаетъ съ разсудочныхъ понятій и съ субстанцій, на лицо находящихся. Такъ какъ число этихъ частныхъ субстанцій простирается до безконечности, то и свели ихъ къ нѣсколькимъ первостепеннымъ элементамъ, подъ кои и подводится предметъ искомый, каковъ бы онъ ни былъ. Если оказывается, что онъ подводимъ подъ одно или подъ нѣкоторыя изъ этихъ элементарныхъ понятій, то бытіе его мы утверждаемъ. Если же подъ эти разсудочныя понятія онъ не подводимъ, то мы объявляемъ, что его и не существуетъ. Въ человѣческомъ языкѣ слова употребляются или во взаимной связи или же безъ соотношенія другъ съ другомъ. Они поставлены во взаимной связи, когда говоримъ мы напр. такъ: «Человѣкъ бѣжитъ; человѣкъ побѣждаетъ». Они употреблены безъ всякой связи напр. въ слѣдующемъ примѣрѣ: «Человѣкъ, волъ, бѣжитъ, побѣждаетъ». Здѣсь ничего нѣтъ, что образовывало бы рѣчь связную и которая по отношенію къ истинѣ или заблужденію ею содержимымъ отличалась бы нѣкоторой послѣдовательностью или упорядоченностью. Словами, употребленными внѣ взаимнаго другъ съ другомъ соотношенія, обозначается лишь сущность, или субстанціи; иными изъ нихъ обозначается качество; еще иными количество; нѣкоторыми—отношеніе; за тѣмъ и далѣе другими—мѣсто; опять другими—время; снова иными—состояніе; другими—принадлежность; наконецъ еще иными—дѣятельность; еще другими—какое либо пассивное состояніе. Таковы элементарныя понятія о сущностяхъ тѣлесныхъ; они сводятся къ извѣстнымъ принципамъ. Постигаемы же могутъ быть эти принципіальныя понятія лишь разсудкомъ. Субстанціальность же предметовъ по ея нематеріальности можетъ быть постигаема лишь возвышеннѣйшимъ умозрѣніемъ. Изъ субстанцій, подводимыхъ подъ одну изъ десяти категорій, однѣ самобытны, какъ напр. девять порядковъ категорій (въ частяхъ рѣчи); другія же относятся къ какому либо объекту. Съ другой стороны изъ субстанцій, подводимыхъ подъ ту или иную изъ десяти категорій, однѣ синонимичны, какъ напр. волъ и человѣкъ, такъ какъ оба они суть животныя. Синонимичны же два предмета, понимаемыхъ подъ однимъ общимъ наименованіемъ, напр. животнаго; значеніе и опредѣленіе сихъ предметовъ въ этомъ отношеніи одно и тоже, т. е. существа одушевленнаго. Гетеронимы состоятъ

(*) т. е. предметы, понятія о нихъ и слова, коими выражаются тѣ понятія. Слова представляютъ собой понятія о предметахъ; понятіями же представляются вещи. И вещи и понятія о нихъ между собою тождественны, слова же различны. Аристотель «De interpretatione» гл. 1: «Какъ литеры неодинаковы у всѣхъ, такъ и слова. Душевныя же состоянія, которыхъ знаками состоятъ слова, у всѣхъ одинаковы. Одинаковы же и вещи, которыхъ тѣ душевныя состоянія (понятія) состоятъ знаками.

(**) Срав. Аристот. Analyt. poster. I, 4.

въ различныхъ для одного и тогоже понятія наименованіяхъ: таковы напр. восхожденіе и нисхожденіе, такъ какъ восходимъ ли мы или нисходимъ, все равно это путь мы держимъ. Есть и другой видъ гетеронимовъ; напр. лошадь и черный. Здѣсь и наименованіе предмета и эпитетъ другъ другу чужды и не необходимы въ одномъ и томъ же субъектѣ. Потому-то болѣе подходящимъ дѣломъ будетъ назвать слова эти не гетеронимами, а скорѣе совершенно чуждыми другъ другу, связи между собой не имѣющими. Поліонимы, это-тѣ слова, кои подъ различными наименованіями содержатъ одно и тоже понятіе; таковы напр.: мечъ, палашъ, сабля. Имена нарицательныя получаютъ свое имя отъ другаго имени; такъ напр. «мужественный» происходитъ отъ «мужество». Омонимами называются слова, которыя лишь по звуковому своему составу одинаковы, смыслъ же кои имѣютъ различный; напр. и человѣкъ живой и нарисованный одинаково выражаютъ собою понятіе о животномъ. Между омонимами однимъ принадлежитъ одинаковое значеніе совершенно случайно; такъ напр. Аяксъ Локрянинъ и Аяксъ Саламинянинъ; другіе же изъ омонимовъ употребляются съ одинаковымъ значеніемъ преднамѣренно. Изъ этой послѣдней категоріи омонимовъ въ основѣ однихъ лежитъ дѣйствительное сходство; напр. словомъ «человѣкъ» обозначается одновременно и живое существо и изображеніе его въ живописи. Другія же изъ омонимовъ основаны на полной аналогіи и взаимномъ согласіи какъ напр. «подошва горы Иды» (Ил. XX, 57) и «подошва человѣка», потому что подошвой вообще называется нижняя часть. Другіе изъ омонимовъ обусловливаются дѣйствіемъ, ими производимымъ; какъ напр. «ноги» корабля (весла), приводящія оный въ движеніе и «ноги» человѣка, служащія для него орудіемъ передвиженія. Называютъ также омонимами вещи, употребляемыя однимъ и тѣмъ же человѣкомъ для одной и той же цѣли; таковы напр. «медицинскій ножикъ» и «книга», потому что въ своемъ лечебномъ искуствѣ врачъ пользуется и тѣмъ и другимъ для одной и той же цѣли леченья.

9. О различии родовъ.

Изъ причинъ однѣ называются предначинательными; другія постоянными, или дѣйствующими; третьи—вспомогательными; четвертыя—причинами sine quibus non. Причина предначинающая, это-та, которая первѣе всѣхъ другихъ случай даетъ къ возникновенію чего либо. Такъ напр. видомъ красоты возбуждается пламя пожеланія въ сердцѣ невоздержнаго; она производитъ движеніе эротическое, но вовсе не необходимое и не непремѣнное. Причина постоянная, это та, которую греческая синонимика называетъ еще постоянно, самостоятельно и съ полною силою дѣйствующей, ни отъ какой другой независимою, т. е. оказывающею свое дѣйствіе и безъ содѣйствія другой причины, по себѣ самой. Далѣе слѣдуетъ разъяснить ученику различіе этихъ причинъ на примѣрахъ. Напр. отецъ есть причина ученія предначинательная; учитель же дѣйствующая; способности учащагося причина вспомогательная; и наконецъ время играетъ роль причины sine qua non. Собственно причиной называется все то, что способно оказать какое либо дѣйствіе. Такъ желѣзо способно рѣзать не тогда только, когда рѣжетъ, но и когда не рѣжетъ. Итакъ причина потенціальная, т. е. способная что либо произвесть, означаетъ одновременно и то, что дѣйствуетъ и то, что еще не дѣйствуетъ, но все-таки имѣетъ силу дѣйствовать.

По мнѣнію однихъ причины исходятъ изъ тѣлъ; по мнѣнію же другихъ—изъ предметовъ невещественныхъ. Иные же даютъ названіе причины только матеріи въ собственномъ смыслѣ. Если, — добавляютъ они, — и усвояется причинамъ нѣчто безтѣлесное, то только по злоупотребленію языка, въ смыслѣ несобственномъ, чтобы указать основаніе какого либо дѣйствія. Иные же опять говорятъ совершенно противуположное этому, называя истинными причинами субстанціи безтѣлесныя, нематеріальныя. Только въ смыслѣ несобственномъ тѣла можно считать за причины. Возьмемъ напр. рѣзанье. Оно, и будучи реализируемо, все-таки остается нематеріальнымъ и тѣмъ не

менѣе дѣйствующимъ въ качествѣ причины на вещи матеріальныя: на лезвіе рѣжущее, которое производитъ это дѣйствіе, представляющее собою нѣчто нематеріальное, и на разрѣзываемый предметъ, оказывающійся вслѣдствіе сего дѣйствія разрѣзаннымъ. Причина дѣйствуетъ подъ тремя различными видами. Есть напр. ваятель, обсѣкающій глыбу мрамора: ваятель причина статуи; является изъ подъ руки его то, чего онъ состоитъ причиною, т. е. изсѣченная статуя; въ третьихъ есть тутъ мраморъ, имъ въ дѣло употребленный: мраморъ въ нѣкоторомъ родѣ есть причина статуи. Стать разрѣзаннымъ и быть разрѣзываемымъ, эти два явленія, представляя собою результаты дѣйствій, имѣютъ для себя въ дѣйствіяхъ причины нематеріальныя. И вотъ почему есть причины категорій или—говоря выраженіями Клеанѳа и Архедема — словъ, т. е. понятій, которыя (какъ напр. пространство и время) имѣютъ лишь формальное (а не субстанціальное) значеніе. Или скажемъ лучше: Однѣ изъ причинъ должны быть называемы причинами категорій, т. е. степеней, на кои раздѣляются наши мысли или чисто формальными; такъ напр. «оно разрѣзывается», это будетъ состояніемъ чисто формальнымъ, по отношенію къ которому «быть разрѣзаннымъ» представляется состояніемъ случайнымъ. Другія же изъ состояній будутъ состояніями афористическими, или въ дальнѣйшихъ доказательствахъ не нуждающимися; какъ напр. «корабль построенъ», по отношенію къ какому явленію случайнымъ будетъ «корабль строить».

Аристотель называетъ именемъ все, что относится къ соотвѣтственному роду: домъ, храмъ, обжогъ, порѣзъ. Что же касается до падежей, т. е. формъ словесныхъ, то ими конечно выражается нѣчто нематеріальное; этотъ пунктъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Вотъ почему софизмъ этотъ разрѣшается такъ: Слово, вами произнесенное, проходитъ чрезъ уста ваши, это вѣрно; но если рѣчь идетъ о домѣ какъ словѣ, выражающемъ извѣстное понятіе, а кто либо утверждаетъ, что «домъ» проходитъ чрезъ ваши уста, то это невѣрно. Мы говоримъ не о домѣ, представляющемъ собраніе камней и нѣкотораго рода тѣло, а выражаемъ понятіе о домѣ словомъ и въ извѣстномъ грамматическомъ падежѣ сего послѣдняго, разсматриваемомъ какъ нѣчто нематеріальное. И объ архитекторѣ когда говоримъ, что онъ строитъ (хотя самъ онъ лично не строитъ), то говоримъ это съ отношеніемъ къ тому, что изъ подъ его рукъ выйдетъ. Точно такъ же мы говоримъ: Плащъ тчется, ибо дѣйствующее обозначается дѣйствіемъ. То, что дѣйствуетъ на что либо, не другаго чего либо, а именно этого причиной и состоитъ, на что оно дѣйствуетъ; такъ здѣсь тканье состоитъ причиной плаща, строеніе дома. Но поколику эти дѣйствія состоятъ причиною происхожденія сихъ предметовъ, то по этому самому состоитъ дѣйствіе причиной и вообще происходимости. Но на томъ же основаніи, что есть нѣчто состоящее причиною, состоитъ то и дѣйствующей причиной и причиною производящею нѣчто, т. е. причина дѣйствующая и причина, въ силу которой предметъ существуетъ, суть одна и таже причина. И если что состоитъ такою причиною, которая есть и дѣйствующая причина, то она сливается съ причиною, въ силу которой предметъ существуетъ. Но изъ того, что одна вещь существуетъ по силѣ другой, не слѣдуетъ еще, что эта другая причина всецѣло есть причина дѣйствующая.

Въ самомъ дѣлѣ много есть вещей, издалека содѣйствующихъ какой либо конечной цѣли, хотя изъ за этого еще не льзя ихъ всѣ назвать причинами дѣйствительными. Медея напр. не задушила бы своихъ дѣтей, еслибы не была ослѣплена гнѣвомъ; а она не была бы ослѣплена гнѣвомъ безъ яда ревности; ядъ ревности не терзалъ бы ея сердца, если бы она не любила; еслибы она не любила, Язонъ не отплылъ бы на своемъ кораблѣ въ Колхиду; Язонъ не направилъ бы своего корабля въ Колхиду, еслибъ корабль Арго не былъ построенъ; онъ не былъ бы построенъ, еслибъ на высотахъ Пеліона не были срублены для него деревья. Всѣ эти обстоятельства, изъ которыхъ проистекло наконецъ убіеніе дѣтей Ме-

деею, тѣмъ не менѣе не суть причины рѣшительныя. Одна Медея—причина его. Вотъ почему того, что не препятствуетъ, не льзя назвать дѣйствіемъ. Слѣдовательно то, что не препятствуетъ, не есть причина; не препятствующее состоитъ обстоятельствомъ, лишь попускающимъ дѣйствіе: ибо причина усматривается только въ исполненіи чего либо и въ чьей либо дѣятельности. Кромѣ того что не препятствуетъ, отдѣлено отъ происходящаго, тогда какъ причина находится въ близкомъ отношеніи къ тому, что случается; значитъ то, что не препятствуетъ, не можетъ быть причиною, а совершается дѣйствіе потому, что тотъ, кто могъ бы помѣшать, отказывается отъ дѣйствія. Есть четыре вида причинъ: дѣйствующая, какъ напр. ваятель, производящій статую; матеріальная, это—вещество, изъ котораго дѣлается она; формальная, это—характеръ, принимаемый ею; конечная—слава изображаемаго статуей гимназіарха. Бронза, или другое вещество, представляющее собою элементъ для существованія статуи необходимый, sine qua non статуя, также есть причина. Ибо все, безъ содѣйствія чего дѣйствіе невозможно, непремѣнно есть причина, если не абсолютная и въ себѣ самой и постоянно содержащая свое дѣйствіе, то по крайней мѣрѣ вспомогательная. Все дѣйствующее производитъ дѣйствіе, а предметъ способный къ воспринятію дѣйствія испытываетъ оное. Причина есть нѣчто опредѣляющее и устрояющее, но всякій предметъ испытываетъ извѣстное дѣйствіе соотвѣтственно своей предрасположенности къ тому отъ природы, ибо свойства также способствуютъ дѣйствію и занимаютъ мѣсто eorum необходимыхъ элементовъ, sine quibus non. Безъ содѣйствія способности предмета значитъ и причина недѣйствительна. Тѣмъ не менѣе эта способность предмета принимать воздѣйствіе не есть причина, а только вспомогательное средство. Въ самомъ дѣлѣ всякая причина содержитъ въ себѣ понятіе о дѣйствіи. Земля не произвела бы саму себя; слѣдовательно причина не можетъ быть причиною самой себя. Говорить, что не огонь, а дерево причиняетъ горѣніе; что не мечъ, а тѣло причиняетъ порѣзъ; что атлетъ въ борьбѣ одерживаетъ верхъ не надъ силами противника, а надъ своей собственной слабостью, это смѣшно. Причина, въ себѣ самой и постоянно содержащая свое дѣйствіе, не нуждается во времени; начните прижигать кожу и этимъ сей часъ же возбудите въ ней чувство боли. Что же касается причинъ предначинательныхъ или предуготовительныхъ, то однѣ изъ нихъ нуждаются во времени, чтобы дѣйствіе ихъ совершилось: другія же въ немъ не нуждаются, какъ напр. случай перелома чего либо. Объяснимся однакоже. Причины эти называются дѣйствующими безъ промежутка времени не столько потому, что для нихъ не нужно времени для развитія, сколько потому, что онѣ нуждаются для того въ очень маломъ срокѣ времени. Тоже самое слѣдуетъ сказать и касательно слова «вдругъ»: оно вовсе не означаетъ того, что дѣйствіе послѣдовало непосредственно за причиною.

Всякая причина, взята будучи сама по себѣ, понимается только въ качествѣ производящей дѣйствіе или на чемъ нибудь обнаруживающейся. Напр. рѣжущимъ лезвіемъ производится дѣйствіе рѣзанья; это дѣйствіе на чемъ либо обнаруживается, т. е. на предметѣ, должнымъ образомъ предрасположенномъ къ тому; напр. огонь обнаруживаетъ свое дѣйствіе на деревѣ; ибо огонь не сожжетъ алмаза (*). Причина всегда относится къ другому предмету. Понятіе о ней можно составить только по этому виду сродства съ другимъ предметомъ. Для того, чтобъ понять намъ причину въ качествѣ таковой, необходимо, чтобы два предмета взаимно другъ на друга вліяли. Тоже самое имѣетъ приложеніе къ художнику, исполнителю чего либо, отцу. Причина въ отношеніи себя самой не есть причина; подобно тому какъ человѣкъ не можетъ быть своимъ собственнымъ отцомъ; иначе первое стало бы вторымъ. Причина дѣйственна; она вызываетъ собой впечатлѣніе. А производимое причиною находится въ состояніи пассивномъ и только воспринимающемъ

(*) Срав. Стром. VII въ концѣ гл. 11-й.

впечатлѣніе. Одинъ и тотъ же предметъ относящееся къ нему дѣйствіе не можетъ одновременно и дѣятельно воспринимать и пассивно; точно такъ же какъ не льзя въ одно и то же время быть и отцомъ и сыномъ Сверхъ того причина по отношенію къ производимому ею дѣйствію съ необходимостью имѣетъ за собою давность существованія. Необходимо. чтобы лезвіе существовало ранѣе раны. Одинъ и тотъ же предметъ въ качествѣ причины не можетъ существовать ранѣе матеріи и позже ея въ качествѣ слѣдствія причины. Есть громадная разница между быть и стать. Итакъ причина есть причина того, что начинаетъ существовать; такъ отецъ есть причина сына. Невозможно дѣйствительно, чтобы одна и таже вещь, какъ тождественная самой себѣ, въ одно и тоже время и была и становилась. Ничто значитъ для себя самого не есть причина. Причины не однѣ отъ другихъ происходятъ взаимно, а однѣ для другихъ существуютъ взаимно Такъ предварительная болѣзнь селезенки не есть причина лихорадки, но того только причина, что наступаетъ лихорадка; а предшествующая лихорадка не есть причина селезеночной болѣзни, а того только, что болѣзнь можетъ усиливаться. Такъ добродѣтели своими взаимными послѣдствіями сцѣпляются въ неразрѣшимый узелъ (*). Такъ камни, образующіе сводъ, другъ друга держатъ на своихъ мѣстахъ; но они вовсе не состоятъ причинами одни другихъ. Учитель и ученикъ по этой логической категоріи состоятъ взаимно другъ для друга причиной успѣха. Случается иногда, что причины взаимно производятъ другъ на друга одинаковое дѣйствіе; такъ напр. купецъ и трактирщикъ доставляютъ другъ другу прибыль. Въ другихъ случаяхъ причинами, дѣйствующими другъ на друга, производятся дѣйствія различныя. Таковы напр. мечъ и тѣло. Мечъ дѣйствуетъ на тѣло, разрѣзывая его; тѣло же на мечъ дѣйствуетъ, производя собой, что тотъ рѣжетъ. Вполнѣ справедливо сказано: око за око; жизнь за жизнь. Въ самомъ дѣлѣ нападающій, нанесши жертвѣ смертельный ударъ, состоитъ для нея прямой причиной смерти или по крайней мѣрѣ того, что можетъ послѣдовать смерть. Но нападающій. въ свою очередь смертельно раненый жертвою, также имѣетъ въ лицѣ ея причину. но противуположнымъ образомъ и на другомъ основаніи. Онъ былъ для жертвы причиною смерти; но не смерть наноситъ ему смертельный ударъ, а самъ раненый; сражавшись одинъ подѣйствовалъ на другаго въ качествѣ причины; но другой сталъ для него самого причиною. И обидѣвшій состоитъ причиною по отношенію къ тому, кому онъ причинилъ вредъ. Напротивъ законъ, осуждающій злодѣя на казнь, не есть причина насилія и преступленія: одному оказываетъ онъ справедливость и отмщеніе; другаго же исправляетъ и наставляетъ. Слѣдовательно причины не порождаютъ другъ друга; онѣ остаются въ состояніи причинъ простыхъ, несложныхъ.

Спрашиваютъ кромѣ того: Соединенныя силы становятся ли многосложными причинами одного дѣйствія. Нѣсколько человѣкъ, которые общими силами тащатъ судно, состоятъ причиной того, что оно подвигается впередъ; это правда. Но причиной они состоятъ вмѣстѣ съ другими; развѣ только не захотите вы причину содѣйствующую назвать тождественною вообще съ причиною. По мнѣнію же нѣкоторыхъ другихъ причины хотя и многочисленны, но одна лишь какая либо причина, взятая въ отдѣльности. состоитъ причиной и притомъ дѣйствія только одного. Такъ напр. добродѣтели, число которыхъ велико, порождаютъ собою счастіе, которое едино. Тоже самое можно сказать напр. о разгоряченности, о печали: ихъ производятъ многія причины. Но что же? Разнообразныя добродѣтели, все что разгорячаетъ или все чѣмъ боль причиняется, развѣ все это имѣетъ только одно дѣйствіе? Развѣ вѣрно то, что всѣмъ множествомъ добродѣтелей, которое по отношенію къ роду представляетъ собою нѣчто единое, развѣ вѣрно, что онымъ производится только одно дѣйствіе, а именно счастіе?

(*) Срав. Стром. II, 9.

Достовѣрно по крайней мѣрѣ то, что причины предначинающія, или предварительныя, разсматриваемыя въ ихъ родѣ и видѣ, хотя ихъ и много, производятъ собою только одно дѣйствіе: въ родѣ, какъ напр. всякій видъ болѣзни, простуда, сухотка, надсада, пьянство, желудочныя боли; въ ихъ видѣ, напр. лихорадка. Напр. если отъ кого пріятно пахнетъ, то по отношенію къ роду пріятный запахъ есть нѣчто единое; со стороны же вида есть много причинъ, могущихъ этому способствовать, напр. ладонъ, роза, шафранъ, росной ладонъ, смирна и различныя другія благовонія. Но есть разница между однимъ запахомъ и другимъ: роза не такъ сильно пахнетъ какъ смирна. Иногда одна и таже причина производитъ противуположныя дѣйствія, что зависитъ иногда отъ величины и силы самой причины, иногда же отъ способностей или расположеній предмета, испытывающаго дѣйствіе. Мы говоримъ: Произведеніе одною и тою же причиною противуположныхъ дѣйствій иногда зависитъ отъ силы самой причины. Такъ одна и таже струна, смотря по большей или меньшей степени ея натянутости, издаетъ звукъ или рѣзкій или низкій. Во вторыхъ произведеніе одной и той же причиною дѣйствій противуположныхъ зависитъ отъ свойствъ предмета, на который причина дѣйствуетъ. Медъ напр. представляетъ собою для желудка здороваго сладкій сокъ; но онъ кажется горькимъ больному, мучимому лихорадкой. Одно и тоже вино одного раздражаетъ, другому развязываетъ языкъ и у него вызываетъ веселое настроеніе духа. Однимъ и тѣмъ же солнечнымъ лучомъ воскъ растопляется, а грязь сушится.

Изъ числа причинъ однѣ ясны для глазъ, другія же усматриваются лишь разумомъ; однѣ неясны, другія же могутъ быть постигнуты на пути заключеній. Между причинами неясными однѣ оказываются затемненными только на время; тайныя и загадочныя въ извѣстное время, чрезъ нѣкоторый промежутокъ времени онѣ открываются. Другія же остаются неясными въ силу самой природы своей; такъ онѣ и остаются покрытыми вѣчнымъ сумракомъ. Нѣкоторыя изъ причинъ сей послѣдней категоріи однакоже умозрѣніемъ постижимы. Потому-то нѣкоторые изъ философовъ не рѣшаются называть ихъ причинами неясными, такъ какъ путемъ разсудка можно дойти до открытія ихъ, до постиженія ихъ путемъ общихъ пресумпцій. Таковъ напр. параллелизмъ двухъ сомнительныхъ вопросовъ; но умозрѣніе проникаетъ и чрезъ оный. Нѣкоторыя же другія причины, оставаясь постоянно недоступными пониманію, называются окончательно неясными. Однѣ изъ нихъ состоятъ предуготовительными, другія же постоянно и самостоятельно дѣйствующими; иныя совмѣстно дѣйствующими, другія же только вспомогательными. Однѣ сказываются въ дѣйствіяхъ соотвѣтствующихъ ихъ природѣ; другія же въ несогласныхъ съ ней. Однѣ смотря по обстоятельствамъ отражаются болѣзнями; иныя же въ различной степени и по мѣрѣ интенсивности ихъ впечатлѣніями; дѣйствіе другихъ зависитъ отъ времени и обстоятельствъ. Уничтожьте причину предварительную: дѣйствіе ея тѣмъ не менѣе останется. Но не льзя того же сказать о причинѣ постоянно дѣйствующей: существуетъ она, существуетъ и дѣйствіе; уничтожена она, исчезаетъ и дѣйствіе. По синонимикѣ причина дѣйствующая называется еще причиною самостоятельною, независимою, дѣйствующею самою по себѣ, потому что она внутри себя самой содержитъ достаточное основаніе для дѣйствія. Если причиною подобнаго рода означается вслѣдствіе присущей ей внутренней силы дѣйствіе полное, то причина вспомогательная обозначаетъ собою дѣйствіе служебное, выполняемое при содѣйствіи постороннемъ. Еслиже она нисколько не способствовала бы дѣйствію, то не называлась бы и вспомогательной. Напротивъ если дѣйствуетъ она хотя отчасти, то будетъ въ нѣкоторой степени причиною дѣйствія, ибо благодаря ей оно выполняется. Значитъ причина будетъ вспомогательной, если дѣйствіе совершается вслѣдствіе присутствія ея, дѣйствіе очевидное при очевидности причины и неясное при неясности ея. Причина соучаствующая входитъ

въ категорію причинъ точно такъ же, какъ напр. собрать по оружію или по возрасту дѣлается солдатомъ или сверстникомъ, товарищемъ кому либо. Причина вспомогательная помогаетъ причинѣ дѣйствующей, удвоивая дѣйствіе ея. Понятіе же о причинѣ сосуществующей не заключаетъ въ себѣ ничего подобнаго, потому что могутъ быть причины сосуществующія, а причинами дѣйствующими все-таки не быть. Такое имя причинѣ сосуществующей дается потому, что она сама по себѣ какого либо дѣйствія произвесть не въ силахъ; причиною она можетъ быть въ связи только съ какой либо другою причиною. Причина вспомогательная отличается отъ соучаствующей или сосуществующей тѣмъ, что послѣдняя дѣйствуетъ совмѣстно съ другою, которая въ отдѣльности и одиново не произвела бы даннаго дѣйствія; первая же напротивъ, въ отдѣльности будучи неспособна произвесть дѣйствіе, когда присоединяется къ причинѣ дѣйствующей и самостоятельной, то увеличиваетъ силу дѣйствія ея. Если вы хотите усилить интенсивность извѣстной причины, то вамъ стоитъ только причину прокатарктическую (предварительную, предначинательную) превратить во вспомогательную (*).

(*) Какъ открывается изъ предисловій и епилоговъ къ прежнимъ книгамъ сей книгѣ многаго недостаетъ. А равнымъ образомъ сомнительно, чтобъ эта VIII книга и послѣднею Строматъ была. Многое въ прологахъ къ прежнимъ книгамъ было обѣщано, о чемъ здѣсь не было толкуемо.—

СОДЕРЖАНІЕ.

Книга вторая.

Книга третья.

Книга четвертая.

Столбецъ.

Книга пятая.

Столбецъ.

Книга шестая.

Книга седьмая.

Книга восьмая.

2010517058